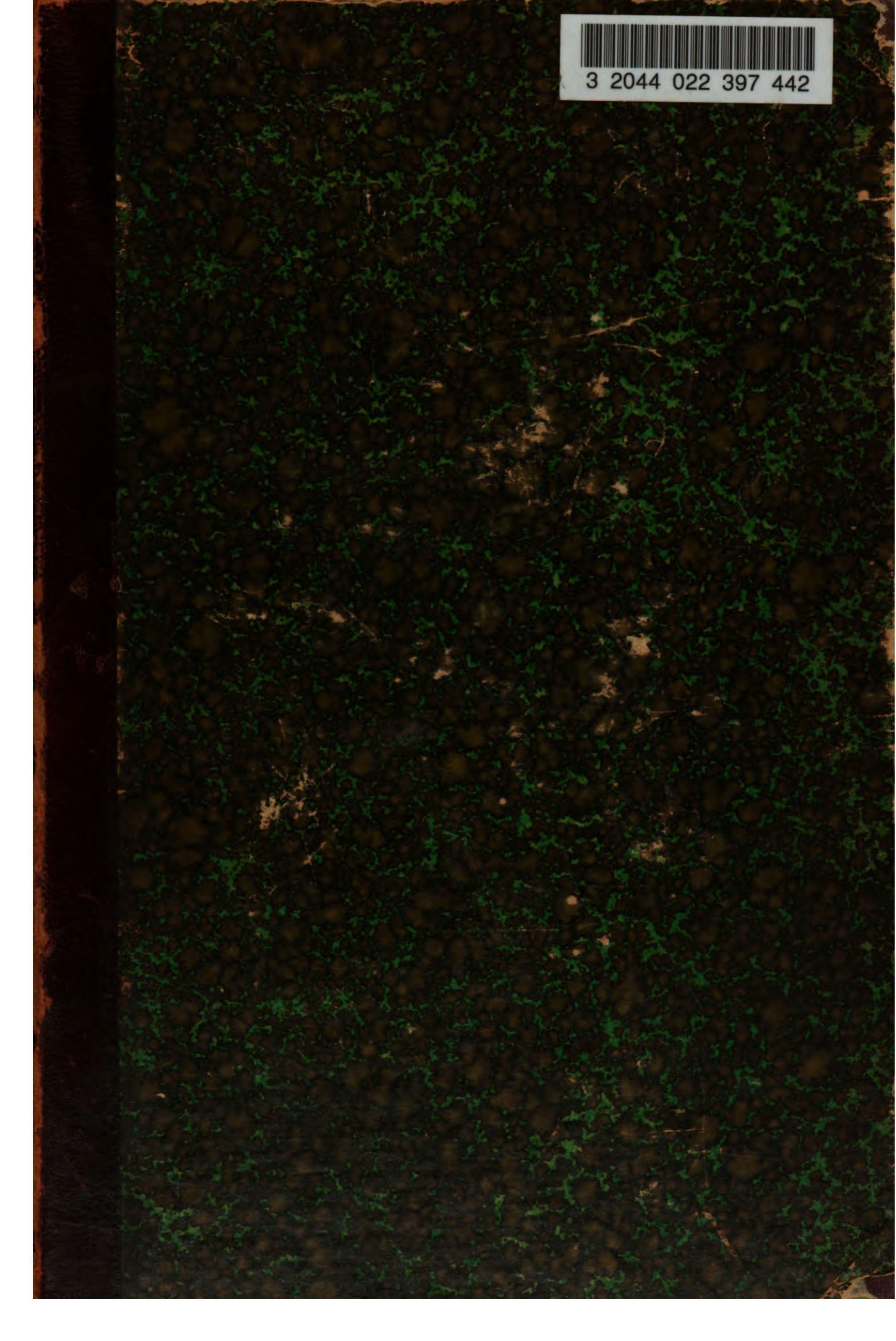

VE RI
TAS

Годъ XV-й. №8-й

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ПОЛИТИЧЕСКІЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АВГУСТЪ.

1906 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція журнала „МІРЪ БОЖІЙ", Разъѣзжая, 7.
1906.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

РѢКА ЖИЗНИ.

Хозяйская комната въ номерахъ «Сербія». Желтые обои; два окна съ тюлевыми грязными занавѣсками; между ними раскосое овальное зеркало, наклонившись подъ угломъ въ 45 градусовъ, отражаетъ въ себѣ крашеный полъ и ножки креселъ; на подоконникахъ пыльные, бородавчатые кактусы; подъ потолкомъ клѣтка съ канарейкой. Комната перегорожена красными ситцевыми ширмами. Меньшая, лѣвая часть—это спальня хозяйки и ея дѣтей, правая же тѣсно заставлена всякой случайной разнофасонной мебелью, просиженной, раскоряченной и хромоногой. По угламъ комнаты свaленъ безпорядочно всяческій, покрытый паутиной хламъ: астролябія въ рыжемъ кожаномъ чехлѣ и при ней тренога съ цѣпью, нѣсколько старыхъ чемодановъ и сундуковъ, безструнная гитара, охотничьи сапоги, швейная машина, музыкальный ящикъ «Монопанъ», фотографическій аппаратъ, штукъ пять лампъ, груды книгъ, веревки, узлы бѣлья и многое другое. Всѣ эти вещи были въ разное время задержаны хозяйкой за неплатежъ или покинуты сбѣжавшими жильцами. Отъ нихъ въ комнатѣ негдѣ повернуться.

«Сербія»—гостинница третьяго разбора. Постоянные жильцы въ ней рѣдкость, и тѣ—проститутки. Преобладаютъ случайные пассажиры, приплывающіе въ городъ по Днѣпру: мелкіе арендаторы, евреи-коммиссіонеры, дальніе мѣщане, богомольцы и сельскіе попы, которые наѣзжаютъ въ большой городъ съ доносами, или возвращаются домой послѣ доноса. Занимаются также номера въ «Сербіи» парочками изъ города на ночь и на время.

Весна. Четвертый часъ дня. Занавѣски на открытыхъ окнахъ тихо колеблются. Въ комнатѣ пахнетъ керосиновымъ чадомъ тушоной капустой. Это хозяйка разогрѣваетъ на машинкѣ бигосъ по-польски изъ капусты, свиного сала и колбасы съ громаднымъ количествомъ перца и лавроваго листа. Она вдова, лѣтъ 36—40, видная, крѣпкая, проворная женщина. Волосы, которые она завиваетъ на лбу въ мелкіе кудерьки, тронуты сильной сѣдиной, но лицо у нея свѣжее; чувственный большой ротъ красенъ, а темные, совсѣмъ молодые глаза влажны и игриво-хитры. Имя от-

чество ея Анна Фридриховна—она полунѣмка, полуполька изъ Остзейскаго края—но близкіе знакомые называютъ ее просто Фридрихомъ, и это больше идетъ къ ея рѣшительному характеру. Она гнѣвлива, крикунья и страшная сквернословка; дерется иногда со своими швейцарами и съ подгулявшими жильцами; можетъ выпить наряду съ мужчинами и до безумія любитъ танцы; переходы отъ ругани къ смѣху у нея мгновенны. Къ законамъ она чувствуетъ мало уваженія: принимаетъ гостей безъ паспортовъ, а неисправнаго жильца собственноручно «выкидаетъ на улицу», какъ она сама выражается, т.-е. въ отсутствіе жильца отпираетъ его номеръ и выноситъ его вещи въ корридоръ, или на лѣстницу, а то и въ свою комнату. Полиція съ ней дружна изъ за ея гостепріимства, живого характера и, въ особенности, изъ-за той веселой, легкой, безцеремонной и безкорыстной податливости, съ которой она отвѣчаетъ на мимолетное мужское чувство.

У нея четверо дѣтей. Двое старшихъ, Ромка и Аличка, еще не пришли изъ гимназіи, а младшіе—семилѣтній Адька и пятилѣтній Эдька, здоровые мальчуганы со щеками пестрыми отъ грязи, отъ лишаевъ, отъ размазанныхъ слезъ и отъ ранняго весенняго загара, торчатъ около матери. Они оба держатся руками за край стола и попрошайничаютъ. Они всегда голодны, потому что ихъ мать насчетъ стола безпечна: ѣдятъ кое-какъ, въ разные часы, посылая въ мелочную лавочку за всякой всячиной.

Вытянувъ губы трубой, нахмуривъ брови, глядя исподлобья, Адька гудитъ угрюмымъ басомъ:

— Ишь ты кака-ая, не даешь попробовать...

— Да-ай попло-обуву-уть,—тянетъ за нимъ въ носъ Эдька и чешетъ босой ножкой икру другой ноги.

За столомъ у окна сидитъ поручикъ запаса арміи Валерьянъ Иванычъ Чижевичъ. Передъ нимъ домовая книга, въ которую онъ вписываетъ паспорта постояльцевъ. Но, послѣ вчерашняго, работа идетъ у него плохо, буквы рябятъ и расползаются, дрожащіе пальцы не ладятъ съ перомъ, а въ ушахъ гудитъ, какъ осенью въ телефонномъ столбѣ. Временами ему кажется, что голова у него начинаетъ пухнуть, пухнуть, и тогда столъ съ книгой, съ чернильницей и съ поручиковой рукой уходятъ страшно далеко и становятся совсѣмъ маленькими, потомъ, наоборотъ, книга приближается къ самымъ его глазамъ, чернильница растетъ и двоится, а голова уменьшается до смѣшныхъ и странныхъ размѣровъ.

Наружность поручика Чижевича говоритъ о бывшей красотѣ и утраченномъ благородствѣ: черные волосы ежикомъ, но на затылкѣ просвѣчиваетъ лысина, борода острижена по модному острымъ клинушкомъ, лицо худое, грязно-блѣдное, истасканное,

и на немъ какъ будто написана вся исторія поручиковыхъ явныхъ слабостей и тайныхъ болѣзней.

Положеніе его въ номерахъ «Сербія» сложное: онъ ходитъ къ мировымъ судьямъ по дѣламъ Анны Фридриховны, репетируетъ ея дѣтей и учитъ ихъ свѣтскимъ манерамъ, ведетъ квартирную книгу, пишетъ счета постояльцамъ, читаетъ по утрамъ вслухъ газету и говоритъ о политикѣ. Ночуетъ онъ обыкновенно въ одномъ изъ пустующихъ номеровъ, а въ случаѣ наплыва гостей, и въ корридорѣ на древнемъ диванѣ, у котораго пружины вылѣзли наружу вмѣстѣ съ мочалкой. Въ послѣднемъ случаѣ поручикъ аккуратно развѣшиваетъ надъ диваномъ, на гвоздикахъ, все свое имущество: пальто, шапку, лоснящійся отъ старости, бѣлый по швамъ, но чистенькій сюртучокъ, бумажный воротникъ «Монополь» и офицерскую фуражку съ синимъ околышемъ, а записную книжку и платокъ съ чужой мѣткой кладетъ подъ подушку.

Вдова держитъ своего поручика въ черномъ тѣлѣ. «Женись—тогда я тебѣ все заведу,—обѣщаетъ она:—полную кипировку и что нужно изъ бѣлья, и ботинки съ калошами приличныя. Все у тебя будетъ и даже по праздникамъ будешь носить часы моего покойника съ цѣпью». Но поручикъ покамѣстъ все еще раздумываетъ. Онъ дорожитъ свободой, и слишкомъ высоко цѣнитъ свое бывшее офицерское достоинство. Однако, кое-что старенькое изъ бѣлья покойника онъ донашиваетъ.

Время отъ времени въ хозяйскомъ номерѣ происходятъ бури. То поручикъ при помощи своего воспитанника Ромки продастъ букинисту кипу чужихъ книгъ, то перехватитъ, пользуясь отсутствіемъ хозяйки, суточную плату за номеръ, то заведетъ втайнѣ игривыя отношенія съ горничной. Какъ разъ, наканунѣ, поручикъ злоупотребилъ кредитомъ Анны Фридриховны въ трактирѣ напротивъ, это всплыло наружу, и вотъ вспыхнула ссора съ руганью и съ дракой въ корридорѣ. Двери всѣхъ номеровъ раскрылись и изъ нихъ выглянули съ любопытствомъ мужскія и женскія головы. Анна Фридриховна кричала такъ, что ее было слышно на улицѣ:

— Вонъ отсюда разбойникъ, вонъ босявка! Я всѣ кровные труды на тебя потратила! Ты моихъ дѣтей кровную копѣйку заѣдаешь!..

— Нашу копѣйку заѣдаешь!—оралъ гимназистъ Ромка, кривляясь за материнской юбкой.

— Заѣдаешь!—вторили ему въ отдаленіи Адька съ Эдькой.

Швейцаръ Арсеній молча, съ каменнымъ видомъ, сопя, напиралъ грудью на поручика. А изъ номера девятаго какой-то мужественный обладатель великолѣпнѣйшихъ черныхъ бакенбардъ, высунувшись изъ дверей до половины, въ нижнемъ бѣльѣ и по-

чему-то съ круглой шляпой на головѣ, совѣтовалъ рѣшительнымъ тономъ:

— Арсень! Дай ему между глазъ.

Такимъ образомъ поручикъ былъ вытѣсненъ на лѣстницу. Но, такъ какъ, на эту же лѣстницу отворялось широкое окно изъ коррилора, то Анна Фридриховна еще продолжала кричать вслѣдъ поручику, свѣсившись внизъ:

— Канальи, шарлатанщикъ, разбишака, босявка кіевская!

— Босявка! босявка! — Надсаживались въ корридорѣ мальчишки.

— И чтобы ноги твоей больше здѣсь не было! И вещи свои паршивыя забирай съ собой! Вотъ они, вотъ тебѣ, вотъ!

Въ поручика полетѣли сверху позабытыя имъ впопыхахъ вещи: палка, бумажный воротничекъ и записная книжка. На послѣдней ступенькѣ поручикъ остановился, поднялъ голову и погрозилъ кулакомъ. Лицо у него было блѣдно, надъ правымъ глазомъ краснѣла ссадина.

— Под-дождите, сволочи, я все докажу, кому слѣдуетъ. Ага! Сводничаютъ! Грабятъ жильцовъ!..

— А ты иди, иди, пока цѣлъ,—говорилъ сурово Арсеній, наваливаясь сзади и тѣсня поручика плечомъ.

— Прочь, хамъ! Не имѣешь права касаться офицера!—воскликнулъ гордо поручикъ.—Я все знаю! Вы здѣсь безъ паспорта пускаете! Укрываете! Краденое укрывательствуете! Пристано...

Но тутъ Арсентій ловко обхватилъ поручика сзади, дверь со звономъ и съ дребезгомъ хлопнула, два человѣка, свившись клубкомъ выкатились на улицу, и уже оттуда донеслось гнѣвное:

— держательствуете!

Сегодня утромъ, какъ это всегда бывало раньше, поручикъ Чижевичъ явился съ повинной, принеся съ собою букетъ наломанной въ чужомъ саду сирени. Лицо у него утомлено, вокругъ ввалившихся глазъ тусклая синева, виски желты, одежда нечищена, въ головѣ пухъ. Примиреніе идетъ туго. Анна Фридриховна еще недостаточно насладилась униженнымъ видомъ своего любовника и его покаянными словами. Кромѣ того она немного ревнуетъ Валерьяна къ тѣмъ тремъ ночамъ, которыя онъ провелъ неизвѣстно гдѣ.

— Нюничка, а куда же...—начинаетъ поручикъ необыкновенно кроткимъ и нѣжнымъ даже слегка дрожащимъ фальцетомъ.

— Что та-ко-е? Кто это вамъ здѣсь за Нюничка! — презрительно обрываетъ его хозяйка.—Всякій гицель и тоже—Нюничка!

— Нѣтъ, видишь ли, я только хотѣлъ спросить тебя, куда выписать Прасковью Увертышеву, 34-хъ лѣтъ? Тутъ нѣтъ помѣтки.

— Ну и выписывай на толчекъ. И себя туда же можешь выписать. Одна компанія. Или въ ночлежку.

«Стерва!» — думаетъ поручикъ, но только глубоко и покорно вздыхаетъ:

— Какая ты сегодня нервная, Нюничка!

— Нервная... Какая бы я тамъ ни была, а я знаю про себя, что я женщина честная и трудящая... Прочь, вы, байструки!— кричитъ она на дѣтей, и вдругъ—шлепъ! шлепъ!—два мѣткихъ удара ложкой влетаютъ по лбу Адькѣ и Эдькѣ. Мальчики хнычутъ.

— Проклятое мое дѣло, и судьба моя проклятая...—ворчитъ сердито хозяйка.—Какъ я за покойнымъ мужемъ жила, я никакого горя себѣ не видѣла. А теперь, какъ ни швейцаръ—такъ пьяница, а горничные всѣ воровки. Цыцъ, вы, проклятики!.. Вотъ и эта Проська, двухъ дней не прожила, а ужъ изъ номера 12-го у дѣвушки чулки стащила. А то еще бываютъ нѣкоторые другіе, которые только по трактирамъ ходятъ за чужія деньги, а дѣла никакого не дѣлаютъ...

Поручикъ очень хорошо знаетъ, на кого намекаетъ Анна Фридриховна, но сосредоточенно молчитъ. Запахъ бигоса вселяетъ въ него кое-какія далекія надежды. Въ это время дверь отворяется и входитъ, не снимая съ головы фуражки съ тремя золотыми позументами, швейцаръ Арсеній. У него наружность скопца и альбиноса, и все нечистое лицо въ буграхъ. Онъ служитъ у Анны Фридриховны по крайней мѣрѣ въ сороковой разъ и служитъ до перваго запоя, пока хозяйка собственноручно не прибьетъ его и не прогонитъ, отнявъ сначала у него символъ власти—фуражку съ позументами. Тогда Арсеній надѣнетъ бѣлую кавказскую папаху на голову и темно-синее пенснэ на носъ, будетъ куражиться въ трактирѣ напротивъ, пока весь не пропьется, а подъ конецъ загула будетъ горько плакать передъ равнодушнымъ половымъ о своей безнадежной любви къ Фридриху и будетъ угрожать смертью поручику Чижевичу. Протрезвившись, онъ явится въ «Сербію» и упадетъ хозяйкѣ въ ноги. И она опять приметъ его, потому что новый швейцаръ, замѣнявшій Арсенія, уже успѣлъ за этотъ короткій срокъ обворовать ее, напиться и нaскандалить и даже попасть въ участокъ.

— Ты что? Съ парохода?—спрашиваетъ Анна Фридриховна.

— Да. Привелъ шесть богомольцевъ. Насилу отнялъ у Якова изъ «Коммерческой». Онъ уже ихъ велъ, а я подошелъ къ одному и говорю на ухо: «мнѣ, говорю, все равно, идите хочь куда хочете, а какъ вы люди въ здѣшнихъ мѣстахъ неизвѣстные, и мнѣ васъ ужасно жалко, то я вамъ скажу, чтобы вы лучше за этимъ человѣкомъ не ходили, потому что у нихъ въ гостинницѣ на прошлой недѣлѣ богомольцу одному подсыпали порошку

и обокрали. Такъ и увелъ ихъ. Яковъ потомъ мнѣ кулакомъ издалека грозился, кричитъ: ты постой у меня, Арсентій, я тебя еще споймаю, ты моихъ рукъ не убѣжишь! Но только я ему и самъ, если придется...

— Ладно!—прерываетъ его хозяйка.—Большое мнѣ дѣло до твоего Якова. По скольку сговорились?

— По тридцать копѣекъ. Ей Богу, барыня, какъ ни уговаривалъ, больше не даютъ.

— У, дурень ты, ничего не умѣешь. Отведи имъ номеръ второй.

— Всѣхъ въ одинъ?

— Дуракъ: нѣтъ, каждому по два номера. Конечно, въ одинъ. Принести имъ матрацовъ, изъ старыхъ, три матраца принести. А на диванъ—скажи, чтобы не смѣли ложиться. Всегда отъ этихъ богомольцевъ клопы. Ступай!

По уходѣ его, поручикъ замѣчаетъ вполголоса нѣжнымъ и заботливымъ тономъ:

— Я удивляюсь Нюточка, какъ это ты позволяешь ему входить въ комнату въ шапкѣ. Это же все-таки неуваженіе къ тебѣ, какъ къ дамѣ и какъ къ хозяйкѣ. И потомъ—посуди мое положеніе: я офицеръ въ запасѣ, а онъ все-таки... нижній чинъ. Неудобно какъ-то.

Но Анна Фридриховна набрасывается на него съ новымъ ожесточеніемъ.

— Нѣтъ ужъ ты пожалуйста не суйся, куда тебя не спрашиваютъ. О-фи-церъ! Такихъ офицеровъ много у Терещенки въ пріютѣ ночуетъ. Арсентій человѣкъ трудящійся, онъ свой кусокъ зарабатываетъ... не то что... Прочь, вы, лайдаки! Куда съ руками лѣзете!

— Да-а... не дае-ешь!—гудитъ Адька.

— Не да-ё-осъ!..

Между тѣмъ бигосъ готовъ. Анна Фридриховна гремитъ посудой на столѣ. Поручикъ въ это время старательно припалъ головой къ домовой книгѣ. Онъ весь ушелъ въ дѣло.

— Что жъ, садись что-ли,—отрывисто приглашаетъ хозяйка.

— Нѣтъ, спасибо, Нюточка. Кушай сама. Мнѣ что-то не очень хочется,—говоритъ Чижевичъ, не оборачиваясь, сдавленнымъ голосомъ и громко глотаетъ слюну.

— А ты иди, когда говорятъ. Тоже, скажите, задается. Ну, иди!..

— Сейчасъ, сію минуту, Нюточка. Вотъ только послѣдній листокъ дописать. По удостовѣренію, выданному изъ Бильдинскаго волостного правленія... губерніи... за номеромъ 2039... Готово.— Поручикъ встаетъ и потираетъ руки.—Люблю я поработать!

— Хм! Тоже работа!—презрительно фыркаетъ хозяйка.—Садись.

— Нюничка, а если бы... одну... маленькую.

— Обойдется и безъ.

Но такъ какъ миръ почти уже водворенъ, то Анна Фридриховна достаетъ изъ шкафа маленькій пузатый граненый графинчикъ, изъ котораго пилъ еще отецъ покойнаго. Адька размазываетъ капусту по тарелкѣ и дразнитъ брата тѣмъ, что у него больше. Эдька обижается и реветъ:

— Адькѣ больсе полози-ила. Да-а!

Хлопъ!—звонкій ударъ ложкой поражаетъ Эдьку въ лобъ. И тотчасъ же, какъ ни въ чемъ не бывало, Анна Фридриховна продолжаетъ разговоръ:

— Разсказывай! Тоже мастеръ врать. Навѣрно валялся у какой-нибудь.

— Нюничка!—восклицаетъ поручикъ укоризненно и, оставивъ ѣсть, прижимаетъ руки — въ одной изъ нихъ вилка съ кускомъ колбасы—къ груди.—Чтобы я? О, какъ ты меня мало знаешь. Я скорѣе дамъ голову на отсѣченіе, чѣмъ позволю себѣ подобное. Когда я тотъ разъ отъ тебя ушелъ, то такъ мнѣ горько было, такъ обидно! Иду я по улицѣ и, можешь себѣ представить, заливаюсь слезами. Господи, думаю, и я позволилъ себѣ нанести ей оскорбленіе. Кому-у! Ей! Единственной женщинѣ, которую я люблю такъ свято, такъ безумно...

— Хорошо поешь,—вставляетъ польщенная, хотя все еще немного недовѣрчивая хозяйка.

— Да!—ты не вѣришь мнѣ!—возражаетъ поручикъ съ тихимъ, но глубокимъ трагизмомъ.—Ну что-жъ, я заслужилъ это. А я каждую ночь приходилъ подъ твои окна и въ душѣ творилъ молитву за тебя.—Поручикъ быстро опрокидываетъ рюмку, закусываетъ и продолжаетъ съ набитымъ ртомъ и со слезящимися глазами:—И я все думалъ, что если бы случился вдругъ пожаръ, или напали разбойники. Я бы тогда доказалъ тебѣ. Я бы съ радостью отдалъ за тебя жизнь.. Увы, она и такъ недолга,—вздыхаетъ онъ.—Дни мои сочтены...

Въ это время хозяйка роется въ кошелькѣ.

— Скажите пожалуйста! — возражаетъ она съ кокетливой насмѣшкой.—Адька, вотъ тебѣ деньги, сбѣгай къ Василь Василичу за бутылкой пива. Только скажи, чтобы свѣжаго. Живо!

Завтракъ уже оконченъ, бигосъ съѣденъ и пиво выпито, когда появляется развращенный гимназистъ приготовительнаго класса Ромка, весь въ мѣлу и въ чернилахъ. Еще въ дверяхъ онъ оттопыриваетъ губы и дѣлаетъ сердитые глаза. Потомъ швыряетъ ранецъ на полъ и начинаетъ завывать:

— Да-а... безъ меня все поѣли. Я голодный, какъ соба-а-ака..

— А у меня еще есть, а я тебѣ не дамъ,—дразнитъ его Адька, показывая издали тарелку.

— Да-а-а... Это сви-и-и-нство,—тянетъ Ромка. Мама вели А-адькѣ...

— Молчать!—вскрикиваетъ пронзительно Анна Фридриховна.— Ты бы еще до ночи шлялся. Вотъ тебѣ пятачекъ. Купи колбасы и довольно съ тебя.

— Да-а, пятачокъ! Сами съ Валерьянъ Иванычемъ бигосъ ѣдятъ, а меня учиться заставляютъ. Я какъ со-ба-ака.

— Вонъ!—кричитъ Анна Фридриховна страшнымъ голосомъ и Ромка поспѣшно исчезаетъ. Однако, онъ успѣваетъ схватить съ полу свой ранецъ: въ головѣ у него мгновенно родилась мысль— пойти продать свои учебники на толкучкѣ. Въ дверяхъ онъ сталкивается съ своей старшей сестрой Аличкой и, пользуясь случаемъ, щиплетъ ее больно за руку. Аличка входитъ, громко жалуясь:

— Мама, вели Ромкѣ, чтобы онъ не щипался.

Она хорошенькая тринадцатилѣтняя дѣвочка, начинающая рано формироваться. Она желто-смуглая брюнетка, съ прелестными, но не дѣтскими темными глазами. Губы у нея красныя, полныя и блестящія, и надъ верхней губкой слегка зачерненной легкимъ пушкомъ, двѣ милыя родинки. Она общая любимица въ номерахъ. Мужчины дарятъ ей конфеты, часто зазываютъ къ себѣ, цѣлуютъ и говорятъ безстыдныя вещи. Она все знаетъ, что можетъ знать взрослая дѣвушка, но никогда въ этихъ случаяхъ не краснѣетъ, а только опускаетъ внизъ свои черныя, длинныя рѣсницы, бросающія синія тѣни на янтарныя щеки и улыбается странной, скромной, нѣжной и въ то же время сладострастной, какой-то ожидающей улыбкой. Ея лучшая пріятельница--дѣвица Женя, квартирующая въ номерѣ двѣнадцатомъ, тихая, аккуратная въ платѣ за квартиру, полная блондинка, которую содержитъ какой-то купецъ-дровяникъ, но которая въ свободные дни водитъ къ себѣ кавалеровъ съ улицы. Эту особу Анна Фридриховна весьма уважаетъ и говоритъ про нее: «Ну что-жъ, что Женичка дѣвка, зато она женщина самостоятельная».

Увидѣвъ, что обѣдъ съѣденъ, Аличка вдругъ дѣлаетъ одну изъ своихъ принужденныхъ улыбокъ и говоритъ тонкимъ голоскомъ, громко и нѣсколько театрально:

— Ахъ, вы уже пообѣдали. Я опоздала. Мама можно мнѣ пойти къ Евгеніи Николаевнѣ?

— Ахъ, иди куда хочешь!

— Мерси.

Она уходитъ. Послѣ завтрака водворяется полный миръ. По-

ручикъ шепчетъ на ухо вдовѣ самыя пылкія слова, и жметъ ей подъ столомъ круглое колѣно, и она, раскраснѣвшись отъ обѣда и отъ пива, то прижимается къ нему плечомъ, то отталкиваетъ его и стонетъ съ нервнымъ смѣшкомъ.

— Да Валеріанъ! Безстыдникъ. Дѣти!

Адька и Эдька смотрятъ на нихъ, засунувъ пальцы въ ротъ и широко разинувъ глаза. Мать вдругъ набрасывается на нихъ:

— Идите гулять, лаборданцы. И я васъ. Разсѣлись, точно въ музеѣ. Маршъ, живо!

— Когда я не хочу гулять,—гудитъ Адька.

— Я не хоц-у-у.

— Я вотъ дамъ не хочу. Двѣ копѣйки на леденцы — и маршъ!

Она запираетъ за ними дверь, садится къ поручику на колѣни и они начинаютъ цѣловаться.

— Ты не сердишься, мое золотцо? — шепчетъ ей на ухо поручикъ.

Но въ дверь стучатъ. Приходится отпирать. Входитъ новая горничная, высокая, мрачная, одноглазая женщина и говоритъ хрипло, съ свирѣпымъ выраженіемъ лица:

— Тамъ двѣнадцатый номеръ самоваръ требуетъ, и чай, и сахаръ.

Анна Фридриховна нетерпѣливо выдаетъ все, что нужно. Поручикъ, раскинувшійся на диванѣ, говоритъ томно:

— Я бы отдохнулъ немного, Нюничка. Нѣтъ ли свободнаго номера? Здѣсь все люди толкутся.

Свободный номеръ оказывается только одинъ—пятый, и они отправляются туда. Номеръ въ одно окно, темный, узкій и длинный, какъ кегельбанъ. Кровать, комодъ, облупленный коричневый умывальникъ и ночной столикъ составляютъ всю его меблировку. Хозяйка и поручикъ опять начинаютъ цѣловаться, причемъ стонутъ, какъ голуби весною на крышѣ.

— Нюничка: если ты меня любишь, мое сокровище, пошли за папиросами «Плезиръ», шесть копѣекъ десятокъ,—вкрадчиво говоритъ поручикъ, раздѣваясь.

— Потомъ...

Весенній вечеръ быстро темнѣетъ, и вотъ на дворѣ уже ночь. Въ окно слышны свистки пароходовъ на Днѣпрѣ, и скользитъ далекій запахъ травы, пыли, сирени, нагрѣтаго камня. Вода звонкими каплями мѣрно падаетъ внутри умывальника. Но въ дверь опять стучатся.

— Кто тамъ? Какого чорта все шляетесь! — кричитъ разбуженная Анна Фридриховна. Она босикомъ вскакиваетъ съ кровати и гнѣвно распахиваетъ дверь.—Ну, что еще нужно?

Поручикъ Чижевичъ стыдливо натягиваетъ на голову одѣяло.

— Студентъ спрашиваетъ номеръ, — суфлерскимъ шепотомъ говоритъ за дверью Арсеній.

— Какой студентъ? Скажи ему, что остался только одинъ номеръ и то въ два рубля. Онъ одинъ или съ женщиной?

— Одинъ.

— Такъ и скажи. И паспортъ, и деньги впередъ. Знаю я этихъ студентовъ.

Поручикъ поспѣшно одѣвается. Благодаря привычкѣ, онъ дѣлаетъ свой туалетъ въ десять секундъ. Анна Фридриховна въ это время ловко и быстро оправляетъ постель. Возвращается Арсеній.

— Заплатилъ впередъ,—говоритъ онъ мрачно.—И паспортъ вотъ.

Хозяйка выходитъ въ коррридоръ. Волосы у нея разбились и прилипли ко лбу, на пунцовыхъ щекахъ оттиснулись складки подушки, глаза необычайно блестятъ. За ея спиной поручикъ безшумной тѣнью пробирается въ хозяйскій номеръ.

У окна на лѣстницѣ дожидается студентъ. Онъ свѣтловолосый, худощавый юноша съ длиннымъ, блѣднымъ, болѣзненно нѣжнымъ лицомъ. Голубоватыя глаза смотрятъ точно сквозь туманъ, добродушны, близоруки и чуть-чуть косятъ. Онъ вѣжливо кланяется хозяйкѣ, отчего та смущенно улыбается и защелкиваетъ верхнюю кнопку на блузкѣ.

— Мнѣ бы номеръ, — говоритъ онъ мягко, точно робѣя. — Мнѣ надо ѣхать. И еще бы я попросилъ свѣчку, перо и чернила.

Ему показываютъ кегельбанъ. Онъ говоритъ: — Прекрасно, лучше нельзя требовать. Здѣсь чудесно. Только, вотъ, пожалуйста, перо и чернила.—Отъ чаю и отъ бѣлья онъ отказывается. Ему все равно.

Въ хозяйскомъ номерѣ горитъ лампа. На открытомъ окнѣ сидитъ поджавши ноги Аличка и смотритъ, какъ колышется внизу темная, тяжелая масса воды, освѣщенной электричествомъ, какъ тихо покачивается жидкая, мертвенная зелень тополей вдоль набережной. На щекахъ у нея горятъ два круглыхъ яркихъ красныхъ пятна, а глаза влажно и устало мерцаютъ. Издалека, съ той стороны рѣки, гдѣ сіяетъ огнями кафе-шантанъ, красиво плывутъ въ холодѣющемъ воздухѣ рѣзвые звуки вальса.

Пьютъ чай съ покупнымъ малиновымъ вареньемъ. Адька и Эдька накрошили себѣ въ чашки чернаго хлѣба, сдѣлали тюрю, измазали ею щеки, лбы и носы, и дѣлаютъ другъ другу рожи, пуская пузыри въ блюдечко. Ромка, вернувшійся съ синякомъ подъ глазомъ, торопливо, со свистомъ тянетъ чай изъ блюдечка.

Поручикъ Чижевичъ, разстегнувъ жилетъ и выпустивъ наружу бумажную грудь манишки, благодушествуетъ среди этой домашней идилліи, полулежа на диванѣ.

— Всѣ номера, слава Богу, заняты — вздыхаетъ мечтательно Анна Фридриховна.

— А что, все моя легкая рука!—говоритъ поручикъ.—Какъ я пришелъ, такъ и дѣло пошло.

— Ну, да, разсказывай.

— Нѣтъ, ей Богу, у меня рука необыкновенно легкая. У насъ въ полку, когда, бывало капитанъ Горжевскій мечетъ банкъ, то всегда сажаетъ меня около себя. Эхъ, какъ у насъ въ полку здорово рѣзались въ карты! Этотъ самый Горжевскій, еще поручикомъ, выигралъ во время турецкой войны двѣнадцать тысячъ. Пришелъ нашъ полкъ въ Букарешъ, ну, понятно, денегъ у гг. офицерства гибель, дѣвать было некуда, женщинъ нѣтъ. Начали картёжъ. И вдругъ Горжевскій налетаетъ на шуллера. Прямо по мордѣ видать, что шуллеръ, но такъ ловко передергиваетъ, что невозможно услѣдить...

— Подожди, я сейчасъ приду,—перебиваетъ его хозяйка,—мнѣ только надо выдать полотенце.

Она уходитъ. Поручикъ подкрадывается къ Аличкѣ и близко наклоняется къ ней. Ея прекрасный профиль, темный на фонѣ ночи, тонко, серебристо и нѣжно очерченъ сіяніемъ электрическихъ фонарей.

— О чемъ, Аличка, задумались? Или можетъ быть, *о комъ?*— спрашиваетъ онъ сладко, съ дрожью въ голосѣ.

Она отворачивается отъ него. Но онъ быстро приподнимаетъ ея толстую косу, цѣлуетъ ее подъ волосы въ тонкую теплую шейку и жадно нюхаетъ запахъ ея кожи.

— Я мамѣ скажу,—шепчетъ Аличка, не отодвигаясь.

Дверь отворяется—это возвратилась Анна Фридриховна. Поручикъ тотчасъ же начинаетъ говорить неестественно-громко и развязно:

— Дѣйствительно, славно въ такую чудную, весеннюю ночь прокатиться на лодкѣ съ любимымъ существомъ, или съ близкимъ другомъ. Да, Нюничка, такъ вотъ, я продолжаю. Такимъ образомъ, Горжевскій пропускаетъ цѣлыхъ шесть тысячъ, чертъ побери! Наконецъ, его кто-то надоумилъ, онъ и говоритъ: «баста! Я такъ не буду играть. А вотъ не угодно ли, прибьемъ колоду гвоздемъ къ столу и будемъ отрывать по картѣ?» Тотъ было на попятный. Но Горжевскій вынулъ револьверъ: «или играй собака, или пулю въ лобъ!» Ничего не подѣлаешь, шулеръ сѣлъ, и главное такъ растерялся, что позабылъ, что сзади него зеркало, а Горжевскій сидитъ напротивъ, и ему въ зеркало всѣ карты партнера

видны. И Горжевскій не только свои отыгралъ, но еще выигралъ чистыхъ одиннадцать тысячъ. Онъ даже велѣлъ этотъ гвоздь оправить въ золото и теперь носитъ при часахъ, въ видѣ брелока. Очень оригинально.

Въ это время въ пятомъ номерѣ сидитъ на кровати студентъ. Передъ нимъ на ночномъ столикѣ свѣча и листъ почтовой бумаги. Студентъ быстро пишетъ, на минуту останавливается, шепчетъ что то про себя, покачиваетъ головой, напряженно улыбается и опять пишетъ. Вотъ онъ глубоко обмакнулъ перо въ чернила, потомъ зачерпнулъ имъ, какъ ложечкой жидкаго стеарину около фитиля и суетъ эту смѣсь въ огонь. Она трещитъ и брызжетъ во всѣ стороны бойкими синими огоньками. Этотъ фейерверкъ напоминаетъ студенту что то смѣшное, полузабытое изъ далекаго дѣтства. Онъ глядитъ на пламя свѣчки, косся глаза и разсѣянно и печально улыбаясь. Потомъ вдругъ, точно очнувшись, встряхиваетъ головой, вздыхаетъ и, быстро обтерши перо о рукавъ синей рубашки, продолжаетъ писать:

«Ты скажи имъ все, что скажетъ тебѣ мое письмо и чему, я знаю, ты повѣришь. Меня они все равно не поймутъ, а у тебя есть слова, простыя и понятныя для нихъ. Странно одно: вотъ я пишу тебѣ и знаю, что черезъ десять, пятнадцать минутъ я застрѣлюсь, и эта мысль совсѣмъ не страшитъ меня. Но когда сѣдой огромный жандармскій полковникъ весь побагравѣлъ и съ руганью затопалъ на меня ногами, я растерялся. Когда онъ закричалъ, что мое упорство напрасно и только губитъ меня и моихъ товарищей, и что Бѣлоусовъ и Книгге, и Соловейчикъ сознались, то я подтвердилъ. Я—не боящійся смерти, испугался окрика этого тупого, ограниченнаго человѣка, закостенѣвшаго въ своемъ профессіональномъ апломбѣ. И что всего подлѣе—вѣдь онъ на другихъ не смѣлъ кричать, а былъ любезенъ, предупредителенъ и слащавъ, какъ провинціальный зубной врачъ, былъ даже либераленъ. Во мнѣ же онъ сразу понялъ уступчивую и дряблую волю. Это чувствуется между людьми безъ слова, съ одного взгляда.

Да, я сознаю, что все это вышло дико и презрѣнно, и смѣшно, и отвратительно. Но иначе не могло быть, и если бы повторилось, то вышло бы по прежнему. Отчаянной храбрости, боевые генералы очень часто боятся мышей. Они иногда даже бравируютъ этой маленькой слабостью. А я съ печалью говорю, что больше смерти боюсь этихъ деревянныхъ людей, жестко застывшихъ въ своемъ міросозерцаніи, глупо-самоувѣренныхъ, не знающихъ колебаній. Если бы ты зналъ, какъ робѣю я и стѣсняюсь передъ монументальными городовыми, передъ откормленными, мордатыми петербургскими швейцарами, передъ барышнями въ редакціяхъ журналовъ, передъ секретарями въ судахъ, передъ лаю-

щими начальниками станцій! Когда мнѣ однажды пришлось свидѣтельствовать въ участкѣ подпись, то одинъ видъ толстаго пристава съ рыжими подусниками въ ладонь, съ выпяченной грудью и съ рыбьими глазами, который все меня перебивалъ, недослушивалъ, на минуты забывалъ о моемъ присутствіи, или вдругъ притворялся непонимающимъ самой простой русской рѣчи,—одинъ его видъ привелъ меня въ такой гадкій трепетъ, что я самъ слышалъ въ своемъ голосѣ заискивающія рабскія интонаціи.

Кто виноватъ въ этомъ? Я тебѣ скажу: моя мать. Это она была первой причиной того, что вся моя душа загажена, развращена подлой трусостью. Она рано овдовѣла, и мои первыя дѣтскія впечатлѣнія неразрывны со скитаньемъ по чужимъ домамъ, клянчаньемъ, подобострастными улыбками, мелкими, но нестерпимыми обидами, угодливостью, попрошайничествомъ, слезливыми, жалкими гримасами, съ этими подлыми уменьшительными словами: кусочекъ, капелька, чашечка чайку... Меня заставляли цѣловать ручки у благодѣтелей,—у мужчинъ и у женщинъ. Мать увѣряла, что я не люблю того-то и того-то лакомаго блюда, лгала, что у меня золотуха, потому что знала, что отъ этого хозяйскимъ дѣтямъ останется больше и что хозяевамъ это будетъ пріятно. Прислуга втихомолку издѣвалась надъ нами: дразнила меня горбатымъ, потому что я съ дѣтства держался сутуловато, а мою мать называли при мнѣ приживалкой и салопницей. И сама мать, чтобы разсмѣшить благодѣтелей, приставляла себѣ къ носу свой старый, трепаный кожаный портсигаръ, перегнувъ его вдвое, и говорила: «а вотъ носъ моего сыночка Лёвушки». Они смѣялись, а я краснѣлъ и безконечно страдалъ въ эти минуты за нее и за себя, и молчалъ, потому что мнѣ въ гостяхъ запрещалось говорить. Я ненавидѣлъ этихъ благодѣтелей, глядѣвшихъ на меня, какъ на неодушевленный предметъ, сонно, лѣниво и снисходительно совавшихъ мнѣ руку въ ротъ для поцѣлуя, и я ненавидѣлъ и боялся ихъ, какъ теперь ненавижу и боюсь всѣхъ опредѣленныхъ, самодовольныхъ, шаблонныхъ, трезвыхъ людей, знающихъ все напередъ:—кружковыхъ ораторовъ, старыхъ, волосатыхъ румяныхъ профессоровъ, невиннымъ либерализмомъ кокетничающихъ, внушительныхъ и елейныхъ соборныхъ протопоповъ, жандармскихъ полковниковъ, радикальныхъ женщинъ-врачей, твердящихъ впопыхахъ куски изъ прокламацій, но съ душой холодной, жестокой и плоской, какъ мраморная доска. Когда я говорю съ ними, я чувствую, что на моемъ лицѣ лежитъ противной маской чужая, поддакивающая, услужливая улыбка и презираю себя за свой заискивающій тонкій голосъ, въ которомъ ловлю отзвукъ прежнихъ материнскихъ нотокъ. Души этихъ людей мертвы, мысли окоченѣли въ прямыхъ, твердыхъ линіяхъ, и сами они без-

пощадны, какъ только можетъ быть безпощаденъ увѣренный и глупый человѣкъ.

Отъ семи до десяти лѣтъ я пробылъ въ закрытомъ благотворительномъ казенномъ пансіонѣ съ фребелевской системой воспитанія. Тамъ классныя дамы, озлобленныя дѣвы, всѣ страдавшія флюсомъ, насаждали въ насъ почтеніе къ благодѣтельному начальству, взаимное подглядываніе и наушничество, зависть къ любимчикамъ и главное—самое главное—тишайшее поведеніе; мы же—мальчишки, сами собою культивировали воровство и онанизмъ. Потомъ изъ милости меня приняли въ казенный пансіонъ при гимназіи. Тамъ было все, что бываетъ въ казенныхъ пансіонахъ: обыски и шпіонство со стороны надзирателей, безсмысленный зубрежъ, куренье въ третьемъ классѣ, водка въ четвертомъ, въ пятомъ—первая публичная женщина и первая нехорошая болѣзнь.

Дальше вдругъ повѣяло новыми молодыми словами, буйными мечтами, свободными пламенными мыслями. Мой умъ съ жадностью развернулся имъ навстрѣчу, но моя душа была уже навѣки опустошена, мертва и опозорена. Низкая неврастичная боязливость впилась въ нее, какъ клещъ въ собачье ухо: оторвешь его, останется головка, и онъ опять выростетъ въ цѣлое гнусное насѣкомое.

Не я одинъ погибъ отъ этой моральной заразы. Я, можетъ быть, былъ слабѣйшимъ изъ всѣхъ. Но, вѣдь, все прошлое поколѣніе выросло въ духѣ набожной тишины насильственнаго почтенія къ старшимъ, безличности и безгласности. Будь же проклято это подлое время, время молчанія и нищенства, это благоденственное и мирное житіе подъ безмолвной сѣнью благочестивой реакціи! Потому что тихое оподлѣніе души человѣческой ужаснѣе всѣхъ баррикадъ и разстрѣловъ въ мірѣ.

Странно: когда я одинъ на одинъ съ моей собственной волей, я не только не трусъ, но я даже мало знаю людей, которые такъ легко способны рисковать жизнью. Я ходилъ по карнизамъ отъ окна къ окну на пятиэтажной высотѣ, и глядѣлъ внизъ, я заплывалъ такъ далеко въ море, что руки и ноги отказывались служить мнѣ и я, чтобы избѣгнуть судороги, ложился на спину и отдыхалъ. И многое, многое другое. Наконецъ, черезъ десять минутъ я убью себя, а это тоже, вѣдь, чего-нибудь да стоитъ. Но людей я боюсь. Людей я боюсь! Когда я слышу, какъ пьяные ругаются и дерутся на улицѣ, я блѣднѣю отъ ужаса въ своей комнатѣ. А когда я ночью, лежа въ постели, представляю себѣ пустую площадь и несущійся по ней съ грохотомъ взводъ казаковъ, я чувствую, какъ сердце у меня перестаетъ биться, какъ холодѣетъ все мое тѣло и мои пальцы судорожно корчатся. Я на всю жизнь

испуганъ чѣмъ-то, что есть въ большинствѣ людей и чего я не умѣю объяснить. Таково было и все молодое поколѣніе предыдущаго, переходнаго времени. Мы въ умѣ презирали рабство, но сами росли трусливыми рабами. Наша ненависть была глубока, страстна, но безплодна, и была она похожа на безумную влюбленность кастрата.

Но ты все поймешь и все объяснишь товарищамъ, которымъ я передъ смертью говорю, что люблю ихъ и уважаю, несмотря ни на что. Можетъ быть, они повѣрятъ тебѣ, что я умеръ вовсе не потому, что невольно и низко предалъ ихъ. Я знаю, что нѣтъ въ мірѣ ничего страшнѣе этого страшнаго слова «предатель», которое, идя отъ устъ къ ушамъ, отъ устъ къ ушамъ, заживо умерщвляетъ человѣка. О, я съумѣлъ бы загладить мою ошибку, не будь я рожденъ и воспитанъ рабомъ человѣческой наглости, трусости и глупости. Но именно оттого, что я таковъ, я и умираю. Въ теперешнее великое, огненное время позорно, и тяжело, и прямо невозможно жить такимъ, какъ я.

Да, мой дорогой, я въ послѣдніе годы очень много слышалъ, видѣлъ и читалъ. Я говорю тебѣ: настала минута ужаснаго вулканическаго изверженія. Вырвалось пламя долго сдержаннаго гнѣва и потопило все: боязнь завтрашняго дня, почтеніе къ предкамъ, любовь къ жизни, мирныя сладости семейнаго благополучія. Я знаю о мальчикахъ, почти дѣтяхъ, которые отказывались надѣвать повязку на глаза передъ разстрѣломъ. Я самъ видѣлъ людей, перенесшихъ пытки и не сказавшихъ ни слова. И все это родилось внезапно, появилось въ какомъ-то бурномъ дыханіи, изъ яицъ индюшекъ вдругъ выклевались орлята. Пусть-ка кто-нибудь удержитъ ихъ полетъ!

Я положительно увѣренъ, что теперешній гимназистъ шестиклассникъ въ присутствіи всѣхъ монарховъ и всѣхъ полицеймейстеровъ Европы, въ любой тронной залѣ, твердо, толково и даже, пожалуй, нѣсколько дерзко заявитъ о требованіи своей партіи. Онъ, правда, чуть-чуть смѣшонъ, этотъ скороспѣлый гимназистъ, но въ немъ уже растетъ священное уваженіе къ своему радостному, гордому, свободному я, именно къ тому, что изъ насъ вытравила духовная нищета и трепетная родительская мораль. Ну—и къ чорту насъ!

Сейчасъ безъ восьми девять. Ровно въ девять—со мной будетъ кончено. Собака лаетъ на дворѣ—разъ, два, потомъ помолчитъ и—разъ, два, три. Можетъ быть, когда угаснетъ мое сознаніе и вмѣстѣ съ нимъ навѣки исчезнетъ для меня все: города, площади, пароходные свистки, утры и вечера, номера гостинницъ, тиканье часовъ, люди, звѣри, воздухъ, свѣтъ и тьма, время и пространство и не будетъ ничего, даже не будетъ мысли объ

этомъ «ничего»—можетъ быть, эта собака долго еще будетъ лаять нынѣшнимъ вечеромъ—сначала два раза, потомъ три.

Девять безъ пяти минутъ. Смѣшная идея меня занимаетъ. Я думаю: мысль человѣка это какъ бы токъ отъ электрическаго центра, это какая-то широкая, напряженная вибрація невѣсомой матеріи, разлитой въ міровомъ пространствѣ, и проникающей одинако легко между атомами камня, желѣза и воздуха. Вотъ мысль вышла изъ моего мозга и вся міровая сфера задрожала, заколебалась вокругъ меня, какъ вода отъ брошеннаго камня, какъ звукъ вокругъ звенящей струны. И мнѣ думается, что человѣкъ уходитъ, сознаніе его уже потухло, но мысль его еще остается, еще дрожитъ въ прежнемъ мѣстѣ. Можетъ быть, мысли и сны всѣхъ людей, бывшихъ до меня въ этой длинной, мрачной комнатѣ, еще рѣютъ вокругъ меня и тайно направляютъ мою волю? И, можетъ быть, завтра случайный посѣтитель этого номера задумается внезапно о жизни, о смерти, о самоубійствѣ, потому что я оставляю здѣсь послѣ себя мою мысль? И, почемъ знать, можетъ быть, не завися ни отъ вѣса, ни отъ времени, ни отъ преградъ матеріи, мои мысли въ одинъ и тотъ же моментъ ловятся таинственными, чуткими, но безсознательными пріемниками въ мозгу обитателя Марса, также какъ и въ мозгу собаки, лающей на дворѣ? Ахъ, я думаю, что ничто въ мірѣ не пропадаетъ — ничто! — не только сказанное, но и подуманное. Всѣ наши дѣла, слова и мысли—это ручейки, тонкіе подземные ключи. Мнѣ кажется, я вижу, какъ они встрѣчаются, сливаются въ родники, просачиваются на верхъ, стекаются въ рѣчки—и вотъ уже мчатся бѣшенно и широко въ стройной «Рѣкѣ Жизни». Рѣка жизни—какъ это громадно! Все она смоетъ рано или поздно, снесетъ всѣ твердыни, оковавшія свободу духа. И гдѣ была раньше отмѣль пошлости—тамъ сдѣлается величайшая глубина героизма. Вотъ сейчасъ она увлечетъ меня въ непонятную холодную даль, а можетъ быть, не далѣе, какъ черезъ годъ, она хлынетъ на весь этотъ огромный каменный городъ и потопитъ его и унесетъ съ собою не только его развалины, но и самое его имя!

А можетъ быть, все это смѣшно, что я пишу. Осталось двѣ минуты. Горитъ свѣчка, часы торопливо постукиваютъ предо мною. Собака все еще лаетъ. А что, если ничего не останется ни отъ меня, ни во мнѣ, но останется только одно, самое послѣднее ощущеніе—можетъ быть, боль, можетъ быть, звукъ выстрѣла, можетъ быть, голый, дикій ужасъ, но останется навсегда, на тысячи милліоновъ вѣковъ, возведенныхъ въ милліардную степень.

«Стрѣлка дошла. Сейчасъ мы все это увидимъ. Нѣтъ, подожди: какая-то смѣшная стыдливость заставила меня встать и запереть

дверь на ключъ. Прощай. Еще два слова: а, вѣдь, темная душа собаки должна быть гораздо болѣе воспріимчива къ вибраціямъ мысли, чѣмъ человѣческая... Не оттого-ли они и воютъ, почуявъ покойника. А? Вотъ и эта собака, что лаетъ внизу. Теперь она уже чувствуетъ тревогу. Но черезъ минуту отъ центральной батареи моего мозга побѣгутъ страшными скачками новые чудовищные токи, и коснутся больного мозга собаки. И она завоетъ въ нестерпимомъ, непонятномъ, смѣшномъ ужасѣ... Прощай. Иду».

Студентъ запечаталъ письмо, аккуратно заткнулъ для чего-то пробкой чернильницу, всталъ съ кровати и досталъ изъ кармана тужурки Браунингъ, перевелъ предохранитель съ «sur» на «feu». Разставилъ ноги для устойчивости, зажмурился. И вдругъ быстро поднеся обѣими руками револьверъ къ лѣвому виску, онъ нажалъ гашетку.

— Что это?—тревожно спрашиваетъ Анна Фридриховна.

— А это твой студентъ застрѣлился,—небрежно шутитъ поручикъ.—Такія все сволочи—эти студенты.

Но Анна Фридриховна вскакиваетъ и бѣжитъ въ корридоръ, поручикъ лѣниво слѣдуетъ за ней. Изъ номера пятаго кисло пахнетъ газами бездымнаго пороха. Смотрятъ въ замочную щелку—студентъ лежитъ на полу.

Черезъ пять минутъ у подъѣзда гостинницы уже стоитъ черная, густая, жадная толпа, и Арсеній съ озлобленіемъ гонитъ постороннихъ съ лѣстницы. Въ гостинницѣ суета. Слесарь взламываетъ дверь запертаго номера, дворникъ бѣжитъ за полиціей, горничная за докторомъ. Черезъ нѣкоторое время появляется околодочный надзиратель, высокій, тонкій молодой человѣкъ съ бѣлыми волосами, бѣлыми рѣсницами и бѣлыми усами. Онъ въ мундирѣ и въ широчайшихъ шароварахъ, спускающихся до половины лакированныхъ сапогъ. Онъ тотчасъ же напираетъ грудью на публику и, выкативши свѣтлые глаза, гремитъ начальственно.

— Ос-сади назадъ! Р-р-разойтись! И не понимаю, господа, что-т-тутъ вы нашли любопытнаго. Ровно ничего. Господинъ... убѣдительно прошу... А еще кажется интеллигентный человѣкъ, въ котелкѣ... Што-съ? А вотъ я вамъ покажу полицейскій произволъ-съ. Михальчукъ, замѣть этого. Эй, мальчишка, куда лѣзешь! Я-ть!..

Дверь взломана. Въ номеръ пятый входятъ: надзиратель, Анна Фридриховна, поручикъ, четверо дѣтей, понятые, городовой, два дворника—впослѣдствіи докторъ. Студентъ лежитъ на полу, уткнувшись лицомъ въ сѣрый коврикъ передъ кроватью, лѣвая рука у него подогнута подъ грудь, правая откинута, револьверъ валяется въ сторонѣ. Подъ головой лужа темной крови, въ лѣвомъ

вискѣ круглая, маленькая дырочка. Свѣча еще горитъ и часы на ночномъ столикѣ поспѣшно тикаютъ.

Составляется короткій протоколъ въ казенныхъ словахъ, и къ нему прилагается оставленное самоубійцей письмо... Двое дворниковъ и городовой несутъ трупъ внизъ по лѣстницѣ. Арсеній свѣтитъ, высоко поднявъ лампу надъ головой. Анна Фридриховна, надзиратель и поручикъ смотрятъ сверху изъ окна въ коридорѣ. Несущіе на поворотѣ разладились въ движеніяхъ, застряли между стѣной и перилами и тотъ, который поддерживалъ сзади голову, опускаетъ руки. Голова рѣзко стукается объ одну ступеньку, о другую, о третью.

— Такъ его! такъ его! — озлобленно кричитъ изъ окна хозяйка.—Такъ ему и надо, подлецу! Я еще на чай дамъ!

— Какія вы кровожадныя, мадамъ Зигмайеръ—игриво замѣчаетъ надзиратель и, закрутивъ усъ, скашиваетъ глаза на его кончикъ.

— А еще бы! Теперь въ газету изъ за него попадешь. Я женщина бѣдная, трудящая, а теперь изъ за него люди будутъ мою гостинницу обѣгать.

— Это конечно,—любезно соглашается надзиратель.—И удивляюсь я на этихъ господъ студентовъ. Учиться не хочутъ, красныя флаги какіе то выбрасываютъ, стрѣляются. Не хотятъ понять, каково это ихнимъ родителямъ. Ну еще бѣдные—чертъ съ ними, прельщаются на жидовскія деньги. Но, вѣдь, и порядочные люди туда же, сыновья дворянъ, священниковъ, купцовъ... Народъ! Однако мадамъ, пожелавъ вамъ всего хорошаго...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ни за что!—схватываетъ хозяйка.— У насъ сейчасъ ужинъ... селедочка. А такъ я васъ ни за что не пущу.

— Собственно говоря...—мнется околодочный.—А, впрочемъ, пожалуй. Я, признаться, и такъ хотѣлъ зайти напротивъ къ Нагурному перехватить чего нибудь. Наша служба—говоритъ онъ, вѣжливо пропуская даму въ двери—наша служба тяжелая. Иногда и цѣлый день во рту куска не бываетъ.

За ужиномъ всѣ трое пьютъ много водки. Анна Фридриховна вся раскраснѣвшаяся, съ сіяющими глазами и губами, какъ кровь, сняла подъ столомъ одну туфлю и ногой въ чулкѣ жметъ ногу околодочному. Поручикъ хмурится, ревнуетъ и все пытается разсказать о томъ, какъ «у насъ въ полку». Околодочный же не слушаетъ его, перебиваетъ и разсказываетъ о потрясающихъ случаяхъ «у насъ въ полиціи». Каждый изъ нихъ старается быть какъ можно небрежнѣе и невнимательнѣе къ другому, и оба они похожи на двухъ только что встрѣтившихся во дворѣ кобелей.

— Вотъ вы все—«у насъ въ полку»—говоритъ, глядя не на

поручика, а на хозяйку надзиратель. — А позвольте полюбопытствовать, почему вы вышли изъ военной службы?

— Позвольте-съ,—возражаетъ обидчиво поручикъ.—Однако, я васъ не спрашиваю, какъ вы дошли до полиціи? Какъ дошли вы до жизни такой?

Но тутъ Анна Фридриховна вытаскиваетъ изъ угла музыкальный ящикъ «Монопанъ» и заставляетъ Чижевича вертѣть ручку. Послѣ небольшихъ упрашиваній околодочный танцуетъ съ нею польку—она скачетъ какъ дѣвочка, и на лбу у нея прыгаютъ крутыя кудряшки. Затѣмъ вертитъ ручку околодочный, а танцуетъ поручикъ, прикрутивъ руку хозяйки къ своему лѣвому боку и высоко задравъ голову. Танцуетъ и Аличка съ опущенными рѣсницами и со своей странной, нѣжно-развратной улыбкой на губахъ.

Околодочный уже окончательно прощается, когда появляется Ромка.

— Да-а.—Я студента провожалъ, а вы безъ меня-а-а. Я какъ соба-а-ака...

А то что было прежде студентомъ уже лежитъ въ холодномъ подвалѣ анатомическаго театра, на цинковомъ ящикѣ, на льду,— лежитъ освѣщенное газовымъ рожкомъ,—обнаженное, желтое, отвратительное. На правой голой ногѣ выше щиколки толстыми чернильными цыфрами у него написано 14. Это его номеръ въ анатомическомъ театрѣ.

А. Купринъ.

ТЮРЬМА.

Тюрьма!
С высокаго холма,
Въ степи скитаяся безъ цѣли,
Я увидалъ тебя, тюрьма.
Была весна. Подъ солнцемъ пѣли
Молитву жаворонки. Даль
Струилась воздухомъ нагрѣтымъ.
Летѣли пчелы къ первоцвѣтамъ.
Сіяли радость и печаль.

И сердцу раннею весною,
Когда вся степь такъ широка,
Тюрьма съ высокою стѣною
Была особенно дика.
При этихъ тропкахъ въ влажномъ полѣ,
При золотистыхъ зеленяхъ,
Больнѣе думать о неволѣ,
О людяхъ, запертыхъ въ камняхъ.

О, камни смерти и позора!
Какъ кровь весною красны вы
Предъ нѣжной зеленью убора
Подъ небомъ, полнымъ синевы.
Мой стихъ травой приникнетъ къ стѣнамъ
И птицей къ окнамъ прилетитъ.
Всѣхъ примиритъ на мигъ онъ съ плѣномъ
И съ ѣдкой ржавчиной обидъ.

Вы не одни: тоскуетъ съ вами
Моя душа. Не такъ давно
Я былъ за этими стѣнами
И узнаю мое окно.
Разъ... два... три... Третье сверху, слѣва.
О, какъ тоскливо сжалась грудь!
Но сердце вспыхнуло отъ гнѣва
И прошептало—«не забудь».

Я помню, помню, какъ жандармы
Ворвались полночью въ мой домъ
И, вмѣстѣ съ запахомъ казармы,
Внесли насилье и содомъ.
Преступно наглыми руками
Они хватали все, грязня,
Все, не стѣсняясь предъ замками,
Лишь бы предать, предать меня.
Чутьемъ невѣжественно-лисьимъ
Во всемъ крамолу находя,
Священныхъ книгъ, завѣтныхъ писемъ

Они касались не щадя,
И все швыряли въ безпорядкѣ
Не пропускали даже щель.
Мой мальчикъ спалъ въ своей кроваткѣ.
Разрыли и его постель.
И на разсвѣтѣ, точно вора,
Меня охрана повезла
Къ вамъ, камни смерти и позора,
Къ вамъ, стѣны ужаса и зла.

Меня давила одиночка.
Я къ морю вольному привыкъ.
Здѣсь каждая черта и точка
Имѣла смыслъ свой и языкъ.
И я, по ихъ живымъ намекамъ,
Старался угадать въ тоскѣ,
Кто жилъ здѣсь раньше, какъ по строкамъ
На непонятномъ языкѣ.
И только надъ моей постелью
Прочелъ слова: «Товарищъ, знай:
У насъ свободѣ колыбелью—
Тюрьма. Но ты не унывай».

Спасибо, другъ. Не знаю, кто ты,
Но мнѣ такъ родственно близки
Твои черты, твои заботы
И этотъ слѣдъ твоей руки.
Гдѣ ты? Какъ я, уже на волѣ,
Иль въ снѣжныхъ тундрахъ... въ рудникѣ?
Иль... Но не надо криковъ боли:
Онъ звалъ не уступать тоскѣ—
Я ей не уступалъ. Въ темницѣ
Моя душа была горда,
И даже вамъ, ручныя птицы,
Я не завидовалъ тогда.
Пускай живутъ въ уютныхъ гнѣздахъ
Тѣ, кто не страждетъ за другихъ.
Хотѣлъ дѣлить я душный воздухъ
Съ семьей товарищей моихъ.
Я зналъ, что дни пройдутъ и снова,
Свободенъ, молодъ и могучъ,
Я изъ подъ неба голубого
Рванусь на встрѣчу черныхъ тучъ.
Въ комъ духъ бойца живетъ и дышетъ,
Тотъ и въ неволѣ и въ тюрьмѣ
Призывный громъ душою слышитъ
И ловитъ молніи во тьмѣ.

Въ окно съ рѣшеткою желѣзной
Я видѣлъ неба лишь клочекъ,

Но притягательною бездной
Къ себѣ глаза мои онъ влекъ,
И разжигалъ воображенье
Глубокой тайной и рождалъ
Неизъяснимыя видѣнья,
И я мечтой средь нихъ блуждалъ.
Они пророчества таили
О смѣлыхъ подвигахъ борьбы,
И неизвѣданныя были,
И тайны жизни и судьбы.

Тюремный дворъ былъ глухъ и скученъ.
Тамъ, день и ночь, какъ не живой
Шагалъ, съ винтовкой неразлученъ,
Унылый, сонный часовой.
А утромъ по двору шли кругомъ
Попарно каторжники. Звукъ
Ихъ кандаловъ тупымъ испугомъ
Весь воздухъ заражалъ вокругъ,
И долго послѣ ихъ прогулки
Все цѣпи слышалися мнѣ,
И были стоны ихъ такъ гулки,
Какъ плачъ въ осенней тишинѣ.
Былъ дикъ и мертвъ покой тюремный,
И каждый узникъ крестъ свой несъ,
Какъ волъ покорный, подъяремный,
Стыдясь страданія и слезъ.

—

Гдѣ я? Ужели надо мною
Бездонность неба... пѣсни птицъ!
И вѣетъ лаской и весною
Во мракъ заплаканныхъ рѣсницъ.
Весна! Дохни свободой въ окна,
Порывомъ нѣги и любви.
Какъ чахлой озими волокна,
Надежды слабыхъ обнови.
Тому, кто за моей рѣшеткой
Глядитъ на этотъ клокъ небесъ,
Прощебечи ты птичкой кроткой,
Повѣй могуществомъ чудесъ
И оживи нѣмую келью,
И повтори: «Товарищъ, знай,
У насъ свободѣ колыбелью—
Тюрьма. Но ты не унывай».

А. Өедоровъ.

Соціальные классы и политическія партіи.

„Интересы, ищущіе еще въ потемкахъ своей абстрактной формулы, могутъ сближать людей, но они не соединяютъ ихъ и не сливаютъ ихъ въ одну цѣлую массу для дѣйствія. Это какъ бы армія безъ мундира и безъ знамени; у нея достанетъ терпѣнія для защиты, но стремительности и увлеченія для аттаки у нея не хватитъ. Одни только общіе принципы могутъ поднять напряженіе до той степени, которая необходима, чтобы вызвать и поддержать до конца рѣшительное усиліе“ (Е. Бутми „Развитіе государственнаго и общественнаго строя Англіи“ М. 1904. 147 стр).

I.

«Вся исторія общества была до сихъ поръ исторіей борьбы классовъ». Этими словами, какъ извѣстно, начинается знаменитый «Коммунистическій Манифестъ», въ которомъ впервые съ классическою ясностью и сжатостью были провозглашены основныя идеи научнаго соціализма. Не случайно, конечно, Марксъ началъ «Манифестъ» съ провозглашенія классовой борьбы какъ двигающаго нерва историческихъ событій,—теорія и практика классовой борьбы представляютъ собою основное содержаніе научнаго соціализма. Съ тѣхъ поръ, какъ былъ написанъ «Коммунистическій Манифестъ», Марксъ и Энгельсъ въ рядѣ блестящихъ историческихъ монографій и теоретическихъ сочиненій, а нѣмецкая соціалъ-демократія на практикѣ достаточно выяснили общій смыслъ и знаніе теоріи и практики классовой борьбы. Но закаленная въ огнѣ практической политической борьбы, провозглашенная, какъ могучее историческое обобщеніе, классовая теорія нуждалась еще въ точномъ и ясномъ опредѣленіи самого понятія соціальныхъ классовъ.

К. Марксъ сознавалъ это и въ третьемъ томѣ «Капитала», призванномъ завершить его экономическую систему, онъ отвелъ спеціальную главу разсмотрѣнію вопроса о соціальныхъ классахъ. Но, увы! уже въ самомъ началѣ этой главы читатель съ глубокимъ чувствомъ незамѣнимой интеллектуальной утраты видитъ печальныя слова:

«Здѣсь рукопись автора обрывается»...

Марксъ не далъ спеціальнаго опредѣленія понятія соціальныхъ классовъ, а вслѣдствіе того, что это понятіе, какъ мы увидимъ ниже,

является у Маркса очень своеобразнымъ и сложнымъ, приходится внимательно вчитываться во всѣ случайно, мимоходомъ написанныя Марксомъ строки о понятіи соціальныхъ классовъ.

Уже въ «Нищетѣ философіи» Марксъ бросаетъ вскользь нѣсколько замѣчаній, ясно показывающихъ, что подъ соціальными классами онъ понималъ не просто общественныя группы съ расходящимися и сталкивающимися соціальными интересами, а такія соціальныя группы, которыя уже сдѣлали, по крайней мѣрѣ, первые шаги на пути выработки своего классоваго самосознанія.

«Экономическія отношенія, говоритъ онъ здѣсь, превратили сперва массу народонаселенія въ рабочихъ. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положеніе и общіе интересы. Такимъ образомъ, по отношенію къ капиталу масса является уже классомъ, но сама для себя она еще не классъ. Въ борьбѣ, намѣченной нами лишь въ нѣкоторыхъ ея фазисахъ, сплоченная масса вырабатывается въ классъ для себя. Защищаемыя ею интересы становятся классовыми интересами. Но борьба между классами есть борьба политическая. Въ исторіи буржуазіи мы должны различать два фазиса: въ первомъ она складывается въ классъ подъ господствомъ феодальнаго строя и абсолютной монархіи; во-вторыхъ—уже образовавши изъ себя классъ—она низвергла феодализмъ и монархію, чтобы изъ стараго общества сдѣлать общество буржуазное. Первый изъ этихъ фазисовъ былъ длиннѣе второго и потребовалъ наибольшихъ усилій» [1]).

Въ той же «Нищетѣ философіи» Марксъ говоритъ между прочимъ: «Пока пролетаріатъ не настолько еще развитъ, чтобы сложиться въ особый классъ, пока самая борьба пролетаріата съ буржуазіей не имѣетъ еще, слѣдовательно, политическаго характера» и т. д. [2]).

Эти мимоходомъ брошенныя въ «Нищетѣ философіи» замѣчанія показываютъ, что уже въ самомъ началѣ Марксъ склоненъ былъ считать классомъ группу людей, которая не только по объективнымъ свойствамъ своего существованія, но и по субъективнымъ свойствамъ своего сознанія представляла собою экономически обособленное цѣлое которая бы, словомъ, не только выражала, но и сознавала классовыя противорѣчія. Изъ послѣдней проведенной нами цитаты видно уже, что Марксъ склоненъ былъ считать рабочихъ особымъ классомъ только тогда, когда у нихъ уже появились первые проблески классоваго сознанія. Онъ говоритъ здѣсь о пролетаріатѣ, который «*не настолько еще развитъ, чтобы сложиться въ особый классъ*».

И въ «Коммунистическомъ Манифестѣ» Марксъ намѣчаетъ какъ

---

[1]) Ср. К. Марксъ Нищета философіи. Перев. подъ р. Г. Плеханова изд. Г. Львовича Спб. 1906. Стр. 140—141.

[2]) Ibid. Стр. 94.

одну изъ основныхъ задачъ «коммунистовъ»:—«превращеніе пролетаріевъ въ классъ».

Наконецъ, въ блестящей исторической «монографіи 18-ое Брюмэра Луи Бонапарта» мы находимъ у Маркса слѣдующія характерныя строки относительно крестьянства:

«Мелкіе крестьяне образуютъ собою огромную массу, члены которой живутъ въ одинаковыхъ условіяхъ, но не вступаютъ въ разнообразныя отношенія другъ съ другомъ. Ихъ способъ производства ведетъ къ разобщенію, а не къ взаимнымъ сношеніямъ производителей... Клочокъ земли, крестьянинъ и семья; рядомъ другой клочокъ земли, другой крестьянинъ и другая семья. Куча семей образуютъ деревню, куча деревень—департаменты. Такимъ образомъ составляется главная масса французскаго народа, какъ изъ картофеля, набитаго въ мѣшокъ, составляется мѣшокъ съ картофелемъ... Поскольку между мелкими крестьянами существуетъ лишь связь того же мѣстожительства, а тожественность ихъ интересовъ не вызываетъ никакой сознательной общности интересовъ, никакой національной общности и никакой политической организаціи крестьянъ, постольку мелкіе крестьяне не образуютъ класса».

Этихъ не многихъ цитатъ вполнѣ достаточно, чтобы получить общее представленіе о взглядѣ Маркса на соціальные классы. Вѣрный своей эволюціонной или, если угодно, діалектической точкѣ зрѣнія, Марксъ видѣлъ въ соціальномъ классѣ не разъ на всегда данное и застывшее бытіе, а вѣчно живой процессъ развитія, или, выражаясь языкомъ Гегеля, Марксъ разсматривалъ соціальные классы въ процессѣ «становленія».

Сплошной соціальный бытъ первобытнаго общества съ господствомъ стихійнаго коммунизма, подъ напоромъ ростущихъ производительныхъ силъ, разслаивался на разные экономическіе классы со все болѣе расходящимися, все рѣзче сталкивающимися интересами. Медленно и постепенно на почвѣ разлагающагося первобытнаго коммунизма складывались экономическіе класссы, еще медленнѣе и еще постепенѣе эти различные классы начали сознавать противоположность своихъ интересовъ и вырабатывать классовую идеологію. На почвѣ уже сложившихся хозяйственныхъ классовъ начало туго и медленно развиваться классовое сознаніе, возникшее раньше въ верхнихъ слояхъ общественной пирамиды, а затѣмъ уже постепенно пробившееся и къ придавленнымъ этою пирамидою низшимъ слоямъ. Подъ живительными лучами восходящаго классоваго сознанія безформенная глыба «населенія» начинала шевелиться, двигаться и принимать организованныя формы, изъ хаоса «жителей» стала все болѣе выдвигаться и выясняться твердь классовой организаціи. Хозяйственные классы, обособляемые лишь еще не осознаною противоположностью экономическихъ интересовъ, по мѣрѣ развитія самознанія стали превращатьса въ со-

ціальные классы. Этотъ длинный, черезъ всю человѣческую исторію тянущійся процессъ превращенія безформенныхъ глыбъ хозяйственныхъ класовъ или хозяйственныхъ группъ въ живые организмы соціальныхъ классовъ, не завершился еще и въ настоящее время. Въ настоящее время уже всѣ классы населенія, начиная съ узкой вершины и кончая широкимъ основаніемъ общественной пирамиды, втянулась въ эту вторую стадію развитія самосознанія, но втянулось далеко еще не цѣликомъ. Въ то время, когда ихъ поредовые отряды уже успѣли всецѣло проникнуться самосознаніемъ, отсталый «тылъ» еще погруженъ въ темень соціально-безсознательнаго существованія.

Кромѣ того, ни одинъ классъ не представляетъ собою замкнутаго цѣлаго, входъ въ которое постороннимъ прегражденъ. Напротивъ того, между различными классами постоянно происходитъ соціальный экзосмосъ и эндосмосъ, постоянный «обмѣнъ веществъ».

Изъ рядовъ раззоряющейся мелкой буржуазіи постоянно вливаются новые элементы въ кадры рабочаго кллacca, изъ рабочаго класса, въ несравненно, конечно, меньшемъ количествѣ, извѣстные элементы переходятъ въ мелкую буржуазію. Эти новые пришельцы, попадающіе въ новую соціальную среду, не могутъ, конечно, сразу избавиться отъ своихъ вчерашнихъ воззрѣній, взглядовъ, привычекъ, стремленій Становясь соціально членами новаго класса, они еще долго продолжаютъ сердцемъ и умомъ жить въ своей старой соціальной средѣ.

Такимъ образомъ, соціальный классъ представляетъ собою до чрезвычайности сложный общественный процессъ претворенія и переработки сыраго хозяйственнаго матеріала въ живой соціально-политическій организмъ.

Надо различать двоякаго рода классы:—классы какъ чисто хозяйственная категорія и классы какъ соціальныя явленія. Классы въ чисто хозяйственномъ смыслѣ существовали съ самаго начала исторической жизни человѣчества, съ тѣхъ поръ какъ появились угнетенные и угнетаемые, имущіе и неимущіе. Соціальные же классы представляютъ собою болѣе поздній историческій продуктъ, они появились тогда, когда вокругъ хозяйственныхъ группировокъ стала вырабатываться атмосфера классоваго сознанія.

Рабочій классъ долгое время представлялъ собою чисто хозяйственный классъ, безъ проблесковъ классоваго сознанія, обособленный экономически отъ всѣхъ другихъ классовъ, онъ былъ лишенъ сознанія своей обособленности и стремленія устранить эту обособленность. Онъ былъ способенъ къ стихійнымъ вспышкамъ недовольства своимъ положеніемъ, вспышкамъ направленнымъ на своего ближайшаго эксплуататора. Эти глухіе стихійные вспышки были въ началѣ совершенно лишены политически членораздѣльной рѣчи, были лишены вообще всякаго политическаго характера. Но постепенно и туго темное и глухое недовольство рабочихъ низкимъ вознагражденіемъ и тяжелымъ

положеніемъ наемнаго труда стало просвѣтляться и расширяться сначала въ недовольство безправнымъ и подневольнымъ положеніемъ всего рабочаго класса, а затѣмъ и въ недовольство существованіемъ классоваго расчлененія общества вообще. А рука объ руку съ этимъ борьба рабочихъ разросталась изъ борьбы съ отдѣльными хозяевами въ борьбу съ классомъ капиталистовъ, въ борьбу съ государствомъ, опирающимся на эксплуатацію огромнаго большинства населенія незначительнымъ меньшинствомъ.

На этой то почвѣ и происходило превращеніе рабочаго класса, какъ чисто хозяйственной категоріи, въ соціальный классъ, члены котораго уже были объединены не только единствомъ своего хозяйственнаго положенія, но и единствомъ своего сознанія. Такой уже созрѣвшій соціальный классъ по необходимости долженъ выдвинуть программу политической борьбы, такъ какъ только съ помощью политической дѣятельности онъ можетъ добиться законодательнымъ путемъ улучшенія своего положенія, какъ класса, и надѣяться, путемъ завладѣнія политическою властью, положить конецъ всякому классовому строенію общества.

Таковъ именно смыслъ проведенныхъ нами цитатъ изъ Маркса, таковъ смыслъ проводимаго имъ различія между классомъ, являющимся таковымъ лишь по отношенію къ другимъ классамъ, и классомъ «въ себѣ».

Характеризуя эту точку зрѣнія Маркса на общественные классы, г. Туганъ-Барановскій справедливо говоритъ: «Проходя этотъ кругъ развитія, классъ измѣняется въ своемъ характерѣ; называя одну и ту же общественную группу классомъ, и затѣмъ отказывая ей въ классовомъ характерѣ, нашъ авторъ характеризовалъ ее съ точки зрѣнія различныхъ фазисовъ ея развитія. Такъ, личинка можетъ быть противопоставлена взрослому животному, въ которое она превращается, но вмѣстѣ съ тѣмъ, сравнивая это животное съ организмами другихъ видовъ, мы присваиваемъ личинкѣ такое же наименованіе, какъ и взрослому животному» [1]).

Переходъ изъ класса какъ чисто хозяйственной категоріи въ классъ «въ себѣ» или соціальный классъ совершается не сразу всей массой, а отдѣльными отрядами, въ разсыпную. И теперь еще нѣтъ ни одного класса, который бы вполнѣ завершилъ переходъ отъ хозяйственнаго класса къ общественному. И теперь еще во всѣхъ безъ исключенія общественныхъ классахъ имѣются многочисленные элементы, которые, принадлежа экономически къ опредѣленному классу, психологически не сознаютъ этой принадлежности, не понимаютъ общности своихъ интересовъ съ интересами всего даннаго класса и противоположность

---

[1]) М. Туганъ-Барановскій. Что такое общественный классъ? „Міръ Божій“ 1904 г. № 1. Стр. 68.

своихъ интересовъ интересамъ всѣхъ другихъ классовъ. Многіе изъ этихъ элементовъ обходятся вообще безъ всякой классовой идеологіи, многіе же безсознательно усваиваютъ идеологію другихъ классовъ, изъ которыхъ они еще недавно вышли или которые сумѣли подчинить изъ своей духовной культурѣ.

Присутствіе подобнаго рода элементовъ во всѣхъ общественныхъ классахъ вскрываетъ одинъ изъ главныхъ источниковъ несовпаденія между политическими партіями и соціальными классами, но, какъ мы увидимъ ниже, имѣются еще и другіе источники этого несовпаденія.

Если бы соціальные классы были всецѣло проникнуты прочнымъ сознаніемъ своихъ классовыхъ интересовъ, если бы всѣ члены каждаго общественнаго класса твердо стояли на точкѣ зрѣнія общности своихъ интересовъ и противоположности ихъ интересовъ другихъ классовъ, то, ведя другъ съ другомъ политическую борьбу, они создали бы лишь нѣсколько крупныхъ политическихъ партій, въ точности соотвѣтствующихъ тѣмъ соціальнымъ классамъ, на которые распадается современное общество.

На самомъ дѣлѣ точнаго соотвѣтствія между политическими партіями и соціальными классами въ настоящее время не существуетъ. Нѣсколькимъ соціальнымъ классамъ противостоятъ десятки различныхъ политическихъ партій, классовый составъ которыхъ отличается большою пестротою и перетасованностью. Мы только что уже намѣтили одну изъ основныхъ причинъ подобнаго несовпаденія:—во всѣхъ классахъ очень многочисленные элементы не проникнуты классовымъ сознаніемъ и, въ хозяйственномъ отношеніи принадлежа къ данному классу, они политически борятся въ рядахъ другихъ классовъ.

Теперь мы обратимся къ другимъ причинамъ, вызывающимъ несовпаденіе политическихъ партій съ соціальными классами. Остановимся прежде всего на большей дробности политическихъ интересовъ по сравненію съ классовыми интересами.

II.

Уже Адамъ Смитъ установилъ три основныхъ соціальныхъ класса: крупные землевладѣльцы, промышленники и рабочій классъ.

Какъ мы уже замѣтили, въ третьемъ томѣ «Капитала» Марксъ началъ анализъ понятія общественныхъ классовъ. Указавъ на только что упомянутые три основныхъ класса, Марксъ продолжаетъ: «Что дѣлаетъ ихъ образователями трехъ большихъ общественныхъ классовъ? На первый взглядъ тождественность доходовъ и источниковъ дохода. Существуютъ три большихъ общественныхъ группы, составныя части которыхъ, образующіе ихъ индивидуумы, живутъ соотвѣтственно рабочей платой, прибылью и поземельной рентой, пользова-

ніемъ своей рабочей силой, своимъ капиталомъ и своей поземельной собственностью».

«Но этой точки зрѣнія врачи и чиновники, напр., образуютъ также два класса, такъ какъ они принадлежатъ къ различнымъ общественнымъ группамъ, и члены каждой изъ нихъ получаютъ доходы изъ одного и того же источника. То же самое относится и къ безконечному дробленію интересовъ и положеній, на которые раздѣленіе общественнаго труда разбиваетъ, какъ рабочихъ, такъ капиталистовъ и поземельныхъ собственниковъ—послѣднихъ, напр. на владѣльцевъ виноградниковъ, владѣльцевъ пахотныхъ земель, владѣльцевъ лѣсовъ, владѣльцевъ шахтъ, владѣльцевъ рыбныхъ тоней». Но Марксъ едва только успѣлъ подойти къ изслѣдованію интереснѣйшаго вопроса. Рукопись третьяго тома осталась недоконченной, оборвавшись какъ разъ на этомъ мѣстѣ.

Талантливѣйшій послѣдователь Маркса, Карлъ Каутскій попытался довести до конца аргументацію Маркса и далъ слѣдующее объясненіе расхожденія классовыхъ интересовъ:

«Что опредѣляетъ положеніе съ одной стороны, скажемъ, поземельнаго собственника по отношенію къ наемному рабочему и капиталисту, съ другой стороны, скажемъ, владѣльца пашни по отношенію къ владѣльцу лѣса и мѣста подъ постройку?

«Поземельная рента поземельнаго собственника при данной величинѣ національнаго дохода можетъ увеличиваться лишь: или насчетъ заработной платы, или насчетъ прибыли капитала—интересы поземельнаго собственника противорѣчатъ, такимъ образомъ, интересамъ наемнаго рабочаго и капиталиста. Между тѣмъ, поземельная рента владѣльца пахотной земли не растетъ насчетъ поземельной ренты другихъ поземельныхъ собственниковъ. Напротивъ, ростъ поземельной ренты или связанной съ нею цѣны на землю одного рода влечетъ за собою ростъ поземельныхъ рентъ и земельныхъ цѣнъ другихъ земельныхъ участковъ. Но всякое повышеніе этихъ поземельныхъ рентъ и земельныхъ цѣнъ означаетъ соотвѣтствующій ущербъ заработной платы или прибыли капитала.

«Возьмемъ, съ другой стороны, классъ наемныхъ рабочихъ. Онъ распадается на печатниковъ, металлургическихъ рабочихъ, ткачей, сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и т. д., но эти подраздѣленія не образуютъ никакихъ классовъ. Для всѣхъ ихъ является общей противоположность къ капиталу и поземельной собственности, ибо при данномъ національномъ доходѣ заработная плата можетъ возрастать лишь на счетъ этихъ обоихъ источниковъ дохода; внутри же рабочаго класса заработная плата одного изъ этихъ рабочихъ слоевъ не возрастаетъ насчетъ другихъ; напротивъ, скорѣе всякое повышеніе заработной платы одного рабочаго слоя усиливаетъ тенденцію къ повышенію заработной платы другихъ рабочихъ слоевъ; оно усиливаетъ

стремленіе рабочихъ требовать высшую плату и уменьшаетъ у предпринимателей силу сопротивленія противъ этой уступки» [1]).

Эти замѣчанія Каутскаго чрезвычайно цѣнны для уясненія взаимоотношенія между политическими теоріями и соціальными классами, они показываютъ намъ, что классовыя позиціи обусловливаются не только общностью источниковъ дохода, но и, какъ выражается Каутскій, «общности *противоположности* къ другимъ классамъ, изъ которыхъ каждый стремится присвоить источники доходовъ другихъ, чтобы сдѣлать доходнѣе свой собственный».

Сообразно тремъ основнымъ источникамъ дохода: земельной собственности, фабричному производству и наемному труду, мы можемъ различать три основныхъ типа политическихъ партій:—консервативную, либеральную и соціалистическую. Но присматриваясь ближе къ тремъ основнымъ соціальнымъ классамъ, мы легко замѣтимъ, что и внутри нихъ идетъ борьба различныхъ экономическихъ группъ и происходитъ рѣзкое столкновеніе соціальныхъ интересовъ. Каждый изъ этихъ крупныхъ соціальныхъ классовъ распадается на различныя соціальныя группы, создающіе дальнѣйшее дробленіе общественныхъ группировокъ, а на почвѣ этого дальнѣйшаго дробленія складываются промежуточныя политическія партіи.

Возьмемъ, напр., буржуазію. Достаточно самаго общаго ознакомленія съ ея соціально-политической физіономіей, чтобы бросилось въ глаза рѣзкое соціальное различіе между двумя ея половинами—крупною и мелкою буржуазіей, это различіе настолько велико, что многіе выдѣляютъ мелкую буржуазію даже въ особый, самостоятельный соціальный классъ. Къ этому различію, поскольку оно отражается на политическихъ группировкахъ, мы еще вернемся ниже, а также разсмотримъ первую группу—крупную буржуазію.

Крупная буржуазія, въ свою очередь, не представляетъ собою соціальнаго класса съ совершенно замиренными внутренними противорѣчіями и столкновеніями, она, въ свою очередь, распадается по своимъ соціальнымъ интересамъ и политической физіономіи на два подъкласса—финансовую и промышленную буржуазію.

И финансовая, и промышленная буржуазія въ конечномъ итогѣ извлекаютъ свои доходы изъ эксплуатаціи наемнаго труда, но тогда какъ промышленная буржуазія совершаетъ эту эксплуатацію непосредственно, финансовая буржуазія присваиваетъ себѣ часть созданной рабочими прибавочной цѣнности не въ ея непосредственномъ видѣ, а въ видѣ присвоенія части предпринимательской прибыли. Финансовая буржуазія непосредственной эксплуатаціей рабочихъ не занимается, за извѣстный процентъ она ссужаетъ своими деньгами промышленную

---

[1]) Ср. Каутскій. „Классовые интересы“. Перев. В. Поссе. Одесса, 1905 г., Стр. 4—5.

буржуазію, и этотъ процентъ, уплачиваемый фабрикантами финансистамъ, представляетъ собою вычетъ изъ предпринимательской прибыли послѣднихъ въ пользу наростанія процентовъ вторыхъ. Такимъ образомъ передъ нами здѣсь безусловный антагонизмъ интересовъ между двумя различными группами одного и того же класса—финансовая буржуазія стремится по возможности увеличить размѣры процента за отдаваемый капиталъ, а промышленная буржуазія стремится по возможности понизить эти размѣры. Въ общей суммѣ, создаваемой рабочими прибавочной цѣнности, которой одновременно питаются и финансисты и фабриканты, относительная доля фабрикантовъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше относительная доля финансистовъ, и наоборотъ.

Финансовая буржуазія и промышленная обѣ заинтересованы въ томъ, чтобы выжать изъ рабочаго возможно большую массу прибавочной цѣнности, одинаково заинтересованы онѣ обѣ и въ томъ, чтобы крупное производство развивалось возможно шире и безпрепятственнѣе, ибо эксплуатація наемнаго труда и развитіе капиталистическаго производства и создаютъ источникъ ихъ дохода. Это то и объединяетъ ихъ въ одинъ соціальный классъ, но когда начинается дѣлежъ ихъ общей добычи, такъ тотчасъ начинаютъ сталкиваться ихъ экономическіе интересы.

Сказочное развитіе матеріальнаго богатства въ XIX в. привело къ созданію и скопленію громадныхъ капиталовъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Процентъ на занимаемый капиталъ при этомъ страшно упалъ и финансистамъ остается возмѣстить это паденіе путемъ увеличенія массы отдаваемаго въ оборотъ капитала. Но это сдѣлать не такъ-то легко. Во всѣхъ странахъ старой капиталистической культуры скопилась колоссальная масса свободныхъ «безработныхъ» капиталовъ, жадно и часто тщетно ищущихъ себѣ примѣненія внутри страны. Эти-то избыточные капиталы рыщутъ по всему лицу земли капиталистической, съ особенною плотоядностью набрасываясь на полуцивилизованныя и дикія страны, гдѣ дешевы рабочія руки, гдѣ непочаты природныя богатства и высока предпринимательская прибыль.

И чѣмъ развитѣе въ капиталистическомъ отношеніи страна, тѣмъ космополитичнѣй ея капиталы, тѣмъ болѣе широкое участіе принимаетъ она въ финансированіи заграничныхъ предпріятій. Возьмемъ, напр., Францію. Въ 1904 г. во Франціи была произведена интересная оффиціальная анкета о размѣрахъ участія французскихъ капиталистовъ въ иностранныхъ предпріятіяхъ и иностранныхъ бумагахъ. Эта анкета показала, что въ нѣмецкіе предпріятія вложено 85 милліоновъ французскихъ капиталовъ, а въ русскія бумаги и предпріятія—7 милліардовъ франк. По неоффиціальнымъ же даннымъ въ русскія предпріятія и бумаги французы уже въ 1904 году вложили отъ 11—13 милліардовъ фр. Въ общемъ, по подсчету анкеты, Франція вложила въ ино-

странныя и свои колоніальныя предпріятія огромную сумму, достигающую 33 милліар. фр. [1]).

Извлекая сотни милліоновъ ежегоднаго дохода изъ финансированія иностранной промышленности и иностранныхъ правительствъ, финансовая буржуазія въ то же время широко финансируетъ и свое правительство, благодаря этому она очень близко соприкасается съ правительственною властью, входитъ съ нею въ интимныя сношенія и сообща обдѣлываетъ капиталистическіе походы на новыя страны, еще не совершившія капиталистическаго грѣхопаденія. Несравненно ближе чѣмъ промышленная буржуазія стоя къ правительству, финансовая буржуазія параллельно съ этимъ несравненно дальше стоитъ отъ народа. Принимая своими финансами ближайшее участіе во всѣхъ широкихъ правительственныхъ махинаціяхъ, постоянно затѣвая авантюристкіе планы, финансовая буржуазія нуждается въ правительствѣ, которое бы ее поддерживало и позволяло ей за кулисами политической жизни въ тиши и тьмѣ обдѣлывать свои дѣла.

«Денежнымъ тузамъ, — справедливо говоритъ Каутскій,—нечего бояться «сильной», т.-е. отъ народа и отъ парламента не зависящей государственной власти, такъ какъ они держатъ эту власть въ своихъ рукахъ, въ качествѣ кредиторовъ и благодаря личнымъ вліяніямъ при дворѣ. Милитаризмъ, войны, государственные долги, во всемъ этомъ они тоже заинтересованы и въ качествѣ кредиторовъ государства, и въ качествѣ поставщиковъ его, такъ какъ среда ихъ вліянія и ихъ грабительства, ихъ могущества, ихъ богатства расширяется и растетъ, благодаря всему этому» [2]).

Промышленная буржуазія непосредственно заинтересована въ томъ, чтобы въ странѣ была тишина и порядокъ, чтобы покупательная способность широкихъ массъ населенія не подрывалась тяжелыми налогами, чтобы правительственная власть въ своей дѣятельности опиралась на нее, буржуазію, чтобы, наконецъ, рабочій классъ «чрезмѣрной» эксплуатаціей и отсталымъ законодательствомъ не доводился до революціонной вспышки и непримиримаго озлобленія.

Финансовая же буржуазія относится недружелюбно къ широкому политическому самоуправленію, ибо политическая гласность и неослабный политическій контроль народа мѣшаютъ развернуться авантюристическимъ затѣямъ. Финансовые тузы наиболѣе жирные куши получаютъ именно въ авантюристкихъ предпріятіяхъ, основанныхъ на легковѣріи публики, на ловкой спекуляціи, на умѣлой фальсификаціи общественнаго мнѣнія, на эксплуатаціи затруднительнаго положенія

---

[1]) Ср. нашу статью. Финансовая міровая политика. „Эконом. Газета" 1904 г. № 8. По даннымъ еще не вошедшимъ въ эту анкету, французскіе капиталисты вложили въ иностранное предпріятія до 70 милліард. фр.!

[2]) К. Каутскій. Соціальная реформа и на другой день послѣ соціальной реформы. Ростовъ-на-Дону. 1905 г. Стр. 51—52.

той или иной общественной группы или даже правительства. Послѣдній русскій заемъ, положившій въ карманы французскихъ финансистовъ круглую сумму въ 90 милліоновъ франковъ, служитъ хорошей иллюстраціей къ сказанному. Мы видимъ, такимъ образомъ, что политическія физіономіи двухъ крупныхъ группъ буржуазіи—промышленной и финансовой, очень рѣзко отличаются другъ отъ друга, и не удивительно, что на почвѣ этого различія должны сложиться двѣ различныя политическія партіи.

Если мы теперь обратимся къ промышленной буржуазіи, то убѣдимся, что и внутри ея существуютъ нѣсколько группъ съ расходящимися соціально-политическими интересами. Промышленная буржуазія, работающая на туземный рынокъ, заинтересована въ охранительныхъ пошлинахъ, промышленная же буржуазія работающая на иностранные рынки, настроена фритредерски, сообразно съ этимъ политическія стремленія первой направлены на поддержку тѣхъ партій, которыя включаютъ въ свою программу протекціонизмъ, а стремленія второй—на тѣ партіи, которыя борятся съ протекціонизмомъ.

Надо далѣе различать съ одной стороны между буржуазіей, производящей предметы роскоши, потребляемые лишь богатыми слоями народа, и исполняющей заказы казны, и съ другой стороны между буржуазіей, производящей предметы, расчитанные на потребленіе широкой и малоимущей группы народа.

Перваго рода буржуазія тяготѣетъ больше къ «аристократіи», а та, которая работаетъ для казны, настроена въ политическомъ отношеніи очень услужающе. Она является яростной сторонницей милитаризма и маринизма, доставляющихъ ей многомилліонные заказы, и равнодушно относится къ вопросу о благосостояніи народной массы, не являющейся ея потребителемъ. Промышленная же буржуазія, работающая на широкій народный рынокъ, заинтересована въ томъ, чтобы покупательная способность и потребности широкой народной массы развивались и не подрывались налогами, связанными съ ростомъ милитаризма и маринизма. Это расхожденіе соціальныхъ интересовъ внутри одного и того же класса ведетъ къ тому, что изъ одного и того же соціальнаго корня выростаютъ и развѣтвляются въ стороны различныя политическія партіи.

Какъ мы уже упомянули, совершенно особую политическую позицію занимаетъ обширная группа буржуазіи—мелкая буржуазія.

Побѣдоносный ходъ капиталистическаго хозяйства раззоряетъ мелкую буржуазію. Онъ выбиваетъ ее изъ одной позиціи за другой, заставляя напряженно и тревожно ждать завтрашній историческій день. Зачастую у этой мелкой буржуазіи отъ ея «собственности» остались, какъ говорится, лишь ножки да рожки, но одержимая болѣзненною любовью къ клочку земли, убогой мастерской или затхлой лавченкѣ, она обѣими руками цѣпляется за эту «собственность» и го-

това лучше умереть отъ переутомленія и недоѣданія, чѣмъ разстаться съ нею. Она чувствуетъ, конечно, какъ на нее со всѣхъ сторонъ надвигается неумолимая и непреоборимая конкурренція крупнаго производства, она видитъ на каждомъ шагу, какъ толстая буржуазія дюжинами поѣдаетъ тощую, но біясь какъ рыба о ледъ, она перебивается со дня на день и надѣется отстоять свою «собственность». А когда ей начинаютъ росписывать, какъ «соціалисты» прійдутъ и отберутъ у всѣхъ «собственность», она легко вспыхиваетъ къ нимъ тупой и тяжелой ненавистью.

Зачастую дошедшая въ своемъ раззореніи до положенія пролетарія, она съ трудомъ, однако, разстается съ своей психологіей собственника.

Одна часть мелкой буржуазіи сумѣла кое какъ приспособиться въ качествѣ простого придатка крупнаго производства. Она работаетъ на это производство и поддерживается имъ. Эта часть мелкой буржуазіи плетется въ хвостѣ буржуазныхъ партій и лишь небольшую часть выдѣляетъ въ новыя партіи. Другая же часть мелкой буржуазіи мелкіе бѣдные крестьяне, мелкіе лавочники въ рабочихъ кварталахъ, мелкіе трактирщики и т. д. живя, главнымъ образомъ, пролетарской кліентурой, понемногу втягиваются въ кругъ идей и стремленій пролетаріата и примыкаютъ къ соціалистической партіи. Къ этой «соціалистической» группѣ мелкой буржуазіи намъ еще прійдется вернуться при анализѣ соціальнаго состава соціалистическихъ партій.

Значительная же часть мелкой буржуазіи пополняетъ кадры реакціонныхъ партій. Раззоряемые капиталистическимъ развитіемъ, пугаемые соціалистическимъ «уничтоженіемъ собственности», мелкіе буржуа начинаютъ съ ненавистью относиться ко всякому движенію впередъ и начинаютъ всѣ свои надежды возлагать и всѣ свои стремленія напрягать на то, чтобы вернуть исторію вспять, къ тому доброму старому времени, когда мелкая собственность и ремесло еще были «золотымъ дномъ». «Они потеряли—говоритъ Каутскій объ этой группѣ мелкой буржуазіи—надежду поправить свои дѣла собственными силами, они всего ожидаютъ сверху, отъ высшихъ классовъ и отъ государственной власти. А такъ какъ всякій прогрессъ является для нихъ грозной опасностью, то они относятся враждебно ко всякому прогрессу, въ какой бы-то области ни было. Тяготѣніе къ реакціи дѣлаетъ ихъ защитниками монархіи, церкви, дворянства. Но при этомъ они остаются демократическими, такъ какъ только при демократическомъ строѣ могутъ они имѣть политическое вліяніе и такимъ путемъ получить поддержку со стороны государственной власти» [1]).

«Если соціалъ-демократія, говоритъ дальше Каутскій, является самой прогрессивной партіей, то реакціонная демократія представляетъ собою партію самую ретроградную, такъ какъ у нея къ ненависти другихъ реакціонныхъ партій противъ прогресса присоединяется еще

---

[1]) Каутскій Соціальная реформа. Ростовъ па Дону. 1905. Стр. 46.

безшабашность грубѣйшаго невѣжества во всемъ, что лежатъ за предѣлами самаго ограниченнаго кругозора. Къ этому нужно еще прибавить, что въ качествѣ эксплуататоровъ мелкіе буржуа влачатъ свое существованіе только благодаря тому, что безчеловѣчно эксплуатируютъ самую слабую и наименѣе способную къ сопротивленію рабочую силу—женщинъ и дѣтей. При этомъ они, конечно, сталкиваются прежде всего враждебно съ соціалъ-демократіей, которая старается посредствомъ организаціи рабочихъ и путемъ ограничительныхъ законовъ положить предѣлъ такому расхищенію человѣческихъ жизней».

Мы видимъ такимъ образомъ, что вторая половина буржуазіи, мелкая буржуазія, по своимъ политическимъ стремленіямъ представляетъ собою еще болѣе разнородную массу, чѣмъ первая половина буржуазіи, крупная буржуазія. Часть мелкой буржуазіи, и пока даже значительное большинство мелкой буржуазіи, настроена крайне реакціонно. Она легко подпадаетъ подъ вліяніе всякихъ соціальныхъ знахарей и реакціонеровъ, обѣщающихъ ей возвращеніе къ доброму старому времени, она съ остервенѣніемъ набрасывается на всѣхъ новаторовъ и широкою волною приливаетъ къ пестрымъ зазывательскимъ знаменамъ католическихъ, антисемитическихъ и консервативныхъ партій. Но другая часть консервативной мелкой буржуазіи, сжившаяся съ пролетарскою средою, рекрутирующая изъ нея своихъ кліентовъ, настроена очень радикально, и во многихъ странахъ она въ довольно большомъ количествѣ подаетъ свои голоса за соціалистическихъ кандидатовъ.

Мы убѣждаемся слѣдовательно, что классъ буржуазіи распадается на нѣсколько общественныхъ группъ съ расходящимися соціальными интересами, съ различнымъ соціальнымъ міровоззрѣніемъ. На этой почвѣ по необходимости вырастаютъ различныя политическія партіи.

III.

Въ рабочемъ классѣ, конечно, можно отмѣтить тоже очень различные соціальные слои — чернорабочихъ и квалифицированныхъ рабочихъ, рабочихъ крупныхъ и мелкихъ заводовъ, рабочихъ, оборвавшихъ и не оборвавшихъ «связи съ землею» и т. д., и т. д.—на почвѣ которыхъ складываются различныя политическія физіономіи. Но разница между буржуазными и пролетарскими классовыми группами заключается въ томъ, что между буржуазными группами существуетъ извѣстный антогонизмъ интересовъ, между тѣмъ какъ между рабочими группами ясно понятый соціальный интересъ долженъ толкать ихъ къ полному объединенію и сплоченію.

Въ самомъ дѣлѣ, финансовая буржуазія заинтересована въ томъ, чтобы процентъ на ссужаемый его капиталъ былъ по возможности выше, а промышленная буржуазія пользующаяся этими капиталами заинтересована какъ разъ въ противоположномъ. Промышленная бур-

жуазія, питающаяся главнымъ образомъ казенными заказами и наживающая милліоны на изготовленіи военныхъ оружій, припасовъ, аммуниціи, флота и т. д. является ярой сторонницей милитаризма, а буржуазія, работающая на внутренній рынокъ, экономически страдаетъ отъ тяготъ милитаризма. Конечно, несмотря на всѣ эти различія, всѣ эти общественныя группы остаются буржуазными, принадлежа къ одному и тому же классу буржуазіи, но на почвѣ этого различія создаются различныя буржуазныя политическія партіи.

Различныя же пролетарскія партіи могутъ быть созданы не на почвѣ расходящихся соціальныхъ интересовъ различныхъ группъ рабочаго класса, а лишь на почвѣ недоразвившагося и не достаточно прояснившагося классоваго сознанія. Всякое улучшеніе, котораго удается добиться отдѣльной группѣ рабочихъ, влечетъ за собою улучшеніе и для всего рабочаго класса. Сокращеніе рабочаго времени, повышеніе заработной платы, которыхъ удается добиться въ одномъ мѣстѣ, вдохновляетъ на такую же борьбу и сулитъ такую же побѣду и въ другомъ. Тѣ же законодательныя мѣры охраны рабочихъ, которыя удается провести въ парламентѣ, идутъ на пользу всему рабочему классу, нѣтъ такой группы рабочихъ, которымъ не нужно было бы фабричное законодательство, права стачекъ и союзовъ, страхованія. Конечная же цѣль соціалистическаго движенія обѣщаетъ положить конецъ всякой эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, въ чемъ, конечно, заинтересованъ весь рабочій классъ, тогда какъ конечная цѣль буржуазіи—вполнѣ развитое капиталистическое хозяйство—обѣщаетъ развѣ положить конецъ распри между буржуазіей и феодальными классами, но отнюдь не между тѣми различными фракціями буржуазіи, о которыхъ мы говорили.

Поэтому, поскольку дѣло идетъ о вполнѣ сознательныхъ классовыхъ партіяхъ, рабочій классъ собственно цѣликомъ вступаетъ въ ряды единой соціалистической партіи. Но было бы, конечно, наивно думать, что всякій рабочій уже тѣмъ простымъ фактомъ, что онъ рабочій, является членомъ соціалистической партіи. Если бы весь пролетаріатъ вступалъ въ ряды соціалистическихъ партій, то тогда во всѣхъ странахъ со всеобщимъ избирательнымъ правомъ уже давнымъ бы давно совершился захватъ политической власти пролетаріатомъ. Въ Германіи, напр., пролетарскіе слои населенія составляютъ по вычисленію В. Зомбарта 67,5% всего населенія [1]). Ясно, что если бы всѣ пролетарскіе элементы вступали въ соціалистическія партіи, то послѣднія располагали бы въ рейхстагѣ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ. Въ той же Германіи крупные земельные собственники составляютъ лишь немногимъ болѣе одного процента населенія, между тѣмъ какъ въ рейхстагѣ крупные землевладѣльцы располагаютъ значительнымъ количествомъ голосовъ.

---

[1]) Ср. W. Sombart. Die deutsche Volkswirschaft in Neunzehnten Jahrhundert Berlin 1903. 531 стр.

Недостаточно развитое классовое сознаніе заставляетъ значительную долю пролетаріата подавать голоса за либеральныхъ, консервативныхъ и даже реакціонныхъ кандидатовъ. Такимъ образомъ и рабочій классъ не создаетъ единую и цѣльную политическую партію, куда бы онъ весь цѣликомъ входилъ, его различныя группы въ зависимости отъ степени развитія или точнѣе недоразвитія классоваго сознанія разбредаются по самымъ различнымъ политическимъ партіямъ. Этотъ фактъ настолько очевиденъ, что дальше на немъ останавливаться не приходится.

Несравненно менѣе извѣстенъ и болѣе, на первый взглядъ, страненъ другой противоположный фактъ—присутствіе значительнаго количества буржуазныхъ элементовъ въ политической кліентурѣ соціалистическихъ партій. Что недостаточно развитые въ классовомъ отношеніи пролетаріи, подъ вліяніемъ темноты или подчиняясь давленію, зазывательству, призарчнымъ соблазнамъ, голосуютъ за буржуазныхъ кандидатовъ, это понять не трудно, но какой интересъ буржуазіи голосовать за своихъ враговъ соціалистовъ, вѣдь насчетъ враждебности соціалистовъ къ буржуазіи не можетъ быть ни у кого никакихъ сомнѣній? Здѣсь мы подходимъ къ интереснѣйшему вопросу, отвѣтъ на который очень многое уясняетъ такъ сказать въ психическихъ двигателяхъ избирателя и въ частности въ вопросѣ о соотношеніи между политическими партіями и соціальными классами. Но прежде чѣмъ остановиться на вскрытіи причинъ этого явленія, мы охарактеризуемъ въ самыхъ общихъ чертахъ самое это явленіе.

На основаніи сопоставленія данныхъ избирательной статистики съ данными профессіональной переписи Германіи, видно, что нѣмецкіе соціалъ-демократическіе кандидаты получаютъ приблизительно полъ-милліона голосовъ избирателей, принадлежащихъ къ буржуазнымъ классамъ. Мы совершенно не будемъ касаться этихъ статистическихъ сопоставленій и замѣтимъ лишь, что и нѣмецкіе соціалъ-демократы превосходно, конечно, знаютъ, что за нихъ голосуютъ и избиратели буржуазныхъ классовъ.

Являясь единственной политической партіей, которая сознательно и открыто опирается на классовые интересы, на классовое сознаніе, на классовую организацію, соціалъ-демократія вмѣстѣ съ этимъ является единственной политической партіей, которая стремится къ уничтоженію всякаго распаденія общества на классы. Въ этой позиціи нѣтъ ничего двойственнаго и непослѣдовательнаго. Являясь представительницей наиболѣе эксплуатируемаго и угнетеннаго общественнаго класса и вмѣстѣ съ тѣмъ будучи убѣждена, что этотъ гнетъ и эксплуатація исчезнутъ только въ незнающемъ классовъ соціалистическомъ строѣ, который можетъ быть осуществленъ только организаціей класса трудящихся, соціалъ-демократія вполнѣ послѣдовательно организуетъ классовую партію для устраненія всего классового строенія общества, организуетъ эксплуатируемыхъ для уничтоженія всякаго рода эксплуатаціи.

Съ помощью организаціи соціальныхъ интересовъ опредѣленнаго класса она стремится къ реализаціи идеала общечеловѣческой справедливости.

Капиталистическій строй эксплуатируетъ и угнетаетъ не только рабочихъ, онъ эксплуатируетъ и всю пеструю и разношерстную массу «маленькихъ людей». Эти маленькіе люди, однако, еще питаютъ надежду, что съ помощью всяческихъ реакціонныхъ экспериментовъ въ родѣ «запрещенія» крупныхъ торговыхъ заведеній, возвращенія къ цеховому строю и т. д., и т. д., они сумѣютъ вернуть себѣ былое скромное благосостояніе. Но извѣстная часть этого «мелкаго люда»—мелкихъ служащихъ, мелкихъ собственниковъ, мелкихъ торговцевъ—уже успѣла отчаяться во всѣхъ этихъ попыткахъ дать задній ходъ исторіи и стала подавать свои голоса за соціалъ-демократическихъ кандидатовъ, что, какъ мы увидимъ ниже, еще далеко не значитъ, что весь «мелкій людъ», голосующій за соціалъ демократовъ, проникся пониманіемъ соціалистической идеи и сочувствіемъ ей.

«Если въ настоящее время, говоритъ Карлъ Каутскій,—соціалъ-демократія занимаетъ аванпосты въ борьбѣ противъ пошлинъ на жизненные припасы, то она защищаетъ при этомъ интересы не только пролетаріевъ, но также мелкихъ буржуа и мелкихъ крестьянъ. Имъ же она служитъ, борясь противъ милитаризма, выступая за замѣну косвенныхъ налоговъ прогрессивнымъ налогомъ на доходы и имущества, стремясь къ націонализаціи или коммунализаціи крупныхъ монополій и т. д. Только отъ этихъ способовъ мелкіе буржуа и мелкіе крестьяне могутъ ожидать себѣ помощь, поскольку вообще помощь имъ возможна въ существующемъ обществѣ.

«Нѣтъ ничего ошибочнѣе утвержденія, будто соціалъ-демократія желаетъ возможно сильнѣе испортить жизнь маленькимъ людямъ. Она помогаетъ имъ тамъ, гдѣ это разумнымъ образомъ возможно, т.-е., гдѣ это стоитъ въ согласіи съ потребностями экономическаго развитія народа въ его совокупности, но она, конечно, энергично протестуетъ противъ того, что помощь имъ должна быть оказана путемъ усиленной эксплуатаціи.

«Такимъ образомъ, именно изъ пролетарскаго классоваго характера вытекаетъ для соціалъ-демократіи рядъ въ высшей степени важныхъ политическихъ задачъ, далеко выступающихъ за предѣлы болѣе узкихъ классовыхъ интересовъ пролетаріата.

«Соціалъ-демократія не въ меньшей степени обязана этому тѣмъ, что она является притягательной силой и для не пролетарскихъ элементовъ» [1]).

Конечно, подавляющее большинство соціалъ-демократическихъ голосовъ падаетъ на классъ пролетаріевъ, но все же, какъ это показываютъ цифры избирательной статистики и признаютъ вожаки соціалъ-

[1]) Ср. Каутскій. Классовые интересы. Пер. съ нѣмецкаго В. Поссе. Одесса. 1905. 13 стр.

демократіи, весьма значительная доля избирателей, голосующихъ за соціалъ-демократовъ, рекрутируется изъ не пролетарскихъ слоевъ.

Слѣдовательно, и политическая партія нѣмецкой соціалъ-демократіи по соціальному составу своихъ избирателей и своихъ депутатовъ не является вполнѣ партіей только одного соціальнаго класса. Процентъ мелко-буржуазныхъ элементовъ значителенъ не только среди случайныхъ избирателей, но и среди постоянныхъ членовъ партій. Такъ напр., въ такомъ крупномъ центрѣ движенія, какъ Лейпцигъ, соціалъ-демократическій избирательный союзъ насчитываетъ 1681 члена (1905 г.), изъ которыхъ на долю пролетаріевъ приходится 60,79%, на долю мелкой буржуазіи 21,83% и на долю учащихся и прочихъ элементовъ—8,5%.

Въ своей избирательной кампаніи нѣмецкая соціалъ-демократія всегда имѣетъ въ виду не только пролетарскіе, но и мелко-буржуазные элементы и всегда расчитываетъ получить часть голосовъ послѣднихъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно ознакомиться просто съ избирательными листками соціалъ-демократической партіи.

Мы приведемъ переводъ соціалъ-демократическаго избирательнаго листка, выпущеннаго въ Берлинѣ во время послѣднихъ (1903 г.) выборовъ. Изданъ этотъ листокъ былъ центральнымъ органомъ партіи—Vorwärts'омъ. Какъ извѣстно, во время послѣднихъ нѣмецкихъ выборовъ, злобою дня служилъ вопросъ о пошлинахъ на ввозимые сельско-хозяйственные продукты. «Если аграріямъ удастся, писалъ по этому поводу листокъ, помѣшать заключенію выгодныхъ торговыхъ договоровъ, то сотни фабрикъ обанкротятся, сотни тысячъ рабочихъ останутся безъ хлѣба, тысячи мелкихъ торговцевъ—раззорятся и мелкіе сельскіе хозяева, потребителями продуктовъ которыхъ являются только что перечисленные слои, потерпятъ крупные убытки. Только извѣстная группа крупныхъ землевладѣльцевъ и фабрикантовъ, перерабатывающихъ сырье, извлечетъ пользу изъ подобнаго положенія дѣла».

«Поворотный пунктъ въ нашей политикѣ наступитъ тогда, когда рѣшающую роль будутъ играть интересы широкой массы народа, трудящихся класовъ. А это будетъ достигнуто лишь тогда, когда вы изберете соціалъ-демократовъ, которые одни только защищаютъ интересы рабочихъ, мелкихъ чиновниковъ, торговцевъ, ремесленниковъ и крестьянъ! Только соціалъ-демократія рѣшительно борется противъ безумныхъ затратъ на милитаризмъ и маринизмъ.

«Соціалъ-демократія является лучшимъ оплотомъ противъ ростовщической политики.

«Соціалъ-демократія есть партія рабочихъ, промышленныхъ и сельскохозяйственныхъ, а также и ремесленниковъ, торговцевъ и крестьянъ».

Обрисовавъ далѣе ростовщическую политику аграріевъ, листокъ продолжаетъ:

«Высокая заработная плата повышаетъ потребительныя способности рабочихъ. Если заработная плата рабочихъ немного повышается,

то отъ этого въ особенности выигрываютъ мелкіе торговцы и крестьяне, продающіе свои продукты рабочимъ. Двадцать милліоновъ нѣмецкихъ рабочихъ являются для мелкаго люда лучшимъ рынкомъ сбыта» [1]).

Этотъ избирательный листокъ—а онъ ничѣмъ не отличается отъ сотни другихъ—отлично показываетъ, что, оставаясь вѣрной интересамъ нѣмецкихъ рабочихъ, нѣмецкая соціалъ-демократія въ то же самое время стремится привлечь на свою сторону и не пролетарскіе соціальные элементы, указывая имъ, что ихъ интересы совпадаютъ съ интересами рабочаго класса.

Въ Италіи, гдѣ очень сильно развивается соціалистическое движеніе, мелко-буржуазные элементы составляютъ еще болѣе высокій, чѣмъ въ Германіи, процентъ избирателей, голосующихъ за соціалистовъ и членовъ партіи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже одинъ простой фактъ соціалистической демографіи—въ Италіи наиболѣе сильно распространенъ соціализмъ въ провинціяхъ Эмиліа и Романья, въ которыхъ промышленность развита чрезвычайно слабо.

Въ чрезвычайно интересной статьѣ д-ра Михельса [2])приведена слѣдующая таблица, ясно показывающая, что во многихъ мѣстностяхъ Италіи число голосовъ, поданныхъ за соціалистовъ, значительно (мѣстами *втрое*!) превышаетъ число пролетаріевъ, пользующихся избирательнымъ правомъ.

Вотъ, въ сокращенномъ видѣ, эта табличка.

	Число пролетаріевъ-избирателей.	Число голос, подан. за соціалист.		Число пролетаріевъ-избирателей.	Число голос. подан. за соціалист.
Пьемонтъ .	27.063	69.109	Апулія . .	49.934	9.495
Лигурія. .	12.887	15.804	Калабрія .	9.884	4.161
Ломбардія.	94.298	65.897	Сицилія. .	39.146	12.280
Венеція. .	13.490	29.599	Сардинія .	10.170	2.125

[1]) Этотъ избирательный листокъ, въ числѣ другихъ, былъ впослѣдствіи перепечатанъ въ нынѣ прекратившемся журналѣ „Dokumente des Socialismus“ Stuttgart 1903. Heft. 8. Впадая въ преувеличеніе, Бруннгуберъ утверждаетъ, что въ избирательныхъ воззваніяхъ соціалъ-демократовъ „нѣтъ ни слова о классовой борьбѣ, о революціи, нѣтъ даже и декораціи „принципіальныхъ“ разъясненій. Если сравнить соціалъ-демократическія избирательныя воззванія съ листками либеральными, то нельзя замѣтить между ними никакой разницы“ (Dr. Brunhuber „Die heütige Social-demokretie“. Jena 1906. 160 стр.). Это, конечно слишкомъ сильно сказано, вѣрно лишь то, что соц.-дем. избирательныя воззванія составляются въ разсчетѣ не только на рабочихъ, но и на весь такъ называемый „мелкій людъ“, причемъ избирательная кампанія ведется на почвѣ текущихъ злобъ дня, а не отношенія къ конечному идеалу соціализма. Разница между соц.-дем. воззваніями и либеральными, даже если они совпадаютъ во фразеологіи, заключается въ томъ, что соц.-дем. хотятъ выяснить свою точку зрѣнія и прояснить классовое сознаніе трудящейся массы, а либералы, тоже заинтересованные въ голосахъ рабочихъ, стремятся скрыть свои классовыя цѣли и замутить классовое сознаніе рабочихъ.

[2]) Dr. R. Michels Proletariat und Bourgoisie in der Socialistischen Bewegung Italiens. „Archiv für Socialwessenschaft und Socialpolitik“. Tubingen 1906. Heft I. 124 стр. Михельсъ въ пролетаріатъ включаетъ не только рабочихъ, но и самыхъ мелкихъ крестьянъ.

Эта маленькая таблица чрезвычайно наглядно показываетъ существующее въ отдѣльныхъ избирательныхъ округахъ Италіи несоотвѣтствіе между числомъ пролетаріевъ, обладающихъ избирательнымъ правомъ, и числомъ поданныхъ за соціалистовъ голосовъ, несоотвѣтствіе, указующее на то, что въ Италіи, въ большей степени, чѣмъ гдѣ бы то ни было, за соціалистическихъ кандидатовъ голосуютъ не только пролетарскіе, но и мелко-буржуазные элементы.

Такъ, напр., въ Пьемонтѣ число пролетаріевъ, обладающихъ избирательнымъ правомъ достигаетъ всего 27,063 человѣка, между тѣмъ какъ за соціалистовъ здѣсь было подано 69.109 голосовъ. Слѣдовательно, если даже сдѣлать невозможное предположеніе, что всѣ пролетаріи до одного голосовали за соціалистовъ, то и тогда остается ни болѣе, ни менѣе какъ 42.036 голосовъ, которые могли бы быть поданы только не пролетарскими элементами. Въ венеціанскомъ округѣ число голосовъ поданныхъ за соціалистическихъ кандидатовъ болѣе, чѣмъ вдвое превышаетъ число пролетаріевъ, пользующихся въ немъ избирательнымъ правомъ.

Съ другой стороны, въ такихъ округахъ какъ Ламбардія, Апулія, Сицилія, гдѣ сравнительно очень велико число пролетаріевъ избирателей, число голосовъ, поданныхъ за соціалистическихъ кандидатовъ, сравнительно низко. Если въ Пьемонтѣ число голосовъ, поданныхъ за соціалистовъ, почти втрое превышаетъ число пролетаріевъ-избирателей, а въ Венеціи болѣе чѣмъ вдвое, то въ Апуліи, Калабріи, Сициліи и Сардиніи мы замѣчаемъ какъ разъ обратное движеніе—въ Апуліи число пролетаріевъ-избирателей въ пять разъ превышаетъ число голосовъ, поданныхъ за соціалистовъ, въ Калабріи—въ два раза; въ Сициліи—въ три раза, въ Сардиніи—въ пять разъ и т. д.

Мы убѣждаемся, такимъ образомъ, что и въ Италіи пролетаріатъ еще далеко не всей массой втянутъ въ соціалистическую пропаганду, что подавляющее большинство пролетаріата еще не голосуетъ за соціалистическихъ кандидатовъ и пролетарскіе голоса разбиваются по всѣмъ партіямъ до реакціонныхъ включительно. Съ другой же стороны мы убѣждаемся, что за соціалистическихъ кандидатовъ подаютъ свои голоса не пролетарскіе элементы. Въ Италіи соціалистическіе кандидаты получаютъ очень большое количество голосовъ въ мѣстностяхъ съ чисто крестьянскимъ населеніемъ. По словамъ нѣмецкаго соціалъ-демократа Михельса, въ Италіи «чрезвычайно часты случаи, когда мелкіе крестьяне подаютъ свои голоса за соціалъ-демократовъ». «Даже болѣе крупные арендаторы, говоритъ Михельсъ, очень часто голосуютъ за соціалъ-демократовъ. Хотя они и сами выполняютъ капиталистическія функціи, но при этомъ они очень часто питаютъ ненависть къ крупнымъ, по большей части принадлежащимъ къ дворянамъ, землевладѣльцамъ, ведущимъ жизнь соціальныхъ паразитовъ» [1]).

---

[1]) Ср. Michels l. c. „Archiv". 1906 Heft. I. 455, 456.

IV.

Въ общихъ чертахъ мы разсмотрѣли соотношеніе между соціальными классами и политическими партіями. Мы видѣли, что каждый изъ буржуазныхъ классовъ, представляя собою по отношенію ко всѣмъ другимъ соціальнымъ классамъ нѣчто цѣльное и самостоятельное, внутри распадается, однако, на отдѣльныя общественныя группы, съ расходящимися и сталкивающимися соціальными интересами. На почвѣ расхожденія этихъ реальныхъ интересовъ въ предѣлахъ одного и того же класса складываются различныя политическія партіи, соотвѣтствующія различнымъ общественнымъ группамъ, входящимъ въ составъ даннаго класса. Такова реальная объективная почва возникновенія сравнительнаго множества политическихъ партій въ противоположность сравнительной малочисленности соціальныхъ классовъ. Но на ряду съ этою объективною причиною дробленія одного и того же класса на нѣсколько политическихъ партій, существуетъ еще и причина, носящая болѣе субъективный характеръ и играющая чрезвычайно крупную роль въ процессѣ образованія и развитія политическихъ партій. Съ этою причиною, окрашенной въ субъективный цвѣтъ, мы ознакомились въ общихъ чертахъ при анализѣ политической физіономіи рабочаго класса. Мы видѣли, что въ рабочемъ классѣ совершенно не существуетъ того расхожденія интересовъ различныхъ составныхъ группъ, которое мы находимъ во всѣхъ буржуазныхъ классахъ. Но вмѣстѣ съ этимъ, нѣтъ другого класса, члены котораго были бы такъ широко разбросаны рѣшительно по всѣмъ существующимъ политическимъ партіямъ, какъ пролетаріатъ. Это дробленіе цѣльнаго класса пролетаріевъ на многое множество политическихъ партій объясняется не расхожденіемъ реальныхъ интересовъ различныхъ пролетарскихъ группъ—такого расхожденія не существуетъ—а различіемъ въ степени развитія классоваго сознанія. Въ нѣкоторыхъ, въ настоящее время еще чрезвычайно обширныхъ, слояхъ пролетаріата это классовое сознаніе еще и не проснулось, еще дремлетъ въ потенціальномъ состояніи. Эти то массы пролетаріата, еще не пробужденныя къ сознательной жизни, и пополняютъ собою ряды самыхъ различныхъ и прямо противоположныхъ партій.

Для уясненія политическихъ группировокъ, для пониманія законовъ отлива и прилива голосовъ избирателей къ тѣмъ или инымъ партійнымъ знаменамъ, необходимо еще принять во вниманіе, что огромная масса избирателей, подавая свой голосъ, руководствуется исключительно текущей и преходящей злобой политическаго дня и о завтрашнемъ политическомъ днѣ не задумывается. При каждыхъ выборахъ всплываетъ какая-нибудь «злоба дня», которая довлѣетъ многому множеству избирателей. Всѣ политическія партіи это превосходно знаютъ и всѣ они при каждыхъ выборахъ на ряду съ деклараціей общихъ принциповъ стараются сосредоточить вниманіе избирателей на своемъ отношеніи

къ выдвинутому злободневному вопросу. Особеннымъ мастерствомъ, по части уловленія избирательныхъ голосовъ на почвѣ искусственно вызваннаго смятенія и возбужденія какимъ-нибудь злободневнымъ вопросомъ, отличались реакціонныя партіи. Имъ не разъ удавалось незадолго до выборовъ вызвать какой-нибудь соціальный призракъ, напугать имъ довѣрчивую и пугливую часть избирателей, а засимъ толкнуть ихъ въ объятіе «сильной власти», которая прійдетъ, прогонитъ призракъ или посадитъ его въ тюрьму.

Въ статьѣ «Заговорщики и соумышленники Людовика—Наполеона въ 1851 г.» Н. Г. Чернышевскій прекрасно охарактеризовалъ эти избирательные капканы реакціонеровъ и психологію той массы избирателей, которая отъ испуга утрачиваетъ способность политически-членораздѣльной рѣчи и на время сбивается въ одно общее голосующее стадо.

«Во Франціи, говоритъ Н. Чернышевскій, всегда такъ—масса народа любитъ спокойствіе; если какая-нибудь рука, благодаря случаю, захватитъ команду надъ арміей, желѣзными дорогами и телеграфомъ, народъ думаетъ: «а Богъ съ ними, пусть управляютъ, какъ хотятъ, вѣдь мы-то, по совѣсти говоря, передъ самимъ собою, этихъ ихъ дѣлъ не понимаемъ, изъ-за чего тамъ они спорятъ въ палатѣ и въ газетахъ, ...такъ пусть себѣ управляютъ, лишь бы не мѣшали намъ заниматься нашими серьезными дѣлами: пахать землю, работать на фабрикахъ и заводахъ, торговать, быть фабрикантами, помѣщиками—намъ, пахарямъ и землевладѣльцамъ, фабричнымъ и фабрикантамъ, мелкимъ лавочникамъ и негоціантамъ, не хочется ссорится съ арміей, полиціей и всѣмъ чиновничествомъ изъ-за формы правленія; пусть себѣ управляютъ, лишь бы былъ порядокъ, безъ котораго намъ нельзя заниматься дѣлами». Ради этого-то «порядка» избирательныя массы, забывая о своихъ реальныхъ интересахъ сплошь, и рядомъ приливали широкою волною къ «партійнымъ программамъ», исчерпывающимся двумя словами:—«сильная власть». Подобнаго рода случаи мы особенно часто наблюдаемъ въ исторіи Франціи.

Почти при всѣхъ выборахъ, помимо постоянно дѣйствующихъ прочныхъ классовыхъ стимуловъ, естественно возникаютъ или часто искусственно создаются преходящіе, такъ сказать, злободневные интересы, которые сразу передвигаютъ широкія волны избирателей то вправо, то влѣво.

Среди избирателей самыхъ передовыхъ въ политическомъ отношеніи странъ и сейчасъ еще находится огромная масса лицъ, которыя, подавая свой голосъ за того или иного депутата, руководствуются при этомъ очень смѣшанными и пестрыми чувствами, сплошь и рядомъ не только не выражающими ихъ классовые интересы, но дѣйствующими вопреки послѣднимъ.

Относительно англійскихъ избирателей мы читаемъ въ монографіи нашего соотечественника М. Острогорскаго: «Избирательный корпусъ

не составляется исключительно изъ вѣрующихъ и сторонниковъ, привлеченныхъ опредѣленнымъ profession de foi и программою. Такія лица составляютъ, быть можетъ, лишь меньшинство. Во всякомъ же случаѣ, какъ бы ни было велико ихъ число, всегда остаются тысячи избирателей, которые производятъ выборъ между двумя соперничающими кандидатами, не руководствуясь при этомъ никакими соображеніями о либеральной, консервативной или какой бы-то ни было вообще программѣ. Здѣсь рабочіе массою вотируютъ за хозяина фабрики, просто потому, что онъ хорошо платитъ, причемъ ихъ весьма мало занимаетъ вопросъ, вступитъ ли этотъ фабрикантъ въ ряды торіевъ или либераловъ» [1]).

Для другихъ избирателей рѣшающую роль играетъ *популярность личности* избирателя. Эта популярность, какъ замѣчаетъ М. Острогорскій, основывается на цѣлой гаммѣ моральныхъ чувствованій, вызываемыхъ личностью кандитата и его характеромъ... «Рѣшающая роль принадлежитъ при этомъ вліянію личности на личность; живыя реальности противостоятъ здѣсь политическимъ соображеніямъ, и искусственнымъ раздѣленіямъ на партіи» М. Острогорскій разсказываетъ слѣдующій, очень любопытный въ интересующемъ насъ отношеніи, фактъ.

«Одинъ изъ іоркширскихъ городовъ, до сихъ поръ постоянно посылавшій въ Палату либеральнаго представителя, провелъ въ послѣдніе выборы тори. Посѣтивъ этотъ городъ, я освѣдомился о причинѣ этой перемѣны. Мнѣ отвѣтили, что фактъ этотъ отчасти объясняется тѣмъ, что кандидатъ тори четыре раза подрядъ выставлялъ свою кандидатуру, многіе искони либеральные избиратели рѣшили въ концѣ концовъ: «этотъ малый не промахъ, слѣдовало бы его провести» и подали за него свои голоса» [2]).

Во всѣхъ европейскихъ странахъ еще очень много подобныхъ избирателей, руководящихся при выборахъ очень пестрыми и капризными мотивами предпочтенія одного кандидата другому. Политически безсознательная и безформенная, эта масса избирателей то отливаетъ отъ опредѣленныхъ партійныхъ знаменъ, то вновь широкою волною приливаетъ къ нимъ; она то и обусловливаетъ тотъ до чрезвычайности отрывистый и зигзагообразный ходъ эволюціи политическихъ партій, который очень многихъ заставляетъ прійти къ пессимистическому отрицанію всякаго элемента законосообразности въ этой эволюціи.

Но помимо этой политически несовершеннолѣтней, аморфной массы избирателей, для пониманія рѣзкихъ колебаній политическихъ группировокъ и ихъ отклоненія отъ классовыхъ позицій, необходимо принять еще во вниманіе, что многія соціальныя группы къ политикѣ отно-

---

[1]) M. Ostrogorsky. La démocratie et l'organisation des parties politiqus. Paris 1903 г. I р. 413.

[2]) Ibid. стр. 415.

сятся какъ къ политиканству и зачастую вполнѣ сознательно подаютъ голосъ за политическую партію, которая совсѣмъ не выражаетъ ихъ соціальныхъ интересовъ, но которая отлично сражается съ ихъ врагомъ. Мы знаемъ, что Бисмаркъ лелѣялъ мысль, что «пара» соціалистическихъ кандидатовъ въ рейхстагѣ будетъ чрезвычайно полезна для консерваторовъ, такъ какъ красный призракъ заставитъ либераловъ поблѣднѣть отъ страха и присмирѣть. И въ исторіи политической жизни мы знаемъ не мало примѣровъ, когда консервативныя партіи, опиравшіяся на классъ землевладѣльцевъ и потому мало терявшія отъ волненій фабричныхъ рабочихъ, заигрывали съ соціалистами и готовы были поддержать соціалистическихъ депутатовъ, чтобы досадить своимъ врагамъ либераламъ. Эти эксперименты всегда оказывались опасными для самихъ реакціонныхъ экспериментаторовъ, которые постепенно и потеряли къ нимъ вкусъ, но въ болѣе скрытой, менѣе рѣзкой формѣ и теперь еще многіе сознательно голосуютъ за кандидатовъ соперничающей съ ними партіи.

Еще недавно, во время выборовъ въ Италіи былъ отмѣченъ любопытный фактъ, что послѣ того какъ одинъ изъ вожаковъ итальянскихъ соціалистовъ, Ферри, грозно громилъ либеральную буржуазію и возсталъ противъ всякаго политическаго союза съ нею, нѣкоторые изъ либеральныхъ фабрикантовъ голосовали за кандидатуру Ферри. Либеральные фабриканты, конечно, и не подумали проникнуться соціализмомъ, они просто расчитали, что ростъ соціалистическихъ депутатовъ заставитъ правительство пойти на встрѣчу соціальнымъ нуждамъ, а рѣзкая критика соціалистами правительства заставитъ послѣднее держаться болѣе либеральной, прогрессивной политики. И та, какъ мы видѣли, довольно обширная масса мелкой буржуазіи, которая и въ Германіи и въ Италіи голосуетъ за соціалъ-демократическихъ кандидатовъ, конечно, далеко еще не вся проникнута соціализмомъ, и голосуетъ она за соціалистовъ не изъ симпатіи къ соціалистическому строю, а изъ недовольства, темнаго и мало сознательнаго, къ существующему строю, который эти соціалисты такъ хорошо умѣютъ «пробирать». Подавая свой голосъ за соціалистовъ, многіе элементы выражаютъ этимъ фактъ своего еще болѣе темнаго политически—и соціально—не членораздѣльнаго недовольства. Послѣ послѣднихъ выборовъ (1903 г.) въ нѣмецкій рейхстагъ одинъ нѣмецкій чиновникъ выпустилъ анонимную брошюру «Соціалъ-демократія и чиновничество», обратившую на себя довольно большое вниманіе. Въ этой брошюрѣ «средній чиновникъ», какъ называетъ себя авторъ, объясняетъ, почему это они, чиновники, оставаясь патріотами и противниками соціалъ-демократіи, зачастую все-таки голосуютъ за соціалъ-демократическихъ кандидатовъ.

«Когда я узналъ, говоритъ онъ, что многіе мои товарищи, бывшіе убѣжденными монархистами и консерваторами, голосовали за соціалъ-демократовъ, я съ удивленіемъ спросилъ ихъ: «Какъ же вы могли порвать со всѣмъ своимъ прошлымъ, со всѣми своими принципами?

Какъ могли вы, государственные чиновники, голосовать за соціалъ-демократовъ и тѣмъ самымъ подрубать сукъ, на которомъ вы сидите»?

«И повсюду мнѣ давали одинъ и тотъ же отвѣтъ:

«Мы совсѣмъ не сдѣлались соціалъ-демократами, хотя и помогли ихъ побѣдѣ. Мы выбираемъ соціалъ-демократовъ не потому, что мы перестали быть вѣрными королю и отечеству, мы не считаемъ соціалъ-демократическую партію болѣе разумной или привлекательной, чѣмъ другія партіи, мы голосуемъ за соціалъ-демократовъ, чтобы дать внѣшнее выраженіе своему недовольству».

Въ этихъ словахъ нѣмецкихъ чиновниковъ хорошо отразилась психологія той, очень многочисленной, массы избирателей, которая уже пробуждена къ недовольству, но еще бродитъ въ политическихъ потемкахъ и еще не можетъ оборвать свою связь со старыми традиціями, преданіями, предразсудками. Нынѣшній капиталистическій строй больно защемилъ всю пеструю, разношерстную массу «мелкаго люда», кототорая мечется не зная толкомъ, кто и что ее гнетъ, и готовая сегодня голосовать за соціалъ-демократовъ, а завтра широкимъ потокомъ устремляться въ ряды реакціонеровъ.

Въ этомъ отношеніи особеннымъ политическимъ непостоянствомъ, переходящимъ часто въ вѣроломство, отличается мелкая буржуазія. «Ея промежуточное положеніе, писалъ о мелкой буржуазіи К. Марксъ, между классомъ болѣе крупныхъ капиталистовъ, торговцевъ и промышленниковъ, такъ называемой буржуазіей въ собственномъ смыслѣ и пролетарскимъ или рабочимъ классомъ, опредѣляетъ ея характеръ. Мечтая выбиться въ первый, отдѣльныя лица этого класса при малѣйшемъ поворотѣ счастья низвергаются въ ряды второго. Въ монархическихъ и феодальныхъ классахъ заказы двора и аристократіи становятся необходимыми для ея существованія; потеря этихъ заказчиковъ можетъ раззорить значительную часть ея. Въ болѣе мелкихъ городахъ военный гарнизонъ, окружная администрація, судъ съ его штатомъ очень часто образуютъ основу ея благосостоянія; удалите ихъ— и конецъ лавочникамъ, портнымъ, сапожникамъ, столярамъ. Такимъ образомъ, вѣчно бросаемый между надеждой войти въ ряды болѣе богатаго класса и страхомъ снизойти до положенія пролетаріевъ или даже нищихъ; между надеждой подвинуть свои интересы завоеваніемъ доли въ руководствѣ общественными дѣлами и страхомъ вызвать несвоевременной оппозиціей гнѣвъ правительства, располагающаго самымъ существованіемъ его—такъ какъ оно можетъ удалить лучшихъ его кліентовъ; обладающій малыми средствами, необезпеченность обладанія которыми обратно пропорціональна ихъ размѣрамъ — этотъ классъ крайне шатокъ въ своихъ взглядахъ. Смиренный и рабски покорный при сильномъ, феодальномъ или монархическомъ, правительствѣ, онъ переходитъ на сторону либерализма, когда вліяніе средняго класса поднимается; онъ охватывается бѣшенными демократическими порывами, какъ скоро средній классъ воюетъ за свое собственное верховен-

ство, но пятится назадъ въ гнусномъ страхѣ, какъ только классъ ниже его, пролетаріи, предприметъ самостоятельное движеніе»[1]).

Эти слова Маркса, написанныя въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ сохранили и по нынѣ всю свою силу. Даже тѣ передовые слои мелкой буржуазіи, которые голосуютъ за соціалистовъ, даже и они, по крайней мѣрѣ въ очень значительномъ числѣ, «пятятся назадъ въ гнусномъ страхѣ, какъ только классъ ниже его, пролетаріи, предприметъ самостоятельное движеніе». Мы видѣли, что въ Италіи очень значительная масса мелкой буржуазіи голосуетъ за соціалъ-демократовъ, но стоило только итальянскимъ соціалъ-демократамъ объявить всеобщую стачку, какъ мелкая буржуазія стала «пятится назадъ въ гнусномъ страхѣ» и сразу при ближайшихъ же выборахъ число голосовъ поданныхъ за соціалъ-демократовъ рѣзко понизилось [2]). Очень многимъ мелкимъ буржуа, голосующимъ за соціалъ-демократовъ, конечная цѣль соціализма представляется пустой утопіей или во всякомъ случаѣ чѣмъ-то очень, безконечно далекимъ, а посему и мало интереснымъ. Они голосуютъ за соціалистовъ, такъ какъ соціалисты безъ устали добиваются соціальныхъ реформъ и служатъ чудеснымъ пугаломъ для правительства. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характеренъ фактъ, сообщаемый относительно Италіи Михельсомъ. Какъ мы уже знаемъ, въ Италіи значительная часть мелкой буржуазіи голосуетъ за соціалъ-демократовъ, но при этомъ чрезвычайно характерно, что во многихъ мѣстахъ та самая мелкая буржуазія, которая посылаетъ въ парламентъ соціалъ-демократическаго представителя, при выборахъ въ органы мѣстнаго самоуправленія проводитъ умѣренныхъ кандидатовъ и проваливаетъ соціалистическихъ. Ей нечего опасаться, что ея представители въ парламентѣ декретируетъ соціалистическій строй. Этотъ строй «ѣдетъ, когда то будетъ», во всякомъ случаѣ не скоро «будетъ», а можетъ быть и совсѣмъ не будетъ, разсуждаютъ они, а пока что соціалисты стойко будутъ отстаивать интересы «маленькихъ людей» и толкать въ парламентѣ правительство на демократическія реформы. А въ органахъ мѣстнаго самоуправленія соціалисты того и гляди сейчасъ же примутся за «соціалистическіе» эксперименты въ области такъ называемыхъ муниципальнаго или общиннаго соціализма, того и гляди начнутъ содѣйствовать широкому развитію муниципальныхъ и общинныхъ предпріятій, что далеко не всегда на руку мелкимъ лавочникамъ и мелкимъ крестьянамъ. И въ итогѣ они зачастую

---

[1]) Ср. К. Марксъ. Историческіе очерки. Германія въ 1848—1850 гг. Кіевъ, 1905 г., стр. 8.

[2]) Вождь итальянскихъ ордоксальныхъ соціалистовъ, Ар. Лабріола въ сочиненіи „Riforme e Revoluzione Sociale“ указываетъ на опасность для соціалистической партіи отъ вступленія въ ея ряды мелкой буржуазіи и требуетъ, чтобы мелкой буржуазіи былъ закрытъ всякій доступъ въ ряды соціалистической партіи. Но голосовать за соціалъ-демократовъ вѣдь уже во всякомъ случаѣ никому не запретишь.

проводятъ соціалистовъ въ парламентъ и проваливаютъ при мѣстныхъ выборахъ.

Мы выяснили въ общихъ чертахъ взаимоотношеніе между политическими партіями и соціальными классами. Резюмируя это взаимоотношеніе, мы можемъ сказать, что основные типы политическихъ партій складываются соотвѣтственно основнымъ типамъ соціальныхъ классовъ. Но выростая на почвѣ классового расчлененія общества, основныя политическія партіи даютъ новыя отвѣтвленія, питаемыя отчасти расхожденіемъ соціальныхъ интересовъ внутри одного и того же класса, а отчасти недостаточнымъ развитіемъ классоваго сознанія. Эта послѣдняя причина ведетъ къ тому, что въ каждой политической партіи есть для классоваго анализа ирраціональныя величины, такъ сказать въ классовомъ отношеніи невмѣняемые элементы. По мѣрѣ дальнѣйшаго культурнаго развитія, число подобныхъ элементовъ все уменьшается и политическія партіи все болѣе и болѣе начинаютъ соотвѣтствовать соціальнымъ классамъ [1]).

П. Берлинъ.

---

[1]) Въ эпоху ранняго конституціонализма, когда приходится еще добывать элементарныя условія для развитія нормальной политической жизни, соотвѣтствіе между политическими партіями и соціальными классами очень не точно; подъ высокимъ давленіемъ абсолютизма, въ высокой атмосферѣ бѣлаго террора происходитъ сплавъ политическихъ элементовъ, не обладающихъ прочнымъ соціальнымъ сродствомъ. Примѣромъ можетъ служить наша конституціонно-демократическая партія. Конституціонно-демократическій органъ „Право“ писалъ послѣ побѣды кадетовъ: „Мы вовсе не предполагаемъ, что всѣ тѣ, кто голосовалъ за списки кандидатовъ народной свободы, цѣликомъ раздѣляютъ взгляды программы партій, напр., о необходимости немедленнаго переложенія возможно большой части бремени государственныхъ расходовъ съ слабыхъ плечъ обездоленныхъ классовъ населенія на болѣе сильныя плечи имущихъ. И, конечно, не всѣ проникнуты убѣжденіемъ въ необходимости увеличенія крестьянскаго землевладѣнія за счетъ частно-владѣльческихъ земель. И далѣе не все столичное населеніе убѣждено въ необходимости автономіи для Польши и равноправія для евреевъ“. При нормальныхъ условіяхъ уже налаженной конституціонной жизни подобный искусственный сплавъ разнородныхъ соціальныхъ элементовъ въ одну политическую партію неминуемо долженъ расползтись по классовымъ швамъ.

ВЪ ВАРШАВѢ.

Разсказы Андрея Нѣмоевскаго.

I.

Праздникъ свободы.

Варшава съ утра была словно охвачена лихорадкой. Народъ толпился во всѣхъ кварталахъ города. Та самая конституція, которая еще недавно, какъ идея, вызывала во всѣхъ отвращеніе, была всѣмъ ненавистна, какъ новая форма компромисса, болѣе опаснаго, чѣмъ раболѣпные компромиссы высшаго духовенства, высшей аристократіи и финансовыхъ тузовъ, сегодня, какъ свершившійся фактъ, созрѣла въ глубинѣ совѣсти, воспламеняя воображеніе всѣми маяками свободы. «Сеймъ въ Варшавѣ, автономія, собственное войско»—вотъ волшебныя слова, много чаще обѣгавшія ряды устъ, чѣмъ кусокъ черстваго хлѣба и кружка молока. Изголодавшійся, высохшій народъ вкушалъ первый плодъ свободы, идеальный плодъ, непитательный, а, однако, такой живительный. Еще въ десять часовъ утра въ окрестностяхъ Простой и Валицова пали четыре трупа, а четверть часа спустя на Твердой улицѣ, когда войско отдало честь красному знамени, народъ поднималъ на рукахъ офицеровъ, обнимался съ солдатами и волна неописуемаго энтузіазма, какъ потокъ весенняго увлеченія прокатилась по всѣмъ улицамъ, площадямъ и скверамъ.

И только въ одномъ домѣ на Броварной улицѣ царилъ трауръ. Ибо, наконецъ, черезъ американское посольство пришло донесеніе отъ японскаго правительства, что подпрапорщикъ стрѣлковаго баталіона, Янъ Бялобржескій палъ подъ Вафангоу геройской смертью. Въ письмо былъ вложенъ небольшой планъ расположенія полевого кладбища, а краснымъ крестикомъ была обозначена могила героя. Письмо сообщало опечаленной матери, что на могилѣ сына былъ поставленъ крестъ съ соотвѣтствующей надписью и что японскіе солдаты, цѣня храбрость врага, украсили его могилу златоцвѣтами. Въ концѣ этого подробнаго, хотя оффиціальнаго и выдержаннаго въ военномъ стилѣ рапорта было приписано нѣсколько словъ искренняго утѣшенія и увѣреніе, что «по-

койный свято исполнилъ свой долгъ по отношенію къ своей русской отчизнѣ». Эта трагическая приписка произвела такое потрясающее впечатлѣніе на госпожу Бялобржескую, что, дочитавъ письмо до этого мѣста, она судорожно сжала руки, почти машинально смяла исписанный листокъ, перестала плакать и устремила въ пространство тупой, безжизненный взоръ. Она только тогда нѣсколько пришла въ себя, когда услыхала рыданья, обнявшаго ея ноги, младшаго сына, ученика V класса гимназіи, бѣлокураго Генриха. Приподнявъ свои дрожащія руки и положивъ ихъ на голову ужъ единственнаго дитяти, она погрузилась въ воспоминанія о томъ, какъ ея мужъ погибъ во время послѣдняго возстанія и какъ она съ тѣхъ поръ ежедневно молила Бога, что-бы онъ не далъ ей дожить до слѣдующей революціи въ Польшѣ, но не потому, чтобы она ея не желала, нѣтъ, а просто она предпочитала умереть до возникновенія ея, чтобы не быть свидѣтельницей всѣхъ ужасовъ. Но Богъ не услышалъ ея моленій, ибо не только пришла революція, но и въ стократъ ужаснѣйшая отъ всѣхъ революцій, война на далекой чужбинѣ, о которой она имѣла лишь слабое понятіе на основаніи вынесенныхъ изъ школы свѣдѣній, и теперь эта чуждая земля раскрыла свои холодныя нѣдра, чтобы поглотить тѣло ея бѣднаго Янка.

А между тѣмъ улица заклокотала и изъ тысячи грудей вылетѣла строфа революціоннаго гимна: «Долой тирановъ, прочь оковы»! Бялобржеская судорожно зажала руки вокругъ шеи Генриха, она вся дрожала, хотѣла просить его не выходить на улицу, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовала, что ей не удержать сына своими просьбами. Поэтому она только сказала:

— Генрись, носишь ли ты при себѣ удостовѣреніе личности? чтобы я потомъ, видишь ли, хоть отыскать тебя могла.

Мальчикъ быстро вытеръ лицо, его наполненные слезами глаза засверкали молніями молодости, онъ сталъ осыпать поцѣлуями мать и, задыхаясь, просилъ:

— Мамочка, пойдемъ вмѣстѣ, вмѣстѣ, мамочка, на воздухъ, на улицу, къ людямъ! Забудемъ тамъ все, и этотъ далекій гробъ, и эти златоцвѣты, и это письмо, и эту надпись.

Вдругъ его юное личико потемнѣло и онъ прибавилъ глухо, глядя на полъ:

— И постараемся забыть его геройскую смерть за... отечество...

Бялобржеская, ничего не говоря, быстро поднялась съ мѣста, на минуту закрыла лицо руками, а затѣмъ стала торопливо одѣваться. Она изорвала въ мелкіе клочки письмо, затѣмъ стала выдвигать разные потайные ящички, изорвала еще какія-то бумаги, снова все старательно позапирала и съ застывшимъ, словно каменнымъ лицомъ сказала:

— Дай мнѣ руку, Генрись!

Они вышли на лѣстницу, съ лѣстницы спустились на улицу. Но шествіе ужъ скрылось на горѣ, направляясь въ центръ города. Они шли молча. На улицѣ Новый Свѣтъ они натолкнулись на другую манифестацію. Толпа несла гигантскія красныя знамена съ надписью: «Да здравствуетъ Польская соціалистическая партія», знамена эти были растянуты на двухъ древкахъ, что бы каждый издали могъ прочесть надпись.

Стали появляться знамена и съ другими надписями: «Да здравствуетъ свободная демократическая республика»! «Да здравствуетъ польская соціалистическая молодежь»! Полиціи совсѣмъ не было на улицахъ. И только кое-гдѣ стояли небольшіе отряды войска. Къ солдатамъ подходили рабочіе и разговаривали, а солдаты добродушно улыбались. Какой-то рабочій подошелъ и сталъ говорить: «не стрѣляй, дьяволъ, видишь сколько насъ здѣсь! Не стрѣляешь? Ага, конецъ ужъ вашему стрѣлянью! Ну, давай, чортъ, лапу въ знакъ примиренія, слышишь»? Солдатъ и рабочій подали другъ другу руки, а толпа закричала: «Да здравствуетъ свобода»!

Бялобржеская видѣла много такихъ сценъ. Она слышала также не мало уличныхъ ораторовъ, которые взбирались на первыя попавшіяся возвышенія и произносили оттуда зажигательныя рѣчи. Ораторами выступали старые и молодые, интелигенты, рабочіе, студенты и даже уличные мальчишки. Всѣ превратились въ совершенно другихъ людей.

Въ полдень Бялобржеская присоединилась къ грандіозной «народной» манифестаціи и пѣла: «Еще Польша не погибла...» и «Боже, который Польшу...» Вскорѣ она замѣтила, что вокругъ демонстрантовъ вертѣлись какіе-то рабочіе съ красными розетками.

— Вы изъ какой партіи?—спросила она.

— Мы изъ П. П. С.

— Что же вы тутъ дѣлаете?

— Мы смотримъ, чтобы никто не обидѣлъ эндековъ [1]).

Услыхавъ это Бялобржеская, всегда сердившаяся на Генриха, когда онъ начиналъ знакомить ее съ борьбой классовъ, нажала руку сына и они выбрались изъ рядовъ демонстрантовъ.

Какъ разъ по Трембацкой шла толпа рабочихъ. Женщина стала пробираться съ сыномъ въ ту сторону, а очутившись въ рядахъ пролетаріата, запѣла вмѣстѣ съ другими: «Пусть слуги тьмы хотятъ насильно связать разорванную сѣть, слѣпое зло падетъ безсильно— добро не можетъ умереть!»—Ужъ совершенно смерклось, а она, не чувствуя усталости или, вѣрнѣе, чувствуя, ее какъ громадное облегченіе, слѣдовала за разными манифестаціями, распѣвала всѣ революціонныя пѣсни, не исключая даже призыва «на баррикады». Но, однако, силь-

---

[1]) Націоналъ-демократовъ.

нѣе всего ее растрогала Варшавянка, съ которой толпа вступила на Театральную Площадь. Тамъ уже окружили ратушу, требуя освобожденія заключенныхъ. И, дѣйствительно, черезъ каждыя десять минутъ ворота раскрывались и группами выходили узники, а толпа встрѣчала ихъ взрывами восторга. Долго еще стояли въ ожиданіи, такъ какъ кто-то крикнулъ, что не всѣхъ еще выпустили. Тогда въ воротахъ появился какой-то сановникъ и заявилъ, что остальные не могутъ быть выпущены сегодня, потому что на нихъ не распространяется амнистія.

— Долой амнистію!—загремѣла толпа.—Сегодня мы сами даемъ себѣ амнистію!

Глухой ропотъ въ толпѣ все росъ и усиливался.

— Долой правительство!—раздавались возгласы,—сломать тюремныя ворота.

Вдругъ, неизвѣстно какъ и откуда, развернулась цѣпь солдатъ.

— Господа, расходитесь!—просили пока еще довольно вѣжливо полицейскіе офицеры.

Но толпа передъ воротами становилась все гуще. Какъ разъ со стороны Сенатской улицы шла съ революціонной пѣсней новая толпа демонстрантовъ. Бялобржеская, крѣпко прижимая къ себѣ руку Генрися, подвинулась съ нимъ въ сторону зданія театра. Тамъ на готовѣ стоялъ отрядъ гусаровъ. Офицеръ, молодой, красивый юноша, взглядомъ подтягивалъ солдатъ, затѣмъ выѣхалъ впередъ и словно прислушивался къ чему-то. Вдругъ откуда-то, точно изъ окна ратуши, раздался короткій сигналъ рожка.

Тогда офицеръ снялъ фуражку, поклонился толпѣ и воскликнулъ: «Поздравляю васъ господа съ конституціей».

— Ура!..—отвѣчала толпа.

Офицеръ снова одѣлъ фуражку, вынулъ изъ ноженъ шашку и скомандовалъ:—«Бей!»—и вдругъ стѣна конницы дрогнула, загремѣла мостовая и, какъ громъ на голову, обрушилось все это на неподготовленную толпу, рубя, топча, расталкивая лошадьми подвижное море людей, которое сразу наполнилось криками, стонами, отступало, толкалось, въ паническомъ страхѣ разбѣгаясь во всѣ стороны.

Бялобржеская вдругъ увидала надъ собою лошадиную голову, почувствовала отвратительное теплое дыханіе рта животнаго, затѣмъ передъ ея глазами сверкнула сталь, послышался свистъ и страшный звукъ разсѣкаемаго тѣла—но ударъ миновалъ ее... Онъ упалъ на голову Генриха, потянувшаго за собою мать. Волна, стучавшая сотнями молотовъ лошадиныхъ копытъ прокатилась надъ ними, фонари потухли и воцарилась глубокая, страшная темнота, цѣлый адъ криковъ, воплей, стоновъ, выстрѣловъ и лязга холоднаго оружія клокоталъ вокругъ нихъ, а мать, зажимая руками потоки крови, струившейся изъ страшной раны настежъ раскрывшей голову и грудь ея сына, сухимъ, какъ стукъ костей, голосомъ хрипѣла:

— Послѣдняго разбойники убили!..

. . . .

Мать! Знай, въ дни революціи стирается демаркаціонная линія между живыми и павшими. Они всѣ вмѣстѣ составляютъ одну сражающуюся армію!

II.

Летучка.

Сѣчкѣ, Тужыму и Свободному партія отдала приказаніе взорвать динамитомъ находившійся на четвертой верстѣ желѣзнодорожный мостикъ. Они вышли съ наступленіемъ сумерекъ и осторожно пробирались полемъ, такъ какъ по дорогамъ разъѣзжали казаки и всѣхъ задѣвали. Свободный, старый каменщикъ, умѣлъ прекрасно обращаться съ динамитомъ поэтому ему и поручили это дѣло, а Тужыма и Сѣчку дали ему въ помощь.

Вечеръ былъ сырой, съ долины поднимались испаренія. Лѣсъ, деревья, телеграфные столбы, все тонуло въ сѣромъ туманѣ. Они шли на такомъ разстояніи отъ полотна желѣзной дороги, чтобы не терять его изъ виду и провѣрить, правда-ли, что его такъ охраняютъ, какъ сообщали партіи. Вскорѣ они убѣдились, что партія была прекрасно освѣдомлена. Слѣва по тропинкѣ ѣхало шагомъ другъ за другомъ пять казаковъ. Рабочіе спрятались въ перелѣскѣ и переждали, пока патруль совершенно скрылся въ туманѣ. Патруль удалился какъ разъ въ противоположномъ направленіи тому, по которому они шли. Въ этомъ мѣстѣ лѣсокъ подходилъ вплотную къ полотну желѣзной дороги, что давало имъ возможность все время итти близко отъ него и поглядывать на телеграфную проволоку. Вскорѣ они наткнулись на два опрокинутыхъ столба. Они внимательно оглядѣли окружавшую ихъ мѣстность, чтобы хорошо запомнить, гдѣ это было. Они пошли дальше. Сѣчка взобрался на насыпь и сталъ отыскивать верстовой камень. Онъ нашелъ его. Ужъ—близко. Мостъ необходимо было взорвать потому, что среди желѣзнодорожниковъ стала брать верхъ контръ-революція, усиленно пытавшаяся возстановить замершее надолго движеніе. Она вызывала войска, полицію, отправляла поѣзда съ собственной охраной, вооруженной револьверами. Но, однако, всѣ ея усилія были тщетны, ибо толпа становилась на полотно и кричала машинисту: «Валяй черезъ насъ!» Машинистъ свистѣлъ, задерживалъ ходъ и въ концѣ концовъ долженъ былъ останавливать поѣздъ. Тогда товарищи вскакивали въ вагоны и горе измѣннику, если онъ не успѣвалъ во время скрыться въ толпѣ. Локомотивъ отцѣпляли, вагоны оставляли среди поля, а паровозъ доводили лишь до первой стрѣлки, а затѣмъ возвращали обратно въ «конюшню». Въ послѣднее время борьба съ

контръ-революціей достигла необыкновеннаго напряженія. Порою казалось, что не миновать кровопролитія. Измѣну наряжали во всевозможныя одежды общественнаго блага, украшали шарфами трехъ «послѣдовательныхъ возстаній» и все заставляли бѣлаго орла трепыханьемъ своихъ невинныхъ крыльевъ гнать на работу бастующихъ желѣзнодорожниковъ. Всѣмъ товарищамъ до тошноты опротивѣли эти «три послѣдовательныя возстанія» и этотъ «бѣлый орелъ», ставшіе благодаря контръ-революціи символами лояльности. Слово «Польша» не сходило съ языка искаріотовъ. Поэтому и оно всѣмъ опротивѣло. Если эти народники «стремились» привить пролетаріату любовь къ прошлому страны, то они какъ разъ наоборотъ добились того, что внушили ему отвращеніе къ этому прошлому. Патріотизмъ, польскій народъ, возстаніе, Костюшко, Килинскій, легіоны—все это въ дѣйствительности стало лишь фономъ, на которомъ они вышивали неизмѣнно одну и ту же фразу: «Теперь всякое движеніе было бы преступленіемъ». Когда воображеніе товарищей воспламеняли событія, происходившія въ Петербургѣ, Ревелѣ, Севастополѣ и Харьковѣ; когда постепенно начинала залечиваться историческая рана ненависти къ русскому народу, контръ-революція снова вскрывала эту рану и бередила выдумками: «москаль обманетъ васъ», «москаль устраиваетъ провокацію, чтобы, воспользовавшись вашей опрометчивостью, снова безпрепятственно зажать васъ въ ежовыхъ рукавицахъ»! А между тѣмъ получались извѣстія, какъ эта контръ-революція пресмыкалась въ Москвѣ передъ земцами, какъ она отказалась отъ законодательнаго сейма, довольствуясь «мѣстнымъ», какъ она на столбцахъ своихъ органовъ ополчалась противъ всеобщей подачи голосовъ, какъ боролась со всѣми забастовками и, наконецъ, какое позорное положеніе заняла она въ вопросѣ бойкота правительственныхъ школъ. Но если народу удавалось добиться какой-либо уступки, то она тотчасъ же успѣхъ этотъ приписывала своимъ трудамъ, засыпала страну дождемъ отчетовъ о «новыхъ побѣдахъ», превозглашала директивы, обострявшія партійные споры, словомъ, выдвигала себя на первый планъ. Когда осуществлялась всеобщая забастовка, она трубила вездѣ, что это дѣло ея рукъ, а когда она прекратилась, то сообщала, что это произошло по распоряженію ея «народнаго комитета». Точно также она поступала и теперь. Она боролась съ желѣзнодорожнымъ союзомъ, употреблявшимъ нечеловѣческія усилія, чтобы довести до конца забастовку. Тужымъ, вспоминая все это, скрежеталъ зубами. Онъ давно бы ужъ съ удовольствіемъ «убралъ» хоть нѣсколько измѣнниковъ, если бы не строгая дисциплина партіи. Теперь партія рѣшила поддержать союзъ желѣзнодорожниковъ и командировала изъ боевой дружины трехъ дѣльныхъ, испытанныхъ людей.

Взорвать мостъ нельзя было поручить кой-кому, ибо это было нешуточное дѣло, требовавшее отъ исполнителя большого хладнокровія,

проницательности и умѣнья незамѣтно пробраться сквозь частые патрули. Приближалась полночь. Какъ разъ въ это время они послѣ нѣскольких встрѣчъ съ казачьими патрулями, отъ которыхъ имъ приходилось прятаться въ оврагахъ, ямахъ и кустарникахъ, достигли, наконецъ, мостика. Сѣчка вернулся на двѣсти шаговъ назадъ, а Тужымъ настолько же подвинулся впередъ, Свободный же вошелъ подъ мостикъ, чтобы выполнить возложенную на него работу. Надо было подложить мину подъ желѣзный брусъ, либо помѣстить ее въ какомъ-нибудь каменномъ сводѣ. Онъ почти все уже сдѣлалъ, онъ даже успѣлъ пристроить фитиль, какъ вдругъ рельсы стали дрожать, сначала слегка, а затѣмъ все сильнѣе и сильнѣе. Свободный оглянулся изъ-подъ моста и спросилъ: «Что тамъ такое»? Вдоль полотна бѣжалъ Сѣчка и дѣлалъ ему какіе-то знаки.—«Казаки возвращаются!»—закричалъ онъ. Свободный хладнокровно вынулъ спички, чиркнулъ, сверкнулъ огонекъ, фитиль загорѣлся и, потрескивая, горѣлъ довольно быстро. Между тѣмъ съ другой стороны прибѣжалъ Тужымъ, крича:—«Погоди, погоди, ради Бога»!—Свободный пристально поглядѣлъ на него, но, очевидно, понялъ въ чемъ дѣло, ибо быстро схватилъ перочинный ножикъ, перерѣзалъ фитиль, пылавшій конецъ бросилъ въ воду, а затѣмъ самъ быстро влѣзъ подъ мостикъ. Тужымъ и Сѣчка пригнувшись къ землѣ, добѣжали до перелѣска и, раздвинувъ кусты, стали наблюдать, что будетъ дальше.

А между тѣмъ издали доносился хорошо имъ знакомый свистъ, протяжный, несмолкавшій. Изъ густого тумана выплывали два гигантскихъ глаза паровоза, а третій какъ то странно сверкалъ на хребтѣ колосса, освѣщая дымникъ и еще какой-то предметъ. Товарищи не могли понять, что означаетъ этотъ одиноко мчащійся локомотивъ, этотъ свѣтъ на его туловищѣ, этотъ протяжный свистъ. И только когда паровозъ былъ ужъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ нихъ, они увидали, что надъ нимъ рѣяло красное знамя. Его освѣщалъ рефлекторъ лампы, привѣшенной къ задней части трубы. А знамя тоже было прикрѣплено къ верхушкѣ дымника. Сѣчка сразу сообразилъ, что, очевидно, благодаря перерыву сообщенія, партія на паровозѣ выслала свои распоряженія. Онъ тогда дважды свистнулъ въ сторону Свободнаго, а тотъ ему отвѣчалъ такимъ же числомъ свистковъ.

А между тѣмъ съ другой стороны рысью подъѣзжали казаки. Они спѣшились. Одинъ изъ нихъ собралъ въ руки всѣ повода, а остальные, снявъ винтовки, выстроились вдоль пути и ждали. Желѣзный локомотивъ, окутанный облаками пара и искръ, съ гордо рѣющимъ надъ челомъ революціоннымъ знаменемъ, съ пронзительнымъ свистомъ мчался, какъ чудовище переворота, какъ вѣстникъ пожара, охватившаго полъ Европы и Азіи. Ужасъ, мощь, величіе гремѣли тамъ на шинахъ все ближе и ближе; свистъ становился все пронзительнѣе, все громче. Онъ восклицалъ:—«Берегите меня»!—Вотъ ужъ революціонное чудовище

достигло мостика, вотъ оно загромыхало по нему. Три человѣка стоятъ у рычаговъ. Казаки прицѣлились. Выстрѣлили. Одно тѣло съ метнувшимися вверхъ руками грохнулось на путь...

Локомотивъ пролетѣлъ какъ молнія, а свистъ его становился все глуше и тише. Тужымъ не успѣлъ шепнуть «Іисусе»! какъ все это совершилось на его глазахъ. Казаки нагайками стегали трупъ. Затѣмъ обыскали его, зажгли фонарь и двинулись въ сторону мостика. Сѣчка дернулъ товарища за рукавъ. Они обмѣнялись взглядами и сразу оба поблѣднѣли. Казаки, повѣсивъ на перила моста фонарь, осматривали бумаги убитаго. Тутъ Тужымъ затаилъ дыханье, а Сѣчка перекрестился.

Спустя минуту произошелъ оглушительный взрывъ. Сотрясеніе воздуха было такъ велико, что оба они упали на землю. Они лишь услыхали топотъ разбѣгавшихся лошадей и почувствовали запахъ динамита. Они подождали еще немного. До ихъ слуха долетѣли стоны.— «Ты постой тутъ,—шепнулъ Тужымъ—а я посмотрю».

Осторожно раздвигая вѣтви кустовъ, онъ пробирался въ сторону мостика, и вскорѣ Сѣчка потерялъ его изъ виду. Стоны прекратились, наступила мертвенная тишина. Сѣчка совершенно окостенѣлъ отъ холода и волненія. Онъ закрылъ лицо руками и щелкалъ зубами. Вдругъ онъ почувствовалъ на своемъ плечѣ чью то руку и услыхалъ: «Пойдемъ»! Онъ всталъ. Тужымъ былъ страшно блѣденъ. Сѣчка тоже—онъ, не проронивъ ни слова, послѣдовалъ за нимъ.

Они возвращались—вдвоемъ.

III.

Христосъ въ Варшавѣ.

Во время оно пришло на небо письмо изъ Рима, въ которомъ сообщалось, что въ Польшѣ творится что то неладное. Спаситель очень огорчился, предсталъ предъ Богомъ Отцомъ и такъ ему сказалъ:

— Господи, Отецъ мой Небесный! Хорошо мнѣ тутъ у тебя въ свѣтломъ раю, словъ нѣтъ. Но я давно ужъ не страдалъ вмѣстѣ съ людьми и мнѣ кажется, что пришла пора снова отправиться къ нимъ.

Крѣпко принялъ къ сердцу эти слова Богъ Отецъ и такъ отвѣчалъ Христу по своей святой волѣ:

— Мой ты Іисусе! Иди ты къ людямъ, я не мѣшаю тебѣ, а даже напротивъ, скажу: ступай, сдѣлай милость, а то папа написалъ мнѣ такія небылицы, что никакъ въ толкъ этого не возьму. Ты ужъ тамъ постарайся, все узнай, сообрази, что и какъ, а затѣмъ возвращайся и подробно все мнѣ перескажи.

Тогда всѣ Ангелы, Апостолы и Святые Угодники стали громко плакать и, окруживъ Христа, голося и причитая, умоляли его одуматься. — «Ты ужъ одинъ разъ — говорили они — выстрадалъ свое;

схватили тебя, распяли; зачѣмъ же тебѣ снова подвергать себя всѣмъ случайностямъ»!—Но Христосъ пристыдилъ ихъ и сказалъ:

— Вѣдь сказано: семьдесятъ семь разъ пріимешь страданіе за людей и позволишь распять себя. Такъ вы ужъ лучше не мѣшайте мнѣ, а проводите-ка меня до небесныхъ воротъ и благословите на дорогу, а то люди чего добраго скажутъ, что я, Іисусъ Христосъ, изнѣжился на небѣ среди вѣчнаго блаженства.

Тутъ всѣ обступили его и повели къ небеснымъ воротамъ, а впереди шествовалъ Святой Петръ съ большущимъ ключемъ изъ чистаго золота и все вытиралъ кулакомъ слезы. Долго искалъ онъ въ воротахъ замочную скважину, долго ковырялъ ключемъ, пока наконецъ отворилъ. Тутъ сразу подуло холоднымъ вѣтромъ. Но Іисусъ Христосъ ничего, только плотнѣе закутался и пустился въ путь дорогу. Ворота за нимъ закрылись; его окружили тьма, холодина, вѣтрище, а дорога то была трудная, мерзкая. Да развѣ можетъ быть пріятной дорога съ неба на землю!

Иногда ему казалось, что кто-то идетъ слѣдомъ за нимъ. Но онъ даже не оглянулся. Да кому тамъ идти? Вѣдь никто не предлагалъ ему себя въ товарищи.

Товарищъ-то, положимъ, и не шелъ за нимъ, а шло недовѣріе. Это все тотъ же Ѳома невѣрный, который долженъ былъ пальцами ощупать раны, а то иначе не могъ сообразить, незамѣтно выскользнулъ вслѣдъ за нимъ съ небесъ, говоря себѣ:—«Все это хорошо разъ, одинъ разъ, а тамъ ужъ не очень!»—Онъ думалъ, что Іисусъ Христосъ такъ только,—поглядитъ на все издали и вернется на небеса.

Но Іисусъ Христосъ все шелъ и шелъ, пока не добрался до рогатокъ города Варшавы. Остановился онъ, а тутъ прибѣжали, обступили его—и давай спрашивать, что у него есть,—молоко, яйца, спиртъ или что тамъ?—Ну, разумѣется, у него ничего не было. Тогда его отпустили, а онъ пошелъ дальше и постучался въ Ночлежный Домъ. Его приняли, но сейчасъ же спросили про паспортъ, будто потому, что у нихъ теперь, дескать, военное положеніе! Ну, понятно, что и паспорта у него не было. Тогда его прогнали, чтобы онъ не навлекъ бѣды на всю Ночлежку. Іисусъ Христосъ вздохнулъ, но дѣлать нечего, собрался и пошелъ.

Идетъ онъ долго-ли, коротко-ли, какъ вдругъ его останавливаетъ патруль.

— Куда прешь? А паспортъ у тебя есть?

Ну, извѣстное дѣло, не было паспорта. Тогда его хотѣли тутъ же на мѣстѣ разстрѣлять. Но у него былъ такой безобидный видъ, что его только отдубасили прикладами и сдали на руки городовому, чтобы тотъ свелъ его въ участокъ.

Городовой, завернувъ за уголъ, сейчасъ же обыскалъ его и здорово выругалъ, даже малость поколотилъ за то, что у него ничего не

было. Затѣмъ его свели въ канцелярію для составленія протокола. Но тамъ никого не оказалось: все начальство разошлось по домамъ; тогда его, не долго думая, отправили въ тюрьму. Тамъ ужъ сидѣло нѣсколько рабочихъ: два—пепеэсовца [1]), одинъ бундистъ, одинъ соціалъ-демократъ, была тамъ еще одна дѣвица, такъ себѣ, одинъ карманщикъ и еще какіе то люди. Всѣ по обыкновенію горячо спорили, будетъ-ли два конституціонныхъ правительства: одно въ Варшавѣ, а другое въ Петербургѣ или одно только въ Петербургѣ, какъ кричалъ во всю глотку соціалъ-демократъ. Только карманщикъ не принималъ участья въ разговорѣ, да дѣвушка храпѣла въ углу, очевидно блудница какая-то, потому что лицо у нея было раскрашено разными красками.

Когда Іисусъ Христосъ вошелъ, никто, конечно, не узналъ его, только сейчасъ же обступили со всѣхъ сторонъ и давай распрашивать, кто онъ, да откуда, какъ сюда попалъ, политическій онъ или уголовный и все такое спрашивали, какъ водится въ такихъ случаяхъ. Іисусъ Христосъ ничего не отвѣчалъ имъ, а только горько плакалъ. Тогда ему говоритъ одинъ изъ пепеэсовцевъ:

— Товарищъ! Слезами горю не поможешь, тутъ надо быть мужественнѣе! Обижаютъ насъ, поляковъ, ой обижаютъ! За то мы не поддаемся, а устраиваемъ генеральную забастовку. На улицахъ войска стрѣляютъ, казаки хлещутъ народъ нагайками, фабриканты эксплуатируютъ рабочихъ, а интеллигенты одни хотятъ крѣпко держаться за тронъ, другіе хотятъ крѣпко держаться за Думу, третьи хотятъ только того, что-бы ихъ оставили въ покоѣ, а остальные говорятъ, говорятъ, говорятъ безъ конца, да только отъ ихъ болтовни народу не легче.

А Іисусъ Христосъ знай слушаетъ, да плачетъ.

Тогда говоритъ ему соціалъ-демократъ.

— Товарищъ! Говорятъ, что нужно возстановить Польшу. А посуди самъ, что эта Польша сдѣлала для насъ, бѣдныхъ рабочихъ? Интиллигенція теперь, положимъ, много чего обѣщаетъ, только по-моему всѣ эти обѣщанія слишкомъ хороши, чтобы кто сталъ исполнять ихъ!

А Іисусъ Христосъ знай слушаетъ, да плачетъ.

А бундистъ говоритъ:

— Товарищъ! Вотъ говорили, что еврей и полякъ одно и тоже. А тутъ, видишь-ли, едва открыли нѣсколько польскихъ школъ, какъ національ-демократы стали кричать: «не пускать жида!» И ни въ одну изъ школъ не приняли евреевъ.

Іисусъ Христосъ знай слушаетъ, да плачетъ.

Наконецъ, они всѣ уморились, уснули, а Іисусъ Христосъ взялъ бумагу и сталъ писать своему архіепископу Попелю слѣдующее письмо:

«Мой милый архіепископъ! Я, Іисусъ Христосъ, сошелъ съ небесъ

---

[1]) Пепеэсовецъ или п. п. с. членъ партіи польскихъ соціалистовъ (Polska Partya socyalistyczna).

на землю, чтобы провѣрить сообщеніе римскаго папы, а затѣмъ, если нужно будетъ, помочь бѣдному польскому народу въ его борьбѣ за свободу. Но на меня сразу напали, стали спрашивать паспортъ, обыскали, нѣтъ-ли чего при мнѣ, и даже въ тюрьму посадили. Сижу я тутъ съ разной бѣднотой изъ пепэса, соціалъ-демократіи и бунда, въ обществѣ карманщиковъ, а даже и блудница нашлась тутъ. Что ты на это скажешь, мой милый архіепископъ? Это-ли по твоему называется общественнымъ порядкомъ? Ступай немедленно во дворецъ къ Скалону и скажи ему, чтобы онъ убирался вонъ изъ Польши вмѣстѣ со своими войсками. Затѣмъ поѣзжай въ Петербургъ и скажи тому, кому тамъ теперь слѣдуетъ говорить, чтобы онъ не смѣлъ управляеть этой польской страной, а пускай она сама управляется, а если ей пріятно вести дружбу съ порядочными русскими, такъ пускай дружитъ, это хорошо, я всегда, вѣдь, проповѣдывалъ братство народовъ».

Когда онъ окончилъ, одинъ изъ пепэсовцевъ облегчилъ ему отправку письма изъ ямы, а на слѣдующее утро архіепископъ ужъ держалъ въ своихъ рукахъ это посланіе. Но только онъ не сталъ его читать, а отдалъ своему канонику Мстиховскому, чтобы тотъ просмотрѣлъ его и распорядился по своему усмотрѣнію. Каноникъ прочиталъ, улыбнулся, швырнулъ въ корзинку письмо и поѣхалъ въ коляскѣ кататься, потому что врачъ предписалъ ему моціонъ на свѣжемъ воздухѣ.

А тутъ вокругъ тюрьмы собралась тьма тьмущая рабочихъ, студентовъ и тѣхъ господъ, которые разбрасываютъ теперь разные листки. Какъ стали шумѣть, ломиться, такъ высадили двери и освободили узниковъ. Вмѣстѣ съ другими вышелъ изъ тюрьмы и Іисусъ Христосъ. Онъ долго плакалъ, а они обнимали его, не зная, кто онъ, а онъ обнималъ ихъ, зная, кто они. Затѣмъ онъ развернулъ красное знамя, сталъ во главѣ толпы и молча повелъ ее.

Загрохотала мостовая, прогремѣли выстрѣлы, полилась кровь, а онъ все велъ ихъ, хотя падали трупы, то пепэсовцевъ, то соціалъ-демократовъ, то бундистовъ, онъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ велъ. И хотя тамъ не видно было ни одного ксендза, хотя тамъ не видно было ни одного графа и хотя тамъ не было г. Сенкевича, однако онъ ихъ велъ такъ хорошо, что тамъ не было ни одного погрома, ни одной черной сотни и ничего такого. И такъ это хорошо велъ себя весь народъ, какъ никогда не велъ онъ себя ни съ ксендзами, ни съ полиціей, ни съ націоналъ-демократами.

А Ѳома-то Невѣрный, тотъ, что шагъ за шагомъ шелъ за Христомъ, прятался за уголъ дома и глядѣлъ, снова бѣжалъ и снова прятался за другой домъ и глядѣлъ. Наконецъ, его совсѣмъ разобрало. Онъ выдвигался впередъ, останавливалъ разныхъ буржуазныхъ обывателей, указывалъ имъ рукою на вождя и восклицалъ словно въ экстазѣ:

— Имѣющіе очи да видятъ.

Всѣ останавливались и въ недоумѣніи глядѣли, а Ѳома Невѣрный восклицалъ:

— Развѣ вы не узнаете его? Это онъ, говорю вамъ, онъ! Вѣдь я его знаю! Я опускалъ персты въ раны его!

Тутъ подошелъ къ нему одинъ каноникъ и сталъ бранить его за кощунство.

— Кого ты тамъ видишь, глупый человѣкъ? Ты видишь агитатора съ краснымъ флагомъ, а больше ничего ты не можешь видѣть. Ты не былъ у обѣдни въ Костелѣ Святого Флоріана? Ты не слыхалъ, какъ читали пастырское посланіе архіепископа? Іисусъ Христосъ устами архипастыря проклялъ всѣ эти смуты. А ты самъ кто такой? Берегись, чтобы тебѣ вмѣстѣ съ нимъ не очутиться сегодня вечеромъ въ десятомъ павильонѣ.

Но Ѳома Невѣрный страшно распѣтушился и сталъ поносить его:

— Ахъ, ты черный трусишка, мразь ты этакая, что ты тутъ мелешь! Ты не видалъ, какъ онъ заступался за каждаго обиженнаго, и не видалъ ты, какъ онъ оплакивалъ своего возлюбленнаго Лазаря. Смотри! Теперь все населеніе Варшавы превратилось въ одного исполинскаго Лазаря, восклицающаго: «Слезами залитъ міръ безбрежный. Вся наша жизнь тяжелый трудъ».—И, вѣрно, этотъ Лазарь говоритъ: «Безумный міръ, тупой, холодный, готовъ погибнуть наконецъ».— А развѣ тотъ не восклицалъ: «Камня на камнѣ отъ тебя, дряхлый міръ, не останется». Да посуди самъ, не говорилъ ли онъ: «Горе вамъ, фарисеи, горе вамъ, лицемѣры, гробы повапленные»!!!

Тутъ и каноникъ распѣтушился. Схватились они, а каноникъ какъ закричитъ: «Ко мнѣ національ-демократы»! Но вокругъ ужъ порядкомъ пули свистѣли и всѣ національ-демократы задали стрекача, не долго думая, и каноникъ пустился улепетывать, а Ѳома Невѣрный забывъ, что онъ только духъ, кричалъ:

— Смотрите, смотрите, у кого только есть глаза! Вѣрьте моему слову, что онъ не только умѣетъ говорить, какъ національ-демократы, но онъ возсталъ противъ властей. Не возсталъ, думаете? Возсталъ и его ужъ однажды повѣсили. Избили и повѣсили, какъ Окржею, Краузе и Каспржака! Люди, слѣдуйте за нимъ, ибо онъ училъ, какъ надо возставать противъ властей.

Поэтому толпа все росла. Вскорѣ на улицу высыпало все населеніе Варшавы, сапожники, портные, столяры, скорняки, булочники, штукатуры, посыльные, даже извозчики слѣзали съ козелъ, кондуктора и вожатые конокъ спрыгивали съ вагоновъ и присоединялись, со всѣхъ сторонъ сбѣжались прачки, гладильщицы, швеи, модистки, горничныя, кухарки, судомойки, а преимущественно рабочіе съ Повислья и окрестностей Стальной, ломовики, дворники, не счесть всего народа, который шелъ и шелъ, распѣвая: «Долой тирановъ, прочь оковы, не нужно

старыхъ рабскихъ путъ»... И: «Мы нашъ, мы новый міръ построимъ. Кто былъ ничѣмъ, тотъ станетъ всѣмъ».

Ѳома Невѣрный сѣлъ на мостовую и навзрыдъ рыдалъ. Онъ смѣялся и плакалъ одновременно, а затѣмъ воздѣлъ вверхъ руки и воскликнулъ:

— Господи Отче Небесный, видишь ли ты все это!

Но едва лишь онъ произнесъ эти слова, какъ сорвался легкій вѣтерокъ и, приподнявъ его надъ землею, понесъ вверхъ, въ небеса. А ужъ было совершенно темно и на небосводѣ зажглись звѣзды. Рыдающій Ѳома плылъ вверхъ все выше и выше, надъ городами, полями, лѣсами... Земля исчезла изъ глазъ и вотъ передъ нимъ раскрылись золотыя небесныя ворота. Ѳома ползкомъ на колѣняхъ переступилъ ихъ и поползъ дальше съ вытянутыми впередъ руками. Все небо дрогнуло. Сбѣжались Блаженные, Апостолы, Святые Угодники и Мученики, а онъ такъ на колѣняхъ продолжалъ подвигаться къ тройному трону и по прежнему восклицалъ въ экстазѣ.

— Очи мои, что вы видѣли! Уши мои, что дано было вамъ услышать. Чудеса творятся на польской землѣ, хотя тамъ каноники слѣпы, а епископы глухи къ стонамъ несчастныхъ!.. Я видѣлъ его, я—невѣрующій, а пастыри говорятъ, что это не онъ идетъ во главѣ народа. Я видѣлъ католиковъ и евреевъ, по-братски сидѣвшихъ въ тюрьмѣ за общее дѣло, а затѣмъ, когда ихъ отбили и выпустили на свободу, обнимавшихся со слезами на глазахъ! И ихъ подозрѣвали, что они рѣзали другъ друга! Онъ же, нашъ святѣйшій, мудрѣйшій, совершеннѣйшій, такъ слился съ толпой, что самъ сталъ малымъ среди малыхъ сихъ. Просто не узнать его. И должно быть этотъ народъ чувствуетъ присутствіе его, ибо какъ только возьмутъ и запрутъ кого-нибудь, такъ они такъ его отбиваютъ, словно Христа стараются освободить.

Блаженные съ недоумѣніемъ глядѣли на него, ничего не понимая изъ его словъ, ибо вѣдь когда они жили на землѣ, ничего подобнаго тогда не происходило. Только Святой Павелъ, мудрѣйшій изъ нихъ, внимательно слушалъ и все, что тотъ говорилъ, сравнивалъ съ посланіемъ римскаго папы, хмурилъ брови и мрачно поглядывалъ въ сторону Бога Отца.

Богъ Отецъ, тоже съ тоскою на него поглядывавшій, моргнулъ Петру, отошелъ съ нимъ въ сторону и такъ ему сказалъ:

— Послушай-ка, Петръ. Ты былъ моимъ намѣстникомъ на землѣ, ходилъ босикомъ, погибъ мученической смертью. А этотъ теперешній намѣстникъ и живетъ себѣ, богато живетъ и не только совсѣмъ не помышляетъ о мученичествѣ, но еще на бѣдныхъ жертвователей взводитъ разные поклепы. Послушай-ка, Петръ, а какъ бы намъ этихъ намѣстниковъ похерить?

Святой Петръ покачалъ головой и вздохнулъ:

— Что же, прежній не лучше былъ. Людей рѣзали какъ барановъ,

а онъ это называлъ святымъ порядкомъ. Положимъ, сидитъ онъ теперь по уши въ геенѣ огненной, да кому отъ этого легче!

А Богъ Отецъ:

— Да къ чему мнѣ посылать ихъ потомъ въ адъ. Послушай-ка, Петръ, старый слуга. Я какъ погляжу на это письмо, такъ меня всего и затрясетъ. Приказываю тебѣ не принимать никакихъ писемъ отъ этихъ намѣстниковъ. Пусть люди, какъ хотятъ, устраиваются съ ними!

Пер. съ польскаго **О. Вишневской.**

IV.

Юрій.

Отецъ его былъ жандармскій полковникъ, а дядя начальникъ тайной полиціи. Не одинъ товарищъ завидовалъ его столь знатному происхожденію, особенно же Василій Антоновичъ Пащенко. Часто онъ говорилъ ему: «Эхъ, Юрій, Юрій!» Больше онъ не говорилъ ни слова, только вздыхалъ, качалъ головой и многозначительно смотрѣлъ ему въ глаза. Юрій же на это всегда отвѣчалъ: «Эхъ, свинья, свинья»! Василій не обижался, потому что разъ на всегда сказалъ себѣ: «Василію, сыну помощника пристава, нельзя обижаться на сына полковника»! Это были ученики седьмого класса I гимназіи [1]), которая сосредоточила въ своихъ ассирійско-византійскихъ стѣнахъ всѣ отпрыски варшавской бюрократической камарильи. Бывало, во время акта, когда въ огромномъ залѣ собирались дѣти и родители, когда на кафедру входилъ, какъ выражался Юръ, оберъ-негодяй и на него устремлялись взоры всѣхъ тайныхъ и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, увѣшанныхъ орденами, за плечами Василія всегда раздавался шопотъ: «Пащенко, одну бы только бомбу, а? Какой бы она чудный порядокъ здѣсь сдѣлала»! Василій жалобно кривялся, грозилъ пальцемъ товарищу и неоднократно собирался серьезно поговорить съ безумцемъ, которому предстояла блестящая будущность, но который уклонялся въ дурную сторону. Собственно говоря, Василій заботился не столько о безумцѣ, сколько о себѣ самомъ. Ему, сыну обыкновеннаго помощника пристава, никогда бы не взобраться на болѣе высокія ступени іерархической лѣстницы, будь то по части администраціи, судебнаго вѣдомства или военной должности; между тѣмъ протекція такого вліятельнаго товарища, какъ Юрій, могла сразу вывести его въ люди. Часто, глядя съ тоскою на Юра, онъ самъ себѣ говорилъ: «Юрій, ты моя опора и, только опираясь на тебя, я сдѣлаю свою карьеру». Но

---

[1]) Первая гимназія въ Варшавѣ съ интернатомъ исключительно для православныхъ, дѣтей чиновниковъ. Византійскій стиль зданія гимназіи рѣзко выдѣляетъ этотъ домъ. Впереди зданія площадь, на которой стоитъ памятникъ Копернику. *Прим. перев.*

опора, съѣдаемая ѣдкимъ революціоннымъ духомъ, все подтачивалась и наконецъ настало время, когда Василій долженъ былъ себѣ сказать: «Юрій—ненадеженъ». Онъ не зналъ, какъ поступить: пересѣсть ли на другую скамью или же поговорить съ классным наставникомъ. Боялся. Не повѣрятъ, а если и повѣрятъ, то дѣло постараются замять. Тотъ, у кого такой отецъ и такой дядя, можетъ либеральничать. Да и что? Переведутъ его на нѣкоторое время въ Воронежъ, Одессу, Симферополь, но сына помощника пристава—толкнутъ и онъ полетитъ. Василій былъ въ отчаяніи. Однажды они встрѣтились на улицѣ. «Юрій», заговорилъ Василій умоляющимъ тономъ, «почему ты не хочешь поговорить со мной откровенно»? Юрій молчалъ. Пошли по направленію къ мосту. Василій жаловался: «Не повѣришь, Юрій, сколько ты мнѣ огорченія доставляешь. Ты, такой милый, такой нашъ, русскій человѣкъ, а иногда высказываешь ужасныя слова». Юрій все молчалъ, а Василій набирался смѣлости: «Слушай, Юрій. Подумалъ ли ты о томъ, чѣмъ это можетъ и должно кончиться? Смотри туда, далеко на Вислу, на розовое зданіе тамъ, на лѣвомъ берегу. Посмотри и на другую сторону; надъ городомъ высятся золотые куполы. Неужели ты не подумалъ серьезно о томъ, что ты долженъ сдѣлать выборъ между этими двумя зданіями? Тамъ на горѣ—признаютъ тебя, твою судьбу, почести окажутъ; тамъ въ дали—участь узника, а можетъ и висѣлица». Юрій все молчалъ. Лицо его стало серьезнымъ. Въ первый разъ, можетъ быть, сошла съ его лица та саркастическая улыбка, которая была причиною того, что Василій не рѣшался говорить съ нимъ по душѣ. «Юрій, дорогой мой другъ единый», продолжалъ свою рѣчь Василій, «ты ребенокъ, ты не понимаешь, кто ты и кто я, сынъ бѣдности и униженія. Что меня ждетъ? Э, буду, напр., старшимъ цензоромъ, ну, чѣмъ еще? Комисаромъ по крестьянскимъ дѣламъ. Дальше—ни шагу. Но ты? Будешь носить пальто на красной подкладкѣ, Юрій. Будешь важнымъ бариномъ, Юрій, вся грудь въ орденахъ!.. Видишь, Юрій, тебѣ всѣ въ ноги будутъ кланяться, тогда подумай и о товарищахъ, которые на тебя разсчитываютъ. Вотъ въ чемъ твоя обязанность, Юрій! Между тѣмъ, тебя снѣдаютъ нехорошія мысли. Либеральничаешь. Кто не либеральничалъ! Но чѣмъ все это кончалось? Не хочу даже говорить, чѣмъ, скажу только—плохо кончалось. Да иначе и быть не можетъ. Смотри, все вокругъ волнуется, въ Россіи настало тяжелое время. Это всегда такъ. Теперь въ людскихъ головахъ переворачивается все вверхъ дномъ. Но нужно умѣть умѣрять свой пылъ, нужно умѣть разсуждать, не дать себя увлечь различнымъ коварнымъ теченіямъ, которыя могутъ увлечь человѣка и его близкихъ въ бездну». Василій долго говорилъ въ этомъ духѣ, затрагивалъ событія дня, говорилъ о войнѣ на Дальнемъ Востокѣ, остановился на революціонномъ движеніи въ Прибалтійскомъ краѣ, на Кавказѣ, въ Привислянскомъ краѣ. Внезапно Юрій прервалъ его: «А ты

знаешь, Василій, что польская молодежь рѣшила бойкотировать правительственныя школы?» Василій сталъ, какъ вкопанный. А Юрій продолжалъ: «Какъ ты думаешь, Василій, каково должно быть наше отношеніе къ такому историческому факту»? Василій окаменѣлъ. «Ты большая свинья, Василій», сказалъ Юръ, «но бывало, что и большая свинья обращалась современемъ въ порядочную человѣческую личность, а иногда даже въ цѣннаго общественнаго дѣятеля, когда надъ нею немного работали. Все, о чемъ ты мнѣ здѣсь толковалъ, Василій, показываетъ только, что до сихъ поръ мысли твои не поднимаются выше десятаго участка. Видишь, на насъ обоихъ происхожденіе наложило свое пятно. Я сынъ жандарма, ты сынъ полицейскаго. Такое пятно можно смыть только однимъ зѣльемъ, и цвѣтъ его... красный. Да, Василій, нужно, наконецъ, сказать это себѣ самому ясно и отчетливо. И знай еще, что для такихъ, какъ ты, придутъ плохія времена. Будемъ васъ *топить* въ глубинѣ этой украденной рѣки, будемъ васъ вѣшать на этихъ тополяхъ привислянскихъ, очистимъ польскую землю отъ вашихъ слѣдовъ, землю, которую мы умѣли только гадить нашими порядками. Василій, я русскій. Но русскій человѣкъ не долженъ быть непремѣнно старшимъ цензоромъ или носить пальто на красной подкладкѣ.

Теперь русскій человѣкъ можетъ быть и Сазоновымъ, и Каляевымъ и волнующимся рабочимъ, русскіе это толпа, въ которую въ Петербургѣ стрѣляли. Говорю тебѣ, Василій, что настало время, когда падетъ все зданіе лжи, притѣсненій и злодѣяній. А намъ, Василій, ничего больше не осталось сдѣлать, какъ смыть съ себя Каиново проклятіе краснымъ зѣльемъ. Счастье не для насъ, радости судьбы не намъ достанутся! Смотри, сколько зла сдѣлали мы людямъ этой страны, заставляли ихъ переходить въ православіе, били, сѣкли, вѣшали, грабили ихъ добро. И знаешь? Вчера на митингѣ вырвался изъ трехсотъ душъ одинъ крикъ: «Да здравствуетъ попъ русскій о. Гапонъ!» Понимаешь ли ты, какъ этотъ народъ долженъ былъ работать надъ собою, подавить въ себѣ естественную ненависть, выказать свое полное самообладаніе, чтобы быть въ состояніи съ такой справедливостью отличить чиновника отъ русскаго человѣка свободы? Мы для нихъ еще ничего не сдѣлали, начинаемъ только здѣсь и тамъ бороться за свою собственную свободу. И уже насъ уважаютъ, насъ считаютъ людьми, хотя мы и живемъ еще въ Варшавѣ и отнимаемъ у нихъ хлѣбъ... Ты, Василій, говорилъ объ обязанностяхъ. Теперь я тебѣ кое-что скажу о нихъ. За одно ихъ привѣтствіе мы имъ многимъ обязаны. Что возгласъ, ерунда! Но за него раньше объявили бы измѣнникомъ, оплевали бы человѣка. Русскій попъ! Только за то, что этотъ русскій попъ рѣшился поднять руку противъ насилія, его ужъ полюбили, уже вѣрятъ, что найдутся и другіе.

Сазоновъ, Каляевъ! А знаешь, кто воспиталъ то поколѣніе, къ

которому они принадлежатъ? И Рысаковъ бросилъ бомбу. Но онъ ее бросилъ рукой, а не душой. Гриневецкій бросилъ душой, а не рукой, а потому и была удача. Онъ всю свою жизнь готовился къ этому моменту. Это нашъ первый революціонный святой. Мы всѣ происходимъ отъ него. Мы,—Василій, я плохо выражаюсь,—тѣ въ Петербургѣ. Здѣсь мы еще только должны подняться. Да, Василій, подумай хорошенько о томъ, что я тебѣ здѣсь говорю. Знаешь-ли ты пѣсенку, которую поетъ здѣшній народъ? «Вскорѣ Христосъ побѣдитъ Іуду». Это великія слова. И говорю тебѣ, великъ тотъ народъ, который высказалъ ихъ, несмотря на то, что мы имъ такъ пренебрегаемъ, что мы такъ унизили его и подавили. Но онъ подымается, и плохо придется, каждому цензору, Василій, каждому пальто на красной подкладкѣ. Да, вскорѣ побѣдитъ въ этомъ народѣ Христосъ Іуду, и свободной будетъ эта рѣка, эта прекрасная земля, не станетъ тѣхъ золотистыхъ куполовъ надъ городомъ и того розоваго зданія въ дали на лѣвомъ берегу Вислы, Христосъ побѣдитъ Іуду среди народовъ сѣверной Европы и Азіи, только нужно, Василій, искренно—сильно въ это вѣрить!»

День 15-го января всколыхнулъ Варшаву. Юрій, страшно возбужденный, пробѣжалъ по улицамъ. Страстный и порывистый, не понималъ онъ вначалѣ поведенія толпы, которая бросала снѣгомъ въ проходившіе отряды войска и смѣялась. Толпа эта падала, облитая кровью, и все смѣялась. Юрій порывался къ вооруженному выступленію, къ покушеніямъ, жаждалъ насилію противопоставить насиліе. Но толпа, безъ всякаго оружія, имѣла только одну силу—свой смѣхъ. Вначалѣ это бѣсило Юрія. «Французы сѣвера», шепталъ онъ сквозь зубы, повторяя мнѣніе *кого-то*, которому казалось, что онъ нашелъ очень мѣткое выраженіе для характеристики вѣчной будто бы легкомысленности поляковъ. Однакожъ, что общаго имѣла эта уличная молодежь, которая мелькала около казаковъ, какъ рой назойливыхъ и смѣлыхъ мухъ, съ пресловутымъ парижскимъ легкомысліемъ? Откуда могла взяться у этихъ рабочихъ, отвѣчавшихъ смѣхомъ на залпы казаковъ, парижская беззаботность? Нѣтъ, Юрій, тутъ что-то не такъ! Этотъ смѣхъ толпы, — высшая ступень цивилизаціи. Бьешь, потому что у тебя въ рукѣ нагайка. Но что же у тебя еще есть? Управляешь на разстояніи ружейнаго выстрѣла, но смѣюсь тебѣ прямо въ глаза, потому что въ скоромъ времени и на такомъ разстояніи не будешь править. Вѣдь это такъ, Юрій!

Когда молодежь изо всѣхъ учебныхъ заведеній высыпала на улицу, Юрій первый развернулъ красное знамя. Тамъ, гдѣ происходили еще занятія, онъ прекращалъ ихъ, ругалъ учителей и директоровъ, на площадяхъ обращался къ рабочимъ съ рѣчью. Разъ его даже арестовали. Отецъ освободилъ его и заперъ дома на ключъ. Отецъ хотѣлъ съ нимъ строго разсчитаться, но былъ такъ заваленъ дѣлами,

что Юрію удалось бѣжать изъ домашней крѣпости, выломавъ предварительно дверь. Съ этого времени онъ началъ вести безпечальную жизнь. Мать, которая любила его, доставляла ему деньги черезъ товарищей. Каждую ночь онъ проводилъ въ иномъ мѣстѣ. Когда наступилъ періодъ великихъ политическихъ стачекъ, онъ обходилъ вмѣстѣ съ группой польской молодежи, съ которой подружился, фабрики, разбрасывалъ прокламаціи, дежурилъ на полотнѣ желѣзной дороги подъ Варшавой и съ револьверомъ въ рукахъ задерживалъ поѣзда, водимые штрейхъ-брехерами. Одновременно онъ старался агитировать среди русской молодежи и довелъ до того, что, когда огромное шествіе польской молодежи проходило мимо Коперника, сверху послышался громъ голосовъ: «Съ оконъ зданія, украденнаго у поляковъ, мы, русскіе гимназисты, взываемъ къ вамъ: боритесь и мы будемъ бороться съ вами!» Тогда около костела Богородицы какой то старый еврей всталъ на камень и сказалъ собравшейся толпѣ: «Сорокъ лѣтъ тому назадъ стоялъ я на этомъ камнѣ мальчикомъ, когда Варшава въ послѣдній разъ обливалась кровью свободы. Здѣсь рядомъ, на мостовой лежали трупы поляковъ и евреевъ, гибнувшихъ за общее дѣло. И вотъ я дожилъ до того времени, когда опять есть общее дѣло и опять святая кровь обливаетъ эту мостовую. А потому, христіанинъ-ли это или еврей, пусть каждый пойдетъ въ свой храмъ и пусть помолится по своему». Юръ и Василій стояли тутъ же. «Василій, ты слышалъ?» спросилъ Юрій блѣдный и серьезный. Василій плакалъ. Юрій потрепалъ его по плечу и сказалъ ему на прощанье: «Хотя ты, Василій, ни въ какую молитву не вѣришь, однако плачешь. Видишь-ли, все таки ты еще не такая свинья, какъ казалось!»

Послѣ дней свободы, послѣ дней братанія съ войскомъ, послѣ дней огромныхъ митинговъ, когда каждый ораторъ былъ полонъ вдохновенія, а въ глазахъ окружающей толпы горѣлъ огонь Прометея, наступили дни ужаса, дни погромовъ, дни крови и сотенъ жертвъ. Войско разсѣивало всякое шествіе. Всѣ тюрьмы Варшавы, всѣ больницы и мертвецкія были переполнены. Но народъ не поддавался. Вышедши разъ изъ подполья, изъ конспиративныхъ норъ и захвативъ улицу, народъ не хотѣлъ уйти съ нея, не хотѣлъ вернуться къ революціи тайной. Но въ виду того, что ряды гласной и тайной полиціи порѣдѣли, въ виду того, что поимка главарей превратилась въ фикцію, поэтому власти рѣшили направлять въ толпу ежедневно извѣстное количество пуль, надѣясь такимъ систематическимъ кровопусканіемъ понизить революціонный пылъ толпы. Идетъ по улицѣ отрядъ войска, старшій измѣряетъ разстояніе, велитъ остановиться и говоритъ: «Ну, братцы, теперь можно пострѣлять». Солдаты съ нѣкоторой даже добродушной флегматичностью снимаютъ съ плечъ ружья, пускаютъ въ мирно проходящую публику пару десятковъ пуль, потомъ— ружья на плечо, идутъ дальше, пока старшій опять не измѣритъ раз-

стоянія и снова не отдастъ приказанія: «Ну, братцы, теперь опять можемъ пострѣлять». Вернулись времена массовой отвѣтственности и это было характернымъ знаменіемъ историческаго момента. Правительство во всѣхъ своихъ сообщеніяхъ увѣряло, что оно заботится о безопасности мирныхъ гражданъ, защищая ихъ отъ извѣтовъ злодѣйскихъ группъ; но на самомъ дѣлѣ, будучи совершенно безсильно по отношенію къ послѣднимъ, оно пронизывало пулями груди тѣхъ, о безопасности которыхъ будто бы заботилось, но которымъ никакой защиты предложить ужъ не могло. А причина этого была слѣдующая. Если въ Россіи существовали люди, желавшіе поддержать реакцію, если правительство имѣло тамъ своихъ союзниковъ, то въ Варшавѣ и во всемъ Царствѣ Польскомъ всѣ безъ исключенія были противъ него, и люди, принадлежащіе къ различнымъ партіямъ, борющимся между собою, отличались другъ отъ друга скорѣе темпераментомъ, нежели принципами. Одни хотѣли погибнуть, а другіе боялись смерти, одни могли пожертвовать всѣмъ, другіе боялись поступиться чѣмъ-нибудь, одни вѣрили, что настало время разсчета, другіе боялись повѣрить. Юрій отлично это замѣчалъ. Поэтому онъ совершенно не вмѣшивался въ теоретическіе споры и всегда мѣтилъ въ одну точку,—въ темпераментъ. Благодаря его вліянію молодежь, которая очень склонна къ програмнымъ спорамъ, измѣнялась; съ нѣсколькими вѣрными и преданными товарищами онъ предпринималъ самыя рискованныя дѣла. Для этого кружка не существовало страшныхъ вопросовъ. Они шли на пули, какъ на рой жужжащихъ слѣпней.

Отъ времени до времени Юрій исчезалъ. Ему поручали спеціальную работу. Онъ принадлежалъ къ боевой организаціи. Вначалѣ онъ доставлялъ только разныя гайки, гвозди, химическіе препараты; потомъ, когда его лучше узнали, его брали во время покушеній для «охраны». А потомъ?... Никакой историкъ не разсѣетъ того тумана конспиративности, который покрывалъ всѣ его шаги. Только опытный психологъ угадалъ бы часть этой исторіи, глядя на его лицо, которое покрылось какъ бы бронзовой оболочкой и выражало спокойную рѣшительность и неизмѣнную волю. Глаза пріобрѣли выраженіе воина, побывавшаго въ нѣсколькихъ битвахъ. Взглядъ его сдѣлался удивительно сильнымъ, пронизывающимъ, острымъ. Казалось, что онъ могъ распоряжаться исключительно взглядами. Это были не взгляды, но жесты. Покончивъ съ какимъ-нибудь дѣломъ, онъ возвращался опять въ свой пріятельскій кружокъ. Тутъ рѣзко обозначалась разница между нимъ и его товарищами. Въ ихъ глазахъ было что-то обыкновенное, въ его же—революція. Не только какая-нибудь идея, какая-нибудь агитація, но сама революція. Однако, въ его глазахъ не было одного, что горѣло такимъ пламенемъ въ глазахъ его товарищей поляковъ. Въ нихъ не было будущности. Юрій все твердилъ себѣ: я долженъ погибнуть. Жизнь для нихъ, а не для меня. Когда на разва-

*

линахъ стараго строя возродится новая жизнь, они не будутъ переживать домашней трагедіи, не должны будутъ ни цѣловать рукъ матерямъ послѣ смерти отца-палача, ни идти съ опущенной головой за гробомъ дяди-шпіона. Юрій же, если бы дожилъ до такого момента цѣловалъ бы руки несчастной матери и вытиралъ бы ея слезы вопреки всей Варшавѣ и всей свободной Россіи, шелъ бы за гробомъ дяди-шпіона и поддерживалъ бы его падающую въ обморокъ жену-вдову. Итакъ, послѣ роскошной весны революціи его охватилъ бы ужасъ личной трагедіи, чего онъ не хотѣлъ, и чего онъ, какъ думалъ, имѣлъ полное человѣческое право не хотѣть.

. . . .

Полковникъ былъ вызванъ телеграммой въ Петербургъ. Въ этотъ же день поздно вечеромъ Юрій пришелъ навѣстить мать. Поцѣловались, сѣли, молчатъ. Мать чинила бѣлье, Юрій поглядывалъ на стѣны. Прошло съ полчаса. Мать вполголоса спросила его:

— Юрій, скажи мнѣ откровенно. Ты въ боевой организаціи?

Юрій молчалъ. Мать оставила шитье, опустила голову, опять думала какихъ нибудь полчаса и, поднявъ голову, предложила сыну второй вопросъ:

— Юрій, скажи мнѣ, какъ сынъ матери. Обагрилъ-ли ты уже свои руки кровью?

Юрій и на это ни слова не отвѣтилъ. Лицо матери сдѣлалось свинцовымъ. Ни одинъ нервъ не дрогнулъ на ея лицѣ, обращенномъ къ сыну. И опять по прошествіи полчаса она задала ему послѣдній вопросъ:

— Юрій, совѣсть твоя тебѣ никакихъ упрековъ не дѣлаетъ?

При этихъ словахъ она вперилась глазами въ него и взоры ихъ встрѣтились. Теперь только мать замѣтила перемѣну, происшедшую въ его глазахъ. Неожиданно она встала. Онъ тоже поднялся. Нѣсколько времени измѣряли они другъ друга взглядами. Потомъ мать, повидимому, спокойно протянула къ нему руки. И онъ протянулъ къ ней свои, но они не бросились другъ другу въ объятія, только молча пожали обѣ руки, не какъ мать и сынъ, но какъ братъ и сестра. Въ этотъ моментъ пала одна изъ огромныхъ оковъ стараго свѣта. Измѣнились отношенія ребенка къ родителямъ. Только тотъ, кому удалось стать братомъ или сестрой своего ребенка, остался на вершинѣ волны, возносящей сердца къ новымъ мірамъ.

Вдругъ мать опустила руки сына, осмотрѣла ближайшія комнаты, заперла двери на ключъ, потомъ обратилась къ сыну чуть ли не шепотомъ: «Юрій, осмотри канцелярію отца». Юрій вздрогнулъ, въ глазахъ промелькнулъ огонь, быстро пошелъ онъ за матерью. Она ввела его въ комнату, заставленную полками до потолка, сдѣлала нѣсколько замѣчаній, потомъ вышла, запирая за собою дверь на ключъ и спрятавъ его на груди. Потомъ отъ времени до времени она осматривала двери и прислушивалась. По истеченіи нѣсколькихъ часовъ Юрій ти-

хонько постучалъ. Мать открыла дверь. Юрій имѣлъ въ рукахъ порядочную пачку. «Развѣ ты это такъ понесешь?» «Подложу подъ рубаху». Мать вышла изъ комнаты, и онъ обложилъ себя бумагами. Вернувшись, она спросила его: «Юрій, есть-ли у тебя порядочное оружіе?» «Порядочное? Есть, но не важное». «Я дамъ тебѣ одинъ браунигъ отца». Мать показала ему одинъ лучшей системы. Юрій осмотрѣлъ, спряталъ. Попрощались коротко. Мать сама пропустила его черезъ ворота, чтобы сторожъ не обратилъ вниманія. Не успѣла она подняться по лѣстницѣ, какъ услышала быстрые шаги по улицѣ и выстрѣлъ за выстрѣломъ. Во всемъ домѣ поднялась суматоха. Быстро захлопнула она дверь, подбѣжала къ окну, выглянула. Несмотря на спокойствіе, на присутствіе духа, глаза были какъ бы парализованы. Нѣсколько разъ нажала пуговку электрическаго звонка. Никто не являлся. Тогда она вышла на парадную лѣстницу. Ворота были открыты, за воротами слышны были голоса. «Алексѣй», позвала она строго. Лакей прибѣжалъ съ улицы, наполовину одѣтый, съ накинутымъ пальто. «Что тамъ случилось?» спросила она его *по русски*. Лакей сказалъ, что застрѣлили какого то человѣка, кажется, агента тайной полиціи. Лежитъ на углу улицы. Телефонировали за полиціей и за кареткой скорой помощи. Злоумышленникъ бѣжалъ.

. . . .

Нѣсколько дней спустя революціонныя изданія напечатали цѣлый рядъ тайныхъ документовъ, снявшихъ маску съ правительства съ его такъ называемыми конституціонными намѣреніями. Немало шуму это надѣлало. Компрометирующими бумагами такъ умѣло воспользовались, что никакъ нельзя было напасть на слѣдъ чиновника измѣнника. Власти стали недовѣрять подчиненнымъ, начальники—секретарямъ. Произвели даже рядъ обысковъ, которые не привели ни къ какимъ результатамъ. Отецъ Юрія все еще находился въ Петербургѣ. Телеграфируютъ ему, не можетъ ли онъ поспѣшить со своимъ пріѣздомъ. Между тѣмъ перерыли все въ домахъ не революціонеровъ, но разныхъ начальниковъ и ихъ помощниковъ, потомъ дома ихъ лойяльнѣйшихъ друзей, наконецъ, дома друзей этихъ друзей и такъ чуть не до седьмого поколѣнія, теряя только время и сѣя повсюду недовѣріе и неувѣренность. Въ легальной прессѣ явились комментаріи къ этимъ документамъ, сопоставляли ихъ съ текстомъ конституціоннаго манифеста и, громя все больше администрацію, доказывали, что она въ сущности занимаетъ антиправительственное положеніе. Это было такое стихійное проявленіе гнѣва и правды, что нельзя было его остановить. Нужно было бы закрыть всю періодическую печать, что въ виду признанія свободы слова вызвало бы бурю не только здѣсь, но и во всей Россіи, въ которой все громче поднимались голоса, утверждавшіе, что изъ Царства Польскаго сдѣлали академію для воспитанія различныхъ административныхъ царьковъ. Съ другой стороны пресса разошлась и перешла далеко за предѣлы, какіе админи-

страція могла себѣ вообразить. Къ тому же газеты, видя, что ихъ за это не привлекаютъ къ отвѣтственности, начали все сильнѣе нападать на всю систему. Такъ называемыя нелегальныя газеты положительно ничего не могли прибавить, потому что и легальныя говорили ясно и открыто, притомъ имѣли то преимущество, что распространялись скоро и въ огромномъ количествѣ удачнѣе, чѣмъ это могла сдѣлать революція. Въ теченіе короткаго времени Варшава перешла отъ строжайшей конспиративности къ открытому проявленію своей дѣятельности. Появилась масса юмористическихъ журналовъ, открытыхъ писемъ съ картинками; мальчишки громко выкрикивали по всѣмъ улицамъ: «Плачъ по конституціи... Очень красивый видъ... 20 копеекъ»—«Казацкая конституція на Театральной Площади»—«Kurjer Codzienny, органъ Польской Соціалистической Партіи, разоблаченія правительства». Все это было такимъ взрывомъ чувства свободы, что власти совсѣмъ потеряли головы и нѣкоторое время ни во что не вмѣшивались. Впрочемъ, такое поведеніе находилось въ связи съ событіями, происходившими во всей странѣ. Подъ давленіемъ революціонной Россіи были отмѣнены драконовскіе приговоры, объявленные въ Варшавѣ. Высшая власть была обижена и послала въ Петербургъ депешу съ рѣзкимъ выговоромъ. Въ отвѣтъ на нее получилось шифрованное донесеніе, что правительство стремится вызвать на улицу людей революціи, которые, переоцѣнивая моментъ, настолько раскроютъ карты, что ихъ потомъ безъ труда можно будетъ всѣхъ переловить. Власть обыкновенной депешей отвѣтила, что донесеніе ее вполнѣ удовлетворило. А революція? Къ сожалѣнію, она узнала объ этомъ—слишкомъ поздно. . . . .

Юрій опять пропалъ. Товарищи передавали другъ другу на ухо, что онъ занимается агитаціей въ войскахъ. Вѣра въ то, что войско перейдетъ на сторону революціи, все больше укрѣплялась. Къ солдатамъ, стоявшимъ на посту, начали по ночамъ подходить революціонеры. Солдатъ неспокойно оглядывался по сторонамъ, потомъ спрашивалъ:

— Правда ли, что народъ повсюду ужъ поднимается?

— Правда, слышался отвѣтъ.

— Правда ли, что здѣсь и тамъ войско начинаетъ переходить на сторону народа?

— Правда, былъ отвѣтъ.

— Такъ дай скорѣе прокломацію, говорилъ солдатъ и пряталъ за рукавъ пачку воззваній.

Юрій ближе сошелся съ Бундомъ и соціалъ-демократической польской партіей, у которыхъ особенно хорошо была поставлена работа агитаціи въ войскахъ. Особенно импонировали Юрію русскія еврейки, интелигентныя и смѣлыя. Удивительное явленіе приходилось наблюдать. Эти женщины, не смотря на отвратительное произношеніе, которое рѣзало ухо при первомъ же обращеніи «б'атья солдаты», въ

въ этихъ необтесанныхъ воинахъ не вызывали ни малѣйшаго признака антисемитизма. Напротивъ, антисемитизмъ совершенно исчезъ. Революція совершенно его уничтожила. Однажды Юрію пришлось зайти къ какому-то варшавскому торговцу за пожертвованіемъ на дѣло революціи; послѣдній подалъ ему десять рублей золотомъ и сказалъ: «господинъ революціонеръ! Я охотно даю вамъ эти 10 рублей и золотомъ, несмотря на то, что теперь не выпускаютъ золота изъ рукъ. Если понадобится, то я охотно дамъ еще разъ, потому что я очень доволенъ господами революціонерами и ихъ дѣятельностью. Раньше, бывало, хожу по улицѣ и меня каждый негодяй задѣваетъ, отчего я ему не уступаю дороги, что я и долженъ былъ дѣлать, сопровождаемый окрикомъ: жидъ пархатый... Теперь же я, старый еврей, спокойно хожу по тротуару и всѣ мальчишки уступаютъ мнѣ мѣсто. Теперь я очень люблю ходить по Варшавѣ. Теперь то мнѣ ужъ грозитъ только та опасность, что и всѣмъ другимъ. А въ этомъ огромная заслуга революціонеровъ и я ее цѣню». Юрій серьезно выслушалъ, сдерживая улыбку, готовую сорваться съ его устъ. Несмотря на огромную радость, испытываемую имъ при видѣ нравственнаго подъема въ массѣ, лицо его съ каждымъ днемъ все болѣе омрачалось.

Бумаги ему удалось вернуть матери черезъ одного изъ вѣрныхъ товарищей еще до пріѣзда отца. Послѣдній имѣлъ въ Петербургѣ какія-то непріятности, а потому, взволнованный, по пріѣздѣ, не обратилъ вниманія на нѣкоторый безпорядокъ, господствовавшій въ кабинетѣ. Жена къ тому же, желая совершенно стереть слѣды, сочла необходимымъ произвести въ канцеляріи нѣкоторый ремонтъ, а что безпорядокъ при этомъ необходимъ—дѣло понятное. Такимъ образомъ были уничтожены всѣ слѣды проникновенія революціи въ святое святыхъ жандармскаго управленія. Относительно матери Юрій былъ совершенно спокоенъ.

Но настали такія времена, что партія не считала необходимой интенсивную работу боевой организаціи. «Впередъ» звучалъ лозунгъ. Что означало это «впередъ», пока точно не обозначали. Оказалось, что у Юрія не было дѣла. Это его угнетало и наполняло тревогой, и боялся онъ, что настаетъ время мирной работы, время парламентской борьбы, борьба за урываніе другъ у друга правъ, такъ называемая «австрійская эра», время, когда онъ, сынъ конституціоннаго жандарма, долженъ былъ бы вести проклятую жизнь, время, когда теперь униженные Василіи Антоновичи Пащенки потомъ поднимутъ головы и заполнятъ собою страну. Юрій не чувствовалъ въ себѣ силъ жить... въ такія счастливыя времена.

. . . .

Случилось однажды, что онъ никакъ не могъ всю ночь заснуть. Свершилось: онъ началъ философствовать.

Люди должны кушать. Для этого существуютъ экономическія теоріи, чтобы дать имъ, что кушать. Люди должны вступать въ бракъ

и имѣть дѣтей. Для этого существуютъ супружества. Люди, живущіе въ обществѣ, должны завести у себя какой-нибудь порядокъ. Для этого существуютъ законы, суды и даже арестные дома. Люди должны быть умными. Для этого существуютъ училища, университеты и экзамены.

Это такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сложно!

Но что, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлать человѣку, у котораго есть душа? Душа говоритъ:—Вы такъ думали? а я не хочу. Душа говоритъ:—Вы такъ устроились? но меня, вѣдь, не было при этомъ. Душа говоритъ; священный общественный порядокъ? плюю на вашъ священный общественный порядокъ.

И душа производитъ революцію.

И выигрываетъ. Что же дальше? Вводится новый общественный порядокъ и понятно опять священный. Новыя права, новые суды, улучшенныя тюрьмы и усовершенствованные экзамены. Душа возмущается. Долой ее, эту душу. Вѣчно тебѣ хочется революціи.

Пожалуй, для души и мѣста-то нѣтъ на свѣтѣ. Нѣтъ мѣста ни къ какомъ общественномъ порядкѣ, ни въ какомъ сводѣ законовъ. Душа, какъ вѣтеръ, можетъ восемь разъ на день мѣнять свое направленіе.

Но чѣмъ же общество виновато, что рождается душа, которая не хочетъ приспособляться къ его порядкамъ? Душа измѣняетъ обществу. Душа тогда несчастна и другимъ приноситъ несчастье.

Душа, что будетъ съ тобою?

Юрій такъ продумалъ всю ночь напролетъ и подъ утро сказалъ себѣ:

— Душа, вѣроятно, для того существуетъ, чтобы сдѣлать революцію, потомъ она можетъ уйти...

А потомъ примѣнилъ эту мысль къ себѣ:

— Душа моя! Не пробилъ ли уже твой часъ?

. . . .

Но колесо революціи снова повернулось и провело новую кровавую борозду. Революціонная волна, развиваясь на окраинахъ, переходила и въ коренныя губерніи Россіи, что заставило правительство принять цѣлый рядъ рискованныхъ мѣръ. Снова улицы городовъ покрылись человѣческой жатвой. Нервная Варшава, чуткая ко всякому лозунгу, первая начала устраивать манифестаціи. Въ какой-то день собралась огромная толпа народа на Ново-Сенаторской улицѣ. Юрій со своими товарищами былъ впереди всѣхъ. Развернули красныя знамена. Въ виду того, что въ толпѣ была масса молодежи, революціонная пѣснь раздавалась восторженно, какъ никогда. Несмотря на то, что было ужъ столько шествій и демонстрацій, что всякій ужъ съ этимъ сжился, какъ съ чѣмъ-то будничнымъ, искренній порывъ охватилъ толпу. Но энтузіазмъ однако не дошелъ до своего апогея, какъ это бывало раньше. Внезапно показалась полиція съ войскомъ. Наступило замѣшательство. Молодежь запротестовала. Полиція кого-то схватила и хотѣла арестовать. Въ мгновеніе ока наступилъ одинъ

изъ тѣхъ параксизмовъ революціи, которая измѣняетъ людей до неузнаваемости. Со всѣхъ сторонъ раздавалось: забастовка, забастовка! Начали останавливать трамваи, выпрягали лошадей, въ глазахъ горѣлъ огонь, на лицахъ было написано—въ бой! Къ тому же войско держало себя пассивно, и вдругъ ни съ того ни съ чего солдаты взяли ружья на плечо и ушли. Со всѣхъ сторонъ раздались голоса: «Браво, солдаты! Вы съ нами!» кричали имъ, похлопывая ихъ по плечу. Между тѣмъ полиція пререкалась съ революціонерами, но подъ натискомъ толпы должна была отступить. Какой-то приставъ, убѣгая въ сторону Банковой площади, вынулъ револьверъ и началъ стрѣлять. Толпа заволновалась. «Смерть ему»! Погнались за нимъ. Вотъ впереди толпы бѣжитъ молодежь съ развернутымъ краснымъ знаменемъ въ рукахъ какой-то гимназистки. Юрій со своими товарищами былъ тутъ же. Съ другой стороны площади за оградой стоялъ отрядъ войска. Приставъ на бѣгу махнулъ рукой. Солдаты прицѣлились, раздался относительно тихій залпъ и пули полетѣли въ толпу. Раздалось нѣсколько стоновъ. Юрій, что съ тобою?—Юноша подался впередъ, схватился за грудь и опустился на одно колѣно. Товарищи поддержали его. Онъ поднялся еще разъ, вырвался изъ ихъ рукъ и съ револьверомъ въ рукѣ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Солдаты опять выстрѣлили. Толпа разсѣялась во всѣ стороны, а Юрій, пораженный еще нѣсколькими пулями, мертвый упалъ на мостовую.

Въ эту минуту къ солдатамъ приблизился какой-то старый офицеръ, выругалъ ихъ и приказалъ взять ружья къ ногѣ. Прибѣжалъ приставъ и довольно строгимъ голосомъ началъ дѣлать ему упреки. Завязался споръ. Между тѣмъ съ другой стороны площади толпа начала собираться, все увеличиваться и приближаться къ трупу Юрія.

Юрій, пронзенный пулями, лежалъ на мостовой между волнующейся толпой и отрядомъ войска. Онъ лежалъ съ устремленнымъ вдаль лицомъ, какъ кровавый порогъ, черезъ который сойдутся два несчастныхъ народа, натравляемыхъ другъ на друга правительствомъ. Глаза его уже были стеклянные, лицо окаменѣло. Соединитъ ли этотъ окровавленный порогъ эти два народа, подадутъ ли они другъ другу руки для братскаго рукопожатія? Будущее дастъ отвѣтъ на это. Вѣрно одно: всякая идея, орошенная кровью людей, увѣровавшихъ въ нее, должна жить, потому что она забрала у нихъ жизнь только для того, чтобы самой продолжать жить.

Юрій! Ты не напрасно погибъ. Переходя черезъ твой трупъ, исторія пойдетъ новымъ путемъ. Память о тебѣ не погибнетъ. «Улица» Варшавы не забудетъ тебя. Тлѣнная часть твоей дѣятельности уйдетъ вмѣстѣ съ тобою въ могилу. Но останется та безсмертная, неуловимая частица, которой не осилятъ ни ружейные залпы, ни даже пушки Александровской цитадели близъ Варшавы. Эта безсмертная частица будетъ проходить по невидимымъ пространствамъ и разскажетъ народамъ, порывающимъ узы неволи, что на варшавской мостовой палъ

молодой герой, русскій, посвятившій свою жизнь идеѣ братства и солидарности . . . .

Когда распространилась вѣсть о случаѣ на Банковой площади, полковникъ пришелъ въ отчаяніе. Онъ рвалъ на себѣ волосы, сорвалъ эполеты, проклиналъ и свое дѣло, и свою службу, посылалъ проклятія царю и министрамъ. Мать, не говоря ни слова, скоро собралась, сѣла на извозчика и велѣла ѣхать къ мѣсту происшествія. Цѣлый часъ полковникъ безумствовалъ, потомъ съ часъ плакалъ, какъ ребенокъ. Вскорѣ раздались звонки у телефона. Лакей доложилъ, что губернаторъ желаетъ поговорить съ полковникомъ. «Скажи этой сволочи—заоралъ полковникъ—что у меня никакого желанія нѣтъ говорить съ нимъ». Лакей вышелъ, но черезъ минуту вернулся, доложивъ, что оберъ-полицеймейстеръ телефонируетъ и выражаетъ свое соболѣзнованіе. «Скажи этой второй сволочи—кричалъ полковникъ—что плюю на всѣ его соболѣзнованія». Однако лакей не двинулся съ мѣста и стоялъ вытянутый въ струнку. «Чего ты еще стоишь?» «Его превосходительство г-нъ оберъ-полицеймейстеръ и его превосходительство г-нъ губернаторъ велѣли доложить, что сейчасъ садятся въ карету, чтобы лично повидаться и выразить глубокое сочувствіе». Полковникъ замолчалъ. Потомъ вытеръ слезу, нависшую на рѣсницѣ. Потомъ прошепталъ: «Скажи, что буду радъ». Лакей исполнилъ приказаніе. Черезъ минуту полковникъ позвалъ его и, подавая ему мундиръ, сказалъ, не глядя на него: «Видишь, Ванька, тутъ эполеты немного отпоролись, нужно пришить». Лакей взялъ мундиръ и вышелъ, а полковникъ, все больше волнуясь, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ за нимъ и прибавилъ: «Нужно бы постараться возможно скорѣе пришить, потому что лошади у нихъ отличныя и ѣдутъ они шибко» . . . .

Когда мать Юрія сворачивала съ улицы Св. Креста на Багно, она встрѣтила удивительное шествіе. Толпа съ обнаженными головами носила два знамени, одно—развернутое красное знамя, другое—высоко надъ головами, гимназическое пальто залитое кровью. Сердце у нея затрепетало. Въ эту минуту кто-то изъ толпы сдѣлалъ ей знакъ рукою. Извозчикъ пріостановился. На подножку вскочилъ какой-то юноша. «Гдѣ Юрій?»—спросила мать. «Повезли его по направленію къ Дикой улицѣ; а тамъ надъ толпою его шинель—новое боевое знамя». Мать спокойная сошла съ извозчика и пошла впередъ, говоря: «Дайте поцѣловать». Народъ разступался. Слышны были голоса: «Мать, мать». Она же мужественно подошла, обхватила руками шинель сына, прислонилась къ ней лицомъ—но вдругъ туманъ прошелъ по головѣ, она пошатнулась и упала на руки, простиравшіяся къ ней со всѣхъ сторонъ.

Перевелъ **Р. Фейгенбергъ.**

ГЕНРИКЪ ИБСЕНЪ.

Очеркъ Георга Брандеса.

Надъ писателемъ, который пишетъ не на общераспространенномъ языкѣ, обыкновенно тяготѣетъ проклятіе. Таланту хотя бы и третье степенному, но имѣющему въ своемъ распоряженіи языкъ широко распространенный, гораздо легче быть признаннымъ, чѣмъ первоклассному генію,—котораго читаютъ въ переводѣ. Въ этомъ случаѣ всѣ его художественныя особенности, тонкости и красоты утериваются даже и тогда, когда онъ пишетъ въ прозѣ.

Затѣмъ, если онъ переведенъ, оказывается, что онъ писалъ для кучки знатоковъ и любителей, что онъ вхожъ лишь въ то общество, къ которому самъ принадлежитъ, но что онъ чуждъ широкимъ массамъ всего свѣта; оказывается, что его произведенія подходятъ подъ уровень сознанія тѣхъ, среди которыхъ онъ выросъ и для которыхъ писалъ, но не отвѣчаютъ запросамъ громаднаго большинства.

И если Генрику Ибсену удалось обойти эти помѣхи, то, во первыхъ, потому, что его позднѣйшія драматическія произведенія написаны въ прозѣ, короткими, опредѣленными репликами, легкими для перевода, причемъ, если произведеніе и теряло, то въ незначительной степени.

А, во вторыхъ, потому, что, по мѣрѣ своего развитія, онъ все меньше и меньше писалъ исключительно для сѣвера, но работалъ, имѣя въ виду читателей всего міра. Онъ мало интересовался внѣшней правдоподобностью, изображая, напр., на сценѣ замокъ Росмерсхольмъ, тогда какъ въ Норвегіи замковъ вообще не существуетъ. И, наконецъ, потому, что въ своемъ искусствѣ онъ перешагнулъ предѣлы времени.

Наиболѣе видные нѣмецкіе драматурги до него, какъ напр., Фридрихъ Геббель, были лишь его предтечами.

Французскіе драматическіе писатели, которые въ молодости Ибсена владычествовали на сценѣ—Александръ Дюма, Эмиль Ожье, совершенно устарѣли въ сравненіи съ Ибсеномъ.

---

[1]) Георгъ Брандесъ, мѣсяца за 3 до смерти Ибсена приглашенный обществомъ студентовъ въ Христіаніи, прочелъ здѣсь этотъ докладъ при огромномъ одобреніи публики.

Изъ произведеній Дюма осталось въ памяти только одна изъ его позднѣйшихъ вещей: «Визитъ брачной четы», при чемъ ее разсматриваютъ исключительно со стороны ея сценичности.

«Знатная дама ожидаетъ визита своего прежняго любовника, который бросилъ ее и женился. Онъ является и представляетъ ей свою молодую жену. Согласно сдѣланному уговору съ дамой, другъ ея дома изображаетъ посѣтителю его бывшую любовницу, какъ необыкновенно легкомысленное существо, съ цѣлымъ рядомъ грѣшковъ. Это сообщеніе дѣйствуетъ на молодого супруга такъ, будто его посыпали перцемъ; онъ снова влюбляется въ даму, рѣшается бросить ради нея жену и ребенка и образумливается только послѣ того, какъ узнаетъ, что ему разсказали неправду. Зачѣмъ жить ему съ этой порядочной женщиной, когда у него имѣется своя собственная?». И такимъ-то образомъ обнаруживается его нравственное убожество. Вотъ какъ понимали интригу въ доброе старое время: кто-нибудь что-нибудь выдумывалъ и на это реагировали.

Послѣ драмы «Фру Ингеръ изъ Эстрота», съ ея искусственной интригой, Ибсенъ не прибѣгаетъ уже больше въ своихъ произведеніяхъ къ подобнаго рода сплетеньямъ. Вездѣ у него предъ зрителемъ фигурируетъ внутреннее существо человѣка. Поднимается занавѣсъ и мы видимъ отпечатокъ своеобразной личности. Во второй разъ поднимается занавѣсъ, мы узнаемъ ея прошлое и наконецъ въ третій разъ предъ нами раскрываются глубочайшія основы ея характера.

У всѣхъ его главныхъ дѣйствующихъ лицъ гораздо болѣе глубокія перспективы, чѣмъ у героевъ другихъ современныхъ ему поэтовъ, и это развертывается предъ нами безъ малѣйшей искусственности. Его техника совершенно новая: никакихъ монологовъ, или не идущихъ къ дѣлу репликъ,—у Дюма и Ожье встрѣчается и то, и другое, и мы должны напрягать все вниманіе, чтобы разобраться въ нихъ. Герои драмъ этихъ писателей всегда люди съ простыми, несложными характерами, взять хотя бы наиболѣе оригинальнаго изъ нихъ Гибойера—Ожье, который представляетъ дальнѣйшее развитіе «Племянника Рамо». Дидро. И возьмемъ для сравненія Сольнеса! Какая мощность въ его фигурѣ, какая глубокая своеобразность! Онъ убѣжденъ, что его желанія имѣютъ дѣятельную силу (онъ привлекаетъ этимъ къ себѣ Кайю Фоели; производитъ впечатлѣніе на Гильду тѣмъ, что цѣловалъ ее, когда она была ребенкомъ). Въ томъ, что Алина относится къ нему несправедливо и мучаетъ его неосновательною ревностью, онъ находитъ благотворное самобичеванье, такъ какъ страдаетъ изъ за нея по своей собственной винѣ и въ тоже время онъ едва выноситъ ея близость. У него отъ природы всѣ задатки быть геніемъ, но ему кажется, что всѣ окружающіе принимаютъ его за сумашедшаго. Онъ чувствуетъ себя богатымъ идеями, но боится молодежи и перемѣны во вкусахъ. Онъ въ одно и тоже время символъ универсальности,

старѣющійся геній и индивидуумъ съ безчисленными странностями, доходящими до того, что, не имѣя дѣтей, онъ имѣетъ для нихъ дѣтскую.

Послѣ Ибсена нельзя уже писать такъ, какъ писали до него, тѣмъ, кто желаетъ стоять на высотѣ драматическаго искусства. Онъ довелъ требованія характеристики и драматической техники до небывалой до него высоты.

Большая часть того, что создано сѣверомъ въ литературѣ и искусствѣ, утеряно для европейской культуры. Между тѣмъ, какъ многія свѣтила нашей науки, какъ напр. Тихо Брахе, Линней, Берцеліусъ, Абель и скульпторъ Торвальдсенъ, получили извѣстность далеко за предѣлами своей родины, про представителей изящной литературы это можно сказать лишь про очень немногихъ. Гольбергъ почти неизвѣстенъ, несмотря на его Эразмуса Монтануса; Бельманъ Гейеръ и Рюнебергъ вовсе неизвѣстны; Тегнеръ извѣстенъ только въ Германіи и Англіи благодаря своему циклу романсовъ. Андерсенъ извѣстенъ въ Германіи и славянскихъ земляхъ своими дѣтскими сказками; Якобсенъ пріобрѣлъ художественное вліяніе въ Германіи и Австріи.

И это все.

Несправедливость литературной судьбы представляется почти чѣмъ то неизбѣжнымъ, и Данія съ большимъ правомъ, чѣмъ кто-либо, можетъ жаловаться на эту несправедливость, такъ какъ даже такой глубокій и самобытный талантъ, какъ Серенъ Киркегордъ остался неоцѣненнымъ и непонятымъ. Между прочимъ, благодаря особенному стеченію обстоятельствъ, эта несправедливость послужила на пользу великому драматургу Норвегіи. Такъ какъ Киркегордъ былъ Европѣ неизвѣстенъ, Генрикъ Ибсенъ явился для нея самымъ оригинальнымъ и самымъ великимъ. Въ этомъ образѣ онъ выступилъ передъ нашей высоко культурной Европой вдругъ, такъ какъ она не знала ближайшаго вдохновителя его таланта.

Но Генрикъ Ибсенъ, конечно, сполна заслужилъ обращенные на него взоры. Съ нимъ вмѣстѣ въ первый разъ проникаетъ скандинавскій сѣверъ въ исторію развитія европейской литературы. Вѣдь не въ томъ дѣло, чтобы стало извѣстнымъ то, а не другое имя, но въ томъ, чтобы тотъ или иной произвелъ на массы несомнѣнное вліяніе. А для этого требуется, чтобы личность обладала твердостью и остротой, сверкающими на подобіе бриліантовъ. Только такимъ образомъ вооруженный человѣкъ можетъ начертать свое имя на скрижали вѣковъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Ибсена больше 3-хъ лѣтъ тому назадъ, въ Христіаніи. Увидѣть его снова было и радостно, и грустно въ одно и тоже время. Съ тѣхъ поръ, какъ у него былъ ударъ, работа стала для него невозможной, хотя умъ его и оставался все еще яснымъ. Поразительная мягкость смѣнила прежнюю строгость;

онъ сохранилъ всю тонкость чувства и сталъ какъ будто еще сердечнѣе, но общее впечатлѣніе, которое онъ производилъ, было впечатлѣніе слабости. Съ тѣхъ поръ онъ быстро пошелъ на убыль. И чего онъ не перестрадалъ за это время? 25 лѣтъ тому назадъ онъ заставилъ своего Освальда въ «Привидѣніяхъ» сказать: «Никогда не быть больше въ состояніи работать, никогда—никогда; быть живымъ мертвецомъ! Мама, можешь ли ты представить себѣ что-либо болѣе ужасное»? И вотъ впродолженіе шести лѣтъ это было его собственной участью.

Я зналъ его долго. Съ апрѣля 1866 г. мы находились съ нимъ въ перепискѣ, увидѣлъ же я его въ первый разъ 35 лѣтъ тому назадъ. Когда мы съ нимъ встрѣтились, на его долю выпалъ первый литературный успѣхъ за его «Бранда». И хотя онъ не былъ разсматриваемъ тогда, какъ поэтъ первоклассный, но во всякомъ случаѣ, какъ таковой. Единственный тогда читаемый критикъ въ Даніи и Норвегіи, почитавшій своимъ долгомъ нѣкоторымъ образомъ похвалить Ибсена, восклицалъ тѣмъ не менѣе: «и это теперь называется поэзіей»!

За восемь лѣтъ до этого времени Бьернсонъ уже сдѣлался извѣстнымъ за свой разсказъ «Сюнневе». Его сейчасъ же провозгласили, особенно въ Даніи, не только единственнымъ великимъ человѣкомъ въ Норвегіи, но и глашатаемъ новаго направленія въ литературѣ. Говорили, и не безъ справедливости, что его геній идетъ впередъ съ увѣренностью лунатика.

А Ибсенъ между тѣмъ велъ свою литературную жизнь, какъ блѣдный мѣсяцъ въ виду блестящаго солнца—Бьернсона. Критика, задававшая тогда тонъ какъ въ Норвегіи, такъ и въ Даніи, отмѣтила его, какъ второстепенный талантъ, экспериментатора, который пробуетъ то то, то другое въ противуположность, хотя и болѣе молодому, но ранѣе его признанному, его товарищу по призванію, который никогда не раздумываетъ, все схватываетъ на лету и, наивный какъ геній, никогда не идетъ ощупью.

Такому мечтателю, какимъ былъ Ибсенъ, само собою разумѣется, пришлось вести жестокую борьбу, чтобы завоевать довѣріе къ своему поэтическому призванію. Его долго самого мучило безпокойство, что, несмотря на свое влеченіе къ великимъ поэтическимъ дѣяніямъ, у него не хватитъ силъ ихъ выполнить. Въ его юношескихъ стихотвореніяхъ, въ особенности въ одномъ, подъ названіемъ «Въ картинной галлереѣ»—онъ признается, что «испилъ горькую чашу сомнѣнія».

Его вѣра въ самого себя завоевана и достигнута имъ углубленіемъ въ свое собственное я, а его склонность вообще къ одиночеству возвысила его до генія.

Холодность и равнодушіе окружающихъ помогли ему стать самоувѣреннымъ.

Когда онъ въ одной газетѣ прочелъ: «Г-нъ Ибсенъ большой нуль»,

а въ другой: «у Ибсена нѣтъ того, что называется геніальностью, но онъ талантъ въ смыслѣ артистическомъ и техническомъ», это такъ подѣйствовало на его самочувствіе, что онъ въ своемъ самосознаніи причислилъ и себя къ избранникамъ.

Скоро у Ибсена явилась возможность очень близко наблюдать человѣка, въ которомъ никто не сомнѣвался и который, самъ ни въ чемъ не сомнѣваясь, шелъ отъ побѣды къ побѣдѣ, буквально захлебываясь отъ непосредственной самонадѣянности.

Слѣдствіемъ этого было то, что Ибсенъ въ одной сагѣ, рисующей Норвегію въ первую половину XIII ст., нашелъ матеріалъ, который, какъ ему казалось, представляли историческія ея фигуры,—для изображенія, занимавшаго его тогда контраста. Онъ написалъ «Претенденты на престолъ». Гаконъ—непосредственный геній; Скуле—геніальный мечтатель, фантазія Ибсена извлекаетъ на свѣтъ все, что дѣлаетъ Скуле интереснымъ, интереснѣе Гакона.

Даже послѣ того, какъ Скуле далъ провозгласить себя королемъ, онъ сомнѣвается въ своемъ къ тому призваніи. Онъ спрашиваетъ скальда, какой даръ нуженъ ему, чтобы быть королемъ, и когда тотъ отклоняетъ вопросъ, говоря, что онъ уже король, Скуле спрашиваетъ его снова, всегда ли онъ увѣренъ въ томъ, что онъ скальдъ? Иными словами, это сомнѣніе въ призваніи поэта освѣщается лишь постановкой вопроса о сомнѣніи въ призваніи короля, но не наоборотъ.

Въ другомъ видѣ и гораздо худшемъ взятъ Бьернсонъ моделью въ «Союзѣ молодежи». Многія черты его характера перешли къ фразеру и карьеристу Штейнсгору, котораго опьяняютъ рукоплесканія. Мы находимъ сатиру на молодого Бьернсона въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Будь вѣренъ и справедливъ. Да, я буду. Развѣ не неоцѣненное счастье умѣть привлекать къ себѣ массы? Не должно ли стать хорошимъ и добрымъ уже изъ-за одного чувства благодарности? И какъ же послѣ того не любить человѣчество? Мнѣ кажется я могъ бы заключить въ мои объятія всѣхъ людей, и плакать, и просить у нихъ извиненія за несправедливость Бога, который наградилъ меня щедрѣе, чѣмъ ихъ»!

Бьернсонъ очевидно понялъ, что это было мѣчено въ него, потому что въ своемъ стихотвореніи къ Іохану Сведрупу [1]) пишетъ:

Не должна ли жертвенная дубрава поэзіи
Быть свободна отъ нападенія коварнаго убійцы?
Если новъ тотъ, кто приходитъ въ броженіе,
Я немедля предъ нимъ ретируюсь!

Три года спустя между ними произошло новое столкновеніе. Въ 1872 году, въ своемъ трактатѣ Бьернсонъ объявилъ о желательности

---

[1]) Сведрупъ, бывшій тогда либеральный министръ, вожакъ свободомыслящей партіи, извѣстный проведеніемъ многихъ либеральныхъ реформъ.

иного направленія въ политикѣ сѣверныхъ странъ по отошенію къ Германіи. Въ отвѣтъ на это Ибсенъ написалъ полное горечи стихотвореніе «Сѣверные сигналы», которое пылало гнѣвомъ противъ несправедливости, оказанной Даніи. Послѣднія его строки гласятъ:

Итакъ, отступленіе! Къ примирительному празднику!
На трибунѣ стоитъ проповѣдникъ пангерманизма.
Прыгающіе львы замахали хвостами,
Бдительные люди мѣняютъ направленіе.
Въ воздухѣ пахнетъ ненастьемъ. Заговаривай зубы рѣчами!
Флюгеръ на крышѣ измѣнилъ направленіе.

Нѣсколько лѣтъ спустя это направленіе, между прочимъ, было измѣнено и самимъ Ибсеномъ.

Съ тѣхъ поръ, впродолженіе многихъ лѣтъ, оба поэта Норвегіи жили въ вооруженномъ мирѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что оппозиція, въ которой находился Ибсенъ по отношенію къ Бьернсону, послужила къ развитію до предѣла возможнаго всѣхъ его особенностей.

Сангвиническій, добродушный, любезный, говорливый Бьернсонъ помогъ развиться ибсеновской «свѣтобоязни» (онъ самъ говорилъ, что онъ ею страдаетъ), т.-е. это значитъ, что Ибсенъ еще больше отвернулся отъ повседневной суеты, замкнутый и скупой на слова.

То, что Бьернсонъ былъ всегда общественнымъ дѣятелемъ, чувствовалъ себя патріотомъ и человѣкомъ партіи, содѣйствовало тому, что Ибсенъ сталъ важнымъ и одинокимъ. Изъ патріота онъ превратился во всемірнаго гражданина и изъ партійнаго человѣка сталъ индивидуалистомъ.

Напечатанныя письма Ибсена не даютъ истиннаго представленія о его личности. Въ нихъ онъ большею частью занятъ отстаиваніемъ своихъ интересовъ. Въ нихъ едва мерцаетъ умъ, который писалъ однажды: «я не хочу двигать пѣшками. Но вы на меня можете смѣло положиться, если перевернете всю шахматную игру».

Между тѣмъ Ибсенъ все глубже и глубже уходилъ въ свою духовную жизнь и въ создаваемые имъ образы, и занимался рѣшеніемъ моральныхъ проблемъ, стоящихъ выше всего повседневнаго и преходящаго, вносящихъ увѣренность въ сомнѣнія и расширяющихъ предѣлы драматическаго дѣйствія. Что пограничные столбы были имъ снесены, видно по тѣмъ глупымъ крикамъ, которые поднялись изъ за «Привидѣній».

Какъ примѣръ того, какими проблемами задавался Ибсенъ, возьмемъ, какъ относится онъ къ вопросу, касающемуся кровосмѣшенія: любовь между братомъ и сестрой—Освальдъ и Регина, Альмерсъ и Рита; противузаконныя отношенія между отцомъ и дочерью—Ребекка и д—ръ Вестъ.

Въ первомъ случаѣ онъ сомнѣвается въ наличности грѣха, а во второмъ—онъ ищетъ сильнаго противовѣса въ позднѣйшей чистотѣ.

Основнымъ его вопросомъ, какъ поэта моралиста, является вопросъ объ отвѣтственности. Насколько личность обладаетъ свободною волей, и насколько она вынуждена поступать такъ, какъ поступаетъ. Вопросъ объ отвѣтственности въ большей или меньшей степени выдвигается имъ у Юліана, Гельмера и Норы, Ванделя и «Женщины съ моря», Альмерса и Риты (большая книга Альмерса трактуетъ объ отвѣтственности), Сольнеса и Гильды, Рубека и Ирены, у его преступныхъ типовъ, какъ Берникъ и Ребекка, у злополучныхъ, какъ капитанъ Альвинъ, или Боркманъ и у усовершенствователей міра, какъ Грегерсъ Ворле или д-ръ Штокманъ.

Бьернсонъ прямо моралистъ и отнюдь не дѣлаетъ изъ своего сердца «разбойничьей пещеры». Ибсенъ все время борется, чтобы примирить свое призваніе судьи съ вѣрою въ предопредѣленіе и необходимость. Бьернсонъ проповѣдуетъ противъ королевства, или экзальтированности (вѣра въ чудеса, анархизмъ), о терпимости, или о половой чистотѣ—Ибсенъ вообще не проповѣдуетъ: онъ самъ спрашиваетъ и тѣмъ наводитъ насъ на размышленія.

Въ другомъ мѣстѣ, я пробовалъ выяснить, какъ вырабатывалъ Ибсенъ свой сжатый, сильный стиль въ своихъ первыхъ поэтическихъ опытахъ, напр. «На высотахъ», какъ подражатель Эленшлегера, а затѣмъ въ дальнѣйшихъ юношескихъ произведеніяхъ, которыя являются отголоскомъ романтики, какъ напр. «Олафъ Лиліекранцъ». Поучительно также прослѣдить, какъ обрабатывалъ и оформливалъ онъ отдѣльные элементы, взятые изъ дѣйствительной жизни, которые его фантазія пускала въ оборотъ. Киркегордъ и его ученикъ норвежецъ Ламмерсъ послужили ему моделями для «Бранда». Оба они изъ за благочестиваго рвенія покинули церковь. Киркегордъ—великій и строгій, какъ и Брандъ, какъ и онъ, рано умеръ.

Однако, Ибсенъ, придавая извѣстную форму заимствованному, дѣлалъ это, согласуясь со своей собственной личностью. Требованіе цѣльности существа, которое предъявлялъ Брандъ, есть требованіе, предъявлявшееся Ибсеномъ къ самому себѣ. Суровость, твердость, строгость суть черты, принадлежавшія его собственному я, не исключая и пламенной воли.

Но въ глубинѣ души у него кроется сомнѣніе въ своемъ произведеніи, въ силу котораго онъ не смѣетъ отдать герою справедливость, но, не желая всего разрушить, не можетъ быть къ нему и не справедливымъ.

Именно въ Брандѣ проявляется эта двойственность, гдѣ чисто человѣческое требованіе—будь цѣльнымъ, встрѣчается съ христіанскимъ по преимуществу:—отрекись. Первое есть продуктъ сознательной духовной жизни Ибсена, второе относится къ унаслѣдованному имъ чувству христіанина.

Онъ думаетъ, какъ язычникъ; признаетъ за благо полноту жизни,

придаетъ цѣну жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ Гольдшмидтъ, испытываетъ благоговѣніе предъ отреченіемъ и чувствуетъ малодушно. Аскетическое отреченіе отъ жизни уживается у него параллельно съ пантеистическимъ взглядомъ на нее и это проходитъ чрезъ работу всей его жизни.

Общее впечатлѣніе, получаемое вообще иностранцами—чисто теоретическое—таково, что Ибсенъ является возвѣстителемъ освобожденія отъ общественныхъ правилъ и обычаевъ, вѣстникомъ радостей жизни. Въ «Привидѣніяхъ» онъ прямо возмутитель; въ «Сольнесѣ»—врагъ церкви; въ «Эпилогѣ» онъ изливаетъ свою печаль о проигранной жизни, такъ какъ въ ней не было мѣста радостямъ любви, но лишь искусству и славѣ.

И тѣмъ не менѣе вездѣ, гдѣ у него изображена чувственная жизнь, она изображается въ освѣщеніи непривлекательномъ. Въ «Императорѣ и галилеянинѣ» она почти омерзительна.

Первое время любовнаго сожитія Альмерса и Риты вызываетъ отвращеніе. Если женщина горда, она отклоняетъ мужскія объятія, какъ это дѣлаетъ Гедда въ отношеніи Левборга. Если, наоборотъ, мужчина благороденъ и занятъ умственной работой, онъ не способенъ къ половой жизни, и женщина напрасно по немъ томится, какъ напр. Ребекка по Росмерсѣ, Рита по Альмерсѣ и Ирена по Рубекѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Пуританизмъ не вытекаетъ здѣсь изъ существа личности, но является отчасти признакомъ атавизма, отчасти условностей. Тамъ, гдѣ женщина, чтобы нравиться, прибѣгаетъ къ такимъ вульгарнымъ пріемамъ, какъ распусканіе волосъ, красный свѣтъ отъ лампы, шампанское на столѣ («Маленькій Эйольфъ»), тамъ сенсуализмъ изображенъ въ омерзительномъ видѣ, на столько же почти, какъ отношеніе Пеера Гюнта къ зеленой вѣдьмѣ или Анитрѣ.

Тамъ, гдѣ — въ позднѣйшихъ драмахъ — фигурируютъ лица съ жаждой жизни, они вездѣ простаки, какъ г-жа Вильтонъ въ Боркманѣ и охотникъ на медвѣдей Ульфхеймъ въ «Эпилогѣ». Вотъ тотъ штемпель убожества, который истинно протестантская Норвегія наложила на чело своего поэта.

Моделью для Пеера Гюнта служили многіе, между прочимъ, одинъ молодой датчанинъ, котораго Ибсенъ часто встрѣчалъ въ Италіи, аффектированный фантазеръ и чрезвычайно хвастливый. Онъ разсказывалъ молодымъ итальянскимъ дѣвушкамъ на Капри, что его отецъ (инспекторъ школы) былъ близкимъ другомъ короля Даніи и самъ онъ очень знатный господинъ, почему онъ иногда носилъ костюмъ изъ бѣлаго атласа. Онъ воображалъ себя поэтомъ, но чтобы получить поэтическое вдохновеніе, долженъ былъ, какъ ему казалось, посѣщать неизвѣстныя, дикія страны. Поэтому онъ ѣздилъ на критскія горы, чтобы писать тамъ трагедію, но вернулся съ недодѣланной работой, въ горахъ онъ могъ только чувствовать себя трагически и жить въ по-

стоянномъ самообманѣ. Онъ умеръ вблизи Ибсена въ Римѣ. Многія черты его характера перешли въ Пеера Гюнта. Но во всемъ остальномъ Пееръ типичный представитель чисто норвежской слабости воли и фантазерства. Здѣсь, какъ и вездѣ, Ибсенъ является противуположностью Бьернсона, который восхваляетъ молодыхъ норвежскихъ крестьянъ. Любовь къ ссорамъ и дракамъ у Торбьерна Бьрнсона есть признакъ сѣверной силы, полученный въ наслѣдство еще со временъ саги. У его Арне страсть къ поэзіи рисуется симпатичнымъ образомъ. Ибсенъ въ любви къ буйству видитъ только грубость, а во влеченіи къ сочинительству—любовь къ лганью и чванству.

Правдивая исторія Арне, увѣрялъ однажды Ибсенъ, такова: онъ заявилъ пастору, что хочетъ жениться на Эли. «Но она, вѣдь, 70-тилѣтняя вдова»,—сказалъ пасторъ съ испугомъ. «Но зато у нея есть корова».—«Все равно, обдумай это хорошенько. Я долженъ сдѣлать предъ свадьбой оглашеніе—это стоитъ два далера. Обдумай же это хорошенько». Спустя недѣлю Арне приходитъ снова. «Я обдумалъ. Изъ этой свадьбы ничего не выйдетъ».—«Конечно, я былъ увѣренъ, что лучшее твое я побѣдитъ».—«Корова издохла,—говоритъ Арне,—отдайте мнѣ мои два далера обратно».—«Два далера пошли въ церковную кассу».—«Въ церковную кассу?! Ну, тогда давайте мнѣ хоть вдову».

Ложь Пеера Гюнта не есть одинъ обманъ, но также и самообманъ. По существу онъ очень интересный субъектъ, для котораго обстоятельства складываются очень несчастливо. По временамъ онъ является сатирой на національныя норвежскія особенности и народные пороки и состоитъ въ дальнемъ родствѣ съ Донъ-Кихотомъ Сервантеса и въ близкомъ съ Тартареномъ Додэ.

Зародышъ «Кукольнаго домика», т.-е. собственно личности Норы, находится уже въ «Союзѣ молодежи». Сельма жалуется, что ее держали въ сторонѣ отъ всѣхъ домашнихъ заботъ, обращались съ ней, какъ съ куклой. Въ 1869 году въ моемъ критическомъ очеркѣ этой вещи, я замѣтилъ, что Сельмѣ удѣлено въ этой пьесѣ слишкомъ мало мѣста, что объ ея отношеніяхъ къ семьѣ можно написать цѣлую драму. Десять лѣтъ спустя эта драма была Ибсеномъ написана. Онъ въ то время состоялъ въ перепискѣ съ одной молодой женщиной, имя которой слегка походило на Нору. Она очень часто въ своихъ письмахъ разсказывала о заботахъ, которыя ее мучаютъ, не разъясняя, что это за заботы. По своему обыкновенію Ибсенъ задумался о чужомъ ему дѣлѣ и разсказалъ съ равнодушіемъ поэта: «Я очень доволенъ одной находкой, я думаю, что я что-то открылъ, вѣроятно ее мучаютъ денежныя дѣла». Въ дѣйствительности оно такъ и было. Изъ біографіи Ибсена, написанной Гельверсеномъ и сохранившейся въ газетныхъ корреспонденціяхъ, эта дама, впослѣдствіи Нора, достала себѣ деньги

посредствомъ ложной подписи, хотя съ менѣе идеальной цѣлью—не для того, чтобы спасти мужу жизнь, но чтобы обзавестись обстановкой для своего дома. Мужъ, узнавъ это, былъ, конечно, страшно разсерженъ. Этой повседневной, печальной исторіи было достаточно для Ибсена, чтобы силою своего воображенія создать драматическое дѣйствіе и сотворить произведеніе, достойное великаго художника—«Кукольный домикъ». Онъ вылилъ его въ форму, соотвѣтствующую новымъ идеямъ о самостоятельности женщины, о ея индивидуальномъ правѣ въ особенности и о правѣ жены жить своею собственною личною жизнью—идеямъ, которыя вначалѣ прямо отталкивали Ибсена.

Какимъ образомъ изъ мечтаній Ибсена, провѣренныхъ затѣмъ на данныхъ личныхъ наблюденій, зарождались его поэтическіе образы, я покажу на другомъ примѣрѣ.

Одинъ молодой ученый, котораго я назову Хольмомъ, былъ поклонникомъ Ибсена и считалъ великимъ счастьемъ быть съ нимъ лично знакомымъ. Ибсенъ и самъ очень любилъ молодого датчанина. Однажды въ Мюнхенѣ онъ получилъ отъ него пакетъ. Когда онъ его вскрылъ, оттуда выпала связка старыхъ писемъ, написанныхъ самимъ Ибсеномъ къ Хольму и кромѣ того его фотографія. При этомъ не было написано ни одного объяснительнаго слова. Ибсенъ началъ раздумывать. Что бы это значило, что онъ мнѣ все это возвращаетъ? Онъ вѣрно сошелъ съ ума. Но если даже онъ и сошелъ съ ума, почему же посылаетъ онъ мнѣ обратно письма и фотографію? Вѣдь, такъ поступаютъ только обрученные, въ случаѣ разрыва своихъ отношеній. Онъ меня очень любитъ. Вѣроятно онъ смѣшалъ меня съ кѣмъто другимъ, котораго онъ также любитъ... и вѣрно съ женщиной. Но съ какой же женщиной? Разъ онъ болталъ мнѣ кое-что про г-жу Хольцендорфъ. Онъ вѣрно началъ за ней слишкомъ ухаживать, а у нея должно быть есть отецъ, или братъ, которые и потребовали отъ Хольма назадъ ея фотографію и письма. Но почему и какъ сошелъ онъ съ ума? Прошло нѣкоторое время. Разъ утромъ входитъ къ Ибсену пріѣхавшій съ сѣвера молодой Хольмъ. Онъ такой же, какъ и всегда. Послѣ обычныхъ предисловій Ибсенъ спросилъ: «Зачѣмъ вернули вы мнѣ назадъ мои письма»?—«Я этого никогда не дѣлалъ».—«Не переписывались-ли вы съ m-elle Хольцендорфъ»? Молодой человѣкъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ отвѣтилъ:—«Да».—«Не потребовали-ли у васъ обратно письма, которыя вы отъ нея получали?»—«Но почему же вы это знаете?»—«А потому, что вы насъ смѣшали, такъ какъ любите насъ обоихъ». Обо всемъ остальномъ молодой человѣкъ говорилъ вполнѣ разумно.

Однако, это происшествіе не давало Ибсену покою. Онъ непремѣнно хотѣлъ узнать, что случилось съ юношей. Онъ пошелъ въ отель Лейенфельдеръ въ Мюнхенѣ и попросилъ швейцара разсказать ему

объ образѣ жизни д-ра Хольма. Швейцаръ отвѣтилъ: принципіально мы не даемъ никакихъ свѣдѣній о нашихъ посѣтителяхъ. Но вы, д-ръ Ибсенъ, какъ старый мюнхенецъ, имѣете право спрашивать. Когда д-ръ Хольмъ просыпается, онъ требуетъ бутылку портвейна; къ завтраку бутылку рейнскаго, къ обѣду бутылку краснаго, а вечеромъ опять одну или двѣ бутылки портвейну.

И вотъ въ воображеніи Ибсена выростаетъ ЭйлертъЛевборгъ. Молодого человѣка очень одареннаго, выдающагося ученаго безъ малѣйшаго педантизма, онъ претворяетъ въ Ейлерта Левборга съ виноградной лозой въ волосахъ. (Когда Хольмъ узналъ себя въ этомъ образѣ, ему это такъ понравилось, что онъ подписывался подъ своими работами Левборгъ). Ибсенъ узналъ, что однажды вечеромъ онъ потерялъ написанный имъ манускриптъ. Этотъ случай переходитъ въ Гедду Габлеръ.

Нѣкоторое время спустя Ибсенъ снова получилъ пакетъ отъ Хольма съ завѣщаньемъ ему своего наслѣдства. При этомъ ставилось много условій и говорилось объ обязанностяхъ, которыя долженъ выполнить Ибсенъ. Всѣ дѣвушки, съ которыми онъ когда-либо находился въ любовныхъ отношеніяхъ, были также его наслѣдницами: Альмѣ Ротбартъ въ Бременѣ онъ завѣщалъ столько-то, M-elle Елизѣ Краузхаръ въ Берлинѣ столько-то и т. д. И все значительныя суммы. Когда Ибсенъ, какъ человѣкъ практичный, подвелъ итогъ, оказалось, что сумма завѣщаннаго превышала его капиталъ. Тогда онъ любезно отказался отъ наслѣдства, но взялъ Альму Ротбартъ, какъ красную Діану въ Геддѣ Габлеръ, а образъ Эйлерта Левборга въ его воображеніи получилъ опредѣленные контуры.

Въ это же время вѣроятно Ибсенъ узналъ, что жена одного норвежскаго композитора сожгла однажды вечеромъ только что оконченченную ея мужемъ симфонію въ припадкѣ ярости, вызванной ревностью изъ-за того, что мужъ поздно ночью вернулся домой. Гедда также сжигаетъ манускриптъ, потерянный Левборгомъ, изъ ревности, но другого сорта.

Наконецъ, въ то время въ Норвегіи ходили слухи про одну красивую, даровитую женщину, выдающійся также мужъ которой долгое время пьянствовалъ; послѣ того, какъ онъ излѣчился отъ своего порока, она, изъ желанія испробовать надъ нимъ свою власть, вмѣсто имениннаго подарка, вкатила къ нему боченокъ съ коньякомъ и сама ушла. Когда спустя нѣкоторое время она открыла къ нему дверь, онъ лежалъ безчувственно пьяный на полу. Можетъ быть, это послужило для Ибсена намекомъ для той сцены, гдѣ Гедда склоняетъ прежде пившаго Левборга начать снова пить, чтобы такимъ образомъ имѣть надъ нимъ власть и сломить Тею.

Такимъ то вотъ путемъ изъ незначительныхъ, разсѣянныхъ въ дѣйствительной жизни чертъ, собиралъ Ибсенъ строгое, связное, глубоко продуманное цѣлое.

Я говорилъ уже раньше, какъ полный ненависти пріемъ «Привидѣній» раздражилъ тогда 53 лѣтняго Ибсена. Не давая ничуть своего портрета въ д-ръ Штокманѣ, онъ тѣмъ не менѣе символизировалъ во «Врагѣ народа» преслѣдованія противъ себя. Въ «Дикой уткѣ» устами Грегерса Верле, онъ спрашиваетъ себя, дѣйствительно-ли было нужно объявить истину среднему человѣку, какимъ была читающая его публика и не была-ли ложь необходимой для его существованія. И только наконецъ въ Росмерсхольмѣ онъ хоронитъ въ себѣ воспоминанія о нападкахъ на «Привидѣнія». Росмерсъ начинаетъ тамъ, гдѣ кончаетъ Штокманъ; онъ хочетъ создать свободныхъ благородныхъ людей.

На Росмерса смотрѣли сперва, какъ на консерватора, какимъ въ Норвегіи считали и самого Ибсена за его «Союзъ молодежи». Но послѣ того, какъ поняли проводимое Росмерсомъ духовное освобожденіе, противъ него вооружились обѣ партіи, и преслѣдовали его также, какъ и Ибсена, послѣ того, какъ онъ въ своихъ «Привидѣніяхъ» заявилъ себя радикаломъ, что было неудобно норвежскимъ либераламъ.

Лѣтомъ передъ тѣмъ, какъ былъ написанъ «Росмерсхольмъ», Ибсенъ встрѣтилъ скандинавскаго аристократа, который обладалъ такою же красивой и важной наружностью, какую можно себѣ представить у Росмерса.

Этотъ господинъ былъ несчастенъ въ бракѣ съ одной дамой, которая въ дѣйствительности была очень хорошею и преданною ему женой, но которая не подходила ему интеллектуально: его интересы были ей чужды.

Онъ искалъ утѣшенія у родственницы своей жены. Дѣло обнаружилось. Мелкія газетки стали приносить ядовитыя замѣтки объ угадываемыхъ отношеніяхъ. Тогда онъ покинулъ свой домъ, чтобы совершить будто бы небольшое путешествіе, но не возвратился домой, уѣхалъ заграницу, возвратилъ своей женѣ обратно ея имущество и ушелъ со своего высокаго поста въ отставку.

Спустя короткое время его жена умерла отъ чахотки, которая быстро развилась на почвѣ горя объ утерянномъ семейномъ счастьѣ. Ему и второй его женѣ враги приписали отвѣтственность за эту смерть.

Видно, какъ благодаря этому происшествію съ одной стороны выросъ образъ Ребекки, бывшей косвенною убійцей, а съ другой распаденіе въ «Росмерсхольмѣ».

Если «Врагъ народа» есть самооборона, то «Сольнесъ» походитъ на исповѣдь. Въ этой вещи, простой и глубокомысленной въ одно и тоже время, находили замѣчательные символы. Славянскій студенческій союзъ писалъ въ свое время ко мнѣ, прося меня разрѣшить ихъ споръ—означаетъ-ли Гильда католицизмъ, или протестантизмъ.

Въ новѣйшемъ, написанномъ съ теплотой и воодушевленіемъ, нѣмецкомъ произведеніи Эриха Хольма объ Ибсенѣ, носящемъ названіе «Политическое завѣщаніе Ибсена», Сольнесъ представляетъ собою

гражданство, Рагнаръ—соціализмъ, Гильда—свободу, Брандъ съ его отношеніемъ къ родительскому дому—французскую революцію. Какъ извѣстно, въ исторіи Наполеона видятъ мифъ солнца. Онъ родился на одномъ островѣ и умеръ на другомъ—это значитъ, что онъ вышелъ изъ моря и ушелъ въ море. Его мать звали Летиція—что означаетъ радость. Онъ имѣлъ 12 маршаловъ—12 небесныхъ знаковъ и т. д. Все совпадаетъ. Что касается Ибсена, то онъ писалъ всегда субъективно-психологически и никогда абстрактно - аллегорически. Если Брандъ, съ его родительскимъ домомъ, и есть какой-либо символъ, то навѣрно это символъ какихъ-нибудь событій въ личной жизни Ибсена; напр. его бѣгство изъ родной страны, но не міровое событіе А Гильда также мало символъ свободы, какъ и протестантизма. Она норвежская дѣвушка, типично норвежская и не даромъ носитъ имя Валькиріи. Она, какъ однажды сказалъ самъ Ибсенъ, выношена con amore и, конечно, имѣла много образцовъ въ дѣйствительной жизни и не норвежской только.

Въ письмахъ [1]) Ибсена за 1889 г. къ одной молодой австрійской дѣвушкѣ, съ которой онъ познакомился въ Тиролѣ (эти письма, долго спустя я получилъ отъ этой дѣвушки), заключаются нѣкоторые штрихи отношеній Сольнеса къ Гильдѣ. Она, эта австрійская дѣвушка—майское солнце въ его сентябрьской жизни; она принцесса, какъ и Гильда, и дѣйствуетъ на него, какъ принцесса. Онъ всегда, всегда о ней думаетъ. И въ особенности его занимаетъ мысль, посчастливится-ли ему изобразить въ поэзіи такую высоту и болѣзненное счастье борьбы за недостижимое.

Позднѣе, когда въ 1891 г., послѣ 27-лѣтняго отсутствія, Ибсенъ вернулся въ Норвегію, тамъ нашлось, можетъ быть, юное женское существо, удивленіе котораго передъ нимъ приняло страстный характеръ и къ которому влекло и самого Ибсена.

Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, онъ читалъ мой очеркъ про молодую Маріанну Виллемерсъ и ея любовь къ 60-ти-лѣтнему Гете, и объ успѣхѣ, который послѣ этого имѣло его стихотвореніе «Западно-восточный диванъ», онъ очень имъ заинтересовался и высказался, такимъ образомъ, въ письмѣ ко мнѣ изъ Христіаніи 11 февраля 1898 г.: «Я не могу удержаться, чтобы не выразить Вамъ мою особенную благодарность за Вашъ очеркъ: «Гете и Маріанна Виллемерсъ». Эпизодъ изъ его жизни, который Вы описываете, мнѣ не былъ знакомъ. Можетъ быть, много, много лѣтъ тому назадъ я и читалъ это у Левеса, но я совершенно это забылъ, такъ какъ тогда такія обстоятельства не имѣли для меня ровно никакого интереса. Теперь же дѣло обстоитъ совершенно иначе. Когда я думаю о характерѣ произведенія Гете во время возврата его молодости, я, мнѣ кажется, могу сказать, что въ этой

---

[1]) Эти письма приводятся мною ниже.

встрѣчѣ именно съ Маріанной Виллемерсъ, Гете былъ восхитительно награжденъ. И такъ судьба, рокъ, случай могутъ быть также благопріятными человѣку, посылая ему иногда награду».

По своему обыкновенію Ибсенъ собиралъ разсѣянныя, мелкія черточки повсюду. Въ доказательство этого, вотъ что онъ самъ разсказываетъ. Однажды, въ южной Германіи одна молодая дѣвушка сказала ему: Я никогда не могла постичь, какъ можно влюбиться въ неженатаго мужчину. Тогда лишаешься удовольствія отобрать его у другой. Эта фраза открыла Ибсену перспективы на женскую духовную жизнь.

Итакъ, его Гильда, его наиоригинальнѣйшій, яркій, какъ солнце, женскій образъ создавался изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Съ воспоминаніями о ней у меня связанъ небольшой анекдотъ. Ибсена всегда принимали за суроваго человѣка и такимъ онъ и былъ въ дѣйствительности. Но что онъ могъ быть временами мягкимъ и даже привѣтливымъ, показываетъ слѣдующій случай. Ибсенъ зналъ одну маленькую дѣвочку [1]) съ шестилѣтняго ея возраста и очень интересовался ребенкомъ. Когда вышелъ «Сольнесъ», ей было всего 12 лѣтъ. Я какъ разъ пріѣхалъ тогда въ Христіанію.—Ну что говоритъ Эдитъ о моемъ произведеніи? Что она говоритъ?—Она говоритъ то, что можно сказать въ ея возрастѣ, что въ этой пьесѣ только и есть одна порядочная женщина, г-жа Сольнесъ. Она находитъ Гильду отвратительной за то, что она увлекается женатымъ человѣкомъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя пріѣхала эта дѣвочка подросткомъ въ Норвегію и посѣтила Ибсена. Хорошо запомнивши нашъ разговоръ, онъ сказалъ: «Но вѣдь это ко мнѣ пришла моя Гильда, какъ разъ такая, какою я себѣ ее представлялъ».—«Я совсѣмъ не похожа на Гильду».—«Ну, конечно, похожа». Затѣмъ онъ подарилъ ей свой портретъ и написалъ на оборотѣ слѣдующую игривую надпись: «На кого походитъ Эдитъ? На кого похожу я? Я этого не знаю. Поѣзжай на дачу, поживи тамъ мѣсяцъ и возвратись назадъ, а я за это время подумаю, на кого ты похожа».

Дѣвочка привезла ему фотографію обратно.—«Да, правда, я долженъ кое-что добавить»,—и онъ написалъ: Эдитъ не похожа ни на кого на свѣтѣ, Эдитъ походитъ только на самое себя. Поэтому Эдитъ такъ... А что такое я?—я этого еще не знаю. Поѣзжай въ Копенгагенъ и возвращайся черезъ годъ, а я за это время еще подумаю и напишу заключенье.

Въ этихъ мелочахъ видны любовь Ибсена подстрекать любопытство, его страсть пробуждать сомнѣнія, ставить вопросы, задавать загадки, обрывать на самомъ интересномъ мѣстѣ, и, наконецъ, его особенность, какъ драматурга, возможно отодвигать рѣшеніе загадки въ будущее.

---

[1]) Дочь самого Брандеса.

Толкованій произведеній Ибсена можно найти очень много. Я хочу попробовать обрисовать его такимъ, какимъ онъ былъ въ повседневной жизни. Въ молодые годы внимательный, живой, бодрый, сердечный, но въ то же время рѣзкій и никогда не добродушный, даже въ минуты наибольшей сердечности. Съ глазу на глазъ разговорчивый, охотно слушающій, сообщительный, открытый. Съ наибольшей охотой онъ жилъ отшельникомъ. Въ большомъ обществѣ онъ былъ скупъ на слова, легко смущался и терялся. Онъ никогда не забывалъ недоброжелательнаго пріема своимъ первымъ произведеніямъ въ Норвегіи, а также и своего долга благодарности относительно заграницы.

Было не много нужно, чтобы привести его въ дурное настроеніе, или возбудить его подозрительность. Если онъ заподозрѣвалъ кого-либо въ назойливости, его боязнь людей мгновенно пробуждалась.

Въ 1891 г. я вмѣстѣ съ нѣкоторыми норвежскими художниками былъ въ Сандвикенѣ, недалеко отъ Христіаніи; и мы себя превосходно чувствовали. Разъ какъ-то я сказалъ: какъ должно быть грустно Ибсену сидѣть день за днемъ одному въ отелѣ, въ городѣ. А что, если бы мы его когда-нибудь пригласили сюда?—А кто же осмѣлится это сдѣлать?—Я охотно на это отважусь, я вижу его ежедневно и завтра буду съ нимъ завтракать.

«Мы, нѣсколько художниковъ и писателей—очень бы хотѣли съ вами пообѣдать».—А сколько васъ и кто именно?—Я назвалъ имена, насъ было девять.—«Обѣдать въ такомъ большомъ обществѣ нарушаетъ привычки моей жизни, я этого никогда не дѣлаю».—Я напомнилъ ему, что недавно въ Будапештѣ онъ участвовалъ въ празднествѣ въ честь его, на которомъ присутствовало нѣсколько сотъ человѣкъ; этимъ я разсѣялъ нѣсколько его недовѣріе и получилъ разрѣшеніе устроить небольшой праздникъ. Чтобы сдѣлать ему пріятное, мы взяли залъ въ томъ самомъ отелѣ, гдѣ онъ жилъ, и предложили ему самому выбрать меню.

Когда распространилась молва, что я устраиваю для Ибсена обѣдъ, послѣ такого долгаго его пребыванія заграницей, меня со всѣхъ сторонъ начали осаждать просьбами дать хоть одно мѣсто за обѣдомъ, и отказать семьямъ, которыя со мной были очень гостепріимны, мнѣ было, конечно, трудно. Чтобы подготовить почву, я началъ съ того, что признался Ибсену, что одна единственная дама очень желала попасть на обѣдъ.—«Ни въ какомъ случаѣ»,—отвѣтилъ онъ мнѣ.—Это молодая, веселая, толстая женщина!—«Я не люблю молодыхъ, веселыхъ, толстыхъ женщинъ».—Вы когда-то были влюблены въ ея тетку,—я назвалъ имя. Тогда онъ сразу заинтересовался.—«Ну, это другое дѣло, тогда она можетъ притти».

Но разрѣшенье было получено всего на 10 человѣкъ, а мы мало-по-малу дошли до 22. Я боялся взрыва.

Въ извѣстный день и въ назначенный часъ я стучалъ въ дверь

въ его отелѣ. Онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ съ удивленіемъ и немного огорченный: вы во фракѣ?—Да, а вы въ жилеткѣ?—Ну, да, когда я началъ одѣваться, въ моемъ сундукѣ не оказалось фрака.— Какъ это ужасно!—мы радовались какъ дѣти, что увидимъ Ибсена во фракѣ, а теперь должны довольствоваться Ибсеномъ въ сюртукѣ.— А дамы съ вами есть?—Да она, да еще одна, другая! — Сколько же ихъ тамъ всѣхъ?—22.—Это измѣна, вы сказали 9, я не иду.

Послѣ долгихъ переговоровъ мнѣ удалось свести его съ лѣстницы. Когда онъ вошелъ въ залъ, тамъ царствовала тишина ожиданія, которую его суровая мина отнюдь не помогла нарушить. Начало обѣда было очень тягостное. Пришлось подать шампанское и начать держать рѣчи уже за рыбой, чтобы хоть этимъ нѣсколько поднять настроеніе. Я сказалъ: «Дорогой Ибсенъ! Вы съ годами сдѣлались настолько нечеловѣчески знаменитымъ, что хвалить васъ становится неизмѣримо труднымъ. Но не правда ли, что мы, жители сѣвера, понимаемъ васъ лучше, чѣмъ иностранцы; мы оцѣнили васъ на первыхъ же порахъ, тогда какъ они пришли лишь въ одиннадцатый часъ. Правда, въ Библіи говорится, что пришедшіе въ одиннадцатый часъ, имѣютъ равную заслугу съ тѣмъ, которые пришли въ первый. Но это мѣсто я понималъ всегда такъ, что пришедшіе въ первый часъ все же чуточку лучше. Ибсенъ перерываетъ меня.—«Ни въ какомъ случаѣ». Я прошу его подождать дѣлать замѣчанія, пока я кончу. Я хвалилъ его и въ шутку и серьезно, говорилъ о солнцѣ и звѣздахъ, примѣнилъ къ нему слова: можетъ быть Сиріусъ и больше солнца, и тѣмъ не менѣе благодаря солнцу вызрѣваютъ наши хлѣба. Ничего не помогало. Онъ продолжалъ быть растеряннымъ и только повторялъ: противъ этой рѣчи можно многое возразить, чего я предпочитаю, однако, не дѣлать.

— Сдѣлайте это, Ибсенъ, это гораздо пріятнѣе! А онъ: чего я предпочитаю однако не дѣлать.

Одинъ редакторъ, который привелъ къ столу очаровательную артистку—Констанцію Бруни, поднялся и сказалъ: моя дама за столомъ проситъ меня, г. д-ръ Ибсенъ, принести вамъ благодарность отъ артистокъ Христіанія—театра [1]) и сказать вамъ, что нѣтъ ролей, которыя онѣ играли бы охотнѣе вашихъ и на которыхъ онѣ учились бы больше.

Ибсенъ: «я къ этому сдѣлаю одно замѣчаніе: я вообще не писалъ ролей, но изображалъ людей и никогда въ жизни я не имѣлъ въ виду, когда работалъ, ни одного артиста и ни одну артистку. Но позже мнѣ, можетъ быть, будетъ очень пріятно познакомиться съ такой милой дамой».

Констанція Бруни имѣла смѣлость отвѣтить, что она ни минуты

---

[1]) Теперь національный театръ.

не имѣла въ виду себя, такъ какъ онъ видитъ ее въ первый разъ, и что въ рѣчь проскользнуло неудачное слово роль, подъ которымъ она, какъ и онъ, разумѣла человѣка.

Ибсенъ ничуть не сознавалъ, что его прямота дѣйствовала подавляюще на настроенiе присутствующихъ, такъ какъ при разставанiи онъ сердечно меня благодарилъ за обѣдъ и наивно прибавилъ: «это было очень удачное празднество».

Я привелъ примѣръ его суровости, но сколько у меня воспоминанiй о его сердечности, вниманiи и тонкости чувствъ.

Я помню Ибсена много, много лѣтъ тому назадъ, въ Дрезденѣ, во время длинныхъ прогулокъ по городу и его окрестностямъ, когда онъ разъяснялъ мнѣ типъ нѣмца, котораго онъ, послѣ многолѣтняго пребыванiя въ Германiи, полагалъ, что знаетъ. Или когда онъ критиковалъ драмы Шиллера, риторики котораго онъ не любилъ, или поэзiю Рунеберга, которой онъ мало интересовался, такъ какъ она написана гекзаметромъ. Онъ всегда былъ на своемъ посту, когда дѣло касалось всего академическаго, или пережитковъ прошлаго, или всего не жизненнаго. Поэзiя для поэзiи была ему противна. Въ семидесятыхъ годахъ онъ посѣщалъ въ Дрезденѣ собранiя литературнаго общества, гдѣ внимательно выслушивалъ доклады, они таки были интересны и поучительны. Онъ держалъ себя по отношенiю къ скромнымъ, мало извѣстнымъ литераторамъ по-дружески, признавая ихъ знанiя и солидную литературную культуру.

Въ Мюнхенѣ я видѣлъ его у него дома. Онъ тогда былъ уже признанъ единичными лицами въ Германiи, хотя не былъ еще знаменитъ. Онъ принималъ у себя избранныхъ норвежцевъ, проѣзжавшихъ черезъ городъ, между ними нерѣдко извѣстныхъ норвежскихъ политиковъ. Привыкнувъ видѣть много людей, онъ сталъ свѣтскимъ человѣкомъ и съ разными людьми разно обращался, но всегда справедливо.

Я помню его также гостемъ въ Копенгагенѣ, чтимымъ, какъ король. Если онъ дѣлалъ кому-нибудь визитъ, всѣ были отъ него въ восторгѣ. Когда онъ былъ куда-нибудь приглашенъ—его молчаливость и замкнутость приводили въ изумленiе.

Онъ не говорилъ больше о Норвегiи съ горечью, но съ сожалѣнiемъ о ея медленномъ развитiи. Теорiи, приходящiя изъ Норвегiи, казались ему устарѣвшими и вышедшими изъ употребленiя въ Европѣ. О просвѣщенныхъ норвежскихъ крестьянахъ онъ однажды сказалъ: «книга Маллинга «Великiя и хорошiя дѣянiя», которая 50 лѣтъ тому назадъ представляла полезное чтенiе для дѣтей, какъ разъ подошла бы теперь къ нимъ».

И, наконецъ, помню я его въ мои многочисленныя длинныя или короткiя пребыванiя въ Норвегiи, когда мы согласно уговору встрѣчались съ нимъ каждый день послѣ завтрака. Онъ всегда заблаго-

временно стоялъ одѣтымъ у воротъ и ожидалъ: мы шли гулять въ картинныя галлереи и т. д. Или, когда я по его приглашенію приходилъ къ нему обѣдать и онъ, потирая руки отъ удовольствія, говорилъ: будемъ сегодня веселы, будемъ пить хорошее вино, много вина и разсказывать исторіи. И погодя: «Ну, теперь вы услышите поучительную исторію объ Х.». На лицѣ появлялась на минуту сатирическая улыбка, и затѣмъ слѣдовала кровавая исторія, или шаржъ, гдѣ общеуважаемый и восхваляемый, благородный человѣкъ обнаруживалъ себя комичнымъ грѣшникомъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Или въ тихій вечеръ, проведенный съ нимъ на открытомъ воздухѣ, въ какомъ-нибудь павильонѣ. На столѣ стоитъ свѣча, которую приходится убрать, такъ какъ лѣтняя ночь достаточно свѣтла. Лицо Ибсена съ могучимъ лбомъ и съ богатой гривой сѣдѣющихъ волосъ сливается съ очертаніями, дремлющей въ магическомъ освѣщеніи, природы. Становится нѣсколько темнѣе и изъ его лица виденъ лишь блескъ его очковъ и движенія рта. Онъ говоритъ глухимъ голосомъ, отпиваетъ отъ времени до времени изъ своего стакана, фантазируетъ, шутитъ.

Разъ мы ѣдимъ съ нимъ ягненка, я дѣлаю замѣчаніе, что это благородное животное. Разумѣется, отвѣчаетъ Ибсенъ. Я было думалъ написать драму про ягненка. Человѣкъ смертельно боленъ; онъ можетъ выздоровѣть только въ томъ случаѣ, если ему обновятъ кровь. Ему вспрыскиваютъ свѣжую кровь ягненка и онъ выздоравливаетъ. Позже онъ всегда мечталъ о томъ, чтобы увидѣть этого ягненка, такъ какъ онъ обязанъ ему жизнью. Наконецъ, онъ открываетъ его въ одной женщинѣ, онъ влюбляется въ нее. И развѣ онъ можетъ иначе? Конечно, нѣтъ. Только не часто встрѣчаешь женщину, похожую на ягненка. Но это будетъ, будетъ!—И его рѣчь растаяла въ улыбку, гармонировавшую какъ нельзя больше съ блѣднымъ ночнымъ небомъ и съ дальнимъ блѣднымъ фіордомъ, гладкимъ какъ зеркало.

Если не считать юношескихъ драмъ Ибсена, сюжеты которыхъ взяты имъ изъ саги или исторіи, или его юношескихъ полемическихъ работъ, написанныхъ или въ стихахъ, какъ напр., «Комедія Любви», «Брандъ», «Пееръ Гюнтъ», «Союзъ молодости», то, главнымъ образомъ, всемірную его извѣстность составили ему 12 позднѣйшихъ драмъ, написанныхъ имъ въ зрѣломъ возрастѣ.

Изъ этихъ 12 драмъ—6 полемическаго характера, направлены противъ общества: «Столпы общества», «Кукольный домикъ», «Привидѣнія», «Врагъ народа», «Дикая утка» и «Росмерсхольмъ».

Остальныя 6 суть чисто психологическія изслѣдованія, занимающіяся исключительно отношеніями между мужчиной и женщиной, при чемъ въ нихъ женщинѣ отведено всегда первенствующее мѣсто, даже и въ томъ случаѣ, когда она не главное дѣйствующее лицо въ пьесѣ. Эти драмы слѣд.: «Женщина съ моря», «Гедда Габлеръ», «Сольнесъ»,

«Эйольфъ», «Боркманъ» и «Когда мы мертвые пробуждаемся». Въ нихъ или семейныя, или личныя трагедіи и совершенно упускаются изъ виду общественныя и государственныя отношенія. Однако, и въ этихъ драмахъ Ибсенъ показалъ себя не менѣе выдающимся, какъ культуръ-трегеромъ, такъ и поэтомъ.

Чтобы выяснить все его значеніе, небезполезно сопоставить его съ другими современными ему культуръ-трегерами. Путь въ этомъ направленіи намъ указалъ французскій переводчикъ и толкователь Ибсена, графъ Прозоръ.

Въ годъ рожденія Ибсена родилось еще два великихъ писателя: Тэнъ во Франціи и Толстой въ Россіи. Несмотря на ихъ несходство между собою и ихъ несходство съ Ибсеномъ, все же они всѣ имѣютъ родственныя черты.

Тэнъ вначалѣ, какъ и Ибсенъ, былъ мятежнымъ умомъ и произвелъ въ первые 40 лѣтъ своей жизни революцію во французской умственной жизни. Но съ теченіемъ времени онъ все больше и больше дѣлался тѣмъ, чѣмъ Ибсенъ былъ въ своемъ зрѣломъ возрастѣ—ненавистникомъ революціи, которая выравниваетъ, производитъ нивеллировку, чтобы унизить и убить все выдающееся.

Объектомъ презрѣнія какъ для Ибсена, такъ и для Тэна, служитъ представляющее собою демократію большинство, которое по опредѣленію Ибсена всегда не право.

Тэнъ политически болѣе консервативенъ, чѣмъ Ибсенъ; идеаломъ для него служило политическое положеніе въ Англіи; сохраненіе накопленныхъ въ прошломъ цѣнностей и широкое развитіе мѣстныхъ самоуправленій.

То, что Ибсену представлялось вполнѣ яснымъ, это—что доктрина сама по себѣ значитъ очень мало, какое бы названіе она ни носила: конституціонализмъ, демократія, или какое иное. Дѣйствительныя перемѣны наступаютъ лишь тогда, когда сами люди становятся иными. Вотъ понятіе, на которомъ, по его мнѣнію, основывается здоровый радикализмъ. Соціалистъ можетъ быть себялюбивѣе, чѣмъ индивидуалистъ, а консерваторъ большимъ разрушителемъ общественнаго строя, чѣмъ радикалъ. Суть дѣла не въ этикетѣ на бутылкѣ, а въ томъ винѣ, которое въ ней. То же или иное ученіе, къ которому себя причисляютъ, не есть вино, но лишь этикетъ. Однако на Ибсена не надо смотрѣть какъ на мыслителя, въ особенности политическаго. Тэнъ былъ мыслителемъ—Ибсенъ борцомъ.

Толстой, несмотря на всю свою величину, мыслитъ узко; онъ не признаетъ Тэна и презираетъ Ибсена, какъ поэта, лишеннаго смысла. Онъ также, какъ и Ибсенъ, революціонеръ, разрушитель общественныхъ предразсудковъ и проповѣдникъ новаго общественнаго строя внѣгосударства. Они встрѣчаются въ анархическомъ, враждебномъ государству взглядѣ, но въ то время, какъ у Ибсена направленіе ума

имѣетъ аристократическія тенденціи, Толстой вѣритъ въ равенство. Толстой проповѣдуетъ евангельскую любовь, Ибсенъ самонаслажденіе одиночества.

Есть также у Ибсена нѣсколько общихъ основныхъ чертъ съ Ренаномъ, который старше его нѣсколькими годами, и котораго онъ почти не читалъ; также мало, какъ и Тэна.

Фраза Ибсена: «я только спрашиваю, не мое призваніе отвѣчать» — извѣстнымъ образомъ относится и къ тонкому мыслителю Ренану и его сомнѣвающемуся уму. И тотъ и другой, какъ рѣдко кто, будятъ жизненныя силы: Ренанъ очаровывая, Ибсенъ устрашая.

Прозоръ обратилъ вниманіе на то сходство, которое замѣчается въ мысляхъ ибсеновскаго Бранда и въ юношескомъ произведеніи Ренана «Будущее науки». Ренанъ требовалъ единства и цѣльности человѣческаго существа, говоря, что цѣль, которую долженъ себѣ ставить человѣкъ не въ томъ, чтобы знать, чувствовать, фантазировать, но въ томъ, чтобы быть человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова; тѣ же мысли встрѣчаемъ мы у Бранда.

Брандъ говоритъ, что церковь, надъ которой разстилается небесный сводъ, не имѣетъ ни стѣны, ни границъ; тоже, въ иныхъ нѣсколько выраженіяхъ, говоритъ и Ренанъ: старую церковь должна замѣнить новая и величайшая. Одна религіозная догма должна уступить мѣсто другой, одинъ родъ божества—другому, такъ какъ истинное происхожденіе міра неизмѣримо выше всего того, что намъ говоритъ о немъ наше жалкое воображеніе, безъ котораго мы не можемъ представить себѣ хода вселенной—мысли, встрѣчаемыя нами у Ибсена въ «Императорѣ и галилеянинѣ» и въ «Брандѣ». Ренанъ, какъ и Ибсенъ, знаетъ третье царство, въ которомъ сливаются во едино язычество и христіанство.

Кромѣ Тэна и Толстого—ровесниковъ Ибсена и Ренана, который нѣсколько его старше, есть еще одинъ великій, но значительно болѣе молодой, котораго можно сравнить съ Ибсеномъ, хотя этотъ послѣдній никогда не читалъ его книгъ, а онъ одну изъ слабѣйшихъ ибсеновскихъ вещей, «Столпы общества».

Это Ницше.

У Ницше, какъ и у Ибсена, мятежный умъ и, какъ и Ибсенъ, онъ держалъ себя въ сторонѣ отъ политической и практической жизни.

Первое между ними сходство то, что оба они придавали значенье своему происхожденью не отъ мелкихъ людей.

Ибсенъ въ одномъ изъ своихъ писемъ ко мнѣ старался доказать, что его родители, какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны, принадлежали къ знатнѣйшимъ семьямъ въ Скіенѣ и состояли въ родствѣ какъ съ мѣстной, такъ и окрестной аристократіей. Но Скіенъ не міровой городъ и его аристократію не знаютъ уже за его предѣлами, но Ибсенъ хотѣлъ этимъ доказать, что причина его горечи противъ

высокопоставленныхъ людей въ Норвегіи кроется не въ разницѣ его и ихъ происхожденья.

Ницше также охотно доказывалъ окружающимъ, что онъ происходитъ отъ польскаго дворянскаго рода, хотя у него не было никакой родословной, такъ что это можно было принять за аристократическія бредни, тѣмъ больше, что указанное имъ имя Ніэцки уже по своей орфографіи показываетъ свое не польское происхожденіе. Въ самомъ же дѣлѣ было такъ: правильная орфографія его фамиліи—Ницки, и одному молодому польскому почитателю Ницше, Бернарду Шарлитъ удалось доказать неоспоримое происхожденіе Ницше изъ рода Ницки. Онъ открылъ дворянскій гербъ этого рода въ печаткѣ, которая въ теченіе столѣтій была въ семьѣ Ницше наслѣдственной вещью. Во властолюбивой морали Ницше и въ его аристократизаціи представленій о мірѣ Шарлитъ видитъ, и не безъ основанія, шляхетскій духъ, унаслѣдованный имъ отъ своихъ польскихъ предковъ. Ибсенъ и Ницше (независимо другъ отъ друга) лелѣяли мысль (такъ же, какъ и Ренанъ) воспитать благородныхъ людей. Это любимая идея Росмерса, она становится таковою у д-ръ Штокмана. Также и Ницше о высшемъ человѣкѣ говоритъ, какъ о предварительной задачѣ поколѣнія, пока Заратустра не возвѣщаетъ сверхъ человѣка. И у того, и у другого радикализмъ по существу аристократиченъ.

Затѣмъ они встрѣчаются также то тамъ, то сямъ на почвѣ душевныхъ изслѣдованій. Ницше любитъ жизнь и внутреннюю ея сущность такъ высоко, что сама истина представляется ему стоимостью лишь тогда, когда она помогаетъ сохраненію жизни и ея эволюціи. Ложь только въ томъ случаѣ вредною и разрушительною силой, когда она тормозитъ жизнь. Ложь не смущаетъ его тамъ, гдѣ она необходима для жизни. (Удивительно, что мыслитель, который такъ ненавидитъ іезуитизмъ, пришелъ къ точкѣ зрѣнія, которая ведетъ къ нему). Въ этомъ пунктѣ Ницше сходится со многими изъ своихъ противниковъ. Ибсенъ, который во всѣхъ своихъ стремленьяхъ выступаетъ поклонникомъ правды, по мѣрѣ своего развитія приходитъ къ такому же взгляду, какъ и Ницше. Звучитъ не шуткой, когда Ибсенъ въ «Дикой уткѣ» устами д-ръ Реллинга заявляетъ о необходимости лжи для жизни. Конечно, тутъ имѣлся въ виду только средній человѣкъ, не могущій обойтись безъ лжи. Но впослѣдствіи Ибсенъ пошелъ гораздо дальше и призналъ ложь необходимою также и для высшихъ людей.

Уже въ «Привидѣньяхъ» онъ находитъ непозволительнымъ говорить одну правду. Фру Альвинъ можетъ, но не хочетъ разсказать Освальду про его отца. Она содрагается при мысли, что можетъ отобрать у него его идеалы. Идеалы противупоставляются здѣсь правдѣ. И только въ концѣ пьесы она осмѣливается сказать ее ему мягко обиняками, частью выдумывая. И когда ибсеновскіе Сольнесъ, Боркманъ, Рубекъ, въ существѣ которыхъ кроется такъ много его собст-

веннаго, защищаютъ то или другое неизвѣстное, сомнительное, они закрываютъ глаза на возможность лжи и говорятъ: мы хотимъ, чтобы то было правда. Сольнесъ утверждаетъ, что его желанья имѣютъ дѣятельную, почти магическую силу, Гильда увѣряетъ Рагнара, что Сольнеса совсѣмъ не влечетъ къ Кайѣ. (На основаніи этого Рагнаръ спрашиваетъ: сказалъ-ли онъ это вамъ)? «Нѣтъ, но это такъ, это должно быть такъ; (дико) я хочу, хочу, чтобы это было такъ»!

Фру Боркманъ живетъ въ самообманѣ; она убѣждена, что ея сынъ Эргартъ сдѣлается человѣкомъ, который выполнитъ великую миссію и возстановитъ часть ихъ дома, на-что сестра ей отвѣчаетъ: это одни твои мечты, безъ которыхъ, тебѣ кажется, ты пришла бы въ полное отчаянье.

Живетъ въ самообманѣ также и самъ Боркманъ; онъ вѣритъ, что къ нему придетъ депутація просить его стать во главѣ банка. «Ты, можетъ быть, думаешь, что они не придутъ? Но они должны, должны ко мнѣ притти когда-нибудь. Я вѣрю въ это твердо, я знаю это непоколебимо. Не будь у меня такой увѣренности, я давно пустилъ бы себѣ пулю въ лобъ».

Въ «Эпилогѣ» Рубекъ такъ опредѣляетъ значеніе своей работы; когда я создавалъ это художественное произведеніе—такъ какъ «День воскресенія» есть художественное произведеніе; или, по крайней мѣрѣ, такимъ оно было вначалѣ (онъ чувствуетъ, что его испортилъ). Нѣтъ, таково оно и теперь. Оно будетъ, будетъ, будетъ художественнымъ произведеніемъ».

У Ибсена, какъ и у Ницше, лежитъ безсознательное стремленіе къ сознательной духовной жизни. Стремленіе мужчины къ величію у нихъ обоихъ есть нѣчто инстиктивное. Однако у Ибсена преимущественно женщина призвана поддержать это стремленіе, принадлежащею ей по праву властью, свободная отъ унизительныхъ соглашеній, что Ибсенъ въ «Брандѣ» назвалъ безобразнымъ иностраннымъ словомъ «аккордъ душъ». Брандъ одинъ изъ его героевъ, глубоко повліявшій на женщину, (которая открыла въ немъ существо, болѣе чистое и нетронутое, чѣмъ обычно встрѣчающіяся), которая затѣмъ ставитъ его на свойственную ему высоту, также какъ Гильда Сольнеса и Ирэна Рубека. Противъ общественныхъ нравовъ и общественной лжи Ибсенъ не знаетъ лучшаго орудія, лучшей дѣятельной силы, чѣмъ женщина; въ въ его драмахъ она будитъ и укрѣпляетъ энергію. Это пунктъ, въ которомъ онъ рѣзко расходится съ Ницше, съ его ненавистью къ женщинѣ. У Ницше женщина тянетъ мужчину внизъ; она сила природы, съ которою нужно бороться.

Ибсенъ, какъ и Ницше, былъ одинокъ и дѣйствовалъ въ одиночествѣ, и оба они одинаково мало заботились о судьбѣ своихъ произведеній. Тотъ сильнѣе всѣхъ, говоритъ д-ръ Штокманъ, кто наиболѣе одинокъ.

Прозоръ спрашиваетъ: Кто же болѣе одинокъ—Ибсенъ или Ницше?—Ибсенъ, который держалъ себя въ сторонѣ отъ всякихъ личныхъ сношеній съ людьми, но работалъ для театральной публики; или Ницше, который, хотя и изолировалъ себя, какъ мыслитель,—какъ человѣкъ постоянно, хотя и безрезультатно, выискивалъ себѣ единомышленниковъ и герольдовъ, но произведенія котораго при его жизни остались нечитанными широкой публикой и во всякомъ случаѣ непонятыми.

Для меня лично рѣшеніе этого вопроса дѣло не легкое, такъ какъ по прихоти судьбы и тотъ, и другой считали меня своимъ союзникомъ.

Еще труднѣе рѣшить, чьи работы глубже, оставляютъ большее впечатлѣніе и кто изъ нихъ сохранитъ дальше свою славу.

На сѣверѣ Ибсенъ обогатилъ всѣхъ насъ, сильно повліялъ на драматурговъ, но школы не создалъ.

Въ восьмидесятыхъ годахъ въ Германіи, гдѣ въ ту пору началось теченіе противъ стараго шиллеровскаго идеализма, Ибсена привѣтствовали, какъ великаго натуралиста, равнаго Золя и Толстому, проглядѣвъ ибсеновскій идеализмъ. На умы обмундированнаго нѣмецкаго читающаго міра Ибсенъ со своею вѣрою въ меньшинство и одиночество дѣйствовалъ, то какъ индивидуалистъ, то какъ соціалистъ, благодаря его скрытому революціонному теченію.

Его вліяніе на нѣмецкихъ драматурговъ, начиная отъ Рихарда Восса и до Германа Бара, очень легко прослѣдить. Но наибольшее съ нимъ сходство мы видимъ у величайшаго изъ нихъ Гергарта Гауптмана. Его «Передъ восходомъ» написано также подъ вліяніемъ «Привидѣній», какъ и «Власть Тьмы», «Потонувшій колоколъ» напоминаетъ одновременно и «Бранда», и «Сольнеса».

Въ Англіи Эдмундъ Госсе, Вильямъ Арчеръ, и Бернардъ Шау страстно работали для распространенія славы Ибсена, а послѣдній, какъ драматическій писатель, у него учился. Но замѣчательнѣе всего, что въ Англіи нападали на Ибсена не только за то, что онъ непонятенъ, но и за матеріалистическое его направленіе, но восхваляли его особенно, какъ психолога.

Во Франціи, когда тамъ былъ въ модѣ символизмъ, Генрика Ибсена привѣтствовали, какъ великаго символиста. Подъ его вліяніемъ находились лучшіе драматурги, какъ Франсуа де Кюрель. Мистическій элементъ у Ибсена, какъ напр., бѣлые кони въ «Росмерсхольмѣ», чужестранцы въ «Женщинѣ съ моря», имъ особенно нравился. Но нерѣдко его принимали также и за анархиста. «Врагу народа» апплодировали, какъ протесту противъ общества и государства. Въ Ульрикѣ Бренделѣ видѣли сатиру на общество.

Ничто не говоритъ лучше о величинѣ Ибсена, какъ слѣдующее обстоятельство: Въ Норвегіи онъ раньше былъ понятъ, какъ консерваторъ, позднѣе, какъ радикалъ. Въ Германіи его привѣтствовали, какъ натуралиста и соціалиста, во Франціи, какъ символиста и анархиста.

Однимъ словомъ, въ каждой странѣ долго видѣли лишь нѣкоторыя стороны его существа, отсюда ясно, какъ былъ онъ многостороненъ.

Слѣдующія письма [1]). были писаны Ибсеномъ въ Вѣну, дѣвицѣ Эмиліи Бардахъ. Ибсенъ встрѣтился съ ней и ея матерью осенью 1889 г. въ Госсензасѣ, въ Тиролѣ. Они тамъ провели вмѣстѣ нѣсколько недѣль. Г-жа Бардахъ было тогда 20 лѣтъ; затѣмъ она уже никогда больше не встрѣчала поэта.

I.

Въ альбомъ.

Высокое, болѣзненное счастье—бороться за недостижимое.

Госсензасъ, 20-го сентября 1889 г.

Генрикъ Ибсенъ.

II.

(На оборотѣ фотографіи).

Майскому солнцу въ сентябрьской жизни въ Тиролѣ.

27. 9. 89. *Генрикъ Ибсенъ.*

III.

Мюнхенъ, Максимильянстрассе, 32, 7.

Октябрь, 1889 г.

Отъ всего моего сердца благодарю Васъ, неоцѣненная г-жа Бардахъ, за Ваше крайне любезное и милое письмо, которое я получилъ въ предпослѣдній день моего пребыванія въ Госсензасѣ и которое я много разъ перечитывалъ. Мѣсто нашего лѣтняго пребыванія выглядѣло въ послѣднюю недѣлю печально или во всякомъ случаѣ такъ оно мнѣ представлялось. Не было больше солнца. Оно совсѣмъ исчезло. Нѣкоторые оставшіеся гости никоимъ образомъ не могли конечно представить для меня замѣну прелестной, короткой лѣтней жизни. Я ежедневно ходилъ гулять въ Перлергталь. Тамъ, у дороги есть скамья, на которой, разумѣется въ обществѣ, можно бы вести полный настроенія разговоръ. Но скамья была пуста и я, не присѣвъ, шелъ мимо нея.

Въ большомъ залѣ, мнѣ казалось, было также пусто и безотрадно. Гости, семья Перейра и профессоръ съ женой показывались только передъ ѣдой.

---

[1]) За полгода до смерти Ибсена г-жа Бардахъ прислала эти письма Георгу Брандесу съ просьбой опубликовать ихъ въ европейской прессѣ. Основываясь на томъ, что Ибсенъ былъ тогда въ такомъ состояніи, что не могъ лично дать или не дать на это своего согласія—Брандесъ отказался это сдѣлать и опубликовываетъ ихъ теперь послѣ его смерти. *Перев.*

Цвѣты и деревья, которые пахли такъ опьяняюще, все еще тамъ стояли. Но впрочемъ—какъ пусто,—какъ одиноко,—какъ сиротливо!

Но теперь мы опять дома, Вы также въ Вѣнѣ. Вы пишете, что теперь Вы чувствуете себя увѣреннѣе, свободнѣе, счастливѣе. Какъ я обрадовался этимъ словамъ! Больше я ничего не скажу.

Во мнѣ начинаетъ брезжиться новое произведеніе. Я хочу создать его въ эту зиму и попробовать провести черезъ него свѣтлое, лѣтнее настроеніе. Но окончится оно въ унынія. Это я чувствую.—И это моя манера.—Я однажды сказалъ Вамъ, что я пишу письма въ стилѣ телеграммъ. Примите же это письмо, какъ таковое. Во всякомъ случаѣ Вы его поймете.

Шлетъ Вамъ тысячу привѣтствій преданный
Вамъ Д-ръ *Г. И.*

IV.

Мюнхенъ, 15-го октября, 1889 г.

Ваше милое письмо я получилъ и тысячу разъ васъ за него благодарю; я его читалъ и перечитывалъ. Я, какъ всегда, сижу у письменнаго стола. Я бы очень хотѣлъ работать, но не могу. Моя фантазія живо работаетъ и упархиваетъ въ другое мѣсто, туда, гдѣ она не должна быть въ рабочее время. Я не могу прогнать, да и не хочу также мои лѣтнія воспоминанія. Я переживаю снова и снова пережитое, постоянно снова. Но претворить все это въ поэтическое произведеніе пока для меня невозможно.

Пока?

Удастся ли это мнѣ когда-либо въ будущемъ? И желаю ли я, собственно, чтобы это когда-либо мнѣ удалось? И могло ли бы удасться мнѣ?

Пока, во всякомъ случаѣ нѣтъ, въ этомъ я увѣренъ.

Я это чувствую—я это знаю.

Но когда-нибудь такъ будетъ. Это положительно такъ будетъ. Но все же будетъ ли такое? Будетъ ли такое?

Ахъ, дорогая Фрекенъ [1]), простите.—Вы такъ очаровательно пишете въ своемъ послѣднемъ—нѣтъ, нѣтъ, Боже упаси—въ своемъ предыдущемъ письмѣ: такъ очаровательно: «но для васъ я не Фрекенъ». Итакъ, дорогое дитя—потому что это вы для меня во всякомъ случаѣ—скажите-ка, помните вы, что мы разъ говорили о глупости и сумашествіи. Или, правильнѣе сказать, я говорилъ объ этомъ цѣлую кучу. Тогда вы, дорогое дитя, взяли на себя роль учителя и запѣли тихо, мелодически, съ вашей дальнозоркостью, что всегда между глупостью и сумашествіемъ была разница. Ну, конечно, объ этомъ я и раньше имѣлъ представленіе. Но этотъ эпизодъ, какъ и все прочее

---

[1]) Барышня.

остался у меня въ памяти. Такъ какъ я снова и снова раздумываю: было ли то глупостью, или сумашествіемъ, что мы сошлись? Или это было настолько же глупостью, какъ и сумашествіемъ. Или же это не было ни тѣмъ, ни другимъ?

Я надѣюсь, что послѣднее и есть единственно вѣрное.

Это просто на просто была естественная необходимость. И одновременно то былъ фатумъ. Думаете ли вы, что это было необходимо?

Въ настоящее время я этого не думаю. Я полагаю, что вы меня какъ слѣдуетъ поймете и отдадите мнѣ справедливость.

Тысячу разъ спокойной ночи. Всегда вамъ преданный

Г. И.

V.

Мюнхенъ, 29-го октября, 1889 г.

Каждый день я собирался написать вамъ нѣсколько словъ. Я хотѣлъ также приложить мой новый портретъ, но онъ еще не готовъ. Итакъ и это письмо уйдетъ безъ портрета. Вы знаете по собственному опыту, что при извѣстныхъ обстоятельствамъ сниматься представляетъ большое затрудненіе. Какъ, однако, мило вы пишете. Прошу васъ писать мнѣ нѣсколько строкъ, каждый разъ, какъ у васъ найдется свободные, ненужные вамъ самой полчаса.

Вы оставляете мои письма нераспечатанными, до тѣхъ поръ пока вы не останетесь одна, чтобы вамъ никто не мѣшалъ! Дорогое дитя, я не хочу вамъ сказать за это—спасибо. Это лишнее—вы понимаете.

Не огорчайтесь, что я пока не могу творить. Въ сущности я творю вѣчно и безпрестанно, или во всякомъ случаѣ я о чемъ-нибудь грежу, а когда оно созрѣваетъ, оно выходитъ изъ куколки, какъ поэтическое произведеніе.

Мнѣ мѣшаютъ. Не могу больше писать. Въ слѣдующій разъ болѣе длинное письмо.

Вашъ вѣрный, преданный

Г. И.

VI.

Мюнхенъ, 19-го ноября 1889 г.

Наконецъ-то я могу послать вамъ мой новый портретъ. Я надѣюсь, что онъ лучше, и въ немъ больше сходства, чѣмъ въ прежнемъ.

Черезъ нѣсколько дней появится въ свѣтъ моя біографія на нѣмецкомъ языкѣ и вы сейчасъ же ее получите. Прочтите ее при случаѣ. Изъ нея вы узнаете мою жизнь до сихъ поръ, т.-е. я хочу сказать до конца прошлаго года.

Сердечно благодарю васъ за ваше милое письмо. Но что вы обо мнѣ думали, что я до сихъ поръ вамъ на него не отвѣтилъ?

Но вы все же знаете, что вы въ моихъ мысляхъ и тамъ остане-

тесь. Оживленная корреспонденція съ моей стороны полная невозможность—я сказалъ вамъ это уже раньше. Берите меня такимъ, каковъ я есть.

Что касается моихъ поэтическихъ приключеній, и о томъ, какой «успѣхъ» я сдѣлалъ въ послѣднее время, я собственно могъ бы много разсказать. Но я долженъ это пока отложить. Я усиленно занятъ предварительною работой для новаго произведенія. Сижу почти цѣлый день за письменнымъ столомъ и выхожу чуточку только по вечерамъ. Грежу, вспоминаю и творю дальше. Творить хорошо; но дѣйствительность можетъ иногда быть гораздо лучше.

Вашъ глубоко преданный

Г. И.

VII.

Два дорогихъ, дорогихъ письма получилъ я отъ васъ и до сихъ поръ ни одного отвѣта. Что вы обо мнѣ думаете?

Но я никакъ не могу найти нужнаго спокойствія, чтобы написать вамъ нѣчто порядочное и обстоятельное.

Сегодня вечеромъ я иду въ театръ смотрѣть «Врагъ народа». Думать объ этомъ уже мука для меня.

Итакъ, пока я долженъ отказаться отъ вашего портрета. Но такъ лучше. Лучше подождать, чѣмъ получить портретъ, который не удовлетворяетъ. А, кромѣ того, вашъ любимый мною, свѣтлый образъ стоитъ въ моемъ воспоминаніи такъ живо. Я думаю до сихъ поръ, что за нимъ скрывается полная загадочности принцесса. Ну, а сама загадка? Изъ нея можно много черпать красиваго и грезить. И это я дѣлаю. Это, во всякомъ случаѣ, отчасти замѣняетъ недостижимую и безпочвенную дѣйствительность. Въ моей фантазіи я вижу васъ въ украшеніяхъ изъ жемчуга. Вѣдь, вы такъ любите жемчугъ. Въ этомъ есть что-то болѣе глубокое, въ этомъ пристрастіи что-то кроется. Но что именно? Объ этомъ я раздумываю часто и порой мнѣ кажется, что я нашелъ связь, но затѣмъ я ее теряю. Въ слѣдующій разъ я, можетъ быть, попробую отвѣтить вамъ на нѣкоторые ваши вопросы. У меня у самого такъ много ихъ для васъ. Я это дѣлаю внутренно и безпрестанно.

Преданный вамъ

Г. И.

Мюнхенъ, 22-го декабря 1889 г.

Какъ благодарить мнѣ васъ за ваше милое, очаровательное письмо?—я прямо не могу. Не такъ могу, какъ я бы этого хотѣлъ. Писаніе писемъ не для меня, мнѣ кажется, я говорилъ уже вамъ объ этомъ раньше. Но во всякомъ случаѣ, вы и сами должны были это замѣтить.

Но я все-таки читаю ваши письма и перечитываю и снова пере-

читываю и у меня встаетъ лѣтнее настроеніе такъ удивительно свѣжо и живо. Я вижу, я вновь чувствую пережитое. Я узналъ васъ, мою дорогую принцессу, какъ милое лѣтнее созданіе, только какъ существо присущее времени года, когда порхаютъ бабочки, и растутъ на волѣ цвѣты.

Какъ хотѣлъ бы я видѣть васъ также въ зимней обстановкѣ. Въ моей фантазіи я это дѣлаю. Я вижу васъ на Рингстрассе, легкую, идущую быстро и граціозно, укутанную въ бархатъ и мѣхъ.

Я вижу васъ также на вечерахъ и въ обществѣ, особенно въ театрѣ, откинувшуюся на спинку кресла со слегка утомленными чертами и съ глазами, полными загадочности.

Я хотѣлъ бы также видѣть васъ у васъ дома. Но мнѣ это не удастся, такъ какъ у меня нѣтъ для этого никакой придирки. Вы очень мало мнѣ разсказывали про свою домашнюю жизнь, почти ничего осязаемаго. По правдѣ сказать, дорогая принцесса, во многихъ существенныхъ отношеніяхъ мы порядочно-таки чужды другъ другу. Въ одномъ изъ вашихъ прежнихъ писемъ вы слегка намекнули на это, говоря о моихъ произведеніяхъ, которыя недоступны вамъ въ оригиналѣ.

Но не будемъ про это больше думать.

Ваши музыкальныя занятія подвигаются, конечно, постоянно и непрерывно впередъ? Это меня въ особенности интересуетъ. Но больше всего я хотѣлъ бы видѣть васъ въ рождественскій вечеръ въ вашемъ домѣ, гдѣ я предполагаю, вы будете проводить время. Какъ у васъ все это происходитъ?—я не представляю себѣ ясно. Я только сочиняю всевозможные способы.

Но у меня мрачное чувство, что рождественскій вечеръ и вы не совсѣмъ подходите другъ къ другу.

Но кто это знаетъ? А можетъ быть. Но при всякихъ обстоятельствахъ примите мои сердечныя пожеланія—сопровождаемыя тысячью привѣтствій.

Всегда вамъ преданный

Г. И.

IX.

Мюнхенъ, 30-го декабря 1889 г.

Вашъ красивый, очаровательный портретъ, который такъ много говоритъ, доставилъ мнѣ неописуемую радость.

Я благодарю васъ за него тысячу разъ и отъ чистаго сердца. И насколько вы теперь, среди зимы, сдѣлали ощутительными короткіе солнечные лѣтніе дни. Сердечно благодарю васъ также за ваше милое, милое письмо. Отъ меня вы сегодня получите всего нѣсколько словъ. Мнѣ не хватаетъ необходимыхъ покоя и одиночества, чтобы писать вамъ такъ, какъ бы я того хотѣлъ. Моя жена съ радостью

получила вашу любезную поздравительную карточку. Надѣюсь, она сама позднѣе поблагодаритъ васъ за нее. Теперь она не совсѣмъ хорошо себя чувствуетъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ мой сынъ у насъ въ гостяхъ. Возвратится-ли онъ снова въ Вѣну, или мы пошлемъ его въ другое мѣсто, пока не опредѣлено.

Примите мои сердечныя пожеланія къ новому году. Также кланяюсь вашей матушкѣ. Еще разъ благодарю васъ за вашъ восхитительный подарокъ.

Всегда вамъ преданный

Г. И.

X.

Мюнхенъ, 16-го января 1900 г.

Прежде всего примите мою сердечную благодарность за ваши оба милыхъ письма, на которыя я до сихъ поръ не отвѣтилъ.

Съ самаго Новаго года я былъ боленъ и не бралъ пера въ руки. Вѣроятно, это было нѣчто вродѣ отвратительной инфлуэнцы. Теперь мнѣ значительно лучше.

Какъ больно мнѣ было узнать, что вы дѣйствительно были больны. Представьте, я имѣлъ ясное объ этомъ предчувствіе. Въ моей фантазіи я видѣлъ васъ, лежащую въ кровати, блѣдную, въ лихорадкѣ, но обворожительно красивую и милую, какъ всегда.

Тысячу разъ благодарю за хорошенькіе цвѣты, которые вы для меня нарисовали. Это было очень любезно съ вашей стороны. Я нахожу, что у васъ выдающіяся способности къ рисованію цвѣтовъ. Этотъ талантъ вы должны были бы развивать: можетъ быть, вы и дѣлаете это. Но вашъ милый голосъ вы должны беречь,—по крайней мѣрѣ, теперь!

Какъ я вамъ благодаренъ, что я владѣю вашимъ портретомъ. Больше я ничего не скажу.

Способности писать письма у меня никогда не будетъ. Я живу въ надеждѣ, что вы совсѣмъ поправились и шлю вашей уважаемой матушкѣ много привѣтствій.

Всегда вашъ, сердечно преданный

Г. И.

XI.

Мюнхенъ, 6-го февраля 1890 г.

Долго, очень долго я оставилъ лежать Ваше послѣднее, милое письмо. Я читалъ его и перечитывалъ, не отвѣчая однако.

Примите сегодня въ короткихъ словахъ мою самую сердечную благодарность.

Съ этихъ поръ и до того времени, пока мы снова не увидимся

лично, Вы письменно услышите отъ меня очень мало, можетъ быть, изрѣдка кое что.

Вѣрьте мнѣ—такъ лучше. Это единственно правильное. Я чувствую, что дѣло моей совѣсти или пріостановить, или ограничить нашу переписку [1]).

Вы должны пока заниматься мною возможно меньше. Вы должны преслѣдовать другія цѣли въ Вашей молодой жизни и отдаваться другимъ настроеніямъ.

А я, я много разъ говорилъ уже это Вамъ, не могу чувствовать себя удовлетвореннымъ только перепиской. Для меня въ ней есть всегда кое-что половинчатое, кое-что ложное.

Я вижу, я мучительно чувствую, что не могу отдаться сполна и цѣликомъ моему настроенію.—Это лежитъ въ моей натурѣ и не поддается перемѣнѣ.

Вы такая тонко чувствующая, такъ инстинктивно проницательная. Поймите это такъ, какъ я это думаю. А когда мы снова встрѣтимся, я объясню Вамъ все подробно. А до тѣхъ поръ всегда Вы останетесь у меня въ мысляхъ. И тѣмъ больше, что эта обременительная половинчатость и обмѣнъ письмами не будутъ мѣшать.

Тысячу привѣтствій

Вашъ *Г. И.*

XII.

Мюнхенъ, 18-го сентября 1890 г.

Фрёкенъ Эмилія!

Съ глубокимъ участіемъ я прочелъ Ваше грустное сообщенье. Будьте увѣрены, что я въ особенности въ это тяжелое для Васъ и Вашей матушки время былъ съ Вами всѣми моими лучшими мыслями и теплыми чувствами. Скорбь о потери Вашего отца выражена въ вашемъ миломъ письмѣ такъ захватывающе и трогательно, что я почувствовалъ себя глубоко взволнованнымъ.

И такъ внезапно, такъ неожиданно, такъ неподготовленно Васъ застигъ этотъ ударъ судьбы. Я съ умысломъ отложилъ мой отвѣтъ на сегодня—утѣшать въ такихъ случахъ невозможно. Только время сможетъ залѣчить рану, нанесенную Вашей душѣ. И будемъ надѣяться, это придетъ, хотя и мало по малу. Я всѣмъ сердцемъ понимаю Васъ, когда Вы глубоко жалуетесь, что не были около Вашего отца въ послѣднее время. Но я думаю, что, можетъ быть, это лучше.

Надѣюсь, что это письмо застанетъ еще Васъ въ Альтъаусзе, Да будетъ для Васъ пребываніе тамъ благодѣтельно.

Моя жена и сынъ въ настоящее время въ Ривѣ и останутся тамъ,

---

[1]) Фрекенъ Бардахъ поступила по желанію Ибсена и написала ему только полгода спустя, по случаю смерти своего отца.

вѣроятно, до средины октября, а, можетъ быть, и дольше. И такъ, я живу здѣсь одинъ и не могу отсюда уѣхать. Новая объемистая драма, которою я сейчасъ занятъ, будетъ, насколько я могу предвидѣть, готова только въ октябрѣ, хотя я ежедневно и по цѣлымъ днямъ сижу за письменнымъ столомъ. Кланяйтесь, пожалуйста, Вашей уважаемой матушкѣ, а сами примите съ дружескимъ расположеніемъ тысячу сердечныхъ привѣтствій отъ неизмѣнно Вамъ преданнаго.

Генрика Ибсена.

XIII.

Мюнхенъ, 30-го декабря 1890 г.

Ваше милое письмо я получилъ. А также и колокольчикъ съ красивой картинкой. Я Вамъ благодаренъ отъ всего сердца. Моя жена находитъ, что картина хорошо нарисована. Но я прошу Васъ: не пишите пока больше ко мнѣ.

Когда обстоятельства измѣнятся, я Вамъ сообщу. Я Вамъ скоро пошлю мою новую драму. Примите ее дружески, но молча.

Какъ хотѣлъ бы я Васъ снова увидѣть, говорить съ Вами. Счастливаго новаго года Вамъ и Вашей матушкѣ желаетъ неизмѣнно Вамъ преданный

Генрикъ Ибсенъ.

Замѣчаніе. Фрёкенъ Бардахъ на это письмо не отвѣтила. Только 7 лѣтъ спустя она ему телеграфировала, поздравляя съ 70-ти лѣтнимъ днемъ рожденія. Въ отвѣтъ она получила его фотографію и слѣдующія строки.

XIV.

Христіанія, 13-го марта 1898.

Сердечно любимая Фрёкенъ!

Примите мою глубокую благодарность за Ваше письмо. Лѣто въ Госсезасѣ было самымъ счастливымъ, самымъ лучшимъ во всей моей жизни.

Не смѣю о немъ думать, но долженъ это постоянно—постоянно!

Вѣрный и преданный Вамъ

Генрикъ Ибсенъ.

Переводъ съ датскаго **Р. Тираспольской.**

НА ВОЛГѢ.

I.

Проснулся темный лѣсъ. И съ шумомъ ясно-свѣжимъ
Вздохнулъ надъ нимъ разсвѣтъ, забрезжилъ на верху.
Но все густится мракъ въ безмолвіи медвѣжьемъ,
Гдѣ чаща спутала орѣшникъ и ольху.
Погасъ ночной костеръ и тлѣетъ на полянѣ.
Загрезила душа. Разсвѣтный сумракъ тихъ.
И кажется, что мы, лежащіе въ бурьянѣ,
Ватага буйная разбойниковъ лѣсныхъ.
Высокая сосна зардѣлась на верхушкѣ.
Запахли свѣжестью росистые грибы.
Мы медленно пошли къ свѣтлѣющей опушкѣ,—
Скитальцы вольные безъ крова и судьбы.
Чеканятся стволы на небосклонѣ аломъ.
Вотъ шопотомъ рѣки повѣяло... И вдругъ
Мы встали надъ крутымъ, суглинистымъ обваломъ,
И дымчато сверкнулъ безгранный полукругъ
Раздолье свѣтлое! Въ разлившуюся воду
Глядятся нѣжныя, какъ пѣна, облака..
И кто-то вдругъ запѣлъ, привѣтствуя свободу,
И эхо кликнуло свѣтло издалека.

II.

Заря. Золотится рѣка.
Бѣгутъ легковѣйныя зыби.
Дымится шалашъ рыбака
На мшистой, обрывистой глыбѣ.
И ширь. Отъ жемчужныхъ полосъ,
Раскинутыхъ въ облачной дали,
Свѣтлѣетъ зеленый откосъ,
Алѣетъ песокъ на обвалѣ.
Просторъ мой, просторъ голубой!
Раздольно широкая Волга!
Куда ты влечешь за собой,
Сверкая протяжно и долго?
По золоту зыбкой рѣки
Плыветъ одинокая барка...
О, свѣтлое море тоски!
О, солнце всходящее жарко!

Дмитрій Цензоръ.

Семья Арона Рабиновича.

Разсказъ.

За городомъ, тамъ, гдѣ были кладбища, понуро высилось огромное зданіе центральной тюрьмы. Изъ ея рѣшетчатыхъ оконъ виднѣлось лагерное поле съ бѣлыми палатками, въ зеленой оправѣ густыхъ рощъ; виднѣлся ипподромъ и рельсы желѣзной дороги. Рядомъ съ ними, съ глянцевитой спинкой темно-бурыхъ полосъ, сѣрѣло шоссе. Стлалося и уходило далеко къ черному простору вспаханныхъ полей...

Старая дорога была вблизи—въ сторонѣ: кривой, изрытой тропой изгибался заброшенный шляхъ.

По шляху ѣздили только мужики пригородныхъ селъ; съ металлическимъ стукомъ и разрывнымъ грохотомъ тряслись неуклюжія мужичьи фуры. По шоссе мчались щегольскіе экипажи богатыхъ помѣщиковъ, важно подгоняемые звономъ бубенцовъ, медленно двигались похороны, шли этапы. И порой, когда сѣрый строй кандальниковъ нагонялъ торжественную процессію смерти, дикій аккордъ цѣпей грубо обнималъ нѣжную мелодію Requium'a, трогательную, чистую...

Когда открывался сезонъ скачекъ, на ипподромѣ игралъ военный оркестръ, и веселая музыка бравурнаго галопа шумно рвала суровое безмолвіе тюрьмы и кладбищъ.

Вообще на этой скорбной дорогѣ странно переплелись тишина и безпокойный шумъ. Была пестрая смѣсь бодрой жизни бѣгущаго поѣзда и величаваго безмолвія погоста.

Обыкновенно, впрочемъ, шумно бывало только по утрамъ и къ вечеру, когда грохотали деревянными ящиками вагоновъ бѣгущіе поѣзда. Въ остальные часы дня тутъ тяжело покоилось придушенное молчаніе.

Жизнь фабричнаго города, клокочущая, кипучая, докатывалась сюда обезсиленной, растерянно притихшей, словно робѣла и пугалась этого мѣста людской неволи, кандальнаго лязга и нездоровыхъ сновъ.

Скорбь рѣшетчатыхъ оконъ, вздохи каменныхъ мѣшковъ, за-

гадочная важность тайной казни окутывали этотъ темный домъ слѣпой тоской, покорнымъ ожиданіемъ фатальнаго несчастья. Чувствовалось, что за этими стѣнами несчастье безпредѣльно, ужасъ безконеченъ.

* * *

Въ среду, въ день свиданія съ «политическими» у острога стали собираться съ ранняго утра, такъ какъ арестованныхъ насчитывали сотнями. Къ девяти часамъ у кирпичныхъ стѣнъ тюремнаго забора, уже виднѣлись цѣлыя толпы, густыя и пестрыя.

Цилиндры и картузы. шинели военныхъ, блузы фабричныхъ. Нарядныя дамы, студенты, стриженныя барышни, женщины съ рабочихъ окраинъ въ кружевныхъ косынкахъ, длиннополые евреи—всѣ разставлены въ очередь—въ длинные-длинные ряды.

Давка, глубокіе вздохи, томительное, ноющее ожиданіе. Глаза ожидающихъ безпокойно смотрятъ на запертыя ворота, на часового со штыкомъ.

Надъ огромной толпой сдержанный говоръ н‹сется тихо, какъ дымъ печной трубы въ сѣрый безвѣтренный день.

* * *

Время къ полудню. Надъ сводчатой коронкой угловой пристройки, съ ликомъ Христа въ золоченой ризѣ, часы звонко мѣрятъ день. Отсчитали двѣнадцать ударовъ и пѣвуче смолкли. Тотчасъ же хрипло пронесся тягучій скрипъ: въ желѣзныхъ воротахъ централа степенно открывается небольшая четырехъугольная калитка.

Помощникъ начальника тюрьмы, маленькій, тщедушнѣйшій человѣчекъ съ птицеобразной физіономіей и длиннѣйшей шашкой черезъ плечо, чопорно выплылъ изъ квадратнаго отверстія и важно, подражая командѣ караульнаго офицера, громко читаетъ списокъ разрѣшенныхъ свиданій. Пришедшіе раздѣлены на группы, всѣхъ впустить сразу невозможно, мѣста не хватаетъ, они по частямъ будутъ впущены въ тюрьму.

Толпа взволнованно колыхнулась. Замелькали чемоданы, корзинки, мѣшечки и узлы. Въ нихъ, въ «передачѣ», была пища, одежда, бѣлье. Были цвѣты, много цвѣтовъ...

«Передача» тутъ же у воротъ тщательно разворачивается, перебирается: она внимательно осматривается часовыми. Въ молокѣ, въ кастрюлѣ съ бульономъ мѣшаютъ желѣзной пластинкой. подозрительно взбалтывая жидкость. Твердую пищу ломаютъ на куски—все ищутъ «контрабанду»: пилки, записочки, газеты.

— Ав-ваку-умовъ! Госпожа Лавалетъ! Галь-пе эри-инъ! Господинъ Андреяновъ!.. Петровъ... Хаимо-овичъ,—тягуче и громко выкрикиваетъ «помощникъ», и бѣлая пасть воротъ быстро гло-

таетъ вереницы людей, а за ними, сзади, напираютъ все новыя и новыя толпы.

* * *

Въ концѣ очереди стоитъ маленькая групка изъ трехъ лицъ и собака. Высокій сѣдобородый старикъ, живые молодые глаза, черные и глубокіе, какъ пропасти. Рядомъ съ нимъ почтенная дама въ старомодномъ еврейскомъ чепцѣ. Маленькое, доброе лицо, въ густой сѣти мелкихъ морщинъ. На плечахъ богатая накидка. Женщина заботливо поправляетъ шляпку чернокудрой дѣвочкѣ, лѣтъ девяти. Милое личико, стройненькая, какъ стебель лиліи, орлиный носикъ и голубые глаза.

Аронъ Рабиновичъ, его жена и дочь, вопреки своему обыкновенію, нынче запоздали: дѣвочка сегодня утромъ оставила больничную койку.

Любочка, какъ только привезли ее изъ лечебницы, сказала: она дома не останется, она тоже пойдетъ на свиданье къ Борѣ. Непремѣнно пойдетъ. Притомъ ей съ нимъ необходимо поговорить, очень необходимо...

Любочка важно приложила указательный палецъ къ сжатымъ губкамъ: значитъ, тайна. И пусть ее не разспрашиваютъ.

Въ лечебницу дѣвочку помѣстили послѣ погрома. Въ тѣ дни Арона Рабиновича разгромили. Все, что можно было унести— расхитили. Остальное предали разрушенію. Дачу «Евгенію»— такъ онъ ее назвалъ въ честь старшей дочери—его чудную дачу обратили въ безобразную мусорную кучу. Ее уничтожили до тла. Сначала принялись за садъ: сломали вѣтви у деревьевъ, содрали кору со стволовъ.

И обнаженные остовы старыхъ платановъ, куполообразнаго орѣха и молодыхъ акацій застыли въ нѣмомъ оцѣпенѣніи, какъ трупы, съ которыхъ живьемъ сорвали кожу...

Надъ цвѣтами надругались. Въ кусты сирени, въ нѣжныя купы хризантемъ, на тонкіе стебли лилій, на невинную бѣлизну упругихъ лепестковъ—нашвыряли глину, золу, осколки разбитой посуды.

Темные газоны, остриженные и чистые, облили вонючей мерзостью. Изъ выгребной ямы ведрами черпали гнилую жидкость и съ визгливымъ смѣхомъ, похожимъ на визгъ обожравшихся свиней, плескали желтой мутью и на газоны, и на нѣжныя поросли дорожекъ, граціозныхъ, усыпанныхъ хрустящимъ гравіемъ...

...И пышный садъ, задумчивый и важный, съ таинственными аллеями, глубокими, тѣнистыми,—весь садъ былъ опустошенъ, загаженъ, оскверненъ. Домъ предали огню. Подожгли надворныя строенія. Каретный сарай заперли на засовъ, затѣмъ подпалили. Строеніе бурно горѣло, и огненный вой пожара отчаянно рвался ужаснымъ ржаніемъ сгоравшихъ лошадей.

Корова Дуняша паслась недалеко отъ дачи. Раскатистые крики погибающихъ животныхъ погнали ее домой. Угрожающе мыча, корова вбѣжала въ опустошенный садъ. Къ ней кинулись злобные люди. Корова выставила рога. Дуняшѣ перебили хребетъ. Сначала ей прострѣлили ноги и, когда она упала, оторвали хвостъ, выкололи глаза, потомъ перебили хребетъ...

— Сдыхай, жидовская корова!

Старый Аронъ съ женой спаслись чудомъ. Надъ ними, въ горящемъ домѣ, рухнулъ деревянный простѣнокъ, падая, онъ потушилъ огонь и покрылъ ихъ. Толпа считала, что «жидовъ» задавило на смерть, а рыться въ кучахъ пожарища опасалась.

Любу выбросили изъ окна. Дѣвочка упала въ густую траву и осталась невредимой, но лишилась чувствъ. Когда къ ней вернулось сознаніе, она увидѣла, что лежитъ въ одной изъ пещеръ каменоломенъ, недалеко отъ дачи. Туда она часто лазала вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ—Жукомъ. Онъ тоже былъ здѣсь. Когда Люба очнулась, собака радостно запрыгала вокругъ своей подруги. Она прыгала молча. Жукъ, видимо, опасался привлечь чье-то враждебное вниманіе звуками своего лая.

У собаки морда была разбита въ кровь.

Любочка болѣла долго. И теперь, когда ее доставили домой, старики тщетно уговаривали дочку остаться дома: на свиданьи она будетъ волноваться, а докторъ предписалъ полнѣйшій покой; ей это вредно, очень вредно.

Дѣвочка упрямо настаивала: ничего ей не вредно. Притомъ она непремѣнно должна потолковать съ Борей. Она такъ и сказала «потолковать» и съ дѣтской серьезностью повела головкой.

Пришлось уступить. Ее взяли. Взяли и Жука. Тотъ, впрочемъ, самъ побѣжалъ. И вотъ почему опоздали.

* * *

Ужъ шесть часовъ времени приходится торчать здѣсь, у этихъ проклятыхъ стѣнъ... Торчать ему женѣ, ребенку...

Аронъ Рабиновичъ ропщетъ. Двумя пальцами согнутой ладони онъ осторожно держитъ помятый лацканъ собесѣдника. Тотъ, старый еврей, сутуловатый, съ длинными локонами у висковъ, сочувственно вздыхаетъ.

— Тутъ онъ теперь со всѣмъ своимъ семействомъ. У него больше никого нѣтъ... Сынъ, Борисъ, здѣсь за рѣшеткой. Женя тамъ... старикъ дѣлаетъ грустный жестъ.—Предвѣчный знаетъ, гдѣ это? Пишетъ, — письмо оттуда идетъ четыре мѣсяца. Га-а, — Аронъ Рабиновичъ со скорбнымъ негодованіемъ втягиваетъ голову въ приподнятыя плечи.—Пишетъ: это у самаго студенаго моря, тамъ, гдѣ вѣчный холодъ. Хлѣбъ не растетъ!.. Дикіе люди!.. Край свѣта!.. Харлымскъ!.. Корлымскъ!.. Вотъ тебѣ

названіе!? И не выговоришь. И на языкѣ не уляжется. Какъ вамъ нравится такое имя, господинъ Гольденбергъ?

— Прямо изъ Афтойры[1]). Таки прямо изъ Афтойры,—сочувственно удивляется Гольденбергъ.

— Послать дѣвушку въ такую пустыню — таки прямо разбой!—ужасается онъ. И отъ ужаса и возмущенія трясетъ головой, передергиваетъ плечами. И сокрушенно умолкаетъ.

— Свѣ-этъ! пошелъ теперь свѣтъ!

Рабиновичъ отпускаетъ лацканъ Гольденберга и неопредѣленно водитъ раскрытой ладонью правой руки.

— То-есть все, весь міръ перевернулся!.. Головой внизъ.

— ...Ой, Боже-жъ мій, мми-илый!.. Боже-жъ мій!.. Господы!..

Рыдающія причитанія женщины прерываютъ Арона Рабиновича. Онъ обернулся. Его жена, Хáна сердечно успокаиваетъ плачущую старуху.

— Гга-а?! То-есть—удивленье! Гарпина Бебекъ... молочница, которая развозитъ молоко по дачамъ...

Послѣ погрома эта Гарпина злорадствовала, радовалась его, Рабиновича, несчастью. Говорила... громко, на всю улицу, говорила: «жидамъ такъ и слѣдуетъ».

И теперь она тутъ, тоже по случаю несчастья, рядомъ съ нимъ.

— То-есть, что Всевышній дѣлаетъ!?. И Хана еще съ ней возится. Эта Хана!.. Всѣхъ бы обняла... Габата! [2])—досадливо поводитъ сжатыми губами.

— Кто у васъ тутъ?—сурово допрашиваетъ онъ плачущую бабу.—Вамъ же не сегодня. Которые съ уголовными, такъ у нихъ свиданье не сегодня.

— Я-акъ?—Гарпина Бебекъ растерянно заволновалась.

— Говорю вамъ, свиданья не будетъ. Потому у васъ же уголовный, по уголовному... медленно съ злорадной сдержанностью цѣдитъ онъ слова и смотритъ въ упоръ на растерянную бабу.

— Ни, какъ можно! — Старуха огорченно обидѣлась. — Тоже изъ тіхъ... изъ вашихъ... Гарпина конфузливо ищетъ незнакомое слово.—Которые за бідный народъ...—она смущенно чешетъ переносье, неловко оглядываясь. — Изъ политицкихъ, — обрадовалась она, найдя нужное слово, и фартукомъ вытираетъ набѣгающія слезы.—Сімъ годовъ служилъ во Дальнемъ Владивостокѣ. Бився, дрався тамъ. Зробили его калікой: руки рушився — чисто. Пріихавъ домой, до батька, до мати... Только переночевавъ, ажъ его забрали... Хотивъ ще утромъ пидти, извинить, у баню. Ду-

---

[1]) Афтойра—главы изъ Пророковъ. Читаются въ синагогѣ по субботамъ. Тамъ встрѣчаются самыя замысловатыя имена.

[2]) Благотворительница.

малъ, встанетъ и пойдетъ... Я ще ему бѣлье зготовила. А тутъ на-а! Пришли у ночи, якъ ті разбойники... Ой, Боже-жъ мій! Боже-жъ мій, ми-илосер-дый!..

И она зарыдала горько, безпомощно, ломая руки, качая головой. Изъ подъ поношеннаго платка выбились космы сѣдыхъ волосъ.

Женщины ее окружили, успокаивали, утѣшали. Часовой, пѣхотный солдатъ небрежно опершись о ружье, презрительно ухмылялся.

* * *

— Какъ вамъ сказать.

Аронъ Рабиновичъ снова уцѣпился лѣвой рукой за лацканъ собесѣдника. Правая у него занята. Ею онъ рисуетъ въ воздухѣ какіе-то кабалистическіе знаки.

— Значитъ... ааа-аа... ымм... то есть, кто могъ думать? Кому приходило на мысль?..

Онъ отпускаетъ лацканъ и раскрытыми ладонями обѣихъ рукъ изображаетъ безпомощное недоумѣвіе. У него сейчасъ нѣтъ словъ, ясныхъ опредѣленныхъ словъ, чтобы передать господину Гольденбергу все то, что онъ пережилъ, что перенесъ за эти два опустошительныхъ года. И сводитъ брови, сжимаетъ и раскрываетъ ладони.

...Я знаю одно. свѣтъ перевернулся! Окончательно! Вотъ подождите, сейчасъ я вамъ объясню по порядку.—Старикъ дѣлаетъ небольшую паузу и задумчиво разглаживаетъ локоны у висковъ.—Должны вы знать, что пятнадцать лѣтъ назадъ, я самъ строилъ эту темную яму... Острогъ этотъ...

— Чтобъ онъ вамъ провалился со всѣми ими, съ этими душегубами... Этотъ Бейсъ-Іойломъ [1]).

— Ну, извѣстно, снялъ я этотъ подрядъ и все, какъ слѣдуетъ... И не думалъ, и на мысль не приходило, что самъ, не про васъ будь сказано, собственными руками рою себѣ могилу.

— Себѣ?

Рабиновичъ укоризненно остановился, саркастически улыбнулся и съ горечью самообличенья заспѣшилъ:

— И для себя, и для жены, и для дѣтей, и даже, извините, вотъ для этой собаки. Словомъ, для всего своего семейства. Что вы смѣетесь? Насчетъ собаки? Такъ вы немножечко подождите. Надъ этой собакой вовсе не смѣяться надо. Мое благородное слово! Вотъ вы ее видите: она собака — называется скотина, звѣрь, а она мнѣ дите спасла отъ вѣрной смерти. И она у меня въ домѣ въ почетѣ, и я ее уважаю и даже, шутя, называю ее: ребъ Жукъ... Но это потомъ.

...Да. Такъ объ острогѣ. Сначала попала сюда, въ это черное

---

[1]) Мѣсто вѣчнаго успокоенія.

мѣсто, дочь. Моя старшая, Женя. Вотъ отъ нея и пошли всѣ мои бѣдствія. Какъ міръ говоритъ: все изъ-за дѣтей. Да-а. — Кончила она, благодареніе Богу, гимназію, кончила очень великолѣпно, съ золотой медалью кончила. Ну, мы съ женой стали думать. Извѣстно, о чемъ родители думаютъ — выдать за мужъ. Дѣвушкѣ, понимаете ли меня, пошелъ девятнадцатый годъ. Хорошо. Ну, а она: папа, хочу поѣхать за границу: философію учить.—Ну-у, какъ вамъ это нравится? Дѣвушка—и философія, аа-а?

Аронъ Рабиновичъ въ безпомощномъ недоумѣніи двинулъ локтями, сдѣлалъ движеніе головой.

— Мессіанскія времена,—со скорбной покорностью свидѣтельствуетъ Гольденбергъ.—Таки мессіанскія времена!

Рабиновичъ оживился.

— Послушайте дальше. Подумали мы съ женой такъ: она у насъ съ характеромъ. Добрая, желчи не имѣетъ, золотое сердце. Всему свѣту помогла бы, но характерная. Разъ захотѣла, то пусть ужъ тамъ гремитъ, вселенная пусть перевернется, а она поставитъ на своемъ. Это первое. Второе, умна она, какъ день. Это не то, что я — отецъ и хвалю свое дитя. Всякій, кто хоть съ нею два слова сказалъ, то же самое подтвердитъ. — И рѣшили мы: пусть ужъ будетъ заграница. Видимъ же у людей то же самое. И дочь доктора Симоновича, и дочь доктора Маргулиса, и у Переца, и у Финкельштейна. У всѣхъ. Ужъ теперь такой свѣтъ: сыновья богачей на фабрикахъ тамъ, извините, какъ простые рабочіе, а дочери учатъ философію. И потомъ, думаемъ, подальше отсюда,—очень даже хорошо. Ну а вышло—очень даже наоборотъ. Какъ міръ говоритъ: человѣкъ мечтаетъ, а Богъ смѣется.

— Да-а... Поучилась моя Женя въ той заграницѣ три года и пріѣхала обратно домой. Полный философъ! Весьма благородно. Какъ разъ къ нашей серебряной свадьбѣ пріѣхала. Устроили мы вечеръ. Ну, у насъ гости и все такое: всѣ семнадцать вещей.— Сидятъ въ саду у меня на дачѣ, какъ водится, лѣтомъ, пьютъ чай, разговариваютъ. Женя играетъ на рояли. Вдругъ «среди этого» Жукъ, вотъ онъ, собака, загавкалъ, запрыгалъ, землю ѣстъ!—Что тамъ такое?—Гости!

Аронъ Рабиновичъ значительно понизилъ голосъ, многозначительно повелъ бровями.

— Черные гости! Эти голубые черти, малахе-хабале [1])... Принесъ ихъ недобрый!.. Мы стали какъ мертвые. Можете себѣ уже представить, что стало съ нашей серебряной свадьбой! Черная

[1]) Демоны разрушенія.

хупэ [1]), а не серебряная свадьба. Еще хуже! Стали они вездѣ шарить, рыть, искать... Стра-асть! Лѣзли въ погреба, на чердакъ, лѣзли на деревья... Ну, потомъ берутъ дите, Женю.—За что вы ее берете?

— Не ваше дѣло.

— Ка-акъ? вы забираете мое дите, мое мясо-кровь—и вовсе не мое дѣло?

— Именемъ закона. Я по закону.—Это мнѣ полковникъ жандармскій говоритъ. Лицо у его, какъ у разбойника, какъ у настоящаго душегуба.

— Какой законъ? — кричу. Рѣжутъ у отца дите, цѣдятъ ея кровь, и даже не говорятъ: за что! Такъ это не законъ, а разбойство, душегубство!..

— Молчать, арестую!—закричалъ, затопалъ ногами.

— Я думалъ, меня ударъ хватитъ. Но идите, кричите: «Хай вейкаемъ» [2]). Оой-ой-ой!—Старикъ нервно скомкалъ бороду, расправилъ ее и взволнованно продолжаетъ:

— Когда ее увели и въ домѣ стихло, такъ у насъ стало такъ пустынно, такъ тяжко, какъ было послѣ разрушенія Іерусалима! Вы уже можете себѣ представить... Знали? Думали, приведутъ ее въ острогъ и тамъ... Богъ знаетъ что тамъ надъ нею совершатъ. Потому что, развѣ они люди. Это же звѣри... Ну, утромъ, чуть свѣтъ, поднялся я и сталъ работать. — Игрушка это? Надо же дите изъ узилища вызволить. Я сейчасъ, извѣстно, къ полицеймейстеру, онъ у меня «мѣсячныя» получаетъ. Ну, а онъ: «не могу; если бы по уголовному, тогда съ удовольствіемъ. А тутъ политическое».

— Я дальше, къ градоначальнику. Къ одному черту, извините, къ другому. Даже у архіерея былъ: что ни сдѣлаешь ради дѣтей! Словомъ, полъ-свѣта на ноги поднялъ. Совалъ, мазалъ. Знаете же, какъ у насъ написано: «серебро и злато и незаконнорожденныхъ облагораживаетъ». И дѣйствительно, помогло. Черезъ три мѣсяца ее выпустили. Обрадовались мы, уже можете себѣ представить! Было у меня въ домѣ веселье и радость. Хотѣлъ ее, всѣхъ дѣтей отослать за границу. Таки сейчасъ отослать. Но дѣла. Голова же у нашего брата «занесена». Вы же это хорошо знаете. И все откладывалось. Наконецъ, собрался-таки. И что же вы думаете?

Рабиновичъ выжидательно умолкаетъ.

— Не хочетъ ѣхать...—укоризненно догадывается Гольден-

---

[1]) Черный балдахинъ. Когда хоронятъ дѣвушку невѣсту, гробъ съ тѣломъ ставятъ подъ вѣнчальный балдахинъ чернаго цвѣта. Туда же вводятъ жениха. „Черная хупэ"—синонимъ самаго ужаснаго.

[2]) Хай Векаемъ—Синонимъ Божьяго Имени.

бергъ.—Обычная теперь исторія: не повинуются отцу-матери...— онъ безнадежно философски киваетъ головой.

— Вотъ-вотъ! Какъ будто бы вы присутствовали при этомъ,— удовлетворенно заторопился Рабиновичъ.—Разсерчалъ я тогда на нее и, понимаете ли меня, говорю такъ: да, конечно! Тебѣ же необходимо заступиться за обиду Ѳони-вора! Это тебѣ, говорю, очень требуется, чтобы Ѳоня-воръ потомъ тебя же разгромилъ: А она свое: Ѳоня такой же обездоленный, какъ и мы, евреи, какъ еврейскіе рабочіе, и я обязана работать для нихъ, а погромы устраиваетъ полиція. Много говорила—Россія... Родина... Человѣкъ долженъ умирать за родину, и тому подобное.

— Тогда я ей говорю: если ты кушаешь мой хлѣбъ, то должна меня слушаться. Притомъ я же тебѣ отецъ и плохого тебѣ не желаю. Думалъ я ее этимъ взять, ну, а потомъ раскаялся, что упрекнулъ...

— Цѣлый день молчала она, а вечеромъ подошла ко мнѣ и говоритъ такъ:

— Папа, слушаться васъ, дѣлать то, что вы хотите, я не могу, это противъ моей совѣсти. А на счетъ того, что живу на ваши средства—дармоѣдкой, такъ это вы правы. И завтра я отъ васъ выбираюсь. Квартира уже у меня есть, а работу я найду. Папочка, говоритъ, вы на меня не сердитесь, не могу иначе. Не буду себя уважать. А это самое страшное, говоритъ, когда человѣкъ теряетъ къ самому себѣ уваженіе.

— У меня отъ этихъ ея словъ въ сердцѣ, какъ ножомъ, повернуло. Но молчу. Полагаю въ сердцѣ своемъ: можетъ, она еще перерѣшитъ и останется. А тамъ—Богъ поможетъ.—На другой день прихожу домой обѣдать, въ домѣ молчаніе, жена заплакана.
—Что такое?

— Женя съѣхала и Боря тоже... съ нею.—Это мой сынъ, который тутъ вотъ «сидитъ».

— Потемнѣло у меня въ глазахъ. Разгнѣвался я. Эдакіе дерзкіе. Ужъ отцу нельзя слово сказать. Ничего, думаю. Посмотримъ, какъ вы будете жить безъ родителей.—Потерпятъ немного нужды, думаю себѣ, и обратно вернутся. Тогда будутъ знать, какъ безъ отца-матери... Однако, ошибся. Выходитъ, что собственныхъ дѣтей не знаешь. Да-а! Такая исторія... Ну, жду. Прошло, понимаете ли меня, съ мѣсяцъ времени, и на городъ свалилась эта напасть... Эта забастовка. Общая стачка. И моихъ забираютъ. Опять я полъ свѣта на ноги поднялъ, и мальчика мнѣ скоро отпустили, а дочь, ее за повторительность сослали на край земли.

— Въ эту Яркутскую область, у самаго, понимаете ли меня, замерзшаго океана. Дальше уже и воды нѣтъ. Одинъ ледъ и

больше ничего... Вотъ какая бѣда!—Ну, ужъ, кажется, довольно съ меня. Но я вамъ говорю, когда къ человѣку пристанетъ лихо, такъ оно его ужъ не оставитъ. Нѣ-этъ!.. Такъ вотъ... Когда мнѣ выпустили мальчика, я рѣшилъ его не трогать. Опасался слово сказать... Ну, и Боря мой сидитъ себѣ въ своей комнатѣ и читаетъ. Только читаетъ. И день и ночь читаетъ. И никуда не выходитъ. Предчувствую, что меня ожидаетъ новое несчастье. Потому, разъ человѣкъ, юноша—молчитъ и все время проводитъ въ чтеніи, то отъ этого добра ужъ не выйдетъ. Это же мы хорошо знаемъ. Ну, предчувствую и молчу. И смотрю. Вижу, иногда придетъ къ нему какой-нибудь изъ ихнихъ. Такой оборванный, извините, обшарпанный. Но я уже боюсь замѣчаніе сдѣлать: сдѣлаешь, обидится и опять уйдетъ изъ дому, совсѣмъ навсегда. А тамъ, какъ за нимъ усмотришь. А мальчикъ горячій, нервный. Такъ я себѣ размышляю, молчу и смотрю. И досмотрѣлся.

Старикъ горько усмѣхнулся, на мгновенье умолкъ, потомъ спросилъ конспиративнымъ шопоткомъ:

— Помните, въ іюлѣ, послѣ этого мятежа, помните, какъ хватали тогда?..

Гольденбергъ скорбно зацмокалъ губами:—те-те-те. Помнитъ ли?—Хорошо и даже очень хорошо помнитъ: съ тѣхъ же именно поръ, съ того темнаго часа, «сидитъ» его мальчикъ.

— Ну, такъ вотъ. Къ моему принесли прятать эти...—Аронъ Рабиновичъ смущенно поперхнулся.—Эти... «круглыя»... Ну, а мальчикъ добрый, гордый. Неловко ему отказать имъ. Взялъ онъ это... это несчастье, хотѣлъ бросить куда-нибудь, въ какой-нибудь колодецъ.—Я знаю? Чтобы я такъ лихо зналъ... Ну, и надѣлалъ «свадьбу». Забрали ужъ насъ всѣхъ: и его, и меня, и жену, и мою младшую дочурку—вотъ ту крошку. Словомъ, все мое семейство. Изъ всѣхъ насъ, изъ всего дома моего только собака, вотъ онъ, ребъ Жукъ, остался на волѣ. И онъ все время лежалъ вотъ тутъ, у воротъ и вылъ на ихъ головы, Владыка міра! На ихъ головы!..

...Попался я въ эту, извините, яму и думаю: Владыка міра! Бо-огъ! Отецъ! Сладкій, дорогой Отецъ! Что это, до какихъ поръ ты будешь наказывать раба твоего? Еще разъ: что это? Нно-о-сижу. Заперли меня, извините, какъ звѣря какого-нибудь... Какъ въ родѣ дикаго звѣря, за рѣшетку, на замокъ; а ты молчи!—Кто? Что? Кому? Нѣтъ отвѣта. Говори, кричи къ четыремъ стѣнамъ! Одно слово: заперли.

— Осмотрѣлся—что стало со мною: эта камера, эта «мебель» обстановка—графская. Чтобъ мои враги, ваши враги и всѣ недруги народа нашего всегда жили бы въ такой обстановкѣ. Темно, угрюмо, какъ бѣдствія евреевъ.

— Усѣлся на кровати. Ну-у, это ужъ постель!.. Царское ложе. Усѣлся, а весь, какъ въ рубленныхъ ранахъ, и боюсь подняться съ мѣста. Я знаю? Думаю—острогъ, значитъ, безъ спроса не смѣй встать. Какъ провелъ я ночь эту—не могу вамъ разсказать. Невозможно вовсе передать. Все думаю: что жена, что Любочка. За Бориса не такъ ужъ безпокоюсь. Одно—ему же это не въ первый разъ. Другое—даже немного на него злюсь, потому изъ за него должны мы всѣ безвинно страдать. Гнѣвался и все же и за его душа болитъ, какъ говорится: отецъ.

— Да-а. Утромъ надо класть талесъ и тефилимъ [1]), молиться же надо, а тутъ, въ камерѣ этой, стоитъ, извините, эта параша. Эта пакость. Потому, ночью не выпускаютъ и днемъ тоже, когда нужно за надобностью.—Зову сторожа—часового. Надо, говорю, убрать это паскудство, потому при немъ нельзя Богу молиться. Ну, доложили тамъ самому главному и убрали на время.

— Облачился я въ талесъ и расплакался, извините, какъ малолѣтокъ.—Ггг-а! дрожу весь, рыдаю. Ашемъ [2])! плачу, Святый-Благословенный! Накажи меня! Убей гнѣвомъ своимъ! Но къ племени моему обрати лицо свое, дѣтей моихъ, жену пощади! Живой Отецъ!.. Уже не въ силахъ я переносить мученія рода моего!—Молюсь это я, такъ и слышу кто-то подошелъ къ дверямъ, открываетъ тамъ форточку. Это въ двери, въ самой ея срединѣ такая форточка, въ родѣ калитки среди воротъ. Открыли, смотрятъ.

— Вижу, молодые люди. Одѣты въ вольномъ платьѣ.

— Мы, говорятъ, политическіе.

— А-а! Очень пріятно.

— И что же вамъ сказать? Молодежь все... дѣти, хотя христіанскія, но помимо ихъ школы, да будутъ всѣ дѣти еврейскія такими. Что за благородные характеры! Эта деликатность. Эта вѣжливость,—такъ это только описать надо.—То-есть свѣтъ-таки совсѣмъ сталъ ногами вверхъ,—какъ я еврей!

— Скажите, пожалуйста, прошу васъ, гдѣ это видно, чтобы русскій, христіанинъ, любилъ еврея, а-а? Мы же, благодареніе Богу, очень даже хорошо знаемъ это...

— Ну, а эти, называемые «политическіе»—значитъ, сицилисты, такъ они говорятъ: намъ все равно, что еврей, что кто. Всѣ должны быть равны. И вы, можетъ быть, подумаете, что это только ученые или какіе-нибудь студенты.—Какое? говорю же вамъ: рабочіе, простые рабочіе, скажемъ, слесаря, печники, столяры.

— Да-а! Открыли они форточку, смотрятъ, что я молюсь и закрываютъ. Чего-то ждутъ. Я уже думаю, начнутъ издѣваться,

---

[1]) Талесъ—молитвенный плащъ, тефилимъ—филактеріи.

[2]) Имя, подразумѣвается Богъ.

какъ это водится у русскихъ: они же любятъ издѣваться надъ евреемъ, когда еврей Бога хвалитъ... Нѣтъ. Не смѣются... Ну, прочелъ я Олейну [1]), снялъ и сложилъ талесъ и тефилимъ и подхожу къ нимъ. Спрашиваютъ:—вы за что, коллега. Этимъ именемъ они называютъ уголовныхъ преступниковъ, которые тамъ за кражу за мошенство, уголовные которые. Такъ его, уголовнаго, они зовутъ коллегой.

— Я не коллега, отвѣчаю, а тоже товарищъ,—своихъ, политическихъ, они называютъ именемъ «товарищъ».

— Я, говорю, есть Аронъ Рабиновичъ, и тутъ все мое семейство и сынъ тоже.

— Вы отецъ Бориса?

— Да.

— Ну, такъ вамъ надо было видѣть, какъ они обрадовались! Ухаживали за мною, услуживали, какъ дѣти, какъ родные, какъ хорошія дѣти!

— Ну, слыхали-ли вы о такихъ чудесахъ, а-а? Что вы скажете на это?

— Х-мъ... Гольденбергъ скорбно насупился.—Вы же знаете, у насъ написано: добрые гоимъ удлиняютъ голесъ, пребываніе Израиля въ изгнаніи...

— Этъ!.. написано... Аронъ Рабиновичъ кашлянулъ, кашлянулъ съ оттѣнкомъ робкаго скептицизма. Заложилъ руки за спину.

— Разное написано... У Всевышняго пути спасенія неисчислимы... онъ озабоченно сморщилъ лобъ.

— Написано? Это же не въ святой Торѣ написано, и даже не въ Талмудѣ, а въ Мидрашѣ... въ тонѣ его явственно слышится благочестивая робость.

— А кто знаетъ? Если Господу будетъ угодно, то можетъ отсюда... и онъ повернулся лицомъ къ острогу.—Отсюда, говорю то-есть изъ острога, изъ этой темной ямы, придетъ спасенье для насъ, для евреевъ: вѣдь же написано: и люди, сидящіе во тьмѣ глубокой, узрѣли великій свѣтъ.

— Что-о? Я смѣюсь? Горе смѣху моему!.. То есть, я думаю спасенье черезъ эту молодежь, которую тутъ мучаютъ.

— Подождите одну минутку, сейчасъ вамъ объясню.. онъ возбужденно замахалъ руками.

— Первое, они—эти политическіе, сицилисты, таки настоящіе хорошіе люди. Второе они же тамъ страдаютъ... Шутка ли, что они тамъ переносятъ! Когда каждая свинья надъ ними командуетъ. Одно слово—острогъ! Это же самое страшное на свѣтѣ! Живая могила! Ну, а нашего еврея хорошо тотъ пойметъ, кто самъ

---

[1]) Послѣдняя молитва утренней.

много вынесъ, выстрадалъ... Да-да. Не смѣйтесь. Вотъ подождите, сейчасъ вамъ...

— Рабино-о-о-вичъ!.. К-урисъ, Гольденбе-эргъ, Бе-эбекъ! вызываетъ тюремный чиновникъ.

Очередь дошла до нихъ. Старики всполошились. Суетливо подхватили свои корзинки и порывисто устремились къ калиткѣ.

II,

Обширный вестибюль тюремной конторы. Высокія стрѣльчатыя окна. Разноцвѣтныя стекла оправлены въ густой желѣзный переплетъ, и отъ этого на красныхъ кружечкахъ бетоннаго пола, на его черныхъ трехъугольникахъ, на гладкой синевѣ выкрашенныхъ стѣнъ, лежатъ странныя, таинственныя отраженія. Отъ грубаго топота тюремной стражи—она вся въ черной формѣ съ голубыми каймами—отъ бряцанья жандармскихъ шпоръ, отъ тупого лязга ружейныхъ прикладовъ по залу гулко несется тяжелый шумъ и жуткими струйками прыгаетъ вокругъ пришедшихъ на свиданье людей. Небольшими группками усажены они на низкихъ лавочкахъ у небольшихъ деревянныхъ столиковъ.

Люди сидятъ съежившись, молчатъ въ понуромъ ожиданіи, съ напряженнымъ безпокойствомъ смотрятъ.

По угламъ посѣтительской, у ея оконъ и у входныхъ дверей, сѣрыми кучками расположены солдаты—городъ на военномъ положеніи и рота откомандирована въ помощь тюремной стражѣ. Солдаты въ полномъ вооруженіи, и отточонные штыки жутко блестятъ тупымъ блескомъ смерти.

Арона Рабиновича съ семьей усадили въ правомъ углу противъ большой желѣзной завѣсы. Люба помѣстилась посрединѣ между стариками, а у ея ногъ свернулся Жукъ. Онъ упорно смотритъ на желѣзную завѣсу. За ней тянутся длинные ряды арестантскихъ камеръ. Собака видимо волнуется. Порой, не поворачивая морды, она кидаетъ быстрый взглядъ на темныя фигуры тюремныхъ надзирателей, на синіе мундиры жандармовъ. И въ ея глазахъ, въ карыхъ глазахъ умнаго животнаго, вспыхиваютъ гнѣвные огоньки. И изъ сжатой пасти вырывается предостерегающее урчанье.

Вотъ въ желѣзной завѣсѣ звонко щелкнулъ ключъ, распахнулись ея черныя челюсти и оттуда, радостно спѣша, шумно высыпала взволнованная предстоящимъ свиданіемъ молодая, свѣтлая толпа заключенныхъ Мелькаютъ чистыя блузы, воротнички... молодежь принарядилась...

Борисъ, стройный, съ голубыми глазами и крутымъ лбомъ, возбужденно привѣтствуетъ своихъ. Мать нѣжно обнимаетъ сына,

тихо плачетъ. Отецъ съ преувеличеннымъ спокойствіемъ гладитъ голову юноши. Но руки непослушны волѣ старика: кончики пальцевъ замѣтно вздрагиваютъ... Любочка въ экстазѣ повисла на шеѣ брата. Бѣлая, негибкая шея, гордая...

Вокругъ юноши бурно прыгаетъ Жукъ, радостно визжитъ. Хвостъ вытянутъ и весело отбиваетъ ликующую дробь. Песъ хвостомъ нечаянно задѣлъ тюремщика.

— Пшла-а! сука! Сво-олочь!—Солдатъ злобно подкованнымъ подборомъ ударилъ собаку въ голову. Та жалобно взвизгнула, прянула заросшими ушами и сразу осѣла.

— Девя-ать мину-утъ, девять минутъ! Свиданье—де-вя-ать мину-утъ!..—важно напоминаетъ старшій надзиратель.

Семья всполошилась, торопливо разсѣлась.

— Борисъ, ы-ы-ы... какъ тамъ... какъ теперь у васъ... Насчетъ прогулки, что теперь у васъ, то-есть...

Старикъ тоскливо умолкаетъ. Изъ встревоженной памяти исчезли всѣ слова. Онъ знаетъ, достовѣрно знаетъ, что долженъ о чемъ-то поговорить съ сыномъ, о чемъ-то весьма, очень важномъ... Но, когда въ девять минутъ надо все успѣть и надъ душой торчитъ этотъ злой звѣрь... девять минутъ... девять минутъ... Чтобъ тебя гибель Амана настигла съ твоими девятью минутами... нечестивецъ!..

...И всегда такъ: дома превосходно помнишь, даже нѣсколько разъ повторишь, наизусть заучишь... а придешь сюда—въ это проклятое мѣсто, и все изъ головы вылетаетъ... И говоришь о пустякахъ... о глупыхъ пустякахъ...

— Мамочка, вы не безпокойтесь. Тутъ собственно, ничего, теперь даже очень хорошо. Право. Къ тому же я привыкъ. Пустяки. Скоро выпустятъ.

Борисъ нѣжно цѣлуетъ руку матери,

— Ну, какже, хорошо!?

Хана Рабиновичъ скорбно киваетъ головой.

— Не забудь, папа, книжекъ. Списокъ получишь... Дай руку.

Юноша конспиративно двинулъ бровями.

Правая рука Арона Рабиновича будто случайно опускается на шляпу сына. Подъ лентой нащупалъ записочку. Осторожно оглядывается. Бросилъ нѣсколько словъ по еврейски.

— По вашему нельзя, по еврейски. Говорите по-русски.

Надзиратель извиняется глазами.

— Не ваше дѣло! Дѣлайте свое черное дѣло, а намъ не мѣшайте. Не мѣшайте мнѣ разговаривать!

Юноша вспылилъ, гнѣвно уставился на солдата. Тотъ зло насупился. Старики испуганно встревожились. Умоляютъ сына

не обращать вниманіе, успокоиться. Борисъ прошелся взволнованнымъ шагомъ, нервно взъерошилъ волосы и тяжело сѣлъ.

Жукъ вздрогнулъ и метнулъ въ тюремщика злобнымъ взглядомъ.

Потомъ потеръ морду о ногу Бориса, покосился на надзирателя и издалъ плаксивый лай.

Любочка одобрительно смотритъ на своего пріятеля, нѣжно потрепала его за косматую шею.

Дѣвочка угнѣздилась на колѣняхъ брата, въ замѣшательствѣ оправила кофточку и еле слышно проронила:

— Боря. Ты... я хочу просить тебя... мнѣ съ тобой поговорить надо...

Вся зaалѣлась отъ смущенія.

— Только ты... ты не будешь смѣяться?.. Скажи-и!..

— Говори, Люба. Съ какой стати я буду смѣяться. — Въ тонѣ юноши подчеркнутая серьезность: онъ внимательно относится къ ея предложенію. Оттого и назвалъ ее Любой, какъ взрослую.

Любочка ободрена. Она вдумчиво начинаетъ:

— Боря! ты помнишь нашу корову Дуняшу? Ну, ты же знаешь, она умерла, они ее убили. Ну, я все думаю, коровы же должны тоже имѣть душу, все равно, какъ человѣкъ. Правда-а? Корова—она самая добрая. И собака. Собаки еще больше. Собаки, такъ тѣ самыя, самыя добрыя на свѣтѣ, вотъ какъ ангелы. И Жукъ нашъ. Онъ такой хорошій, все понимаетъ. Жукъ, Боря, ты слушай, онъ настоящій умный. И онъ спрятался... когда погромъ былъ, такъ онъ спрятался вмѣстѣ со мною, какъ настоящій, какъ человѣкъ. Такъ онъ теперь...

— Свиданье кончено.

Старшій надзиратель важно поднялся съ табурета. Оправилъ шашку. Старики скорбно встали. Собака насторожилась.

— Кончайте свиданье!.. Кончайте свиданье!.. Пожалуйте!

Надзиратель взялъ Бориса за локоть. Юноша нервно отбросилъ солдатскую руку.

Жукъ зловѣще всталъ, рявкнулъ и тяжелымъ комомъ подкатился къ ногамъ тюремщика. Быстро оттолкнулъ его мордой и лапами. Испуганный солдатъ растерянно схватилъ Бориса за плечи. Тотъ рванулся.

...Яростный лай грозно залилъ обширную залу тюремнаго вестибюля. Вцѣпившись въ сапогъ солдата, Жукъ оттащилъ его, отшвырнулъ въ сторону и сталъ между тюремщикомъ и Борисомъ. Собака зловѣще щелкала зубами...

Любочка кинулась къ нему, крѣпко обняла его, пытается оттащить..

Жукъ сразу притихъ, недоумѣло поглядѣлъ на свою подругу

и недовольно отошелъ. Растерявшійся надзиратель тотчасъ-же оправился, и щеки его зло побагровѣли. Солдатъ угрожающе схватился за черную кабуру револьвера.

— Не надо! Ой не надо!—Тоненькіе дѣтскіе пальчики уцѣпились за обтрепанный обшлагъ тюремщика. Тотъ вскинулъ головой и смѣшался. Онъ увидѣлъ, побѣлѣвшее отъ страха, личико ребенка, оцѣпенѣвшихъ отъ ужаса стариковъ и растаяла его злоба. Солдатъ неопредѣленно двинулъ подбородкомъ и конфузливо проронилъ:

— Съ насъ теперь строго требуютъ... Штрафуютъ...—Онъ неловко замолчалъ.

— Идемте!—Борисъ Рабиновичъ быстрымъ шагомъ пустился къ желѣзной завѣсѣ.

* * *

Со свиданья пошли всѣ вмѣстѣ: семья Арона Рабиновича, Гольденбергъ и старуха Бебекъ. Вечерѣетъ. И по темной дорогѣ они плетутся понуро, какъ послѣ похоронъ. Идутъ. Мужчины хмуро сосредоточились, молчатъ. Женщины тихо разговариваютъ, сдержанно вздыхаютъ.

Вотъ матери подошли къ повороту и остановились. Онѣ обернулись, посмотрѣли на нѣмую громаду острога и заплакали, Хана порывисто протянула руки къ вечернему небу, она страстно молитъ:

— Богъ! Дорогой отецъ! За дѣтей нашихъ, за ихъ чистыя муки, взыщи съ мучителей! съ жестокихъ мучителей взыщи, Судья Праведный!..

— Аминь!—шепчутъ старики. Гарпина Бебекъ скорбно крестится.

Н. Осиповичъ.

ВЪ ГИБЛЫХЪ МѢСТАХЪ.

(Изъ путевыхъ впечатлѣній поѣздки въ Якутскую область).

(*Продолженіе* [1])

— Знаете,—говоритъ мнѣ пассажиръ-почтовый чиновникъ,—самые политическіе среди политическихъ ссыльныхъ—это кавказцы! Ихъ всѣ администраторы боятся.—А они, ей богу, никого!.. Представьте себѣ губернаторъ передъ ними пятится, какъ ракъ! Былъ въ Якутскѣ одинъ грузинъ Ка̀мерики или Хо́мерики, не помню. Пошелъ онъ къ губернатору просить оставить его въ городѣ, работать на водочномъ заводѣ. Тогда нужда большая была въ опытныхъ мастеровыхъ, некому было строить, а изъ Петербурга шли телеграммы, чтобы выросъ винный складъ, какъ грибъ послѣ дождя! Губернаторъ и обрадовался Камерику, разрѣшилъ ему временно остаться и при этомъ случайно спросилъ—«почему такъ много пришло Камерики въ Якутскую область, кажется шесть человѣкъ?»

— Камерики,—отвѣчалъ грузинъ,—хорошій народъ, любитъ борба, не любитъ—буржуа!

— Я тоже не люблю буржуа,—едва сказалъ только губернаторъ и немедля растерянно ушелъ изъ кабинета.

Камерики потомъ разсказывалъ, что онъ сдѣлалъ губернатору «горячіе глаза»—а тотъ сразу-же замолчалъ и попятился прочь!...

И представьте себѣ только за «горячіе глаза» губернаторъ переслалъ Камерики подальше въ наслегъ...

А то, взять другого кавказца... Сослали его въ глухой приленскій станокъ-Z. Кругомъ тайга, горы, скалы, да галька... Будемъ ѣхать мимо, сами увидите... Онъ немедля-же себѣ саклю смастерилъ. Тамъ берегъ—какъ-бы двухъэтажный: нижній—плоская съ покатомъ коса, покрытая круглымъ щебнемъ гальки, по которой пройти трудно, а верхній этажъ—такая же терраса повыше, по которой тянется осенній трактъ въ сосѣдній большой станокъ. Грузинъ и устроилъ себѣ домишко, прилѣпивъ его къ обрыву тракта, какъ ласточкино гнѣздо, по кавказски, чтобъ не дѣлать четвертую стѣну; крышу онъ

---

[1]) См. „Міръ Божій“, № 5, май 1906 г.

устроилъ земляную, а для красоты посѣялъ на ней какую то хлѣбную траву; зерна досталъ у проѣзжаго поселенца. Крыша у него и зазеленѣла. Вотъ тутъ-то и началась трагедія. Кругомъ-ни клочка ровной поверхности, галька и галька—ноги ломай, да и баста, куда ни глянь—темная, нависшая, мрачная тайга! Одна только крыша и радуетъ взоръ. Она и сдѣлалась любимымъ мѣстомъ прогулки... Въ особенности для свиданій мѣстной молодежи. Но это онъ еще кое-какъ терпѣлъ... Началось съ засѣдателя. Пріѣхалъ онъ сюда по какимъ-то дѣламъ, кончилъ ихъ и немедля же расположился съ разными тамъ понятыми пикникомъ на крышѣ... Какъ на балконѣ—удобно это—свернуть только съ дороги направо... Пока выпивали, грузинъ не слышалъ, что они у него на крышѣ хозяйничаютъ—сидѣлъ, книжки читалъ. Но какъ начали они у него на крышѣ съ пьяныхъ глазъ танцовать и патріотическія пѣсни пѣть, грузинъ выскочилъ въ двери и прямо ахнулъ.—Видитъ у него на крышѣ полиція гуляетъ! Крикъ поднялъ отчаянный. Никогда никто такъ на засѣдателя не кричалъ, самъ губернаторъ обошолся-бы деликатнѣе... Но и засѣдатель былъ старая полицейская крыса, которую не легко спугнуть,—«Кричи»,—говоритъ,—«кричи, а вотъ я тебя запротоколю и тогда узаешь, какъ на начальство при исполненіи служебныхъ обязанностей кричать». Всякій бы на его мѣстѣ усмирился, понялъ бы, что до точки дошелъ, а въ немъ политика кавказца закипѣла. Сталъ онъ уже что-то по грузински кричать, до потери голоса кричалъ... Полиція распотѣшилась—хохочутъ уже всѣ. А другіе и вниманіе не стали обращать, между собой говорятъ, что отсюда на охоту поѣдутъ. Тамъ всѣ охотятся. А у грузина и голоса нѣтъ. Вотъ побѣжалъ онъ къ рѣкѣ, напился воды, вернулся и пошелъ въ свою саклю. Будто успокоился. Видятъ,—угрюмый идетъ, рѣшительный и молчитъ. Только, знаете, выноситъ онъ въ одной рукѣ жестянку пороховую фунтовую, а въ другой уже—зазженную лучину.

— Не могу я—политическій,—говоритъ,—снесть такого позора, чтобъ у меня на крышѣ, надъ моими хорошими книгами поганая полиція ликовала, рѣшилъ я мою саклю взорвать и васъ вмѣстѣ съ нею... Однимъ словомъ по кавказски! Не успѣлъ онъ и договорить, какъ они всѣ съ крыши этой кубаремъ свалились, удирать—кто куда попало! Засѣдатель отбѣжалъ въ сторону и кричитъ уряднику:—ступай обратно на крышу за ружьемъ. А тотъ въ отвѣтъ: «никакъ не могу, ваше благородіе, пока господинъ политическій позволитъ!» Ну, тотъ позволилъ... Такъ онъ за своихъ марксовъ постоялъ. Одинъ противъ стольких полицейскихъ! Неслыханное здѣсь дѣло!.. Но только его сакля и до сихъ поръ отравляетъ ему существованіе. Все ему кажется, что у него на крышѣ—полиція. Чуть какая-нибудь парочка заберется вечеромъ поворковать да зашумятъ, онъ съ дубиной въ рукахъ и выскакиваетъ. Особую сучковатую дубину даже завелъ! Натерпѣлся

таки онъ не мало... Что подѣлаешь не годится для здѣшнихъ мѣстъ кавказская сакля!..

На одномъ изъ станковъ я снова увидалъ нѣсколькихъ политическихъ. Они попрежнему стояли сплоченной группой. Среди нихъ была молодая дѣвушка. Они озабоченно смотрѣли на пороходъ... Я сошелъ на берегъ. Мы поздоровались. Они, какъ всегда засыпали вопросами.

— Отойдемъ, господа въ сторону, подальше, пожалуйста заранѣе обѣщайте мнѣ ничего не кричать, когда я сообщу вамъ одно извѣстіе... Оно васъ поразитъ...

— Говорите, говорите, поскорѣе!

Мы отошли въ сторону, и я сообщилъ имъ о томъ, что убитъ Плеве.

Увы, мое предупрежденіе не помогло... Раздались прежніе крики, восклицанія...

— Знаете Плеве былъ личнымъ врагомъ нашего мальчика безъ штановъ,—говорила радостно молоденькая дѣвушка, указывая на молодого студента съ хорошимъ, яснымъ лицомъ, совершенно не похожаго ни на мальчика, ни тѣмъ болѣе на мальчика безъ штановъ...

— Ничего не понимаю, въ чемъ дѣло?—спросилъ я.

— Очень просто. Когда на жандармскихъ дознаніяхъ уже при Сипягинѣ политическіе поголовно начали отказываться давать какія-либо показанія и, благодаря этому, даже жандармы не могли стряпать дѣла, Плеве придумалъ передать политическія дѣла въ суды и тѣмъ заставить политическихъ заговорить... На это и пошелъ нашъ мальчикъ безъ штановъ... Противъ него не было никакихъ уликъ, но онъ произнесъ рѣчь о своихъ убѣжденіяхъ. Судъ оправдалъ его, а Плеве сослалъ сюда.

— А почему у васъ такое странное прозвище?

— Его долго держали въ тюрьмѣ до суда, онъ не называлъ своего имени, ему не дѣлали передачъ, и нашъ мальчикъ настолько обносился, что когда ему нужно было итти въ судъ, то онъ съ тревогой воскликнулъ:

— «Какъ же я пойду на судъ безъ штановъ?» За это онъ и получилъ свое прозвище...

— Что-жъ,—промолвилъ, мило улыбаясь, студентъ,—въ борьбѣ потеряешь ты право свое, а не только штаны... Пожалуй теперь меня вернутъ? А? Какъ вы думаете?..

Когда я выѣзжалъ изъ Москвы, одинъ мой пріятель—«человѣкъ, большого политическаго такта» С. настойчиво совѣтовалъ мнѣ купить котелокъ, вмѣсто обычной—мягкой шляпы.

— Я бывалъ въ Сибири,—говорилъ онъ,—и хорошо знаю, что значитъ тамъ котелокъ. — Вамъ откроютъ двери самыхъ сокровен-

ныхъ темнотъ. Васъ будутъ вездѣ принимать за важную столичную штучку.

— Да, вѣдь, мнѣ этого и не нужно!..

— Но вамъ прійдется хлопотать за ссыльныхъ, и тогда котелокъ будетъ незамѣнимъ, не забудьте, что вы ѣдете на отвѣтственную защиту по политическому дѣлу. Надо принимать во вниманіе все.

И побѣжденный этими доводами, на всякій случай, я купилъ хорошій англійскій котелокъ и везъ его со всѣми предосторожностями въ спеціальной деревянной коробкѣ. Я жаждалъ хоть разъ пустить въ ходъ эту драгоцѣнность и вообще испробовать ея обѣщанныя магическія свойства. Случая не было, и я рѣшилъ развлечься котелкомъ,— подурить отъ скуки длиннаго пути, устроивъ «маскерадъ» при первой же встрѣчѣ съ политическими...

Когда, подплывая къ станку, гдѣ предстояла продолжительная остановка для ночлега, я замѣтилъ на берегу нѣсколько политическихъ, то быстро спустился въ каюту, одѣлъ новенькій котелокъ и вышелъ на палубу. Я постарался принять видъ столичнаго франта, заложилъ кренделями руки въ карманы и очень пожалѣлъ, что для пущей важности не запасся и шикарной сигарой, хотя, правда, никогда не курю и С. не давалъ мнѣ этого совѣта...

Политическіе жадно оглядывали пароходъ, разыскивая на немъ пассажира, своимъ видомъ напоминающаго «политическаго защитника». И не находили! Нѣсколько разъ они нерѣшительно останавливали свой взглядъ на мнѣ и снова блуждали глазами по пароходу.

Наконецъ, глаза ихъ упорно остановились на мнѣ. Я былъ неумолимъ. Руки мои были по прежнему заложены выборгскими кренделями.

— Сойдите къ намъ!—вдругъ крикнула дѣвушка, стоящая среди нихъ. Она кивнула мнѣ угловатымъ движеніемъ руки.

Я спокойно и солидно сошелъ на берегъ.

— Вы по какому дѣлу ѣдете?—кинулись ко мнѣ всѣ политическіе, испытующе оглядывая мой великолѣпный котелокъ...

— По купецкому,—солидно отвѣтилъ я.

Они ринули отъ меня и уже снова начали осматривать пароходъ, но я не могъ болѣе выдержать своей роли и расхохотался.

— Не адвоката-ли вы ищете?

— Да, да! Гдѣ онъ?

— Да передъ вами!

— А, вѣдь, мы такъ и думали, но... но...

— Я имъ объяснилъ мой «маскерадъ»...

Смѣхъ, веселье...

По прежнему, принявъ всѣ мѣры «предосторожности» и отведя ихъ въ сторону подальше отъ парохода, я сообщилъ послѣднюю сенсаціонную новость...

И опять повторились прежнія радостныя восклицанія!.. Они были «эсъ-эрами».

— На долго-ли остановился пароходъ?

— На всю ночь!

— Ну, такъ идемъ къ намъ, вы намъ много разскажете! Мы трое нарочно пріѣхали сюда, чтобъ повидаться съ вами, по разспросить васъ обо всемъ! Видите,—вонъ моя лодка! Ну, идемъ же поскорѣе!

— А гдѣ вы, здѣшніе, живете?

— Да вонъ на берегу, избенка съ воротами, видите на скамейкѣ сидитъ урядникъ, это тамъ и есть нашъ домишка!..

Нельзя сказать, чтобы видъ урядника привелъ меня въ патріотическій восторгъ.

Конечно, онъ ничего не могъ мнѣ лично сдѣлать. Но онъ могъ по телеграфу сообщить отсюда въ Якутскъ, о моихъ «сношеніяхъ» съ этими ссыльными и тогда, конечно, весь мой авторитетъ не только «столичной штучки», но и просто адвоката въ заброшенной окраинѣ терялъ всякое значеніе. Я давно уже замѣтилъ, что судьи по политическимъ дѣламъ лишь тогда внимательно и съ «уваженіемъ» слушаютъ защитника, когда не видятъ въ немъ союзника подсудимаго или, вѣрнѣе говоря, такого же подсудимаго по духу, какъ и тотъ, котораго за распространеніе нѣсколькихъ брошюръ они совершенно равнодушно готовы лишить не только правъ состоянія, но и выбросить за бортъ жизни, какъ отбросъ человѣчества, на свалку людской нечисти... И чѣмъ менѣе «стороной въ дѣлѣ» кажется адвокатъ такимъ судьямъ, тѣмъ охотнѣе соглашаются съ нимъ даже судьи-палачи. А на мнѣ лежала черезчуръ большая отвѣтственность, я долженъ былъ принесть въ жертву всѣ мои интересы, которые могли помѣшать этой защитѣ. Поэтому я предложилъ ссыльнымъ «стратегическій» планъ. Для того, чтобы не возбудить подозрѣнія урядника въ моей неблагонадежности, мы рѣшили, что они пойдутъ къ себѣ домой, а я съ кѣмъ-нибудь отправлюсь осматривать станокъ, затѣмъ мы подойдемъ къ ихъ дому, онъ начнетъ меня приглашать, я отказываться, спрошу—да кто-же собственно они и, узнавъ, что ссыльные, скажу: «ахъ какъ это интересно, я никогда не видалъ ссыльныхъ, какое-же вы преступленіе сдѣлали?» Съ запасомъ этихъ словъ я успѣю пройти мимо урядника, и всѣ правила *«конспиртраціи»* будутъ соблюдены!

Сказано — сдѣлано. Мы описали по ничтожному станку два-три круга, причемъ мое появленіе въ котелкѣ сызывало невѣроятную сенсацію среди ребятишекъ, усиленно показывавшихъ на него пальцами... Я «осматривалъ» деревню... И, говоря правду, не пожалѣлъ, что это входило въ стратегическій планъ. Я увидѣлъ не только великую нужду и заброшенность общія почти всѣмъ русскимъ деревнямъ, но и ужасъ оторванности отъ примитивно культурнаго центра...

Все населеніе уже вернулось съ берега отъ парохода, и въ поселкѣ началась обычная жизнь...

Мимо на саняхъ провезли сѣно... И я вспомнилъ, какъ, изучая «Слово о полку игоревѣ», мы—дѣти съ изумленіемъ узнали, что было далекое, забытое время, когда наши предки и лѣтомъ ѣздили на саняхъ... Я увидѣлъ почти полное отсутстіе *гвоздя*, кучи мусора, апатичныя лица взрослыхъ... Но главное, страшна была эта мертвая тишина мертваго поселка... Появлялись и вылазили откуда-то люди... Точно тѣни... И если бы не маленькія дѣти, я подумалъ бы что нахожусь въ Буссакѣ Веккіа—микроскопической италіанской деревушкѣ на берегу Средиземнаго Моря, двадцать лѣтъ назадъ разрушенной грознымъ землетрясеніемъ и навсегда покинутой жителями... Но страшнѣе всего было за интеллигентныхъ, полныхъ жизни и энергіи, мыслящихъ людей, обреченныхъ коротать здѣсь свое время. Во всемъ станкѣ не было даже лавченки или будочки для продажи печенаго хлѣба или зацвѣтшей «московской» колбасы, не то что нѣсколькихъ листовъ писчей бумаги... Не было ничего общественнаго, не было даже «часовни»—деревяннаго помоста и крыши сверху на четырехъ столбикахъ... Ничего... Избенки темно-сѣрыя, старыя... Ни одного крашеннаго окна или крашенной ставни, на которыхъ успокоился-бы утомленный сѣрымъ однообразіемъ глазъ...

Не слышно было родной украинской пѣсни, которой начинается и кончается у насъ въ Хаткахъ ярко-солнечный, красочный день...

— Край дороги гне тополю до самаго долу!.. Никакихъ деревъ, кромѣ лиственницъ и елей въ обступившей кругомъ угрюмой и тяжелой тайгѣ...

О, какъ невыносима ты, ссылка!—думалъ я...

Около воротъ квартиры политическихъ между мною и спутникомъ въ присутствіи насторожившагося, точно барбосъ, урядника произошелъ условленный разговоръ, затѣмъ мы продѣлали галантерейность обхожденія, уступая другъ другу честь войти первому въ ворота, не менѣе продолжительно, чѣмъ сами Чичиковъ и Собакевичъ... И, наконецъ я очутился во дворѣ...

Они всѣ собрались въ своемъ «флигелькѣ»—жалкой прокопченной лачужкѣ, менѣе всего напоминающей комнату или даже нашу дачную кухню... На стѣнахъ не было фотографій, гравюръ, обычно украшающихъ стѣны учащейся молодежи. Ихъ всѣхъ арестовали совершенно неожиданно. Такъ-же неожиданно, прямо изъ тюрьмы сослали сюда. И они не успѣли захватить не только гравюръ, но даже карточекъ самыхъ близкихъ людей!

За то на стѣнахъ у нихъ висѣли три большія желѣзныя, четыреугольныя сковороды.

— Однако, господа, у васъ здѣсь удивительно уютно.—Какія чуд-

ныя гравюры на стѣнахъ,—сказалъ я, указывая на сковороды,—все темныя, мрачныя острова смерти Беклина!..

— А что вы думаете,—отвѣтилъ кто-то изъ нихъ,—вамъ кажется, что это,—такъ,—пустяки, а между тѣмъ это—дѣйствительно артистическое произведеніе одного пароходнаго машиниста, облагодѣтельствовавшаго нашу священную обитель такими удобными сковородками! Купите-ка ихъ здѣсь!...

Мы усѣлись вокругъ стола, и завязалась длинная, безконечная бесѣда...

Мнѣ такъ хотѣлось знать, какъ живутъ они, какъ проходитъ ихъ день, съ кѣмъ встрѣчаются, кого видятъ...

Но они не имѣли ни малѣйшаго желанія разсказывать о себѣ и рвались вывѣдать побольше отъ меня.

За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ слушалось извѣстное дѣло Гершуни и другихъ. Ихъ интересовали подробности этого дѣла, мучилъ вопросъ, чѣмъ объяснить предательство Кочуры, приведеннаго на судъ изъ Шлиссельбургской крѣпости. Я разсказывалъ все, что зналъ, а зналъ очень подробно, такъ какъ, хотя самъ и не защищалъ въ этомъ процессѣ, но защищалъ братъ Михаилъ (тоже прис. повѣр.) и близкіе товарищи, которые каждый день, по мѣрѣ слушанія дѣла, подробно дѣлились впечатлѣніями...

— Не смотря на ужасъ того, что дѣлалъ Кочура, на всѣхъ защищавшихъ онъ произвелъ впечатлѣніе необыкновенно чистаго человѣка, но совершенно сумасшедшаго или заблудившагося лунатика, не сознающаго, по какому пути онъ идетъ.

Лицо-же у него было удивительно хорошее, изумительной духовной красоты, лицо—святого... Для видѣвшихъ его такъ и осталось загадкою, что-же произошло съ Кочурой, тѣмъ Кочурой, который, выслушавъ смертный приговоръ, категорически отказался подать прошеніе о помилованіи...

Я замѣтилъ, что это впечатлѣніе защитниковъ непріятно моимъ собесѣдникамъ. Они не могли допустить мысли, что у предающаго могло быть при этомъ «хорошее» лицо...

И точно тучка набѣжала на нашъ оживленный разговоръ... Мы примолкли... Нужно было разсѣять это настроеніе...

Къ счастію я вспомнилъ одну анекдотическую подробность—черточку процесса Гершуни. Защитникъ офицера Григорьева,—отчаянно предававшаго всѣхъ и безпощадно воздвигавшаго своими оговорами эшафотъ для Гершуни,—Бобрищевъ-Пушкинъ, желая выставить Григорьева необыкновенно добрымъ человѣкомъ, сталъ допрашивать его жену о томъ, какъ однажды, увидѣвъ поздней осенью въ замерзающей полыньѣ Невы дикаго гуся, Григорьевъ хотѣлъ спасти его; защитникъ «устанавливалъ», что Григорьевъ едва не бросился на тонкій ледъ, и только жена отговорила этого великодушнаго рыцаря свершить столь исключительно геройскій подвигъ... Бобрищевъ-Пуш-

Все население уже в
началась обычная жизн

Мимо на саняхъ пр
«Слово о полку игоревѣ»
далекое, забытое время,
няхъ... Я увидѣлъ почти
тичныя лица взрослыхъ...
шина мертваго поселка...
Точно тѣни... И если бы не
жусь въ Буссакѣ Веккіа—
на берегу Средиземнаго Моря,
нымъ землетрясеніемъ и навс
всего было за интеллигентных
людей, обреченныхъ коротать
было даже лавченки или будо
зацвѣтшей «московской» колбас
писчей бумаги... Не было ничег
совни»—деревяннаго помоста и
кахъ... Ничего... Избенки темно-сѣр
окна или крашенной ставни, на ко
сѣрымъ однообразіемъ глазъ...

Не слышно было родной украин
ся и кончается у насъ въ Хатках
день...

— Край дороги гне тополю до са
кромѣ лиственницъ и елей въ обступивш
лой тайгѣ...

О, какъ невыносима ты, ссылка!—дум

Около воротъ квартиры политическихъ
въ присутствіи настороживщагося, точно
шелъ условленный разговоръ, затѣмъ мы п
обхожденія, уступая другъ другу честь войти
менѣе продолжительно, чѣмъ сами Чичиковъ и
нецъ я очутился во дворѣ...

Они всѣ собрались въ своемъ «флигелькѣ»— [redacted]
лачужкѣ, менѣе всего напоминающей комнату ил
кухню... На стѣнахъ не было фотографій, гравюр
щихъ стѣны учащейся молодежи. Ихъ всѣхъ аре
неожиданно. Такъ-же неожиданно, прямо изъ тюр
они не успѣли захватить не только гравюръ
мыхъ близкихъ людей!

За то на стѣнахъ у нихъ висѣли тр
реугольныя сковороды.

— Однако, господа, у васъ здѣсь

[redacted] чтобъ картина великодушія была полнѣе
[redacted] гусь такъ и плавалъ передъ глазами
[redacted] Въ это время уважаемый А. Н. Турча-
[redacted] по этому дѣлу, наклонился къ сосѣдямъ-
[redacted] достодолжное впечатлѣніе, про-
[redacted] услышали:
[redacted] гусь, а—утка!..» Торжественная кар-
[redacted]
[redacted] и нашъ разговоръ живо перешелъ
[redacted]
[redacted] только отдѣльные штрихи...
[redacted] писаря, не было никого
[redacted] интеллигенціи; никто,
[redacted] обо всѣхъ новостяхъ узнавали
[redacted] почтовые пароходы у нихъ
[redacted] жизнь?.. Но зачѣмъ
[redacted]
[redacted] «флигелька». Я отказался
[redacted] туманомъ, но пароходъ
[redacted] тумана не было. Стояла мерт-
[redacted] Прошелъ черезъ пустырь
[redacted] Едва только я пересту-
[redacted] объятія!
[redacted] голосъ.
[redacted] двѣ полицейскія фи-
[redacted] погонами, сбоку
[redacted] подслушивали нашъ
[redacted] котелокъ!..
[redacted] мягче, по-прежнему
[redacted] сильно повышая
[redacted] судебной палаты!..
[redacted] авторитетъ цѣлаго
[redacted]

безныхъ» вопросовъ, кто я, откуда и куда ѣду, и потому, подѣлившись впечатлѣніями погоды, предпочелъ задать рядъ вопросовъ ему...

— Какъ вы сюда, въ такую глушь, попали?—спросилъ я...

— Случайно пріѣхалъ на охоту!—угрюмо отвѣчалъ онъ и уже открылъ ротъ, чтобъ спросить меня о томъ же, но я не далъ ему проронить ни одного лишняго звука...

— И какъ сошла ваша охота?!—быстро произнесъ я.

— Лося убили!—нетерпѣливо замѣтилъ онъ и снова открылъ ротъ...

— Вы сами убили, или же были еще охотники?—полюбопытствовалъ я...

— Были и другіе!.. Кстати...

— А гдѣ-же они?—не унывалъ я.

— По домамъ разошлись!.. Позвольте...

- Значитъ охотники мѣстные?..

Да!.. Видите-ли...

А гдѣ происходила охота?—Неужели тутъ рядомъ въ тайгѣ охотиться?..

ѣтъ, охотились верстахъ въ тридцати... Виноватъ...

ужто вы охотились ночью?

ъ, только до поздняго вечера!.. Я...

до котораго часа?

ъ до 10-ти... Мнѣ...

димому, терялъ терпѣніе... Но я уже зналъ все самое Если охота окончилась въ 10 часовъ, то съ потерей рогу—два-три часа, на переодѣваніе, на докладъ урядъ попасть къ квартирѣ политическихъ не ранѣе двухъ ачитъ, онъ не слышалъ большей части нашего разло утѣшительно!

іѣ охоты, ничего не откушавъ, вы пошли гулять?!

одъ! Милости просимъ!—прервалъ я его...

сходнямъ. Къ счастію капитанъ не спалъ! Онъ вленіями къ отплытію...

не спите, вотъ и прекрасно!—сказалъ я, отъ съ нимъ.—А я привелъ съ собою гостя. Рас бутылку вина, пріймите полюбезнѣе гостя пойду спать!..

етесь съ нами? Оставайтесь!—воскли омъ предстоящаго вина, дѣй льн

ѣтилъ я и спокойно ѣ парохода и выпива домъ разсѣкалъ во

кинъ выбивался изъ силъ, чтобъ картина великодушія была полнѣе и ярче, а несчастный страдалецъ-гусь такъ и плавалъ передъ глазами слушателей... Всѣ терпѣли... Въ это время уважаемый А. Н. Турчаниновъ, тоже защищавшій по этому дѣлу, наклонился къ сосѣдямъ-товарищамъ и, очевидно, воспринявъ достодолжное впечатлѣніе, произнесъ настолько громко, что многіе услышали:

— «Мнѣ кажется это—не гусь, а—*утка*!..» Торжественная картина получила должную оцѣнку!..

Ссыльные весело расхохотались, и нашъ разговоръ живо перешелъ на разныя другія темы...

Изъ ихъ жизни я могъ уловить только отдѣльные штрихи...

Во всемъ станкѣ, кромѣ политическихъ и писаря, не было никого грамотнаго, не то, что хотя-бы такъ называемой интеллигенціи; никто, кромѣ нихъ, не выписывалъ газетъ, обо всѣхъ новостяхъ узнавали отъ рѣдкихъ проѣзжающихъ, такъ какъ почтовые пароходы у ихъ станка не останавливались... Была-ли тягостна жизнь?.. Но зачѣмъ говорить о томъ, что и безъ словъ очевидно...

Уже свѣтало, когда я вышелъ изъ ихъ «флигелька». Я отказался отъ провожатаго. Лена была окутана густымъ туманомъ, но пароходъ легко было найти, такъ какъ на берегу тумана не было. Стояла мертвая тишина... Хотѣлось думать, а не спать... Прошелъ черезъ пустырь покатаго двора и спустился къ воротамъ... Едва только я переступилъ ихъ порогъ, какъ попалъ въ чьи-то желѣзныя объятія!

— Стой!—грозно раздался повелительный голосъ.

Я поднялъ голову и увидѣлъ передъ собой двѣ полицейскія фигуры. Меня держалъ какой-то чинъ съ серебряными погонами, сбоку стоялъ урядникъ. Очевидно, они ждали меня и подслушивали нашъ разговоръ... Окно было открыто!.

Чинъ тоже поднялъ голову и устремилъ глаза на мой котелокъ!..

— Кто вы такой?—спросилъ онъ уже гораздо мягче, по-прежнему не выпуская мою талію изъ своихъ цѣпкихъ объятій.

— Присяжный повѣренный,—тихо отвѣтилъ я и, сильно повышая голосъ, прибавилъ:—округа санктъ-петербургской судебной палаты!..

Чинъ моментально опустилъ руки.

Казалось, онъ ощутилъ въ нихъ весь высокій авторитетъ цѣлаго округа с.-петербургской судебной палаты!..

— Куда вы сейчасъ идете?—деликатно спросилъ чинъ.

— Къ себѣ на пароходъ, въ каюту перваго класса..

— Вы позволите мнѣ проводить васъ?—окончательно тая, спросилъ онъ, точно я былъ дамой, проводить которую онъ почиталъ за особенное удовольствіе...

— Сдѣлайте одолженіе!—корректно отвѣчалъ я.

Мы отправились. Урядникъ слѣдовалъ сзади на почтительномъ разстояніи... Я видѣлъ, что чинъ горитъ желаніемъ задать рядъ «лю-

безныхъ» вопросовъ, кто я, откуда и куда ѣду, и потому, подѣлившись впечатлѣніями погоды, предпочелъ задать рядъ вопросовъ ему...

— Какъ вы сюда, въ такую глушь, попали?—спросилъ я...

— Случайно пріѣхалъ на охоту!—угрюмо отвѣчалъ онъ и уже открылъ ротъ, чтобъ спросить меня о томъ же, но я не далъ ему проронить ни одного лишняго звука...

— И какъ сошла ваша охота?!—быстро произнесъ я.

— Лося убили!—нетерпѣливо замѣтилъ онъ и снова открылъ ротъ...

— Вы сами убили, или же были еще охотники?—полюбопытствовалъ я...

— Были и другіе!.. Кстати...

— А гдѣ-же они?—не унывалъ я.

— По домамъ разошлись!.. Позвольте...

— Значитъ охотники мѣстные?..

— Да!.. Видите-ли...

— А гдѣ происходила охота?—Неужели тутъ рядомъ въ тайгѣ можно охотиться?..

— Нѣтъ, охотились верстахъ въ тридцати... Виноватъ...

— Неужто вы охотились ночью?

— Нѣтъ, только до поздняго вечера!.. Я...

— Ну, до котораго часа?

— Часовъ до 10-ти... Мнѣ...

Онъ, повидимому, терялъ терпѣніе... Но я уже зналъ все самое необходимое. Если охота окончилась въ 10 часовъ, то съ потерей времени на дорогу—два-три часа, на переодѣваніе, на докладъ урядника, чинъ могъ попасть къ квартирѣ политическихъ не ранѣе двухъ часовъ ночи. Значитъ, онъ не слышалъ большей части нашего разговора! А это было утѣшительно!

— Неужто послѣ охоты, ничего не откушавъ, вы пошли гулять?!

— Позвольте...

— Вотъ и пароходъ! Милости просимъ!—прервалъ я его...

Мы поднялись по сходнямъ. Къ счастію капитанъ не спалъ! Онъ распоряжался приготовленіями къ отплытію...

— А, капитанъ, вы не спите, вотъ и прекрасно!—сказалъ я, отъ души радуясь встрѣчѣ съ нимъ.—А я привелъ съ собою гостя. Распорядитесь-ка дать мою бутылку вина, пріймите полюбезнѣе гостя, а я къ сожалѣнію усталъ и пойду спать!..

— Что-же вы не останетесь съ нами? Оставайтесь!—воскликнулъ чинъ, очевидно, подъ вліяніемъ предстоящаго вина, дѣйствительно чувствуя себя гостемъ.

— Не могу, усталъ,—отвѣтилъ я и спокойно ушелъ къ себѣ. А они еще долго сидѣли на рубкѣ парохода и выпивали... Когда я всталъ съ койки, пароходъ полнымъ ходомъ разсѣкалъ воды Лены, чина-же давно и слѣдъ простылъ...

*

Капитанъ стоялъ на вахтѣ и своимъ острымъ взглядомъ осматривалъ рѣку... Безсонная ночь не оставила на немъ слѣда..

— Ну, батенька,—сказалъ онъ, завидя меня,—отъ большой бѣды ушли вы! Вѣдь, это—самъ Z.! Онъ хотѣлъ задержать васъ да такъ, чтобъ и политическіе не знали! Какъ увидѣлъ, что вы собираетесь отъ нихъ, начинаете прощаться, онъ къ воротамъ бросился и притаился...—Вотъ, говоритъ, какъ для меня благополучно сошло, могъ-бы нажить себѣ непріятности, арестовавъ такую личность. Все интересовался узнать отъ меня, по какому дѣлу вы командированы... Я ему, чтобъ отдѣлаться, сказалъ, будто по милліонному дѣлу барона Гинзбурга, а награды вамъ назначено пятьдесятъ тысячъ! Онъ даже крякнулъ! Только въ другой разъ будьте осторожнѣе... Онъ вашъ разговоръ подслушивалъ,—хорошо, говоритъ, что все насчетъ охоты разговаривали—про гусей да утокъ, а то бы я его и не такъ схватилъ, тогда безъ скандалу не обошлось бы!.. Отписывайся-ка. На такую личность наскочилъ!..

То было два года назадъ, но и до сихъ поръ мнѣ непріятно вспоминать эту ночь. «Котелокъ» отравляетъ ея впечатлѣнія...

Только ложь и, какъ ни поворачивай, хлестаковщина отвоевали мнѣ на этотъ разъ «дѣйствительную» неприкосновенность личности...

Мы подплываемъ къ деревнѣ Подкаменной. Значитъ, Киренскъ недалеко.

— Надо бы послать къ отцу Ивану справиться, нѣтъ-ли уже дикихъ уточекъ,—озабоченно говоритъ пароходный буфетчикъ...

— Какъ такъ, — изумляюсь я, — къ священнику? Да онъ что-же охотникъ?

— Какъ-же, охотится! — Хорошо, что здѣсь нѣтъ газетчиковъ, а то бы критику на духовенство сочинили, — замѣчаетъ онъ... Только охота у него особенная, неводомъ!

— Никогда про такую и не слышалъ!..

— А вотъ послушайте! Онъ обставляетъ озеро неводомъ на палочкахъ, подвязываетъ къ нимъ веревочки и кидаетъ въ воду овесъ. Утки привыкаютъ, слетаются... Овса не жалѣетъ. Отецъ Иванъ садится въ засаду, дергаетъ веревочки, неводъ падаетъ и закрываетъ стаю. Тогда онъ свертываетъ уткамъ головки и продаетъ пару за 25 копѣекъ, а то и по гривеннику, а у другихъ штука стоитъ 30 копѣекъ... Подкаменная расположена подъ утесомъ въ небольшой пади, никого кромѣ неграмотныхъ крестьянъ нѣтъ, можно отъ тоски помѣшаться, вотъ батюшка и придумалъ себѣ для лѣта такое развлеченіе... Ловитъ по озерамъ, пока не замерзнутъ... Другіе священники по Ленѣ тоже охотятся, но тѣ изъ ружей... Молоко у отца Ивана тоже можно достать, держитъ коровъ...

И буфетчикъ посылаетъ кухарку въ деревню...

Уже даны три свистка, время трогаться въ путь, а кухарки все нѣтъ... Наконецъ она показывается на песчаной отмели.

— Дайте-ка еще разъ три свистка, — говорю я капитану, — пусть поспѣшаетъ!..

— Нельзя, испугается, побѣжитъ и *сломаетъ* молоко!

— Какъ такъ сломаетъ? Въ первый разъ слышу, что молоко можно сломать!

— Тутъ всѣ этакъ привыкли говорить: молоко замороженное кругами продаютъ. Зимою жидкаго и не достать, а длинное-ли здѣсь лѣто!..

Второй разъ мы обгоняемъ паузки съ лошадьми. Ихъ везутъ въ Бодайбо на золотые пріиски для рудничныхъ работъ. Паузки—плоскіе, неуклюжіе и лошади стоятъ на самомъ ихъ днѣ безъ настилки. По низкимъ бортамъ паузковъ укрѣплены столбики, на которыхъ устроенъ помостъ, заваленный сѣномъ. И помостъ нависаетъ надъ головами лошадей, точно тѣ потолки рудниковъ, откуда ихъ подымутъ только мертвыми, такъ какъ спускъ и подъемъ лошади въ шахтѣ — очень затруднителенъ... Отъ Жигалова до Витима паузки плывутъ дней двадцать, отъ Витима-же до Бодайбо (тамъ всего 300 верстъ) паузки везетъ противъ воды на бичевой пароходъ. На каждомъ паузкѣ до 30 лошадей. Труденъ ихъ путь, трудна доставка, но зато эти маленькія лошадки, стоящія въ европейской Россіи по 25—30 рублей, въ Бодайбо продаются по 200—600 рублей—голова. Правда, эти лошади лучше бѣгаютъ, чѣмъ «россійскія». Но томская лошадка, стоящая—100—150 рублей, здѣсь продается за 300—500 рублей, а бѣговыя, несмотря на ростъ, идутъ и по 1.500 рублей...

— Выгодное дѣло,—замѣчаетъ капитанъ, сообщающій мнѣ всѣ эти свѣдѣнія,—наживаютъ на немъ десятки тысячъ въ годъ, а все почему?—Потому что первые за это тутъ взялись и некому конкурренцію дѣлать.—Первый началъ на Лену доставлять керосинъ—милліоны нажилъ, тулупы барашковые изъ Москвы, да изъ Москвы сюда, въ царство мѣховъ, началъ первый возить—тысячи нажилъ... Только первому начать. Пріѣхать сюда умному человѣку, съ самымъ небольшимъ капиталомъ, присмотрѣться и первому новое дѣло начать. И всякій такой будетъ богачемъ, потому что этотъ край—совершенно непочатый край!.. Первыхъ дѣлъ тутъ сколько угодно! Пріѣхалъ сюда какъ-то въ Витимъ политическій еврей изъ писарьковъ; привезъ съ собой первую пишущую машину... Что вы думаете? Большія деньги началъ наживать. Изъ Бодайбо для переписки бумаги присылали. Машину тамошнимъ богачамъ выписать—непочемъ, а кто писать на ней будетъ? Знающаго не найти! Онъ шибко и зарабатывалъ. Какъ окончился ему срокъ административной ссылки, говорятъ,—уѣзжай отсюда, такъ какъ евреямъ въ Сибири жить нельзя. А онъ все проситъ разрѣ-

Капитанъ стоялъ на катѣ и своимъ острымъ [illegible] ес-
[illegible] уху... Бессонная ночь не оставила на немъ слѣда.
Ну, батенька,—сказалъ онъ, завидя меня,—отъ большой
ушли вы! Вѣдь, это—самъ Z.! Онъ хотѣлъ задержать васъ и
чтобъ и политическіе не знали! Какъ увидѣлъ, что вы себя
отъ нихъ, начинаете прощаться, онъ къ воротамъ бросился
таился... Вотъ, говоритъ, какъ для меня благополучно сошло.
нажилъ себѣ непріятности, арестовавъ такую личность. Все р
нался узнать отъ меня, по какому дѣлу вы командированы
чтобъ отдѣлаться, сказалъ, будто по милліонному дѣлу ба
бурга, а награды вамъ назначено пятьдесятъ тысячъ! Онъ
нули! Только въ другой разъ будьте осторожнѣе... Онъ в
норъ подслушивалъ,—хорошо, говоритъ, что все насчетъ
говаривали про гусей да утокъ, а то бы я его и не так
тогда безъ скандалу не обошлось бы!.. Отписывайся-ка. Н
вость наскочилъ!..

То было два года назадъ, но и до сихъ поръ мнѣ н
минать эту ночь. «Котелокъ» отравляетъ ея впечатлѣнія
Только ложь и, какъ ни поворачивай, хлестаковщина
на этотъ разъ «дѣйствительную» неприкосновенность .

Мы подплываемъ къ деревнѣ Подкаменной. Зна
недалеко.

— Надо бы послать къ отцу Ивану справиться, н
уточекъ,—озабоченно говоритъ пароходный буфетчи
— Какъ такъ, — изумляюсь я, — къ священник
охотникъ?
— Какъ-же, охотится! — Хорошо, что здѣсь н
то бы критику на духовенство сочинили, — замѣч
охота у него особенная, неводомъ!
— Никогда про такую и не слышалъ!..
— А вотъ послушайте! Онъ обставляетъ озер
кахъ, подвязываетъ къ нимъ веревочки и ки
Утки привыкаютъ, слетаются... Овса не жалѣе
дится въ насаду, дергаетъ веревочки, невод
стаю. Тогда онъ спертываетъ уткамъ г
копѣекъ, а то и по гривенни, а
нѣекъ... Подкаменная расп
никого кромѣ неграмотны
шаться, вотъ батюшка и
Ловитъ по озерамъ, пока н
чтобы охот но тѣ изъ
достать, д ь коровъ..
И буф посылает

.ія интимныя
іала, во
іновникъ
прогнанъ
іъ. И эти
я обыска,
ствіи поня-
ему мѣстъ.

ҁь прокурора,
обственности,
И именно по-
ности, они ко-
айникахъ души.
ҁь до выясненія
становленіи», на
бѣшенаго звѣря...
гъ оказалось одно
гова отъ знакомой
илагаю запечатан-
есъ Анюты можете

верта, такъ какъ М.
былъ о немъ. Въ при-
мѣ оказалась просьба
экземпляровъ каждаго
нижекъ...
ора потребовали отъ Х.
участь его была рѣшена.
бирь.
всегда стоялъ внѣ партій..
одиноко, не посѣщалъ даже
очень добрый, застѣнчивый
го о чемъ-нибудь просили...
е менѣе его судьба сложи-
цей, принимавшихъ участіе

Маленькая, грязная,
ротографическихъ негат
кровати, стола ъ ст
ь какой-то об
въ водѣ...

ная поселенка,

шить остаться, проситъ срокъ ссылки продолжить! Ему ссылка выгоднѣе свободы оказалась!..

— Ну, положимъ, въ томъ то и дѣло, что у евреевъ нѣтъ никакой свободы, если въ ссылкѣ они могутъ жить лучше!..

Вотъ и Киренскъ!

Маленькій, захолустный, уѣздный городокъ съ однообразными, темными домишками, изрѣдка даже кирпичными, побѣленными или украшенными мезониномъ, изрѣдка съ выкрашенными краской окнами... Монастырь и его паркъ, нѣсколько бакалейныхъ и желѣзныхъ лавокъ — на берегу Лены. Женская прогимназія, складъ казенной монополіи—лучшее зданіе въ городѣ, больница, тюрьма, раскиданные въ центрѣ Киренска. Улицы—зыбучій песокъ. Кое-гдѣ попадаются деревянные тротуары-мостки... Но уличныхъ фонарей нѣтъ...

Лѣтъ тридцать назадъ весенняя вода Лены прорвала себѣ новый протокъ и, отдѣливъ городъ отъ кладбища, сдѣлала Киренскъ островомъ...

Спрашиваю перваго попавшагося прохожаго, что посмотрѣть въ городѣ.—Совѣтуетъ побывать въ монастырѣ и на кладбищѣ.—Больше здѣсь нечего смотрѣть, весною пріѣзжалъ циркъ — два клоуна, былъ еще балаганъ, да ужъ давно уѣхалъ, нечего здѣсь смотрѣть—категорически утверждаетъ онъ...

Побродилъ съ часъ, обошелъ городъ, возвращаюсь на пароходъ. И вдругъ узнаю новость: капитану принесли телеграмму. Оказывается пароходъ пойдетъ до Якутска! Мы останемся только на ночлегъ!..

У меня нѣсколько часовъ свободнаго времени... Иду въ городъ.

— Есть здѣсь кто-нибудь изъ политическихъ? — спрашиваю я попрежнему перваго-же встрѣчнаго прохожаго.

— А какъ-же на томъ берегу,—будете итти, спросите домъ Ивана, рядомъ съ домомъ черкеса—всякій покажетъ. На верху живетъ.

Рѣшаю завернуть сначала къ политическому и предложить ему вмѣстѣ побродить по Киренску или окрестностямъ.

По предшествующимъ встрѣчамъ я полнъ дерзкой самоувѣренности, что онъ съ удовольствіемъ приметъ участіе въ этой прогулкѣ...

Кое-какъ нахожу. Оказывается, это—Х., милый Х!.. Встрѣча!..

Я видывалъ его въ университетѣ. Мы одновременно слушали лекціи. Тогда онъ прекрасно держалъ экзамены, получилъ за конкурсное сочиненіе золотую медаль и ему прочили блестящее будущее блестящаго профессора уголовнаго права. Онъ окончилъ университетъ, съ дипломомъ первой степени и уже собирался ѣхать домой къ роднымъ отдохнуть, когда его вдругъ схватили... У одной его знакомой нашли во время обыска *спрятанный* адресъ Х... Этого, конечно, было достаточно, чтобы ночью въ квартиру Х. ворвалась ватага полиціи, а

всѣ вещи его были безцеремонно перерыты, и самыя интимныя письма перечитаны совершенно «посторонними» людьми. Сначала, во время обыска, ихъ читалъ чиновникъ охраннаго отдѣленія; чиновникъ этотъ попалъ на службу въ охрану, изъ полка, откуда былъ прогнанъ товарищескимъ судомъ, какъ подлецъ и дѣломъ и словомъ. И эти признанныя товарищами качества онъ обнаружилъ во время обыска, когда, перечитывая письма Х., безъ церемоніи, въ присутствіи понятыхъ, отпускалъ «милыя остроты» по поводу нравящихся ему мѣстъ.

Х. былъ арестованъ, посаженъ въ одиночную камеру.

Затѣмъ письма читали жандармскій офицеръ и товарищъ прокурора, считающіе себя призванными охранять права частной собственности, какъ «надежнѣйшую» основу существующаго порядка. И именно потому, нарушая примитивнѣйшее право частной собственности, они копались своими грязными руками въ письмахъ Х.—его тайникахъ души. А все это время онъ сидѣлъ подъ стражей «впредь до выясненія причины ареста», какъ значилось въ «законномъ постановленіи», на основаніи котораго его держали подъ замкомъ, точно бѣшенаго звѣря...

Наконецъ, причину ареста нашли. Среди его бумагъ оказалось одно письмо, три года назадъ полученное имъ изъ Чернигова отъ знакомой дѣвушки. Она увѣдомляла:—«въ моемъ письмѣ прилагаю запечатанное письмо для Анюты. Передайте его ей. Адресъ Анюты можете узнать у М.».

Тогда Х. не могъ передать запечатаннаго конверта, такъ какъ М. не зналъ адреса Анюты. И письмо заваляюсь, Х. забылъ о немъ. Въ приложенномъ, по прежнему запечатанномъ письмѣ оказалась просьба выслать нелегальную литературу по нѣсколько экземпляровъ каждаго названія, причемъ имѣлся и самый списокъ книжекъ...

Жандармскій офицеръ и товарищъ прокурора потребовали отъ Х. назвать фамилію «Анюты». Онъ отказался. И участь его была рѣшена. Его сослали на пять лѣтъ въ Восточную Сибирь.

Онъ никогда не былъ революціонеромъ, всегда стоялъ внѣ партій.. Его черезчуръ увлекала наука... Жилъ онъ одиноко, не посѣщалъ даже студенческихъ вечеринокъ... Но онъ былъ очень добрый, застѣнчивый человѣкъ и не умѣлъ отказывать, когда его о чемъ-нибудь просили... Вотъ и всѣ его преступленія... И тѣмъ не менѣе его судьба сложилась много трагичнѣе судьбы товарищей, принимавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи...

Унылая квартира оказалась у Х... Маленькая, грязная, бѣдная комнатка, заваленная книгами, много фотографическихъ негативовъ... Мебели, кромѣ уродливой деревянной кровати, стола и двухъ стульевъ никакой. За то на подоконникѣ стоялъ какой-то обломанный черепокъ съ какими-то сгустками, плавающими въ водѣ...

— Что это такое?—спросилъ я.

— А это у меня хозяйка уголовная поселенка, нѣмка изъ Риги—

удивительно аккуратная особа,—отвѣчалъ онъ. Когда я нанялъ у нея комнату, то много бродилъ взадъ и впередъ, какъ это дѣлаютъ арестанты въ тюрьмѣ... Меня давила воющая тоска. Знаете, здѣсь страшное одиночество... Понимаете-ли вы, что значитъ одиночество?.. Когда страшно вернуться домой, страшно этихъ стѣнъ... Страшно за самого себя, за будущее... Выдержишь-ли? И бродишь по комнатѣ и плюешь, чертъ его знаетъ отчего, въ уголъ... Даже на воздухъ выйти не хочется... Все равно—одно и то-же... Вотъ моя нѣмка смотрѣла, смотрѣла и говоритъ: перестаньте плевать въ уголъ, безпорядокъ заводите... Я и пробовалъ удержаться, да никакъ не могъ: забудешься и снова плюешь, точно бездѣльникъ, плюющій въ потолокъ... А она все напоминаетъ... Только однажды, представьте себѣ, бродилъ, бродилъ и опамятовался. Гляжу и глазамъ не вѣрю, что надѣлалъ: проклятая нѣмка повыбирала изъ моихъ книгъ самыя любимыя, а слѣдовательно въ самыхъ лучшихъ переплетахъ и разложила ихъ по всѣмъ четыремъ угламъ. Я самыя лучшія книги и оплевалъ! Бросился я къ ней.— Что вы надѣлали, зачѣмъ разложили книги по угламъ? Посмотрите, въ какомъ онѣ видѣ! А она въ отвѣтъ:—«Это я нарочно! Ничто не помогаетъ, я вамъ черепокъ давно поставила, а вы его не замѣчаете, вотъ и придумала»!

И представьте себѣ эта нѣмецкая изобрѣтательность, какъ ушатомъ холодной воды подѣйствовала.—Что-же я въ самомъ дѣлѣ дѣлаю, книги свои забросилъ, оплевываю! Отрезвился.—Рѣшилъ чѣмъ-нибудь заняться, сталъ плевать въ черепокъ. Сначала сдѣлался фотографомъ. Кромѣ меня никого другого здѣсь не было. Снималъ разную мѣщанствующую публику, принимающую позы, гримасничающую передъ зеркаломъ... Скучно это было, но вѣдь на пятнадцать рублей казеннаго пособія было и немыслимо существовать...—Цѣны тутъ страшныя... Потомъ сталъ писать письма даромъ и за деньги, а затѣмъ сдѣлался.. подпольнымъ ходатаемъ! Да, друже, не думалъ я, что мнѣ,—окончившему университетъ,—прійдется заниматься «аблакатурой». Но въ ней хоть нѣкоторое успокоеніе находишь! Строчишь прошенія, жалобы, дешево и сердито, иногда добиваешься правды на грошъ... на цѣлковый ея здѣсь не найдешь!.. Самъ господинъ присяжный повѣренный больше чѣмъ на двугривенный, какъ ни бейся, не достучится... А въ общемъ скверно живу, черезчуръ одиночество меня давитъ...

Мы пошли бродить по городу, переѣхали лодочкой на кладбище, раскинутое у самаго берега по плоскогорью тайги, осмотрѣли черные кресты могилъ политическихъ... Все было заброшено и уныло...

— «Государственный» такой-то, — читалъ я надписи на черныхъ крестахъ....—«Дорогому нашему товарищу такому-то, уставшему житъ отъ крѣпко любившихъ друзей»...

— Ну, пойдемъ отсюда,—сказалъ Х.,—я чувствую, что, оставшись въ своей комнатѣ, снова начну плевать... Вѣдь, я здѣсь теперь совер-

шенно одинъ, остальныхъ политическихъ перевели въ глухія деревни, по дикимъ циркулярамъ и предписаніямъ генералъ-губернатора... Не съ кѣмъ перекинуться словомъ... Я случайно, благодаря тяжелой болѣзни, уцѣлѣлъ въ этомъ райскомъ городѣ... Да! Уже темнѣетъ, пора по домамъ. Идите скорѣе на пароходъ!..

— А что такое?

— Здѣсь поздно вечеромъ нельзя ходить: стрѣляютъ. Напуганы грабежами. Чуть ночью залаетъ собака, кругомъ пальба начинается, цѣпныхъ собакъ спускаютъ... Можно подъ шальную пулю попасть... Пойдемъ, я васъ провожу, а то вы запутаетесь...

Мы братски распрощались...

— Не забудьте-же на возвратномъ пути, что я—здѣсь, загляните обязательно,—говорилъ онъ ласково и какъ-то безнадежно улыбаясь...— Можетъ кто-нибудь изъ товарищей тоже подъѣдетъ, хорошо будетъ!.. Ну прощайте-же! Прощайте!..

Мы еще разъ крѣпко пожали руки. Я пошелъ къ пароходу, а онъ остался на мѣстѣ и долго стоялъ посреди улицы, точно боясь вернуться въ свои четыре стѣны...

Мнѣ было невыносимо тяжело и стыдно, что я свободенъ, что я сейчасъ пойду въ каюту перваго класса, ярко освѣщенную электричествомъ, и, попивая кофе, буду болтать съ капитаномъ о пустякахъ... И я не рѣшился еще разъ оглянуться...

Товарищъ, мой бѣдный товарищъ, гдѣ вы, что съ вами?!..

Отзовитесь!...

Пароходъ идетъ полнымъ ходомъ. Я подымаюсь на рубку. Мы отъѣхали отъ Киренска верстъ восемь...

Это—первая массивная, вся обнаженная до голаго камня скала. На ней ни одного деревца, ни одного кустика. Полукруглая громада изъ одного цѣлаго куска,—точно нарочито приготовленная для колоссальнаго пьедестала подъ будущій памятникъ будущаго возрожденія этого края... Темныя тѣни падаютъ отъ ея великолѣпныхъ красныхъ и сѣрыхъ выступовъ, отчего она кажется покрытой черными пятнами...

Мы проѣзжаемъ мимо Никольской слободы, раскинутой на красномъ глиняномъ берегу, поросшемъ мелкимъ кустарникомъ.—Нѣсколько налѣпленныхъ домиковъ, бѣлая церковка, четыре ели, напоминающія украинскія тополя... Здѣсь на Никольской рѣчкѣ жгутъ известь для всей Лены...

Двѣ мохнатыя горы, покрытыя густой тайгой жмутъ эту рѣчку своими нависшими обрывами... На самомъ берегу Лены расположенъ кожевенный заводъ—единственный на три тысячи верстъ... Кругомъ завода—поля, засѣянныя хлѣбомъ...

На Киренскъ открывается красивый видъ.—Красная крыша монополіи, темнѣющій паркъ монастыря и самъ монастырь, среди парка,

ярко выдѣляющійся двумя бѣлыми точками... А кругомъ могучій просторъ воды...

Берега снова мѣняются. Рѣка,—шириной около двухсотъ саженъ точно Десна. Правый берегъ—сплошь заливной лугъ со сложенными стогами сѣна, огороженными заборами изъ жердей. За лугомъ далеко поднимаются пологія горы, покрытыя зеленой тайгой... Другой, лѣвый берегъ—сплошь невысокій темнокрасный глинистый обрывъ, заросшій все такой-же неизмѣнной, зеленой тайгой... За плоской гладью тайги вдали синѣетъ вереница мощныхъ горъ...

Мы проѣзжаемъ мимо Кобелевой деревни. Она раскинулась на широкой долинѣ, испещренной узорами посѣвовъ...

А виды снова и снова мѣняются... Небольшая покатая полоса мелкой гальки серебритъ берегъ; повыше поднимаются откосы красной глины, изрытые весеннимъ снѣгомъ и дождями. Кое-гдѣ они покрыты ярко зеленымъ мохомъ, а сверху густо заросли сосной... Мѣстами попадаются «мачтовыя деревья», сотни лѣтъ простоявшія на этомъ пустынномъ берегу...

Рулевые, дежуря у своего колеса, разсказываютъ мнѣ о побѣгахъ...

— Ѣхалъ съ нами на пароходѣ одинъ поселенецъ Скоробогачъ. Онъ убилъ въ тайгѣ «царь-бабу», и его везли въ Иркутскъ на судъ... До Олекминска было 4 казака... На Скоробогачѣ болтались ручные и ножные кандалы... Конвойные о немъ заранѣе предупреждали, что онъ—бѣгать мастеръ... А онъ самъ конвойныхъ ругалъ...—«Не я»,—говорилъ,—«бѣгать умѣю, а вы всѣ конвойные—измѣнщики и обманщики. Сунуть вамъ золотые часы, деньги, либо перстень и вы же первые дадите отойти шаговъ на пятнадцать, а тогда тревогу поднимете, стрѣлять начнете, будто и въ самомъ дѣлѣ поймать хотите! Знаю я васъ мошенниковъ... А захотѣлъ-бы убѣжать, то давно убѣжалъ. Но только тутъ не убѣгу. Не знаю я здѣшняго якутскаго языка—ни тохъ (что надо?), ни сохъ (нѣтъ)... Тутъ все равно мнѣ пропадать! Убѣгу лучше на людномъ мѣстѣ»...

И представьте, убѣжалъ. Съ Олекминска его везъ уже одинъ казакъ, да и тотъ всю дорогу пьянствовалъ... Скоро еще на пароходѣ онъ снялъ ручные кандалы и началъ безъ нихъ показываться. Какъ-то разъ Скоробогачъ приходитъ сюда къ капитану и проситъ зайти въ арестантскую каюту. Она у насъ въ концѣ палубы третьяго класса,—можетъ замѣтили,—отгорожена, точно курятникъ, проволочной сѣткой...

Капитанъ пошелъ. Скоробогачъ приводитъ его и показываетъ пьянаго казака.—Посмотрите, какъ эта свинья нализалась,—говоритъ,—уймите его, онъ все время требуетъ отъ меня денегъ на водку! У меня только четыре рубля. Откуда-же я ихъ ему возьму.—Казакъ началъ оправдываться, прощенія у своего же арестанта проситъ... Капитанъ обезпокоился и спрашиваетъ, почему одинъ конвойный, а раньше было четыре?..—Да не оказалось казаковъ!—отвѣчаетъ Скоро-

богачъ, а вы, капитанъ, не волнуйтесь, я убѣгу не съ парохода, не здѣсь надѣну на него эти самые браслеты, чтобы не приставалъ за водкой. И Скоробогачъ побренчалъ кандалами... Доѣхали мы до Витима. Скоробогачъ и казакъ ушли въ городъ... На сходняхъ я спросилъ казака: «ты куда?»—Въ волостное правленіе... Ну, сразу и не хватились. Видятъ Скоробогачъ все смѣется да громко кричитъ, что убѣжитъ, значитъ, убѣгать не собирается... Стали вечеромъ прибираться на пароходѣ и нашли винтовку, вторкнутую между носилками... А казака все нѣтъ .. Кинулись еще искать и нашли въ вещахъ Скоробогача двѣ пустыя бутылки водки, да одну непочатую съ дурманомъ... Это онъ-то конвойнаго поилъ и на него-же жаловался! Вотъ оно, прости Господи, какой прохвостъ! И представьте себѣ, бѣжалъ...

Меня часто въ пути интересовалъ вопросъ, какимъ образомъ тотъ или иной ссыльный сдѣлался «политическимъ», какой жизненный путь прошелъ онъ до этого... Уже два года лежатъ у меня автобіографическіе наброски многихъ ссыльныхъ, предоставившихъ право воспользоваться ими для освѣщенія положенія ссылки, но съ тѣмъ, чтобы имена остались никому неизвѣстными. Вотъ такой разсказъ политическаго N. о самомъ себѣ.

«Родился я 4 Ноября 1879 года въ г. Z. Отецъ былъ литейщикомъ въ Государственномъ желѣзолитейномъ заводѣ, гдѣ въ то время вела дѣятельную агитацію союзница «Народ. Воли»—«Польская Партія Пролетаріатъ». Кое что изъ пропаганды дошло и до моего отца, но онъ, какъ человѣкъ семейный, не рѣшался заняться активной дѣятельностью. Воспитаніе шло подъ вліяніемъ матери, происходящей изъ стариннаго шляхетскаго рода и пропитанной его идеями, отца же я видѣлъ только по вечерамъ, когда сонный я долженъ былъ отвѣчать заученные уроки. Семи лѣтъ я поступилъ въ городское училище, гдѣ учился хорошо. Вскорѣ я узналъ уже нѣчто о соціализмѣ и вотъ какимъ образомъ. Къ отцу приходилъ товарищъ юности его, приносилъ съ собою часто какія то книги и газеты, которыя читалъ намъ, послѣ того какъ двери запирались и замочная скважина затыкалась ватой. Хотя я слушалъ все, что читалось въ этихъ книгахъ и газетахъ, но содержанія ихъ я не понималъ. Вниманіе мое привлекали болѣе всего незнакомые, но красивыя слова: соціализмъ, пролетаріатъ, самодержавіе и т. п. Слова эти иногда съ цѣлыми предложеніями я заучивалъ наизустъ и съ дѣтскимъ простодушіемъ повторялъ въ школѣ, на улицѣ и въ т. п. мѣстахъ. Книги и газеты, въ которыхъ были такія изумительныя слова, мнѣ въ руки не давались, и онѣ тѣмъ болѣе меня интересовали. Однажды я подкараулилъ отца, когда онъ пряталъ интересовавшую меня книгу подъ шкапъ. Я вытащилъ ее оттуда и на обложкѣ прочиталъ слѣдующій девизъ: «Если бы конь сознавалъ свою силу, то ни одинъ ѣздокъ не усидѣлъ бы на немъ». Истина

этого девиза поразила меня, и я началъ читать книгу дальше. Восхищенный ея содержаніемъ, я понесъ ее въ училище и читалъ ее вмѣстѣ съ товарищами. Слѣдствіемъ чтенія и разсужденія былъ обыскъ, на слѣдующій день произведенный учителемъ въ моемъ ранцѣ. Книги онъ тамъ не нашелъ, такъ какъ она была дома на старомъ мѣстѣ, но распрашивалъ про нее, угрожая исключеніемъ изъ училища. Я не могъ сообразить, за что онъ угрожаетъ мнѣ исключеніемъ и предположилъ, что ему хочется имѣть эту книгу. Поэтому я страшно лгалъ и онъ отсталъ. Спустя нѣкоторое время я нашелъ подъ шкапомъ газету, въ которой увлекъ меня стихъ революціоннаго марша. Я выучилъ этотъ стихъ, подобралъ какой то дѣтскій мотивъ и распѣвалъ его на улицѣ. Однажды вечеромъ, когда я пѣлъ на улицѣ эту пѣсню, за мной погнался городовой, я убѣжалъ отъ него въ лавку, но онъ пришелъ туда, взялъ меня за ухо и сказалъ, что онъ поведетъ меня въ участокъ, если я не скажу ему, кто меня выучилъ этой пѣснѣ. Я испугался, сталъ плакать и, поцѣловавъ его руку, просилъ отпустить меня, что онъ и сдѣлалъ, наставляя меня. Этотъ фактъ въ связи съ предыдущимъ далъ мнѣ понять, что соціализмъ есть запрещенная вещь. Я началъ распрашивать отца о причинахъ этого, отецъ же посмотрѣлъ подъ шкапъ и, замѣтивъ, что книги кто то трогалъ, не давая отвѣта, высѣкъ меня. Съ того момента я почувствовалъ глубокое отвращеніе къ соціализму и, пр. 11-ти лѣтъ послѣ нѣкоторой подготовки я поступилъ на 1-ый спеціальный курсъ частнаго техническаго училища. Къ тому времени отецъ мой разбогатѣлъ и измѣнилъ свое общественное міровоззрѣніе, сталъ буржуа, порвавъ всякія сношенія съ упоминавшимся товарищемъ. Хотя онъ потомъ опять обѣднѣлъ, но остался до сихъ поръ человѣкомъ съ мѣщанскими взглядами, почему между нами произошелъ разрывъ и отношенія наши стали натянутыми.

16-ти лѣтъ я кончилъ курсъ и поступилъ практикантомъ на фабрику. Черезъ 11 мѣсяцевъ мнѣ было предложено инженеромъ W. поступить на казенную службу въ казенный винный складъ. Я принялъ предложеніе, сталъ карьеристомъ и по отношенію къ рабочимъ держался такъ, какъ диктовали мнѣ обязанности моей профессіи. Я видѣлъ, какъ всѣ вокругъ меня грабили рабочихъ и обкрадывали казну и самъ дѣлалъ бы это, если бы не боялся уголовной отвѣтственности. Доходы свои я ограничивалъ невинными взятками, которыя я получалъ отъ разныхъ лицъ на складѣ. Мнѣ было всего 18 лѣтъ, денегъ у меня было много и я жилъ безобразно, почему мнѣ было трудно исполнять свои обязанности. Ловкими пріемами я все-таки сумѣлъ такъ повести дѣло въ глазахъ начальства, что ко мнѣ опредѣлили помощницу г-жу X. X. По отношенію къ ней я чувствовалъ нѣчто странное и чѣмъ больше думалъ о ней, тѣмъ болѣе убѣждался въ томъ, что жизнь моя безобразная и что надо посвятить ее чему то

лучшему. Я рѣшилъ посвятить себя искусству и поступилъ въ 1897 году въ Z. Драматическое Училище, а на слѣдующій годъ, по окончаніи его, поступилъ на сцену. Благодаря хорошей школѣ и тому, что сразу поступилъ на первоклассную сцену, гдѣ предо мной были примѣры хорошей игры, я быстро подвигался впередъ и, можетъ быть, былъ бы теперь хорошимъ артистомъ, если бы не слѣдующія обстоятельства.

Въ 1899 г. городъ Лодзь переживалъ ужасный промышленный кризисъ. Десятки тысячъ рабочихъ голодали отъ безработицы. Полиція массами высылала ихъ на родину, чтобы они тамъ помирали отъ голода. Легальная пресса, мѣстная и иногородняя, выступала съ различными благотворительными проектами. Но все это не могло накормить, не могло заглушить стоновъ несчастной массы. Я безстрастно наблюдалъ тысячи голодающихъ, но они интересовали меня только какъ артиста. У знакомаго фабриканта я спрашивалъ о причинѣ этихъ бѣдствій. Его отвѣты и разсужденія не удовлетворяли меня; только тогда, когда я съ нимъ посѣтилъ нѣсколько фабрикъ, поражающихъ своими ужасами, когда я увидѣлъ у входа ихъ тысячи исхудалыхъ и оборванныхъ, молящихъ о работѣ, когда я увидѣлъ рабочую демонстрацію и наконецъ, когда вспомнилъ то, что когда то читалъ въ нелегальной печати, я догадался въ чемъ тутъ дѣло и рѣшилъ познакомиться съ нимъ ближе. «Ищите и найдете».

Я нашелъ и вскорѣ началъ работать въ нѣсколькихъ кружкахъ партіи.

Такую дѣятельность я продолжалъ до весны 1901 года,когда только рѣшилъ отдохнуть отъ сцены и посвятить лѣтній сезонъ пропагандѣ. Въ концѣ апрѣля я пріѣхалъ въ Z. и, познакомившись съ рабочими, принялъ участіе въ майской демонстраціи. Спустя нѣкоторое время я попалъ на массовое собраніе, гдѣ услышалъ рабочихъ ораторовъ. Я замѣтилъ, что они не соотвѣтствуютъ своему назначенію и пришелъ къ заключенію, что я, какъ актеръ, могу принести въ подобныхъ случаяхъ кое-какую пользу и рѣшилъ сейчасъ попробовать. По окончаніи рѣчей я продекламировалъ одно стихотвореніе, которое произвело хорошее впечатлѣніе. Я убѣдился въ правдивости своего предположенія.

Вскорѣ я вступилъ въ организацію, но не желая разбираться въ партійныхъ программахъ (хотя работалъ исключительно въ С. Д.) я сталъ массовымъ «агитаторомъ»; произнося рѣчи вездѣ, гдѣ были рабочіе. Я говорилъ то, что диктовало мнѣ сердце и небольшія полическія познанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ я исполнялъ все, что можно было исполнять въ организаціи.

Въ концѣ 1901 г. меня арестовали въ Z. и посадили въ крѣпость. Меня обвиняли по тремъ дѣламъ и слѣдствіе длилось $22^1/_2$ мѣсяца. Въ августѣ 1903 г. я женился въ Z-кой тюрьмѣ на упоминавшейся Х. Х..

Затѣмъ я «уѣхалъ» въ Сибирь...

Таковъ скромный разсказъ ссыльнаго о себѣ самомъ. Мнѣ пришлось много бесѣдовать съ нимъ, пришлось видѣть его даже на судѣ и потому хочется, хотя однимъ штрихомъ, дополнить его черезчуръ краткую повѣсть...

Это былъ высокій, красивый юноша съ сильнымъ взглядомъ... Онъ больше молчалъ; а если «въ жизни» начиналъ говорить, то даже слегка заикался... И, глядя на него, я иногда думалъ,—да какъ же онъ могъ быть актеромъ!..

Но однажды я увидѣлъ его въ минуту вдохновенія, подъема и тогда понялъ, на какую высоту красоты и силы человѣческаго слова могъ подыматься онъ...

Его съ товарищами судили по политическому дѣлу. Грозила каторга. Прокуроръ произносилъ уже рѣчь... Въ это время съ улицы чрезъ толстыя стѣны суда донеслось громкое, сотенъ голосовъ, пѣніе революціонной пѣсни...

— Вставай, подымайся, рабочій народъ!.. Очевидно, на улицѣ происходила демонстрація...

Заканчивая свою рѣчь и указывая на единственно возможный для подсудимыхъ приговоръ,—каторжный приговоръ,—прокуроръ предложилъ суду, по собственной иниціативѣ, возбудить ходатайство предъ Его Величествомъ о помилованіи обвиняемыхъ...

Тогда N поднялся и попросилъ разрѣшить ему сдѣлать заявленіе...

И онъ произнесъ только нѣсколько словъ.

— Намъ не надо помилованія,—говорилъ онъ, задыхаясь отъ волненія, твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ.—Намъ не нужно помилованія! Мы желаемъ свободы! А свободу намъ дастъ тотъ народъ, который сейчасъ за стѣнами этого суда, грозно кричитъ «долой самодержавіе!»... Въ залѣ поднялся страшный шумъ... Остальные подсудимые и вся присутствовавшая публика вскочили съ мѣстъ и подхватили возгласы N!..—Такова была сила его рѣчи...

Владиміръ Беренштамъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КАНУНЪ.

Романъ.

(*Продолженіе* [1]).

XVIII.

— Что же, Володя, спросилъ какъ-то Левъ Александровичъ племянника:—намѣренъ ты поступить на службу или нѣтъ? Алексѣй Алексѣевичъ уже приготовилъ твое вступленіе.

— Я, дядя, еще не освоился съ Петербургомъ. Дайте время,— отвѣтилъ Володя?

— Ты плохой работникъ, если тебѣ надо такъ долго освоиваться. Вѣдь, потомъ придется освоиваться съ дѣлами, а это надо умѣть дѣлать быстро. Мы съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ освоивались, уже будучи у дѣлъ.

— Но, Левъ Александровичъ,—вступилась за Володю Наталья Валентиновна,—Володя слишкомъ молодъ. Онъ даже съ жизнью еще не освоился.

Но Володя освоивался гораздо быстрѣе, чѣмъ можно было думать. Это былъ юноша, одаренный отъ природы хорошими способностями, помогавшими ему быстро схватывать сущность представлявшагося ему явленія. И скорѣе это именно и было причиной его нерѣшительности по части поступленія на службу.

Что-то ему во всемъ этомъ не нравилось. И у него было такое ощущеніе, что, какъ только онъ зачислится въ чиновники, то этимъ самымъ какъ бы распишется «въ соучастіи»...

Въ Петербургѣ у него нашлись товарищи, которые были вхожи въ нѣкоторые кружки «неслужащихъ людей». Очень скоро онъ возобновилъ съ ними сношенія и сталъ бывать въ тѣхъ кружкахъ. Тамъ онъ дѣятельно провѣрялъ свои впечатлѣнія.

Оффиціально имя дяди его стояло высоко. Могущество его съ каждымъ днемъ увеличивалось и укрѣплялось. Это было какое-то феерически-эффектное шествіе вверхъ. Фигура его на глазахъ у всѣхъ выростала и въ то время, когда въ Петербургъ пріѣхалъ Володя, Левъ Александровичъ уже былъ сановникъ, владѣвшій

---

[1]) См. „Міръ Божій“, № 7, іюль 1906 г.

высокимъ чиномъ и орденами, какихъ другіе добивались десятки лѣтъ.

Но Володя внимательно прислушивался къ мнѣніямъ и собиралъ факты, взвѣшивалъ и перевѣшивалъ и все чѣмъ-то оставался недоволенъ. Самъ онъ слишкомъ мало еще зналъ Россію и ея коренныя нужды, чтобы судить и дѣлать основательные приговоры. Онъ только чувствовалъ, что въ этой шумной эффектной дѣятельности, казавшейся какъ бы всепоглощающей, есть что-то искусственное, дутое, не натуральное.

Въ кружкахъ онъ встрѣчалъ полное осужденіе дѣятельности могущественнаго министра. Но тамъ точка зрѣнія была слишкомъ крайняя. То были абсолютно враждебныя мнѣнія и Володя боялся впасть въ ошибку На дядю онъ привыкъ смотрѣть, какъ на человѣка выдающагося и слишкомъ основательнаго, и онъ скорѣе допускалъ, что чего-то тутъ не понимаетъ.

Благодаря всему этому, онъ переживалъ въ высшей степени нервное состояніе и за нѣсколько недѣль жизни въ Петербургѣ замѣтно похудѣлъ. И когда Левъ Александровичъ и Корещенскій напоминали ему про службу, и о томъ, что давно пора ему начать ее, онъ раздражался и ему стоило большихъ усилій не выказать это раздраженіе.

Страстно хотѣлось ему встрѣтить такого человѣка, съ которымъ онъ могъ бы поговорить откровенно, чтобы выяснить свои сомнѣнія, но въ Петербургѣ такого человѣка онъ не находилъ. Дѣло было бы просто, если бы тутъ былъ Максимъ Павловичъ. Его онъ отлично умѣлъ понимать.

Въ кружкахъ попадались люди образованные, компетентные, но слишкомъ уже твердо стоявшіе на своей незыблемой точкѣ зрѣнія.

И, можетъ быть, покажется страннымъ, что послѣ долгихъ мученій и колебаній, Володя выбралъ, наконецъ, человѣка, и этотъ человѣкъ былъ Корещенскій. Почему онъ выбралъ именно его? Можетъ быть, этому способствовала самая пустая случайность: онъ замѣтилъ, что у Корещенскаго была манера о своей дѣятельности говорить съ легкой иронической усмѣшкой.

Да, ему показалось, что этотъ человѣкъ, отдававшій дѣлу дяди всѣ свои силы безъ остатка, самъ переживаетъ сомнѣнія и такого именно человѣка ему хотѣлось послушать. И однажды онъ обратился къ Корещенскому:

— Назначьте мнѣ часъ, Алексѣй Алексѣевичъ, у себя... Мнѣ хочется поговорить съ вами.

Корещенскій посмотрѣлъ на него испытующимъ взглядомъ. Онъ самъ давно уже присматривался къ этому юношѣ, и ему казалось страннымъ, что онъ, стоя у такого могущественнаго

источника всякихъ служебныхъ благъ, не рѣшается начать службу при дядѣ.

— Пожалуйста, Володя, изберите воскресный день, когда я все-таки до извѣстной степени принадлежу себѣ. Обыкновенно въ этотъ день я вылеживаюсь на диванѣ. Но, вѣдь, можно бесѣдовать и лежа... И такъ, въ воскресенье приходите ко мнѣ завтракать. Я завтракаю только по воскресеньямъ. И дѣлаю это у себя въ номерѣ. Въ ресторанъ мнѣ нельзя спускаться. Вѣдь я здѣсь вродѣ чуда-юда рыбы-кита. Сейчасъ начинаютъ пялить глаза и показывать пальцемъ.

И въ ближайшее воскресенье Володя былъ у Корещенскаго. Столъ уже былъ сервированъ на двоихъ. Они сейчасъ же засѣли за завтракъ. Говорили о разныхъ пустякахъ, большею частью вспоминали житье-бытье въ южномъ городѣ.

Послѣ завтрака Корещенскій прилегъ на диванъ и сказалъ:

— Теперь давайте разговаривать. Насколько я понимаю, вы, Володя, полны сомнѣній?

— Да, Алексѣй Алексѣевичъ, я полонъ сомнѣній!—отвѣтилъ Володя,—но гораздо важнѣе вотъ что: мнѣ кажется, что и вы полны сомнѣній...

— Ха, ха, ха...—съ оттѣнкомъ сарказма громко разсмѣялся Корещенскій:—хороша эта фигура человѣка, изъ двадцати четырехъ часовъ отдающаго дѣлу двадцать одинъ, неусыпно проектирующаго и разрабатывающаго, воюющаго, защищающаго, лѣзущаго въ драку и въ то же время въ полезности всего этого сомнѣвающагося... Живописная фигура. Съ чего же это вамъ показалось, милый Володя?

— Такъ, показалось да и только,—хмуро отвѣтилъ Володя.

— Ну, такъ вы ошибаетесь. Не сомнѣваюсь я, ибо сомнѣніе ведетъ къ колебаніямъ, которыя могутъ разрѣшиться такъ и этакъ... Всѣ герои и подвижники наканунѣ своихъ подвиговъ сомнѣвались и колебались и для иныхъ изъ нихъ сомнѣніе было тѣмъ огнемъ, изъ котораго они выходили закаленными бойцами. А я не сомнѣваюсь. Я просто не вѣрю, ни одной секунды не вѣрю.

Володя быстро поднялся и широко раскрытыми глазами смотрѣлъ на него. Такого категорическаго заявленія онъ не ожидалъ. Сомнѣвающагося человѣка онъ готовъ былъ встрѣтить. Эта суточная работа, отнимавшая у него почти всѣ сутки, могла отнять у него возможность сосредоточиться и рѣшить, и состояніе сомнѣнія могло длиться безконечно долго. Но чтобы невѣрующій въ свое дѣло человѣкъ могъ такъ отдаваться ему, этого онъ не понималъ.

— Вы не вѣрите? Вы?

— Не вѣрю, ни на одинъ грошъ не вѣрю.

— И вы отдаете ему силы?

— Рѣшительно всѣ.

— Во имя чего?

— Батюшка мой, этого въ двухъ словахъ не скажешь. Я только спрошу васъ: чему я долженъ вѣрить? Во что? Я человѣкъ извѣстнаго вамъ направленія. Россія для меня состоитъ не изъ двухъ-трехъ милліоновъ людей, тѣмъ или другимъ способомъ взявшихъ палку и ставшихъ поэтому капралами, а изъ ста сорока милліоновъ народа, а я же отлично понимаю, что отъ всѣхъ моихъ неусыпныхъ трудовъ сто тридцать семь милліоновъ даже не шелохнется. Если вы хотите знать, мой милый, что собственно такое я собой представляю, то я вамъ скажу,—скажу въ видѣ сравненія. А вы понимайте, какъ знаете. Прилагайте сообразно вашимъ способностямъ. Я фокусникъ. Видѣли вы когда-нибудь хорошаго фокусника? Видѣли? прекрасно. А видѣли-ли вы плохого фокусника, который довольствуется успѣхомъ въ уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ. Тоже видѣли? Великолѣпно. Такъ вотъ-съ, былъ нѣкогда господинъ Ножанскій, это былъ плохой дешевый фокусникъ. Это тѣ господа, которые дѣлаютъ яичницу въ цилиндрѣ, вынимаютъ изо-рта множество разноцвѣтныхъ лентъ, показываютъ исчезновеніе двойки пикъ, манипулируютъ съ волшебнымъ столикомъ... Это фокусы съ заготовкой. Яичница имѣется въ самомъ цилиндрѣ, въ которомъ искусно устроено двойное дно. Ленты лежатъ клубкомъ у него во рту, карты подготовлены, а въ волшебномъ столикѣ все заранѣе устроено и искусно скрыто. А мы дѣлаемъ наши фокусы одной ловкостью. Во мгновеніе ока, пока зрители моргаютъ глазами, мы успѣваемъ совершить явленіе, которое кажется міровымъ, но въ дѣйствительности мыльный пузырь. И мы умѣемъ мыльный пузырь преподнести въ такомъ великолѣпномъ видѣ, что онъ кажется новымъ солнцемъ.

— Но, позвольте, позвольте... Алексѣй Алексѣевичъ, для чего вы это дѣлаете, почему вы это дѣлаете?

— Почему и для чего?—онъ пожалъ плечами.—Почему же мнѣ этого не дѣлать? Я призванъ. Для этого я сдѣлалъ большія усилія...

— Да вы когда поняли это?

— Увы, въ томъ-то и вся штука, что я понялъ все это уже здѣсь, на мѣстѣ. Левъ Александровичъ—обаятельный умъ, онъ соблазнилъ меня самымъ естественнымъ образомъ, и, когда онъ меня соблазнилъ, я горѣлъ и пылалъ и думалъ: а, такъ вотъ оно мое призваніе. Я призванъ спасти Россію. Это, мой милый, случается съ невинными дѣвушками, когда какой-нибудь обаятельный прелестникъ въ жаркомъ монологѣ, ставъ передъ нею на колѣни, обѣщаетъ ей «жизнь иную», тамъ, гдѣ-то на облакахъ и

тѣмъ склоняетъ ее къ паденію, а послѣ паденія элегантно приподнимаетъ шляпу и раскланивается. Ну, такъ ей ужъ одно только и остается: совершать паденіе и впредь. Ибо невинность вернуть уже никакъ невозможно. Такъ точно и я: началъ я дѣйствовать, неусыпно работать. Работаю, батюшка, работаю и все чувствую какую-то неловкость. Знаете, такое ощущеніе, какъ вотъ иногда человѣкъ ѣстъ сладкое и руки у него дѣлаются липкими. Такъ непріятно, хочется руки помыть да негдѣ. Сперва думалъ: не освоился, не осмыслилъ, не уразумѣлъ... А потомъ какъ-то собрался съ духомъ и залѣзъ въ свою душу съ ножемъ и—о, ужасъ! Нашелъ тамъ заготовленные клубки разноцвѣтныхъ лентъ, двойныя дны съ яичницей...

— И послѣ этого?

— И послѣ этого я продолжалъ дѣлать тоже и, могу васъ увѣрить, что дѣло отъ этого только выиграло, ибо послѣ этого я сталъ уже сознательнымъ фокусникомъ, а, значитъ, и болѣе совершеннымъ

— Нѣтъ,—вдругъ воскликнулъ онъ послѣ полуминутнаго молчанія,—это можно формулировать иначе и гораздо лучше. Знаете-ли что, милый молодой человѣкъ, знаете-ли что было послѣ этого? Послѣ этого я сдѣлался вдругъ циникомъ. Вотъ настоящее слово. И вотъ вамъ еще филологическое открытіе, которое вы можете опубликовать въ либеральной газетѣ, приписавъ авторство себѣ,—а именно: слово чиновникъ есть испорченное «циникъ». Да это же очень просто: произошла естественная перемѣна буквы ц въ ч. Циновникъ. *О*, *в*, и *н*. это вставка, по требованію фонетики русскаго языка, и вотъ вамъ *циникъ*. И долженъ вамъ сказать, какъ результатъ моихъ наблюденій и размышленій, что настоящій чиновникъ есть всегда непремѣнно и безусловно циникъ. Да какъ же иначе? Нельзя же допустить, что всѣ чиновники глупы и слѣпы и глухи, что они не видятъ, не слышатъ и не понимаютъ. Они отлично все понимаютъ, они прекрасно знаютъ, что отъ ихъ дѣятельности Россіи, настоящей Россіи, не хуже и не лучше, и что они работаютъ ни болѣе, ни менѣе, какъ на табель о рангахъ, понимая сіе въ весьма широкомъ смыслѣ. Истинный чиновникъ пишетъ проектъ или докладъ и усмѣхается. Только на людяхъ эта усмѣшка не видна. Она у него подъ усами, а когда онъ одинъ, такъ у него ротъ дѣлается до ушей. И потому онъ циникъ, и потому я циникъ. Вотъ вамъ, юноша,—кушайте на здоровье. Не знаю, какъ это вамъ удалось извлечь изъ меня, потому что я до сихъ поръ никому никогда не говорилъ; но ужъ извлекли, такъ кушайте на здоровье..

Володя буквально бѣгалъ по комнатѣ. Такого признанія отъ Корещенскаго онъ дѣйствительно не ожидалъ. Еще недавно, нѣ-

сколько мѣсяцевъ тому назадъ, онъ зналъ его за человѣка строгихъ, твердыхъ принциповъ, работавшаго надъ дѣломъ, которое считалъ полезнымъ и важнымъ, и вдругъ такой цинизмъ, дѣйствительно, цинизмъ...

Его неопытный въ житейскихъ дѣлахъ умъ не могъ сразу переварить такого скачка и онъ былъ глубоко взволнованъ и несчастливъ.

— Но зачѣмъ? Зачѣмъ это все? Ради чего? спрашивалъ онъ и самъ не замѣчалъ, какъ руки его складывались въ умоляющій жестъ и въ голосѣ звучало отчаяніе.

— Зачѣмъ? Затѣмъ, что сдвинули меня съ мѣста. Не надо было сдвигать. Сидѣлъ я въ маленькой норѣ и истреблялъ злокачественныхъ змѣй, коихъ тамъ находилъ. Занятіе не широкаго масштаба, а все-таки полезное. Меня вытащили изъ норы и поставили на широкій путь и сказали: осуществляй Я и началъ осуществлять. А когда понялъ истину, да подумалъ о прежней норѣ, такъ для меня стало ясно, какъ день, что я ужъ въ нее обратно ни за что не влѣзу. Растолстѣлъ, разбухъ

— Слушайте, Алексѣй Алексѣевичъ, да вѣдь это невозможно! Вѣдь вы были человѣкомъ твердымъ, я считалъ васъ непоколебимымъ. Во что же тогда вѣрить? Боже мой! на кого смотрѣть?

— Послушайте, мой милый юноша,—сказалъ Корощенскій и, видимо задѣтый за живое, поднялся и сѣлъ на диванъ.—Вы говорите, что я былъ непоколебимъ? Вздоръ! Если бы я былъ непоколебимъ, не поддался бы я увѣщанію Льва Александровича. Да, я тогда увѣровалъ и воспылалъ, но вѣдь это же наивно! Увѣровалъ потому, что хотѣлъ увѣровать. Былъ слѣпъ потому, что завязалъ себѣ глаза. Развѣ взрослый человѣкъ, желающій быть искреннимъ съ самимъ собой, могъ бы увѣровать въ похвальбу, хотя бы и генія—а между нами сказать, Левъ Александровичъ все-таки не геній—при помощи угольковъ, разведенныхъ подъ треножникомъ, да и хотя бы цѣлаго костра, растопить, расплавить ледники сѣвернаго полюса?.. Да не ясно-ли, что для этого надобно зажечь всю Россію, всѣ сто-сорокъ милліоновъ, чтобы они горѣли, чтобы костеръ составился изъ всѣхъ ея дремучихъ лѣсовъ, а поднимающееся отъ него пламя подожгло бы самое небо. А я повѣрилъ... Мы освѣжимъ торговлю, мы подымемъ и укрѣпимъ курсъ, мы урегулируемъ тарифы... Чертъ возьми, тарифы, курсъ, торговля... Когда сто милліоновъ еле-еле влачатъ существованіе... Торговля для тысячи крупныхъ коммерсантовъ, курсъ для десятка банкировъ, а тарифы для сотни крупныхъ хлѣботорговцевъ... И въ это повѣрить? Этимъ зажечься и горѣть? Страну безправную, темную, голодную можно поднять тарифами, курсомъ, торговлей? Да, если бы ввести торговлю живыми людьми,—милліоны

съ удовольствіемъ бы продали себя въ рабство. И оживилась бы торговля... людьми. А я въ это повѣрилъ? Вздоръ... Я сдѣлалъ только видъ передъ самимъ собой, что повѣрилъ.

— Но зачѣмъ? Для чего вамъ это!

— Для чего? Скажу. Теперь ужъ все скажу вамъ, юноша; ибо впустилъ васъ ужъ такъ далеко, что назадъ ворочать васъ было бы даже глупо. Для чего? А для чего я надсаживалъ грудь девять битыхъ лѣтъ въ классической гимназіи и окончилъ оную съ золотой медалью? Для чего я, въ бытность студентомъ, корпѣлъ надъ источниками, просиживая по восемь-десять часовъ въ публичной библіотекѣ. Для чего я ломалъ голову надъ диссертаціей, стараясь превзойти ученостью моихъ наставниковъ? Я хотѣлъ жить и работать, я желалъ двигать науку, — наконецъ, у меня было самолюбіе, я расчитывалъ составить себѣ имя въ наукѣ и занять достойное положеніе въ обществѣ. А со мной что сдѣлали? Мнѣ даже понюхать не дали каѳедры... Я не дѣлалъ ни пороха, ни бомбъ, я человѣкъ мирныхъ наклонностей. Я ни противъ кого не замышлялъ убійства, революціи, я только мыслилъ свободно... Я дѣлалъ только то, что обязательно для человѣка, посвятившаго себя наукѣ, ибо, если онъ мыслитъ не свободно, а сообразно указаніямъ, то онъ не наукѣ служитъ, а проституціи. И за это меня выгнали изъ университетской корпораціи, за это же швырнули въ мѣста, хотя и не столь отдаленныя, но достаточно отвратительныя, подвергли вѣчному надзору, травили меня, мѣшали мнѣ занимать мѣста, которыя мнѣ нравились и, послѣ всѣхъ этихъ умоистощающихъ страданій, высшее, чего я могъ достигнуть—это постъ земскаго статистика, да и тутъ каждую минуту грозили мнѣ лишеніемъ мѣста и ссылкой. Я считаю, что моя жизнь, какъ я ее понимаю, разбита. Такъ пусть-ка они мнѣ и заплатятъ за то, что я претерпѣлъ, за всѣ мои труды и лишенія. Ну, вотъ они и платятъ, заплатятъ еще больше, вотъ вамъ и все.

И, выпаливъ это, онъ хлопнулся на диванъ и грузно опустилъ голову на подушку.

Володя ходилъ по комнатѣ, удрученный, придавленный, убитый. Въ сущности онъ видѣлъ передъ собой раненую душу, которая кричала отъ боли. Такое впечатлѣніе онъ получилъ отъ всей этой исповѣди. Не хвастовство и не задоръ слышались для него въ рѣчахъ Корещенскаго, а боль и отчаяніе.

Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго глубокаго молчанія. Володя остановился.

— А дядя? промолвилъ онъ.—Что вы думаете о дядѣ?

Корещенскій не сразу отвѣтилъ. Прошло еще нѣкоторое время молчанія и тишины.

— Вашъ дядя,—сказалъ наконецъ онъ, замѣтно утомленнымъ голосомъ,—вашъ дядя человѣкъ совсѣмъ иного склада. Онъ не похожъ на насъ съ вами. Для его созданія была употреблена совсѣмъ другая глина. Такой глины у насъ въ Россіи нѣтъ. Ее выписываютъ изъ-за границы. Видите ли, есть люди, у которыхъ сердце болитъ по Россіи и никогда не перестаетъ болѣть. Есть люди, у которыхъ оно болѣло, но перестало болѣть. Ну, бываетъ же такъ, что рана зарубцуется и никогда уже не открывается. Только передъ дурной погодой въ ней начинаетъ зудить старая боль. Но есть такіе, у которыхъ оно никогда не болѣло и они не знаютъ, что такое эта боль. Таковъ вашъ дядя. И это не значитъ, что онъ плохой человѣкъ. Напротивъ, онъ прекрасный человѣкъ, доброжелательный, готовый сдѣлать всякое добро и нисколько не склонный къ причиненію зла. Но онъ весь—въ себѣ. Онъ—личность и при томъ выдающаяся. Весь его міръ заключенъ въ немъ самомъ. Онъ служитъ только себѣ самому, своей личности. На югѣ онъ ее возвысилъ удивительно. Мы знаемъ исторію этого возвышенія. Но тамъ дальше некуда было итти. Открылся новый путь и онъ ступилъ на него, чтобы вести свою личность дальше, выше, въ новыя сферы. И онъ отлично понимаетъ, что для этого нужно, кому надо служить. Онъ понимаетъ, что народу служить— возвышенно, почтенно; прекрасно знаетъ, что за службу народу въ наше время и въ нашей странѣ—угодишь только въ тюрьму, на каторгу и на висѣлицу... Служба же другимъ ведетъ къ почету, къ знаменитости, къ могуществу. Онъ просто ищетъ, гдѣ бы повыгоднѣй для своей личности устроить свой умъ, свою энергію, свои знанія. Будь это въ другой странѣ, гдѣ народъ имѣетъ значеніе, гдѣ именно служба народу ведетъ ко всему этому, онъ великолѣпно служилъ бы народу всѣми своими силами... Такъ бродячій музыкантъ, попавъ къ богатому магнату, увеселяетъ своимъ искусствомъ его и его гостей, не обращая ни малѣйшаго вниманія на прислуживающій имъ народъ, толпящійся въ передней. Онъ кончилъ и получилъ плату и идетъ дальше и, встрѣчая на пути жнецовъ и жницъ въ рабочихъ одеждахъ и безъ сапогъ, играетъ имъ тѣже самыя мелодіи, довольствуясь отъ нихъ жалкими грошами.

— Такъ что, по вашему, дядя дѣлаетъ это сознательно?— спросилъ Володя.

— Безусловно. Левъ Александровичъ ничего не дѣлаетъ несознательно. Онъ тонко понимаетъ всякія извилины. Ну-съ, молодой человѣкъ, теперь вы познали истину... Чѣмъ еще могу васъ утѣшить?

— Ничѣмъ, Алексѣй Алексѣевичъ... Теперь ужъ ровно ничѣмъ.

— На службу къ намъ не поступите?

— Нѣтъ, не поступлю. Воздержусь.

— Прекрасно, хотя и не практично.

— Еще я хочу васъ спросить, Алексѣй Алексѣевичъ,—будетъ ли облегчена судьба Максима Павловича?

— Ахъ, да,- я уже имѣю возможность сказать вамъ это: это удалось. Максимъ Павловичъ на дняхъ будетъ освобожденъ. Его арестъ, такъ сказать, подведенъ подъ недоразумѣніе.

— И это сдѣлалъ дядя?

— Если хотите, не будь вашъ дядя тѣмъ, что онъ есть, этого никакъ нельзя было бы сдѣлать. Онъ самъ не принималъ въ этомъ участія, онъ только пожелалъ этого.

— То-есть, въ концѣ концовъ, кому же этимъ будетъ обязанъ Максимъ Павловичъ?

— Ему, ему. Его доброму желанію... Уходите?—прибавилъ онъ, видя, что Володя взялъ свою шапку.

— Да, мнѣ пора. Я засидѣлся у васъ.

— По крайней мѣрѣ, не безъ пользы, не правда-ли? Мнѣ не зачѣмъ прибавлять, что моя исповѣдь останется у васъ на духу...

— Конечно... Вы слишкомъ много довѣрили мнѣ, Алексѣй Алексѣевичъ.

Володя подалъ ему руку. — И знаете, что я вамъ скажу на прощанье,—прибавилъ онъ:—простите, что я вамъ это скажу. Мнѣ жаль васъ, Алексѣй Алексѣевичъ.

— И мнѣ тоже, Володя,—откликнулся Корещенскій.

Володя пожалъ его руку и ушелъ. Прошло дней пять послѣ этого. Володя опять встрѣтился лицомъ къ лицу съ своимъ дядей.

— Ну, когда же ты рѣшишь вопросъ о службѣ?—спросилъ его Левъ Александровичъ.

— Я, дядя, зачислился въ помощники присяжнаго повѣреннаго.

— Да? Съ чего же это? Ты пріѣхалъ служить и вдругъ такъ круто измѣнилъ рѣшеніе.

— У меня къ этому больше склонности.

— Къ кому же ты записался?

— Къ Болоцкому.

— Знаю его. Блестящій и горячій ораторъ, но плохой цивилистъ. Не знаю, чему ты у него научишься. Жаль, что не могу быть тебѣ полезенъ.

— Я, дядя, нѣкоторое время долженъ жить у васъ.

— Пожалуйста, не нѣкоторое время, а просто живи.

— Это неудобно, дядя,—если у меня явится практика, будутъ приходить.

— Ну, до практики еще далеко. А, впрочемъ, если узнаютъ о твоемъ близкомъ родствѣ со мной, практика придетъ очень скоро.

— Я не намѣренъ эксплоатировать свое родство съ вами.

Левъ Александровичъ одобрительно похлопалъ племянника по плечу.—И я не изъ тѣхъ дядей, которые позволяютъ себя эксплоатировать.

XIX.

Володя получилъ письмо отъ Зигзагова.

«Мой милый юный другъ! Не знаю, какому доброму генію я обязанъ свободой. Но я ею пользуюсь, это фактъ неопровержимый.

Признаюсь, я считалъ себя ввергнутымъ въ послѣднюю бездну, изъ которой нѣтъ уже выхода. Всевозможные слѣдователи и прокуроры увѣрили меня, что я виновенъ отъ ногъ до головы, что я одинъ изъ опаснѣйшихъ разрушителей и пр. и пр. и что мнѣ уготовлено мѣсто въ катаргѣ, и вдругъ,—о, добрые силы природы,—мнѣ объявляютъ: вы свободны.

Я до того былъ огорошенъ, что даже не воздержался и выразилъ изумленіе, почти протестъ. Какъ? Почему? Я такъ виновенъ, я такъ опасенъ...

— Вы свободны! и больше никакихъ разговоровъ. За вами будетъ учрежденъ негласный надзоръ.

Но, такъ какъ я россійскій гражданинъ, то негласный надзоръ за мною учрежденъ отъ перваго моего вздоха, отъ часа моего рожденія. И мнѣ даже дана свобода передвиженія, которой я и думаю воспользоваться.

Здѣсь жить скучно. Всѣхъ моихъ друзей или въ тюрьму посадили или разогнали въ дальніе концы моей родины. Хочу пріѣхать къ вамъ, облобызать руку госпожи министерши и полюбоваться на то, какъ нашъ многоумный Левъ Александровичъ спасаетъ отечество.

Но чуръ, никого не предупреждать о моемъ пріѣздѣ. Я хочу явиться сюпризомъ, хотя и боюсь, какъ бы для кой-кого сюрпризъ не превратился въ кошмаръ.

Не говорите даже Натальѣ Валентиновнѣ. Вамъ же скажу что намѣренъ выѣхать въ субботу, а слѣдовательно въ Петербургѣ буду во вторникъ.

Приходите на вокзалъ и устройте мнѣ торжественную встрѣчу, но въ вашемъ единственномъ лицѣ. Обнимаю васъ, если вы въ настоящую минуту не въ чиновничьемъ вицъ-мундирѣ».

Это письмо было радостью для Володи. Хотя разговоръ съ Корещенскимъ и далъ ему рѣшимость опредѣлить для себя дорогу и онъ отвергъ службу и избралъ адвокатуру, тѣмъ не менѣе у него была страстная потребность съ кѣмъ нибудь вдвоемъ заново передумать обо всемъ томъ, что онъ слышалъ здѣсь и видѣлъ.

И Зигзаговъ былъ для этого самый подходящій человѣкъ. Къ этому былъ черезвычайно приспособленъ складъ его ума—тонкаго, проницательнаго и насмѣшливаго.

У самого Володи всѣ мысли по этому предмету складывались какъ-то трагически и для облегченія его мозга нужно было облить ихъ смѣхомъ, и именно такимъ изящнымъ, какъ у Зигзагова.

И онъ ждалъ его. Ему трудно было скрывать о пріѣздѣ Максима Павловича отъ Натальи Валентиновны. Онъ зналъ, что для нея это будетъ тоже радость. И хотя это было просто шутливая выходка со стороны Зигзагова, но все же онъ не хотѣлъ преступать его воли.

И вотъ насталъ вторникъ. Володя просилъ прислугу, чтобы его разбудили рано. Въ Петербургѣ онъ пріучился къ позднему вставанію.

Въ половинѣ восьмого утра онъ вышелъ изъ дома и ѣхалъ на Варшавскій вокзалъ. Утро было темное, тусклое и морозное. Вокзалъ еще былъ освѣщенъ фонарями. Онъ пріѣхалъ слишкомъ рано и съ полчаса пришлось бродить ему по платформѣ.

Наконецъ, показался поѣздъ. Десятка два хмурыхъ петербуржцевъ, какъ и онъ, кого то встрѣчавшихъ, оживились. Произошло движеніе. Поѣздъ подъѣхалъ, остановился.

Максимъ Павловичъ выскочилъ изъ вагона и они бросились другъ другу въ объятія.

— Ну, везите меня въ какую нибудь гостинницу. Вы петербуржецъ, а я пятнадцать лѣтъ тому назадъ провелъ здѣсь три дня. О, какое скверное утро! И все здѣсь такъ?

— Почти все, сказалъ Володя.

Носильщикъ тащилъ чемоданъ Максима Павловича, очень помѣстительный и тяжелый. Другого багажа не было. Извозчикъ повезъ ихъ на Малую Морскую.

— Ну, вы сейчасъ на службу? сказалъ Максимъ Павловичъ.

— Я не служу! отвѣтилъ Володя.

— Какъ? Еще нѣтъ?

— Уже нѣтъ. И не буду. Я адвокатъ.

— А разскажите, разскажите.

— Да что разсказывать пустяки! Это все потомъ разскажется. Какъ вы? Вѣдь просидѣли въ тюрьмѣ недѣль шесть...

— Да вѣдь это для меня ощущеніе не новое. Дня по три уже приходилось сидѣть. Впрочемъ было и новое. Увѣренность, что больше ужъ не выйду. О, это проклятое чувство! Оно стискиваетъ всѣ ваши духовныя способности. Оно дѣлаетъ человѣка маленькимъ жалкимъ звѣрькомъ, готовымъ за одинъ лучъ солнца отступить отъ самыхъ святыхъ своихъ кумировъ... О, какіе это силачи, тѣ, что и въ каторгѣ остаются непоколебимыми! Но

объясните мнѣ, Володя, чудо моего освобожденія. Вѣдь несомнѣнно, что это отсюда. Какъ же это могло случиться?

— Не знаю. Это какая то тайна. Я спрашивалъ Корещенскаго. Онъ говоритъ, что дядя самъ не хлопоталъ, а какъ то тамъ благодаря его положенію... Не знаю. Но это все равно. Въ концѣ концовъ, разумѣется, все это случилось, благодаря дядѣ.

— Ну, конечно. Разсказывайте же о Корещенскомъ, о Натальѣ Валентиновнѣ... Ахъ, да, я забылъ вамъ сказать. Вѣдь я пріѣхалъ не въ гости, а въ качествѣ новаго петербургскаго обывателя. «Пожаръ способствовалъ мнѣ много къ украшенію»... Послѣ тюрьмы я сейчасъ-же получилъ блестящее предложеніе и буду писать здѣсь въ одной газетѣ.

Они пріѣхали въ гостинницу и черезъ нѣсколько минутъ были въ номерѣ. Максимъ Павловичъ былъ голоденъ и распорядился на счетъ чаю. Володя тоже ничего еще не пилъ.

Они усѣлись за чайнымъ столомъ, и Володя дѣлалъ ему «докладъ» о своихъ петербургскихъ впечатлѣніяхъ. Онъ разсказалъ о томъ, какою нашелъ здѣсь Наталью Валентиновну, а потомъ перешелъ къ Корещенскому.

Онъ вспомнилъ о своемъ обѣщаніи, данномъ Корещенскому, что его исповѣдь останется у него «на духу». И сказалъ Зигзагову объ этомъ своемъ затрудненіи. Но Максимъ Павловичъ облегчилъ его.

— Вы, милый, можете не преступать вашего обѣщанія. Корещенскаго я хорошо знаю. Въ его характерѣ нѣтъ эластичности. Онъ можетъ или фанатически увѣровать, или сценически продаться. Однако же, онъ настолько уменъ, что я не ошибусь, сказавъ, что здѣсь ему вѣровать не во что.

Володя ухватился за это и разрѣшилъ себя отъ клятвы. Онъ разсказалъ о своемъ свиданіи съ Корещенскимъ и былъ очень удивленъ, когда со стороны Максима Павловича не встрѣтилъ ни изумленія, ни негодованія.

— Ахъ, милый, это все въ порядкѣ вещей. Бываютъ герои, мы ими любуемся и удивляемся имъ. Но и герои утомляются. И въ концѣ концовъ человѣкъ созданъ не для геройскихъ подвиговъ, а для того, чтобы жить, пользуясь благами жизни. Если геройство возвести въ долгъ, то, по крайней мѣрѣ, десять милліоновъ россійскихъ обывателей должны пойти въ тюрьму. Не надо быть даже особенно слабымъ, чтобы любить жизнь и предпочитать всему на свѣтѣ свободу,

— А васъ, Максимъ Павловичъ, тюрьма, кажется, усмирила!— сказалъ Володя.

— Нѣтъ, милый, я всегда любилъ жизнь, даже тогда, когда пускалъ себѣ пулю въ високъ. И скажу вамъ такъ: что если бы

мнѣ предложили стать въ положеніе Корещенскаго, я отказался бы, но не изъ геройства. Тутъ было бы совсѣмъ другое. Паническая продажа своего труда кому угодно за хорошую плату, есть что-то рыночное и некрасивое... А я сознательно никогда не позволю себѣ ничего некрасиваго.

Они бесѣдовали до полудня. Въ это время Зигзаговъ привелъ себя въ порядокъ, переодѣлся и они поѣхали къ Балтовымъ.

Наталья Валентиновна уже была одѣта и въ домѣ собирались завтракать. Льва Александровича по обыкновенію не было дома.

Эффектъ появленія Максима Павловича былъ чрезвычайный. Онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на двухъ концахъ. Наталья Валентиновна просто по-дѣтски обрадовалась ему и прежде всего тому, что онъ свободенъ, невредимъ и здоровъ. Она до сихъ поръ не была въ этомъ увѣрена.

Въ глазахъ Лизаветы Александровны сверкнулъ холодный блескъ, когда она услышала звучный и мягкій голосъ Максима Павловича. Она знала всю послѣднюю исторію приключеній Зигзагова и считала его появленіе въ домѣ ея брата страшной безтактностью.

Конечно, она отлично «выдержала себя» и на привѣтствіе Максима Павловича, когда они собрались въ столовой, отвѣтила даже улыбкой, но въ душѣ вся была противъ него.

У нея даже созрѣло рѣшеніе на этотъ разъ по отношенію къ брату выйти изъ своей пассивной роли и настойчиво посовѣтовать ему отказать этому господину отъ дома. Человѣкъ, сидѣвшій въ тюрьмѣ за участіе въ дѣлѣ, которое на-дняхъ будетъ разбираться въ судѣ и кончится чуть-ли не казнью, человѣкъ, получившій свободу только благодаря могущественному вліянію ея брата—кажется, могъ бы и самъ понять неумѣстность своего посѣщенія.

Но въ этотъ день ей пришлось прямо растеряться отъ изумленія. Это случалось очень рѣдко, что Льву Александровичу удавалось попасть домой къ завтраку. И въ этотъ день онъ, никѣмъ неожиданный, явился.

И Лизавета Александровна была свидѣтельницей того, съ какимъ взрывомъ радости Левъ Александровичъ, увидѣвъ за столомъ Максима Павловича, подбѣжалъ къ нему и съ какой сердечной теплотой заключилъ его въ объятія.

— Ужасно радъ, хотя вы не повѣрите, что ваша свобода для меня сюрпризъ! — сказалъ онъ. — Изъ этого вы можете прежде всего сдѣлать выводъ, что меня тутъ благодарить не за что.

Но пребываніе его дома было до такой степени кратко, что Максимъ Павловичъ не успѣлъ даже хорошенько разглядѣть его.

Оно длилось не больше двадцати минутъ, и настоящее свиданіе было отложено на обѣденное время.

— Сегодня послѣ обѣда я никуда не поѣду. Я просто объявлюсь больнымъ и пусть Корещенскій представительствуетъ за себя и за меня.

И онъ торопливо позавтракалъ и исчезъ.

Но вечеромъ свиданіе было неудачно. Левъ Александровичъ пріѣхалъ въ восемь часовъ, за обѣдомъ говорилъ мало и видимо чѣмъ-то былъ озабоченъ. Разговоръ не ладился и Максимъ Павловичъ почувствовалъ, что ему надо раньше уѣхать.

И это было необходимо. Левъ Александровичъ крайне нуждался въ томъ, чтобы остаться вдвоемъ съ Натальей Валентиноновной.

— Ты чѣмъ-то разстроенъ?—прямо спросила она.

— Непріятности съ Корещенскимъ,—сказалъ Левъ Александровичъ.—Пріѣхала его жена. Вошла въ сношеніе съ кругами иного направленія и всюду честитъ его подлецомъ, измѣнникомъ своимъ убѣжденіямъ, ренегатомъ. И при этомъ живетъ на его счетъ. Какъ это удивительно совмѣщается въ женщинѣ!

— Что же въ этомъ собственно тебя разстраиваетъ? спросила Наталья Валентиновна.

— Да именно то, что она дѣлаетъ это все шумно и скандально, съ явнымъ расчетомъ компрометировать его. И ко всему распространяетъ разсказы о какихъ то его связяхъ съ сомнительными женщинами. А это дѣлаетъ его положеніе шаткимъ, и меня можетъ поставить въ необходимость разстаться съ нимъ.

— Добровольно?

— Да, чтобы не ждать, когда придется сдѣлать это недобровольно. Но я безъ него, какъ безъ рукъ. Правда, у меня есть одно средство...

— Какое?

— Да просто выслать ее изъ Петербурга.

— Но это ужасно, Левъ Александровичъ! Вѣдь она ничего преступнаго не совершила.

— Къ сожалѣнію... Она дѣлаетъ не уголовныя гадости.

— Зачѣмъ она все это дѣлаетъ?

— Во первыхъ, изъ чувства обиды. Онъ оставилъ ее на югѣ и не позвалъ сюда. А во вторыхъ, просто такой скандальный характеръ. Вѣдь она и тамъ, не смотря на то, что онъ жилъ въ семьѣ, разсказывала про него гадости и устраивала ему скандалы. И какимъ-то образомъ это уже распространилось и мнѣ дѣлали прямые намеки и я долженъ былъ молчать. Мнѣ особенно тяжело будетъ съ этимъ, пока наши отношенія съ тобой не урегулируются... Разводъ тянется больше, чѣмъ я ожидалъ. Уже пять недѣль прошло. Мигурскій, желая выторговать какъ можно

больше, всячески тормозитъ его. О, когда это совершится, я буду совсѣмъ иначе съ ними разговаривать.

— Значитъ, тебѣ это очень вредитъ?

— Не то... Это меня сдерживаетъ. И не могу развернуть всѣ свои силы, выпалить разомъ изъ всѣхъ пушекъ. Мнѣ приходится ладить съ людьми, которыхъ я считаю вредными и которые въ сущности стоятъ мнѣ на дорогѣ...

— На дорогѣ къ чему? спросила Наталья Валентиновна.

— Къ власти, Наташа... Къ настоящей, ни съ кѣмъ не раздѣляемой, власти. Только эту цѣль я признаю и на меньшемъ не примирюсь. Если бы я не имѣлъ въ виду этого, я ушелъ бы. Мои враги ничтожны. Побороть мнѣ ихъ стоило бы самыхъ незначительныхъ усилій, но для этого самъ я долженъ быть безупреченъ. И еще, Наташа, я хочу просить тебя объ одномъ не легкомъ подвигѣ. Я знаю, что ты дорожишь дружбой Максима Павловича, ради тебя я допустилъ, чтобы хлопотали о его освобожденіи, но это мнѣ обошлось очень дорого. Я долженъ былъ дать отвѣтственное и почетное назначеніе завѣдомо недобросовѣстному человѣку. Но нужно, видишь-ли... Максимъ Павловичъ самъ не понимаетъ, что ему не слѣдуетъ бывать у насъ...

— Ты такъ думаешь? Это никому не пришло бы въ голову, при видѣ твоей встрѣчи съ нимъ. Неужели ты былъ не искрененъ?

— Ты меня плохо знаешь, Наташа. Я никогда не бываю лицемѣрнымъ. Я искренно радъ ему и люблю его. Но онъ и его репутація, это двѣ вещи совершенно различныя. Ты понимаешь, всякую репутацію можно измѣнить. Есть тысячи примѣровъ, когда люди реабилитировались. Человѣкъ мѣняется. И въ этомъ и состоитъ прогрессъ. Но реабилитація признается только фактическая.

— Что же долженъ сдѣлать человѣкъ, чтобы быть признаннымъ?

— Сдѣлать то, чего не сдѣлаетъ Максимъ Павловичъ. Проявить какую-нибудь положительную дѣятельность. А онъ совершенно неспособенъ къ этому. Максимъ Павловичъ милый, тонкій, красивый отрицатель. Я люблю слушать его ядовитыя замѣчанія. Его ядъ, это ядъ цвѣтка, — тонкій ароматъ его, отъ котораго бываетъ кошмаръ... Вѣдь вотъ Корещенскій казался невозможнымъ. Ножанскій пришелъ въ ужасъ при его имени. Но онъ доказалъ свою способность къ положительной дѣятельности. Теперь ужь никто въ немъ не сомнѣвается.

— Что же мы можемъ сдѣлать съ Максимомъ Павловичемъ? Неужели отказать ему отъ дома?

— Не отказать, Наташа, а помочь ему самому догадаться... Я этого не съумѣлъ бы сдѣлать. Но ты... Мнѣ кажется, что тебѣ это легче.

— Я совсѣмъ этого не думаю, Левъ Александровичъ. Я не могу себѣ представить этого.

— А между тѣмъ это необходимо, Наташа. Вѣдь черезъ нѣсколько недѣль наше семейное положеніе измѣнится. Нашъ домъ наполнится людьми. Если Максимъ Павловичъ не пойметъ этого раньше, то тогда помочь ему въ этомъ будетъ гораздо труднѣе. Между тѣмъ имя его уже было упомянуто въ газетахъ въ числѣ арестованныхъ по южному дѣлу и оно будетъ фигурировать на судѣ. Я могъ устроить его освобожденіе, но противъ этого я безсиленъ. Такъ ты подумай, Наташа, имя, которое будетъ одновременно произноситься въ политическомъ процессѣ и въ нашей гостиной... Вѣдь это безсмыслица... Вѣдь ты же должна понимать, Наташа, что, если теперь это огорчаетъ тебя, то тогда огорчитъ вдвое, такъ какъ въ крайнемъ случаѣ пришлось бы дать ему понять это. А между тѣмъ скажи, развѣ ты можешь поручиться за то, что Максимъ Павловичъ въ скорости опять не впутается въ подобную же исторію! Скажи мнѣ, Наташа, свое мнѣніе обо всемъ этомъ.

Наталья Валентиновна слушала его съ сосредоточеннымъ вниманіемъ и въ то время, когда онъ говорилъ, она именно о томъ и думала, что необходимо ей ясно выразить свое мнѣніе по поводу всего этого.

До сихъ поръ многое изъ того, что происходило вокругъ, ее удивляло. Но она какъ бы откладывала свое мнѣніе на послѣ и къ жизни, протекавшей мимо ея, относилась пассивно.

Можетъ быть, это происходило отчасти отъ того, что самъ Левъ Александровичъ жилъ какъ-то на спѣхъ и не было возможности поговорить съ нимъ сколько-нибудь основательно. Затрогивать глубокія темы, чтобы на полуфразѣ прекратить разговоръ, не было смысла.

Но сегодня онъ уже никуда не пойдетъ и, Богъ знаетъ, еще когда выпадетъ такой день.

Между тѣмъ она просто таки была недовольна собой. Въ южномъ городѣ, съ того дня, какъ она разошлась съ мужемъ, она жила самостоятельно. Ихъ сближеніе съ Львомъ Александровичемъ произошло, главнымъ образомъ, на почвѣ ея самостоятельности. Никогда она даже ему, который производилъ на нее обаятельное дѣйствіе своимъ умомъ, своимъ сильнымъ характеромъ, не поддакивала. Они часто расходились во взглядахъ и въ такихъ случаяхъ относились другъ къ другу, какъ къ уважаемому противнику.

Теперь же, во все время пребыванія ея въ Петербургѣ, что то словно ускользало изъ ея рукъ. Ей сообщали факты и, когда она пыталась возразить противъ нихъ, ей твердо заявляли, что

это необходимо и что это вызывается обстоятельствами. А затѣмъ у нея даже не было возможности высказаться.

И она собрала всѣ свои мысли и постаралась на это время забыть, что передъ нею человѣкъ, котораго она любитъ и для котораго готова многимъ поступиться.

Она какъ-бы почувствовала, что наступилъ предѣлъ, дальше котораго поступиться нельзя.

Она сказала:

— Все, что ты говоришь, Левъ Александровичъ, вѣрно для тебя, но не для меня.

— Какъ? Ты такъ рѣзко отдѣляешь наши интересы?

— Не интересы, Левъ Александровичъ, а личности. Ты не можешь сказать, что я изъ какой нибудь вздорности противорѣчу тебѣ или хочу во что-бы-то ни стало поставить на своемъ. У тебя есть доказательства того, что я иду за тобой тамъ, гдѣ тебѣ это нужно Но долженъ быть предѣлъ, Левъ Александровичъ. Ты понимаешь это лучше, чѣмъ я... Ты полюбилъ меня за что-нибудь. За то, что я была такая, какая была. А мое главное, Левъ Александровичъ, было вотъ что: я всегда на первый планъ ставила отношенія мои къ людямъ. Во всемъ, что касается меня, я всегда уступлю тебѣ. Тебѣ было нужно, чтобы я жила съ тобой въ твоемъ домѣ, не будучи твоей женой. Ты думалъ тогда, что это тебѣ нужно, потому что ты этимъ хотѣлъ кому-то бросить перчатку. Я согласилась на это безпрекословно и перемѣнила свою жизнь. И когда нѣсколько мѣсяцевъ я жила въ этой квартирѣ одна вѣдь,—совсѣмъ одна—хотя мнѣ было это очень тяжело, я ни разу не пожаловалась тебѣ на это. Вѣдь, такъ? Но потомъ ты перемѣнилъ свою тактику и брошенную перчатку самъ поднялъ... Ты нашелъ для себя полезнымъ уступить и я къ этому присоединилась, потому что это было мое, только мое... Ты пошелъ дальше. Ты завелъ переговоры съ Мигурскимъ, хотя это сдѣлало мнѣ больно и особенно то, что приступили къ этому безъ меня... И это мнѣ было тяжело перенести, но опять же это было только мое, и я отдала тебѣ его. Я это приняла. Но ты теперь коснулся другого: моихъ отношеній къ людямъ. Тутъ выступаетъ третье лицо и я уже ставлю вопросъ о справедливости. Ты идешь къ своей цѣли, Левъ Александровичъ, ты шагаешь, какъ великанъ, отшвыривая своими сильными ногами все, что лежитъ на пути и ты не замѣчаешь, что понемногу ты, если не отшвыриваешь, то отодвигаешь и меня.

— Наташа! хотѣлъ, было, остановить ее Левъ Александровичъ.

— Нѣтъ, погоди, другъ... Вѣдь я просто только разсуждаю. Но если я во всемъ, даже въ томъ, что составляетъ мою личность,— то самое, за что ты меня полюбилъ—уступлю тебѣ, то въ твоихъ

же глазахъ я сравняюсь съ землей... Понимаешь-ли, Левъ Александровичъ, во мнѣ не останется ничего, за что стоитъ любить меня. А я этого не хочу, я должна оставаться всегда сама собой, я должна стоить тебя. И я не могу такимъ образомъ поступить съ Максимомъ Павловичемъ. Я знаю, что ты изъ за этого возстанешь противъ меня, но знаю также, что за это ты будешь уважать меня.

Левъ Александровичъ сперва слушалъ ее съ выраженіемъ протеста въ лицѣ и даже какъ будто хотѣлъ остановить ее. Но потомъ, какъ-бы уловивъ ея основную мысль, онъ сталъ слушать ее съ глубокимъ вниманіемъ. И только когда она остановилась, онъ проговорилъ.

— Ты разсуждаешь правильно, Наташа. Но твои разсужденія не могутъ относиться къ этому случаю. Ты не такъ поняла меня. Я вовсе не хочу навязывать тебѣ тяжелую, почти невозможную обязанность отказать Максиму Павловичу. Избави Богъ! если бы это было крайне необходимо я сдѣлалъ бы это самъ, хотя бы страдалъ отъ этого. Но мнѣ казалось, что онъ къ тебѣ ближе, чѣмъ ко мнѣ. Ваши отношенія проще и теплѣе и онъ это самъ пойметъ какъ нибудь...

— Такъ вѣдь все же я должна была бы заставить его понять это такъ или иначе. Нѣтъ, я этого не могу сдѣлать ни въ какомъ видѣ, потому что онъ слишкомъ тонко чувствуетъ, чтобы не понимать хотя бы самую ажурную неправду. А это было бы еще болѣе оскорбительно, чѣмъ прямо заявить. При томъ же, Левъ Александровичъ... еще одно: если я поняла тебя вѣрно, ты имѣешь въ виду завести связи съ большимъ обществомъ и устроить у себя открытые пріемы... Безъсомнѣнія, нашъ домъ очень скоро наполнится. Твое имя и положеніе привлекутъ многочисленное общество...

— И твои достоинства, Наташа. Я на это гораздо больше разсчитываю...

— Я еще не знаю, есть-ли у меня эти свѣтскія достоинства. Я, вѣдь, буду дебютанткой. Но все равно, допустимъ даже, что они окажутся... Но, вѣдь, это общество будетъ мнѣ совершенно чужое. Это будутъ люди, которые ищутъ знакомства съ тобой для своихъ цѣлей. У меня не будетъ среди нихъ ни одного близкаго человѣка. Выбирать изъ ихъ среды друзей было бы напрасной мечтой. Къ тому же ты знаешь мои вкусы. Моя душа лежитъ къ тому міру, къ которому принадлежитъ Максимъ Павловичъ. Между тѣмъ ты хочешь совершенно уничтожить даже этотъ мостикъ, который связываетъ меня съ тѣмъ міромъ. Но подумай, Левъ Александровичъ, не будетъ-ли прежде всего тебѣ самому слишкомъ тяжело бремя моего одиночества?

— Можетъ быть, ты и права. Можетъ быть, Наташа. Но пойми: какъ мнѣ соединить это? Вѣдь, Максимъ Павловичъ немыслимъ, немыслимъ въ томъ обществѣ...

— А я думаю, что онъ можетъ украсить всякое общество.

— Всякое, только не это. Это общество не требуетъ ни ума, ни таланта. Оно требуетъ отъ человѣка тѣхъ достоинствъ, которыя отъ него самого нисколько не зависятъ и которыя мы съ тобой ни вотъ на столько не цѣнимъ.

— Ахъ, Левъ Александровичъ, неужели ты думаешь, что Максимъ Павловичъ будетъ стремиться въ это общество? Повѣрь, что онъ предпочтетъ мое и твое общество.

— Постой, я ловлю тебя на словѣ. Ты можешь поручиться за то, что Зигзаговъ ограничится нашимъ интимнымъ кругомъ?

— Если это необходимо, я даже поручусь...

— Ну, такъ на этомъ я могу помириться. И это только на первое время. Потомъ все это забудется. Но, понимаешь, Наташа, мнѣ это общество необходимо. До сихъ поръ я дѣйствовалъ только на дѣловыхъ чиновниковъ, на ихъ сухія головы... Мнѣ нужно еще покорить общественное мнѣніе этого круга. Я иду вверхъ довольно быстро, но надо итти еще быстрѣе, потому что въ Россіи приближается время, когда понадобится человѣкъ. Я долженъ создать себѣ такое положеніе, чтобы этимъ человѣкомъ оказался—я. Понимаешь-ли, чтобы всѣ лучи сходились вотъ на этой головѣ...

XX.

Жена Корещенскаго дѣйствительно причинила ему всяческій вредъ. Она пріѣхала въ Петербургъ совершенно неожиданно для него и явилась къ нему на службу.

Здѣсь служащіе слышали, какъ въ его кабинетѣ происходилъ необычно громкій разговоръ съ дамой, послѣ чего Алексѣй Алексѣевичъ былъ принужденъ сказать приближенному чиновнику:

— Слушайте... это моя жена... Она женщина нервно-нездоровая. Прошу васъ, распорядитесь, чтобы, когда она будетъ приходить, ей объявляли, что меня нѣтъ въ министерствѣ.

Софья Васильевна Корещенская была женщина странная, въ высшей степени не послѣдовательная въ своихъ дѣйствіяхъ. Преобладающей чертой въ ея характерѣ было женское самолюбіе, которое, можетъ быть, помимо ея воли руководило ею.

Она любила жизнь и очень даже хотѣла получше устроиться. Жизнь ея съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ до приглашенія со стороны Балтова не давала для этого никакихъ основаній. Корещенскаго сперва гнали и приходилось иногда по мѣсяцамъ переби-

ваться случайнымъ заработкомъ, а потомъ, получивъ, наконецъ, мѣсто земскаго статистика, онъ долженъ былъ довольствоваться очень скромными средствами.

Только послѣ перехода Алексѣя Алексѣевича въ Петербургъ, матеріальное положеніе семьи разомъ измѣнилось къ лучшему.

Алексѣй Алексѣевичъ нисколько не любилъ жену и питалъ весьма слабыя чувства къ дѣтямъ, тѣмъ не менѣе онъ считалъ своимъ долгомъ добросовѣстно дѣлиться съ ними. И Софья Васильевна, оставаясь жить въ южномъ городѣ, могла бы быстро поправить свои дѣла и устроиться такъ, какъ хотѣла.

Но въ ней надъ всѣмъ брала перевѣсъ оскорбленная женщина. Къ этому надо сказать, что Софья Васильевна не отличалась значительнымъ умомъ. Механически усвоивъ себѣ свободные взгляды, она не умѣла согласовать ихъ съ своими потребностями и все это въ ея головѣ путалось и заставляло ее постоянно противорѣчить себѣ самой.

Очень цѣня хорошую обстановку жизни, къ которой она всегда стремилась, она изъ чувства обиды портила репутацію мужа и такимъ образомъ подкапывалась подъ свое собственное благополучіе.

Объявляя его на всѣхъ перекресткахъ измѣнникомъ и ренегатомъ, нанявшимся администраціи за хорошее жалованье, она въ тоже время брала отъ него значительную часть его жалованья и жила на эти деньги.

Но если бы ее спросили, чего она собственно желала и она отвѣтила бы по совѣсти,—то стало бы ясно, что больше всего она хотѣла устроиться при мужѣ, чтобы занять почетное положеніе, на которое давало право его имя.

Въ Петербургъ она пріѣхала въ полной увѣренности, что застанетъ здѣсь явное нарушеніе своихъ правъ. Она воображала, что Алексѣй Алексѣевичъ устроился въ большой квартирѣ, ведетъ разсѣянный образъ жизни, кутитъ и держитъ въ домѣ какую-нибудь женщину. Воображеніе ея всегда было настроено обвинительнымъ образомъ и непремѣнно фигурировала женщина.

И она была даже нѣсколько разочарована, когда оказалось, что Корещенскій живетъ въ номерѣ гостинницы, гдѣ проводитъ всего нѣсколько часовъ, остальное же время на службѣ.

Разумѣется, сейчасъ же была пущена басня о его сношеніяхъ съ неприличными женщинами, ради которыхъ онъ будто бы и живетъ въ гостинницѣ. Получалось какое-то нагроможденіе нелѣпостей и все это попадало въ чиновный кругъ и вызывало разговоры.

Уже больше мѣсяца Софья Васильевна жила въ Петербургѣ. Корещенскій, чтобы какъ-нибудь отдѣлаться отъ нея, увеличилъ

ей содержаніе. Но она не думала униматься. Каждую недѣлю она дѣлала попытки явиться къ нему на службу, но ее не пускали. Тогда она являлась въ гостинницу, ждала его въ корридорѣ и, какъ только онъ появлялся, начинала дѣлать скандалъ, съ криками, слезами и истериками.

Надо было обладать стоицизмомъ Корещенскаго, чтобы при такихъ условіяхъ сохранять всю свою способность работать и ни на іоту не уменьшить своей дѣятельности. По всей вѣроятности, тутъ сильно помогала, выработанная еще имъ при совмѣстной жизни, привычка, да, кромѣ того, образовавшееся въ послѣднее время глубокое равнодушіе, которое сдѣлалось его преобладающей чертой. Но ему все это было, «какъ съ гуся вода».

Но совершенно иначе относился къ этому Левъ Александровичъ. До него все доходило, и при томъ изъ такихъ источниковъ, которые, имѣя сочувственный видъ, во всякое время могли повредить.

Корещенскій былъ всегда съ нимъ, всегда за одно. Ихъ объединяли. Они вмѣстѣ съ разныхъ сторонъ подпихивали на гору тотъ огромный камень, который долженъ былъ вмѣстѣ съ собой вынести на вершину и Льва Александровича. Его считали alter ego—Балтова и малѣйшая шероховатость на имени Алексѣя Алексѣевича чувствовалась имъ.

Поэтому онъ принималъ это горячѣе, чѣмъ самъ Корещенскій. И однажды Левъ Александровичъ заговорилъ съ нимъ объ этомъ. Это было уже послѣ разговора его съ Натальей Валентиновной.

— Алексѣй Алексѣевичъ, я—извиняюсь передъ вами,—долженъ вмѣшаться въ ваши личныя дѣла. Вы заработались и ничего не замѣчаете, а мнѣ со стороны виднѣй.

— Вы о женѣ моей, Левъ Александровичъ?—спросилъ Корещенскій.

— Именно. Можете вы какъ-нибудь устроить это?

— Нѣтъ, Левъ Александровичъ, рѣшительно не могу. Я готовъ принести для этого какія угодно жертвы, но не ту, которую она требуетъ.

— Жить вмѣстѣ?

— Да, жить вмѣстѣ.

— Но, можетъ быть, можно устроиться въ одной квартирѣ такъ, чтобы все-таки быть независимымъ.

— Не въ этомъ дѣло. А въ томъ, что вѣдь это ни къ чему не поведетъ. Она тщеславна и глупа. Получивъ это удовлетвореніе, она сейчасъ же потребуетъ другого. Пожелаетъ лѣзть въ общество, играть роль и прочее и прочее. И даже, если допустить, что она это получитъ, все равно она не перестанетъ

злобствовать и вредить мнѣ. Я ничего не могу подѣлать, Левъ Александровичъ.

— Это очень грустно. Мнѣ было бы очень тяжело лишиться васъ.

— Мнѣ это было бы еще тяжелѣе.

— Но вы понимаете, Алексѣй Алексѣевичъ, что дѣло можетъ дойти и до этого. Послушайте, въ такихъ случаяхъ не останавливаются передъ самыми крайними мѣрами.

— То-есть?

— Я не вижу другого способа, кромѣ водворенія на родинѣ. Ну, конечно, все это должно быть сдѣлано мягко и благожелательно. Вы ничего не имѣете противъ?

— Противъ того, чтобы я могъ легко вздохнуть? Все-за. Пудовую свѣчку поставлю, ваше высокопревосходительство.

— Я только хотѣлъ знать ваше мнѣніе. Вы можете прислать ко мнѣ Мерещенко?

— Онъ будетъ у васъ завтра.

Мерещенко въ свой обычный утренній часъ былъ на квартирѣ Льва Александровича и оставался у него не больше двухъ минутъ. А дней черезъ десять послѣ этого Корещенскій уже получилъ отъ Софьи Васильевны изъ южнаго города письмо, полное негодованія и угрозъ—все «вывести на свѣжую воду».

Но это было сдѣлать ей очень трудно. Теперь ужъ за ней зорко слѣдили и съ этой стороны Алексѣй Алексѣевичъ былъ въ безопасности. Скоро были получены отъ Софьи Васильевны письма разными высокопоставленными особами. Но въ чиновномъ кругу было уже извѣстно, что у Корещенскаго жена страдаетъ психической болѣзнью и на эти письма не обращали вниманія. Такъ было «улажено» семейное положеніе Алексѣя Алексѣевича.

Максимъ Павловичъ дѣйствительно получилъ предложеніе работать въ большой газетѣ. Это было не первое приглашеніе, его давно уже звали въ Петербургъ, но онъ былъ привязанъ къ городу, гдѣ родился и выросъ, любилъ солнце и море и никакимъ столичнымъ благамъ не соглашался пожертвовать ими.

Теперь обстоятельства измѣнились. Солнце и море сдѣлались его врагами. Родной городъ для него опустѣлъ и онъ согласился.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ сейчасъ же началъ работать, но не смотрѣлъ на это, какъ на нѣчто постоянное и прочное, поэтому и не думалъ устраиваться своимъ домомъ.

Въ южномъ городѣ у него осталась квартирная обстановка. Онъ не хотѣлъ даже ее выписывать. Взялъ двѣ меблированныя комнаты и довольствовался ими.

Петербургская зима, которая теперь была въ самомъ разгарѣ, давила его. Онъ выросъ подъ южнымъ солнцемъ и не привыкъ

къ холоду, а морозы стояли крѣпкіе. Отъ этого и настроеніе его духа было унылое.

Къ дому Балтовыхъ у него образовалось странное отношеніе. Присутствіе тамъ Натальи Валентиновны тянуло его туда, но съ каждымъ разомъ ему бывать тамъ становилось все тяжелѣе. Теперь, на свободѣ, онъ занимался разсмотрѣніемъ дѣятельности Льва Александровича и при встрѣчахъ съ нимъ у него всякій разъ были готовы ядовитыя слова, которыя онъ долженъ былъ оставлять при себѣ.

Но у него это не могло тянуться долго. Въ такихъ случаяхъ всегда наступалъ моментъ, когда слова, какъ бы помимо его воли, срывались съ языка и ужъ ихъ нельзя было вернуть.

Время было тяжелое. Общество было сковано въ крѣпкихъ тискахъ. Изнутри страны приходили вѣсти о голодѣ и глухомъ недовольствѣ, которыя, какъ подземный гулъ предвѣщающій страшное изверженіе вулкана, являлись грознымъ предостереженіемъ.

А въ высшихъ сферахъ въ это время происходила странная игра. Въ то время, какъ Балтовъ, уже почти произведенный въ геніи, въ сотрудничествѣ съ Корещенскимъ развивалъ колоссальную работу въ своемъ вѣдомствѣ и расположенные къ нему круги и газеты кричали объ экономическомъ возрожденіи Россіи и популярность его съ каждымъ днемъ росла, внутренней политикой руководили другія лица, которыхъ общество щедро награждало своей ненавистью.

Правительство какъ бы раскололось на двѣ части, изъ коихъ каждая шла самостоятельно своей дорогой. Они казались враждебными, взаимно другъ друга уничтожающими и тѣмъ не менѣе благополучно уживались.

Погруженный въ работу, Балтовъ никогда не высказывался по общимъ вопросамъ. Но общественное мнѣніе само озаботилось о томъ, чтобы сдѣлать изъ него героя и ему приписывали самыя благожелательныя намѣренія. На этой почвѣ выростала его фигура. И чѣмъ сильнѣе чувствовалась давящая рука, тѣмъ ярче становился ореолъ вокругъ головы героя.

Наивные люди уже смотрѣли на Балтова, какъ на надежду Россіи, какъ на человѣка, который только ждетъ благопріятнаго момента, чтобы повести страну къ свѣту.

Въ мрачныя эпохи гнета, люди начинаютъ болѣть страстной жаждой лучшаго. И эта жажда ослѣпляетъ ихъ до-того, что они свои упованія принимаютъ за дѣйствительность. Малѣйшая искорка, блеснувшая въ темнотѣ, уже кажется солнцемъ.

Максимъ Павловичъ не только теперь не заблуждался, но еще и тогда, когда Левъ Александровичъ рѣшалъ свое «быть или не быть», совершенно ясно видѣлъ его истинную физіономію.

За дѣятельностью Балтова въ южномъ городѣ онъ слѣдилъ и правильно оцѣнилъ ее. Человѣкъ съ большими дѣловыми способностями, съ огромной выдержкой, не связанный рѣшительно никакими принципами, могъ легко покорить себѣ дѣловую толпу, жаждавшую прямыхъ, непосредственныхъ результатовъ для своего благополучія.

Лично онъ былъ связанъ съ Балтовымъ тѣми странными нитями, которыя незримо притягиваютъ другъ къ другу людей, стоящихъ выше сѣрой толпы. Искатель оригинальности, самобытности, красоты, Зигзаговъ не могъ не остановиться на этой крупной фигурѣ человѣка, подобно искусному фокуснику, создавшему цвѣтущій городъ изъ ничего.

Прежде всего къ Балтову привлекъ его чисто художественный интересъ. А затѣмъ Левъ Александровичъ дѣйствительно оказывалъ ему цѣнныя услуги.

Самъ онъ, какъ балованное дитя, постоянно ронялъ и разбивалъ свое благополучіе, которое, благодаря таланту, доставалось ему легко, но въ трудныя минуты былъ совершенно безпомощенъ. Помимо своего литературнаго таланта, онъ не умѣлъ ничего, былъ непрактиченъ и не обладалъ способностью приспособляться.

А тежду тѣмъ положеніе его бывало крайнимъ. Нѣсколько разъ ему запрещали писать чтобы то ни было. Тогда Левъ Александровичъ сочинялъ ему мѣста, на которыхъ можно было ничего не умѣть и ничего не дѣлать. А во время ссылки онъ прямо таки могъ заболѣть или умереть съ голоду, если бы Балтовъ не оказывалъ ему щедрой дружеской помощи..

Наконецъ, послѣдняя услуга—освобожденіе и устраненіе изъ дѣла, въ которомъ ему было бы несдобровать. Все это связывало его съ Львомъ Александровичемъ личною благодарностью, которая пересиливала всѣ принципіальныя несогласія.

Вотъ почему онъ такъ сдерживалъ себя. За то ему становилось все тяжелѣе и изъ-за этого онъ сталъ дѣлать большіе антракты въ своихъ посѣщеніяхъ.

И однажды такой антрактъ длился цѣлыхъ двѣ недѣли. Володя, который все еще продолжалъ жить у дяди, хорошо зналъ причину этихъ антрактовъ. Максимъ Павловичъ ему откровенно объяснилъ свои отношенія къ Балтову. Но Наталья Валентиновна такъ опредѣленно себѣ этого не представляла. Поэтому столь долгое отсутствіе Максима Павловича ее безпокоило. Она обратилась къ Володѣ, а тотъ далъ самое сбивчивое объясненіе.

— Онъ хандритъ, а, можетъ быть, нездоровъ. Ему петербугскій климатъ вреденъ.

— Навѣстите его, Володя. И скажите отъ меня, что если это небрежность, то она непростительна.

Володя заѣхалъ къ Максиму Павловичу.

— Тяжело мнѣ тамъ, очень тяжело! сказалъ Зигзаговъ.—И еще тяжелѣе оттого, что придется совсѣмъ отказаться отъ общества Натальи Валентиновны. Она такая симпатичная, такъ хорошо вліяетъ на мою душу. Но вѣдь для нея Левъ Александровичъ богъ и, какъ бы онъ ни повелъ себя, она пойдетъ за нимъ... А между тѣмъ ему скоро балансировать уже будетъ нельзя. Поговариваютъ о сильномъ недовольствѣ въ сферахъ внутреннимъ управленіемъ и, конечно, если къ кому перейдетъ оно, такъ только къ нему. Онъ теперь самая крупная фигура въ чиновной Россіи. Это не подлежитъ сомнѣнію. А ужъ тогда ему придется открыть себя.

— А вы знаете, дядя теперь всѣ вечера сидитъ дома,—сказалъ Володя.

— Вотъ какъ! Что же, онъ предается семейнымъ удовольствіямъ?

— Нѣтъ, онъ сидитъ безвыходно въ своемъ кабинетѣ и надъ чѣмъ-то усиленно работаетъ.

— А, это другое дѣло! Значитъ, вѣрны слухи, что онъ собирается выступить съ какимъ-то важнымъ докладомъ по крестьянскому вопросу. Говорятъ, что это будетъ что-то вродѣ диссертаціи на званіе—вершителя судебъ. Вотъ мы и посмотримъ, что онъ намъ подаритъ къ новому году.

— А вы допускаете, что тутъ можетъ быть то и другое?

— Можетъ быть и то и другое вмѣстѣ. Въ этомъ то и вся штука. Но боюсь, какъ бы Левъ Александровичъ не сдѣлалъ крупный промахъ въ выборѣ темы для своей диссертаціи. Когда дѣло идетъ о тарифахъ и конверсіяхъ, въ которыхъ заинтересовано ничтожное меньшинство, тутъ можно при помощи большого ума и великой ловкости перетасовывать карты и такъ и этакъ. Но когда десяткамъ милліоновъ людей нужна земля, чтобы кормиться, тутъ, сколько ни тасуй, все къ одному приходитъ: нужна земля! и никакими ловкими ходами ее не замѣнишь. Просящему хлѣба и давай хлѣбъ, а не камень. Онъ его попробуетъ и сейчасъ же увидитъ, что это не хлѣбъ, а камень.

— Такъ вы думаете, Максимъ Павловичъ, что къ новому году дядя получитъ новую власть?

— Если выдержитъ экзаменъ.

— Что же я долженъ сказать Натальѣ Валентиновнѣ?

— Да я самъ по ней соскучился. Но я до такой степени не выношу вашего петербургскаго холода, что по три дня не выхожу изъ квартиры. Даже въ редакцію посылаю работу и мнѣ приносятъ на домъ корректуру. Скажите, что при первой оттепели пріѣду.

Левъ Александровичъ дѣйствительно уже больше недѣли вечера проводилъ дома. Но отъ этого онъ нисколько не больше принадлежалъ своей семьѣ. Онъ сидѣлъ съ Натальей Валентиновной полчаса послѣ обѣда, а затѣмъ приходилъ чиновникъ Вергесовъ, котораго онъ приблизилъ къ себѣ и который былъ сотрудникомъ во всѣхъ его работахъ, и они запирались въ кабинетѣ на нѣсколько часовъ.

Корещенскій никакъ не участвовалъ въ этой работѣ. Это было самостоятельное и единичное произведеніе Льва Александровича. Онъ очень торопился и именно къ празднику. Такимъ образомъ можно думать, что предположеніе Максима Павловича было не лишено основанія.

Въ это же время произошло событіе, которое для публики не имѣло никакого значенія, но Максима Павловича заставило сдѣлать безконечно изумленные глаза и нѣсколько разъ прочитать извѣстіе, которое онъ нашелъ въ газетѣ.

Оно было помѣщено въ оффиціальномъ отдѣлѣ. Это было маленькое, въ три строчки, сообщеніе о томъ, что на вакантное, очень отвѣтственное мѣсто по медицинскому управленію назначается докторъ Мигурскій.

Максимъ Павловичъ до такой степени былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, что сейчасъ же послалъ записку Володѣ, прося его пріѣхать къ нему. Володя явился.

— Вы мнѣ объясните это?—спросилъ его Максимъ Павловичъ, указывая на извѣстіе.

— Нѣтъ, не могу объяснить. Но знаю, что Мигурскій пріѣзжалъ въ Петербургъ. Онъ ѣхалъ въ одномъ поѣздѣ со мной. И когда я объ этомъ сказалъ Натальѣ Валентиновнѣ, она была очень разстроена.

— Узнайте, голубчикъ, узнайте. Я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока вы не объясните мнѣ это. Я не могу спросить объ этомъ Наталью Валентиновну; можетъ быть, ей это будетъ непріятно.

— А вы думаете, что она сможетъ объяснить?

— Но это было бы ужъ слишкомъ, если бы подобное назначеніе было сдѣлано противъ ея воли. Пожалуйста, узнайте, Володя.

И Володя взялъ на себя эту миссію. Въ тотъ же день онъ встрѣтился съ Натальей Валентиновной, держа въ карманѣ газету.

— Вы читали объ этомъ назначеніи?—спросилъ онъ, не называя имени Мигурскаго.

— О какомъ?—спросила Наталья Валентиновна.

— Вотъ,—сказалъ Володя и далъ ей прочитать замѣтку. Она прочитала и слегка покраснѣла.

— Уже!..—вырвалось у нея.

— Такъ что вы этого ожидали?

— Почему вы допрашиваете, Володя?

— Не совсѣмъ для себя. Максимъ Павловичъ сегодня былъ очень обезпокоенъ этимъ. Онъ не понимаетъ и боится, что это сдѣлано по небрежности, безъ вѣдома вашего...

— Нѣтъ, Володя, это не по небрежности. Вы успокойте Максима Павловича. А лучше посовѣтуйте ему, наконецъ, явиться къ намъ. Я тогда разскажу ему много интереснаго.

Володя поѣхалъ къ Зигзагову и въ тóчности передалъ ему слова Натальи Валентиновны. Максимъ Павловичъ оживился и сейчасъ же началъ переодѣваться. Черезъ полчаса онъ уже былъ у Натальи Валентиновны.

— Наконецъ-то! Чтобы васъ заманить, нужно чтобъ случилось что-нибудь сказачное.

— Да, вѣдь, это и похоже на сказку.

— Вы могли бы быть въ претензіи за то, что до сихъ поръ не знали этого. Но вы сами виноваты: больше двухъ недѣль не были у насъ. Такъ вотъ теперь могу сообщить все: я уже не жена Мигурскаго.

— Освободились?

— Да. И это...

— Цѣна?

— А что, вы находите, что моя свобода такой цѣны не стоитъ?

— Полноте. Для вашей свободы нѣтъ цѣны. Но, вѣдь, эта свобода на полчаса...

— Немного больше.

— Да, очень немного.

— Неужели вы не находите разницы?

— Между желѣзными и золотыми цѣпями?

— Хотя бы и такъ.

— Нѣтъ, если рѣчь идетъ о цѣпяхъ, то я нахожу, что и тѣ и другія одинаково крѣпко связываютъ. Вы хотите сказать, что все зависитъ отъ тюремщика?..

— Ну, все равно. Не будемъ говорить объ этомъ. Такъ или иначе, это должно совершиться. Какъ вы могли такъ долго не быть у насъ?

— Это мнѣ стоило большихъ страданій. Вѣрьте мнѣ. Но у васъ теперь въ домѣ поддерживается абсолютная тишина, такъ какъ Левъ Александровичъ пишетъ проектъ русской конституціи...

— Что? Кто это вамъ сказалъ?

— Развѣ вы не видите, что съ моей стороны это только неудачная шутка? Русская конституція, это—неудачная шутка. Но все равно, онъ работаетъ, а я люблю смѣяться и при томъ иначе

не умѣю, какъ громко. Не люблю тихаго смѣха. Ахъ, все это чепуха! Просто у меня было уныніе.

— Ну, вотъ, съ уныніемъ-то вы и должны были пріѣхать, чтобы разсѣять его.

— Или заразить имъ васъ?

— Этого не бойтесь. Я никогда не впадаю въ уныніе.

— Я не причисляю васъ къ неунывающимъ россіянамъ.

Но ужъ на этотъ разъ Максимъ Павловичъ остался у Балтовыхъ на весь день. За обѣдомъ онъ встрѣтился съ Львомъ Александровичемъ.

— Мы давно не обѣдали съ вами,— замѣтилъ Левъ Александровичъ.

— Даже съ Натальей Валентиновной!— сказалъ Зигзаговъ.

— Да. И это показываетъ, что у васъ были серьезныя причины.

— Къ сожалѣнію, очень серьезныя. А вы, Левъ Александровичъ, говорятъ, собираетесь выступить съ чѣмъ-то такимъ... этакимъ... необыкновеннымъ...

— Какъ? Говорятъ? Но я рѣшительно ни съ кѣмъ не говорилъ ни о чемъ подобномъ.

— А міръ все-таки ждетъ.

— Ну, пускай подождетъ...— промолвилъ Левъ Александровичъ, видимо превращая разговоръ въ мимолетную шутку и сейчасъ же заговорилъ о чемъ-то другомъ.

XXI.

Въ общество давно уже проникли слухи о готовящемся новомъ законѣ по крестьянскому вопросу.

Общество, не только не допущенное къ участію въ дѣлахъ своей страны, но даже лишенное возможности получать свѣдѣнія о ходѣ этихъ дѣлъ, жило сказками.

Подобно голодному, воображеніе котораго всегда рисуетъ ему самыя сытныя и вкусныя блюда, оно при всякихъ слухахъ о готовящихся реформахъ пріурочивало къ нимъ свои, никогда не умиравшія, упованія.

На этотъ разъ фантазія особенно разыгралась оттого, что слухи о реформѣ связывались съ именемъ Балтова, который какъ разъ въ это время занималъ амплуа героя. Его смѣлые шаги въ области финансовой политики давали право расчитывать на широкій размахъ и въ этомъ вопросѣ. Толковали объ изысканномъ имъ геніальномъ способѣ пріобрѣтенія земли и надѣленія ею крестьянъ. Говорили о томъ, что это будетъ только первый шагъ, за которымъ послѣдуетъ что-то головокружительное, что реакція дѣ-

лаетъ послѣднія усилія, чтобы сбить съ позиціи новое свѣтило. Но Балтовъ силенъ и имѣетъ всѣ шансы на побѣду.

И вотъ недѣли за двѣ до праздниковъ вышелъ столь давно ожидавшійся законъ, долженствовавшій успокоить глухое волненіе въ деревнѣ.

Законъ былъ ясенъ и простъ. Онъ подтверждалъ прежнія репрессіи, объявлялъ всякія надежды эфемерными и вводилъ новыя кары.

Тогда въ обществѣ, которое ни за что не хотѣло лишиться имъ же самимъ сочиненныхъ надеждъ, стали говорить, что Балтовъ оказался безсильнымъ и реакція побѣдила.

Можетъ быть, такія мнѣнія не совсѣмъ самостоятельно зарождались въ обществѣ. Мерещенки тогда сильно размножились и терлись около министерствъ, а въ то же время ихъ можно было встрѣчать, въ различныхъ видахъ, и въ гостинныхъ и въ редакціяхъ газетъ. Во всякомъ случаѣ это мнѣніе никто не опровергъ.

И въ газетахъ появились статьи, высказывавшія сочувствіе побѣжденному государственному дѣятелю и надежды на то, что его энергія не ослабѣетъ и онъ по прежнему будетъ вести мужественную борьбу съ темными силами реакціи.

Въ такомъ же тонѣ статья появилась и въ той газетѣ, гдѣ работалъ Максимъ Павловичъ. Онъ получилъ газету въ девять часовъ утра за утреннимъ кофе, прочиталъ статью и, быстро одѣвшись, поѣхалъ къ редактору на домъ.

Редакторъ былъ его старый знакомый и хорошо зналъ его способность къ вспышкамъ. Но никогда онъ не видѣлъ его такимъ возмущеннымъ.

— Я только одно хочу установить: заблужденіе это или лицемѣріе?—говорилъ ему Максимъ Павловичъ.—Я признаю оппортунизмъ. Я знаю, что русской газетѣ приходится считаться съ обстоятельствами, защищая свое существованіе; но бываютъ моменты, когда даже существованіе дѣлается преступнымъ.

Редакторъ оказался невиннымъ. Онъ искренно раздѣлялъ мнѣніе о томъ, что Балтовъ съ своимъ проектомъ былъ съѣденъ реакціей.

— Но если я документально докажу, что онъ-то и есть создатель новаго закона... Вы согласны рисковать?..

Редакторъ былъ человѣкъ смѣлый. Его газета перебывала во всякихъ передѣлкахъ.

Максимъ Павловичъ вернулся домой и вызвалъ къ себѣ Володю.—Слушайте, Володя, вы признаете, что гражданскій долгъ иногда становится выше личныхъ отношеній?

— Безусловно,—отвѣтилъ Володя.

— Мы оба многимъ обязаны Льву Александровичу, но народу

мы обязаны гораздо больше. Общество заблуждается и мы съ вами должны открыть глаза ему. Разумѣется, это будетъ полный безвозвратный разрывъ съ Львомъ Александровичемъ, а для меня на худой конецъ высылка изъ Петербурга. Но, чортъ возьми, не привыкать стать! Можете вы достать мнѣ копію записки Льва Александровича по-крестьянскому вопросу?

— Не знаю.

— Старайтесь. Общество убѣждено, что его побѣдила реакція, и мы должны установить, что онъ самъ хуже всякой реакціи. Мой редакторъ согласился рискнуть. Не теряйте времени, Володя. Это нужно дѣлать сейчасъ, по горячему слѣду.

Володя взялся за эту мысль, скрѣпя сердце. Съ одной стороны ему хотѣлось помочь благой цѣли; съ другой же ему приходилось дѣйствовать прямо противъ дяди. У него не было никакого другого способа, кромѣ вѣроломства. Среди чиновниковъ у него не было никакихъ связей. Но для него былъ открытъ кабинетъ дяди.

И вотъ на другой день утромъ, когда Левъ Александровичъ уѣхалъ на службу, Володя вошелъ въ кабинетъ и тщательно пересмотрѣлъ бумаги, какія только были на столѣ и въ незапертыхъ ящикахъ. Онъ нашелъ только ничтожные отрывки, относившіеся къ запискѣ Балтова.

И когда онъ послѣ этой неудачи вышелъ изъ кабинета, то почувствовалъ глубокое облегченіе. Сама судьба помѣшала ему совершить предательство.

Онъ сейчасъ же поѣхалъ къ Зигзагову и сообщилъ ему о своей неудачѣ; и тогда Максима Павловича осѣнила мысль.

— Вы будете поражены, Володя. Но я увѣренъ, что лучше этого ничего нельзя придумать. Знаете, къ кому я обращусь?

— Не могу представить?

— Къ господину Корещенскому.

— И вы расчитываете на успѣхъ?

— Безусловно. Падшій ангелъ... онъ долженъ въ глубинѣ души питать злобу противъ соблазнителя. Къ тому же, вы сами разсказывали о его цинизмѣ. А цинизмъ любитъ рисоваться. Это будетъ для него случай. Однимъ словомъ, я такъ или иначе отыщу его.

И онъ дѣйствительно въ этотъ день настойчиво искалъ Корещенскаго. Онъ поѣхалъ къ нему въ часъ завтрака, но дома не засталъ. Потомъ онъ заѣзжалъ еще нѣсколько разъ и, наконецъ, встрѣтился съ нимъ въ обѣденный часъ.

— Вы?—съ удивленіемъ, и въ то же время съ радостью воскликнулъ Корещенскій.

— Я, я, Алексѣй Алексѣевичъ, къ вамъ по дѣлу, ни въ какомъ случаѣ не требующему свидѣтелей.

— Обѣдали?

— Нѣтъ еще... Даже не завтракалъ,—все васъ розыскивалъ...

— Да, это мудрено. Ну, такъ спустимся внизъ, заберемся въ отдѣльную комнату и будемъ пировать.

Скоро они были внизу, въ отдѣльномъ кабинетѣ.

— Мы съ вами, Максимъ Павловичъ, ни разу не повидались, какъ слѣдуетъ, хотя и живемъ въ одномъ городѣ,—говорилъ Корещенскій.—Вѣдь были когда-то хорошими пріятелями.

— Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, Алексѣй Алексѣевичъ,—сказалъ Максимъ Павловичъ.—Я посидѣлъ немножко въ тюрьмѣ и, когда вышелъ, не узналъ своего родного города. Знаете, какъ человѣкъ десятки лѣтъ отсутствовавшій, пріѣзжаетъ на родину и думаетъ, что заблудился: старые дома снесены, построены новые въ пять этажей, бывшія дѣти стали отцами многочисленныхъ семействъ, пустоши превратились въ цвѣтущіе сады, а то и наоборотъ...

— И маленькіе поросята стали большими свиньями!—добавилъ Корещенскій и разсмѣялся.—Ну,—милый, обратился онъ къ лакею. Подалъ закуску и иди съ Богомъ; позвонимъ, придешь, а зря не надоѣдай. Я открываю бесѣду, Максимъ Павловичъ,—прибавилъ онъ, когда лакей скрылся.

— Къ этому надо подойти.

— Не подходите, голубчикъ, начинайте прямо.

— Хорошо, я прямо и начну. Вы читаете газеты, слышите отзывы и замѣчанія по поводу новаго закона по крестьянскому вопросу и, конечно, слышали о побѣдѣ реакціи надъ доброжелательными усиліями Льва Александровича Балтова.

— Слышалъ объ этомъ, слышалъ...

— Слышали и дивились?

— Почему вы думаете, что я дивился?

— Потому что помню васъ умнымъ человѣкомъ... И даже вамъ скажу, Алексѣй Алексѣевичъ, что это для меня не тайна. Хитрить не буду. Знаю, что Левъ Александровичъ составилъ записку и эта записка легла въ основу новаго закона и что вы въ ней участія не принимали.

— Да, не принималъ... Это совершенно вѣрно. Меня отъ этого устранили.

И Максимъ Павловичъ въ послѣднемъ замѣчаніи его разслышалъ какую-то сухую нотку недовольства. Онъ вглядѣлся въ его лицо. Въ немъ было выраженіе сердитаго сарказма.

«Кажется, въ ихъ единеніи что-то раскололось»,—подумалъ Максимъ Павловичъ.

— Есть кушанья, которыя Левъ Александровичъ предпочитаетъ кушать одинъ,—продолжалъ Корещенскій.—Это называется:

«хлѣбъ соль вмѣстѣ, а табачекъ врозь». А то еще бываютъ такіе мѣщанскіе дома, гдѣ при гостяхъ подаютъ варенье на патокѣ, а когда гости уйдутъ, сами ѣдятъ на сахарѣ...

— Но неужели, Алексѣй Алексѣевичъ, вы жалѣете о томъ, что не участвовали въ дурномъ дѣлѣ? — спросилъ Максимъ Павловичъ.

— Когда человѣкъ купается въ морѣ дурныхъ дѣлъ, то лишняя кружка воды... Но, однако, позвольте, Максимъ Павловичъ, сперва установить основную тему разговора. О чемъ мы собственно?

— Именно объ этомъ, Алексѣй Алексѣевичъ. Вы видите передъ собой человѣка возмущеннаго. Но не смысломъ закона,—къ этому мы привыкли и ничего другого не ждали,—а скверной игрой...

— То-есть?

— Скверной игрой въ прятки.

— Ну, еще чуточку пояснѣй...

— Да чего еще яснѣе? Причемъ тутъ реакція? Реакція, это—спина, за которую прячутся... Развѣ не такъ?

— Совершенно такъ.

— Ну, вотъ. Это только и надо мнѣ отъ васъ слышать. Я то ни одной минуты не заблуждался, но думаете ли вы, что общество должно заблуждаться?

— Оно будетъ заблуждаться. Это его спеціальность. Да и гдѣ вы найдете такихъ смѣльчаковъ, которые вышли бы на площадь и показали пальцемъ куда слѣдуетъ.

— Смѣльчаки найдутся. Но если они окажутся голословными, то это хуже, чѣмъ молчаніе...

— А мы все-таки разговариваемъ съ вами, какъ авгуры. Давайте-ка будемъ попрямѣй. Вѣдь вы, дорогой мой, Максимъ Павловичъ, чего-то отъ меня хотите...

— Да, хочу... Смѣльчакомъ готовъ быть я, но нужно, чтобы у меня въ рукахъ были факты.

— И вы думаете, что я, именно я помогу вамъ достать ихъ?

— Да, я думаю такъ.

— Почему вы такъ думаете?

— По многимъ причинамъ. Прежде всего, я держусь мнѣнія, что человѣкъ въ своей сущности никогда не мѣняется. Обстоятельства могутъ повернуть его всячески, и онъ можетъ казаться и такимъ и инымъ... Но подойди къ нему поближе, раскопай у него въ глубинѣ души и найдешь тамъ неприкосновенной его сущность. Вы именно пошли по обстоятельствамъ. Но сущность ваша сидитъ въ васъ незыблемо, она тамъ только притаилась гдѣ-нибудь въ уголкѣ и сидитъ съежившись... Можетъ быть, она спитъ, а, можетъ быть, ей стыдно.

У Корещенскаго какъ-то странно дрогнули угли губъ.—Эхъ, не нужно трогать этого... Коли спитъ, такъ пусть спитъ, а стыдно, такъ пусть прячется.

— Нѣтъ, Алексѣй Алексѣевичъ, мы съ нею люди свои.

Корещенскій отодвинулъ отъ себя тарелку, поднялся и съ хмурымъ лицомъ нѣсколько разъ медленно прошелся по комнатѣ.

— Ну, — сказалъ онъ, наконецъ, остановившись,—такъ чего же вы отъ меня хотите, Максимъ Павловичъ?

— Помощи.

— Въ какомъ видѣ?

— Въ самомъ натуральномъ. Копію записки Балтова... Вѣдь она у васъ есть?

— Конечно.

— Она мнѣ нужна на двадцать четыре часа.

— Гм... На двадцать четыре часа, только всего... Вы мнѣ испортили аппетитъ.

— О, что вы... Отнеситесь къ этому спокойнѣе.

— Благодарю васъ за совѣтъ, мой милый. Вы не понимаете, въ какой роли вы являетесь передо мной...

— Змія искусителя?

— Нѣтъ, не змія.. О, что змій! Съ зміемъ я справился бы... Справлялся съ крокодилами... Змій есть представитель злого начала... А съ злымъ началомъ бороться легко. Нѣтъ, тутъ не то. А видите ли, въ послѣднее время, должно быть отъ переутомленія и расшатанности нервовъ, я сталъ впадать въ сантиментализмъ... Меня можно поймать, надо только уловить моментъ. И наше съ вами столкновеніе подобно тому, какъ если бы человѣкъ, забравшись въ полярныя страны, среди вѣчныхъ снѣговъ и льдовъ, замерзалъ и грезились бы ему чудные сны: его прекрасная родина съ зелеными лугами и садами, надъ которыми плыветъ чудное теплое солнце... Ахъ, Боже мой, что вы со мной дѣлаете!..

Максимъ Павловичъ смотрѣлъ на этого человѣка и видѣлъ его какъ бы новымъ, по крайней мѣрѣ, въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ онъ его представлялъ. Тотъ цинизмъ, который онъ обнаружилъ въ разговорѣ съ Володей, Зигзаговъ понялъ ужъ слишкомъ узко и просто. Тутъ было нѣчто посложнѣе.

Это былъ цинизмъ показной, напущенный на себя человѣкомъ ради самоутѣшенія.

Но въ душѣ у него есть рана, которая болитъ при малѣйшемъ прикосновеніи къ ней.

Тотъ міръ, въ которомъ онъ вращается, не догадывается объ этой ранѣ и не знаетъ, гдѣ она находится. Поэтому въ томъ мірѣ онъ можетъ безболѣзненно вращаться.

Но вотъ онъ встрѣтился съ человѣкомъ, одно существованіе котораго уже есть прикосновеніе къ его ранѣ, и стонетъ отъ боли.

Корещенскій сѣлъ за круглымъ столомъ, накрытымъ плюшевой скатертью, и подперъ голову рукой.

— Что это съ вами случилось, Алексѣй Алексѣевичъ?—спросилъ Зигзаговъ, желавшій вызвать его на продолженіе разговора.

Корещенскій поднялъ голову и попробовалъ оправиться.

— Нѣтъ, ничего... Минутное малодушіе... Пустяки! Есть пословица: взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ. Платоническая экскурсія въ область добродѣтели... Это, должно быть, случалось съ Адамомъ, когда онъ, выгнанный изъ рая, въ потѣ лица своего снѣдая хлѣбъ свой, иногда невзначай натыкался на изгородь, за которой росли деревья райскія. Стоялъ у изгороди и вздыхалъ, а архангелъ грозилъ ему мечомъ. Эхъ, впрочемъ, все пустяки... Итакъ, вы хотите на двадцать четыре часа извлечь изъ меня государственную тайну?

— Тайну государственнаго человѣка...—поправилъ Максимъ Павловичъ.

— Это все равно. У насъ государство отождествляется съ человѣкомъ, который въ данный моментъ держитъ въ рукахъ вожжи... Такъ вотъ видите-ли, что я вамъ скажу: во мнѣ сидитъ чертей гораздо больше, чѣмъ ангеловъ... Вы были близки къ тому, чтобы достигнуть вашей цѣли при помощи ангеловъ, но видите, я тряхнулъ головой и они отлетѣли. А вотъ, что касается чертей, то черезъ нихъ, я это чувствую, вы скорѣй достигнете цѣли.

— Такъ познакомьте меня съ ними.

— Извольте. Что-жъ. Мы съ вами когда-то сидѣли въ одной тюрьмѣ... Помните, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, дня четыре, кажется, не больше. Чертей во мнѣ множество, но я представлю вамъ только главнаго. Съ васъ и одного будетъ достаточно, я это предчувствую. Да-съ... Сейчасъ передъ вами былъ изгнанный изъ рая, коему свойственно, стоя у райскаго забора, проливать сантиментальныя слезы; а теперь передъ вами во весь свой ростъ стоитъ уязвленный чиновникъ-карьеристъ. Любопытно?

— Очень, Алексѣй Алексѣевичъ.

— Извольте. Левъ Александровичъ Балтовъ утвердилъ за мной репутацію рабочей лошади, человѣка неусыпнаго труда. Спитъ полтора часа въ сутки, питается на лету бутербродами... Въ такомъ качествѣ онъ и взялъ меня къ себѣ на подмогу... Тебѣ, молъ, корешки, а мнѣ вершки... Я, положимъ, кротокъ и смиренъ сердцемъ, это что и говорить... Въ прошломъ я былъ изъ тѣхъ, коихъ «изжденутъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ, на вы лжуще»... Но тамъ было еще «мене ради»... Понимаете, тамъ было нѣчто

святое, изъ-за чего стоило подставлять спину подъ удары... А здѣсь, позвольте васъ спросить, изъ-за чего? Изъ-за одного лишь: изъ-за карьеры. Работать я работаю, ужъ можно сказать, въ поговорку вошелъ,—но и ты, ваше высокопревосходительство, мнѣ поработай. Это единственный правильный служебный принципъ. А вѣдь, я, голубчикъ мой, вотъ уже полгода для его высокопревосходительства каштаны изъ огня вытаскиваю? И что же? дѣйствительно хвалили, очень даже хвалили. Но какъ только я проявилъ свои щупальцы... Понимаете, есть такіе у всякаго человѣка,—ну съ, такъ вотъ и я въ нѣкоторыхъ вопросахъ, въ коихъ инниціатива и разработка принадлежали мнѣ, сдѣлалъ попытку показать что это, молъ, принадлежитъ мнѣ, а его высокопревосходительство здѣсь не причемъ... Да-съ, такъ стоило мнѣ только показать свои щупальцы, какъ онъ меня сейчасъ же деликатнымъ манеромъ и отодвинулъ въ сророну. Изобрѣлъ онъ нѣкоего чиновника Вергесова. И чуть что показное, выигрышное, сейчасъ онъ Вергесова на сцену, потому что у Вергесова щупальцевъ нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, онъ ихъ еще не считаетъ за благо обнаруживать. И вотъ въ этомъ подломъ дѣлѣ, о которомъ теперь разговоръ идетъ,—они вдвоемъ, запершись въ клѣть свою, надъ нимъ работали и Левъ Александровичъ выступилъ безъ меня и помимо меня... Вергесовъ всплываетъ на поверхность. Вергесова онъ держитъ на всякій случай. Онъ звѣздъ съ неба не хватаетъ, но заткнуть его можно куда угодно. Онъ вполнѣ приличенъ... И вотъ тутъ-то во мнѣ заговорилъ главный чортъ. Такъ мнѣ захотѣлось ему сдѣлать гадость, ему, самому его высокопревосходительству. Ну, вотъ вамъ путь къ вашей цѣли. Будетъ гадость его высокопревосходительству?

— Обязательно.

— Злая, ѣдкая, ядовитая, остроумная, хлесткая, какъ вы умѣете?

— Приложу всѣ способности.

— Не боясь ни огня, ни меча?

— Не привыкать стать.

— А газета?

— Ко всему готова.

— Н-да... А у меня руки чешутся... Чувствительны у насъ стали къ тому, что пишется въ газетахъ... Дѣлаютъ видъ, что презираютъ, а читаютъ въ засосъ и нервничаютъ... Да, хочется, хочется... Неудержимо хочется сдѣлать ему гадость... Подумайте, какъ онъ уменъ! Какъ умѣетъ цѣлую страну держать въ заблужденіи... Но вѣрьте мнѣ, что, какъ только онъ получитъ власть— а онъ получитъ непремѣнно—страна задрожитъ отъ края и до края... Вѣдь, батюшка мой, какое сердце: стальное!.. Ему рѣши-

тельно все равно до всѣхъ. Идетъ онъ къ возвышенію на всѣхъ парахъ и только одно и видитъ, себя на облацѣхъ небесныхъ, окруженнаго почетомъ и властью... Открыть ему забрало и плюнуть ему въ лицо... Вотъ! Эту драгоцѣнность я ношу съ собой въ карманѣ. Торопитесь взять ее у меня, ибо я теперь въ ражѣ и зажмите крѣпко въ рукѣ и ужъ обратно не давайте. Потому что, вѣдь, черезъ полчаса я начну соображать и взвѣшивать и стану просить васъ вернуть мнѣ... Вотъ кстати сладкое несутъ, скоро разойдемся.

Рѣшительно у него лицо было вдохновенное, когда онъ вынулъ изъ бокового кармана пиджака вчетверо сложенную бумагу и передалъ ее Максиму Павловичу.

Зигзаговъ схватилъ бумагу и поторопился положить ее въ карманъ. Лакей, вошедшій съ сладкимъ блюдомъ, уже не видѣлъ этого жеста.

И тутъ Максимъ Павловичъ началъ торопиться. Сейчасъ же они велѣли принести кофе, ничего больше не пили и черезъ пять минутъ уже расплачивались.

«Это побѣда», говорилъ себѣ Максимъ Павловичъ, когда ѣхалъ домой въ извощичьихъ саняхъ; ее надо использовать какъ можно лучше».

Пріѣхавъ домой, онъ написалъ записку редактору и тотчасъ отослалъ ее.

«Приготовьте стальной шрифтъ для набора. Завтра будетъ статья. Отъ сего момента до утра буду работать, не смыкая глазъ. Горю божественнымъ огнемъ. Составьте на всякій случай духовное завѣщаніе, я же укладываю чемоданъ для дальняго пути».

И онъ сѣлъ за работу.

XXII.

Онъ дѣйствительно работалъ, не покладая рукъ. Давно уже ему не приходилось писать съ такимъ увлеченіемъ.

Записка Балтова, послужившая основаніемъ для новаго закона, отличалась удивительной опредѣленностью и ясностью. Въ ней даже не было попытокъ уклониться отъ того направленія которое господствовало въ правящихъ сферахъ. Напротивъ, онъ употребилъ весь свой талантъ на изысканіе новыхъ доводовъ и обоснованій для существующаго порядка. И онъ нашелъ ихъ съ той удивительной находчивостью, которую проявлялъ во всемъ.

Очевидно, въ высшихъ сферахъ были сторонники разрѣшенія крестьянскаго вопроса путемъ надѣленія землей, потому что Балтовъ сразу становился на почву полемики съ ними и дѣлалъ это своеобразно и искусно.

Они находили такое надѣленіе единственнымъ справедливымъ разрѣшеніемъ задачи и Балтовъ съ этого начиналъ. Справедливость въ настоящемъ вопросѣ не подлежитъ спору. Справедливость всегда есть и будетъ одна: чтобы по возможности всѣмъ было предоставлено наиболѣе счастливое существованіе. Но политика не знаетъ справедливости, она должна считаться только съ возможностью и выполнимостью.

Далѣе, цѣлымъ рядомъ цифръ, онъ доказывалъ полную возможность и выполнимость надѣленія крестьянъ землей. Свободныхъ земель въ Россіи достаточно и вопросъ могъ бы быть разрѣшенъ въ интересахъ справедливости. Онъ приглашалъ на минуту, вообразить, что все это сдѣлано: крестьяне надѣлены землей въ обиліи. Что дальше?

Дальше поднимается фабричный рабочій, который тоже совершенно справедливо находитъ, что 12—14 часовъ суточной работы является для него крайне обременительнымъ и, требуя для себя справедливости, домогается восьми часоваго рабочаго дня и кстати, и увеличенія заработной платы. Требованіе это записка признаетъ безусловно справедливымъ. Восемь часовъ работать для человѣческаго организма предѣлъ вреднаго усилія, а существующая у насъ заработная плата слабо прокармливаетъ рабочаго съ семьей.

Опять приглашеніе на минуту вообразить, что эти вполнѣ справедливыя требованія удовлетворены; и на другой день вся русская промышленность находится въ крахѣ. Но пусть они даже не въ крахѣ, а просто справедливость удовлетворена. Что дальше?

Поднимаются ремесленники, которые тоже ставятъ совершенно справедливыя требованія объ улучшеніи своего положенія, вслѣдъ за ними желѣзнодорожные служащіе, затѣмъ прислуга въ частныхъ домахъ, наконецъ чиновники, и всѣ требуютъ справедливости и дѣйствительно справедливости, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

Но страна оказывается въ огнѣ, все дезорганизовано, промышленность подорвана, законность поколеблена и проч. и проч. Словомъ, картина полнаго потрясенія.

Въ Россіи жить плохо, въ ней царствуетъ безправіе, невѣжество и бѣдность. Идеалъ справедливости, это—свобода, просвѣщеніе и богатство. Это все вѣрно, этого нельзя не признать.

Но попробуйте приподнять уголокъ покрывала, подъ которымъ скрываются эти «чудовища справедливости», какъ они всѣ одно за другимъ высунутъ головы съ раскрытыми пастями и пожрутъ ради справедливости всѣ сокровища ума,—науки, искусства, культуру, все, добытое цивилизаціей ..

Поэтому не приподымайте уголка покрывала, а тщательно

подверните всѣ края его, чтобы не было ни малѣйшей щелочки, чтобы чудовища спали.

Таковъ былъ смыслъ записки Балтова. Составлена она была блестяще, съ богатыми цифровыми данными, съ остроумными ссылками, а выводъ изъ нея былъ ясенъ самъ собой—этимъ выводомъ былъ новый законъ.

Поставивъ послѣднюю точку, Максимъ Павловичъ легъ на диванѣ и, не раздѣваясь, заснулъ. Часа въ два онъ уже былъ на ногахъ.

Позавтракавъ, онъ опять сѣлъ за столъ и тщательно пересмотрѣлъ свою статью. Онъ былъ необыкновенно строгимъ судьей своего произведенія. Ему хотѣлось, чтобы въ немъ не было ни одного лишняго слова и чтобы каждое изъ нихъ попадало прямо въ центръ.

Наконецъ, онъ собралъ листы, сложилъ ихъ всѣ вмѣстѣ, свернулъ и положилъ въ карманъ; тогда онъ одѣлся, вышелъ на улицу и поѣхалъ въ редакцію.

Редакторъ былъ уже здѣсь. Хотя статья ему была обѣщана, тѣмъ не менѣе онъ далеко не вполнѣ былъ увѣренъ въ ней. Максимъ Павловичъ былъ человѣкъ настроенія. Нерѣдко идея, которая ему же самому казалась блестящей и захватывала его, вдругъ надоѣдала ему и становилась противной и онъ оставлялъ ее. Но на этотъ разъ ничего подобнаго не случилось.

— Вотъ вамъ. Читайте,—сказалъ Зигзаговъ, вынувъ изъ кармана пачку маленькихъ листковъ, на какихъ онъ обыкновенно писалъ свои статьи.

— Значитъ, не отмѣнили?

— А вы написали духовное завѣщаніе?

— Да вѣдь не бомба же это.

— Нѣтъ, это бомба, только безъ пороха. Читайте.

И редакторъ читалъ и съ каждой страницей все яснѣе и яснѣе и яснѣе понималъ, что, если и не пора еще составлять духовное завѣщаніе, то укладываться дѣйствительно надо.

— Вы правы,—сказалъ онъ,—послѣ завтра мы не существуемъ. Но зато мы себя обозначимъ. Статья удивительная, каждое слово—пощечина... Ай-ай, придется ликвидировать дѣла.

— Собираетесь струсить?

— И не подумаю. Вотъ видите, статью отдаю въ наборъ. Позвать ко мнѣ метранпажа!

Пришелъ метранпажъ.—Голубчикъ, вотъ статья, за которую насъ всѣхъ повѣсятъ, такъ ужъ пожалуйста постарайтесь, чтобъ не было ни одной ошибочки. Подобныя вещи должны дѣлаться безошибочно.

Но, сдавъ статью, Максимъ Павловичъ не считалъ себя еще свободнымъ. Онъ вернулся домой и еще посидѣлъ полчаса за письменнымъ столомъ.

Это было письмо Балтову. Онъ считалъ своимъ долгомъ написать его. Вотъ оно:

«Милостивый Государь, Левъ Александровичъ. Въ тотъ моментъ, когда вы читаете это письмо, мы уже враги. Я лично слишкомъ многимъ обязанъ вамъ, чтобы перейти въ это новое состояніе, не объяснивъ вамъ этого перехода.

Вы, какъ умный и проницательный человѣкъ, понимаете, что по духу мы всегда были врагами. Но до момента, когда вы приняли первое назначеніе, наше разногласіе могло оставаться въ потенціальномъ состояніи и не становиться между нами.

Ко мнѣ вы были добры. Вашъ большой умъ плѣнялъ меня и для меня не было унизительно—пользоваться вашими исключительными услугами: я питалъ къ вамъ «влеченье—родъ недуга», какое питаю ко всякому выдающемуся человѣку.

Но въ тотъ моментъ, когда вы взяли назначеніе, я уже почувствовалъ, что нашимъ отношеніямъ наступаетъ конецъ. Я предвидѣлъ ваше направленіе, и тогда совершенно ясно показалъ вамъ все это.

Вы сковали меня по рукамъ и по ногамъ новой величайшей услугой,—содѣйствіемъ моему освобожденію и, можетъ быть, моей цѣлости. Но бываютъ обстоятельства, когда человѣкъ становится въ необходимость разорвать цѣпи благодарности, когда долгъ порабощаетъ въ себѣ человѣка со всѣми его частными отношеніями.

Сейчасъ я кончилъ статью, въ которой выступаю вашимъ непримиримымъ врагомъ и вы, прочитавъ ее, почувствуете себя такимъ же по отношенію ко мнѣ. Какъ это ни странно, но именно въ этой статьѣ я проявилъ напряженіе всѣхъ своихъ способностей и чувствую, что она—сильная, что она достойна своего предмета.

Благодарю васъ за все, что вы для меня сдѣлали, и прошу васъ въ дальнѣйшемъ не проявлять по отношенію ко мнѣ никакого великодушія. Максимъ Зигзаговъ».

Затѣмъ Максимъ Павловичъ послалъ за Володей и тотъ сейчасъ же пріѣхалъ.

— Что это у васъ такъ горятъ глаза?—спросилъ Володя, заставшій его за перечитываніемъ письма.

— Прочитайте!—сказалъ Максимъ Павловичъ, указавъ ему на письмо.

Володя прочиталъ.—О чемъ же это?

— Завтра появится статья.

— Вы достали записку? У Корещенскаго?

— Ужъ это останется тайной, Володя. Но вамъ предстоитъ миссія: это письмо вы должны передать лично вашему дядѣ завтра въ десять часовъ утра.

— Почему въ десять?

— Потому что къ этому времени номеръ газеты будетъ полученъ подписчиками и распроданъ въ розницѣ. Я хочу, чтобъ его прочитало какъ можно больше публики. Понимаете, Володя,— мнѣ кажется, что я въ этой статьѣ израсходовалъ всѣ свои способности и больше никогда ничего сильнаго не напишу.

— Она у васъ?

— Нѣтъ, въ наборѣ. Вы прочитаете ее завтра. Господинъ министръ получаетъ нашу газету. Вы берете на себя миссію..?

— Она непріятна, но я не могу отказаться.

Володя взялъ письмо.

На слѣдующій день среди читателей газетъ можно было замѣтить необыкновенное для столицы движеніе. Въ редакціяхъ, общественныхъ мѣстахъ, конторахъ, въ казенныхъ канцеляріяхъ, всюду только и было рѣчи, что о статьѣ Зигзагова.

Публика была необыкновенно чутка ко всякому свободному слову, которое тѣмъ или инымъ путемъ проскальзывало въ печати. Малѣйшая удачная обмолвка вызывала разговоры и толкованія.

Зигзаговъ же далъ цѣлую статью смѣлую и важную по своему предмету. Помимо своей цѣли, она была написана увлекательно.

Имя Зигзагова, до тѣхъ поръ пользовавшееся нѣкоторой извѣстностью, вдругъ сразу сдѣлалось большимъ. Его повторяли на всѣхъ перекресткахъ.

Начало статьи заинтриговывало. «Такого то числа, мѣсяца, года, въ россійской столицѣ произошло злодѣяніе, которое совершилъ я. Признаюсь въ этомъ всенародно и не ощущаю ни малѣйшаго угрызенія совѣсти.

Я укралъ тщательно скрываемое отъ глазъ публики произведеніе его высокопревосходительства господина министра Балтова. Это произведеніе есть ничто иное, какъ диссертація на званіе вершителя судебъ Россіи, каковой постъ въ самомъ близкомъ будущемъ имѣетъ быть вакантнымъ.

Мнѣ достовѣрно извѣстно, что защита диссертаціи произошла въ высшемъ государственномъ учрежденіи такого-то числа, о чемъ россійская публика, очевидно изъ особаго уваженія къ ней была освѣдомлена. Защита была блестящая, министръ удостоенъ искомаго званія и, какъ пробный шаръ, подъ вліяніемъ его идей,

на дняхъ вышелъ въ свѣтъ извѣстный всѣмъ законъ о крестьянахъ.

Я чувствую, какъ противъ меня возстала вся Россія. Вѣдь всѣмъ извѣстно, что господинъ министръ Балтовъ есть носитель самыхъ благожелательныхъ передовыхъ идей и явился жертвой побѣдившей его реакціи, что онъ наша единственная надежда, и что, не будь его, намъ не на кого было бы надѣяться.

Но я не боюсь возставшей на меня даже цѣлой Россіи, потому что у меня въ рукахъ истина. Истину эту я укралъ, но вѣдь и Прометей въ свое время укралъ божественный огонь, такъ что въ этомъ отношеніи я и не одинокъ.

Я приглашаю всю Россію ознакомиться съ диссертаціей господина министра и послѣ того сбросить повязку съ своихъ глазъ и видѣть этого несомнѣнно великаго человѣка въ настоящемъ видѣ.

Кто вамъ сказалъ, что министръ вступалъ въ бой съ реакціей, и что реакція его побѣдила? Самъ господинъ министръ никогда никому не говорилъ этого. Самъ господинъ министръ говоритъ какъ разъ обратное. Вотъ что говоритъ господинъ министръ въ своей диссертаціи».

И далѣе шло сжатое и мѣткое изложеніе записки Балтова. По обстановкѣ, по фактамъ, по цифрамъ было совершенно ясно, что авторъ ничего не выдумалъ, что все это не шутка, не литературный пріемъ, а дѣйствительно фактическій матеріалъ.

И фигура государственнаго дѣятеля съ каждымъ столбцомъ вырисовывалась все яснѣе и яснѣе, и наконецъ Балтовъ возставалъ передъ публикой совершенно законченнымъ округленнымъ и даже какимъ то злостно-холоднымъ реакціонеромъ, отъ котораго Россія могла ожидать только зла.

«Итакъ, возставшая на меня Россія, я вижу, что ты уже положила оружіе. Ты уже сняла съ своихъ глазъ повязку и швырнула ее въ сторону. Ты видишь, что министру Балтову, на котораго ты такъ наивно и довѣрчиво возлагала свои упованія, потому что надо же тебѣ, бѣдной, на кого-нибудь уповать, что ему былъ назначенъ экзаменъ и что онъ его выдержалъ блестяще. Онъ получилъ круглыя двѣнадцать и теперь, снявъ съ своей головы забрало, которое скрывало отъ твоихъ глазъ его истинное лицо, вооруженный новой властью, онъ явится достойнымъ продолжателемъ своихъ предшественниковъ.

До сихъ поръ у тебя были тупые и глупые душители, теперь умный тонкій душитель. Сама рѣши, кто лучше и что ты отъ этого выиграешь»?

Какъ всегда бываетъ, блюстители замѣтили нарушеніе порядка

послѣдними. Номеръ газеты со статьей Зигзагова свободно раскупался. Напечатанный въ усиленномъ числѣ экземпляровъ, онъ къ одиннадцати часамъ утра разошелся весь и его уже продавали на улицахъ по увеличенной цѣнѣ.

Володя въ этотъ день проснулся рано. Еще вчера съ вечера онъ былъ разстроенъ и спалъ очень плохо. Въ карманѣ у него лежало письмо, которое онъ былъ долженъ передать дядѣ.

Утромъ онъ первый пришелъ въ столовую, когда всѣ въ домѣ еще спали. Онъ развернулъ газету, въ которой писалъ Максимъ Павловичъ и впился въ статью, не отрывая отъ нея глазъ.

И теперь, послѣ прочтенія статьи, онъ понялъ, какую ужасную задачу взялъ на себя. Какъ на зло, въ этотъ день Левъ Александровичъ спалъ дольше обыкновеннаго. Володя ждалъ его и это ожиданіе измучило его.

Въ половинѣ одиннадцатаго появился Левъ Александровичъ. Онъ былъ разстроенъ тѣмъ, что такъ поздно всталъ, что случалось съ нимъ чрезвычайно рѣдко. У него немного болѣла голова. Онъ былъ уже одѣтъ, чтобы ѣхать на службу.

Наскоро поздоровавшись съ Володей и Лизаветой Александровной, которая всегда являлась наливать ему кофе, онъ принялся за завтракъ.

Володя понималъ, что свою миссію ему необходимо выполнить сейчасъ же, но присутствіе тетки сильно стѣсняло его. Газеты лежали на столѣ, Левъ Александровичъ не прикоснулся къ нимъ. Ему было некогда.

Быстро допивъ кофе, онъ поднялся.

— Дядя,—сказалъ Володя,—я долженъ передать вамъ письмо.

— Это не особенно спѣшно? Нельзя потомъ?—разсѣянно спросилъ Левъ Александровичъ.

— Нѣтъ, необходимо сейчасъ.

И онъ передалъ ему письмо.

— Я могу прочитать въ дорогѣ?—промолвилъ Балтовъ.

— Да... Но... какъ хотите.

— Отъ кого письмо?

— Отъ Максима Павловича.

Володя случайно взглянулъ на Лизавету Александровну и замѣтилъ, что глаза ея выражали величайшее любопытство.

— Что же тутъ?—нетерпѣливо сказалъ Левъ Александровичъ и быстрымъ движеніемъ разорвалъ конвертъ:—Что такое? въ чемъ дѣло?—спрашивалъ онъ, читая первыя строки и видимо не понимая ихъ настоящаго смысла.—Почему? о чемъ онъ пишетъ?

— Онъ пишетъ о своей статьѣ.

— Какой статьѣ?

— Она помѣщена въ газетѣ сегодня.

— Его статья? Гдѣ же она?

Володя быстро отыскалъ статью и подалъ ее дядѣ. Левъ Александровичъ небрежно прочелъ первыя строки, но затѣмъ внимательно вчитался въ нихъ вторично и, наконецъ, сѣлъ за столъ и погрузился въ чтеніе.

Въ столовой было глубокое молчаніе. Двѣ пары глазъ смотрѣли на Балтова и слѣдили за его движеніями. Володя зналъ все и его интересовала только послѣдовательность событій. А Лизавета Александровна ничего не понимала, но чувствовала, что совершается что-то важное.

Прошло съ четверть часа. Левъ Александровичъ прочиталъ статью до послѣдняго слова, потомъ твердымъ энергичнымъ движеніемъ рукъ сложилъ газету въ нѣсколько разъ и всунулъ ее въ портфель. Выраженіе его глазъ было ледяное.

— Я ѣду въ министерство,—сказалъ онъ, поднявшись.—Мм... впрочемъ,.. прибавилъ онъ, вынувъ изъ портфеля газету,—пожалуйста, передай это Натальѣ Валентиновнѣ и вотъ это,—и онъ швырнулъ на столъ письмо Зигзагова и, не прибавивъ больше ни слова, быстро ушелъ.

Лизавета Александровна молча проводила его глазами и бросилась къ столу.

— Что онъ сдѣлалъ, этотъ господинъ?—спросила она Володю.

— Написалъ статью о дядѣ,—отвѣтилъ Володя.

— Гнусную? Ну, конечно... Я всегда говорила... Я предостерегала... Покажите письмо, Володя.

— Дядя велѣлъ передать его Натальѣ Валентиновнѣ.

— Я ближе ему, чѣмъ Наталья Валентиновна.

— Я противъ этого не спорю, тетя,—но онъ велѣлъ.

— Володя, мы-же съ вами все-таки свои... Покажите мнѣ письмо.

Володя не находилъ причины отказывать ей, онъ далъ ей письмо.

— Негодяй!.. Я всегда говорила... Я предостерегала... А меня не слушали... Дайте сюда статью...

Она взяла газету и начала читать статью. Но она мало понимала въ ней.

— Такъ онъ, значитъ, укралъ? воскликнула она.

— Это единственное, что вы поняли, тетя? а вѣдь дѣло-то совсѣмъ не въ этомъ.

— Я понимаю только, что Льву это непріятно, ужасно непріятно... Я это видѣла по его глазамъ...

Володя не хотѣлъ спорить съ нею и ушелъ къ себѣ. У него

въ этотъ день были дѣла, но онъ о нихъ и не думалъ. Онъ ходилъ по комнатѣ и все время передъ нимъ носился образъ дяди, какимъ онъ видѣлъ его передъ уходомъ. Выраженіе глазъ его было удивительно. Никогда онъ еще не видѣлъ въ нихъ такого ледяного холода.

И ему казалось, что одинъ этотъ взглядъ рисуетъ передъ нимъ дядю въ новомъ свѣтѣ. Нѣтъ, это не тотъ спокойный и благожелательный человѣкъ, какимъ онъ его себѣ представлялъ. Человѣкъ, у котораго хоть минуту могутъ быть такіе глаза, долженъ быть способенъ на жестокость.

И онъ думалъ о томъ, что какъ разъ теперь надъ Зигзаговымъ, можетъ быть, совершается возмездіе, и не могъ себѣ представить его размѣровъ. Ему хотѣлось поѣхать къ Максиму Павловичу, онъ даже чувствовалъ, что долженъ быть тамъ въ это время, но онъ былъ связанъ порученіемъ передать письмо и газету Натальѣ Валентиновнѣ.

Да и помимо этого ему хотѣлось видѣть Наталью Валентиновну, такъ какъ для нея вся эта исторія будетъ тяжела. И онъ нетерпѣливо ждалъ, когда она выйдетъ.

И вотъ раздался ея звонокъ. Къ ней въ спальню побѣжала горничная. Онъ вышелъ, чтобъ встрѣтить ее и спросить, скоро ли выйдетъ Наталья Валентиновна.

— Имъ нездоровится. Они приказали кофе принести въ спальню.

Тогда онъ счелъ себя развязаннымъ отъ тяжелаго порученія. Онъ запечаталъ газету и письмо въ конвертъ и отдалъ его горничной.

— Когда Наталья Валентиновна встанетъ, передайте ей!— сказалъ онъ и, одѣвшись, вышелъ на улицу.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

И. Потапенко.

БОДЕГА.

Романъ Бласко Ибаньеса.

Переводъ съ испанскаго К. Ж.

(*Окончаніе* [1]).

VIII.

Среди дня, первыя группы рабочихъ прибыли на огромную равнину Каулины. Они приближались черными полчищами, стекаясь со всѣхъ сторонъ горизонта.

Одни спускались съ горъ, другіе шли изъ поселковъ на равнинѣ, или изъ мѣстностей, лежащихъ по ту сторону Хереса, и попадали на Каулину, обойдя городъ. Были люди почти съ границъ Малаги и изъ окрестностей Саньгюкаръ де-ла-Баррамеда. Таинственный призывъ разнесся изъ трактировъ и мастерскихъ по всему огромному пространству, и всѣ рабочіе поспѣшно сбѣгались, считая, что насталъ часъ возмездія.

Они бросали свирѣпые взгляды на Хересъ. Расплата бѣдняковъ была близка, и бѣлый, смѣющійся городъ, городъ богачей, съ его бодегами и милліонами, скоро загорится, освѣщая ночь заревомъ своего разрушенія.

Вновь прибывшіе собирались группами съ одной стороны дороги, на равнинѣ, покрытой кустарниками. Пасшіеся на ней быки удалялись вглубь, испуганные этимъ чернымъ пятномъ, которое все выростало, питаемое непрестанно прибывавшими новыми группами.

Все стадо нищеты спѣшило къ назначенному мѣсту. Это были загорѣлые, сгорбленные люди, безъ малѣйшаго признака жира подъ блестящей кожей. Сильные скелеты, сквозь натянутую кожу которыхъ обозначались торчащія кости и темныя сухожилія. Тѣла, въ которыхъ разрушеніе было больше питанія и отсутствіе мышцъ пополнялось пучками сухожилій, разросшихся отъ постоянныхъ усилій.

Они были одѣты въ оборванные плащи, полные заплатъ, распространявшіе запахъ нищеты, или дрожали отъ холода, прикрытые одними истрепанными пиджаками. Вышедшіе изъ Хереса, чтобы соединиться съ нимъ, отличались своимъ платьемъ, видомъ городскихъ

---

[1]) См. „Міръ Божій“, № 7, іюль 1906 г.

рабочихъ, приближаясь по привычкамъ болѣе къ господамъ, чѣмъ къ сельскимъ рабочимъ.

Шляпы, однѣ новыя и блестящія, другія безформенныя и выцвѣтшія, съ опустившимися полями, оттѣняли лица, по которымъ можно было прослѣдить всю градацію человѣческаго лица, отъ идіотскаго и животнаго равнодушія до оживленности того, кто родится вполнѣ готовымъ къ борьбѣ за жизнь.

Люди эти имѣли отдаленное родственное сходство съ животными. У однихъ лица были длинныя и костлявыя, съ большими бычачьими глазами и кроткимъ, покорнымъ выраженіемъ: то были люди-волы, желающіе протянуться на бороздѣ и жевать жвачку, безъ малѣйшей мысли о протестѣ, въ торжественной неподвижности. У другихъ были подвижныя и усатыя морды, глаза съ фосфорическимъ блескомъ кошачьихъ породъ; то были люди-хищники, которые потягивались, раздувая ноздри, словно чуя уже запахъ крови. А большинство, съ черными тѣлами и скрюченными узловатыми, похожими на виноградныя лозы конечностями, были люди-растенія, навѣки связанные съ землей, изъ которой вышли, неспособные ни къ движенію, ни къ мысли, рѣшившіе умереть на томъ же мѣстѣ, питая свою жизнь только тѣмъ, что выбрасывали сильные.

Волненіе мятежа, страстная жажда мщенія, эгоистическое желаніе улучшить свою судьбу, казалось, сравняли ихъ всѣхъ, придавъ имъ фамильное сходство. Многимъ, выходя изъ дома, приходилось вырываться изъ рукъ женъ, плакавшихъ, предчувствуя опасность; но очутившись среди *товарищей*, они становились заносчивы, смотрѣли на Хересъ задорными взглядами, точно собираясь съѣсть его.

— Идемъ! — восклицали они. — Хорошо видѣть столько честныхъ людей, готовыхъ сдѣлать правильное дѣло!..

Ихъ было больше четырехъ тысячъ. Члены всякой новой прибывавшей группы, завертываясь въ свои рваные плащи, чтобы придать себѣ большую таинственность, направлялись къ тѣмъ, что стояли на равнинѣ.

— Въ чемъ дѣло?..

А слышавшіе вопросъ, казалось, возвращали его взглядомъ: «Да, въ чемъ дѣло?» Всѣ были здѣсь, не зная зачѣмъ, ни для чего, не зная достовѣрно, кто позвалъ ихъ.

По всему округу разнеслась вѣсть, что въ этотъ день, къ вечеру, произойдетъ великая революція, и они пришли измученные нищетой и преслѣдованіями стачки, принеся съ собой старые пистолеты, косы, навахи или страшныя серпы, одинъ ударъ которыхъ могъ снести голову.

Они принесли и нѣчто большее: вѣру, сопровождающую всякую толпу въ первыя минуты возстанія, довѣрчивость, которая заставляетъ воодушевляться самыми нелѣпыми извѣстіями, преувеличивая

ихъ каждый въ свою очередь, чтобы обмануть самихъ себя, и надѣясь раздавить дѣйствительность тяжестью своихъ несообразныхъ измышленій.

Инціатива обранія, первая вѣсть о немъ, исходила будто бы отъ *Мадриленьо*, молодого пріѣзжаго, появившагося въ окрестностяхъ Хереса въ самомъ разгарѣ стачки и разжигавшаго простой народъ своими кровавыми проповѣдями. Никто не зналъ его, но это былъ очень краснорѣчивый малый и важная птица, судя по знакомствамъ, которыми онъ хвастался. По его словамъ, онъ былъ посланъ Сальватьеррой, чтобы замѣнить его въ его отсутствіе.

Великое соціальное движеніе, которому суждено измѣнить лицо міра, должно было начаться въ Хересѣ. Сальватьерра и другіе, не менѣе знаменитые люди, уже находились тайно въ городѣ и появятся въ рѣшительный моментъ. Войска примкнутъ къ революціонерамъ, какъ только они войдутъ въ городъ.

И довѣрчивые люди, съ пылкостью воображенія, свойственной ихъ расѣ, раздували эту вѣсть, украшая ее всевозможными подробностями. Слѣпая увѣренность распространялась по всѣмъ группамъ. Будетъ течь только кровь богачей. Солдаты за нихъ; офицеры тоже на сторонѣ революціи. Даже полиція, столь ненавистная рабочимъ, въ мигъ пріобрѣла симпатію. Треуголки тоже перешли на сторону народа. Во всемъ этомъ дѣйствовалъ Сальватьерра, и его имени было достаточно, чтобы всѣ повѣрили въ сверхъестественное чудо.

Самые старые, пережившіе сентябрьское возстаніе противъ Бурбоновъ, были самыми довѣрчивыми и спокойными. Они *видѣли*, и не нуждались въ томъ, чтобы кто-нибудь представлялъ имъ какія-либо доказательства. Возмутившіеся генералы, командующіе эскадрой, были лишь автоматами великаго человѣка этой страны. Донъ Фернандо сдѣлалъ все: онъ взбунтовалъ суда, поднялъ батальоны въ Алколеѣ противъ войскъ, шедшихъ изъ Мадрида. А то, что онъ сдѣлалъ для того, чтобы низложить королеву и учредить неудачную семимѣсячную республику, развѣ онъ не можетъ повторить, когда дѣло идетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о завоеваніи хлѣба для бѣдныхъ?..

Исторія этой страны, традиціи самой мѣстности, провинціи постоянныхъ революцій, вліяли на довѣрчивость народа. Они видѣли, съ какой легкостью, въ одну ночь, опрокидывались троны и министерства, даже брались въ плѣнъ короли, и никто не сомнѣвался въ возможности революціи, болѣе важной, чѣмъ предыдущія, такъ какъ она обезпечивала благосостояніе несчастныхъ.

Часы шли, и солнце начало садиться, а толпа все еще не знала хорошенько, чего она ждетъ, и до какихъ поръ еще останется здѣсь.

Дядя *Юла* переходилъ отъ одной группы къ другой, чтобъ удовлетворить свое любопытство. Онъ убѣжалъ изъ Матанцуэлы, поссорившись съ старухой, которая загораживала ему дорогу, и не послу-

шавшись Рафаэля, убѣждавшаго его, что въ его годы не слѣдуетъ пускаться въ такія приключенія. Онъ желалъ видѣть вблизи, что такое *риголюція* бѣдняковъ, присутствовать при благословенномъ моментѣ (если онъ наступитъ), когда труженики земли раздѣлятъ ее всю на маленькіе участки и населятъ огромныя, пустынныя помѣстья, осуществивъ его мечту.

Онъ пытался узнавать людей своими слабыми глазами, удивляясь неподвижности группъ, неувѣренности, отсутствію плана.

— Я служилъ, ребята—говорилъ онъ;—былъ на войнѣ, а то, что вы готовите сейчасъ, все равно, сраженіе. Гдѣ у васъ знамя? Гдѣ генералъ?...

Но сколько онъ ни смотрѣлъ своими тусклыми глазами, онъ видѣлъ только группы людей, видимо отупѣвшихъ отъ безконечнаго ожиданія. Ни генерала, ни знамени!

— Плохо, плохо,—бормоталъ Юла.—Кажется, я вернусь на мызу. Старуха была права: это пахнетъ висѣлицей.

Другой любопытный тоже бродилъ между группами, прислушиваясь къ разговорамъ. Это былъ Алькапарронъ, въ двойной шляпѣ, надвинутой по самыя уши, и по бабьи шевелившій тѣломъ подъ оборваннымъ платьемъ. Рабочіе встрѣчали его смѣхомъ. Онъ тоже здѣсь? Ему дадутъ ружье, когда войдутъ въ городъ: любопытно посмотрѣть, будетъ-ли онъ драться съ буржуями, какъ храбрый малый.

Но гитанъ отвѣчалъ на это предложеніе забавными жестами испуга. Люди его расы не любятъ воевать. Ему взять ружье! Много ли они видѣли гитановъ, которые поступали въ солдаты!

— Грабить то ты будешь,—говорили ему другіе.—Когда придетъ время дѣлежа, здорово ты растолстѣешь, разбойникъ.

И Алькапарронъ смѣялся, какъ дуракъ, потирая руки при мысли о грабежѣ, и чувствуя, какъ въ немъ просыпаются атавистическіе инстинкты расы.

Бывшій рабочій Матанцуелы напомнилъ ему о двоюродной сестрѣ, Мари-Круцъ.

— Если ты мужчина, Алькапарронъ, то сегодня ночью можешь отомстить. Возьми эту косу и проткни ею брюхо дону Луису.

Цыганъ оттолкнулъ смертоносное орудіе и убѣжалъ отъ группы, скрывая слезы.

Начинало вечерѣть. Рабочіе, утомленные ожиданіемъ, задвигались, издавая негодующія восклицанія. Эй! кто тутъ распоряжается! Что же имъ всю ночь оставаться въ Каулинѣ! Гдѣ Сальватьерра? Пусть онъ явится!.. Безъ него они не пойдутъ никуда.

Нетерпѣніе и неудовольствіе сейчасъ же вызвали появленіе начальника. Громовой голосъ Хуанона покрылъ всѣ крики. Его атлетическія руки поднялись надъ головами.

— Кто распорядился собрать насъ?.. *Мадриленьо*? Такъ пусть онъ придетъ; пусть его отыщутъ!

Городскіе рабочіе, ядро товарищей по *идеѣ*, вышедшіе изъ Хереса, и обязавшіеся вернуться съ сельскими рабочими, сгруппировались вокругъ Хуанона, угадывая въ немъ начальника, который объединитъ всѣ воли.

Наконецъ, нашли *Мадриленьо*, и Хуанонъ подошелъ къ нему, узнать, что они здѣсь дѣлаютъ. Пріѣзжій заговорилъ очень многословно, но не сказалъ, въ сущности, ничего.

— Мы собрались для революціи, вотъ именно: для соціальной революціи.

Хуанонъ затопалъ отъ нетерпѣнія. А Сальватьерра? Гдѣ донъ Фернандо?.. *Мадриленьо* не видѣлъ его, но зналъ, ему говорили, что онъ въ Хересѣ и дожидается вступленія народа. Онъ зналъ также, или вѣрнѣе, ему говорили, что войска съ ними. Тюремная стража снята. Имъ нужно только явиться, и солдаты сами откроютъ ворота, и освободятъ всѣхъ заключенныхъ товарищей.

Гигантъ задумался на минуту, почесывая лобъ, какъ будто хотѣлъ помочь этимъ почесываньемъ ходу своихъ запутанныхъ мыслей.

— Ладно,—воскликнулъ онъ послѣ продолжительной паузы.—Дѣло сводится къ тому, чтобы быть мужчинами, или не быть ими: войти въ городъ,—выйдешь изъ него или нѣтъ,—или отправляться спать.

Въ глазахъ его сверкала холодная рѣшимость, фанатизмъ тѣхъ, которые рѣшаются быть вождями людей. Онъ бралъ на себя отвѣтственность за возстаніе, котораго не готовилъ. Онъ зналъ о мятежномъ движеніи столько же, сколько и весь этотъ народъ, казалось поглощенный вечернимъ сумракомъ, и не могущій объяснить себѣ, зачѣмъ онъ здѣсь.

— Товарищи!—закричалъ онъ повелительно.—Въ Хересъ, всѣ, у кого есть печенка! Идемъ освобождать изъ тюрьмы нашихъ несчастныхъ братьевъ... Сальватьерра тамъ.

Первымъ, приблизившимся къ этому неожиданному вождю, оказался Пакоэль де Требухенья, бунтарь-рабочій, прогнанный изъ всѣхъ имѣній и разъѣзжавшій по деревнямъ на ослѣ, продавая водку и революціонные листки.

— Я иду съ тобой, Хуанонъ, разъ товарищъ Фернандо насъ ждетъ.

— Тотъ, кто мужчина, въ комъ есть стыдъ, пусть идетъ за мной!—продолжалъ кричать Хуанонъ, не зная хорошенько, куда вести товарищей.

Но несмотря на его воззванія къ мужественности и стыду, большая часть собравшихся инстинктивно отступала. Ропотъ недовѣрія, огромнаго разочарованія поднялся въ толпѣ. Большинство сразу перешло отъ шумнаго одушевленія къ нерѣшительности и страху. Ихъ южная фантазія, всегда наклонная къ неожиданному и чудесному, заставила ихъ повѣрить въ появленіе Сальватьерры и другихъ знаменитыхъ революціонеровъ, верхомъ на горячихъ коняхъ, въ видѣ воинственныхъ и непобѣдимыхъ вождей, сопровождаемыхъ большой арміей, чудеснымъ

образомъ выросшей изъ подъ земли. Одно дѣло сопровождать этихъ могущественныхъ помощниковъ при ихъ вступленіи въ Хересъ, оставивъ себѣ легкую задачу убивать побѣжденныхъ и отбирать себѣ ихъ богатства! А вмѣсто этого, имъ говорятъ о томъ, чтобы итти однимъ въ этотъ городъ, вырисовывавшійся на горизонтѣ, въ послѣднемъ заревѣ заката и точно дьявольски подмигивавшій имъ красноватыми глазами своихъ фонарей, какъ бы заманивая ихъ въ засаду. Они не дураки. Жизнь въ чрезмѣрной работѣ и въ постоянномъ голодѣ тяжела, но смерть еще хуже. Домой! домой!..

И группы начали расходиться въ направленіи, противуположномъ городу, теряясь во мракѣ и не желая слушать брани Хуанона и наиболѣе возбужденныхъ.

Послѣдніе, опасаясь, что неподвижность усилитъ дезертирство, дали приказъ двинуться въ походъ.

— Въ Хересъ! въ Хересъ!

Они пустились въ путь. Ихъ было около тысячи; городскіе рабочіе и люди—хищники, явившіеся на собраніе, почуявъ кровь и не могшіе уйти, точно ихъ задерживалъ инстинктъ, бывшій сильнѣе ихъ воли.

Рядомъ съ Хуанономъ, въ числѣ самыхъ воодушевленныхъ, шелъ *Маэстрико*, юноша, проводившій въ людской ночи, учась читать и писать.

— Мнѣ кажется, что дѣло не ладно,—говорилъ онъ своему могучему товарищу.—Мы идемъ въ слѣпую. Я видѣлъ людей, которые бѣжали въ Хересъ, предупредить о нашемъ приходѣ. Насъ ждутъ; только ничего изъ этого не выйдетъ хорошаго.

— Молчи, *Маэстрико*,—отвѣтилъ повелительно предводитель, который, гордясь своей ролью, принималъ за непочтительность малѣйшія замѣчанія.—Молчи; вотъ именно. А если боишься, проваливай, какъ другіе. Намъ здѣсь не нужно трусовъ.

— Я трусъ!—воскликнулъ простодушно юноша.—Впередъ, Хуанонъ. Стоитъ-ли того жизнь, чтобы быть трусомъ!..

Шли молча, опустивъ голову, словно готовились аттаковать городъ. Торопились, точно желали какъ можно скорѣе выйти изъ неизвѣстности, сопровождавшей ихъ въ ихъ шествіи.

Мадриленьо объяснилъ свой планъ. Прежде всего къ тюрьмѣ: освободить заключенныхъ товарищей. Тамъ къ нимъ присоединятся войска. И Хуанонъ, какъ будто ничто не могло устроиться безъ его голоса, громко повторилъ:

— Къ тюрьмѣ, ребята! Спасать нашихъ братьевъ.

Они описали большой кругъ, чтобы войти въ городъ по маленькому проулку, какъ будто имъ стыдно было ступать по широкимъ и хорошо освѣщеннымъ улицамъ. Многіе изъ этихъ людей бывали въ Хересѣ очень рѣдко, не узнавали улицъ и шли за вожаками съ покорностью стада, съ безпокойствомъ думая, какимъ образомъ отсюда выбраться, если придется.

Безмолвная и черная лавина подвигалась съ глухимъ топотомъ шаговъ, волновавшимъ улицу. Въ домахъ запирались двери, въ окнахъ исчезалъ свѣтъ. Съ одного балкона какая то женщина обругала ихъ:

— Канальи! Хамы! Вотъ, подождите, повѣсятъ васъ, какъ вы того стоите!

И съ балкона полетѣлъ глиняный горшокъ, разбившійся со звономъ о камни мостовой, но ни въ кого не попавшій. Эта была *Маркизочка*, которая съ балкона свиного торговца возмущалась этимъ сбродомъ, противнымъ своей грубостью и осмѣливающимся угрожать порядочнымъ людямъ.

Только немногіе подняли голову. Остальные шли впередъ, равнодушные къ смѣшному нападенію и желая какъ можно скорѣе встрѣтиться съ друзьями. Городскіе жители узнали *Маркизочку* и, удаляясь, отвѣчали на ея брань столь же классическими, сколь и циничными словами. Ну, и заноза же баба! Еслибъ они не спѣшили, слѣдовало бы поднять ей юбки, всыпать горяченькихъ...

Колонна нѣсколько порѣдѣла, поднимаясь по косогору, ведшему къ Тюремной Площади, самому мрачному мѣсту въ городѣ. Многіе изъ бунтовщиковъ вспомнили товарищей изъ *Черной Руки:* здѣсь ихъ повѣсили.

Площадь была пустынна: въ бывшемъ монастырѣ, превращенномъ въ тюрьму, были закрыты всѣ отверстія, сквозь рѣшетки не было видно ни одного огонька. Даже часовой спрятался за главный портикъ.

Голова колонны остановилась, ступивъ на площадь, удерживаясь отъ напора идущихъ сзади. Никого! Кто же имъ поможетъ? Гдѣ солдаты, которые должны были присоединиться къ нимъ.

Они скоро узнали это. Изъ-за низкой рѣшетки мелькнулъ бѣглый огонекъ, красная полоса, расплывшаяся въ дымъ. Потомъ еще и еще, до девяти разъ, показавшихся неподвижнымъ отъ изумленія людямъ безконечнымъ числомъ. То были часовые, стрѣлявшіе раньше, чѣмъ они подошли подъ выстрѣлы.

Изумленіе и ужасъ придали нѣкоторымъ наивный героизмъ. Они подвигались, крича, съ распростертыми объятіями.

— Не стрѣляйте, братья, насъ продали!.. Братья, мы пришли не для дурного!..

Но «братья» были глухи и продолжали стрѣлять. Въ толпѣ вдругъ началось паническое бѣгство. Всѣ побѣжали внизъ, храбрые и трусы, толкаясь, опрокидывая другъ друга, какъ будто ихъ стегали по плечамъ эти выстрѣлы, продолжавшіе оглашать пустынную площадь.

Хуанону и наиболѣе энергичнымъ удалось задержать на углу потокъ людей. Группы снова составились, но убавились и порѣдѣли. Ихъ было уже не болѣе шестисотъ человѣкъ. Довѣрчивый предводитель ругался глухимъ голосомъ.

— Эй, гдѣ же *Мадриленьо*: пусть онъ объяснитъ намъ, что это значитъ?

Но искать его было безполезно. *Мадриленьо* исчезъ въ суматохѣ, скрылся въ темныхъ уличкахъ, при звукѣ выстрѣловъ, какъ и всѣ, знавшіе городъ. Около Хуанона остались только жители горъ, шедшіе по улицамъ ощупью, удивляясь, что нигдѣ никого нѣтъ, точно городъ весь вымеръ.

— Сальватьерры нѣтъ въ Хересѣ, и ничего онъ объ этомъ не знаетъ,—сказалъ *Маэстрико* Хуанону.—Мнѣ кажется,—насъ обманули.

— И мнѣ сдается тоже,—отвѣтилъ атлетъ.—А что же намъ дѣлать? Разъ ужъ мы здѣсь, пойдемъ въ центръ Хереса, на Широкую улицу.

Они въ безпорядкѣ пошли внутрь города. Ихъ успокаивало и подбодряло то, что они не встрѣчали ни препятствій, ни враговъ. Гдѣ же полиція? Почему войска прячутся. Тотъ фактъ, что они оставались запертыми въ казармахъ, предоставивъ городъ въ ихъ распоряженіе, внушалъ имъ нелѣпую надежду на возможность появленія Сальватьерры, во главѣ взбунтовавшихся войскъ.

Они дошли совершенно безпрепятственно до Широкой улицы. Ни какихъ предосторожностей противъ ихъ прихода. На улицѣ не было видно прохожихъ, но балконы въ клубахъ были освѣщены, и въ нижнихъ этажахъ не было никакихъ запоровъ.

Мятежники прошли мимо собраній богачей, бросая на нихъ взгляды ненависти, но почти не останавливаясь. Хуанонъ ожидалъ вспышки злобы со стороны несчастнаго стада; онъ готовился даже вмѣшаться и своимъ авторитетомъ начальника предотвратить катастрофу.

— Вотъ они, богачи!—говорили въ группахъ.

— Тѣ, кто насъ угощаетъ собачьими похлебками.

— Тѣ, что насъ грабятъ. Смотрите, какъ они пьютъ нашу кровь!..

И послѣ короткой остановки, они поспѣшно шли дальше, словно куда то направлялись и боялись опоздать.

Они несли съ собой страшныя серпы, косы, навахи... Пусть выйдутъ богачи и увидятъ, какъ покатятся ихъ головы по мостовой! Но они должны выйти на улицу, потому что всѣмъ имъ было противно разбивать окна и стеклянныя двери, точно стекло было непроницаемой стѣной.

Долгіе годы подчиненія и трусости сказались въ этихъ грубыхъ людяхъ, очутившихся лицомъ къ лицу съ богачами. Къ тому же, ихъ стѣснялъ свѣтъ большой улицы, ея широкіе троттуары съ рядами фонарей, красный блескъ балконовъ. Всѣ мысленно приводили тотъ же предлогъ въ оправданіе своей слабости. Вотъ, еслибъ встрѣтиться съ этимъ народомъ на открытомъ полѣ!..

Когда они проходили мимо *Клуба Наѣздниковъ*, то у оконъ появились головы нѣсколькихъ молодыхъ людей. То были сеньоры, съ

плохо скрываемымъ безпокойствомъ слѣдившіе за шествіемъ забастовщиковъ. Но, когда тѣ прошли дальше, глаза ихъ заблестѣли проніей, и къ нимъ вернулась увѣренность въ превосходствѣ ихъ касты.

— Да здравствуетъ Соціальная Революція!—крикнулъ *Маэстрико*, точно ему обидно было пройти молча мимо этого гнѣзда богачей.

Любопытные исчезли, но, прячась, смѣялись, такъ какъ этотъ возгласъ очень развеселилъ ихъ. Если они ограничатся только криками!..

Въ безцѣльномъ шествіи своемъ, они достигли Новой Площади и, видя, что начальникъ остановился, сгруппировались вокругъ него, съ вопросительными взглядами.

— А теперь что мы будемъ дѣлать?—спрашивали они наивно.— Куда мы пойдемъ?

Хуанонъ сдѣлалъ свирѣпое лицо.

— Куда хотите—для того, что мы дѣлаемъ, это все равно!.. Я хочу освѣжиться.

И завернувшись въ плащъ, онъ прислонился спиной къ фонарному столбу и замеръ въ неподвижности, всѣмъ видомъ своимъ свидѣтельствуя объ охватившемъ его унынiи.

Рабочіе разсѣялись, раздѣлившись на маленькія кучки. Появились начальники, ведшіе товарищей въ разныя стороны. Городъ принадлежалъ имъ, теперь начнется настоящее дѣло! Проявился инстинктъ расы, неспособной сдѣлать что-нибудь сообща, лишенной коллективнаго чувства и чувствующей себя сильной и предпріимчивой только тогда, когда каждый индивидуумъ можетъ работать по собственному внушенію.

Широкая улица потемнѣла; клубы закрылись. Послѣ жестокаго волненія пережитаго богачами, при видѣ угрожающаго шествія, они боялись возврата звѣря, раскаявшагося въ своемъ великодушіи, и всѣ двери закрылись.

Одна большая группа направилась къ театру. Тамъ были богачи, буржуи. Нужно убить ихъ всѣхъ: вотъ, это будетъ настоящая драма. Но дойдя до освѣщеннаго входа, рабочіе остановились съ боязнью, въ которой было нѣчто религіозное. Они никогда не входили туда. Горячій воздухъ, напоенный испареніями газа, и шумъ безчисленныхъ голосовъ, доносившійся изъ за стеклянныхъ дверей, смущали ихъ, какъ дыханье чудовища, скрытаго за красными занавѣсами вестибюля.

— Пусть выйдутъ! пусть выйдутъ, и узнаютъ, гдѣ раки зимуютъ!..

У дверей показалось нѣсколько зрителей, привлеченныхъ слухомъ о вторженіи рабочихъ. Одинъ изъ нихъ, въ господскомъ пальто и шляпѣ, рѣшился подойти даже къ закутаннымъ въ плащи людямъ, столпившимся противъ театра.

Они бросились на него и окружили, размахивая косами и серпетками, въ то время, какъ другіе зрители бѣжали, спасаясь въ театрѣ. Ага! наконецъ-то они нашли, кого искали! Это былъ буржуа, сытый

*

буржуа, изъ котораго надо выпустить кровь, чтобы онъ вернулъ народу все, что поглотилъ...

Но *буржуа*, коренастый молодой человѣкъ, съ спокойнымъ и открытымъ взглядомъ, остановилъ ихъ жестомъ.

— Что вы, товарищи! Я такой же рабочій, какъ и вы!

— Руки; покажи руки!—заревѣли нѣкоторые рабочіе, не опуская грозно поднятаго оружія.

И изъ подъ полъ плаща протянулись сильныя, квадратныя руки, съ обломанными отъ работы ногтями. Одинъ за другимъ, рабочіе подходили и гладили его ладони, ощупывая мозоли. Мозоли были: это свой. И грозное оружіе снова скрылось подъ плащами.

— Да, я изъ вашихъ,—продолжалъ молодой человѣкъ.—Я плотникъ, но мнѣ нравится одѣваться по господски, и вмѣсто того, чтобы по вечерамъ сидѣть въ тавернахъ, я хожу въ театръ. У всякаго свой вкусъ.

Эта ошибка такъ обезкуражила забастовщиковъ, что многіе изъ нихъ удалились. Чертъ побери! да куда же запрятались богачи?...

Они шли по широкимъ улицамъ и по глухимъ переулкамъ, маленькими, кучками, желая встрѣтить кого нибудь и осмотрѣть ему руки. Это было лучшимъ средствомъ узнать враговъ бѣдныхъ. Но ни съ мозолями, ни безъ мозолей, никого не было видно.

Городъ казался пустыннымъ. Жители, видя, что войска скрываются въ казармахъ, запирались въ домахъ, преувеличивая размѣры нашествія, и думая, что улицы и окрестности города заняты цѣлыми милліонами людей.

Кучка въ пять человѣкъ наткнулась на переулкѣ на одного господина. Это были самые свирѣпые изъ всей банды люди, въ которыхъ горѣла нетерпѣливая жажда убійства, и видѣвшіе, что часы идутъ, а кровь все не льется.

— Руки; покажи руки!—заревѣли они, окружая его и занося надъ его головой квадратные и блестящіе ножи.

— Руки!—отвѣтилъ съ раздраженіемъ господинъ, освобождаясь отъ нихъ.—А зачѣмъ мнѣ ихъ показывать? Не имѣю ни малѣйшаго желанія.

Но одинъ изъ нихъ схватилъ его за плечи своими лапами, и сильно дернувъ, заставилъ показать руки.

— Нѣтъ мозолей!—воскликнули они съ зловѣщей радостью.

И отступили на шагъ съ большей яростью. Но ихъ остановило спокойствіе молодого человѣка.

— Нѣтъ мозолей? Такъ что же? Но я такой же рабочій, какъ и вы. У Сальватьерры тоже ихъ нѣтъ, однако, едва-ли вы больше революціонеры, чѣмъ онъ!..

Имя Сальватьерры, казалось, задержало въ воздухѣ занесенные ножи.

— Оставьте парня,—сказалъ за ихъ спинами голосъ Хуанона.— Я его знаю и отвѣчаю за него. Это другъ товарища Фернандо; онъ изъ *идейныхъ*.

Варвары съ нѣкоторымъ огорченіемъ отпустили Фермина Монтенегро. Присутствіе Хуанона внушало имъ уваженіе—кромѣ того, изъ глубины переулка, показался другой молодой человѣкъ. Этотъ ужъ не изъ *идейныхъ*: какой-нибудь выродокъ-буржуй, идущій домой.

Въ то время, какъ Монтенегро благодарилъ Хуанона за его вмѣшательство, спасшее ему жизнь, немного подальше произошла встрѣча рабочихъ съ прохожимъ.

— Руки, буржуа, покажи руки!

Буржуа былъ блѣдный юноша, мальчикъ лѣтъ семнадцати, въ поношенномъ платьѣ, но съ высокимъ воротникомъ и яркимъ галстухомъ—роскошь бѣдняковъ. Онъ дрожалъ отъ страха, показывая свои жалкія тонкія и малокровныя руки, руки писца, запертаго въ солнечные часы въ темной конторѣ. Онъ плакалъ, оправдываясь несвязными словами, и смотря на серпетки остановившимися отъ ужаса глазами точно его гипнотизировала холодная сталь. Онъ шелъ изъ конторы... засидѣлся... сводили балансъ.

— Я зарабатываю двѣ пезеты, сеньоры... двѣ пезеты. Не бейте меня... я иду домой; мать ждетъ меня... ааай...

Это былъ крикъ боли, страха, отчаянія, взволновавшій всю улицу, и юноша упалъ навзничь на землю.

Хуанонъ и Ферминъ, содрогаясь отъ ужаса, подбѣжали къ группѣ и увидѣли въ центрѣ ея мальчика, лежащаго головой въ черной лужѣ, которая все увеличивалась. Ноги его вздрагивали въ конвульсіяхъ агоніи. Серпетка раскроила ему голову, пробивъ кости.

Звѣри, видимо, были удовлетворены своимъ дѣломъ.

— Смотри-ка,—сказалъ одинъ.—Выученикъ буржуевъ! Дохнетъ, какъ цыпленокъ... Придетъ очередь и учителямъ.

Хуанонъ разразился проклятіями. Это все, что они умѣютъ дѣлать? Трусы! Проходили мимо собраній, гдѣ были богачи, настоящіе враги, не посмѣвъ поднять голоса, боясь разбить стекла, бывшія ихъ единственной защитой. Они годны только на то, чтобы убить ребенка, такого же рабочаго, какъ они, бѣднаго конторщика, зарабатывавшаго двѣ пезеты и, можетъ быть, содержавшаго свою мать.

Ферминъ боялся, чтобы атлетъ не бросился съ навахой на своихъ товарищей.

— Куда пойдешь съ такими скотами!—рычалъ Хуанонъ.—Далъ бы Богъ и дьяволъ, чтобы насъ всѣхъ схватили и вздернули. И меня перваго за глупость; за то, что повѣрилъ, что они годны на что-нибудь.

Несчастный малый удалился, желая избѣжать стычки съ своими свирѣпыми товарищами. Тѣ тоже разошлись, точно слова великана вернули имъ разсудокъ.

Оставшись одинъ около трупа, Монтенегро испугался. На улицѣ, послѣ поспѣшнаго бѣгства убійцъ, начали раскрываться окна, и онъ побѣжалъ, боясь, что его застанутъ около убитаго.

Онъ остановился только выбравшись на большія улицы. Ему казалось, что здѣсь онъ въ большей безопасности отъ сорвавшихся съ цѣпи звѣрей, требовавшихъ, чтобы имъ показывали руки.

Вскорѣ ему показалось, что городъ просыпается. Вдали послышался топотъ, отъ котораго задрожала земля, и немного спустя по Большой улицѣ крупной рысью проѣхалъ эскадронъ уланъ. Потомъ, въ концѣ улицы заблестѣли ряды штыковъ, и мѣрнымъ шагомъ прошла пѣхота. Фасады большихъ домовъ точно развеселились и открыли сразу свои двери и балконы.

Войска разсыпались по всему городу. При свѣтѣ фонарей заблестѣли каски кавалеристовъ, штыки пѣхотинцевъ и лакированныя треуголки полицейскихъ. Во мракѣ выдѣлялись красныя пятна панталонъ солдатъ и желтые ремни полиціи.

Власти, державшія эти войска взаперти, рѣшили, что насталъ моментъ пустить ихъ въ ходъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, городъ не оказывалъ сопротивленія и былъ утомленъ однообразнымъ ожиданіемъ, въ виду сдержанности бунтовщиковъ. Но теперь кровь уже пролилась. Достаточно было одного трупа, трупа, который оправдывалъ бы страшныя репрессіи, чтобы власти проснулись отъ своего намѣреннаго сна.

Ферминъ съ глубокой скорбью думалъ о несчастномъ писцѣ, валявшемся тамъ, въ переулкѣ, о жертвѣ, эксплуатируемой въ самой смерти и послужившей предлогомъ, котораго искали сильные.

Во всемъ Хересѣ началась охота за людьми. Патрули полицейскихъ и линейныхъ солдатъ неподвижно охраняли входы и выходы улицъ а кавалерія и отряды пѣхоты обыскивали городъ, задерживая подозрительныхъ лицъ.

Ферминъ переходилъ съ мѣста на мѣсто, не встрѣчая препятствій. Онъ былъ похожъ на барина, а войска охотились только за плащами, за деревенскими шляпами, за грубыми блузами, за всѣми, имѣвшими видъ рабочихъ. Монтенегро видѣлъ, какъ они проходили рядами, по направленію къ тюрьмѣ, между штыками и крупами лошадей, одни подавленные, словно ихъ поражало враждебное появленіе вооруженной силы, которая «должна была примкнуть къ нимъ»; другіе, удивленные, не понимающіе, почему вереницы плѣнныхъ возбуждали такую радость на Большой улицѣ, когда нѣсколько часовъ тому назадъ они торжествующе прошли по ней, не позволивъ себѣ ни малѣйшаго безчинства.

Это было непрерывное шествіе арестованныхъ, схваченныхъ въ ту минуту, когда они намѣревались выйти изъ города. Другихъ задержали въ тавернахъ или похватали случайно, во время обхода улицъ.

Нѣкоторые были городскими жителями. Они вышли изъ домовъ не за долго до этого, видя, что нашествіе кончилось, но одного ихъ вида было достаточно для того, чтобы ихъ арестовали, какъ мятежниковъ. И группы арестованныхъ все шли и шли, безъ конца. Тюрьма оказалась слишкомъ мала для стольскихъ людей. Многихъ отвели въ войсковыя казармы.

Ферминъ почувствовалъ себя усталымъ. Съ самыхъ сумерокъ онъ бродилъ по Хересу, ища одного человѣка. Нашествіе забастовщиковъ, неизвѣстность того, чѣмъ кончится это приключеніе, отвлекли его на нѣсколько часовъ, заставивъ забыть о своихъ дѣлахъ. Но теперь, когда событіе кончилось, онъ чувствовалъ, что нервное возбужденіе его падаетъ, и что имъ овладѣваетъ утомленіе.

На минуту онъ подумалъ было пойти въ свою гостиницу. Но дѣла его были не такого рода, чтобы ихъ можно было отложить назавтра. Необходимо было въ эту же ночь, сейчасъ же, покончить съ вопросомъ, заставившимъ его бѣжать, какъ безумнаго, изъ отеля дона Пабло, разставшись съ нимъ навсегда.

Онъ снова сталъ бродить по улицамъ, ища того, кого ему было нужно, и не обращая вниманія на проходившія мимо него вереницы арестованныхъ.

Около Новой Площади, наконецъ, произошла желанная встрѣча.

— Да здравствуетъ полиція! Да здравствуютъ порядочные люди!..

Это кричалъ Луисъ Дюпонъ, среди молчанія, въ которое погрузило городъ такое количество ружей на его улицахъ. Онъ былъ пьянъ; это ясно доказывали его блестящіе глаза и зловонное дыханіе. Позади него шелъ *Козелъ* и трактирный слуга съ стаканами въ рукахъ и бутылками въ карманахъ.

Узнавъ Фермина, Луисъ кинулся къ нему на шею и хотѣлъ поцѣловать его. Что за день! А! какая побѣда! И говорилъ это такъ, какъ будто одинъ разогналъ забастовщиковъ.

Узнавъ, что эта сволочь идетъ въ городъ, онъ забрался съ своимъ храбрымъ наперсникомъ въ трактиръ *Монтаньеса* и велѣлъ хорошенько запереть двери, чтобы имъ не помѣшали. Нужно было собраться съ мыслями, выпить немножко, прежде чѣмъ приняться за дѣло. У нихъ было достаточно времени, чтобы разстрѣлять этотъ сбродъ. Онъ и *Козелъ* взяли это на себя. Нужно было, чтобы врагъ позабавился и осмѣлѣлъ, до надлежащаго момента, когда оба они появятся, какъ посланники смерти. И, наконецъ, они вышли съ револьверомъ въ одной рукѣ и ножомъ въ другой: *конецъ* свѣта! но такъ неудачно, что встрѣтили уже войска на улицахъ. Но все-таки кое-что они сдѣлали.

— Я,—говорилъ пьяница съ гордостью,—помогъ арестовать больше дюжины. Кромѣ того, раздалъ, не знаю сколько пощечинъ этому народу, который, вмѣсто того, чтобы смириться, еще дурно отзывался

о порядочныхъ людяхъ... Ну, да они хорошую получатъ трепку!.. Да здравствуетъ полиція! Да здравствуютъ богачи!

И, словно эти восклицанія высушили ему горло, онъ сдѣлалъ знакъ *Козлу*, который подбѣжалъ и подалъ ему двѣ кружки съ виномъ.

— Пей!—приказалъ Луисъ пріятелю.

Ферминъ покачнулся.

— Я не хочу пить,—сказалъ онъ глухимъ голосомъ.—Я хочу поговорить съ тобой, и сейчасъ. Поговорить кое-о-чемъ, очень интереснομъ.

— Ладно, поговоримъ,—отвѣчалъ молодой сеньоръ, не придавая значенія просьбѣ.—Будемъ говорить хоть три дня подрядъ, но раньше я долженъ исполнить долгъ. Хочу предложить по рюмочкѣ всѣмъ, которые вмѣстѣ со мной спасли Хересъ. Потому что, повѣрь мнѣ, Ферминъ, это я, я одинъ остановилъ этихъ негодяевъ. Въ то время, какъ войска находились въ казармахъ, я былъ на своемъ посту. Мнѣ кажется, городъ долженъ отблагодарить меня, сдѣлавъ для меня что-нибудь!..

Проѣхалъ кавалерійскій отрядъ, шедшій рысью. Луисъ подбѣжалъ къ офицеру, поднявъ вверхъ рюмку съ виномъ; но офицеръ проѣхалъ мимо, не обративъ вниманія на угощеніе, сопровождаемый солдатами, чуть не раздавившими сеньора.

Но пылъ его не охладился отъ этого невниманія.

— Оле, молодцы кавалеристы!—крикнулъ онъ, бросая шляпу къ заднимъ ногамъ лошади.

И поднявъ ее, выпрямился, и съ серьезнымъ лицомъ, приложивъ руку къ груди, прокричалъ:

— Да здравствуетъ армія!

Ферминъ не хотѣлъ его выпустить и, вооружившись терпѣніемъ, сопровождалъ его въ его путешествіи по улицамъ. Сеньоръ останавливался передъ группами солдатъ, подзывая своихъ двухъ спутниковъ съ запасомъ бутылокъ и рюмокъ.

— Оле, да здравствуютъ храбрецы! Да здравствуетъ кавалерія... и пѣхота... и артиллерія, хотя ея не было!.. Рюмочку, поручикъ.

Офицеры, разстроенные этимъ глупымъ днемъ, безъ славы и безъ опасностей, съ строгими лицами отстраняли пьянаго: Проходите! Здѣсь никто не пьетъ.

— Ну, если вы не можете пить,—приставалъ сеньоръ съ пьяной настойчивостью—то я выпью за васъ. За здоровье всѣхъ красивыхъ мужчинъ!.. Смерть негодяямъ!

Въ концѣ концовъ ему надоѣло переходить отъ группы къ группѣ, вездѣ встрѣчая отказы, и онъ счелъ свою экспедицію конченной. Совѣсть его была спокойна: онъ угостилъ всѣхъ героевъ, которые помогли ему спасти городъ. Теперь въ домъ Монтаньеса, закончить ночь.

Очутившись въ кабинетѣ ресторана передъ новыми бутылками, Ферминъ рѣшилъ, что пришелъ моментъ приступить къ дѣлу.

— Мнѣ нужно серьезно поговорить съ тобой, Луисъ. Кажется, я тебѣ сказалъ уже объ этомъ.

— Помню... ты хотѣлъ поговорить... Говори, сколько хочешь.

Онъ былъ такъ пьянъ, что глаза его слипались, и голосъ былъ гнусавъ, какъ у старика.

Ферминъ взглянулъ на *Козла*, по обыкновенію, усѣвшагося рядомъ съ своимъ покровителемъ.

— Я хочу поговорить съ тобой, Луисъ, объ очень щекотливомъ дѣлѣ... Безъ свидѣтелей...

— Ты это насчетъ *Козла?*—воскликнулъ Дюпонъ, открывъ глаза.—Козелъ—этотъ: онъ знаетъ про меня все. Еслибъ сюда пришелъ мой кузенъ Пабло говорить со мной о своихъ дѣлахъ, то *Козелъ* остался бы и слушалъ бы все. Говори безъ страха! Это все равно, что я!

Монтенегро рѣшилъ примириться съ присутствіемъ этого ястреба, не желая откладывать долго жданнаго объясненія.

Онъ говорилъ съ нѣкоторой робостью, маскируя свою мысль, взвѣшивая слова, чтобы ихъ могли понять только они двое, и чтобы буянъ остался въ невѣдѣніи.

Если онъ его искалъ, то Луисъ могъ уже догадаться зачѣмъ... *Онъ знаетъ все.* Воспоминаніе о случившемся въ послѣднюю ночь уборки винограда въ Марчамалѣ, навѣрно, не изгладилось въ его памяти. Такъ вотъ: онъ явился для того, чтобы Луисъ исправилъ сдѣланное зло. Онъ всегда считалъ его другомъ и надѣется, что онъ такъ и будетъ вести себя... потому что иначе...

Отъ усталости, нервнаго возбужденія полной волненій ночи, Ферминъ не могъ долго притворяться, и угроза слетѣла съ его губъ, засверкавъ въ то же время въ глазахъ.

Выпитое вино жгло ему желудокъ, точно превратившись въ ядъ отъ отвращенія, которое онъ испытывалъ, принимая его изъ этихъ рукъ.

Дюпонъ, слушая Монтенегро, притворялся болѣе пьянымъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, чтобы скрыть свое смущенье.

Угроза Фермина заставила Козла выйти изъ неподвижности. Онъ счелъ необходимымъ вмѣшаться.

— Здѣсь никто не смѣетъ угрожать, эй вы, цыпленокъ!.. Тамъ, гдѣ *Козелъ*, никто не смѣетъ ничего сказать его сеньору.

Молодой человѣкъ вскочилъ въ запальчивости, устремивъ на злобное животное взбѣшенный взглядъ.

— Вы молчите!—сказалъ онъ повелительно.—Держите языкъ... въ карманѣ, или гдѣ угодно. Вы здѣсь ничто, и чтобы говорить со мной, должны спросить у меня позволенія.

Буянъ колебался въ нерѣшимости, подавленный запальчивостью молодого человѣка, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ оправиться отъ выговора, Ферминъ прибавилъ, обращаясь къ Луису.

— И это ты считаешь себя такимъ храбрымъ?.. Храбрый, а хо-

дишь повсюду съ провожатымъ, какъ школьникъ! Храбрый, а не можешь разстаться съ нимъ, чтобы поговорить наединѣ съ человѣкомъ. Тебѣ бы слѣдовало ходить въ короткихъ панталончикахъ!

Дюпонъ забылъ о своемъ опьяненіи, и выпрямился во весь ростъ передъ пріятелемъ, чтобы показать свою храбрость. Тотъ затронулъ какъ разъ самое его чувствительное мѣсто.

— Ты знаешь, Ферминильо, что я храбрѣе тебя, и что весь Хересъ меня боится. Увидишь, нужны ли мнѣ провожатые. Эй, *Козелъ*, проваливай.

Задира упирался и что то бормоталъ.

— Проваливай!—повторилъ сеньоръ, точно собираясь вытолкнуть его, съ заносчивостью безнаказанности.

Козелъ вышелъ, и пріятели снова сѣли. Луисъ уже не казался пьянымъ: скорѣе, онъ старался показаться трезвымъ, широко раскрывалъ глаза, какъ бы желая взглядомъ уничтожить Монтенегро.

— Если тебѣ угодно,—сказалъ онъ глухимъ голосомъ, чтобы побольше напугать,—будемъ драться. Не здѣсь, потому что *Монтаньесъ* мнѣ пріятель, и я не желаю компрометировать его.

Ферминъ пожалъ плечами, презирая эту комедію устрашенія. Можно поговорить и о дуэли, но послѣ; смотря по тому, чѣмъ кончится ихъ разговоръ.

— Теперь къ дѣлу, Луисъ. Ты знаешь зло, которое ты сдѣлалъ. Чѣмъ же ты думаешь исправить его?

Сеньоръ снова утратилъ свою безмятежность, видя, что Ферминъ приступаетъ прямо къ непріятному вопросу. Господи, не онъ одинъ виноватъ. Это вино, проклятая пирушка, случайность... чрезмѣрная доброта; потому что, еслибъ онъ не былъ въ Марчамалѣ, соблюдая интересы своего кузена (недурно онъ его отблагодарилъ, проклятый!), то ничего бы не случилось. Но, въ концѣ концовъ, зло сдѣлано. Онъ кабальеро, дѣло идетъ о семьѣ пріятеля, и онъ не бѣжитъ отъ расплаты. Что желаетъ Ферминъ? Его состояніе, онъ самъ, все въ его распоряженіи. Онъ полагаетъ самымъ правильнымъ, чтобы они оба, сообща, назначили извѣстную сумму; онъ достанетъ ее, какимъ бы то ни было путемъ, и дастъ ее въ приданое малюткѣ, и чудо будетъ, если она не найдетъ себѣ хорошаго мужа.

Почему Ферминъ дѣлаетъ такое лицо? Онъ сказалъ что-нибудь несообразное?.. Ну, если ему не нравится это рѣшеніе, такъ онъ можетъ предложить другое. Марія де-ла-Луцъ можетъ жить съ нимъ. Онъ помѣститъ ее въ большомъ домѣ въ городѣ, она будетъ жить, какъ царица. Дѣвушка ему нравится: довольно она намучила его презрѣніемъ, которое проявляла къ нему съ той ночи. Онъ сдѣлаетъ все, чтобы она была счастлива. Многіе богатые люди живутъ такъ съ женщинами, которыхъ всѣ уважаютъ, какъ законныхъ женъ; и если на нихъ не женятся, то только потому, что онѣ низкаго происхож-

денія... Это рѣшеніе ему тоже не нравится? Ну, такъ пусть Ферминъ предложитъ что-нибудь, и они покончатъ сразу.

— Да, надо покончить сразу,—повторилъ Монтенегро.—Поменьше словъ, потому что мнѣ больно говорить объ этомъ. Ты сдѣлаешь слѣдующее: пойдешь завтра къ своему двоюродному брату и скажешь ему, что, раскаиваясь въ своей винѣ, женишься на моей сестрѣ, какъ подобаетъ порядочному человѣку. Если онъ согласится—хорошо; если нѣтъ—все равно. Ты женишься и постараешься, исправившись, не сдѣлать несчастной свою жену.

Сеньоръ отодвинулъ съ шумомъ свой стулъ, пораженный чудовищной претензіей.

— Вотъ что!.. Жениться, ни болѣе, ни менѣе!.. Малаго же ты просишь!..

Онъ заговорилъ о своемъ двоюродномъ братѣ, предугадывая его несомнѣнный отказъ. Онъ не можетъ жениться. А его карьера? Его будущее? Семья его, вмѣстѣ съ отцами іезуитами, какъ разъ ведетъ переговоры о его бракѣ съ одной богатой дѣвушкой изъ Севильи, духовной дочерью отца Урицабала. И это для него очень важно, потому что состояніе его очень разстроено, а для его политической карьеры ему необходимо быть богатымъ.

— Жениться на твоей сестрѣ—нѣтъ,—заключилъ Дюпонъ.—Это безуміе, Ферминъ, подумай хорошенько: нелѣпость.

Ферминъ загорячился, отвѣчая. Нелѣпость. Согласенъ; но для бѣдной Марикиты. Подумаешь, какое счастье! Связать свою жизнь съ человѣкомъ, какъ онъ, переполненнымъ всякими пороками, и который не можетъ жить даже съ самыми презрѣнными женщинами въ округѣ! Для Маріи де-ла-Луцъ этотъ бракъ означалъ только новую жертву: но другого выхода, кромѣ этого, нѣтъ.

— Ты думаешь, я дѣйствительно желаю породниться съ тобой и радуюсь этому?.. Ошибаешься. Далъ бы Богъ, чтобъ у тебя никогда не являлось дурной мысли, сдѣлавшей несчастной мою сестру! Еслибъ этого не было, я не согласился бы имѣть тебя зятемъ, хотя бы ты на колѣняхъ просилъ меня, осыпанный милліонами... Но дѣло сдѣлано, и исправить его можно только однимъ этимъ путемъ, хотя бы мы всѣ умерли при этомъ отъ горя... Ты знаешь, я смѣюсь надъ бракомъ: это одна изъ многихъ глупостей, существующихъ въ мірѣ. Для того чтобы быть счастливыми, нужна любовь... и ничего больше. Я могу говорить такъ, потому что я мужчина, и потому что я плюю на общество и на то, что скажутъ. Но моя сестра женщина, и чтобы ее уважали, чтобы она могла жить спокойно, она должна дѣлать то, что остальныя женщины. Она должна выйти замужъ за человѣка, соблазнившаго ее, хотя бы не питала къ нему ни капли расположенія. Она никогда не заговоритъ съ своимъ бывшимъ женихомъ: было бы подло обманывать его. Ты можешь сказать, пусть она останется не-

замужней и никто не узнаетъ, что было; но все, что дѣлается, становится извѣстнымъ. Ты самъ, если я тебя отпущу, когда-нибудь въ пьяномъ видѣ, похвастаешься своей удачей, лакомымъ кусочкомъ, которымъ попользовался на виноградникѣ своего двоюроднаго брата. Ей-ей? Этого не будетъ! Здѣсь нѣтъ другого выхода, кромѣ брака.

И, со все болѣе рѣзкими словами, онъ напиралъ на Луиса, желая заставить его согласиться на его рѣшеніе.

Сеньоръ защищался со страхомъ человѣка, схваченнаго за горло.

— Ты заблуждаешься, Ферминъ,—говорилъ онъ.—Я вижу яснѣе тебя...

И, чтобы отдѣлаться, предлагалъ отложить разговоръ до завтра. Они разберутъ дѣло толковѣе... Боязнь, что его принудятъ принять предложеніе Монтенегро, заставляла его настаивать на отказѣ. Все, кромѣ женитьбы... Это невозможно; семья оттолкнетъ его, люди станутъ надъ нимъ смѣяться; онъ потеряетъ политическую карьеру.

Но Ферминъ настаивалъ съ твердостью, устрашавшей Луиса.

— Ты женишься; другого выхода нѣтъ. Ты сдѣлаешь то, что долженъ, или одинъ изъ насъ лишній на землѣ.

Манія величія снова проснулась въ Луисѣ. Онъ почувствовалъ себя сильнымъ, вспомнивъ, что *Козелъ* близко, и что, можетъ быть, онъ слышитъ его слова изъ сосѣдняго корридора.

Угрозы ему? Во всемъ Хересѣ нѣтъ человѣка, который посмѣетъ высказать ихъ безнаказанно. И онъ поднесъ руку къ карману, ощупывая непобѣдимый револьверъ, который чуть не спасъ города, удержавъ одинъ цѣлое нашествіе непріятеля. Прикосновеніе къ его стволу видимо придало ему новый задоръ.

— Ну, довольно! Я сдѣлаю то, что могу, чтобы все исправить, какъ порядочный человѣкъ, какимъ я всегда былъ. Но не женюсь, слышишь? Не женюсь!.. Кромѣ того, почему это непремѣнно я одинъ долженъ быть виноватъ?

Глаза его блеснули цинизмомъ. Ферминъ стиснулъ зубы и заложилъ руки въ карманы, откинувшись назадъ, словно боясь жестокихъ словъ, которыя готовились слетѣть съ устъ сеньора.

— А твоя сестра?—продолжалъ онъ.—Она развѣ не виновата? Ты несчастный младенецъ. Повѣрь мнѣ: ту, которая не захочетъ, нельзя изнасиловать. Я погибшій человѣкъ, пусть такъ; но твоя сестра... твоя сестра...

Онъ произнесъ оскорбительное слово, но его почти не было слышно.

Ферминъ вскочилъ съ такой силой, что стулья повалились и задрожалъ столъ, отъ толчка откатившійся къ стѣнѣ. Онъ держалъ въ рукѣ наваху Рафаэля, оружіе, два дня тому назадъ забытое имъ въ этомъ же ресторанѣ.

Револьверъ сеньора продолжалъ торчать изъ отверстія кармана но рука уже не имѣла силы вытащить его.

Дюпонъ покачнулся, издалъ хрипъ задушаемаго животнаго, крикъ, ускорившій клокотанье черной жидкости, вытекавшей изъ его горла, какъ изъ разбитаго кувшина.

Потомъ повалился, загремѣвъ бутылками и рюмками, послѣдовавшими за нимъ при его паденіи, какъ будто вино желало смѣшаться съ его кровью.

X.

Прошло три мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ сеньоръФерминъ покинулъ виноградникъ Марчамалы, и пріятели едва узнавали его, видя его сидящимъ на солнцѣ у двери жалкой лачуги, въ предмѣстьѣ Хереса, гдѣ онъ жилъ со своею дочерью.

— Бѣдный сеньоръФерминъ!—говорили люди, видя его.—Отъ него осталась одна тѣнь.

Онъ впалъ въ молчаливость, близкую къ идіотизму. По цѣлымъ часамъ онъ сидѣлъ неподвижно, съ опущенной головой, словно его давили воспоминанія. Когда дочь подходила къ нему, чтобы вести домой, или сказать, что обѣдъ поданъ, онъ точно пробуждался, отдавалъ себѣ отчетъ въ окружающемъ, и глаза его строго слѣдили за дѣвушкой.

— Дрянная женщина!—бормоталъ онъ.—Проклятая баба!

Она, одна она виновата въ несчастьи, обрушившемся на ихъ семью.

Гнѣвъ отца, придерживавшагося старинныхъ взглядовъ, неспособнаго къ нѣжности и прощенію, его мужская гордость, заставлявшая его всегда считать женщину низшимъ существомъ, могущимъ причинить мужчинѣ только огромное зло, преслѣдовали бѣдную Марію де ла Луцъ. Она тоже подурнѣла, поблѣднѣла, похудѣла, и глаза ея увеличились отъ слѣдовъ слезъ.

Ей приходилось дѣлать чудеса экономіи, живя съ отцомъ въ этой лачугѣ. Но больше всѣхъ стѣсненій и заботъ, вызываемыхъ бѣдностью, она страдала отъ нѣмого упрека въ глазахъ отца, отъ глухихъ проклятій, которыми онъ, казалось, осыпалъ ее каждый разъ, какъ она приближалась къ нему, отрывая его отъ его размышленій.

Сеньоръ Ферминъ жилъ, погруженный въ мысли объ ужасной ночи нашествія забастовщиковъ.

Для него съ тѣхъ поръ не случалось ничего, что имѣло бы какое-нибудь значеніе. Ему казалось, что онъ еще слышитъ грохотъ воротъ Марчамалы, за часъ до восхода солнца, сотрясавшихся подъ яростными ударами неизвѣстнаго человѣка. Онъ всталъ, приготовивъ ружье, и открылъ одну рѣшетку... Но это былъ его сынъ, егоФерминъ, безъ шляпы, съ руками въ крови и съ большой царапиной на лицѣ, точно онъ дрался съ нѣсколькими человѣками.

Словъ было сказано немного. Онъ убилъ дона Луиса и потомъ

убѣжалъ, ранивъ сопровождавшаго того буяна. Этотъ незначительный рубецъ былъ доказательствомъ ссоры. Ему нужно бѣжать, немедленно скрыться въ безопасное мѣсто. Враги несомнѣнно подумаютъ, что онъ въ Марчамалѣ, и на зарѣ лошади полицейскихъ появятся уже въ виноградникѣ.

Это былъ моментъ безумнаго волненія, показавшійся бѣдному старику безконечнымъ. Куда бѣжать?.. Его руки открыли ящики комода, рылись въ вещахъ. Онъ искалъ свои сбереженія.

— Возьми, сынокъ; возьми все.

И онъ насыпалъ ему карманы дуро, пезетами, всѣмъ серебромъ, заплѣсневѣвшимъ отъ долгаго лежанья взаперти, и медленно собиравшимся въ теченіе многихъ лѣтъ.

Рѣшивъ, что далъ ему достаточно, онъ вывелъ его изъ виноградника. Бѣжать! Еще ночь, и они могутъ выйти изъ Хереса, незамѣченные никѣмъ. У старика былъ свой планъ. Нужно разыскать Рафаэля въ Матанцуэлѣ. Парень еще сохранялъ дружескія отношенія съ бывшими товарищами контрабандистами, и отвезетъ его по окольнымъ тропинкамъ въ Гибралтаръ. А тамъ онъ можетъ уѣхать, куда угодно: свѣтъ великъ.

И въ теченіе двухъ часовъ, отецъ и сынъ почти бѣжали, не чувствуя усталости, подгоняемые страхомъ и сходя съ дороги всякій разъ, какъ издали доносился шумъ голосовъ и лошадиный топотъ.

О, что за ужасное путешествіе съ мучительными открытіями! Это оно такъ доканало его. Когда разсвѣло, онъ увидѣлъ своего сына, съ мертвеннымъ лицомъ, всего въ крови, съ видомъ бѣгущаго убійцы. Ему больно было видѣть своего сына въ такомъ состояніи, но отчаяваться было некогда. Въ концѣ концовъ, онъ мужчина, а мужчины часто убиваютъ, не лишаясь изъ-за этого чести. Но когда сынъ въ немногихъ словахъ объяснилъ ему, за что онъ убилъ, то старикъ думалъ, что умретъ, ноги у него дрожали, и ему приходилось дѣлать усилія, чтобы не упасть посреди дороги. Марикита, его дочь, она виновница всего этого! А, дрянь проклятая! И думая о поведеніи сына, онъ восхищался имъ, благодаря его за жертву отъ всей своей грубой души.

— Ферминъ, сынъ мой, ты хорошо сдѣлалъ. Не было другого выхода, кромѣ мести. Ты лучшій изо всей семьи. Лучше меня, который не сумѣлъ уберечь дѣвченку.

Прибытіе въ Матанцуэлу было трагическимъ: Рафаэль оторопѣлъ отъ изумленія. Убили его хозяина, и убилъ Ферминъ!

Монтенегро раздражился. Онъ хочетъ, чтобы Рафаэль отвезъ его въ Гибралтаръ, и чтобы никто ихъ не видѣлъ. Довольно словъ. Желаетъ онъ спасти его, или нѣтъ? Рафаэль, вмѣсто всякаго отвѣта, осѣдлалъ свою вѣрную лошадь и еще другую изъ лошадей на мызѣ. Онъ сейчасъ же отвезетъ его въ горы, а тамъ о немъ позаботятся другіе.

Старикъ видѣлъ, какъ они помчались карьеромъ, и пустился въ

обратный путь, согбенный внезапной дряхлостью, какъ будто вся жизнь его отлетѣла вмѣстѣ съ сыномъ.

Послѣ этого существованіе его проходило, какъ въ туманномъ снѣ. Онъ помнилъ, что поспѣшно покинулъ Марчамалу и поселился въ предмѣстьѣ въ лачугѣ одной родственницы своей жены. Онъ не могъ оставаться на виноградникѣ послѣ случившагося. Между семьей хозяина и его стояла кровь, и раньше, чѣмъ ему бросятъ ее въ лицо, онъ долженъ былъ бѣжать.

Донъ Пабло Дюпонъ предлагалъ ему милостыню, для поддержки его старости, хотя признавалъ его главнымъ виновникомъ всего случившагося, такъ какъ онъ не научилъ своихъ дѣтей религіи. Но старикъ отказался отъ всякой помощи. Покорно благодарю, сеньоръ: онъ преклоняется передъ его благотворительностью, но скорѣе умретъ съ голода, прежде чѣмъ приметъ хоть одну монету отъ Дюпоновъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ бѣгства Фермина, онъ увидѣлъ своего крестника Рафаэля. Онъ былъ безъ мѣста, такъ какъ ушелъ съ мызы. Онъ пріѣхалъ сказать ему, что Ферминъ въ Гибралтарѣ, и что въ одинъ изъ слѣдующихъ дней уѣдетъ въ Южную Америку.

— И тебя тоже,—сказалъ старикъ съ грустью,—ужалила проклятая муха, отравившая насъ всѣхъ.

Юноша былъ печаленъ, угнетенъ. Говоря съ старикомъ у двери лачуги, онъ заглядывалъ внутрь съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, словно боясь появленія Маріи де-ла-Лусъ. Во время бѣгства въ горы Ферминъ разсказалъ ему все... все...

— Ахъ, крестный, какой ударъ для меня, я думалъ, что умру отъ него... И не имѣть возможности отомстить! Подлецъ этотъ ушелъ на тотъ свѣтъ, и я не успѣлъ проткнуть его кинжаломъ! Не имѣть возможности воскресить его, чтобы убить снова!.. Сколько разъ негодяй навѣрно издѣвался надо мной, видя, что я смотрю на него, какъ дуракъ, ничего не зная!..

Больше всего его огорчала смѣхотворность его положенія, то, что онъ служилъ этому человѣку. Онъ плакалъ надъ тѣмъ, что месть была совершена не его рукой.

Онъ не хотѣлъ работать. Какой толкъ быть честнымъ? Онъ опять вернется къ контрабандѣ. Женщины?.. на время, а потомъ колотить ихъ какъ нечистыхъ и безсердечныхъ животныхъ... Онъ хотѣлъ объявить войну половинѣ міра, богачамъ, правителямъ, *всѣмъ*, которые вселяютъ страхъ при помощи ружей, и являются причиной того, что бѣдные попираются сильными. Теперь, когда бѣдный людъ въ Хересѣ, обезумѣвъ отъ страха, работалъ въ поляхъ, не поднимая глазъ отъ земли, когда тюрьма была полна, и многіе изъ тѣхъ, что раньше были готовы на все, стали ходить къ обѣднѣ, чтобы избѣжать подозрѣній и преслѣдованій, теперь начнетъ дѣйствовать онъ. Увидятъ богачи, какого звѣря они породили на свѣтъ, разрушивъ его иллюзіи.

Контрабанда пойдетъ на жизнь. Позже, когда начнется жатва, онъ будетъ поджигать скирды, палить усадьбы, отравлять скотъ на пастбищахъ. Тѣ, что сидятъ въ тюрьмѣ, ожидая момента казни, Хуанонъ, *Маэстрико* и другіе несчастные, которые умрутъ на висѣлицѣ, будутъ имѣть мстителя.

Есть люди, достаточно смѣлые, чтобы послѣдовать за нимъ, онъ составитъ конный отрядъ. Не даромъ онъ знаетъ горы. Богачи могутъ приготовиться. Злымъ не поздоровится, а добрые смогутъ спастись, только давъ ему денегъ для бѣдныхъ.

Гнѣвъ его разгорался отъ этихъ угрозъ. Онъ говорилъ о томъ, что сдѣлается разбойникомъ съ тѣмъ увлеченіемъ, которое съ дѣтства испытываютъ крестьяне къ приключеніямъ большихъ дорогъ. По его мнѣнію, всякій обиженный человѣкъ могъ отомстить, только сдѣлавшись бандитомъ.

— Меня убьютъ, — продолжалъ онъ, — но раньше, чѣмъ меня убьютъ, говорю вамъ, крестный, я покончу съ половиной Хереса.

И старикъ, раздѣлявшій волненіе парня, одобрялъ его, покачивая головой. Онъ хорошо дѣлаетъ. Будь онъ молодъ и силенъ, Рафаэль имѣлъ бы лишняго товарища въ отрядѣ.

Рафаэль болѣе не возвращался. Онъ бѣжалъ отъ того, чтобы демонъ не столкнулъ его съ Маріей де-ла-Луцъ. При видѣ ея, онъ могъ бы убить ее, или залиться слезами, какъ дитя.

Изрѣдка, къ сеньору Фермину приходила какая-нибудь старая гитана, или мальчикъ изъ тѣхъ, что продаютъ въ кафе и казино табакъ.

— Дѣдушка, это вамъ... Отъ Рафаэля. Это были деньги, посылаемыя контрабандистомъ, и старикъ молча передавалъ ихъ дочери. Парень никогда не показывался. Отъ времени до времени онъ появлялся въ Хересѣ и этого достаточно было, чтобы *Козелъ* и другіе приспѣшники покойнаго Дюпона прятались по своимъ домамъ, избѣгая показываться въ тавернахъ и кофейняхъ, посѣщаемыхъ контрабандистомъ.

Сеньоръ Ферминъ жилъ изо дня въ день, безразличный ко всему окружающему и къ тому, что говорили о немъ.

Однажды, скорбная тишина въ городѣ вывела его на нѣсколько часовъ изъ его оцѣпенѣнія. Должны были повѣсить пятерыхъ человѣкъ за нападеніе на Хересъ. Процессъ велся быстро: наказаніе было необходимо, чтобы «порядочные люди» успокоились.

Вступленіе мятежныхъ рабочихъ въ городъ превратилось, съ теченіемъ времени, въ полную ужасовъ революцію. Страхъ сдѣлалъ всѣхъ безгласными. Люди, видѣвшіе, какъ забастовщики проходили безъ всякихъ враждебныхъ намѣреній мимо домовъ богачей, молча соглашались на неслыханно-жестокое наказаніе.

Говорили о двухъ убитыхъ въ эту ночь, соединяя смерть пьянаго сеньора съ убійствомъ несчастнаго писца. Ферминъ Монтенегро преслѣдовался за убійство, процессъ его велся отдѣльно, но общество

ничего не теряло, преувеличивая событія и возлагая однимъ убитымъ больше на счетъ революціонеровъ.

Многіе были приговорены къ заключенію въ крѣпости. Судъ съ устрашающей щедростью расточалъ кандалы несчастному стаду, которое, казалось, съ изумленіемъ спрашивало себя, что такое оно сдѣлало въ ту ночь. Изъ приговоренныхъ къ смерти, двое были убійцами молодого писца, трое остальныхъ шли на казнь въ качествѣ опасныхъ, за то, что говорили, угрожали, за то, что гордо думали, что имѣютъ право на долю счастья въ мірѣ.

Многіе лукаво подмигивали глазами, узнавъ, что Мадриленьо, иниціаторъ похода на городъ, приговаривается только къ заключенію въ крѣпости на нѣсколько лѣтъ. Хуанонъ и его товарищъ эльде-Требухенья покорно ожидали послѣдней минуты. Они не хотѣли жить, жизнь была имъ противна послѣ горькихъ разочарованій этой знаменитой ночи. Маэстрико ходилъ съ удивленіемъ, застывшимъ въ его кроткихъ, дѣвичьихъ глазахъ, точно отказываясь вѣрить въ людскую злобу. Жизнь его была нужна, потому что онъ опасное существо, потому что онъ мечтаетъ объ утопіи, о томъ, чтобы знаніе перешло отъ немногихъ къ огромной массѣ несчастныхъ, какъ орудіе искупленія! И безсознательно поэтическій умъ его, заключенный въ грубую оболочку, воспламенялся огнемъ вѣры и утѣшался въ тоскѣ своихъ послѣднихъ минутъ надеждой на то, что другіе идутъ за нимъ, толкая, какъ онъ говорилъ, и что эти другіе въ концѣ концовъ, опрокинутъ все силой своей массы, какъ капли воды образуютъ наводненіе. Ихъ убивали потому, что ихъ было мало. Когда-нибудь ихъ будетъ столько, что сильные, уставъ убивать, устрашенные огромностью своей кровавой задачи, падутъ духомъ и сдадутся, побѣжденные.

Сеньоръ Ферминъ видѣлъ изъ этой казни только безмолвіе города, казавшагося пристыженнымъ, видѣлъ испуганныя лица бѣдняковъ, трусливое подобострастіе, съ которымъ они говорили о богатыхъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ уже совершенно забылъ объ этомъ происшествіи. Онъ получилъ письмо: оно было отъ его сына, отъ его Фермина. Онъ находился въ Буэносъ-Айресѣ и писалъ ему, что надѣется устроиться. Первое время, конечно, трудно, но въ этой странѣ, съ работой и настойчивостью, можно быть почти увѣреннымъ въ успѣхѣ.

Съ тѣхъ поръ сеньоръ Ферминъ нашелъ занятіе и стряхнулъ маразмъ, въ который его повергло горе. Онъ писалъ своему сыну и дожидался его писемъ. Какъ онъ далеко! Если бъ онъ могъ поѣхать туда!

Въ другой разъ его взволновала еще одна неожиданность. Сидя на солнцѣ, у двери своего дома, онъ увидѣлъ тѣнь человѣка, неподвижно стоящаго около него. Онъ поднялъ голову и вскрикнулъ. Донъ Фернандо!.. То былъ его кумиръ, добрый Сальватьерра, но постарѣвшій, печальный, съ потухшимъ взглядомъ за синими очками, точно его давили всѣ несчастья и несправедливости города.

Его выпустили, позволили жить на свободѣ, безъ сомнѣнія, зная, что онъ нигдѣ не сможетъ найти угла, гдѣ бы свить гнѣздо; что его слова затеряются безъ отголоска въ безмолвіи ужаса.

Когда онъ явился въ Xересъ, это старые друзья бѣжали отъ него, не желая компрометировать себя. Другіе смотрѣли на него съ ненавистью, какъ будто, вслѣдствіе своего вынужденнаго изгнанія, онъ былъ отвѣтственъ во всѣхъ событіяхъ.

Но сеньоръФерминъ, старый товарищъ, былъ не изъ такихъ. Увидя его, онъ всталъ, палъ въ его объятія, съ воплемъ сильныхъ людей, которые задыхаются, но не могутъ плакать.

— Ахъ, донъ Фернандо!.. Донъ Фернандо!..

Сальватьерра утѣшалъ его. Онъ зналъ все. Смѣлѣе! Онъ былъ жертвой соціальной испорченности, которую онъ громилъ со всѣмъ пыломъ аскета. Онъ могъ еще начать жизнь заново, вмѣстѣ со всѣми своими. Міръ великъ. Тамъ, гдѣ смогъ устроиться его сынъ, можетъ попытать счастья и онъ.

И Сальватьерра сталъ приходить иногда по утрамъ навѣстить стараго товарища. Но онъ скоро уѣхалъ. Говорили, что онъ живетъ то въ Кадиксѣ, то въ Севильѣ, бродя по андалузской землѣ, хранившей воспоминаніе о его геройствахъ и великодушныхъ порывахъ и останки единственнаго существа, любовь котораго скрашивала ему жизнь.

Онъ не могъ жить въ Xересѣ. Сильные смотрѣли на него злобными глазами, словно желая на него броситься, бѣдные избѣгали его, боясь сношеній съ нимъ.

Прошелъ еще мѣсяцъ. Однажды, подойдя къ двери дома, Марія де-ла-Лупъ чуть не упала въ обморокъ. Ноги ея дрожали, въ ушахъ звенѣло; вся кровь жгучей волной прилила къ ея лицу, и потомъ отлила, оставивъ его зеленовато блѣднымъ. Передъ ней стоялъ Рафаэль, закутанный въ плащъ, точно дожидаясь ее. Она хотѣла бѣжать, скрыться въ самую глубь лачуги.

— Марія де-ла-Лу!.. Марикилья!..

Это былъ тотъ же нѣжный и умоляющій голосъ, какъ когда они видѣлись у рѣшетки, и, сама не зная какъ, она повернулась, робко подошла ближе, смотря полными слезъ глазами на своего бывшаго жениха.

Онъ тоже былъ печаленъ. Грустная серьезность придавала ему нѣкоторое изящество, смягчая его грубую внѣшность боевого человѣка.

— Марія де-ла-Лу,—прошепталъ онъ.—Только на два слова. Ты меня любишь и я тебя люблю. Зачѣмъ намъ проводить остатокъ жизни въ злобѣ, какъ какіе-нибудь несчастные?.. До недавнихъ поръ я былъ такъ глупъ, что мнѣ хотѣлось убить тебя. Но я поговорилъ съ дономъ Фернандо, и онъ убѣдилъ меня своей ученостью. Это ужъ прошло.

И онъ подтвердилъ это энергичнымъ жестомъ. Кончилась разлука, кончилась ревность къ негодяю, котораго онъ не могъ воскресить, и

котораго она не любила; кончилось отвращеніе къ несчастью, въ которомъ она не была виновата.

Они уѣдутъ отсюда. Онъ такъ глубоко презиралъ эту страну, что не желалъ даже вредить ей. Самое лучшее покинуть ее, положить между нею и ними много миль суши, много миль воды. Разстояніе уничтожитъ дурныя воспоминанія. Не видя города, не видя его полей, они совершенно забудутъ перенесенныя горести.

Они поѣдутъ къ Фермину. У него есть деньги на путешествіе всѣмъ троимъ. Послѣдніе разы контрабанда была удачна; онъ совершилъ безуміе, удивившее своей дерзостью пограничниковъ. Его не убили, и удача воодушевляла его на большое путешествіе, которое измѣнитъ его жизнь.

Онъ знаетъ эту молодую страну, и они поѣдутъ въ нее,—его жена, онъ и крестный. Донъ Фернандо описывалъ ему этотъ рай. Безчисленные табуны дикихъ коней, ожидающихъ всадника; огромныя пространства земли, не имѣющія хозяина, не имѣющія тирана, и дожидающіяся руки человѣка, чтобы народить жизнь, таящуюся въ ея нѣдрахъ. Гдѣ найти лучшій эдемъ для бодраго и сильнаго крестьянина, доселѣ душой и тѣломъ раба праздныхъ людей.

Марія де-ла-Луцъ слушала его съ волненіемъ. Уѣхать отсюда! Бѣжать отъ столькихъ воспоминаній!.. Если бъ живъ былъ несчастный, погубившій ея семью, она упорствовала бы въ своемъ прежнемъ рѣшеніи. Она могла принадлежать только тому, кто лишилъ ее дѣвственности. Но такъ какъ негодяй умеръ, и Рафаэль, котораго она не хотѣла обманывать, великодушно мирился съ положеніемъ, прощая ее, то она соглашалась на все... Да; бѣжать отсюда! И какъ можно скорѣе!..

Парень продолжалъ излагать свои планы. Донъ Фернандо брался уговорить старика; кромѣ того онъ дастъ имъ письма къ своимъ друзьямъ въ Америкѣ. Раньше, чѣмъ черезъ двѣ недѣли, они сядутъ на пароходъ въ Кадиксѣ. Бѣжать, бѣжать, какъ можно скорѣе, изъ этой страны эшафотовъ, гдѣ ружья должны были утолять голодъ, и богатые отнимали у бѣдныхъ жизнь, честь и счастье!..

— Когда мы пріѣдемъ,—продолжалъ Рафаэль,—ты будешь моей женой. Мы повторимъ наши разговоры у рѣшетки. Болѣе того. Я удвою свою нѣжность, чтобы ты не думала, что во мнѣ осталось какое-нибудь горькое воспоминаніе. Все прошло. Донъ Фернандо правъ. Грѣхи тѣла значатъ очень мало... Самое важное любовь; остальное—заботы животныхъ. Твое сердечко вѣдь принадлежитъ мнѣ? И оно все мое!.. Марія де-ла-Лу! Звѣзда души моей! Пойдемъ на встрѣчу солнцу; теперь мы рождаемся по настоящему; сегодня начинается наша любовь. Дай, я поцѣлую тебя въ первый разъ въ жизни. Обними меня, товарищъ, чтобы я видѣлъ, что ты моя, что ты будешь поддержкой моихъ силъ, моей помощью, когда начнется наша борьба тамъ...

*

И они обнялись въ дверяхъ лачуги, соединивъ губы безъ малѣйшаго волненія плотской страсти, и долго стояли такъ, какъ бы пренебрегая мнѣніемъ людей и любовью своей бросая вызовъ условностямъ стараго міра, который они готовились покинуть.

Сальватьерра проводилъ въ Кадиксъ на трансатлантическій пароходъ своего товарища, сеньора Фермина, ѣхавшаго въ новый свѣтъ съ Рафаэлемъ и Маріей де-ла-Луцъ.

Прощайте! Больше имъ уже не видаться. Міръ неизмѣримо великъ для бѣдныхъ, всегда прикованныхъ неподвижно къ одному мѣсту корнями нужды.

Сальватьерра чувствовалъ, какъ у него выступаютъ слезы на глазахъ. Всѣ его привязанности, воспоминанія прошлаго исчезли, унесенныя смертью или несчастьемъ. Онъ оставался одинъ среди народа, который хотѣлъ освободить и который его уже не зналъ. Новыя поколѣнія смотрѣли на него, какъ на сумасшедшаго, внушавшаго нѣкоторый интересъ своимъ аскетизмомъ; но не понимали его словъ.

И смѣялись! И совѣтовали ему подчиниться, издѣваясь надъ его благородными стараніями! Но развѣ рабство будетъ вѣчно? Развѣ стремленія человѣческія навсегда замрутъ на этой временной веселости удовлетвореннаго животнаго?

Сальватьерра чувствовалъ, что злоба его стихаетъ, что надежда и вѣра возвращаются къ нему.

Вечерѣло; близилась ночь, предшественница новаго дня. И сумерки человѣческихъ стремленій тоже временны. Справедливость и свобода дремлютъ въ сознаніи всякаго человѣка. Онѣ проснутся.

Тамъ, за полями, стоятъ города, огромныя агломераціи современной культуры, и въ нихъ живутъ другія стада несчастныхъ, обездоленныхъ и печальныхъ, но рождающіяся души ихъ омываются зарей новаго дня, они чувствуютъ надъ своими головами первые лучи солнца, въ то время, какъ остальной міръ погруженъ еще во мракъ. Они будутъ избранниками; и въ то время, какъ крестьянинъ оставался въ полѣ, съ покорной серьезностью вола, обездоленный въ городѣ просыпался, становился на ноги и шелъ за единственнымъ другомъ несчастныхъ и голодныхъ, за тѣмъ, кто проходитъ черезъ исторію всѣхъ религій, заклейменный именемъ Демона, и кто теперь, отбросивъ нелѣпыя украшенія, которыми надѣляла его традиція, восхищаетъ однихъ, и ужасаетъ другихъ самой гордой красотой, красотой Люцифера, ангела свѣта, имя которому Возмущеніе... Соціальное Возмущеніе!

КОНЕЦЪ.

АРМІЯ и ОБЩЕСТВО

(Элементы вражды и препятствій).

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ [1]).

«Grande Muette».

«Grande Muette»... Такъ горделиво называютъ французы свою армію. «Великая молчальница»!..

Но за красивымъ образомъ грозно молчащей, величавой силы скрывается здѣсь гніющее безмолвное болото и, осужденная на это безмолвіе, армія свободнаго народа полна заразы, мелкихъ интригъ, тайнаго доносительства, грубыхъ подлоговъ, чудовищнаго карьеризма. «Muette»—да. Но это не «Grande» Muette, не célèbre Muette; молчальница это, но не «великая» молчальница. Величія здѣсь нѣтъ, и его не можетъ быть въ арміи, въ нѣдрахъ которой могли возникать и таиться дрейфусовскіе политическіе шантажи, въ судахъ которой могутъ быть такіе финалы, какъ дрейфусовское осужденіе 1894 года, помилованіе его, невиннаго, при реннскомъ разбирательствѣ; наконецъ, полное оправданіе и возвращеніе чиновъ и орденовъ, и парадъ войскъ передъ бывшимъ «измѣнникомъ»,—вся эта подлая и грязная комедія, чья мать—молчаніе, чье питаніе и ростъ во тьмѣ безгласности, чей авторъ—духъ касты. Не великая, а ничтожная армія, если въ ея рядахъ могутъ быть полковники Эстергази и генералы Мерсье и Буадеффры; не великая, а ничтожная армія, если изъ чувства ложнаго стыда и сохраненія ложнаго внѣшняго престижа ея высшіе представители умѣли хоронить авторовъ всемірно-извѣстнаго подлога; ея суды—ссылать на Чортовъ островъ невинныхъ, оклеветанныхъ людей, ея уши—не слышать голоса Зола съ его знаменитымъ: «J'accuse», протестовъ лучшихъ сыновъ своего народа и родины; если ея совѣсть не нашла въ себѣ силы и благородства сознаться на реннскомъ процессѣ во лжи и предательствѣ; если Дрейфусу понадобились года позора, мукъ и протестовъ для того, чтобъ возстановить свое имя и честь; если для этого потребовалось цѣлыхъ три судебныхъ разбирательства съ многолѣтними перерывами... Нѣтъ, это—не «grande» Muette, это—muette Misère!..

---

[1]) См. „Міръ Божій", № 7, іюль 1906 г.

Молчаніе и тьма, безгласности, и запертыя двери и тишь могилы ни для кого не проходятъ безрезультатно, никого не увѣнчиваютъ, но роняютъ, но убиваютъ, но обезсиливаютъ и губятъ. И если даже армія великаго и свободнаго народа не вынесла этого воздуха касты, если армія образованныхъ офицеровъ и сытыхъ и грамотныхъ солдатъ находится въ процессѣ разложенія,—что же сказать объ арміи полуграмотныхъ начальниковъ и безграмотныхъ, голодныхъ и темныхъ забитыхъ людей?

Но французская армія хоть послѣдовательна, ея воспитаніе—именно въ духѣ безстрастнаго и нейтральнаго молчанія; она, въ самомъ дѣлѣ, «muette», но наша россійская, но наша трижды несчастная, бѣдная, голодная, испозоренная армія—даже не «Muette», она не молчальница, она не внѣпартійна, не безстрастна и небезпристрастна,—чтобы и кто бы ни говорилъ по этому поводу, какія бы громкія и пустыя слова ни произносились на эту тему высшими и низшими начальниками какъ бы ни старались доказать это, какіе бы громовые образы не призывались для вящей убѣдительности и какъ бы не переводить французское «Muette».

Вотъ, въ Ташкентѣ генералъ Субботичъ на тему о «Muette» произноситъ рѣчь и въ ней ссылается на «вѣковой опытъ», который—«осудилъ участіе арміи въ политической жизни народовъ»; на то «что государства, гдѣ нарушались указанія этого опыта, гдѣ воинъ вырождался въ политическаго дѣятеля,—или совсѣмъ погибали, или впадали въ состояніе нищеты, невѣжества и хаоса, какъ то можно видѣть на примѣрѣ южно-американскихъ республикъ». Но, по мнѣнію исторически-освѣдомленнаго генерала, это «обособленіе арміи отъ политики является не лишеніемъ ея нѣкоторыхъ правъ, а *привилегіею и привилегіею завидною* (!!): на подобіе скалы среди моря должна стоять армія, не обращая вниманія на бушующія кругомъ нея волны политическихъ страстей; въ такой *особенности заключается своего рода величіе».* (!!)

Невозможно было бы придумать болѣе откровеннаго исповѣданія кастовой вѣры, чѣмъ генеральская рѣчь. Именно величіе видится этимъ слѣпымъ въ томъ, что они сами себя загнали въ тѣсный и душный курятникъ замкнутости и отчужденія; именно привиллегіей они считаютъ свое право невмѣшательства и красотой свою тупую, будто бы величавую грозность молчаливой силы. Въ словахъ генерала—символъ всей кастовой вѣры.

Рѣчь Субботича (какъ и приказъ Шухова) относятся и адресованы, конечно, начальствующимъ лицамъ,—врачамъ, офицерамъ; тутъ пытаются еще разъяснять. Съ нижними чинами дѣло обстоитъ проще; мѣры и способы здѣсь—элементарнѣй; пріемы—грубѣй. Въ качествѣ средства отвлеченія отъ «политики» солдатамъ дана даже новая льгота: «свобода»... продажи въ солдатскихъ лавкахъ водки. Еще недавно «приносъ» водки въ казармы преслѣдовался и карался, офицеры зорко и энергично слѣдили за этимъ, пьянство всячески вытравлялось,—но «по времени и

закону перемѣна бываетъ», но то, что было нежелательно прежде, стало очень сподручнымъ и удобнымъ теперь, и сейчасъ въ солдатскихъ буфетахъ моремъ льется водка, и идутъ скандалы и дебоши,—чтожъ?—это, «отвлекаетъ», видите-ли, отъ политики, и пусть въ то время, какъ въ Варшавѣ врачи пойдутъ на кладбище, отрясая прахъ выборовъ, партій и политики отъ ногъ своихъ, нижніе чины забудутся въ хмѣльномъ полуснѣ казармы и буфета. То, чѣмъ такъ долго и, надо отдать справедливость, небезуспѣшно «отвлекали» отъ политики офицерство,—тѣ кутежи, пьяный форсъ, безсонныя ночи, одуряющій и дурашливый вѣчный хмѣль въ головѣ,—то самое средство, очевидно, какъ испытанное, рѣшили пустить въ ходъ и въ темную, еще несознательную массу солдатства. Нужды нѣтъ до того, какъ это отражается и отразится на самомъ человѣкѣ, на всемъ духѣ арміи, на «военныхъ качествахъ», на обученіи. Важно и дорого одно: отвлечь, обособить, оравнодушить, убить стремленіе къ волѣ и жизни, закупорить, притупить, заглушить мысль и запросы, изъ прежняго манекена сдѣлать манекена окончательно и безвозвратно тупого, создать пьяную холодную покорность, katzenjammer'ное безвольное послушаніе, приготовить машину, пріобрѣсти защитника отъ «враговъ внутреннихъ», отъ поднимающейся и грозно-поющей силы жизни.

Ни предъ чѣмъ не останавливаются здѣсь, и ни предъ чѣмъ не остановятся въ достиженіи этой цѣли. Не испугаютъ ни протесты общественные, ни протестующіе голоса изъ глубинъ самой арміи, ни возможность волненій и бунтовъ на этой сомнительной «почвѣ успокоенія». И будутъ обыскивать, доглядывать, преслѣдовать и спаивать, пока сама земля не дрогнетъ и не возопіютъ камни, до того дня и часа, когда, наконецъ, встанетъ, во весь свой огромный ростъ, этотъ душимый въ солдатѣ человѣкъ. Но «послѣ насъ, хоть потопъ».

И испытанное на офицерствѣ средство «отвлеченія» отъ идей и людей, примѣненное къ солдатской массѣ, уже даетъ свои результаты, а вмѣстѣ съ развращающимъ запахомъ крови, неистовствами усмирителей, ожесточаетъ нравы, а эта водка и эта злоба, вмѣстѣ съ привычкой къ безнаказанности, ведетъ и этого переодѣтаго въ «форму» добродушнаго человѣка на ту же стезю профессіональнаго скандальничества. Недавно артиллеристы произвели грандіозное побоище крестьянъ противъ самыхъ казармъ въ Новгородѣ. На нихъ, мирно игравшихъ на гармоніи, нагрянули артелью человѣкъ 30 солдатъ съ 2 фельдфебелями, одного изъ нихъ ткнули ножемъ въ спину; а когда за раненаго вступилась гуляющая публика, то солдаты крикнули въ казармы: «Ребята, нашихъ бьютъ!» И изъ казармъ высыпало болѣе 500 человѣкъ: началась какая-то вакханалія; стали хватать и бить гуляющую публику и даже пріѣхавшихъ конныхъ городовыхъ солдаты прогнали градомъ камней.

Въ Ковровѣ казакъ въѣхалъ верхомъ въ залъ 1 класса. Буфетъ былъ закрытъ, буфетчика не было, но совершенно пьяный

казакъ требуетъ водки у дежурнаго офиціанта и на замѣчаніе послѣдняго, что водку запрещено отпускать, прибѣгаетъ къ нагайкѣ. Онъ съ руганью устремляется на ослушника, угрожая его запороть, а въ буфетѣ все разнести. Слуга, спасаясь, бѣгаетъ вокругъ большого стола, а казакъ гоняется за нимъ на лошади. Наконецъ, видя, что догнать и заставить слугу нагайкой дать водки не придется, казакъ самъ заѣзжаетъ и за буфетной стойкой беретъ, что ему надо.

Наконецъ, въ Петербургѣ, 11 мая, вечеромъ, на углу Клинскаго проспекта и Матятина переулка три пьяныхъ солдата измайловскаго полка остановили извозчика и приказали ему везти ихъ куда-то за гривенникъ, а когда извозчикъ отвѣтилъ, что за такую плату онъ не можетъ вести ихъ, гвардейцы начали бить его ногами. Съ ближайшаго постоялаго двора сбѣжались товарищи извозчика и пытались заступиться за него, но солдаты обнаживъ свои тесаки, стали размахивать ими и кричать: «Не подходи—зарублю». Нечего прибавлять, что во время этой сцены ни дворники, ни постовой городовой не сдѣлали никакой попытки образумить пьяныхъ солдатъ. И только, въ концѣ концовъ, какой-то военный чиновникъ отправилъ на извозчикѣ разбушевавшихся солдатъ въ казармы.

А въ Варшавѣ деньщикъ одного изъ офицеровъ гроховскаго полка, рядовой Павловъ, застрѣливъ лакея Дынду (поляка), на слѣдствіи заявилъ, что мотивомъ преступленія было *оскорбленіе Величества*, будто бы допущенное Дындой. Какъ водится, дѣло затѣмъ перешло къ прокурору, и Павлова предали суду по 1455 ст. уложенія о наказаніяхъ. Но *военное начальство съ заключеніемъ прокурора не согласилось*, и въ концѣ концовъ по гроховскому полку былъ опубликованъ слѣдующій приказъ:

«Копія 25-го февраля 1905 г., № 56, § 22. Съ заключеніемъ прокурорскаго надзора о преданіи суду по 1455 ст. уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ рядового 14-й роты ввѣреннаго мнѣ полка Павлова, убившаго лакея Дынду за то, что послѣдній позволилъ себѣ въ его присутствіи поносить особу Государя Императора—я не согласился и въ порядкѣ статьи 558 п. 2 устава военно-судебнаго дѣло было направлено по начальству. Послѣднее согласилось съ моимъ мнѣніемъ и довело это до свѣдѣнія Государя Императора. Его Императорскому Величеству благоугодно было 6-го февраля *освободить Павлова отъ всякой отвѣтственности*. Съ чувствомъ глубокой радости спѣшу подѣлиться этою Царскою милостью. *Вотъ, братцы, съ кого примѣръ надо брать*, съ молодца Сергѣя Павлова, въ коемъ чувство преданности Царю, вѣрность присягѣ говорило сильнѣе опасности за отвѣтственность. Спасибо рядовому Сергѣю Павлову за его честныя, русскія убѣжденія, за то, что *не посрамилъ нашего гроховскаго полка*.

Поздравляю рядового Павлова ефрейторомъ, выдать ему *въ награду 10 р.*, отпустить *въ двухмѣсячный отпускъ. Приказъ прочесть во*

всѣхъ ротахъ и командахъ и *прокричать* отъ русскаго сердца *«ура» молодцу* ефрейтору Павлову. Подлинный подписалъ: командиръ полка полковникъ Бончъ-Богдановскій. Вѣрно: полковой адъютантъ-поручикъ Эфенбахъ».

Но и этого начальству, показалось мало. Мало просто похвалить, мало поощрить: нужно установить систематическую охоту, объявить таксу, создать своего рода охранное спортсментство, изъ солдата сдѣлать палача, изъ переряженнаго въ военный костюмъ добродушнаго и, въ большинствѣ, мало сознательнаго мужика выдрессировать политическаго шпіона, притомъ съ такими полномочіями, которыя должны привести всякаго непотерявшаго послѣдній разсудокъ въ растерянное недоумѣніе и ужасъ, ибо право тутъ же, на мѣстѣ, судить «революціонера» даруется не только простому человѣку, но и человѣку необразованному, и не только необразованному, но и инспирированному черносотенными нравоученіями, черносотенными прокламаціями. Съ трудомъ вѣрится, но фактъ тотъ, что въ Варшавѣ солдату, застрѣлившему убійцу пристава Константинова, выдана «награда» въ 50 руб. И начальникъ мѣстнаго гарнизона объявилъ, что и впредь за каждаго убитаго «революціонера» онъ будетъ выдавать *премію въ 50 рублей*, а если «революціонеръ» будетъ взятъ живьемъ, то — 100.

Это уже не борьба съ крамолой, это уже не контръ-революція. Это чистѣйшій и страшнѣйшій типъ форменной охоты за всякимъ, за первымъ попавшимся, за любымъ, съ кѣмъ имѣешь счеты, и при томъ санкціонированный, свыше и выгодно оплачиваемый, безъ всякой отвѣтственности, ибо самое понятіе «революціонеръ» неясно, непонятно и темно не только исполнителю, но, вѣроятнѣе всего, и тѣмъ, кто послалъ этого темнаго человѣка на такую охоту.

Въ два кнута «работаетъ» начальство, «отвлекая» солдатъ отъ освободительнаго движенія, отъ общественныхъ интересовъ, отъ думъ народныхъ, отъ знакомствъ, сношеній, отъ газеты и книги. Насаждая съ одной стороны культъ пьянства, разврата и распущенности, растворяя въ нихъ рвущуюся личность, оно идетъ твердыми шагами «по пути искорененія» идей, преслѣдуя наказаніями и обысками, ведя къ разложенію армію, подрывая послѣднюю тѣнь уваженія къ себѣ, и роя ту яму, въ которую придется, въ концѣ концовъ, слетѣть самому, оставшись безъ послѣдней опоры, которая его поддерживала, и которая называлась «дисциплиной духа».

Будутъ издавать и допускать черносотенныя воззванія. Среди солдатъ пѣхотнаго полка, прибывшаго изъ Барановичей (размѣщеннаго въ казармахъ лейбъ-гвардіи Сапернаго полка) съ вѣдома и при содѣйствіи начальства они уже распространяются за подписью «Союза русскаго народа». Воззванія приглашаютъ солдатъ вступать въ союзъ, который намѣренъ въ скоромъ времени покончить съ Государственной Думой и возстановить самодержавіе, а всѣмъ вступившимъ въ союзъ

будутъ розданы значки, которыхъ послѣднее время заказано громадное количество (свыше 14.000 штукъ).

Чтобъ «отвлечь отъ политики», въ которую затягиваетъ солдата само же начальство, станутъ прибѣгать къ средствамъ дѣтскимъ, пахнущимъ анекдотомъ, вродѣ того, какое избрали для «отвлеченія» матросовъ на броненосцѣ «Цесаревичъ». Однажды, въ серединѣ мая, послѣ «справки» (вечерней переклички матросовъ) лейтенанты Страдецкій и Зарубевъ собрали команду судна. И лейтенантъ Страдецкій обратился къ матросамъ съ слѣдующей рѣчью: «Въ виду того, что на суднѣ появилась масса крысъ, которыя портятъ вещи, я предлагаю всѣмъ вамъ заняться дѣятельнымъ истребленіемъ ихъ. За каждую доставленную въ 8 час. утра въ каютъ-компанію убитую или живую крысу будетъ выдаваться по 5 коп.». На рѣчь лейтенанта команда отвѣтила хохотомъ, но на другой день, при соотвѣтствующей случаю торжественной обстановкѣ, матросами было доставлено нѣсколько крысъ. И, конечно же, матросы издѣваются надъ капризами лейтенанта, ибо справедливо увѣрены, что истребленье крысъ предложено имъ все въ тѣхъ же цѣляхъ «отвлеченья мыслей» отъ настоящаго «революціоннаго» момента. Дошли до того, что желая искоренить вольный духъ, воцарившійся въ 123 пѣхотномъ Козловскомъ полку, военное министерство постановило перевести его изъ Курска въ Харьковъ. Въ виду этого, военнымъ министерствомъ 28-го іюня отдано предписаніе сгруппировать въ Харьковѣ 31-ю дивизію, а въ Курскѣ 51-ю!

То же самое на ст. Струги-Бѣлая (Спб.-Варш. ж. д.), гдѣ устроено новое лагерное расположеніе и гдѣ будутъ стоять Красноярскій, Омскій и Иркутскій пѣхотные полки, 4-я артиллерійская бригада и нѣсколько батарей другихъ бригадъ. Конечно, и здѣсь приняты всѣ мѣры къ «воспрепятствованію» «проникновенія» постороннихъ, и солдаты вполнѣ изолированы отъ мѣстныхъ жителей. Въ Красноярскомъ лагерѣ шныряютъ переодѣтые сыщики и нѣкоторые изъ нихъ несутъ охранную службу: между баракомъ командира и палаткою адъютанта Семеновскаго полка, напримѣръ, все время прохаживается агентъ охраннаго отдѣленія.

Надо ни о чемъ не думать, не видѣть дальше своего носа и не заботиться рѣшительно ни о чемъ, кромѣ благополучной «сдачи части» съ рукъ на руки преемнику, чтобъ вести ту «педагогическую» линію, за которую ухватились растерявшіяся и обезумѣвшія начальническія головы, ибо спаивать армію водкой ради достиженія ея изолированности, ибо развращать ее грошовыми подачками, возбуждать къ погромамъ и избіеніямъ мирныхъ людей, мирной жизнью живущихъ, поощрительно похлопывать за это по плечу, прививать похвалами и безнаказанностью не только буйство, но и провокаторство, за которое такъ удобно безопасно хоронятся теперь всякіе споенные и обезумѣвшіе скан-...ты, награждать за доносъ и ложь, лишь бы въ нихъ была под-

кладка «вѣрноподданничества» и въ то же время обыскивать, закандаливать и скручивать, держать умственно спеленутымъ этого спаиваемаго, но не глупаго человѣка, изгонять изъ казармы жизнь и книгу, газету и слово, и нести въ казарму водку и разрѣшительныя на разбой грамоты,—ибо дѣлать все это—значить рубить тотъ послѣдній сукъ, на которомъ сидишь; это значитъ подпиливать всѣ четыре ножки того громаднаго кресла, которое занимаетъ символъ твердой власти, и охранять цѣлость котораго немыслимо и невозможно, держа въ одной рукѣ штофъ, а другой шаря по дну солдатскаго сундука, и нервно ерзая за солдатской пазухой и въ солдатскомъ карманѣ. А вмѣстѣ съ штофомъ, ему на помощь, въ казарму уже пришелъ сыскъ. «Доглядъ» уже начался, существуетъ даже перлюстрація писемъ, при томъ гласная и нескрываемая, возложенная, какъ обязанность и «долгъ службы» на офицеровъ, и, напримѣръ, историческій командиръ отнынѣ историческаго семеновскаго полка уже отдалъ приказъ, чтобы «всѣ письма, получаемыя солдатами, читались дежурнымъ по полку адъютантомъ и *передача ихъ по назначенію производилась по его усмотрѣнію*». Вызвано это тѣмъ, что за послѣднее время нѣкоторые солдаты знаменитаго полка стали получать письма съ родины, въ которыхъ, какъ и нужно было ожидать, родные и знакомые, клеймя позоромъ ихъ дѣйствія, совѣтуютъ опомниться, «одуматься» (какъ было сказано въ одномъ письмѣ), иначе ихъ «въ деревню не пустятъ» (дословное выраженіе).

Никто, конечно, такъ быстро и такъ легко не пойметъ секрета всей этой «тактики», какъ самъ объектъ «воспитанія», какъ самъ солдатъ, уже теперь начинающій глухо протестовать противъ творимыхъ надъ нимъ экспериментовъ и желающій видѣть и жить, дышать и свободно думать. Вотъ одинъ изъ нихъ, жалующійся на то, что солдаты совершенно лишены почти всякой возможности что-либо читать, и слѣдовательно, не могутъ не только правильно слѣдить за засѣданіями Думы, но даже получать о ней отрывочныя свѣдѣнія. «Укажу на факты,—пишетъ солдатъ,—имѣвшіе мѣсто въ нашей командѣ. До январскихъ событій прошлаго года выписывался на артельныя суммы одинъ экземпляръ газеты «Свѣтъ», но послѣ указанныхъ событій №№ этой газеты уже не доходили до насъ. Продавцамъ газетъ воспретили заходить въ казармы, не брезгуютъ обыскомъ сундуковъ, столовъ и обшариваніемъ кармановъ».

И, въ самомъ дѣлѣ, даже невинные отчеты Государственной Думы до солдатъ не доходили, ибо сжигались ротными командирами.

«Покорнѣйше просимъ ваше благородіе, господа депутаты,—говорится въ другомъ солдатскомъ письмѣ,—немедленно потребовать отъ начальства, чтобы насъ не притѣсняли за то, что газеты читаемъ, развѣ мы не люди или дѣти малолѣтнія, что намъ знать ничего не даютъ. Насъ въ карцеръ сажаютъ на пять сутокъ, ежели офицеръ замѣтитъ, что мы читаемъ «Извѣстія Крестьянскихъ Депутатовъ»;

ворота запираютъ, окна замазываютъ, чтобы поменьше Божій свѣтъ повидать, и чтобы какъ-нибудь штатскіе люди не проникли къ намъ. Но это все напрасно—мы читаемъ и будемъ читать. Ваше благородіе, крестьянскіе депутаты, не забудьте про насъ, и требуйте, чтобы намъ дали свободу читать, что хотимъ».

По порученію и со словъ писарей варшавскаго окружнаго интендантскаго управленія, было прислано письмо въ «Голосъ», гдѣ разсказывается о тѣхъ стѣсненіяхъ, которымъ подвергаются эти люди, не лишенные правъ, ничѣмъ «дурнымъ» себя не заявившіе, не давшіе никакихъ основаній для подозрѣній въ неблагонадежности.

«Когда мы въ 3 часа дня были еще на занятіи,—основательно жалуются писаря,—офицеры потребовали, чтобы мы отперли шкафчики и сундуки, и начался обыскъ: перерывали и разбрасывали бѣлье, читали частную корреспонденцію; но благодаря нашей осторожности, нашимъ офицерамъ пришлось уйти ни съ чѣмъ. Это второй уже обыскъ: первый былъ произведенъ по приказанію командующаго войсками въ послѣднихъ числахъ марта,—произведенъ ночью и возмутительно грубо».

Солдаты съ нетерпѣніемъ ждали «выработки законовъ въ Думѣ, которые дали бы имъ полную свободу читать газеты, книги и журналы безъ различія ихъ политическихъ направленій: покупаться они должны на казенный счетъ. Полное отсутствіе какихъ-либо газетъ и книгъ лишаетъ солдатъ возможности знать, что дѣлается въ Россіи». «Если и выписывается на команду газета, напримѣръ, «Русское Чтеніе», то въ ней, кромѣ черносотенной пропаганды, ничего хорошаго нѣтъ. Такая газета учитъ солдатъ разстрѣливать рабочій народъ и всѣхъ тѣхъ, кто противится бюрократическому произволу». Въ заключеніе вездѣ солдаты шлютъ трудовой группѣ сердечный привѣтъ и сердечную благодарность за требованія, выраженныя въ рѣчахъ въ Думѣ и за обращеніе въ газетахъ «ко всѣмъ рабочимъ Россіи».

11 іюня въ Гатчинѣ появился молодой человѣкъ съ майскими №№ газетъ «Извѣстія крестьянскихъ депутатовъ», и «Трудовая Россія» и сталъ при помощи дворника даромъ раздавать №№ и изъ нихъ нѣсколько досталось солдатамъ. А уже 12 іюня во всѣхъ казенныхъ домахъ полиціей былъ произведенъ, съ цѣлью конфискаціи, обыскъ. Обыскъ былъ и въ желѣзнодорожномъ и сводно-гвардейскомъ батальонахъ, гдѣ газетой зачитывались «до дыръ», какъ выразился солдатъ.

Сыскъ въ арміи не прекращался никогда. Солдатъ всегда былъ наготовѣ, каждую минуту ожидая приказанія: «отпереть сундучки», и всегда же готовый къ обыску. Но прежде многое и сносилось и прощалось, не возмущало и не наносило обиды. И, что можно было прежде, того уже нельзя безрезультатно и безнаказанно продѣлывать теперь. Кромѣ того, прежде эти, такъ называемые, «осмотры» сундуковъ продѣлывались, большею частью, и, въ самомъ дѣлѣ, для кон-

троля за аккуратностью и порядкомъ, и какъ ни возмутителенъ самъ по себѣ фактъ обыска, тогда съ нимъ мирились легко, ибо это не было посягательствомъ ни на личность, ни на права солдата, которыя были ничтожны и ограничены, какъ всѣ права всѣхъ въ Россіи жившихъ, и въ россійскомъ «вѣрноподданствѣ» состоявшихъ. Но теперь обыскъ уже не осмотръ, теперь онъ—контроль не за порядкомъ сундучка, а за образомъ мыслей, а въ то время, какъ всѣ борются за свои права, и за ихъ расширеніе, когда сознаніе своей личности и своего собственнаго достоинства легко и быстро проникаетъ въ умы и сердца, солдатъ остается по прежнему все той же пѣшкой, безгласной «сѣрой скотинкой», ничего не пріобрѣвшимъ, ничего не отвоевавшимъ для себя, и все также стѣсненнымъ и все также безправнымъ, во многомъ даже потерявшій въ своей «свободѣ». И при общемъ недовольствѣ, при общемъ рокотѣ и ропотѣ эта глухая вражда протестующаго противъ насилія чувства когда-нибудь вырвется наружу настоящимъ сотрясеніемъ всего тѣла арміи.

Начались обыски и въ училищахъ. И вотъ что характерно: среди военныхъ и юнкерскихъ училищъ участіе въ усмиреніяхъ принимало, если не ошибаюсь, только одно,—казанское. И какъ разъ именно въ казанскомъ училищѣ, по мнѣнію начальства, и должна была себѣ свить гнѣздо «крамола». Пожалуй, это вполнѣ логично, ибо разстрѣлы и растерзанія обезоруженныхъ людей должны были произвести на присутствовавшихъ юнкеровъ, конечно, самое удручающее впечатлѣніе. Съ этого момента, по мнѣнію начальства юнкерскаго училища, крамола стала быстро распространяться въ средѣ юнкеровъ и бдительное начальство пустило въ ходъ всѣ имѣющіяся на сей случай средства.

Послѣ рождественскихъ каникулъ ротными командирами былъ внезапно произведенъ обыскъ во всемъ юнкерскомъ училищѣ; и хотя обыскъ не далъ никакихъ результатовъ, все-таки нѣсколько юнкеровъ, по доносамъ добровольцевъ, были переведены изъ I-го въ III-й разрядъ. А послѣ обыска юнкеровъ выстроили въ манежѣ, *и начальникъ юнкерскаго училища, членъ царско-народной партіи*, обратился къ юнкерамъ съ рѣчью, въ коей *указывалъ, что «сами юнкера не потерпятъ въ своей средѣ крамольниковъ и будутъ указывать начальству своихъ товарищей*, занимающихся распространеніемъ вредныхъ идей».

Вскорѣ затѣмъ былъ произведенъ вторичный обыскъ въ 3-ей ротѣ, и 12 юнкеровъ были отчислены въ батальонъ, хотя изъ числа этихъ 12 человѣкъ нѣкоторые на-дняхъ должны были сдать послѣдній экзаменъ и выйти изъ училища офицерами.

Но, очевидно, ни доносы, ни подстрекательства къ нимъ, ни обыски и досмотры не помогли дѣлу, ибо уже 12 февраля снова былъ арестованъ, по словамъ «Волжск. Вѣстн.», еще одинъ юнкеръ 1-й роты, и опять послѣ обыска, во время котораго его даже раздѣвали. Затѣмъ его отправили подъ арестъ «впредь до распоряженія начальства», ожидать рѣшенія своей участи. А 17 февраля приказомъ начальника штаба разжалованы:

«старшій порт.-юнк. Василій Макридинъ и младшій порт.-юнк. Николай Кузнецовъ съ переводомъ во 2-й разрядъ по поведенію съ занесеніемъ этого въ послужные списки названныхъ юнкеровъ». Мотивы, послужившіе причиной разжалованія, въ приказѣ не выставлены, а уликъ, по словамъ казанской газеты, никакихъ противъ нихъ нѣтъ.

Очевидно, все дѣло—въ предчувствіяхъ, въ сознаніи, что всѣ эти усмиренія и разстрѣлы, какъ палка, имѣютъ два конца, и если однимъ изъ нихъ можно смѣло и рьяно бить по «врагамъ порядка», то другой въ то же самое время, начинаетъ ударять по этому самому порядку и намъ еще придется говорить объ этой психологіи усмиреній, какъ и о той черносотенной литературѣ прокламацій, которой пробуютъ возбудить и воодушевить солдата на этотъ постыдный и мерзкій «бой съ врагомъ».

Мобилизованы всѣ силы, пущены въ ходъ всѣ средства, использованы всѣ орудія, чтобъ глухую стѣну отчужденія и отверженности сдѣлать крѣпче и устойчивѣй, чтобъ ворота и всѣ ходы и выходы забить на глухо, закрыть ставнями окна и заколотить всѣ отдушины. Не только сліянія съ обществомъ не можетъ быть здѣсь, но даже соприкосновенія: обособленной, одинокой, отдѣленной отъ міра и людей, плотно закупорившись въ темнотѣ и сырости своего затхлаго чулана живетъ «великая молчальница», какъ любятъ, ссылаясь на французовъ, совершенно неосновательно называть нашу армію. По своему кастовому духу разобщенная со всѣмъ живымъ и живущимъ, мертвѣющая въ атмосферѣ глухого застоя и могильнаго мрака, въ которой погружена она; каменѣющая въ предразсудкахъ и опустившаяся въ болотистомъ и нездоровомъ воздухѣ до послѣднихъ степеней человѣческаго паденія, армія нуждалась прежде всего и больше всего въ расширеніи своихъ правъ, элементарнѣйшихъ правъ на жизнь съ людьми и по-людски. Казалось, вмѣстѣ съ «конституціоннымъ» манифестомъ, всходила надъ арміей заря новой жизни. Много ждалось. На многое надѣялись. Такъ мало было правъ у войска и воина, такъ далекъ былъ онъ отъ всего, что не каста, такъ загрязъ, и такъ безпомощна и деморализована была старая армія, что вопросъ объ ея «оздоровленіи», объ ея реформированіи, о поднятіи ея достоинства и умственнаго развитія, о вооруженіи ея правами сталъ насущнымъ и настоятельнымъ,—однимъ изъ первыхъ вопросовъ реформъ. И такъ уже возможность участія въ живой общественной жизни было урѣзана до нельзя, сведена до крайняго minimum'а,—арміи запрещалось все: писать и говорить, участвовать въ собраніяхъ, читать лекціи, чуть ли не думать, и надъ головой каждаго, носящаго мундиръ вѣчно и грозно висѣлъ дамокловъ мечъ статей и разъясненій, предупрежденій и приказовъ, а въ законѣ стояли ст. 228 VII кн. С. В. П. и ст. 733—742 т. III.

Но «конституція» сумѣла урѣзать и это немногое. Вмѣсто расширенія правъ она ихъ сузила; вмѣсто разрѣшеній принесла запрещенія; вмѣсто сближенія арміи съ обществомъ она воздвигла новую стѣну

и 21-го декабря явился новый «законъ» съ новыми ограниченіями правъ военныхъ: никакого участія ни въ какихъ обществахъ безъ разрѣшенія начальства не допускается. И если прежде можно было сдѣлаться хоть компаніономъ въ предпріятіи, акціонеромъ въ томъ, или другомъ торговомъ обществѣ, членомъ музыкальнаго, или спортивнаго кружка, то теперь возбранено и это. И если прежде могли быть хоть надежды, то теперь умирали и онѣ. И если прежде на всѣхъ вообще смотрѣли подозрительно, если прежде вообще всякіе кружки и собранія считались неблагонадежными, то теперь вмѣстѣ съ «легализаціей» союзовъ, кружковъ и обществъ, эта отчужденность и этотъ запретъ должны стать особенно тяжкими, особенно обидными и особенно рѣзко подчеркивающими нарушеніе общихъ правъ арміи, общихъ желаній, общихъ возможностей.

Какъ всѣ военные законы, и этотъ новый оставляетъ огромное поле для субъективнаго произвольнаго толкованія начальства, даетъ обширный просторъ и, значитъ, опять-таки ничѣмъ не контролируемый и ничѣмъ несдерживаемый произволъ запретить, или разрѣшить. А при склонности военнаго начальства толковать законъ буквально, при старой привычкѣ видѣть силу закона въ «неуклонномъ» исполненіи его, а его духъ истолковывать всегда въ сторону тяготѣнія къ ограниченію права, а не къ его расширенію; при взбаломошности и неустойчивости убѣжденій самаго начальства этотъ законъ, составленный на скоро, въ существѣ ничего не отмѣняющій и почти ничего не дающій новаго, производитъ тяжелое впечатлѣніе поспѣшной дерзости, какой-то опаски, несомнѣнной ненужности, неясности и неопредѣленности, не отвѣчаетъ самымъ элементарнымъ требованіямъ кодификаціонной техники, родитъ множество сомнѣній, а, главное, этотъ законъ является самъ по себѣ беззаконіемъ, ибо самый порядокъ его изданія неправиленъ и именно потому, что здѣсь дѣло касается ограниченій общегражданскихъ правъ арміи и военнослужащихъ. А запрещая въ категорической формѣ участіе во «всякаго рода» собраніяхъ даетъ сильнѣйшее, но и опаснѣйшее орудіе въ жестокія и заскорузлыя въ старомъ режимѣ руки командировъ, открывая новые поводы придирокъ, новые пути счетовъ, новыя возможности не аттестовывать и арестовывать, «накладывать взысканія» и даже предавать суду. Неумнымъ, неточнымъ, а только эластичнымъ и сумбурнымъ представляется это каменное запрещеніе участія въ жизни, это упоминаніе о «разнаго рода» собраніяхъ. Ко всему можно придраться и все—«на законномъ основаніи»; имѣя въ запасѣ такую ссылку, все можно запретить, если запрещены «всякаго рода» собранія: до друзей, до знакомыхъ, до бала, до вечеринки, до ученаго общества и даже «общества гг. офицеровъ» и своего даже собственнаго полкового «собранія». Новымъ закономъ не только ограничено право участіе въ политическихъ обществахъ (объ этомъ нечего и говорить!), но даже и присутствованіе на неполитическомъ собесѣдованіи, если не было особаго разрѣшенія командира, преслѣ-

дуется имъ, какъ преступленіе. И это уже непонятно ни съ какой точки зрѣнія, необъяснимо никакими мотивами, трудно поддается какому бы то ни было оправданію, ибо это запрещеніе—именно «на всякій случай», ибо это ограниченіе вызвало только старымъ, и глупымъ воровскимъ, съ политической точки зрѣнія, принципомъ, будто не додать, лучше, чѣмъ передать и особенно въ сферѣ правъ. Не стремленіемъ оградить политическое цѣломудріе арміи отъ посягательства «вольныхъ»—какъ характерно называетъ солдатъ штатскихъ,—очевидно, считая себя подневольнымъ,—не желаніе поставить армію въ положеніе «Grande Muette», не будущая внѣпартійность арміи дорога была сердцу законодателя въ этомъ случаѣ,—нѣтъ—вершало здѣсь дѣло все то же старое стремленіе «обособить», все то же старое желаніе «огородить»; все та же цѣль—разобщить, все та же исконная политика изолировать и раздѣлить и, раздѣляя, царствовать. Только это, ничего больше, ибо ложь и вздоръ, будто здоровую армію нужно прятать за десятью замками, ибо нелѣпость будто отъ этого армія станетъ внѣ партій, ибо ложь и вздоръ, будто нашу армію держать въ той роли скалы, среди бушующаго политическаго моря, о которой превыспренне и облыжно ораторствовалъ въ Ташкентѣ генералъ Субботичъ. Ложь и вздоръ, завѣдомая лицемѣрная выдумка это, ибо вѣрно то, что ее уже отдали въ педагогическія руки генераловъ Богдановичей, что ее воспитываютъ въ духѣ черносотенной пропаганды, пичкая черносотенной «патріотической» литературой и черносотенными же прокламаціями, настоящими воззваніями, какъ бы и кто бы ихъ ни называлъ; ибо изъ арміи систематически готовятъ и вырабатываютъ не внѣпартійную «grande Muette», не послушную и безмолвную зрительницу, не твердую скалу среди «бушующихъ волнъ политическаго моря», а участницу, и участницу не платоническую, а говорящую и дѣйствующую, а это не внѣпартійность, не Muette; это уже не скала, но опредѣленная волна и волна все того же моря. Ибо въ арміи взращиваютъ и прививаютъ четко обозначившуюся партійность, ибо въ ея лицѣ выхаживаютъ защитнику не отечества, не всего отечества, не отвлеченнаго идеала родины, не ея реальныхъ достояній,—земли, воли и правъ,—а только защитницу, опору, и поддержку, и сторонницу опредѣленной партіи, интересовъ, связанныхъ съ этой партіей, идеаловъ, дорогихъ этой партіи; развиваютъ въ духѣ той же партіи, отдаютъ въ помощь и даже на платную службу лицамъ, сословіямъ и учрежденіямъ, опять-таки близкимъ и дорогимъ для извѣстнаго партійнаго credo, для опредѣленной группы, для опредѣленной «палаты» и опредѣленнаго направленія.

Только этимъ объясняется спѣшное, «экстренное» изданіе новаго закона, только этимъ вызвано беззаконіе, допущенное въ порядкѣ изданія этого закона, только потому онъ умышленно неясенъ, эластиченъ, растяжимъ, подверженъ субъективнымъ толкованіямъ, только поэтому онъ весь въ капризной власти и твердой своевольной рукѣ

начальства, только потому онъ неопредѣлененъ, и именно въ этой неопредѣленности грозенъ; только потому онъ такъ глупо—категориченъ, только потому въ немъ—«разнаго рода». А тамъ, гдѣ «все отъ начальства», а не отъ закона, тамъ, гдѣ ничего не извѣстно и все возможно, тамъ легка и удобна партійная пропаганда начальства, ибо въ такомъ случаѣ все—вкусъ, субъективность и личный взглядъ.

Этого ли хотѣлъ законодатель въ своемъ актѣ 21-го декабря?

Я отвѣчаю утвердительно и смѣло: да, этого. Да, только этого. Потому что, еслибъ онъ хотѣлъ не этого, еслибъ цѣлью его было создать, дѣйствительно, внѣпартійную grande Muette,—не могло быть того, что есть сейчасъ. И этого не скрываютъ даже сами военные, объ этомъ не молчитъ и военная литература. Безспорно отражающій взгляды извѣстной части арміи и, конечно, не ея младшихъ чиновъ, «Виленскій Военный Листокъ» какъ-то разъ не въ мѣру разоткровенничался. Само собой разумѣется, цѣль этой «откровенности» была свята—«убѣдить», «распропагандировать», но вышла откровенность, за которую слѣдуетъ только благодарить газету.

«Теперь»,—говоритъ «Листокъ»—во всѣхъ государствахъ признается за непреложную истину то, что армія должна стоять внѣ всякой политической борьбы. *«Армія должна быть*—говорятъ французы,—*«великой молчальницей». Мы, русскіе,—продолжаетъ «Листокъ»,—находимся нѣсколько въ иныхъ условіяхъ*, такъ какъ большинство новобранцевъ не имѣютъ никакой политической физіономіи, а слѣдовательно *дѣло войскового воспитанія—преподать и даже создать наново политическіе взгляды* и понятія, хотя бы элементарные. Кромѣ того неспособные къ разбору того, что имъ могутъ говорить, да и говорятъ, они часто усваиваютъ себѣ ложныя понятія. Вотъ почему *начальники* за время службы солдата *должны* заняться не только его муштрой и воинскимъ воспитаніемъ, а и *дать ему* такіе *устои*, чтобы онъ могъ опираться на нихъ и въ своей будущей жизни»...

И дальше газета поясняетъ:

«Страна управляется закономъ, исходящимъ отъ Верховной власти, армія обезпечиваетъ исполненіе закона. Съ другой стороны и *Верховная власть обезпечиваетъ себя клятвой*, которую даетъ всякій военнослужащій. Бываютъ такія минуты въ жизни государства, когда въ немъ *начинаются волненія и даже мятежи* и тогда правительство прибѣгаетъ *къ силѣ оружія*, такъ какъ всѣ остальные способы оказываются недостаточными. Въ эти минуты *армія должна безпощадно разить всѣхъ, которыхъ укажетъ ей рука Верховной власти»*.

Такъ наставляетъ военная газета свою аудиторію. Какъ точка зрѣнія, это, конечно, вздоръ, и вздоръ, кромѣ того, путанный, потому что, во-первыхъ, страна уже въ фазѣ иного «управленія», чѣмъ верховная власть;—законами, исходящими не отъ одной только верховной власти; кромѣ того, отдѣляя, повидимому, верховную власть отъ правительства, «Ли-

стокъ», однако, сейчасъ же ихъ и отожествляетъ, какъ только этому правительству «приходится» «прибѣгать къ силѣ оружія»; наконецъ, вѣдь, въ понятіе «правительства» необходимо будетъ входить теперь и Дума, и было бы интересно въ этомъ случаѣ послушать, что сказалъ «Вил. Воен. Листокъ», еслибъ очутился въ положеніи, напримѣръ, Штакельберга предъ грознымъ вопросомъ: «Что сдѣлали бы вы, еслибъ Думу было приказано разогнать?» Какъ точка зрѣнія, вся тирада «Листка»—повторяю—вздоръ, не стоящій вниманія. Но какъ выраженіе опредѣленныхъ воззрѣній извѣстнаго круга верховодящихъ военачальниковъ, мнѣніе виленской газеты заслуживаетъ вниманія и, притомъ, пристальнаго.

Да, армію развращаютъ. Да, армію втягиваютъ въ борьбу партій. Да, армію дѣлаютъ сторонницей и опорой партійныхъ цѣлей, внѣдряя и укореняя въ ней одностороннюю, выгодную немногимъ, нужную партіи ложь. Армію заживо погребаютъ въ черной могилѣ реакціи, воспитывая въ духѣ вражды къ «одной части населенія», въ чувствѣ симпатіи къ другой, а такъ какъ армія не сатирическій листокъ и не газета, а является тоже частью населенія,—ясно, что изъ всего этого должно послѣдовать, къ чему должно быть готово общество, и чего можетъ ждать для себя войско. Обособленность естественную наверху стремятся углубить еще и искусственно. Всѣ эти рѣчи, всѣ эти приказы, и эти спеціальныя статьи—все это орудія натравливанія «одной части населенія» на другую. Трудно было лучше, прямо съ головой выдать себя и весь свой несложный, замѣтный, какъ шило въ мѣшкѣ, планъ, чѣмъ это сдѣлалъ семеновскій командиръ полка, пригласивъ съ агитаціонными цѣлями г. Бориса Никольскаго, съ которымъ лобызался передъ строемъ. Хороша внѣпартійность, если въ армію допускается черносотенецъ и на глазахъ у начальства ведетъ свою агитацію, имъ поощряемый, имъ призванный и облобызанный! Хорошо исполненіе закона 21 декабря о запрещеніи участія во всякаго рода политическихъ обществахъ и союзахъ, если существуетъ общество «Обновленіе», если невозбранно разрѣшается участіе въ «Русскомъ Собраніи»; если офицеры бывали, участвовали—и не несли за это наказаніе—въ сборищахъ «истинно-русскихъ людей» въ михайловскомъ манежѣ, если не только невыгнанъ со службы партійный (надѣюсь?) генералъ Богдановичъ, но даже поощренъ, возвеличенъ и одаренъ настолько, что имѣлъ возможность перевести въ заграничные банки своихъ собственныхъ три милліона. А, вѣдь, это все — факты, живые, недавніе, вопіющіе, оставляющіе въ своемъ конечномъ счетѣ кровавую дорогу по русской землѣ, кровавые слѣды по цѣлымъ краямъ, кровавыя раны и смерти въ цѣлыхъ народностяхъ. Когда Саранчовъ вышвырнулъ за бортъ академіи, училища и службы инженеръ—полковника Маркова, ему было сказано между прочимъ, что это—за участіе въ борьбѣ политическихъ партій. Видите, какъ строго. «Но—заявляетъ Марковъ, обращаясь къ грозному генералу

Саранчову—«участіе мое въ борьбѣ «политическихъ партій» не только неумно вами вымышлено, но и сваливаетъ вину съ больной головы на здоровую. Вы сами были членомъ «Русскаго Собранія»,—этой политической, да еще боевой реакціонной партіи, стремящейся къ возвращенію стараго полицейскаго строя. Не вы-ли, кстати, выписывали на казенныя деньги «Гражданинъ» для политическаго просвѣщенія гг. профессоровъ?.. Стоящій почти у кормила главнаго инженернаго управленія и заслуженный профессоръ академіи ген. Величко уже давно и по сіе время является однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ «Русскаго Собранія», членомъ совѣта его, и вкупѣ съ иными военными и штатскими генералами подавалъ адресъ войскамъ (каково: свой своимъ подноситъ адреса) за кровопролитное усмиреніе согражданъ. Это-ли не участіе въ политической, да еще въ кровавой борьбѣ? Среди вліятельныхъ генераловъ главнаго инженернаго управленія имѣются и помимо ген. Велички дѣятельные члены «Русскаго Собранія». И всѣ измышленія ваши—результатъ «борьбы» вашей политической партіи съ подчиненными вамъ безпартійными офицерами за одно только законное сочувствіе ихъ освободительному движенію, котораго не выноситъ «Русское Собраніе»?»

Вотъ они результаты широкихъ разрѣшительныхъ и запретительныхъ полномочій закона 21 декабря. Вотъ оно, неучастіе господъ генераловъ во «всякаго рода» политическихъ собраніяхъ и обществахъ. Вотъ она,—внѣпартійность арміи!

Такимъ образомъ, въ лучшемъ случаѣ мы можемъ присутствовать при борьбѣ партій въ самой арміи, въ худшемъ — при безмолвномъ и покорномъ подчиненіи арміи господамъ Саранчовымъ. Мы будемъ имѣть дѣло съ обширной реакціонной партіей, открыто и законно вооруженной, и случайно и неосновательно именуемой иного значенія и смысла терминомъ: «армія».

Та же самая двуликая тактика сквозила и въ дѣйствіяхъ и въ замыслѣ военнаго общества «Обновленіе». Конечно, это все-таки — «всякаго рода» общество, но дѣло не только въ этомъ. Одинъ изъ пунктовъ «устава» новаго общества гласитъ, между прочимъ, что «обществу запрещается обсужденіе политическихъ вопросовъ», но когда одинъ изъ сотрудниковъ «Военнаго Голоса» пріѣхалъ на первое засѣданіе, то воочію убѣдился въ томъ, что «большинство ораторовъ мало касалось цѣлей и задачъ, намѣченныхъ уставомъ, а больше тѣхъ, о которыхъ въ уставѣ ни слова,—но духомъ которыхъ уже объединено общество «Обновленіе». *Это духъ—«реакціи»*... И въ то время, когда Государь Императоръ,—пишетъ г. Шнеуръ,—членовъ Государственной Думы назвалъ лучшими людьми и призвалъ ихъ для созидательной работы себѣ въ помощь, члены общества «Обновленія»—*вопреки обязанности «безпрекословно исполнять волю Верховнаго Вождя»—договорились до возможности... «идти въ Таврическій дворецъ и пере-*

вѣшать народныхъ представителей». Активная его дѣятельность съ перваго же засѣданія проявилась вовсе не въ новыхъ, а въ давно знакомыхъ старыхъ формахъ, а именно *въ стремленіи къ насилію, произволу и беззаконію.* Несомнѣнно, это все то же *стремленіе меньшинства обратить всѣхъ офицеровъ арміи «на путь произвола» и «реакціи».*

Таковъ смыслъ этого «обновленія», таково тайное назначеніе скалы, молчаливо стоящей средь бушующихъ волнъ политическаго моря и такова безучастность «grande Muette» въ борьбѣ политическихъ партій, таково осуществленіе закона 21 декабря! Прибавлять ко всему этому не приходится ничего.

Къ прежнимъ мотивамъ искусственнаго обособленія арміи отъ жизни и общества прибавились теперь новые; расширились и спеціализировались цѣли, откровеннѣй и понятнѣй стала тактика, напряженнѣй усилія, а результаты мы уже видѣли на улицахъ Москвы, въ алихановскихъ подвигахъ, семеновскихъ судахъ, прибалтійскихъ усмиреніяхъ, въ походахъ Ренненкамфа и Меллеръ-Закомельскаго. Изъ оторванной арміи стала враждебной; изъ равнодушной—озлобленной; изъ далекой отъ политики—партійной; изъ защитницы родины—защитницей реакціи; «grande Muette» заговорила пулеметами, направленными въ ряды партійныхъ борцовъ иного склада мыслей, и хуже обученныхъ и вооруженныхъ. Стѣна не упала, но выросла. Связь не протянулась, а порвалась. Близость не установилась, а потерялась навсегда. Наступили моменты взаимной вражды и общество отшатнулось отъ арміи, армія ощетинилась штыками на общество. Кастовой духъ побѣдилъ всѣ призывы. Вѣковая огороженность санкціонировалась законодателемъ, черная могила реакціи проглотила «Muette», и все, что въ кастѣ было отрицательнаго, выросло до предѣловъ; что только намѣчалось, опредѣлилось окончательно. Такимъ образомъ, оторванная самымъ своимъ устройствомъ отъ общаго строя, естественно чуждавшаяся и искусственно отдаляемая отъ общества, армія могла бы не потерять съ нимъ связи, или возобновить ее лишь при разрѣшительныхъ благословеніяхъ закона, но законъ только разрубилъ послѣднія нити, которыя протянулись--было послѣ 17 октября между жизнью и кастой и яма стала еще глубже и еще шире. Внѣшнимъ образомъ, связь арміи съ общегосударственными интересами могла бы осуществиться отвѣтственностью предъ народомъ министра, но и онъ у насъ—назначаемъ и безотвѣтственъ...

Петръ Пильскій.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Крушеніе „истинно-либеральной“ политики г. Столыпина.—Возвращеніе правительства на путь полицейскаго террора.—Возрожденіе разрозненныхъ и анархическихъ формъ революціонной борьбы.—Министерскія попытки разрѣшить крестьянскій вопросъ.—Ихъ безплодность.—Необходимость созыва Государственной Думы.

I.

Спокойствіе, въ которомъ прошли первые дни послѣ государственнаго переворота 8-го іюля и которое доставило столько радости министрамъ и биржевикамъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказалось призрачнымъ. Послѣ краткаго замедленія революціонный потокъ снова ринулся впередъ, разрушая старые устои. Всѣ разсчеты правительства оказались невѣрными и дали итогъ, совершенно противоположный ожидаемому. Тонкій планъ раздѣлить освободительное народное движеніе на два русла: умѣренное и революціонное, не удался. Переговоры министерства съ общественными дѣятелями, несмотря на всю готовность этихъ дѣятелей примириться съ твердою властью, показали, что правительство стремилось только къ тому, чтобы обратить умѣренные слои общества въ рабочую силу для разрушенія революціонныхъ позицій. Кабинетъ лелѣялъ фантастическую мечту увеличить добровольными общественными силами ту армію сыщиковъ и полицейскихъ, которою онъ располагаетъ и которая, однако, лишена возможности подавить даже самыя рѣзкія проявленія революціонной стихіи. Очевидно, что такая комбинація не могла быть встрѣчена согласіемъ общественныхъ дѣятелей, къ какому бы политическому направленію они ни принадлежали. Крупная буржуазія, представителями которой являются дѣятели союза 17-го октября и вновь образовавшейся партіи мирнаго обновленія, весьма мало заботится о демократическихъ требованіяхъ и экономическихъ нуждахъ народа. Крупная буржуазія даже тогда, когда она вписываетъ въ свою программу нѣкоторыя демократическія требованія, дѣлаетъ это только подъ давленіемъ народныхъ массъ и охотно поступается этими требованіями при сдѣлкахъ со старою властью. Но она ни при какой сдѣлкѣ не можетъ отказаться отъ своего стремленія къ власти, не можетъ уступить своихъ правъ, признаніе которыхъ она считаетъ неизмѣннымъ и непремѣннымъ условіемъ соглашенія съ представителями стараго режима. Октябристы и обновленцы готовы бороться съ пролетаріатомъ и крестьянствомъ, но они будутъ бороться только для себя, защищая свои интересы; работать для камарильи, авантюристская политика которой всегда способна подорвать буржуазное благополучіе то безумною войною, то торговыми договорами, заклю-

чаемыми въ силу соображеній высшей политики и разоряющими отечественную промышленность, крупная буржуазія не станетъ. Поэтому, гг. Гейденъ, Львовъ и К° ясно и опредѣленно поставили вопросъ о власти: кому будетъ принадлежать фактическая власть въ коалиціонномъ министерствѣ—общественнымъ дѣятелямъ или камарильи? И какъ только они поняли, что власть остается въ окровавленныхъ рукахъ камарильи, имъ же предоставляется только почетный титулъ,—они твердо и рѣшительно отказались. Иного результата трудно было ожидать. И октябристы, и обновленцы—представители извѣстныхъ общественныхъ группъ, съ которыми они связаны прочными нитями классовыхъ интересовъ. Въ этой связи ихъ сила, ихъ значеніе. Они—не бюрократы, которые сами себѣ довлѣютъ и совершаютъ политическую карьеру, пріобрѣтая расположенія правящихъ верховъ. Соглашаясь стать орудіемъ камарильи, октябристы и обновленцы перестали бы служить орудіемъ своего класса. Они потеряли бы почву, наличность которой отличаетъ ихъ отъ бюрократовъ, давно уже опирающихся лишь на измѣнчивыя улыбки камарильи и смѣняющихся, какъ въ синематографѣ. Безъ почвы же они, несомнѣнно, стали бы ненужными не только тѣмъ слоямъ, интересы которыхъ они представляютъ, но и тѣмъ высокимъ сферамъ, которыя такъ жаждутъ ихъ, пока за ними виднѣется хотя небольшой отрядъ народной арміи. Политическія перспективы были ясны даже самымъ простодушнымъ и довѣрчивымъ дѣятелямъ буржуазныхъ партій. Огонь революціи сжегъ всѣ иллюзіи, которыя еще недавно застилали политическое зрѣніе умѣреннаго либерализма. Революція поставила ребромъ вопросъ о власти и сдѣлала невозможными какія бы то ни было надежды на возможность «открывать всю правду» въ высокомъ мѣстѣ или на силу личнаго вліянія. Въ то время, какъ среди бюрократіи борятся лица, въ обществѣ кипитъ борьба направленій, борьба программъ. Гг. Львовъ и Гейденъ поняли это и, вѣроятно, съ душевною скорбью, проклиная и революцію и недальновидное министерство, которое подкладываетъ дрова въ революціонный костеръ, уклонились отъ жалкой роли безвластныхъ носителей министерскихъ портфелей. Г. Столыпинъ пополнилъ свой кабинетъ обыкновенными бюрократами, которые до сихъ поръ не ознаменовали себя ни однимъ сколько-нибудь замѣчательнымъ поступкомъ.

Оффиціальные публицисты «Россіи» и «Новаго Времени» постарались сдѣлать веселое лицо и при такомъ оборотѣ дѣлъ. Но для всѣхъ, кто непричастенъ къ казеннымъ буттербродамъ, ясно, что планъ г. Столыпина потерпѣлъ полное крушеніе. Самъ г. Столыпинъ, въ бесѣдахъ съ иностранными корреспондентами, неоднократно выяснялъ всю важность вступленія въ его кабинетъ представителей общественныхъ партій. Онъ говорилъ, что такое вступленіе вызоветъ довѣріе общества къ обѣщаніямъ перваго министра и, вмѣстѣ съ тѣмъ, позволитъ удовлетворительно разрѣшить всѣ наболѣвшіе вопросы. Дѣйствительно, только вступленіе общественныхъ дѣятелей въ составъ правительства,—поскольку оно означало бы принятіе правительствомъ опредѣленной программы,—могло превратить министерство г. Столыпина въ органъ политической, а не полицейской власти. Но вступленіе не состоялось, и новый

кабинетъ сталъ тѣмъ же, чѣмъ были и его многочисленные предшественники: полицейской террористической организаціей, по существу своему неспособной къ осуществленію государственныхъ функцій. Отказъ октябристовъ и обновленцевъ снова оголилъ правительство и поставилъ его съ кучкою дворянъ-крѣпостниковъ противъ всего буржуазнаго общества, какъ явно враждебную и ненавистную силу. Борьба должна была загорѣться, и она загорѣлась. Сѣть исключительныхъ законовъ была раскинута еще шире, чѣмъ раньше. Только тѣ мѣстности Россіи, которыя расположены около полярнаго круга, избѣгли до сихъ поръ объявленія на положеніи усиленной, чрезвычайной или военной охраны. Печать была задавлена твердою рукою и сразу превратилась въ блѣдное и туманное зеркало жизни. Общественная дѣятельность пріостановлена. Собранія, общества и союзы запрещены и закрыты. Тюрьмы, едва освободившіяся отъ жертвъ Витте-Дурново, снова наполнились заключенными, и арестантскіе поѣзда, набитые ссыльными, снова потянулись въ далекую Сибирь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, выступили наглыя и хищныя организаціи реакціи, которыя, пользуясь подонками городского населенія, стали безнаказанно творить безчинства и насилія надъ личностью и имуществомъ мирныхъ гражданъ. Министерство, клятвенно обѣщавшее вести борьбу не съ обществомъ, а съ врагами общества, вынуждено было открыть войну противъ всего демократическаго «общества», такъ какъ оно все оказалось въ лагерѣ, враждебномъ министерству, фактически возстановившему власть камарильи. Старая борьба началась съ новою силою и въ самыхъ ожесточенныхъ формахъ.

II.

Система полицейскаго террора, очевидно, не могла внести успокоенія въ страну; революціонное движеніе, неудовлетворенное въ самыхъ основныхъ своихъ требованіяхъ, продолжаетъ непрерывно развиваться. Но, кромѣ того, террористическое министерство оказалось неспособнымъ обезпечить даже полицейскій порядокъ въ странѣ. Со дня роспуска Государственной Думы Россія сдѣлалась ареной не только революціонныхъ вспышекъ, но и самыхъ дерзкихъ грабежей и разбоевъ, число которыхъ съ каждымъ днемъ увеличивается въ небывалыхъ размѣрахъ. Громкій крикъ: «руки вверхъ» раздается по всѣмъ городамъ и селамъ и смѣшивается съ звуками выстрѣловъ, трескомъ бомбъ и стонами убиваемыхъ жертвъ. Казенныя винныя лавки, казначейства, почтовыя учрежденія, желѣзнодорожныя кассы, поѣзда, промышленныя и торговыя заведенія, частные дома и частныя лица подвергаются самымъ невѣроятнымъ нападеніямъ и грабежамъ. Въ большинствѣ случаевъ къ этимъ нападеніямъ и грабежамъ революціонныя организаціи не имѣютъ ни малѣйшаго касательства. Даже въ агентскихъ телеграммахъ, которыя усердно смѣшивали грабителей съ революціонерами, теперь попадаются извѣстія, что подъ именемъ анархистовъ-коммунистовъ дѣйствовали «извѣстные полиціи воры» или даже агенты сыскной полиціи. Но и самая обстановка грабежей показываетъ, что они не могутъ быть дѣломъ рукъ революціонеровъ. Всѣ крупные случаи конфискаціи

революціонными организаціями правительственныхъ суммъ по большей части извѣстны. Большинство же современныхъ нападеній на мелочныя лавки и т. п., очевидно, падаетъ на счетъ преступленій, не имѣющихъ никакого политическаго характера. И если всѣ эти акты связаны съ революціоннымъ броженіемъ народа, то они связаны совершенно инымъ образомъ, чѣмъ думаютъ оффиціальные политики. Для революціонеровъ такія формы движенія вовсе не представляются желательными. Резолюція объединительнаго съѣзда р. с.-д. р. партіи объясняетъ разгаръ грабежей и разбоевъ даже потворствомъ правительства, которое стремится дезорганизовать и деморализировать силы революціи. Указывая на то, что деклассированные слои общества, уголовные преступники и подонки городского населенія всегда пользовались революціонными волненіями для своихъ антисоціальныхъ цѣлей, такъ что революціонному народу приходилось принимать суровыя мѣры противъ вакханаліи воровства и разбоя, соціалъ-демократы, положительно запрещая членамъ партіи нарушать личную безопасность или частную собственность мирныхъ гражданъ, подчеркиваютъ, что важнѣйшая сила революціи заключается въ ея морально-политическомъ вліяніи на революціонныя массы, на общество и на всю армію, что дезорганизуя государственную власть, революція ставитъ своей задачей не общественную анархію, а организацію общественныхъ силъ.

Это отрицательное отношеніе къ анархическому стихійному движенію совершенно понятно: такое движеніе, подрывая производительныя силы страны и возбуждая страхъ буржуазнаго общества, не приноситъ революціи ничего, кромѣ вреда. Слѣдовательно, ростъ анархическихъ актовъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поставленъ на счетъ революціонерамъ, какъ организованной силѣ. Анархія является прямымъ результатомъ правительственной дѣятельности, которая душитъ производительную дѣятельность страны петлей военнаго положенія и, разоряя торговлю и промышленность, выбрасываетъ на городскія улицы десятки тысячъ безработныхъ, толкаемыхъ голодомъ и отчаяніемъ на самыя крайнія дѣйствія. Государственная машина стараго режима является непосредственно отвѣтственной за превращеніе страны въ военный лагерь и разбойничій станъ, такъ какъ эта машина уже не въ состояніи ничего создавать; она только губитъ и разрушаетъ, безсильная даже справиться съ внѣшними плодами своихъ преступленій. Никакая усиленная и чрезвычайная охрана не охраняютъ ни правительственнаго, ни частнаго имущества. Съ «технической» точки зрѣнія современные грабежи и разбои превышаютъ всѣ невѣроятныя приключенія, созданныя до сихъ поръ фантазіей уголовныхъ романистовъ. А правительство, вооруженное всею силою безконтрольной власти надъ жизнью и смертью гражданъ, безсильно обезпечить обывателямъ даже элементарную имущественную безопасность. Старая власть настолько разложилась, что потеряла даже способность быть удовлетворительнымъ будочникомъ.

Тѣмъ менѣе она способна быть политическимъ борцомъ. Вслѣдъ за разгономъ Государственной Думы начинается непрерывный, все возрастающій рядъ террористическихъ актовъ. Терроръ принимаетъ массовой характеръ и выливается въ небывалыя грандіозныя формы. Пули уносятъ и городовыхъ, и гу-

бернаторовъ. Бомбы убиваютъ десятками правительственныхъ агентовъ, взрываютъ, какъ при покушеніи на г. Столыпина, цѣлые дома. Милліоны, затрачиваемые на охрану правительственныхъ чиновниковъ, не спасаютъ даже самыхъ видныхъ изъ нихъ отъ проявленій народнаго гнѣва. Отвѣтные террористическіе акты правительства также не заливаютъ кровью революціоннаго костра. Въ Варшавѣ послѣ каждаго покушенія на постового городового солдаты обстрѣливаютъ залпами цѣлыя улицы, убивая и раня сотни мирныхъ обывателей, случайно попавшихъ подъ шальныя пули. Генералъ-губернаторы обращаютъ въ собственность правительства дома, изъ которыхъ бросаются бомбы. Повсюду вѣшаютъ, повсюду разстрѣливаютъ, повсюду сажаютъ въ тюрьмы. Но всѣ усилія власти оказываются недостаточными. Революціонеры умираютъ на эшафотѣ, какъ на Голгофѣ. Тюрьмы не вмѣщаютъ представителей революціоннаго народа, да и тюрьмы начинаютъ измѣнять: разступаются стѣны и раскрываются двери, чтобы дать свободу заключеннымъ борцамъ. Число побѣговъ политическихъ заключенныхъ непрерывно растетъ, являясь вѣрнымъ показателемъ, что борьба за свободу охватываетъ самыя отсталыя группы населенія.

За городомъ идетъ и деревня. Учащаются аграрные поджоги и разгромы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличиваются проявленія сознательности крестьянства въ видѣ открытыхъ столкновеній съ представителями старой власти, старшинами, урядниками, становыми, исправниками и даже съ казаками, этими несчастными полудикарями, обреченными разорять и терзать родную страну. Вмѣстѣ съ тѣмъ, армія, разбросанная по деревнямъ для усмиренія крестьянскихъ волненій, медленно, но безостановочно проникается сознаніемъ ненормальности своего положенія. Новый наборъ еще болѣе увеличитъ броженіе въ солдатскихъ рядахъ.

При такихъ условіяхъ говорить объ успокоеніи страны не приходится. Тѣ же самыя продажныя газеты, которыя такъ ликовали по поводу того, что народъ не отвѣтилъ на разгонъ Думы возстаніемъ, теперь неистово бьютъ тревогу и, въ злобной истерикѣ, вопятъ о назначеніи диктатуры, словно она дастъ въ руки правительства хотя одно лишнее орудіе, словно теперь правительство стѣснено какими-либо правовыми формами въ борьбѣ съ своими политическими противниками. Успокоенія нѣтъ и не будетъ, пока старая власть держитъ руль государственнаго корабля. Диктатура явится только новымъ названіемъ стараго произвола и—недаромъ министерство высказывается противъ нея—не дастъ ничего новаго ни правительству, ни народу. Подъ какимъ бы именемъ ни дѣйствовала старая власть, она одинаково будетъ безпомощной, одинаково безсильной создать не только политическое успокоеніе, но даже обывательско-полицейское спокойствіе. Революціонный потокъ не остановится.

III.

Революціонный потокъ не остановится. Но тѣ формы, въ которыя отливается сейчасъ борьба, несомнѣнно, должны быть открыто признаны наименѣе

выгодными и наименѣе цѣлесообразными формами. Эта анархія, водворившаяся въ странѣ, эти «непосредственныя дѣйствія» (action directe) выражаютъ только столкновеніе двойного безсилія: безсилія старой власти и безсилія революціи. Съ одной стороны, правительство безсильно раздавить революціонную гидру, съ другой—революція безсильна нанести рѣшительный ударъ. Въ итогѣ—анархическая, разрозненная борьба по всей линіи, борьба противъ частичныхъ проявленій режима и отдѣльныхъ его представителей. Характерно, что эта борьба вспыхнула яркимъ пламенемъ только послѣ разгона Думы и неудачи объявленной забастовки, послѣдней попытки съэкономить революціонныя силы, направивъ ихъ въ русло массоваго движенія. Массовое движеніе не удалось, такъ какъ революціонное сознаніе крестьянскихъ массъ еще не достигло необходимаго уровня, такъ какъ революціонная армія оказалась слишкомъ слабой для рѣшительнаго выступленія. И какъ только эта слабость стала ясной, революціонная борьба немедленно перешла въ борьбу отдѣльныхъ героическихъ личностей, т.-е. въ такую форму, которая всегда означала безсиліе революціи. Мы знаемъ, что это безсиліе временное и на этотъ разъ даже весьма кратковременное, но тѣмъ важнѣе подчеркнуть, что терроризмъ—проявленіе не силы, а безсилія революціоннаго движенія и что, поэтому, въ моменты увлеченія терроромъ, особенно необходимо не забывать не «старой истины», что дѣйствительная побѣда революціи достигается борьбою народныхъ массъ, а не героическихъ одиночекъ, тѣмъ болѣе, что борьба послѣднихъ сплошь и рядомъ принимаетъ самыя неудачныя формы. Извѣстное массовое нападеніе на полицейскіе и военные патрули въ Варшавѣ является лучшимъ примѣромъ опасности террористическаго пути. Это нападеніе настолько противорѣчило интересамъ революціи, что областная организація р. с. д. р. партіи, соціалъ-демократія Польши и Литвы, вынуждена была самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовать противъ избіенія солдатъ, которые, какъ дѣти народа, рано или поздно должны встать на его сторону, и, вообще, противъ попытокъ замѣнить массовую борьбу борьбою революціонныхъ группъ.

Но—и въ этомъ заключается главная отрицательная черта переживаемаго момента—анархическая стихія не укладывается въ рамки политическихъ организацій. Разоренная и угнетенная страна, вопреки усиліямъ революціонныхъ партій создаетъ анархическую армію, чисто рефлективная дѣятельность которой не можетъ быть урегулирована тайными организаціями. Называя анархическую борьбу отрицательнымъ явленіемъ, мы оцѣниваемъ ее такъ вовсе не по соображеніямъ моральнаго характера. Послѣ ужасовъ карательныхъ экспедицій и въ то время, какъ крестьяне подвергаются насиліямъ усмирительныхъ отрядовъ, мы считаемъ возмутительнымъ буржуазнымъ лицемѣріемъ или безпросвѣтнымъ холопствомъ толковать о жестокостяхъ террористовъ. Отдѣльныя случайныя жертвы, павшія отъ революціонныхъ бомбъ, не могутъ и не должны закрывать жертвъ, павшихъ отъ правительственныхъ пуль и шрапнели. Въ Москвѣ, напримѣръ, «число убитыхъ во славу самодержавія дѣтей исчисляется цифрою 86, среди которыхъ были грудные младенцы, двухъ и

трехлѣтніе» [1]). Эти жертвы тѣмъ болѣе привлекаютъ вниманіе, что они пали подъ сознательно на нихъ направленными ударами, между тѣмъ какъ террористы всегда принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы избѣжать смерти непричастныхъ лицъ. Коляевъ отказался бросить бомбу въ карету великаго князя Сергія Александровича, когда увидѣлъ тамъ дѣтей, не смотря на то, что отсрочка грозила неудачей дѣлу, для котораго онъ отдалъ жизнь. Не такъ дѣйствовало правительство. «Въ Грузинахъ солдаты улицы обстрѣливали залпами; пострѣляютъ, поставятъ ружья въ козлы и отдыхаютъ. Изъ-за заборовъ показывается рядъ дѣтскихъ головъ. Они дразнятъ солдатъ и кричатъ имъ «не попалъ, не попалъ»!.. Солдаты, раздраженные хватаютъ опять ружья. Мальчики скрываются. Опять залпъ». А вотъ еще эпизодъ изъ исторіи московскаго возстанія. «По Серпуховской улицѣ идетъ мальчикъ и, услышавъ выстрѣлъ, оборачивается и грозитъ солдатамъ пальцемъ. Тѣ опять стрѣляютъ и убиваютъ птицу возлѣ мальчика. Онъ подбѣгаетъ къ птицѣ, поднимаетъ ее, цѣлуетъ и опять грозитъ казакамъ. Раздаются выстрѣлы, и мальчикъ падаетъ убитый наповалъ» [2]).

Конечно, этотъ неизвѣстный мальчикъ «по одеждѣ принадлежалъ къ рабочему классу», но его кровь—такая же кровь, какъ и всякая другая. Этого могли бы не забывать либеральные фарисеи, которые не устаютъ теперь пустословить по поводу жестокостей террора. Но если моральная оцѣнка террора и не нужна и неумѣстна, то политическая оцѣнка его необходима. И мы должны сказать, что именно съ политической точки зрѣнія, онъ является наименѣе производительнымъ средствомъ борьбы.

Къ сожалѣнію, сейчасъ терроризмъ представляетъ неизбѣжную форму распыленія революціонной борьбы, вызваннаго разгономъ Государственной Думы. Правительственныя рептиліи пролили много чернилъ, чтобы доказать, что Дума не могла успокоить революціи. Кадетскія газеты отвѣтили столь же обильною болтовнею для доказательства того, что Дума сдерживала революцію и должна была бы прекратить ее, если бы не послѣдовало разгона. Эта полемика кадетовъ съ реакціонерами была мало убѣдительна, потому, что кадеты исходили изъ невѣрнаго положенія. Дума—въ этомъ реакціонеры правы—не прекратила и не могла прекратить революціи. Она развивала ее и вела впередъ, несмотря на кадетовъ. Эта объективно-революціонная роль Думы и заставляла ее поддерживать, такъ какъ Дума являлась однимъ изъ этаповъ революціи, который нужно было пройти. Но, развивая революцію, Дума устраняла анархію и разрозненность революціонной борьбы. Вопреки намѣреніямъ тѣхъ или другихъ депутатовъ, она играла роль организующаго центра революціи. Каутскій писалъ, по поводу созыва Думы, что «до этого времени одно изъ величайшихъ преимуществъ правительства заключалось въ его централизаціи, которую оно противопоставляло едва связаннымъ между собою мѣст-

---

[1]) Москва въ декабрѣ 1905 года. Изданіе Кохманскаго, стр. 190.

[2]) Ibid. Стр. 198.

нымъ возстаніямъ и массовымъ стачкамъ. Благодаря Думѣ, революція получаетъ центръ... Періодъ мѣстныхъ разрозненныхъ децентрализованныхъ безпорядковъ и бунтовъ въ Россіи прошелъ. Начинается централизованная революція»... [1]).

Мы теперь должны уже сказать не «начинается», а «началась», но мысль Каутскаго не теряетъ своей вѣрности отъ того, что развитіе централизованной національной революціи было оборвано въ самомъ началѣ. Дума, несомнѣнно, начала организовывать разбросанные и разрозненные элементы революціи и сплачивать ихъ въ такую многочисленную армію, которой никогда не могутъ создать тайныя революціонныя общества. Организація же и централизація движенія позволяла избѣгать отдѣльныхъ вспышекъ и частичныхъ выступленій, въ которыхъ безплодно растрачиваются драгоцѣнныя силы. Существованіе Думы давало основаніе надѣяться, что переворотъ совершится наиболѣе экономнымъ путемъ, путемъ одного или нѣсколькихъ массовыхъ движеній, сила которыхъ ослабитъ сопротивленіе старой власти до самыхъ незначительныхъ размѣровъ. Разгонъ Думы разрушилъ эти надежды. Революціонное движеніе снова раздробилось и приняло формы анархической борьбы, которая для революціи еще менѣе выгодна, чѣмъ для правительства.

Поэтому, уничтоженіе анархіи не можетъ быть достигнуто никакими полицейскими репрессіями. Анархія—естественная форма широкой, разлившейся по народнымъ массамъ, но обезглавленной революціи. Только немедленный созывъ народныхъ представителей положитъ конецъ разрозненнымъ и анархическимъ вспышкамъ и снова дастъ революціонному движенію ту форму, при которой оно наиболѣе цѣлесообразно используетъ всѣ свои силы. Этотъ немедленный созывъ и является очередною задачею революціоннаго народа, на разрѣшеніе которой будутъ направлены всѣ революціонныя силы. До тѣхъ же поръ, пока Дума снова не станетъ въ центрѣ революціонной борьбы, Россіи, очевидно, предстоитъ пережить неизбѣжный періодъ анархіи, такъ какъ ни революціонныя организаціи, ни, тѣмъ болѣе, разложившаяся старая власть не могутъ овладѣть всей стихіей народнаго движенія.

IV.

Анархія, вызванная разгономъ Государственной Думы, тѣмъ болѣе невыгодна для революціи, что она означаетъ затяжную форму революціоннаго процесса. А затяжная форма революціоннаго процесса позволяетъ правительству, которое все же умѣетъ пользоваться обстоятельствами, постепенно приспособляться къ новымъ требованіямъ жизни ровно настолько, чтобы въ каждый данный моментъ спасать себя отъ неминуемой гибели. Затяжная форма революціоннаго процесса, исключая полную и рѣшительную побѣду народа, тѣмъ самымъ обезпечиваетъ сохраненіе возможно большихъ преимуществъ и правъ за старой властью. Пока русское правительство обнаруживаетъ мало способно-

---

[1]) Каутскій. Государственная Дума, Спб. 1906. Стр. 8.

стей и охоты считаться съ измѣнившимися политическими условіями; оно мечтаетъ о полномъ возстановленіи абсолютизма, но эти мечты, какъ и всякія другія, скоро разсѣются, и задачею правительственныхъ политиковъ будетъ именно приспособленіе стараго государственнаго механизма къ новымъ потребностямъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы старая власть потерпѣла наименьшій ущербъ. Уже теперь, при всей неопредѣленности и ординарности бюрократическаго кабинета, замѣчаются нѣкоторыя попытки обновить ненавистный старый порядокъ. Министерство начинаетъ съ мелочей. По послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, въ высшія учебныя заведенія, напримѣръ, евреи принимаются безъ обычныхъ процентныхъ ограниченій. Эта реформа стоитъ правительству очень дешево, но и она принесетъ ему долю пользы, смягчивъ хотя отчасти обострившееся недовольство еврейской буржуазіи. Затѣмъ, министерство не отказывается и отъ попытокъ крупныхъ реформъ соціальнаго характера. Позабывъ о знаменитой деклараціи г. Горемыкина и подобравъ кой-какіе обрывки проектовъ разогнанной Думы, кабинетъ г. Столыпина усиленно стремится разрѣшить крестьянскій вопросъ и почти доходитъ уже до частичнаго признанія принудительнаго отчужденія земли за... несправедливое вознагражденіе. Крестьянскій банкъ энергично скупаетъ помѣщичьи земли по цѣнамъ, значительно превышающимъ рыночныя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ распоряженіе крестьянскаго банка поступаетъ, по новому закону, часть удѣльныхъ земель. Такимъ образомъ, правительство будетъ въ самомъ непродолжительномъ времени обладать значительнымъ земельнымъ фондомъ, въ которомъ, съ землями, принадлежащими казнѣ, можно считать не менѣе десяти милліоновъ десятинъ.

Мы не думаемъ, чтобы правительство въ ближайшемъ будущемъ съумѣло употребить этотъ фондъ съ пользою для крестьянъ. Распоряженіе фондомъ сосредоточено въ рукахъ дворянства и бюрократіи, которыя, по обыкновенію, потопятъ дѣло въ морѣ писчей бумаги и подорвутъ его возможное значеніе откровенными стараніями поправить на счетъ нуждающихся крестьянъ разстроенныя дворянскія обстоятельства. Оттяжка и волокита при исполненіи обѣщаній правительства, неизбѣжныя при бюрократическомъ порядкѣ, могутъ привести даже къ обостренію аграрныхъ волненій на почвѣ землеустроительной дѣятельности правительства. Крестьяне, не получая купленной для нихъ или обѣщанной имъ земли, легко могутъ прибѣгнуть къ захватному праву. Во всякомъ случаѣ, сейчасъ еще нѣтъ основаній положительно утверждать, что правительству удастся уничтожить главный источникъ крестьянскаго недовольства. Однако, при затяжномъ характерѣ революціоннаго процесса, убогія подачки правительства, въ концѣ концовъ, дойдутъ до извѣстнаго слоя крестьянства и создадутъ изъ него оплотъ если не реакціонныхъ, то консервативныхъ элементовъ «общества». Въ такомъ случаѣ, революціонная борьба, даже если она не будетъ безнадежно ослаблена, приметъ ожесточенный характеръ кровопролитной междоусобной войны, чего до сихъ поръ удавалось избѣгать, такъ какъ на сторонѣ правительства не было никого, кромѣ ослѣпленной и тупой военной силы и трусливыхъ, малочисленныхъ бандъ черносотенцевъ.

Но образованіе дружественной правительству крестьянской арміи, во вся-

комъ случаѣ,—дѣло болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. Сейчасъ, полицейскій и военный терроръ и непомѣрно вздутыя цѣны на дворянскія земли достаточно убѣдительно показываютъ крестьянству, чего стоитъ неожиданное народолюбіе правительства, реформы котораго имѣютъ единственною цѣлью спасеніе помѣщиковъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя закрывать глазъ на опасность, которая грозитъ интересамъ народныхъ массъ въ результатѣ соціально-реформаторскихъ потугъ нынѣшняго правительства; нельзя закрывать глазъ и на то, что анархія содѣйствуетъ правительству въ осуществленіи контръ-революціонныхъ и реакціонныхъ замысловъ. Поэтому, прекращеніе анархіи и введеніе революціоннаго движенія въ русло централизованной и организованной борьбы является неотложною задачею момента. Но эта задача можетъ быть разрѣшена только назначеніемъ выборовъ въ Государственную Думу и, слѣдовательно—для революціонныхъ партій—самой энергичной агитаціей въ пользу необходимости немедленнаго возстановленія народнаго представительства, какъ лучшаго оружія въ борьбѣ за полное народовластіе.

Политическая цѣнность этого лозунга подвергается большимъ сомнѣніямъ въ средѣ тѣхъ партій, которыя стремятся къ учредительному собранію. Анархистско-бланкистскія теченія русской революціонной мысли, доставшіяся намъ въ наслѣдство отъ семидесятыхъ годовъ и еще не изжитыя, до сихъ поръ сохраняютъ свое вліяніе въ революціонныхъ рядахъ и приносятъ неисчислимый вредъ революціи попытками повернуть историческое колесо въ заранѣе предрѣшенномъ направленіи. Исходя, несмотря на марксистскую фразеологію, окутывающую ихъ мысли, изъ чисто идеалистическаго представленія, будто главнымъ двигателемъ революціи является *воля* сознательной и организованной части населенія, ставя вопросъ такъ, что революціонный народъ или немедленно долженъ достигнуть власти, или отказаться отъ участія въ сегодняшнихъ формахъ политической борьбы, русскіе бланкисты подсовываютъ вмѣсто революціоннаго развитія революціонную фразу и забываютъ, что та партія, которая не ведетъ народъ въ *его* борьбѣ, потому что формы этой борьбы кажутся ей нецѣлесообразными, остается изолированной въ безвоздушномъ пространствѣ и, слѣдовательно, лишенной всякаго вліянія. Революціонная борьба есть непрерывное движенія къ поставленной заранѣе конечной цѣли. Никто не въ силахъ замѣнить это движеніе однимъ скачкомъ. Учредительное собраніе, какъ воплощеніе полнаго народовластія, можетъ быть только результатомъ, а не условіемъ побѣды революціоннаго народа. Побѣда же народа, въ свою очередь, является результатомъ его политической сознательности и организованности, которыя пріобрѣтаются въ процессѣ всенародной политической борьбы, формы и границы которой далеко не совпадаютъ съ формами и границами борьбы революціонныхъ организацій. Насколько безплодны всякія попытки подмѣнить «народъ» «революціонными организаціями», видно изъ печальнаго опыта на Н. Ленина въ его брошюрѣ «Роспускъ Думы и задачи пролетаріата». Лидеръ анархистско-бланкистскаго крыла россійской соціалъ демократіи дошелъ до утвержденій, что если состоится соглашеніе *всѣхъ* вліятельныхъ революціонныхъ организацій и союзовъ, то къ концу лѣта или

къ началу осени, къ срединѣ или концу августа, можно назначить «всероссійское выступленіе», для успѣха котораго необходимо теперь же организовать всѣхъ «честныхъ гражданъ», желающихъ «стоять на сторонѣ свободы», въ боевые «пятки и десятки», независимо отъ того, удастся—ли имъ получить оружіе, и даже независимо отъ того, найдется ли сейчасъ, впредь до утра радостнаго дня, какое-либо дѣло. Этотъ жалкій и наивный лепетъ достойнымъ образомъ увѣнчиваетъ почти трехлѣтнюю политическую кампанію русскихъ бланкистовъ, онъ наглядно обнаруживаетъ къ чему можетъ привести ихъ тактика. Не въ тѣхъ цѣляхъ, которыя они ставятъ, а въ тѣхъ средствахъ, которыя они указываютъ для достиженія поставленныхъ цѣлей, кроется истинная причина разногласій. Учредительное собраніе, какъ цѣль революціонной борьбы, составляетъ непреклонное требованіе не только соціалъ демократіи, но и революціонной демократіи. Въ этомъ отношеніи бланкисты столь же революціонны, сколь и всякія другія даже мелко-буржуазныя партіи. Слѣдовательно, никакого спора о необходимости учредительнаго собранія для демократическаго разрѣшенія очередныхъ соціально-политическихъ вопросовъ, въ революціонной средѣ быть не можетъ. Но средства, которыми можно достигнуть учредительнаго собранія или, вѣрнѣе, въ болѣе общей формулѣ, полной побѣды народа, вызываютъ большія разногласія, типичнымъ примѣромъ которыхъ является разногласіе по вопросу о томъ, можетъ-ли соціалъ демократія, оставаясь наиболѣе послѣдовательной выразительницей демократическихъ стремленій народа, поддерживать или даже выставлять требованіе немедленнаго созыва Государственной Думы вмѣсто обычнаго требованія Учредительнаго собранія. Марксисты утверждаютъ, что можетъ, потому что Государственная Дума, пробуждая политическую сознательность и создавая политическія организаціи народныхъ массъ, является однимъ изъ наиболѣе вѣрныхъ средствъ къ развитію революціоннаго движенія.

Бланкисты утверждаютъ, что не можетъ, такъ какъ Государственная Дума ничего не даетъ народу, лучшимъ же средствомъ для побѣды народа являются боевые (но безоружные) «пятки» и «десятки» честныхъ гражданъ. Этотъ путь указываетъ Ленинъ, въ то время какъ ц. к. р. с.-д. р. п. говоритъ о Думѣ, какъ средствѣ для созыва учредительнаго собранія. Это разногласіе и служитъ основаніемъ для нападокъ на лозунгъ: немедленный созывъ Думы, а затѣмъ, и на все то политическое теченіе, которое признаетъ Государственную Думу необходимымъ этапомъ революціоннаго развитія. Дѣло, слѣдовательно, не въ томъ, что бланкисты выступаютъ на защиту демократической послѣдовательности и вѣрности программнымъ требованіямъ,—этимъ требованіямъ никто и ничто не угрожаетъ,—а въ томъ, что различное пониманіе сущности историческаго процесса и роли политическихъ организацій въ исторической борьбѣ отражается и въ этомъ спорѣ о возможности для соціалъ-демократіи принять за опорный пунктъ своей дѣятельности въ ближайшіе мѣсяцы Государственную Думу. Кромѣ бланкистскихъ возраженій противъ необходимости направить вни-

---

[1]) Роспускъ Думы и задачи пролетаріата. Москва 1906 г.

маніе революціонныхъ партій на будущую Государственную Думу существуютъ возраженія другого рода, не принципіальныя, а практическія. Говорятъ, что государственный переворотъ 8-го іюля имѣлъ цѣлью возстановить и фактически возстановилъ самодержавіе; что правительство, сохранивъ власть послѣ этого революціоннаго акта и не встрѣтивъ народнаго сопротивленія, откажется отъ народнаго представительства и постарается укрѣпить старый полицейско-самодержавный режимъ. Государственная Дума, согласно этому мнѣнію, не будетъ созвана. Только новое всенародное движеніе, подобное октябрьскому, можетъ заставить правительство выполнить свои обѣщанія и созвать народныхъ представителей 20-го февраля. Но если необходимо новое всенародное движеніе, то, очевидно, что это движеніе, поскольку оно будетъ побѣдоносно, поставитъ своею цѣлью уже не Г. Думу по закону Витте-Дурново, а полновластное представительное учрежденіе, которое не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ учредительнымъ собраніемъ, которое и слѣдуетъ поставить задачею завтрашняго дня.

Эти разсужденія были бы вполнѣ убѣдительны, если бы мы могли быть увѣрены въ томъ, что ближайшее будущее принесетъ намъ грандіозное народное движеніе, которое вырветъ власть изъ рукъ правительства стараго режима.

Но такой увѣренности быть не можетъ. Нельзя предполагать, что правительство возвратится къ полицейскому самодержавію. Соотношеніе общественныхъ силъ, которое опредѣлило паденіе абсолютизма, не измѣнилось снова въ пользу свергнутаго режима. Террористическое министерство, при такихъ условіяхъ, только мимолетный историческій эпизодъ, какъ было эпизодомъ министерство Витте-Дурново. Ни международное положеніе «великой державы», ни внутреннее состояніе страны не позволяетъ правительству возстановить самовластіе. Анархія, не принося пользы революціонному движенію, тѣмъ не менѣе приноситъ огромный вредъ правительству, разрушая и безъ того слабый государственный механизмъ. Осенью надо ожидать серьезныхъ вспышекъ крестьянскихъ волненій на почвѣ отказа отъ отбыванія воинской повинности, неплатежа податей и захвата помѣщичьей земли. Можно быть увѣреннымъ, что и армія, броженіе которой ознаменовалось уже бурными возстаніями, не успокоится, несмотря на запрещеніе газетамъ сообщать о волненіяхъ среди солдатъ. Безъ національнаго центра всѣ эти проявленія народнаго гнѣва едва-ли сольются въ единое и мощное движеніе; но самая разрозненность и стихійность ихъ исключаетъ всякую возможность покончить съ ними путемъ военныхъ и полицейскихъ репрессій. Правительство не можетъ не понимать всей опасности безчисленныхъ стихійныхъ вспышекъ на огромномъ пространствѣ Россіи. Не слѣдуетъ считать противника болѣе глупымъ и ничтожнымъ, чѣмъ онъ есть. Кабинетъ знаетъ, что угрожаетъ старой власти въ ближайшемъ будущемъ, и онъ приметъ мѣры, чтобы ослабить силу взрыва. Мы считаемъ самымъ вѣроятнымъ, что очень скоро будетъ объявлено время выборовъ. Это дастъ возможность правительству, даже не приближая срокъ созыва Думы, внести нѣкоторое успокоеніе въ неустойчивые и колеблющіеся ряды мелкой буржуазіи и крестьянства. Революціонное настроеніе широкихъ массъ снова выльется въ

избирательной борьбѣ, какъ оно вылилось въ мартѣ этого года. И, если это предположеніе вѣрно, то революціоннымъ партіямъ необходимо заранѣе подготовиться къ избирательной кампаніи, чтобы обезпечить себѣ наиболѣе выгодныя позиціи и чтобы будущая Дума оказалась дѣйствительно способной къ той рѣшительной борьбѣ, которая, несомнѣнно, предстоитъ въ ближайшіе мѣсяца. Если же наши предположенія не оправдаются, если революціонное движеніе окажется слишкомъ мощнымъ, чтобы вмѣститься въ рамки избирательной кампаніи, то та политическая работа, которую произведутъ революціонныя партіи, агитируя за созывъ Думы, уже какъ властнаго органа для созыва учредительнаго собранія, и развивая предъ массами свои послѣдовательно-демократическія программы, только обезпечитъ успѣхъ стихійнаго взрыва и придастъ ему бо́льшую цѣлесообразность. Требованіе немедленнаго созыва народныхъ представителей съ цѣлью ускорить достиженіе учредительнаго собранія, при наличности стихійнаго взрыва, который не зависитъ отъ воли тѣхъ или другихъ партій, естественно превращается въ требованіе немедленнаго присвоенія народнымъ представителямъ всѣхъ необходимыхъ функцій власти. Побѣда народа, который подъ вліяніемъ агитаціи революціонныхъ партій, сознаетъ, что онъ долженъ, прежде всего, вырвать всю власть изъ рукъ представителей стараго режима и передать ее въ руки народныхъ представителей, неизбѣжно повлечетъ за собою созывъ учредительнаго собранія. Работа революціонныхъ партій вполнѣ учитывается въ сознательномъ использованіи демократіей побѣдоноснаго взрыва народнаго движенія. Если же вся тактика революціонныхъ партій будетъ пріурочена только къ одной политической ситуаціи: активному выступленію и учредительному собранію, то при неблагопріятномъ оборотѣ историческаго колеса, революціонныя партіи останутся снова за флагомъ, какъ это было въ мартѣ, когда революціонеры свели себя съ арены, вслѣдствіе тактики бойкота, внушенной, кромѣ анархическихъ теорій, еще и разсчетомъ на рѣшительный ударъ и, вслѣдъ за нимъ, учредительное собраніе. Для соціалъ-демократіи, судьба которой неразрывно связана съ судьбою рабочихъ массъ, эта неподвижная, пріуроченная къ одному моменту тактика, не принесла ничего, кромѣ вреда, отдаливъ возможность слить кружковыя соціалъ-демократическія организаціи съ широкими кругами рабочаго класса. Теперь предъ нами снова раскрывается эта возможность, и къ ней нужно заблаговременно подготовиться, чтобы всесторонне использовать избирательную кампанію для широкаго и цѣльнаго противопоставленія программы научнаго соціализма программамъ всѣхъ буржуазныхъ партій и для организаціи рабочихъ массъ вокругъ знамени международной соціалъ-демократіи.

Выполненіе этой задачи встрѣтитъ огромныя трудности. Правительство употребитъ всѣ усилія, чтобы вогнать въ подполье представителей соціалъ-демократіи. По опытъ международной соціалистической борьбы показываетъ намъ, что, при партійномъ единствѣ и при энергичной работѣ, полицейская реакція безсильна раздавить партію, выражающую интересы милліоновъ рабочаго класса. Во время закона противъ соціалистовъ въ Германіи, когда соціалъ-демократамъ, выставлявшимъ кандидатуры въ рейхстагѣ, правитель-

убѣжалъ, ранивъ сопровождавшаго того буяна. Этотъ незначительный рубецъ былъ доказательствомъ ссоры. Ему нужно бѣжать, немедленно скрыться въ безопасное мѣсто. Враги несомнѣнно подумаютъ, что онъ въ Марчамалѣ, и на зарѣ лошади полицейскихъ появятся уже въ виноградникѣ.

Это былъ моментъ безумнаго волненія, показавшійся бѣдному старику безконечнымъ. Куда бѣжать?.. Его руки открыли ящики комода, рылись въ вещахъ. Онъ искалъ свои сбереженія.

— Возьми, сынокъ; возьми все.

И онъ насыпалъ ему карманы дуро, пезетами, всѣмъ серебромъ, заплѣсневѣвшимъ отъ долгаго лежанья взаперти, и медленно собиравшимся въ теченіе многихъ лѣтъ.

Рѣшивъ, что далъ ему достаточно, онъ вывелъ его изъ виноградника. Бѣжать! Еще ночь, и они могутъ выйти изъ Хереса, незамѣченные никѣмъ. У старика былъ свой планъ. Нужно разыскать Рафаэля въ Матанцуэлѣ. Парень еще сохранялъ дружескія отношенія съ бывшими товарищами контрабандистами, и отвезетъ его по окольнымъ тропинкамъ въ Гибралтаръ. А тамъ онъ можетъ уѣхать, куда угодно: свѣтъ великъ.

И въ теченіе двухъ часовъ, отецъ и сынъ почти бѣжали, не чувствуя усталости, подгоняемые страхомъ и сходя съ дороги всякій разъ, какъ издали доносился шумъ голосовъ и лошадиный топотъ.

О, что за ужасное путешествіе съ мучительными открытіями! Это оно такъ доканало его. Когда разсвѣло, онъ увидѣлъ своего сына, съ мертвеннымъ лицомъ, всего въ крови, съ видомъ бѣгущаго убійцы. Ему больно было видѣть своего сына въ такомъ состояніи, но отчаяваться было некогда. Въ концѣ концовъ, онъ мужчина, а мужчины часто убиваютъ, не лишаясь изъ-за этого чести. Но когда сынъ въ немногихъ словахъ объяснилъ ему, за что онъ убилъ, то старикъ думалъ, что умретъ, ноги у него дрожали, и ему приходилось дѣлать усилія, чтобы не упасть посреди дороги. Марикита, его дочь, она виновница всего этого! А, дрянь проклятая! И думая о поведеніи сына, онъ восхищался имъ, благодаря его за жертву отъ всей своей грубой души.

—Ferминъ, сынъ мой, ты хорошо сдѣлалъ. Не было другого выхода, кромѣ мести. Ты лучшій изо всей семьи. Лучше меня, который не сумѣлъ уберечь дѣвченку.

Прибытіе въ Матанцуэлу было трагическимъ: Рафаэль оторопѣлъ отъ изумленія. Убили его хозяина, и убилъ Ферминъ!

Монтенегро раздражился. Онъ хочетъ, чтобы Рафаэль отвезъ его въ Гибралтаръ, и чтобы никто ихъ не видѣлъ. Довольно словъ. Желаетъ онъ спасти его, или нѣтъ? Рафаэль, вмѣсто всякаго отвѣта, осѣдлалъ свою вѣрную лошадь и еще другую изъ лошадей на мызѣ. Онъ сейчасъ же отвезетъ его въ горы, а тамъ о немъ позаботятся другіе.

Старикъ видѣлъ, какъ они помчались карьеромъ, и пустился въ

обратный путь, согбенный внезапной дряхлостью, какъ будто вся жизнь его отлетѣла вмѣстѣ съ сыномъ.

Послѣ этого существованіе его проходило, какъ въ туманномъ снѣ. Онъ помнилъ, что поспѣшно покинулъ Марчамалу и поселился въ предмѣстьѣ въ лачугѣ одной родственницы своей жены. Онъ не могъ оставаться на виноградникѣ послѣ случившагося. Между семьей хозяина и его стояла кровь, и раньше, чѣмъ ему бросятъ ее въ лицо, онъ долженъ былъ бѣжать.

Донъ Пабло Дюпонъ предлагалъ ему милостыню, для поддержки его старости, хотя признавалъ его главнымъ виновникомъ всего случившагося, такъ какъ онъ не научилъ своихъ дѣтей религіи. Но старикъ отказался отъ всякой помощи. Покорно благодарю, сеньоръ: онъ преклоняется передъ его благотворительностью, но скорѣе умретъ съ голода, прежде чѣмъ приметъ хоть одну монету отъ Дюпоновъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ бѣгства Фермина, онъ увидѣлъ своего крестника Рафаэля. Онъ былъ безъ мѣста, такъ какъ ушелъ съ мызы. Онъ пріѣхалъ сказать ему, что Ферминъ въ Гибралтарѣ, и что въ одинъ изъ слѣдующихъ дней уѣдетъ въ Южную Америку.

— И тебя тоже,—сказалъ старикъ съ грустью,—ужалила проклятая муха, отравившая насъ всѣхъ.

Юноша былъ печаленъ, угнетенъ. Говоря съ старикомъ у двери лачуги, онъ заглядывалъ внутрь съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, словно боясь появленія Маріи де-ла-Луцъ. Во время бѣгства въ горы Ферминъ разсказалъ ему все... все...

— Ахъ, крестный, какой ударъ для меня, я думалъ, что умру отъ него... И не имѣть возможности отомстить! Подлецъ этотъ ушелъ на тотъ свѣтъ, и я не успѣлъ проткнуть его кинжаломъ! Не имѣть возможности воскресить его, чтобы убить снова!.. Сколько разъ негодяй навѣрно издѣвался надо мной, видя, что я смотрю на него, какъ дуракъ, ничего не зная!..

Больше всего его огорчала смѣхотворность его положенія, то, что онъ служилъ этому человѣку. Онъ плакалъ надъ тѣмъ, что месть была совершена не его рукой.

Онъ не хотѣлъ работать. Какой толкъ быть честнымъ? Онъ опять вернется къ контрабандѣ. Женщины?.. на время, а потомъ колотить ихъ какъ нечистыхъ и безсердечныхъ животныхъ... Онъ хотѣлъ объявить войну половинѣ міра, богачамъ, правителямъ, *всѣмъ*, которые вселяютъ страхъ при помощи ружей, и являются причиной того, что бѣдные попираются сильными. Теперь, когда бѣдный людъ въ Хересѣ, обезумѣвъ отъ страха, работалъ въ поляхъ, не поднимая глазъ отъ земли, когда тюрьма была полна, и многіе изъ тѣхъ, что раньше были готовы на все, стали ходить къ обѣднѣ, чтобы избѣжать подозрѣній и преслѣдованій, теперь начнетъ дѣйствовать онъ. Увидятъ богачи, какого звѣря они породили на свѣтъ, разрушивъ его иллюзіи.

Контрабанда пойдетъ на жизнь. Позже, когда начнется жатва, онъ будетъ поджигать скирды, палить усадьбы, отравлять скотъ на пастбищахъ. Тѣ, что сидятъ въ тюрьмѣ, ожидая момента казни, Хуанонъ, *Маэстрико* и другіе несчастные, которые умрутъ на висѣлицѣ, будутъ имѣть мстителя.

Есть люди, достаточно смѣлые, чтобы послѣдовать за нимъ, онъ составитъ конный отрядъ. Не даромъ онъ знаетъ горы. Богачи могутъ приготовиться. Злымъ не поздоровится, а добрые смогутъ спастись, только давъ ему денегъ для бѣдныхъ.

Гнѣвъ его разгорался отъ этихъ угрозъ. Онъ говорилъ о томъ, что сдѣлается разбойникомъ съ тѣмъ увлеченіемъ, которое съ дѣтства испытываютъ крестьяне къ приключеніямъ большихъ дорогъ. По его мнѣнію, всякій обиженный человѣкъ могъ отомстить, только сдѣлавшись бандитомъ.

— Меня убьютъ, — продолжалъ онъ, — но раньше, чѣмъ меня убьютъ, говорю вамъ, крестный, я покончу съ половиной Хереса.

И старикъ, раздѣлявшій волненіе парня, одобрялъ его, покачивая головой. Онъ хорошо дѣлаетъ. Будь онъ молодъ и силенъ, Рафаэль имѣлъ бы лишняго товарища въ отрядѣ.

Рафаэль болѣе не возвращался. Онъ бѣжалъ отъ того, чтобы демонъ не столкнулъ его съ Маріей де-ла-Луцъ. При видѣ ея, онъ могъ бы убить ее, или залиться слезами, какъ дитя.

Изрѣдка, къ сеньору Фермину приходила какая-нибудь старая гитана, или мальчикъ изъ тѣхъ, что продаютъ въ кафе и казино табакъ.

— Дѣдушка, это вамъ... Отъ Рафаэля. Это были деньги, посылаемыя контрабандистомъ, и старикъ молча передавалъ ихъ дочери. Парень никогда не показывался. Отъ времени до времени онъ появлялся въ Хересѣ и этого достаточно было, чтобы *Козелъ* и другіе приспѣшники покойнаго Дюпона прятались по своимъ домамъ, избѣгая показываться въ тавернахъ и кофейняхъ, посѣщаемыхъ контрабандистомъ.

Сеньоръ Ферминъ жилъ изо дня въ день, безразличный ко всему окружающему и къ тому, что говорили о немъ.

Однажды, скорбная тишина въ городѣ вывела его на нѣсколько часовъ изъ его оцѣпенѣнія. Должны были повѣсить пятерыхъ человѣкъ за нападеніе на Хересъ. Процессъ велся быстро: наказаніе было необходимо, чтобы «порядочные люди» успокоились.

Вступленіе мятежныхъ рабочихъ въ городъ превратилось, съ теченіемъ времени, въ полную ужасовъ революцію. Страхъ сдѣлалъ всѣхъ безгласными. Люди, видѣвшіе, какъ забастовщики проходили безъ всякихъ враждебныхъ намѣреній мимо домовъ богачей, молча соглашались на неслыханно-жестокое наказаніе.

Говорили о двухъ убитыхъ въ эту ночь, соединяя смерть пьянаго сеньора съ убійствомъ несчастнаго писца. Ферминъ Монтенегро преслѣдовался за убійство, процессъ его велся отдѣльно, но общество

ничего не теряло, преувеличивая событія и возлагая однимъ убитымъ больше на счетъ революціонеровъ.

Многіе были приговорены къ заключенію въ крѣпости. Судъ съ устрашающей щедростью расточалъ кандалы несчастному стаду, которое, казалось, съ изумленіемъ спрашивало себя, что такое оно сдѣлало въ ту ночь. Изъ приговоренныхъ къ смерти, двое были убійцами молодого писца, трое остальныхъ шли на казнь въ качествѣ опасныхъ, за то, что говорили, угрожали, за то, что гордо думали, что имѣютъ право на долю счастья въ мірѣ.

Многіе лукаво подмигивали глазами, узнавъ, что Мадриленьо, иниціаторъ похода на городъ, приговаривается только къ заключенію въ крѣпости на нѣсколько лѣтъ. Хуанонъ и его товарищъ эльде-Требухенья покорно ожидали послѣдней минуты. Они не хотѣли жить, жизнь была имъ противна послѣ горькихъ разочарованій этой знаменитой ночи. Маэстрико ходилъ съ удивленіемъ, застывшимъ въ его кроткихъ, дѣвичьихъ глазахъ, точно отказываясь вѣрить въ людскую злобу. Жизнь его была нужна, потому что онъ опасное существо, потому что онъ мечтаетъ объ утопіи, о томъ, чтобы знаніе перешло отъ немногихъ къ огромной массѣ несчастныхъ, какъ орудіе искупленія! И безсознательно поэтическій умъ его, заключенный въ грубую оболочку, воспламенялся огнемъ вѣры и утѣшался въ тоскѣ своихъ послѣднихъ минутъ надеждой на то, что другіе идутъ за нимъ, толкая, какъ онъ говорилъ, и что эти другіе въ концѣ концовъ, опрокинутъ все силой своей массы, какъ капли воды образуютъ наводненіе. Ихъ убивали потому, что ихъ было мало. Когда-нибудь ихъ будетъ столько, что сильные, уставъ убивать, устрашенные огромностью своей кровавой задачи, падутъ духомъ и сдадутся, побѣжденные.

СеньоръФерминъ видѣлъ изъ этой казни только безмолвіе города, казавшагося пристыженнымъ, видѣлъ испуганныя лица бѣдняковъ, трусливое подобострастіе, съ которымъ они говорили о богатыхъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ уже совершенно забылъ объ этомъ происшествіи. Онъ получилъ письмо: оно было отъ его сына, отъ его Фермина. Онъ находился въ Буэносъ-Айресѣ и писалъ ему, что надѣется устроиться. Первое время, конечно, трудно, но въ этой странѣ, съ работой и настойчивостью, можно быть почти увѣреннымъ въ успѣхѣ.

Съ тѣхъ поръ сеньоръ Ферминъ нашелъ занятіе и стряхнулъ маразмъ, въ который его повергло горе. Онъ писалъ своему сыну и дожидался его писемъ. Какъ онъ далеко! Если бъ онъ могъ поѣхать туда!

Въ другой разъ его взволновала еще одна неожиданность. Сидя на солнцѣ, у двери своего дома, онъ увидѣлъ тѣнь человѣка, неподвижно стоящаго около него. Онъ поднялъ голову и вскрикнулъ. Донъ Фернандо!.. То былъ его кумиръ, добрый Сальватьерра, но постарѣвшій, печальный, съ потухшимъ взглядомъ за синими очками, точно его давили всѣ несчастья и несправедливости города.

Его выпустили, позволили жить на свободѣ, безъ сомнѣнія, зная, что онъ нигдѣ не сможетъ найти угла, гдѣ бы свить гнѣздо; что его слова затеряются безъ отголоска въ безмолвіи ужаса.

Когда онъ явился въ Xересъ, это старые друзья бѣжали отъ него, не желая компрометировать себя. Другіе смотрѣли на него съ ненавистью, какъ будто, вслѣдствіе своего вынужденнаго изгнанія, онъ былъ отвѣтственъ во всѣхъ событіяхъ.

Но сеньоръ Ферминъ, старый товарищъ, былъ не изъ такихъ. Увидя его, онъ всталъ, палъ въ его объятія, съ воплемъ сильныхъ людей, которые задыхаются, но не могутъ плакать.

— Ахъ, донъ Фернандо!.. Донъ Фернандо!..

Сальватьерра утѣшалъ его. Онъ зналъ все. Смѣлѣе! Онъ былъ жертвой соціальной испорченности, которую онъ громилъ со всѣмъ пыломъ аскета. Онъ могъ еще начать жизнь заново, вмѣстѣ со всѣми своими. Міръ великъ. Тамъ, гдѣ смогъ устроиться его сынъ, можетъ попытать счастья и онъ.

И Сальватьерра сталъ приходить иногда по утрамъ навѣстить стараго товарища. Но онъ скоро уѣхалъ. Говорили, что онъ живетъ то въ Кадиксѣ, то въ Севильѣ, бродя по андалузской землѣ, хранившей воспоминаніе о его геройствахъ и великодушныхъ порывахъ и останки единственнаго существа, любовь котораго скрашивала ему жизнь.

Онъ не могъ жить въ Хересѣ. Сильные смотрѣли на него злобными глазами, словно желая на него броситься, бѣдные избѣгали его, боясь сношеній съ нимъ.

Прошелъ еще мѣсяцъ. Однажды, подойдя къ двери дома, Марія де-ла-Луцъ чуть не упала въ обморокъ. Ноги ея дрожали, въ ушахъ звенѣло; вся кровь жгучей волной прилила къ ея лицу, и потомъ отлила, оставивъ его зеленовато блѣднымъ. Передъ ней стоялъ Рафаэль, закутанный въ плащъ, точно дожидаясь ее. Она хотѣла бѣжать, скрыться въ самую глубь лачуги.

— Марія де-ла-Лу!.. Марикилья!..

Это былъ тотъ же нѣжный и умоляющій голосъ, какъ когда они видѣлись у рѣшетки, и, сама не зная какъ, она повернулась, робко подошла ближе, смотря полными слезъ глазами на своего бывшаго жениха.

Онъ тоже былъ печаленъ. Грустная серьезность придавала ему нѣкоторое изящество, смягчая его грубую внѣшность боевого человѣка.

— Марія де-ла-Лу,—прошепталъ онъ.—Только на два слова. Ты меня любишь и я тебя люблю. Зачѣмъ намъ проводить остатокъ жизни въ злобѣ, какъ какіе-нибудь несчастные?.. До недавнихъ поръ я былъ такъ глупъ, что мнѣ хотѣлось убить тебя. Но я поговорилъ съ дономъ Фернандо, и онъ убѣдилъ меня своей ученостью. Это ужъ прошло.

И онъ подтвердилъ это энергичнымъ жестомъ. Кончилась разлука, кончилась ревность къ негодяю, котораго онъ не могъ воскресить, и

котораго она не любила; кончилось отвращеніе къ несчастью, въ которомъ она не была виновата.

Они уѣдутъ отсюда. Онъ такъ глубоко презиралъ эту страну, что не желалъ даже вредить ей. Самое лучшее покинуть ее, положить между нею и ними много миль суши, много миль воды. Разстояніе уничтожитъ дурныя воспоминанія. Не видя города, не видя его полей, они совершенно забудутъ перенесенныя горести.

Они поѣдутъ къ Фермину. У него есть деньги на путешествіе всѣмъ троимъ. Послѣдніе разы контрабанда была удачна; онъ совершилъ безуміе, удивившее своей дерзостью пограничниковъ. Его не убили, и удача воодушевляла его на большое путешествіе, которое измѣнитъ его жизнь.

Онъ знаетъ эту молодую страну, и они поѣдутъ въ нее,—его жена, онъ и крестный. Донъ Фернандо описывалъ ему этотъ рай. Безчисленные табуны дикихъ коней, ожидающихъ всадника; огромныя пространства земли, не имѣющія хозяина, не имѣющія тирана, и дожидающіяся руки человѣка, чтобы народить жизнь, таящуюся въ ея нѣдрахъ. Гдѣ найти лучшій эдемъ для бодраго и сильнаго крестьянина, доселѣ душой и тѣломъ раба праздныхъ людей.

Марія де-ла-Луцъ слушала его съ волненіемъ. Уѣхать отсюда! Бѣжать отъ столькихъ воспоминаній!.. Если бъ живъ былъ несчастный, погубившій ея семью, она упорствовала бы въ своемъ прежнемъ рѣшеніи. Она могла принадлежать только тому, кто лишилъ ее дѣвственности. Но такъ какъ негодяй умеръ, и Рафаэль, котораго она не хотѣла обманывать, великодушно мирился съ положеніемъ, прощая ее, то она соглашалась на все... Да; бѣжать отсюда! И какъ можно скорѣе!..

Парень продолжалъ излагать свои планы. Донъ Фернандо брался уговорить старика; кромѣ того онъ дастъ имъ письма къ своимъ друзьямъ въ Америкѣ. Раньше, чѣмъ черезъ двѣ недѣли, они сядутъ на пароходъ въ Кадиксѣ. Бѣжать, бѣжать, какъ можно скорѣе, изъ этой страны эшафотовъ, гдѣ ружья должны были утолять голодъ, и богатые отнимали у бѣдныхъ жизнь, честь и счастье!..

— Когда мы пріѣдемъ,—продолжалъ Рафаэль,—ты будешь моей женой. Мы повторимъ наши разговоры у рѣшетки. Болѣе того. Я удвою свою нѣжность, чтобы ты не думала, что во мнѣ осталось какое-нибудь горькое воспоминаніе. Все прошло. Донъ Фернандо правъ. Грѣхи тѣла значатъ очень мало... Самое важное любовь; остальное— заботы животныхъ. Твое сердечко вѣдь принадлежитъ мнѣ? И оно все мое!.. Марія де-ла-Лу! Звѣзда души моей! Пойдемъ на встрѣчу солнцу; теперь мы рождаемся по настоящему; сегодня начинается наша любовь. Дай, я поцѣлую тебя въ первый разъ въ жизни. Обними меня, товарищъ, чтобы я видѣлъ, что ты моя, что ты будешь поддержкой моихъ силъ, моей помощью, когда начнется наша борьба тамъ...

*

И они обнялись въ дверяхъ лачуги, соединивъ губы безъ малѣйшаго волненія плотской страсти, и долго стояли такъ, какъ бы пренебрегая мнѣніемъ людей и любовью своей бросая вызовъ условностямъ стараго міра, который они готовились покинуть.

Сальватьерра проводилъ въ Кадиксъ на трансатлантическій пароходъ своего товарища, сеньора Фермина, ѣхавшаго въ новый свѣтъ съ Рафаэлемъ и Маріей де-ла-Луцъ.

Прощайте! Больше имъ уже не видаться. Міръ неизмѣримо великъ для бѣдныхъ, всегда прикованныхъ неподвижно къ одному мѣсту корнями нужды.

Сальватьерра чувствовалъ, какъ у него выступаютъ слезы на глазахъ. Всѣ его привязанности, воспоминанія прошлаго исчезли, унесенныя смертью или несчастьемъ. Онъ оставался одинъ среди народа, который хотѣлъ освободить и который его уже не зналъ. Новыя поколѣнія смотрѣли на него, какъ на сумасшедшаго, внушавшаго нѣкоторый интересъ своимъ аскетизмомъ; но не понимали его словъ.

И смѣялись! И совѣтовали ему подчиниться, издѣваясь надъ его благородными стараніями! Но развѣ рабство будетъ вѣчно? Развѣ стремленія человѣческія навсегда замрутъ на этой временной веселости удовлетвореннаго животнаго?

Сальватьерра чувствовалъ, что злоба его стихаетъ, что надежда и вѣра возвращаются къ нему.

Вечерѣло; близилась ночь, предшественница новаго дня. И сумерки человѣческихъ стремленій тоже временны. Справедливость и свобода дремлютъ въ сознаніи всякаго человѣка. Онѣ проснутся.

Тамъ, за полями, стоятъ города, огромныя агломераціи современной культуры, и въ нихъ живутъ другія стада несчастныхъ, обездоленныхъ и печальныхъ, но рождающіяся души ихъ омываются зарей новаго дня, они чувствуютъ надъ своими головами первые лучи солнца, въ то время, какъ остальной міръ погруженъ еще во мракъ. Они будутъ избранниками; и въ то время, какъ крестьянинъ оставался въ полѣ, съ покорной серьезностью вола, обездоленный въ городѣ просыпался, становился на ноги и шелъ за единственнымъ другомъ несчастныхъ и голодныхъ, за тѣмъ, кто проходитъ черезъ исторію всѣхъ религій, заклейменный именемъ Демона, и кто теперь, отбросивъ нелѣпыя украшенія, которыми надѣляла его традиція, восхищаетъ однихъ, и ужасаетъ другихъ самой гордой красотой, красотой Люцифера, ангела свѣта, имя которому Возмущеніе... Соціальное Возмущеніе!

КОНЕЦЪ.

АРМІЯ и ОБЩЕСТВО

(Элементы вражды и препятствій).

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ [1]).

«Grande Muette».

«Grande Muette»... Такъ горделиво называютъ французы свою армію. «Великая молчальница»!..

Но за красивымъ образомъ грозно молчащей, величавой силы скрывается здѣсь гніющее безмолвное болото и, осужденная на это безмолвіе, армія свободнаго народа полна заразы, мелкихъ интригъ, тайнаго доносительства, грубыхъ подлоговъ, чудовищнаго карьеризма. «Muette»—да. Но это не «Grande» Muette, не célèbre Muette; молчальница это, но не «великая» молчальница. Величія здѣсь нѣтъ, и его не можетъ быть въ арміи, въ нѣдрахъ которой могли возникать и таиться дрейфусовскіе политическіе шантажи, въ судахъ которой могутъ быть такіе финалы, какъ дрейфусовское осужденіе 1894 года, помилованіе его, невиннаго, при реннскомъ разбирательствѣ; наконецъ, полное оправданіе и возвращеніе чиновъ и орденовъ, и парадъ войскъ передъ бывшимъ «измѣнникомъ»,—вся эта подлая и грязная комедія, чья мать—молчаніе, чье питаніе и ростъ во тьмѣ безгласности, чей авторъ—духъ касты. Не великая, а ничтожная армія, если въ ея рядахъ могутъ быть полковники Эстергази и генералы Мерсье и Буадеффры; не великая, а ничтожная армія, если изъ чувства ложнаго стыда и сохраненія ложнаго внѣшняго престижа ея высшіе представители умѣли хоронить авторовъ всемірно-извѣстнаго подлога; ея суды—ссылать на Чортовъ островъ невинныхъ, оклеветанныхъ людей, ея уши—не слышать голоса Зола съ его знаменитымъ: «J'accuse», протестовъ лучшихъ сыновъ своего народа и родины; если ея совѣсть не нашла въ себѣ силы и благородства сознаться на реннскомъ процессѣ во лжи и предательствѣ; если Дрейфусу понадобились года позора, мукъ и протестовъ для того, чтобъ возстановить свое имя и честь; если для этого потребовалось цѣлыхъ три судебныхъ разбирательства съ многолѣтними перерывами... Нѣтъ, это—не «grande» Muette, это—muette Misère!..

---

[1]) См. „Міръ Божій", № 7, Іюль 1906 г.

Молчаніе и тьма, безгласности, и запертыя двери и тишь могилы ни для кого не проходятъ безрезультатно, никого не увѣнчиваютъ, но роняютъ, но убиваютъ, но обезсиливаютъ и губятъ. И если даже армія великаго и свободнаго народа не вынесла этого воздуха касты, если армія образованныхъ офицеровъ и сытыхъ и грамотныхъ солдатъ находится въ процессѣ разложенія,—что же сказать объ арміи полуграмотныхъ начальниковъ и безграмотныхъ, голодныхъ и темныхъ забитыхъ людей?

Но французская армія хоть послѣдовательна, ея воспитаніе—именно въ духѣ безстрастнаго и нейтральнаго молчанія; она, въ самомъ дѣлѣ, «muette», но наша россійская, но наша трижды несчастная, бѣдная, голодная, испозоренная армія—даже не «Muette», она не молчальница, она не внѣпартійна, не безстрастна и небезпристрастна,—чтобы и кто бы ни говорилъ по этому поводу, какія бы громкія и пустыя слова ни произносились на эту тему высшими и низшими начальниками какъ бы ни старались доказать это, какіе бы громовые образы не призывались для вящей убѣдительности и какъ бы не переводить французское «Muette».

Вотъ, въ Ташкентѣ генералъ Субботичъ на тему о «Muette» произноситъ рѣчь и въ ней ссылается на «вѣковой опытъ», который—«осудилъ участіе арміи въ политической жизни народовъ»; на то «что государства, гдѣ нарушались указанія этого опыта, гдѣ воинъ вырождался въ политическаго дѣятеля,—или совсѣмъ погибали, или впадали въ состояніе нищеты, невѣжества и хаоса, какъ то можно видѣть на примѣрѣ южно-американскихъ республикъ». Но, по мнѣнію исторически-освѣдомленнаго генерала, это «обособленіе арміи отъ политики является не лишеніемъ ея нѣкоторыхъ правъ, а *привилегіею и привилегіею завидною* (*!!*): на подобіе скалы среди моря должна стоять армія, не обращая вниманія на бушующія кругомъ нея волны политическихъ страстей; въ такой *особенности заключается своего рода величіе»*. (*!!*.)

Невозможно было бы придумать болѣе откровеннаго исповѣданія кастовой вѣры, чѣмъ генеральская рѣчь. Именно величіе видится этимъ слѣпымъ въ томъ, что они сами себя загнали въ тѣсный и душный курятникъ замкнутости и отчужденія; именно привиллегіей они считаютъ свое право невмѣшательства и красотой свою тупую, будто бы величавую грозность молчаливой силы. Въ словахъ генерала—символъ всей кастовой вѣры.

Рѣчь Субботича (какъ и приказъ Шухова) относятся и адресованы, конечно, начальствующимъ лицамъ,—врачамъ, офицерамъ; тутъ пытаются еще разъяснять. Съ нижними чинами дѣло обстоитъ проще; мѣры и способы здѣсь—элементарнѣй; пріемы—грубѣй. Въ качествѣ средства отвлеченія отъ «политики» солдатамъ дана даже новая льгота: «свобода»... продажи въ солдатскихъ лавкахъ водки. Еще недавно «приносъ» водки въ казармы преслѣдовался и карался, офицеры зорко и энергично слѣдили за этимъ, пьянство всячески вытравлялось,—но «по времени и

закону перемѣна бываетъ», но то, что было нежелательно прежде, стало очень сподручнымъ и удобнымъ теперь, и сейчасъ въ солдатскихъ буфетахъ моремъ льется водка, и идутъ скандалы и дебоши,—чтожъ?—это, «отвлекаетъ», видите-ли, отъ политики, и пусть въ то время, какъ въ Варшавѣ врачи пойдутъ на кладбище, отрясая прахъ выборовъ, партій и политики отъ ногъ своихъ, нижніе чины забудутся въ хмѣльномъ полуснѣ казармы и буфета. То, чѣмъ такъ долго и, надо отдать справедливость, небезуспѣшно «отвлекали» отъ политики офицерство,—тѣ кутежи, пьяный форсъ, безсонныя ночи, одуряющій и дурашливый вѣчный хмѣль въ головѣ,—то самое средство, очевидно, какъ испытанное, рѣшили пустить въ ходъ и въ темную, еще несознательную массу солдатства. Нужды нѣтъ до того, какъ это отражается и отразится на самомъ человѣкѣ, на всемъ духѣ арміи, на «военныхъ качествахъ», на обученіи. Важно и дорого одно: отвлечь, обособить, оравнодушить, убить стремленіе къ волѣ и жизни, закупорить, притупить, заглушить мысль и запросы, изъ прежняго манекена сдѣлать манекена окончательно и безвозвратно тупого, создать пьяную холодную покорность, katzenjammer'ное безвольное послушаніе, приготовить машину, пріобрѣсти защитника отъ «враговъ внутреннихъ», отъ поднимающейся и грозно-поющей силы жизни.

Ни предъ чѣмъ не останавливаются здѣсь, и ни предъ чѣмъ не остановятся въ достиженіи этой цѣли. Не испугаютъ ни протесты общественные, ни протестующіе голоса изъ глубинъ самой арміи, ни возможность волненій и бунтовъ на этой сомнительной «почвѣ успокоенія». И будутъ обыскивать, доглядывать, преслѣдовать и спаивать, пока сама земля не дрогнетъ и не возопіютъ камни, до того дня и часа, когда, наконецъ, встанетъ, во весь свой огромный ростъ, этотъ душимый въ солдатѣ человѣкъ. Но «послѣ насъ, хоть потопъ».

И испытанное на офицерствѣ средство «отвлеченія» отъ идей и людей, примѣненное къ солдатской массѣ, уже даетъ свои результаты, а вмѣстѣ съ развращающимъ запахомъ крови, неистовствами усмирителей, ожесточаетъ нравы, а эта водка и эта злоба, вмѣстѣ съ привычкой къ безнаказанности, ведетъ и этого переодѣтаго въ «форму» добродушнаго человѣка на ту же стезю профессіональнаго скандальничества. Недавно артиллеристы произвели грандіозное побоище крестьянъ противъ самыхъ казармъ въ Новгородѣ. На нихъ, мирно игравшихъ на гармоніи, нагрянули артелью человѣкъ 30 солдатъ съ 2 фельдфебелями, одного изъ нихъ ткнули ножемъ въ спину; а когда за раненаго вступилась гуляющая публика, то солдаты крикнули въ казармы: «Ребята, нашихъ бьютъ!» И изъ казармъ высыпало болѣе 500 человѣкъ: началась какая-то вакханалія; стали хватать и бить гуляющую публику и даже пріѣхавшихъ конныхъ городовыхъ солдаты прогнали градомъ камней.

Въ Ковровѣ казакъ въѣхалъ верхомъ въ залъ 1 класса. Буфетъ былъ закрытъ, буфетчика не было, но совершенно пьяный

казакъ требуетъ водки у дежурнаго офиціанта и на замѣчаніе послѣдняго, что водку запрещено отпускать, прибѣгаетъ къ нагайкѣ. Онъ съ руганью устремляется на ослушника, угрожая его запороть, а въ буфетѣ все разнести. Слуга, спасаясь, бѣгаетъ вокругъ большого стола, а казакъ гоняется за нимъ на лошади. Наконецъ, видя, что догнать и заставить слугу нагайкой дать водки не придется, казакъ самъ заѣзжаетъ и за буфетной стойкой беретъ, что ему надо.

Наконецъ, въ Петербургѣ, 11 мая, вечеромъ, на углу Клинскаго проспекта и Матятина переулка три пьяныхъ солдата измайловскаго полка остановили извозчика и приказали ему везти ихъ куда-то за гривенникъ, а когда извозчикъ отвѣтилъ, что за такую плату онъ не можетъ вести ихъ, гвардейцы начали бить его ногами. Съ ближайшаго постоялаго двора сбѣжались товарищи извозчика и пытались заступиться за него, но солдаты обнаживъ свои тесаки, стали размахивать ими и кричать: «Не подходи—зарублю». Нечего прибавлять, что во время этой сцены ни дворники, ни постовой городовой не сдѣлали никакой попытки образумить пьяныхъ солдатъ. И только, въ концѣ концовъ, какой-то военный чиновникъ отправилъ на извозчикѣ разбушевавшихся солдатъ въ казармы.

А въ Варшавѣ деньщикъ одного изъ офицеровъ гроховскаго полка, рядовой Павловъ, застрѣливъ лакея Дынду (поляка), на слѣдствіи заявилъ, что мотивомъ преступленія было *оскорбленіе Величества*, будто бы допущенное Дындой. Какъ водится, дѣло затѣмъ перешло къ прокурору, и Павлова предали суду по 1455 ст. уложенія о наказаніяхъ. Но *военное начальство съ заключеніемъ прокурора не согласилось*, и въ концѣ концовъ по гроховскому полку былъ опубликованъ слѣдующій приказъ:

«Копія 25-го февраля 1905 г., № 56, § 22. Съ заключеніемъ прокурорскаго надзора о преданіи суду по 1455 ст. уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ рядового 14-й роты ввѣреннаго мнѣ полка Павлова, убившаго лакея Дынду за то, что послѣдній позволилъ себѣ въ его присутствіи поносить особу Государя Императора—я не согласился и въ порядкѣ статьи 558 п. 2 устава военно-судебнаго дѣло было направлено по начальству. Послѣднее согласилось съ моимъ мнѣніемъ и довело это до свѣдѣнія Государя Императора. Его Императорскому Величеству благоугодно было 6-го февраля *освободить Павлова отъ всякой отвѣтственности*. Съ чувствомъ глубокой радости спѣшу подѣлиться этою Царскою милостью. *Вотъ, братцы, съ кого примѣръ надо брать*, съ молодца Сергѣя Павлова, въ коемъ чувство преданности Царю, вѣрность присягѣ говорило сильнѣе опасности за отвѣтственность. Спасибо рядовому Сергѣю Павлову за его честныя, русскія убѣжденія, за то, что *не посрамилъ нашего гроховскаго полка*.

Поздравляю рядового Павлова ефрейторомъ, выдать ему *въ награду 10 р.*, отпустить *въ двухмѣсячный отпускъ*. *Приказъ прочесть во*

всѣхъ ротахъ и командахъ и *прокричать* отъ русскаго сердца *«ура» молодцу* ефрейтору Павлову. Подлинный подписалъ: командиръ полка полковникъ Бончъ-Богдановскій. Вѣрно: полковой адъютантъ-поручикъ Эфенбахъ».

Но и этого начальству, показалось мало. Мало просто похвалить, мало поощрить: нужно установить систематическую охоту, объявить таксу, создать своего рода охранное спортсментство, изъ солдата сдѣлать палача, изъ переряженнаго въ военный костюмъ добродушнаго и, въ большинствѣ, мало сознательнаго мужика выдрессировать политическаго шпіона, притомъ съ такими полномочіями, которыя должны привести всякаго непотерявшаго послѣдній разсудокъ въ растерянное недоумѣніе и ужасъ, ибо право тутъ же, на мѣстѣ, судить «революціонера» даруется не только простому человѣку, но и человѣку необразованному, и не только необразованному, но и инспирированному черносотенными нравоученіями, черносотенными прокламаціями. Съ трудомъ вѣрится, но фактъ тотъ, что въ Варшавѣ солдату, застрѣлившему убійцу пристава Константинова, выдана «награда» въ 50 руб. И начальникъ мѣстнаго гарнизона объявилъ, что и впредь за каждаго убитаго «революціонера» онъ будетъ выдавать *премію въ 50 рублей*, а если «революціонеръ» будетъ взятъ живьемъ, то — 100.

Это уже не борьба съ крамолой, это уже не контръ-революція. Это чистѣйшій и страшнѣйшій типъ форменной охоты за всякимъ, за первымъ попавшимся, за любымъ, съ кѣмъ имѣешь счеты, и притомъ санкціонированный, свыше и выгодно оплачиваемый, безъ всякой отвѣтственности, ибо самое понятіе «революціонеръ» неясно, непонятно и темно не только исполнителю, но, вѣроятнѣе всего, и тѣмъ, кто послалъ этого темнаго человѣка на такую охоту.

Въ два кнута «работаетъ» начальство, «отвлекая» солдатъ отъ освободительнаго движенія, отъ общественныхъ интересовъ, отъ думъ народныхъ, отъ знакомствъ, сношеній, отъ газеты и книги. Насаждая съ одной стороны культъ пьянства, разврата и распущенности, растворяя въ нихъ рвущуюся личность, оно идетъ твердыми шагами «по пути искорененія» идей, преслѣдуя наказаніями и обысками, ведя къ разложенію армію, подрывая послѣднюю тѣнь уваженія къ себѣ, и роя ту яму, въ которую придется, въ концѣ концовъ, слетѣть самому, оставшись безъ послѣдней опоры, которая его поддерживала, и которая называлась «дисциплиной духа».

Будутъ издавать и допускать черносотенныя воззванія. Среди солдатъ пѣхотнаго полка, прибывшаго изъ Барановичей (размѣщеннаго въ казармахъ лейбъ-гвардіи Сапернаго полка) съ вѣдома и при содѣйствіи начальства они уже распространяются за подписью «Союза русскаго народа». Воззванія приглашаютъ солдатъ вступать въ союзъ, который намѣренъ въ скоромъ времени покончить съ Государственной Думой и возстановить самодержавіе, а всѣмъ вступившимъ въ союзъ

будутъ розданы значки, которыхъ послѣднее время заказано громадное количество (свыше 14.000 штукъ).

Чтобъ «отвлечь отъ политики», въ которую затягиваетъ солдата само же начальство, станутъ прибѣгать къ средствамъ дѣтскимъ, пахнущимъ анекдотомъ, вродѣ того, какое избрали для «отвлеченія» матросовъ на броненоспѣ «Цесаревичъ». Однажды, въ серединѣ мая, послѣ «справки» (вечерней переклички матросовъ) лейтенанты Страдецкій и Зарубевъ собрали команду судна. И лейтенантъ Страдецкій обратился къ матросамъ съ слѣдующей рѣчью: «Въ виду того, что на суднѣ появилась масса крысъ, которыя портятъ вещи, я предлагаю всѣмъ вамъ заняться дѣятельнымъ истребленіемъ ихъ. За каждую доставленную въ 8 час. утра въ каютъ-компанію убитую или живую крысу будетъ выдаваться по 5 коп.». На рѣчь лейтенанта команда отвѣтила хохотомъ, но на другой день, при соотвѣтствующей случаю торжественной обстановкѣ, матросами было доставлено нѣсколько крысъ. И, конечно же, матросы издѣваются надъ капризами лейтенанта, ибо справедливо увѣрены, что истребленье крысъ предложено имъ все въ тѣхъ же цѣляхъ «отвлеченья мыслей» отъ настоящаго «революціоннаго» момента. Дошли до того, что желая искоренить вольный духъ, воцарившійся въ 123 пѣхотномъ Козловскомъ полку, военное министерство постановило перевести его изъ Курска въ Харьковъ. Въ виду этого, военнымъ министерствомъ 28-го іюня отдано предписаніе сгруппировать въ Харьковѣ 31-ю дивизію, а въ Курскѣ 51-ю!

То же самое на ст. Струги-Бѣлая (Спб.-Варш. ж. д.), гдѣ устроено новое лагерное расположеніе и гдѣ будутъ стоять Красноярскій, Омскій и Иркутскій пѣхотные полки, 4-я артиллерійская бригада и нѣсколько батарей другихъ бригадъ. Конечно, и здѣсь приняты всѣ мѣры къ «воспрепятствованію» «проникновенія» постороннихъ, и солдаты вполнѣ изолированы отъ мѣстныхъ жителей. Въ Красноярскомъ лагерѣ шныряютъ переодѣтые сыщики и нѣкоторые изъ нихъ несутъ охранную службу: между баракомъ командира и палаткою адъютанта Семеновскаго полка, напримѣръ, все время прохаживается агентъ охраннаго отдѣленія.

Надо ни о чемъ не думать, не видѣть дальше своего носа и не заботиться рѣшительно ни о чемъ, кромѣ благополучной «сдачи части» съ рукъ на руки преемнику, чтобъ вести ту «педагогическую» линію, за которую ухватились растерявшіяся и обезумѣвшія начальническія головы, ибо спаивать армію водкой ради достиженія ея изолированности, ибо развращать ее грошовыми подачками, возбуждать къ погромамъ и избіеніямъ мирныхъ людей, мирной жизнью живущихъ, поощрительно похлопывать за это по плечу, прививать похвалами и безнаказанностью не только буйство, но и провокаторство, за которое такъ удобно и безопасно хоронятся теперь всякіе споенные и обезумѣвшіе скандалисты, награждать за доносъ и ложь, лишь бы въ нихъ была под-

кладка «вѣрноподданничества» и въ то же время обыскивать, закандаливать и скручивать, держать умственно спеленутымъ этого спаиваемаго, но не глупаго человѣка, изгонять изъ казармы жизнь и книгу, газету и слово, и нести въ казарму водку и разрѣшительныя на разбой грамоты,—ибо дѣлать все это—значить рубить тотъ послѣдній сукъ, на которомъ сидишь; это значитъ подпиливать всѣ четыре ножки того громаднаго кресла, которое занимаетъ символъ твердой власти, и охранять цѣлость котораго немыслимо и невозможно, держа въ одной рукѣ штофъ, а другой шаря по дну солдатскаго сундука, и нервно ерзая за солдатской пазухой и въ солдатскомъ карманѣ. А вмѣстѣ съ штофомъ, ему на помощь, въ казарму уже пришелъ сыскъ. «Доглядъ» уже начался, существуетъ даже перлюстрація писемъ, при томъ гласная и нескрываемая, возложенная, какъ обязанность и «долгъ службы» на офицеровъ, и, напримѣръ, историческій командиръ отнынѣ историческаго семеновскаго полка уже отдалъ приказъ, чтобы «всѣ письма, получаемыя солдатами, читались дежурнымъ по полку адъютантомъ и *передача ихъ по назначенію производилась по его усмотрѣнію»*. Вызвано это тѣмъ, что за послѣднее время нѣкоторые солдаты знаменитаго полка стали получать письма съ родины, въ которыхъ, какъ и нужно было ожидать, родные и знакомые, клеймя позоромъ ихъ дѣйствія, совѣтуютъ опомниться, «одуматься» (какъ было сказано въ одномъ письмѣ), иначе ихъ «въ деревню не пустятъ» (дословное выраженіе).

Никто, конечно, такъ быстро и такъ легко не пойметъ секрета всей этой «тактики», какъ самъ объектъ «воспитанія», какъ самъ солдатъ, уже теперь начинающій глухо протестовать противъ творимыхъ надъ нимъ экспериментовъ и желающій видѣть и жить, дышать и свободно думать. Вотъ одинъ изъ нихъ, жалующійся на то, что солдаты совершенно лишены почти всякой возможности что-либо читать, и слѣдовательно, не могутъ не только правильно слѣдить за засѣданіями Думы, но даже получать о ней отрывочныя свѣдѣнія. «Укажу на факты,—пишетъ солдатъ,—имѣвшіе мѣсто въ нашей командѣ. До январскихъ событій прошлаго года выписывался на артельныя суммы одинъ экземпляръ газеты «Свѣтъ», но послѣ указанныхъ событій №№ этой газеты уже не доходили до насъ. Продавцамъ газетъ воспретили заходить въ казармы, не брезгуютъ обыскомъ сундуковъ, столовъ и обшариваніемъ кармановъ».

И, въ самомъ дѣлѣ, даже невинные отчеты Государственной Думы до солдатъ не доходили, ибо сжигались ротными командирами.

«Покорнѣйше просимъ ваше благородіе, господа депутаты,—говорится въ другомъ солдатскомъ письмѣ,—немедленно потребовать отъ начальства, чтобы насъ не притѣсняли за то, что газеты читаемъ, развѣ мы не люди или дѣти малолѣтнія, что намъ знать ничего не даютъ. Насъ въ карцеръ сажаютъ на пять сутокъ, ежели офицеръ замѣтитъ, что мы читаемъ «Извѣстія Крестьянскихъ Депутатовъ»;

ворота запираютъ, окна замазываютъ, чтобы поменьше Божій свѣтъ повидать, и чтобы какъ-нибудь штатскіе люди не проникли къ намъ. Но это все напрасно—мы читаемъ и будемъ читать. Ваше благородіе, крестьянскіе депутаты, не забудьте про насъ, и требуйте, чтобы намъ дали свободу читать, что хотимъ».

По порученію и со словъ писарей варшавскаго окружнаго интендантскаго управленія, было прислано письмо въ «Голосъ», гдѣ разсказывается о тѣхъ стѣсненіяхъ, которымъ подвергаются эти люди, не лишенные правъ, ничѣмъ «дурнымъ» себя не заявившіе, не давшіе никакихъ основаній для подозрѣній въ неблагонадежности.

«Когда мы въ 3 часа дня были еще на занятіи,—основательно жалуются писаря,—офицеры потребовали, чтобы мы отперли шкафчики и сундуки, и начался обыскъ: перерывали и разбрасывали бѣлье, читали частную корреспонденцію; но благодаря нашей осторожности, нашимъ офицерамъ пришлось уйти ни съ чѣмъ. Это второй уже обыскъ: первый былъ произведенъ по приказанію командующаго войсками въ послѣднихъ числахъ марта,—произведенъ ночью и возмутительно грубо».

Солдаты съ нетерпѣніемъ ждали «выработки законовъ въ Думѣ, которые дали бы имъ полную свободу читать газеты, книги и журналы безъ различія ихъ политическихъ направленій: покупаться они должны на казенный счетъ. Полное отсутствіе какихъ-либо газетъ и книгъ лишаетъ солдатъ возможности знать, что дѣлается въ Россіи». «Если и выписывается на команду газета, напримѣръ, «Русское Чтеніе», то въ ней, кромѣ черносотенной пропаганды, ничего хорошаго нѣтъ. Такая газета учитъ солдатъ разстрѣливать рабочій народъ и всѣхъ тѣхъ, кто противится бюрократическому произволу». Въ заключеніе вездѣ солдаты шлютъ трудовой группѣ сердечный привѣтъ и сердечную благодарность за требованія, выраженныя въ рѣчахъ въ Думѣ и за обращеніе въ газетахъ «ко всѣмъ рабочимъ Россіи».

11 іюня въ Гатчинѣ появился молодой человѣкъ съ майскими №№ газетъ «Извѣстія крестьянскихъ депутатовъ», и «Трудовая Россія» и сталъ при помощи дворника даромъ раздавать №№ и изъ нихъ нѣсколько досталось солдатамъ. А уже 12 іюня во всѣхъ казенныхъ домахъ полиціей былъ произведенъ, съ цѣлью конфискаціи, обыскъ. Обыскъ былъ и въ желѣзнодорожномъ и сводно-гвардейскомъ батальонахъ, гдѣ газетой зачитывались «до дыръ», какъ выразился солдатъ.

Сыскъ въ арміи не прекращался никогда. Солдатъ всегда былъ наготовѣ, каждую минуту ожидая приказанія: «отпереть сундучки», и всегда же готовый къ обыску. Но прежде многое и сносилось и прощалось, не возмущало и не наносило обиды. И, что можно было прежде, того уже нельзя безрезультатно и безнаказанно продѣлывать теперь. Кромѣ того, прежде эти, такъ называемые, «осмотры» сундуковъ продѣлывались, большею частью, и, въ самомъ дѣлѣ, для кон-

троля за аккуратностью и порядкомъ, и какъ ни возмутителенъ самъ по себѣ фактъ обыска, тогда съ нимъ мирились легко, ибо это не было посягательствомъ ни на личность, ни на права солдата, которыя были ничтожны и ограничены, какъ всѣ права всѣхъ въ Россіи жившихъ, и въ россійскомъ «вѣрноподданствѣ» состоявшихъ. Но теперь обыскъ уже не осмотръ, теперь онъ—контроль не за порядкомъ сундучка, а за образомъ мыслей, а въ то время, какъ всѣ борются за свои права, и за ихъ расширеніе, когда сознаніе своей личности и своего собственнаго достоинства легко и быстро проникаетъ въ умы и сердца, солдатъ остается по прежнему все той же пѣшкой, безгласной «сѣрой скотинкой», ничего не пріобрѣвшимъ, ничего не отвоевавшимъ для себя, и все также стѣсненнымъ и все также безправнымъ, во многомъ даже потерявшій въ своей «свободѣ». И при общемъ недовольствѣ, при общемъ рокотѣ и ропотѣ эта глухая вражда протестующаго противъ насилія чувства когда-нибудь вырвется наружу настоящимъ сотрясеніемъ всего тѣла арміи.

Начались обыски и въ училищахъ. И вотъ что характерно: среди военныхъ и юнкерскихъ училищъ участіе въ усмиреніяхъ принимало, если не ошибаюсь, только одно,—казанское. И какъ разъ именно въ казанскомъ училищѣ, по мнѣнію начальства, и должна была себѣ свить гнѣздо «крамола». Пожалуй, это вполнѣ логично, ибо разстрѣлы и растерзанія обезоруженныхъ людей должны были произвести на присутствовавшихъ юнкеровъ, конечно, самое удручающее впечатлѣніе. Съ этого момента, по мнѣнію начальства юнкерскаго училища, крамола стала быстро распространяться въ средѣ юнкеровъ и бдительное начальство пустило въ ходъ всѣ имѣющіяся на сей случай средства.

Послѣ рождественскихъ каникулъ ротными командирами былъ внезапно произведенъ обыскъ во всемъ юнкерскомъ училищѣ; и хотя обыскъ не далъ никакихъ результатовъ, все-таки нѣсколько юнкеровъ, по доносамъ добровольцевъ, были переведены изъ I-го въ III-й разрядъ. А послѣ обыска юнкеровъ выстроили въ манежѣ, *и начальникъ юнкерскаго училища, членъ царско-народной партіи*, обратился къ юнкерамъ съ рѣчью, въ коей *указывалъ, что «сами юнкера не потерпятъ въ своей средѣ крамольниковъ и будутъ указывать начальству своихъ товарищей*, занимающихся распространеніемъ вредныхъ идей».

Вскорѣ затѣмъ былъ произведенъ вторичный обыскъ въ 3-ей ротѣ, и 12 юнкеровъ были отчислены въ батальонъ, хотя изъ числа этихъ 12 человѣкъ нѣкоторые на-дняхъ должны были сдать послѣдній экзаменъ и выйти изъ училища офицерами.

Но, очевидно, ни доносы, ни подстрекательства къ нимъ, ни обыски и досмотры не помогли дѣлу, ибо уже 12 февраля снова былъ арестованъ, по словамъ «Волжск. Вѣстн.», еще одинъ юнкеръ 1-й роты, и опять послѣ обыска, во время котораго его даже раздѣвали. Затѣмъ его отправили подъ арестъ «впредь до распоряженія начальства», ожидать рѣшенія своей участи. А 17 февраля приказомъ начальника штаба разжалованы:

«старшій порт.-юнк. Василій Макридинъ и младшій порт.-юнк. Николай Кузнецовъ съ переводомъ во 2-й разрядъ по поведенію съ занесеніемъ этого въ послужные списки названныхъ юнкеровъ». Мотивы, послужившіе причиной разжалованія, въ приказѣ не выставлены, а уликъ, по словамъ казанской газеты, никакихъ противъ нихъ нѣтъ.

Очевидно, все дѣло—въ предчувствіяхъ, въ сознаніи, что всѣ эти усмиренія и разстрѣлы, какъ палка, имѣютъ два конца, и если однимъ изъ нихъ можно смѣло и рьяно бить по «врагамъ порядка», то другой въ то же самое время, начинаетъ ударять по этому самому порядку и намъ еще придется говорить объ этой психологіи усмиреній, какъ и о той черносотенной литературѣ прокламацій, которой пробуютъ возбудить и воодушевить солдата на этотъ постыдный и мерзкій «бой съ врагомъ».

Мобилизованы всѣ силы, пущены въ ходъ всѣ средства, использованы всѣ орудія, чтобъ глухую стѣну отчужденія и отверженности сдѣлать крѣпче и устойчивѣй, чтобъ ворота и всѣ ходы и выходы забить на глухо, закрыть ставнями окна и заколотить всѣ отдушины. Не только сліянія съ обществомъ не можетъ быть здѣсь, но даже соприкосновенія: обособленной, одинокой, отдѣленной отъ міра и людей, плотно закупорившись въ темнотѣ и сырости своего затхлаго чулана живетъ «великая молчальница», какъ любятъ, ссылаясь на французовъ, совершенно неосновательно называть нашу армію. По своему кастовому духу разобщенная со всѣмъ живымъ и живущимъ, мертвѣющая въ атмосферѣ глухого застоя и могильнаго мрака, въ которой погружена она; каменѣющая въ предразсудкахъ и опустившаяся въ болотистомъ и нездоровомъ воздухѣ до послѣднихъ степеней человѣческаго паденія, армія нуждалась прежде всего и больше всего въ расширеніи своихъ правъ, элементарнѣйшихъ правъ на жизнь съ людьми и по-людски. Казалось, вмѣстѣ съ «конституціоннымъ» манифестомъ, всходила надъ арміей заря новой жизни. Много ждалось. На многое надѣялись. Такъ мало было правъ у войска и воина, такъ далекъ былъ онъ отъ всего, что не каста, такъ загрязъ, и такъ безпомощна и деморализована была старая армія, что вопросъ объ ея «оздоровленіи», объ ея реформированіи, о поднятіи ея достоинства и умственнаго развитія, о вооруженіи ея правами сталъ насущнымъ и настоятельнымъ,—однимъ изъ первыхъ вопросовъ реформъ. И такъ уже возможность участія въ живой общественной жизни было урѣзана до нельзя, сведена до крайняго minimum'a,—арміи запрещалось все: писать и говорить, участвовать въ собраніяхъ, читать лекціи, чуть ли не думать, и надъ головой каждаго, носящаго мундиръ вѣчно и грозно висѣлъ дамокловъ мечъ статей и разъясненій, предупрежденій и приказовъ, а въ законѣ стояли ст. 228 VII кн. С. В. П. и ст. 733—742 т. III.

Но «конституція» сумѣла урѣзать и это немногое. Вмѣсто расширенія правъ она ихъ сузила; вмѣсто разрѣшеній принесла запрещенія; вмѣсто сближенія арміи съ обществомъ она воздвигла новую стѣну

и 21-го декабря явился новый «законъ» съ новыми ограниченіями правъ военныхъ: никакого участія ни въ какихъ обществахъ безъ разрѣшенія начальства не допускается. И если прежде можно было сдѣлаться хоть компаніономъ въ предпріятіи, акціонеромъ въ томъ, или другомъ торговомъ обществѣ, членомъ музыкальнаго, или спортивнаго кружка, то теперь возбранено и это. И если прежде могли быть хоть надежды, то теперь умирали и онѣ. И если прежде на всѣхъ вообще смотрѣли подозрительно, если прежде вообще всякіе кружки и собранія считались неблагонадежными, то теперь вмѣстѣ съ «легализаціей» союзовъ, кружковъ и обществъ, эта отчужденность и этотъ запретъ должны стать особенно тяжкими, особенно обидными и особенно рѣзко подчеркивающими нарушеніе общихъ правъ арміи, общихъ желаній, общихъ возможностей.

Какъ всѣ военные законы, и этотъ новый оставляетъ огромное поле для субъективнаго произвольнаго толкованія начальства, даетъ обширный просторъ и, значитъ, опять-таки ничѣмъ не контролируемый и ничѣмъ несдерживаемый произволъ запретить, или разрѣшить. А при склонности военнаго начальства толковать законъ буквально, при старой привычкѣ видѣть силу закона въ «неуклонномъ» исполненіи его, а его духъ истолковывать всегда въ сторону тяготѣнія къ ограниченію права, а не къ его расширенію; при взбаломошности и неустойчивости убѣжденій самаго начальства этотъ законъ, составленный на скоро, въ существѣ ничего не отмѣняющій и почти ничего не дающій новаго, производитъ тяжелое впечатлѣніе поспѣшной дерзости, какой-то опаски, несомнѣнной ненужности, неясности и неопредѣленности, не отвѣчаетъ самымъ элементарнымъ требованіямъ кодификаціонной техники, родитъ множество сомнѣній, а, главное, этотъ законъ является самъ по себѣ беззаконіемъ, ибо самый порядокъ его изданія неправиленъ и именно потому, что здѣсь дѣло касается ограниченій общегражданскихъ правъ арміи и военнослужащихъ. А запрещая въ категорической формѣ участіе во «всякаго рода» собраніяхъ даетъ сильнѣйшее, но и опаснѣйшее орудіе въ жестокія и заскорузлыя въ старомъ режимѣ руки командировъ, открывая новые поводы придирокъ, новые пути счетовъ, новыя возможности не аттестовывать и арестовывать, «накладывать взысканія» и даже предавать суду. Неумнымъ, неточнымъ, а только эластичнымъ и сумбурнымъ представляется это каменное запрещеніе участія въ жизни, это упоминаніе о «разнаго рода» собраніяхъ. Ко всему можно придраться и все—«на законномъ основаніи»; имѣя въ запасѣ такую ссылку, все можно запретить, если запрещены «всякаго рода» собранія: до друзей, до знакомыхъ, до бала, до вечеринки, до ученаго общества и даже «общества гг. офицеровъ» и своего даже собственнаго полкового «собранія». Новымъ закономъ не только ограничено право участіе въ политическихъ обществахъ (объ этомъ нечего и говорить!), но даже и присутствованіе на неполитическомъ собесѣдованіи, если не было особаго разрѣшенія командира, преслѣ-

дуется имъ, какъ преступленіе. И это уже непонятно ни съ какой точки зрѣнія, необъяснимо никакими мотивами, трудно поддается какому бы то ни было оправданію, ибо это запрещеніе—именно «на всякій случай», ибо это ограниченіе вызвало только старымъ, и глупымъ воровскимъ, съ политической точки зрѣнія, принципомъ, будто не додать, лучше, чѣмъ передать и особенно въ сферѣ правъ. Не стремленіемъ оградить политическое цѣломудріе арміи отъ посягательства «вольныхъ»—какъ характерно называетъ солдатъ штатскихъ,—очевидно, считая себя подневольнымъ,—не желаніе поставить армію въ положеніе «Grande Muette», не будущая внѣпартійность арміи дорога была сердцу законодателя въ этомъ случаѣ,—нѣтъ—вершало здѣсь дѣло все то же старое стремленіе «обособить», все то же старое желаніе «огородить»; все та же цѣль—разобщить, все та же исконная политика изолировать и раздѣлить и, раздѣляя, царствовать. Только это, ничего больше, ибо ложь и вздоръ, будто здоровую армію нужно прятать за десятью замками, ибо нелѣпость будто отъ этого армія станетъ внѣ партій, ибо ложь и вздоръ, будто нашу армію держатъ въ той роли скалы, среди бушующаго политическаго моря, о которой превыспренне и облыжно ораторствовалъ въ Ташкентѣ генералъ Субботичъ. Ложь и вздоръ, завѣдомая лицемѣрная выдумка это, ибо вѣрно то, что ее уже отдали въ педагогическія руки генераловъ Богдановичей, что ее воспитываютъ въ духѣ черносотенной пропаганды, пичкая черносотенной «патріотической» литературой и черносотенными же прокламаціями, настоящими воззваніями, какъ бы и кто бы ихъ ни называлъ; ибо изъ арміи систематически готовятъ и вырабатываютъ не внѣпартійную «grande Muette», не послушную и безмолвную зрительницу, не твердую скалу среди «бушующихъ волнъ политическаго моря», а участницу, и участницу не платоническую, а говорящую и дѣйствующую, а это не внѣпартійность, не Muette; это уже не скала, но опредѣленная волна и волна все того же моря. Ибо въ арміи взращиваютъ и прививаютъ четко обозначившуюся партійность, ибо въ ея лицѣ выхаживаютъ защитнику не отечества, не всего отечества, не отвлеченнаго идеала родины, не ея реальныхъ достояній,—земли, воли и правъ,—а только защитницу, опору, и поддержку, и сторонницу опредѣленной партіи, интересовъ, связанныхъ съ этой партіей, идеаловъ, дорогихъ этой партіи; развиваютъ въ духѣ той же партіи, отдаютъ въ помощь и даже на платную службу лицамъ, сословіямъ и учрежденіямъ, опять-таки близкимъ и дорогимъ для извѣстнаго партійнаго credo, для опредѣленной группы, для опредѣленной «палаты» и опредѣленнаго направленія.

Только этимъ объясняется спѣшное, «экстренное» изданіе новаго закона, только этимъ вызвано беззаконіе, допущенное въ порядкѣ изданія этого закона, только потому онъ умышленно неясенъ, эластиченъ, растяжимъ, подверженъ субъективнымъ толкованіямъ, только поэтому онъ весь въ капризной власти и твердой своевольной рукѣ

начальства, только потому онъ неопредѣленъ, и именно въ этой неопредѣленности грозенъ; только потому онъ такъ глупо—категориченъ, только потому въ немъ—«разнаго рода». А тамъ, гдѣ «все отъ начальства», а не отъ закона, тамъ, гдѣ ничего не извѣстно и все возможно, тамъ легка и удобна партійная пропаганда начальства, ибо въ такомъ случаѣ все—вкусъ, субъективность и личный взглядъ.

Этого ли хотѣлъ законодатель въ своемъ актѣ 21-го декабря?

Я отвѣчаю утвердительно и смѣло: да, этого. Да, только этого. Потому что, еслибъ онъ хотѣлъ не этого, еслибъ цѣлью его было создать, дѣйствительно, внѣпартійную grande Muette,—не могло быть того, что есть сейчасъ. И этого не скрываютъ даже сами военные, объ этомъ не молчитъ и военная литература. Безспорно отражающій взгляды извѣстной части арміи и, конечно, не ея младшихъ чиновъ, «Виленскій Военный Листокъ» какъ-то разъ не въ мѣру разоткровенничался. Само собой разумѣется, цѣль этой «откровенности» была свята—«убѣдить», «распропагандировать», но вышла откровенность, за которую слѣдуетъ только благодарить газету.

«Теперь»,—говоритъ «Листокъ»—во всѣхъ государствахъ признается за непреложную истину то, что армія должна стоять внѣ всякой политической борьбы. «*Армія должна быть*—говорятъ французы, — «*великой молчальницей*». *Мы, русскіе,—продолжаетъ «Листокъ»,— находимся нѣсколько въ иныхъ условіяхъ*, такъ какъ большинство новобранцевъ не имѣютъ никакой политической физіономіи, а слѣдовательно *дѣло войскового воспитанія—преподать и даже создать наново политическіе взгляды* и понятія, хотя бы элементарные. Кромѣ того неспособные къ разбору того, что имъ могутъ говорить, да и говорятъ, они часто усваиваютъ себѣ ложныя понятія. Вотъ почему *начальники* за время службы солдата *должны* заняться не только его муштрой и воинскимъ воспитаніемъ, а и *дать ему* такіе *устои*, чтобы онъ могъ опираться на нихъ и въ своей будущей жизни»...

И дальше газета поясняетъ:

«Страна управляется закономъ, исходящимъ отъ Верховной власти, армія обезпечиваетъ исполненіе закона. Съ другой стороны и *Верховная власть обезпечиваетъ себя клятвой*, которую даетъ всякій военнослужащій. Бываютъ такія минуты въ жизни государства, когда въ немъ *начинаются волненія и даже мятежи* и тогда правительство прибѣгаетъ *къ силѣ оружія*, такъ какъ всѣ остальные способы оказываются недостаточными. Въ эти минуты *армія должна безпощадно разить всѣхъ, которыхъ укажетъ ей рука Верховной власти*».

Такъ наставляетъ военная газета свою аудиторію. Какъ точка зрѣнія, это, конечно, вздоръ, и вздоръ, кромѣ того, путанный, потому что, во-первыхъ, страна уже въ фазѣ иного «управленія», чѣмъ верховная власть;— законами, исходящими не отъ одной только верховной власти; кромѣ того, отдѣляя, повидимому, верховную власть отъ правительства, «Ли-

стокъ», однако, сейчасъ же ихъ и отожествляетъ, какъ только этому правительству «приходится» «прибѣгать къ силѣ оружія»; наконецъ, вѣдь, въ понятіе «правительства» необходимо будетъ входить теперь и Дума, и было бы интересно въ этомъ случаѣ послушать, что сказалъ «Вил. Воен. Листокъ», еслибъ очутился въ положеніи, напримѣръ, Штакельберга предъ грознымъ вопросомъ: «Что сдѣлали бы вы, еслибъ Думу было приказано разогнать?» Какъ точка зрѣнія, вся тирада «Листка»—повторяю—вздоръ, не стоящій вниманія. Но какъ выраженіе опредѣленныхъ воззрѣній извѣстнаго круга верховодящихъ военачальниковъ, мнѣніе виленской газеты заслуживаетъ вниманія и, притомъ, пристальнаго.

Да, армію развращаютъ. Да, армію втягиваютъ въ борьбу партій. Да, армію дѣлаютъ сторонницей и опорой партійныхъ цѣлей, внѣдряя и укореняя въ ней одностороннюю, выгодную немногимъ, нужную партіи ложь. Армію заживо погребаютъ въ черной могилѣ реакціи, воспитывая въ духѣ вражды къ «одной части населенія», въ чувствѣ симпатіи къ другой, а такъ какъ армія не сатирическій листокъ и не газета, а является тоже частью населенія,—ясно, что изъ всего этого должно послѣдовать, къ чему должно быть готово общество, и чего можетъ ждать для себя войско. Обособленность естественную наверху стремятся углубить еще и искусственно. Всѣ эти рѣчи, всѣ эти приказы, и эти спеціальныя статьи—все это орудія натравливанія «одной части населенія» на другую. Трудно было лучше, прямо съ головой выдать себя и весь свой несложный, замѣтный, какъ шило въ мѣшкѣ, планъ, чѣмъ это сдѣлалъ семеновскій командиръ полка, пригласивъ съ агитаціонными цѣлями г. Бориса Никольскаго, съ которымъ лобызался передъ строемъ. Хороша внѣпартійность, если въ армію допускается черносотенецъ и на глазахъ у начальства ведетъ свою агитацію, имъ поощряемый, имъ призванный и облобызанный! Хорошо исполненіе закона 21 декабря о запрещеніи участія во всякаго рода политическихъ обществахъ и союзахъ, если существуетъ общество «Обновленіе», если невозбранно разрѣшается участіе въ «Русскомъ Собраніи»; если офицеры бывали, участвовали—и не несли за это наказаніе—въ сборищахъ «истинно-русскихъ людей» въ михайловскомъ манежѣ, если не только невыгнанъ со службы партійный (надѣюсь?) генералъ Богдановичъ, но даже поощренъ, возвеличенъ и одаренъ настолько, что имѣлъ возможность перевести въ заграничные банки своихъ собственныхъ три милліона. А, вѣдь, это все — факты, живые, недавніе, вопіющіе, оставляющіе въ своемъ конечномъ счетѣ кровавую дорогу по русской землѣ, кровавые слѣды по цѣлымъ краямъ, кровавыя раны и смерти въ цѣлыхъ народностяхъ. Когда Саранчовъ вышвырнулъ за бортъ академіи, училища и службы инженеръ—полковника Маркова, ему было сказано между прочимъ, что это—за участіе въ борьбѣ политическихъ партій. Видите, какъ строго. «Но—заявляетъ Марковъ, обращаясь къ грозному генералу

Саранчову—«участіе мое въ борьбѣ «политическихъ партій» не только неумно вами вымышлено, но и сваливаетъ вину съ больной головы на здоровую. Вы сами были членомъ «Русскаго Собранія»,—этой политической, да еще боевой реакціонной партіи, стремящейся къ возвращенію стараго полицейскаго строя. Не вы-ли, кстати, выписывали на казенныя деньги «Гражданинъ» для политическаго просвѣщенія гг. профессоровъ?.. Стоящій почти у кормила главнаго инженернаго управленія и заслуженный профессоръ академіи ген. Величко уже давно и по сіе время является однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ «Русскаго Собранія», членомъ совѣта его, и вкупѣ съ иными военными и штатскими генералами подавалъ адресъ войскамъ (каково: свой своимъ подноситъ адреса) за кровопролитное усмиреніе согражданъ. Это-ли не участіе въ политической, да еще въ кровавой борьбѣ? Среди вліятельныхъ генераловъ главнаго инженернаго управленія имѣются и помимо ген. Велички дѣятельные члены «Русскаго Собранія». И всѣ измышленія ваши—результатъ «борьбы» вашей политической партіи съ подчиненными вамъ безпартійными офицерами за одно только законное сочувствіе ихъ освободительному движенію, котораго не выноситъ «Русское Собраніе»?»

Вотъ они результаты широкихъ разрѣшительныхъ и запретительныхъ полномочій закона 21 декабря. Вотъ оно, неучастіе господъ генераловъ во «всякаго рода» политическихъ собраніяхъ и обществахъ. Вотъ она,—внѣпартійность арміи!

Такимъ образомъ, въ лучшемъ случаѣ мы можемъ присутствовать при борьбѣ партій въ самой арміи, въ худшемъ — при безмолвномъ и покорномъ подчиненіи арміи господамъ Саранчовымъ. Мы будемъ имѣть дѣло съ обширной реакціонной партіей, открыто и законно вооруженной, и случайно и неосновательно именуемой иного значенія и смысла терминомъ: «армія».

Та же самая двуликая тактика сквозила и въ дѣйствіяхъ и въ замыслѣ военнаго общества «Обновленіе». Конечно, это все-таки — «всякаго рода» общество, но дѣло не только въ этомъ. Одинъ изъ пунктовъ «устава» новаго общества гласитъ, между прочимъ, что «обществу запрещается обсужденіе политическихъ вопросовъ», но когда одинъ изъ сотрудниковъ «Военнаго Голоса» пріѣхалъ на первое засѣданіе, то воочію убѣдился въ томъ, что «большинство ораторовъ мало касалось цѣлей и задачъ, намѣченныхъ уставомъ, а больше тѣхъ, о которыхъ въ уставѣ ни слова,—но духомъ которыхъ уже объединено общество «Обновленіе». *Это духъ—«реакціи»*... И въ то время, когда Государь Императоръ,—пишетъ г. Шнеуръ,—членовъ Государственной Думы назвалъ лучшими людьми и призвалъ ихъ для созидательной работы себѣ въ помощь, члены общества «Обновленія»—*вопреки обязанности «безпрекословно исполнять волю Верховнаго Вождя»—договорились до возможности... «идти въ Таврическій дворецъ и пере-*

вѣшать народныхъ представителей». Активная его дѣятельность съ перваго же засѣданія проявилась вовсе не въ новыхъ, а въ давно знакомыхъ старыхъ формахъ, а именно *въ стремленіи къ насилію, произволу и беззаконію.* Несомнѣнно, это все то же *стремленіе меньшинства обратить всѣхъ офицеровъ арміи «на путь произвола» и «реакціи».*

Таковъ смыслъ этого «обновленія», таково тайное назначеніе скалы, молчаливо стоящей средь бушующихъ волнъ политическаго моря и такова безучастность «grande Muette» въ борьбѣ политическихъ партій, таково осуществленіе закона 21 декабря! Прибавлять ко всему этому не приходится ничего.

Къ прежнимъ мотивамъ искусственнаго обособленія арміи отъ жизни и общества прибавились теперь новые; расширились и спеціализировались цѣли, откровеннѣй и понятнѣй стала тактика, напряженнѣй усилія, а результаты мы уже видѣли на улицахъ Москвы, въ алихановскихъ подвигахъ, семеновскихъ судахъ, прибалтійскихъ усмиреніяхъ, въ походахъ Ренненкампфа и Меллеръ-Закомельскаго. Изъ оторванной арміи стала враждебной; изъ равнодушной—озлобленной; изъ далекой отъ политики—партійной; изъ защитницы родины—защитницей реакціи; «grande Muette» заговорила пулеметами, направленными въ ряды партійныхъ борцовъ иного склада мыслей, и хуже обученныхъ и вооруженныхъ. Стѣна не упала, но выросла. Связь не протянулась, а порвалась. Близость не установилась, а потерялась навсегда. Наступили моменты взаимной вражды и общество отшатнулось отъ арміи, армія ощетинилась штыками на общество. Кастовой духъ побѣдилъ всѣ призывы. Вѣковая огороженность санкціонировалась законодателемъ, черная могила реакціи проглотила «Muette», и все, что въ кастѣ было отрицательнаго, выросло до предѣловъ; что только намѣчалось, опредѣлилось окончательно. Такимъ образомъ, оторванная самымъ своимъ устройствомъ отъ общаго строя, естественно чуждавшаяся и искусственно отдаляемая отъ общества, армія могла бы не потерять съ нимъ связи, или возобновить ее лишь при разрѣшительныхъ благословеніяхъ закона, но законъ только разрубилъ послѣднія нити, которыя протянулись--было послѣ 17 октября между жизнью и кастой и яма стала еще глубже и еще шире. Внѣшнимъ образомъ, связь арміи съ общегосударственными интересами могла бы осуществиться отвѣтственностью предъ народомъ министра, но и онъ у насъ—назначаемъ и безотвѣтственъ...

Петръ Пильскій.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Крушеніе „истинно-либеральной" политики г. Столыпина.—Возвращеніе правительства на путь полицейскаго террора.—Возрожденіе разрозненныхъ и анархическихъ формъ революціонной борьбы.—Министерскія попытки разрѣшить крестьянскій вопросъ.—Ихъ безплодность.—Необходимость созыва Государственной Думы.

I.

Спокойствіе, въ которомъ прошли первые дни послѣ государственнаго переворота 8-го іюля и которое доставило столько радости министрамъ и биржевикамъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказалось призрачнымъ. Послѣ краткаго замедленія революціонный потокъ снова ринулся впередъ, разрушая старые устои. Всѣ разсчеты правительства оказались невѣрными и дали итогъ, совершенно противоположный ожидаемому. Тонкій планъ раздѣлить освободительное народное движеніе на два русла: умѣренное и революціонное, не удался. Переговоры министерства съ общественными дѣятелями, несмотря на всю готовность этихъ дѣятелей примириться съ твердою властью, показали, что правительство стремилось только къ тому, чтобы обратить умѣренные слои общества въ рабочую силу для разрушенія революціонныхъ позицій. Кабинетъ лелѣялъ фантастическую мечту увеличить добровольными общественными силами ту армію сыщиковъ и полицейскихъ, которою онъ располагаетъ и которая, однако, лишена возможности подавить даже самыя рѣзкія проявленія революціонной стихіи. Очевидно, что такая комбинація не могла быть встрѣчена согласіемъ общественныхъ дѣятелей, къ какому бы политическому направленію они ни принадлежали. Крупная буржуазія, представителями которой являются дѣятели союза 17-го октября и вновь образовавшейся партіи мирнаго обновленія, весьма мало заботится о демократическихъ требованіяхъ и экономическихъ нуждахъ народа. Крупная буржуазія даже тогда, когда она вписываетъ въ свою программу нѣкоторыя демократическія требованія, дѣлаетъ это только подъ давленіемъ народныхъ массъ и охотно поступается этими требованіями при сдѣлкахъ со старою властью. Но она ни при какой сдѣлкѣ не можетъ отказаться отъ своего стремленія къ власти, не можетъ уступить своихъ правъ, признаніе которыхъ она считаетъ неизмѣннымъ и непремѣннымъ условіемъ соглашенія съ представителями стараго режима. Октябристы и обновленцы готовы бороться съ пролетаріатомъ и крестьянствомъ, но они будутъ бороться только для себя, защищая свои интересы; работать для камарильи, авантюристская политика которой всегда способна подорвать буржуазное благополучіе то безумною войною, то торговыми договорами, заклю-

чаемыми въ силу соображеній высшей политики и разоряющими отечественную промышленность, крупная буржуазія не станетъ. Поэтому, гг. Гейденъ, Львовъ и К° ясно и опредѣленно поставили вопросъ о власти: кому будетъ принадлежать фактическая власть въ коалиціонномъ министерствѣ—общественнымъ дѣятелямъ или камарильи? И какъ только они поняли, что власть остается въ окровавленныхъ рукахъ камарильи, имъ же предоставляется только почетный титулъ,—они твердо и рѣшительно отказались. Иного результата трудно было ожидать. И октябристы, и обновленцы—представители извѣстныхъ общественныхъ группъ, съ которыми они связаны прочными нитями классовыхъ интересовъ. Въ этой связи ихъ сила, ихъ значеніе. Они—не бюрократы, которые сами себѣ довлѣютъ и совершаютъ политическую карьеру, пріобрѣтая расположенія правящихъ верховъ. Соглашаясь стать орудіемъ камарильи, октябристы и обновленцы перестали бы служить орудіемъ своего класса. Они потеряли бы почву, наличность которой отличаетъ ихъ отъ бюрократовъ, давно уже опирающихся лишь на измѣнчивыя улыбки камарильи и смѣняющихся, какъ въ синематографѣ. Безъ почвы же они, несомнѣнно, стали бы ненужными не только тѣмъ слоямъ, интересы которыхъ они представляютъ, но и тѣмъ высокимъ сферамъ, которыя такъ жаждутъ ихъ, пока за ними виднѣется хотя небольшой отрядъ народной арміи. Политическія перспективы были ясны даже самымъ простодушнымъ и довѣрчивымъ дѣятелямъ буржуазныхъ партій. Огонь революціи сжегъ всѣ иллюзіи, которыя еще недавно застилали политическое зрѣніе умѣреннаго либерализма. Революція поставила ребромъ вопросъ о власти и сдѣлала невозможными какія бы то ни было надежды на возможность «открывать всю правду» въ высокомъ мѣстѣ или на силу личнаго вліянія. Въ то время, какъ среди бюрократіи борятся лица, въ обществѣ кипитъ борьба направленій, борьба программъ. Гг. Львовъ и Гейденъ поняли это и, вѣроятно, съ душевною скорбью, проклиная и революцію и недальновидное министерство, которое подкладываетъ дрова въ революціонный костеръ, уклонились отъ жалкой роли безвластныхъ носителей министерскихъ портфелей. Г. Столыпинъ пополнилъ свой кабинетъ обыкновенными бюрократами, которые до сихъ поръ не ознаменовали себя ни однимъ сколько-нибудь замѣчательнымъ поступкомъ.

Оффиціальные публицисты «Россіи» и «Новаго Времени» постарались сдѣлать веселое лицо и при такомъ оборотѣ дѣлъ. Но для всѣхъ, кто непричастенъ къ казеннымъ буттербродамъ, ясно, что планъ г. Столыпина потерпѣлъ полное крушеніе. Самъ г. Столыпинъ, въ бесѣдахъ съ иностранными корреспондентами, неоднократно выяснялъ всю важность вступленія въ его кабинетъ представителей общественныхъ партій. Онъ говорилъ, что такое вступленіе вызоветъ довѣріе общества къ обѣщаніямъ перваго министра и, вмѣстѣ съ тѣмъ, позволитъ удовлетворительно разрѣшить всѣ наболѣвшіе вопросы. Дѣйствительно, только вступленіе общественныхъ дѣятелей въ составъ правительства,—поскольку оно означало бы принятіе правительствомъ опредѣленной программы,—могло превратить министерство г. Столыпина въ органъ политической, а не полицейской власти. Но вступленіе не состоялось, и новый

кабинетъ сталъ тѣмъ же, чѣмъ были и его многочисленные предшественники: полицейской террористической организаціей, по существу своему неспособной къ осуществленію государственныхъ функцій. Отказъ октябристовъ и обновленцевъ снова оголилъ правительство и поставилъ его съ кучкою дворянъ-крѣпостниковъ противъ всего буржуазнаго общества, какъ явно враждебную и ненавистную силу. Борьба должна была загорѣться, и она загорѣлась. Сѣть исключительныхъ законовъ была раскинута еще шире, чѣмъ раньше. Только тѣ мѣстности Россіи, которыя расположены около полярнаго круга, избѣгли до сихъ поръ объявленія на положеніи усиленной, чрезвычайной или военной охраны. Печать была задавлена твердою рукою и сразу превратилась въ блѣдное и туманное зеркало жизни. Общественная дѣятельность пріостановлена. Собранія, общества и союзы запрещены и закрыты. Тюрьмы, едва освободившіяся отъ жертвъ Витте-Дурново, снова наполнились заключенными, и арестантскіе поѣзда, набитые ссыльными, снова потянулись въ далекую Сибирь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, выступили наглыя и хищныя организаціи реакціи, которыя, пользуясь подонками городского населенія, стали безнаказанно творить безчинства и насилія надъ личностью и имуществомъ мирныхъ гражданъ. Министерство, клятвенно обѣщавшее вести борьбу не съ обществомъ, а съ врагами общества, вынуждено было открыть войну противъ всего демократическаго «общества», такъ какъ оно все оказалось въ лагерѣ, враждебномъ министерству, фактически возстановившему власть камарильи. Старая борьба началась съ новою силою и въ самыхъ ожесточенныхъ формахъ.

II.

Система полицейскаго террора, очевидно, не могла внести успокоенія въ страну; революціонное движеніе, неудовлетворенное въ самыхъ основныхъ своихъ требованіяхъ, продолжаетъ непрерывно развиваться. Но, кромѣ того, террористическое министерство оказалось неспособнымъ обезпечить даже полицейскій порядокъ въ странѣ. Со дня роспуска Государственной Думы Россія сдѣлалась ареной не только революціонныхъ вспышекъ, но и самыхъ дерзкихъ грабежей и разбоевъ, число которыхъ съ каждымъ днемъ увеличивается въ небывалыхъ размѣрахъ. Громкій крикъ: «руки вверхъ» раздается по всѣмъ городамъ и селамъ и смѣшивается съ звуками выстрѣловъ, трескомъ бомбъ и стонами убиваемыхъ жертвъ. Казенныя винныя лавки, казначейства, почтовыя учрежденія, желѣзнодорожныя кассы, поѣзда, промышленныя и торговыя заведенія, частные дома и частныя лица подвергаются самымъ невѣроятнымъ нападеніямъ и грабежамъ. Въ большинствѣ случаевъ къ этимъ нападеніямъ и грабежамъ революціонныя организаціи не имѣютъ ни малѣйшаго касательства. Даже въ агентскихъ телеграммахъ, которыя усердно смѣшивали грабителей съ революціонерами, теперь попадаются извѣстія, что подъ именемъ анархистовъ-коммунистовъ дѣйствовали «извѣстные полиціи воры» или даже агенты сыскной полиціи. Но и самая обстановка грабежей показываетъ, что они не могутъ быть дѣломъ рукъ революціонеровъ. Всѣ крупные случаи конфискаціи

*

революціонными организаціями правительственныхъ суммъ по большей части извѣстны. Большинство же современныхъ нападеній на мелочныя лавки и т. п., очевидно, падаетъ на счетъ преступленій, не имѣющихъ никакого политическаго характера. И если всѣ эти акты связаны съ революціоннымъ броженіемъ народа, то они связаны совершенно инымъ образомъ, чѣмъ думаютъ оффиціальные политики. Для революціонеровъ такія формы движенія вовсе не представляются желательными. Резолюція объединительнаго съѣзда р. с.-д. р. партіи объясняетъ разгаръ грабежей и разбоевъ даже потворствомъ правительства, которое стремится дезорганизовать и деморализировать силы революціи. Указывая на то, что деклассированные слои общества, уголовные преступники и подонки городского населенія всегда пользовались революціонными волненіями для своихъ антисоціальныхъ цѣлей, такъ что революціонному народу приходилось принимать суровыя мѣры противъ вакханаліи воровства и разбоя, соціалъ-демократы, положительно запрещая членамъ партіи нарушать личную безопасность или частную собственность мирныхъ гражданъ, подчеркиваютъ, что важнѣйшая сила революціи заключается въ ея морально-политическомъ вліяніи на революціонныя массы, на общество и на всю армію, что дезорганизуя государственную власть, революція ставитъ своей задачей не общественную анархію, а организацію общественныхъ силъ.

Это отрицательное отношеніе къ анархическому стихійному движенію совершенно понятно: такое движеніе, подрывая производительныя силы страны и возбуждая страхъ буржуазнаго общества, не приноситъ революціи ничего, кромѣ вреда. Слѣдовательно, ростъ анархическихъ актовъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поставленъ на счетъ революціонерамъ, какъ организованной силѣ. Анархія является прямымъ результатомъ правительственной дѣятельности, которая душитъ производительную дѣятельность страны петлей военнаго положенія и, разоряя торговлю и промышленность, выбрасываетъ на городскія улицы десятки тысячъ безработныхъ, толкаемыхъ голодомъ и отчаяніемъ на самыя крайнія дѣйствія. Государственная машина стараго режима является непосредственно отвѣтственной за превращеніе страны въ военный лагерь и разбойничій станъ, такъ какъ эта машина уже не въ состояніи ничего создавать; она только губитъ и разрушаетъ, безсильная даже справиться съ внѣшними плодами своихъ преступленій. Никакая усиленная и чрезвычайная охрана не охраняютъ ни правительственнаго, ни частнаго имущества. Съ «технической» точки зрѣнія современные грабежи и разбои превышаютъ всѣ невѣроятныя приключенія, созданныя до сихъ поръ фантазіей уголовныхъ романистовъ. А правительство, вооруженное всею силою безконтрольной власти надъ жизнью и смертью гражданъ, безсильно обезпечить обывателямъ даже элементарную имущественную безопасность. Старая власть настолько разложилась, что потеряла даже способность быть удовлетворительнымъ будочникомъ.

Тѣмъ менѣе она способна быть политическимъ борцомъ. Вслѣдъ за разгономъ Государственной Думы начинается непрерывный, все возрастающій рядъ террористическихъ актовъ. Терроръ принимаетъ массовой характеръ и выливается въ небывалыя грандіозныя формы. Пули уносятъ и городовыхъ, и гу-

бернаторовъ. Бомбы убиваютъ десятками правительственныхъ агентовъ, взрываютъ, какъ при покушеніи на г. Столыпина, цѣлые дома. Милліоны, затрачиваемые на охрану правительственныхъ чиновниковъ, не спасаютъ даже самыхъ видныхъ изъ нихъ отъ проявленій народнаго гнѣва. Отвѣтные террористическіе акты правительства также не заливаютъ кровью революціоннаго костра. Въ Варшавѣ послѣ каждаго покушенія на постового городового солдаты обстрѣливаютъ залпами цѣлыя улицы, убивая и раня сотни мирныхъ обывателей, случайно попавшихъ подъ шальныя пули. Генералъ-губернаторы обращаютъ въ собственность правительства дома, изъ которыхъ бросаются бомбы. Повсюду вѣшаютъ, повсюду разстрѣливаютъ, повсюду сажаютъ въ тюрьмы. Но всѣ усилія власти оказываются недостаточными. Революціонеры умираютъ на эшафотѣ, какъ на Голгофѣ. Тюрьмы не вмѣщаютъ представителей революціоннаго народа, да и тюрьмы начинаютъ измѣнять: разступаются стѣны и раскрываются двери, чтобы дать свободу заключеннымъ борцамъ. Число побѣговъ политическихъ заключенныхъ непрерывно растетъ, являясь вѣрнымъ показателемъ, что борьба за свободу охватываетъ самыя отсталыя группы населенія.

За городомъ идетъ и деревня. Учащаются аграрные поджоги и разгромы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличиваются проявленія сознательности крестьянства въ видѣ открытыхъ столкновеній съ представителями старой власти, старшинами, урядниками, становыми, исправниками и даже съ казаками, этими несчастными полудикарями, обреченными разорять и терзать родную страну. Вмѣстѣ съ тѣмъ, армія, разбросанная по деревнямъ для усмиренія крестьянскихъ волненій, медленно, но безостановочно проникается сознаніемъ ненормальности своего положенія. Новый наборъ еще болѣе увеличитъ броженіе въ солдатскихъ рядахъ.

При такихъ условіяхъ говорить объ успокоеніи страны не приходится. Тѣ же самыя продажныя газеты, которыя такъ ликовали по поводу того, что народъ не отвѣтилъ на разгонъ Думы возстаніемъ, теперь неистово бьютъ тревогу и, въ злобной истерикѣ, вопятъ о назначеніи диктатуры, словно она дастъ въ руки правительства хотя одно лишнее орудіе, словно теперь правительство стѣснено какими-либо правовыми формами въ борьбѣ съ своими политическими противниками. Успокоенія нѣтъ и не будетъ, пока старая власть держитъ руль государственнаго корабля. Диктатура явится только новымъ названіемъ стараго произвола и—недаромъ министерство высказывается противъ нея—не дастъ ничего новаго ни правительству, ни народу. Подъ какимъ бы именемъ ни дѣйствовала старая власть, она одинаково будетъ безпомощной, одинаково безсильной создать не только политическое успокоеніе, но даже обывательско-полицейское спокойствіе. Революціонный потокъ не остановится.

III.

Революціонный потокъ не остановится. Но тѣ формы, въ которыя отливается сейчасъ борьба, несомнѣнно, должны быть открыто признаны наименѣе

выгодными и наименѣе цѣлесообразными формами. Эта анархія, водворившаяся въ странѣ, эти «непосредственныя дѣйствія» (action directe) выражаютъ только столкновеніе двойного безсилія: безсилія старой власти и безсилія революціи. Съ одной стороны, правительство безсильно раздавить революціонную гидру, съ другой—революція безсильна нанести рѣшительный ударъ. Въ итогѣ—анархическая, разрозненная борьба по всей линіи, борьба противъ частичныхъ проявленій режима и отдѣльныхъ его представителей. Характерно, что эта борьба вспыхнула яркимъ пламенемъ только послѣ разгона Думы и неудачи объявленной забастовки, послѣдней попытки съэкономить революціонныя силы, направивъ ихъ въ русло массоваго движенія. Массовое движеніе не удалось, такъ какъ революціонное сознаніе крестьянскихъ массъ еще не достигло необходимаго уровня, такъ какъ революціонная армія оказалась слишкомъ слабой для рѣшительнаго выступленія. И какъ только эта слабость стала ясной, революціонная борьба немедленно перешла въ борьбу отдѣльныхъ героическихъ личностей, т.-е. въ такую форму, которая всегда означала безсиліе революціи. Мы знаемъ, что это безсиліе временное и на этотъ разъ даже весьма кратковременное, но тѣмъ важнѣе подчеркнуть, что терроризмъ—проявленіе не силы, а безсилія революціоннаго движенія и что, поэтому, въ моменты увлеченія терроромъ, особенно необходимо не забывать не «старой истины», что дѣйствительная побѣда революціи достигается борьбою народныхъ массъ, а не героическихъ одиночекъ, тѣмъ болѣе, что борьба послѣднихъ сплошь и рядомъ принимаетъ самыя неудачныя формы. Извѣстное массовое нападеніе на полицейскіе и военные патрули въ Варшавѣ является лучшимъ примѣромъ опасности террористическаго пути. Это нападеніе настолько противорѣчило интересамъ революціи, что областная организація р. с. д. р. партіи, соціалъ-демократія Польши и Литвы, вынуждена была самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовать противъ избіенія солдатъ, которые, какъ дѣти народа, рано или поздно должны встать на его сторону, и, вообще, противъ попытокъ замѣнить массовую борьбу борьбою революціонныхъ группъ.

Но—и въ этомъ заключается главная отрицательная черта переживаемаго момента—анархическая стихія не укладывается въ рамки политическихъ организацій. Разоренная и угнетенная страна, вопреки усиліямъ революціонныхъ партій создаетъ анархическую армію, чисто рефлективная дѣятельность которой не можетъ быть урегулирована тайными организаціями. Называя анархическую борьбу отрицательнымъ явленіемъ, мы оцѣниваемъ ее такъ вовсе не по соображеніямъ моральнаго характера. Послѣ ужасовъ карательныхъ экспедицій и въ то время, какъ крестьяне подвергаются насиліямъ усмирительныхъ отрядовъ, мы считаемъ возмутительнымъ буржуазнымъ лицемѣріемъ или безпросвѣтнымъ холопствомъ толковать о жестокостяхъ террористовъ. Отдѣльныя случайныя жертвы, павшія отъ революціонныхъ бомбъ, не могутъ и не должны закрывать жертвъ, павшихъ отъ правительственныхъ пуль и шрапнели. Въ Москвѣ, напримѣръ, «число убитыхъ во славу самодержавія дѣтей исчисляется цифрою 86, среди которыхъ были грудные младенцы, двухъ и

трехлѣтніе» [1]). Эти жертвы тѣмъ болѣе привлекаютъ вниманіе, что они пали подъ сознательно на нихъ направленными ударами, между тѣмъ какъ террористы всегда принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы избѣжать смерти непричастныхъ лицъ. Коляевъ отказался бросить бомбу въ карету великаго князя Сергія Александровича, когда увидѣлъ тамъ дѣтей, не смотря на то, что отсрочка грозила неудачей дѣлу, для котораго онъ отдалъ жизнь. Не такъ дѣйствовало правительство. «Въ Грузинахъ солдаты улицы обстрѣливали залпами; пострѣляютъ, поставятъ ружья въ козлы и отдыхаютъ. Изъ-за заборовъ показывается рядъ дѣтскихъ головъ. Они дразнятъ солдатъ и кричатъ имъ «не попалъ, не попалъ»!.. Солдаты, раздраженные хватаютъ опять ружья. Мальчики скрываются. Опять залпъ». А вотъ еще эпизодъ изъ исторіи московскаго возстанія. «По Серпуховской улицѣ идетъ мальчикъ и, услышавъ выстрѣлъ, оборачивается и грозитъ солдатамъ пальцемъ. Тѣ опять стрѣляютъ и убиваютъ птицу возлѣ мальчика. Онъ подбѣгаетъ къ птицѣ, поднимаетъ ее, цѣлуетъ и опять грозитъ казакамъ. Раздаются выстрѣлы, и мальчикъ падаетъ убитый наповалъ» [2]).

Конечно, этотъ неизвѣстный мальчикъ «по одеждѣ принадлежалъ къ рабочему классу», но его кровь—такая же кровь, какъ и всякая другая. Этого могли бы не забывать либеральные фарисеи, которые не устаютъ теперь пустословить по поводу жестокостей террора. Но если моральная оцѣнка террора и не нужна и неумѣстна, то политическая оцѣнка его необходима. И мы должны сказать, что именно съ политической точки зрѣнія, онъ является наименѣе производительнымъ средствомъ борьбы.

Къ сожалѣнію, сейчасъ терроризмъ представляетъ неизбѣжную форму распыленія революціонной борьбы, вызваннаго разгономъ Государственной Думы. Правительственныя рептиліи пролили много чернилъ, чтобы доказать, что Дума не могла успокоить революціи. Кадетскія газеты отвѣтили столь же обильною болтовнею для доказательства того, что Дума сдерживала революцію и должна была бы прекратить ее, если бы не послѣдовало разгона. Эта полемика кадетовъ съ реакціонерами была мало убѣдительна, потому, что кадеты исходили изъ невѣрнаго положенія. Дума—въ этомъ реакціонеры правы—не прекратила и не могла прекратить революціи. Она развивала ее и вела впередъ, несмотря на кадетовъ. Эта объективно-революціонная роль Думы и заставляла ее поддерживать, такъ какъ Дума являлась однимъ изъ этаповъ революціи, который нужно было пройти. Но, развивая революцію, Дума устраняла анархію и разрозненность революціонной борьбы. Вопреки намѣреніямъ тѣхъ или другихъ депутатовъ, она играла роль организующаго центра революціи. Каутскій писалъ, по поводу созыва Думы, что «до этого времени одно изъ величайшихъ преимуществъ правительства заключалось въ его централизаціи, которую оно противопоставляло едва связаннымъ между собою мѣст-

---

[1]) Москва въ декабрѣ 1905 года. Изданіе Кохманскаго, стр. 190.

[2]) Ibid. Стр. 198.

нымъ возстаніямъ и массовымъ стачкамъ. Благодаря Думѣ, революція получаетъ центръ... Періодъ мѣстныхъ разрозненныхъ децентрализованныхъ безпорядковъ и бунтовъ въ Россіи прошелъ. Начинается централизованная революція»... [1]).

Мы теперь должны уже сказать не «начинается», а «началась», но мысль Каутскаго не теряетъ своей вѣрности отъ того, что развитіе централизованной національной революціи было оборвано въ самомъ началѣ. Дума, несомнѣнно, начала организовывать разбросанные и разрозненные элементы революціи и сплачивать ихъ въ такую многочисленную армію, которой никогда не могутъ создать тайныя революціонныя общества. Организація же и централизація движенія позволяла избѣгать отдѣльныхъ вспышекъ и частичныхъ выступленій, въ которыхъ безплодно растрачиваются драгоцѣнныя силы. Существованіе Думы давало основаніе надѣяться, что переворотъ совершится наиболѣе экономнымъ путемъ, путемъ одного или нѣсколькихъ массовыхъ движеній, сила которыхъ ослабитъ сопротивленіе старой власти до самыхъ незначительныхъ размѣровъ. Разгонъ Думы разрушилъ эти надежды. Революціонное движеніе снова раздробилось и приняло формы анархической борьбы, которая для революціи еще менѣе выгодна, чѣмъ для правительства.

Поэтому, уничтоженіе анархіи не можетъ быть достигнуто никакими полицейскими репрессіями. Анархія—естественная форма широкой, разлившейся по народнымъ массамъ, но обезглавленной революціи. Только немедленный созывъ народныхъ представителей положитъ конецъ разрозненнымъ и анархическимъ вспышкамъ и снова дастъ революціонному движенію ту форму, при которой оно наиболѣе цѣлесообразно используетъ всѣ свои силы. Этотъ немедленный созывъ и является очередною задачею революціоннаго народа, на разрѣшеніе которой будутъ направлены всѣ революціонныя силы. До тѣхъ же поръ, пока Дума снова не станетъ въ центрѣ революціонной борьбы, Россіи, очевидно, предстоитъ пережить неизбѣжный періодъ анархіи, такъ какъ ни революціонныя организаціи, ни, тѣмъ болѣе, разложившаяся старая власть не могутъ овладѣть всей стихіей народнаго движенія.

IV.

Анархія, вызванная разгономъ Государственной Думы, тѣмъ болѣе невыгодна для революціи, что она означаетъ затяжную форму революціоннаго процесса. А затяжная форма революціоннаго процесса позволяетъ правительству, которое все же умѣетъ пользоваться обстоятельствами, постепенно приспособляться къ новымъ требованіямъ жизни ровно настолько, чтобы въ каждый данный моментъ спасать себя отъ неминуемой гибели. Затяжная форма революціоннаго процесса, исключая полную и рѣшительную побѣду народа, тѣмъ самымъ обезпечиваетъ сохраненіе возможно большихъ преимуществъ и правъ за старой властью. Пока русское правительство обнаруживаетъ мало способно-

[1]) Каутскій. Государственная Дума, Спб. 1906. Стр. 8.

стей и охоты считаться съ измѣнившимися политическими условіями; оно мечтаетъ о полномъ возстановленіи абсолютизма, но эти мечты, какъ и всякія другія, скоро разсѣются, и задачею правительственныхъ политиковъ будетъ именно приспособленіе стараго государственнаго механизма къ новымъ потребностямъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы старая власть потерпѣла наименьшій ущербъ. Уже теперь, при всей неопредѣленности и ординарности бюрократическаго кабинета, замѣчаются нѣкоторыя попытки обновить ненавистный старый порядокъ. Министерство начинаетъ съ мелочей. По послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, въ высшія учебныя заведенія, напримѣръ, евреи принимаются безъ обычныхъ процентныхъ ограниченій. Эта реформа стоитъ правительству очень дешево, но и она принесетъ ему долю пользы, смягчивъ хотя отчасти обострившееся недовольство еврейской буржуазіи. Затѣмъ, министерство не отказывается и отъ попытокъ крупныхъ реформъ соціальнаго характера. Позабывъ о знаменитой деклараціи г. Горемыкина и подобравъ кой-какіе обрывки проектовъ разогнанной Думы, кабинетъ г. Столыпина усиленно стремится разрѣшить крестьянскій вопросъ и почти доходитъ уже до частичнаго признанія принудительнаго отчужденія земли за... несправедливое вознагражденіе. Крестьянскій банкъ энергично скупаетъ помѣщичьи земли по цѣнамъ, значительно превышающимъ рыночныя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ распоряженіе крестьянскаго банка поступаетъ, по новому закону, часть удѣльныхъ земель. Такимъ образомъ, правительство будетъ въ самомъ непродолжительномъ времени обладать значительнымъ земельнымъ фондомъ, въ которомъ, съ землями, принадлежащими казнѣ, можно считать не менѣе десяти милліоновъ десятинъ.

Мы не думаемъ, чтобы правительство въ ближайшемъ будущемъ съумѣло употребить этотъ фондъ съ пользою для крестьянъ. Распоряженіе фондомъ сосредоточено въ рукахъ дворянства и бюрократіи, которыя, по обыкновенію, потопятъ дѣло въ морѣ писчей бумаги и подорвутъ его возможное значеніе откровенными стараніями поправить на счетъ нуждающихся крестьянъ разстроенныя дворянскія обстоятельства. Оттяжка и волокита при исполненіи обѣщаній правительства, неизбѣжныя при бюрократическомъ порядкѣ, могутъ привести даже къ обостренію аграрныхъ волненій на почвѣ землеустроительной дѣятельности правительства. Крестьяне, не получая купленной для нихъ или обѣщанной имъ земли, легко могутъ прибѣгнуть къ захватному праву. Во всякомъ случаѣ, сейчасъ еще нѣтъ основаній положительно утверждать, что правительству удастся уничтожить главный источникъ крестьянскаго недовольства. Однако, при затяжномъ характерѣ революціоннаго процесса, убогія подачки правительства, въ концѣ концовъ, дойдутъ до извѣстнаго слоя крестьянства и создадутъ изъ него оплотъ если не реакціонныхъ, то консервативныхъ элементовъ «общества». Въ такомъ случаѣ, революціонная борьба, даже если она не будетъ безнадежно ослаблена, приметъ ожесточенный характеръ кровопролитной междоусобной войны, чего до сихъ поръ удавалось избѣгать, такъ какъ на сторонѣ правительства не было никого, кромѣ ослѣпленной и тупой военной силы и трусливыхъ, малочисленныхъ бандъ черносотенцевъ.

Но образованіе дружественной правительству крестьянской арміи, во вся-

комъ случаѣ,—дѣло болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. Сейчасъ, полицейскій и военный терроръ и непомѣрно вздутыя цѣны на дворянскія земли достаточно убѣдительно показываютъ крестьянству, чего стоитъ неожиданное народолюбіе правительства, реформы котораго имѣютъ единственною цѣлью спасеніе помѣщиковъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя закрывать глазъ на опасность, которая грозитъ интересамъ народныхъ массъ въ результатѣ соціально-реформаторскихъ потугъ нынѣшняго правительства; нельзя закрывать глазъ и на то, что анархія содѣйствуетъ правительству въ осуществленіи контръ-революціонныхъ и реакціонныхъ замысловъ. Поэтому, прекращеніе анархіи и введеніе революціоннаго движенія въ русло централизованной и организованной борьбы является неотложною задачею момента. Но эта задача можетъ быть разрѣшена только назначеніемъ выборовъ въ Государственную Думу и, слѣдовательно—для революціонныхъ партій—самой энергичной агитаціей въ пользу необходимости немедленнаго возстановленія народнаго представительства, какъ лучшаго оружія въ борьбѣ за полное народовластіе.

Политическая цѣнность этого лозунга подвергается большимъ сомнѣніямъ въ средѣ тѣхъ партій, которыя стремятся къ учредительному собранію. Анархистско-бланкистскія теченія русской революціонной мысли, доставшіяся намъ въ наслѣдство отъ семидесятыхъ годовъ и еще не изжитыя, до сихъ поръ сохраняютъ свое вліяніе въ революціонныхъ рядахъ и приносятъ неисчислимый вредъ революціи попытками повернуть историческое колесо въ заранѣе предрѣшенномъ направленіи. Исходя, несмотря на марксистскую фразеологію, окутывающую ихъ мысли, изъ чисто идеалистическаго представленія, будто главнымъ двигателемъ революціи является *воля* сознательной и организованной части населенія, ставя вопросъ такъ, что революціонный народъ или немедленно долженъ достигнуть власти, или отказаться отъ участія въ сегодняшнихъ формахъ политической борьбы, русскіе бланкисты подсовываютъ вмѣсто революціоннаго развитія революціонную фразу и забываютъ, что та партія, которая не ведетъ народъ въ *его* борьбѣ, потому что формы этой борьбы кажутся ей нецѣлесообразными, остается изолированной въ безвоздушномъ пространствѣ и, слѣдовательно, лишенной всякаго вліянія. Революціонная борьба есть непрерывное движенія къ поставленной заранѣе конечной цѣли. Никто не въ силахъ замѣнить это движеніе однимъ скачкомъ. Учредительное собраніе, какъ воплощеніе полнаго народовластія, можетъ быть только результатомъ, а не условіемъ побѣды революціоннаго народа. Побѣда же народа, въ свою очередь, является результатомъ его политической сознательности и организованности, которыя пріобрѣтаются въ процессѣ всенародной политической борьбы, формы и границы которой далеко не совпадаютъ съ формами и границами борьбы революціонныхъ организацій. Насколько безплодны всякія попытки подмѣнить «народъ» «революціонными организаціями», видно изъ печальнаго опыта на Н. Ленина въ его брошюрѣ «Роспускъ Думы и задачи пролетаріата». Лидеръ анархистско-бланкистскаго крыла россійской соціалъ демократіи дошелъ до утвержденій, что если состоится соглашеніе *всѣхъ* вліятельныхъ революціонныхъ организацій и союзовъ, то къ концу лѣта или

къ началу осени, къ срединѣ или концу августа, можно назначить «всероссійское выступленіе», для успѣха котораго необходимо теперь же организовать всѣхъ «честныхъ гражданъ», желающихъ «стоять на сторонѣ свободы», въ боевые «пятки и десятки», независимо отъ того, удастся—ли имъ получить оружіе, и даже независимо отъ того, найдется ли сейчасъ, впредь до утра радостнаго дня, какое-либо дѣло. Этотъ жалкій и наивный лепетъ достойнымъ образомъ увѣнчиваетъ почти трехлѣтнюю политическую кампанію русскихъ бланкистовъ, онъ наглядно обнаруживаетъ къ чему можетъ привести ихъ тактика. Не въ тѣхъ цѣляхъ, которыя они ставятъ, а въ тѣхъ средствахъ, которыя они указываютъ для достиженія поставленныхъ цѣлей, кроется истинная причина разногласій. Учредительное собраніе, какъ цѣль революціонной борьбы, составляетъ непреклонное требованіе не только соціалъ демократіи, но и революціонной демократіи. Въ этомъ отношеніи бланкисты столь же революціонны, сколь и всякія другія даже мелко-буржуазныя партіи. Слѣдовательно, никакого спора о необходимости учредительнаго собранія для демократическаго разрѣшенія очередныхъ соціально-политическихъ вопросовъ, въ революціонной средѣ быть не можетъ. Но средства, которыми можно достигнуть учредительнаго собранія или, вѣрнѣе, въ болѣе общей формулѣ, полной побѣды народа, вызываютъ большія разногласія, типичнымъ примѣромъ которыхъ является разногласіе по вопросу о томъ, можетъ-ли соціалъ демократія, оставаясь наиболѣе послѣдовательной выразительницей демократическихъ стремленій народа, поддерживать или даже выставлять требованіе немедленнаго созыва Государственной Думы вмѣсто обычнаго требованія Учредительнаго собранія. Марксисты утверждаютъ, что можетъ, потому что Государственная Дума, пробуждая политическую сознательность и создавая политическія организаціи народныхъ массъ, является однимъ изъ наиболѣе вѣрныхъ средствъ къ развитію революціоннаго движенія.

Бланкисты утверждаютъ, что не можетъ, такъ какъ Государственная Дума ничего не даетъ народу, лучшимъ же средствомъ для побѣды народа являются боевые (но безоружные) «пятки» и «десятки» честныхъ гражданъ. Этотъ путь указываетъ Ленинъ, въ то время какъ ц. к. р. с.-д. р. п. говоритъ о Думѣ, какъ средствѣ для созыва учредительнаго собранія. Это разногласіе и служитъ основаніемъ для нападокъ на лозунгъ: немедленный созывъ Думы, а затѣмъ, и на все то политическое теченіе, которое признаетъ Государственную Думу необходимымъ этапомъ революціоннаго развитія. Дѣло, слѣдовательно, не въ томъ, что бланкисты выступаютъ на защиту демократической послѣдовательности и вѣрности программнымъ требованіямъ,—этимъ требованіямъ никто и ничто не угрожаетъ,—а въ томъ, что различное пониманіе сущности историческаго процесса и роли политическихъ организацій въ исторической борьбѣ отражается и въ этомъ спорѣ о возможности для соціалъ-демократіи принять за опорный пунктъ своей дѣятельности въ ближайшіе мѣсяцы Государственную Думу. Кромѣ бланкистскихъ возраженій противъ необходимости направить вни-

---

[1]) Роспускъ Думы и задачи пролетаріата. Москва 1906 г

маніе революціонныхъ партій на будущую Государственную Думу существуютъ возраженія другого рода, не принципіальныя, а практическія. Говорятъ, что государственный переворотъ 8-го іюля имѣлъ цѣлью возстановить и фактически возстановилъ самодержавіе; что правительство, сохранивъ власть послѣ этого революціоннаго акта и не встрѣтивъ народнаго сопротивленія, откажется отъ народнаго представительства и постарается укрѣпить старый полицейско-самодержавный режимъ. Государственная Дума, согласно этому мнѣнію, не будетъ созвана. Только новое всенародное движеніе, подобное октябрьскому, можетъ заставить правительство выполнить свои обѣщанія и созвать народныхъ представителей 20-го февраля. Но если необходимо новое всенародное движеніе, то, очевидно, что это движеніе, поскольку оно будетъ побѣдоносно, поставитъ своею цѣлью уже не Г. Думу по закону Витте-Дурново, а полновластное представительное учрежденіе, которое не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ учредительнымъ собраніемъ, которое и слѣдуетъ поставить задачею завтрашняго дня.

Эти разсужденія были бы вполнѣ убѣдительны, если бы мы могли быть увѣрены въ томъ, что ближайшее будущее принесетъ намъ грандіозное народное движеніе, которое вырветъ власть изъ рукъ правительства стараго режима.

Но такой увѣренности быть не можетъ. Нельзя предполагать, что правительство возвратится къ полицейскому самодержавію. Соотношеніе общественныхъ силъ, которое опредѣлило паденіе абсолютизма, не измѣнилось снова въ пользу свергнутаго режима. Террористическое министерство, при такихъ условіяхъ, только мимолетный историческій эпизодъ, какъ было эпизодомъ министерство Витте-Дурново. Ни международное положеніе «великой державы», ни внутреннее состояніе страны не позволяетъ правительству возстановить самовластіе. Анархія, не принося пользы революціонному движенію, тѣмъ не менѣе приноситъ огромный вредъ правительству, разрушая и безъ того слабый государственный механизмъ. Осенью надо ожидать серьезныхъ вспышекъ крестьянскихъ волненій на почвѣ отказа отъ отбыванія воинской повинности, неплатежа податей и захвата помѣщичьей земли. Можно быть увѣреннымъ, что и армія, броженіе которой ознаменовалось уже бурными возстаніями, не успокоится, несмотря на запрещеніе газетамъ сообщать о волненіяхъ среди солдатъ. Безъ національнаго центра всѣ эти проявленія народнаго гнѣва едва-ли сольются въ единое и мощное движеніе; но самая разрозненность и стихійность ихъ исключаетъ всякую возможность покончить съ ними путемъ военныхъ и полицейскихъ репрессій. Правительство не можетъ не понимать всей опасности безчисленныхъ стихійныхъ вспышекъ на огромномъ пространствѣ Россіи. Не слѣдуетъ считать противника болѣе глупымъ и ничтожнымъ, чѣмъ онъ есть. Кабинетъ знаетъ, что угрожаетъ старой власти въ ближайшемъ будущемъ, и онъ приметъ мѣры, чтобы ослабить силу взрыва. Мы считаемъ самымъ вѣроятнымъ, что очень скоро будетъ объявлено время выборовъ. Это дастъ возможность правительству, даже не приближая срокъ созыва Думы, внести нѣкоторое успокоеніе въ неустойчивые и колеблющіеся ряды мелкой буржуазіи и крестьянства. Революціонное настроеніе широкихъ массъ снова выльется въ

избирательной борьбѣ, какъ оно вылилось въ мартѣ этого года. И, если это предположеніе вѣрно, то революціоннымъ партіямъ необходимо заранѣе подготовиться къ избирательной кампаніи, чтобы обезпечить себѣ наиболѣе выгодныя позиціи и чтобы будущая Дума оказалась дѣйствительно способной къ той рѣшительной борьбѣ, которая, несомнѣнно, предстоитъ въ ближайшіе мѣсяца. Если же наши предположенія не оправдаются, если революціонное движеніе окажется слишкомъ мощнымъ, чтобы вмѣститься въ рамки избирательной кампаніи, то та политическая работа, которую произведутъ революціонныя партіи, агитируя за созывъ Думы, уже какъ властнаго органа для созыва учредительнаго собранія, и развивая предъ массами свои послѣдовательно-демократическія программы, только обезпечитъ успѣхъ стихійнаго взрыва и придастъ ему бо́льшую цѣлесообразность. Требованіе немедленнаго созыва народныхъ представителей съ цѣлью ускорить достиженіе учредительнаго собранія, при наличности стихійнаго взрыва, который не зависитъ отъ воли тѣхъ или другихъ партій, естественно превращается въ требованіе немедленнаго присвоенія народнымъ представителямъ всѣхъ необходимыхъ функцій власти. Побѣда народа, который подъ вліяніемъ агитаціи революціонныхъ партій, сознаетъ, что онъ долженъ, прежде всего, вырвать всю власть изъ рукъ представителей стараго режима и передать ее въ руки народныхъ представителей, неизбѣжно повлечетъ за собою созывъ учредительнаго собранія. Работа революціонныхъ партій вполнѣ учитывается въ сознательномъ использованіи демократіей побѣдоноснаго взрыва народнаго движенія. Если же вся тактика революціонныхъ партій будетъ пріурочена только къ одной политической ситуаціи: активному выступленію и учредительному собранію, то при неблагопріятномъ оборотѣ историческаго колеса, революціонныя партіи останутся снова за флагомъ, какъ это было въ мартѣ, когда революціонеры свели себя съ арены, вслѣдствіе тактики бойкота, внушенной, кромѣ анархическихъ теорій, еще и разсчетомъ на рѣшительный ударъ и, вслѣдъ за нимъ, учредительное собраніе. Для соціалъ-демократіи, судьба которой неразрывно связана съ судьбою рабочихъ массъ, эта неподвижная, пріуроченная къ одному моменту тактика, не принесла ничего, кромѣ вреда, отдаливъ возможность слить кружковыя соціалъ-демократическія организаціи съ широкими кругами рабочаго класса. Теперь предъ нами снова раскрывается эта возможность, и къ ней нужно заблаговременно подготовиться, чтобы всесторонне использовать избирательную кампанію для широкаго и цѣльнаго противопоставленія программы научнаго соціализма программамъ всѣхъ буржуазныхъ партій и для организаціи рабочихъ массъ вокругъ знамени международной соціалъ-демократіи.

Выполненіе этой задачи встрѣтитъ огромныя трудности. Правительство употребитъ всѣ усилія, чтобы вогнать въ подполье представителей соціалъ-демократіи. Но опытъ международной соціалистической борьбы показываетъ намъ, что, при партійномъ единствѣ и при энергичной работѣ, полицейская реакція безсильна раздавить партію, выражающую интересы милліоновъ рабочаго класса. Во время закона противъ соціалистовъ въ Германіи, когда соціалъ-демократамъ, выставлявшимъ кандидатуры въ рейхстагѣ, правитель-

ство запрещало публиковать даже избирательные листки, число соціалистическихъ депутатовъ непрерывно возрастало. Организація рабочаго класса, его дисциплина, его преданность единственной партіи, выражающей классовые интересы пролетаріата, преодолѣвали всѣ препятствія, опрокидывали всѣ рогатки, поставленныя реакціей.

То же будетъ и въ Россіи. **Н. Іорданскій.**

ПО РОССІИ.

Іюльская политическая забастовка въ Петербургѣ, Москвѣ и провинціи.—Условія ея неудачи.—Основной „порокъ" іюльской стачки.—Кое-что изъ теоріи политической стачки.

Роспускъ думы былъ несомнѣннымъ государственнымъ переворотомъ, но общественная жизнь почти не отвѣтила на этотъ революціонный выпадъ сверху. Она продолжала итти тѣмъ же ходомъ таинственнаго наростанія и развитія освободительныхъ силъ подъ гнетомъ реакціоннаго строительства, успокоеній и усмиреній. Какимъ бы Наполеономъ ни воображалъ себя г. Столыпинъ, готовясь къ уничтоженію думы, дѣйствительность закрѣпила его политическій шагъ, только какъ одну изъ многихъ репрессій. Кое-гдѣ были слабыя демонстративныя вспышки (см. наше прошлое обозрѣніе), но по нашимъ временамъ онѣ ни при какихъ обстоятельствахъ не могутъ итти въ счетъ. Спеціально къ этому моменту были пріурочены даже особенно настойчивыя указанія, распространенныя въ рабочихъ кругахъ, о необходимости воздержаться отъ активныхъ выступленій. Въ половинѣ іюля отовсюду приходили извѣстія о такомъ нарочито спокойномъ отношеніи рабочихъ къ роспуску государственной думы, несмотря на общее возбужденіе рабочаго класса. Четыре митинга въ Харьковѣ (14-го іюля) вынесли резолюцію о «воздержаніи», собраніе 3.000 рабочихъ въ Нижнеднѣпровскѣ (13-го іюля) пришло къ такому же рѣшенію. На ежедневныхъ многочисленныхъ митингахъ въ Иваново-Вознесенскѣ «организованные рабочіе всѣми силами стараются удержать массы отъ активныхъ выступленій, рекомендуя выжидать, что скажетъ осенью крестьянство» («Свобод. Жизнь» отъ 19-го іюля). Если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и обнаруживалось стремленіе отвѣтить непосредственнымъ ударомъ на столыпинскій переворотъ, то дружныя усилія рабочихъ—соціалъ-демократовъ сумѣли въ общемъ удержать массы отъ политической забастовки. Въ большинствѣ случаевъ было признано наиболѣе подходящимъ въ данный моментъ заняться образованіемъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ.

Къ созданію этихъ организацій и приступили рабочіе Петербурга, Екатеринослава, Харькова и многихъ другихъ городовъ. Во всякомъ случаѣ еще за нѣсколько дней до іюльской политической забастовки послѣдняя рѣшительно отвергалась и политическими и профессіональными организаціями рабочихъ не только такихъ крупныхъ центровъ, какъ Петербургъ, но и мелкихъ городовъ. Ея преждевременность слишкомъ бросилась въ глаза. Это единодушіе въ отно-

шенія къ политическому моменту тѣмъ болѣе слѣдуетъ цѣнить, что общая атмосфера, казалось, располагала къ иному настроенію. Ростъ организованности массъ, который мы отмѣчали ужъ много разъ, съ каждымъ днемъ все явственнѣй давалъ о себѣ знать. Въ «Рѣчи» сообщаютъ, напримѣръ, о такомъ характерномъ явленіи въ Баку, какъ объявленіе забастовокъ снизу, т.-е. темными, доселѣ спавшими массами. «Мусульмане поднялись. Забастовки можно назвать мусульманскими. Нѣтъ на бакинскихъ промыслахъ и угла, гдѣ бы не говорили о забастовкѣ, вопреки рѣшенію соціалъ-демократической организаціи и резолюціи междурайоннаго собранія, въ которыхъ говорится, что забастовка не объявляется, а надо лишь готовиться къ ней. Частичныя забастовки росли, и забастовочная волна охватила нефтяное царство на 80—90 процентовъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя говорить и объ охлажденіи боевого пыла среди рабочихъ. Стоитъ только напомнить о безпрерывныхъ забастовкахъ въ донецкомъ районѣ. Въ юзовскомъ, наиболѣе тревожномъ районѣ, рабочіе, не удовлетворенные въ своихъ требованіяхъ, затопили нѣкоторыя шахты, какъ-то: шахту «Ольга» рутченковскихъ копей, шахты французской компаніи, шахты Успенскаго рудника и др. Вся эта борьба сопровождается частыми и многолюдными митингами, столкновеніями съ войсками, жертвами и т. п. Въ Петербургѣ только къ концу іюля стала падать грандіозная забастовка рабочихъ табачныхъ фабрикъ. 31-го іюля не работала только фабрика Лафермъ съ 1.428 рабочими. Забастовка тянулась мѣсяцъ и принимало въ ней участіе 6.588 человѣкъ. Въ этомъ же производствѣ забастовка была и въ Харьковѣ; ожидалась и въ Москвѣ.

Изъ этихъ немногихъ примѣровъ, только болѣе выдающихся—по размѣрамъ ли организаціи, или сопровождающимъ обстоятельствамъ, видно, что забастовочная волна въ іюлѣ мѣсяцѣ находилась еще въ подъемѣ. Она по прежнему охватывала всю страну, всѣ производства и занятія, она тревожила со всѣхъ сторонъ собственниковъ. Такимъ образомъ, общее недовольство въ активной и организованной формѣ существовало на лицо. Но все-таки имъ нельзя было воспользоваться для отвѣта на «реставрацію» самодержавія. Всеобщая политическая забастовка требуетъ такихъ элементовъ для своего возникновенія и такихъ пріемовъ, какихъ не было и нѣтъ во всѣхъ малыхъ и большихъ забастовкахъ, потрясающихъ экономическую жизнь Россіи.

Тѣмъ не менѣе политическая забастовка, только что отвергнутая,—подъ вліяніемъ свеаборгскихъ, кронштадтскихъ и ревельскихъ военныхъ событій была вдругъ объявлена. «19-го іюля, сообщаетъ корреспондентъ «Своб. Жизни», представители центральнаго комитета уже были въ боевомъ настроеніи. Они находили необходимымъ объявить немедленно всеобщую политическую забастовку сперва во всѣхъ мѣстностяхъ Финляндіи, прилегающихъ къ желѣзнодорожному пути, затѣмъ въ Петербургѣ съ окрестностями, въ Кронштадтѣ, Москвѣ; въ случаѣ успѣха забастовки въ этихъ городахъ, провести ее во всѣхъ крупныхъ центрахъ Россіи».

21-го іюля въ Петербургѣ началась политическая забастовка. По даннымъ

«Торгово-Промышленной Газеты» ходъ ея рисуется въ такомъ видѣ. «Начавшаяся довольно дружно забастовка уже 22-го іюля достигла своего кульминаціоннаго пункта, а затѣмъ стала замѣтно стихать и такъ и не достигла широкаго развитія. Еще до ея начала въ Петербургѣ насчитывалось 8.528 оставшихся безъ работы фабрично-заводскихъ рабочихъ. Они составляли кадръ 11 промышленныхъ заведеній, временно закрытыхъ самими владѣльцами [1]). Въ первый же день число неработающихъ поднялось до 51.034 чел., а съ обѣда увеличилось до 70.424 чел. и выражало собою весь наличный составъ рабочихъ 361 промышленнаго заведенія, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи. Если отбросить вышеуказанныхъ 8.528 чел., не входящихъ собственно въ число бастующихъ, то приведенная цифра не превыситъ $^1/_3$ всего рабочаго числа фабрично-заводскаго населенія столицы. Надо замѣтить, что забастовка коснулась не всѣхъ районовъ Петербурга; напримѣръ, по Шлиссельбургскому тракту она почти совершенно не пріобрѣла адептовъ. По отдѣльнымъ мѣстностямъ города она характеризуется слѣдующими величинами: петергофскій участокъ—остановилась 23 заведенія съ 1.100 рабочими; въ 1-мъ и 2-мъ участкахъ Нарвской части—43 заведенія съ 5.600 рабочими; въ Александро-Невской части—48 заведеній съ 3.967 рабочими; въ Коломенскомъ участкѣ—22 заведенія съ 3.584 рабочими; въ Адмиралтейскомъ—13 заведеній съ 840 рабочими; въ Суворовскомъ и Гаваньскомъ участкахъ—41 заведеніе съ 8.900 рабочими; въ прочихъ участкахъ Васильевской части—39 заведеній съ 6.133 рабочими; въ Петербургской части—71 заведеніе съ 12.689 рабочими; Выборгской части—48 заведеній съ 12.689 рабочими. 22-го іюля число заведеній, охваченныхъ забастовкой, дошло до 387, а число забастовавшихъ—82.411 чел. Послѣ воскреснаго дня это количество уже нѣсколько сократилось. 24-го іюля бастовали уже 76.691 рабочій, принадлежащихъ къ 374 заведеніямъ. Надо отмѣтить, что въ этотъ день примкнули къ забастовкѣ 2.000 чел. Невской бумагопрядильни, 1.400 чел. шлиссельбургскаго порохового завода и 800 чел. шлиссельбургской ситценабивной мануфактуры. 25-го іюля по даннымъ фабричной инспекціи, еще не успѣвшей собрать точныхъ цифровыхъ свѣдѣній, забастовка начинаетъ стихать болѣе интенсивно. Начали работу многіе крупные заводы, приступили къ дѣятельности нѣкоторыя типографіи, и совершенно исчезла опасность прекращенія желѣзнодорожнаго движенія. Еще наканунѣ начали правильные рейсы городскія конки, а невское пароходное сообщеніе почти совершенно не прекращалось».

26-го іюля, по словамъ «Народа», бастовало только около 9.000 рабочихъ. Политическая забастовка въ Петербургѣ сошла, такимъ образомъ, на нѣтъ.

24-го іюля съ 12-ти часовъ дня началась въ Москвѣ политическая забастовка. Изъ общаго числа всѣхъ предпріятій отъ участія въ забастовкѣ были

---

[1]) Сюда относятся шесть табачныхъ фабрикъ, о которыхъ мы выше упомянули, судостроительный заводъ Крейтона, джутовая фабрика Лебедева, фортепіанная фабрика Шрадера, механическій заводъ Санъ-Галли и телефонный Эриксона.

исключены только водопроводъ, хлѣбопекарни, аптеки, больницы и нѣкоторыя другія учрежденія, обслуживающія насущныя нужды. Въ этотъ же день состоялось первое засѣданіе вновь организованнаго московскаго совѣта рабочихъ депутатовъ, на которомъ присутствовало 134 представителя отъ 134 фабрикъ и заводовъ. Была избрана исполнительная комиссія для руководства забастовкой. Совѣтъ постановилъ разбиться по районамъ на 11 районныхъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ.

Первыми забастовали рабочіе печатнаго дѣла въ количествѣ около 10.000 человѣкъ. Одновременно съ ними прекратили работу рабочіе мастерскихъ Московско-брестской жел. дор., часть рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ Николаевской дороги, слесаря депо той же дороги, рабочіе мастерскихъ при ст. Перово Московско-казанской жел. дор. и значительная часть рабочихъ московскихъ мастерскихъ той же дороги. Затѣмъ закрылись крупныя механическія заведенія, мануфактуры и др., прекратилось движеніе трамвая, забастовали газъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ электричество.

Несмотря на то, что въ Москвѣ, какъ и вездѣ, рабочіе до послѣдняго момента призывались воздерживаться отъ какихъ бы то ни было выступленій, политическая забастовка и здѣсь явилась неожиданностью, первый день ея какъ сообщаютъ газеты, обѣщалъ успѣхъ. 24-го бастовало 54.000 чел. по свѣдѣніямъ совѣта безработныхъ, а по даннымъ совѣта рабочихъ депутатовъ число бастующихъ достигало даже 80.000 чел. Но съ перваго же дня забастовка пошла на убыль. 26-го забастовка могла считаться законченной. Московское выступленіе, какъ и петербургское, но еще въ болѣе сильной степени сопровождалось демонстраціями и столкновеніями съ жандармами и полиціей. На московскомъ металлическомъ заводѣ Гужонъ полиціей примѣнено было и огнестрѣльное оружіе противъ рабочихъ, явившихся ломать котлы.

Провинція поддержала Петербургъ и Москву въ весьма слабой степени. Мы располагаемъ только краткими телеграфными свѣдѣніями, которыя касаются трехъ городовъ. Изъ Новороссійска сообщаютъ 19-го іюля, что «сегодня въ городѣ всеобщая забастовка». Въ Харьковѣ 27-го забастовали паровозо-строительный заводъ Гельфериха-Саде, фабрика Жукова, заводы Шаперы и Мальгозе. Кромѣ того, рабочіе остановили движеніе электрическаго трамвая. Наконецъ, въ Астрахани всеобщая забастовка началась или, по свѣдѣніямъ россійскаго телеграфнаго агентства, должна была начаться 26-го іюля. Какъ бы тамъ ни было, но 27-го бастовали только нѣкоторые заводы, большинство же рабочихъ и типографіи работали, а 29-го забастовка прекратилась. Пробовалъ забастовать и четвертый городъ, Ярославль, но картина, въ описаніи корреспондента «Своб. Жизни», получилась слѣдующая. «28-го, днемъ, по улицамъ города дефилировали патрули конныхъ казаковъ и патрули пѣшихъ войскъ. Въ часъ дня громадная толпа рабочихъ вышла изъ фабрики (Большая Ярославская мануфактура Корзинкина) на дворъ, *ожидая объявленія забастовки.* Но въ виду прекращенія забастовки въ Петербургѣ, таковой не послѣдовало, и рабочіе съ пѣніемъ разошлись». Вообще, что касается политической забастовки въ провинціи, то по донесеніямъ, полученнымъ въ мини-

стерствѣ внутреннихъ дѣлъ, устанавливается, что «забастовка имѣла повсюду частичный характеръ; послѣ 27-го іюля рабочіе становились на работу. Отличительной чертой послѣдней забастовки было, въ большинствѣ случаевъ, прекращеніе работъ въ городскихъ и общественныхъ предпріятіяхъ. Земскіе служащіе и рабочіе не бастовали. На казенныхъ заводахъ и фабрикахъ забастовка проявилась въ незначительныхъ размѣрахъ» [1]).

Кстати отмѣтимъ здѣсь же отношеніе нашихъ столичныхъ муниципалитетовъ къ своимъ бастовавшимъ служащимъ. Въ Петербургѣ служащіе на городскихъ конно-желѣзныхъ дорогахъ, принимавшихъ участіе въ политической забастовкѣ, оштрафованы городскимъ управленіемъ «за неявку на службу» въ теченіе 2-хъ дней—кондуктора на 6 руб. (ихъ мѣсячный заработокъ до 40 руб.), кучера на 4 руб. (мѣсяч. заработокъ 18—22 руб.) и форейторы на 2 рубля (мѣсяч. заработокъ 15 руб.). Московская городская управа рѣшила разсчитать всѣхъ рабочихъ городской типографіи и не принимать ихъ вновь на службу, какъ и рабочихъ съ Міусской станціи электрическаго трамвая. Затѣмъ типографскимъ рабочимъ предложено было подать прошеніе объ обратномъ пріемѣ, причемъ у принятыхъ (трое было арестовано, 12—отказались подать прошеніе) рѣшено было вычесть изъ вознагражденія за время забастовки. Такъ столичнаа буржуазія хоть и косвенно, но недвусмысленно реагировали на роспускъ думы! Стоило только *революціи* ополчиться на *реставратора* г. Столыпина, какъ представители городской буржуазіи забыли столь нравившуюся имъ покойную думу и поспѣшили стать на сторону контръ-революціи.

Такимъ образомъ, іюльская политическая забастовка должна быть признана во всѣхъ отношеніяхъ неудачной. Она не только не привела къ какимъ-либо завоеваніямъ, но и по своей организаціи и по ходу оказалась очень слабой, не имѣющей значенія даже ноябрьской или декабрьской. Какой же «порокъ» подтачивалъ силу послѣдней забастовки? Мы уже упоминали въ началѣ, что были нѣкоторыя данныя, заставлявшія предполагать успѣшность организованнаго выступленія пролетаріата. Было и есть общее возбужденіе и непрекращавшаяся борьба рабочаго класса съ угнетателями всѣхъ видовъ и ранговъ. Былъ и есть ростъ сознательности и организаціонной дисциплины. Послѣднее обстоятельство, какъ это ни покажется страннымъ, особенно и обнаружилось въ забастовочные дни. По общимъ отзывамъ, именно дисциплинированные партійной жизнью рабочіе безпрекословно откликнулись на тотъ призывъ къ выступленію. Это было въ Петербургѣ, гдѣ «въ забастовкѣ приняли участіе, какъ справедливо характеризуетъ петербургскій корреспондентъ «Свобод. Жизни», лишь заводы съ молодыми, легко мѣняющими настроеніе рабочими или *съ крѣпкой партійной организаціей*, покорной партійной дисциплинѣ. Многіе изъ большихъ заводовъ, преданность которыхъ освободительному движенію стоитъ внѣ сомнѣнія, въ забастовкѣ не приняли участія, потому что считали ее не своевременной». Какъ примѣръ послѣдняго отношенія, можемъ

---

[1]) „Свободная Жизнь" отъ 1-го августа.

указать на извѣстный своимъ революціоннымъ прошлымъ Путиловскій заводъ, который совершенно не принималъ участія въ забастовкѣ. Въ Москвѣ точно также одними изъ первыхъ забастовали *наиболѣе сознательные* рабочіе металло-обрабатывающихъ производствъ. Въ Харьковѣ, какъ мы выше приводили, 14-го на нѣсколькихъ митингахъ рабочіе рѣшили «воздержаться», а черезъ двѣ недѣли сдѣлали все, что могли для осуществленія политической забастовки продиктованной имъ изъ Петербурга. Картина ярославскихъ рабочихъ, ожидающихъ на фабричномъ дворѣ приказа забастовать, сама за себя говоритъ о высокой дисциплинированности ярославскаго пролетаріата.

Значитъ, «порокъ» послѣдней забастовки не въ угашеніи классоваго духа рабочихъ сравнительно съ прошлымъ. Можно утверждать даже обратное. Такъ трамвайные служащіе Петербурга не бастовавшіе въ ноябрѣ прошлаго года теперь приняли дружное и горячее участіе въ общепролетарскомъ движеніи. Кромѣ того, въ послѣдней забастовкѣ приняли участіе и совсѣмъ новые слои пролетаріата, строительные рабочіе, и была попытка присоединиться со стороны легковыхъ и ломовыхъ извозчиковъ.

Но въ то же время необходимо отмѣтить отсутствіе важнаго фактора въ проведеніи политической забастовки: движеніе желѣзнодорожныхъ поѣздовъ совершалось все время безпрепятственно. Только въ Петербургѣ былъ задержанъ одинъ поѣздъ на Приморской жел. дорогѣ, благодаря разобранному рабочими пути, да на Ириновской жел. дор. рабочіе пороховыхъ заводовъ въ количествѣ 4.000 человѣкъ пріостановили 24-го іюля три поѣзда. Но вызванные драгуны, кирасиры и казаки произвели два залпа въ воздухъ, послѣ чего толпа разсѣялась. Этотъ фактъ и усиленная охрана войсками вокзаловъ обѣихъ столицъ, боевые поѣзда, готовые двинуться на разгромъ желѣзнодорожной «крамолы», наконецъ, уже пережитое желѣзнодорожниками усмиреніе ясно говорили, на какія гекатомбы должны итти служащіе на путяхъ сообщенія, принявъ участіе въ политической забастовкѣ. Имъ пришлось бы первымъ пролить *не жалѣя* свою кровь за общія требованія и общее движеніе. Согласиться на забастовку значило для нихъ поставить все на карту, не останавливаясь предъ защитой себя и своихъ товарищей съ оружіемъ въ рукахъ. Болѣе того. Вооруженное сопротивленіе, какое они неминуемо должны бы оказать въ отвѣтъ на вооруженное нападеніе правительственныхъ силъ,—иначе, какъ ужъ научила исторія, борьба для нихъ немыслима,—превращается въ настоящемъ случаѣ въ возстаніе. Готовиться къ сопротивленію — готовить возстаніе,—въ такую форму борьбы должна была бы отлиться политическая забастовка на желѣзныхъ дорогахъ.

А если такъ, то прежде всего требуется ясность того дѣла, подъ которымъ должна струиться кровь, нужна ясность революціоннаго удара, не можетъ быть мѣста ни колебаніямъ, ни сомнѣніямъ. Между тѣмъ,—и здѣсь мы переходимъ къ одному изъ «пороковъ» іюльской забастовки,—что касается ясности обнаружилось большое неблагополучіе. Начать съ того, что совѣты рабочихъ депутатовъ,—организаціи, какъ выяснилось изъ прошлыхъ движеній, чисто боевыя, представляющія и выражающія настроеніе и волю активно-революціонныхъ

массъ пролетаріата,—не пользовались ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ авторитетностью. Способы-ли избранія были неудовлетворительны, или въ чемъ другомъ выразились недостатки образованія совѣтовъ, но имъ не пришлось сыграть той властной роли, къ какой они были призваны текущимъ моментомъ. Можетъ быть, и въ знаменитомъ старомъ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ не все было правильно въ этомъ отношеніи, и намъ кажется, что не здѣсь «зарыта собака». Іюльскіе совѣты лишь отразили общее неувѣренное и неудовлетворительное для генеральнаго сраженія настроеніе массъ, и этимъ лишній разъ подчеркнули свою отличительную черту среди прочихъ пролетарскихъ организацій. Организуя само рабочее движеніе, совѣты рабочихъ депутатовъ лишь оформляютъ то, что есть. Они не создаютъ движенія,—и въ этомъ смыслѣ пропаганда объ образованіи совѣтовъ, которые усиленно рекомендовали еще задолго соціалисты-революціонеры, не выдерживала и на самомъ дѣлѣ не выдержала критики действительности. Искусственно вызвать къ жизни боевую организацію пролетарскихъ массъ не значило способствовать естественному развертыванію боевыхъ силъ рабочаго класса. И, съ другой стороны, *необходимо* возникшіе совѣты, даже при нѣкоторой искусственности въ ихъ образованіи, могли бы оказаться на высотѣ положенія. Іюльская забастовка наглядно показала, что совѣты рабочихъ депутатовъ родное дѣтище широкихъ массъ, что съ нихъ нельзя спрашивать того, чѣмъ не обладаетъ масса.

Объясняютъ неудачу забастовки, кромѣ того, и отсутствіемъ поддержки со стороны профессіональныхъ союзовъ и организацій въ виду того, что послѣднія испытали какъ разъ въ это время разгромъ отъ «либеральныхъ» мѣропріятій г. Столыпина. Дѣйствительно, со времени роспуска государственной думы, полиція приступила къ закрытію профессіональныхъ союзовъ въ Петербургѣ и провинціи. Въ столицѣ закрыты союзы рабочихъ кожевеннаго производства, служащихъ въ городскихъ предпріятіяхъ, рабочихъ экипажнаго производства, закрыто было василеостровское отдѣленіе союза рабочихъ по металлу, а затѣмъ и, вообще, прекращеніе дѣятельности этого многолюднаго и важнаго союза. Производились обыски въ помѣщеніи союза рабочихъ электротехниковъ и др., во время забастовки опечатано было отдѣленіе союза по обработкѣ дерева. 28-го іюля полиція опечатала книги и бумаги центральнаго бюро профессіональныхъ союзовъ, и само бюро было закрыто. Словомъ, дѣятельность профессіональныхъ организацій была крайне стѣснена и даже совсѣмъ парализована. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что профессіональные союзы находились еще in statu nascendi, чтобы имѣть серьезное значеніе для руководства въ столь рѣшительный моментъ. Союзъ рабочихъ по металлу едва-едва возникъ, а возраждавшійся желѣзнодорожный союзъ далеко еще не достигъ той организаціонной ступени, какую занималъ въ прошломъ, и съ высоты которой могъ давать властныя директивы.

Наконецъ, сваливаютъ вину за происшедшее и на тѣхъ руководителей движенія, которые такъ быстро измѣнили тактическій лозунгъ, ведя передъ этимъ долгую агитацію за «воздержаніе», что массы не успѣли проникнуться новымъ направленіемъ въ текущей борьбѣ. Несомнѣнно, что этотъ съ Божьей помощью

поворотъ чрезвычайно какъ помогъ росту неувѣренности въ массахъ и привелъ ихъ въ неустойчивое колебаніе вмѣсто того, чтобы намѣтить предъ ними ясно проложенный путь къ твердо очерченной цѣли. Это была роковая ошибка, имѣющая за собою только субъективныя основанія, порожденныя субъективными впечатлѣніями отъ переживаемыхъ событій.

Но, какъ намъ кажется, дѣло не совсѣмъ въ ошибкахъ руководящихъ организацiей. Конечно, когда и совѣты рабочихъ депутатовъ неудовлетворительны, воплощая въ своемъ составѣ общую безпорядочность, и профессіональными союзами нельзя воспользоваться «по независящимъ обстоятельствамъ», и политическія организаціи дѣлаютъ необдуманные, непровѣренные исторической необходимостью шаги, то въ этомъ случаѣ трудно ожидать ясности въ планѣ и проведеніи политической забастовки. Несомнѣнно, что перечисленныя обстоятельства внесли свою долю путаницы въ общее движеніе. Однако, политическая забастовка есть крупное соціальное явленіе, и ея неудача, въ смыслѣ невозможности осуществленія, диктуется болѣе глубокими общественными причинами. Она обречена на пораженіе или обѣщаетъ успѣшно протекать уже въ самомъ началѣ своего движенія, въ зависимости отъ *объективныхъ* условій общественнаго развитія. Политическая стачка, говоритъ Каутскій въ «Соціальномъ переворотѣ» по поводу бельгійской политической забастовки, «властно требуетъ... своего собственнаго метода, не соединяемаго по произволу съ другими методами, вродѣ, напримѣръ, метода союзовъ съ либералами». Конечно, Каутскій упомянулъ здѣсь о либералахъ только потому, что дѣло идетъ о бельгійскихъ событіяхъ. Вообще же говоря, въ понятіе «другіе методы» входятъ и очень многіе пріемы пролетарской борьбы, не соединимые съ самостоятельнымъ и сильнымъ именно въ чистотѣ своей методомъ политической стачки. Такая самодовлѣющая цѣнность послѣдняго оружія рабочаго класса по необходимости вытекаетъ изъ особеннаго характера и значенія политической забастовки. «Политическая стачка, говоритъ Каутскій тамъ же, есть чисто пролетарское средство борьбы, примѣнимое лишь въ такой борьбѣ, которую пролетаріатъ ведетъ одинъ, т.-е. примѣнимое главнымъ образомъ тогда когда борьба ведется противъ всего буржуазнаго общества. Въ этомъ смыслѣ политическая стачка является, можетъ быть, самымъ революціоннымъ оружіемъ пролетаріата». По этому самому политическая стачка не имѣетъ ничего общаго, напримѣръ, съ экономической забастовкой, которая имѣетъ въ виду лишь отдѣльныя предпріятія или производства и направлена непосредственно противъ предпринимателей. А въ такомъ случаѣ методъ политической забастовки несоединимъ съ методомъ экономической. Ибо первый—объединяетъ всѣ силы пролетаріата противъ объединенной же организаціи буржуазнаго общества, государства, второй же методъ раздробляетъ удары рабочаго класса по разнымъ направленіямъ, на отдѣльныя, зачастую конкурирующія между собою, предпріятія.

Между тѣмъ, наша іюльская забастовка должна была протекать въ такихъ соціально-экономическихъ условіяхъ, что ей поневолѣ приходилось соединиться съ экономическими стачками. Вспомнимъ, что начало ея совпало съ широ-

кимъ распространеніемъ *чисто экономической* борьбы рабочаго класса, со стачками на нефтяныхъ промыслахъ, въ горно заводскомъ районѣ, среди судоходныхъ командъ, на табачныхъ фабрикахъ и т. д., со стачками, настолько грандіозными, что онѣ отнимали почти всѣ наличныя силы рабочихъ данной профессіи или, вообще, занятыхъ въ опредѣленномъ производствѣ. Такимъ образомъ, къ началу политической забастовки силы пролетаріата были собраны по отдѣльнымъ экономическимъ отраслямъ, собраны и цѣликомъ закрѣплены въ особицу почти по каждому производству во всемъ его объемѣ, а боевой пылъ рабочихъ тратился въ строго ограниченномъ руслѣ профессіональныхъ интересовъ. Чтобы перевести это боевое настроеніе изъ экономическихъ стачекъ въ политическую, необходимо было разрушить экономическія подраздѣленія борьбы, и экономически разъединенныя массы пролетаріата сбить въ одинъ политическій таранъ, ударяющій въ одинъ *общій* пунктъ. Отсюда уже видно, что когда рѣчь идетъ о превращеніи экономической забастовки въ политическую, предъ ними въ сущности возникаетъ новая организаціонная и агитаціонная задача, которая съ большимъ удобствомъ для своей ясности можетъ не касаться условій «превращенія». Ибо послѣднее оказывается рѣшительно невозможнымъ. Методы политической и экономической забастовокъ дѣйствительно несовмѣстимы. И только внезапное и гигантское воодушевленіе рабочаго класса можетъ произвести кажущійся эффектъ такого превращенія. Но именно «кажущійся», такъ какъ политическая стачка сама по себѣ требуетъ для своего возникновенія этой же силы возбужденія, независимо отъ предыдущихъ условій борьбы.

Но такого возбужденія въ полѣ не оказалось. Во-первыхъ, благодаря колебательной политикѣ руководящихъ организацій, о чемъ мы выше уже говорили, а, во вторыхъ, благодаря все тому же обстоятельству, что политическая стачка попала въ полосу сильно развитой и совсѣмъ не утихающей чисто-экономической борьбы. Послѣдняя систематически вбирала въ себя значительную часть энергіи революціоннаго взрыва и разсѣивала ее по разнымъ поводамъ и направленіямъ.

Такимъ образомъ, политической стачкѣ пришлось волей-неволей комбинироваться съ пріемами экономической борьбы, причемъ, если и считать такую комбинацію теоретически допустимой, то во всякомъ случаѣ, только съ точки зрѣнія взаимнаго дополненія и усиленія методовъ. Но польская практика достаточно ясно показала, что ни экономическая стачка не усилила политической, ни политическая—экономическую. Онѣ проходили каждая сама по себѣ, а вслѣдствіе этого исходя изъ вышеизложенныхъ соображеній, въ несомнѣнный ущербъ для «активнаго выступленія» пролетаріата.

Нѣкоторые любопытные факты изъ протекшей забастовки, намъ кажется, проливаютъ характерный свѣтъ на это невольное сожительство двухъ разнородныхъ методовъ борьбы и, слѣдовательно, на самое политическую забастовку. «На заводѣ Титова (Охтенскій районъ), сообщаетъ «Товарищъ» 13-го августа, уже болѣе трехъ недѣль тянется забастовка. Объявлена она была одновременно со всеобщей политической забастовкой, а когда послѣдняя была ликви-

дирована, рабочіе, неоднократно и раньше требовавшіе у администраціи улучшенія своего положенія, рѣшили продолжать забастовку и предъявили владѣльцу цѣлый рядъ экономическихъ требованій: увеличеніе заработной платы, уменьшеніе количества рабочихъ часовъ и пр.». Въ этомъ случаѣ вполнѣ очевидно, что политической забастовкой рабочіе завода Титова воспользовались для своихъ экономическихъ цѣлей и противъ своей заводской администраціи. Не можетъ быть сомнѣнія, что отъ такого отношенія политическая борьба обречена на грандіознѣйшій провалъ. Но этотъ фактъ далеко не былъ единичнымъ въ Петербургѣ. *24-го іюля* наборщики, печатники, словолитчики и другіе рабочіе Синодальной типографіи предъявили къ администраціи типографіи требованія, чтобы былъ установленъ въ типографіи *8-часовой рабочій день*. Начальство типографіи, по словамъ «Пет. Газ.» отказалось исполнить требованія рабочихъ, и *часть ихъ забастовала*. 26-го іюля, т.-е. въ послѣдній день политической забастовки, читаемъ въ «XX Вѣкѣ», забастовали всѣ водопроводныя мастерскія города Петербурга, предъявивъ 25 пунктовъ *требованій экономическаго характера*. Хозяева согласились удовлетворить большую часть требованій; однако рабочіе рѣшили не приступать къ работамъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены всѣ 25 пунктовъ требованій.

Аналогичные факты имѣли мѣсто и въ Москвѣ. «Своб. Жизнь» 28-го іюля сообщаетъ, что на второй день политической забастовки, т.-е, когда въ Москвѣ движеніе ужъ несомнѣнно шло на убыль, прекратили работу конки и электрическіе трамваи бельгійскаго общества конно-желѣзныхъ дорогъ. «*Они воспользовались забастовкой*,—говоритъ газета,—*чтобы снова поддержать свои давнишнія требованія* объ уравненіи персонала въ вознагражденіи и въ другихъ льготахъ со служащими городскихъ трамваевъ».

Эти факты слишкомъ ярки, чтобы не наложить характернаго колорита на послѣднюю политическую забастовку. Они показываютъ, что методъ чисто экономической борьбы дѣйствуетъ ослабляющимъ образомъ на одновременно примѣняемый методъ массовой политической стачки. И общая схема неудачнаго «выступленія» представляется теперь въ такомъ видѣ. Въ самый разгаръ борьбы рабочаго класса за свои профессіонально-экономическія нужды вводится независимый отъ частныхъ, групповыхъ интересовъ лозунгъ политической стачки. Почти тотчасъ же этотъ *высшій* типъ борьбы, претендующій на всеобъемлющее значеніе, начинаетъ разлагаться и переходить въ низшую форму, приспособленную къ той борьбѣ, которая является господствующей въ настоящій моментъ. Здѣсь произошелъ тотъ же процессъ, какъ если бы страшной энергіей взрыва, заключенной въ усовершенствованномъ орудійномъ снарядѣ, воспользоваться для заряженія кремневыхъ ружей: дорогой снарядъ опустошенъ и брошенъ, взрывчатое вещество извлечено и раздѣлено крупицами между владѣльцами ружей. Политическая забастовка, такимъ образомъ, на время усилила экономическій типъ борьбы, но и сама сгорѣла до тла въ общемъ стачечномъ пожарѣ. Когда отъ нея не осталось и слѣда, картина экономической борьбы въ Петербургѣ и Москвѣ представляла почти тотъ же видъ, что и раньше: по-

прежнему остался обычный процентъ бастующихъ, по прежнему, напр., рабочіе табачныхъ фабрикъ вели упорную борьбу съ предпринимателями.

Конечно, объявляя политическую забастовку, никто не думалъ о комбинированіи ея съ уже существующимъ экономическимъ движеніемъ. Но брошенный въ массы призывъ не вызвалъ взрыва революціоннаго возбужденія,—безъ чего политическая стачка немыслима,—и, такимъ образомъ, новое оружіе попало въ руки неподготовленной къ нему пролетарской арміи, и методъ политической стачки *долженъ* былъ сочетаться съ методомъ экономической борьбы. Отсюда всѣ послѣдствія и характеръ іюльскихъ событій.

І. Ларскій.

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОТГОЛОСКИ.

Къ характеристикѣ политическихъ настроеній русскаго офицерства.
(„Былое", іюль; „Вѣстникъ Европы", августъ; „Отклики Современности", №№ 2—3).

Бесѣду нашу въ прошлой книжкѣ журнала мы закончили обзоромъ правительственныхъ методовъ воспитанія русской арміи при помощи спеціально «приспособленной» для этого литературы и спеціальныхъ же «исправительныхъ» учрежденій, существующихъ, къ общему всѣхъ насъ, русскихъ, позору, подъ именемъ дисциплинарныхъ баталіоновъ. Мы имѣли тамъ дѣло, собственно, не со всей русской арміей, въ ея цѣломъ, а только съ основнымъ ея фондомъ—съ солдатомъ. Здѣсь же мы имѣемъ случай коснуться офицерскаго состава нашей арміи, поводъ къ чему даютъ намъ статьи: М. Ю. Ашенбреннера—«Военная организація партіи «Народной воли» («Былое», іюль),—г. В. Ск-л-а—«По Манчжуріи домой» («Вѣстникъ Европы», августъ) и г. Машина—«Въ Манчжурскихъ арміяхъ» («Отклики Современности» № 2—3).

Въ статьѣ М. Ю. Ашенбреннера насъ интересуетъ сейчасъ не столько исторія военно-революціонной организаціи, созданной партіей «Народной воли»,—хотя въ статьѣ находятся весьма цѣнныя въ этомъ смыслѣ указанія,—сколько общая характеристика офицерской среды, связь этой послѣдней съ жизнью и ея общественными теченіями.

Было время, когда офицерство шло во главѣ русской революціонной интеллигенціи, когда въ немъ и даже только въ немъ свѣтилась и культивировалась русская литературная, общественная и политическая мысль. Захватывая въ свою среду лучшіе элементы дворянской молодежи, офицерство жило въ ту пору интенсивной общественной жизнью, задавшись широкой культурной, а затѣмъ—въ періодъ реакціи—и революціоной работой. Организованное лучшими представителями офицерской среды въ 1816 г. тайное политическое общество, подъ названіемъ «Союза спасенія» или «истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества», ставило себѣ задачей почти исключительно мирную культурную работу, имѣя въ виду даже поддерживать правительство во всѣхъ его полезныхъ прогрессивныхъ начинаніяхъ. Но одно то обстоятельство, что подоб-

ное общество было «тайнымъ», показывало, съ одной стороны, что даже мирная общественная дѣятельность въ прогрессивномъ направленіи уже въ это время была нетерпима правительствомъ Александра I-го, а съ другой стороны,— этимъ же съ перваго момента открытія общества намѣчался характеръ его дальнѣйшаго развитія. «Тайное» общество не могло не быть оппозиціоннымъ, а въ атмосферѣ всеобщаго безправія у оппозиціи можетъ быть только одинъ методъ борьбы, и этотъ методъ—революціоный. И дѣйствительно, въ этомъ именно направленіи и шло развитіе «Союза спасенія». Переименованное въ 1818 г. въ «Союзъ благоденствія», тайное общество, бывшее, однако, хорошо извѣстнымъ правительству, должно было въ 1821 г., подъ давленіемъ репрессивныхъ мѣръ, совершенно закрыться, для того, впрочемъ, чтобы сейчасъ же возродиться вновь въ видѣ окончательно теперь законспирированныхъ революціонныхъ организацій—Сѣвернаго и Южнаго обществъ. Параллельно съ этими внѣшними измѣненіями внутри общества происходила серьезная фильтрація его членовъ. Изъ старыхъ полу-легальныхъ «союзовъ» въ революціонныя организаціи вошли только наиболѣе отважные, наиболѣе энергичные, испытанные борцы; пріемъ новыхъ членовъ совершался также съ большимъ разборомъ. И тѣмъ не менѣе, когда разразилась катастрофа 1825-го года, къ суду было привлечено 120 человѣкъ—почти всѣ, за немногими единичными исключеніями. офицеры разныхъ частей арміи и флота.

Съ тѣхъ поръ прошло полъ-столѣтія. Наступили 70-е годы, и правительство вновь оказалось лицомъ къ лицу съ серьезнымъ, революціонно настроеннымъ противникомъ. На этотъ разъ въ авангардѣ революціи шелъ интеллигентный разночинецъ. Ряды его были не многочисленны. Онъ не располагалъ массой, не располагалъ, подобно декабристамъ, малосознательнымъ, но послушнымъ орудіемъ въ видѣ нижнихъ чиновъ арміи, но за то съ тѣмъ болѣе изумительной силой развивалъ онъ свою собственную энергію, поражая весь міръ своею непреклонною волею и героическимъ самоотверженіемъ. Гдѣ же было и что дѣлало въ эти годы наше офицерство, которое, кстати сказать, уже утратило къ этому времени свою сословную дворянскую обособленность и было близко сродни борющемуся, подъ революціоннымъ знаменемъ «Народной Воли», интеллигентному разночинцу?

На этотъ интересный вопросъ статья М. Ю. Ашенбреннера, бывшаго офицера, даетъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ.

Оказывается, что революціонное движеніе среди офицерскаго состава нашей арміи имѣло сравнительно весьма широкое развитіе. Офицерство жило общею жизнью со всею разночинною интеллигенціей. Питаясь изъ одного и того же духовнаго источника легальной и нелегальной литературы, вѣрно отражавшей русскую дѣйствительность, живя въ однихъ и тѣхъ же, съ разночинной интеллигенціей, условіяхъ политической и соціальной жизни, офицерство не могло не быть солидарнымъ съ революціоннымъ настроеніемъ передовыхъ борцовъ. И названная статья, какъ читатель сейчасъ убѣдится, приводитъ весьма поучительные въ этомъ смыслѣ факты. Но любопытно, что активное выступленіе офицерства на путь революціонной борьбы, произошло съ значитель-

нымъ опозданіемъ. Быстрый ростъ отдѣльныхъ офицерскихъ революціонныхъ кружковъ, ихъ стремленіе къ объединенію въ одномъ общемъ центрѣ, все это совершается собственно тогда, когда партія «Народной Воли», не имѣвшая сколько-нибудь глубокихъ корней въ народныхъ массахъ, была уже обезсилена своей героической борьбой съ самодержавнымъ правительствомъ и быстрыми шагами приближалась къ окончательной своей гибели. Очевидно, что ко времени 70-хъ годовъ правительство успѣло въ такой степени изолировать армію, создать для нея спеціальные кастовые интересы и кастовую обстановку, что понадобилось время для того, чтобы офицерство примкнуло къ движенію.

Первая военная группа, которая и стала затѣмъ центральной, сложилась, по свидѣтельству автора, въ концѣ 80-го года. Учредителями ея были Рогачевъ, Сухановъ, Штромбергъ, Желябовъ и Колодкевичъ; послѣдніе двое, какъ делегаты исполнительнаго комитета партіи «Народной Воли». Самъ авторъ вошелъ въ составъ центральной группы въ началѣ 83-го года. «Центральная группа поставила себѣ цѣлью организацію строго централизованной военно-революціонной партіи для борьбы за политическое и экономическое освобожденіе народа, во главѣ которой ставилась автономная по своимъ спеціальнымъ задачамъ центральная группа. Члены центральной группы назначались исполнительнымъ комитетомъ, программа котораго признавалась основной статьей кружковаго устава.

Пропаганда въ военной средѣ шла успѣшно: офицерскіе кружки, морскіе, артиллерійскіе, армейскіе, возникали въ разныхъ городахъ одинъ за другимъ и сейчасъ же связывались съ общей центральной группой. Но такіе же кружки возникали и совершенно независимо отъ пропагаторской дѣятельности членовъ центральной группы. Очевидно, офицерская среда стала чрезвычайно воспріимчива къ революціоннымъ настроенію и мысли, и въ провинціи было разбросано множество мелкихъ самостоятельныхъ группъ съ собственными, самостоятельно же выработанными программами. О первоначальной программѣ южныхъ кружковъ, напримѣръ, авторъ отзывается, что она «была очень эффектна, но мало состоятельна по существу. Эту программу можно формулировать, какъ дружественный нейтралитетъ въ пользу народа, демонстрантовъ и возставшихъ. Въ другихъ мѣстностяхъ кружковыя программы были весьма разнообразны, начиная отъ программы самообразованія до террористической».

Впрочемъ, задача самообразованія ставилась многими кружками въ перный подготовительный періодъ ихъ существованія: «чувствовалась необходимость въ пополненіи и систематизаціи своихъ познаній. На югѣ велись бесѣды по экономическимъ и политическимъ вопросамъ, излагали по мѣрѣ силъ и возможности ученія Прудона, Луи-Блана, Лассаля, Родбертуса, Маркса, катедеръ-соціалистовъ и др.».

Что касается до террористической дѣятельности, то въ большинствѣ самостоятельныхъ военныхъ кружковъ было принято за правило, что офицеръ, принимающій участіе въ террористическихъ предпріятіяхъ, обязанъ выйти изъ кружка. Такое правило принималось обыкновенно въ видахъ огражденія кружковъ отъ провала. Точно также и центральная группа вмѣстѣ съ связан-

ными съ ней кружками, хотя и приняла, какъ военная партія, програму «Народной Воли» и съ исполнительнымъ комитетомъ по вопросу о террорѣ не расходилась, тѣмъ не менѣе, въ террористической дѣятельности, какъ партія, фактическаго участія не принимала. «Два-три офицера содѣйствовали нѣкоторымъ террористическимъ предпріятіямъ, какъ народовольцы, а не какъ члены военной организаціи, у которой была своя спеціальная задача—военный мятежъ, вооруженное возстаніе. Дѣянія, которыя имѣла въ виду военная партія, относились къ террористическимъ дѣяніямъ, какъ генеральное сраженіе относится къ поединку. Тактическіе пріемы борьбы въ первомъ и во второмъ случаѣ не тождественны».

Поставивъ себѣ цѣлью подготовленіе вооруженнаго военнаго возстанія, центральная группа военной организаціи не могла, конечно, мириться съ задачей «дружественнаго нейтралитета», которую имѣли въ виду нѣкоторые самостоятельно возникавшіе военные кружки. Но и эти послѣдніе относились къ своей задачѣ, какъ къ «програмиѣ—minimum», и поэтому легко, при первомъ же столкновеніи, уступали въ спорѣ центральной группѣ.

«Въ декабрѣ 1881 г. — разсказываетъ авторъ — пріѣхалъ на югъ лейтенантъ Александръ Викентьевичъ Буцевичъ, и отъ него мы узнали о возникновеніи повсюду военныхъ революціонныхъ кружковъ и о существованіи центральной группы. Познакомившись съ нашей програмиой, онъ нашелъ ее недостаточной. Мы защищали свою програму, но онъ указывалъ на ея несостоятельность и доказывалъ, что, по смыслу своего существованія, военная организація должна носить боевой характеръ; что ея назначеніе—активное содѣйствіе партіи «Народной Воли», и ея задача—готовиться къ военному мятежу. Ему возражали, что увлечь за собой единичныхъ солдатъ не трудно; но возмутить цѣлыя роты, батальоны, батареи возможно только при общемъ народномъ возстаніи, что тогда даже и недостаточная подготовка не помѣшаетъ; а общее народное возстаніе—праздная мечта; что революціонное движеніе въ Россіи до сихъ поръ не имѣло массового характера, а являлось въ видѣ частичныхъ мятежныхъ протестовъ; а потому единая практически осуществимая и достаточная задача наша—подготовить сначала отдѣльныя части, затѣмъ (какъ предѣльное требованіе) цѣлые гарнизоны къ тому, чтобы не подымали оружія противъ народа и народныхъ защитниковъ ни въ какомъ случаѣ. Эта програма—минимумъ, и она исполнима, если не во всемъ объемѣ, то частично. Онъ же говорилъ, что наша програма—минимумъ праздная мечта, что смѣшно говорить о подготовкѣ армій и гарнизоновъ, да въ этомъ и нѣтъ надобности. Бываютъ такіе моменты въ общественной жизни, когда нужно открыто и безповоротно стать на ту, или другую сторону, а не оставаться благороднымъ свидѣтелемъ, такъ сказать, между молотомъ и наковальней; подготовить одну-—двѣ роты, батарею, эскадронъ къ открытому возмущенію легче, чѣмъ осуществить наши неопредѣленные и обширные замыслы. Одна рота, открыто ставшая на сторону возмутившихся, можетъ принести неисчислимыя услуги: напр., захватить арсеналы и передать оружіе инсургентамъ, захватить пушки, пороховые погреба, обезоружить цѣлыя части, арестовать энергичныхъ распоряди-

телей усмиренія, освободить политическихъ заключенныхъ. Не надо забывать также, что въ подготовительномъ періодѣ у офицера есть свои техническія задачи: напр., изучить топографію будущаго театра дѣйствія, составить планы на разные случаи и т. д.

«Въ результатѣ этихъ совѣщаній было присоединеніе двухъ армейскихъ кружковъ, а затѣмъ и морского кружка къ партіи «Народной Воли». Кружковыя программы двухъ первыхъ кружковъ были измѣнены такъ: задача кружковъ—активная поддержка протестующихъ и возставшихъ; главенство Исполнительнаго Комитета партіи «Народной Воли»; непосредственное подчиненіе по спеціальнымъ дѣламъ автономному военному центральному кружку; обязательство явиться въ распоряженіе военнаго центра по первому требованію». Между прочимъ, по поводу этого послѣдняго обязательства, истинный смыслъ котораго Буцевичъ раскрылъ только одному автору, онъ замѣчаетъ, что здѣсь имѣлись въ виду задуманныя Буцевичемъ очень смѣлыя и остроумныя предпріятія, которыя, однако, не были осуществлены изъ-за недостатка въ денежныхъ средствахъ.

Быстрый ростъ военныхъ организацій объясняется бытовыми особенностями военной среды. Военная община—это большая открытая семья, и если, взятая въ ея цѣломъ, она успѣла выдѣлить изъ себя нѣсколькихъ даровитыхъ организаторовъ (Буцевичъ, Рогачевъ) и очень способныхъ пропагандистовъ, то хорошихъ конспираторовъ она едва-ли выдвинула. «Около кружковыхъ офицеровъ группировались люди, связанные съ ними разными узами, люди, которыхъ включить въ кружокъ было невозможно. Между такими встрѣчались люди, сочувствовавшіе, но преданные платонически. Они оказывали иногда большія услуги и въ критическій моментъ могли быть увлечены. Эти люди знали слишкомъ много и даже случайно попадали на кружковыя совѣщанія, а во время провала давали неосторожныя, а иногда и откровенныя показанія». Какъ бы тамъ ни было, но, вслѣдствіе этихъ условій офицерскаго быта, пропаганда, при первыхъ шагахъ обыкновенно осторожная, быстро утрачивала конспиративный характеръ и велась смѣло и открыто, широко распространяя сферу захваченныхъ ея вліяніемъ лицъ. Это свое наблюденіе авторъ иллюстрируетъ слѣдующимъ дѣйствительно характернымъ случаемъ.

Въ одномъ южномъ кружкѣ, который и въ обычное время не любилъ стѣснять себя рамками конспираціи, въ лагерное время завелся обычай сходиться для бесѣдъ въ одной пивной на большой и людной улицѣ. «На улицу выходила веранда, обвитая дикимъ виноградомъ. Тутъ стояли столики. Столики сдвигались, и послѣ ужина приступали сначала къ спокойному обсужденію, которое зачастую заканчивалось горячимъ призывомъ къ возмущенію. Однажды въ этотъ городъ заѣхалъ одинъ нелегальный, какъ офицерамъ показалось, для провѣрки слуха, что въ кружкѣ закутили. Съ этимъ «комиссаромъ» сначала поговорили о дѣлахъ; потомъ его завели въ пивную, гдѣ и началась обычная исторія, завершавшаяся «возмутительными» рѣчами. Въ это время на верандѣ сидѣлъ за своимъ столикомъ турецкій консулъ въ фескѣ, грекъ по происхожденію, отлично говорившій по-русски. Когда ораторъ про-

износилъ зажигательный спичъ, консулъ отвелъ одного офицера въ сторону и заговорилъ такъ:

«Этотъ офицеръ, должно быть, очень хорошій человѣкъ, но только онъ очень неостороженъ: такія рѣчи говорить въ Россіи на улицѣ опасно. Посмотрите: прохожіе останавливаются и прислушиваются. Вы, господа, должны беречь своего товарища, иначе онъ пропадетъ!»

«Къ этимъ словамъ прислушивался пріѣзжій (нашъ гость) и горячо возразилъ:

«Нѣтъ! Неправда! Если намъ зажимаютъ ротъ, то мы будемъ кричать! Если изъ нашего дома сдѣлали проѣзжую дорогу, то мы на улицѣ будемъ какъ дома!»

«Такъ кончилась—добавляетъ авторъ—эта замѣчательная ревизія».

Въ принципѣ, однако, конспирація въ офицерскихъ кружкахъ признавалась и проповѣдывалась. Много времени, напримѣръ, удѣлялось на кружковыхъ собраніяхъ обсужденію вопроса, какъ вести себя на слѣдствіи и судѣ, чтобы не оговорить товарищей и не указать невольно опытному прокурору на тотъ неуловимый кончикъ нити, схватившись за который легко распутать весь клубокъ. Вопросъ разрѣшался въ томъ смыслѣ, что на всѣ вопросы слѣдуетъ, смотря по обстоятельствамъ, давать два отвѣта: «не знаю» или «не желаю отвѣчать». Въ тѣхъ же, повидимому, конспиративныхъ цѣляхъ, офицерскія организаціи уклонялись вести непосредственную пропаганду среди солдатъ, предпочитая дѣлать это черезъ посредство организованныхъ рабочихъ. «Офицеры должны были намѣчать и указывать рабочимъ болѣе надежныхъ и способныхъ людей, оберегать свиданія солдатъ съ рабочими, выручать солдатъ отъ всякихъ домашнихъ и внѣшнихъ напастей и повышать по возможности ихъ служебное положеніе и т. д.». Предполагалось, что офицеры откроются солдатамъ по окончаніи подготовительной работы, не задолго до рѣшительныхъ дѣйствій. Но, конечно, солдаты оказались наблюдательнѣе, чѣмъ думали о нихъ офицеры, и безъ труда выдѣляли изъ офицерскаго состава «своихъ».

М. Ю. Ашенбреннеръ въ центральной организаціи находился очень недолго. Всѣ его наблюденія пріурочены, главнымъ образомъ, къ южной Россіи, къ мѣсту его службы и къ лично ему извѣстнымъ революціоннымъ офицерскимъ кружкамъ. Но, какъ свидѣтельствуетъ и самъ онъ, сообщаемые имъ факты могутъ быть безъ ущерба для истины обобщены, потому что «составъ, строеніе, разныя фазы развитія, а можетъ быть и упадка, взаимныя отношенія кружковъ къ сосѣднимъ группамъ и къ центру вездѣ были одни и тѣже, за исключеніемъ, вѣроятно, нѣкоторыхъ незначительныхъ индивидуальныхъ уклоненій».

Молодая военная организація очень скоро сдѣлалась жертвою «дегаевщины». Дегаевъ вошелъ въ центральную военную группу въ началѣ 1881 г. и былъ лично знакомъ съ главными дѣятелями многихъ мѣстныхъ кружковъ. На югѣ онъ совершенно обворожилъ военныхъ, на сѣверѣ военные его «обожали». Онъ представлялся членамъ военныхъ организацій человѣкомъ очень тонкимъ, ловкимъ, умнымъ, изворотливымъ и предпріимчивымъ. Вскорѣ послѣ его фиктивнаго побѣга изъ одесской тюрьмы, одинъ за другимъ начались повсюду среди офицеровъ аресты и провалы, а весною и лѣтомъ 1883 г. предприняты были

массовые аресты офицеровъ, пока не исчерпана была почти вся военная организація. Уцѣлѣло лишь нѣсколько военныхъ кружковъ, о которыхъ почему-либо не былъ освѣдомленъ Дегаевъ, но и они, въ атмосферѣ наступившаго въ это время политическаго затишья, мало-по-малу прекратили свое существованіе.

О томъ, насколько широко успѣло въ офицерской средѣ распространиться это кратковременное движеніе, можно судить по слѣдующему указанію М. Ю. Ашенбреннера. Когда въ концѣ 1882 г. онъ получилъ отъ центральной военной группы порученіе объѣздить существовавшіе тогда въ Россіи мѣстные кружки, съ цѣлію согласованія ихъ программъ и объединенія ихъ дѣятельности, то ему врученъ былъ списокъ 400 офицеровъ, бывшихъ въ то время, такъ сказать, на примѣтѣ у центральной группы. Правда, по словамъ автора оказалось, что въ списокъ попали по ошибкѣ и люди, совсѣмъ не подходящіе. Но съ другой стороны, не надо забывать, что существовали отдѣльные мѣстные кружки, совершенно не извѣстные центральной организаціи. И въ этой же статьѣ авторъ разсказываетъ, съ какими огромными трудностями приходилось отыскивать пути къ центру даже такимъ кружкамъ, у которыхъ уже были связи съ центральной организаціей, но по какимъ-нибудь причинамъ случайно обрывались.

Какъ ни какъ, слѣдовательно, а приходится признать, что и въ революціонное движеніе 70-хъ годовъ русское офицерство внесло свою и даже серьезную, хотя и запоздавшую лепту.

Затѣмъ въ русскомъ революціонномъ движеніи наступаетъ новый перерывъ, продолжающійся на этотъ разъ почти четверть вѣка, чтобы потомъ, въ наши дни, сразу всколыхнуть всю страну, съ верху до низу, во всѣхъ ея слояхъ втянувшуюся въ революціонный водоворотъ.

Т. е. собственно говоря, перерывъ въ революціонномъ движеніи былъ далеко не такимъ продолжительнымъ. Уже послѣдняя декада прошлаго столѣтія даетъ примѣръ огромной и напряженной работы среди городского пролетаріата. Но это была, поистинѣ, работа въ подпольѣ, безъ шума, безъ всякихъ внѣшнихъ эффектовъ. Молодыя силы настойчиво и упорно, несмотря на непрерывныя и многочисленныя жертвы на алтарь самодержавнаго Молоха, вели свою созидательную работу, постепенно объединяя неорганизованныя пролетарскія массы. А на поверхности жизни объ этой безшумной работѣ можно было судить только по страстной полемикѣ, съ которою доктринеры народничества отстаивали свои позиціи отъ смѣлыхъ и рѣшительныхъ выступленій теоретиковъ научнаго соціализма. И только та часть разночинной интеллигенціи, которая крѣпкими нитями связала свою судьбу съ судьбами пролетаріата, увѣренно и бодро шла впередъ, воспитывая и закаляя въ себѣ революціонное настроеніе. Въ верхнихъ слояхъ настроеніе безпрестанно колебалось, въ зависимости отъ силы тѣхъ рѣдкихъ волнъ, которыя иногда поднимались на поверхность изъ глубинъ встревоженной стихіи. Сегодня, подъ впечатлѣніемъ тѣхъ или иныхъ случайныхъ признаковъ пробужденія массъ, здѣсь повышалось настроеніе, повышались требованія и проектировалась соотвѣтствующая имъ боевая тактика. Завтра впечатлѣніе остывало, забывалось, и вчерашняя мысль о народовластіи

снова и снова снималась съ очереди, смѣняясь скромными мечтами о возможномъ соглашеніи съ самодержавнымъ режимомъ, о земскомъ соборѣ или о чемъ нибудь въ родѣ этого.

Въ такомъ неустойчивомъ положеніи постоянной растерянности и постояннаго преобразованія настигла нашу буржуазную демократію русская революція. Въ первый моментъ смытая высокимъ гребнемъ революціонной волны, она затаилась, притихла, безъ борьбы уступивъ руководительство движеніемъ пролетарскимъ организаціямъ. Но вскорѣ затѣмъ, оріентировавшись въ массовомъ движеніи, она сама вступила въ него и заняла въ немъ видную и болѣе или менѣе опредѣленную позицію. «Болѣе или менѣе»—говоримъ мы,—потому что полной опредѣленности позиціи, занятой буржуазной демократіи, мѣшаетъ, какъ прежде, такъ и теперь, ея неустанное стремленіе отыскать равнодѣйствующую правыхъ и лѣвыхъ силъ и по ней направить свою революціонную энергію.

Какъ бы тамъ ни было, но въ совершающемся процессѣ революціи буржуазная демократія занимаетъ свою позицію. Мы ее знаемъ и въ каждый данный моментъ легко, безъ крупныхъ ошибокъ, можемъ предугадать возможную линію поведенія этой революціонной силы въ ближашій моментъ.

Совершенно въ иномъ положеніи, въ положеніи полнаго невѣдѣнія, находимся мы сейчасъ по отношенію къ офицерскому составу нашей арміи. А вѣдь, собственно говоря, офицерство, въ основной своей массѣ, есть плоть отъ плоти и кость отъ кости той же буржуазной демократіи. И, можетъ быть, исходя изъ этой родословной нашего офицерства и принявъ въ разсчетъ извѣстныя особенности его воспитанія и быта, мы съумѣемъ выяснить себѣ его психологію,—какова она въ переживаемый нами моментъ и каково должно быть возможное ея направленіе въ ближайшемъ будущемъ?

Мы видѣли, что въ 70-ые годы офицерство пережило точь въ точь тѣ же настроенія, какими питалось и жило современное ему поколѣніе интеллигентнаго разночинца. Мы видѣли, что ни въ качествѣ, ни въ напряженности, ни, наконецъ, въ актуальности этого настроенія офицерство не уступало интеллигентному разночинцу. Разница оказалась въ одномъ — во времени. Офицерство выступило на арену революціонной борьбы съ опозданіемъ,—тогда, когда интеллигентный разночинецъ, обезсиленный неравной борьбой, изнемогъ и складывалъ свое оружіе. Такое запоздалое выступленіе офицерства объясняется ничѣмъ инымъ, какъ только искусственной изолированностью его отъ окружающей среды.

Съ тѣхъ поръ система изоляціи, особенно облюбованная высшей военной администраціей, сдѣлала огромные успѣхи. Образовательный цензъ офицера былъ сильно пониженъ, и тенденція правительства явно заключалась въ томъ, чтобы отгородить офицерство въ кастовую организацію, изъ которой и въ которую не было бы никакого ни выхода, ни входа. Офицера старались подкупить мыслью, что онъ принадлежитъ къ какой-то особенно высокой, особенно привилегированной организаціи, и въ то же время всю подготовку къ этому «особенно высокому» званію обкарнали такъ, что офицеръ, который пожелалъ бы снять съ себя сковывавшую его мишуру привилегированнаго мундира, ока-

зывался неприспособленнымъ ни къ какой иной дѣятельности. Гибельные результаты этой системы, даже въ узкомъ спеціально-военномъ дѣлѣ, настолько ярко обнаружились въ минувшую войну съ Японіей, что о нихъ говорить здѣсь не приходится. Но цѣль, которую правительство преслѣдовало этой системой, достигнута была вполнѣ.

Изоляція офицерства отъ общественныхъ и политическихъ интересовъ, которыми жила вся Россія, оказалась настолько совершенною, что первая же революціонная волна, высокимъ гребнемъ вскинувшаяся надъ страной, и въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ совершенно выбила офицерство изъ строя. Та минутная растерянность, которую, какъ мы только что указали, обнаружила при этомъ вообще вся наша буржуазная демократія, можетъ быть названа героическимъ самообладаніемъ въ сравненіи съ тѣмъ настроеніемъ, какое переживало въ этотъ моментъ въ массѣ русское офицерство. Живой иллюстраціей этого настроенія могутъ послужить намъ воспоминанія запаснаго офицера г. В. Ск-л-а («По Манчжуріи домой»), напечатанныя въ послѣдней книжкѣ «Вѣстника Европы».

Г. Ск-л-ъ отправленъ былъ, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ офицеровъ, «на войну» тогда, когда война была уже собственно закончена и когда въ то время еще будущій «графъ» Витте приводилъ къ «блестящему» концу мирный договоръ съ побѣдителями. В. Ск-л-ъ, вмѣстѣ съ другими офицерами, взятъ былъ изъ обѣднѣвшихъ офицерскимъ составомъ полковъ, стоявшихъ внутри Россіи, для «пополненія» офицерскихъ вакансій Манчжурской арміи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ Манчжуріи офицерскихъ вакансій не оказалось, и тамъ не знали, куда можно сунуть вновь прибывшихъ офицеровъ. Много еще другихъ эпизодовъ, характеризующихъ удивительную нескладицу и нераспорядительность военнаго министерства и всей вообще высшей военной администраціи въ Манчжуріи, разсказываетъ г. Ск-л-ъ, но на нихъ мы останавливаться не будемъ, а перейдемъ непосредственно къ интересующей насъ въ данную минуту части его записокъ.

Какъ извѣстно, октябрьское революціонное движеніе, окончившееся грандіозной всеобщей политической забастовкой, не прошло незамѣченымъ и въ стянутой на дальнемъ востокѣ арміи. Солдаты чутко прислушивались къ тому, что творится на родинѣ, и первая побѣда революціи, выразившаяся въ манифестѣ 17-го окрября, рѣшительно и сразу всколыхнула ихъ. Движеніе среди нижнихъ чиновъ арміи приняло огромные размѣры. Въ меньшей, наиболѣе сознательной части арміи оно ярче всего выразилось въ знаменитой читинской резолюціи 25-го ноября, которую солдаты и казаки закончили слѣдующими знаменательными словами: «Принимая во вниманіе, что теперь по всей Россіи возсталъ рабочій классъ подъ знаменемъ соціалъ-демократической партіи, а засимъ поднимается и крестьянство, мы заявляемъ, что мы—сами крестьяне и рабочіе—сочувствуемъ ихъ борьбѣ и вмѣстѣ съ рабочей партіей отвергаемъ Государственную Думу, гдѣ не будетъ нашихъ представителей, и будемъ добиваться созыва Учредительнаго Собранія, избраннаго всѣмъ народомъ безъ различія сословій, націй и пола, бѣдныхъ, образованныхъ и не образованныхъ,

съ подачей голосовъ прямымъ и тайнымъ голосованіемъ». Въ большей части арміи, въ ея массѣ, это движеніе выразилось глухимъ броженіемъ, чаще всего проявлявшимся въ нежеланіи отдавать честь начальству и вообще въ непризнаніи воинской дисциплины. Тонъ солдатской рѣчи рѣзко повысился и сталъ неузнаваемъ по сравненію съ рабской приниженностью его вчерашнихъ еще обращеній къ начальству.

Словомъ, солдатъ сразу-же сталъ въ опредѣленное отношеніе къ провозглашенной «свободѣ» и понялъ ея такъ, какъ это было ему доступно въ зависимости отъ степени его сознательнаго отношенія къ жизни.

Что же касается офицерства, въ его массѣ, конечно, то положеніе его оказалось трагическимъ, и трагизмъ заключался въ томъ, что къ развернувшему передъ нимъ внезапно движенію оно не могло встать *ни въ какое* отношеніе. *Никакого* отношенія, когда кругомъ свирѣпствуетъ буря, когда на каждомъ шагу раздаются угрозы и оскорбленія!

Предоставимъ, однако, слово г. Ск-л-у, который, очевидно, и самъ пережилъ весь трагизмъ внѣпространственнаго положенія офицерства, и потому съ большою отчетливостью съумѣлъ воспроизвести его въ своихъ запискахъ.

Манифестъ 17-го октября засталъ автора въ деревушкѣ, гдѣ движеніе среди солдатъ еще ничѣмъ не проявило себя, но куда стали уже доходить изъ Харбина «тревожныя вѣсти». Очевидцы разыгрывавшихся тамъ сценъ то и дѣло наѣзжали сюда и разстраивали офицеровъ своими разсказами, въ родѣ слѣдующаго:

«Въ залъ I и II классовъ, на харбинскомъ вокзалѣ, вваливается, конечно, пьяный солдатъ. Смотритъ по сторонамъ и, увидавъ группу офицеровъ, въ томъ числѣ и одного штабъ-офицера, за общимъ столомъ, шатающейся походкой направляется къ нимъ и, съ папироской въ зубахъ, тутъ же разваливается на стулѣ. Замѣтивъ негодующіе взгляды гг. офицеровъ, которые, однако, ограничиваются лишь взглядами, онъ замѣчаетъ: «чаво же такого? Небось, изъ того же тѣста сдѣланъ. Потому что теперь, значитъ, слабода—и я за свои деньги завсегда имѣю право»... Слѣдуютъ сбивчивыя объясненія все на ту же тему о «слабодѣ».

«Свидѣтели переданнаго только что случая, врачъ и офицеръ одного изъ полковъ нашей девизіи, были страшно взволнованы собственнымъ разсказомъ. Мы тоже призадумались... И офицеръ, и врачъ уѣхали, а мы все още обдумывали, что можетъ быть дальше».

Вы видите, что на этотъ маленькій и пока еще случайный эпизодъ офицеры реагируютъ негодующими взглядами, обнаруживаютъ «страшную взволнованность», «призадумываются» и «обдумываютъ», но... но во всемъ этомъ нѣтъ самаго главнаго, нѣтъ опредѣленной рѣшающей мысли, которая могла бы побудить ихъ къ такимъ же опредѣленнымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Они «обдумываютъ», но ничего выдумать не могутъ, и потому, вмѣстѣ съ авторомъ, горячо негодуютъ на... кого бы вы думали?..—на «начальство» за то, что оно «не дѣлало даже попытокъ давать какія-нибудь офиціальныя разъясненія».

А между тѣмъ—продолжаетъ авторъ—«чувствовалась, однако, потребность все это понять».

Наконецъ, «Линевичъ приказалъ разъяснить. Но—жалуется авторъ,—несмотря на многочисленный штабъ, главнокомандующій не издалъ никакой не только брошюры, которую ничего не стоило бы составить, но даже не нашелъ нужнымъ дать программу для этихъ объясненій... Послѣдствія оказались самыя нежелательныя, но и неизбѣжныя: отъ исполненія этого приказа уклонились,—т.-е. полковой командиръ пытался что-то разъяснить полку на морозѣ, но такъ туманно и странно, чтобы не сказать больше, что я, напримѣръ, частью ничего не понялъ, частью же почерпнулъ такія неожиданныя свѣдѣнія изъ области государственнаго права, что только пожалѣлъ о неполнотѣ нашихъ университетскихъ курсовъ. Все это было такъ ново! Ясно, что солдаты получили одно лишь впечатлѣніе отъ лекціи—они ознобили себѣ ноги.

«Сдѣлавъ свое дѣло, полковникъ уѣхалъ, приказавъ «разъяснить подробнѣе» значеніе манифеста. Ротные командиры стали втупикъ. Нѣкоторые рѣшили «подготовиться», и потому «отложили» разъясненія; другіе же имѣли мужество категорически отказáться отъ подобнаго предпріятія»...

Такъ, несмотря на всю мучительную «потребность все это понять», офицеры, ничего не выяснивъ самимъ себѣ и не дождавшись надлежащаго разъясненія отъ подлежащаго начальства, получили, наконецъ, возможность двинуться домой.

Авторъ разказываетъ о путешествіи изъ Манчжуріи, въ которомъ вмѣстѣ съ нимъ принимало участіе около ста пятидесяти офицеровъ. Странное это было путешествіе! Кажется, какъ будто вамъ разсказываютъ не о полутораста офицерахъ, а о полутораста институткахъ, которымъ въ первый разъ въ жизни пришлось самостоятельно проѣхаться по желѣзной дорогѣ. Все ихъ поражаетъ, все кажется имъ страннымъ, онѣ жаждутъ найти объясненіе видѣнному, но боятся спросить кого-нибудь,—вѣдь имъ строго наказано въ пути ни съ кѣмъ не заговаривать, потому что «всѣ мужчины подлецы и нахалы и могутъ оскорбить»...

Возвратъ офицеровъ на родину совпалъ со всеобщей забастовкой, когда стачечный комитетъ взялъ въ свои руки дѣло эвакуаціи арміи. По свидѣтельству г. Машина, статью котораго намъ еще придется цитировать ниже, къ этому дѣлу стачечники приложили такую огромную и притомъ цѣлесообразно направленную энергію, что сразу же возбудили къ себѣ всеобщее довѣріе, какъ со стороны солдатъ, такъ и офицеровъ. «Черезъ два-три дня изъ Харбина отправляли уже 5 эшелоновъ въ день, черезъ пять дней 8 эшелоновъ, а черезъ недѣлю *пятнадцать* ежедневно. При старомъ же режимѣ выше четырехъ число отправляемыхъ эшелоновъ не подымалось». Неудивительно, что и наши офицеры, спутники г. Ск—л—а, несмотря на всю свою подозрительность, съ полнымъ довѣріемъ обращались къ «комитетчикамъ» съ своими заявленіями и просьбами. «Комитетчики» были даже единственными людьми, съ которыми офицеры охотно вступали въ общеніе. Въ этомъ былъ личный интересъ ихъ, возвращающихся на родину, и здѣсь они дѣйствовали самостоятельно, рискуя даже навлечь на себя перуны высшей военной администраціи.

Но любопытно, что и здѣсь, въ отношеніяхъ своихъ къ забастовочному комитету, которому они дарили свое полное довѣріе, услугами и вниманіемъ котораго они безпрестанно пользовались, офицеры не могли преодолѣть раньше еще овладѣвшаго ими чувства недоумѣнія. Имъ казался «страннымъ» и «господинъ въ партикулярномъ платьѣ», «самозванный начальникъ», замѣнившій начальника станціи, и «эти добровольно-подчиненные», которые козыряли господину и выполняли его распоряженія. На кругобайкальской дорогѣ въ вагонъ къ офицерамъ подсѣлъ какой-то подрядчикъ, что-то строящій на дорогѣ и близко, уже нѣсколько лѣтъ, знакомый съ тамошними порядками. «Онъ разсказалъ намъ, что инженеры теперь «отъ дѣла уволившись», и что дѣйствуютъ стачечные комитеты и притомъ весьма успѣшно.

— Страсть, какъ здорово до всего добираются!—восхищался подрядчикъ.— Далеко-ли отъ Иркутска до Слюдянки, а гляди—уже 197 теплушекъ отыскали. Стояли себѣ безъ дѣла, про нихъ и забыли, а эти, гляди, и высмотрѣли. Анъ пять поѣздовъ-то и выйдетъ. Цѣльный полкъ уѣдетъ. А какъ подумать, сколько они ихъ, до Харбина-то ѣхамши, наберутъ—страшное дѣло.— Онъ былъ доволенъ комитетами.

— Дѣловой народъ, просто сказать—башковатый!—отзывался онъ о членахъ коммиссій и комитетовъ.

«Все это было такъ странно и непривычно—замѣчаетъ по этому поводу авторъ—казалось, что ѣдешь не по Россіи, хотя и азіатской, а Богъ вѣсть по какому незнакомому государству... Съ непривычки вѣрилось съ трудомъ. А мѣстные люди, въ родѣ этого подрядчика, смотрѣли на все иными глазами. Они уже наглядѣлись и наслушались. Имъ все это уже казалось въ порядкѣ вещей»...

Но если комитеты, съ которыми—повторяемъ—офицеры находились въ постоянномъ общеніи—казались имъ только «странными», то все остальное, что пришлось имъ увидѣть въ пути, приводило ихъ въ состояніе какого-то оцѣпенѣнія и лишало ихъ всякой способности реагировать даже на прямыя оскорбленія.

«Въ первую же ночь (по выѣздѣ со ст. Манчжурія)—вспоминаетъ авторъ—поднялся скандалъ. Кто-то ломился въ вагонъ, требовалъ, чтобы офицеры убрали свои вещи съ полокъ, такъ какъ на эти полки лягутъ какіе-то люди, тоже пассажиры, «только сортомъ получше офицеровъ», и т. д. Одинъ изъ офицеровъ запротестовалъ. Онъ сталъ ссылаться на свои права, на слова коменданта, но тутъ на него посыпался такой градъ изысканнѣйшей ругани, что ему только и осталось, что притвориться мгновенно заснувшимъ. А до меня все еще долетала все та же ругань, направленная и противъ офицеровъ, и коменданта, и всего начальства.

— Теперича всѣ равны!—оралъ все тотъ же голосъ.—Господа тоже нашлись! Мы васъ утремъ. Не слыхали въ Манчжуріи про слободу, такъ мы вамъ ее тутъ покажемъ»...

«Въ нашемъ вагонѣ—разсказываетъ дальше авторъ—какой то одутловатый, съ пьяными глазами субъектъ подпаивалъ матросовъ, которыхъ онъ досталъ

откуда то изъ теплушекъ, и уговаривалъ ихъ скинуть офицерскія вещи на полъ. Матросы жестоко пили и громко съ нимъ разговаривали. Намъ было все слышно, но сдѣлать мы ничего не могли. Въ поѣздѣ была масса «теплушекъ», переполненныхъ въ большинствѣ пьяными солдатами, и потому «затрагивать» ихъ было въ высшей степени рискованно. О какой бы то ни было полиціи или охранѣ и думать было нечего... Положеніе было болѣе чѣмъ глупое и притомъ совершенно безвыходное. Приходилось покориться судьбѣ и молчать. А вмѣстѣ съ тѣмъ было обидно, что наше грозное начальство оказалось безсильнымъ удержать хотя бы только въ границахъ приличія своихъ солдатъ и дать средство офицерамъ мирно доѣхать домой»...

Опять тѣ же жалобы на «начальство», которое и манифестъ должно было разъяснять офицерамъ, и защищать ихъ отъ ихъ же собственныхъ подчиненныхъ. Къ тому же и начальство, съ своей стороны, старалось, какъ умѣло. Самъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ упоминаетъ о томъ, что начальствомъ дорога была объявлена на военномъ положеніи, и за нарушеніе порядка грозили всякими ужасами, но только никто не обращалъ на все это ни малѣйшаго вниманія.

Въ пути офицеры узнали о читинскомъ митингѣ и вынесенной на немъ резолюціи. «Эффектъ поразительный»!—отмѣчаетъ авторъ впечатлѣніе свое и своихъ спутниковъ. Однако о томъ, какъ отнеслись офицеры къ резолюціи по существу, онъ не упоминаетъ ни полъ-словомъ. Очевидно,—*никакъ*. «Поразило не то, что солдаты собрались на митингъ, что выставили рядъ *требованій*, и экономическаго и административнаго характера, но то угрожающее требованіе, чтобы отвѣтъ былъ данъ къ назначенному времени, причемъ даже часъ былъ назначенъ».

Въ Читѣ въ вагонъ къ офицерамъ подсѣла какая то женщина, которая «говорила все на ту же тему о всеобщемъ равенствѣ, и потому (?) всячески поносила офицеровъ». Былъ приглашенъ жандармъ, но женщина, выругавъ его «царскимъ псомъ» и припугнувъ матросами и солдатами, прогнала. Сцена эта опять взволновала офицеровъ, и нашъ авторъ формулируетъ общее ихъ впечатлѣніе на этотъ разъ въ такихъ выраженіяхъ: «казалось, что что-то точно порвалось, что-то такъ страшно измѣнилось, что жить становится невозможнымъ и слѣдуетъ куда бы то ни было бѣжать»...

Бѣжать однако было некуда, и приходилось молча и безропотно переносить оскорбленія и отъ постороннихъ женщинъ, и отъ собственныхъ солдатъ. Эти послѣдніе какъ будто сошли съ рельсъ. При каждомъ удобномъ случаѣ они вспоминали офицерамъ всѣ полученныя ими на службѣ обиды и оскорбленія и вымещали ихъ теперь рѣзкими укорами и насмѣшками. «Надо было только слышать—говоритъ Ск-л-ъ—тѣ оскорбленія, которыя сыпались на офицеровъ, всѣ эти разсказы о томъ, какъ въ бояхъ офицеры прятались и бѣжали, и всевозможныя выдумки въ томъ же родѣ. Все это тутъ же подтверждалось толпой «товарищей»...

Вотъ, напримѣръ, одна изъ такихъ сценъ:

«Въ буфетъ одной изъ станцій, гдѣ сидитъ много офицеровъ, торопящихся пообѣдать, входитъ солдатъ.

«Попавъ въ незнакомую обстановку, онъ снимаетъ папаху и въ нерѣшительности останавливается среди комнаты. Неизвѣстно, чѣмъ разрѣшились бы его колебанія, но вдругъ съ сосѣдняго столика, гдѣ за бутылками пива сидятъ два солдата, раздается голосъ:—Слышь, землякъ, ты чего же это сталъ-то? Что офицеровъ много понасѣло? (слѣдуетъ непечатное слово). Такъ это, братъ, наплевать! На такія же деньги пьемъ да ѣдимъ. Не хуже ихъ!—Воцаряется гробовое молчаніе. Всѣ напряженно молчатъ.

— Я почему тебѣ говорю: наплевать? Потому я этотъ народецъ, братъ ты мой, видалъ. Да вотъ къ примѣру: стояли мы подъ Мукденомъ,—началъ онъ свое повѣствованіе, и голосъ его громко и ясно разносился по комнатѣ.— Ну, стоимъ и япошекъ ждемъ. Пріѣзжаетъ это нашъ баталіонеръ. Хорошо. «Что у васъ, ребята, все въ порядкѣ»?—«Такъ точно—все».—Въ это время конный охотникъ—«японцы», кричитъ, «наступаютъ! близко»! Баталіонеръ услыхалъ это: «Такъ у васъ, ребята, все готово? Ну, а у меня подавно»!— Вытянулъ это плетью лошадь (опять непристойное слово), да и ускакалъ. Да. Ему то хорошо, верхомъ-то удирать, а каково намъ-то, пѣхомъ,—добавилъ онъ, наливая себѣ пива.—Оттого я тебѣ и говорю: наплевать»!

«Стало всѣмъ какъ-то нехорошо и неловко»...

По мѣрѣ приближенія поѣзда къ Россіи чувство «неловкости» не только не умалялось, но даже возрастало, питаясь событіями новаго порядка.

На одной изъ станцій офицеры слышали, какъ телеграфистъ вслухъ читалъ только что полученную телеграмму: «Императорскія войска разбиты. Нами отбиты четыре орудія и пулеметы». Оставляя на совѣсти автора текстъ этой фантастической телеграммы, оповѣщающей, повидимому, о декабрьскихъ дняхъ въ Москвѣ, мы отмѣчаемъ этотъ эпизодъ потому, что онъ вызвалъ автора на очень серьезные, хотя опять таки оставшіеся безъ отвѣта вопросы:

«Куда же мы ѣдемъ? Что ожидаетъ насъ впереди? Наконецъ, кто мы, къ какой партіи мы принадлежимъ?—мы ничего этого не знали и ломали себѣ головы надъ этими вопросами».

Послѣ «пораженія императорскихъ войскъ» на каждой новой станціи слухи принимали все болѣе и болѣе грандіозные размѣры. Но какъ ни были встревожены ими наши офицеры, они не рѣшались обращаться за справками и разъясненіями къ снующей на вокзалахъ оживленной толпѣ. И несмотря на страшно приподнятый интересъ къ новымъ и неожиданнымъ событіямъ, они ограничивались только двумя источниками свѣжихъ свѣдѣній—словоохотливымъ деньщикомъ одного изъ офицеровъ, который часто куда-то исчезалъ и возвращался каждый разъ съ какою-либо новостью, да совсѣмъ не словоохотливыми станціонными жандармами. На одной изъ станцій до офицеровъ дошелъ слухъ о полученной будто бы телеграммѣ, извѣщающей объ «арестѣ правительства». Одинъ изъ офицеровъ обратился за разъясненіями къ жандарму, какъ представителю власти:

— Правда-ли, что правительство арестовано?

— Навѣрное не могу знать, а такъ передавали. Телеграмма была,—доложилъ онъ.—Теперь, ваше благородіе, время такое: не знаешь, кому и служишь. Самая служба тяжелая».

Выслушавъ такое откровеніе изъ устъ жандарма, офицеры, вѣроятно, искренно посочувствовали ему, потому что степень ихъ сознательнаго отношенія къ нагрянувшимъ событіямъ была ничуть не выше жандармскаго. «Не знаешь, кому служишь»,—не знаешь, куда повернутъ, а самъ повернуться ни въ ту, ни въ другую сторону не въ силахъ.

Эта изумительная растерянность, которую проявило офицерство въ своей массѣ при первыхъ же вспышкахъ революціоннаго движенія—явленіе, конечно, печальное, но не безнадежное. И та же манчжурская армія, съ которой мы сейчасъ собственно и имѣемъ дѣло, даетъ намъ отдѣльныя показанія болѣе оптимистическаго свойства.

Извѣстно, напримѣръ, что резолюція читинскаго солдатскаго митинга, о которой намъ уже приходилось упоминать, встрѣчена была офицерами, военными врачами и военными чиновниками читинскаго гарнизона съ полнымъ сочувствіемъ, о чемъ они тогда же и составили особое постановленіе. Извѣстно также заявленіе офицеровъ читинскаго же полка, выражающее полную солидарность освободительному движенію и категорическое обѣщаніе «въ борьбѣ различныхъ партій не принимать на себя полицейскихъ обязанностей». Въ свое время промелькнули въ газетныхъ столбцахъ и другіе факты подобнаго же характера. Но мы пройдемъ сейчасъ мимо нихъ и остановимся на характеристикѣ состоявшагося въ Харбинѣ въ началѣ декабря прошлаго года большого офицерскаго митинга, подробное описаніе котораго даетъ г. Машинъ въ «Откликахъ Современности».

Митингъ былъ созванъ по иниціативѣ высшихъ военныхъ чиновъ манчжурской арміи для выясненія, какъ сказано было въ объявленіяхъ, нѣкоторыхъ бытовыхъ сторонъ офицерства, на самомъ же дѣлѣ для выясненія его политической благонадежности. Поэтому-то начальствующія лица приняли самыя энергическія мѣры къ тому, чтобы привлечь на митингъ всѣхъ испытанныхъ съ реакціонной стороны офицеровъ изъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ войска расположились на зимнія стоянки. Предполагался «митингъ черносотенцевъ par excellence», тѣмъ болѣе, что прогрессивная часть офицерства имѣла въ своемъ распоряженіи слишкомъ мало времени, чтобы успѣть сорганизоваться. Тѣмъ не менѣе за два дня до митинга часть офицеровъ собралась и, спѣшно намѣтивъ вопросы, помѣстила въ мѣстной газетѣ въ день митинга, 2-го декабря слѣдующее письмо:

«Въ виду назрѣвшихъ жизненныхъ вопросовъ о положеніи чиновъ военнаго вѣдомства и реорганизаціи, мы покорнѣйше просимъ помѣстить на столбцахъ вашей газеты нижеслѣдующіе вопросы, отъ благопріятнаго разрѣшенія которыхъ зависитъ будущее благо всего нашего русскаго государства вообще и русской арміи въ частности:

1) Уравненіе гвардіи съ арміей!

2) Уравнять образовательный цензъ.

3) Уничтоженіе кадетскихъ корпусовъ.

4) Изыскать новыя основанія для связи офицера съ солдатами путемъ введенія разумной сознательной дисциплины (отмѣна стараго дисциплинарнаго

устава). Уваженіе къ личности всѣхъ чиновъ арміи и обращеніе на «Вы» къ солдатамъ.

5) Задача арміи, какъ хранительницы отъ внѣшнихъ враговъ, но ни въ какомъ случаѣ не употребленіе ея для политическихъ надобностей.

6) Совершенная отмѣна смертной казни.

7) Улучшеніе солдатскаго быта въ образовательномъ, воспитательномъ и матеріальномъ отношеніи и введеніе солдатскихъ судовъ.

8) Свобода ношенія штатскаго платья внѣ службы.

9) Свобода собраній офицеровъ для обсужденія различныхъ вопросовъ и отмѣна чиновнаго начала при избраніи офицеровъ на общественныя должности.

10) Отмѣна всякихъ процентныхъ ограниченій, распространенныхъ на лицъ другихъ вѣроисповѣданій въ арміи.

11) Право участія въ митингахъ, во всѣхъ собраніяхъ, обществахъ и т. д.—Офицеры».

Митингъ открылъ генералъ Надаровъ знаменитой рѣчью, которую онъ закончилъ призывомъ къ избіенію стариковъ, матерей, младенцевъ: «Пока у насъ миръ въ арміи—сказалъ генералъ—но, господа, недалекъ, быть можетъ, тотъ день, когда я призову всѣхъ васъ на войну. И тогда никого не пощадимъ! Я пойду тогда во главѣ всѣхъ васъ съ мечомъ въ рукѣ и первый буду рубить,—рубить сыновей, матерей, стариковъ, дѣтей, младенцевъ»!

Сказавъ это патріотическое слово, генералъ Надаровъ уступилъ предсѣдательское мѣсто генералу Глинскому и удалился, предложивъ собранію поразмыслить надъ тѣмъ, что онъ сказалъ, и вообще надъ тяжелымъ моментомъ, переживаемымъ страной.

«Кучка охранителей изжившаго порядка—передаетъ свои впечатлѣнія г. Машинъ, бывшій на этомъ митингѣ—сгрудилась вокругъ кафедры: она пѣла въ унисонъ своему начальству. Но громадное, подавляющее большинство собранія отнеслось къ рѣчи своего начальника и повелителя съ рѣзкимъ порицаніемъ и сочло ее явно преступною. Подавляющее большинство категорически заявило, что оно рѣшительно примыкаетъ къ охватившему родину освободительному движенію. Оно заявило, что считаетъ смуту и забастовки необходимымъ слѣдствіемъ неискренности правительства въ проведеніи имъ завоеванныхъ народомъ правъ. «Не войну смутѣ и всякимъ стачечнымъ комитетамъ должны мы объявить, а миръ! Не воевать, а войти съ ними въ соглашеніе должны мы!» «Стрѣлять или не стрѣлять въ народъ, въ забастовщиковъ?» Все въ залѣ притаилось, когда одинъ изъ ораторовъ рѣзко поставилъ этотъ вопросъ. «Будемъ ли мы клятвопреступниками, ежели откажемся стрѣлять?» «Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!» было отвѣтомъ многочисленныхъ ораторовъ и *всего*, буквально *всего* собранія. Это *нѣтъ* было *такъ* сказано, что *никто* не осмѣлился хотя бы робко возразить противъ него: новоявленный Иродъ очутился въ крайне смѣшномъ и жалкомъ положеніи, ибо мечъ, которымъ онъ собрался избивать младенцевъ, сталъ казаться бумажнымъ мечемъ» [1]).

---

[1]) Курсивъ вездѣ автора. *Вл. Кр.*

Имѣя въ виду то значеніе, которое Харбинскій митингъ представляетъ, какъ показатель настроенія нашего офицерства, сосредоточеннаго въ Манчжуріи, авторъ воспроизводитъ многія тогда же на мѣстѣ имъ записанныя рѣчи. Нѣкоторыя изъ этихъ рѣчей дѣйствительно производятъ сильное впечатлѣніе. Это относится особенно къ рѣчи полковника Бутузова, о которой въ письмѣ желѣзнодорожниковъ, подписанномъ 236 лицами и напечатанномъ вскорѣ послѣ военнаго митинга въ мѣстной газетѣ, говорится: «То, что сказано г. Бутузовымъ и бурно одобрено всѣмъ собраніемъ, служитъ намъ ручательствомъ за то, что наши пути никогда не разойдутся, что армія или лучшая часть ея думаетъ такъ же, какъ и народъ и рука объ руку съ народомъ будетъ идти по пути къ освобожденію, что никогда рука солдата не будетъ поднята для братоубійства». Но, рекомендуя интересующимся подробнымъ изложеніемъ рѣчей офицеровъ обратиться непосредственно къ статьѣ г. Машина, мы перейдемъ къ заключительному моменту митинга.

«Между тѣмъ—говоритъ авторъ—какъ устно собраніе все время высказывалось вполнѣ открыто и рѣзко, теперь, когда насталъ моментъ перенесенія всего высказаннаго на бумагу, изъ разныхъ угловъ то и дѣло начали раздаваться голоса, требовавшія смягченія нѣкоторыхъ выраженій, словъ, сглаживанія угловъ. Такъ, напр., выраженіе «завоеванныя народомъ права» замѣнили выраженіемъ «данныя народу права». Генералъ Глинскій заявилъ, что вовсе не надо никакихъ резолюцій, что онъ самъ разскажетъ начальнику тыла обо всемъ. Снова поднялся невообразимый шумъ, требовали выбора депутатовъ. На кафедру подымаются одинъ за другимъ ставленники Глинскаго и рекомендуютъ себя въ выборные. Но имъ не даютъ и слова сказать, сгоняютъ съ кафедры и выкрикиваютъ фамиліи Бутузова и другихъ офицеровъ прогрессивнаго лагеря. Предсѣдатель вдругъ объявляетъ засѣданіе закрытымъ и удаляется. Резолюція, так. образ., сорвана! Но собраніе продолжаетъ волноваться и требовать выработки резолюціи и выбора депутатовъ. Наконецъ, выбраны пять офицеровъ изъ прогрессивныхъ элементовъ офицерства и имъ поручено было отправиться къ Надарову и изложить обо всемъ высказанномъ на митингѣ».

Г. Машину, бывшему лично въ этомъ наэлектризованномъ пламенными рѣчами собраніи и принявшему въ серьезъ платоническое сочувствіе имъ со стороны «подавляющаго большинства» собравшихся, представляется «страннымъ» такой неудачный эпилогъ митинга. И далѣе онъ ставитъ даже «мучительный вопросъ», какъ примирить непримиримое противорѣчіе: «съ одной стороны, офицерство въ подавляющемъ большинствѣ своемъ проявило *на митингѣ* во всякомъ случаѣ оппозиціонное настроеніе, вполнѣ опредѣленно и страстно высказалось противъ стрѣльбы въ народъ и сочло дѣло народа, дѣло забастовщиковъ, своимъ собственнымъ дѣломъ, а дѣйствія правительства и призывъ своего начальника явно преступными; съ другой, офицеры Манчжурскихъ армій *на дѣлѣ* посылались изъ Манчжуріи въ командировку на Кавказъ, въ Польшу, Прибалтійскій край, во внутреннія губерніи для усмиренія тамъ народныхъ волненій, для стрѣльбы въ народъ и выполняли свою работу съ рвеніемъ и даже съ самостоятельнымъ разбойничьимъ творчествомъ»?

Въ отвѣтъ на эти мучительныя загадки и странности авторъ находитъ единственное утѣшеніе въ томъ, что, получивъ урокъ на офицерскомъ митингѣ въ Харбинѣ, «командующіе не рѣшались посылать всякаго офицера для усмиренія россійской смуты», — имъ пришлось выбирать. Подумаешь, какой блестящій результатъ очаровавшаго автора собранія!

Намъ лично все это дѣло рисуется нѣсколько съ иной стороны, и шумный, но хаотическій митингъ 2-го декабря представляется такимъ же показателемъ офицерской растерянности передъ событіями, какимъ были для насъ затихшіе молчаливые вагоны, съ полутораста возвращающимися домой офицерами. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ недоумѣнный вопросъ офицеровъ г. Ск-л-а: «кто мы, къ какой партіи мы принадлежимъ?» не находится въ прямой непосредственной связи съ такимъ же недоумѣннымъ вопросомъ офицеровъ г. Машина на тему о томъ, завоеваны-ли народамъ или, наоборотъ, дарованы народу провозглашенныя 17-го октября права? Развѣ возможно отвѣтить на первый вопросъ, не разрѣшивши второго?

Правда, между молчаливыми вагонами и шумнымъ митингомъ есть и существенное различіе. Упорно молчавшіе въ вагонахъ офицеры картинно изображали безпомощную растерянность своей среды *и только*. Тогда какъ офицеры, говорившіе и шумѣвшіе на митингѣ, сверхъ картины овладѣвшей этой средой растерянности, намѣтили еще возможное направленіе, въ которомъ будетъ двигаться офицерство въ мѣру своего сознательнаго участія въ общемъ процессѣ жизни. Они говорили и шумѣли. Но отъ словъ и настроеній до рѣшительныхъ и систематическихъ поступковъ надо сдѣлать еще одинъ серіозный переходъ. И для офицерской среды переходъ этотъ тѣмъ болѣе длиненъ и сложенъ, что отъ жизни, общественной жизни, ее отдѣляетъ цѣлая искусно придуманная сѣть проволочныхъ загражденій.

М. Ю. Ашенбреннеръ, этотъ видный дѣятель военной революціонной организаціи 70-хъ годовъ, указывая въ цитированной нами выше статьѣ на причины революціоннаго движенія среди офицеровъ, *главной* причиной признаетъ — привлеченіе военныхъ къ усмирительнымъ операціямъ и къ полицейской службѣ. «Въ большихъ городахъ—пишетъ онъ—войска содѣйствовали полиціи въ антипатичнѣйшихъ предпріятіяхъ: арестахъ, облавахъ, охранѣ арестованныхъ, при усмиреніяхъ, судахъ и казняхъ. Военная община состоитъ изъ элементовъ, связанныхъ дисциплиною въ колонію. Эта община не можетъ быть лишена соціальнаго инстинкта; только въ ней элементы утрачиваютъ свою самостоятельность въ пользу цѣлаго, съ которымъ они солидарны безсознательно. Солдаты и офицеры, отправляясь на усмиреніе, смущались, роптали и озлоблялись. Невольное участіе въ жестокомъ и несправедливомъ дѣлѣ и служеніе орудіемъ въ нечистыхъ рукахъ будили совѣсть и пробуждали сознаніе гражданской отвѣтственности и солидарности у болѣе чуткихъ, отзывчивыхъ и нравственно развитыхъ. Эти же чуткіе, наиболѣе развитые и были наиболѣе вліятельны. Такіе офицеры стали собираться и совѣщаться о томъ, какъ они должны относиться къ современнымъ событіямъ и какъ должны вести себя при усмиреніяхъ».

Статьи гг. Ск-л-а и Машина дали намъ матеріалъ для характеристики настроенія офицерства, пріуроченный только къ послѣднимъ мѣсяцамъ прошлаго года. О томъ, какія измѣненія въ психологію этой среды внесли событія текущаго года, въ нихъ, разумѣется, нѣтъ никакихъ указаній. Да едва-ли и возможны сейчасъ матеріалы, которые могли бы служить фактическимъ подтвержденіемъ сдѣланнаго нами прогноза. Настроенія, о которыхъ мы говоримъ, при современныхъ условіяхъ жизни неизбѣжно должны предварительно пройти по конспиративному руслу, скрытому отъ взоровъ стороннихъ наблюдателей. Сейчасъ можно говорить по этому не о фактахъ движенія, а лишь объ отдѣльныхъ его симптомахъ. И, напримѣръ, участіе офицеровъ въ такомъ дерзкомъ по фантастичности замысла предпріятіи, какимъ было свеаборгское возстаніе, является въ нашихъ глазахъ однимъ изъ серьезныхъ симптомовъ начинающагося, а можетъ быть, и начавшагося въ офицерской средѣ движенія.

Вл. Кранихфельдъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Междупарламентская конференція и ея работы.—Проектъ сокращенія военныхъ и морскихъ силъ Англіи.—Европейская печать и русскія дѣла.—Переворотъ въ Персіи.—Англійскій школьный законъ и резолюція суда.—Положеніе въ Македоніи.—Папа и католики.—Броженіе среди итальянскихъ полицейскихъ и жандармовъ.

Междупарламентская конференція, собиравшаяся въ Лондонѣ, закончила свои засѣданія и теперь уже можно подвести нѣкоторые итоги ея работамъ. На конференціи присутствовали делегаты всѣхъ европейскихъ государствъ; наибольшее число делегатовъ Италія—119, затѣмъ Франція—101, и Бельгія—73, Венгрія—52, Германія—36, Австрія—34, Голландія—40, Румынія—26, Финляндія—18, Данія—14, Норвегія—10, Греція—11, Швеція и Швейцарія—по пяти, Испанія—3, Португалія—2, а Сербія—одного. Объ отъѣздѣ русскихъ делегатовъ мы уже сообщили въ прошломъ обозрѣніи. Кромѣ европейскихъ странъ на конференцію прислали своихъ делегатовъ Соединенные штаты, Канада, Мексика и др., что указываетъ на возрастающее значеніе этого «Междупарламентскаго союза Мира».

Конференція выдвинула на первый планъ вопросъ объ учрежденіи постоянной международной слѣдственной коммиссіи, къ которой обязаны прибѣгать всѣ страны, въ случаѣ возникновенія между ними какихъ-либо недоразумѣній, раньше чѣмъ браться за оружіе для разрѣшенія своихъ споровъ. Впервые проектъ учрежденія такого постояннаго международнаго третейскаго суда былъ внесенъ на обсужденіе въ 1894 г. въ Гаагѣ на междупарламентской конференціи, но большинство отнеслось къ этому проекту скептически и кто-то даже сказалъ, что «*никогда* онъ не осуществится, такъ какъ принадлежитъ къ области несбыточныхъ мечтаній», на что Фредерикъ Пасси возразилъ: «никогда не слѣдуетъ говорить *никогда*!» И дѣйствительно черезъ пять лѣтъ, въ томъ же самомъ городѣ Гаагѣ былъ учрежденъ такой международный трибуналъ.

Самымъ горячимъ защитникомъ идеи третейскаго суда былъ Брайанъ, американскій делегатъ, который очень краснорѣчиво доказывалъ, что необходимо распространить компетенцію международнаго трибунала на тѣ вопросы, которые были до сихъ поръ изъяты изъ его вѣдѣнія, такъ какъ «они касаются чести и жизненныхъ интересовъ націй», которые именно и служатъ чаще всего поводомъ къ возникновенію войны. Если бы всѣ эти вопросы обязательно подвергались бы разсмотрѣнію парламентской слѣдственной коммиссіи, то было бы выиграно время, раздраженіе могло бы улечься и такъ какъ спокойный человѣкъ иначе смотритъ на вещи, нежели человѣкъ, находящійся въ состояніи сильнаго раздраженія, то естественно, что и рѣшеніе будетъ другое», доказывалъ Брайанъ. Но какъ ни убѣдительны были его аргументы, конференція все-таки не вынесла по этому вопросу никакого опредѣленнаго рѣшенія. За то относительно другого вопроса—о сокращеніи вооруженій, были вынесены резолюціи и произнесено множество прекрасныхъ рѣчей. Постановлено было, что каждая національная группа междупарламентскаго союза обратится къ своему правительству съ предложеніемъ внести въ программу будущей гаагской конференціи вопросъ объ ограниченіи вооруженій. Но, за исключеніемъ неисправимыхъ утопистовъ, врядъ-ли даже сами иниціаторы этого предложенія вѣрятъ въ возможность его осуществленія на практикѣ, такъ какъ гдѣ существуетъ та нація, которая рѣшилась бы показать примѣръ въ этомъ отношеніи? До сихъ поръ твердо держится убѣжденіе, что только вооруженная съ головы до ногъ держава можетъ быть охранительницею мира, и пока международная политика творится въ тиши кабинетовъ и часто руководствуется принципами, имѣющими лишь отдаленную связь съ жизненными интересами народовъ, до тѣхъ поръ штыки будутъ считаться охранителями мира.

Какъ разъ въ этотъ день, когда междупарламентская конференція обсуждала вопросъ о разоруженіи, или, вѣрнѣе, ограниченіи вооруженій, въ палатѣ лордовъ разсматривался новый проектъ военной реорганизаціи, представленный Гольденомъ и имѣющій цѣлью, по словамъ самого автора, «уменьшая военный бюджетъ, увеличить въ тоже время на 50% дѣйствующій составъ британской арміи». Слѣдовательно, и тутъ нѣтъ рѣчи о разоруженіи или даже сокращеніи военныхъ силъ Англіи, а только о томъ, какъ бы съ меньшими затратами достигнуть такихъ же, а то, пожалуй, и лучшихъ результатовъ. Нѣсколько иной характеръ носитъ новая морская программа либеральнаго кабинета, который заявилъ о своемъ намѣреніи сократить число строющихся судовъ. Морская программа кабинета получена имъ въ наслѣдство отъ консервативнаго министерства и поэтому одно только заявленіе о желаніи произвести въ ней нѣкоторыя урѣзки вызвало уже цѣлую бурю въ уніонистской оппозиціи. Уніонистская печать забила тревогу, горячо протестуя противъ такой политики кабинета, которая можетъ лишить Англію ея главенства на морѣ.

Секретарь Адмиралтейства Робертсонъ, выступавшій отъ имени правительства, заявилъ въ парламентѣ, что Англія желаетъ явиться на Гаагскую конференцію съ доказательствами въ рукахъ своего искренняго желанія содѣйствовать сокращенію вооруженій и нельзя не признать, что въ данномъ

случаѣ англійское адмиралтейство представляетъ рѣдкій примѣръ такого технического учрежденія, которое спеціально создано для организаціи войны, но основываетъ свою программу на соображніяхъ мира. Конечно, Роберсонъ спѣшитъ заявить, что сбереженія, полученныя на постройкахъ судовъ въ этомъ году, и тѣ, которыя предусматриваются и для будущаго года, составляя нѣсколько десятковъ милліоновъ въ бюджетѣ, въ тоже время не могутъ принести ни малѣйшаго ущерба оборонѣ страны. Если же готовность Англіи идти на встрѣчу сокращеніямъ вооруженій не встрѣтитъ должнаго отклика на гаагской конференціи, то Англія еще съ большимъ рвеніемъ примется за постройку новыхъ боевыхъ судовъ, такъ какъ подобное отношеніе конференціи явится несомнѣннымъ доказательствомъ, что идеи мира не имѣютъ прочной основы. Благодаря усовершенствованному устройству своихъ арсеналовъ, Англія можетъ построить суда въ гораздо болѣе короткій срокъ, нежели соперничествующія съ нею державы и потому ея преобладанію на морѣ не можетъ грозить никакая опасность. Увѣренная въ своемъ могуществѣ, Англія дѣлаетъ уступку современнымъ идеямъ и беретъ на себя иниціативу, протягивая оливковую вѣтвь мира прочимъ державамъ. Ну а если онѣ не захотятъ ее взять, то Англія всегда въ состояніи будетъ наверстать потерянное время и съумѣетъ предупредить всѣ направленныя противъ нея козни и замыслы ея соперницъ. Такова сущность всей аргументаціи Робертсона. Ту же идею подробно развилъ въ своей рѣчи и премьеръ-министръ Кэмпбелль Баннерманъ, въ отвѣтъ на нападки лидера оппозицію Бальфура, назвавшаго такую политику провокаторской, такъ какъ она можетъ подѣйствовать ободряющимъ образомъ на честолюбивые замыслы нѣкоторыхъ соперниковъ Англіи и побудить ихъ къ войнѣ.

Какъ бы то ни было, но попытка добиться сокращенія вооруженій вполнѣ отвѣчаетъ идеямъ англійскихъ либераловъ, довольно скептически относящихся къ возможности европейской войны. Во время избирательной кампаніи либералы постоянно высказывались противъ чрезмѣрности вооруженій и теперь, достигнувъ власти, они желаютъ доказать свою искренность, а поэтому и поднимаютъ вопросъ о сокращеніи вооруженій, сохраняя въ тоже время за собою полную возможность увеличить эти вооруженія во всякій данный моментъ, если это понадобится. Каждый изъ сторонниковъ такой реформы старается доказать, что она не принесетъ никакого ущерба англійскому могуществу и не сопряжена для Англіи ни съ малѣйшимъ рискомъ. При существующихъ условіяхъ англійскому преобладанію на морѣ не угрожаетъ никакой опасности и по крайней мѣрѣ еще нѣсколько лѣтъ Англія можетъ быть спокойна: никто не станетъ серьезно оспаривать у нея ея правъ; она можетъ поэтому совершенно безнаказанно сдѣлать такую демонстрацію въ пользу мира. Та континентальная коалиція, которая года четыре-пять тому назадъ могла бы пожалуй угрожать Англіи, теперь невозможна, послѣ того какъ Россія перестала считаться факторомъ силы, а Англія заключила соглашеніе съ Франціей. Во всякомъ случаѣ никогда еще обстоятельства не слагались столь благопріятнымъ образомъ для Англіи и она спѣшитъ этимъ воспользоваться.

Знаменитая фраза англійскаго премьера: «La Douma est morte, vive la

Douma»! произвела впечатлѣніе въ Европѣ, пожалуй, болѣе сильное, чѣмъ у насъ въ Россіи. Французская печать всполошилась и, за исключеніемъ нѣсколькихъ традиціонныхъ монархическихъ органовъ, всѣ газеты поторопились присоединиться къ заявленіямъ англійскаго министра, оказавшагося единственнымъ изъ представителей европейскихъ правительствъ, который оффиціально выразилъ свое сочувствіе разогнанной Думѣ.

Положеніе дѣлъ въ Россіи, повидимому, больше всего волнуетъ ея сосѣдку—Германію. Несмотря на успокоительныя завѣренія русскаго правительства, германская консервативная печать очень встревожена. «Reichsbote» прямо заявляетъ, что германская имперія непосредственно заинтересована въ сохраненіи русскаго самодержавія, такъ какъ если оно погибнетъ, то наступитъ чередъ Германіи. Неудивительно поэтому, что германскіе консерваторы становятся на сторону русскаго правительства и весьма сочувственно относятся къ его репрессивной политикѣ. Въ глубинѣ души они вѣроятно желаютъ, чтобы германскій рейхстагъ постигла таже участь, которая постигла Думу. По этому поводу клерикальная газета «Kölnische Volkszeitung» высказываетъ слѣдующее замѣчаніе: «Во всѣхъ вопросахъ, касающихся свободы народа, не мѣшаетъ искать тѣхъ скрытыхъ нитей, которыя въ теченіе долгаго времени связывали Берлинъ съ Петербургомъ и которыя не были разрушены даже тогда, когда общія политическія отношенія между обѣими державами стали очень натянутыми. Ужъ одно только это обстоятельство можетъ объяснить, почему въ этой странѣ (т.-е. Германіи) въ извѣстныхъ кругахъ съ такою энергіей работаютъ въ пользу поддержанія реакціонной власти въ Россіи. Вотъ почему также царь и всѣ, кто его окружаетъ, склоняются къ Германіи и ищутъ въ ней поддержки». Но единственную цѣль всей этой кампаніи, которая ведется на берегахъ Невы и Шпрее, составляетъ усиленіе силъ реакціи. «Этимъ же объясняется и поведеніе германской консервативной печати, которая, несмотря на всѣ полуофиціальныя приглашенія оставаться нейтральной, все-таки открыто становится на сторону русскаго правительства». «Ничего нѣтъ удивительнаго поэтому, что общественное мнѣніе либеральныхъ странъ высказываетъ предположеніе, что царь ищетъ поддержки въ Берлинѣ и находитъ ее», говоритъ, между прочимъ, франкфуртская газета, считающая нужнымъ обратить вниманіе нѣмцевъ на то, что русскіе либеральные кружки, какъ разъ наоборотъ, склоняются къ Англіи и Франціи, гдѣ ожидаютъ большаго сочувствія своимъ стремленіямъ. «Англійскій премьеръ Кэмпбелль Баннерманъ именно это имѣлъ въ виду,—прибавляетъ газета,—когда, отбросивъ «методы устарѣвшей дипломатіи», обратился со своимъ привѣтствіемъ къ членамъ Думы, принявъ во вниманіе въ данномъ случаѣ только тѣ силы, которымъ принадлежитъ будущее».

Почти вся европейская печать, за исключеніемъ нѣсколькихъ ультрареакціонныхъ органовъ, находитъ весьма знаменательнымъ тотъ фактъ, что межпарламентская конференція выразила единогласно сочувствіе Думѣ. Это торжественное заявленіе 570 политическихъ дѣятелей всѣхъ націй, собравшихся на конференціи, звучитъ какъ предостереженіе русскому правительству, говорятъ нѣкоторыя газеты, выражающія при этомъ увѣренность, что «оно не

пропадетъ даромъ». Но этой увѣренности, повидимому, совершенно не раздѣляетъ европейское общественное мнѣніе и въ общемъ, во всѣхъ разсужденіяхъ европейской печати преобладаютъ пессимистическіе взгляды на ближайшее будущее Россіи. Любопытно въ этомъ отношеніи мнѣніе Анатоля Леруа Болье, который всегда былъ другомъ русской монархіи. Проведя послѣдніе два мѣсяца въ Россіи, онъ пришелъ къ заключенію, что положеніе очень серьезно. Разложеніе идетъ во всѣхъ направленіяхъ и сила революціонныхъ партій, несмотря на всѣ репрессіи правительства, растетъ съ каждымъ днемъ, потому что онѣ пріобрѣтаютъ все новыхъ и новыхъ приверженцевъ. Анатоль Леруа Болье между прочимъ указываетъ и на то, что оправдалось предсказаніе нѣкоторыхъ изъ членовъ крайней лѣвой, предостерегавшихъ кадетовъ, что они ничего не добьются отъ правительства, несмотря на всю свою готовность идти на компромиссы. Обѣщанія Столыпина повидимому нисколько не успокоиваютъ Леруа Болье, который предвидитъ крупныя катастрофы въ Россіи. Онъ убѣжденъ, что послѣ нѣсколькихъ недѣль безплодныхъ стараній, Столыпину придется сознаться въ своемъ полномъ безсиліи совладать съ русской революціей и— уйти. «Не одна только слабость и нерѣшительность ведутъ къ гибели монархій, говоритъ французскій писатель, но также и нежеланіе во время сдѣлать необходимыя уступки народу». И Анатоль Леруа Болье напоминаетъ о 1789 годѣ, выражая при этомъ надежду—но далеко не увѣренность—что Россія избѣгнетъ угрожащей ей катастрофы.

Въ то время какъ мы топчемся на одномъ мѣстѣ въ Россіи и наши министры стараются успокоить страну посредствомъ репрессій и обѣщаній, въ Персіи уже совершился важный государственный переворотъ: шахъ далъ нѣчто вродѣ конституціи своему народу. Правда, эту конституцію далеко нельзя назвать образцовой и врядъ ли она можетъ удовлетворить персидскій народъ, повидимому пробуждающійся къ новой жизни, но все же это важный шагъ для азіатскаго государства, такъ какъ начавшееся въ Персіи движеніе, конечно, не остановится на этомъ, и шахъ вынужденъ будетъ подвигаться впередъ по той дорогѣ, на которую теперь вступаетъ. По общему отзыву европейской печати вліяніе русскаго освободительнаго движенія на событія въ Персіи неоспоримо. Въ свое время много говорили о мудрой политикѣ Витте, давшаго деньги персидскому правительству и исключившаго такимъ образомъ въ Персіи всѣ другія вліянія, кромѣ русскаго. «Персія, говорили тогда, находится совершенно въ рукахъ Россіи», и это было постольку справедливо, поскольку русскія деньги давали возможность держаться у власти неспособному и тиранническому правительству, подавлявшему всякое стремленіе къ реформамъ въ персидскомъ народѣ. Въ дѣйствительности управленіе Персіей отчасти напоминаетъ то, которое существуетъ у насъ теперь въ Россіи. Въ настоящемъ смыслѣ этого слова тамъ нѣтъ центральнаго правительства, которое распространяло бы свою власть на всю страну, а отдѣльныя ея части управляются болѣе или менѣе тиранническимъ образомъ губернаторами, большинство которыхъ—родственники шаха.

Покорный персидскій народъ долгое время безропотно сносилъ тиранію и

хозяйничанье этихъ господъ, но наконецъ и его терпѣніе лопнуло; онъ началъ волноваться и что замѣчательно,—во главѣ народнаго движенія стало персидское духовенство, муллы. Выступленіе духовенства является совершенно новымъ факторомъ, такъ какъ до сихъ поръ персидское духовенство, какъ и всякое другое, отличалось своими реакціонными взглядами. Еще не такъ давно муллы метали громы и молніи противъ молодыхъ персовъ, одѣвавшихся по европейски, и преслѣдовали всякія новшества. Теперь же все измѣнилось и муллы стали требовать реформъ. Какъ оказывается, первый толчокъ къ этому дала русско-японская война, которая послужила для нихъ откровеніемъ. Японскія побѣды заставили ихъ призадуматься и результатомъ явилось то, что въ одинъ прекрасный день, самый популярный и знаменитый проповѣдникъ въ Тегеранѣ заговорилъ о реформахъ и съ высоты своей кафедры воскликнулъ: «Надо быть слѣпыми, чтобы не видѣть, чѣмъ обязана Японія европейской наукѣ! Только благодаря ей она побѣдила Россію. И мы должны усвоить себѣ эту науку, чтобы защитить свою національность, свою независимость. Примемся за работу»!

Дѣйствительно, муллы принялись за работу и персидскіе студенты богословія начали изучать физику, химію, исторію, иностранные языки, всѣ тѣ науки, къ которымъ они до сихъ поръ относились съ полнымъ пренебреженіемъ. Исторія Японіи, переведенная на персидскій языкъ, имѣла въ этомъ году огромный успѣхъ въ Персіи также, какъ и многія историческія книги. Вмѣстѣ съ распространеніемъ просвѣщенія среди духовенства, развивалось у него стремленіе стать во главѣ реформаторскаго движенія. Въ Персіи духовенство пользуется гораздо большимъ вліяніемъ нежели въ Турціи и народъ привыкъ смотрѣть на него, какъ на своего защитника; поэтому, когда недовольство распространилось въ народѣ, то онъ обратился за помощью къ мулламъ. Видя полную невозможность помочь народу при существующихъ условіяхъ и опасаясь окончательно потерять его довѣріе, духовенство рѣшило открыто стать на сторону реформъ. Шахъ, подъ вліяніемъ произведеннаго на него давленія, далъ письменное обѣщаніе реформъ. Но и тутъ случилось тоже самое, что и съ аналогичными обѣщаніями въ Россіи: они не были приведены въ исполненіе. Недовольство возрасло и такъ какъ дѣло дошло до кровопролитныхъ схватокъ на улицахъ, то духовенство, ставши во главѣ народнаго движенія, рѣшило прибѣгнуть къ крайнему средству—удалиться in corpore изъ Тегерана. Это помогло. Шахъ сдался и издалъ указъ о реформахъ. Такимъ образомъ Персія превращается въ конституціонное государство и будетъ обладать чѣмъ то вродѣ парламента, въ которомъ, однако, не будутъ представители народа, а только представители сословій, принцевъ, духовенства, купечества и ремесленниковъ. Но шахъ теперь старается всѣхъ увѣрить, что онъ *искренно* желаетъ реформъ и только хочетъ вводить ихъ постепенно. Персидскій посланникъ въ Лондонѣ даже утверждаетъ, что шахъ ѣздилъ такъ часто въ Европу не для одного только удовольствія, а для изученія европейскихъ учрежденій, которыя онъ желалъ бы ввести въ своей странѣ. Вообще, услужливые царедворцы изображаютъ теперь шаха самымъ ревностнымъ реформаторомъ,

забывая, что для превращенія персидскаго автократа въ реформатора понадобилось не только революціонное движеніе въ народѣ, но и открытое возстаніе духовенства, и безъ этихъ принудительныхъ мѣръ Персіи, пожалуй, еще долго пришлось бы ждать какихъ бы-то ни было реформъ.

Событія въ Персіи несомнѣнно указываютъ на вліяніе тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли въ области международной политики со времени русско-японской войны. Эти перемѣны отразились не на однихъ только внѣшнихъ отношеніяхъ различныхъ державъ между собою. Война послужила толчкомъ къ развитію революціоннаго движенія въ Россіи, а это, въ свою очередь, повліяло на другія государства и отразилось на ихъ внутреннихъ дѣлахъ. Всюду замѣчается броженіе и весьма возможно, что будущія коренныя перемѣны въ Россіи не окажутся единичнымъ въ Европѣ.

Въ Ангіи идетъ борьба изъ за школьнаго закона. «Education Bill» достался нынѣшнему либеральному кабинету въ наслѣдіе отъ прошлаго кабинета, и чтобы парализовать его дѣйствіе, въ палату общинъ, былъ внесенъ новый законопроектъ, надъ которымъ она цѣлыхъ три мѣсяца проработала, обсуждая одинъ параграфъ за другимъ и чуть-ли не каждую отдѣльную фразу. Наступившіе парламентскіе вакаціи заставили отложить до осени дальнѣйшія пренія по этому вопросу, но тутъ случилось одно обстоятельство, которое совершенно мѣняетъ дѣло. Бальфуровскій школьный законъ 1902 года, повидимому, имѣлъ въ виду оказывать покровительство англиканской вѣрѣ, такъ какъ онъ обязывалъ свѣтскія власти содержать школы, гдѣ было введено конфессіональное преподаваніе. Это вызвало тогда сильнѣйшее волненіе среди плательщиковъ податей и отчасти способствовало даже паденію кабинета. Тысячи нонконформистовъ отказались платить школьный налогъ, нежелая поддерживать такое религіозное преподаваніе, которое противорѣчитъ ихъ собственной вѣрѣ. Это были такъ называемые «passive resisters» (пассивно сопротивляющіеся), противъ которыхъ были употреблены обычныя мѣры пресѣченія, конфискаціи имущества и даже аресты нонконформистскихъ священниковъ, проповѣдывавшихъ сопротивленіе. И вотъ подъ давленіемъ такого положенія, созданнаго Бальфуровскимъ закономъ, и главнымъ образомъ для того, чтобы удовлетворить своихъ нонконформистскихъ избирателей, изъ которыхъ составлялось большинство, либеральный кабинетъ внесъ свой собственный школьный законопроектъ, отмѣняющій государственныя субсидіи англиканскимъ школамъ. Въ этомъ именно и заключается главная основная идея новаго законопроекта Биррелля, который долженъ былъ ввести существенныя измѣненія въ школьный законъ Бальфура. Каково же было удивленіе всего англійскаго общества, когда оно прочло въ газетахъ недавнее рѣшеніе апелляціоннаго суда по поводу одного дѣла, возникшаго на почвѣ школьнаго закона Бальфура. Судъ нашелъ, что законъ этотъ истолковывался до сихъ поръ неправильнымъ образомъ и что при тщательномъ изученіи его текста оказывается, что онъ вовсе не обязываетъ платить изъ общественныхъ фондовъ за религіозное преподаваніе въ школахъ. Такую именно точку зрѣнія высказалъ совѣтъ одного графства въ Іоркшайрѣ, отказавшійся платить учителямъ

за конфессіональное преподаваніе, удержавшій изъ ихъ жалованья часть, слѣдуемую имъ за обученіе англиканской религіи въ школахъ. За это правительство привлекло совѣтъ графства къ суду и въ первой инстанціи совѣтъ проигралъ дѣло, но за то во второй инстанціи, совершенно неожиданно для всѣхъ, судъ вынесъ оправдательный приговоръ, доказавъ, что школьный законъ Бальфура вовсе не имѣетъ въ виду того, что ему приписываютъ. По всей вѣроятности самъ авторъ этого закона, Бальфуръ, былъ очень удивленъ такимъ толкованіемъ своего закона и вполнѣ естественно, что это рѣшеніе суда произвело большую сенсацію въ лондонскомъ обществѣ. Вѣдь, если такое толкованіе справедливо, то къ чему же было добиваться проведенія новаго законопроекта Биррелля, изъ за котораго идетъ теперь такая борьба въ парламентѣ? Кромѣ того, тутъ возникаетъ еще другой важный вопросъ: если приговоръ суда не будетъ отмѣненъ, то тѣ нонконформисты, имущество которыхъ было конфисковано за неплатежъ налога, или которые были арестованы, будутъ имѣть право начать искъ противъ государства, преслѣдовавшаго ихъ, и потребовать отъ него возмѣщенія убытковъ. Остается еще палата лордовъ, въ качествѣ высшей судебной инстанціи. Это, конечно, не совѣтъ графства, вполнѣ довольный рѣшеніемъ суда второй инстанціи. Раньше истцомъ являлось консервативно-уніонистское правительство Бальфура, но врядъ ли нынѣшнее либеральное правительство захочетъ занять его мѣсто и выступить съ протестомъ противъ такого рѣшенія суда, которое въ сущности удовлетворяетъ всѣхъ англійскихъ либераловъ. Такимъ образомъ, когда парламентъ вновь соберется, то ему придется считаться уже съ совершенно новою постановкой вопроса о школьномъ законопроектѣ и пожалуй признать, что законъ Бальфура былъ редактированъ вполнѣ въ либеральномъ духѣ.

Статистика открываетъ иногда совершенно неожиданныя вещи. Такъ, напримѣръ, судя по газетамъ, новѣйшія статистическія изслѣдованія установили, что Македонія—страна человѣческаго долголѣтія и что нигдѣ не встрѣчаются такъ часто столѣтніе старики, какъ въ этой благословенной странѣ. А между тѣмъ, пожалуй, ни въ одной странѣ, за исключеніемъ Россіи въ данную минуту, не совершается столько убійствъ, сколько ихъ совершается въ Македоніи! Введеніе европейскаго контроля и международной жандармеріи ничуть не улучшило положенія. Личная и имущественная безопасность, по отзыву самихъ македонцевъ, ничего не выиграла отъ присутствія европейскихъ офицеровъ, которые носятъ фески и очень охотно усваиваютъ себѣ Турецкіе обычаи. Куцовалахи, болгары, греки и сербы попрежнему избиваютъ другъ друга и дня не проходитъ безъ кровавой расправы. Между христіанскими національностями, населяющими Македонію, существуетъ самая жгучая ненависть, и турецкое правительство можетъ только потирать руки отъ удовольствія, глядя, какъ они уничтожаютъ другъ друга.

Изъ всѣхъ національныхъ распрей, раздирающихъ Македонію, самая яростная грекоболгарская. Обѣ эти національности рѣшительно не выносятъ другъ друга и между ними постоянно происходятъ кровавыя столкновенія. Турецкія войска, обыкновенно являются слишкомъ поздно и ни разу еще не предупре-

дили ни одной кровавой стычки. Впрочемъ, турки совершенно равнодушно относятся къ такимъ фактамъ и вовсе не стараются помѣшать македонскимъ христіанамъ устраивать взаимную рѣзню. Очень понятно, что при такихъ условіяхъ хозяйство страны приходитъ въ упадокъ, поля остаются невоздѣланными и мирное населеніе бѣжитъ куда попало, спасая свою жизнь. Эмиграція сильно возрасла за послѣднее время, хотя въ точности установить число эмигрантовъ невозможно, такъ какъ македонцы съ давнихъ поръ имѣютъ обыкновеніе отправляться на заработки въ сосѣднія страны: Сербію, Болгарію и Румынію. Но въ послѣдніе годы началось переселеніе въ Америку и въ первые три мѣсяца этого года переселилось туда уже болѣе 15.000 человѣкъ, Во многихъ македонскихъ деревняхъ нельзя больше найти ни одного здороваго молодого парня, остались только старики, женщины и дѣти. Турецкое правительство, правда, воспрещаетъ переселеніе въ Америку, но охотно выдаетъ паспорты македонцамъ въ Сербію и Румынію, откуда уже они могутъ отправляться дальше. Въ сущности турки очень рады выселенію молодыхъ и сильныхъ македонцевъ, такъ какъ они постоянно опасаются, что у себя дома эта молодежь непремѣнно присоединится къ македонскимъ бандамъ, доставляющимъ туркамъ не мало непріятностей въ горахъ, гдѣ ихъ преслѣдовать очень трудно. Что же касается реформъ, которыя вводятся въ Македоніи на основаніи соглашенія между Австріей и Россіей, то о нихъ даже смѣшно говорить. Положеніе дѣлъ въ реформированныхъ македонскихъ провинціяхъ ничѣмъ не отличается отъ того, которое существуетъ въ провинціяхъ, еще не затронутыхъ этими реформами; тѣ же убійства, грабежи, насилія и злоупотребленія. Очевидно, правъ былъ одинъ изъ членовъ англійской палаты лордовъ, назвавшій недавно въ своей рѣчи схему македонскихъ реформъ «крупнымъ международнымъ позоромъ», такъ какъ она не привела ни къ какимъ результатамъ. И вотъ пока въ европейскихъ кабинетахъ придумываютъ реформы, а въ парламентахъ критикуютъ ихъ, въ Македоніи продолжается рѣзня и конца ей не предвидится. Національныя распри не разрѣшаются бумажными реформами и это доказываютъ постоянныя кровавыя столкновенія между греками и болгарами. Въ Филиппополѣ, Бургасѣ и др. мѣстахъ происходили избіенія грековъ болгарами, которые врывались въ греческія церкви и разрушали все, что попадалось имъ подъ руку. Конечно, такое поведеніе болгаръ не могло содѣйствовать уменьшенію національной вражды и болгарскіе греки открыто собирали деньги на содержаніе греческихъ бандъ въ Македоніи, что вызывало, въ свою очередь, сильное негодованіе болгарскаго населенія и усиленіе ненависти къ грекамъ. Эта національная вражда выразилась недавно въ новомъ кровавомъ столкновеніи и полномъ уничтоженіи городка Анхіалоса, подожженнаго со всѣхъ сторонъ. Около этого городка есть монастырь, который греки и болгары оспариваютъ другъ и друга. Болгарскіе крестьяне часто посѣщали его и это обстоятельство внушило редакціи одной болгарской газеты несчастную мысль организовать тамъ антигреческій митингъ. Греки встрѣтили болгарскихъ крестьянъ выстрѣлами и завязалась битва, продолжавшаяся цѣлый день. Число раненыхъ и убитыхъ въ точности неизвѣстно, но не мало людей погребено

подъ развалинами сожженнаго до тла городка. Событіе это еще лишній разъ указываетъ, что шаблонные проекты и мѣры, вырабатываемыя въ правительственныхъ канцеляріяхъ, никогда не могутъ привести къ успокоенію и примиренію враждующихъ національностей.

Итальянская католическая печать очень встревожена конфликтомъ, который возникъ между папой и наиболѣе передовыми католиками, извѣстными подъ именемъ «христіанскихъ демократовъ». Папа издалъ энциклику, спеціально направленную противъ нихъ и осуждающую ихъ тактику, цѣли и стремленія, словомъ, все движеніе, которое онъ считаетъ глубоко вреднымъ, воспрещая на этомъ основаніи членамъ католическаго духовенства, подъ угрозой строгаго наказанія, вступать въ эту ассоціацію, навлекшую на себя гнѣвъ Ватикана. Конечно, духовенство должно было покориться волѣ папы, но если онъ питалъ надежду, что его грозная энциклика подѣйствуетъ и на «вѣрныхъ сыновъ церкви», подпавшихъ соблазну новаго ученія, то ему приходится теперь убѣдиться въ противномъ и главное—убѣдиться въ томъ, что авторитетъ его воли не такъ великъ даже въ католической средѣ. Христіане-демократы не только не испугались энциклики папы, но заявили, что, преклоняясь передъ духовною властью во всѣхъ вопросахъ, касающихся религіи, они все-таки считаютъ себя вполнѣ независимыми во всѣхъ политическихъ и соціальныхъ дѣлахъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, они рѣшили не обращать никакого вниманія на папскую энциклику и продолжать стремиться къ реализаціи своей политической и соціальной программы. Въ этомъ смыслѣ были вотированы резолюціи на собраніяхъ христіанъ-демократовъ въ Римѣ и Неаполѣ, причемъ указывалось, что раздѣленіе гражданской и религіозной власти составляетъ одинъ изъ догматовъ католицизма и было бы прямымъ нарушеніемъ этого догмата, если бы папа вздумалъ вмѣшиваться въ вопросы гражданской жизни и сталъ бы навязывать католикамъ свою политическую и соціальную программу. Вообще, огромное большинство католиковъ очень недовольно тѣмъ, что на нихъ смотрятъ, какъ на членовъ религіозной конгрегаціи, во главѣ которой стоитъ папа. Въ этомъ отношеніи очень знаменательно мнѣніе, высказанное однимъ изъ членовъ католическаго духовенства сотруднику газеты «Corriere della Sera»: «Вѣрнымъ католикамъ хотятъ внушить такое же слѣпое послушаніе, какое установлено въ монастыряхъ,—сказалъ онъ.—Монахи должны повиноваться своему настоятелю, но проводить этотъ принципъ въ гражданскую жизнь—значитъ добиваться совершенно противоположныхъ результатовъ. Слишкомъ большая авторитетность церкви вызываетъ у католиковъ вполнѣ законное чувство сопротивленія и вмѣсто того, чтобы укрѣплять власть папы, только еще болѣе ослабляетъ ея основы».

Но, очевидно, папа не раздѣляетъ здравыхъ взглядовъ нѣкоторыхъ изъ членовъ католическаго духовенства и поэтому неудивительно, что въ ихъ средѣ уже начинаются опасенія возникновенія схизмы въ католической церкви. Вообще, стремленіе освободиться отъ тисковъ римской церкви замѣчается во многихъ мѣстахъ среди католиковъ, не говоря уже о католическихъ государствахъ, которыя желаютъ сбросить съ себя иго Ватикана, даже Испанія стре-

мится теперь къ этому, хотя въ этой странѣ борьба съ католицизмомъ будетъ очень трудна. Папа, конечно, постарается сохранить въ своихъ рукахъ этотъ послѣдній оплотъ католической церкви въ Европѣ, поэтому онъ такъ категорически заявляетъ, что не потерпитъ даже мысли о посягательствѣ на права церкви и будетъ изо всѣхъ силъ бороться съ пагубнымъ вліяніемъ антиклерикализма. Въ Испаніи папа пользуется поддержкой могущественной придворной партіи и консерваторовъ, не говоря уже о томъ, что королева Христина находится всецѣло въ рукахъ духовенства. Либеральное министерство, находящееся теперь у власти, пытается провести антиклерикальныя реформы и, главнымъ образомъ, избавить школу отъ пагубнаго клерикальнаго вліянія. Но положеніе министерства не прочно и его легко можетъ смѣнить консервативный кабинетъ, который, разумѣется, затормозитъ все дѣло реформъ. Одно несомнѣнно, впрочемъ, что и въ католической Испаніи начинается теперь такая же борьба съ Ватиканомъ, какая ведется и во Франціи, гдѣ она уже ознаменовалась важными побѣдами либеральнаго духа. Во всякомъ случаѣ эта борьба повсюду является знаменіемъ времени и указываетъ, что для римской церкви навсегда миновали дни ея могущества.

Такимъ же знаменіемъ времени является и броженіе среди итальянскихъ карабинеровъ. Газеты сообщаютъ, что карабинеры въ разныхъ мѣстахъ Италіи, въ Бири, въ Модени, пѣли рабочій гимнъ и издавали революціонные возгласы. Въ Миланѣ они принимали участіе въ разныхъ частныхъ собраніяхъ и избрали изъ своей среды коммиссію, которая должна была обратиться къ политическимъ дѣятелямъ и убѣдить ихъ употребить свое вліяніе въ пользу карабинеровъ. Депутатъ Чирмени имѣлъ даже по этому поводу разговоръ со своимъ парламентскимъ коллегой генераломъ Сони, который подтвердилъ, что среди карабинеровъ дѣйствительно существуетъ сильное броженіе, только онъ не берется рѣшить, вызвано-ли это броженіе агитаціей извнѣ, или же оно является результатомъ чисто внутреннихъ условій. Генералъ признаетъ, что карабинеры получаютъ слишкомъ ничтожное содержаніе, а между тѣмъ несутъ тяжелую службу. «Свобода—хорошая вещь, сказалъ генералъ,—но она покупается дорогою цѣной, особенно тамъ, гдѣ массы еще не прониклись сознаніемъ, что насилія и безпорядки нельзя отожествлять со свободой». Депутатъ съ своей стороны счелъ нужнымъ замѣтить ему, что къ такимъ оговоркамъ всегда прибѣгаютъ тѣ, кто желаетъ наложить узду на свободу, недовольство же карабинеровъ, главнымъ образомъ, вызывается тѣмъ, что они уже начинаютъ сознавать, что служатъ только орудіемъ для подавленія свободы, такъ какъ за послѣднее время вся служба ихъ заключается въ томъ, что они должны прекращать уличныя демонстраціи и бороться со стачниками. Пробуждающееся сознаніе заставляетъ ихъ на многое смотрѣть иными глазами и недалекъ тотъ моментъ, когда они не захотятъ уже больше быть слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ правительственной власти. Вѣдь, даже среди низшихъ полицейскихъ агентовъ въ разныхъ городахъ Италіи замѣчается теперь сильное броженіе и за поддержкою своихъ требованій они обращаются къ соціалистамъ, какъ къ защитникамъ

народныхъ интересовъ, извинившись предварительно передъ ними, что повинуясь приказаніямъ, начальства и требованіямъ суровой дисциплины, «они, противъ своей воли, должны были примѣнять къ нимъ разныя» мѣры пресѣченія. Конечно, соціалисты откликнулись на ихъ призывъ и въ ближайшемъ будущемъ итальянскому правительству, быть можетъ, придется имѣть дѣло со стачкою городовыхъ и жандармовъ. Во всякомъ случаѣ она покажетъ, такъ-ли усердно будетъ исполнять итальянская полиція всѣ приказанія начальства, какъ она исполняла ихъ до сихъ поръ, когда надо было дѣйствовать противъ соціалистовъ.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Послѣ займа.—Успѣхи антимилитаризма во Франціи.—Проблема рабства въ европейскихъ колоніяхъ.

«Есть пророчества, реализація которыхъ пугаетъ даже самихъ пророковъ, такъ какъ чувство удовлетвореннаго самолюбія, испытываемаго пророкомъ, уступаетъ мѣсто ужасу передъ тѣми бѣдствіями, наступленіе которыхъ представляется ему логически неизбѣжнымъ»,—говоритъ авторъ статьи «Après l'Emprunt», напечатанной въ журналѣ «La Revue», подписанной «Un ami de l'Alliance»—другъ франкорусскаго союза. Еще весною въ своей первой статьѣ, цитированной въ нашемъ журналѣ, этотъ другъ предостерегалъ Францію отъ рокового шага, который она сдѣлала, помогая русскому правительству заключить заемъ. Онъ предвидѣлъ, что новый заемъ только ухудшитъ финансовое положеніе Россіи и увеличитъ ея внутренія затрудненія. Событія подтверждаютъ его пессимическіе взгляды и онъ указываетъ на то, что заемъ, заключенный при помощи Франціи только усилилъ отчаянное сопротивленіе стараго режима, не останавливающагося уже ни передъ какими средствами, чтобы удержать ускользающую власть въ своихъ рукахъ. Съ большою похвалою авторъ отзывается о покойной Думѣ, которая доказала, что въ русскомъ народѣ заключается много нравственныхъ и интеллектуальныхъ силъ, способныхъ удивить Европу. Если финансовой Европѣ, говоритъ авторъ, не удается нейтрализовать естественную эволюцію русскаго народа, то цивилизованный міръ долженъ будетъ считаться съ нимъ, какъ съ самымъ благодѣтельнымъ факторомъ въ исторіи человѣческаго прогресса.

Въ трагической дуэли, происходящей между русскимъ народомъ и его правительствомъ, постепенно раскрываются всѣ преступленія этого послѣдняго, всѣ тѣ злоупотребленія и насиленія, которыми оно поддерживаетъ свое существованіе, не переставая орошать кровью русскую землю и губить ея лучшія силы.

Переходя къ финансовымъ результатамъ послѣдняго займа, авторъ говоритъ, что они вполнѣ подтверждаютъ его пророчество. Въ этомъ заговорѣ, организованномъ съ удивительнымъ искусствомъ беззастѣнчивыми финансистами и столь же беззастѣнчивою международною печатью, пострадали больше всего

мелкіе рантье. Благодаря разнымъ ловкимъ манипуляціямъ, удалось искусственно поднять новый заемъ, но не надолго, заграницей онъ упалъ на 83—84 и если парижскому банку удается пока еще поддерживать курсъ, то, вѣдь, при помощи какихъ тяжелыхъ жертвъ достигается это! Газета «Humanité» разоблачила недавно тѣ махинаціи, къ которымъ прибѣгаетъ парижскій банкъ для поддержанія искусственныхъ курсовъ. Но опытъ уже указываетъ, что нѣтъ такого могущественнаго учрежденія на свѣтѣ, которое могло бы бороться противъ дѣйствительности, и если русское самодержавіе будетъ и далѣе продолжать свои подвиги, то врядъ-ли крупные французскіе банки въ состояніи будутъ обманывать публику, не рискуя собственнымъ существованіемъ.

Но уже теперь, по словамъ автора, «благодѣянія» займа всѣмъ бросаются въ глаза. Извѣстно, что «посредники» оставили у себя 120 милліоновъ въ награду за свои старанія, но европейской публикѣ менѣе извѣстно, что русское казначейство уже не въ состояніи выполнять свои обязательства по отношенію къ банкамъ и общественному мнѣнію. Однимъ изъ существенныхъ условій прочности русскихъ цѣнностей является поддержаніе курса рубля, а теперь этотъ курсъ колеблется и какъ только онъ будетъ предоставленъ собственной судьбѣ, то произойдетъ неминуемая катастрофа. Что же касается соціальной революціи въ Россіи, то правительство не только не успокоило ее, но она бушуетъ съ удвоенною яростью, такъ какъ ее питаютъ сами же правительственныя сферы.

Послѣдствія только что заключеннаго русскаго займа авторъ находитъ для Франціи очень важными. Онъ въ особенности подчеркиваетъ странное положеніе, въ которомъ очутились передъ лицомъ всей либеральной Европы французскіе радикалы—«эти торжествующіе наслѣдники 1789 года»—не подумавшіе о будущихъ отношеніяхъ освобожденнаго русскаго народа къ французской республикѣ, измѣнившей его самымъ насущнымъ интересамъ. Но помимо всего этого, ужъ одно паденіе русскихъ цѣнностей—должно было бы указать, какъ пагубна эта угодливая политика по отношенію къ обезумѣвшему и растерявшемуся старому режиму. Положеніе Франціи по отношенію къ Россіи становится очень щекотливымъ. Въ то время, какъ Соединенные Штаты и Италія открыто высказываютъ свое негодованіе по поводу дѣйствій русскаго правительства, а британскій народъ высказался за отмѣну визита англійскаго флота, въ то время, какъ даже въ Берлинѣ и во всей остальной Германіи организуются многочисленные митинги протеста,—республиканская Франція, во главѣ которой находятся радикалы—соціалисты, похваляющіеся тѣмъ, что они являются продолжателями великой революціи, навлекаетъ на себя обвиненіе въ томъ, что она еще болѣе увеличиваетъ бѣдствія русскаго народа! Такое поведеніе Франціи можетъ создать ей рѣшительнаго противника въ русскомъ народѣ. Но страна уже начинаетъ понимать нравственную низость этой сдѣлки, въ которую ее вовлекли интриги и шантажъ русскихъ агентовъ, заявлявшихъ открыто о прекращеніи платежей по купонамъ какъ разъ наканунѣ всеобщихъ выборовъ. «Наши министры финансовъ знаютъ хорошо, чего стоятъ всѣ эти угрозы, возоб-

новляющіяся при всякомъ новомъ требованіи денегъ, прибавляетъ авторъ, но моментъ былъ слишкомъ серьезенъ и при такихъ условіяхъ угроза могла имѣть важныя послѣдствія». Опасеніе провала республики заставило сыновъ великой революціи склонить голову,—вотъ что говорятъ въ свое оправданіе министры, въ отвѣтъ на запросы нѣкоторыхъ энергичныхъ и честныхъ представителей страны, требующихъ отъ нихъ объясненій по поводу послѣдняго займа.

«Теперь,—заявляетъ далѣе авторъ—русская автократія ни въ какомъ случаѣ не можетъ надѣяться заключить даже самый маленькій заемъ во Франціи. Она можетъ угрожать, прибѣгать ко всевозможнымъ подкупамъ, но все это будетъ тщетно. Сами финанисты начинаютъ постигать величину своей ошибки, такъ какъ существованіе нашихъ крупныхъ банковъ находится въ настоящее время въ зависимости отъ эволюціи русской жизни. Пусть русская бюрократія продлитъ свои подвиги еще на годъ и тогда всѣ источники русскаго богатства иссякнутъ надолго. Мы будемъ свидѣтелями тогда трагическаго банкротства русскихъ финансовъ, которое повлечетъ за собою также и страшное крушеніе нашихъ крупныхъ финансовыхъ учрежденій, результатами чего явится финансовый кризисъ, гораздо болѣе пагубный для насъ, нежели была Панама».

Обновленной Россіи, конечно, нужны будутъ деньги и она можетъ сдѣлать заемъ во Франціи. Но будущій заемъ будетъ заключенъ *русскимъ парламентомъ*, а не бюрократей. Авторъ категорически утверждаетъ, что бюрократія больше нигдѣ не достанетъ денегъ и что ей придется примириться съ невозможностью дальнѣйшаго существованія безъ денегъ. Разумѣется, у нея хватило бы храбрости бороться съ цѣлымъ человѣчествомъ при помощи тѣхъ преступленій, на которыя она способна, но безъ денегъ она не можетъ заставить работать своихъ агентовъ и защитниковъ бюрократическаго режима. Истощенный и обѣднѣвшій народъ не въ состояніи пополнять фонды правительства и безъ помощи Франціи оно погибнетъ. Но Франція не будетъ больше помогать ему. «Наше собственное спасеніе зависитъ отъ этого!» восклицаетъ авторъ, рисующій дальше картину ужасной анархіи, въ которую будетъ ввергнута Россія въ случаѣ хотя бы временнаго торжества бюрократическаго режима.

Въ «Independent Review» напечатана статья объ антимилитаризмѣ во Франціи. Авторъ ея, Урбенъ Гопе, начинаетъ съ перечисленія всевозможныхъ золъ, которымъ подвергается солдатъ, который, получая плохую пищу, кромѣ того, еще пріобрѣтаетъ и дурныя привычки во время казарменной жизни, и въ особенности наклонность къ пьянству. О томъ, какое вліяніе имѣетъ спеціальная выправка, ведущая къ обезличенію человѣка, авторъ не говоритъ, и въ своей статьѣ преимущественно распространяется о плохомъ содержаніи солдатъ и злоупотребленіяхъ военнаго начальства. Такъ какъ это не представляетъ ничего новаго, то мы и не будемъ останавливаться на разсужденіяхъ автора по этому поводу, а перейдемъ къ той части его статьи, въ которой онъ говоритъ объ успѣхахъ антимилитаризма во Франціи. Въ 1901 году представители болѣе чѣмъ 500 антимилитаристскихъ группъ Франціи и шести

европейскихъ государствъ единогласно предложили выдать Нобелевскую премію автору книги «Армія противъ націи» (L'Armée contre nation). Конечно, это было только платоническою демонстраціей, такъ какъ антимилитаристскія группы вовсе не были уполномочены представлять своего кандидата на соисканіе преміи, но, по мнѣнію автора, такая демонстрація все-таки имѣетъ значеніе и указываетъ на новую эпоху въ антимилитаристской пропагандѣ, которая ведется теперь уже заинтересованною стороной, т.-е. молодежью рабочихъ классовъ. Послѣ того начали издаваться газеты, посвящаемыя пропагандѣ антимилитаризма, и къ ней примкнули члены рабочихъ союзовъ. Въ 1904 году состоялся амстердамскій конгресъ, на которомъ и рѣшено было образовать международную антимилитаристскую ассоціацію.

По словамъ Гопе, антимилитаризмъ уже дважды сослужилъ Европѣ услугу въ прошломъ году, предотвративъ войну. Въ первый разъ это было, когда императоръ Вильгельмъ собирался вмѣшаться и поднять свой вооруженный кулакъ на революцію въ русской Польшѣ. Министры убѣдили его, однако, воздержаться отъ такого вмѣшательства, такъ какъ, по ихъ словамъ, германскій народъ невозможно было бы заставить вооружиться для защиты одного только абсолютизма, противъ котораго борятся инсургенты въ данномъ случаѣ. Въ другой разъ антимилитаризмъ являлся на помощь въ марокскомъ спорѣ, когда во Франціи взяли верхъ аргументы Рувье, доказывавшаго, что армія и въ особенности рабочіе классы, составляющіе резервы, находятся подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ антимилитаристской пропаганды, что объявленіе войны явилось-бы большимъ рискомъ со стороны правительства. Такихъ практическихъ результатовъ, конечно, нельзя было бы добиться одними только академическими разсужденіями и собраніями, которыя устраиваются «пасифистами». Дальше Гопе говоритъ о судѣ надъ двадцатью восемью членами антимилитаристской ассоціаціи, «приглашавшими солдатъ неповиноваться приказаніямъ и возбужденіямъ къ убійству». Члены этой ассоціаціи расклеили по всей Франціи антимилитаристское воззваніе осенью 1905 года, когда распространялись слухи о войнѣ, и авторъ самъ находился среди этихъ 28 членовъ ассоціаціи, привлеченныхъ къ суду, но большинство подсудимыхъ все же состоятъ изъ рабочихъ, которые и были приговорены къ различнымъ наказаніямъ. Судъ отнесся очень строго къ ихъ проступкамъ, но ассоціація отвѣтила на это тѣмъ, что снова расклеила повсюду антимилитаристское воззваніе и на этотъ разъ уже украшенное не 28-ю, а 2500 подписями, что привело правительство въ немалое затрудненіе. Авторъ утверждаетъ, что если состоится новый судъ, то ассоціація опять расклеитъ воззваніе, но уже съ 25.000 подписями. Движеніе настолько распространилось и усилилось, что ничто не въ состояніи остановить его. Безнаказанность, конечно, могла подѣйствовать ободряющимъ образомъ на это движеніе, но строгость и преслѣдованія, какъ это всегда бываетъ, дѣйствуютъ еще сильнѣе и движеніе стало рости. Притомъ же антимилитаризмъ во Франціи получилъ подкрѣпленіе съ совершенно неожиданной стороны: Французскіе католики, какъ извѣстно, составляютъ наиболѣе консервативную часть націи и всегда, вопреки ученію

Христа, противились уничтоженію войны и распущенію арміи. Но законъ о конгрегаціяхъ, отмѣна конкордата и описи церковнаго имущества, вызвавшіе многочисленныя столкновенія съ войсками, настолько повліяла на католическихъ офицеровъ, что многіе изъ нихъ оказали уже неповиновеніе своему начальству, отдававшему такія приказанія, которыя заставляли ихъ дѣйствовать противъ своей совѣсти. На этихъ то фактахъ авторъ и основываетъ свои надежды на успѣхъ антимилитаристской пропаганды среди французскихъ католиковъ, совершенно забывая, что церковь всегда была на сторонѣ силы и никогда не брала подъ свою защиту слабыхъ и угнетенныхъ, точно также, какъ она никогда не выступала антагонистомъ войны. Французскіе антимилитаристы, впрочемъ, наивно вѣрятъ, что католики будутъ теперь поддерживать ихъ пропаганду, хотя бы только изъ желанія насолить правительству.

Колоніальные вопросы стоятъ теперь на очереди въ разныхъ европейскихъ парламентахъ, гдѣ раскрываются весьма некрасивыя дѣянія европейской администраціи въ различныхъ колоніяхъ. Въ «Positivist Review» напечатана очень горячая статья, подъ заглавіемъ «Проблема рабства», авторъ которой, Фредерикъ Гаррисонъ, высказываетъ много непріятныхъ истинъ европейскимъ колонизаторамъ Африки, вообще, и англичанамъ въ частности. Онъ говоритъ, что англійскіе колонисты запятнали честь Великобританіи, такъ такъ недавніе дебаты въ парламентѣ указываютъ, что отвращеніе англичанъ ко всякимъ формамъ рабства, столь пламенное въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка, съ теченіемъ времени начало ослабѣвать и теперь уже совсѣмъ растворилась въ разнаго рода компромиссахъ. Рабство возстановляется въ замаскированной формѣ, подъ разными благовидными предлогами. Это давно предвидѣли многіе серьезные умы въ Англіи, но теперь уже ясно для каждаго, маломальски посвященнаго въ колоніальныя дѣла. Чѣмъ шире распространяются границы имперіи, чѣмъ болѣе варварскихъ или полуцивилизованныхъ расъ заключается въ этихъ границахъ или живетъ около нихъ и чѣмъ больше развиваются такія европейскія поселенія, тѣмъ богаче они становятся, тѣмъ больше возрастаетъ потребность колонистовъ въ работѣ туземцевъ и тѣмъ сильнѣе проявляется у европейцевъ стремленіе безконтрольно распоряжаться всѣмъ туземнымъ населеніемъ. Подъ увеличивающимся давленіемъ широкихъ экономическихъ потребностей и подъ вліяніемъ постоянно существующей опасности у колонистовъ исчезаютъ прежнія чувства свободы и братства, которыя побуждали нѣкогда къ уничтоженію рабства и торговли невольниками. Авторъ говоритъ о пагубномъ вліяніи церкви въ этомъ вопросѣ. Государственная церковь покровительствуетъ богатству, власти и преобладанію, поэтому духовенство этой церкви не можетъ быть другомъ чернокожихъ, та великая духовная сила, которая въ Англіи побуждала къ борьбѣ противъ рабства и торговли рабами, исходила изъ религіознаго движенія, основывающагося на Евангельскомъ ученіи. Оно вдохновляло миссіонеровъ, но когда они сдѣлались чиновниками установленной церкви, то перестали быть вѣрными и горячими покровителями чернокожихъ. Такимъ образомъ стали образовываться общины, ос-

новывающія свое благосостояніе на рабствѣ туземцевъ, а такіе принципы, конечно, повели ко всевозможнымъ преступленіямъ. Развращающее вліяніе рабства оказало свое дѣйствіе, и человѣкъ, проведшій свою жизнь въ такой колоніи, теряетъ нравственное чувство и пріобрѣтаетъ рабскія привычки; даже обыкновенное чувство сострадація притупляется у колонистовъ и въ данный моментъ мы видимъ возрожденіе рабовладѣльческихъ чувствъ. Конечно, рабство возродилось не въ прежнемъ чистомъ видѣ, а въ формѣ принудительнаго рабскаго труда и прежнюю торговлю неграми замѣняютъ теперь бюро, гдѣ законтрактовываются туземные рабочіе. Такая замаскированная форма рабства существуетъ теперь во всѣхъ европейскихъ колоніяхъ; ее прикрываетъ англійскій флагъ и колонисты высокомѣрно заявляютъ, что «чернокожія расы—рабы отъ природы» и что онѣ созданы только для того, чтобы рубить дрова и носить воду бѣлымъ. Замѣчательно, что тѣ самые люди среди европейцевъ, которые у себя дома отличались гуманными взглядами, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни въ колоніяхъ, зачастую превращаются въ грубыхъ и жестокихъ въ обращеніи съ туземцами колонистовъ, непризнающихъ никакихъ другихъ законовъ, кромѣ собственной воли и требующихъ безусловнаго повиновенія отъ туземцовъ, судьбою которыхъ они призваны распоряжаться. Что это, вліяніе ли климата и всѣхъ окружающихъ условій, которые дѣйствуютъ такимъ разлагающимъ образомъ на нравственность европейца? спрашиваетъ авторъ. Европейскіе колонисты передѣлываютъ всѣ законы на свой ладъ и даже религію и нравственность заставляютъ служить своимъ прихотямъ. Именно на это обстоятельство и слѣдуетъ, по мнѣнію автора, обратить вниманіе европейскаго общественнаго мнѣнія, такъ какъ европейскіе колонизаторы повсюду перестаютъ быть истинными цивилизатарами чернокожихъ расъ, а становятся рабавладѣльцами, пріобрѣтая всѣ привычки и инстинкты этихъ послѣднихъ.

НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ ВЪ ГЕРМАНІИ.

Общее число учителей и учительницъ народныхъ школъ Германской Имперіи составляетъ въ настоящее время около *полутораста тысячъ*; въ бюджетахъ на 1903 годъ числилось 122145 учителей и 22339 учительницъ. Это цѣлая армія, хотя и далеко не столь многочисленная, какъ военная армія Германіи, и также далеко не столь блестящая по внѣшности. Но за то и ея содержаніе не обходится народу такъ дорого. Это скромная армія скромныхъ тружениковъ, не гонящихся за громкой славой, не стремящихся къ завоеваніямъ въ далекихъ страннахъ, не имѣющихъ честолюбія «культивировать» всѣ націи всѣхъ частей свѣта, ограничивающихся заботой о культурѣ родного народа и о подготовкѣ новыхъ поколѣній къ культурному труду, культурной жизни и прогрессу.

Многіе, впрочемъ, полагаютъ, что и своими военными могуществами Германія не мало обязана скромнымъ народнымъ учителямъ, подготовившимъ тамъ человѣческій матеріалъ, безъ котораго не были бы возможны блестящія по-

бѣды 1866 и 1870 гг., положившія основаніе Имперіи. Еще болѣе обязана народной школѣ промышленность Германіи, сдѣлавшая ее въ короткое время одною изъ богатѣйшихъ странъ міра. Въ культурномъ отношеніи Германія несомнѣнно обязана всѣмъ, что́ она есть, прежде всего своей народной школѣ и своему народному учителю.

Но свое великое дѣло народный учитель дѣлаетъ въ тишинѣ и неизвѣстности, далеко отъ «улицы», на которой господствуютъ менѣе скромные и болѣе требовательные люди, приковывающіе къ себѣ все вниманіе публики. Однакожъ знакомство съ характеромъ скромной, мирной арміи народныхъ учителей, «шульмейстеровъ», какъ ихъ называютъ нѣмцы, этихъ мирныхъ завоевателей, неутомимыхъ сѣятелей «разумнаго, добраго, вѣчнаго», представляетъ большой интересъ.

I.

О соціальномъ происхожденіи народныхъ учителей въ Германіи имѣется оффиціальное статистическое изслѣдованіе, касается оно самаго крупнаго государства союзной Имперіи, прусскаго королевства, населеніе котораго составляетъ $^3/_5$ всего имперскаго населенія: данныя этого изслѣдованія можно поэтому считать характерными для всей Германіи.

Изслѣдованіе относится къ 1901 году.

Въ этомъ году во всѣхъ народныхъ школахъ Пруссіи состояло 74588 учителей и 13758 учительницъ. Число учительницъ сравнительно невелико, онѣ еще имѣютъ много противниковъ въ прусской бюрократіи. Общественное мнѣніе на сторонѣ учительницъ и тамъ, гдѣ его вліяніе преобладаетъ, напр. въ городскихъ школахъ, которыми завѣдуетъ общественное самоуправленіе, процентъ учительницъ уже теперь довольно высокъ; такъ въ народныхъ школахъ Берлина онѣ составляютъ *37*% всего учительскаго персонала.

Интересно отмѣтить при этомъ, что въ *католическихъ* округахъ Пруссіи число учительницъ значительно выше, чѣмъ въ округахъ, въ которыхъ преобладаетъ протестантское населеніе: въ Эльзасъ-Лотарингіи, въ которой католики составляютъ $^3/_4$ всего населенія, число учительницъ только немногимъ ниже числа учителей. Въ нѣкоторыхъ католическихъ округахъ число учительницъ даже *превышаетъ* число учителей.

Общественное происхожденіе народныхъ учителей и учительницъ не совсѣмъ совпадаетъ.

Большинство народныхъ *учителей* Пруссіи вышло изъ среды мелкихъ собственниковъ: крестьянъ, ремеслинниковъ, торговцевъ и т. по.: 83% всѣхъ учителей и 75% всѣхъ учительницъ вышли изъ семьи собственниковъ, «самостоятельныхъ», какъ ихъ характеризуетъ статистика.

Это понятно. Дѣти пролетаріевъ только въ исключительныхъ случаяхъ могутъ добиться учительскаго званія, требующаго продолжительной подготовки; для пролетарія слишкомъ тяжело содержать своихъ дѣтей до окончанія обязательной школы, и онъ уже въ школьномъ возрастѣ часто вынужденъ утилизировать ихъ трудъ, а послѣ школы дѣти пролетаріевъ немедленно запря-

гаются въ рабочую лямку. При такихъ объстоятельствахъ можно скорѣе удивляться, что число учителей, вышедшихъ изъ рабочей среды, не совсѣмъ незначительно; такихъ учителей прусская статистика насчитываетъ 5789, что составляетъ 8% всего количества учителей; среди учительницъ дѣтей рабочихъ было 6%.

Остальная часть учительскаго персонала: 9% учителей и 19% учительницъ вышла изъ среды «служащихъ».

Весьма интересны также данныя, касающіяся *профессіональной среды*, изъ которой выходятъ народные учителя и учительницы.

По отношенію къ учителямъ первое мѣсто занимаетъ профессіональная группа *сельскаго хозяйства*: изъ нея вышли 34% всѣхъ учителей. Второе мѣсто занимаетъ промышленность, во всѣхъ ея отрасляхъ и видахъ, мелкая и крупная, домашняя и фабричная; изъ этой группы вышли 27% всѣхъ народныхъ учителей. Третье мѣсто занимаетъ группа чиновничества (служащихъ на государственной и общественной службѣ) и свободныхъ профессій; эта группа доставляетъ 23% всего числа народныхъ учителей; изъ торговой среды, со включеніемъ предпріятій средствъ сообщенія (Handel und Verkehr) вышли 11% народныхъ учителей.

Замѣчательно, что доля сельскаго хозяйства въ общемъ числѣ народныхъ учителей Пруссіи почти совпадаетъ съ его долей въ *общемъ населеніи*: первая доля составляетъ 34%, вторая 36,1%. Точно также обѣ доли совпадаютъ въ группѣ торговли и средствъ сообщеній: 11% учителей и 11,52,% общаго населенія. Но въ группѣ промышленности эти доли значительно отстали другъ отъ друга: въ общемъ числѣ народныхъ учителей эта группа представлена 27%, а въ общемъ населеніи—39%. Промышленное населеніе, судя по этимъ цифрамъ, имѣетъ меньше тяготѣнія къ учительской профессіи, чѣмъ другіе группы населенія; причины этого явленія, вѣроятно, главнымъ образомъ экономическаго характера: промышленность процвѣтаетъ и ее неохотно покидаютъ.

За то въ группѣ служащихъ на государственной и общественно службѣ и свободныхъ профессій доля народныхъ учителей значительно *превышаетъ* долю въ общемъ населеніи: первая доля составляетъ 23%, вторая—только 5,30%. Это неудивительно; къ этой группѣ принадлежитъ большинство интелигентныхъ профессій и весь педагогическій персоналъ, со включеніемъ самихъ народныхъ учителей. Скорѣе можно бы удивляться тому, что первая доля такъ незначительна. *Только 16% народныхъ учителей вышли изъ семей народныхъ учителей.* Повидимому, сами народные учителя неохотно посвящаютъ своихъ сыновей своему собственному званію. Еще менѣе охотно онѣ посвящаютъ ему своихъ *дочерей*: изъ всего числа народныхъ учительницъ только 8% были дочерьми народныхъ учителей. Приведемъ также абсолютныя цифры, вслѣдствіе ихъ особаго интереса; отецъ былъ народнымъ учителемъ—у 1165 народныхъ учительницъ и 12267 народныхъ учителей.

Вся группа служащихъ на государственной и общественной службѣ и свободныхъ профессій доставила 32% всего числа *учительницъ*, она зани-

маетъ въ этомъ отношеніи первое мѣсто среди всѣхъ группъ населенія. Второе мѣсто занимаетъ группа промышленности, доставившая 27% всѣхъ народныхъ учительницъ, т.-е. такую же долю, какъ и напр. учителей. Третье мѣсто занимаетъ группа торговли и средствъ сообщенія изъ которой вышли 20% всѣхъ народныхъ учительницъ.

Сельское хозяйство занимаетъ тутъ лишь *четвертое* мѣсто, 14% всѣхъ какъ учительницы вышли изъ этой среды. Это, конечно, связано съ положеніемъ женщины въ крестьянской средѣ.

Въ заключеніе главы позволимъ себѣ сопоставить разбросанныя въ ней цифры въ общей таблицѣ.

Происхожденіе народныхъ учителей и учительницъ въ Пруссіи.

Профессіональная группа отца.	Учителя Абсолютно	Учителя въ % учителей	Учительницы Абсолютно	Учительницы въ % учительницъ
Сельское хозяйство	25025	34	1922	14
Промышленность	20435	27	3750	27
Государственная и общественная служба и свободныя профессіи	16931	23	4361	32
Торговля и средства сообщенія	8342	20	2781	20
Домашнее услуженіе и поденная работа	480	—	38	—
Безъ занятій и безъ опредѣленныхъ занятій	3375	—	906	—
Всего.	74588		13758	

II.

Приведенныя въ предыдущей главѣ статистическія данныя показываютъ, что нѣмецкіе народные учителя происходятъ большею частью изъ среды мелкой буржуазіи,—изъ крестьянства, ремесленниковъ, мелкихъ промышленниковъ и мелкихъ торговцевъ. Это происхожденіе, конечно, оставило свой слѣдъ на характерѣ народныхъ учителей.

Мелкая буржуазія имѣетъ въ настоящее время весьма мало почитателей; буржуазный классъ относится къ ней съ пренебреженіемъ, потому что она—«мелкая», рабочій классъ относится къ ней недружелюбно, потому что она—«буржуазія»; она лишена всякой соціальной и политической самостоятельности и можетъ выбрать только одно изъ двухъ: отказаться отъ своего буржуазнаго самолюбія и своихъ буржуазныхъ тенденцій и примкнуть къ рабочему классу—стать его союзникомъ, проникнуться его стремленіями, воодушевиться его идеалами; или сохраняя свой буржуазный «престижъ», оставаться въ положеніи мелкихъ прислужниковъ крупной буржуазіи и отъ нея же заимствовать принципы и идеалы.

По *первому пути* пока пошла только малая часть мелкой буржуазіи Германіи, правда быстро *возрастающая*; но большая часть ея остается пока на старомъ пути, а крестьянство—почти всецѣло.

Условія жизни нѣмецкихъ народныхъ учителей очень способствуютъ сохраненію тѣхъ характерныхъ чертъ, которыми они обязаны своему мелко-буржуазному происхожденію. Во первыхъ—матеріальныя условія. Жалованье народныхъ учителей приблизительно соотвѣтствуетъ среднему доходу ремесленника или мелкаго лавочника. По даннымъ прусской статистики 1901 г. годовое жалованье штатныхъ учителей народныхъ школъ, со включеніемъ квартирныхъ денегъ или стоимость общественной квартиры, составляетъ въ среднемъ выводѣ: въ городахъ 2311 марокъ (1080) рублей), внѣ городовъ 1684 марки (780 рублей). Жалованье учительницъ значительно ниже, оно составляетъ, со включеніемъ квартирныхъ денегъ: въ городахъ 1716 марокъ, внѣ городовъ 1395 марокъ. Внѣштатные учителя получаютъ меньшее жалованье.

По сравненію съ жалованьемъ русскаго народнаго учителя вышеприведенныя цифры могутъ показаться довольно высокими, но по сравненію съ общимъ уровнемъ благосостоянія и потребностей нѣмецкаго народа, жалованье народныхъ учителей признается въ Германіи всѣми довольно жалкимъ. Здѣсь уже простому сельскому почтальону полагается *первоначальнаго* жалованья около 800 марокъ въ годъ, а священникъ начинаетъ съ 1800 марокъ годоваго жалованья, возрастающаго черезъ каждые 5 лѣтъ на 600 марокъ, пока оно не дойдетъ до 4800 марокъ въ годъ. Первоначальное жалованье сельскаго учителя обыкновенно только немногимъ превышаетъ жалованье почтальона. Многіе фабричные рабочіе зарабатываютъ въ Германіи больше, чѣмъ народный учитель.

Конечно, положеніе послѣдняго тѣмъ не менѣе значительно лучше положенія рабочаго. Во первыхъ, онъ обезпеченъ на всю жизнь; свое мѣсто онъ можетъ потерять только въ случаѣ серьезной провинности съ его стороны и только по рѣшенію дисциплинарнаго суда; даже переводъ съ одного мѣста на другое допустимъ только въ томъ случаѣ, если учитель при этомъ не понижается ни по жалованію, ни по рангу. При нуждѣ, по болѣзни или по какой нибудь иной причинѣ, онъ получаетъ воспомоществованіе; на старости, а въ случаѣ потери трудоспособности и раньше, онъ получаетъ пенсію; послѣ его смерти вдова и дѣти получаютъ также пенсію, хотя и въ уменьшенномъ размѣрѣ.

Все это, конечно, имѣетъ большое значеніе; но общественное положеніе члена общества въ наше время сильно зависитъ отъ его постоянныхъ матеріальныхъ рессурсовъ, а въ этомъ отношеніи нѣмецкій народный учитель находится въ довольно неблагопріятномъ положеніи, далеко не соотвѣтствующемъ важности его общественной функціи.

Неблагопріятно также и формальное положеніе народнаго учителя, мѣсто, которое онъ занимаетъ на іерархической лѣстницѣ государственной службы. Онъ считается чиновниковъ, приноситъ при поступленіи на службу обычную для чиновникомъ присягу и подчиненъ дисциплинарному суду, какъ всѣ чиновники; но онъ занимаетъ въ формальномъ отношеніи одно изъ послѣднихъ мѣстъ среди чиновниковъ. Приведемъ текстъ прусской присяги:

«Я, такой-то, клянусь передъ Богомъ, Всемогущимъ и Всезнающимъ, что буду преданъ, вѣренъ и послушенъ Его Королевскому Величеству Пруссіи, моему Всемилостивѣйшему Государю, и по моему наилучшему разумѣнію и по совѣсти, буду точно исполнять всѣ обязанности, возлагаемыя на меня моею должностью и т. д.». Съ 1867 года къ этой формулѣ прибавлены слова: «а также добросовѣстно исполнять конституцію».

Характерно, какое мѣсто предоставлено въ этой присягѣ конституціи; Пруссія только наполовину конституціонная страна и господство бюрократіи только отчасти ограничено въ ней. Народные учителя особенно чувствуютъ тяжесть господства бюрократіи, которая систематически старается превратить учителей въ покорное орудіе и обезличить ихъ. Такъ имъ запрещено принимать участіе не только въ политической агитаціи, но и вообще во всѣхъ организаціяхъ, имѣющихъ оппозиціонный характеръ. Особенно строго учителя охраняются отъ общенія съ рабочей партіей, до того, что имъ часто запрещается читать чисто научныя лекціи въ рабочихъ союзахъ. За то онѣ нерѣдко получаютъ отъ своихъ начальниковъ «просьбы» или «предложенія» поддерживать во время выборовъ того или другого правительственнаго кандидата. Въ результатѣ этой системы народные учителя, въ лучшемъ случаѣ, впадаютъ въ политическій индифферентизмъ, но иногда прямо развращаются политически, жертвуя своими убѣжденіями ради карьеры. Во всякомъ случаѣ они вынуждены скрывать свои убѣжденія, если они противорѣчатъ господствующему направленію.

Поэтому нѣтъ возможности составить себѣ вѣрное представленіе объ истинномъ политическомъ характерѣ нѣмецкихъ народныхъ учителей. Въ своихъ журналахъ они дипломатически избѣгаютъ прямого отвѣта на политическіе вопросы и старательно обходятъ ихъ. Только въ случаѣ обвиненія въ принадлежности или сочувствіи къ соціалъ-демократической партіи, учителя даютъ прямой отрицательный отвѣтъ, потому что такое обвиненіе слишкомъ опасно: учитель, заподозрѣнный въ соціализмѣ, не можетъ удержаться на своемъ мѣстѣ. Даже принадлежность къ либеральной партіи не безопасна для учителя и терпится только въ тѣхъ городскихъ центрахъ, въ которыхъ либеральная партія господствуетъ.

Но несмотря на всѣ мѣры, народные учителя не могутъ скрыть своего антагонизма къ консервативнымъ партіямъ; этотъ антагонизмъ слишкомъ глубокъ, слишкомъ чувствителенъ и самъ собою обнаруживается при всякомъ серьезномъ случаѣ. Нѣмецкія консервативныя партіи далеко не такъ враждебно относятся къ народному образованію, какъ наши самобытные консерваторы; они даже много сдѣлали въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія; но и они несвободны отъ свойственной всѣмъ реакціоннымъ партіямъ инстиктивной боязни просвѣщенія, мысли, знанія и свѣта. Причина этой боязни ярко выразилась въ словахъ одного англійскаго лорда, который, при обсужденіи въ палатѣ лордовъ перваго предложенія о государственной субсидіи на народное образованіе, высказался противъ субсидіи и противъ образованія. «Если бы лошадь понимала столько же, сколько человѣкъ, то я не хотѣлъ бы сидѣть на ней верхомъ»!—

сказалъ почтенный лордъ со свойственной англійскимъ лордамъ брутальной прямотой; очевидно, онъ зналъ, что онъ плохой наѣздникъ, и поэтому предпочиталъ—ословъ... Вслѣдствіе подобнаго же чувства собственной слабости, своего безсилія въ сравненіи съ силой знанія и мысли, и нѣмецкіе консерваторы недружелюбно смотрятъ на развитіе народнаго образованія, сопротивляются новымъ расходамъ на это дѣло и стараются по возможности ограничить школу и съузить сферу ея вліянія.

Сверхъ того, консервативныя партіи имѣютъ много другихъ потребностей, болѣе близкихъ ихъ сердцу, чѣмъ дѣло народнаго образованія, какъ то: армія, флотъ, колоніи и проч. и проч.; первымъ дѣломъ они стараются удовлетворить эти потребности «первой необходимости» и потомъ только обращаютъ свое благосклонное вниманіе на народное образованіе; но «потомъ» обыкновенно оказывается, что свободныя средства уже всѣ исчерпаны, и они «вынуждены» отложить выполненіе своихъ благихъ намѣреній.

Это отношеніе консервативныхъ партій къ духовнымъ и культурнымъ интересамъ народа, естественно, отталкиваетъ отъ нихъ народныхъ учителей и сближаетъ послѣднихъ съ тѣми партіями, которыя понимаютъ великое значеніе народнаго просвѣщенія и удѣляютъ ему первое мѣсто въ своихъ программахъ; это и въ Германіи, какъ и во всѣхъ странахъ, либеральныя и демократическія партіи.

Поэтому нѣмецкій народный учитель можетъ питать искренія симпатіи только къ послѣднимъ партіямъ; но онъ прикованъ къ другой сторонѣ желѣзной прусской дисциплиной, вліяніе которой распространилось на всю Германію; только на югѣ имперіи учителя пользуются нѣсколько большей независимостью.

III.

Вслѣдствіе своего зависимаго положенія народные учителя Германіи въ политическомъ отношеніи сидятъ между стульями, и потому не имѣютъ политической точки опоры для проведенія своихъ требованій.

Изъ этихъ требованій первое мѣсто въ настоящее время занимаютъ слѣдующія три:

1) Освобожденіе народной школы отъ зависимости отъ духовенства;

2) повышеніе образовательнаго уровня народныхъ учителей;

3) улучшеніе ихъ матеріальнаго положенія.

Вліяніе духовенства на народную школу довольно значительно въ Германіи; въ его рукахъ большею частью находится школьная *инспекція*. Духовенство нигдѣ не отличается особыми симпатіями къ дѣлу народнаго просвѣщенія, особенно католическое духовенство, а Германія на $^1/_3$ страна католическая. Протестантское духовенство вообще имѣетъ болѣе широкій кругозоръ, чѣмъ католическое; оно получаетъ свое образованіе въ университетахъ и, до извѣстной степени, проникается господствующимъ тамъ духомъ уваженія и любви къ мысли и знанію; тѣмъ болѣе, что среди ихъ ближайшихъ наставниковъ, профессоровъ протестантской теологіи, встрѣчаются высокопросвѣщен-

ные ученые. Но по самому своему призванію, какъ поборники *вѣры*, и протестантскіе пасторы неизбѣжно проникаются также чувствомъ антагонизма къ *знанію*, главной цѣли школы, и склонны тормозить просвѣтительную дѣятельность учителя. Католическое духовенство рѣдко посѣщаетъ общіе университеты, воспитываясь большею частью въ духовныхъ академіяхъ, въ которыхъ традиціонный антагонизмъ къ наукѣ весьма туго уступаетъ духу времени.

Понятно, что народные учителя всѣми силами стараются добиться освобожденія школы отъ подчиненія патерамъ и пасторамъ. Но на скорый успѣхъ они разсчитывать не могутъ. Въ Германіи въ настоящее время господствуютъ реакціонныя партіи, которыя только съ помощью духовенства могутъ сохранить вліяніе на народъ, и потому они стараются по возможности расширить роль духовенства. Либеральныя и демократическія партіи всѣми силами стараются противодѣйствовать этому, и общественное мнѣніе несомнѣнно на ихъ сторонѣ, но въ парламентахъ они пока находятся въ меньшинствѣ и не могутъ помѣшать реакціонному большинству проводить желательныя для него мѣропріятія.

Второе требованіе народныхъ учителей, о повышеніи ихъ образоватольнаго уровня, также имѣетъ мало шансовъ на скорое осуществленіе.

Въ настоящее время подготовка народныхъ учителей организована въ Германіи слѣдующимъ образомъ. По окончаніи народной школы, желающіе подготовиться къ пріему въ учительскую семинарію проходятъ подготовительный курсъ въ спеціальныхъ подготовительныхъ школахъ или частнымъ образомъ; на это требуется обыкновенно около трехъ лѣтъ. Въ Саксоніи подготовительная школа соединена съ самой семинаріей. Что касается послѣдней, то ея программа, разумѣется, не во всѣхъ частяхъ союзной имперіи одинакова; но въ общемъ она почти повсюду мало отличается отъ программы, принятой въ Пруссіи; мы поэтому можемъ ограничиться знакомствомъ съ послѣдней программой.

Желающіе поступить въ учительскую семинарію подвергаются экзамену по слѣдующимъ предметамъ: Законъ Божій, нѣмецкій языкъ, географія, исторія, естествознаніе, чистописаніе, черченіе, музыка (пѣніе, игра на роялѣ, на скрипкѣ и на органѣ) и, наконецъ, гимнастика. Программа, какъ видно, довольно обширная; но всѣ эти предметы изучаются уже въ народной школѣ. Семинарія имѣетъ своей задачей укрѣпить пріобрѣтенныя раньше знанія, дополнить и расширить ихъ, и настолько развить личность будущаго учителя, чтобы онъ былъ въ состояніи не только механически обучать, но также духовно руководить воспитанниками народной школы. Свою цѣль семинарія старается достигнуть теоретическими лекціями и практическими упражненіями; при каждой семинаріи имѣется образцовая народная школа, въ которой семинаристы упражняются въ преподаваніи подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ. Практическимъ упражненіямъ посвящается главнымъ образомъ послѣдній годъ трехгодичнаго курса; первые два года заняты больше теоретическими предметами, на которые по росписанію назначено: въ первый годъ 24 часа въ недѣлю, во второй годъ—столько же, въ третій годъ—12 часовъ въ не-

дѣлю. Въ общемъ итогѣ, такимъ образомъ, на теоретическіе предметы назначено 60 недѣльныхъ часовъ.

Кромѣ того, установлены упражненія въ музыкѣ и гимнастикѣ, а въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ также обученіе иностраннымъ языкамъ и сельскохозяйственнымъ предметамъ.

Подготовка народныхъ учителей продолжается такимъ образомъ въ Германіи, если начать счетъ со времени вступленія въ начальную школу (въ 6-лѣтнемъ возрастѣ) около 14 лѣтъ, и всѣ эти годы наполнены систематической и усидчивой работой, какъ только нѣмцы на это способны. Но и по окончаніи семинаріи будущіе народные учителя еще остаются нѣсколько лѣтъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ опытнаго преподавателя, фигурируя въ качествѣ помощниковъ или замѣстителей штатныхъ учителей; затѣмъ они *обязаны* принимать участіе въ съѣздахъ и курсахъ, организуемыхъ школьной инспекціей для обновленія и расширенія образованія учителей. Съ этой подготовкой нельзя и сравнить подготовку русскихъ народныхъ учителей; умѣстнѣе сравненіе съ нашими преподавателями *среднихъ* учебныхъ заведеній, подготовка которыхъ врядъ ли много превосходитъ подготовку нѣмецкихъ народныхъ учителей.

Но для Германіи этого уже *мало*, программа народныхъ школъ, имѣющихъ 7—8-лѣтній курсъ, очень широка, и учителя чувствуютъ, что они недостаточно подготовлены; они поэтому требуютъ *университетскаго образованія*, по меньшей мѣрѣ—посѣщенія университета въ теченіе 1—2 лѣтъ. Но господствующія партіи рѣшительно противъ этого требованія; по ихъ мнѣнію, программа народныхъ школъ уже *слишкомъ* широка и народные учителя уже *слишкомъ* образованы. Правительства, которыя въ Германіи обыкновенно болѣе внимательны къ интересамъ народнаго образованія, чѣмъ реакціонное большинство германскихъ парламентовъ, также противъ требованія народныхъ учителей относительно университетскаго образованія; отчасти, можетъ быть, изъ опасенія, что учителя съ университетскимъ образованіемъ не примирятся со скромнымъ положеніемъ народнаго учителя, такъ какъ уже теперь народные учителя массами покидаютъ школы и переходятъ къ другимъ профессіямъ и постоянно существуетъ недостатокъ въ народныхъ учителяхъ.

Конечно, не трудно было бы увеличить притягательную силу профессіи народнаго учителя, посредствомъ улучшенія матеріальнаго положенія, но господствующія партіи, какъ уже было сказано, очень скупы на такіе расходы.

IV.

Самую отрадную сторону въ жизни нѣмецкаго народнаго учителя составляетъ его *союзная* дѣятельность. Рѣдкій учитель не принимаетъ участія въ этой дѣятельности. Въ каждомъ маленькомъ округѣ существуетъ свое учительское общество, окружныя общества соединены въ провинціальные союзы, а послѣдніе объединены въ общія организаціи, обнимающія всю имперію. Самая крупная организація, это—Германскій учительскій союзъ—Der Deutsche Lehrerverein, въ которомъ къ концу 1903 г. числилось 104369 членовъ.

Часть учителей и учительницъ объединена въ конфессіональныхъ союзахъ, католическихъ и протестантскихъ; но о числѣ членовъ этихъ союзовъ точныхъ свѣдѣній не опубликовано. Оно должно быть въ общемъ довольно значительно; такъ «Католическій союзъ учителей Германской Имперіи» имѣлъ въ 1902 году 9584 дѣйствительныхъ членовъ; Общество католическихъ учителей Силезіи, не присоединившееся къ этому союзу (какъ и нѣкоторые другія общества католическихъ учителей), имѣетъ около 4000 членовъ. Кромѣ того существуютъ еще: Союзъ католическихъ учительницъ, Союзъ евангелическихъ учительскихъ обществъ и рядъ другихъ учительскихъ обществъ, не присоединившихся ни къ какому общему союзу. Учительницы, принадлежащія отчасти также къ смѣшаннымъ союзамъ, создали еще особую организацію для защиты своихъ интересовъ, подъ именемъ: «Der Allgemeine deutsche Lehrerinnenverein», которому въ 1903 г. принадлежало 18000 членовъ.

Полезная дѣятельность германскихъ учительскихъ союзовъ распространяется на всѣ стороны жизни учителей, начиная съ личной, матеріальной стороны и кончая общественнымъ и идеальнымъ призваніемъ учителей и воспитателей юныхъ поколѣній.

Начнемъ съ матеріальной стороны. Скромное жалованье народнаго учителя требуетъ отъ него крайней разсчетливости въ расходахъ; но обыкновенно тому, кто меньше имѣетъ, приходится платить за все дороже, такъ какъ цѣны обыкновенно обратно пропорціональны размѣру покупки; небогатому человѣку приходится закупать все нужное въ маленькихъ лавочкахъ, гдѣ все не только значительно дороже, но и худшаго качества; одинокій учитель безсиленъ предпринять что нибудь противъ этого. Другое дѣло союзы. Они устраиваютъ потребительныя лавки или заключаютъ условія съ крупными магазинами о поставкѣ товаровъ ихъ членамъ на льготныхъ условіяхъ. Хорошо организованныя потребительныя лавки доставляютъ своимъ членамъ до 20% сбереженій, но уже при соглашеніи съ магазинами можно получить скидку въ 10—15%; при скромномъ бюджетѣ народнаго учителя такія сбереженія имѣютъ не малое значеніе. Въ подобныя же соглашенія союзы входятъ съ книжными магазинами, съ театрами, съ гостинницами, со страховыми обществами и проч. и проч., стараясь повсюду добиться наиболѣе выгодныхъ условій для своихъ членовъ. Для путешествующихъ сотоварищей «германскій учительскій союзъ» издаетъ періодически «путеводитель», въ которомъ сопоставлены всѣ необходимыя и полезныя свѣдѣнія и указаны адреса и цѣны. Народный учитель при «нормальныхъ» обстоятельствахъ не можетъ себѣ позволить путешествій по курортамъ и другимъ пріятнымъ мѣстамъ; но иногда его принуждаетъ къ этому болѣзнь или чрезвычайное переутомленіе; и тутъ-то, когда каждый грошъ для него особенно дорогъ, онъ изъ-за неопытности легко впадаетъ въ излишніе расходы. Отъ этого союзъ старается предохранить своихъ членовъ и вообще сотоварищей (иностранцы также могутъ отчасти этимъ воспользоваться), предупреждая ихъ, гдѣ и какъ они могутъ устроиться на наиболѣе выгодныхъ условіяхъ. Свѣдѣнія для путеводителя доставляются обыкновенно учителями, проживающими въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ или наученными собственнымъ

*

опытомъ. Устроена также санаторія для больныхъ учителей. Союзы заботятся также объ устройствѣ ссудныхъ кассъ и кассъ взаимопомощи.

Германскій учительскій союзъ организовалъ еще юридическое бюро для своихъ членовъ, которое въ случаѣ принципіальнаго значенія какого либо дѣла принимаетъ всѣ расходы на себя, въ другихъ случаяхъ доставляетъ тяжущемуся учителю всевозможныя льготы.

Все значеніе союза въ личной жизни учителя, дѣйствительное и потенціальное, не поддается исчисленію, но несомнѣнно, что оно весьма важно.

Однакожь, не въ этомъ лежитъ центръ тяжести благотворной дѣятельности нѣмецкихъ учительскихъ союзовъ; главное вниманіе они обращаютъ на духовную сторону жизни учителя, стараясь поддержать и развить въ немъ любовь и уваженіе къ своему призванію, и заботясь о пополненіи его знаній и расширеніи его кругозора. Средства къ этому извѣстны: рефераты, бесѣды, лекціи, курсы, съѣзды; всѣми этими средствами нѣмецкіе учительскіе союзы пользуются самымъ энергичнымъ образомъ, такъ что учитель остается всегда въ приподнятой духовной атмосферѣ, съ постояннымъ, живымъ интересомъ къ своему дѣлу и ко всѣмъ связаннымъ съ нимъ вопросамъ. Особенно возбуждающе дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи большіе съѣзды, на которыхъ одинокія искорки, разсѣянныя по захолустьямъ, соединяются въ большой очагъ, согрѣвающій всѣхъ общимъ огнемъ.

Особенно замѣчательны всеобщіе съѣзды, устраиваемые всеобщимъ «Германскимъ учительскимъ союзомъ», въ которыхъ принимаетъ участіе нѣсколько тысячъ членовъ (на послѣднемъ было 4000 ч.).

Это въ нѣкоторомъ родѣ *парламентъ* по дѣламъ народнаго образованія, компетентность котораго во всякомъ случаѣ значительнѣе компетентности ландтаговъ, въ которыхъ господствуютъ юнкеры, подчиняющіе интересы народнаго образованія своимъ собственнымъ ограниченнымъ политическимъ и соціальнымъ интересамъ. Но учительскій парламентъ пока, къ сожалѣнію, имѣетъ только совѣщательный голосъ. Однакожь, чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе, будетъ политическимъ парламентамъ противостоять моральному воздѣйствію «учительскаго парламента», котораго компетентность очевидна для всѣхъ и который опирается на сильную организацію. Нельзя относиться пренебрежительно къ организаціи, насчитывающей болѣе ста тысячъ членовъ, интеллигентныхъ людей, изъ которыхъ каждый пользуется вліяніемъ въ болѣе или менѣе значительномъ кругу; всѣмъ политическимъ партіямъ волей - неволей придется съ нею считаться и ей несомнѣнно предстоитъ въ будущемъ крупная роль. Пока учительскіе союзы еще не прониклись полнымъ сознаніемъ своей миссіи и своихъ силъ. Объединительная работа учительскаго персонала еще далеко незакончена и еще много въ немъ внутреннихъ раздоровъ, мѣшающихъ дружной общей работѣ.

Во всеобщемъ союзѣ теперь уже болѣе 100.000 членовъ, но изъ нихъ очень многіе только недавно присоединились къ нему: такъ въ немъ до 1891 года было меньше 50.000 членовъ, хотя онъ существуетъ уже съ 1871 года.

Но есть всѣ основанія надѣяться, что со временемъ *всѣ* учителя и всѣ учительскія общества Германіи соединятся въ единый общій союзъ, и тогда народный учитель и народное образованіе быстро займутъ подобающее мѣсто въ государствѣ, *подобающее*, т.-е., конечно, *первое*. Какой же отрасли государственнаго управленія подобаетъ первое мѣсто въ цивилизованной странѣ, если не народному образованію, народной культурѣ, народной цивилизаціи?—Точно также какъ въ культурной семьѣ забота объ образованіи дѣтей находится на первомъ планѣ, точно также это должно быть и въ культурномъ обществѣ и государствѣ.

Пока, правда, первое мѣсто занимаютъ факторы совсѣмъ иного рода: юнкерство и милитаризмъ; но коренной поворотъ въ этомъ отношеніи врядъ ли очень далекъ въ Германіи. Ни въ какой иной странѣ уваженіе къ образованію не вкоренилось такъ глубоко въ народной душѣ, какъ въ Германіи, въ которой народное образованіе находится на болѣе высокомъ уровнѣ, чѣмъ въ какой либо другой странѣ, и въ которой для всѣхъ и для каждаго, для юнкера и для крестьянина, для фабриканта и рабочаго, для политика и военнаго,—ясно, что знаніе—сила, знаніе—богатство, знаніе—слава! И это убѣжденіе тѣмъ болѣе непоколебимо, что оно подтверждается каждый день, на каждомъ шагу, въ частной и въ общественной жизни; всѣ успѣхи современной Германіи, внутренніе и внѣшніе, экономическіе и военные, имѣютъ своимъ источникомъ—*образованіе*.

Поэтому народное образованіе служитъ въ Германіи предметомъ всеобщихъ заботъ, поэтому Германія безостановочно идетъ впередъ въ дѣлѣ народнаго образованія, хотя она давно уже опередила всѣ европейскіе народы въ этомъ отношеніи.

Другъ просвѣщенія не можетъ не радоваться этому, но у россіянина невольно возникаетъ при этомъ также чувство глубокой печали и... страха, страха передъ будущимъ... Невольно возникаетъ вопросъ: что же будетъ съ нами? Какую роль будутъ играть наши безграмотные, невѣжественные, темные мужики рядомъ съ этимъ народомъ мыслителей? Какую роль будетъ играть наше отечество, имѣющее такъ много «душъ» и такъ мало «людей», рядомъ съ великой Германіей, въ которой каждая «душа» есть въ тоже время «человѣкъ» въ полномъ смыслѣ слова, развившій всѣ свои задатки и способности до высокой степени?

Но—вернемся къ нашей темѣ.

Конечно, и въ Германіи объединительному движенію учителей не мало пришлось бороться съ т. наз. «независящими обстоятельствами», и здѣсь бюрократія долгое время питала суевѣрный страхъ передъ обществами, союзами, собраніями, съѣздами и т. п., и всякими средствами старалась преградить путь объединительному и организаціонному движенію. Но со временемъ нѣмецкая бюрократія *радикально* измѣнилась въ этомъ отношеніи и пришла къ убѣжденію, что союзное движеніе не только можно терпѣть, но что его *должно поощрять*, *что оно не только не вредно*, *не только не опасно*,

но весьма полезно и даже необходимо. Ниже мы приведемъ нѣкоторые факты, характерные въ этомъ отношеніи; сначала мы хотимъ отмѣтить главные этапы въ исторіи союзнаго движенія нѣмецкихъ учителей.

Начало этого движенія восходитъ до 18-го вѣка—оставляя въ сторонѣ «конференціи», собесѣдованія по школьнымъ вопросамъ, организованнымъ школьной дирекціей, укажемъ на вполнѣ самостоятельный учительскій союзъ, организованный въ Ремшейдѣ въ 1794 году Даніэломъ Ширманомъ, вслѣдъ за которымъ подобные союзы были устроены въ разныхъ частяхъ разъединенной тогда Германіи. Въ началѣ девятнадцатаго вѣка можно уже найти изрядное число учительскихъ обществъ, и въ одномъ Гамбургѣ даже два, изъ которыхъ одинъ существуетъ до сегодняшняго дня: Gesellschaft der Freunde der vaterländischen Schul-und Erziehungrolens, празднующій въ этомъ году свой столѣтній юбилей. Въ 1813 г. возникаетъ «Берлинское общество школьныхъ учителей», переименовавшееся въ срединѣ вѣка въ «Берлинскій учительскій союзъ», существующій и понынѣ.

Съ теченіемъ времени учительскія общества почувствовали потребность войти другъ съ другомъ въ связь посредствомъ общихъ союзовъ и общихъ въѣздовъ. Эти съѣзды носили вначалѣ характеръ товарищескихъ празднествъ, устраивавшихся то тѣмъ, то другимъ обществомъ по тому или иному поводу при участіи сотоварищей изъ другихъ обществъ. И въ этомъ примитивномъ видѣ съѣзды благотворно дѣйствовали на школьныхъ тружениковъ, живущихъ обыкновенно одиноко, въ чуждой имъ по духу атмосферѣ; они оживляли ихъ, внушали имъ новую бодрость и энергію для дальнѣйшей работы. Но бюрократіи учительскіе съѣзды и въ такомъ невинномъ видѣ показались опасными и они скоро были запрещены.

Съѣзды прекратились. Но когда въ 1847—1848 гг. положеніе бюрократіи пошатнулось, элементарное стремленіе къ единству прорвалось съ особой силой и въ короткое время образовался цѣлый рядъ большихъ союзовъ. Въ то же время возникла мысль о соединеніи всѣхъ учительскихъ союзовъ отдѣльныхъ провинцій въ общегерманскій союзъ и въ августѣ 1848 г. образовался комитетъ для осуществленія этой мысли. Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ интереснаго воззванія этого комитета:

Воззваніе къ учителямъ Германіи.

«Нѣмецкій народъ проснулся; новая, свѣжая жизнь потекла по его жиламъ; повсюду слышится требованіе объединенія Германіи. Но чему можетъ служить самая великолѣпная внѣшность, если она лишена внутренняго содержанія, соотвѣтствующаго духа? Пробудить этотъ духъ въ народѣ тамъ, гдѣ онъ спитъ; укрѣпить его тамъ, гдѣ онъ ослабъ; руководить имъ тамъ, гдѣ онъ направленъ по ложному пути,—это задача народнаго воспитанія, находящагося главнымъ образомъ въ рукахъ учителей. Но послѣдніе только тогда могутъ успѣшно выполнить эту задачу, если они *объединятся* для этой великой цѣли.

«Стремленіе въ объединенію, правда, давно уже пробудилось среди учителей и они соединились въ общества для взаимнаго развитія, но этого теперь недостаточно; эти общества имѣютъ слишкомъ узкое основаніе. Слишкомъ мало было до сихъ поръ солидарности между учителями разныхъ школьныхъ ступеней. Работающіе въ разныхъ этажахъ зданія народнаго образованія смотрѣли другъ на друга съ высокомѣріемъ; кто работалъ на вершинѣ, тотъ не хотѣлъ признавать работающихъ у фундамента, работники среднихъ этажей знали, что ихъ положеніе не самое высокое, но тѣмъ не менѣе съ гордостью смотрѣли сверху внизъ на многихъ сотоварищей. Этого не должно быть, это не можетъ такъ оставаться!.. Соединитесь вмѣстѣ и работайте сообща при общемъ дѣлѣ!..»

Это воззваніе нашло живѣйшій откликъ въ средѣ учителей и повсюду началась энергичная организаціонная работа. Въ томъ же 1848 году состоялся, въ Айзенахѣ, первый всеобщій съѣздъ нѣмецкихъ учителей для обсужденія вопросовъ объ организаціи народной школы и народныхъ учителей.

Но свободная эра не долго продолжалась, реакція скоро снова подняла голову и St. Bureaukraticus, какъ выражаются нѣмцы, не замедлилъ разрушить все, что было создано въ это короткое время. Почти всѣ большіе учительскіе союзы были закрыты и мысль о созданіи всеобщаго союза была оставлена. Однакожъ всеобщіе съѣзды, безъ опредѣленной организаціи, продолжали созываться каждый годъ то въ одномъ, то въ другомъ пунктѣ. Эти съѣзды были мѣтко названы «странствующею совѣстью учителей», только на нихъ завѣтныя мысли учителей могли получить выраженіе.

Объединеніе Германіи дало новый толчокъ объединительному движенію германскихъ учителей и снова начались подготовительныя работы къ организаціи всеобщаго союза.

«Мы слишкомъ одиноки, слишкомъ разсѣяны на нашихъ постахъ,—писалъ въ 1870 г. Эдуардъ Закъ.—Никто изъ насъ не знаетъ, за что ему взяться, такъ какъ не можетъ знать, сколько товарищей послѣдуютъ за нимъ и какъ далеко; не знаетъ, можно ли будетъ сомкнуть ряды въ сплоченную и рѣшительную армію, смѣло двигающуюся впередъ для борьбы за общее дѣло.

«Поэтому многіе, и далеко не самые худшіе, цѣлые годы прячутся въ своихъ норахъ, а другіе соединяются въ маленькіе кружки со спеціальною цѣлью... запутывать давно рѣшенные вопросы, для того чтобы... ихъ снова распутать. Притомъ эти кружки остаются чужды другъ другу, ничего другъ о другѣ не знаютъ и не имѣютъ между собою никакихъ связей. Вслѣдствіе этого, учителя въ одномъ мѣстѣ обнаруживаютъ много жизни, а въ другомъ спятъ сномъ праведныхъ..., въ одномъ мѣстѣ увлекаются самыми высокими идеалами, а въ другомъ не имѣютъ никакихъ потребностей... Поэтому общая организація *необходима*».

Наконецъ, въ декабрѣ 1871 г. на съѣздѣ, созванномъ по иниціативѣ берлинскаго учительскаго общества, положено было основаніе «Германскому союзу учителей», который вначалѣ развивался медленно, отвоевывая себѣ право на существованіе шагъ за шагомъ, но съ теченіемъ времени превра-

тился въ могучую организацію, объединившую болѣе половины всего учительскаго персонала всѣхъ ранговъ.

Бюрократія еще долго сохраняла свое недружелюбье къ объединительному движенію учителей; еще въ 1881 г. прусскій министръ народнаго просвѣщенія, фонъ Путткаммеръ запретилъ давать учителямъ отпускъ для посѣщенія съѣздовъ всеобщаго союза. Но черезъ десять лѣтъ, въ 1891 г., его преемникъ, фонъ Цедлитцъ, публично—на засѣданіи ландтага призналъ за учителями полное право союзовъ, а 25 января 1892 г. *Staatsanzeiger* опубликовалъ циркуляръ по министерству о распредѣленіи каникулярнаго времени въ соотвѣтствіи съ потребностями учительскихъ съѣздовъ.

Учителя не только отвоевали себѣ свободу союзовъ, но еще добились признанія высокаго общественнаго значенія за ихъ союзами со стороны той самой бюрократіи, которая прежде грубо подавляла всѣ подобныя начинанія.

Такъ, въ 1888 г. одинъ представитель администраціи, привѣтствуя учительскій съѣздъ, высказываетъ: «чѣмъ интенсивнѣе культурная жизнь, тѣмъ болѣе каждый нуждается въ своей дѣятельности въ поддержкѣ, поэтому *объединеніе необходимая вещь*. Безъ союзовъ мы теперь не можемъ обходиться, они составляютъ *государственную необходимость*; *нормальное развитіе культуры невозможно безъ союзовъ*. Союзъ учителей принадлежитъ къ наиболѣе необходимымъ союзамъ, *онъ составляетъ высоковажную часть государственнаго организма*».

На другомъ учительскомъ съѣздѣ, въ томъ же году, представитель школьной администраціи обращается къ союзамъ *съ прямой просьбой привлечь въ свои ряды по возможности всѣхъ учителей*, такъ какъ онъ-де по опыту знаетъ, что учителя, остающіеся внѣ союзовъ, легко подпадаютъ подъ дурное вліяніе, вращаются въ дурномъ обществѣ и подчасъ совсѣмъ развращаются; «*я всегда находилъ*, прибавилъ онъ, *что это признакъ начинающагося профессіональнаго паденія*, *если учитель не принимаетъ участія въ товарищескомъ обществѣ*» .

Такимъ образомъ нѣмецкая бюрократія, послѣ почти вѣковой борьбы противъ элементарнаго стремленія учителей къ солидарности и объединенію, сама признала свои прежніе взгляды на это стремленіе совершенно *превратными* и свою борьбу съ нимъ поистинѣ *разрушительной* и въ общественномъ, и въ государственномъ отношеніи.

Р. М. Бланкъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Августъ 1906 г.

Содержаніе: Беллетристика.—Критика и исторія литературы и искусства.—Публицистика.—Исторія всеобщая и русская.—Соціологія и политическая экономія.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Впередъ".—*Ан. Альгинъ*. „Въ предразсвѣтномъ туманѣ".—*Арн. Аріэль*. „Красное знамя".—*Б. Гейеръ*. „Разсказы".—„Басни Косаря".

Впередъ. Сборникъ стихотвореній и пѣсенъ. Составилъ Михаилъ Львовичъ. Изд. «Донской Рѣчи». Стр. 162. Цѣна 20 коп. Въ обширной литературѣ, которая вызвана великой освободительной борьбой русскаго общества съ правительствомъ, не послѣднее мѣсто занимаютъ такъ называемыя запрещенныя стихотворенія и пѣсни, выражающія смѣлый и рѣзкій протестъ противъ насилія и произвола, призывающія къ борьбѣ за лучшее будущее, оплакивающія и восхваляющія героевъ и мучениковъ, павшихъ «въ борьбѣ роковой», наконецъ, проклинающія или осмѣивающія палачей и тюремщиковъ свободы. Пѣснями и стихотвореніями подобнаго рода отмѣчены всѣ эпохи освободительной борьбы, начиная съ движенія декабристовъ и кончая переживаемой нами революціей. На этихъ пѣсняхъ и стихотвореніяхъ воспитывалась передовая русская молодежь въ теченіе почти всего XIX вѣка. На первыхъ порахъ запрещенныя стихоторенія хранились и распространялись въ устной передачѣ или въ рукописяхъ; съ половины пятидесятыхъ годовъ они стали печататься за предѣлами Россіи, сначала въ «Полярной Звѣздѣ» Герцена, а затѣмъ и въ другихъ русскихъ изданіяхъ за границей; въ настоящее время русская «потаенная литература» мало-по-малу возвращается на родину.

Когда будетъ составленъ полный сборникъ русскихъ «запрещенныхъ» и «нелегальныхъ» стихотвореній и пѣсенъ, онъ представитъ своего рода поэтическую исторію русскаго освободительнаго движенія. А пока мы имѣемъ только небольшіе, далеко неполные сборники, среди которыхъ сборникъ «Впередъ» заслуживаетъ особеннаго вниманія. Здѣсь собрано до ста сорока пьесъ разныхъ авторовъ, въ числѣ которорыхъ находятся Пушкинъ, Лермонтовъ, Рылѣевъ, Некрасовъ, Огаревъ, М. Михайловъ, Тургеневъ (стихотвореніе въ прозѣ «Порогъ»), Курочкинъ, Якубовичъ, Морововъ, Вѣра Фигнеръ и цѣлый рядъ другихъ менѣе извѣстныхъ или вовсе неизвѣстныхъ, анонимныхъ, поэтовъ. Помѣщенныя въ сборникѣ стихотворенія распредѣлены на восемь отдѣловъ, которымъ даны такія заглавія: «Вступительныя», «Декабристы и декабристамъ», «Революціонныя стихотворенія Пушкина, Лермонтова и другихъ періода 40-хъ и 50-хъ годовъ», «Памяти борцовъ за свободу», «Студенты и студентамъ», «Пролетаріи и пролетаріямъ», «Тюрьма и ссылка», «Пѣсни борьбы и свободы». Нѣкоторые изъ этихъ отдѣловъ очень бѣдны; напримѣръ, во второмъ и пятомъ отдѣлахъ всего по семи пьесъ. И остальные отдѣлы также страдаютъ суще-

ственными пропусками. Въ сборникѣ можно найти такія стихотворенія, которыя давно извѣстны русскому читателю изъ легальныхъ изданій. И въ то же время отсутствуетъ цѣлый рядъ пьесъ, пользовавшихся или пользующихся громадной популярностью среди молодежи.

Кромѣ неполноты и нѣкоторой случайности въ выборѣ стихотвореній, другими недостатками сборника являются искаженіе текста и ошибки въ примѣчаніяхъ. Помимо искаженій отдѣльныхъ словъ, встрѣчаются пропуски цѣлыхъ стиховъ и даже строфъ. Такъ, въ стихотвореніи Пушкина «Чаадаеву» пропущенъ стихъ «Россія вспрянетъ ото сна», въ одѣ Рылѣева «Гражданинъ» отсутствуетъ предпослѣдняя строфа. Особенному искаженію подверглась напечатанная цѣликомъ знаменитая пьеса Пушкина «Вольность». Въ примѣчаніяхъ находятся такія невѣрныя указанія: Огаревъ «за участіе въ студенческомъ волненіи былъ въ 1831 году уволенъ изъ университета», Чернышевскій умеръ въ Астрахани, Лавровъ «былъ сосланъ въ Сибирь» и др.

Но всѣ эти недочеты ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ интересомъ, который представляетъ большая часть стихотвореній, вошедшихъ въ сборникъ. Здѣсь напечатанъ цѣлый рядъ стихотвореній и пѣсенъ, которыя еще недавно распѣвались или читались только въ интимныхъ кружкахъ, а теперь распѣваются по всему пространству Россіи. *С. А.*

Анатолій Альгинъ. Въ предразсвѣтномъ туманѣ. Разсказы. «Передъ разсвѣтомъ мракъ становится темнѣе»—этотъ эпиграфъ, выбранный для всей книги, относится въ сущности только къ одному изъ разсказовъ, «Въ предразсвѣтномъ туманѣ». Этотъ послѣдній—одна изъ тѣхъ посредственныхъ «полезностей», какія вызваны къ жизни русской революціей; революція даетъ готовыя, потрясающія темы, даетъ даже готовую искренность и пафосъ и нужна только нѣкоторая наблюдательность и умѣніе разсказщика, чтобы схватить этотъ готовый матеріалъ и уложить его въ рамки фельетона, очерка или разсказа. «Выдумки» въ тургеневскомъ смыслѣ этого слова въ нихъ нѣтъ и слѣда, оригинальной идеей или точкой зрѣнія и не пахнетъ, но «чувства добрыя»—сочувствіе къ борцамъ, гнѣвъ къ поработителямъ—они, пожалуй, способны вызвать, особенно у не очень требовательнаго читателя.

Останавливаться подробнѣе на упомянутомъ разсказѣ г. Альгина не стоитъ: это—ставшая у насъ за послѣднее время обычной картина «красной» демонстраціи, «трехцвѣтнаго» погрома, «усмиренія» войсками, разстрѣливанія безоружныхъ и пр. «Разсвѣта» въ этой картинѣ не чувствуется вовсе, и мы должны оптимизму автора повѣрить на слово. Во всѣхъ же остальныхъ разсказахъ сборника нѣтъ и намека на «разсвѣтъ»: царитъ самая безнадежная и затхлая обывательская канитель, которая отражаетъ обыкновенныя реакціонныя сумерки. Вотъ тягучая и монотонная картина быта глухого рыбопромышленнаго угла съ взятками чиновниковъ, дешевенькимъ развратомъ и эксплуатаціей труда («Рыба»); вотъ описаніе душевныхъ мукъ офицера, потерявшаго на войнѣ руки и ноги («Туловище»); вотъ альбомное морсо о мимолетной встрѣчѣ съ эксцентричной красавицей («Голубой сонъ») и добродѣтельно-скучная проповѣдь альтруизма, повелѣвающаго не замыкаться въ интересахъ семьи, а приносить пользу ближнимъ («Семья»).

Лучше другихъ, живо и умѣло написанъ разсказъ «Тоскливое веселье», въ которомъ—правда, не безъ излишняго подчеркиванія рискованныхъ мѣстъ,—описывается мутный и пьяный угаръ «барышенъ»—обитательницъ веселаго дома.

Въ общемъ книга г. Альгина страдаетъ большей спѣшностью и небрежностью работы; простительныя въ фельетонѣ, эти качества въ отдѣльной книгѣ производятъ непріятное впечатлѣніе. *Л. Вас—ій.*

Арнольдъ Аріель. Красное знамя. М. 1906. Стр. 62. Ц. 45 к. Явно разсчитанная на эффектъ кроваво-красная обложка съ толпой воинственныхъ

фигуръ—съ перваго взгляда производитъ непріятное впечатлѣніе. Это впечатлѣніе только усиливается при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ книжкой. На первомъ мѣстѣ помѣщено нѣчто о красномъ знамени, написанное въ ритмѣ пресловутой горьковской «Пѣсни о Соколѣ». Бѣдная, профанируемая «Пѣсня!» Сколько неумѣлыхъ, а иногда и недобросовѣстныхъ рукъ подражало ей и искажало ее. «Но царь не вышелъ тогда къ народу, но вышло войско, и съ нимъ—диктаторъ... Гора изъ труповъ, потоки крови и стоны павшихъ—отвѣтъ, расплата». Эта скандируемая проза заканчивается стихами такого рода:

Былъ приказъ, чтобъ патроновъ для насъ не жалѣть
И стрѣлять, и рубить, и калѣчить народъ!..
За свободу, друзья, мы должны умереть:
Не пойдемъ мы назадъ, а впередъ, да, впередъ! (курс. нашъ).

Далѣе въ книжкѣ находимъ рядъ тщательно датированныхъ бездѣлушекъ: двѣ легенды, одна огромная «сатира», одна поэма съ ультра-гражданскимъ и ультра-банальнымъ діалогомъ «старика» и «юноши» и три топорныя басни, изъ тѣхъ, какія основательно надоѣли русскому читателю еще этой зимой, въ безчисленныхъ сатирическихъ журналахъ.

Съ грустью приходится констатировать, что художественныя произведенія, которыя бы стояли вровень съ колоссальнымъ *размахомъ* и поразительной *красотой* переживаемыхъ страной событій — насчитываются единицами, а сотни и тысячи произведеній современной художественной литературы представляютъ собой банальнѣйшія перепѣвы и общія мѣста, согрѣтыя тепленькимъ казеннымъ пафосомъ. *Л. Вас—ій.*

Б. Гейеръ. Элегія и другіе разсказы. Издательство «Амиранъ» Ал. Аарбидзе. Спб. 1906 г. ц. 50 коп. У г. Гейера много нѣжности, много мягкости. Но потянуло его все-таки въ сторону кровавой и мстительной современности и подъ его перомъ ея картины не вырисовываются: иныхъ чувствъ требуетъ переживаемый моментъ отъ художника. Одной жалости къ погибающимъ, одного порицанія губителямъ недостаточно и мало, нужно другое. Огненныхъ и дерзкихъ вдохновеній мы ждемъ отъ поэта и писателя нашихъ дней; не слезъ сожалѣнія, а криковъ истязающаго сердца; не мягкихъ лирическихъ полутоновъ, а призывовъ къ бурѣ протеста. Слезъ ненужно, потому что никому уже ненужно милости. Другіе тоны звучатъ и сверкаютъ. Художнику современности нехватаетъ гнѣвнаго сердца, отважной смѣлости, героическихъ взрывовъ.

А г. Гейеръ весь въ тѣни мягкихъ, но властныхъ, огромныхъ крыльевъ Чехова. Таже манера, знакомый слогъ, тяготѣніе къ паутинной миніатюрѣ, и таже задумчивость, и таже чеховская грусть. Но на фонѣ новой жизни старыя краски рѣжутъ глазъ. Чеховъ—ликвидаторъ прошлаго: и прошлыхъ думъ, и прошлыхъ настроеній, и прошедшей невозвратимой, трижды проклятой жизни. Насталъ чередъ и пробилъ часъ новому, грозному, волнующему, дерзкому. Но у г. Гейера не дерзкое, а дѣтское. Прощающе и примирительно «смѣялось утро», хотя наканунѣ, на этомъ смѣющемся лугу, подъ этимъ смѣющимся солнцемъ свершилась казнь. Наивно, хотя и тепло, написаны «Снѣжки», но въ нихъ вѣра безъ смѣлости и жалость безъ силы. Лучше другихъ злободневно—лирическихъ миніатюръ «Ужасы», но у нихъ испорченъ конецъ ненужной, тенденціозной, и едва-ли умной фразой—упрекомъ: «Въ ту ночь, когда у васъ веселыми огнями сверкала елка, и вы встрѣчали радостно праздникъ Христа, зачѣмъ въ ту ночь вы не подошли къ окну и не взглянули на Русь? И тогда вы не могли бы веселиться, читатель». Это подѣтски, едва-ли искренно и отнюдь не звучитъ паѳосомъ. Не слѣдовало потрясать руками, дрожащими не отъ гнѣва, а отъ жалости: это не производитъ впечатлѣнія и выглядитъ только фальшиво. На старый—и опять таки чеховскій—мотивъ написана «Панихида»,

и странно, что такъ интимно подчиненный покойному писателю г. Гейеръ рѣшается сказать: «лицо *обрамляла* рѣденькая бороденка» («Молодость»), будто забывъ, какъ осудилъ, разъ навсегда схоронивъ это «обрамлять» въ своей «Чайкѣ» Чеховъ. Нѣсколько дѣланъ, потому неискренъ и съ выбивающейся тенденціей—какъ бы благородна она ни была—разсказъ «Честь мундира»: офицеры въ старыхъ тонахъ, разговоры, много разъ слышанные,—ни одного свѣжаго штриха, нѣтъ жизни, остановившійся моментъ, мало движенія, искусственное подчеркиванье словъ шансонетки. Хорошо «Въ тайгѣ», но въ описаніи и неба, и дождя старыя слова и старыя краски, давно ставшія достояніемъ уличныхъ листковыхъ романовъ, и лучше другихъ—умно, искренно и правдиво воспроизведена тюремная жизнь въ «Темной ночью», протесты заключенныхъ, душевное состояніе приговореннаго къ смерти.

По всей книжкѣ разбросаны недурныя мѣста, согрѣтыя тепломъ и свѣтомъ, большой и искренней сердечностью. Къ сожалѣнію, они тонутъ среди банальныхъ словъ, среди чужихъ наблюденій, перекочевавшихъ въ книгу, среди торопливыхъ строкъ, будто написанныхъ къ сроку, среди знакомыхъ мотивовъ. Въ авторѣ еще мало своего. Онъ не «самъ». Мало авторской независимости. Быть можетъ, ему нужно больше читать, быть можетъ, больше думать, навѣрно нужно много и долго работать надъ собой и надъ литературой. Только тогда онъ выраститъ изъ тѣсныхъ и мелкихъ мѣрокъ маленькихъ, иллюстрированныхъ приложеній и журналовъ, а, выростя, пожалуй, сознаетъ, что выпускъ книги его былъ преждевремененъ, что слѣдовало подождать, б. м., просто посовѣтоваться съ кѣмъ-нибудь. А сейчасъ ничего опредѣленнаго: есть данныя, но ихъ можетъ не быть уже чрезъ годъ, авторъ, видимо, молодъ, отсюда живая воспріимчивая впечатлительность и ласковый голосъ разсказчика. Но молодость проходитъ, и кто изъ нея не вынесъ еще умѣнья и техники, знанья и опыта, литературная дорога того не можетъ быть длинной.

П. Пильскій.

Басни Косаря (Гр. Кайзермана) Спб. Изданіе Г. Ѳ. Львовича 1906 г. ц. 40 к. Вмѣстѣ съ наводненіемъ сатирическихъ листковъ и журнальчиковъ появился тогда и особый новый жанръ «писателей» на злободневныя темы. Люди, никогда не бравшіе въ руки пера и едва ли слышавшіе о версификаціи, взялись за стихи. Писать ихъ было тѣмъ легче, что всѣ они, за исключеніемъ, быть можетъ, пяти-шести, сплошь были подражаніемъ и имитаціей, тѣми бриллiантами тэтъ'а, за которые платятъ два рубля, потому что не въ состояніи заплатить двухсотъ за настоящіе; тѣмъ безопаснѣй было писать эти quasi—сатирическіе вирши, что ихъ никто собственно не читалъ, никто не относился къ нимъ серьезно и они забывались такъ же легко, какъ легокъ былъ процессъ ихъ «созданія». Тамъ, въ этихъ разрозненныхъ, забытыхъ и дешевыхъ листахъ и журнальчикахъ, стихамъ этимъ слѣдовало бы найти свое вѣчное упокоеніе: есть грѣхи, о которыхъ неслѣдуетъ напоминать публикѣ, и среди нихъ едва ли не самый тяжкій—бездарное и скучное виршеплетство, безъ остроумія, безъ огня, безъ колющихъ стрѣлъ, деревянное, сухое, пахнущее потомъ труда и вызывающее не смѣхъ, а слезы. Два-три, много четыре имени оставила на короткій срокъ русская сатира листковъ. Остальное—тускло. Остальное—грустно. Остальное—грубая поддѣлка, даже не шаржъ, а грошеѣдная уродливость. Г. Косарь—Кайзерманъ не имѣетъ никакихъ правъ быть выдѣленнымъ изъ огромной сѣрой тучи этого полуриѳмованнаго вздора, и если въ листкахъ онъ неслышно и тихо кропалъ свои незамѣтныя строки á la Крыловъ (блаженной памяти!), то здѣсь, по странному капризу, собравъ ихъ вмѣстѣ, онъ напомнилъ читателю лишній разъ о томъ, что «сатирическіе» столбцы у насъ наполнялись безъ особой строгости и безъ особаго разбора. Книга имѣетъ свои обязательства, а ихъ не выполнить г. Косарю—Кайзер-

ману. Не стоило такъ старательно сберегать и собирать эти тридцать тяжелыхъ, но безцвѣтныхъ пустяковъ, чтобъ поднести ихъ публикѣ въ красной обложкѣ и назвать ихъ баснями. Отъ современной басни надо требовать многаго. А между тѣмъ ни стиль, ни риѳма, ни слогъ, ни даже темы (какъ ни странно) ничѣмъ не возвышаются надъ старымъ старикомъ Крыловымъ. Садовые куплетисты теперь уже слагаютъ свои злободневныя побасенки не хуже г. Косаря—Кайзермана. Въ эпоху истинно сатирическаго безумія наверху подъ красной обложкой можно было бы дать нѣчто и болѣе яркое, и болѣе серьезное, а при томъ расцвѣтѣ стиха и риѳмъ, какой мы пережили и переживаемъ, форма должна бы стать изысканнѣй, тоньше, выпуклѣй и кратче. Но у г. Косаря длинныя лужи полубасенной воды и шагать по нимъ вязко, скучно и утомительно. Не стоитъ долго останавливаться на этой книжкѣ, какъ не стоило бы г. Косарю, какъ и никому другому, писать въ 46 строкъ (но не стиховъ) фальшивый «Квартетъ», чтобъ его закончить нравоучительнымъ аккордомъ о томъ, что онъ

«могъ бы привести вамъ вѣскіе примѣры:
«Гдѣ музицируютъ безъ мѣры,
«Тамъ дѣло не всегда кончается добромъ»!

Шла борьба партій и правительства съ народомъ, лилась рѣками кровь, шатался тронъ—какое раздолье злобному перу чуткаго и умнаго сатирика! Но гг. Косари пишутъ намъ о цензурныхъ мелочахъ, о думѣ и репортерахъ, о томъ, что обида для звѣрей быть схожимъ съ обезьяной и т. д., и т. д., и т. д. Одна часть книги — бездарная безсмыслица, другая—просто бездарна.

Бумага въ книгѣ лучше ея содержанія, шрифтъ яснѣй ея смысла, цѣна дороже ея стоимости. *П. Пильскій.*

КРИТИКА. ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА.

„М. Бакунинъ“.—*М. Гершензонъ.* „А. И. Герценъ“.—*Н. Котляревскій.* „Декабристы“.—*Ж. Дестре.* „Соціализмъ и искусство“.—*Э. Вандервельде.* „Соціализмъ и искуство“.

М. А. Бакунинъ. Статья А. И. Герцена о Бакунинѣ. Біографическій очеркъ М. Драгоманова. Рѣчи и воззванія. Изд. И. Балашова 1906 г. Ц. 1 руб. Издательство г. Балашова заручилось согласіемъ племянника великаго революціонера и приступаетъ къ изданію его сочиненій. Какъ извѣстно, первый ихъ томъ уже арестованъ въ самой типографіи. Настоящій томикъ является ни больше, ни меньше, какъ перепечаткой довольно извѣстнаго заграничнаго изданія, предпринятаго въ свое время М. Драгомановымъ. Ни редакторъ, А. И. Бакунинъ, ни издатель не внесли въ него ничего. Они даже не сдѣлали того, что обязаны были сдѣлать: а именно, не потрудились хорошенько провести корректуру изданнаго теперь матеріала. Такъ, напримѣръ, статья Герцена дана не только безъ заглавія, но начинается такъ, что читатель сразу даже не понимаетъ, въ чемъ дѣло. Пропущена первая же строка, которой начиналъ Герценъ свою извѣстную статью «М. Б. и польское дѣло»: «Въ концѣ ноября мы получили отъ Б. слѣдующее письмо»... Затѣмъ опущена почти половина статьи, а въ той части, которая дана, масса мелкихъ пропусковъ и опечатокъ. Изъ рѣчей и воззваній такая, напримѣръ, какъ статья «Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ», имѣющая громадное значеніе въ біографіи Бакунина и въ ходѣ развитія его политическихъ взглядовъ, приведена въ ужасно исковерканномъ видѣ. Замѣчательна судьба сочиненій такихъ титановъ, какъ Герценъ, Бакунинъ и другіе! Постоянно, точно по волѣ какой то мачихи-судьбы, они такъ исполняются, что приходится лишь жалѣть, что они появились. Павленковъ издалъ изуродованнаго, обезглавленнаго и

обезъязыченнаго Герцена, г. Балашовъ, видимо, хочетъ тоже самое сдѣлать съ Бакунинымъ. И что еще очень жаль: широкая публика набрасывается на подобныя изданія и получаетъ совершенно превратныя впечатлѣнія... Племяннику Михаила Александровича надо бы быть болѣе внимательнымъ къ имени своего всемірно извѣстнаго дяди. *М. Л—е.*

М. Гершензонъ. Соціально-политическіе взгляды А. И. Герцена. Москва. 1906 г. Цѣна 15 коп. Авторъ этой брошюры основательно знакомъ съ произведеніями и письмами знаменитаго публициста и въ очень краткой, но вполнѣ ясной формѣ далъ основы его соціально-политическихъ взглядовъ. Брошюра очень полезна для тѣхъ, кто хотѣлъ бы ознакомиться съ Герценомъ именно съ той стороны, съ которой онъ представляется наиболѣе интереснымъ. По справедливому замѣчанію г. Гершензона, «живое значеніе для насъ Герценъ имѣетъ только какъ историкъ-философъ, какъ мудрый аналитикъ и провидецъ», а между тѣмъ съ этихъ сторонъ съ нимъ наименѣе знакомы.

М. Л.

Н. Котляревскій. Декабристы. Кн. А. И Одоевскій и А. А. Бестужевъ—Марлинскій. Ихъ жизнь и литературная дѣятельность. Спб. 1907 г. Цѣна 2 руб. Литература о декабристахъ растетъ и растетъ. Работа г. Котляревскаго исполнена очень хорошо. Авторъ далъ довольно полные біографическіе очерки, не лишенные достоинствъ вдумчиваго анализа, и очень пространно остановился на обзорѣ литературной дѣятельности особенно Бестужева, когда-то знаменитаго романиста Марлинскаго, увлекавшаго всю читавшую Россію. Личности Одоевскаго и Бестужева встаютъ передъ читателемъ, какъ живыя. Жаль только, что г. Котляревскій не достаточно, по нашему мнѣнію, остановился на политическихъ взглядахъ обоихъ декабристовъ. Этимъ мы не хотимъ сказать, чтобы онъ не оттѣнилъ ихъ съ указываемой стороны, а именно находимъ, что самое оттѣненіе могло бы быть болѣе рѣзкимъ и опредѣленнымъ. Широкая публика найдетъ въ книгѣ многое, что хорошо оріентируетъ ее съ эпохой и литературой того времени. Преемственная связь Бѣлинскаго и Бестужева указано ясно и совершенно правильно. Издана книга хорошо. *М. Л.*

Жюль Дестре. Соціализмъ и Искусство. Книгоиздательство «Молотъ». Перев. съ французскаго. Ц. 8 к.

Э. Вандервельде. Соціализмъ и Искусство. Соціалистич. этюды. Книгоиздательство «Земля». Ц 20 к. «Кто говоритъ о литературѣ,—писалъ бельгійск. литераторъ Леонъ Легавръ отъ 15-го сентября 1902 года въ «Свободной Мысли»,—тотъ не говоритъ о хлѣбѣ, а тотъ, кто говоритъ о хлѣбѣ—не говоритъ о литературѣ. Понятіе хлѣбъ и понятіе литература—совершенно различнаго порядка. Правило: primo vivere deinde filosophari (сначала жизнь, а потомъ фивософія)—нелѣпость... когда рѣчь идетъ о литературѣ.

— А если литераторъ умретъ съ голоду?

— Все равно, пусть умираетъ съ голоду. Это не имѣетъ никакого отношенія къ литературѣ и никогда не мѣшало созданію геніальныхъ произведеній. Я, пожалуй, даже не прочь прибавить наоборотъ». (Э. Ванд. стр. 19—20).

Не многіе собратья по искусству бельгійскаго литератора согласились бы съ этими его несомнѣнно искренними словами, особенно—тѣ, которые изъ-за «презрѣннаго металла» не могли воплотить свои завѣтныя идеи въ звуки и краски, тѣ, которымъ не разъ приходилось безчестить свои перья и кисти грубымъ прикосновеніемъ маклака... Что лежитъ въ основѣ вышеприведенной тирады Л. Легавра? Не что иное, какъ бунтъ мятежнаго духа артиста противъ скованной капиталистическими оковами, замученной въ узкихъ рамкахъ общественно-исторической обстановки плоти.—«Душа» художника слова, звука или кисти рвется на просторъ изъ затхлаго воздуха рынковъ и дивидендовъ,

подымаетъ возстаніе противъ мрачнаго подполья капиталистическаго насилія. Эту сторону *внѣшней* зависимости художественнаго творчества нашихъ дней отъ властей диктатуры безличнаго Молоха—капитализма, отъ вульгарныхъ вкусовъ господствующей буржуазіи, заставляющей художниковъ сознательно подъ нихъ подлаживаться, отъ неумолимаго: «primo vivere!», предписывающаго жестокую свалку за «первоначальную» сытость,—достаточно хорошо раскрываютъ и иллюстрируютъ многочисленными примѣрами оба вождя бельгійскаго соціализма. Передъ читателемъ—Берліозъ, насильно забывающій колеблющіеся въ его душѣ звуки симфоніи ради больной жены (Ванд., ст. 21); авторъ «Человѣческ. Комедіи» Бальзакъ, невольный спекулянтъ и издатель (Ванд., стр. 27), творецъ «Angelus» Милле (Millet), «не имѣющій впродолженіе 20-ти лѣтъ какихъ-нибудь сорока су», обмѣнивающій кровь своего сердца—шесть своихъ лучшихъ рисунковъ на «пару башмаковъ».

Но если Вандервельдъ съ такой подробностью констатируетъ *внѣшнюю* зависимость художниковъ отъ буржуазнаго общества, то такой важный фактъ, какъ *внутренняя* связь между соціальной средой и расцвѣтающими на ней идеологіями, въ томъ числѣ искусствомъ, имъ почти совершенно не затронута. Возьмите первую главу его труда—«Соціализмъ и Искусство»: здѣсь онъ устанавливаетъ вообще связь между искусствомъ и общественной средой. По Вандервельду она слѣдующая: 1) художники не могутъ жить однимъ воздухомъ, 2) художники нуждаются для осуществленія своихъ замысловъ въ матеріальныхъ условіяхъ (полотнѣ, краскахъ, бумагѣ, инструментахъ), 3) художественныя цѣнности нуждаются, чтобы стать цѣнностями потребительными, въ услугахъ типографовъ, издателей, техниковъ и т. д. Наконецъ: искусство возможно лишь на извѣстномъ этапѣ развитія производительныхъ силъ, при условіи существованія избыточнаго общественнаго труда; современное же классовое общество монополизируетъ искусство у верховъ соціальной пирамиды, его процвѣтаніе возможно лишь на почвѣ прямой или косвенной эксплоатаціи. Это и все, что говоритъ бельгійскій соціалистъ объ интересующей насъ зависимости. Напрасно стали бы мы искать въ дальнѣйшемъ изложеніи хоть какихъ-нибудь намековъ на нее. «Матеріальныя условія бытія» и «цвѣтокъ—идеалъ» такъ и остаются другъ другу «чужестранцами». (См. эпиграфъ къ I гл. взятый изъ Прудона). Тѣмъ болѣе это досадно, что В. приводитъ очень интересную выдержку изъ «Этюдовъ о возникновеніи искусства» Гросса. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи воспроизвести ее здѣсь: «Образы, которые охотники заимствуютъ отъ природы,—говоритъ онъ,—почти всегда бываютъ фигуры животныхъ и людей. При этомъ они выбираютъ темы, представляющія для нихъ наибольшій практическій интересъ. Первобытный охотникъ предоставляетъ женщинамъ трудъ, на его взглядъ болѣе низменный, разнообразить его столъ пищей растительнаго происхожденія, безъ которой обходиться совершенно онъ не можетъ; но самъ онъ совершенно не занимается воздѣлываніемъ растеній. Въ виду этого, вполнѣ естественно, что въ художественныхъ произведеніяхъ охотничьихъ народовъ не имѣютъ мѣста формы растительныя, которыя съ такимъ богатствомъ и изяществомъ развиты цивилизованными народами. Мы говорили уже, что контрастъ этотъ имѣетъ весьма глубокое значеніе. Переходъ орнамента, заимствующаго формы изъ животнаго міра, въ орнаментъ, изображающій міръ растительный, является въ дѣйствительности прообразомъ болѣе высокой ступени прогресса, онъ знаменуетъ, такъ сказать, переходъ отъ охоты къ земледѣлію» (Вандерв. стр. 7). Но эта выдержка, показывающая въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать связи соц. среды и искусства, остается совершенно одинокой. Повторяемъ, замѣтивъ мимоходомъ о невозможности «объяснять искусство Бетховена или Вагнера непосредственнымъ вліяніемъ экономической среды», В. не сдѣлалъ ничего, чтобъ показать ея

посредствующее вліяніе. То же самое приходится сказать и о Дестре. И это нужно отнести къ числу серьезныхъ недостатковъ обѣихъ брошюръ.

Мы отмѣтимъ здѣсь мимоходомъ взглядъ Вандервельде, такъ сказать, на соціальную оправдываемость искусства.

Начнемъ со словъ В. Морриса, ихъ В. приводитъ, какъ эпиграфъ на 12 страницѣ. «Нѣтъ, вмѣсто того, чтобы видѣть, какъ искусство прозябаетъ среди немногихъ избранныхъ людей, презирающихъ тѣхъ, что стоятъ ниже ихъ, за невѣжество, за которое отвѣтственны они сами, и за грубость, противъ которой сами они не боролись, вмѣсто всего этого я предпочелъ бы, чтобы *искусство на нѣкоторое время исчезло съ лица земли»*. Если В. Моррисъ предпочелъ бы, чтобы искусство лучше на нѣкоторое время совсѣмъ исчезло съ лица земли, чѣмъ быть ему прихотью немногихъ, чѣмъ участвовать въ вѣковѣчной обидѣ, чинимой надъ «простымъ» человѣкомъ, то Вандервельде условно оправдываетъ историческую «собственность не добытую трудомъ», давшую Гете, Толстыхъ, Пювисъ де Шаванновъ. Послѣдній взглядъ намъ представляется болѣе правильнымъ. Голая формула осужденія искусства за то, что оно долгіе годы питалось почвой, обильно политой кровью и потомъ, это—бунтъ утописта, сторонника «равненія», грезящагося ему въ прошломъ, второй взглядъ принадлежитъ революціонеру-марксисту, человѣку большого историческаго масштаба, пользующемуся созданными историческими цѣнностями для закладки камней будущаго. Спѣшимъ оговориться: мы вовсе не желали приписать враждебнаго отношенія къ искусству такому художнику—эстету, какъ В. Моррисъ. Мы воспользовались этимъ эпиграфомъ отрывкомъ, чтобы подчеркнуть яснѣе другой взглядъ на искусство, котораго придерживается вождь бельгійскаго пролетаріата. Намъ было особенно интересно сдѣлать это сопоставленіе потому, что еще недавно, у насъ многіе «кающіеся» люди соціальныхъ верховъ и проснувшіеся къ жизни и борьбѣ разночинцы готовы были проклинать этотъ благоухающій цвѣтокъ соціальнаго «прогресса». Они еще не могли видѣть въ немъ могучаго наслажденія «веселыхъ людей—боговъ», выпрямившагося человѣка. Соціализмъ нашихъ дней смотритъ на дѣло совершенно иначе. Онъ стремится заинтересовать художниковъ въ «соціальной революціи и пріобщить пролетаріевъ къ роскоши» искусства.

Необходимость эстетическаго воспитанія рабочихъ подчеркивается какъ Дестре, такъ и Вандервельдомъ. Оба писателя стремились провести это эстетическое воспитаніе въ жизнь. (См. напр. Дестре стр. 11, Вандерв. стр. 65, 66). Если ихъ старанія и вообще стремленія вовлечь пролетаріатъ въ интересы искусства не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ — вина, конечно, не энергичныхъ новаторовъ. Наемное рабство—вотъ тормазъ на пути къ поднятію эстетическаго уровня массъ. И этотъ «Кареагенъ», противъ котораго работаетъ съ такой мощью интернаціональный соціализмъ, даетъ себя знать на каждомъ шагу. Буржуазія порабощаетъ матеріально служителей искусства—царь-голодъ выполняетъ для нея эту услугу, она отрываетъ художниковъ отъ соціализма, обрекая ихъ на роль исполнителей прихотей властвующей клики, она отрываетъ работниковъ отъ искусства, отводя имъ почетное мѣсто товаропроизводителей, и только товаропроизводителей. Духовно опустошенныя души буржуазіи довольствуются смакованіемъ личныхъ переживаньицъ, возводя ихъ въ рангъ «новаго искусства» и принижая задачи современнаго искусства во имя «моды». Своего правительства, скажемъ мы словами Гегеля, буржуазія заслуживаетъ вполнѣ. Большею частью его потуги въ области покровительства искусству идутъ очень недалеко. Вандервельдъ и Дестре, высказывая пожеланія государственной помощи искусству, мало разсчитываютъ на нее при теперешнемъ соціальномъ строѣ. Они обращаются къ «государству будущаго». «Сохраненіе пейзажей», «сохраненіе произведеній искусства», «сохраненіе па-

мятниковъ», возрожденіе en grand того декоративнаго искусства, о которомъ грезилъ Моррисъ, украшеніе обихода личной и соціальной жизни,—все это недоступно «слѣпымъ, уполномоченнымъ покупать картины, и глухимъ, заказывающимъ кантаты». (Выраженіе Генри Ванъ-де-Пютъ, цит. Вандерв. ст. 49). Мѣщане умѣютъ переставлять мебель въ своихъ «мѣщанскихъ гнѣздахъ», но они безсильны радикально обновить свою обстановку, выбросивъ за окно старую рухлядь, превращая эти гнѣздышки мѣщанской ограниченности въ свѣтлую и просторную мастерскую—храмъ. Украшеніе жизни, какъ и всѣ наши другія надежды, покоится на побѣдѣ пролетаріата... Снова здѣсь приходится отмѣтить, что В. и Дестре, говоря о грядущемъ новомъ заказчикѣ картинъ, симфоній и поэмъ—народѣ, исключительно имѣютъ въ виду внѣшнюю сторону этого явленія. Господство пролетаріевъ создастъ внѣшній просторъ для свободнаго творчества не на рынокъ, положитъ конецъ расхищеніямъ произведеній искусства; откроетъ далекіе и свѣтлые горизонты для гармоническаго развитія художниковъ и поэтовъ. Но *что* же создастъ пролетаріатъ въ *области художества?* Каково будетъ содержаніе его творчества, какой лейт-мотивъ зазвучитъ въ произведеніяхъ освобожденнаго народа? Конечно, это вопросъ будущаго, однако о немъ можно уже съ большей или меньшей удовлетворительностью судить по имѣющимся въ наличности нѣкоторымъ задаткамъ цѣлей и содержанія будущаго творчества. Объ этомъ можно найти много интересныхъ соображеній у того же Вильяма Морриса Но объ этомъ умалчиваютъ и Вандервельде, и Дестре. «Новое искусство не можетъ возникнуть прежде, чѣмъ разрушится старое общество», говор. В. и дѣлаетъ лишь косвенные намеки на его содержаніе, на соединеніе художества съ промышленностью, на превращеніе, благодаря высокому развитію техники, художника въ работника и работника въ художника. Но одинъ фактъ неоспоримъ: весь народъ приметъ участіе въ соціально-художественномъ творчествѣ настоящей исторіи. Миѳъ, тщательно хранившійся «въ архивахъ трусливо-плоской реакціи, миѳъ о новомъ «грядущемъ хамствѣ» будетъ навсегда опровергнутъ тѣмъ «катализмомъ», который принесетъ не новое рабство, а новое искусство и новую свободу.

Гроссъ, интересную выдержку ихъ котораго мы выше привели, говоритъ: «Всякое художественное произведеніе, взятое само по себѣ, является, такъ сказать, отрывкомъ; чтобы быть законченнымъ, для него необходимы понятія и представленія зрителя. Только благодаря послѣднимъ рождается все то, что художникъ хотѣлъ создать» (стр. 13, Вандерв.).

Что толку было бы въ солнцѣ, къ которому обращался Заратустра, если бы не было людей, которымъ оно свѣтитъ? Искусство будущаго нуждается въ коллективномъ потребителѣ художественныхъ цѣнностей, въ новыхъ людяхъ, могучихъ, радостныхъ и мятежныхъ. Еще сегодня они, какъ «первые христіане, выцарапываютъ своими неопытными, но набожными руками на стѣнахъ катакомбъ неясныя неопредѣленныя фигуры» (Дестре стр. 39), еще сегодня они ищутъ себя,—завтра они уже станутъ великимъ соціальнымъ носителемъ искусства—солнца. *Е. Чарскій.*

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Вопросы момента".—*Н. Ленинъ.* „Роспускъ Думы и задачи пролетаріата".— *А. Исаевъ.* „Характеръ русской революціи".—*М. Григорьевскій.* „Полицейскій соціализмъ въ Россіи".—„Искра", за два года.

Вопросы момента. Сборникъ статей: Маслова, Громана, Череванина, Гейликмана, Гилина, Боголѣпова, Валентинова, Ленскаго, Звѣздича, Лагарделля. Москва. 1906. Ц. 80 к. Настоящій сборникъ является однимъ изъ

литературныхъ проявленій той политической борьбы, которая пылаетъ въ рядахъ россійской соціалъ-демократіи между анархистско-бланкистскимъ и марксистскимъ ея теченіями, и составленъ представителями послѣдняго направленія. Но партійное происхожденіе сборника нисколько не съуживаетъ круга тѣхъ читателей, которые съ интересомъ и пользою могутъ ознакомиться съ содержаніемъ новыхъ статей московскаго кружка соціалъ-демократовъ, оставшихся вѣрными завѣтамъ своего великаго учителя. Внутренній споръ соціалъ-демократической партіи заслуживаетъ глубокаго вниманія всѣхъ гражданъ, задумывающихся надъ политическими и соціальными судьбами своей родины, такъ какъ это—споръ двухъ философско-историческихъ воззрѣній по поводу хода и исхода россійской революціи. Тактическія разногласія въ средѣ нашей соціалъ-демократіи, о которыхъ весьма громко кричитъ даже буржуазная пресса, но сущности которыхъ огромное большинство не понимаетъ даже въ самыхъ общихъ чертахъ, являются только частными выводами изъ того или другого міросозерцанія и не могутъ быть уяснены съ той «дѣловой» или «практической» точки зрѣнія, на которую такъ любятъ становиться многіе даже въ партійныхъ рядахъ. Къ сожалѣнію, только въ послѣднее время партійныя разногласія стали обсуждаться съ необходимою широтою и глубиною. Развитіе революціи перенесло споры изъ области организаціонныхъ вопросовъ, гдѣ они первоначально вращались, въ область политическихъ цѣлей и средствъ партійной дѣятельности. Пришлось отчасти пересмотрѣть, отчасти заново создать содержаніе даже такихъ понятій, какъ «революція», и другія, которыми всѣ оперировали, но за которыми почти никто не видѣлъ ничего, кромѣ привычнаго звука. Между тѣмъ, внѣшняя обстановка была самая неблагопріятная для историко-философскихъ размышленій. Кругомъ кипѣла борьба, которая отвлекала мысли къ очереднымъ злободневнымъ вопросамъ. Только послѣ декабрьскаго возстанія, послѣ пораженія наличнаго состава революціонной арміи закипѣла работа болѣе или менѣе обобщающаго характера. «Дневникъ» Плеханова, сборники, издаваемые петербургскими и московскими марксистами и анархистами—бланкистами дали уже теперь обильный и фактическій и теоретическій матеріалъ, какъ для характеристики партійныхъ теченій, такъ и для выясненія переживаемаго историческаго момента и вѣроятнаго дальнѣйшаго развитія революціи. Разсматриваемый сборникъ показываетъ, что партійная мысль перестала бояться «разногласій» и научилась раскрывать ихъ съ достаточною смѣлостью и прямотой. Статья Череванина объ объединительномъ съѣздѣ и, въ особенности, статьи Вл. Громана, Валентинова, Ленскаго и Гилина ставятъ на обсужденіе самые острые вопросы современности въ ихъ различномъ пониманіи. Послѣднія двѣ статьи посвящены покойной Государственной Думѣ и теперь представляютъ уже историческій интересъ, но всѣ другія статьи сборника, посвященныя аграрнымъ программамъ кадетовъ и соціалъ-демократовъ и анализу текущаго момента заслуживаютъ глубокаго вниманія. Послѣдняя программа соціалъ-демократической партіи, принятая на объединительномъ съѣздѣ, вызываетъ рѣзкую критику и со стороны буржуазныхъ партій, и со стороны анархистско-бланкистскаго крыла партіи. Валентиновъ весьма удачно и ясно отвѣчаетъ многочисленнымъ противникамъ, что принятая программа наиболѣе отвѣчаетъ современнымъ задачамъ соціалъ-демократіи: поддерживать и подталкивать впередъ крестьянское движеніе, не связывая рукъ самой партіи. Онъ подвергаетъ очень остроумной критикѣ взгляды г. Ленина, который, неудержимо скатываясь по наклонной плоскости утопизма, сжегъ все, чему поклонялся, поклонился тому, что сжигалъ, и пришелъ къ старому требованію національзаціи всей земли. Критикѣ «большевистскихъ» воззрѣній посвящена и содержательная статья Вл. Громана, который, между прочимъ, касается, и недостаточно разобранной въ партійной литературѣ статьи «Большевика» во 2-мъ

номерѣ «Партійныхъ извѣстій», статьи, содержащей въ краткомъ и ясномъ изложеніи всю убогую философію «большевизма». Поучительно отмѣтила, что Вл. Громанъ весьма рѣзко, но заслуженно обвиняетъ большевика въ завѣдомомъ искаженіи словъ Маркса. Положительный интересъ этой статьи заключается въ тонкомъ анализѣ относительной цѣнности буржуазныхъ партій. Это—больной вопросъ пролетарскаго движенія, которое, главнымъ образомъ, стихійно, но отчасти и подъ вліяніемъ «большевистскихъ» руководителей до сихъ поръ оцѣниваетъ буржуазную оппозицію съ абсолютной точки зрѣнія. Отсюда то иногда курьезная, иногда вредная травля кадетовъ, какъ «предателей» и «измѣнниковъ», травля, отнюдь не способствующая развитію политическаго самосознанія пролетаріата. Громанъ вполнѣ опредѣленно поддерживаетъ необходимость различать историческіе моменты и не смѣшивать настоящихъ союзниковъ пролетаріата съ будущими его врагами.

Направленіе, которое представляетъ московскій сборникъ, ведетъ теперь тяжелую борьбу, тяжелую не только и не столько потому, что она встрѣчаетъ энергичныхъ идейныхъ противниковъ, но потому, что она встрѣчаетъ оппозицію въ стихійныхъ, анархическихъ и утопическихъ, настроеніяхъ рабочихъ массъ. Поэтому, болѣе частый выходъ сборниковъ, которые, подобно «Вопросамъ момента», послѣдовательно выясняютъ и сущность разногласій, и основныя задачи пролетаріата въ переживаемый моментъ, въ высокой степени необходимо для развитія и распространенія марксистскихъ идей среди рабочаго класса. *Ник—скій.*

Н. Ленинъ. «Роспускъ Думы и задачи пролетаріата». Москва. Ц. 4 к. 16 стр. Трудно представить себѣ, какими забавниками являются иногда крупные люди. Предъ нами произведеніе несомнѣнно крупнаго дѣятеля въ исторіи русской революціи, лидера цѣлаго направленія въ русской соціалъ-демократіи. Но когда читаешь его, положительно кажется, что ребенокъ играетъ въ революцію. Авторъ ставитъ 4 вопроса предъ пролетаріатомъ: 1) какъ оцѣнить моментъ, 2) каково содержаніе дальнѣйшей борьбы и лозунговъ, 3) какова должна быть форма борьбы и 4) выборъ момента борьбы. На эти вопросы г. Ленинъ отвѣчаетъ такъ: народъ теперь убѣдился, что народное представительство есть нуль, если оно не полновластно, если его созвала старая власть. Отсюда содержаніемъ борьбы должно быть не возстановленіе Думы въ цѣляхъ созыва Учредительнаго Собранія, а сверженіе старой власти путемъ всенароднаго вооруженнаго возстанія и установленій временнаго правительства. Какова же должна быть организація для борьбы? Совѣтъ рабочихъ депутатовъ—это органъ возстанія, но это недостаточно. Онъ необходимъ для сплоченія массъ, для боевого объединенія. Для возстанія же необходима—военная организація. Эту агитацію, должны, по мнѣнію г. Ленина, вести соц.-дем. Эти организаціи должны имѣть своей ячейкой очень мелкіе вольные союзы, десятки, пятки, тройки. «Надо проповѣдывать усиленнымъ образомъ, что близится бой, когда всякій честный человѣкъ обязанъ жертвовать собой. Всѣ и каждый, кто хочетъ стать на сторонѣ свободы должны немедленно объединиться въ боевые пятки, вольные союзы людей одной профессіи, одной фабрики, или людей связанныхъ товариществомъ, партійной связью, наконецъ, просто мѣстожительствомъ (одна деревня, одинъ домъ города, одна квартира)» (13). Эти союзы должны быть партійные и безпартійные. Они должны основываться до полученія оружія, независимо отъ вопроса объ оружіи. Авторъ въ послѣдней главѣ даже опредѣляетъ моментъ возстанія: «мы совѣтывали бы назначить всероссійское выступленіе, забастовку и возстаніе къ концу лѣта, или къ началу осени, къ серединѣ или концу августа» (15). «Если бы удалось достигнуть соглашенія всѣхъ вліятельныхъ революціонныхъ организацій и союзовъ о времени выступленія, тогда возможность произвести его въ указанный срокъ была бы не

исключена». По мнѣнію г. Ленина, если всѣ вліятельныя организаціи не согласятся на возстаніе, то остается старый путь стихійнаго наростанія настроенія. Вся суть въ соглашеніи организацій. Вопросъ о вліяніи ихъ на массы рѣшенъ. Стоитъ согласиться организаціямъ и массы идутъ въ бой. Вѣдь народъ уже убѣдился въ необходимость полновластія.

Такъ упростить всю революцію, всю психологію массъ, какъ это дѣлаетъ Ленинъ, возможно только, потерявъ не только марксистское, но и всякое пониманіе исторіи. Самъ Бланки позавидывалъ бы, если бы былъ живъ, такому ясному разрѣшенію всѣхъ революціонныхъ вопросовъ. И ленинцы еще не довольны, что ихъ называютъ бланкистами! Да, это худшій сортъ бланкизма. Посмотрите, какъ г. Ленинъ «учитываетъ конкретную историческую ситуацію», и вы убѣдитесь въ этомъ Вся революція у него раздѣлена на періоды. Построена очень милая схема. И никакихъ осложненій. Все течетъ какъ по маслу. Въ сущности, это—просто революціонная забава, игра въ солдатики! Въ брошюрѣ Ленина помимо всего прочаго много противорѣчій и невѣрныхъ утвержденій. Такъ г. Ленинъ считаетъ крестьянское уничтоженіе имущества помѣщиковъ признакомъ неорганизованности и слабости. Признавая неорганизованность крестьянскаго движенія, онъ тѣмъ не менѣе строитъ такую фантазію, которая можетъ осуществиться только при солидной организованности. Онъ утверждаетъ, что правое крыло россійской соціалъ-демократической партіи увлеклось призывомъ либераловъ открыть университеты и звало студентовъ учиться. Между тѣмъ г. Ленинъ долженъ знать, что меньшивики стояли за открытіе университетовъ не для ученья, а для использованія автономіи университетской въ цѣляхъ революціи. Или быть можетъ тутъ опечатка? Можно было бы указать еще рядъ противорѣчій и невѣрныхъ утвержденій, но достаточно.

Мы все же желаемъ распространенія брошюрѣ Ленина. Можетъ быть, ея революціонные абсурды образумятъ увлекшихся «лѣвыхъ марксистовъ». Если не образумятъ, то, быть можетъ, заставятъ хоть призадуматься! О, бѣдный Марксъ! *М. Хейсинъ.*

А. А. Исаевъ. Характеръ русской революціи. Спб. 1906 г. Ц. 15 к. Названная брошюра извѣстнаго экономиста посвящена разсмотрѣнію жгучаго вопроса о томъ, по какому пути должна пойти русская революція. Она представляетъ блестяще написанную рѣчь, какія обыкновенно произносилъ этотъ теперь такъ рѣдко выступающій замѣчательный ораторъ и изслѣдователь. На протяженіи 47 небольшихъ страницъ, авторъ даетъ необыкновенно яркую и убѣдительную картину той постепенной эволюціи, которая привела нашу страну къ переживаемому нами революціонному движенію. По характеру изложенія и даже отчасти посодержанію, эта работа А. А. Исаева напоминаетъ извѣстную статью Каутскаго: «Классовыя противорѣчія въ 1789 году». Это сходство, впрочемъ, явилось не по винѣ автора, а потому, что современная русская дѣйствительность, которую характеризуетъ А. А. Исаевъ, такъ похожа на состояніе французскаго общества передъ великой французской революціей, что брошюру Каутскаго, вышедшую у насъ во многихъ изданіяхъ въ русскомъ переводѣ, цензура неоднократно пыталась задержать, подозрѣвая въ ней замаскированный памфлетъ о Россіи. Не удержался отъ сравненій и нашъ авторъ, приводящій цѣлый рядъ явленій въ нашемъ отечествѣ, напоминающихъ Францію второй половины 18-го вѣка. Вотъ черты, общія для французскаго народа этой эпохи и для русскаго народа начала XX вѣка: общая бѣдность народа и поразительная нищета деревень; ничтожная производительность крестьянскаго труда; плуги крестьянъ, пригодные только для самой мелкой пахоты, рабочій скотъ малосиленъ, оси телѣгъ и колеса деревянныя, жалкое скотоводство, дающее мало удобренія; урожаи хлѣбовъ не превышаютъ самъ

5—6; частые недороды, ведущіе за собою всѣ ужасы голода; жалкое жилище почти безъ мебели; хлѣбъ наполовину смѣшанный съ сорными травами и т. п. Чрезмѣрные налоги служатъ главной причиною нищеты. Въ крайней бѣдности живутъ и низшіе классы городовъ, а рядомъ съ этимъ наблюдается подъемъ верхнихъ слоевъ торговопромышленнаго класса. Чиновники всѣхъ ранговъ и наименованій лежатъ тяжелымъ бременемъ на странѣ; они давятъ маленькихъ людей и доставляютъ всѣ облегченія, всѣ льготы верхушкамъ дворянства, духовенства и капитализма. Налоги всею своею тяжестью лежатъ на самыхъ бѣдныхъ классахъ и т. д. Приводя эти аналогіи, авторъ подкрѣпляетъ ихъ весьма убѣдительными цифрами, дающими блестящую характеристику русской общественной пирамиды. Но не на этомъ сходствѣ строитъ авторъ свои выводы. о характерѣ русской революціи; напротивъ, для этого онъ пользуется тѣми различіями, которыя несомнѣнно можно въ изобиліи найти въ дореволюціонной Франціи и современной Россіи. Эти различія: развитіе у насъ крупной промышленности, техники, путей сообщенія, почты и телеграфа, возникновеніе большихъ городовъ и развитіе народнаго образованія, и литературы. Русское общество нашего времени является болѣе высокимъ соціальнымъ типомъ, нежели французское общество предъ революціей. Основываясь на этомъ, А. А. Исаевъ приходитъ къ заключенію, что русская революція должна имѣть соціальный характеръ. «Россія, говоритъ авторъ, воспріявъ соціализмъ отъ Запада, провѣрила истинность этой философіи на фактахъ иностранной жизни. Пореноса къ себѣ это ученіе, она усвоила не то, что имѣетъ будущность среди англичанъ, французовъ или германцевъ, а то, что вообще пригодно для людей на извѣстномъ уровнѣ общественнаго развитія. Наиболѣе прогрессивная часть русскихъ людей пережила тотъ періодъ исторіи, когда можно было довольствоваться только политическими преобразованіями, хотя бы очень широкими, и частными реформами народнаго хозяйства, которыя не измѣняютъ его строя. Какъ русскій промышленникъ, сооружая фабрику, не доискивается тѣхъ машинъ, которыя считались на Западѣ лучшими три четверти вѣка тому назадъ, а пріобрѣтаетъ машины, служащія послѣднимъ словомъ технической изобрѣтательности, такъ истинно чуткіе русскіе люди не могутъ довольствоваться идеалами, одушевлявшими смѣлыхъ борцовъ великой французской революціи; эти люди носятъ въ себѣ то, что собрало уже милліонные полки подъ знамя соціализма». Увѣренность въ торжествѣ соціализма въ нашей революціи не мѣшаетъ однако автору признать, что основное требованіе соціализма-о передачѣ орудій производства изъ частной собственности въ общую не можетъ совершиться съ одного удара: предстоитъ упорная борьба, изъ которой побѣдителями выйдутъ не защитники современнаго порядка, а организованные работники. «И если бы господствующіе классы, заканчиваетъ А. А. Исаевъ, сомкнувшись, захотѣли искоренять соціализмъ съ оружіемъ въ рукахъ, то нашли бы мало людей, готовыхъ служить оружіемъ такого насилія». Изъ числа задачъ, рѣшеніе которыхъ можетъ наиболѣе ускорить приближеніе Россіи къ соціалистическому строю, авторъ на первый планъ выдвигаетъ: образованіе единой соціалистической партіи изъ всѣхъ группъ, на которыя распадаются соціалисты, и выработку программы примѣнительно къ особенностямъ русскаго быта.

Нужно ли говорить о большомъ литературномъ значеніи этой маленькой брошюрки, въ которой авторъ сумѣлъ сказать такъ много. Но не только въ этомъ можно видѣть ея значеніе. Для бюрократіи, которая на своемъ полицейскомъ жаргонѣ называетъ соціалистовъ «мелкими интеллигентами», т.-е. по ея понятіямъ, людьми не стоющими, брошюра А. А. Исаева принесла огорченіе не только высказанными въ ней идеями, но и тѣмъ, что она написана профессоромъ и крупнымъ ученымъ, съ авторитетомъ котораго считается европейская наука; его никоимъ образомъ нельзя причислить къ ненавистной

бюрократамъ «мелкой интеллигенціи», а между тѣмъ этотъ столпъ науки, еще не давно воспитывавшій русское юношество въ русскомъ университетѣ, идетъ за одно съ потрясателями основъ, и какъ дважды два—четыре доказываетъ, что пѣсенка самодержавной бюрократіи спѣта до конца. Поистинѣ, плохія времена настали! *Ю. Лавриновичъ.*

М. Григорьевскій. Полицейскій соціализмъ въ Россіи. (Что такое зубатовщина?). Ц. 20 коп. 1906 г. Для незнакомаго съ характеромъ русскаго рабочаго движенія запослѣдніе годы могло показаться, что оно тѣсно связано съ зубатовщиной. Въ самомъ дѣлѣ, если судить по сообщеніямъ рептильной печати, первые шаги открытаго, организованнаго движенія нашихъ рабочихъ были созданы и направлялись агентами охранныхъ отдѣленій: зачатки профессіональныхъ союзовъ въ лицѣ «московскаго общества взаимнаго вспомоществованія рабочихъ въ механическомъ производствѣ» и «.с-петербургскаго общества фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ» обязаны своимъ происхожденіемъ московскому и петербургскому охраннымъ отдѣленіямъ и департаменту полиціи; «волненія» и забастовки рабочихъ, возникавшія въ связи съ существованіемъ этихъ обществъ въ Москвѣ, Петербургѣ, Одессѣ и другихъ городахъ, были организованы Зубатовымъ и его агентами, манифестація 50 тысячъ рабочихъ у памятника Александра II въ Москвѣ 19 февраля 1902 года была цѣликомъ организована московской полиціей; наконецъ, дѣятельность знаменитыхъ петербургскихъ 11-ти Гапоновскихъ отдѣловъ вплоть до 9-го января 1905 года протекала при благосклонномъ участіи петербургской полиціи и агентовъ охраннаго отдѣленія. Все это были дѣтища покойныхъ Сипягина и Плеве, и въ свое время находилось много наивныхъ людей, вѣрившихъ, что полиція принимаетъ къ сердцу интересы пролетаріата и идетъ навстрѣчу его нуждамъ. Жертвами такого довѣрія сдѣлались даже нѣсколько московскихъ либеральныхъ профессоровъ, которыхъ провокаторы ухитрились привлечь къ участію въ этомъ уловленіи человѣковъ; правда, всѣ они (за исключеніемъ г. И. Озерова) съ негодованіемъ отвернулись, какъ только увидѣли подкладку этого дѣла, но ихъ временное участіе въ немъ еще болѣе способствовала заблужденію обывателя. Въ настоящее время зубатавщина можетъ считаться совершенно разоблаченной, и въ жалкихъ остаткахъ ея, вродѣ пресловутаго Ушаковскаго союза или влачащихъ свое существованіе Гапоновскихъ отдѣловъ, принимаютъ участіе рабочіе, отлично сознающіе, въ какія организаціи они пошли, но въ обществѣ все-таки существуетъ убѣжденіе, что зубатовщина когда-то имѣла тѣсную связь съ рабочимъ движеніемъ. Въ этомъ предразсудкѣ особенно сильно укрѣпляетъ событіе 9-го января, такъ тѣсно казалось бы связанное съ зубатовщиной. Между тѣмъ вся исторія рабочаго движенія не только у насъ, но и на западѣ показываетъ, что всѣ попытки связать ею съ зубатовщиной, которая процвѣтала подъ разными видами и въ Европѣ, никогда не имѣли успѣха, потому что пролетаріатъ силой вещей вынужденъ стремиться къ своей опредѣленной цѣли, которая вся находилась въ рѣзкомъ противорѣчіи съ цѣлями зубатовцевъ. Доказательство этой мысли мы находимъ въ книжкѣ г. Григорьевскаго: «полицейскій соціализмъ въ Россіи». Авторъ не задавался цѣлью именно доказать различіе зубатовщины съ истиннымъ рабочимъ движеніемъ, но въ этомъ и небыло надобности: сущность зубатовщины вскрыта г. Григорьевскимъ настолько, что высказанное нами положеніе само собою формулируется при чтеніи названной книжки. Г. Григорьевской собралъ въ своей книжкѣ настолько исчерпывающій матеріалъ, что зубатовщина можетъ считаться совершенно разоблаченной, и въ этомъ отношеніи трудъ г. Григорьевскаго, единственный пока въ нашей литературѣ, заполняетъ довольно сильно чувствовавшійся пробѣлъ. Но это можно сказать о книжкѣ только въ томъ случаѣ, если имѣть въ виду интелигентнаго читателя, разаблаченіе же зубатовщины имѣетъ гораздо болѣе важное значеніе для не-

организованной рабочей массы, которую еще и теперь приходится предостерегать отъ провокаціи. Въ этомъ отношеніи трудъ г. Григорьевскаго нельзя считать достигающимъ цѣли, во первыхъ потому, что языкъ его книжки, несмотря на вполнѣ безукоризненную его литературность, недостаточно популяренъ, во вторыхъ—по не полнотѣ обзора тѣхъ формъ, въ которыя вылилась зубатовщина. Для мало сознательнаго рабочаго весьма необходимо знать, гдѣ можетъ ждать его предательство и фальсификація, а этого въ книжкѣ г. Григорьевскаго онъ не найдетъ. Такъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстна широкая распространенность пресловутыхъ попечительствъ о народной трезвости, но едва-ли многіе догадываются о зубатовскомъ характерѣ дѣятельности: и по составу «дѣятелей», главный контингентъ которыхъ составляютъ полицейскіе, жандармскіе и прочіе чины, и по характеру дѣятельности, направленной къ распространенію среди рабочихъ реакціонныхъ, а подъ часъ и погромныхъ идей, эти организаціи заслуживаютъ сугубаго вниманія при характеристикѣ полицейскаго соціализма; извѣстно, что въ Москвѣ попечительства были въ тѣсной связи съ зубатовцами, тоже самое можно сказать объ ушаковскомъ союзѣ, сущность котораго мало выяснена авторомъ. Правда, въ массѣ профессіональныхъ союзовъ, поглотившихъ собою зубатовщину, рабочіе находятъ достаточно много указаній, могущихъ предостеречь ихъ отъ общенія съ агентами охранки и жандармеріей.

Въ заключеніе, необходимо отмѣтить ошибку, въ которую впалъ г. Григорьевскій, говоря на стр. 74 о зубатовщинѣ, проникшей въ среду крестьянскихъ депутатовъ Государственной Думы: авторъ приписываетъ роль зубатовца депутату г. Заболотному, между тѣмъ, какъ извѣстно, что эту некрасивую роль сыгралъ извѣстный г. Ерогинъ; г-нъ Заболотный былъ однимъ изъ видныхъ членовъ трудовой группы въ Думѣ. *Ю. Лавриновичъ.*

«Искра». За два года. Сборникъ статей П. Аксельрода, М. Б-ова, В. Засуличъ, Кольцова, Ф. Дана, Л. Мартова, Н. Негорева, Мартынова, Г. Плеханова, Старовѣра, Н. Троцкаго и Парвуса. Часть I (стр. 688). Ц. 1 р. 65 к. Ч. II (стр. 241). Ц. 60 к. Изданіе С. Н. Салтыкова. Спб. 1906 г. Этотъ сборникъ заключаетъ въ себѣ всѣ сколько-нибудь существенныя статьи, напечатанныя въ «Искрѣ», сначала двухнедѣльной, а затѣмъ и еженедѣльной газетѣ, выходившей въ Женевѣ и бывшей, по постановленію II съѣзда россійской соціалъ демократической рабочей партіи, центральнымъ органомъ этой партіи до 17 октября 1905 года, когда изданіе было перенесено въ Петербургъ и замѣнено газетой «Начало», такъ быстро окончившей свое бурное существованіе. Основанная въ 1900 году, «Искра» сыграла громадную роль въ идеальномъ и организаціонномъ объединеніи россійской соціалъ демократіи, и мы привѣтствуемъ издателей, собравшихъ въ одно цѣлое драгоцѣнный матеріалъ для изученія россійскаго рабочаго движенія, съ самаго возникновенія своего тѣсно примкнувшаго къ международному соціализму. Въ настоящій сборникъ вошли не всѣ статьи, напечатанныя въ «Искрѣ» за ея слишкомъ пяти лѣтнее существованіе. Издатели помѣстили только статьи за послѣдніе два года, наиболѣ интересныя и важныя по своему содержанію, такъ какъ въ это время соціалъ демократіи пришлось, съ оживленіемъ и подъемомъ революціонной борьбы, вырабатывать отношеніе ко всѣмъ тѣмъ политическимъ вопросамъ, которые и до сихъ поръ остаются, въ большинствѣ случаевъ, неразрѣшенными вопросами русской жизни. Эти два года «Искра» издавалась уже безъ участія одного изъ ея основателей г. Ленина, который вскорѣ послѣ II съѣзда партіи вышелъ изъ состава редакціи и затѣмъ основалъ газету «Впередъ», выражавшую взгляды анархистско-бланкистскаго крыла русской соціалъ демократіи. Такимъ образомъ, сборникъ является матеріаломъ для изученія взглядовъ того крыла нашей партіи, которое осталось вѣрнымъ ученію Маркса и которое извѣстно подъ названіемъ

«меньшевистской» фракціи. Богатое и разнообразное содержаніе сборника не позволяетъ остановиться на немъ въ краткой рецензіи. Мы только отмѣчаемъ появленіе этого изданія, ознакомленіе съ которымъ необходимо для всѣхъ, интересующихся развитіемъ политической мысли въ Россіи.

Съ внѣшней стороны изданіе выполнено хорошо. Цѣна же—2 р. 25 к. за два тома въ 929 страницъ—является небывало дешевою на нашемъ книжномъ рынкѣ. *Ник—скій.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Р. Випперъ. „Учебникъ новой исторій"—*Довнаръ-Запольскій.* „Мемуары декабристовъ".—„Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго университета",

Проф. Р. Ю. Випперъ. Учебникъ новой исторіи. Съ историческими картами. М. 1906 г. 8-го. Стр. VIII+514. Ц. 1 руб. 35 коп. Только что вышла въ свѣтъ третья и послѣдняя часть блестящаго труда г. Виппера, составляющаго серію учебниковъ древней, средней и новой исторіи. Хотя въ цѣломъ названный трудъ носитъ скромное названіе «учебника», но его интересъ и значеніе въ русской литературѣ гораздо шире. Это—превосходное пособіе и для преподавателя, и для самообразовательнаго чтенія: особенно прилично подчеркивать высказанное положеніе въ отношеніи учебника «новой исторіи», появившагося такъ кстати въ наши бурные дни, когда большинству общества во что бы ни стало надо разбираться въ цѣломъ рядѣ соціальныхъ проблемъ и комбинацій, разбираться быстро, опираясь на опытъ недавняго прошлаго, общеевропейскаго и отечественнаго. То, что переживаетъ теперь несчастная страна,—одинъ изъ результатовъ колоссальной безграмотности населенія, порабощеннаго попомъ и урядникомъ. Г. Випперъ вкладываетъ въ содержаніе своей новой исторіи такія точки зрѣнія и такія подробности, которыя далеко не составляютъ еще твердое credo нашей читающей публики и за единичными исключеніями незнакомы средней школѣ, въ которую наши учебные округа насаживаютъ преподавательскій персоналъ по возможности безъ знаній и если не всегда людей съ чисто полицейскою закваской, то во всякомъ случаѣ одаренныхъ тупымъ равнодушіемъ къ общественнымъ и политическимъ вопросамъ. Мы совершенно согласны съ авторомъ, что въ работахъ типа историческаго учебника или книги для чтенія по исторіи «желательна возрастающая подробность изложенія по мѣрѣ близости событій къ переживаемому нами моменту» и что вообще «съ первыхъ шаговъ изученія, такъ же какъ впослѣдствіи, исторія можетъ давать матеріалъ для сравненій, умственныхъ опытовъ и заключеній, которыя помогли бы понять условія и ходъ развитія человѣческихъ обществъ». Въ дни революціи каждый стоитъ передъ вопросомъ, какъ быть и что дальше, и каждому нужна серьезная и строгая справка съ прошлымъ европейскихъ обществъ; не менѣе сильны подобные запросы въ средней школѣ, гдѣ формальная исторія и шаблонно-полицейское руководство давно стали предметомъ ненависти и презрѣнія. Книга г. Виппера и въ томъ, и въ другомъ случаѣ должно представить собой незамѣнимое пособіе. Въ сущности вся новая исторія есть исторія революціи; она потому и новая, что она въ корнѣ революціонна. Рубежъ XV и XVI вѣковъ — открытіе Америки и первый протестъ въ Германіи противъ папы, а это несомнѣнный переворотъ въ европейской жизни: «во первыхъ, расширеніе ея торговли, ея сношеній и кругозора ея общества и, во вторыхъ, разрывъ ея церковнаго единства и первые шаги освобожденія ума человѣческаго отъ стѣснительныхъ рамокъ вѣры». Жизнь течетъ выразительно и отлично отъ средневѣковья:

это—«быстрое неостанавливающееся движеніе впередъ во всѣхъ сторонахъ трудовой жизни и особенно возрастающее торжество знанія и разума». И не даромъ авторъ по содержанію дѣлитъ свою книгу всего на три крупныхъ отдѣла, вообще придавая большое значеніе плану, «размѣщенію матеріала, той послѣдовательности и группировкѣ, въ которой воспринимаются впервые историческія явленія». «Вѣкъ реформаціи» (стр. 1—162), «послѣднее столѣтіе стараго порядка въ Европѣ» (стр. 162—262) и наконецъ «Вѣкъ развитія демократіи» (стр. 263—513)—вотъ три отдѣла, въ которые авторъ укладываетъ явленія XVI—XIX столѣтій, доводя изложеніе до момента портсмутскаго договора, положившаго конецъ всякимъ представленіямъ о Государственной мощи восточно-европейской державы. Внѣшнихъ фактовъ въ книгѣ мало, но историческіе факты въ собственномъ смыслѣ слова наряду съ мастерской ихъ группировкой выдвинуты на первый планъ. Авторъ не стремится къ истолкованію историческихъ явленій путемъ словесныхъ разсужденій, а старается быть конкретнымъ, говорить анализомъ существа той или другой группы этихъ явленій, послѣдовательно выводя одни изъ другихъ и предлагая характерныя черты каждой эпохи. Авторъ имѣетъ въ виду не только Европу, но, поскольку это допускали размѣры книги, захватываетъ и другія части свѣта, поскольку онѣ соприкасаются съ европейскою исторіей. Говоря о завоеваніи Америки, авторъ даетъ выразительную картину Америки до прихода европейцевъ; тоже самое видимъ въ отношеніи сѣверной Америки передъ характеристикой установленія въ ней республиканскаго строя. Не будемъ перечислять всѣхъ подобныхъ указаній, ограничившись упоминаніемъ о страницахъ, посвященныхъ демократической федераціи въ Австраліи и конституціи въ Японіи, сыгравшей роль въ русской исторіи и положившей предѣлъ нашему Drang nach osten, находящему правильное объясненіе въ книгѣ г. Виппера, правильное не только само по себѣ, но и въ связи съ имперіализмомъ Англіи и республики Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Справедливо отмѣтить еще одну особенность книги, повышающей ея общественно-педагогическое значеніе. Имѣя въ виду не столько читающую публику вообще, сколько учащихся средней школы, г. Випперъ справедливо не дѣлаетъ никакихъ уступокъ дурной школьной рутинѣ и даетъ намъ изложеніе, выдержанное съ соціологической точки зрѣнія; въ книгу введены не только страшныя (для недоучекъ, конечно) слова, но и страшныя понятія,—не только Марксъ съ Интернаціоналомъ, но и рабочее движеніе съ его стачками, союзами, трэдъ-юніонами, также обрисовки Оуэна, Прудона, Фурье и т. д. Все это еще такъ ново для нашихъ учебниковъ, такъ непонятно для казенныхъ педагоговъ! И мы убѣждены, что учебникъ г. Виппера, вопреки древнимъ циркулярамъ министерства народнаго просвѣщенія, скоро вытѣснитъ изъ средней школы всякія другія пособія, приноровлявшіяся къ режиму г.г. Витте, Плеве, Горемыкиныхъ и проч. Важнымъ обстоятельствомъ для надлежащей оцѣнки «учебника новой исторіи» г. Виппера является фактъ его неподкупнаго, если такъ можно выразиться, научнаго объективизма; его не заподозришь въ увлеченіи партійными интересами, въ кружковщинѣ, какъ то чрезчуръ рѣзко наблюдается среди «кадетскихъ» историковъ. Въ этомъ отношеніи критика не можетъ сдѣлать г. Випперу упрека. Многія страницы книги могли бы возбудить спеціальный научно-педагогическій разговоръ, но по вопросамъ о такихъ тонкостяхъ изложенія, которые не представляютъ интереса для широкихъ слоевъ читающей публики. Можетъ быть высказано мнѣніе, что по объему—32 печатныхъ листа—книга велика и запугаетъ стараго педагога... Но короче выполнить серьезно и основательно данной работы нельзя и предназначена она не для безсмысленнаго зубренія, а для изученія и осмысленнаго чтенія и вполнѣ можетъ быть введена въ школу нынѣ же. Пишущій настоящія строки знаетъ по личному опыту,

что «учебникъ исторіи среднихъ вѣковъ» того же автора можетъ быть примѣненъ въ средней школѣ съ успѣхомъ; учебникъ новой исторіи по размѣрамъ больше, но зато нисколько ни затруднительнѣе по изложенію, и крахъ съ нимъ можно потерпѣть лишь тогда, когда его возметъ въ руки формальный преподаватель исторіи, съ наукою въ собственномъ смыслѣ слова неосвѣдомленный.

Мы позволяемъ себѣ съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ привѣтствовать книгу г. Виппера, считая ее крупнымъ пріобрѣтеніемъ нашей исторической литературы и придавая ей высокое общественное значеніе. Со времени выхода въ свѣтъ весьма цѣнныхъ для извѣстнаго момента учебниковъ исторіи проф. П. Г. Виноградова, работа г. Виппера представляетъ такой крупный шагъ впередъ, что мы должны признать первые—увы!—уже отсталыми и для школы непригодными. Учебники исторіи г. Виппера—явленіе крупное и не для нашей только литературы *В. Н—въ.*

М. В. Довнаръ-Запольскій. Мемуары декабристовъ. Записки, письма, показанія, проекты конституцій, извлеченные изъ слѣдственнаго дѣла, съ вводной статьей. Кіевъ. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 коп. Изданіе г. Довнаръ-Запольскаго должно считаться заслуживающимъ серьезнаго вниманія всѣхъ, кто дорожитъ мемуарами декабристовъ. Книга составлена очень интересно и разнообразно; полная противоположность аналогичному изданію подъ «редакціей» г. Бороздина.

Въ нее входятъ: записка о тайномъ обществѣ М. Ф. Орлова, показанія полковника Н. Комарова, «Историческое обозрѣніе хода Общества» Никиты Муравьева, его же конституція, записки кн. Трубецкого, проектъ манифеста, найденный въ его бумагахъ, показанія Александра Бестужева, нѣсколько документовъ изъ бумагъ Батенькова и Поджіо, письмо Булатова къ великому князю Михаилу Павловичу, письмо М. И. Муравьева-Апостола къ брату, признанія Бобрищева-Пушкина I-го, разсказъ о декабрьскихъ дняхъ кн. Трубецкого, записка о князѣ и вводная статья самого г. Довнаръ-Запольскаго. Прибавленный указатель именъ даетъ возможность быстро навести любую справку. Всѣ эти документы даны съ точнымъ соблюденіемъ орѳографіи подлинниковъ въ государственномъ архивѣ и потому пріобрѣтаютъ еще большую цѣну... По мѣрѣ роста литературы о декабристахъ и самихъ декабристовъ, все больше и больше становится ясенъ тотъ миражъ, который окружалъ память многихъ изъ участниковъ 14-го декабря. Славная легенда принимаетъ иногда форму безславнаго факта, и многіе декабристы получаютъ окраску совсѣмъ иную, чѣмъ это казалось раньше, когда литература о нихъ печаталась за границей. Настоящая книга исполняетъ ту же службу и при томъ съ неоспоримыми документами въ рукахъ. Разумѣется, пора разставаться съ легендами, пора уяснить настоящее представленіе о весьма разнообразныхъ дѣятеляхъ первой русской революціонной вспышки. *М. Л.*

Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго университета за первыя сто лѣтъ его существованія (1805—1905), составленный профессорами Д. И. Багалѣемъ, Н. Ф. Сумцовымъ и В. П. Бузескуломъ. Изданіе университета. Харьковъ, 1906 г. Цѣна 2 руб. Планъ работы вполнѣ правильный. Разбивъ исторію университета на четыре періода: исторія при дѣйствіи устава 1804 г., устава 1835 г., устава 1863 г. и, наконецъ, 1884 года, составители сосредоточили свое вниманіе на разсмотрѣніи университетскаго самоуправленія, преподавательской и научной дѣятельности профессоровь, студентовъ и просвѣтительнаго вліянія университета. Разумѣется, всякій согласится съ тѣмъ общимъ освѣщеніемъ, которое дано въ этой работѣ пресловутому уставу 1884 года, одобренному полицейскими распоряженіями министерства народнаго затемненія. Такія работы очень полезны для каждаго, кто дорожитъ изученіемъ вліянія

университетскихъ уставовъ на науку и общество. Любая исторія любого университета даетъ массу матеріала для одного основнаго вывода: пока всякая школа, а особенно высшая, не будетъ дѣломъ рукъ исключительно общества, до тѣхъ поръ эта школа никогда не перестанетъ быть казармой, иногда чисто выметенной и красиво задрапированной, иногда откровенно грязной, но всегда казармой. Настоящая историческая работа не исключеніе. Красной нитью выводъ этотъ проходитъ изъ страницы въ страницу. *М. Л.*

СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Г. Лагардель.—„Пролетаріатъ и милитаризмъ во Франціи и Бельгіи".—*Бернштейнъ.* — „Парламентаризмъ и соціалъ-демократія". — *Вандервальде.* — „Положеніе рабочаго класса въ Бельгіи". — *М. Шахназарьянцъ.*—„Крестьянское движеніе въ Грузіи и соціалъ-демократія".—„Библіотека Просвѣщенія".—„Рабочій ежегодникъ".—*Б. Торгашевъ.*—Профессіональные союзы во Франціи".—*Гардинсъ.* „Профессіональные союзы въ рабочемъ движеніи". — *А. Ельницкій.* „Первые шаги рабочаго движенія въ Россіи".—*Ф. Данъ.* „Изъ исторіи рабочаго движенія въ Россіи".—*К. Пажитновъ.* „Положеніе рабочаго класса въ Россіи".

Г. Лагардель. Пролетаріатъ и милитаризмъ во Франціи и Бельгіи. Переводъ съ франц. Я. О. Спб. 1906 г. Библіотека «Разсвѣтъ» подъ ред К. Я. Чимишлійскаго. 30 стр. Ц. 8 к. Вопросъ о взаимоотношеніи арміи и пролетаріата самымъ ходомъ вещей поставленъ на неустранимую очередь дня соціалистическаго движенія. Уже теперь, когда рѣчь идетъ не объ осуществленіи соціалистическаго строя, а лишь объ улучшеніи положенія рабочихъ при капиталистическомъ хозяйствѣ, уже теперь, даже въ самыхъ передовыхъ странахъ, буржуазія прибѣгаетъ къ арміи для внушительнаго воздѣйствія на пролетаріатъ. Примѣръ Франціи, страны съ старой демократической культурой, съ широкимъ политическимъ равенствомъ, съ республиканскимъ государственнымъ строемъ, достаточно непререкаемо показалъ, что самый широко-демократическій политическій строй не въ состояніи устранить жестокое треніе между пролетаріатомъ и буржуазіей, которое и заставляло вспыхивать ружейный огонь солдатъ, направленный, конечно, въ пролетаріевъ. И въ «свободной» Бельгіи, и въ «свободной» Франціи стрѣльба въ рабочихъ отнюдь не представляетъ собою изъ ряда вонъ выходящаго явленія. Какой же характеръ приметъ эта стрѣльба, если дѣло пойдетъ не объ улучшеніи участи рабочихъ въ рамкахъ современнаго капиталистическаго строя, а о ниспроверженіи самого этого строя! Объ этомъ можетъ дать представленіе лишь французская коммуна, когда погибло подъ ружейными выстрѣлами свыше 30.000 пролетаріевъ.

«Вооруженный рабочій и рабочій въ блузѣ,—говоритъ Лагардель,—стоятъ другъ противъ друга. При малѣйшемъ поводѣ, а часто и безъ него, ружья стрѣляютъ, люди валятся — преступленіе совершено: вмѣсто хлѣба буржуазія послала въ горло голоднаго пулю»... (11 стр.). И Лагордель ярко описываетъ, какъ въ сущности близко сходятся интересы «вооруженнаго рабочаго и рабочаго въ блузѣ».

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о русскомъ изданіи книжки Лагарделя. Когда вышелъ разбираемый «переводъ» книжки Лагарделя, извѣстнаго французскаго соціалиста, я, по его просьбѣ, выслалъ ему одинъ экземпляръ этого перевода, и въ отвѣтъ получилъ лишь запросъ, нельзя ли привлечь русскаго издателя или переводчика къ отвѣтственности за литературное мародерство. По словамъ Лагарделя, вышедшая въ русскомъ «переводѣ» его книжка представляетъ собою «безцеремонное» перекраиваніе его статьи, помѣщенной имъ *на русскомъ языкѣ* въ лондонской «Жизни» и *на французскомъ*

языкѣ совсѣмъ не существующей. Спрашивается, какъ могъ г. Я. О. перевести съ франц., а г. Чимишлійскій проредактировать не существующую на французскомъ языкѣ статью? *П. Берлинъ.*

Эд. Бернштейнъ. Парламентаризмъ и соціалъ-демократія. Спб. 1906 г. 68 стр. П. 15 к. Соціалъ-демократія всѣхъ странъ принимаетъ въ настоящее время самое широкое и энергичное участіе въ политической борьбѣ вообще и парламентской работѣ въ частности. Тамъ гдѣ ограничены политическія права рабочаго класса — а въ той или иной формѣ, въ большей или меньшей степени они ограничены повсюду—соціалъ-демократія неустанно борется за ихъ расширеніе и не останавливается даже передъ такимъ героическимъ средствомъ, какъ всеобщая политическая забастовка.

Но несмотря на это, вопросъ о парламентаризмѣ и его значеніи и сейчасъ еще остается открытымъ, возбуждая въ соціалистическихъ кругахъ рѣзкое столкновеніе мнѣній. Мы уже не говоримъ о довольно многочисленныхъ революціонныхъ синдикалистахъ, проповѣдующихъ рабочему классу въ Италіи и Франціи отреченіе отъ участія въ «парламентской комедіи», мы не говоримъ и о малочисленныхъ «анархо-соціалистахъ», предостерегающихъ нѣмецкій рабочій классъ отъ погибели въ «болотѣ парламентскаго оппортунизма». Оставляя въ сторонѣ всѣ эти полуанархисткія теченія, мы должны замѣтить, что и среди соціалъ-демократовъ вопросъ о значеніи парламентской работы начинаетъ все чаще и чаще пересматриваться. Во всякомъ случаѣ, и либераламъ, и соціалъ-демократамъ приходится разстаться съ иллюзіями конца сороковыхъ годовъ, когда первые полагали, что всеобщее избирательное право положитъ конецъ классовой борьбѣ между пролетаріатомъ и буржуазіей, а вторые были убѣждены, что съ помощью всеобщаго избирательнаго права они быстро захватятъ въ свои руки политическую власть.

Въ настоящее время для соціалистическихъ партій всѣхъ странъ становится все яснѣе, что съ помощью одной только парламентской борьбы царство соціализма добыто не будетъ. Это сознаетъ теперь и умѣренное крыло нѣмецкой соціалъ-демократій—ревизіонисты. Ихъ глава Эд. Бернштейнъ не разъ выступалъ послѣднее время съ заявленіями, что, на ряду съ парламентской работой и оставляя въ старомъ видѣ чисто профессіональныя организаціи, соціалъ-демократія должна удѣлить свое вниманіе и свои силы и непосредственной политической борьбѣ—демонстраціямъ, манифестаціямъ, и, какъ ultimo ratio, всеобщей политической стачкѣ.

Въ брошюрѣ «Парламентаризмъ и соціалъ-демократія» Бернштейнъ даетъ сначала историческій очеркъ, изобилующій любопытными, хотя и мало систематизированными данными. Читатель съ интересомъ слѣдитъ здѣсь за скачками соціалистической мысли, то провозгласившей парламентаризмъ панацеей отъ всѣхъ соціальныхъ бѣдъ, то видѣвшей въ ней орудіе эксплуатаціи и одурачиванія рабочаго класса.

Надо замѣтить, что Карлъ Марксъ, болѣе чѣмъ кто либо сдѣлавшій для ниспроверженія теоріи политическаго воздержанія и для прочнаго усвоенія пролетаріатомъ политической программы, программы участія въ парламентской борьбѣ, Карлъ Марксъ вмѣстѣ съ этимъ не сотворилъ себѣ кумира изъ парламента и никогда не оспаривалъ верховныхъ правъ народа по отношенію къ парламенту.

Въ 1849 г. въ своей защитительной рѣчи передъ кельнскимъ судомъ, Марксъ говорилъ между прочимъ:

«Національное собраніе само по себѣ лишено всякихъ правъ; народъ поручилъ ему провозгласить принадлежащія ему одному права. Если оно не выполняетъ возложеннаго на него порученія, то послѣднее становится недѣйствительнымъ. Тогда самъ народъ непосредственно выступаетъ на арену и дѣй-

ствуетъ, какъ хочетъ, пользуясь своимъ могуществомъ. Если бы, напр., Національное собраніе продалось измѣнническому правительству, то народу пришлось бы разогнать обоихъ--правительство и собраніе».

Во второй части своей книжки Бернштейнъ переходитъ къ разсмотрѣнію очередныхъ политическихъ вопросовъ, выдвинутыхъ соціалъ-демократической партіей, и въ частности разсматриваетъ вопросъ объ участіи соціалъ-демократическихъ депутатовъ въ буржуазномъ правительствѣ. И наконецъ въ заключеніи Бернштейнъ въ нѣсколькихъ «тезисахъ» резюмируетъ содержаніе своей книжки.

Книжка Бернштейна, написанная имъ спеціально для русскаго изданія, отличается обычными достоинствами и недостатками этого не по заслугамъ извѣстнаго писателя. Книжка очень содержательна, читатель узнаетъ изъ нея много любопытныхъ точекъ зрѣнія различныхъ авторовъ на разбираемый вопросъ, но что касается точки зрѣнія самого автора, то она все время двоится и колеблется между «съ одной стороны» и «съ другой стороны».

П. Берлинъ.

Эмиль Вандервельдъ. Положеніе рабочаго класса въ Бельгіи. Пер. съ рукописи Н. Секерина. Цѣна 40 коп. «Вопросы Общественности». Выпускъ І-ый. Изд. Н. Глаголева. Спб. 1906. Сочиненіе извѣстнаго ученаго и политическаго дѣятеля бельгійской рабочей партіи Э. Вандервельда является первымъ выпускомъ въ серіи книгъ, предположенныхъ къ русскому изданію и посвященныхъ положенію рабочаго класса въ государствахъ западной Европы, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и Австраліи. Написанная признаннымъ авторитетомъ эта первая книга безъ сомнѣнія является цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу о рабочемъ вопросѣ. Сжато, но безъ конспективной сухости Вандервельдъ даетъ законченную картину положенія рабочаго класса въ Бельгіи, обосновывая свое изложеніе, гдѣ только возможно, статистическими таблицами и, вообще, точными цыфровыми данными. Это обстоятельство въ связи съ ясностью и простотой плана сочиненія, конечно, еще болѣе увеличиваетъ цѣнность книги, позволяя положить ее въ основу изученія рабочаго вопроса въ Бельгіи. Необходимость въ такихъ объективныхъ данныхъ, систематизація которыхъ и составляетъ главную задачу Вандервельда, особенно чувствуется именно здѣсь для Бельгіи, благодаря своеобразному характеру бельгійскаго рабочаго движенія въ его политической формѣ.

Самъ авторъ говоритъ о послѣдней, что ее, политическую организацію бельгійскаго пролетаріата, можно понять, лишь исходя изъ изученія его экономическихъ организацій: обществъ взаимопомощи, рабочихъ союзовъ и кооперативныхъ учрежденій. Это объясняется тѣмъ, что «въ Бельгіи боевыя организаціи, созданныя рабочимъ классомъ для борьбы съ капитализмомъ, не являются, вообще говоря - хотя существуетъ и противоположная тенденція— политически нейтральными союзами, объединяющими рабочихъ безъ различія партій. Правда, общества взаимопомощи бываютъ часто независимы отъ политическихъ группировокъ, но большинство коопераций и синдикатовъ, учрежденныхъ въ цѣляхъ борьбы, примыкаютъ къ рабочей партіи. Можно даже сказать, что рабочая партія не что иное какъ федерація этихъ экономическихъ ассоціацій. Въ самомъ дѣлѣ, если исключить общества взаимопомощи, синдикаты, кооперативныя товарищества, доставляющія рабочей партіи громадное большинство членовъ и почти всю сумму доходовъ, то въ ея областныхъ федераціяхъ останется очень небольшое число рабочихъ лицъ, многія изъ которыхъ, притомъ, подаютъ признаки жизни лишь наканунѣ выборовъ». Особенно рѣзокъ этотъ своеобразный характеръ экономическихъ организацій бельгійскаго пролетаріата въ соціалистическихъ кооперативныхъ учрежденіяхъ. Уставъ каждаго такого общества напоминаетъ кооператорамъ, что «общество

является прежде всего политической соціалистической группой и что, записавшись въ члены кооператива, данное лицо тѣмъ самымъ примыкаетъ къ рабочей партіи». Прибыли же кооператива распредѣляются такимъ образомъ: а) погашеніе долговъ и запасный капиталъ; в) переносъ на другіе счета и иногда выдача прибылей участникамъ коопераціи; с) пропаганда, организуемая рабочей партій. Коопераціи служатъ, такимъ образомъ, для соціалистическаго пролетаріата орудіемъ пропаганды и борьбы.

Поэтому успѣшная дѣятельность и ростъ экономическихъ организацій бельгійскихъ рабочихъ находятся въ тѣсной связи съ общимъ развитіемъ рабочаго движенія, какъ все обостряющейся борьбы пролетаріата за свое политическое освобожденіе. Эту особенность всегда слѣдуетъ имѣть въ виду при оцѣнкѣ силы бельгійскихъ кооперацій и тактики бельгійской рабочей партіи. Вандервельдъ не касается этой тактики, какъ выходящей изъ рамокъ изслѣдованія, и, вообще, о самой партіи онъ мало говоритъ. Въ своей книгѣ онъ даетъ лишь наиболѣе важные, пролетарскіе элементы въ партійной организаціи, которая по преимуществу и характеризуется съ точки зрѣнія рабочаго движенія. Но эта-то сторона, какъ видимъ является самой существенной въ бельгійской политической организаціи. *Л. Б.*

М. М. Шахназарянъ. Крестьянское движеніе въ Грузіи и соціалъ-демократія. Книгоиздательство Е. Д. Мягкова «Колоколъ». Москва. 1906 г. Цѣна 30 коп. Исторіи революціи въ Россіи еще не пришло время. Революція не только не закончена, но предъ ней еще длинный невѣдомый путь, который лишь весь, со всѣми своими изгибами и поворотами, можетъ стать достояніемъ дѣйствительно историческаго изслѣдованія. Настоящій моментъ даже не даетъ времени для такихъ точныхъ изысканій. Все, что можетъ сдѣлать писатель съ текущимъ историческимъ матеріаломъ,—это *собрать* его, хотя и безъ надежды на научную систематизацію его. И такой трудъ является въ достаточной степени важнымъ. Мы слишкомъ быстро живемъ, слишкомъ стремимся въ будущее, чтобы не явилась опасность черезчуръ оторваться отъ недавняго прошлаго и забыть его уроки. Поэтому такія работы, какъ изданное «Колоколомъ» «крестьянское движеніе въ Грузіи и соціалъ-демократія», на нашъ взглядъ, имѣютъ, если не историческое, то, во всякомъ случаѣ, нѣкоторое политическое значеніе. Хаосъ пережитыхъ событій онѣ приводятъ по крайней мѣрѣ въ хронологическій порядокъ, пріуроченный къ опредѣленной области революціоннаго движенія, и тѣмъ способствуютъ частичному уясненію современнаго общественнаго процесса.

Что мы въ сущности знаемъ о революціи въ Грузіи? До насъ доходили, съ одной стороны, извѣстія о кровавыхъ неистовствахъ кавказскихъ генералъ-губернаторовъ и военныхъ экспедицій,—неистовствахъ, передъ которыми блѣднѣло самое изощренное на счетъ усмиреній воображеніе,—а, съ другой, факты нигдѣ въ мірѣ неслыханной организованности крестьянской революціи. Чудомъ спасенныя отъ конфискаціи кавказскія газеты и болѣе или менѣе случайные корреспонденты время отъ времени поражали читающую Россію отрывочными сдѣдѣніями о глубоко-революціонномъ настроеніи крестьянъ, о революціонномъ самоуправленіи гурійцевъ, о сознательномъ подчиненіи массъ соціалъ-демократической партіи, подчиненіи, выражающемся иногда въ курьезныхъ формахъ... Эти отдѣльные случаи и анекдоты составляли все, что могло прорваться изъ предѣловъ залитаго кровью Кавказа. М. М. Шахназарянъ, правда, въ весьма значительной степени пользуется тѣми же газетными корреспонденціями, какія уже извѣстны внимательному и усердному читателю газетъ. Но этимъ фактомъ онъ предпосылаетъ данныя, рисующія общественныя отношенія въ Грузіи и дифференцію населенія. Условія землепользованія, положеніе хизанъ, временно-обязанныхъ крестьянъ, бывшихъ государственныхъ

крестьянъ, подати и повинности и т. п.,—все это составляетъ содержаніе первыхъ главъ его брошюрки и кладетъ, такимъ образомъ, экономическія отношенія классовъ въ Грузіи въ основу дальнѣйшаго изложенія. Кромѣ того, авторъ отмѣтилъ достаточно подробно малоизвѣстную широкой публикѣ роль и дѣятельность соціалъ-демократической партіи въ событіяхъ грузинскаго движенія и организаціи крестьянскихъ массъ. Страницы, касающіяся этой стороны исторіи, несомнѣнно, прочтутся съ наибольшимъ интересомъ, ибо имѣютъ непосредственное отношеніе къ наиболѣе важному явленію въ нашей революціи, именно: «Нигдѣ, не только въ Россіи, но и на западѣ, соціалъ-демократіи не удавалось пустить столь глубокіе корни въ крестьянствѣ, какъ это удалось р. с. д. р. партіи въ Гуріи»,—съ этимъ выводомъ автора нельзя не согласиться.

Вслѣдствіе сообщенія этихъ данныхъ картнат крестьянской революціи въ Грузіи пріобрѣтаетъ болѣе стройный и системаизироиванный характеръ. Изложеніе доведено авторомъ вплоть до «вооруженнаго возстанія» въ октябрѣ 1905 г.

Л. Б.

Библіотека «Просвѣщенія»: А. Бебель. Шарль Фурье, Его жизнь и ученіе. Стр. 221. Ц. 42 к. Левъ Мовичъ. Великое Учредительное собраніе. Стр. 230. Ц. 45 к. Шарль Боржо Учрежденіе и пересмотръ конституцій. Вып. II. Стр. 175. Ц. 35 к. Эдмондъ Виллей. Какъ производятся въ Зап. Европѣ выборы въ парламентъ. Стр. 73. Ц. 15 к. Геніальный французскій утопистъ очень мало извѣстенъ у насъ: и книга Бебеля, которая даетъ достаточно полный очеркъ фурьеризма, появляется очень кстати. Необычайный идейный подъемъ русскаго соціализма вызываетъ въ нашемъ обществѣ исключительный интересъ и къ родоначальникамъ соціализма, и къ провозвѣстникамъ его. Фурье былъ соціалистомъ sui generis: давъ яркую, мѣткую и безпощадную критику буржуазнаго строя, подъ которой подпишется всякій современный соціалистъ, онъ искалъ пути къ человѣческому счастью все-таки въ рамкахъ буржуазнаго общества путемъ новыхъ учрежденій, при сохраненіи частной собственности, надѣялся примирить противорѣчія интересовъ въ этомъ обществѣ. Помимо степени цѣлесообразности самыхъ проектовъ Фурье, современный соціалистъ вообще отбрасываетъ всякую надежду на пресловутую «гармонію интересовъ» и считаетъ наивными надежды Фурье на общее счастье въ условіяхъ частнаго хозяйства. Но при всемъ томъ заслуги Фурье передъ научнымъ соціализмомъ очень велики, и если его выводы и проекты въ большинствѣ устарѣли, то его точка зрѣнія на буржуазный строй, лицемѣрный, жестокій и безсмысленный, усвоена милліонами людей нашей эпохи. «Братство», говоритъ онъ по поводу современной ему великой французской революціи, «послало своихъ корифеевъ одного за другимъ на гильотину, равенство увѣнчало народъ титуломъ суверена, но не дало ему ни работы, ни хлѣба; народъ продаетъ свою жизнь за 5 су въ день [1]), и его тащатъ съ цѣпью на шеѣ на плаху». Придя такимъ образомъ къ выводу, что равенство и братство призраки, а соціальной свободы нѣтъ, Фурье строитъ сложную и запутанную систему новыхъ учрежденій (фаланстеры), которыя по его мысли должны обезпечить человѣку два главныхъ блага—здоровье и богатство. Помимо причудливости самыхъ реформъ любопытенъ тотъ наивный путь, которымъ онъ разсчитывалъ притти къ ихъ осуществленію: какой-нибудь милліонеръ долженъ дать средства для созданія первой фаланстеры, а тамъ ужъ все пойдетъ само собой,—настолько очевидны будутъ преимущества жизни въ фаланстерѣ! И бѣдный фантазеръ—мыслитель *десять* послѣднихъ *лѣтъ* своей жизни изо дня въ день ждалъ такого мецената—и такъ и умеръ, не дождавшись его!

---

[1]) Дневное жалованье солдата.

А. Бебель исполнилъ огромную и трудную задачу: изъ всѣхъ трудовъ Фурье, изложенныхъ мѣстами неудопонятно и мозаично-пестро, онъ извлекъ все самое важное и привелъ это въ стройную систему. Не его вина, если книга мѣстами, именно въ предисловіи, читается съ нѣкоторымъ трудомъ.

Художественно-красиво и оригинально написана книга Льва Мовича о «Великомъ Учредительномъ Собраніи». Авторъ меньше интересуется тѣми «безконечно-малыми» величинами, которыя мы называемъ случаемъ и которыя, интегрируясь, даютъ внѣшнюю исторію, исторію фактовъ; его мысль обращена главнымъ образомъ на идею эпохи, на основные тезисы исторіи. Эти послѣдніе не зависятъ отъ игры «безконечно-малыхъ», но отдѣльные факты исторіи подчиняются вліяніямъ отдѣльныхъ, движущихъ факты личностей. Въ основной тенденціи событій и въ направленіи ихъ рѣшающее значеніе принадлежитъ, въ конечномъ счетѣ, экономическимъ моментамъ, но и психическія вліянія играютъ видную роль какъ временный факторъ, какъ внѣшній двигатель.

Съ этихъ точекъ зрѣнія и изложена авторомъ вся, главнымъ образомъ, внутренняя исторія Франціи конца 18 вѣка вплоть до конституанты. Одну изъ главъ книги занимаетъ «Декларація правъ человѣка и гражданина»; въ толкованіи «Деклараціи» авторъ высказываетъ одну оригинальную мысль, кажется, не отмѣченную никѣмъ изъ писавшихъ о «Деклараціи», именно мысль о *религіозномъ характерѣ* ея какъ о главной причинѣ всеохватывающей *общности* ея принциповъ. Эта глава существуетъ и въ другомъ изданіи— изд. «Голоса»; «Голосомъ» же издана вторымъ изданіемъ и вся книга объ Учредительномъ Собраніи. Послѣднія двѣ изъ разсматриваемыхъ книгъ носятъ сухо-дѣловой, почти справочный характеръ. Второй выпускъ книги Боржо заканчиваетъ обзоръ учрежденія и пересмотра конституцій въ разныхъ странахъ и обнимаетъ Соедин. Штаты, Францію и Швейцарію. Дается чисто внѣшняя, а мѣстами почти схематическая исторія различныхъ конституціонныхъ актовъ, описываются способы, установленные для ихъ пересмотра и обстановка этого пересмотра. Еще болѣе справочный характеръ носитъ небольшая книжка профессора въ Каннѣ Эдмонда Виллея, «Какъ производятся въ Западной Европѣ выборы въ парламентъ». Сухо, скупясь на слова и иллюстрацію, описаны методы составленія избирательныхъ списковъ, коллегій и бюро; далѣе даются свѣдѣнія о голосованіи, подсчетѣ голосовъ, провѣркѣ и продолжительности полномочій и злоупотребленія при выборахъ.

Считаемъ нужнымъ отмѣтить одинъ важный недостатокъ, общій всѣмъ изданіямъ «Библіотеки Просвѣщенія»,—это необычайно мелкая печать, которая хотя и удешевляетъ книгу, но дѣлаетъ чтеніе ихъ довольно тяжелымъ трудомъ. *Л. Вас—ій.*

«Рабочій ежегодникъ» годъ 1. Спб. Книгоиздательство «Альманахъ». 296 стр. Ц. 60 коп. Привѣтствуемъ это изданіе, безусловно полезное—эту настольную книжку рабочаго. Это первая легальная попытка рабочаго ежегодника. Когда-то «Борьба» издала соціалъ-демократическій календарь. Онъ имѣлъ большой успѣхъ, но, конечно, на широкое распространеніе онъ не могъ разсчитывать, какъ изданіе нелегальное. Напротивъ «ежегодникъ» Альманахъ расчитываетъ на самое широкое распространеніе. Но издатели, назначивъ ц. 60 к., поставили себѣ границы. Идемъ навстрѣчу высказанному въ предисловіи пожеланію и укажемъ на тѣ пробѣлы, которые мы замѣтили.

«Ежегодникъ» состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ рядъ статей, во второмъ статистическія данныя и въ третьемъ—справочныя свѣдѣнія. Почему нѣтъ въ началѣ календаря? Онъ былъ бы не лишнимъ и при немъ удобно было бы расположить мѣсяцесловъ революціоннаго движенія.

Въ первомъ отдѣлѣ 19 статей, не считая мѣсяцеслова, временника и мартиролога. Его задачей несомнѣнно было желаніе ввести рабочихъ въ кругъ

международной соціалъ-демократіи и въ частности—политической жизни. Далѣе, было желаніе познакомить съ революціоннымъ 1905 годомъ. По нашему, не достаетъ статьи по исторіи международной соціалъ-демократіи. Необходимо было бы дать хотя самыя краткія свѣдѣнія о положеніи соціалъ-демократической партіи въ разныхъ странахъ Европы. Это познакомило бы рабочихъ съ силой международной соціалъ-демократіи. Далѣе, необходимо было бы сдѣлать краткій связный обзоръ прошлаго года въ цѣломъ. Статьи 1-го отдѣла въ общемъ написаны не дурно, а многіе положительно хорошо. Хороша вступительная статья Каутскаго о международномъ значеніи русскаго пролетаріата. Прекрасны статьи *Мартова* «Политическія партіи въ Россіи», *Балобанова* «Куда расх. нар. деньги». Нѣкоторые авторы, повидимому, отнеслись недостаточно серьезно къ своей задачѣ. Такъ статья *Кольцова* о профессіональномъ движеніи и соціализмѣ не даетъ никакого представленія ни о профессіональныхъ союзахъ, ни объ отношеніи ихъ къ соціализму. Очень неудачна статья *Ю. Каменева* по исторіи россійской соціалъ-демократической партіи. Блѣдна статья *Клейнборта* «Русская соц.-дем. въ 1905. г.».

Въ отдѣлѣ біографическихъ свѣдѣній дано 7 біографій выдающихся соціалъ-демократовъ. Очень странно, что въ этомъ отдѣлѣ не нашли нужнымъ помѣстить біографіи *Плеханова*, какъ виднаго теоретика марксизма. Вообще, не достаетъ отдѣла біографій выдающихся политическихъ дѣятелей русской революціи, а особенно дѣятелей прошлаго года, пріобрѣтшихъ популярность среди рабочихъ. Рабочіе, увидѣвъ портретъ Геда, Лафарга и др., несомнѣнно будутъ искать портретъ *Хрусталева*. Не мѣшало бы помѣстить и некрологи дѣятелей соц.-дем. погибшихъ въ прошломъ году (Баумана, Костюшко и др.).

Далѣе, въ первомъ отдѣлѣ нѣтъ ни одной строки о революціяхъ, происшедшихъ въ Сибири, Прибалтійскомъ краѣ и Кавказѣ. Въ статьѣ *Клейнборта* «О россійской соц.-дем. въ 1905 году» все это упущено. А между тѣмъ соц.-дем. въ этихъ мѣстахъ играла крупную роль. Нельзя также не отмѣтить, что въ «Ежегодникѣ» нѣтъ никакихъ свѣдѣній о Государственной Думѣ, точно ей объявили бойкотъ и въ «Ежегодникѣ». Правда, статьи уже набирались, когда Дума стала функціонировать, но все же можно было успѣть до выхода въ свѣтъ помѣстить кой-какія справочныя свѣдѣнія о Гос. Думѣ. Сборникъ вышелъ въ концѣ іюля, а Дума открыла свои дѣйствія 27-го апрѣля.

Во второмъ отдѣлѣ много любопытныхъ свѣдѣній. Не дурно было бы прибавить нѣсколько сравнительныхъ статистическихъ свѣдѣній о положеніи труда въ Зап. Европѣ и Россіи.

Въ третьемъ отдѣлѣ очень много полезныхъ свѣдѣній. Кое-что лишне. Жаль, что не догадались дать образцы прошеній для созыва собраній, изданія газеты, открытія клубовъ и т. п.

Нѣтъ «основныхъ законовъ».

Мы указали на нѣкоторые пробѣлы. Слѣдующее изданіе «Ежегодника», навѣрное, будетъ лучше. Надо только прибавить еще, что слѣдуетъ лучше брошюровать книги для справокъ, какимъ является «Ежегодникъ», и во что бы то ни стало удешевить цѣну, по крайней мѣрѣ, на половину. Иначе «Ежегодникъ» будетъ на столѣ не утѣхъ читателей, для кого онъ предназначенъ.

М. Хейсинъ.

Б. Торгашевъ. «Профессіональные союзы во Франціи». Цѣна 8 коп. Спб. Стр. 37. Изд. «Колоколъ». Брошюръ о профессіональномъ движеніи на русскомъ языкѣ довольно мало, а о французскомъ профессіональномъ движеніи есть только одна книжка *Пеллютье* «Исторія Бирж. Труда» (ц. 50 к. Изд. «Свободный трудъ». 167 стр.

Брошюра Торгашева поэтому совсѣмъ не лишнее произведеніе. Составлена

она довольно удовлетворительно. Она даетъ представленіе о французскомъ профессіональномъ движеніи. Разобравъ законъ 1884 г. [1]) о профессіональныхъ союзахъ, авторъ останавливается на всѣхъ трехъ формахъ рабочихъ союзовъ во Франціи (рабочіе синдикаты, смѣшанные синдикаты и желтые союзы).

Затѣмъ слѣдуетъ глава *о союзахъ синдикатовъ*, въ которой авторъ характеризуетъ всѣ независимые союзы, объединяющіе синдикаты: федерація типографскихъ рабочихъ (8.000 чел.), федерація рабочихъ стекляннаго производства (12.000) и «Всеобщую конфедерацію труда»(573.000). О взаимоотношеніяхъ между «Биржей Труда» и «Всеобщей конфедераціей труда» слѣдовало бы сказать больше. Въ IV главѣ «Биржи Труда» рисуется дѣятельность и организація биржъ. Въ V главѣ говорится о программѣ и дѣятельности синдикатовъ. Эта глава написана слабо. Она не даетъ болѣе или менѣе полнаго представленія о работѣ и о достигнутыхъ результатахъ синдикальной борьбы. VI глава толкуетъ о свободѣ личности и свободѣ развитія профессій и, наконецъ, въ послѣдней главѣ авторъ коснулся отношеній синдикализма и соц.-демократіи. Здѣсь авторъ совершенно не проанализировалъ отношеній между анархизмомъ, франц. синдикализмомъ и соц.-дем. партіями. Онъ ограничился общими фразами, а между тѣмъ это самый интересный пунктъ французскаго синдикализма; я не говорю уже о томъ, что положенія автора далеко не вѣрны дѣйствительности. Между анархизмомъ и французск. синдикализмомъ нѣтъ, по мнѣнію Торгашева, тѣснаго родства. Но это не вѣрно. Нельзя сказать, что франц. синдикализмъ и анархизмъ одно и тоже, но общихъ точекъ соприкосновенія у нихъ много. (Методъ прямого воздѣйствія, идея вліянія сознательнаго меньшинства и др.)

Несмотря на указанныя недостатки, брошюру Торгашева можно рекомендовать для знакомства съ французскимъ професс. движеніемъ. Мы совѣтуемъ автору, если будетъ 2-ое изданіе, прибавить въ концѣ брошюры уставъ какого-нибудь синдиката и биржи труда. *М. Хейсинъ.*

Гардинсъ «Профессіональные союзы въ рабочемъ движеніи». Пер. Дилевской книгоизд. «Своб. Слова». Москва. 27 стр. ц. 9 к. Задача автора показать, что «професс. союзы хотя медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ стремятся къ соціализму, который обѣщаетъ имъ освобожденіе».—Выполнилъ эту задачу автора довольно плохо, или, вѣрнѣе сказать, совсѣмъ не выполнилъ. Но это не мѣшаетъ быть брошюркѣ интересной агитаціонной прокламаціей. Написана она очень живо, популярно. Каждый рабочій прочтетъ ее съ интересомъ. Онъ почувствуетъ, что ему нужно организоваться, что нужныпрофессіональные союзы и что нужно заниматься политикой. Но точнаго представленія о томъ, какой политикой заниматься, о томъ, почему неизбѣжно стремиться къ соціализму, —изъ этой брошюры не получить. Авторъ самъ плохо разбирается въ политикѣ профессіон. союзовъ. Онъ какъ будто стоитъ за то, чтобы заниматься соціалистической пропагандой и политикой, а въ заключеніи приводитъ мнѣніе Бебеля, что рабочіе должны заниматься *рабочей политикой*.

Во всякомъ случаѣ брошюру Гардинса можно рекомендовать всякому рабочему. *М. Хейсинъ.*

А. Ельницкій. Первые шаги рабочаго движенія въ Россіи. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 12 к. С.-Петербургъ. 1906 г. Въ сдѣлавшейся уже довольно обширною литературѣ по рабочему вопросу въ Россіи брошюра г. Ельницкаго едва ли займетъ мѣсто, незамѣтное, смотря нахорошее направленіе автора и выбранную имъ тему. Если послѣдніе годы русскаго рабочаго движенія отлично извѣстны

---

[1]) Почему авторъ упустилъ законъ о союзахъ 1901 года? Это очень странно.

каждому даже заурядному читателю, хоть сколько нибудь слѣдившему за жизнью нашей родины, то первые шаги этого движенія, играющаго теперь въ жизни нашей родины такую выдающуюся роль, извѣстны далеко немногимъ. Исторія рабочаго движенія въ Россіи трудна уже потому, что оно лишь почти на дняхъ вышло изъ подполья, и литературы по раннимъ періодамъ жизни только что нарождавшаго въ то время пролетаріата почти не существуетъ. Эти условія сильно затрудняютъ работу изслѣдователя, берущагося за изученіе рабочаго вопроса въ Россіи въ его отдаленномъ прошломъ. Не миновали эти затрудненія и г. Ельницкаго, и это обстоятельство необходимо имѣть въ виду, оцѣнивая его книжку. Но если можно примириться со скудостью историческаго матеріала, собраннаго авторомъ, и слишкомъ компилятивнымъ характеромъ его работы, то неизбѣжно приходится упрекнуть его въ слишкомъ поверхностномъ отношеніи и къ тому немногому, что имѣется въ литературѣ по данному вопросу.

Характеризуя первые шаги рабочаго движенія въ Россіи, г. Ельницкій ограничивается только описаніемъ вспышекъ и возмущеній, происходившихъ въ разное время на фабрикахъ и заводахъ и внѣ ихъ и почти не касается тѣхъ причинъ, которыя вызывали это движеніе, не смотря на патріархальныя отношенія, бывшія между хозяевами и рабочими; между тѣмъ, только эти причины дѣлаютъ совершенно понятными столь осмысленныя формы протестовъ неорганизованныхъ и малосознательныхъ рабочихъ. Беря цѣликомъ изъ извѣстной брошюры г. Плеханова «Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи» типы рабочихъ революціонеровъ или разные эпизоды революціоннаго движенія, г. Ельницкій далеко не далъ картины рабочаго движенія, какъ таковаго, вызывавшагося экономическими причинами, и совершенно незатронулъ такой богатый матеріалъ, какъ отчеты фабричныхъ инспекторовъ, труды коммиссіи Штакельберга, Игнатьева и Валуева. Вслѣдствіе этого, работа г. Ельницкаго страдаетъ неполнотою и односторонностью. Заканчиваетъ онъ свою брошюру заимствованнымъ у Плеханова и изъ «Календаря Народной Воли» пространнымъ очеркомъ жизни и дѣятельности Степана Халтурина и приготовленій его къ взрыву Зимняго Дворца. Очеркъ этотъ очень интересенъ для читателя, незнакомаго исторіей русскаго революціоннаго движенія, но почему г. Ельницкій замыкаетъ имъ свое повѣствованіе о первыхъ шагахъ рабочаго движенія, непонятно, потому что основателя «Сѣвернаго Союза русскихъ рабочихъ», С. Халтурина нельзя считать послѣднимъ вожакомъ того періода рабочаго движенія, который можно назвать первыми шагами. Наоборотъ, Сѣверный Союзъ и его основателей нужно разсматривать, какъ піонеровъ истинно рабочаго, т.-е. пролетарскаго движенія, такъ какъ въ ихъ программу впервые въ Россіи введены были идеи германской соціалъ-демократіи, и не Сѣвернымъ Союзомъ заканчиваются первые шаги рабочаго движенія; 80-е и 90-е годы съ ихъ непрерывной эволюціей рабочей мысли, и даже послѣдніе 10 лѣтъ, вплоть до основанія Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи, представляютъ логическое продолженіе той эпохи, очеркомъ которой заканчиваетъ авторъ свою работу, а между тѣмъ, этотъ періодъ авторомъ совершенно незатронутъ. По этой причинѣ, книжка г. Ельницкаго представляетъ не законченную работу, а производитъ впечатлѣніе собранія отрывковъ изъ задуманнаго труда. Вредитъ автору также излишнее пристрастіе къ цитатамъ, мѣстами совершенно вытѣсняющимъ собственное изложеніе автора. *Ю. Лавриновичъ.*

Ф. Данъ. Изъ исторіи рабочаго движенія и соціалъ-демократіи въ Россіи (1900—1904 годъ). «Новая библіотека» № 6. С.-Петербургъ. Изд. 2-ое стр. 92. Цѣна 15 коп. Эта книжка впервые появляется въ легальномъ изданіи. Первое ея изданіе было выпущено въ іюлѣ 1904 года къ Амстер

*

дамскому соціалистическому международному конгрессу. Не смотря на то, что авторъ ея задался спеціальною цѣлью дать очеркъ судебъ рабочаго движенія и россійской соціалъ-демократіи за 4 года, протекшіе со времени Парижскаго конгресса соціалистовъ,—работа г. Дана представляетъ общій интересъ, и при томъ весьма большой. Авторъ въ своемъ очеркѣ описываетъ рабочее и соціалъ-демократическое движеніе за тотъ періодъ, который предшествовалъ всероссійской революціи. Книжка г. Дана представляетъ тѣмъ большій интересъ, что онъ описываетъ такія событія этого періода, о большинствѣ которыхъ русская публика узнавала не изъ легальной печати, а окольными путями, и не могла имѣть яснаго представленія о картинѣ того движенія, которое создало русскую революцію. А картина была грандіозная, и рядовой читатель, которому попадется въ руки брошюра г. Дана, не безъ удивленія увидитъ, какими быстрыми шагами уже шесть лѣтъ тому назадъ двигала бюрократія нашу страну къ революціи. «Внимательный читатель, говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи, легко замѣтитъ, какъ уже тогда ясно вырисовывались тѣ общественно-политическіе и соціальные факторы и то настроеніе, которые сдвинули, наконецъ, съ мѣста застоявшуюся лавину россійскаго самодержавія и заставили ее быстро катиться подъ гору».

И дѣйствительно въ описываемый періодъ стачки и демонстраціи могучей волной прокатились по всей Россіи, и хотя правительство противопоставило имъ еврейскіе погромы, зубатовщину, бѣлый терроръ и комедію уступокъ, но движеніе стихіи наростало, къ нему присоединилось крестьянское движеніе, и весь этотъ потокъ народнаго негодованія захлестнулъ бюрократію въ незабвенные октябрьскіе дни. Описывая всѣ эти событія и сводя ихъ въ систематическомъ очеркѣ въ одно цѣлое, г. Данъ несомнѣнно оказалъ большую услугу будущимъ историкамъ хотя бы уже тѣмъ, что онъ зарегистрировалъ многіе факты, не попавшіе въ свое время въ печать. Но кромѣ этого, авторъ даетъ въ своей брошюрѣ обстоятельный очеркъ дѣятельности россійской соціалъ-демократической рабочей партіи; въ этомъ очеркѣ г. Данъ попутно выясняетъ и роль партіи во всѣхъ происходившихъ событіяхъ. Такъ какъ брошюра написана съ агитаціонной цѣлью, то авторъ не могъ избѣжать нѣкоторой односторонности въ критикѣ событій, но ввиду того, что авторъ самъ подчеркиваетъ въ предисловіи назначеніе своей работы, читатель заранѣе знаетъ, что онъ имѣетъ дѣло съ произведеніемъ партійной литературы. Впрочемъ, и для не партійнаго читателя книжка г. Дана представляетъ большой интересъ, снимая завѣсу съ того, чѣмъ полна была жизнь Россіи въ послѣдніе годы, и что такъ тщательно скрывалось отъ россійскаго обывателя.

Ю. Лавриновичъ.

К. А. Пажитновъ. Положеніе рабочаго класса въ Россіи. Книгоиздательство «Новый Міръ». Стр. 304. Цѣна 1 руб. Спб. 1906 г. Въ нашей литературѣ до сихъ поръ совершенно отсутствовало обстоятельное изслѣдованіе положенія рабочаго класса въ Россіи. Причины этого огромнаго пробѣла всѣмъ понятны: у какого изслѣдователя хватило бы мужества приняться за такую работу при существовавшихъ цензурныхъ условіяхъ. Въ жизни нашей цензуры было много жупеловъ, но отношеніе къ нимъ мѣнялось въ ту или другую сторону, въ зависимости отъ лицъ, стоявшихъ у цензурнаго кормила. Одинъ только рабочій вопросъ всегда оставался страшилищемъ для цензуры, кто-бы во главѣ послѣдней ни стоялъ. Были времена, и именно, годы, предшествовавшіе изданію закона о нормальномъ рабочемъ днѣ (законъ 1897 г.), когда о рабочемъ вопросѣ нельзя было въ печати и заикаться, хотя-бы даже въ формѣ сообщеній въ хроникѣ; о стачкахъ русскихъ рабочихъ *никогда* недозволялось писать. Если-же по вопросамъ фабричнаго законодательства, въ

эпоху царствованія въ министерствѣ финансовъ С. Ю. Витте, и дозволялось писать, то рамки этой «свободы» были таковы, что въ нихъ укладывалась мысль только такихъ присяжныхъ апологетовъ правительственной политики въ фабричномъ законодательствѣ, какъ извѣстный фабричный инспекторъ В. П. Литвиновъ-Фалинскій.

Но да не подумаетъ читатель, увидѣвъ это вступленіе, что указанный пробѣлъ теперь заполненъ. Измѣнившіяся условія печати даютъ теперь почти полную возможность не только изслѣдовать рабочій вопросъ въ Россіи, но и опубликовать это изслѣдованіе. Въ этой области появилось за послѣднее время уже нѣсколько работъ, но ни одна изъ нихъ не заполнила существующаго пробѣла. Не достигла этого и разбираемая нами книга г. Пажитнова. Давъ своей книгѣ названіе, почти исчерпывающее рабочій вопросъ, авторъ, однако, далеко не использовалъ всей широты намѣченныхъ рамокъ своей работы, и свелъ все, какъ объ этомъ и говорится въ предисловіи, къ «очеркамъ, посвященнымъ выясненію тѣхъ условій, въ которыхъ протекала и протекаетъ жизнь и трудовая дѣятельность фабрично-заводскихъ и горно-заводскихъ рабочихъ». Авторъ дѣлитъ исторію рабочаго вопроса на три періода: первый продолжается съ 1861 г. до половины 80-хъ годовъ когда взаимныя отношенія обѣихъ стороны—предпринимателей и рабочихъ—складывались на почвѣ свободнаго договора, нестѣсняемаго контролемъ со стороны государства; второй, продолжающійся съ половины 80-хъ годовъ, по 1904 г.—періодъ государственнаго вмѣшательства въ отношенія между трудомъ и капиталомъ; наконецъ, третій періодъ—современная борьба рабочаго класса за политическое и экономическое освобожденіе.

Установивъ это дѣленіе—по существу совершенно правильное—авторъ, однако, занялся изслѣдованіемъ только первыхъ двухъ періодовъ, полагая, вѣроятно, что изслѣдованіе третьяго періода—дѣло будущаго. Съ такою постановкою, однако, нельзя согласиться. Настоящее рабочее движеніе имѣетъ свои корни въ довольно отдаленномъ прошломъ и всецѣло связано со вторымъ періодомъ исторіи рабочаго вопроса. Всѣ наиболѣе крупныя мѣропріятія правительства въ области фабричнаго законодательства имѣютъ совершенно одинаковое происхожденіе—протестъ рабочихъ противъ того безправія, въ которомъ они находились. Извѣстно, что такіе законы, какъ объ учрежденіи института фабричныхъ инспекторовъ, о нормальномъ рабочемъ днѣ, о вознагражденіи за увѣчья и смерть рабочихъ были изданы подъ давленіемъ рабочихъ, устраивавшихъ грандіозныя стачки, послѣ которыхъ всегда появлялся какой-нибудь важный законъ. Слѣдовательно, связь двухъ послѣднихъ періодовъ рабочаго движенія несомнѣнна, и если нельзя еще говорить о результатахъ настоящей борьбы рабочаго класса, то и оставить безъ выясненія исторію и происхожденіе этой борьбы въ общемъ очеркѣ положенія рабочихъ, значитъ—выполнить задачу лишь наполовину. Это станетъ понятно, если мы обратимся къ содержанію книги г. Пажитнова. Она состоитъ изъ трехъ частей: первыя двѣ части посвящены характеристикѣ положенія фабрично-заводскихъ рабочихъ за періоды отъ 1861 г. до половины 80-хъ годовъ и отъ половины 80-хъ годовъ до 1904 г.; третья часть, занимающая почти половину книги—такой же характеристикѣ положенія горно-заводскихъ рабочихъ за оба періода. Во всѣхъ трехъ частяхъ авторъ довольно обстоятельно изслѣдовалъ экономическое положеніе рабочихъ и условія ихъ труда. Онъ подробно говоритъ о продолжительности рабочаго дня, заработной платѣ, санитарныхъ условіяхъ на фабрикахъ и заводахъ, о жилищахъ рабочихъ, о врачебной помощи, несчастныхъ случаяхъ и мѣрахъ предосторожности противъ нихъ, о внутреннихъ распорядкахъ на фабрикахъ и заводахъ, о без-

правіи рабочихъ, объ условіяхъ найма и т. п. Все это описано авторомъ съ большой обстоятельностью и полнотою; г. Пажитновъ не пожалѣлъ труда и использовалъ всю литературу, какая въ этомъ отношеніи извѣстна въ этой области: онъ воспользовался данными земскихъ санитарныхъ изслѣдованій фабрикъ и заводовъ, отчетами фабричныхъ инспекторовъ, официальными отчетами министерства финансовъ, массою журнальныхъ статей, трудами разныхъ съѣздовъ, отчетами санитарныхъ врачей и цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ сочиненій. Но этимъ собственно говоря и исчерпывается достоинство книги, такъ какъ дальше фактовъ, почерпнутыхъ изъ названныхъ источниковъ, авторъ не идетъ. Рабочее движеніе, которымъ отмѣченъ весь второй періодъ исторіи рабочаго класса въ Россіи, авторомъ почти не затронута. Хотя онъ и говоритъ о нѣкоторыхъ стачкахъ, происходившихъ въ разное время, но прибѣгаетъ къ этому лишь для характеристики положенія дѣлъ въ данное время, и не устанавливаетъ никакой связи описываемыхъ стачекъ съ общимъ рабочимъ движеніемъ. Благодаря этому, и характеристика правительственныхъ мѣропріятій по рабочему вопросу, приводимыхъ авторомъ, получаетъ неправильное освѣщеніе. Такъ, напримѣръ, говоря объ извѣстныхъ законахъ о нормальномъ рабочемъ днѣ (1897 года) и о вознагражденіи потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ, авторъ ни словомъ не упоминаетъ о томъ, что эти законы были изданы подъ давленіемъ самихъ рабочихъ, устроившихъ въ 1896 и 1902 годахъ цѣлый рядъ грандіозныхъ стачекъ, вынудившихъ правительство пойти на уступки. Не объяснивъ настоящаго происхожденія этихъ законовъ, авторъ можетъ создать у читателя совершенно неправильное представленіе о правительственной политикѣ въ рабочемъ вопросѣ. Вообще, въ области фабричнаго законодательства авторъ допустилъ много пробѣловъ: онъ не только не выдѣлилъ этого отдѣла въ особую главу, но даже обошелъ молчаніемъ многіе крупные законы, какъ, напримѣръ, законы 1882—84 годовъ о фабричной инспекціи, объ ограниченіи труда женщинъ и дѣтей и объ обученіи малолѣтнихъ рабочихъ,—объ остальныхъ же законахъ говоритъ лишь мимоходомъ, часто оставляя ихъ безъ критики и совершенно умалчивая объ общемъ характерѣ правительственной политики въ рабочемъ вопросѣ. Положеніе рабочихъ охарактеризовано авторомъ также не во всѣхъ отношеніяхъ: авторъ ни словомъ не обмолвился объ образованіи рабочихъ, о вліяніи грамотности на производительность труда и размѣръ заработка, о школахъ и курсахъ для рабочихъ и стремленіи рабочихъ къ самообразованію, а между тѣмъ эти вопросы имѣютъ тѣсную связь съ рабочимъ движеніемъ. Политическое движеніе среди рабочихъ оставлено авторомъ совершенно безъ вниманія, хотя оно находится въ неразрывной связи съ движеніемъ экономическимъ: начиная съ извѣстной всеобщей стачки 1903 года, ни одно крупное стачечное движеніе необходилось безъ предъявленія политическихъ требованій, а извѣстныя рабочія организаціи семидесятыхъ годовъ имѣли почти исключительно политическій характеръ. Совершенно непонятнымъ представляется умолчаніе автора о движеніи 9-го января, представляющимъ поворотный пунктъ въ исторіи рабочаго класса въ Россіи, и о профессіональномъ движеніи, которымъ всецѣло охвачены рабочіе съ начала 1905 г. Вѣдь все это произошло за полтора года до появленія книги г. Пажитнова, и умолчаніе о такихъ огромныхъ явленіяхъ дѣлаетъ книгу устарѣвшею съ перваго же дня ея появленія. Развѣ исторія коммиссіи г. Шидловскаго и поведеніе рабочихъ въ отношеніи къ ней не служитъ яркой характеристикой гигантскаго роста самосознанія рабочихъ и ихъ политической зрѣлости—съ одной стороны, и рѣзкаго поворота во взглядахъ правительства на рабочихъ, какъ на классовую силу—съ другой? Вѣдь въ одномъ этомъ эпизодѣ, какъ въ фокусѣ отразился весь характеръ переживаемой нами эпохи.

Если авторъ находилъ интереснымъ говорить о правительственныхъ проектахъ урегулированія отношеній между трудомъ и капиталомъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, то непонятно, почему онъ не пожелалъ остановиться надъ такими современными мѣропріятіями правительства какъ насажденіе зубатовщины, или всевозможные законопроекты по рабочему вопросу, обсуждавшіеся въ коммиссіи г. Коковцева въ 1905 г. Правда, большинство отмѣченныхъ нами пробѣловъ сдѣланы авторомъ сознательно—потому что онъ довелъ свое изслѣдованіе только до 1904 года и слѣдовательно не включилъ третьяго періода исторіи рабочаго класса въ программу своей работы, но въ такомъ случаѣ названіе его книги не вполнѣ соотвѣтствуетъ ея содержанію. Какъ бы то ни было, однако трудъ г. Пажитнова заслуживаетъ вниманія не только въ качествѣ первой попытки дать обстоятельный очеркъ положенія русскихъ рабочихъ, но и какъ литературное произведеніе вообще, такъ какъ авторомъ обнаружено довольно хорошее знакомство съ литературой предмета и умѣнье пользоваться доброкачественнымъ литературнымъ матеріаломъ.

Ю. Лавриновичъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го іюля по 15-е августа 1906 г.).

Стенографическій отчетъ Государственной Думы I-я сессія. Спб. 1906. Ц. —

З. Н. Гиппіусъ. Алый мечъ. Разсказы (4-я книга). Спб. 1906. Изд. М. Пирожкова. Ц. 2 р. —

П. Ларенко. Страдные дни Портъ-Артура. Въ 2-хъ част., ч. II. Спб. 1906. Изд. П. Артемьева. Ц. 2 р. 50 к.

Г. Галина. Предразсвѣтныя пѣсни. Спб. 1906. Изд. М. Пирожкова. Ц. 1 р. —

Ст. Пшибышевскій. Заупокойная месса. кн. 4-я. Москва. 1906. Книгоизд. «Скорпіонъ». Ц. 1 р. —

З. Красинскій. Небожественная комедія. Москва. 1906. Книг. то-же Ц. 60 к.

Д. Боханъ. Изъ польской поэзіи. Минскъ. 1906. Изд. Э. Амброшкевича. Ц. 60 к.

Е. Ловецкая. Въ деревнѣ. Разсказы. Спб. 1906. Ц. 75 к.

Софія Ковалевская. Нигилистка Ром. эпохи 60—70 г. М. 1906. Изд. П. Кохманскаго. Ц. 60 к.

М. Ольминскій. Свобода печати. Спб. 1906. Изд. Т-ва «Знаніе». Ц. 12 к.

Г. Плехановъ. 14-е декабря 1825 года. Рѣчь. Спб. 1906. Изд. «Библ. для всѣхъ». Ц. 8 к.

Его-же. В. Г. Бѣлинскій. Рѣчь. Спб. 1906. Изд. то-же. Ц. 10 к.

М. В. Довнаръ-Запольскій. Идеалы декабристовъ. Москва. 1906. Изд. Т-ва Сытина. Ц. 1 р. 25 к.

В. Лункевичъ. Н. К. Михайловскій. Характ.—Эскизъ. Москва. 1906. Книгоизд. «Молодая Россія». Ц. 25 к.

Н. Граціановъ. Народные университеты въ Зап. Евр., Сѣв. Ам. и въ Россіи. Нижн.-Новгородъ. 1906. Изд. «Сѣятель», Ц. 10 к.

Отчетъ О-ва по устройству народн. чтеній въ гор. Тамбовѣ и Тамб. губерніи за 1904 г. Тамбовъ. 1906. —

Уставъ О-ва Взаимнопомощи русскихъ изобрѣтателей въ Спб-ѣ. Спб. 1906.

Н. С. Шайжинъ. Олонецкій фольклоръ. Былины. Петрозаводскъ. 1906. Ц. 40 к.

В. Нифонтовъ. О видахъ Русскаго глагола. Пособ. для учащ. Юрьевъ. 1906. Ц. 25 к.

Л. Де-Бофронъ. Сущность и будущее идеи международнаго языка. Мелитополь. 1906. Ц. 30 к.

И. А. Вернеръ. Городское самоуправленіе въ Россіи. Москва. 1906. Изд. Скоропечатни. А. Левенсонъ. Ц. 10 к.

Р. Кресинъ. Еврейскій вопросъ съ точки зрѣнія дѣйствительн. интересовъ русскаго народа. Харьковъ. 1906. Изд. автора. Ц. 15 к.

Н. К. Кольцовъ. Памяти павшихъ. Жертвы изъ среды москов. студенчества въ октябр. и декабр. дни. Москва. 1906. Ц. 50 к.

Д. Багницкій. Русско-Польскій общ. договоръ. Спб. 1906. Ц. 10 к.

И. Х. Озеровъ. Нужды рабочаго класса въ Россіи. Москва. 1906. Изд. Т-ва Сытина. Ц. 15 к.

И. М. Любомудровъ. Введеніе въ исторію метафизики. Ковровъ. 1906. Изд. Бр. Гусевыхъ. Ц. 15 к.

К. Diehl—проф. Кенигсб. ун-та. Соціализмъ, коммунизмъ и анархизмъ. I. Сущность и главныя направленія соціализма. Одесса. Изд. «Живое Слово». Ц. 6 к.

Д-ръ Цадекъ. Рабочій день и вырожденіе. Н.-Новгородъ. Изд. «Сѣятель». Ц. 5 к.

Абр. Круковскій. Характеръ творчества. Ибсена. Вильна. 1906. Изд. «Свободное Слово». Ц. 10 к.

Нижегородскій. Упадокъ православія въ Россіи. Екатеринбургъ. 1906. Ц. 7 к.

Е. Тарле. Роль студенчества въ революц. движеніи въ Европѣ въ 1848 г. Спб. Изд. «Свободный Трудъ». Ц. 8 к.

И. Ф. Масановъ. Библіографія сочиненій. А. П. Чехова. Москва. 1906. Ц. —

Поль Луи. Будущее соціализма. Спб. 1906. Книгоизд. «Дѣло». Ц. 60 к.

В. Блосъ. Французская революція. Пер. Н. Тютчева. Спб. 1906. Изд. «Паллада». Ц. 65 к.

Новая Правда. Кн. 8-я. Революціон. силуэты. (Первомартовцы). Спб. 1906. Изд. И. Балашова. Ц. 10 к.

Алекс. Бѣлозеровъ. Пѣсни борьбы и свободы. Н-Новгородъ. 1906. Ц. 10 к.

А. О. Киселевъ. Оренбургскій вольный университетъ. Оренбургъ. 1906. Ц. 10 к.

Д-ръ Ст. Высотскій. О постановкѣ средней школы. Варшава. 1906. Ц. 20 к.

Проф. Н. А. Умовъ. Эволюція живого и

задача пролетаріата. Мысли и воли. Москва. 1906. Изд. «Творческая Мысль». Ц. 30 к.

С. С. Красовскій. О языкахъ и нравахъ. Опытъ отыскиванія законовъ слова. Вып. I. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Николай К—ій. Стихотворенія. Вятка. 1906. Изд. автора. Ц. 20 к.

В. В. Шарвинъ. Какъ создается наука. Москва. 1906. Ц. 50 к.

С. М. Веллеръ. О міровомъ Эфирѣ. Тифлисъ. 1906. Ц. 30 к.

Д. Вейсманъ. Сіонизмъ и конституціонная Россія. Спб. 1906. Ц. 10 к.

И. П. Бѣлоконскій. За что и почему. Разск. Ростовъ н/Д. Изд. Донская Рѣчь. Ц. —

Его-же. Фета. Разск. Ростовъ н/Д. 1906. Изд. Донская Рѣчь. Ц. 3 к.

Его-же. Отъ деревни до Парламента. Ростовъ. н/Д. Изд. то же. Ц. 6 к.

Пятый годъ дѣятельности «Маяка». Спб. 1906. Ц. —

А. Нечволодовъ. Отъ разоренія къ достатку. Спб. 1906. Ц. 80 к.

Өедоръ Езерскій. Учебникъ счетоводства. Спб. 1906. Ц. 75 к.

Н. Новомбергскій. Матеріалы по исторіи медицины въ Россіи. Т. III, ч. II. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Алекс. Калантаръ. Аграрныя проблеммы. Тифлисъ. 1906. Ц. 10 к.

Г. П. Задѣра. Л. Н. Толстой о медицинѣ и врачахъ. Спб. 1906. Изд. лит.-мед. журнала. Ц. 40 к.

Смѣтныя назначенія уѣздн. земствъ Тверск. губ. на 1906 г. Тверь. 1906.

А. И. Шершенко. Правовое и экономическое положеніе иногороднихъ на Сѣв. Кавказѣ. Екатеринодаръ. 1906. Ц. 1 р.

П. Н. Соковнинъ. Культурный уровень крестьянск. полеводства на надѣльн. землѣ. Спб. 1906. Ц. 2 р. 50 к.

Сводъ товарныхъ цѣнъ на главн. русск. и иностран. рынкахъ за 1905 г. Спб. 1906. Изд. М-ва торг. и промышленности.

Численность и составъ рабочихъ въ Россіи. Т. I и II. Спб. 1906. Подъ ред. Н. Тройницкаго. Ц. —

С.-Петербургскіе городскіе избиратели. Общіе и поразрядн. списки 1907—1913 гг. Спб. 1906.

Книгоизд. «Молодая Россія». Москва. 1906. Нужда крестьянская.—А. Зиминъ. Ц. 5 к. О безработицѣ.—Дм. Самойловъ. Ц. 7 к.

Книгоизд. «Свободная Земля». Спб. 1906. № 1, вып. I. Правительство и Дума.—С. Я. Ц. 5 к. № 1, вып. II. Крестьяне послѣ освобожденія.—В. С. Голубевъ. Ц. 7 к. № 2. Откуда произошла частная собственность на землю.—Л. Э. Шишко. Ц. 8 к. № 3. Духовенство и народъ.—В. Рюминскій. Ц. 8 к.

Книгоизд. «Новая Правда». Спб. 1906. Кн. 10-я Ф. С. Чего ждетъ отъ насъ Государственная Дума. Ц. 1 к.; кн. 9-я Ф. С. Чего мы ждемъ отъ Думы. Ц 1 к.; кн. 7-я К. О. Рылѣевъ-Войнаровскій. Поэма. Ц. 10 к.

Книгоизд. Е. Мягкова. «Колоколъ». Спб. 1906. А. М. Саймонсъ.—Американскій фермеръ. Ц. 30 к.; А. Безродный.—Ткачи. Повѣсть. Ц. 25 к.; В. Зомбартъ.—Фридрихъ Энгельсъ 1820—1895 г. Ц. 8 к.; Объ анархизмѣ. Пер. М. Переса. Ц. 15 к.; В. Торгашевъ.—Рабочіе секретаріаты. Ц. 5 к.; Д-ръ Арнольдъ Дорель.—Моисей или Дарвинъ. Ц. 25 к.; Карлъ Каутскій.—Интеллигенція и соціалъ-демократія. Ц. 10 к.; Б. Торгашевъ.—Профессіональные союзы во Франціи. Ц. 8 к. Вильгельмъ Элленбогенъ.—Чего хотятъ соціалъ-демократы? Ц. 30 к.; Stanislas le Char.—Ледоходъ. Ц. 40 к.; Орловъ.—Новое ученіе о государствѣ. Ц. 15 к.; А. Дивильковскій.—Нынѣшнее крѣпостное право. Ц. 15 к.

Дешевая библіотека Товарищества «Знаніе». Спб. 1906 г.:

М. Горькій: № 1. Пѣсня о соколѣ. Пѣсня о буревѣстникѣ. Легенда о Марко. Ц. 2 к. № 2. Человѣкъ. Ц. 2 к. № 3. Макаръ Чудра. Ц. 3 к. № 4. О чижѣ, который лгалъ и о дятлѣ любителѣ истины. Ц. 2 к. № 5. Емельянъ Пиляй. Ц. 3 к. № 6. Дѣдъ Архипъ и Ленька. Ц. 5 к. № 7. Челкашъ. Ц. 7 к. № 8. Старуха Изергиль. Ц. 5 к. № 9. Однажды осенью. Ц. 3 к. № 10. Мой спутникъ. Ц. 6 к. № 11. Дѣло съ застежками. Ц. 3 к. № 12. На плотахъ. Ц. 3 к. № 13. Волесь. Ц. 2 к. № 14. Тоска. Ц. 10 к. № 15. Коноваловъ. Ц. 10 к. № 16. Ханъ и его сынъ. Ц. 2 к. № 17. Супруги Орловы. Ц. 12 к. № 18. Бывшіе люди. Ц. 12 к. № 19. Озорникъ. Ц. 5 к. № 21. Товарищи. Ц. 4 к. № 22. Въ степи. Ц. 3 к. № 23. Мальва. Ц. 10 к. № 24. Ярмарка въ Голтвѣ. Ц. 3 к. № 25. Зазубрина. Ц. 3 к. № 26. Скуки ради. Ц. 5 к. № 27. Каинъ и Артемъ. Ц. 6 к. № 28. Дружки. Ц. 4 к. № 29. Проходимецъ. Ц. 7 к. № 30. Кирилка. Ц. 3 к. № 31. Васька красный. Ц. 5 к. № 32. Двадцать шесть и одна. Ц. 5 к. № 33. Разсказъ Филиппа Васильевича. Ц. 5 к. № 34. Тюрьма. Ц. 3 к.

Скиталецъ: № 41. Стихотворенія. Кн. I. Ц. 5 к. № 42. Стихотворенія. Кн. II. Ц. 6 к. № 43. Сквозь строй. Ц. 12 к. № 44. За тюремной стѣной. Ц. 5 к. № 45. Октава. Ц. 12 к.

Л. Андреевъ: № 51. Набатъ. Ц. 2 к. № 53. Молчаніе. Ц. 3 к. № 54. Валя. Ц. 3 к. № 55. На рѣкѣ. Ц. 4 к. № 56. Въ подвалѣ. Ц. 3 к. № 57. Петька на дачѣ. Ц. 3 к. № 58. У окна. Ц. 5 к. № 59. Жили-были. Ц. 5 к. № 60. Въ темную даль. Ц. 4 к.

С. Гусевъ-Оренбургскій: № 61. Омётъ.

Ц. 3 к. № 62. Конокрадъ. Ц. 2 к. № 63. Миша. Ц. 2 к. № 64. Послѣдній часъ. Ц. 6 к. № 65. На родину. Ц. 4 к. № 66. Сквозь преграды. Ц. 2 к. № 67. Кахетинка. Ц. 3 к. № 68. Бѣдный приходъ. Ц. 2 к. № 69. Злой духъ. Ц. 4 к. № 70. Жалоба. Ц. 5 к. № 111. Въ приходѣ. Ц. 12 к.

А. Серефимовичъ: № 71. Въ камышахъ. Ц. 3 к. № 72. Месть. Ц. 4 к. № 73. На льдинѣ. Ц. 4 к. № 75. Ночью. Ц. 3 к. № 76. Сцѣпщикъ. Ц. 3 к. № 77. На заводѣ. Ц. 5 к. № 78. Подъ землей. Ц. 6 к. № 79. Подъ уклонъ. Ц. 3 к.

А. Купринъ: № 81. Дознаніе. Ц. 3 к.

Н. Телешовъ: № 82. Пѣснь о трехъ юношахъ. Ц. 3 к. № 83. Противъ обычая. Ц. 3 к. № 84. Домой. Ц. 3 к. № 85. Хлѣбъ-соль. Ц. 3 к.

С. Елпатьевскій: № 86. Спирька. Ц. 8 к. № 87. Пожалѣй меня. Ц. 2 к. № 88. Присяжнымъ засѣдателемъ. Ц. 3 к.

Ив. Бунинъ: № 89. Стихотворенія. Ц. 4 к.

К. Бальмонтъ: № 90. Стихотворенія. Ц. 8 к.

С. Юшкевичъ: № 91. Невинные. Ц. 4 к. № 92. Убійца. Ц. 3 к. № 93. Кабатчикъ Гейманъ. Ц. 7 к. № 96. Евреи. Ц. 30 к.

Е. Чириковъ: № 100. Евреи. Ц. 12 к.

Августъ Бебель: № 204. Интеллигенція и соціализмъ. Ц. 5 к.

Карлъ Марксъ: № 210. Къ еврейскому вопросу. Ц. 10 к. № 272. Либералы у власти. Ц. 8 к. № 273. Передъ судомъ присяжныхъ въ Кельнѣ. Ц. 10 к.

Августъ Бебель: № 211. Профессіональное движеніе и политическія партіи. Ц. 5 к.

Фридрихъ Энгельсъ: № 271. Статьи 1871—1875 г.г. Ц. 12 к.

Карлъ Каутскій: № 287. Этика и матеріалистическое пониманіе исторіи. Ц. 20 к.

М. Ольминскій: № 302. Права Государственной Думы. Ц. 5 к.

С. Михайловичъ: № 303. Что такое рабочая партія Ц. 3 к.

Л. Клейнбортъ: № 304. О партіяхъ и партійности. Ц. 5 к.

О. Сомовъ: № 306. Справедливый налогъ. Ц. 12 к.

Л. Клейнбортъ: № 309. Русскій имперіализмъ въ Азіи. Ц. 8 к.

ОТВѢТЪ г. БУРЕНИНУ.

Извѣстный г. Буренинъ выступилъ противъ насъ съ новой бранью: это не ново, такъ какъ онъ давно присвоилъ себѣ привиллегію не полемизировать, а именно лишь браниться. Г-нъ В. Буренинъ прибѣгалъ къ такимъ пріемамъ, напримѣръ, какъ издѣвательство надъ моими инціалами: ему не нравится, что я подписываюсь черезъ ѳиту, и онъ изощрялъ свое остроуміе въ томъ, чтобы величать меня то Ѳедотомъ, то Ѳедоромъ и т. п.—Есть еще много именъ на ѳиту: Ѳеоктистъ, Ѳаддей, Ѳеофилактъ, Ѳеодосій, Ѳеофанъ и проч., и проч. Мнѣ рѣшительно все равно, какія бы предположенія ни высказывалъ г. Буренинъ о моемъ имени, которое я отнюдь не обязанъ выставлять полностью передъ фамиліей, ему въ угоду, но элементарная порядочность давно осудила пріемъ глумленія надъ именемъ, каково бы оно ни было. Конечно, г. Буренинъ съ этимъ не считается. Извѣстному г. Буренину, повидимому, не нравится, что я отказался отъ каѳедры и оставилъ профессуру, послѣ того, какъ нѣсколько лѣтъ преподавалъ въ Университетѣ: разумѣется, я никому не обязанъ давать отчета о мотивахъ моего выхода изъ Университа и перерыва въ научныхъ занятіяхъ; въ побужденіяхъ личной совѣсти никто посторонній не судья, и непрошенному обличителю можно лишь отвѣтить, что его поступокъ не только безтактенъ, но грубо—пошлъ. Извѣстный г. Буренинъ, всякій разъ что ему не понравится какая-нибудь статья въ журналѣ, обрушивается съ бранью на члена редакціи, что, конечно, легче, чѣмъ вести полемику съ авторомъ статьи; окольный путь даетъ возможность браниться голословно, за спиной другого человѣка, и избрать болѣе безопасную позицію, чтобы выливать ушаты помоевъ, которые такъ любитъ собирать г. Буренинъ. Наконецъ, извѣстный г. Буренинъ вздумалъ укорять меня моей «безвѣстностью». Я дорожу мнѣніемъ немногихъ, знающихъ меня, и склоненъ, наоборотъ, очень гордиться безвѣстностью, сравнительно съ «извѣстностью» самого г. Буренина. Эта извѣстность весьма давняя, и еще въ 80-хъ годахъ было сложено знаменитое четверостишіе о нѣкоторомъ происшествіи на Невскомъ — съ собакой, г. Буренинымъ и городовымъ... Извѣстно также, что г. Буренинъ подвергался довольно рѣшительнымъ мѣрамъ обороны противъ «укусовъ», и даже былъ увѣковѣченъ въ не особенно выгодной для него позѣ? Мы отнюдь не оправдываемъ такихъ пріемовъ, къ сожалѣнію, практиковавшихся у насъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, и даже позже. И на брань мы не умѣемъ отвѣчать бранью. Оставляемъ для этого милаго развлеченія поле открытымъ г-ну Буренину. Считаемъ излишнимъ перечислять здѣсь и всѣ, слишкомъ многочисленные случаи, грубаго и глубоконесправедливаго издѣвательства г. В. Буренина надъ весьма почтенными и даже надъ выдающимися писателями. Когда-то онъ сумѣлъ прочесть Тургенева и преклониться передъ Толстымъ. Едвали этимъ не исчерпываются критическія «за-

слуги» г. Буренина передъ русской литературой. Но увидѣть солнце на небѣ—не такая уже трудность. Всю новѣйшую литературу г. Буренинъ основательнѣйшимъ образомъ проморгалъ. А сколько мусору, грязи, сальностей, брани и пошлости наворотилъ на столбцахъ «Нов. Вр.» тотъ, кого г. Дорошевичъ такъ мѣтко назвалъ палачемъ изъ подвальнаго этажа «досточтимой газеты»... Въ своемъ воинственномъ азартѣ г. Буренинъ отказываетъ даже Богу въ правѣ на всепрощенье,.. Брань извѣстнаго г. Буренина ничуть насъ не волнуетъ. Но между бранью и оскорбленіями—едва уловимая черта. Переходъ ея опасенъ. Оскорбленія же я не прощаю ни директору департамента полиціи, ни профессору литературы, ни фискалу, ни палачу, ни литературному блуднику, нижѐ извѣстному г-ну Буренину. Пусть знаетъ.

Ѳ. Батюшковъ.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ.

(Печатается на основ. 138 ст. Улож. о Печати).

Въ редакцію журнала «Міръ Божій».

Въ іюньской книжкѣ Вашего журнала, въ статьѣ «по Россіи», стр. 29, помѣщена замѣтка о «сильномъ броженіи въ 118 п. Шуйскомъ полку», гдѣ «пьяный полковникъ сильно поранилъ солдата шашкой» и т. п. *Ничего подобнаго и никогда во ввѣренномъ мнѣ полку не было.* Никакого «броженія» въ полку нѣтъ. Дисциплина, порядокъ—образцовые. Отношенія между офицерами и солдатами—сердечныя. Въ Красноярскѣ полкъ никогда не стоялъ, а проѣхалъ изъ Манчжуріи, со станціи Хомынь, прямо въ Слонимъ. Черезъ Красноярскъ полкъ проѣхалъ *5-го іюня*. Телеграмма корреспондента «Думы», такимъ образомъ, совершенно невѣрна и завѣдомо ложно опорочиваетъ мой полкъ. Прошу это опроверженіе помѣстить въ Вашемъ журналѣ.

Командиръ полка Полковникъ *Россійскій*.

Полковой адъютантъ Штабсъ-Капитанъ *Рудковичъ*.

От Редакціи. Извѣстіе о случаѣ въ Шуйскомъ полку было передано корреспондентомъ «Думы» и затѣмъ обошло всѣ газеты, не вызвавъ опроверженія. Помѣстивъ его въ ряду другихъ подобныхъ же событій изъ военной среды, спустя почти мѣсяцъ, мы не имѣли никакихъ основаній не довѣрять «Думѣ». Печатая теперь настоящее опроверженіе, мы думаемъ, что, своевременно опровергнувъ въ газетахъ сообщеніе «Думы», полковой командиръ избавилъ бы и насъ отъ помѣщенія невѣрнаго сообщенія на страницахъ нашего журнала.

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова**. Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ**.

Глава XVII.

Катрину похоронили на сельскомъ кладбищѣ, недалеко отъ имѣнія Говардовъ. Молли не стала терять даромъ времени, и вечеромъ въ день возвращенія Теклы отправилась къ м-ссъ Говардъ и подробно разсказала ей обо всемъ.

— Конечно, надо позаботиться о ней,— сказала м-ссъ Говардъ. — Пожалуйста, Молли, сдѣлайте нужныя распоряженія, позаботьтесь обо всемъ. Расходы я беру на себя. Скажите Майку, чтобы онъ сегодня же вечеромъ съѣздилъ за гробовщикомъ, да кстати привезъ бы и доктора, надо исполнить формальности. Пусть Майкъ переговоритъ съ нашимъ викаріемъ. Надо попросить его, чтобъ онъ пришелъ завтра утромъ или прислалъ бы своего помощника.

— Не найдется - ли у васъ какойнибудь работы для дочки?

— Сколько ей лѣтъ?

— Скоро минетъ шестнадцать, но она очень рослая и сильная для своихъ лѣтъ. Я никуда не гожусь въ сравненіи съ нею.

— Она хорошая дѣвушка, Молли?

— Я видѣла ее всего два раза, м-ссъ Говардъ, и она очень понравилась мнѣ. Она такая опрятная, здоровая, просто прелесть. И веселая притомъ.

— Справится-ли она со стиркою?

— Навѣрное.

— Хорошо, я исполню вашу просьбу, возьму эту дѣвушку.

На слѣдующее утро въ ворота въѣхали дроги и остановились около домика привратницы. Гробовщикъ и Майкъ вдвоемъ вынесли простой черный гробъ и поставили его на дроги. Затѣмъ изъ домика вышелъ викарій съ молитвенникомъ въ рукахъ, за нимъ слѣдовали Молли и Текла. До кладбища было не далеко и всѣ пошли пѣшкомъ за гробомъ. Черезъ каменныя полуобвалившіяся ворота дроги направились на кладбище, и, проѣхавъ немного по заросшей травой дорогѣ, остановились возлѣ только что вырытой могилы. Гробъ подняли съ дрогъ и опустили на веревкахъ въ глубокую яму. Викарій прочелъ погребальныя молитвы. Его молодой, мелодичный голосъ звучалъ особенно хорошо подъ открытымъ небомъ. Со всѣхъ сторонъ доносилось щебетаніе птицъ. Легкій вѣтерокъ пробѣгалъ, шелестя по засохшей травѣ, вѣткамъ кустовъ и листьямъ тополя. По дорогѣ, за оградой кладбища проѣхала телѣга и Текла вспомнила вчерашняго возницу, такъ охотно вызвавшагося помочь въ ея горѣ. Вспомнила она, какъ мать спала у нея на колѣняхъ, какъ прижималъ Карлъ къ своей груди ея сѣдую голову, гладилъ и цѣловалъ ее. Живо представила она себѣ желтенькій домикъ на улицѣ Ванъ-Бюренъ, отца за работой въ своемъ садикѣ и мать съ безконечнымъ вязаніемъ на крылечкѣ. Ей стало невыразимо тяжело. Всѣ побросали на гробъ по пригоршни земли, Текла не выдержала, обняла Молли и отошла отъ могилы.

На новомъ мѣстѣ Теклѣ жилось отлично. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и она вдругъ прихворнула но быстро поправилась и не сообразила даже, что съ ней произошло. О матери она горевала недолго и вскорѣ утѣшилась. Весело распѣвала она за работою и такъ надоѣла, наконецъ, своимъ пѣніемъ ворчливой кухаркѣ, что та приказала ей замолчать и не мѣшать ей своимъ крикомъ.

Она была въ большой дружбѣ со всѣми конюхами и этимъ возстановила противъ себя одну изъ горничныхъ, которая стала распускать про нее разныя сплетни. Старика садовника Текла удивляла своими познаніями въ садоводствѣ и онъ скучалъ, если она не заходила къ нему поболтать послѣ работы. Она ходила гулять съ Молли и часто ѣздила въ городъ съ Майкомъ. Всѣ ея мечты о будущемъ сосредоточивались на отцѣ. Она все чаще и чаще призадумывалась о томъ, что ей предпринять, когда его выпустятъ изъ тюрьмы. Она мечтала получить, какъ Молли, мѣсто привратницы, взять къ себѣ отца и дать ему возможность ухаживать за своимъ собственнымъ садикомъ.

— Мнѣ бы хотѣлось пристроиться здѣсь гдѣ-нибудь по близости, — говорила она Молли.—Не хотѣлось бы уѣзжать далеко отъ ея могилки.

— Можетъ быть, м-ссъ Говардъ по-

рекомендуетъ васъ кому-нибудь. Тутъ много помѣстій. Я поговорю съ нею какъ нибудь объ этомъ.

Итакъ, Текла была счастлива. Надежда на свѣтлое будущее, веселые разговоры съ конюхами, общество добраго старика садовника, Майка и Молли вполнѣ удовлетворяли ее. Ей было необходимо любить кого-нибудь, безъ этого она не могла быть счастлива и потому-то она такъ и мечтала поселиться вмѣстѣ съ отцомъ. Какъ мало она требовала отъ жизни!

Какъ-то разъ, возвращаясь вечеромъ съ кладбища, она почувствовала острую боль въ боку. Боль была настолько сильна, что у нее захватило дыханіе и она принуждена была присѣсть на дорогѣ. Уже нѣсколько разъ ощущала она эту боль, но не въ такой сильной степени. Боль не утихла еще совсѣмъ, когда она вернулась къ Молли.

— Мнѣ какъ-то не по себѣ,—испуганно сказала она.

— Вы больны, Текла? Вы такъ поблѣднѣли.

— У меня ужасныя боли. Онѣ начались вдругъ и вотъ до сихъ поръ не проходятъ. — Она провела рукой по платью и вопросительно взглянула на Молли.—Какъ вы думаете, что такое со мною?

— Вы бы лучше сказали экономкѣ, что вы больны и попросили бы доктора прописать вамъ какое-нибудь лѣкарство, хотя сама я не очень то имъ вѣрю. Обыкновенно у васъ очень хорошій видъ.

Боль прошла и Текла не заикалась болѣе о ней. Черезъ нѣсколько дней боли опять возобновились, но Текла никому ничего не сказала. У нея появилось странное ощущеніе: она чувствовала свое тѣло. Она видѣла, что внутри у нея происходитъ что то, но что именно не понимала. И она инстинктивно молчала.

Прошло довольно много времени, прежде чѣмъ Текла поняла, что съ ней происходитъ. Объяснила ей все Молли, которая сама испытывала тоже, что и Текла. По секрету сообщила она Теклѣ о своей беременности и недовольнымъ тономъ прибавила:

— Я просто въ отчаяніи. Пока мы совсѣмъ не хотѣли имѣть дѣтей.

Тутъ только Текла поняла, что съ ней, и ей вдругъ стало страшно. Она не знала, какъ ей быть. На состраданіе людей нечего было расчитывать, она сама не разъ слышала, какимъ тономъ говорили о дѣвушкахъ-матеряхъ.

Прислуга стала вскорѣ громко дѣлать замѣчанія на счетъ ея измѣнившейся фигуры и даже Молли и Майкъ стали какъ-то странно относиться къ ней. Враждебныя отношенія сильно тревожили и мучили Теклу. Она стала избѣгать людей и положительно теряла голову, не зная, что ей дѣлать. Убѣдившись, что Текла дѣйствительно беременна, ревнивая горничная тотчасъ же отправилась къ экономкѣ и разсказала ей все.

— Никто изъ насъ не будетъ служить съ какою-то дѣвкою,—дерзко заявила она.—Выбирайте между ею и нами. Послѣ этого заявленія экономка обратила особое вниманіе на фигуру Теклы и затѣмъ велѣла позвать ее къ себѣ.

Всегда вѣжливая и любезная съ господами, экономка не стѣснялась въ выраженіяхъ, когда приходилось имѣть дѣло съ прислугою.

— Какъ вы смѣли поступить сюда въ такомъ положеніи,—сказала она презрительно.—По вашему у насъ здѣсь родильный пріютъ, что-ли?

Текла пристально посмотрѣла на экономку, щеки ея пылали, глаза сердито мигали. Не сдержись экономка во время, дотронься до нея хоть однимъ пальцемъ, а у нея такъ и чесались руки отъ желанія ударить Теклу, и между ними неминуемо произошла бы драка.

— Соберите сейчасъ же ваши вещи, я пойду къ м-ссъ Говардъ и доложу ей, что васъ необходимо расчитать.

М-ссъ Говардъ не позволяла ни нанимать, ни расчитывать прислугу безъ ея вѣдома. Она считала себя отвѣтственной за благоденствіе своей прислуги. Она не допускала въ своемъ домѣ гоненій и несправедливостей, но дальше прописной морали она не шла. Какъ у всякой богатой, свѣтской женщины,

у нея было много общественныхъ обязанностей и потому она зачастую полагалась на отзывы о прислугѣ своей экономки. Она была очень огорчена, узнавъ о несчастіи, постигшемъ ея веселую, быстроглазую прачку. Вся эта исторія была ей очень непріятна: м-ссъ Говардъ не любила вмѣшиваться въ подобныхъ случаяхъ, да кромѣ того досадно было лишиться такой хорошей работницы.

— Я сама поговорю съ нею,—сказала она.—Пришлите ее ко мнѣ, м-ссъ Уэлльсъ.

М-ссъ Говардъ была очень занята: съ минуты на минуту ожидала она пріѣзда гостей изъ Нью-Іорка. Какъ только Текла вошла въ ея уборную, она тотчасъ приказала горничной уйти и заговорила вслѣдъ затѣмъ мягкимъ, ровнымъ голосомъ:

— Я очень огорчена, моя милая. Я считала васъ такой хорошей дѣвушкой и желала, чтобъ вы остались служить у меня.

Весь гнѣвъ Теклы моментально пропалъ. Глаза ея наполнились слезами. Она молча стояла, опустивъ голову, вся фигура ея дышала грустью.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали? Развѣ вы не знаете, какъ это дурно и стыдно? Вы такъ еще молоды, только что начинаете жить. Если бы не этотъ позоръ, вы съ вашей красотою и здоровьемъ...

М-ссъ Говардъ, вдругъ, не докончивъ фразы, замолчала. Дѣвушка положительно интересовала ее, и хотя смутно становилась понятна ея психологія.— Вашъ любовникъ служитъ у насъ?— спросила она.

Удивленная такимъ прямымъ вопросомъ, Текла подняла голову, и, встрѣтивъ устремленный на нее дружелюбный взглядъ, отрицательно покачала головою.

— Скажите же мнѣ, кто онъ? Если мнѣ удастся его розыскать, я заставлю его жениться на васъ.

Щеки Теклы горѣли лихорадочнымъ румянцемъ. Она утерла рукавомъ слезы и опустила глаза.

— Вы не хотите мнѣ сказать?

— Я... я не знаю.

М-ссъ Говардъ не повѣрила ей и рѣшила, что Текла лжетъ.

— Удивительно сколько эти дѣвушки готовы вынести и перестрадать, лишь бы не выдать бросившихъ ихъ возлюбленныхъ,—подумала она, взглянула на часы и сказала разсѣянно:

— Очень жаль. Вы пріѣхали сюда, кажется, изъ Нью-Іорка? Лучше всего для васъ вернуться въ городъ и переговорить съ нимъ. Быть можетъ, онъ согласится жениться на васъ. Если же онъ откажется, отправляйтесь въ пріютъ для беззащитныхъ дѣвушекъ. Вы знаете, гдѣ онъ помѣщается?

— Да, мадамъ.

— Вотъ и отлично. Уходъ за вами будетъ великолѣпный.

Черезъ полчаса Текла вышла изъ дому. Въ рукахъ у нея былъ небольшой узелокъ. Не желая встрѣтиться съ Молли, она пересѣкла лужайку, пробралась лѣсомъ до изгороди и перелѣзла черезъ нее. Очутившись на проѣзжей дорогѣ, Текла машинально отправилась въ Сигъ-Сингъ. Только отецъ оставался у нея теперь, но скоро у нея будетъ еще и ребенокъ. Немудрено, что ее влекло къ тюрьмѣ, гдѣ томился единственный дорогой ей человѣкъ.

Я не стану подробно останавливаться на послѣдующихъ мѣсяцахъ, въ теченіе которыхъ она постоянно мѣняла мѣста. Въ приличныхъ домахъ никто не соглашался нанять ее. Она прожила всю зиму въ Сингъ-Сингѣ, зарабатывая деньги мытьемъ половъ въ очень подозрительныхъ притонахъ. Она охотно ходила стирать и взамѣнъ ее кормили и давали пріютъ на ночь. Если не было работы, она просила милостыню и ночевала гдѣ-нибудь въ сараѣ. Приходилось терпѣть всевозможныя лишенія, непріятности и надо было только удивляться, какъ она еще жива.

Ея дѣвочка родилась въ сарайчикѣ прачки, у которой Текла стирала бѣлье. М-ссъ Флаберти, вдова съ двумя дѣтьми, сочувствовала Теклѣ, и, какъ чумы, боялась всякихъ пріютовъ, и потому, когда приблизилось время родовъ, прачка пріютила ее у себя. Черезъ нѣ-

*

сколько дней послѣ родовъ, Текла была уже опять на ногахъ и за работою. Бѣлья накопилось у прачки за ея болѣзнь цѣлая груда, и она весело принялась стирать и гладить, присматривая въ тоже время за мальчиками м-ссъ Флаберти и за своимъ ребенкомъ.

Три мѣсяца провела Текла въ домѣ прачки, всецѣло поглощенная своимъ ребенкомъ, и, радуясь тому, что у нея есть хоть такой убогій кровъ для дѣвочки. Когда Кэти была здорова и весела, то Текла была безпредѣльно счастлива, но стоило только ребенку немного прихворнуть и мать приходила въ полное отчаяніе. Если ребенокъ плакалъ, Текла волновалась. Однажды вечеромъ, когда она, сидя на порогѣ дома, кормила ребенка грудью, ей пришла въ голову мысль, что необходимо сшить дѣвочкѣ бѣлье и удалить ее поскорѣе изъ дома вѣчно пьяной теперь и скандалившей м-ссъ Флаберти.

Заботы о ребенкѣ невольно какъ то отразились на отношеніяхъ Теклы къ старику отцу. Отецъ, можетъ быть, будетъ также нуждаться въ ея поддержкѣ, какъ нуждалась въ этомъ, послѣднее время, мать. По тюремнымъ правиламъ свиданія давались черезъ каждые два мѣсяца. Текла аккуратно навѣщала отца и съ каждымъ разомъ находила его все болѣе и болѣе измѣнившимся: память его замѣтно слабѣла, здоровье тоже. Вѣсть о смерти Катрины глубоко потрясла его. Сгорбившись сидѣлъ онъ за плетеніемъ веревочныхъ половиковъ, совершенно разбитый и подавленный своими личными несчастьями и тѣми невзгодами, которыя свели въ могилу его Катрину. О томъ, что у Теклы ребенокъ, онъ ничего не зналъ, во время беременности она ни разу не была у него, а навѣстивъ его послѣ рожденія дѣвочки, она умолчала про нее. Ей не хотѣлось нанести ему новый ударъ и это заставило ее молчать. Она знала, что отецъ не будетъ ни презирать, ни упрекать ее, но станетъ еще болѣе безпокоиться и волноваться за нее. Она вскорѣ убѣдилась, что когда онъ выйдетъ изъ тюрьмы, ей придется взять на себя всѣ заботы о немъ.

Мысль о домѣ и новыхъ обязанностяхъ не давала ей покоя. Необходимо было раздобыть работу. Ее никуда не брали на мѣсто съ ребенкомъ и по неволѣ ей пришлось прожить у прачки до осени.

Она подумывала о возвращеніи въ Нью-Іоркъ, надѣясь, что Эмелина поможетъ ей, когда узнаетъ все, но ей какъ то не хотѣлось обращаться къ сестрѣ. Можетъ быть, удастся пристроиться въ складѣ или на фабрикѣ, а ребенка можно будетъ оставлять у кого-нибудь на день. Въ Нью-Іоркѣ легче найти работу. Осень быстро приближалась, нечего было думать оставаться здѣсь на зиму, необходимо, не медля, отправиться въ городъ и розыскать тамъ Эмелину.

Въ послѣднихъ числахъ октября перешла она Королевскій мостъ. Цѣлую недѣлю добиралась она до Нью-Іорка, останавливалась по дорогѣ въ трактирахъ и салонахъ, если находила работу и можно было переночевать тамъ. Она заработала за это время всего два доллара и кромѣ этихъ денегъ у нея не было ничего.

Было двѣнадцать часовъ, но она торопилась и не стала терять времени на ѣду. Она сѣла въ вагонъ трамвая, затѣмъ пересѣла въ трамвай, идущій по Третьей авеню, и доѣхала до Тридцатой улицы. Дойдя до мастерской, гдѣ работала Эмелина, она открыла дверь и съ сильно бьющимся сердцемъ вошла въ комнату. Ей не вѣрилось, что сестра можетъ не обрадоваться ей, но сама она не могла простить Эмелинѣ послѣднюю ужасную сцену. Можетъ быть, Эмелину разсердитъ ея неожиданное появленіе. Она направилась къ дверямъ, рѣшивъ подождать сестру на улицѣ.

— Что вамъ нужно?

— Здѣсь Эмелина Фишеръ?

— Миссъ Фишеръ? Нѣтъ, она уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ ушла отъ насъ.

— Она ушла? Куда?

— Не знаю.

Увидѣвъ передъ собою широко раскрытую дверь, Текла быстро вышла на улицу. Она не знала, что ей предпри-

нять теперь. Нельзя было расчитывать найти мѣсто, гдѣ бы ее согласились держать съ ребенкомъ.

Глава XVIII.

Дора прогостила у мисстриссъ Говардъ цѣлую недѣлю вмѣстѣ съ мисстриссъ Вандемеръ и Дикомъ. Домъ былъ полонъ молодежи, но Дора скучала и дни тянулись для нея томительно скучно. Дика она почти не видѣла; онъ усиленно ухаживалъ за миссъ Джеральдиной Блокъ Уильсонъ, единственной наслѣдницей четырехъ милліоннаго состоянія, и совершенно позабылъ о существованіи Доры. Мисстриссъ Говардъ еще больше подзадоривала его, доказывая ему всю нелѣпость брака съ Дорой и выгоды, связанныя съ женитьбой на хорошенькой бойкой Джеральдинѣ. Дикъ сперва было возмутился такимъ совѣтомъ, но вскорѣ подпалъ подъ чары богатой наслѣдницы. Впослѣдствіи Дора никакъ не могла понять, что такое случилось у Говардовъ что сразу измѣнило отношеніе Дика къ ней. Она отлично понимала одно, что чуть было не утратила на всегда любовь Дика. Она ничуть не ревновала его къ Джеральдинѣ; Дора принадлежала къ числу тѣхъ немногихъ женщинъ, которымъ чувство ревности совершенно недоступно и непонятно. Она страдала, видя, что она утратила всякій интересъ въ глазахъ Дика. Дора сильно осунулась и поблѣднѣла за эту недѣлю. Мисстриссъ Вандемеръ рѣшила, что она больна и настаивала, чтобы Дора легла въ постель. Та отказалась на отрѣзъ. Она проводила цѣлые дни на крыльцѣ, прислушиваясь къ долетавшимъ до нея изъ сада веселымъ молодымъ голосамъ. Насталъ послѣдній вечеръ ихъ пребыванія у Говардовъ. Джеральдина отправилась гулять съ Гарри, однимъ изъ своихъ поклонниковъ, измѣнивъ своему обычному кавалеру Ричарду. Вернувшись домой, она объявила, что выходитъ замужъ за Гарри. Ричардъ сидѣлъ на ступенькахъ въ мрачномъ настроеніи. Выслушавъ сообщеніе Джеральдины, онъ молча поднялся и спустился въ садъ. Объявленіе о помолвкѣ не произвело особаго впечатлѣнія на Дору: всѣ ея мысли были сосредоточены на Ричардѣ и она искренно безпокоилась за него.

На обратномъ пути въ Нью Іоркъ Дикъ усѣлся рядомъ съ Дорою, она робко протянула ему свою руку, онъ крѣпко сжалъ ее и удержалъ ее въ своей. Самолюбіе его было глубоко уязвлено измѣною Джеральдины. Въ сущности она совсѣмъ не нравилась ему, онъ находилъ ее слишкомъ самостоятельной и прозаичной. Но она раздражала его, привлекала его своею поразительною уравновѣшенностью, умомъ, оригинальностью и красотою. Онъ привыкъ легко покорять женщинъ и не могъ допустить, чтобы Джеральдина устояла противъ него, но лично къ ней онъ былъ вполнѣ равнодушенъ и даже не желалъ обладать ею. Теперь ему было совѣстно за себя и онъ приходилъ въ бѣшенство при одной мысли, что она такъ легко обошла его.

Ричардъ былъ заурядный, средній юноша, со всѣми качествами и недостатками, присущими современной молодежи. Новое хорошенькое лицо быстро привлекло къ себѣ все его вниманіе и, весь отдавшись охватившему его увлеченію, онъ почти что и не вспоминалъ о Дорѣ. Но вотъ имъ пренебрегли, оскорбили его самолюбіе и онъ съ радостью и благодарностью принялъ изъявленіе неизмѣнной любви и преданности его друга дѣтства.

Страсть его къ Дорѣ разгоралась все сильнѣе и сильнѣе съ каждымъ днемъ. Она вскорѣ замѣтила, что его уже не удовлетворяютъ ея увѣренія въ любви, что ему мало быть съ нею, обмѣняться съ нею нѣжнымъ взглядомъ. Его волненіе и раздражительность въ присутствіи третьихъ лицъ, его все возрастающая потребность въ ея ласкахъ и желаніе ласкать ее казалось ей страннымъ и непонятнымъ. Но она съ радостью шла на встрѣчу его желаніямъ и въ упоеніи страсти забывала всѣ свои недавнія тревоги.

Ричардъ прожилъ дома мѣсяцъ, а затѣмъ отецъ отправилъ его въ Пенсильванію на нефтяные промысла для ознакомленія на практикѣ съ этимъ дѣломъ,

которое со временемъ должно было всецѣло перейти въ его руки. На каникулы онъ вернулся домой и вскорѣ опять уѣхалъ съ агентомъ отца и цѣлымъ штатомъ помощниковъ, которые должны были заняться на мѣстѣ разработкой проекта проведеніе желѣзной дороги. Ричарду не было времени скучать, но все же онъ предпочелъ бы попутешествовать по Испаніи или Швейцаріи, какъ въ прошломъ году. Агентъ былъ человѣкъ энергичный и обойти его было не легко. Волей неволей Ричарду пришлось серьезно взяться за работу. Онъ жилъ окруженный дѣловою сутолкою и страшно уставалъ отъ непривычной, напряженной работы. На него наводили уныніе эти безконечныя, необозримыя равнины. Его все сильнѣе и сильнѣе тянуло назадъ въ Нью Іоркъ. Здѣсь вовсе не было женскаго общества, и Дора казалась ему теперь вдвое милѣе и дороже. Онъ часто съ грустью мечталъ о свиданіи съ нею. Онъ впервые испытывалъ тоску по родинѣ; въ прежніе его отлучки онъ уѣзжалъ по доброй волѣ и жилъ такъ, гдѣ ему приходила фантазія.

Онъ писалъ теперь Дорѣ, какъ безумно влюбленный человѣкъ. Писалъ онъ, правда, съ большими перерывами, когда тоска особенно сильно одолѣвала его. Бывало, попавъ на уединенную ферму среди преріи или въ только что возникшую деревню, въ которой не было еще ни единаго дерева и ни одной женщины, онъ съ отчаянія садился писать и посылалъ Дорѣ три или четыре письма заразъ. Дора хранила всѣ его письма какъ драгоцѣнности и радовалась, получая отъ него такія нѣжныя строки. Два или три раза въ недѣлю къ ней заходила Лу и Дора каждый разъ читала ей выдержки изъ писемъ Дика.

За послѣднее время Лу стало все чаще казаться, что разрывъ ея отношеній съ Эдомъ неизбѣженъ. Во первыхъ, онъ былъ всецѣло теперь увлеченъ своимъ новымъ знакомымъ, мистеромъ Уиллеромъ и его планами. Онъ почти ни о чемъ другомъ и не говорилъ. Онъ за зиму нѣсколько разъ съѣздилъ въ Альбани, надо было сдѣлать докладъ о постройкѣ больницы для чахоточныхъ, ходатайствовать о расширеніи поля дѣятельности Государственной благотворительной коммиссіи и представить проэктъ улучшенія жилищъ.

— Со временемъ, — говорилъ онъ Лу,—законъ будетъ требовать, чтобы посреди каждаго дома, въ которомъ отдаются квартиры, былъ большой дворъ, чтобы всѣ жильцы имѣли бы много воздуха и свѣта.

Онъ говорилъ обо всемъ этомъ съ такимъ же увлеченіемъ, съ какимъ Ричардъ писалъ Дорѣ о своей любви.

Иногда и Эдъ говорилъ ей, что онъ ее любитъ, но, Боже, какъ это выходило у него серьезно! Онъ, казалось, старался подавить въ себѣ всякія проявленія страсти. Ее сердило его самообладаніе, хотя она и не сознавалась себѣ въ этомъ и отъ души завидовала Дорѣ. Ей мало было такой разсудительной, спокойной любви. Иногда, встрѣчаясь съ нимъ глазами, она испытывала пріятныя, волнующія чувства при звукѣ его голоса, въ которомъ порою слышалась неподдѣльная нѣжность, и въ такія минуты ей хотѣлось испытать, что такое страсть. Но онъ быстро приходилъ съ себя и разсѣивалъ всякую иллюзію, объясняя ей истинный ужасающій смыслъ только что пережитаго волненія.

— Страсть облагораживаетъ мужчину, такъ какъ дѣлаетъ его отцомъ,—говорилъ онъ ей.—Я не вѣрю, что бы родъ людской навсегда былъ изгнанъ изъ рая. И ты и я, мы оба можемъ вернуться туда, если нашей цѣлью будетъ не только съѣдать плодъ, но и выращивать его.

Сперва его странное ухаживанье только удивляло ее.

Подумавъ, она пришла къ заключенію, что, когда она выйдетъ замужъ, у нея, вѣроятно, будутъ дѣти, во всякомъ случаѣ надо быть готовымъ къ этому. Ей уже мерещилась пріятная перспектива имѣть своего ребенка. Но о своихъ мечтахъ она ничего не говорила Адамсу. Она начинала понимать, что дѣти для него важнѣе любви, и, какъ это ни странно, ревновала его къ нимъ!

— Я бы хотѣла имѣть дѣтей, но ему

я ничего не скажу, а то выйдетъ такъ, точно я подкупаю его, чтобы онъ меня любилъ,—говорила она себѣ.

Конечно, ни Лу, ни Дора не касались этихъ вопросовъ въ своихъ разговорахъ. Странно было бы затрагивать такіе вопросы, которые взрослые такъ тщательно избѣгали даже упоминать въ ихъ присутствіи.

Если бы не ея оригинальный женихъ, Лу никогда и не задумалась бы надъ вопросомъ о материнствѣ. Дора, по природѣ склонная къ тихой семейной жизни, взглянула бы на этотъ вопросъ гораздо проще, но до сихъ поръ ей не приходилось еще задумываться надъ его разрѣшеніемъ.

Въ маѣ Ричардъ вернулся домой и ему разрѣшили отдохнуть мѣсяцъ другой на свободѣ. Осенью онъ долженъ былъ поступить на одну изъ желѣзныхъ дорогъ, собственникомъ которой состоялъ его отецъ, и постепенно пройти всѣ должности. Съ его пріѣздомъ начались терзанія Доры. Теперь ея соперникомъ былъ Нью-Іоркъ. Неровность отношеній къ ней Дика поражала и огорчала ее, но стѣснять его свободу она не хотѣла. Лишь бы знать, что онъ ее любитъ, а тамъ пусть дѣлаетъ, что хочетъ. Какъ то разъ онъ грубо поговорилъ съ нею и видимо стремился поскорѣе уйти отъ нея. Дора старалась успокоить себя увѣреніями, что не надо обращать вниманіе на такія мелочи, что онъ не можетъ, наконецъ, вѣчно сидѣть съ нею, ему необходимо общество и развлеченія. Восторгъ ея не зналъ границъ, когда, послѣ періода пренебреженія, онъ опять сталъ посвящать ей все свое время.

Они часто гуляли въ паркѣ, вечеромъ къ нимъ присоединялась и мисстриссъ Вандемеръ. Иногда въ паркъ заходили судья и мистеръ Вандемеръ, занятые серьезными разговорами.

Какъ то вечеромъ Дора и Ричардъ вышли изъ дому, перешли улицу и направились въ паркъ. У калитки стояла Эмелина. Она обернулась и внимательно слѣдила за ними, пока они открывали запертую на ключъ калитку и вошли въ паркъ. Она случайно встрѣтилась глазами съ Ричардомъ, онъ не утерпѣлъ и еще разъ взглянулъ на нее. Она поняла, что онъ что-то говоритъ о ней своей спутницѣ. Ричарда поразило меланхолически страстное выраженіе ея лица.

— Какое оригинальное лицо у нея,— сказалъ онъ.

— По моему, она красавица. Лу находитъ ее только интересной.

— Какъ жаль, что я не разсмотрѣлъ ее, какъ слѣдуетъ. Она кажется мнѣ и красивой, и интересной.

— Какъ я хотѣла бы походить на нее,—проговорила Дора.

— Ты!—воскликнулъ онъ.—Зачѣмъ это тебѣ понадобилось?

Они шли нѣсколько поодаль другъ отъ друга и разговаривали въ полъголоса. Нѣжная листва придавала какой то своеобразный оттѣнокъ лунному свѣту. Весною вся природа оживаетъ. Даже если вѣтра нѣтъ, шелестъ травы не умолкаетъ. Изъ кустовъ доносится какой то таинственный шопотъ, слышится трескъ распускающихся почекъ.

— Развѣ ты не знаешь, что лучше тебя нѣтъ никого на свѣтѣ,—сказалъ Дикъ. — Всѣ остальные привлекаютъ лишь мимоходомъ мое вниманіе. Ты одна совершенство для меня.

— Но если бы я была красавицей, я бы тебѣ больше нравилась и доставляла бы больше наслажденія.

Дикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее. Онъ зналъ, что она говоритъ вполнѣ искренно и смутно начиналъ догадываться о силѣ ея чистой любви къ нему и о ея полной покорности его волѣ. Къ сожалѣнію, этотъ проблескъ сознанія продолжался не долго и страсть вновь заговорила въ немъ.

Ричардъ часто заходилъ днемъ въ комнату Доры. Никто изъ домашнихъ не протестовалъ противъ этой привычки, усвоенной имъ съ дѣтства. Но какъ-то разъ судья рано вернулся домой, засталъ ихъ врасплохъ вмѣстѣ и остался очень недоволенъ, замѣтивъ ихъ возбужденный, лихорадочный видъ и неестественный блескъ глазъ. Онъ не сдѣлалъ имъ никакого замѣчанія, но въ тотъ же вечеръ высказалъ мистриссъ Вандемеръ свое мнѣніе на этотъ счетъ.

— Предоставляю вамъ переговорить съ Ричардомъ, — сказалъ онъ. — Я не могу позволить, чтобы они видѣлись на единѣ въ ея комнатѣ, это, наконецъ, не прилично.

— Какія глупости, — обидѣлась за сына мисстрисъ Вандемеръ.

— Я рѣшительно противъ этого, — упрямо настаивалъ на своемъ судья.— Все это было хорошо, пока они были еще дѣтьми, но не теперь.

Съ этого момента Дикъ и Дора стали обманывать своихъ родителей и видѣться тайкомъ.

Ричардъ кипѣлъ негодованіемъ на судью, нервничалъ и мучилъ Дору. Онъ достигъ того возраста, когда одна платоническая любовь уже не удовлетворяетъ мужчину, и бѣдная Дора пала жертвой его проснувшейся чувственности. Она безпредѣльно любила его и отдалась ему всею своею чистою душою.

Свѣтало. Дора всю ночь простояла на колѣняхъ возлѣ своей кровати, она была взволнована и смущенна и врядъ ли могла молиться.

Съ дѣтства она росла, окруженная непонятными ей традиціями и предразсудками. Теперь въ эту ужасную минуту ей не на что было опереться, кромѣ шаткихъ убѣжденій, патетическихъ молитвъ и экзальтированности, порожденной религіозными мечтаніями. Она горячо любила Дика всею своею неиспорченною душою, любовь доставляла ей отраду, а позднѣе она спасла ее отъ полнаго отчаянія.

Ричардъ не добивался теперь свидѣться съ нею наединѣ. Совѣсть начинала его мучить. Онъ видѣлся съ нею въ присутствіи своей матери и иногда цѣловалъ ее въ лобъ или волоса. Но пока Дора была счастлива. Весь міръ казался ей окутаннымъ сумерками и дивно прекраснымъ. Но время шло. Дора, погруженная въ свои счастливыя мечты, не замѣчала странную, разительную перемѣну въ отношеніяхъ къ ней Ричарда. Отчасти ее вводилъ въ обманъ и самъ Дикъ своею преувеличенною нѣжностью къ ней. Онъ уже успѣлъ остыть къ ней и старался преувеличенною нѣжностью искупить передъ ней свою вину. Но вскорѣ она замѣтила его охлажденіе и поняла все, что для нее крылось подъ этимъ ужаснымъ открытіемъ.

Глава XIX.

Недѣлю спустя послѣ первой встрѣчи съ Эмелиною, Ричардъ, выходя изъ парка, опять столкнулся съ нею возлѣ калитки. Онъ пристально посмотрѣлъ на нее. Онъ никогда не позволялъ себѣ цинично-нагло оглядывать встрѣчную женщину, но если она нравилась ему, то онъ безъ церемоніи разглядывалъ ее. Во взорѣ его было въ такихъ случаяхъ такъ много искренняго восхищенія и увлеченія, что женщины ничуть не чувствовали себя оскорбленными имъ. Такъ было и теперь. Эмелина ничуть не обидѣлась, не улыбнулась и даже не отвернулась отъ него. По натурѣ она была совсѣмъ не кокетка, скорѣе напротивъ. Отличительная ея черта была склонность все принимать трагически. Долгіе годы мрачныхъ думъ и постояннаго недовольства своею скромною судьбою не прошли для нее безслѣдно и наложили на нее свой мрачный отпечатокъ.

Эмелина совершенно измѣнилась, о прежней худой, неловкой дѣвочкѣ теперь не было и помина. Къ двадцати годамъ она была поразительно хороша и привлекательна, ея фигура поражала своею красотою, гибкостью и чувственностью. Въ ея мрачныхъ глазахъ свѣтилось ненасытное желаніе наслажденій. Но всѣ ея страсти были чисто головныя. Удовлетворять свои чувственные порывы не входило въ ея разсчеты. Она мечтала о видномъ положеніи въ обществѣ и о власти и убѣдилась, что сможетъ этого достигнуть только благодаря своему красивому, пышному тѣлу. Поэтому она тщательно оберегала себя отъ всякихъ искушеній, отлично одѣвалась и холила свое прекрасное тѣло, которое должно было обезпечить ей то, о чемъ она мечтала еще ребенкомъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ она жила вполнѣ самостоятельно, прошелъ уже цѣлый годъ. Владѣлецъ магазина, у котораго она состояла на службѣ, вполнѣ оцѣнилъ ея

прекрасную фигуру и эффектную внѣшность и рѣшилъ, что многія французскія модели привлекутъ къ себѣ большее вниманіе публики, если нарядить въ нихъ Эмелину. Эмелина съ увлеченіемъ принялась изучать разныя эффектныя позы, необходимыя для ея новой должности. Она имѣла громадный успѣхъ, денежныя дѣла шли отлично. Ея великолѣпныя платья не стоили ей ни единаго цента и, кромѣ того, она еще получала еженедѣльно двадцать пять долларевъ за свою службу. Теперь она получила возможность нанять себѣ комнату на Тридцать-третьей улицѣ между Бродвей и Пятой авеню и довольно хорошо обмеблировать ее. Ей каждый день приходилось сталкиваться съ самыми разнообразными людьми. Изъ окна своей комнаты она видѣла, какъ они входили и выходили изъ ресторана Вальдорфа. Теперь уже она не чувствовала себя не на мѣстѣ среди нарядной гуляющей публики и часто прогуливалась по Пятой авеню. Мужчины засматривались на нее, но этимъ пока все и ограничивалось. Но Эмелина отлично понимала, что скоро настанетъ день ея полнаго торжества.

Въ теченіе всей зимы она ни разу не была у рѣшетки Грамерси парка. Онъ уже не притягивалъ ее къ себѣ, какъ магнитъ, но настала весна и она опять стала иногда заглядывать сюда. Но Грамерси паркъ воскресилъ въ ней прежнія стремленія и неудовлетворенность и она съ грустью подумала, что не настало еще то время когда и для нея раскроется наконецъ калитка заколдованнаго парка.

Въ тотъ вечеръ, когда она встрѣтила Ричарда и Дору у калитки парка, Эмелина вернулась домой совершенно разстроенная и обезсиленная. Встрѣченная ею молодая дѣвушка имѣла въ своемъ распоряженіи все то, о чемъ Эмелина такъ страстно мечтала. Ее холили и баловали, она была богатая, свѣтская дѣвушка, жила среди роскоши, и въ довершеніи всего у нея былъ красивый, изящный женихъ. Настоящее этой дѣвушки было полно счастья, а будущему не грозило никакихъ треволненій. А она, Эмелина, принуждена носить на показъ красивыя платья и выбиваться изъ силъ цѣлый день; она совершенно одинока, никто ее не любитъ, никому нѣтъ до нея дѣла, она сама должна добиваться осуществленія своей мечты, ни на чью либо помощь ей нечего разсчитывать. Какъ ей хотѣлось узнать, что такое шепнулъ про нее молодой человѣкъ своей спутницѣ.

Встрѣтившись вторично, она въ отвѣтъ на его пристальный взоръ устремила на него свои темные глаза, которые такъ и горѣли страстнымъ желаніемъ. Она моментально овладѣла собою и приготовилась къ рѣшительному сраженію.

На Ричарда она произвела глубокое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что онъ никакъ не ожидалъ ее встрѣтить. Она не походила на публичную женщину и потому онъ рѣшился заговорить съ нею.

— Добрый вечеръ,—привѣтливо сказалъ онъ, застѣнчиво улыбаясь и краснѣя, какъ умѣютъ краснѣть только очень молодые люди. Она полу-закрыла глаза, но все продолжала смотрѣть на него, вспыхнувъ отъ волненія. Ричардъ подумалъ, что онъ смутилъ ее своимъ обращеніемъ и рѣшилъ дѣйствовать дальше.

— Теперь очень хорошо въ паркѣ, не зайдете-ли вы немного пройтись?— сказалъ онъ, движеніемъ руки указывая на паркъ.

— А вамъ не покажется страннымъ, если я приму ваше предложеніе?—Она говорила низкимъ, чрезвычайно музыкальнымъ голосомъ, очень медленно и серьезно выговаривая каждое слово. Ея улыбка и взглядъ были обворожительно трогательны.

— Но развѣ вамъ иногда не надоѣдаетъ однообразіе? — спросилъ онъ.— Жизнь обыкновенно такая сѣрая, скучная. Войдите, пожалуйста.

Она колебалась съ минуту и затѣмъ прошла мимо него въ калитку. Онъ моментально захлопнулъ калитку и оба, внутренно волнуясь, направились по дорожкѣ въ уединенную часть парка и усѣлись на лужайкѣ на скамейкѣ. Эмелина думала, что наконецъ-то судьба улыбнулась ей и ей не хотѣлось упу-

скать изъ рукъ такого случая. Ричарда же, какъ мужчину, близость Эмелины глубоко волновала; онъ былъ еще очень молодъ и потому со свойственнымъ ему легкомысліемъ и порывистостью отдался мощно охватившему его чувству. Онъ не хотѣлъ заводить легкой интриги, но при первомъ же напорѣ сильнаго чувства онъ совершенно забылъ Дору и то глубокое раскаяніе и сознаніе своей вины, которое она въ немъ вызывала. Его новая знакомая привлекала его своею новизною и загадочностью и приковывала къ себѣ все его вниманіе.

Онъ инстинктивно понялъ, что обычный банальный разговоръ ни къ чему съ нею. Онъ немного помолчалъ, не зная, какъ удобнѣе предложить ей мучившіе его вопросы и не находилъ подходящихъ выраженій. Ему приходили въ голову однѣ стереотипныя фразы, которыя онъ не рѣшался даже произнести. Эмелина сосредоточенно думала о немъ, стараясь угадать, что ей дастъ эта встрѣча, и молча ждала, чтобы онъ заговорилъ съ нею.

— Знаете, — сказалъ онъ, наконецъ, — вы меня чрезвычайно заинтересовали.

Она посмотрѣла ему прямо въ глаза и медленно отвѣтила:

— Очень рада, вы меня также заинтересовали.

Вся ея манера, голосъ, напряженное спокойствіе придавали ея словамъ какое то особенное таинственное значеніе.

— Почему? — спросилъ онъ пріятно удивленный ея отвѣтомъ. Она ничего не отвѣтила, но продолжала глядѣть ему прямо въ глаза.

— Чѣмъ я васъ заинтересовалъ?— добивался онъ настойчиво своего.—Неужели вы мнѣ не отвѣтите?

Но онъ такъ ничего и не добился отъ нея, сверкающіе глаза, устремленные на него, сбивали его съ толку.

— Мнѣ бы очень хотѣлось знать, почему вы такъ часто бываете здѣсь?— смѣло спросилъ онъ.

— Потому что паркъ закрытъ для меня, — отвѣтила она съ оттѣнкомъ горечи въ голосѣ.

— Неужели только поэтому? Отчего это васъ такъ волнуетъ? Вѣдь такъ много мѣстъ, куда вамъ открытъ свободный входъ. Вы живете гдѣ-нибудь по близости отсюда?

— Вы думаете, что я вполнѣ обезпечена и что я вольна сама рѣшать, что мнѣ дѣлать и куда идти. Вѣдь такъ?—сказала она, критически наблюдая за нимъ полузакрытыми глазами.

— Да, вотъ именно.

— Я сама заработала это платье,— сказала она, глядя въ сторону. Голосъ ея звучалъ теперь еле слышно и грустно.

— У меня нѣтъ никого близкаго на свѣтѣ, нѣтъ друга. Ребенкомъ я была худая, несчастная, одинокая дѣвочка и всѣ меня ненавидѣли. Мои родные были ужасающе бѣдные люди. Я живу одна въ маленькой комнаткѣ, на наемъ которой у меня какъ разъ только и хватаетъ денегъ. Я зарабатываю двадцать пять долларовъ въ недѣлю. Сегодня я еще не нищая, но завтра же могу оказаться на улицѣ безъ гроша. Скажите мнѣ, отчего существуетъ на свѣтѣ такая несправедливость?

Она была замѣчательно хороша и трогательна въ колеблющемся освѣщеніи сгущающихся сумерекъ. Онъ осторожно взялъ ее за руку. Она дала ему подержать минуту свою дрожащую руку и затѣмъ быстро отдернула ее. Глаза ея наполнились слезами и она грустно прошептала:

— Даже сочувствіе опасно для меня!

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразилъ онъ горячо.—Зачѣмъ же? Позвольте мнѣ быть вашимъ другомъ?

— Это немыслимо,—отвѣтила она.— Развѣ вы могли бы быть моимъ другомъ? Зачѣмъ вы меня просите о такихъ вещахъ? Какъ трудно было уберечь себя и честно пробиваться впередъ. Мое одиночество ужасно, но въ немъ мое единственное спасеніе.

Большинство людей очень сострадательны. Наибольшею силою обладаютъ тѣ страсти, которыя застаютъ человѣка врасплохъ и завладѣваютъ его сердцемъ. Ричардъ былъ глубоко тронутъ. Когда Эмелина отправилась домой, Ричардъ пошелъ проводить ее.

— Не поднимайтесь наверхъ,—ска-

зала она, останавливаясь передъ подъѣздомъ и кладя свою руку ему на рукавъ.

— Почему? Пожалуйста, примите меня.

— Нѣтъ. Не сегодня,—нерѣшительно прибавила она.—Мнѣ надо сперва все обдумать. Хочется вѣрить, что вы не похожи на большинство мужчинъ,—но—я... она въ замѣшательствѣ замолчала.

— Хорошо,—сказалъ онъ, цѣлуя ея руку.—Я буду вамъ вѣрнымъ другомъ и вы можете распоряжаться мною, какъ хотите.

— Вы очень добры.

— Пойдемте со мною въ театръ.

Она посмотрѣла на него, видимо колеблясь, принять ли ей приглашеніе или отказаться.

— Можно будетъ зайти за вами завтра вечеромъ?

— Такъ скоро?

— Позвольте зайти къ вамъ не надолго?

— Только не сегодня.

— И такъ до завтрашняго вечера. Я буду у васъ въ половину восьмого.

Онъ медленно пошелъ прочь, сердце усиленно билось, мысли спутались.— Что за дивная женщина,—думалъ онъ.— Какая страстная, и вмѣстѣ съ тѣмъ какая сила воли. Какъ она трогательна со своимъ мужествомъ и одиночествомъ. Я докажу ей, что я непохожъ на большинство мужчинъ.—У него промелькнула мысль о Дорѣ. Какъ онъ теперь горько раскаивался въ своей минутной слабости, но въ глубинѣ души онъ надѣялся, овладѣть и Эмелиною. Онъ увидѣлъ Дору только на слѣдующій вечеръ. Онъ уже не любилъ ее больше, въ немъ бушевала теперь страстная, безумная любовь къ Эмелинѣ.

Онъ готовъ былъ проводить съ Эмелиною каждый вечеръ, но она рѣшительно воспротивилась этому.

— Нѣтъ,—говорила она.—Я не хочу васъ видѣть два дня, а то слишкомъ привяжусь къ вамъ.—Все это сопровождалось томными взглядами, сулившими неисчерпаемое блаженство тому, кому она въ минуту опьяненія страстью, рѣшилась бы отдаться.

— Зачѣмъ вы не вѣрите мнѣ,— спрашивалъ онъ ее.—Отчего вы не хотите быть счастливой съ мною?

— Мнѣ нельзя. Это слишкомъ опасно для меня. Кромѣ моей чести у меня почти ничего нѣтъ. А у васъ такъ много. Если бы я разнравилась вамъ, вы не стали бы скучать обо мнѣ. Но я могу серьезно увлечься вами и если бы вы меня бросили, я погибла бы.

Но стоило ей только заговорить съ нимъ въ этомъ тонѣ и онъ съ юношескимъ пыломъ начиналъ ее увѣрять, что она ему дороже, чѣмъ жизнь, и что она причиняетъ ему ужаснѣйшія муки своими колебаніями и предосторожностями.

Вечерами, когда она была одна, Эмелина дѣятельно занималась украшеніемъ своей комнаты. Ей оклеили стѣны новыми обоями, одна полоска была темно синяя, другая янтарнаго цвѣта. Благодаря содѣйствію ея хозяина ей удалось выбрать то, что ей нравилось, съ условіемъ выплатить за забранное по частямъ. На окна она повѣсила темно синія занавѣси съ выпуклыми бронзовыми фигурами. На кушетку она накинула кусокъ сукна и бросила нѣсколько яркихъ подушекъ. Японская ширма почти совершенно закрывала узенькую бѣлую кровать и бѣлый эмалированный туалетный столъ. На газовые рожки она надѣла красные бумажные абажуры, они вышли очень пышными и были украшены атласными лентами. Затѣмъ она сшила себѣ два капота съ низкимъ вырѣзомъ у шеи и безъ рукавовъ. Одинъ былъ изъ бѣлаго шелка, другой изъ краснаго. Окончивъ всѣ эти приготовленія, она сказала Ричарду, что теперь онъ можетъ притти къ ней. Онъ каждый день присылалъ ей по дюжинѣ великолѣпныхъ розъ. Онѣ отлично сохранялись и Эмелина наполняла ими хорошенькіе кувшины и вазы съ ледяною водою. Въ комнатѣ, благодаря абажурамъ, царилъ пріятный полусвѣтъ и красный цвѣтъ не казался такимъ рѣзкимъ, кричащимъ. Напротивъ, получалась цѣлая гамма нѣжныхъ тоновъ.

Послѣ перваго вечера, проведеннаго

въ ея комнатѣ, Ричардъ вернулся домой въ состояніи полной невмѣняемости. Она ловко и умѣло возбуждала въ немъ чувственность. Ричардъ принималъ всѣ ея взгляды за выраженіе неподдѣльнаго чувства, а красивыя позы, которыя она принимала, все больше опьяняли его. Ричардъ удивлялся и восхищался благородству женщины, которая умѣла такъ сильно любить и такъ себя сдерживать и не допускала себя до паденія. Онъ благословлялъ небо за ея чистоту и мужество и приходилъ въ отчаяніе отъ ея непоколебимой твердости. Онъ долженъ былъ удовлетворить свою страсть, иначе онъ могъ сойти съ ума.

Онъ все еще вѣрилъ, что со временемъ онъ женится на Дорѣ. Но вся его нѣжная жалость къ ней исчезла теперь подъ напоромъ бурной страсти и любви къ Эмелинѣ. Дора не видѣлась съ нимъ цѣлыми днями. Въ ея обществѣ онъ былъ мраченъ и разсѣянъ. Такая перемѣна поразила ее и она стала доискиваться причины. На ея умоляющіе взоры, на ея встревоженные вопросы онъ отвѣчалъ съ мальчишескимъ нетерпѣніемъ или съ циничной враждебностью, совершенно чуждой его натурѣ. Онъ сталъ явно избѣгать ея общества. На нее напалъ страхъ.

Какъ то ночью она вдругъ заболѣла. Она нѣсколько дней была въ полубезсознательномъ состояніи. Когда она пришла въ себя, то почувствовала какую то таинственную перемѣну въ своемъ организмѣ. Убитая отчужденностью Ричарда, сознаніемъ, что онъ уже больше не любитъ ее, что все теперь кончено, она лежала и дрожала при мысли о той трагедіи, которую ей еще предстояло пережить.

Ричардъ ничего не зналъ о ея болѣзни: его не было дома. Онъ уѣхалъ въ субботу вдвоемъ съ Эмелиною на Виллетъ Пойнтъ. Она согласилась провести къ нимъ воскресенье. Они впервые поѣхали вмѣстѣ за городъ. Покинувъ городъ и выѣхавъ на гладкую деревенскую дорогу, тянувшуюся между лугами и огородами, пылкому влюбленному казалось, что экипажъ уноситъ его въ какой то призрачный рай.

Наконецъ, когда передъ ними заблестѣло громадное водное пространство и на самомъ берегу среди деревьевъ показалась одноэтажная гостинница, Ричардъ умоляюще пожалъ руку Эмелины. Ахъ, если бы она только была бы по добрѣе съ нимъ теперь. А затѣмъ? У него была смутная, неясная мечта о томъ, какъ было бы хорошо прожить здѣсь съ нею вдвоемъ всю свою жизнь. Она не отняла у него своей руки, но откинулась назадъ въ экипажѣ и задумчиво смотрѣла вдаль на бѣлые паруса.

Къ закату они вышли погулять и отправились на поросшій травой отлогій берегъ; у ихъ ногъ текла рѣка. Они молча провожали глазами удалявшіеся въ проливъ пароходы и наблюдали, какъ вода постепенно пріобрѣтала тускло-лиловый оттѣнокъ. До нихъ слабо доносился призывный звукъ трубы, затѣмъ, гдѣ то за ихъ спиной и напротивъ, черезъ рѣку, изъ форта Шюлеръ грянули ружейные выстрѣлы, возвѣщавшіе заходъ солнца. Выстрѣлы громко раскатились по воздуху и эхо дружно подхватило ихъ. Ричардъ и Эмелина молча прислушивались къ грохоту, пока онъ не замеръ наконецъ. Настала тишина и послышалось чириканье воробьевъ и голоса насѣкомыхъ, пробуждающихся только къ вечеру. Онъ опять посмотрѣлъ на нѣжившееся рядомъ съ нимъ красивое тѣло. Онъ встрѣтилъ ея взоръ, устремленный на него и опять увидѣлъ въ немъ тотъ жгучій томный призывъ, на который онъ уже не разъ откликался, каждый разъ встрѣчая съ ея стороны отпоръ.

— Зачѣмъ вы меня такъ искушаете, Эмелина?—спросилъ онъ.

— Развѣ? У меня и въ помыслахъ нѣтъ ничего подобнаго. Я просто счастлива побыть съ вами, вотъ и все.

— Я знаю, что вы это дѣлаете не преднамѣренно. Оттого-то оно такъ и дѣйствуетъ на меня. Я не могу больше выносить эту пытку. Развѣ вы не можете любить меня, вѣрить мнѣ и быть счастливою?

— Но я люблю васъ. И я вамъ вѣрю. Оттого-то я и пріѣхала сюда.

— Эмелина, — нерѣшительно прого-

ворилъ онъ.—Я сказалъ имъ въ гостинницѣ... что... что вы моя жена.

— Ахъ!..—вскричала она, быстро поднимаясь.—Зачѣмъ вы это сдѣлали? Зачѣмъ вы испортили нашу чудную поѣздку? Я была такъ счастлива!

— Но, Эмелина,—бурно запротестовалъ онъ,—чѣмъ же я испортилъ нашу поѣздку?

— Какъ вы могли это сдѣлать? Какъ вы могли рѣшиться на это? Я не могу теперь вернуться туда. Мы должны поѣхать домой.

Она стремительно встала, отвернулась отъ него и закрыла лицо руками.

— Эмелина,—вскричалъ онъ, доведенный до полнаго неистовства мыслью вернуться теперь домой.—Не уходите—не надо намъ уѣзжать. Если вы останетесь со мною, то на обратномъ пути домой можно будетъ гдѣ-нибудь обвѣнчаться.

Она быстро повернулась къ нему, опустилась рядомъ съ нимъ на колѣни и свирѣпо посмотрѣла на него.

— Вы серьезно говорите?—спросила она.

— Конечно, вѣдь, вы сами знаете, что да.

— Я вѣрю вамъ,—сказала она.—Но мы должны обвѣнчаться сегодня же вечеромъ. Я ничего не могу вамъ дать, кромѣ себя, но я хочу стать вашею женою съ незапятнанною честью.

— Отлично,—сказалъ онъ.—Мы поѣдемъ въ колледжъ Пойнтъ.

Онъ былъ и подавленъ и возбужденъ. Передъ нимъ промелькнулъ образъ Доры, но его чувства были слишкомъ сильно возбуждены и онѣ побѣдили.

Глава XX.

Ни мать, ни отецъ никогда не стѣсняли Ричарда и онъ всегда уходилъ, куда и когда хотѣлъ, не спрашиваясь. Вернувшись домой отъ Эмелины во второмъ часу ночи, онъ былъ очень удивленъ, узнавъ, что его отецъ еще не ложился и ждетъ его. Дикъ былъ въ отвратительномъ настроеніи и не зналъ, какъ ему примирить прошедшее съ настоящимъ. Эмелина была замужемъ за нимъ всего еще недѣлю и уже горячо настаивала на томъ, чтобы онъ объявилъ своимъ родителямъ о своей женитьбѣ. Ей хотѣлось поскорѣе воспользоваться тою роскошью и довольствомъ, о которыхъ она такъ много мечтала съ дѣтскихъ лѣтъ. Положеніе Дика было очень тяжелое и онъ почти теперь и не думалъ о Дорѣ, весь поглощенный своими личными непріятностями. Но отецъ съ первыхъ же словъ совершенно ошеломилъ его.

— Знаешь-ли Дикъ, — спросилъ мистеръ Вандемеръ, пристально всматриваясь въ лицо вошедшаго въ библіотеку сына,—что Дора серьезно заболѣла?

Ричардъ поблѣднѣлъ, какъ смерть, и не сводилъ глазъ съ лица отца. Онъ моментально все понялъ.

— Нѣтъ, сэръ,—прошепталъ онъ,—я ничего не зналъ объ этомъ.

— Необходимо, чтобы ты тотчасъ же женился на ней. Я очень огорченъ и я не могу тебѣ сказать, какъ мнѣ больно за моего стараго друга, котораго ты такъ оскорбилъ. Онъ страшно золъ на насъ всѣхъ. Боюсь, что онъ никогда не проститъ ни тебя, ни Дору. Я считаю своимъ долгомъ предупредить тебя избѣгать по возможности всякой встрѣчи съ судьею. Ты, конечно, немедленно женишься на Дорѣ. Онъ не будетъ присутствовать на вашемъ вѣнчаніи.

Ричардъ съ ужасомъ слушалъ, что говорилъ ему отецъ, совѣсть мучила его.

— Боже мой! — воскликнулъ онъ, бросился въ кресло и горько зарыдалъ.

Отецъ холодно посмотрѣлъ на него, удивленный его несдержанностью. Онъ не понималъ причины отчаянія сына.

— Слушай, Дикъ, — проговорилъ онъ,—дѣло сдѣлано, горевать теперь поздно, все равно ничего не подѣлаешь. Нѣтъ причины приходить въ такое отчаяніе.

— Но я не могу на ней жениться.

— Что ты сказалъ?!

— Я не могу на ней жениться. Я—какой же я дуракъ!—я уже женатъ.

Мистеръ Вандемеръ не вѣрилъ своимъ ушамъ: Дикъ вѣрно бредитъ или онъ не такъ его понялъ, какъ слѣдуетъ.

— Такъ-ли я тебя понялъ: ты женился на другой особѣ?

Ричардъ утвердительно кивнулъ головою. Мистеръ Вандемеръ повернулся къ нему спиною и уставилъ глаза въ полъ. Молчаніе длилось всего нѣсколько минутъ, но Ричарду казалось, что прошло нѣсколько часовъ.

— Отчего ты не скажешь мнѣ хоть что-нибудь,—не вытерпѣлъ, наконецъ, Дикъ.

— Что же ты желаешь услышать отъ меня? Что бы я тебѣ ни сказалъ, ты все же подлецъ и останешься имъ. Кто она такая? Что у тебя съ нею произошло и какія у тебя были намѣренія?

Ричардъ разсказалъ отцу о своей встрѣчѣ съ Эмелиною, его увлеченіи и женитьбѣ.

— Бѣдняжка Дора,—проговорилъ мистеръ Вандемеръ и его строгое, суровое лицо вдругъ сдѣлалось нѣжнымъ. Затѣмъ онъ повернулся лицомъ къ сыну и сухо проговорилъ:

— Совѣтую тебѣ уѣхать съ женою за границу. Года черезъ два можешь вернуться назадъ съ нею, такъ будетъ удобнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Думаю, что ты попалъ въ надежныя руки. Я все разскажу самъ судьѣ и твоей матери. Попрощайся съ нею и скажи, что я тебя посылаю за границу. Завтра зайдешь утромъ въ контору получить деньги на поѣздку.

Мистеръ Вандемеръ былъ далеко не трусъ и не лицемѣръ. Онъ живо вспомнилъ нѣкоторые эпизоды изъ своей молодости и не могъ бросить камнемъ въ сына. Онъ протянулъ руку. Ричардъ крѣпко пожалъ ее и, не желая встрѣтиться съ устремленнымъ на него взоромъ отца, торопливо вышелъ изъ комнаты.

На слѣдующій день судья Престонъ вошелъ въ комнату своей больной дочери и, подойдя къ ея кровати, въ немногихъ словахъ сообщилъ ей о женитьбѣ Ричарда и объ его отъѣздѣ. Затѣмъ онъ ушелъ, уступивъ мѣсто сидѣлкѣ и послалъ за докторомъ.

Дора шесть мѣсяцевъ не вставала съ кровати. Она почти все время бредила, когда же къ ней возвращалось сознаніе, она жалобно просила, чтобы ей дали умереть. Отецъ хотѣлъ перевести ее на другую квартиру, ему было противно присутствіе дочери въ его домѣ, но докторъ энергично запротестовалъ и судьѣ пришлось волей-неволей покориться.

— Будьте поласковѣе съ нею, если только она выдержитъ и не лишится разсудка,—сказалъ ему докторъ.—Необходимо, чтобы при ней постоянно находилась сидѣлка, иначе она можетъ сдѣлать попытку кончить самоубійствомъ. Сильно сомнѣваюсь, чтобы ея ребенокъ выжилъ.

Судья ухватился за эту мысль, какъ утопающій за соломинку. Вся его доброта къ дочери ограничивалась тѣмъ, что онъ больше не появлялся въ ея комнатѣ и больше не видѣлся съ Дорою.

Входъ въ его домъ былъ закрытъ для Вандемеровъ. Лу какъ-то зашла навѣстить свою подругу, но судья рѣшительно объявилъ ей, что его дочь больна и что онъ не желаетъ, чтобы въ ея комнату входилъ кто-нибудь другой, кромѣ двухъ сидѣлокъ и доктора. Что съ Дорою, держалось въ большомъ секретѣ.

Дора умоляла, чтобы ей дали умереть, но сама она никогда не рѣшилась бы на самоубійство. Она боялась погубить душу своего ребенка. Она готова была умереть вмѣстѣ съ нимъ и съ благодарною улыбкою пошла бы на встрѣчу смерти. Но убить своего ребенка она не могла. Она была страшно напугана суровымъ отношеніемъ къ ней отца, мысли ея путались отъ слабости. Въ бреду она постоянно дѣлала попытки спасти своего ребенка то отъ какой-то неминуемо грозящей ему опасности, то отъ смерти. Онъ представлялся ей свѣтло-волосымъ мальчикомъ, такимъ, какимъ былъ въ дѣтствѣ Ричардъ. Часто, умоляя Бога о смерти, она безсознательно прислушивалась къ зарождавшейся въ ней новой жизни и ради ребенка старалась успокоиться и не волноваться.

Послѣ рожденія ребенка ее трудно было разлучить съ нимъ и она часами лежала, держа его у себя на рукахъ. Какъ только сидѣлка брала у нея ребенка, она начинала безпокоиться. Она

засыпала только тогда, когда сидѣлка, видя, что съ больной ничего не подѣлаешь, клала ребенка на подушку рядомъ съ нею. Какъ только опасность миновала и Дора стала вставать ненадолго съ постели, къ ней пришелъ ея отецъ. Сидѣлка тотчасъ же по его появленіи вынесла изъ комнаты ребенка, на котораго судья не обратилъ ни малѣйшаго вниманія. Онъ всталъ передъ кроватью дочери и, сурово глядя на ея опущенную голову, объявилъ ей, что какъ только она оправится настолько, чтобы выходить, онъ отошлетъ ее въ деревню на поправку. Когда же совершенно поправится, то можетъ вернуться домой, если, конечно, захочетъ.

— Ребенка завтра же отдадутъ въ какой - нибудь пріютъ, — продолжалъ судья.—Я позабочусь о томъ, чтобы его усыновили хорошіе, достойные люди. О твоемъ грѣхѣ никто не знаетъ и, быть можетъ, тебѣ удастся избѣжать на этомъ свѣтѣ всѣхъ послѣдствій твоего позора. Что же касается твоей души, то я неустанно буду молить Бога, чтобы Онъ помиловалъ ее.

Дора молча выслушала отца. Она вся похолодѣла и застыла, ни единаго крика не вырвалось у нее. Оставшись одна въ комнатѣ, она вздрогнула, ухватилась руками за голову и напрягла всѣ свои усилія, чтобы найти выходъ изъ того ужаснаго положенія, въ которое ее ставилъ судья. Куда именно онъ отошлетъ ея ребенка? Она знала, что отецъ ей этого не скажетъ, всѣ ея разспросы ни къ чему не приведутъ. Завтра у нея отнимутъ ея дорогого малютку, а безъ него жизнь теряла всякій смыслъ. Она посмотрѣла въ окно на мрачную, холодную улицу. Былъ канунъ Новаго года. Мимо ея оконъ прошла веселая гурьба молодежи съ трубами, видимо направляясь на Бродвей. Ночь быстро надвигалась и въ паркѣ одинъ за другимъ зажигались фонари. Утромъ шелъ дождь, затѣмъ быстро сдѣлалось очень холодно и деревья покрылись легкимъ покровомъ инея, который теперь казался синеватымъ при свѣтѣ фонарей. На улицѣ лежалъ тонкій слой снѣга, на тротуарѣ была гололедица. Она украдкою обвела глазами свою комнату. Въ ея ласковыхъ сѣрыхъ глазахъ появилось несвойственное имъ выраженіе хитрости. Вошла сидѣлка и стала укладывать спать ребенка.

— Мнѣ хочется кое что перерыть въ моемъ письменномъ столѣ,—сказала она, улыбаясь сидѣлкѣ,—и въ ящикахъ. Я такъ давно не открывала ихъ!

Всѣмъ ея маленькимъ капиталомъ, доставшимся ей по наслѣдству отъ покойной матери, завѣдывалъ ея отецъ, который выдавалъ ей проценты по мѣрѣ надобности. Она зачастую брала у отца по 100 долларовъ на свои личные расходы и прятала ихъ въ нижній ящикъ своего письменнаго стола. Она выдвинула ящикъ, вынула портмонэ, въ которомъ оказалось четырнадцать долларовъ. Она вынула ихъ и украдкою спустила въ карманъ своего капота. Она облокотилась на столъ, вынула изъ коробки листъ почтовой бумаги и конвертъ и торопливо написала:

— Дорогая Лу, я въ ужасномъ состояніи и обращаюсь къ тебѣ въ своемъ горѣ. Лу, у меня родился ребенокъ и они хотятъ отнять его у меня. Я постараюсь унести его въ безопасное мѣсто и, можетъ быть, умру на улицѣ. Лицо, доставившее тебѣ эту записку, скажетъ тебѣ, гдѣ искать моего ребенка. Какъ только ты получишь эту записку немедленно поѣзжай за нимъ. Ради Бога не медли и скрой его отъ моего отца. Если я не умру, то непремѣнно буду у тебя и возьму къ себѣ моего ребенка. Я пишу второпяхъ, боюсь, какъ бы не увидѣла сидѣлка. Поѣзжай сейчасъ же за нимъ.

Она написала на конвертѣ адресъ Лу и затѣмъ сдѣлала слѣдующую приписку:

— «Прошу лицо, нашедшее моего ребенка, позаботиться о немъ и доставить эту записку по адресу.»

Она вложила записку въ конвертъ, запечатала его и положила въ карманъ.

— Я не буду раздѣваться,—сказала она,—я только прилягу немного. Такъ пріятно быть одѣтой. Я скоро встану. Мнѣ такъ надоѣло лежать.

Съ тѣхъ поръ какъ Дора стала поправляться, у нея въ комнатѣ поставили

кровать для сидѣлки. Ребенокъ спалъ съ матерью за занавѣсками въ альковѣ. Когда Дора прилегла, онъ спалъ крѣпкимъ сномъ.

Она пролежала четыре часа, прислушиваясь къ шелесту переворачиваемыхъ сидѣлкою страницъ. Наконецъ, та погасила лампу. Дора посмотрѣла на свои часы. Было десять часовъ. Въ одиннадцать она поднялась съ кровати и набросила на голову легкій платокъ, который туго завязала подъ подбородкомъ. Она побоялась открыть свой шкапъ, желая избѣжать всякаго лишняго шума. Она осторожно приподняла ребенка, завернула его въ стеганное одѣяло, пришпилила къ нему записку, адресованную на имя Лу и, раздвинувъ занавѣски, прошла въ комнату. Дойдя до дверей она остановилась и осторожно повернула ручку. Крадучись, спустилась она по лѣстницѣ, безшумно отомкнула запоры у входныхъ дверей, вышла на улицу и закрыла за собой дверь. Теперь главная опасность уже миновала. Ступеньки подъѣзда и тротуары были покрыты гололедицей, но она шла, ничего не замѣчая, и ниразу не поскользнулась. Она быстро добѣжала до Третьей авеню и сѣла въ вагонъ трамвая, направлявшійся въ сѣверную часть города; кондукторъ и пассажиры съ любопытствомъ посматривали на нее, но она не замѣчала обращенныхъ на нее недоумѣвающихъ взоровъ. Всѣ чувствовали, что тутъ что то не ладно: ея блѣдное, встревоженное лицо, ея странный костюмъ, ребенокъ, завернутый въ стеганное одѣяло, невольно возбуждали всеобщее вниманіе. Они сознавали, что надо ей протянуть руку помощи, но оставались равнодушными свидѣтелями той страшной трагедіи, которую несомнѣнно переживала молодая женщина. Дора успѣла уже обдумать весь планъ дѣйствій; она сошла съ трамвая на Шестьдесятъ седьмой улицѣ и, собравъ послѣдній запасъ силъ, еле дотащилась со своею ношею до воспитательнаго дома. Она дико озиралась по сторонамъ, тщетно стараясь отыскать глазами колыбель, которая до сихъ поръ всегда стояла возлѣ входныхъ дверей воспитательнаго дома. Лишь бы не уронить ей ребенка! Она должна сперва сдать его въ воспитательный домъ, а потомъ можно и умереть. Она позвонила, закрыла глаза и прислонилась къ стѣнѣ, стараясь побороть дурноту. Вдругъ она почувствовала, что кто то поддерживаетъ ее. У нее осторожно взяли изъ рукъ ребенка и Дора свалилась на тротуаръ въ глубокомъ обморокѣ.

Она пришла въ себя въ прихожей на скамейкѣ, одна сестра милосердія поддерживала ее, другая омывала ей лицо холодною водою и растирала ей руки. Нѣсколько поодаль стояла третья сестра милосердія съ Доринымъ ребенкомъ на рукахъ и смѣялась, глядя какъ онъ весело барахтался, хваталъ ее за чепецъ, не переставая весело ворковать.

— Видите какой онъ веселенькій,— успокаивала ее сестра милосердія.

— Онъ, вѣдь, мальчикъ?

— Да.

— Вы уже выбрали ему имя?

— Да.

— Вотъ и отлично. Мы всегда рады знать настоящія имена нашихъ дѣтей.

— Вы—вы нашли записку?

— Да, вотъ она.

— Вы пошлете за нею, какъ только я уйду отсюда?

— А вы развѣ собираетесь уходить?

Дора вопросительно посмотрѣла на нее.

— Разъ вы желаете оставить ребенка у насъ, вы должны сами положить его въ колыбель,—мягко сказала сестра. — Тогда онъ уже становится нашъ: такое у насъ уже правило. Но эта процедура въ сущности только одна формальность. Можетъ быть, вы пожелаете остаться у насъ пока совершенно не поправитесь и сами будете ходить за ребенкомъ. У насъ это разрѣшается. Когда вы поправитесь и если у васъ будетъ достаточно средствъ, чтобы воспитать его, вамъ отдадутъ его обратно.

Дора прижалась головою къ груди сестры и заплакала. Она была спасена. Она знала, что если она теперь уйдетъ отсюда, то умретъ.

Ребенокъ былъ въ безопасности и только теперь Дора поняла, что идти куда-нибудь въ такомъ видѣ прямо не-

мыслимо. Ей очень хотѣлось теперь жить. Она любила своего бѣднаго, маленькаго, веселаго сына и не могла рѣшиться на разлуку съ нимъ. Она опять впала въ полу-безсознательное состояніе. Ее уложили въ кровать; она смутно сознавала, что ребенокъ лежитъ тутъ же рядомъ съ нею и успокоенная его близостью вскорѣ заснула.

На слѣдующее утро Дору разбудилъ ея сынъ. Онъ вплотную придвинулся къ ней и своими крохотными, маленькими рученками хваталъ ее за лицо. Увидя, что мать проснулась, онъ весело сталъ дрыгать ногами, сморщилъ свое личико, мигалъ и радостно ворковалъ.

— Дорогой ты мой, — прошептала она.—Моя невинная крошка.

Она хотѣла было взять его на руки, но не въ состояніи была даже и рукою двинуть. Она невольно закрыла глаза. Она была еще очень слаба и совершенно не въ состояніи была сдѣлать хоть какое-либо движеніе. Она долго пролежала въ полу-забытьѣ, прислушиваясь къ воркованью своего сына, властно требовавшаго ея вниманія, и съ слабою улыбкою наблюдала за его попытками раскрыть ея полу-закрытые глаза. Она сознавала гдѣ она находится. Она часто бывала здѣсь прежде, всегда привозила съ собою игрушки дѣтямъ и разныя мелочи матерямъ. Она всегда охотно возилась съ дѣтворой и играла съ ними. Комната была большая, широкая съ высокимъ потолкомъ, съ обѣихъ сторонъ были громадныя окна, въ которыя врывались цѣлые снопы свѣта. Вдоль всей комнаты въ два ряда стояли кровати, которыя никогда не пустовали. Какъ теперь, такъ и прежде, эта громадная, залитая свѣтомъ комната глубоко умиляла Дору. Судьбѣ угодно было сблизить ее съ этими несчастными и безпомощными матерьями, не знавшими, гдѣ имъ приклонить голову, если бы ихъ временно не пріютилъ у себя воспитательный домъ. Дора понимала ихъ теперь, прежняя таинственность, окутывавшая ихъ, исчезла. Ей не хотѣлось мстить своему оскорбителю, она даже не считала себя опозоренною. Страха она не испытывала теперь никакого. Она съ нѣжною грустью вспоминала Ричарда и это было единственное облако, омрачавшее то счастье, которое ей доставлялъ ея ребенокъ. Образъ возлюбленнаго все болѣе тускнѣлъ по мѣрѣ того какъ она все сильнѣе привязывалась къ своему сыну. Послѣдній одинъ существовалъ теперь для нея.

Рано утромъ въ комнатѣ поднялась обычная возня. Купали дѣтей. Нѣкоторыя матери лежали больныя и вмѣсто нихъ дѣтей купали сидѣлки. Въ комнатѣ раздавались голоса матерей и дѣтей. Ей хотѣлось поболтать со своимъ крошечнымъ сыномъ, который выражалъ явные признаки недовольства ея невниманіемъ къ его нуждамъ. Если бы только она смогла выкупать, прибрать его и спѣть ему пѣсенку! Рядомъ съ нею шла веселая возня. Одна изъ матерей, очевидно, совершенно поправившаяся, шумно играла съ своею малюткою. Она катала ее по кровати, подбрасывала въ воздухъ и ласково теребила ее. Въ веселомъ тонѣ ея голоса слышалась грустная, патетическая нотка, невольно наводившая на мысль, что эта молоденькая дѣвушка уже многое успѣла пережить тяжелаго на своемъ вѣку.

— Какъ, ты опять хочешь груди!— говорила Текла.—Ахъ ты мошенница! Не къ чему было обзаводиться зубами въ такомъ случаѣ. Вотъ что выдумала, ни за что не позволю кусать меня! Срамъ какой, а еще большая дѣвочка!

Дора раскрыла глаза и увидѣла въ двухъ трехъ шагахъ отъ своей кровати молодую мать лѣтъ семнадцати не больше. Ея исхудалое лицо и фигура ясно говорили о только что перенесенной тяжелой болѣзни, но несмотря на ея плохой видъ отъ нея такъ и вѣяло молодостью и здоровьемъ. Поймавъ устремленный на нее взоръ Доры, она посадила свою дѣвочку на полъ и подошла къ сосѣдкѣ

— Васъ кажется совершенно забыли,—сказала она.—Сидѣлки всегда очень заняты по утрамъ. Вамъ придется подождать съ полъ-часа, пока до васъ дойдетъ очередь. Позвольте мнѣ все вамъ устроить, какъ слѣдуетъ.

Дора хотѣла было ей отвѣтить, но отъ слабости не въ состояніи была выговорить ни слова. Въ отвѣтъ на дружелюбное предложеніе она тихо заплакала.

— Сперва я займусь вашимъ маленькимъ,—сказала Текла. — Нѣтъ, нѣтъ, успокойтесь, я никуда не унесу его. Сейчасъ притащу сюда лоханку и полотенца.

Она убѣжала и, вернувшись, поставила лоханку на стулъ рядомъ съ кроватью такъ, чтобы Дорѣ было виденъ процессъ купанія.

— Боже мой, какой драчунъ!—удивилась она.—Никакъ мальчикъ, очень рада. Вотъ такъ, ну ка посмѣй только еще разъ меня ударить! Смотри ты у меня. Да, господинъ человѣкъ, я сразу догадалась, что ты мальчикъ. Ну, теперь, берегись,

Она окунула его въ лоханку и, смѣясь, стала проводить мокрой губкой по его тѣльцу и плескать на него водою. Его никогда въ жизни такъ не купали, но онъ покорно подчинялся и не плакалъ. Онъ фыркалъ и плескался и съ удовольствіемъ далъ себя вымыть и вытереть, не переставая все время дрыгать руками и ногами. Дора съ волненіемъ и безпокойствомъ слѣдила за купаніемъ сына. Волненіе пошло ей впрокъ и она почувствовала приливъ силъ. Глаза уже не закрывались сами, на щекахъ появился легкій румянецъ. Все ея тѣло какъ будто вдругъ согрѣлось. Ни одно лѣкарство не подѣйствовало бы такъ быстро.

— Пожалуй, лучше мнѣ не тормошить васъ,—сказала Текла.—Вы еще такъ слабы.

— Благодарю васъ,—прошептала Дора.—Если бы вы знали, какъ вы мнѣ помогли. Я теперь вѣрно скоро поправлюсь,—прибавила она и ея губы задрожали.

— Конечно. Если бы вы видѣли, какая я была страшная, когда пришла сюда.

Спустя минуту Дора заснула. Она настолько окрѣпла, что смогла взять на руки своего ребенка. Когда она опять раскрыла глаза, то очень удивилась, увидя дѣвушку, купающую ея мальчика рядомъ съ ея кроватью.

— Зачѣмъ вы его опять купаете?—взволнованно спросила она, не замѣчая въ своемъ возбужденіи какъ ей легко теперь говорить.

— Нечего сказать и спали же вы! Развѣ вы не знаете, что теперь опять уже утро?

— Не можетъ быть?

— Видъ у васъ сегодня гораздо лучше.

— Да, я хорошо себя чувствую.

Дора была очень изумлена, когда дѣвушка, покончивъ туалетъ ея сына, стала кормить его грудью.

— Онъ предпочитаетъ грудь соскѣ,—весело заявила она.—Я вчера нѣсколько разъ кормила его. Смѣшно было смотрѣть на мою Кэти. Раньше я все никакъ не могла отнять ее отъ груди, ну, а съ тѣхъ поръ какъ появился соперникъ, она очень охотно сосетъ ложку.

Съ этими словами она нагнулась и, поднявъ съ пола свою дѣвочку, усадила ее къ себѣ на колѣни. Кэти дружелюбно наблюдала за своимъ соперникомъ и время отъ времени тянулась къ нему, чтобы погладить его по головкѣ или тыкала свой маленькій кулачекъ въ грудь матери, отъ которой и она была не прочь.

— Мнѣ очень жаль, что скоро придется уйти отсюда,—нѣсколько грустно проговорила Текла.—Мнѣ бы такъ хотѣлосъ побыть здѣсь, пока вы не поправитесь совсѣмъ.

— Вы скоро уйдете? Мнѣ такъ жаль.

— Я совсѣмъ поправилась и пора уходить отсюда. Моя кроват нужна уже кому-нибудь другому, къ тому же я не могу сидѣть дольше сложа руки. Надо какъ, можно скорѣе отыскать себѣ мѣсто.

Въ глазахъ ея появилось испуганное выраженіе. Да, скорѣе бы ей найти работу, а то бѣда, не отдадутъ ей ея Кэти.

Глава XXI.

Лу была очень встревожена: прошло цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ со времени ея послѣдняго свиданія съ Дорой и она еще не разу не видалась съ нею за все это время. Она знала, что Дора при смерти и очень безпокоилась за исходъ болѣзни. Первое время Лу даже и не

подозрѣвала, чѣмъ такъ сильно больна ея пріятельница. Мисстриссъ Сторсъ такъ же до нѣкоторой степени раздѣляла тревогу дочери и чтобы хоть немножко ее успокоить отправилась къ мисстриссъ Вандемеръ разузнать о здоровьѣ больной. Вернувшись домой отъ сестры, она сказала Лу, что отъ нихъ положительно что-то скрываютъ.

— Мнѣ не удалось ничего узнать. Сусанна держала себя, по моему, очень странно. Помяни мое слово, тутъ есть какая то тайна и болѣзнь Доры только ширма, чтобы скрыть правду отъ всѣхъ.

Лу отлично знала способность матери превращать муху въ слона и всѣхъ заподозрѣвать, но все же она не на шутку встревожилась. Она вспомнила Дика и у нея промелькнула мысль, не вышло-ли у него какой-нибудь крупной размолвки съ Дорой. Черезъ нѣсколько дней онѣ узнали о неожиданномъ отъѣздѣ Дика.

— Я такъ и знала!—воскликнула мисстриссъ Сторрсъ.—Меня не проведешь! Я сейчасъ же замѣтила, что между судьею и Сусанною пробѣжала черная кошка. Навѣрное произошло нѣчто ужасное. Страшно подумать даже о такомъ скандалѣ.

— Что ты говоришь?—возмутилась Лу.—Не понимаю какъ тебѣ могутъ приходить въ голову такія мысли?

— Все возможно, моя милая, какъ бы это не было ужасно. Такіе случаи очень часты, къ сожалѣнію. Ты сама скоро увидишь, какъ я была права, такъ тщательно оберегая тебя отъ той грязи, которой изобилуетъ жизнь. Но ты еще такъ мало знаешь жизнь!

Лу не слушала, что ей говоритъ мать. Извѣстіе объ отъѣздѣ Дика перепугало ее не на шутку. Должно быть, случилось нѣчто ужасное, а то бы онъ никогда не рѣшился уѣхать, зная, что Дора такъ опасно больна. Но что же могло произойти между ними? Она нѣсколько разъ заходила къ Престонамъ, но ни разу не могла добиться свиданія съ Дорою. Дворецкій объявлялъ ей то, что миссъ Дорѣ сегодня немного лучше, то, что ей хуже, но что съ нею такою, чѣмъ именно она больна, онъ не зналъ. Лу видѣлась и съ судьею, который категорически заявилъ ей, что запрещаетъ всякія свиданія съ Дорою и проситъ не пытаться завязать съ нею переписку.

— Она, вѣроятно, поправится,—сказалъ онъ ей холодно.—На этотъ счетъ можете быть вполнѣ спокойны. Но я не желаю, чтобы она теперь видѣлась со своими знакомыми. Какъ только можно будетъ, я сейчасъ же дамъ вамъ знать.

Добиться отъ него другого отвѣта не было никакой возможности. Онъ не хотѣлъ пускать постороннихъ къ дочери, но лгать и сказать, что докторъ запретилъ всякіе визиты къ больной, онъ не рѣшался. Во избѣжаніе огласки необходимо было временно устранить отъ Доры всѣхъ ея друзей. Такая продолжительная болѣзнь, конечно, вызоветъ толки, но лучше это, чѣмъ если узнаютъ настоящую причину, заставлявшую его уединить ее отъ всѣхъ. Онъ былъ готовъ рѣшительно на все, не переступая, конечно, предѣловъ законности, только бы скрыть отъ свѣта позоръ своей дочери.

Онъ по своему любилъ свою дочь. По его мнѣнію, она навсегда опозорила себя и совершила величайшее преступленіе, на которое способна женщина. Его представленіе о нравственности, раздѣляемое сотнями сытыхъ, богатыхъ людей, не выходило за предѣлы шаблоннаго пониманія. На его взглядъ женщина должна быть чиста и неиспорчена и должна умѣть повиноваться. Всякія проявленія нѣжности и сочувствія со стороны мужчины доказывали бы, по его мнѣнію, лишь полную безхарактерность. Онъ требовалъ отъ мужчинъ твердость характера, желѣзную силу воли и суровое, безпристрастно-холодное отношеніе къ окружающимъ.

Справедливость требуетъ замѣтить, что онъ много выстрадалъ за время Дориной болѣзни и что его первое рѣшеніе относительно дальнѣйшей судьбы дочери было значительно суровѣе того, которое онъ сообщилъ ей. Онъ даже упрекалъ себя въ излишней слабости по отношенію къ ней, въ неумѣніи до конца выдержать характеръ. Честно ли онъ поступаетъ, прибѣгая ко лжи и утайкѣ, чтобы спасти свое имя отъ

громкаго скандала? Въ правѣ ли онъ избавлять дочь отъ должнаго возмездія за ея ужасный грѣхъ? Не обязанъ-ли онъ открыто отречься отъ нея, хотя и любитъ ее?

Итакъ, онъ объявилъ дочери о своемъ рѣшеніи отнять у нея ребенка и отдать его кому нибудь на усыновленіе, ей же онъ милостиво разрѣшилъ остаться жить у него въ домѣ.

Онъ былъ очень пораженъ и совершенно убитъ горемъ, когда ему сообщили о ея побѣгѣ. Она должно быть помѣшалась, иначе онъ не могъ объяснить себѣ ея поступка. Ему казалось немыслимымъ, чтобы его дочь настолько утратила всякое представленіе о стыдѣ, чтобы открыто объявить всему свѣту о своемъ материнствѣ. Онъ скорѣе бы понялъ, если бы она возненавидѣла своего ребенка, а не любила его. Да, несомнѣнно, у нея былъ бредъ, когда она бѣжала изъ дому. Необходимо сейчасъ же принять мѣры къ ея розыску. Онъ рѣшилъ не обращаться въ полицію, а поручить дѣло частному агенту. Все было вскорѣ устроено и судья нетерпѣливо сталъ ждать результатовъ. Онъ просидѣлъ все первое января въ полномъ одиночествѣ съ спущенными занавѣсями у себя въ библіотекѣ, погруженный въ мрачную мысль. Жива ли она? Неужели всѣ теперь узнаютъ правду? Ему рисовалась мрачная картина: его обезумѣвшая дочь блуждаетъ одна ночью по городу. Мысли о страданіяхъ мучила его, онъ не столько страшился ея смерти, сколько того скандала, который неминуемо тогда разразился бы, онъ боялся сплетень и толковъ людей своего круга.

День былъ почти на исходѣ, а свѣдѣній все еще не было. Въ восемь часовъ въ библіотеку вошелъ дворецкій и нерѣшительно доложилъ, что миссъ Лу желаетъ видѣть судью. Судья сердито нахмурился.

— Я уже говорилъ ей, сэръ, что вы никого не принимаете, но она ни за что не хочетъ уйти, не повидавшись сперва съ вами.

— Я не приму ее,—медленно проговорилъ судья.

Дворецкій повернулся къ двери, которая быстро распахнулась и въ комнату влетѣла Лу. Глаза ея возбужденно горѣли, густая краска заливала ея щеки.

— Мнѣ необходимо повидаться съ Дорою,—заявила она пораженному ея неожиданнымъ появленіемъ судьѣ. Голось ея сильно дрожалъ, но тонъ былъ очень рѣшителенъ. Она, видимо, очень волновалась, но храбро посмотрѣла судьѣ прямо въ глаза.

Онъ выслалъ изъ комнаты дворецкаго и указалъ Лу на стулъ.

— Доры нѣтъ здѣсь,—торжественно проговорилъ онъ, невольно выдавая своимъ тономъ и выраженіемъ осунувшагося лица овладѣвшую имъ тревогу.

— Гдѣ же она? Неужели вы не скажете мнѣ, гдѣ она? Съ нею что-нибудь случилось? Развѣ вы не знаете, какъ мы любимъ другъ друга? Вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ я не видѣла ее, а она такъ больна.

Въ комнату вошелъ дворецкій, подошелъ къ судьѣ и подалъ ему чью-то визитную карточку. Судья взглянулъ на нее и торопливо вышелъ изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся въ библіотеку въ очень взволнованномъ состояніи. Онъ закрылъ за собою двери и вопросительно взглянулъ на Лу, какъ будто желая убѣдиться, можно-ли на нее полагаться, не выдастъ-ли она его.

— Я хочу вамъ все разсказать,—сказалъ онъ.—Мнѣ необходима ваша помощь. Кажется, я могу на васъ положиться?

— Говорите—въ чемъ дѣло?

— Она ушла вчера ночью изъ дому въ одномъ капотѣ. Она была въ бреду. Сыщикъ только что сообщилъ мнѣ, что сегодня ночью въ воспитательный домъ явилась дѣвушка, похожая по описанію на нее, но фамилія ея неизвѣстна администраціи. Она и теперь тамъ. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы вы съѣздили со мною туда.

Ему необходимо было узнать, не Дора-ли эта дѣвушка, и если это окажется она, то надо тотчасъ увести ее домой.

Его тамъ никто не узнаетъ, но онъ предпочелъ бы не показываться, если можно. О ребенкѣ онъ ничего не сказалъ Лу, пусть увидитъ его, если только онъ еще не умеръ.

Лу ужаснулась, узнавъ, гдѣ находится ея подруга, но ее радовало близкое свиданіе съ Дорою и она охотно поѣхала съ судьею въ воспитательный домъ на его лошадяхъ. Они быстро промчались по Лексинтонъ Авеню и повернули за уголъ Шестьдесятъ восьмой улицы.

— Войдите, пожалуйста, я подожду васъ въ экипажѣ,—сказалъ онъ.—Если она тамъ, возьмите ее съ собою. Не говорите имъ, кто она такая. Если будутъ какія-нибудь затрудненія, то я, конечно, самъ явлюсь туда.

Она еле слышала то, что онъ говорилъ, и не успѣлъ еще экипажъ остановиться, какъ она выскочила изъ него, позвонила и тотчасъ же скрылась за захлопнувшейся за нею дверью.

— Я желаю видѣть вашихъ больныхъ,—сказала она, стараясь говорить спокойно.—У насъ случилось большое горе—скрылась дорогая намъ особа—и мы думаемъ, что она, быть можетъ, здѣсь. Можно мнѣ заглянуть въ палаты?

Сестра тотчасъ же провела ее въ длинную комнату, въ которой рядами стояли кровати. Еще не было девяти часовъ и кое-гдѣ горѣли лампы.

— Когда она пришла сюда?

— Вчера ночью. На ней былъ капотъ. Она дѣвушка. Ей девятнадцать лѣтъ. Она...

— Знаю. Если это та, про которую я думаю, то ее нельзя будить. Она была въ ужасномъ состояніи, теперь она спитъ и этотъ сонъ можетъ спасти ей жизнь. Вотъ ея кровать.

Лу судорожно ухватилась за руку сестры. На кровати лежала Дора съ мертвенно-блѣднымъ, изможденнымъ лицомъ, а на рукахъ у нея лежалъ ребенокъ.

— Ребенокъ?—прошептала Лу.—Это ея собственный? Дора—моя бѣдная, дорогая Дора!

Сестра поспѣшно увела ее прочь.

— Ее ни въ коемъ случаѣ нельзя будить,—сказала она.—Если желаете, то можете съ нею повидаться завтра утромъ. Но смотрите, будьте осторожнѣе, ей вредно волноваться.

— Когда ее можно будетъ взять домой?

— Завтра виднѣе будетъ, теперь же ничего не могу вамъ отвѣтить.

Сраженная, убитая сдѣланнымъ ею открытіемъ, Лу, спотыкаясь, дошла до кэипажа, сѣла на свое мѣсто, и откинувшись назадъ, судорожно зарыдала. Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ она настолько овладѣла собою, чтобы передать судьѣ слова сестры милосердія.

— И вы увѣрены, что это Дора, вы не ошиблись?

— Нѣтъ, нѣтъ, я не ошиблась. Ребенокъ ея?

— Да.

— Но гдѣ же Дикъ?

Судья ничего не отвѣтилъ ей?

— Гдѣ Дикъ?

— Замолчите!—хрипло проговорилъ судья, чуть не задыхаясь отъ бѣшенства.—Я не желаю слышать его имени.

Ужасное проклятіе сорвалось съ его губъ.

Лу молча рыдала, судья съ усиліемъ совладалъ съ собою. Подъѣзжая къ дому, онъ медленно проговорилъ:

— Пожалуйста, возьмите на себя заботы о Дорѣ и какъ только будетъ возможно, перевезите ее домой. Ребенка— его можно будетъ оставить тамъ же, гдѣ онъ теперь.

Лу съ удивленіемъ взглянула на него.

— Что вы говорите?—спросила она, но раньше, чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить ей, Лу вдругъ сообразила истинный характеръ его отношеній къ Дорѣ, и что она, несчастная, должна была пережить за эти шесть мѣсяцевъ.

— Какъ вы обращались съ Дорой все это время?—рѣзко спросила она.— Отвѣтьте мнѣ на мой вопросъ. Неужели вы думаете, что она согласится оставить тамъ своего ребенка? Не оттого-ли она и убѣжала изъ вашего дома? Что вы ей грозили съ нимъ сдѣлать?

Онъ съ удивленіемъ взглянулъ на Лу. Какія она говорила странныя слова. Онъ раскаивался, что довѣрилъ ей свою тайну. Онъ моментально сдѣлался чрез-

вычайно холоденъ и сдержанъ, замолчалъ и почувствовалъ себя очень нехорошо въ ея присутствіи. Лу также замолчала, теперь ей стала понятна длинная трагедія Дориныхъ страданій, дальнѣйшій планъ дѣйствій уже былъ готовъ.

— Если позволите, кучеръ отвезетъ васъ домой,—сказалъ судья, выходя изъ экипажа.

— Я предпочитаю пройтись пѣшкомъ.

Онъ протянулъ ей руку и захлопнулъ за нею дверцу.

— Прошу васъ больше не безпокоиться по этому дѣлу. Надѣюсь, вы забудете то, что видѣли.

— Я буду у Доры утромъ,—спокойно сказала она и разсталась съ нимъ.

Придя домой, она тотчасъ же прошла въ свою комнату. Она не могла ни съ кѣмъ разговаривать сегодня вечеромъ. Ей казалось, что утро никогда не настанетъ, что у нея не хватитъ силъ перенести эту длинную, томительную ночь. Какъ бы ей хотѣлось теперь хорошенько выплакаться въ объятіяхъ Доры! Она не разбиралась въ случившемся и всю ночь проворочалась въ кровати, полная скорби и нѣжной жалости къ своей подругѣ. Передъ ея глазами неотступно, какъ живая, стояла спящая Дора и ея ребенокъ. Но постепенно волненіе нѣсколько улеглось и она стала серьезно обдумывать, какъ ей теперь поступить.

«Она довольно страдала, — думала она,—и не къ чему ей еще навязывать мои горести. Утромъ отправлюсь къ ней и утѣшу ее. Спрошу ее, какъ она хочетъ устроиться и буду ей помогать. Вѣдь, есть же еще счастье на свѣтѣ, доступное и для Доры. Я ни за что не разстанусь съ нею. Я ее увезу куда-нибудь и мы поселимся въ хорошенькомъ, веселенькомъ домикѣ.

Съ этими мечтами она и заснула и во снѣ ей грезился маленькій деревенскій домикъ, залитый солнцемъ садъ и большой заросшій травой дворъ, тутъ же вблизи виднѣлись луга и прохладный лѣсъ съ его таинственнымъ полумракомъ.

Рано утромъ судья Престонъ поѣхалъ въ воспитательный домъ и его тотчасъ же провели къ Дорѣ. Услыхавъ его голосъ, она отвернулась отъ Теклы, которая укачивала ея сына, и испуганно посмотрѣла на отца.

Текла тотчасъ же отошла къ своей кровати, забравъ съ собою обоихъ дѣтей, судья усѣлся на ея мѣсто и пристально посмотрѣлъ на Дору.

— Зачѣмъ ты это сдѣлала?

— Потому, что я боялась.

— Чего ты боялась?

— Ты сказалъ, что возьмешь и увезешь его отъ меня.

— И ты думаешь, что онъ можетъ остаться у тебя?—Развѣ... развѣ ты этого желаешь?

Они взглянули другъ на друга въ полномъ недоумѣніи. Онъ былъ удивленъ и возмущенъ, она очень встревожена.

— Я не могу бросить его.—сказала она.—Онъ мой—мой сынъ. Когда онъ подростетъ, то будетъ знать хоть, кто его мать. Я ему все отдамъ, что у меня есть. Я люблю его, онъ единственное, что мнѣ осталось отъ Ричарда.

Судья вздрогнулъ, точно его ударили. Онъ весь поблѣднѣлъ, глаза загорѣлись сердитымъ блескомъ. Его возмущали слова дочери.

— То есть ты и теперь все еще любишь его?

Дора закрыла глаза, говорить больше было нечего. Защищаться она не могла. Ея отецъ тоже молчалъ, подъ вліяніемъ нахлынувшихъ на него мыслей. Неужели она такъ низко пала, что способна еще любить этого мерзавца? Неужели она не понимаетъ, какъ тяжко согрѣшила, не хочетъ искупить свой грѣхъ, загладить, если можно, свою вину? Неужели она думаетъ, что порядочные люди согласяться ее принимать, если она не откажется отъ своего ребенка и признаетъ его своимъ? Неужели она хотѣла навсегда обезчестить и себя и его? Онъ зналъ, что такія исторіи часто случаются съ дѣвушками изъ хорошихъ семей, но что послѣдствія всегда тщательно скрываютъ ото всѣхъ. Ради дочери онъ готовъ былъ заглушить голосъ совѣсти и сдѣлать все, чтобы никто не узналъ

про ея позоръ, а она отказалась. Что это сумашествіе, нравственная распущенность или глупое упрямство? Онъ молча всматривался въ лицо дочери, не зная, что ему теперь дѣлать. Мимо него прошла Лу и, наклонившись, поцѣловала Дору въ губы.

— Лу!

Она обняла ее за шею, привлекла ее къ себѣ и жалобно расплакалась.

Судья посмотрѣлъ на нихъ и ему вспомнилась его покойная жена. Она была покорная, незамѣтная женщина и ея потеря ничѣмъ не отразилась на мужѣ. Въ молодости его привлекла къ ней ея нѣжная красота и ея любящая натура. Онъ цѣнилъ ее, какъ хорошую жену, никогда не вмѣшивавшуюся въ его дѣла. Первое время онъ скучалъ безъ нея, какъ скучалъ бы по утратѣ любого предмета, къ которому онъ привыкъ. Но вскорѣ его всецѣло поглотила погоня за блестящей карьерой. Теперь покойная жена вдругъ встала передъ нимъ, какъ живая. Ему представилось, что это не Лу, а его жена стоитъ, обнявъ Дору, и горько рыдаетъ надъ нею. Глаза его затуманились, но это продолжалось недолго, и холодный разсудокъ побѣдилъ проснувшіяся было нѣжныя чувства къ дочери. Онъ былъ радъ, что его жена такъ рано умерла и что ей не суждено было перенести съ нимъ страшный ударъ, нанесенный ему дочерью.

Оставаться здѣсь дольше было пока не къ чему. Уходя, онъ подошелъ къ одной изъ сестеръ и далъ ей свою визитную карточку.

— Я написалъ на карточкѣ номеръ моего телефона, — сказалъ онъ.—Если произойдетъ какое-нибудь ухудшеніе въ состояніи здоровья этой молодой особы, прошу тотчасъ же дать мнѣ знать. Какъ только явится возможность перевести ее, я сейчасъ же возьму ее отсюда.

Онъ застегнулъ пальто, вышелъ на улицу и поѣхалъ домой.

Онъ провелъ весь день въ мрачныхъ думахъ о постигшемъ его несчастіи.

Среди дня онъ опять поѣхалъ въ воспитательный домъ. Надо уговорить Дору. Она слишкомъ изстрадалась и не знаетъ сама, что дѣлаетъ. Онъ объяснитъ ей, въ чемъ ея долгъ, и она согласится съ нимъ. Онъ пріѣхалъ и засталъ дочь спящей, видъ ребенка, который лежалъ на кровати рядомъ съ нею, подѣйствовалъ на него непріятно и онъ сердито отвернулся. Необходимо переговорить съ нею какъ можно скорѣе. Надо, наконецъ, покончить съ этимъ ужасомъ.

Вечеромъ онъ позвонилъ въ воспитательный домъ и справился по телефону сдержаннымъ, холоднымъ тономъ о здоровьѣ «той молодой особы, которую онъ нѣсколько разъ навѣщалъ». Ему отвѣтили, что она почти все время дремлетъ, что ее лихорадитъ и она очень слаба, безпокоить ее теперь ни въ коемъ случаѣ нельзя.

Передъ тѣмъ, какъ уйти, Лу также оставила сестрѣ милосердія свой адресъ.

— Если будетъ малѣйшая опасность, пришлите сейчасъ за мною,—сказала она.—Какъ вы думаете, ея положеніе опасно!

— Конечно, есть опасность. Можетъ быть, она больше и не придетъ въ сознаніе, а, можетъ быть, поправится. Все зависитъ отъ крѣпости организма.

На слѣдующее утро судья заѣхалъ опять въ воспитательный домъ. Дора проснулась и слегка могла шевелить руками и поворачивать голову. Говорить съ нею онъ не сталъ, такъ его поразило ея блѣдное, худое лицо, засохшія, нервныя губы. Онъ инстинктивно почувствовалъ, что однимъ словомъ можетъ убить это хрупкое существо, жизнь котораго и безъ того висѣла на волоскѣ. Онъ устремилъ пристальный, мрачный взглядъ на дочь. Она почувствовала на себѣ его взглядъ и заволновалась; ей хотѣлось, то спрятаться отъ этихъ холодныхъ, непріязненныхъ глазъ, то броситься въ объятія отца, котораго она такъ любила и боялась и которому привыкла съ дѣтства повиноваться во всемъ. Она закрыла глаза, но чувствовала его близость и догадывалась о томъ, что ему такъ хотѣлось сказать ей. Она заплакала и стала бредить. Онъ испуганно всталъ и подозвалъ сидѣлку.

— Что это съ нею?—спросилъ онъ.— Неужели она такъ серьезно больна?

— Ей необходимъ полный покой,— отвѣтила сидѣлка.—Совѣтую вамъ лучше поѣхать домой.

Не успѣлъ судья уйти, какъ явилась Лу и пришла въ полное отчаяніе, узнавъ, что у Доры сильнѣйшій бредъ. Во всемъ она винила судью и не на шутку на него разсердилась.

— Не пускайте его къ ней,—сказала она. — Онъ только волнуетъ ее своимъ присутствіемъ.

— Да, я тоже замѣтила это, жаль, что съ самаго начала не сказали мнѣ,— отвѣтила сидѣлка.

Лу долго просидѣла возлѣ больной Доры. Наконецъ пришелъ докторъ и больная нѣсколько успокоилась.

— Ну,—что, какъ?—спросила Лу съ тревогою въ голосѣ.

— Теперь ничего не могу сказать опредѣленнаго,—отвѣтилъ онъ.—Очень ужъ она слаба.

Лу весь этотъ день не отходила отъ кровати Доры. Дора открыла глаза и какъ будто узнала ее, но бредъ все продолжался. Несмотря на переживаемую тревогу за жизнь любимой подруги, Лу съ любопытствомъ оглядывалась кругомъ и все больше умилялась при видѣ этихъ несчастныхъ матерей. Тутъ было человѣкъ двадцать выброшенныхъ на улицу матерей съ дѣтьми. Большинство были еще очень молодыя дѣвушки. Онѣ пришли сюда потому, что любили своихъ дѣтей и не могли рѣшиться такъ или иначе развязаться съ ними. Многія изъ нихъ, сложись ихъ судьба иначе, были бы хорошими женами и матерями. Люди жестоко посмѣялись надъ ними и онѣ теперь принуждены были страдать и болѣть въ этой большой, свѣтлой комнатѣ, гдѣ все было имъ такъ чуждо.

Вся комната была наполнена какой-то особой атмосферой трогательной нѣжности и Лу съ ея обычною чуткостью поняла это. Она не понимала еще весь трагизмъ положенія этихъ молодыхъ, загубленныхъ дѣвушекъ — матерей, но печаль, которая была разлита по всей комнатѣ, неотразимо подѣйствовала на нее. Вечеромъ, возвращаясь домой съ своего дежурства возлѣ Доры, она ощущала на себѣ такой тяжелый гнетъ, отчаяніе душило ее.

Въ первомъ часу ночи она усѣлась у своего окна, спать она не могла. Вдругъ у входныхъ дверей раздался звонокъ. Она побѣжала внизъ, что-нибудь случилось съ Дорою, ей, вѣроятно, очень плохо.

Въ дверяхъ стоялъ посыльный воспитательнаго дома. Она взяла у него записку, подошла къ лампѣ и прочла:

— Молодая женщина умираетъ.

Услыша приближающіеся шаги матери въ корридорѣ, она торопливо разорвала записку и сунула клочки къ себѣ въ карманъ.

— Кто пришелъ? — спросила мисстриссъ Сторрсъ.—Зачѣмъ ты спустилась сверху?

— Мама,—сказала Лу,—Дора умираетъ. Судья прислалъ за мною. Я сейчасъ должна итти къ ней.

Она поспѣшно вышла изъ прихожей, мать пошла за нею. Мисстриссъ Сторрсъ была въ большомъ волненіи и все твердила, что она также поѣдетъ съ дочерью къ умирающей.

— Пожалуйста, распорядись, чтобы мнѣ наняли кэбъ,—сказала Лу. Кэбъ стоялъ у подъѣзда, Лу быстро собралась и поѣхала одна, несмотря на протесты своей матери.

Судью вызвали по телефону одновременно съ Лу. Металлическій оттѣнокъ, который придаетъ голосу телефонъ какъ то особенно раздражалъ его сегодня. Онъ повѣсилъ трубку и глухимъ, старческимъ голосомъ распорядился, чтобы запрягали лошадей.

Затѣмъ онъ размѣреннымъ, ровнымъ шагомъ пошелъ за своимъ плэдомъ, въ ушахъ его раздавались только что сказанныя по телефону роковыя слова. Одѣвшись, онъ спустился въ полутемную прихожую и нѣсколько минутъ простоялъ, нервно теребя подбородокъ и не отрывая глазъ отъ пола. Экипажъ все еще не подавали, судья волновался и сердился.

— Скажите Патрику, чтобы онъ поторапливался,—сказалъ онъ.

Наконецъ экипажъ подкатилъ къ подъѣзду, судья сѣлъ въ карету и поѣхалъ.

Въ ночной тиши гулко раздавался топотъ лошадиныхъ копытъ. Онъ ѣхалъ по безлюдной Лексинтонской авеню и по обѣимъ сторонамъ тротуара тянулся рядъ слабо мерцающихъ фонарей. Ночь была холодная и темная и какъ нельзя лучше соотвѣтствовала настроенію судьи. Что-то теперь съ его дочерью? Жива-ли она еще?

Карета завернула на Шестьдесятъ седьмую улицу и остановилась у подъѣзда. Во всемъ громадномъ зданіи только въ двухъ трехъ окнахъ виднѣлся еще слабый свѣтъ. Онъ съ трудомъ поднялся по лѣстницѣ и позвонилъ. Дверь ему открыла сестра милосердія, которая заговорила съ нимъ въ полъ голоса. Онъ пошелъ въ палату, гдѣ лежала его дочь, и ему показалось, что его шаги звучатъ необычайно громко. Нервы его были страшно напряжены, и онъ реагировалъ на всякій пустякъ.

Очутившись возлѣ кровати дочери, онъ по лицу ея тотчасъ же понялъ, какъ серьезно ея положеніе. Румяныя когда-то щечки стали восковыми, онъ еще ни разу не видѣлъ ее такой за всѣ свои посѣщенія.

— Она спитъ?—машинально спросилъ онъ.

Дежурная сестра покачала головою.

— Она безъ сознанія,—отвѣтила она шепотомъ.

Онъ взглянулъ на нѣжное лицо дочери и оно тронуло его. Онъ устало сложилъ руки и сѣлъ, надѣясь, что она все же придетъ еще въ себя.

Вскорѣ затѣмъ пріѣхала Лу. Она вошла въ комнату, прошла мимо судьи и взволнованно заглянула въ лицо больной. Затѣмъ она молча сѣла. Судья не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на ея появленіе и сидѣлъ мрачнѣе ночи, поглощенный своими безотрадными мыслями.

А часы все шли и шли. Судья и Лу все еще дежурили возлѣ Доры, когда она открыла глаза. Она была въ полной памяти и ясно все видѣла. Ей, видимо, хотѣлось что-то сказать. Лу опустилась на колѣни возлѣ ея кровати.

Дора хотѣла сдѣлать движеніе, но у нея не хватило силъ. Она съ трудомъ приподняла одну руку и тотчасъ же опустила ее.

— Лу,—прошептала она, — не дай имъ отнять его у меня.

— Ни за что,—прошептала въ отвѣтъ Лу.—Не безпокойся.

Дора закрыла глаза, истощивъ весь свой маленькій запасъ силъ. Она какъ то странно затихла вдругъ.

— Она умерла,—простоналъ судья.— Она умерла!

Докторъ внимательно посмотрѣлъ на больную, затѣмъ дотронулся до плеча судьи, сдѣлалъ Лу знакъ, чтобы она слѣдовала за ними и повелъ ихъ въ прихожую.

— Она заснула и, можетъ быть, совершенно поправится. Вамъ, — и онъ взглянулъ на судью, — лучше вовсе не показываться ей. Вы только вредите ей. Молодую леди попрошу бывать какъ можно чаще, важно, чтобы больная увидѣла ее, когда проснется. Если болѣзнь пойдетъ нормальнымъ ходомъ, то первое время она будетъ очень много спать.

Лу слушала доктора, затаивъ дыханіе, и невольно схватилась за грудь. Судья простился и уѣхалъ. Докторъ, обратился къ Лу и спросилъ ее:

— Вы согласны просидѣть у кровати больной всю ночь напролетъ?

— Какъ вы думаете, она поправится?

— Да, она любитъ своего ребенка и въ немъ ея спасеніе.

Глава XXII.

Въ теченіе послѣдующихъ трехъ дней Дора почти все время спала. Каждый разъ, когда она просыпалась, первое, что ей бросалось въ глаза, была Лу съ ребенкомъ на рукахъ. Лу провела одну ночь въ воспитательномъ домѣ, на слѣдующій день она вечеромъ отправилась домой, переночевала тамъ, рано встала и побѣжала къ Дорѣ. Такъ продолжалось все время, пока Дора лежала въ воспитательномъ домѣ. Ей жаль было разлучаться съ Дорою, хотя бы не надолго, и она искренно негодовала, что сонъ отнимаетъ у нея столько драгоцѣнныхъ часовъ.

— Она просыпалась ночью?—спра-

шивала Лу сидѣлку, какъ только она приходила въ воспитательный домъ. Но кромѣ безпокойства о Дорѣ, была еще и другая причина, заставлявшая ее бѣжать рано утромъ въ воспитательный домъ. Получивъ успокоительный отвѣтъ и, узнавъ, что Дора съ вечера еще не просыпалась, Лу на цыпочкахъ проходила черезъ всю громадную комнату и наклонялась надъ колыбелью, въ которой лежалъ и спалъ Доринъ ребенокъ. Иногда его глаза были широко раскрыты и Лу казалось, что онъ поджидаетъ ея появленія, такъ какъ, увидя ее, онъ тотчасъ же тянулся къ ней своими ручонками и всѣмъ своимъ маленькимъ тѣльцемъ, весело начиналъ разговаривать по своему и чмокалъ губами. Лу была бы очень удивлена, если бы она могла взглянуть на себя со стороны въ то время, когда она стояла, наклонившись надъ колыбелью. Радостная встрѣча ребенка совершенно преображала ея лицо и доставляла ей громадное удовольствіе.

Лу всѣ эти страшные дни почти ни надъ чѣмъ не задумывалась противъ обыкновенія. Ей просто страшно было думать о чемъ-нибудь. Ей казалось, что она идетъ во снѣ по травѣ и цвѣтамъ, солнце весело сверкаетъ, а краемъ глаза она видитъ край пропасти. Она боится заглянуть въ нее, слишкомъ она близка отъ нея.

Веселый ребенокъ не желалъ думать, а Дора только изрѣдка просыпалась и была еще слишкомъ слаба для этого.

Лу тщательно избѣгала всякихъ разговоровъ съ матерью и, вернувшись домой, подъ предлогомъ усталости тотчасъ же отправлялась къ себѣ въ комнату. По вечерамъ Эдъ поджидалъ ее по близости и провожалъ ее до угла сквера. Но онъ все больше молчалъ, отлично понимая ея настроеніе. Лу была ему очень благодарна за это. Она разсказала ему всю исторію съ Дорою и сообщила ему о рожденіи ребенка, скрыть которое было немыслимо, все равно, онъ узналъ бы эту тайну рано или поздно. Она не могла въ точности вспомнить тѣ выраженія, въ которыхъ она разсказала ему о случившемся, но часто, сидя возлѣ постели Доры, передъ нею вставала вся сцена этого разговора съ нимъ. Она вновь переживала то болѣзненное чувство полнаго отчаянія, съ которымъ она тогда такъ торопливо разсказала ему все и тотъ ужасный моментъ, который она испытала, когда все уже было ею сказано. Ей казалось тогда, что стоитъ ему заговорить и она навсегда возненавидитъ его. Но онъ промолчалъ, взялъ ее подъ руку и повелъ ее дальше.

Она сама едва-ли сознавала, что она съ каждымъ днемъ все больше и больше ищетъ въ немъ поддержки. Если она, случалось, и вспоминала о своихъ отношеніяхъ къ нему, то тотчасъ же увѣряла себя, что бракъ для нея теперь немыслимъ. Она старалась не думать объ этомъ, такъ какъ тотчасъ вставало передъ нею ужасное несчастіе Доры и горькая судьба, которой она была всецѣло обязана своей обманутой любви. Она ненавидѣла теперь всѣхъ мужчинъ. Въ качествѣ мужчины Адамсъ сталъ ей прямо нестерпимъ. Но какъ олицетвореніе сильной поддержки и сочувствія, онъ дѣйствовалъ на нее успокаивающе. Онъ нравственно поддерживалъ ее во время выздоровленія Доры. Она почувствовала бы себя очень одинокой, если бы онъ не поджидалъ ее по вечерамъ у воспитательнаго дома. Она или разговаривала съ нимъ или молчала, смотря по настроенію. Онъ былъ отличный товарищъ, искренній, полный надеждъ и здоровья и такъ умѣлъ входить въ ея положеніе, что, когда онъ говорилъ, она прислушивалась не къ словамъ, а къ его пріятному голосу, который такъ успокаивалъ и подбодрялъ ее.

Но настало время, когда и ей пришлось подумать о будущемъ и откровенно высказаться на этотъ счетъ. Какъ то вечеромъ, направляясь съ нимъ домой, она вдругъ объявила ему:

— Какъ только Дору можно будетъ перевести оттуда, мы наймемъ домъ гдѣнибудь въ деревнѣ и поселимся вмѣстѣ.

— Да,—сказалъ онъ,—мы это сдѣлаемъ.

Она быстро подняла глаза и посмотрѣла на него, но встрѣтивъ его улы-

бающійся взоръ смутилась и стала глядѣть въ другую сторону. Она знала, что ей необходимо поскорѣе отвѣтить и разсѣять его заблужденіе. Казалось такъ просто было сказать:—«Я не могу выйти за тебя, Эдъ. Это вопросъ конченный». Но, можетъ быть, она была не вполнѣ искренна, схитрила сама съ собою, повторяя себѣ эти слова. Помолчавъ, она прервала молчаніе и сказала:

— Мы поселимся гдѣ-нибудь по близости и мы будемъ изрѣдка видѣться... съ тобою.

Онъ посмотрѣлъ на нее и отвѣтилъ:

— Всегда.

Что ей было съ нимъ дѣлать?

— У меня есть въ виду чудное мѣстечко въ Оранжевыхъ горахъ,—продолжалъ онъ.—Тамъ прелесть, какъ хорошо. Видъ со скалы чудесный на окрестности, море и рѣку Гудсона. Нью-Іоркъ кажется обитателямъ этихъ мѣстъ какимъ-то миѳическимъ городомъ и еле виднѣется на горизонтѣ. Домъ и лугъ акровъ въ восемь примыкаютъ къ старой фермѣ. Пройдя нѣсколько шаговъ отъ нашего дома находятся хозяйственныя постройки фермера и его жены. Они сдаютъ домъ, кромѣ нихъ никакихъ другихъ сосѣдей. Тутъ же прекрасный лѣсъ, обрамляющій нашъ лугъ. Хочешь поѣхать посмотрѣть?

— Судя по описанію, тамъ должно быть отлично!

— Ѣдемъ завтра?

— Я переговорю съ Дорою.

Она весь вечеръ провела въ своей комнатѣ, сидя у окна и глядя на пустынный скверъ, который казался особенно мрачнымъ при электрическомъ освѣщеніи. Настроеніе ея было грустное, но спокойное. Она глядѣла на опустѣвшій, безжизненный скверъ, но въ сущности думала совсѣмъ о другомъ: она думала о жизни, которая еще такъ недавно казалась ей чѣмъ-то волшебно-прекраснымъ и которую суровая дѣйствительность лишила теперь всякихъ прекрасъ, оставивъ ей вмѣсто чудныхъ иллюзій одинъ сплошной кошмаръ. Тишина царившая въ скверѣ какъ нельзя лучше соотвѣтствовала ея настроенію. Она уже не въ состояніи была бы по прежнему откликнуться на его призывный веселый говоръ и шумъ. Въ мечтахъ она все уносилась къ кровати Доры. Съ дѣтства она мечтала о свободѣ. Да, на свѣтѣ существуетъ радость, но только для тѣхъ, которые не знаютъ преградъ для исполненія своихъ желаній. Всякая мечта о безграничной свободѣ теперь кончалась воспоминаніемъ объ арестѣ Теклы. Какъ жаль! Она сообразила, что разбирается въ обломкахъ собственныхъ иллюзій. Но у нея былъ вѣрный другъ Эдъ и сознаніе, что онъ въ городѣ, недалеко отъ нея, успокаивало ее. Со временемъ, быть можетъ, она и выйдетъ за него замужъ, если все уладится; вѣдь хороша не только ранняя молодость, но и болѣе солидный возрастъ имѣетъ свою прелесть.

Она все никакъ не могла рѣшиться заговорить съ Дорою о своихъ планахъ. Время проходило быстро и незамѣтно. Наконецъ, Дора настолько окрѣпла, что уже могла сидѣть на кровати, подпертая со всѣхъ сторонъ подушками. Она искренно радовалась обществу Лу, интересовалась своимъ ребенкомъ и принимала большое участіе въ сидѣлкѣ и другихъ больныхъ. Первое время Лу и Дора старательно избѣгали и старались забыть трагическій элементъ, присущій всѣмъ обитательницамъ этой комнаты и все то, что произошло въ домѣ судьи и закончилось уже здѣсь въ палатѣ. Но онѣ такъ любили и такъ понимали другъ друга, что вскорѣ эта преграда между ними оказалась излишней и рухнула сама собою. Трудно было грустить въ обществѣ этого жизнерадостнаго ребенка. Онѣ постоянно возились съ нимъ; Дорины силы замѣтно возстановлялись съ каждымъ днемъ къ ихъ великой радости.

— Гдѣ мы будемъ жить, Дора?—спросила ее Лу спустя нѣсколько дней послѣ разговора съ Эдомъ. — Можетъ быть, ты уже имѣешь что-нибудь въ виду?

— Отецъ, конечно, будетъ выдавать мнѣ сколько надобно будетъ на прожитіе: ты знаешь, деньги мои,—отвѣтила Дора.—Мнѣ бы хотѣлось жить въ деревнѣ, а тебѣ?

— Да, и чтобы лѣсъ былъ недалеко.

— Въ лѣсу такъ тихо и хорошо, никого нѣтъ.

— Но, можетъ быть, ты облюбовала какое-нибудь мѣстечко?

— Нѣтъ. Мнѣ не хотѣлось бы уѣзжать далеко отъ города. Но я предпочла бы устроиться въ деревнѣ, гдѣ мало людей, какъ ты думаешь, можно найти что-нибудь подходящее около Нью-Іорка? Я не могу уѣхать далеко, меня потянетъ назадъ въ городъ.

— Кажется, мнѣ удастся все устроить. Я знаю такое укромное мѣстечко.

— Правда?

— Да, въ Оранжевыхъ горахъ. Домъ стоитъ посреди луга, вблизи него лѣсъ. Кромѣ фермера и его жены никакихъ другихъ сосѣдей. Съ утеса вдали еле виднѣется Нью-Іоркъ и гдѣ-то тамъ далеко океанъ.

— Ахъ,—вздохнула Дора,—поѣдемъ туда.

— Помнишь, — начала Лу, но ее прервала Дора. Губы ея сильно дрожали.

— Подожди—не надо еще говорить объ этомъ, Лу, милая,—сказала она. Затѣмъ, помолчавъ, прибавила:—Я не хочу ничего забывать. Я хочу все запомнить безъ всякой боли. Но пока мнѣ тяжело вспоминать прошлое.

— Вѣдь мы всегда мечтали поселиться вмѣстѣ, Дора. Мы будемъ счастливы.

— Ты очень добра ко мнѣ.

Утромъ Лу встрѣтила Адамса на углу сквера. Она поспѣшила ему навстрѣчу быстрой и легкой походкой.

— Я переговорила съ Дорою,—сказала она,—улыбаясь ему, и кажется, ей понравилось твое предложеніе.

— Отлично,—весело отвѣтилъ онъ.— Что же ѣдемъ сейчасъ осматривать домъ и мѣстность?

Она простояла нѣсколько секундъ и, улыбаясь, не сводила съ него глаза, пока они неожиданно не наполнились слезами. Они взялись за руки, какъ деревенскіе влюбленные, и медленно и молча пошли по направленію къ перевозу.

Она безсознательно старалась держаться поближе къ нему. Пока онъ бралъ билеты, она стояла рядомъ съ нимъ и заглядывала ему въ лицо. На перевозѣ они облокотились на перила и тѣсно прижались другъ къ другу. Какъ они были счастливы. Они то смотрѣли на воду, то на чаекъ, то на снующіе взадъ и впередъ пароходики, то на громадные океанскіе пароходы. Вдали сквозь дымку тумана вырисовывались Оранжевыя горы. Они заглянули другъ другу въ глаза и улыбнулись. Такія минуты полнаго счастья очень рѣдки, не хочется говорить и блаженство разлито по всему тѣлу.

Сидя въ вагонѣ, они смотрѣли на мелькавшіе мимо нихъ луга, фермы, помѣстья и извилистыя дороги. Въ воздухѣ уже пахло весною. Около какой-то станціи Лу указала пальцемъ на распустившіяся ивы, Эдъ понялъ ее, закивалъ головою и улыбнулся.

На станціи Истъ Оренджъ среди дожидавшихся экипажей ихъ вниманіе привлекла низенькая, открытая повозка.

— Кажется, она намъ подойдетъ?— спросилъ онъ дипломатично, глядя въ другую сторону.

— Да,—тихо отвѣтила Лу,—но мнѣ жаль будить бѣдную старую лошадь.

Несмотря на это возница скоро замѣтилъ ихъ и подошелъ къ нимъ.

— Поѣдете, что ли?—спросилъ онъ, указывая кнутомъ на свою повозку.

Они покорно повиновались и усѣлись въ повозку. Они были оба въ веселомъ настроеніи и все, все рѣшительно нравилось имъ, начиная съ старой, облѣзлой повозки и кончая сильно помятымъ цилиндромъ ихъ степеннаго, невозмутимо-спокойнаго возницы. Они попросили его не гнать лошадь, а дать ей итти шагомъ, такъ какъ она замѣтно хромала. Они выѣхали изъ села и медленно подвигались впередъ по проселочной дорогѣ.

Минутами Лу приходила мысль, что сегодня она могла бы рѣшиться на все. Но при этой мысли она вдругъ смущалась и не могла прямо посмотрѣть Адамсу въ глаза. Но то были лишь мимолетныя ощущенія. Она была счастлива, а тамъ будь, что будетъ!

— Не говори мнѣ, Эдъ, который

домъ будетъ нашъ, я сама хочу отгадать,—сказала она.

Онъ далъ ей торжественное слово исполнить ея просьбу. Вскорѣ показалась ферма невдалекѣ отъ которой стоялъ домъ. Она внимательно изучила видъ и украдкою взглянула на Эда. Онъ смотрѣлъ въ пространство тупымъ, ничего не выражающимъ взглядомъ.

— Совсѣмъ не къ чему строить изъ себя идіота,—сказала она.—Я отлично знаю, что это не то, здѣсь нѣтъ лѣса.

— Вотъ и вся благодарность за честное исполненіе даннаго обѣщанія,— прошепталъ онъ.

Обоимъ стало еще веселѣе.

— Эдъ, — закричала она,—останови лошадь. Смотри, вотъ весна.

Онъ увидѣлъ кустъ весь покрытый почками, выпрыгнулъ изъ повозки и нарѣзалъ ей цѣлый пукъ вѣтвей своимъ огромнымъ складнымъ ножемъ. Вѣтки онъ передалъ ей. Такіе эпизоды юности не забываются и въ преклонныхъ годахъ. Она заглянула ему въ глаза и улыбнулась. Спустя минуту ея руки, складывавшія вѣтви въ букетъ, задрожали. Его глаза ясно сказали ей:— «Это букетъ для невѣсты».

Она осторожно положила его себѣ на колѣни и закрыла глаза. Ей не хотѣлось думать, — она была счастлива и не хотѣла думать.

Адамсъ задумался. Какъ она послушно и покорно слѣдовала за нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не давалъ ей понять, чего онъ отъ нея хочетъ. Что это—любовь или гипнотизмъ? Онъ не могъ откровенно высказатьтя передъ этой дѣвушкой, а въ его помыслахъ не было ничего дурного.—Знаніе порождаетъ невинность, — думалъ онъ.— Скромность—одно притворство. Чтобы сохранить свою невинность, мы должны понимать жизнь. Но откуда же могла Лу взять это пониманіе? Мисстриссъ Сторсъ совершенно не знала жизни въ ея высшихъ проявленіяхъ и знакомила свою дочь только съ ея декораціями, съ мишурою.

Адамсъ понималъ, что Лу и Дора одинаково нуждаются въ немъ и что онъ обязанъ молчать и не раскрывать истины своей невѣстѣ, если намѣренъ до конца исполнить свой долгъ.

Раздавшійся рядомъ съ нимъ вздохъ, вывелъ Адамса изъ его глубокой задумчивости. Онъ повернулся къ Лу, которая примостилась поудобнѣе въ своемъ уголку и заснула. Лошадь еле плелась, ея голова опускалась все ниже и ниже, возница также дремалъ.

Кое какъ они наконецъ доѣхали до цѣлаго ряда кленовъ. Полусонная лошадь почувствовала пріятную прохладу, сдѣлала нѣсколько шаговъ и замерла на мѣстѣ. Эдъ улыбнулся, сама судьба направила ихъ сюда.

— Ну, трогай, — закричалъ очнувшійся возница.

— Не надо,—сказалъ Адамсъ,—мы уже доѣхали, куда надо.

Лу раскрыла глаза и привстала

— Развѣ мы уже пріѣхали?

Она оглянулась вокругъ и съ благодарностью посмотрѣла на него. Онъ спросилъ ее, какъ ей здѣсь нравится и она молча отвѣтила ему. Лучшаго мѣста нечего было и желать.

За кленами виднѣлся одноэтажный домъ съ покатой крышей, громадными окнами на чердакѣ и съ широкимъ крыльцомъ. Къ дому вела дорожка, по обѣ стороны которой были устроены клумбы, прикрытыя соломою.

— Вотъ крокусы, тюльпаны и нарциссы, — сказала она, указывая на клумбы.

— Гдѣ?

— Да тамъ подъ соломою.

— Хорошо. Подожди немного, я сейчасъ пойду за ключами.

Онъ подозвалъ возницу и быстро пошелъ вдоль изгороди къ группѣ строеній, виднѣвшейся нѣсколько поодаль. Да, она себѣ представляла ихъ именно такими, всѣ эти амбары, коптильню и сарайчики. Ферма какъ двѣ капли воды походила на ея собственный домъ. Ея собственный домъ! Какъ пріятно звучали эти слова. Она вытянула шею и съ нетерпѣніемъ ожидала возвращенія Адамса съ ключами.

— Непремѣнно надо перевести сюда Дору какъ можно скорѣе,—сказала она ему. — Какъ ты думаешь, она въ со-

стояніи будетъ вынести такое путешествіе?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, Лу. Пусть она хоть завтра пріѣдетъ.

— Надо сперва обмеблировать домъ.

— Это уже сдѣлано.

— Эдъ!

— Все готово, можно хоть сейчасъ поселиться. Сама дополнишь, что надо потомъ.

Она не могла говорить и только молча посмотрѣла на него. Онъ нагнулся, чтобы всунуть ключъ въ замокъ, она положила ему на плечо свою руку и сказала:

— Эдъ, ты всегда будешь любить Дору?

— Да, Лу.

И такъ они обручились. Обѣдъ, поданный имъ на крыльцѣ у фермера, состоялъ изъ хлѣба и молока, сыра и яблочнаго пирога со сливками.

Лу посвятила два часа на осмотръ своего новаго дома.

— Какъ ты умудрился такъ хорошо все устроить, Эдъ! Тутъ рѣшительно все есть.

— Мнѣ помогла жена фермера.

— Если бы Дора была бы здѣсь! Мнѣ совсѣмъ не хочется возвращаться

— Переночуемъ здѣсь, а завтра утромъ поѣдемъ и привеземъ сюда Дору.

— Дома будутъ безпокоиться обо мнѣ.

Она колебалась и посмотрѣла на него, не зная, на что ей рѣшиться.

— Мы имъ напишемъ,—весело сказалъ онъ и вышелъ изъ комнаты съ видомъ человѣка, которому предстоитъ выполнить еще какую то работу.

Она усѣлась на первый попавшійся стулъ, чтобы собрать свои мысли. Что такое должно было сейчасъ съ нею случиться? Теперь ей все стало казаться страннымъ, начиная съ поѣздки сюда. Она подошла къ окну и увидѣла Адамса, который промчался мимо на телѣгѣ, запряженной лошадью фермера. Онъ свернулъ на большую дорогу и поѣхалъ по направленію къ Истъ Орэнджъ. Она невольно вскрикнула. Глаза ея свѣтились мягкимъ свѣтомъ, и она весело улыбнулась. Вскорѣ Адамсъ и его телѣга совершенно скрылись изъ виду.

Въ четыре часа кто то подъѣхалъ къ калиткѣ, она посмотрѣла въ щелочки жалюзи и увидѣла сидящаго въ телѣгѣ пастора и Эда, который со встревоженнымъ видомъ направлялся къ дому. Она поспѣшно бросилась къ двери, отворила ее, спокойно вышла на крыльцо. Спускаясь со ступенекъ, она столкнулась съ Эдомъ.

— Пойдемъ подъ деревья,—сказала она.

Пасторъ видимо спѣшилъ, онъ спрыгнулъ съ телѣги съ книгою въ рукахъ и, направляясь къ калиткѣ, перелистывалъ ее на ходу.

— Ну, теперь все въ порядкѣ, — сказалъ онъ, глядя на нихъ поверхъ очковъ, и поставилъ Лу и Адамса рядомъ передъ собою.

Лу устремила глаза на землю и съ интересомъ разсматривала молодую траву, пробивающуюся сквозь засохшую прошлогоднюю. Надъ ея головой свѣшивались вѣтки клена, густо покрытыя почками.

Она улыбнулась серьезному пастору, который смотрѣлъ на нее поверхъ очковъ, и еле слышно прошептала: «да, согласна». Она ни разу не взглянула на Эда, но судорожно пожала ему руку въ отвѣтъ на его пожатіе и ея сердце замерло.

Пасторъ порывисто вытащилъ изъ кармана часы, посмотрѣлъ на нихъ и воскликнулъ:

— Мнѣ остается всего тридцать минутъ до поѣзда.

— Поспѣемъ,—успокоилъ его Адамсъ. Затѣмъ онъ повернулся къ Лу, схватилъ ея руку и потрясъ ее. — Я обѣщалъ доставить его обратно, — объяснилъ онъ ей.—До свиданья.

Онъ разсмѣялся и бросился бѣгомъ къ телѣгѣ, за нимъ послѣдовалъ взволнованный пасторъ. Эдъ обернулся, чтобы еще разъ взглянуть на Лу. Лицо его сіяло безумнымъ счастіемъ, онъ махнулъ ей рукой, тронулъ лошадь и скрылся изъ виду, поднявъ за собою цѣлый столбъ пыли.

Лу оперлась на калитку и лѣниво раскачивала ее взадъ и впередъ, пока онъ окончательно не скрылся изъ виду.

Она машинально вошла въ домъ, прошла въ гостиную и остановилась, не отрывая глазъ отъ пола.

— Какъ все это странно случилось, прошептала она.

Она нервно ходила по комнатамъ, разсматривала себя въ зеркала и, наконецъ, придвинула стулъ къ одному изъ оконъ, изъ котораго была видна проѣзжая дорога.

Человѣкъ, къ которому она до сихъ поръ такъ критически относилась, противъ котораго она такъ часто возставала, надъ которымъ она любила потрунить, вдругъ выросъ въ ея глазахъ. Имъ дѣйствительно можно было гордиться, ему можно было вѣрить, онъ заслуживалъ ея любовь и ласку. Она вспомнила тѣ странные вопросы, которые онъ ей такъ серьезно ставилъ по возвращеніи въ городъ, и какъ она тогда обидѣлась на него. Она улыбнулась, но тотчасъ же опять сдѣлалась серьезною. Губы ея слегка двигались. Она молилась по настоящему впервые за много лѣтъ.

— Да, любовь такого человѣка большое счастіе,—проговорила она вслухъ.

Она облокотилась на подоконникъ и задумчиво смотрѣла на дорогу. Становилось все темнѣе и темнѣе. Она услышала стукъ приближающихся колесъ и пошла на встрѣчу Эду.

* * *

Вскорѣ послѣ женитьбы Адамсъ съ увлеченіемъ занялся адвокатурою. Многіе считали его большимъ оригиналомъ. Онъ не бралъ на себя веденіе такихъ дѣлъ, которыя можно было выиграть, только очернивъ репутацію противной стороны. Защищалъ онъ съ увлеченіемъ. Онъ сдѣлался большимъ знатокомъ по веденію сложныхъ, принципіальныхъ дѣлъ и никогда не бралъ за нихъ гонорара. У него была таже закваска, что и у пророковъ, которые въ былыя времена такъ надоѣдали людямъ, но онъ рѣшилъ идти къ своей цѣли инымъ путемъ и сумѣлъ пріобрѣсти вѣсъ и положеніе, не возбуждая всѣхъ противъ себя.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Ричарда за границу, мистеръ и мистриссъ Вандемеръ сообщили своимъ ближайшимъ друзьямъ о его женитьбѣ.

Постепенно въ Нью-Іоркѣ распространился слухъ, что молодая мистриссъ Вандемеръ, чрезвычайно умная и красивая, дочь бѣдныхъ, но почтенныхъ родителей, родомъ изъ Германіи. Спустя нѣсколько лѣтъ Ричардъ вернулся съ женою домой и на нее тотчасъ же посыпался цѣлый дождь приглашеній. Она много выѣзжала и часто принимала у себя.

Въ то время, какъ я пишу эти строки, Теклѣ еще не исполнилось восемнадцати лѣтъ. Вы можете ее встрѣтить въ скверѣ, у васъ же на кухнѣ, въ увеселительномъ саду или на Блэквеллсъ Айландъ, куда ее отправили за совершенное второе или третье преступленіе.

Можетъ быть, ея горькая судьба поможетъ намъ разобраться и понять недостатки того общественнаго строя, который мы созидаемъ.

Конецъ.

просвѣщенія, но уже по этому самому способный,—если не оцѣнить оригинальность философской мысли, такъ, по крайней мѣрѣ, критически отнестись къ плохому слогу философовъ. Онъ происходилъ, со стороны матери, отъ поэта, который когда-то былъ «тираномъ словъ и слоговъ», и, чтобы не отстать отъ своего предка, не боялся напоминать самому Вольтеру о начальныхъ правилахъ грамматики. Такъ онъ писалъ, съ важностью школьнаго учителя, что «произведенія Вольтера кишатъ грамматическими ошибками». Зато онъ обладалъ двумя качествами, весьма цѣнными въ критикѣ: ироніей, которую, за исключеніемъ Вольтера, энциклопедисты рѣдко пускали въ ходъ,—и хорошо дѣлали,—и умѣренностью, которой такъ мало отличались его враги: даже самый умный изъ нихъ меньше всего сдерживался въ своихъ выраженіяхъ.

Съ такими доспѣхами Фреронъ выступаетъ въ походъ противъ энциклопедистовъ. Не довольствуясь собственными насмѣшками надъ неумѣньемъ работниковъ, возводящихъ «Вавилонскую башню», онъ ищетъ всюду помощниковъ и заставляетъ писать себѣ письма, дѣйствительныя или мнимыя, съ возраженіями по поводу иногда забавныхъ ошибокъ и иногда дерзкихъ плагіатовъ энциклопедистовъ. То онъ поздравляетъ себя съ новостью; оказывается, *олень* обладаетъ способностью достигать «разумнаго возраста». То «воины», члены магистратуры и даже повара, возмущаются статьями, касающимися ихъ профессій; лакеи XVIII вѣка громко критикуютъ «нѣкоторые соусы, указанные (и подробно объясненные) въ этомъ сборникѣ нашихъ знаній». То какой-то Мерсене д'Егюи доказываетъ, вооружившись текстами, что у него слово въ слово украли его статью *граверъ*, напечатанную въ *Меркуріи*. Но развѣ весь словарь, восклицаетъ Фреронъ, «что-либо иное, какъ не новое, плохо задуманное и плохо исполненное изданіе множества уже напечатанныхъ раньше книгъ?» Причемъ Фреронъ не безъ основанія прибавляетъ,—это относилось уже прямо къ Дидро, какъ къ автору философскихъ статей,—что многіе философскіе взгляды были отовсюду понадерганы и, главнымъ образомъ, взяты изъ Словаря Брюкера. Однако на него не ссылались, такъ какъ о своихъ кредиторахъ говорить не принято!

Наконецъ, обращаясь непосредственно къ обоимъ главарямъ предпріятія, онъ, во первыхъ, утверждалъ, опираясь на рядъ встрѣченныхъ имъ безсмыслицъ, что переводчикъ Тацита, Даламберъ, «забылъ элементарныя свѣдѣнія по латинскому языку», и, во вторыхъ, извинялся въ томъ, что не понимаетъ «высокопарной галиматьи» Дидро. Или, цитируя фразу послѣдняго, «эта статья подвергнется обрѣзанію наравнѣ съ другими», Фреронъ прибавлялъ, ядовито намекая на одно изъ другихъ неудачныхъ выраженій Дидро: «согласитесь, милостивый государь, что такъ не писали даже «въ вѣкъ безвкусія».

Кто другой, кромѣ Дидро, могъ принять на свой счетъ слѣдующее язвительное правило нашего критика: «Всѣ согласны съ тѣмъ, что нужно вкладывать огонь въ произведеніе, но такой, который бы согрѣвалъ его, а не сжигалъ». Въ другомъ мѣстѣ у него встрѣчается не менѣе удачное замѣчаніе: «Они открыли, что при помощи энтузіазма вѣрнѣе всего познаются свойства вещей», и онъ отсылаетъ читателя къ разговорамъ въ «Незаконномъ сынѣ», чего могъ бы и не дѣлать.

Во всѣхъ этихъ нападкахъ, оскорбительныхъ, какъ сама истина, Фреронъ говоритъ, какъ критикъ,—а ему отвѣтили грубой бранью, которая должна быть вдвойнѣ поставлена въ вину обидчикамъ, такъ

какъ она позорила его доброе имя передъ потомствомъ. Дидро, въ своемъ «Опытѣ исторіи Клавдія и Нерона», назвавъ нѣкоего Суилія мошенникомъ, прибавляетъ, говоря о Фреронѣ: «Когда какому-нибудь цензору въ этомъ родѣ приходится защищать такихъ Суиліевъ, можетъ быть, онъ защищаетъ самаго себя». Гриммъ ухитряется перещеголять Дидро въ этихъ злостныхъ выходкахъ. Онъ сообщаетъ своимъ благороднымъ корреспондентамъ въ Германіи, что Фреронъ совершилъ путешествіе въ Нижнюю Бретань съ тѣмъ, чтобы получить наслѣдство отъ племянницы, которая «выгодно торговала своими прелестями въ наиболѣе посѣщаемыхъ провинціальныхъ портахъ». Затѣмъ, повторяя одну неприличную шутку Вольтера на счетъ Фрерона, онъ разсказываетъ, со своей нѣмецкой развязностью, что, когда этотъ журналистъ пріѣхалъ въ Брестъ, начальникъ галеръ спросилъ его, не пріѣхалъ-ли онъ туда, чтобы вступить во владѣніе своей бенефиціей. Когда Фрерона собираются засадить въ Фортъ-Левекъ за то, что онъ имѣлъ дерзость критиковать актрису Клеронъ, Гриммъ забавляется надъ тѣмъ, что Алиборонъ-Фреронъ, во избѣжаніе тюрьмы, обращался къ покровительству французской королевы. И онъ смѣется надъ этимъ, когда самъ игралъ роль пошлаго льстеца при Екатеринѣ и мелкихъ германскихъ князькахъ. Вообще Гриммъ отзывается о Фреронѣ, который все-таки былъ его собратъ, въ такомъ шутливомъ тонѣ, какъ будто онъ не считаетъ его даже достойнымъ своего гнѣва, и самъ, бывшій любовникомъ, хуже того—гостемъ M-me д'Епинэ, иронически называетъ его «добродѣтельнымъ Фрерономъ».

Извѣстно, что Вольтеръ переполнилъ чашу оскорбленій, поставивъ свою «Шотландку». Энциклопедисты сдѣлали ошибку, аплодируя этой сатирѣ послѣ своихъ громкихъ жалобъ на *Философовъ* Палиссо. Двадцать лѣтъ спустя послѣ этого скандальнаго представленія, Дидро осмѣливался еще говорить: «Благодаря «Шотландкѣ» мы нѣсколько разъ въ годъ на полъ часа вспоминаемъ, что существовалъ нѣкій Уаспъ [1]), который постоянно клялся, но никогда не держалъ пари». Намъ, слава Богу, не надо говорить о «Шотландкѣ»; замѣтимъ только, что представленіе этой злостной пьесы, злостной во всѣхъ значеніяхъ этого слова, состоялось 29-го іюля 1760 г., а 20-го сентября 1759 г. тотъ, кого Вольтеръ называлъ «плутомъ и осломъ»,—мы приводимъ только самыя мягкія изъ его выраженій,—писалъ о M-me дю Шателе слѣдующее: «Память о ней дорога всѣмъ, кто зналъ ее близко и былъ въ состояніи убѣдиться въ широтѣ ея ума и величіи ея души». И далѣе—о самомъ Вольтерѣ и его *Философіи Ньютона:* «Никогда поэзія не поднималась на такую высоту». Эти трогательныя выраженія о подругѣ, такъ горько, какъ говорятъ, оплаканной, и столько искреннихъ похвалъ «магической силѣ его стиля» удержали бы всякаго другого, за исключеніемъ Вольтера, отъ выставленія на публичное осмѣяніе человѣка, виновнаго только въ томъ, что онъ свободно говорилъ о произведеніяхъ Вольтера.

Но въ этомъ именно и состояло ужасное преступленіе «литературнаго осла»: вѣдь весь лагерь энциклопедистовъ находилъ, что профессіональный критикъ, который отъ времени до времени не поетъ *te Dortidium* или, по меньшей мѣрѣ, *te Voltarium*, не можетъ не быть очень сквернымъ человѣкомъ. Настоящіе негодяи,—возражалъ Фреронъ,—тѣ,

---

[1]) Англійское Wasp по французски Frelon, т. е. шершень и литературный воръ, а фамилія писателя—Fréron. Примѣч. перев.

кто старается очернить честнаго человѣка. Повидимому, въ обществѣ принято клеветать и безчестить ближняго, и запрещено говорить, что такой-то написалъ плохую книжку. Критика произведеній есть дѣло ума, и чувство тутъ не причемъ. Если считать человѣка дурнымъ за его дурной отзывъ о трагедіи, нашлось бы, навѣрное, много скверныхъ людей. Можно быть добрымъ гражданиномъ и находить большую часть произведеній нашего вѣка жалкими. Что бы Вольтеръ о немъ ни говорилъ, а этотъ «прохвостъ» и разумно, и стойко отстаиваетъ право критики. Въ одномъ письмѣ къ Петру Руссо, редактору «Энциклопедическаго журнала», Вольтеръ притворяется, что не понимаетъ разницы между литературной критикой и «сатирой въ прозѣ, этимъ жалкимъ произведеніемъ», говоритъ, что, «по его мнѣнію, немного смѣло браться за оцѣнку всякихъ произведеній; лучше было самому писать хорошія вещи». На это нелѣпое возраженіе, которое ему еще раньше Вольтера дѣлали менѣе умные люди, Фреронъ тогда же возражалъ не безъ остроумія: «Если не хватаетъ таланта писать плохія драматическія произведенія, можно все-таки обладать достаточнымъ здравымъ смысломъ и развитіемъ, чтобы судить о нихъ. Вѣдь и тѣмъ, кто апплодируетъ, слѣдовало бы сказать: прежде чѣмъ находить эту трагедію хорошей, напишите сами что-нибудь лучше. Да развѣ для того, чтобы умѣть распознавать хорошее и дурное, требуется не одинаковое развитіе? Но поэты никогда не требуютъ отъ своихъ поклонниковъ того, чего требуютъ отъ своихъ критиковъ». Въ сущности, Вольтеръ не могъ простить Фрерону его проницательности, такъ какъ мало кто изъ современниковъ такъ хорошо понималъ и такъ ясно опредѣлялъ, какъ Фреронъ, чего недоставало Вольтеру; «Я думаю, что нельзя быть способнѣе Вольтера, и, можетъ быть, онъ первый, сумѣвшій замѣнить геніальность силой ума».

Наконецъ, онъ нападаетъ не на частную жизнь, какъ это недобросовѣстно дѣлаютъ его противники, а только на произведенія писателей, и, защитникъ трона и алтаря, онъ одинъ, въ этой продолжительной борьбѣ, былъ настоящимъ борцомъ за свободу. У него хватило мужества до конца присутствовать на представленіи «Шотландки», слышать, какъ его со сцены бранятъ «плутомъ, гадиной и паукомъ», и у него хватаетъ самообладанія написать, въ формѣ отчета, остроумное «Донесеніе о великомъ сраженіи, происходившемъ во «Французской Комедіи». Дидро (Dortidius), какъ говорится въ отчетѣ, сидѣлъ въ партерѣ въ центрѣ арміи энциклопедистовъ. Его единогласно избрали въ генералы: «его лицо пылало, глаза смотрѣли свирѣпо, волосы были растрепаны, всѣ чувства возбуждены, какъ это бываетъ съ нимъ, когда, подъ вліяніемъ божественнаго вдохновенія, онъ изрекаетъ съ высоты философскаго треножника свои пророчества. Этотъ центръ заключалъ въ себѣ цвѣтъ войска, т.-е. всѣхъ, работающихъ надъ великимъ словаремъ, пріостановка котораго «вырвала стонъ изъ груди Европы» (выраженія Вольтера). Тотъ же Дидро докладываетъ, послѣ побѣды, о перипетіяхъ сраженія всѣмъ,—философскому Сенату, засѣдающему въ Тюльери: «Храбрый Dortidius изложилъ ходъ событій высокимъ, но непонятнымъ слогомъ». Развѣ человѣкъ, способный колоть философовъ такими острыми эпиграммы, не заслуживалъ «желѣзнаго ошейника»? Какъ же слѣдуетъ отнестись, восклицаетъ Вольтеръ, къ де-Малербу, который терпитъ подобныя «низости?—если Фреронъ послѣдній изъ людей, то его покровитель, навѣрное, предпослѣдній».

*

Не одинъ Вольтеръ, со свойственнымъ ему потокомъ ругательствъ по адресу противниковъ, требовалъ, чтобы Фрерону зажали ротъ. Другой проповѣдникъ терпимости, Даламберъ, въ своемъ заявленіи директору по дѣламъ печати, какъ мы сейчасъ увидимъ, придравшись къ пустому поводу, хотѣлъ подвергнуть этого независимаго журналиста строгой отвѣтственности: «Въ одномъ мѣстѣ *Какуаковъ* (Даламбера безпокоили *Какуаки!*) говорится о геометріи. Фреронъ, приводя это мѣсто, дѣлаетъ примѣчаніе, въ которомъ цитируетъ одно изъ моихъ сочиненій, чтобы показать, что авторъ подразумѣвалъ здѣсь меня. Мои друзья поставили мнѣ на видъ, что обвиненія автора *Какуаковъ* (на самомъ дѣлѣ—безобидныя пошлости) слишкомъ серьезны и слишкомъ жестоки, чтобы я могъ позволять припутывать къ нимъ мое имя; поэтому осмѣливаюсь принести вамъ жалобу на Фрерона за комментаріи, которыя онъ написалъ по моему адресу, и просить васъ разобрать это дѣло». Тогда то Малербъ, несмотря на свое расположеніе къ философамъ, не выдержалъ и написалъ къ Морелле приведенное выше письмо: оно осталось на совѣсти энциклопедистовъ. Фреронъ, въ концѣ концовъ, имѣлъ право сказать въ своей «Литературной гадинѣ:» «Философы, и во главѣ ихъ г. Вольтеръ, постоянно жалуются на преслѣдованія, а сами, преслѣдуя меня, пустили въ ходъ всю свою силу и всю свою ловкость». Онъ былъ также правъ, когда писалъ Фавару: «Развѣ я жаловался кому-нибудь на «Шотландку?» Я рѣшился не обращать вниманія на эту гадкую и грубую сатиру».

Итакъ, мы можемъ закончить этотъ краткій очеркъ о Фреронѣ словами Кондорсе, но придавая этимъ словамъ совершенно иной смыслъ, чѣмъ придавалъ имъ авторъ: «Фреронъ выдвинулся въ войнѣ съ энциклопедистами». И если вина Вольтера, что Фреронъ, по словамъ того же Кондорсе, «подъ конецъ жизни влачилъ осмѣянное и опозоренное имя», то съ другой стороны обязанность каждаго безпристрастнаго критика отомстить за Фрерона его врагамъ; если имъ и удалось, по выраженію Гете, «исказить его черты въ глазахъ потомства», то еще больше удалось запятнать самихъ себя тѣмъ ожесточеніемъ, съ которымъ они старались его очернить.

ГЛАВА V.

Сущность спора.

Таковы были главные защитники церкви. Не у всѣхъ ихъ въ рукахъ было одинаковое оружіе, и не всѣ они владѣли имъ одинаково искусно или, можетъ быть, одинаково не искусно. Но теперь, когда читатель уже знакомъ съ людьми и ихъ произведеніями, попытаемся,—это имѣетъ еще большее значеніе, чѣмъ доблесть самихъ борцовъ,—выдѣлить и разобрать основныя идеи, которыя по мѣрѣ силъ отстаивали анти-энциклопедисты противъ дерзкаго скептицизма противниковъ.

Мы показали въ первой главѣ, что послѣдовательныя завоеванія философской мысли опредѣляются, въ сущности, слѣдующими тремя словами, которыя можно бы написать на фронтонѣ зданія энциклопедіи: *природа*, *разумъ и человѣчность*. Всматриваясь ближе, мы уви-

димъ дѣйствительно, что энциклопедисты, во всѣхъ своихъ нападкахъ на католическую церковь, боролись-ли они съ религіозными истинами или съ религіозными обычаями, всегда противопоставляли имъ одно изъ этихъ трехъ понятій. Итакъ, посмотримъ, каковъ былъ по существу отвѣтъ этой церкви на основныя возраженія, сдѣланныя ей устами философовъ отъ лица природы, разума и человѣчности, такъ какъ, несомнѣнно, вся сущность спора въ этомъ.

Во имя *природы*, ея незыблемыхъ законовъ, ея властныхъ и законныхъ требованій боролись философы съ вѣрой въ баснословное, въ существованье сверхъестественныхъ созданій, вродѣ демона, боролись, наконецъ, съ аскетизмомъ, и, въ особенности, съ безбрачіемъ духовенства.

Безъ сомнѣнія, ученіе католической церкви составляло одно цѣлое, и защитники его думали, что, допусти они вынуть изъ него хоть одно звено, все зданіе грозило бы паденіемъ. И они не безъ основанія охраняли неприкосновенность всѣхъ ея частей.

Тѣмъ не менѣе, было большой ошибкой такъ упорно привлекать вниманіе людей на части зданія, уже отжившія свой вѣкъ; не надо было, во что бы то ни стало, настаивать на тѣхъ доказательствахъ истинности католицизма, которыя больше всего противорѣчили духу времени. Если бы всѣ апологеты католичества руководились болѣе вѣрными соображеніями, они должны были бы, говоря о догматахъ, наиболѣе насиловавшихъ человѣческій разумъ, слѣдовать благому совѣту своего злѣйшаго врага: скользите, господа теологи, но не настаивайте.

Защитники католицизма рѣдко шли на уступки духу времени. Напрасно, во времена энциклопедіи, наука быстро шла впередъ, и, что еще важнѣе, напрасно энциклопедисты популяризировали научныя открытія,—католическое міровоззрѣніе оставалось незыблемымъ, и продолжало предавать анаѳемѣ все, что противорѣчило взглядамъ Моисея или Исайи. Нѣкогда, устами папы Захарія, церковь осудила епископа, который, вопреки Августину, вѣрилъ въ существованіе антиподовъ. Въ XVII вѣкѣ церковь заключила въ тюрьму Галилея, такъ какъ его геліоцентрическая теорія мѣшала Іисусу Навину остановить солнце. Точно также, въ XVIII вѣкѣ, католическая церковь не задумалась осудить прекрасную теорію Бюффона и замѣчательныя открытія Ньютона, такъ какъ тѣ и другія не согласовались съ представленіями о небѣ и землѣ, установленными шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ. Законъ тяготѣнія, по мнѣнію Бержье, просто «химера» [1]; по мнѣнію аббата Линьяка, теоріи Бюффона—«философскія бредни» и даже, какъ думаетъ Шоме, злостныя бредни, такъ какъ, если энциклопедисты превозносятъ «теорію земли», то этимъ они хотятъ дать понять, что міръ древнѣе, чѣмъ о немъ думаютъ, «а извѣстно, къ чему это клонится» [2]. Намъ возражаютъ, говорилъ другой, на основаніи системы Ньютона; но вполнѣ ли установлено, что Богъ не могъ остановить землю и луну, не останавливая въ то время всѣ остальныя планеты [3]?

Когда имъ указывали на то, что, согласно непогрѣшимымъ разсказамъ Бытія, Богъ сотворилъ будто бы свѣтъ за четыре дня до сотворенія солнца: «Что-жъ такое! отвѣчали они, не смущаясь: развѣ

---

[1]) „Examen du Matérialisme", 1771, I, 73.
[2]) „La petite Encyclopédie"; art „Philosophie".
[3]) Bergier, „Apolog", I, 283.

Богъ не могъ создать огонь, т.-е. свѣтъ, раньше солнца»? Интересно послушать еще по этому поводу аббата де Линьяка: «Въ исторіи Моисея свѣтъ былъ сотворенъ и отдѣленъ отъ тьмы раньше, чѣмъ появилось солнце, а въ системѣ Бюффона существованіе солнца предшествуетъ отдѣленію свѣта отъ тьмы. Можно ли болѣе открыто противорѣчить исторіи міра» [1])? Слѣдовало бы по настоящему зажать за это ротъ Бюффону! На вопросъ, куда же дѣвалась вода послѣ потопа, они спокойно отвѣчали: «Богъ заключилъ излишекъ воды туда, откуда онъ ее взялъ, или въ какое-нибудь другое мѣсто» [2]).

Такимъ образомъ, благодаря стараніямъ обѣихъ сторонъ, пропасть, между философами и католиками все раздвигалась. Но противорѣчія между католицизмомъ и наукой и невозможность служить одновременно имъ обоимъ были опаснѣе для католичества, чѣмъ для науки, такъ какъ въ вѣкъ Ньютона и Даламбера нельзя уже было отказаться отъ науки. Итакъ, если бы защитники церкви лучше понимали ея интересы, они не стали бы усиливать и подчеркивать разногласіе между нею и наукой. Не стали бы писать книгъ съ такимъ безсмысленнымъ заглавіемъ: «Противорѣчіе между религіей и природой» и указывать на это противорѣчіе такъ рѣзко, какъ это дѣлалъ авторъ, отецъ Ричардъ: «Естественное объясненіе вещей допустимо настолько, насколько оно не расходится съ откровеніемъ; но если даваемыя объясненія становятся въ *противорѣчіе* съ откровеніемъ, несомнѣнно — они *ложны*; ибо, если бы они не были ложны, мы должны бы были допустить, что *Богъ солгалъ*». Ужасная дилемма, которая была на руку философамъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ было невозможно считать научныя открытія ложными и утверждать, что Моисей, какъ натуралистъ, стоялъ выше Бюффона, и философы съ радостью остановились на второмъ заключеніи, что истолкователи «*солгали*».

Приходилось также мириться и съ *демонами*, которые пользовались и даже злоупотребляли своимъ правомъ губить несчастныхъ съумасшедшихъ, которыхъ жгли на кострахъ, какъ колдуновъ и кудесниковъ. Церковь поддерживала это ужасное суевѣріе, заставляя читать съ кафедры, по старымъ *требникамъ*, молитвы, которыя должны были изгонять бѣсовъ и пугать дьявола. Надо, впрочемъ, прибавить, что вина въ данномъ случаѣ ложится не на одну церковь, что удивительные приговоры магистратуры, направленные противъ колдуновъ, оправдывали поведеніе священниковъ [3]). Мало того,—когда философы съ торжествомъ указывали, что «дьявольскія навожденія» рѣдкость въ XVIII в., именно одинъ изъ членовъ судейскаго сословія, ожесточеннѣйшій противникъ философовъ, Мюйяръ де Вугланъ взялся отвѣчать имъ. Отвѣтъ его настолько забавенъ, глупая проницательность судей того времени выступаетъ въ немъ такъ ясно, что стоитъ привести этотъ отвѣтъ: «Развѣ нельзя обратить противъ теорій нашихъ вольнодумцевъ логическій выводъ изъ того факта, что дьявольскія навожденія стали очень рѣдки въ нашъ вѣкъ? Если примѣры навожденій повторялись чаще во времена невѣжества, такъ это потому, что въ то время всѣ вѣрили, такъ что дьяволъ могъ соблазнять людей только

---

[1]) „Lettres á un Amériquain" (six) sur l'Hist. naturelle générale et particulére de M. Buffon". Hambourg, 1756 (en neuf volumes). I.

[2]) De Lignac, I, 153.

[3]) См. Рѣшенія Парижскаго парламента у P. Le Zrun: *Hist. critiq. des pratiques superstitieuses*, IV, 451.

при помощи суевѣрія. А въ нашъ вѣкъ, когда люди кичатся своимъ невѣріемъ и сомнѣніемъ въ самыхъ незыблемыхъ истинахъ, подобныя знаменія, подтверждающія существованіе демоновъ, повели бы неизбѣжно къ ниспроверженію того самаго царства, которое врагъ человѣческаго рода такъ старается расширить и укрѣпить» [1]) (царство скептицизма). Такимъ образомъ дьяволъ скрывался, чтобы не мѣшать философамъ, такъ какъ они хотя и отрицали его, работали въ сущности въ его пользу, увеличивая число невѣрующихъ. Тутъ ужъ такое коварное хитросплетенье, что въ самомъ дѣлѣ, нельзя не признать тутъ вліянія злого духа.

Философы осуждали и осмѣивали *безбрачіе*, какъ безсмысленный и дерзкій вызовъ той же *природѣ*. Мы избавимъ читателя отъ ихъ шутокъ (впрочемъ онѣ стали ходячими среди французовъ) надъ монахами и монастырями. Насъ интересуютъ только отвѣты анти-энциклопедистовъ на нападки философовъ по этому щекотливому вопросу. Философы утверждали, что въ глазахъ церкви бракъ самъ по себѣ проступокъ. Ни въ какомъ случаѣ, возражали богословы, любители лукавыхъ разграниченій: «воздержаніе есть только болѣе совершенное состояніе, пригодное для небольшого кружка избранныхъ, которыхъ Богъ предназначилъ къ этому»! Но этотъ небольшой кружокъ, эти избранные, между прочимъ болѣе совершенны именно потому, что они не вступаютъ въ бракъ; для нихъ вступить въ бракъ значило бы пасть и унизиться,—слѣдовательно, въ глазахъ католиковъ бракъ есть проступокъ. Философы указывали еще на то, что безбрачіе уменьшаетъ народонаселеніе. Тѣмъ лучше,—восклицалъ въ своемъ пастырскомъ посланіи въ 1763 г. добрый епископъ Пюйскій,—какая это удивительная предусмотрительность со стороны церкви—если бы всѣ женились, «земля оказалась бы слишкомъ тѣсной, чтобы вмѣстить людей, и *трава* слишкомъ короткой, чтобы ихъ накормить». Разъ дѣло шло о томъ, чтобы сберечь траву для цѣломудренныхъ аббатовъ, то у кого хватило бы жестокости лишать ихъ этого угощенія? Кавейракъ (Caveyrac), какъ человѣкъ болѣе догадливый, чѣмъ епископъ Пюйскій, нашелъ довольно смѣлое возраженіе, зажалъ имъ ротъ не одному философу и привлекъ насмѣшниковъ на сторону церкви: «почему же наши академики и философы сами не женятся? Почему они не слѣдуютъ примѣру Тирако (Tiraqueau), этой образцовой парочки, гдѣ жена каждый годъ приносила по ребенку, а мужъ разрѣшался отъ бремени томомъ». На этотъ разъ Даламберъ не сталъ отвѣчать Кавейраку.

По мнѣнію отца Гриффе, «Вольтеръ всегда исходитъ изъ ложнаго принципа, что законы природы непреложны». Вѣроятно, въ опроверженіе этой мнимой непреложности, Бержье писалъ: «Этотъ текстъ означаетъ *только*, что у Ѳарры стали рождаться дѣти на семидесятомъ году, *также* какъ у Ноя—на сто пятомъ»! Развѣ не правъ былъ Паскаль, написавшій слѣдующія знаменательныя слова, которыя аббатство Портъ-Руаяля (Port-Royal) поспѣшило исправить: «Религія, *противорѣчащая природѣ*, противорѣчащая здравому смыслу, есть единственная религія, которая всегда существовала»?

Католическая церковь, какъ мы видѣли, безусловно отвергала и *природу* съ ея правами и науку съ ея завоеваніями, какъ только природа и наука расходились съ традиціями. Но развѣ окончательная провѣрка

---

[1]) M. de Vouglans *Lois criminelles de la France dans leur ordre naturel*, édit. 1780, III, 103..

не должна принадлежать разуму? А въ такомъ случаѣ католикамъ предстояло снизойти до защиты своихъ убѣжденій передъ упрямыми резонерами-энциклопедистами. Здѣсь передъ лицомъ разума положеніе католической церкви уже менѣе прочно, чѣмъ передъ лицомъ тогдашней науки. Католическая церковь, едва ступивъ на скользкій путь спора, который, какъ она хорошо знаетъ, ведетъ къ гибели, сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и круто поворачивала назадъ, прикрываясь своей непогрѣшимостью. Надо сознаться, теологи очутились въ скверномъ положеніи: отказываясь разсуждать, они оставляли поле битвы за философами и своимъ невыгоднымъ молчаніемъ какъ бы признавались въ своемъ безсиліи и бросали церковный корабль, безъ снастей на произволъ лжи и нечестія. Когда же, напротивъ, они соглашались обсуждать основы своихъ взглядовъ, то попадали въ ловушку, которой не съумѣлъ бы избѣгнуть ни одинъ апологетъ, будь онъ хоть семи пядей во лбу. Вводя въ свой споръ съ противниками элементъ разума, они тѣмъ самымъ допускали, что авторитетъ требуетъ доказательствъ, иными словами подрывали этотъ авторитетъ. Они признавали за разумомъ права, которыми разумъ немедленно пользовался для расширенія области своихъ изслѣдованій и завоеваній. Имъ приходилось преслѣдовать двѣ цѣли, другъ друга исключающія: доказать, такъ какъ они обращались къ невѣрующимъ, истинность религіи, единственнымъ доказательствомъ которой служитъ признаніе ее людьми, ее исповѣдующими. Тогда они стали ссылаться то на разумъ, то на авторитетъ, и въ своихъ безсвязныхъ апологіяхъ, перемѣшивать доказательства съ бранью и проклятіями.

Большинство изъ нихъ пытается отвести разуму мѣсто, по возможности самое маленькое мѣсто, и различаетъ два рода изслѣдованія: изслѣдованіе доказательствъ откровенія и изслѣдованіе откровенныхъ догматовъ. «Первое—необходимо,—говоритъ Бержье,—и къ тому же очень легко, такъ какъ факты, которыми бываетъ засвидѣтельствовано откровеніе, настолько достовѣрны, что самый невѣжественный человѣкъ можетъ въ нихъ убѣдиться. Но разъ только достовѣрно извѣстно, что тотъ или другой догматъ сообщенъ путемъ откровенія, наша религія запрещаетъ разуму изслѣдованіе этого догмата». Нужно еще, заявляетъ Бержье, чтобы истина откровенія бросалась въ глаза, и чтобы невозможно было отрицать факты, которые его устанавливаютъ. Вольтеръ замѣчаетъ, «что надо быть очень способнымъ, чтобы понимать пророчество» [3]). Понимать нѣтъ никакой надобности, говорили въ свою очередь теологи; достаточно *познать* истины, кажущіяся съ перваго взгляда, по выраженію Паскаля, «нѣкоторой натяжкой». Какъ будто можно познать то, чего совершенно не понимаешь! Такимъ образомъ то, что они называли «разумнымъ подчиненіемъ», было, въ концѣ концовъ, подчиненіемъ разума. Они говорили, напримѣръ, что «очевидная истина не перестаетъ пребывать таковой, хотя ей и противопоставляютъ неразрѣшимыя трудности» [4]). Основы божественныхъ истинъ по самой природѣ вещей, говорилъ другой, не подлежатъ суду разума, поэтому самое *разумное* вѣрить, не понимая ихъ [5]).

---

[1]) *Apol.*, I. 478.
[2]) Pascal, édit. Havet, I, 175.
[3]) *Dict. philosoph.*, art. *prophéties.*
[4]) Le P. Richard: его опровержение de Robinet, p. 40.
[5]) Le P. Gauchat: *Lettres critiques*, t. X. Боссюетъ сказалъ, по поводу таинствъ, „что нужно вѣрить и покланяться тому, чего мы не понимаемъ". (II Avertissement aux protestants).

Во всякомъ случаѣ дурной методъ, который отказывается убѣждать насъ доводами; лучше наивный методъ тѣхъ защитниковъ католичества, которые только выставляли на видъ заблужденія энциклопедистовъ, полагая, что скептицизмъ философовъ неизбѣжно приведетъ всѣхъ въ ужасъ и явится самымъ лучшимъ опроверженіемъ.

Но есть еще другой способъ вести споръ; онъ скорѣе разрѣшаетъ всѣ недоразумѣнія: надо увѣрять, что противникъ—или негодяй, или дуракъ: «чтобы быть скептикомъ, спокойно говоритъ Бержье, надо дойти до полнаго отупѣнія». Правда, на этой почвѣ, на почвѣ ругательствъ, философы, съ чѣмъ ихъ нельзя поздравить, одержали блестящую и легкую побѣду.

Философы, по крайней мѣрѣ, имѣли полное основаніе осыпать своихъ противниковъ бранью, когда, во имя третьяго принципа, начертаннаго на ихъ знамени, во имя *человѣчности*, они возмущались нетерпимостью духовенства. Было ли ихъ негодованіе справедливо,—это мы сейчасъ увидимъ. Вообще нетерпимость XVIII вѣка извѣстна только по тѣмъ знаменитымъ жертвамъ, защиту которыхъ взяли на себя философы. Но здѣсь будетъ вполнѣ умѣстно вкратцѣ въ подлинныхъ выраженіяхъ, изложить нѣкоторыя изъ странныхъ правилъ, которыя были формулированы въ то время гонителями; и они съ невозмутимымъ спокойствіемъ противопоставляли ихъ тому, что пренебрежительно называли философскимъ духомъ вѣротерпимости.

Прежде всего надо изгнать всѣхъ свободомыслящихъ: развѣ католическая церковь не постановила разъ навсегда, что нужно думать и во что слѣдуетъ вѣрить? И въ то время, какъ философы вынуждены издавать свои произведенія безъ подписи или, если они хотятъ сохранить привилегіи, говорить не то, что думаютъ; въ то время, какъ однихъ, какъ, напримѣръ, Морелле, засаживаютъ въ Бастилію, а относительно другихъ,—какъ это сдѣлали съ Руссо,—издаютъ постановленія объ арестѣ; въ это-то время нѣкій аббатъ Сенъ-Сиръ находитъ смѣшнымъ, что авторъ *Вступительной бесѣды* позволилъ себѣ заявить, будто «истинной философіи необходима свобода». Каждый разъ, какъ появляется хоть сколько-нибудь смѣлая книга на какую бы то ни было тему, католическая церковь спѣшитъ всякими способами, — устами епископовъ въ генеральныхъ собраніяхъ, перомъ богослововъ и памфлетистовъ, — предать гнѣву Сорбонны, осужденію парламента и суровой карѣ короля невѣрующаго, «дерзнувшаго поднять голову», и мыслителя, осмѣлившагося сказать новое слово. «Развѣ на самомъ дѣлѣ, восклицаетъ одинъ богословъ, не свѣтская терпимость и создала успѣхъ деизма? Къ счастью, восклицаетъ онъ, перевѣсъ никогда не будетъ на вашей сторонѣ. Судъ пуститъ въ васъ молніеносную стрѣлу, которая заставитъ себя уважать больше, чѣмъ тѣ стрѣлы, которыми вы такъ давно пренебрегаете».

Что же говорили философы, чтобы вызвать такую ярость? Они говорили, что «воображать, будто существо, исполненное доброты и справедливости, было бы способно наказывать наши ошибки безконечными муками, значило бы, можетъ быть, наносить оскорбленіе Божеству», и что, съ другой стороны, было бы жестоко допускать, что безчисленное множество не знавшихъ Іисуса Христа должны быть невозвратно осуждены. На это Шоме отвѣчалъ, нисколько не смущаясь: «Какое же препятствіе находите вы къ тому, чтобы большая часть человѣческаго рода была предана на вѣчную погибель». Они говорили еще въ «Философскомъ Словарѣ» (Dictionnaire philoso-

phique), что многимъ отцамъ церкви казалось безсмысленнымъ осуждать на вѣчныя муки несчастнаго бѣдняка, укравшаго какую-нибудь козу. Но Бержье не уступалъ: «Говорить, что безсмысленно подвергать за воровство вѣчному наказанію, значитъ открывать двери величайшимъ преступленіямъ» [1]). Они приводили изъ жизни Моисея тотъ фактъ, что онъ перебилъ сорокъ семь тысячъ Израильтянъ, и задавали себѣ вопросъ, имѣлъ ли право Моисей послѣ такой бойни заявлять, «что онъ самый мягкій изъ людей». Имѣлъ, отвѣчалъ, не задумываясь, тотъ же ученый Бержье, «такъ какъ Богъ повелѣлъ ему наказать ихъ».

Наконецъ, философы полагали, что въ ихъ вѣкъ (это было въ 1767 г., обратите вниманіе на годъ), когда разумъ достигъ такихъ успѣховъ, когда человѣчность, а, слѣдовательно, и вѣротерпимость расширили кругозоръ и смягчили сердце, можно бы печатать такія разумныя вещи, какъ, напр.: «Истина свѣтитъ собственнымъ свѣтомъ, нельзя просвѣщать умы пламенемъ костровъ». Но на что дерзнулъ Мармонтель? 21 января 1768 г. архіепископъ Парижскій велѣлъ читать съ кафедры во всѣхъ приходахъ и расклеить на всѣхъ углахъ Парижа, даже на дверяхъ французской академіи, такъ какъ виновный былъ академикъ, большое пастырское посланіе; въ немъ онъ пытался раздуть тѣ драгоцѣнные костры, на которыхъ, если не сжигали больше авторовъ, такъ, по крайней мѣрѣ, сжигали ихъ книги, и хоть этимъ оказывали нѣкоторую услугу Церкви. «Есть (сказалъ де-Бомонъ автору *Велизарія* не задолго до того, какъ онъ выпустилъ свое посланіе противъ него), есть одинъ пунктъ, относительно котораго я требую, чтобы торжественно и формально отреклись: это терпимость».

Въ отношеніи къ диссидентамъ и въ частности къ реформатамъ, католическая церковь восемнадцатаго вѣка громко проповѣдывала ту же нетерпимость, которая внушила Боссюэту его побѣдную пѣснь по поводу отмѣны Нантскаго эдикта и продиктовала ему слѣдующую жестокую угрозу въ одномъ письмѣ къ Николь (Nicole): «Я преклоняюсь вмѣстѣ съ вами предъ начертаніями Всевышняго, которому угодно было, разсѣяніемъ нашихъ протестантовъ, открыть намъ тайну Своего негодованія и очистить Францію отъ этихъ чудовищъ» [2]). Не мѣшаетъ замѣтить, что въ данномъ случаѣ католическая церковь исповѣдывала доктрину, жертвой которой она была сама въ началѣ своей исторіи, когда первыхъ христіанъ обвиняли въ томъ, что они враги государства: «Преслѣдуя насъ, думаютъ, что служатъ государству». «Религія, говоритъ Бержье, составляетъ часть государственныхъ законовъ; всякій, осмѣливающійся нападать на нее, становится виновнымъ передъ обществомъ, наравнѣ съ нарушителемъ законовъ гражданскихъ, поэтому онъ заслуживаетъ такого же наказанія». А епископъ Пюискій выражается еще рѣшительнѣе: «Всякій невѣрующій

---

[1]) Apol., II, 562.

[2]) Боссюэтъ, отвѣчая Банаж'у (Basnage), присвоиваетъ себѣ слова Библіи: „Гони богохульника изъ лагеря, и пусть весь Израиль осыпетъ его градомъ камней", и прибавляетъ: „Вотъ до чего доходятъ реформаты: они объявляютъ, что князь не имѣетъ никакой власти надъ совѣстью подданныхъ и не можетъ издавать уголовныхъ законовъ, касающихся религіи". (*Déf. de l'hist. des variations*, N. IV). Онъ же самъ находитъ вполнѣ естественнымъ, мстя за господствующую религію, брать въ руки „мечъ, который Богъ вручилъ князю". Если протестанты вздумаютъ браться за оружіе ради самозащиты, онъ напоминаетъ имъ, что „гражданская война, поднятая съ цѣлью самозащиты отъ притѣсненій, есть покушеніе на особу князя" (*Déf. de l'hist. des variations*, N. XI), такъ какъ „должно повиноваться даже князьямъ—гонителямъ". (N. XX).

уже есть государственный преступникъ». Болѣе того; такъ какъ въ нетерпимость вѣрятъ только католики, но не протестанты,—по какому праву протестантъ долженъ быть терпимъ, разъ онъ заблуждается?— Тѣ, кого католики преслѣдуютъ, должны терпѣливо относиться къ этому. «Католическая церковь по всей природѣ нетерпима; въ этомъ состоитъ ея привилегія, ея слава, печать истины, ея отличительная черта, которой она не раздѣляетъ ни съ одной заблуждающейся сектой. Протестанты обязаны быть терпимы по отношенію къ католикамъ, хотя послѣдніе и не терпятъ ихъ».

Изъ этихъ удобныхъ для нихъ принциповъ католики, съ безжалостной логикой, дѣлали слѣдующіе выводы. Имъ говорили: эти люди, которыхъ вы хотите осудить, принадлежатъ, однако, къ одному обществу съ вами; какія же отношенія установятся въ будущемъ между ними и вами? «Тѣ же, отвѣчали они, что и между христіанами, вѣрными евангельскимъ предписаніямъ, и христіанами распущенными». И во всякомъ случаѣ не по винѣ церкви магистратура допускала, чтобы протестанты оставались французскими подданными. Духовенство, на всѣхъ рѣшительно съѣздахъ, неустанно требовало, «чтобы законамъ была возвращена вся ихъ суровость, а церкви—должный блескъ». Эти благодѣтельные законы существовали, и нужно только требовать отъ магистратуры, чтобы они строже примѣнялись,—тогда благіе результаты не заставятъ себя долго ждать. Послушаемъ лучше ихъ подлинныя слова: «Людовикъ XV, достигнувъ совершеннолѣтія, издалъ свою замѣчательную декларацію 1724 года, по которой всякое дѣяніе, противное католической церкви, наказывалось вѣчными галерами для мужчинъ и вѣчной тюрьмой для женщинъ, а имущество ихъ конфисковалось. *Вотъ образецъ христіанской и человѣческой политики.* Если бы судьи не дѣлали уступокъ, не было бы надобности узаконять бракъ кальвинистовъ, или незаконнорожденныхъ; протестантскіе священники были бы изгнаны, а ересь уничтожена». Вотъ эта «замѣчательная» декларація отъ 14 мая 1724 г.: «Запрещается, подъ страхомъ галеръ... исповѣдовать какую-либо иную религію, кромѣ католической. Велѣно приговаривать и предавать смертной казни проповѣдниковъ. Велѣно, подъ угрозой штрафа или болѣе суроваго наказанія, черезъ двадцать четыре часа нести дѣтей крестить къ кюрэ. Велѣно посылать дѣтей учиться катехизису до четырнадцатилѣтняго возраста. Врачи обязаны предупреждать кюрэ, когда ихъ больнымъ угрожаетъ смерть, родители—приглашать къ больнымъ исключительно кюрэ. Запрещено еретикамъ занимать общественныя должности. Запрещено вступать въ бракъ въ чужой странѣ и родители, позволившіе своимъ дѣтямъ преступить это запрещеніе, наказываются галерами».

Какъ!—въ одинъ голосъ повторяли философы,—вамъ мало драгонадъ, отъ которыхъ Франція обѣднѣла и потеряла значительную часть своего населенія, къ выгодѣ враговъ?—Неправда, писалъ Кавейракъ: «отмѣна Нантскаго эдикта, этотъ актъ, полный мудраго разсчета, не нанесъ вреда ни торговлѣ, ни финансамъ, ни народонаселенію». Онъ имѣлъ храбрость доказывать это и торжествовалъ, полагая, что, послѣ цѣлаго ряда вычисленій, установилъ, «что изъ королевства ушло не болѣе 50.000 человѣкъ и было вынесено не болѣе 1.250.000 ливровъ». Другой авторъ,—правда, не подписавшійся подъ своими поучительными выкладками, приводилъ, какъ примѣръ умѣренности, съ которой примѣнялись законы противъ гугенотовъ, трогательный фактъ, что съ 1745 по 1770 годъ повѣсили только восемь пасторовъ.

Сопоставимъ съ этими наивными заключеніями духовенства слѣ-

дующій краткій перечень преслѣдованій *въ теченіе одного только года.* Въ Лангедокѣ, въ сентябрѣ 1754 г., тюрьмы и галеры непрерывно наполняются. Въ декабрѣ двѣ роты драгунъ поставлены на постой въ Мило, въ Руарг'ѣ; они остаются тамъ пять мѣсяцевъ, и Мило разоренъ. Въ мартѣ того же года, въ верхнемъ Лангедокѣ, происходитъ собраніе въ Мазаметѣ; появляется рота драгунъ и стрѣляетъ; три протестанта ранено, двадцать арестовано и приговорено къ галерамъ градоначальникомъ Монпелье. Въ декабрѣ одинъ молодой пасторъ схваченъ солдатами и отведенъ въ Верну (Vernoux); на протестантовъ, которые идутъ за нимъ, чтобы вымолить ему прощеніе, католики въ Верну нападаютъ, стрѣляютъ изъ дверей и изъ оконъ: 30 протестантовъ убито, 200 ранено, многіе умерли отъ ранъ [1]).

Со времени отмѣны Нантскаго эдикта, церковь, какъ извѣстно, разсуждала такъ: во Франціи есть только католики; поэтому тѣ, кто называетъ себя протестантами, вѣроотступники. На этомъ, между прочимъ, основана варварская статья деклараціи 1715 года, по которой «Его Величество повелѣваетъ: если кто-либо изъ его подданныхъ заявитъ, на смертномъ одрѣ, своему кюрэ или королевскому прокурору, что онъ хочетъ умереть въ религіи, именующей себя реформатской, онъ будетъ привлеченъ къ отвѣтственности или лично, или заочно; онъ подлежитъ галерѣ, если выздоровѣетъ, въ случаѣ смерти—конфискаціи имущества». У теологовъ не хватало словъ для выраженія своего восхищенія передъ этой статьей, такъ какъ «въ данномъ случаѣ преступленіе состоитъ въ отступничествѣ отъ вѣры. Съ отмѣной эдикта всѣ подданные короля—католики по закону, потому что они родились въ лонѣ католической церкви и—эта *добрая мать* приняла ихъ въ свои объятія». А Кавейракъ спокойно заявляетъ: «Пусть читатель судитъ самъ, кому, сектантамъ или католикамъ, больше подходитъ кличка нетерпимыхъ,—тѣмъ-ли, которые только защищали религію своихъ отцовъ, или же тѣмъ, которые хотѣли ввести новую?»

Да не подумаетъ читатель, что мы дѣлали всѣ эти печальныя выписки изъ чувства злорадства: намъ казалось только, что мы обязаны представить, безъ малѣйшихъ измѣненій, самые документы, очень мало извѣстные, относящіеся къ великому спору, между сторонниками христіанской церкви и философіи. Мы попытались указать тѣ способы, къ которымъ прибѣгала церковь, чтобы отвергнуть три великіе философскіе принципа того времени, и тѣ выводы, которые хотѣли извлечь изъ нихъ энциклопедисты. Церковь отстаивала, противъ нихъ и противъ всѣхъ ихъ новшествъ, не идя ни на какія уступки, свое неизмѣнное «тако вѣрую» (*credo*) и свое право преслѣдовать всѣхъ тѣхъ, кто не принималъ этого *credo*. Противъ такихъ-то католиковъ и такихъ гонителей протестовали и воевали энциклопедисты. И еслибы они даже остановились на томъ, то и тогда ихъ работа разрушенія, какъ ее принято называть, несмотря на всѣ ихъ недостатки, была бы благодѣтельна для прогресса разума и человѣчества. Но ихъ работа имѣла не только отрицательный характеръ; они хотѣли не только разрушать,—они хотѣли и, какъ мы думаемъ, умѣли и созидать. Мы надѣемся выяснить это въ послѣдней главѣ.

---

[1]) Выдержки изъ цит. соч. Hugues, II, 200.

VI.

Побѣды Энциклопедіи, касающіяся ея трехъ великихъ принциповъ.

M-me дю-Деффанъ писала однажды Вольтеру: «Вы разрушаете всѣ заблужденія; но чѣмъ вы ихъ замѣняете?» Попытка дать отвѣтъ на послѣдній вопросъ составитъ содержаніе настоящей главы.— Философы хотѣли не только искоренить старые предразсудки, какъ мы привыкли это слышать;—они стремились еще посѣять вмѣсто нихъ истины, которыя считали новыми и плодотворными. Мы не разъ уже говорили въ нашей книгѣ объ этихъ истинахъ. Теперь мы хотѣли бы, сгруппировавъ ихъ, вкратцѣ ихъ резюмировать, взвѣсить и указать то великое мѣсто, которое онѣ занимаютъ въ томъ, что принято называть новѣйшей мыслью.

Если правда, что нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, учрежденія, на которыя нападали философы, дѣйствительно мѣшали матеріальному и духовному развитію человѣчества, не имѣемъ ли мы въ такомъ случаѣ права сказать, не зная даже положительныхъ цѣлей энциклопедистовъ, что, разрушая, они уже дѣлали полезное дѣло? Напримѣръ, если они содѣйствовали уничтоженію привилегій,—а это фактъ безпорный,—то тѣмъ самымъ уже являлись соучастниками въ выработкѣ лучшаго общественнаго строя, основаннаго на всеобщемъ равенствѣ. Но надо признать, что изъ одного равенства нельзя создать общество: стадо также состоитъ изъ равноправныхъ единицъ; для образованія же общества нужны люди. Какихъ же людей хотѣли выработать философы?

Не единымъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ, говорила церковь. Излишне напоминать, что энциклопедисты старались улучшить и придать больше прелести матеріальной сторонѣ жизни человѣка. Каждый изъ нихъ искалъ счастья не на небѣ, но тамъ, гдѣ его надѣялся найти Вольтеръ:

Le paradis terrestre est où je suis.
(Земной рай я ношу съ собою).

Если вѣрно, что монастырь олицетворяетъ собой «совершенную церковь», а «монахъ» [1])—истиннаго христіанина, то полной противоположностью этому является идеалъ философа. И Вовенаргъ съ очаровательной смѣлостью провозглашаетъ его въ своихъ «Совѣтахъ молодому человѣку»: «Если вы испытываете какую нибудь страсть, облагораживающую ваши чувства, дорожите ей!» Далѣе онъ развиваетъ ту мысль, что присущія человѣку страсти, если ихъ направить въ хорошую сторону, могутъ обратиться въ «добродѣтели». Реабилитировавъ права *естественныхъ* наклонностей человѣка, энциклопедисты заботились о томъ, чтобы каждый обладалъ большимъ благосостояніемъ, чѣмъ это было возможно при старомъ порядкѣ вещей. Въ своей энциклопедіи они краснорѣчиво излагаютъ и защищаютъ права всѣхъ на большую безопасность и большее счастье на землѣ. Кстати замѣтимъ, что успѣхи ремеслъ и промышленности въ XVIII в., казалось, оправдывали, даже поощряли это стремленіе къ благосостоянію,

---

[1]) Renan: *Marc Aurèle*, 627.

которое философы противопоставляли религіозному аскетизму. Не только свѣтскіе люди, но и большая часть духовенства являлась союзницей энциклопедистовъ, слѣдуя въ жизни не столько предписаніямъ церкви, сколько указаніямъ «Свѣтскаго человѣка». А утилитарная философія только выигрывала отъ этого бьющаго въ глаза противорѣчія между правами и догматами.

Что же внесъ вѣкъ философовъ въ умственную и нравственную жизнь человѣчества? На этомъ стоитъ остановиться, такъ какъ мы намѣрены подвести балансъ философіи XVIII вѣка. Церковь хотѣла и трогать сердца и управлять умами только при помощи традиціи. Философія стала оспаривать у церкви эту гегемонію надъ умами, такъ какъ она; въ свою очередь, желала ни больше, ни меньше, какъ «измѣнить общепринятые взгляды». Далеко не раздѣляя мнѣнія XVII вѣка, что по великимъ вопросамъ, интересующимъ человѣчество, уже «все сказано», восемнадцатый вѣкъ считаетъ, что приходится опровергать многое, что было раньше высказано по философіи и нравственности. До сихъ поръ человѣчествомъ руководило духовенство и внушало ему рядъ предразсудковъ, съ которыми надо было бороться. Философія противопоставляетъ три совершенно противоположныя имъ идеи и на нихъ думаетъ построить лучшее общество.

Доктрина католической церкви покоится на началѣ *сверхъестественномъ*; церковь предписываетъ ее вѣрующему по праву своего непогрѣшимаго *авторитета*, а невѣрующему она навязываетъ ее по мнимому праву быть *нетерпимой*. Вмѣсто этихъ трехъ принциповъ философы выставили три другіе; они должны были совершенно уничтожить первые. Мы, еще не иллюстрируя этихъ обобщающихъ формулъ примѣрами, уже назвали ихъ природой, разумомъ и человѣчностью. Эти идеи явились, какъ извѣстно, и какъ мы не разъ упоминали, практическимъ результатомъ того положенія вещей, при которомъ принципы каталической церкви находили духовную поддержку въ авторитетѣ, а матеріальную—въ нетерпимости духовенства.

Теперь посмотримъ, что же дали и чего стоили противоположные принципы, принципы философіи XVIII вѣка.

I. Природа.

Всѣ великіе писатели того вѣка поочередно вопрошали природу: Бюффонъ написалъ «Естественную Исторію»; Дидро — свое «Толкованіе», Гольбахъ, самый неустрашимый и, не смотря на свои заблужденія и на грубый языкъ, самый логичный изъ всѣхъ, построилъ «Систему природы», и всѣмъ имъ природа дала одинъ отвѣтъ: существуютъ только вторичныя причины и необходимые законы; тѣ, «которые воображаютъ, что ссылкой на конечныя причины они отвѣчаютъ на вопросъ, говоритъ мудрый Бюффонъ, не замѣчаютъ, что они принимаютъ дѣйствіе за причину. Первичныя причины навсегда останутся скрытыми отъ насъ; все, что мы можемъ, это—замѣчать нѣкоторыя частныя дѣйствія» [1]).

Каждый шагъ науки, въ частности науки о природѣ, великой разрушительницы суевѣрій, отодвигаетъ ихъ на задній планъ; отчасти въ виду этого восемнадцатый вѣкъ страстно отдается этой наукѣ, и большинство философовъ естественники. Дѣйствительно, въ средніе вѣка

[1]) Бюффонъ: *Естественная исторія, Первая рѣчь.*

естественныя науки занимали очень незавидное положеніе; «теологія была прирожденнымъ врагомъ опыта; поэтому она всегда мѣшала зарожденію естественныхъ наукъ, которыя на своемъ пути всегда натыкались на нее» [1]? Незачѣмъ обращаться къ особенно далекимъ временамъ, посмотрите какъ въ XVII вѣкѣ, въ вѣкѣ вѣры,—Янсеніусъ запрещаетъ «изслѣдовать тайны природы, до которыхъ намъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла» и «въ которыхъ, кромѣ того, мы ровно ничего не понимаемъ»,—съ удовольствіемъ прибавлялъ М. Сэнглей. Послушайте Портъ Рояль, который учитъ въ своей *Логикѣ*, что «люди рождены не для того, чтобы изучать различныя движенія земли, такъ какъ жизнь ихъ слишкомъ коротка для занятія такими пустяками». Для восемнадцатаго вѣка, напротивъ, самымъ важнымъ предметомъ, на которомъ можетъ остановить свои взоры умъ дѣйствительно философскій и дѣйствительно свободный, была именно наука о природѣ, убивающая заблужденія, такъ какъ «не существуетъ,—по словамъ Кондорсе,—ни такой метафизической системы, ни такой сверхъестественной нелѣпости, которая не покоилась бы на незнаніи законовъ природы». Наконецъ, Мерсье, этотъ отголосокъ вѣка, вознеся до небесъ Академію наукъ, восклицаетъ: «Безъ наукъ человѣкъ стоялъ бы ниже животнаго» [2].

Восемнадцатый вѣкъ разрабатываетъ науку о природѣ съ такимъ увлеченіемъ не только потому, что она разгоняетъ суевѣрія, но еще и потому, что она учитъ многимъ прекраснымъ и полезнымъ вещамъ и открываетъ въ будущемъ все новые горизонты. Начиная съ XVI вѣка, свидѣтеля возрожденія этой науки, она не переставала дѣлать все новыя и новыя завоеванія; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только раскрыть Энциклопедію. Успѣхи, сдѣланные въ XVIII вѣкѣ экспериментальными науками уже не разъ описывались [3]. Эти быстрые успѣхи объясняются тѣмъ, что, со смертью прежней вѣры въ душѣ многихъ, наука стала какъ бы новой религіей, имѣвшей своихъ поклонниковъ и даже фанатиковъ. Развѣ не называли неистоваго Гольбаха фанатикомъ атеистомъ? Не раздѣляя его, такъ сказать, личной ненависти къ отвлеченному догмату католической религіи и ея служителямъ, многіе, благодаря наукѣ, испытывали своего рода восторгъ, сопровождавшій открытія и вызванный употребленіемъ новаго метода мышленія [4])».
Когда энциклопедисты прославляютъ науку и ея побѣды надъ старыми заблужденіями людей, какъ будто слышишь хвалебныя пѣсни, которыя слагалъ послѣдователь Эпикура своему учителю, вступившему въ бой съ суевѣріемъ и силой генія и дерзновеніемъ побѣдившему боговъ: «Я трепещу, восклицаетъ Лукрецій, и испытываю глубокое наслажденіе при видѣ того, какъ, подъ твоей мощной рукой, бездны *природы* разверзаются и становятся со всѣхъ сторонъ доступными дневному свѣту». Точно также и въ восемнадцатомъ вѣкѣ казалось будто природа мало-по-малу открываетъ передъ очами своихъ новыхъ послѣдователей свои таинственныя глубины, полныя откровеній и тайны.

---

[1]) *Syst. de la nature*, II. 311.

[2]) Въ устахъ Бюффона наука о природѣ становится даже эквивалентомъ счастья. Говоря о самомъ первобытномъ народѣ, который вычислилъ шестисотъ-лѣтній лунно-солнечный періодъ, что предполагаетъ безконечный рядъ астрономическихъ наблюденій и изученій, Бюффонъ заключаетъ: „Этотъ первый народъ былъ очень счастливъ, такъ какъ онъ былъ очень ученъ". (*Epoques de la nature*, VII).

[3]) Ог. Контъ: *Позит. философія*, I. Whewel; *Hist. of the induct. sciense.* II, III.

[4]) *Elém. de philosophie*, Belin, I, 121.

«Что можетъ быть благороднѣе того восторга, восклицаетъ Бюффонъ, который охватываетъ всякаго при мысли, что человѣкъ способенъ познать всѣ силы и раскрыть, благодаря своимъ трудамъ, всѣ тайны природы!»

Въ другомъ мѣстѣ, передавая исторію первыхъ вѣковъ человѣчества, онъ заканчиваетъ такъ: «Вездѣ, гдѣ человѣкъ поступалъ умно, онъ слѣдовалъ указаніямъ природы, пользовался ея примѣрами, употреблялъ ея средства и выбиралъ изъ громаднаго разнообразія ея предметовъ всѣ тѣ, которые могли ему служить или доставить удовольствіе. Руководимый природой, «человѣкъ сперва подчинилъ себѣ животныхъ, а затѣмъ, съ помощью ихъ, измѣнилъ внѣшній видъ земли».

А вотъ еще и другіе уроки, данные этой первой наставницей человѣческаго рода, восемнадцатому вѣку. Для того, кто умѣетъ ее вопрошать, «природа,—говоритъ Кондорсе,—во всемъ ея объемѣ, подчинена правильнымъ законамъ; поэтому во *всякомъ кажущемся безпорядкѣ* скрывается порядокъ, котораго нашъ глазъ не смогъ замѣтить» [1]). Въ этихъ словахъ заключается провозглашеніе основъ тератологіи, науки объ уродахъ, которую потомъ изобрѣли оба Жоффруа Сентъ-Илер'ы Она доказывала, что, дѣйствительно, «появленіе уродовъ предполагаетъ не безпорядокъ, а новый порядъ». Но надо вспомнить, что Жоффруа Сентъ-Илер'ы не могли дать научное объясненіе этимъ страннымъ произведеніямъ природы, пока въ лицѣ знаменитаго Вольфа XVIII вѣкъ не создалъ науку о животной эмбріологіи.

Затѣмъ физіократы (мы перечисляемъ только новые пути, открытые философами *натуралистами* XVIII в.), убѣдившись, что между всѣми экономическими явленіями существуютъ естественныя и необходимыя соотношенія, поддающіяся точному измѣренію и обоснованію, первые въ своихъ строго-точныхъ трудахъ дѣлаютъ попытку построить на тѣхъ же законахъ природы настоящую науку объ управленіи [2]). Подъ вліяніемъ того же научнаго духа изобрѣтаютъ способъ подчинять математическимъ вычисленіямъ факты человѣческой жизни, которые, какъ до сихъ поръ казалось, не поддаются ни законамъ, ни классификаціи. Построенная на этихъ данныхъ наука названанная сперва *политической ариѳметикой*, въ серединѣ вѣка получаетъ названіе *статистики* и подъ этимъ именемъ вскорѣ совершаетъ переворотъ въ исторіи [3]).

Та же наука о явленіяхъ природы значительно раздвигаетъ рамки самой *исторіи*. Помимо статей, вродѣ статей Вольтера и Энциклопедіи о «китайцахъ», которыя не мало забавляли и читателей, и насъ въ томъ числѣ, были и серьезныя изслѣдованія обычаевъ чужихъ народовъ, въ особенности, дикихъ. Что же они дали въ XVIII вѣкѣ? Выдающіеся путешественники того времени, Бугенвиль, Кукъ и Лаперузъ, своими точными сообщеніями даютъ возможность ученымъ, какъ Гоге (Goguet), построить теорію трехъ вѣковъ—каменнаго, мѣднаго и желѣзнаго. Свою теорію авторъ излагаетъ уже довольно послѣдовательно и основываетъ ее на новѣйшихъ археологическихъ находкахъ

---

[1]) Condorcet: *Oeuvres*, édit. Didot, I. 418.

[2]) Въ другомъ мѣстѣ (гл. III, *Критика злоупотребленій*) мы показали, что *Енциклопедія* была колыбелью политической экономіи.

[3]) Названіе *Статистики* встрѣчается уже въ сочиненіи Ашенваля: *Constitution des Etats de l'Europe*, 1749. Срав. любопытное изложеніе мотивовъ знаменитаго постановленія Тюрго (отъ 13-го сентября 1774) относительно монополіи на продовольствіе зерномъ.

и данныхъ «сравнительной этнографіи» [1]). Другой трудъ, вышедшій нѣсколько лѣтъ спустя послѣ труда Гоге (Описаніе всѣхъ народовъ россійской имперіи) рисуетъ вѣрную картину условій жизни Финновъ, которая устанавливала сходство между этими племенами и нашими отдаленными предками эпохи сѣвернаго оленя. Этотъ трудъ послужилъ «первой основой для исторической этнографіи [2]). Уже въ 1723 г., въ памятной запискѣ, поданной въ Академію наукъ, де Жюсье, сравнивая камни, происшедшіе, согласно народному повѣрію, отъ грома (громовыя стрѣлы), съ камнями, найденными на островахъ Америки и въ Канадѣ, утверждалъ, что какъ тѣ, такъ и другіе обтесаны просто на просто дикарями. Затѣмъ, Жюсье отстаивалъ ту мысль, что народы Франціи и Германіи, до открытія желѣза, были такими же первобытными дикарями, такъ какъ въ почвѣ обѣихъ этихъ странъ находили подобныя же кремневыя орудія. «Такимъ образомъ спала завѣса, скрывавшая отъ насъ каменный вѣкъ, и онъ занялъ свое мѣсто въ исторіи [3]).

Но обратимся къ исторіи въ собственномъ смыслѣ. И въ этой области восемнадцатый вѣкъ оказался не менѣе смѣлымъ и не менѣе счастливымъ въ своихъ новшествахъ, несмотря на то, что его постоянно обвиняютъ въ незнаніи исторіи. Прежде всего, благодаря Вольтеру, область исторіи одновременно и расширяется и обогащается: Вольтеръ, первый во Франціи, въ 1765 году, употребляетъ выраженіе: «философія исторіи» въ своемъ Введеніи въ «Очеркѣ изслѣдованія нравовъ». Гердеръ заимствуетъ отъ него этотъ заманчивый термимъ, озаглавивъ въ 1774 году свою книгу: «Еще одна философія исторіи». А, вѣдь, одно это слово само по себѣ есть уже прогрессъ, такъ какъ оно связываетъ и заставляетъ итти рука объ руку двѣ науки, которыя до сихъ поръ шли совершенно разными дорогами. Этого мало: въ «Очеркахъ изслѣдованія нравовъ» Вольтеръ первый даетъ образчикъ того, что впослѣдствіи было названо исторіей цивилизаціи, и нѣмцы, написавшіе съ тѣхъ поръ много прекрасныхъ книгъ въ томъ же родѣ (*Culturgeschichten*), воздаютъ, однако, честь Вольтеру за это расширеніе историческихъ рамокъ: «Вольтеръ первый показалъ, въ большомъ масштабѣ, какъ должно связывать съ историческимъ разсказомъ описаніе всего, что составляетъ духовную жизнь народа. Со времени появленія «Очерковъ» можно считать установленнымъ новый методъ пониманія всеобщей исторіи, и первый, кому пришла мысль ввести этотъ методъ, былъ Вольтеръ» [4]).

Но, вѣдь, еще за сто лѣтъ до Вольтера, Боссюэ написалъ, въ чисто-философскомъ духѣ, превосходную исторію человѣчества? Но тутъ-то и обнаруживается разница между этими двумя писателями, и ярко выступаетъ отличительная черта вѣка, которую я хочу освѣтить и подчеркнуть въ настоящей главѣ. Я говорю о стремленіи свести къ *естественной* исторіи всѣ науки, даже, такъ называемыя, нравственныя и соціальныя.

---

[1]) Goguet: *De l'origine des lois, des arts, des sciences et de leurs progrès chez les anciens peuples*, 1748.

[2]) Cartailhac.: *La France préhistorique*, Baillière, p. 61. Около этого же времени Бюффонъ писалъ: „Прочтите у Тацита о нравахъ германцевъ: это картина нравовъ Гуроновъ или, скорѣе, привычекъ всего человѣческаго рода, выходящаго изъ естественнаго состоянія". (*Septième époque de la Nature*).

[3]) Cortailhac, ibid., p. 12.

[4]) I. Jodl.; *Die Culturgeschtungsschreibung. ihre Entwicklung und ihr Problem*, Leipzig, 1878.

Вольтеръ не только устраняетъ, въ своей исторіи, сверхъестественныя вмѣшательства провидѣнія, которое навязываетъ Боссюэ, но, вѣрный духу времени, смѣло исключаетъ изъ разсказа все, что кажется ему противорѣчащимъ природѣ вещей и природѣ человѣка: «Мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, когда почти всѣ заблужденія въ области *явленій природы* разсѣяны. Теперь нельзя говорить объ эмпиреяхъ, о хрустальныхъ небесахъ, объ огненной сферѣ въ кругѣ луны. Съ какой же стати мы будемъ позволять Роллену убаюкивать насъ сказками изъ Геродота и повторять намъ *сказочную* исторію о Кирѣ, о его мелкихъ продѣлкахъ, о той граціи, съ которой онъ давалъ пить своему папашѣ Астіагу, никогда не существовавшему?.. Читая Тацита и Светонія, я задавалъ себѣ иногда вопросъ: да вѣрны-ли всѣ эти жестокія сумасбродства, приписываемыя Тиверію, Калигулѣ и Нерону? Такія чудовищныя гнусности противорѣчатъ *природѣ*» [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Аббатъ Базенъ страстно любилъ истину; все, чего нѣтъ въ природѣ, казалось ему нелѣпостью» [2]).

Надо замѣтить, что здѣсь важно не только при помощи простого здраваго смысла—какъ это дѣлалъ часто самъ Вольтеръ и, иногда, къ сожалѣнію, съ очень узкой точки зрѣнія,—отвергнуть баснословные разсказы или нелѣпые факты. Дѣло было въ томъ, чтобы написать естественную исторію человѣчества, прилагая къ ней естественно-научный методъ. «Мы принимаемъ здѣсь во вниманіе только вторичныя причины», повторяетъ безпрестанно Вольтеръ въ своемъ «Философскомъ Словарѣ»; этими вторичными причинами служатъ чувства и мнѣнія людей, а въ особенности прирожденныя имъ страсти; онѣ-то, встрѣчая или преграду, или помощь во внѣшнихъ силахъ природы, опредѣляютъ ходъ исторіи: «Если люди, появившіеся послѣ потопа, стали хуже своихъ предковъ, и если они съ вѣками становятся преступнѣе, то въ этомъ проявляется дѣйствіе Провидѣнія; но мы не проникаемъ въ это страшное Святая святыхъ; мы разсматриваемъ здѣсь только обыкновенную природу» [3]). А она различна въ человѣкѣ и въ животномъ не по существу, а только по степени, такъ какъ,—говоритъ позднѣе Кондорсе,—животныя хоть и грубо, но чувствуютъ, разсуждаютъ и, наконецъ, живутъ обществомъ. Поэтому,—

---

[1]) *L e pyrrhonisme de l'histoire,* ch. II, et XII.

[2]) *La défense de mon oncle: exorde.* Замѣтьте, что Вольтеръ впослѣдствіи отвергаетъ, во имя тѣхъ же принциповъ, *чудовищныя, а потому невѣроятныя* исторіи, измышленныя фанатизмомъ современниковъ; по поводу Каласа и Сирвена онъ говоритъ: „Не согласно съ *природой*, чтобы отцы и матери рѣзали своихъ дѣтей въ угоду Богу", и умоляетъ судей „больше обращаться къ свѣту разума и прислушиваться къ голосу природы". (*La* méprise d'Arras). Вообще Вольтеръ хочетъ этимъ сказать, что критеріумомъ правдивости историческихъ свидѣтельствъ служитъ *психологія*: „Не зная, что *природа человѣческая* вездѣ однородна,—пишетъ одинъ нашъ современникъ,—наши ученые своимъ легковѣріемъ напоминаютъ подчасъ древнихъ историковъ, принимавшихъ за достовѣрное невозможныя вещи". (Lacombe: *De l'histoire considérée comme science.* Hachette, 2894, p. 27).

Тотъ же писатель говоритъ далѣе: „Начиная съ XVIII в., былъ открытъ истинный путь къ историческимъ законамъ и достигнуты въ этомъ направленіи даже нѣкоторые успѣхи. Когда Тюрго, напр., почти формулировалъ законъ трехъ умственныхъ состояній, который Контъ впослѣдствіи развилъ и точно опредѣлилъ словами: *состояніе религіозное, состояніе метафизическое, состояніе научное*, когда Тюрго ожидалъ отъ этого закона объясненія цѣлой обширной области историческихъ явленій, развѣ въ его словахъ не скрывалось признаніе истиннаго метода—необходимости обращаться къ природѣ? *Ibid.*, p. 33).

[3]) *Diction. philosophique*: art. *Changements arrivés dans le globe.*

продолжаетъ тотъ же философъ,—для объясненія прогресса человѣческаго рода не къ чему искать какой-то существенной разницы между человѣкомъ и животными. Бюффонъ, приступая къ своей естественной исторіи, заявляетъ, что «человѣкъ долженъ отнести самого себя къ классу животныхъ». Но еще раньше Бюффона, Кондорсе и Вольтера, авторъ *Духа законовъ* своей теоріей климатовъ ввелъ въ науку государственнаго права (въ широкомъ смыслѣ) понятіе о детерминизмѣ, заимствуя его у наукъ естественныхъ. Своимъ знаменитымъ опредѣленіемъ: «Законы суть необходимыя отношенія, вытекающія изъ природы», онъ говоритъ, что законы не произвольныя выдумки, а несомнѣнно вызваны естественными причинами, каковы: «природа человѣка», климатъ, религія, или, выражаясь точнѣе, соотношенія всѣхъ этихъ вещей между собой. Такимъ образомъ, законы людей, исторія этихъ законовъ и даже ихъ происхожденіе объясняются естественными причинами также точно, какъ происхожденіе, нравы, самыя общества животныхъ. Существованіе американскихъ племенъ, являвшихся какъ бы живымъ опроверженіемъ моногенетической теоріи человѣчества, ставило въ затрудненіе ученыхъ XVIII вѣка, и Вольтеръ замѣтилъ, что этотъ фактъ нисколько не удивительнѣе существованія въ Америкѣ мухъ. Итакъ XVIII вѣкъ отводитъ должное мѣсто во вселенной—землѣ, «этому комочку грязи», а на землѣ—человѣку, «человѣку-животному», по выраженію Кондорсе. Человѣкъ не представляется больше существомъ, стоящимъ особнякомъ и какъ бы чудеснымъ среди другихъ формъ бытія. Это существо, принадлежащее природѣ, несомнѣнно болѣе совершенно, чѣмъ другія; но всѣ его совершенства, все то, чѣмъ онъ возвышается надъ животными, объясняется только медленнымъ развитіемъ его прирожденныхъ способностей. Въ наше время выражаются такъ: «Намъ также невозможно, изслѣдуя основы нашей психической и соціальной жизни, замыкаться въ границахъ нашей породы, какъ невозможо понять физическое состояніе человѣка, не принимая въ разсчетъ состояніе низшихъ животныхъ» [1]).

Безъ всякаго сомнѣнія, этотъ афоризмъ даже въ наши дни еще оспаривается. Вотъ другое положеніе, съ которымъ всѣ согласны,—что науки взаимно помогаютъ другъ другу и что ученые нуждаются также другъ въ другѣ. А между тѣмъ энциклопедисты не только распространили эту идею, ставшую съ тѣхъ поръ избитой истиной, но и доказали всѣмъ ея очевидность и плодотворность. На каждой страницѣ большого словаря они ссылаются на безпрестанныя заимствованія, которыя дѣлаютъ другъ у друга науки, не имѣвшія, казалось, между собою ничего общаго: «очевидная услуга, которой нельзя оспаривать у энциклопедіи, это то, что она сблизила всѣ отрасли знанія» [2]). Итакъ, пусть ученые не уединяются, какъ бывало раньше, и не замыкаются въ свои спеціальности, не вѣдая остальныхъ и пренебрегая ими, такъ какъ, если они не знакомы со смежными науками, они не знаютъ даже собственной: «Если не знаешь всего (Дидро хочетъ сказать: по немногу обо всемъ), не знаешь толкомъ ничего: не знаешь, куда клонится одно, откуда происходитъ другое, куда нужно помѣстить ту или иную вещь» [3]).

---

[1]) Westermarck: *Origine du mariage dans l'espèce humaine*, Alcan, p. 10.

[2]) Lemontey: *Eloge de Morellet.*

[3]) Дидро. V, 425. Уже Паскаль сказалъ: „Такъ какъ всѣ вещи—и причины и слѣдствія, и посредственны и непосредственны, и всѣ другъ друга поддерживаютъ при помощи естественной и незамѣтной нити, связующей вещи са-

Еще не успѣлъ истечь восемнадцатый вѣкъ, какъ уже систематическій взглядъ на человѣческія знанія сталъ проникать въ жизнь при помощи одного грандіознаго произведенія по вѣрному и краснорѣчивому выраженію Лемонте: «Родился институтъ, и энциклопедія ожила». Извѣстно, кромѣ того, какое большое мѣсто было отведено въ энциклопедіи описанію ремеслъ, и сколько кропотливаго труда приложилъ Дидро къ редактированію техническихъ статей и къ улучшенію рисунковъ. И вотъ результатъ: консерваторія искусствъ и ремеслъ является самымъ разительнымъ примѣромъ вліянія энциклопедистовъ; это, такъ сказать, (по выраженію директора этой школы) «сама энциклопедія въ дѣйствіи» [1]). Декретъ Конвента, основавшаго консерваторію (19 вандеміера, III года), говорилъ: «Въ ней будутъ объяснять устройство и употребленіе орудій и машинъ, полезныхъ для искусствъ и ремеслъ». Это и есть именно то, что сдѣлалъ Дидро, и сдѣлалъ первый, въ своихъ удивительныхъ статьяхъ въ энциклопедіи: «энциклопедисты какъ будто хотѣли дать полное описаніе существующихъ знаній съ той цѣлью, чтобы облегчить послѣдующіе ихъ успѣхи» [1]).

А въ наше время, наши возрождающіеся университеты, по духу своего преподаванія, развѣ не живая энциклопедія? Подробности по этому слишкомъ общественному вопросу были бы здѣсь излишни, мы ограничимся ссылкой на лицо, наиболѣе авторитетное въ этой области: «Планъ высшаго образованія, введенный у насъ революціей, былъ составленъ подъ вліяніемъ философіи восемнадцатаго вѣка. Высшее образованіе съ его научнымъ направленіемъ было для раціоналистической истины тѣмъ же, чѣмъ были въ средніе вѣка университеты съ ихъ теологическимъ направленіемъ для истины религіозной. Относительно этого начала Конституанта, Законодательный Корпусъ, Конвентъ, Совѣтъ пяти сотъ держатся одного мнѣнія. Все, что съ тѣхъ поръ было сдѣлано во Франціи, при всѣхъ режимахъ, для развитія высшаго образованія, коренится въ революціи и восходитъ къ той эпохѣ»).

Таковы были практическіе результаты этого обширнаго научнаго синтеза, который попытался выработать энциклопедію. Она хотѣла представить читателю въ сжатомъ видѣ весь запасъ знаній, добытыхъ о мірѣ, а развѣ наши университеты не представляютъ того, что Дону (Daunou) сказалъ объ институтѣ: «Онъ будетъ собраніемъ всей наличной учености».

Но мы позволимъ себѣ напомнить слѣдующее: чтобы составить этотъ великій систематическій и толковый словарь, чтобы доказать, какъ это сдѣлали его составители, взаимную зависимость наукъ между

мыя отдаленныя и самыя различныя, я считаю невозможнымъ познать части, не познавъ цѣлаго, точно также, какъ не считаю возможнымъ познавать части независимо одну отъ другой". (Edit. Havet, I, 7). Но для Паскаля это именно и служитъ окончательнымъ подтвержденіемъ нашего безсилія познать вещи. Позднѣе, въ своемъ *Предисловіи* къ *Histoire de l'Académie des sciences* (исторія академіи наукъ) (1699), Фонтенель утверждалъ существованіе „солидарности между науками" и, въ то время, „постоянства законовъ природы" (см. Brunetière, *Manuel*, 231), и провозглашалъ, такимъ образомъ, основные принципы энциклопедіи.

[1]) Сообщеніе полковника Лосседа (Laussédat), сдѣланное въ Бордо, 1887, Нац. тип.

[2]) Laussédat: Рѣчь при открытіи научнаго конгресса въ Оранѣ, въ 1888 г. *Revue scientifique*. 31 м. 1888.

[3]) L. Liard: *L'Enseignement supérieur en France*, 1789—1889, I, 310.

собою, недостаточно было быть, какъ Дидро, Даламберъ и Вольтеръ, только энциклопедистами, т.-е. имѣть очень разнообразныя и почти универсальныя знанія. Нужно было еще понимать, какъ это превосходно сказалъ Даламберъ въ заголовкѣ энциклопедіи, что «вселенная для того, кто сумѣлъ бы охватить ее однимъ взоромъ, представляетъ одно цѣльное явленіе одной великой истины». Итакъ, недостаточно сказать, что въ XVIII вѣкѣ всѣ науки роднятся между собой; для этихъ философскихъ умовъ въ сущности есть только одна наука, это, еще разъ повторяю, наука о *природѣ*.

II. Разумъ.

Если, для философскаго ума, существуетъ только одна наука,— наука о природѣ, то, для ума истинно-критическаго, существуетъ только одинъ методъ,—методъ раціональный. Правда, еще до энциклопедистовъ, Декартъ въ очень ясныхъ выраженіяхъ провозгласилъ, что «всѣ науки вмѣстѣ взятыя—ничто иное, какъ умъ человѣческій, который всегда единъ» [1])», и поэтому нельзя примѣнять различные методы къ «наукамъ, такъ тѣсно связаннымъ между собою»; наконецъ, мы знаемъ, что Декартъ признавалъ только методъ раціоналистическій. Итакъ, XVIII вѣкъ, руководимый въ своихъ поискахъ истины, не традиціей или авторитетомъ, а единственно разумомъ, является, повидимому, только ученикомъ Декарта. Да, но съ той оговоркой, что XVIII вѣкъ развилъ и исправилъ положенія своего учителя, и въ этомъ обнаружилъ оригинальность своихъ мыслителей. Были, съ одной стороны, вопросы имѣвшіе, напр., отношеніе къ религіи и политикѣ, которые Декартъ и весь XVII вѣкъ не дерзали, благодаря общеизвѣстнымъ условіямъ, подвергать изслѣдованію, т.-е. разрушающей критикѣ раціоналистическаго метода. Въ XVIII вѣкѣ, напротивъ, ничто не ускользаетъ отъ смѣлаго контроля разума. Съ другой стороны, разумъ Декарта есть разумъ геометровъ, т.-е. тотъ, который отправляется отъ извѣстныхъ простыхъ истинъ, опредѣленій или аксіомъ, и выводитъ изъ нихъ математическимъ путемъ всѣ логическія слѣдствія, нисколько не думая о томъ, что дѣйствительность, при ближайшемъ знакомствѣ съ ней, могла бы разбить всѣ эти красивыя и хрупкія построенія *a priori*. Но кромѣ разума математиковъ есть еще иной (или если хотите, иной способъ пользованія имъ),—это разумъ тѣхъ, которые, въ XVIII вѣкѣ, изучаютъ природу, т.-е. наблюдаютъ ее собственными глазами, а не выдумываютъ ея изъ своего метафизическаго ума. Правда, оба эти метода, одинаково раціональные, но употребляющіе противоположные другъ другу пріемы, такъ какъ одинъ ведетъ отъ общихъ принциповъ къ частнымъ слѣдствіямъ, а другой—отъ частныхъ явленій къ общимъ законамъ,—оба эти метода царили *одновременно* въ XVIII вѣкѣ. Такъ, напр., разумъ геометра продиктовалъ Монтескье нѣкоторыя главы его *Духа законовъ*, помогъ ему «увидѣть, какъ разъ установленыя общія положенія подчиняютъ себѣ частные факты». Разумъ естественника, напротивъ, научаетъ Бюффона «изучать и толковать естественную исторію. Онъ говоритъ, что «единственная и истинная наука состоитъ въ познаніи фактовъ, а математическія истины даютъ только опредѣленія и потому вполнѣ произвольны, чего нельзя сказать о естественно-научныхъ истинахъ».

---

[1]) *Règles pour la direction de l'esprit: Première règle.*

Повидимому, только во второй половинѣ вѣка, въ то время, когда медленно воздвигается зданіе *Энциклопедіи*, и въ особенности съ того момента, какъ, по вѣрному замѣчанію Дидро, геометрія начинаетъ уступать мѣсто естественнымъ наукамъ, методъ экспериментальный [1]), завоевываетъ себѣ болѣе широкую область. Однако ему не удалось вытѣснить метафизическаго метода, такъ какъ скорѣе на метафизическіе, а не на «ораторскіе пріемы», которыхъ такъ не любитъ Тэнъ, слѣдуетъ возложить отвѣтственность за рискованныя теоріи и построенія a priori, въ которыхъ такъ часто упрекали XVIII вѣкъ. Тѣмъ не менѣе за учеными этого вѣка остается та заслуга, что во многихъ, если не во всѣхъ, вопросахъ они умѣло примѣняли настоящій экспериментальный методъ, а это уже представляетъ дѣйствительный шагъ впередъ сравнительно съ XVII вѣкомъ. Химикъ Гольбахъ, во второй половинѣ философскаго вѣка, выражается опредѣленно: «Наша способность производить опыты, воспроизводить ихъ въ своей памяти, предчувствовать ихъ результаты, составляетъ то, что опредѣляютъ словомъ *разумъ*. Безъ опыта—нѣтъ разума» [2]).

Разумъ картезіанцевъ очень далекъ отъ этого, и энциклопедисты гораздо больше были проникнуты духомъ Бэконовскаго *Novum organum*, чѣмъ Декартовскаго «Бесѣды о методѣ».

Именно этотъ экспериментальный и, если можно такъ выразиться, беконовскій разумъ, вопрошая природу, и пришелъ къ тѣмъ удачнымъ открытіямъ, на которыя мы только-что указали. Но до сихъ поръ мы говорили только о явленіяхъ физическаго міра. Какъ же, спрашивается, намѣрены были энциклопедисты изучать явленія міра нравственнаго? Казалось бы, по тому же методу, такъ какъ наука одна. Кондорсе, въ своей рѣчи при вступленіи во французскую академію, говорилъ: «Вдумываясь въ науки нравственныя, нельзя не придти къ заключенію, что, такъ какъ онѣ, подобно естественнымъ наукамъ, опираются на наблюденіе фактовъ, то и должны слѣдовать одному и тому же методу». Объясняя, что разумѣлъ XVIII вѣкъ подъ словомъ природа, намъ приходилось говорить и о томъ, какъ Вольтеръ связалъ исторію человѣчества съ естественной исторіей и прилагалъ къ изученію исторіи методъ естественныхъ наукъ. Однако, въ области нравственныхъ наукъ, энциклопедисты не всегда оставались вѣрны экспериментальному методу, который они такъ превозносили. Мы убѣдились въ этомъ, разсматривая, что было сказано ими новаго по тремъ капитальнымъ вопросамъ, которые они изучали съ особенной любовью, рѣзко выступающей въ ихъ произведеніяхъ, и обсуждали съ чисто философской свободой: — каково происхожденіе *общества*, *религіи* и *естественной нравственности*.

Какъ появились на землѣ человѣческія общества? На этотъ вопросъ энциклопедисты отвѣчаютъ двояко, смотря по тому, руководствуются ли они экспериментальнымъ или раціоналистическимъ методомъ à priori, т.-е., если мы прослѣдимъ ихъ затаенную мысль, смотря по тому, преслѣдуютъ ли они цѣли научныя или полемическія. Когда ученые XVIII вѣка выступаютъ, въ своихъ описаніяхъ путе-

---

[1]) Въ 1775 г. Дидро пишетъ: „Всѣ умы охвачены общимъ интересомъ къ естественной исторіи, анатоміи, химіи и экспериментальной физикѣ". (art. Encyclopédie).

[2]) *Syst. de la Nature*, I, 142. Точно также Бюффонъ: „*Обдуманными* опытами... мы заставляемъ природу раскрывать свои тайны". *Предисловіе* къ его переводу Галеса: *Statique des végétaux*.

шествій или чисто научныхъ трудахъ, въ качествѣ ли наблюдателей нравовъ дикихъ племенъ или выясняютъ, по этимъ наблюденіямъ, слѣды отдаленныхъ обществъ,—тогда они, далеко опережая въ этомъ отношеніи своихъ предшественниковъ, дѣлаютъ сближенія между человѣкомъ и животнымъ, «мастерству котораго,—говоритъ Бюффонъ,—надо больше удивляться, чѣмъ искусству человѣка»; — въ обоихъ этихъ случаяхъ они являются вдвойнѣ иниціаторами. Восемнадцатый вѣкъ проложилъ, во-первыхъ, дорогу къ такъ называемой описательной соціологіи: эта наука идетъ не по стопамъ XVII вѣка, изучавшаго «человѣческую природу», но, скорѣе, продолжаетъ работу XVIII в., изучавшаго *«различныя природы»* различныхъ народовъ; особенно, когда хочетъ освѣтить самыя отдаленныя времена человѣчества и обращается къ народамъ, оставшимся въ дикомъ состояніи, т.-е. оставшимся въ значительной степени такими, какими должны были быть первобытные люди. Во-вторыхъ, XVIII вѣкъ предвосхитилъ ту мысль, что слѣды обычаевъ нашихъ первобытныхъ предковъ можно найти не только среди дикихъ племенъ, но что, можетъ быть, наукѣ о доисторическомъ человѣкѣ не мѣшаетъ кое-чему поучиться на животныхъ, которыхъ Бюффонъ помѣстилъ въ одинъ классъ съ человѣкомъ. Современный намъ философъ, Эспинасъ, проникнутый критически-научнымъ духомъ XVIII вѣка, описалъ соціальные нравы животныхъ въ сочиненіи, пользующемся заслуженной извѣстностью, подъ заглавіемъ: «Животныя общества». Самое заглавіе подтверждаетъ возможность того, что предвидѣли энциклопедисты,—поставить исторію первобытныхъ человѣческихъ обществъ въ связь съ изученіемъ животныхъ.

Но, при составленіи этой исторіи, Энциклопедисты, по правдѣ сказать, руководились не столько самыми фактами, сколько апріорными идеями. Дѣло въ томъ, что для реформаторовъ простое наблюденіе являлось слишкомъ медленнымъ методомъ и могло даже привести къ такимъ заключеніямъ, которыя были бы имъ вовсе не желательны. Проще было—это было и скорѣе и вѣрнѣе—выдумать отъ начала до конца первобытную исторію человѣчества, которая напередъ могла бы оправдать ихъ недовольство и жалобы на установившійся общественный строй. Эти двѣ точки зрѣнія на происхожденіе обществъ, одна—опытная, другая—чисто раціоналистическая, чередуются въ *Энциклопедіи*, которая преслѣдовала и научныя цѣли и цѣли полемическія. Такую же двоякую точку зрѣнія мы находимъ и у публицистовъ того времени. Но у всѣхъ ихъ апріорныя теоріи берутъ значительный перевѣсъ надъ наблюденіемъ, потому что ихъ соціологія—прежде всего соціологія писателей полемистовъ. Но и въ томъ видѣ, какъ она есть, она не перестаетъ быть для васъ вдвойнѣ интересной: она представляетъ, во первыхъ, интересъ историческій—отыскать причину, заставившую философовъ выбрать то оружіе, которое они пустили въ ходъ, противъ существующаго строя, во вторыхъ,—интересъ философскій и поэтому болѣе важный—опредѣлить долю истины и долю новаго въ ихъ соціальныхъ теоріяхъ. Эта доля, по нашему мнѣнію, больше, чѣмъ обыкновенно принято считать, и раньше, чѣмъ приступить къ доказательству нашей мысли, замѣтимъ, что въ двухъ случаяхъ, судьба могла такъ сказать, помочь философамъ найти въ своихъ гипотезахъ истину, даже если бы они слѣдовали раціоналистическимъ путемъ. Для вполнѣ научной исторіи первобытнаго человѣчества у насъ всегда будетъ недостатокъ въ точныхъ и несомнѣнно достовѣрныхъ фактахъ,

мы всегда будемъ принуждены, какъ и Энциклопедисты, заполнять эти пробѣлы выдумкой, опережая исторію. Кромѣ того, трудно допустить, чтобы разумъ совершенно не участвовалъ въ первобытныхъ общественныхъ отношеніяхъ. Поэтому философы имѣли извѣстное основаніе обратиться къ собственному разуму, чтобы бросить свѣтъ на тѣ отдаленныя времена, относительно которыхъ научныя свѣдѣнія будутъ всегда отрывочны и гадательны.

Въ виду того, что основные взгляды XVIII вѣка на происхожденіе обществъ были тысячу разъ изложены ихъ противниками, намъ достаточно вкратцѣ напомнить ихъ читателю. Первобытные люди, учитъ Энциклопедія, жили въ естественномъ состояніи, т.-е., безъ начальниковъ, полиціи и законовъ; во всѣхъ этихъ институтахъ они нисколько не нуждались: они были совершенно невинны и, поэтому, совершенно счастливы. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, такъ какъ болѣе сильные стали злоупотреблять своими преимуществами въ ущербъ слабымъ, и такъ какъ, кромѣ того, всѣмъ приходилось защищаться отъ однихъ и тѣхъ же опасностей: нападеній дикихъ звѣрей, разрушеній, производимыхъ природой, то люди, въ особенности слабѣйшіе изъ нихъ, поняли что имъ выгодно соединиться. Они такъ и сдѣлали, заключивъ договоръ, который связывалъ ихъ другъ съ другомъ взаимными обязательствами: общая выгода служила порукой за ихъ вѣрность договору. Такъ возникло общество.

Въ этой теоріи выступаютъ три положенія, которыя, съ легкими варіантами, раздѣлялись и публицистами XVIII: *естественное состояніе*, предшествующее всякому обществу, основанное на *договорѣ*; *выгода*, подсказывающая союзъ и, когда люди уже соединились, обезпечивающая исполненіе договора. Разберемъ, каковъ былъ точный смыслъ въ XVIII вѣкѣ и каково относительное достоинство для всѣхъ временъ этихъ трехъ положеній.

Начнемъ съ того, что естественное состояніе, какимъ его описываетъ *Энциклопедія*, чистѣйшая выдумка: во всѣ времена человѣкъ не былъ ни ангеломъ, ни животнымъ, но въ началѣ онъ ужъ навѣрное былъ меньше всего похожъ на ангела. Вдохновляясь поэтами древности, воспѣвавшими прелести золотого вѣка, энциклопедисты наперерывъ восхваляютъ тѣ счастливыя времена, когда первобытные люди жили въ чистотѣ и мирѣ, населяя веселыя деревни, и связанные только узами прочной дружбы. Этой идиллической картинѣ современные соціологи противопоставляютъ болѣе правдоподобное изображеніе дрожащихъ и, въ то же время, свирѣпыхъ дикарей, которые скорѣе пресмыкаются, чѣмъ ходятъ по своимъ лѣсамъ. День и ночь они охраняютъ свою пищу отъ всевозможныхъ враговъ, начиная съ себѣ подобныхъ, которыхъ они убиваютъ и пожираютъ, если только не обращаютъ въ рабство, какъ это дѣлаютъ съ лошадью или быкомъ. Нѣкоторые изъ философовъ XVIII вѣка могли собственными глазами увидѣть, въ 93 году, человѣка такимъ, какимъ онъ долженъ былъ быть въ естественномъ состояніи, когда наслѣдственная дикость, дремлющая въ каждомъ изъ насъ, проснулась и проявилась въ безсовѣстныхъ и безстыдныхъ грабежахъ и убійствахъ. Но уже въ началѣ XVIII вѣка энциклопедисты, учившіеся «мыслить» у англійскихъ писателей, имѣли возможность, по произведеніямъ одного изъ нихъ, притомъ самого популярнаго, Даніеля де Фоэ, убѣдиться въ безчисленныхъ преимуществахъ той цивилизаціи, которую они такъ бранили. Когда Робинзонъ очутился одинъ на островѣ, первымъ его движеніемъ

было бѣжать на берегъ и искать тамъ инструментовъ: «Что бы со мной было, Боже мой! если бы Провидѣніе чудеснымъ образомъ не повелѣло, чтобы корабль (со всѣми произведеніями цивилизаціи, которыя на немъ были) былъ выброшенъ возлѣ берега: разумѣется, я умеръ бы съ голоду или жилъ бы, какъ настоящее дикое животное [1])».

Такимъ образомъ, современная мысль просто отбросила эту оптимистическую теорію естественнаго состоянія, которое философы такъ часто и съ такой любовью описывали. Теперь эта младенческая теорія уже осуждена и, пожалуй, осмѣяна; но, спрашивается, вѣрили ли въ нее сами авторы, которыхъ вообще нельзя считать наивными, и если не вѣрили, къ чему имъ было притворяться? Что Вольтеръ и его друзья не очень-то были убѣждены въ невинности первобытнаго человѣка и не особенно завидовали его счастью, доказывается многими мѣстами изъ ихъ сочиненій, въ которыхъ высказана ихъ настоящая мысль по этому вопросу,—я не говорю ужъ о «свѣтскомъ человѣкѣ» и его веселыхъ остротахъ на счетъ нашихъ отдаленныхъ предковъ. Задигъ (Zadig), представлявшій себѣ людей «такими, каковы они на самомъ дѣлѣ», видѣлъ въ нихъ «насѣкомыхъ, пожирающихъ другъ друга, на комочкѣ грязи». Что же касается Гольбаха, который никогда не шутилъ,—то онъ полагаетъ, что «постепенный ростъ потребностей есть признакъ цивилизаціи, и нѣтъ ничего легкомысленнѣе разглагольствованій мрачной философіи (Жанъ-Жака Руссо) противъ стремленія къ власти, величію и богатству» [2]). Наконецъ, въ самой библіи XVIII вѣка читаемъ, что «народы, живущіе подъ управленіемъ хорошей администраціи, счастливѣе тѣхъ, которые, не имѣя ни законовъ, ни начальниковъ, бродятъ по лѣсамъ» [3]). Такъ же думалъ Дидро; осмѣивая отвратительный вкусъ Руссо къ «желудямъ, къ жизни въ берлогахъ и дуплахъ», онъ, если бы ему предстоялъ выборъ, предпочелъ бы упрощенной жизни все то, что именно развратило людей, т.-е. «хорошую карету, удобную квартиру и тонкое бѣлье».

Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же Дидро и энциклопедисты такъ восхваляли прелести дикой жизни, когда сами въ душѣ были слишкомъ буржуазны, чтобы не цѣнить и не наслаждаться во всей полнотѣ удобствами цивилизованной жизни? Мы всегда любимъ, какъ говорится, кого-нибудь вопреки кому-нибудь; а въ данномъ случаѣ философы любили или дѣлали видъ, что имъ нравится естественное состояніе, на перекоръ излишней общественности ихъ эпохи и на перекоръ католической доктринѣ. Что въ вѣкъ салоновъ и ужиновъ въ интимномъ кругу, люди, въ противоположность тираніи свѣтскихъ правилъ, мечтали о свободной жизни подъ открытымъ небомъ, на лонѣ природы, этому удивляться нечего. Надо же было имъ какъ-нибудь встряхиваться и освѣжать свой умъ на чистомъ воздухѣ полей и лѣсовъ, въ ожиданіи, пока не придетъ чародѣй вѣка и не увлечетъ уже не умы, а сердца къ берегамъ Леманскаго озера, гдѣ природа такъ хороша и сами страсти такъ близки къ природѣ. Поэтому похвала

---

[1]) Гоббсъ, а, кажется, подъ его вліяніемъ, и Боссюэ еще раньше говорили, что до установленія какого-либо правительства, „люди естественно были другъ для друга волками (Bossuet, *Politiq.*, VIII, 4, 2).

[2]) *Syst. de la Nat.*, I, 365.

[3]) *Encycl.*, ard. *Monarchie absoluc.* „Можно сказать о прекрасныхъ вѣкахъ Спарты то же, что и о первобытныхъ временахъ церкви, когда всѣ набожные люди умирали святой смертью, смертью золотого вѣка и т. д.". Вольтеръ: *Comment. sur l'Esprit des lois*, XVI, note.

первобытной жизни, въ устахъ философовъ,—это панегирикъ съ задней мыслью—осужденіе жизни общества, ея осложненій и искусственныхъ потребностей. Но тутъ же таится и нападеніе на католическую доктрину: противъ теоріи о прирожденной испорченности человѣка энциклопедисты выдвинули противоположную доктрину о прирожденной добродѣтели первобытнаго человѣка. Человѣкъ рождается добрымъ; но откуда же, въ такомъ случаѣ, зло, раздоръ и преступленіе?—виновато общество.

Раньше, до XVIII вѣка, несчастный человѣкъ проклиналъ свою судьбу, но послѣдствій это никакихъ не имѣло; если онъ былъ «вольнодумецъ», онъ проклиналъ и Провидѣніе, что носило уже болѣе серьезный характеръ, но и этими проклятіями онъ не причинялъ никакого вреда существующимъ учрежденіямъ. Теперь заговорили иначе: если одни страдаютъ, платятъ подати, лишены возможности пользоваться почестями, которыя выпадаютъ на долю другихъ, то это потому, что общество дурно устроено. Поэтому, чтобы искоренить зло, нужно прежде всего внушить людямъ отвращеніе къ современному общественному строю, а для этого лучше всего заставить ихъ вернуться мысленно къ тѣмъ первобытнымъ временамъ, гдѣ есть все, о чемъ они мечтаютъ, такъ какъ та жизнь *противоположность* всему, что они видятъ передъ собой. Люди стали общежительны и, въ тоже время, несчастнѣе; значитъ, чѣмъ ближе къ природѣ, тѣмъ ближе къ счастью.

И XVIII вѣкъ, по временамъ, повидимому, шелъ на эту удочку, увлекаясь тѣмъ, что прежде всего являлось пріемомъ борьбы противъ стараго общественнаго строя, который хотѣли реформировать. Даже сами изобрѣтатели этой тактики начинали восторгаться и приходить въ умиленіе передъ собственнымъ, на половину искреннимъ, изображеніемъ этого исчезнувшаго счастья. Это настроеніе объясняется тѣмъ, что, когда вѣра ослабѣла, исчезли и небесныя радости, наполнявшія надеждою душу вѣрующаго, и оставили въ ней пустоту, но не убили постоянной жажды счастья. Естественное состояніе представлялось какъ бы потеряннымъ раемъ, къ которому летѣли всѣ мечты о лучшей жизни. По прекрасному сравненію Фулье, подобно тому, какъ путешественники по пустынѣ, видятъ миражи оазиса, къ которому они направляются, такъ и писатели XVIII вѣка иногда какъ будто видѣли, въ самомъ отдаленномъ прошломъ, миражъ общественнаго идеала, къ которому увлекали своихъ современниковъ. Какъ и большинство реформаторовъ, они узаконяли свои проекты реформъ, придавая имъ видъ простого требованія возвратить обратно нарушенныя старыя права. Къ нимъ можно примѣнить, съ маленькимъ видоизмѣненіемъ, извѣстное выраженіе, сказанное по поводу одного изъ нихъ, того, кто описалъ очаровательную и патріархальную общину Троглодитовъ: «*Народъ* потерялъ свои права, и ему ихъ возвращали», но возвращали въ формѣ поэтическихъ образовъ, напоминая, что всѣ его исконныя права на свободу и счастье не потеряли своей силы и остаются священными, несмотря на вѣковые захваты привилегированныхъ классовъ.

Но это поэтическое видѣніе очень быстро исчезало, какъ мы видѣли, передъ людьми разсудка, поэтами случайными, или, вѣрнѣе, поэтами только благодаря негодованію на существующую дѣйствительность. Впрочемъ, ихъ идиллическія мечты [1]) о всестороннемъ пре-

---

[1]) Мечты, которыя можно, впрочемъ, найти и въ ученіи церкви. См. по этому вопросу, Эспинаса: *La philosophie sociale au dix-huitième siècle et la Révolution*, Alcan, 1898, p. 86.

восходствѣ нашихъ первобытныхъ предковъ шли слишкомъ явно въ разрѣзъ съ идеей, которой они больше всего дорожили, которая была для нихъ какъ бы догматомъ вѣры: идея о томъ, что человѣческій родъ способенъ къ безконечному совершенствованію. Итакъ идеалъ, котораго нужно достичь, былъ впереди и рисовался имъ въ очень реальныхъ образахъ: передъ собою, во все болѣе и болѣе близкомъ будущемъ, а не въ воображаемомъ прошедшемъ, видѣли они ту цѣль и вѣрили, что къ ней неустанно шествовало прогрессирующее человѣчество.

Первымъ и самымъ важнымъ проявленіемъ прогресса, по ихъ характерному выраженію, было «изобрѣтеніе» общества. Такъ учили они, когда выступали въ роли философовъ, а не полемистовъ. Что же они понимали подъ словомъ «изобрѣтеніе». Интересно прежде всего, что изъ двухъ крайнихъ теорій по этому вопросу, изъ которыхъ одна смотрѣла на общество, какъ на естественный организмъ, а другая—скорѣе какъ на искусственный продуктъ человѣческой дѣятельности, философы остановились именно на второй, несмотря на то, что сами же старались произвести все отъ природы. И, конечно, совсѣмъ не потому, чтобы они были незнакомы съ натуралистической теоріей, такъ какъ эта теорія въ первый разъ была ясно формулирована однимъ изъ нихъ. Въ статьѣ «*Политическая экономія*», помѣщенной въ энциклопедіи, авторъ который былъ никто иной, какъ Руссо, говорится именно, что «политическое тѣло можно разсматривать какъ тѣло организованное, живое, но подобное человѣческому организму», и точно перечисляются функціи различныхъ частей тѣла въ государствѣ. Только Руссо предупреждаетъ читателя, чего умышленно не дѣлаютъ и, по нашему мнѣнію, совершенно напрасно многіе современные соціологи, что его опредѣленіе годится только, какъ «сравненіе, недостаточно точное во многихъ отношеніяхъ и служащее только къ уясненію мысли». Въ сущности, если философы, измѣнивъ своему любимому тезису, отняли у природы дѣло организаціи общества и передали его въ руки разума, такъ это потому, что по ихъ философіи природа искусная, никогда не ошибающаяся работница, что общества, организованныя ею, по самому своему происхожденію не подлежали бы критикѣ энциклопедіи. Еще разъ повторяемъ: все, что творитъ природа, хорошо; но когда общество основано разумно и въ основу его положенъ договоръ, оно перестаетъ быть для нихъ чѣмъ то священнымъ, чѣмъ является всякое произведеніе природы; кромѣ того, что разумъ самъ можетъ исправлять и совершенствовать себя, но стоитъ только кому нибудь изъ договаривающихся нарушить договоръ, какъ онъ немедленно потеряетъ силу и незыблемость и, измѣняясь, преобразуетъ и общество, основанное единственно на немъ. Остается еще разсмотрѣть самый принципъ соціальнаго договора, встрѣтившій такъ много горячихъ возраженій, договора, въ силу котораго съ самаго начала были установлены и затѣмъ, согласно новымъ потребностямъ, видоизмѣнялись отношенія между гражданами.

Мы согласны признать, вмѣстѣ со многими современными публицистами, что, при возникновеніи обществъ, существовалъ неясный, хотя бы подразумѣваемый, договоръ между какимъ-нибудь начальникомъ, жрецомъ или военнымъ вождемъ и всѣми тѣми, которые ему повиновались: даже узурпаторъ, если хочетъ сохранить за собой власть, старается претворить силу въ право, т.-е. обезпечить за собой согласіе наибольшаго числа гражданъ. «Согласіе, по крайней мѣрѣ, молчаливое,—говорилъ Мирабо,—необходимо даже правительству, рожден-

ному въ насиліи и войнѣ. Марсъ—тиранъ, право же—верховный владыка міра»[1]). Если бы энциклопедисты были лучше знакомы съ исторіей Франціи, они могли бы почерпнуть въ исторіи ненавистныхъ имъ среднихъ вѣковъ самое лучшее доказательство въ пользу своей теоріи: мы знаемъ, какими взаимными и опредѣленными обязательствами былъ связанъ вассалъ со своимъ сеньоромъ; можно сказать, что весь феодальный строй покоился на самомъ формальномъ договорѣ. Даже позднѣе, уже во времена абсолютной монархіи, развѣ мы не наталкиваемся на знаменательный фактъ, служащій какъ бы живымъ воспоминаніемъ объ этихъ феодальныхъ договорахъ между свободными людьми, фактъ, на который указываетъ M-me де Сталь,—что «вплоть до акта священнаго коронованія Людовика XVI включительно, всегда обращались къ согласію народовъ, какъ къ основѣ правъ государя на тронъ»? Опираясь на этотъ именно фактъ, M-me де Сталь написала свои знаменитыя слова: «Свобода стара, деспотизмъ—моложе»[2]).

Люди входятъ въ составъ общества, какъ и появляются на свѣтъ, безъ всякаго спроса, и простой фактъ рожденія въ извѣстномъ мѣстѣ опредѣляетъ принадлежность къ тому или иному обществу или государству. Но, оставляя въ сторонѣ право каждаго жить тамъ, гдѣ ему вздумается, развѣ нельзя сказать, что въ XVIII вѣкѣ, какъ и во всѣ времена, монархія, даже абсолютная, не могла обойтись (въ этомъ она прекрасно убѣдилась) безъ согласія или, пожалуй, добровольнаго подчиненія подданныхъ. «Ваша королевская власть неопровержима, говорите вы. Но что вы станете дѣлать, если мы скажемъ *нѣтъ*, когда вы будете говорить *да*? Вы царствуете надъ нами, только присоединяя наши желанія къ своимъ»[3]). Несомнѣнная ошибка энциклопедистовъ состояла не въ томъ, что они предполагали существованіе договора, какъ отправной точки, или даже какъ основанія всякаго общества, но въ томъ, что они слишкомъ часто видѣли въ этомъ договорѣ обдуманный актъ людей, настолько же разумныхъ, вѣрнѣе, такъ же разсуждающихъ, какъ они сами. Это одинъ изъ ихъ самыхъ обычныхъ предразсудковъ, и эти предразсудки, хоть и философскіе, тѣмъ не менѣе заслоняли отъ нихъ истину: они никакъ не могли представить себѣ умъ первобытнаго человѣка иначе, какъ озареннымъ всѣмъ «свѣтомъ знанія» XVIII вѣка, и вмѣстѣ съ Локкомъ, смѣясь надъ ребенкомъ Картезіанцевъ, который будто бы при самомъ рожденіи уже надѣленъ врожденными идеями, они сами выдумывали человѣка, который, выходя изъ рукъ природы, уже владѣлъ всѣми идеями *энциклопедіи*.

Но *разумъ*, если не первобытныхъ людей, то, по крайней мѣрѣ, людей восемнадцатаго вѣка, имѣлъ, можетъ быть, право,—что, собственно, и было для нихъ важно,—судить современныя общество и правительство, сравнивать ихъ съ своимъ идеаломъ справедливости и свободы и, находя ихъ безконечно далекими отъ этого идеала, требовать, чтобы въ управленіи царила большая свобода, а въ обществѣ большая справедливость. Итакъ, ошибка, допущенная въ данномъ случаѣ энциклопедистами, есть ошибка во времени: не въ самыя отдаленныя времена, когда первобытный умъ былъ, такъ сказать, зататуированъ грубыми образами и дикими суевѣріями и разумъ еще дремалъ, а въ ци-

[1]) Lettres de cachet, 67.
[2]) *Consider. sur la Rèvol francaise.*
[3]) Mirabeau; *Lettres de cachet.*

КАНУНЪ.

Романъ.

(*Окончаніе*),

XXIII.

Было уже около часу, когда онъ пріѣхалъ на квартиру Максима Павловича. Онъ не засталъ его. Тогда онъ направился въ редакцію.

Тамъ онъ нашелъ смятеніе. Послѣ конфискаціи оставшихся номеровъ, редакторъ былъ вызванъ по начальству и вернувшись объявилъ, что газета пріостанавливается на полгода. Но никто не былъ арестованъ, всѣ были невредимы.

Максимъ Павловичъ былъ здѣсь. И у него былъ торжественный видъ. Множество лицъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, прибѣгали въ редакцію, отыскивали его, поздравляли и жали ему руку.

Володю онъ встрѣтилъ привѣтливо и сейчасъ же потащилъ его въ отдѣльную комнату.

— Ну, что? передали?—спрашивалъ онъ о своемъ письмѣ.

Володя разсказалъ все, какъ было.

— А Наталья Валентиновна?

— Я не видалъ ее сегодня. Я оставилъ для нея статью и ваше письмо къ дядѣ въ конвертѣ.

— А! вотъ о ней-то я и хотѣлъ больше всего знать.

— Но васъ не взяли, Максимъ Павловичъ! Впрочемъ, я думаю, что дядя этого и не позволитъ.

— Почему вы такъ думаете?

— Потому что это была бы мелочная месть, недостойная его.

— Ну, хорошо, вы, когда встрѣтитесь съ нимъ, спросите, считаетъ ли онъ это для себя достойнымъ?

Говорить долго съ Максимомъ Павловичемъ ему не пришлось. Зигзагова буквально рвали на части. У него оказалось поклонниковъ и почитателей бездна.

Вся редакція имѣла какой-то праздничный видъ. Не было вовсе впечатлѣнія катастрофы. Въ сущности, никакихъ другихъ

послѣдствій нельзя было ждать. Редакція была приготовлена къ погрому.

Удивлялись только чрезвычайной снисходительности, благодаря которой до сихъ поръ лично никого не задержали.

Володя скоро ушелъ. Что-то влекло его провѣдать Корещенскаго. «Надо посмотрѣть на его лицо»! сказалъ онъ себѣ.

Онъ пошелъ не въ гостинницу, а въ министерство. Тамъ уже всѣ знали о статьѣ и читали ее. На лицахъ у чиновниковъ были ужасъ и негодованіе.

Корещенскій принялъ его, но успѣлъ сказать всего лишь нѣсколько словъ.

— Вы читали статью Максима Павловича? — спросилъ его Володя.

— Читалъ. Изумительная по ѣдкости статья.

— Что его ожидаетъ?

— Отъ меня ничто. А отъ другихъ, не знаю.

— Думаете-ли вы, что дядя допуститъ суровыя мѣры?

— Думаю ли я? А зачѣмъ вамъ знать, что я думаю? Чиновникъ долженъ думать о дѣлахъ своего вѣдомства. А это дѣло принадлежитъ къ вѣдомству полиціи. Значитъ, тамъ объ этомъ и думаютъ.

Звонокъ оторвалъ его отъ разговоровъ: его призвали къ телефону. Говорилъ самъ Левъ Александровичъ.

— Ну, вотъ видите,—сказалъ Корещенскій Володѣ,—некогда говорить съ вами. Самъ Левъ Александровичъ зоветъ меня къ себѣ.

И они разстались. Помѣщеніе, которое занималъ въ министерствѣ Левъ Александровичъ, было довольно далеко отъ кабинета Корещенскаго, хотя и въ томъ же зданіи. Нужно было пройти длинный корридоръ, потомъ опять рядъ комнатъ. Корещенскій все это продѣлалъ, и вошелъ въ кабинетъ очень мрачнаго стиля. Левъ Александровичъ былъ одинъ.

— Вы, конечно, читали статью Загзагова?—прямо спросилъ его Балтовъ.

— Да, я читаю все, что онъ пишетъ,—отвѣтилъ Корещенскій.

— Что вы объ этомъ думаете?

— Статья удивительная по смѣлости.

— Какимъ образомъ въ его руки могла попасть записка? Она была разослана только опредѣленнымъ лицамъ.

— Опредѣленныя лица—весьма неопредѣленное понятіе, Левъ Александровичъ. Развѣ вы думаете, что среди нихъ все исключительно ваши друзья?

— Я этого не думаю. Но въ этомъ кругу не принято отдавать подобныя вещи для пользованія. Вамъ, вѣроятно, это тоже извѣстно, Алексѣй Алексѣевичъ. Господинъ Зигзаговъ ставитъ

меня въ непріятное положеніе—не противодѣйствовать тѣмъ мѣрамъ, какія будутъ приняты противъ него. Но я собственно не за этимъ обезпокоилъ васъ, Алексѣй Алексѣевичъ. Не знаю, извѣстенъ ли вамъ мой взглядъ на это дѣло. Я держусь мнѣнія, что разъ у насъ не существуетъ представительнаго образа правленія. то за всѣ мѣропріятія отвѣчаемъ мы, а не общество. И слѣдовательно, общество должно знать только то, что мы по нашимъ соображеніямъ находимъ нужнымъ сообщить ему. Моя записка, какъ вы знаете, не предназначалась для подобныхъ сообщеній. Кто-то совершилъ нескромность—это дѣло его совѣсти. Но я не вижу никакой надобности расписываться подъ тѣмъ, что угодно было высказать господину Зигзагову. Вы понимаете мою мысль, Алексѣй Алексѣевичъ?

— Насколько я понимаю, вы, Левъ Александровичъ, желаете опроверженія?

— Совершенно вѣрно. Необходимо утвердительно заявить, что свѣдѣнія, сообщенныя въ статьѣ Зигзагова, несоотвѣтствуютъ истинѣ. Вы, конечно, этого взгляда не раздѣляете.

— Не то, что не раздѣляю, боюсь, что мы не имѣемъ возможности сдѣлать такое заявленіе.

— Почему мы не имѣемъ возможности?

— Потому что записка ваша имѣется у многихъ лицъ, и не на всѣхъ въ одинаковой степени вы можете положиться.

— Да, это доказано уже передачей записки Зигзагову. Но никто не рѣшится открыто выступить измѣнникомъ. Подобныя вещи дѣлаются изъ подъ полы, а на это мы можемъ не обращать вниманія.

— Если вы желаете, я это сдѣлаю.

— Да, я прошу васъ.

— Больше ничего, Левъ Александровичъ?

— Сейчасъ ничего не имѣю. Ахъ виноватъ.. Хотя этого нельзя было предвидѣть, но это можетъ произвести дурное впечатлѣніе, что чуть не наканунѣ опубликованія своей статьи, авторъ ея обѣдалъ съ такимъ оффиціальнымъ лицомъ, какъ вы... Вы не находите, что это неловко?

Корещенскій въ упоръ посмотрѣлъ на него.

— Можетъ показаться еще болѣе страннымъ, что авторъ статьи былъ принятъ въ вашемъ домѣ, какъ свой человѣкъ, и еще болѣе—недавно освобожденъ изъ тюрьмѣ подъ вашимъ вліяніемъ.

— Во первыхъ, у меня въ домѣ, а не въ ресторанѣ, а во вторыхъ, я не просилъ о его освобожденіи. Вообще, это общее наше несчастье, эта давняя дружба съ Зигзаговымъ.

«Значитъ, за мной уже учрежденъ тайный надзоръ,—думалъ Корещенскій, возвращаясь къ себѣ.—Не пора ли и мнѣ укладывать чемоданъ и отыскивать себѣ мѣстожительство?»

*

Но онъ въ точности исполнилъ порученіе Балтова и составилъ опроверженіе въ томъ смыслѣ, какъ тотъ говорилъ. Для него однако было ясно, что Левъ Александровичъ нисколько не заблуждается. Если онъ знаетъ объ обѣдѣ его съ Зигзаговымъ и придаетъ этому значеніе, то, значитъ, догадывается и о передачѣ ему записки.

Вообще для него было совершенно ясно, что Балтовъ ему уже не довѣряетъ.

Отъ Корещенскаго Володя отправился домой. Онъ хотѣлъ видѣть Наталью Валентиновну. Онъ нашелъ ее въ будуарѣ. Лицо ея было очень блѣдно.

— Вы, Володя? Объясните мнѣ, что все это значитъ? Какъ могло все это случиться?

— Это случилось, Наталья Валентиновна.

— Но почему? Зачѣмъ? Для чего это понадобилось Максиму Павловичу?

— Наталья Валентиновна, мнѣ очень трудно отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Нѣтъ, я прошу васъ. Вы должны сказать мнѣ все, что думаете. Почему онъ нашелъ нужнымъ сдѣлать это?

— Но какъ почему? Онъ писатель. Въ сущности, это былъ его долгъ... Вѣдь ясно же, что онъ написалъ правду...

— Можетъ быть, можетъ быть... Я въ этомъ такъ мало понимаю. Но если ужъ это было необходимо, развѣ не могъ это сдѣлать кто нибудь другой? Зачѣмъ Максиму Павловичу вмѣшиваться въ политику, къ которой онъ въ сущности равнодушенъ?

— Нѣтъ, Наталья Валентиновна, это вовсе не политика.— Это—извините меня... Я говорю о своемъ дядѣ... Это просто обманъ.

— Вы тоже такъ думаете, Володя?

— Я убѣжденъ въ этомъ.

— Нѣтъ, не можетъ быть... Я теряюсь. Я не могу такъ думать... Я всегда думала, что сильному человѣку не надо прибѣгать къ обману. А вѣдь Левъ Александровичъ сильный.

— Да, но онъ дѣйствуетъ въ такой средѣ, гдѣ нужна не сила, а что-то другое.

— Не понимаю, не понимаю... Что же теперь съ Максимомъ Павловичемъ?

— Пока ничего. Я видѣлъ его два часа тому назадъ. Газетѣ конецъ, ее завтра закроютъ. А онъ на свободѣ.

— О, еще бы! Я увѣрена, что Левъ Александровичъ не допуститъ сдѣлать ему вредъ.

— Я въ этомъ нисколько не увѣренъ, Наталья Велентиновна. У дяди были такіе холодные глаза, какихъ я никогда не видалъ еще у человѣка.

Изъ передней послышался звонокъ. Вошелъ лакей и принесъ письмо.

— Это мнѣ?—спросила Наталья Валентиновна.

— Нѣтъ, это имъ.

Оказалось, что письмо было Володѣ. Онъ распечаталъ и увидѣлъ внизу подпись редактора закрытой газеты.

«Только что Максима Павловича арестовали. Сообщаю вамъ это, по его просьбѣ, которую онъ успѣлъ мнѣ высказать».

Володя отдалъ письмо Натальѣ Валентиновнѣ.—Вотъ вамъ и опроверженіе.—прибавилъ онъ.

Наталья Валентиновна на это не сказала ни слова. Она была подавлена всѣмъ происшедшимъ, а послѣднее извѣстіе какъ бы доканало ее.

Въ семь часовъ пріѣхалъ Левъ Александровичъ. Онъ прошелъ прямо къ себѣ въ кабинетъ и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ оттуда въ пиджакѣ. Онъ не любилъ дома оставаться въ мундирѣ.

Ни въ лицѣ его, ни въ походкѣ, ни въ голосѣ, не было никакихъ признаковъ волненія. Онъ даже улыбался, когда здоровался съ Натальей Валентиновной.—Отчего ты такая блѣдная сегодня?—спросилъ онъ, цѣлуя ея руку.

Она взглянула на него вопросительнымъ, глубоко непонимающимъ взглядомъ. Володи здѣсь не было, они были вдвоемъ.

— Ты спрашиваешь?—промолвила она.

— Неужели на тебя такъ подѣйствовала эта непріятная исторія съ статьей? Но увѣряю тебя, что я пережилъ это довольно спокойно. Если въ первую минуту я возмутился, то лишь съ точки зрѣнія отношенія къ людямъ. Я давно началъ сомнѣваться въ томъ, что къ нимъ стоитъ относиться искренно и доброжелательно. И во мнѣ всегда что-то возмущается, когда они своимъ поведеніемъ подтверждаютъ эти сомнѣнія.

— Скажи мнѣ, Левъ Александровичъ, то, что онъ написалъ, правда или ложь? Но только скажи мнѣ правду, это совершенно необходимо.

Левъ Александровичъ пытливо посмотрѣлъ ей въ глаза, прежде чѣмъ отвѣтить.

— Видишь-ли, что я тебѣ на это скажу,—промолвилъ онъ:—вотъ этотъ пиджакъ, который на мнѣ—есть пиджакъ, и онъ предназначенъ для того, чтобы его носить. Не такъ ли? И когда я его ношу, то этому никто не удивляется, и всякій скажетъ, что я правъ, нося свой пиджакъ. Но завтра этотъ пиджакъ украдетъ какой-нибудь посторонній человѣкъ и, если онъ станетъ его носить, то мы скажемъ, что онъ не правъ, нося этотъ пиджакъ, хотя все таки останется истиной, что пиджакъ есть пиджакъ и предназначенъ для того, чтобы его носить.

— Это для меня слишкомъ не просто, Левъ Александровичъ,— возразила Наталья Валентиновна: — если бы ты могъ отвѣтить прямо.

— Потомъ прямой отвѣтъ самъ собой явится. Это только сравненіе. Я составилъ записку и предназначилъ ее для извѣстной цѣли. Записка эта моя собственность и я имѣю право предназначить ее для какой мнѣ угодно цѣли. Никто, а въ томъ числѣ и Зигзаговъ, не посвященъ въ мои планы. Но если бы я хотѣлъ, чтобы Зигзаговъ такъ или иначе воспользовался моей запиской, я далъ бы ему ее. Но я этого не сдѣлалъ. Значитъ, я не далъ ему права пользоваться ею. Онъ пишетъ, что укралъ ее, и публика понимаетъ, что это только литературный пріемъ, но это не пріемъ: онъ дѣйствительно укралъ ее, какъ могъ бы украсть и мой пиджакъ. Слѣдовательно, какъ бы онъ ею не воспользовался, все равно, онъ воспользовался краденой вещью, а значитъ въ основаніи его поступка лежитъ ложь.

Изъ всего этого объясненія Натальѣ Валентиновнѣ стало ясно, что все, сказанное Максимомъ Павловичемъ о запискѣ, было правда и она больше не добивалась отъ Льва Александровича прямого отвѣта.

— Скажи мнѣ еще,—промолвила она:—я не одобряю его поступка, — но развѣ это такое преступленіе, чтобы сажать въ тюрьму?

— Кто сказалъ тебѣ, что его посадили въ тюрьму?

— Я знаю.

— Значитъ, ты знаешь больше, чѣмъ я... Тебя извѣстили?

— Да.

— Корещенскій?

— Нѣтъ, редакторъ прислалъ Володѣ записку — по просьбѣ Максима Павловича—о томъ, что онъ арестованъ.

— Возможно. Это въ порядкѣ вещей.

— Я думала, ты не допустишь, чтобы человѣкъ былъ арестованъ за то, что высказалъ о тебѣ неодобрительное мнѣніе. Зигзаговъ не правъ въ своемъ отношеніи къ тебѣ, я это повторяю, но это частное дѣло. Мы часто бываемъ неправы по отношенію другъ къ другу, но за это не сажаютъ въ тюрьму.

— Это мнѣніе не обо мнѣ, а о государственномъ дѣятелѣ. По всей вѣроятности, это требуетъ ареста, но вѣдь ты знаешь, что это зависитъ не отъ меня.

— Ты помогъ ему освободиться отъ серьезнаго процесса...

— Да, и результатомъ этого было то, что онъ—извини пожалуйста—подложилъ мнѣ свинью... И вотъ что, Наташа, ты знаешь, что я для тебя многое способенъ сдѣлать даже противъ себя, но и ты должна щадить меня. И это мнѣ будетъ большимъ облег-

ченіемъ, если мнѣ не будетъ нужно теперь хлопотать въ пользу Зигзагова. Ты должна понимать, что мнѣ вовсе не свойственно чувство мести, но я не могу способствовать дезорганизаціи общества, въ особенности въ виду нѣкоторыхъ обстоятельствъ...

— Тебѣ предложили тотъ постъ, о которомъ онъ пишетъ

— Онъ мнѣ не предложенъ, но...

— Но онъ тебѣ достанется?

— При нѣкоторой логичности—да. Могутъ сдѣлать еще одну ошибку, но это будетъ только кратковременной отсрочкой. Я говорю это тебѣ, Наташа, только тебѣ: что внѣ меня нѣтъ выхода. И потому мы обязаны отдалять отъ себя всѣ предметы, могущіе бросить хотя бы тончайшую тѣнь. Пойдемъ обѣдать, Наташа.

Во время обѣда всѣмъ было тяжело. О Зигзаговѣ не было сказано ни слова. Володя упорно молчалъ, а Левъ Александровичъ не смотрѣлъ на него.

Наталья Валентиновна замкнулась въ себя и щеки ея еще больше поблѣднѣли. Лизавета Александровна отъ внутренняго волненія стучала тарелками.

Только Левъ Александровичъ говорилъ, но и то было видно, что онъ, чувствуя общее настроеніе, изобрѣталъ темы, и голосъ его раздавался съ какимъ-то безнадежнымъ одиночествомъ.

Послѣ обѣда всѣ разошлись по своимъ комнатамъ. Наталья Валентиновна, сидѣвшая одиноко въ будуарѣ, слышала, какъ черезъ гостиную точно проплыла какая-то тѣнь. Она почему-то подумала, что это Лизавета Александровна пошла въ кабинетъ.

И въ самомъ дѣлѣ это такъ и было. Лизавета Александровна вошла въ кабинетъ и осторожно притворила за собой дверь.

— Ты отдыхаешь?—спросила она, видя, что Левъ Александровичъ сидитъ въ креслѣ, прислонившись къ спинкѣ его и закинувъ назадъ голову.

— А что?

— Видишь ли, Левъ, я читала эту статью и... И письмо. Я вижу, что онъ, этотъ человѣкъ, сдѣлалъ противъ тебя гадость, но я не понимаю, что именно. Я въ этихъ дѣлахъ такъ мало смыслю.

— Я не въ состояніи тебѣ объяснить это, Лиза,—суховатымъ тономъ сказалъ Левъ Александровичъ:—это надо понимать, а объяснить нельзя.

— Но это очень вредно для тебя?

— Ничего подобнаго. Для меня въ этомъ нѣтъ ничего вреднаго. И если хочешь знать правду, то даже полезно.

— Да? Въ самомъ дѣлѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ, Лиза... Видишь ли, это часто бываетъ, что враги наши, желая принести намъ зло, приносятъ намъ выгоду.

— Я безпокоюсь, Левъ. Но если это такъ, то...

— Да, да, Лиза, ты успокойся, это такъ. Конечно, я не пошлю ему благодарственный адресъ. Но я могу даже сказать тебѣ: никогда я не получалъ такихъ доказательствъ довѣрія, какъ именно послѣ этой статьи. Довольно съ тебя?

— О, да!—съ замѣтно прояснившимся лицомъ воскликнула Лизавета Александровна и оставила его отдыхать.

Но онъ оставался въ домѣ еще не болѣе четверти часа. Онъ опять облачился въ оффиціальную одежду, забѣжалъ къ Натальѣ Валентиновнѣ, поцѣловалъ ея руки и сказалъ, что у него сегодня цѣлая куча дѣлъ, и что онъ вернется поздно.

Когда онъ ушелъ, Натальѣ Валентиновнѣ стало еще тяжелѣй. У ней явилось странное чувство, какъ будто въ этомъ домѣ, за ея спиной дѣлается что-то такое, чего она не знаетъ, и главное— хотятъ, чтобы она не знала.

О чемъ, напримѣръ, Левъ Александровичъ могъ впродолженіе десяти минутъ говорить съ своей сестрой при закрытыхъ дверяхъ? У нихъ нѣтъ ровно ничего общаго. А между тѣмъ она прошла къ нему и вышла отъ него на ципочкахъ, неслышными шагами.

Почему Левъ Александровичъ такъ спокоенъ, когда статья Зигзагова причинила ему большую непріятность? Значитъ, случилось что-нибудь такое, что загладило эту непріятность.

Вдругъ она вспомнила, что Максимъ Павловичъ въ тюрьмѣ. ыБстро она отправилась къ комнатѣ Володи и постучалась.

— Войдите,—сказалъ Володя.

Она вошла и сейчасъ же опустилась на диванъ. Она измучилась одинокимъ сидѣньемъ у себя въ будуарѣ и чувствовала слабость.

— Окажите мнѣ услугу, Володя. Узнайте гдѣ-нибудь, куда увезли Максима Павловича и что ему грозитъ?

— Теперь?—спросилъ Володя, взглянулъ на часы. Было уже около девяти.

— Если можно...

— Я попробую. Можетъ быть, редакторъ знаетъ.

— Я буду вамъ очень благодарна, Володя.

— Что же вы съ этимъ сдѣлаете, Наталья Валентиновна? Вѣдь вы не можете посѣтить его.

— Я не знаю, что я могу. Но мнѣ бываетъ ужасно больно, когда на этого человѣка обрушиваются грубыя невзгоды... У него такая нѣжная и хрупкая душа. Онъ неправъ, неправъ, а все-таки... Узнайте, Володя.

Володя сейчасъ же всталъ и пошелъ въ переднюю одѣваться. Онъ направился въ редакцію.

Тамъ не было никого и никакой работы. У сторожа онъ узналъ,

что редакторъ живетъ въ томъ же домѣ, только по другой лѣстницѣ. Онъ вошелъ къ нему, но ничего не узналъ.

— Самъ ничего не могу добиться. Если узнаете, пожалуйста сообщите и мнѣ.

Володѣ оставалось одно: обратиться къ Корещенскому. Онъ такъ и сдѣлалъ и тутъ ему было больше удачи. Неожиданно онъ засталъ его дома.

Алексѣй Алексѣевичъ былъ мраченъ; онъ ничего не зналъ относительно мѣстопребыванія Зигзагова, но онъ былъ любезенъ, отправился внизъ и позвонилъ куда-то въ телефонъ. Черезъ пять минутъ онъ вернулся и сообщилъ, что Максимъ Павловичъ въ предварительномъ заключеніи.

— А что ему грозитъ?—спросилъ Володя.

— Этого тамъ не знаютъ. Но я думаю, что его вышлютъ куда-нибудь подальше.

— Не на родину?

— Это было бы для него удовольствіе, а въ такихъ случаяхъ не стараются доставить удовольствіе!—сказалъ Корещенскій.

Володя вернулся домой и сообщилъ Натальѣ Валентиновнѣ добытыя имъ свѣдѣнія.

XXIV.

Все то, что происходило въ эти дни, какъ-то страннымъ образомъ вліяло на душу Натальи Валентиновны.

Она походила на человѣка, спокойно прожившаго много лѣтъ въ домѣ и вдругъ узнавшаго, что подъ поломъ этого дома давнымъ давно уже живетъ гнѣздо ядовитыхъ змѣй и ужасъ сковываетъ его при мысли объ опасности, какая грозила ему каждую минуту въ прошломъ.

Наталья Валентиновна принадлежала къ людямъ, не способнымъ вникать въ сущность того или иного направленія и активно примыкать къ той или другой партіи. Она умѣла только чувствовать правду и симпатизировать.

Левъ Александровичъ въ ея глазахъ не принадлежалъ ни къ какой партіи. Для нея это былъ человѣкъ сильный умомъ и волей, самъ создавшій все для себя, вонъ изъ ряда выходящій по сравненію съ людьми, которые попадались ей въ жизни.

Люди, которыхъ онъ считалъ своими друзьями, были симпатичны. Въ отношеніи къ нимъ онъ проявлялъ себя мягкимъ, добрымъ, благожелательнымъ.

Зигзаговъ же причислялъ себя къ борющейся партіи и онъ несомнѣнно принадлежалъ къ ней, потому что вмѣстѣ съ другими терпѣлъ гоненія и лишенія. То его, хотя и не надолго, сажали въ тюрьму, то высылали въ дальнія мѣста, то запрещали ему

писать, то грозили ему участіемъ въ серьезномъ процессѣ съ серьезной карой.

Но она не вникала глубоко въ сущность его направленія, а только чувствовала, что въ этой сторонѣ его жизни есть правда, что онъ это дѣлаетъ безкорыстно, не для себя, а для чего то высшаго. И это вызывало въ ней симпатію.

Теперь она вдругъ почувствовала себя въ глубокомъ затрудненіи. Съ одной стороны—человѣкъ, котораго она любитъ и потому отдаетъ себя и свою жизнь, съ другой же, въ лицѣ Максима Павловича, правда, къ которой всегда лежало ея сердце.

И эти люди вдругъ стали врагами, и, какъ можно судить, уже непримиримыми.

Разобраться во всемъ случившемся ей было очень трудно. Она внимательно читала статью Максима Павловича и понимала въ ней все и, какъ читальница, она увлекалась блескомъ его таланта, заражалась его ядовитостью и готова была рукоплескать ему.

Но вдругъ въ головѣ ея являлась мысль:—это политика, это борьба, они люди различныхъ партій. Я въ этомъ слишкомъ мало понимаю, чтобы судить безошибочно.

Но, помимо этого, въ лицѣ Зигзагова она теряла человѣка, къ которому питала какую-то трогательную, почти нѣжную дружбу. Это была уже серьезная потеря, которую она явственно ощущала.

Всегда судьба этого человѣка ее заботила, всегда она готова была отдать многое, чтобы помочь ему и выручить его. И вотъ теперь никто не знаетъ, что грозитъ ему.

На слѣдующій день она почувствовала мучительную тревогу. Нельзя сидѣть спокойно, не зная, что дѣлается съ человѣкомъ, которому нѣсколько дней тому назадъ дружески пожималъ руку.

Но вѣдь она знаетъ, что и онъ питаетъ къ ней самыя искреннія чувства, и была увѣрена, что и теперь не смотря на то, что онъ такъ рѣшительно объявилъ войну Льву Александровичу, по отношенію къ ней онъ остался тѣмъ же.

И она представляла его себѣ въ тюрьмѣ, одинокимъ, заброшеннымъ, лишеннымъ свѣта и воздуха, что онъ такъ всегда любилъ, покинутаго друзьями... И ей стало стыдно за то, что она сидитъ дома и ничего ради него не предпринимаетъ.

Льва Александровича она увидѣла только за обѣдомъ. И онъ поразилъ ее своимъ настроеніемъ. Даже въ обычное время, когда все шло исправно, онъ рѣдко бывалъ такимъ.

Какая-то бьющая ключемъ живость, проявлявшаяся въ говорливости, веселости, остроуміи. Казалось, онъ не могъ удержать въ себѣ слова—и это онъ, всегда такой сдержанный и уравновѣшенный.

Она только слушала его и, думала о томъ, чтобы въ глазахъ ея не выразилось удивленіе.

Послѣ обѣда онъ по обыкновенію съ полчаса сидѣлъ въ ея будуарѣ. Тутъ она спросила его.

— Отчего это ты сегодня такъ возбужденъ? Ты чѣмъ-то очень доволенъ. Это рѣдко бываетъ съ тобой.

— Все идетъ хорошо, прямо къ цѣли, Наташа... Человѣкъ бываетъ доволенъ, когда видитъ результаты своей работы, когда онъ можетъ ихъ осязать... А мои пальцы начинаютъ ихъ чувствовать...

— Я вѣдь ничего этого не знаю, Левъ Александровичъ.

— Да, ты не знаешь, это правда. Я странный человѣкъ. Я до такой степени люблю дѣйствовать на свой единоличный рискъ и страхъ, что даже самому близкому человѣку какъ будто боюсь отдать хоть каплю изъ нихъ. Я люблю сообщать только результаты.

— Я не хочу нарушать твою привычку, я только говорю, что не знаю, чтобы ты не удивлялся, если видишь съ моей стороны мало сочувствія.

— Скоро первое января, Наташа, тогда все узнаешь... Я только говорю тебѣ, что все идетъ, какъ я хочу.

— Ты уже уѣзжаешь?

— Да, мнѣ пора. Теперь, въ концѣ года, у насъ идетъ бѣшенная работа.

— Погоди минуту... Ты знаешь, гдѣ содержится Зигзаговъ? Въ предварительномъ...

— А тебѣ развѣ сообщили?..

— Къ сожалѣнію, ты и въ этомъ примѣняешь свой «страхъ и рискъ» и я принуждена узнавать это отъ другихъ. Володя спросилъ Корещенскаго, а онъ у кого-то узналъ по телефону. Но ты знаешь, что его ожидаетъ?

— Я объ этомъ не думалъ.

— Я хотѣла бы, чтобы ты объ этомъ подумалъ, Левъ Александровичъ.

— А ты меня удивляешь, Наташа... Я, конечно, не злопамятенъ... Но Зигзаговъ явно сталъ моимъ врагомъ. А ты болѣешь о немъ, какъ о другѣ.

— Да, потому что я не чувствую его своимъ врагомъ. Онъ врагъ твоей политики. Если бы вы когда нибудь встрѣтились, какъ частные люди, вы пожали бы другъ другу руки... Ты вѣроятно будешь сердиться, но я все таки прошу тебя, если его ожидаетъ что нибудь тяжелое, отведи отъ него.

— Я могу сказать тебѣ прямо, Наташа, сейчасъ я для Зигзагова пальцемъ не двину. Что съ нимъ сдѣлаютъ, я не знаю и

не могу знать, или скорѣе не долженъ. По всей вѣроятности, его вышлютъ куда нибудь не въ особенно пріятныя мѣста. Вообще, я не думаю, чтобы его ожидало что нибудь утѣшительное. Но послѣ перваго января, разумѣется, если я не ошибусь въ своихъ расчетахъ, я сдѣлаю для него гораздо больше, чѣмъ ты думаешь. Тогда я никого не буду долженъ просить объ этомъ. Тогда будетъ достаточно мнѣ мягнуть глазомъ... Довольно съ тебя?.

— О, да... Этого совершенно достаточно. Но я хотѣла бы еще одно: повидаться съ нимъ.

— Зачѣмъ?

— Чтобъ сказать ему это.

— Гм... Да, пожалуй... Это не будетъ лишнее. При томъ же теперь, пока ты еще не носишь мою фамилію, ты можешь это сдѣлать. Это ничему не помѣшаетъ, если онъ будетъ знать, что мы съ тобой великодушнѣе, чѣмъ онъ; но этого нельзя сдѣлать черезъ меня.

— Черезъ кого же?

— Да самое лучшее—ты позови къ себѣ Корещенскаго. Онъ это устроитъ тебѣ.

— Ты его увидишь сегодня?

— По всей вѣроятности. Но все-таки ты позови его помимо меня. Я не долженъ даже косвеннымъ образомъ вмѣшиваться въ это. И вообще обо мнѣ по этому поводу съ Корещенскимъ ни слова... И кромѣ того, Наташа, ты какъ нибудь обойдись безъ записки. Самое лучшее—пусть сдѣлаетъ это Володя. Они вѣдь пріятели,—прибавилъ онъ съ иронической усмѣшкой.—Корещенскій принимаетъ Володю даже въ Министерствѣ.—Когда приходится переходить черезъ пропасть по тоненькой жердочкѣ, перекинутой черезъ нее, надо быть очень осторожнымъ.

Володя пошелъ къ Корещенскому на другой день утромъ, когда тотъ еще былъ дома. Алексѣй Алексѣевичъ обѣщалъ оторвать полчаса отъ своего служебнаго времени и быть у Натальи Валентиновны около полудня. И онъ это исполнилъ.

— Я вамъ нуженъ,—говорилъ онъ, цѣлуя ея руку,—это такой рѣдкій подарокъ для меня. Ну, давайте же мнѣ самое трудное, самое головоломное, почти неисполнимое порученіе. Я хочу по крайней мѣрѣ передъ вами отличиться.

— Можетъ быть, это такъ и будетъ, Алексѣй Алексѣевичъ, сказала Наталья Валентиновна,—устройте мнѣ свиданіе съ Максимомъ Павловичемъ.

— Что-о? Вамъ? Послѣ всего, что было?—съ удивленіемъ спросилъ Алексѣй Алексѣевичъ.

— То, что было, принадлежитъ къ области, о которой я слишкомъ мало смыслю. А съ Максимомъ Павловичемъ мы старые

хорошіе друзья. Я надѣюсь, что это не повредитъ Льву Александровичу. Это можно?

— Нѣтъ ничего невозможнаго на свѣтѣ! конечно, можно... Вѣдь онъ не на лунѣ, а всего только на Шпалерной... Но сперва надо узнать, здѣсь-ли онъ еще. Можетъ быть, его куда нибудь уже угнали.

— Такъ узнайте-же какъ можно скорѣе и устройте. Для вашего спокойствія могу вамъ по секрету сообщить, что Левъ Александровичъ противъ этого ничего не будетъ имѣть.

— А-а... Ну, прекрасно, я вамъ это устрою по телефону.

— Такъ пройдите въ кабинетъ. Тамъ есть телефонъ.

— О, что вы, голубушка, развѣ можетъ вынести подобную вещь частный телефонъ? Нѣтъ, я это сдѣлаю изъ Министерства. Черезъ часъ пришлите ко мнѣ Володю и онъ принесетъ вамъ все, что нужно.

Онъ уѣхалъ. Володя былъ снаряженъ къ нему и скоро принесъ ей свѣдѣнія.

Максимъ Павловичъ былъ еще здѣсь. Посѣщеніе устроено. Въ три часа она должна быть на мѣстѣ.

— Я васъ провожу туда,—сказалъ Володя.

— Развѣ и вамъ можно?

— Нѣтъ, я только провожу васъ и подожду тамъ. Алексѣй Алексѣевичъ совѣтуетъ не ѣхать въ своемъ экипажѣ, а взять извощичій. Это предосторожность. Ахъ, знаете, я убѣдился, что вся дѣятельность чиновниковъ состоитъ изъ предосторожностей.

Въ третьемъ часу они вышли изъ дома и взяли извощика.

Максимъ Павловичъ былъ предупрежденъ о предстоящемъ посѣщеніи. Онъ только не зналъ, кто его посѣтитъ. Къ нему являлись очень многіе, вся редакція и даже совершенно незнакомые люди. Но въ болѣе ранніе часы, скоро послѣ полудня. Въ три часа обыкновенно даже не было пріема. Поэтому онъ интересовался этимъ визитомъ.

Когда дверь въ его комнату растворилась и вошла дама, съ лицомъ, прикрытымъ густой, черной вуалью, онъ вскочилъ съ кровати, на которой сидѣлъ и установился на нее глазами.

Онъ слабо различалъ черты ея лица, но по тонкой стройной фигурѣ почти уже догадался, что это Наталья Валентиновна.

Она ни одной секунды, не оставила его въ заблужденіи, и сейчасъ же подняла вуаль.

— Вы? Боже мой! Не ждалъ... Говорилъ Зигзаговъ, цѣлуя у ея руки.—Вотъ стулъ—единственный; садитесь, дорогая, милая, добрая... Какъ же это могло случиться?

— Погодите, дайте собраться съ духомъ,—сказала Наталья Валентиновна, осматривая комнату,—здѣсь не такъ плохо, какъ...

— Какъ я заслуживаю? Не правда ли?

— Почти правда, Максимъ Павловичъ. Да, да, почти правда...

Это была маленькая комната съ небольшимъ окномъ, выходившимъ во дворъ и дававшимъ достаточно свѣта. У стѣны стояла узенькая кровать, на ней былъ тюфякъ, прикрытый бѣльемъ и одѣяломъ, и подушка. Былъ столъ, простой ясеневый, и стулъ.

Комната вовсе не имѣла тюремнаго вида, а скорѣе дешеваго номера въ плохенькой гостиницѣ.

— Какъ,—воскликнулъ Зигзаговъ, взглянувъ на затворенную дверь.—Даже жандарма нѣтъ? Это первый случай. Обыкновенно я изливаю свои чувства къ друзьямъ въ присутствіи жандарма, который, впрочемъ, благосклоненъ и, когда мы начинаемъ говорить о политикѣ, онъ закрываетъ уши. Вотъ что значитъ—могущественная покровительница. Но радъ я вамъ ужасно. Ну, браните, браните, я готовъ слушать отъ васъ самыя жестокія слова.

— Буду бранить,—сказала Наталья Валентиновна,—зачѣмъ вы предпочли поступить безумно? Если это было нужно по вашимъ соображеніямъ, вы могли поручить кому-нибудь изъ вашихъ друзей.

— Ну, нѣтъ. Эту честь и это удовольствіе я не уступилъ бы никому.

— А теперь вамъ плохо.

— Все равно, милая Наталья Валентиновна, когда нибудь было бы плохо, раньше или позже. Теперь по крайней мѣрѣ по хорошему поводу. А что, вамъ извѣстна моя судьба?

— Нѣтъ, этого я никакъ не могла еще узнать.

— А мнѣ извѣстна. Хотите, я вамъ разскажу? Меня пошлютъ на югъ, въ нашъ родной городъ, но не долго я тамъ буду свободно посѣщать тѣ уголки, въ которыхъ мы съ вами часто сиживали—на бульварѣ, за городомъ на берегу моря, или у милыхъ нѣмцевъ—помните? Очень скоро ко мнѣ придутъ и возмутъ меня и посадятъ. А затѣмъ—5-го января я явлюсь на скамью подсудимыхъ по извѣстному вамъ процессу.

— Какъ? Вы думаете, что васъ опять привлекутъ?

— Да какъ же иначе? Я былъ освобожденъ незаконно, благодаря лишь благосклонности господина министра. Теперь я лишилъ себя этой благосклонности и, само собою разумѣется, меня должны взять.

— Этого не будетъ, Максимъ Павловичъ. Я вамъ ручаюсь. Этого не будетъ.

— То-есть вы хотите настоять на этомъ передъ его высокопревосходительствомъ? А я васъ умоляю не настаивать. Простите мнѣ, вы такъ добры ко мнѣ, что этого я не долженъ бы говорить вамъ, но не могу не сказать: отъ Льва Александровича я больше никакой услуги не приму.

— Какъ вы можете не принять, если онъ вамъ сдѣлаетъ ее?

— Не приму. Буду кричать, протестовать... Это была слабость съ моей стороны, что я согласился тогда выйти изъ тюрьмы. Я долженъ былъ испить чашу до дна, какъ испиваютъ ее другіе. Я, положимъ, радъ, потому что это дало мнѣ возможность написать мою статью; впрочемъ, я не долженъ такъ говорить съ вами.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорите все... Все это вѣдь относится не къ Льву Александровичу, а къ министру, а вы знаете, я съ министромъ почти незнакома.

— Блаженъ, кто можетъ отдѣлять человѣка отъ его дѣятельности... Но не будемъ спорить. Я просто буду восхищаться вашей добротой.

— Я должна передать вамъ слова Льва Александровича: что послѣ новаго года онъ сдѣлаетъ для васъ много хорошаго.

— Ради Бога, ради Бога... Пусть онъ не дѣлаетъ для меня ничего хорошаго! Я объ этомъ прошу. Нѣтъ, нѣтъ. Ни въ какомъ случаѣ. Наибольшее добро, какое онъ можетъ для меня сдѣлать— это не дѣлать для меня никакого добра.

— Но почему? Почему?

— Потому что это меня обременяетъ. Я не въ состояніи отвѣтить на это благодарностью, я не могу оправдать его добро. Я окажусь еще разъ неблагодарнымъ и это будетъ уже слишкомъ.

— Вы, значитъ, никогда не думаете сдѣлаться благоразумнымъ?

— Я возненавидѣлъ бы себя въ тотъ мигъ.

— За что?

— Благоразуміе противно моей натурѣ.

— И это говорите вы, вы вѣчный искатель красоты?

— Да, да. Красоты... Развѣ то, что я сдѣлалъ, не красиво? Торжественно, на глазахъ у всей Россіи, приподнять забрало и открыть лицо, которое такъ тщательно скрывалось. Но это единственное, что я сдѣлалъ въ своей жизни красиваго.

— Ахъ, Боже мой... Но неужели же я не могу что-нибудь для васъ сдѣлать?

— Да вы ужъ сдѣлали. Вы пришли ко мнѣ, не смотря ни на что. Что же еще можно сдѣлать больше? Пожелайте мнѣ счастливаго пути. Вѣдь путь несомнѣнно предлежитъ. А если вся эта исторія для меня кончится благополучно, то все же наше свиданіе послѣднее.

— Почему послѣднее? Почему?

— Да вѣдь вы чуть не на дняхъ превратитесь въ ея высокопревосходительство госпожу Балтову, тогда ужъ нельзя будетъ посѣщать въ тюрьмѣ политическихъ...

— Но можно встрѣчаться съ ними на свободѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, голубушка. Я желаю вамъ всякаго счастья

на министершином посту, но скажемъ другъ другу прямо, что мы тогда уже не встрѣтимся.

Послышался осторожный тихій стукъ въ дверь.

— Что это?—спросила Наталья Валентиновна.

— Это значитъ, что вамъ пора уходить. Прощайте, крѣпко, крѣпко пожимаю вашу руку!

— Скажите, Максимъ Павловичъ, неужели вы не допускаете, что можете со временемъ помириться съ Львомъ Александровичемъ?

— Я, можетъ быть, и смогу... Во мнѣ слишкомъ много сидитъ пытливаго философа, чтобы я не нашелъ въ человѣкѣ подходящихъ для себя сторонъ... Но онъ никогда со мной не примирится.

— Вы ошибаетесь.

— Нѣтъ, я не ошибаюсь. Для меня это поразительно ясно. Я задѣлъ его самое чувствительное мѣсто. Я не сказалъ этого слова въ своей статьѣ и вамъ не скажу его, но каждый «проницательный читатель» себѣ его скажетъ.

— Какое слово?

— Нѣтъ, нѣтъ, оно васъ обидитъ. Я его не произнесу.

— Я должна знать его. Вы даже не представляете, до какой степени я должна знать его, и вы должны сказать. Если оно несправедливо, вы отвѣтите за него передъ моей душой. Скажите скажите...

— Вы этого требуете? Пусть. Я въ сущности назвалъ его шарлатаномъ.

— А...—Наталья Валентиновна слегка вскрикнула.—Это слово точно ножемъ рѣзнуло ее по сердцу.

— Нѣтъ, нѣтъ... Это несправедливо... Неужели вы такъ о немъ думаете?

— Простите, дорогая...—сказалъ Зигзаговъ и, схвативъ ея руки, крѣпко пожалъ ихъ.—Въ сущности, все это мы говоримъ, а развѣ можно знать, что будетъ съ нами? Вотъ мы враждуемъ, а можетъ статься, что черезъ годъ мы будемъ рядомъ болтаться на одной висѣлицѣ.

— Какія мысли!.. И вы съ такими мыслями отпускаете меня?

— Забудьте... Прощайте... Вотъ опять стучатъ. Это уже нетерпѣніе. Кланяйтесь Володѣ, пусть придетъ ко мнѣ... Онъ еще у васъ живетъ?

— Да...

— Ну, онъ скоро переѣдетъ.

— Онъ здѣсь внизу ждетъ меня.

— Почему же онъ не вошелъ?

— У него нѣтъ разрѣшенія.

— Какія у насъ строгости: племянникъ министра не можетъ навѣстить друга. Идите, благодарю.—Онъ еще разъ пожалъ ея руку и отпустилъ ее.

XXV.

Дня черезъ четыре послѣ этого свиданія Наталья Валентиновна получила письмо, на конвертѣ котораго стоялъ штемпель: «почтовый вагонъ», на адресѣ она сразу узнала руку Зигзагова и торопливо распечатала письмо. Оно состояло изъ двухъ строкъ.

«Ѣду въ родной городъ. Повидимому, свободенъ, но имѣю право жить только тамъ. Вспоминаю васъ и мучительно жалѣю, что никогда больше не увижу».

Почему-то послѣ прочтенія этой коротенькой записки, Натальѣ Валентиновнѣ сдѣлалось больно и въ тоже время страшно. Какъ будто выполнялось начало предсказанія, сдѣланнаго самимъ Максимомъ Павловичемъ. Онъ говорилъ, что его водворятъ въ роднomъ городѣ. Если и дальнѣйшее оправдается, то это будетъ ужасно.

Максимъ Павловичъ дѣйствительно ѣхалъ на югъ. Его выпустили изъ заключенія и предоставили право жить въ родномъ городѣ. Но онъ ни на минуту не сомнѣвался въ томъ, что это только ловушка. Онъ совершенно ясно представлялъ себѣ планъ, по которому дѣйствовалъ относительно его Балтовъ.

Онъ именно былъ увѣренъ, что никто иной, какъ Балтовъ. Ему было извѣстно, что въ сущности неоффиціально онъ уже всемогущъ. Онъ точно видѣлъ этого человѣка насквозь и понималъ, что вся прежняя доброта его къ нему и готовность оказывать услуги, покоилась на умномъ разсчетѣ.

Въ южномъ городѣ ему надо было имѣть партію среди популярныхъ людей. Въ особенности для него было важно сочувствіе журнальнаго міра; но чувство жалости и вообще какое бы то ни было «стѣсняющее чувство», ему чуждо.

И онъ зналъ, что Балтовъ также холодно и спокойно отплатитъ ему, какъ оказывалъ услуги.

Въ южный городъ Максимъ Павловичъ пріѣхалъ героемъ. Курчавинъ, Богъ знаетъ откуда и какимъ образомъ пронюхавшій, что онъ ѣдетъ на родину, устроилъ ему помпезную встрѣчу.

На вокзалѣ онъ собралъ изрядную толпу обывателей, его встрѣтили рѣчами и повезли прямо съ вокзала въ редакцію, гдѣ былъ приготовленъ званный завтракъ.

Органъ, слѣдившій за Зигзаговымъ, не ожидалъ этого, не приготовился и растерялся.

Максимъ Павловичъ помѣстился въ гостинницѣ, такъ какъ

былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что ему не долго придется наслаждаться свободой.

И дѣйствительно, всего дней пять онъ отдыхалъ. Ему предоставили даже встрѣтить праздникъ и провести первый день Рождества въ кругу знакомыхъ, а въ ночь съ перваго на второй день его уже взяли и посадили въ ту самую тюрьму, изъ которой не такъ давно выручилъ его Балтовъ. Максимъ Павловичъ подчинился этому, какъ должному.

Въ тюрьмѣ его встрѣтили товарищи по предстоящему въ самомъ скоромъ времени процессу и тутъ же онъ узналъ, что къ нему предъявляются прежнія обвиненія въ полной мѣрѣ.

Его начали таскать на допросы и изъ хода дѣла онъ видѣлъ, что для него это должно кончиться не шуткой. Уже онъ началъ пріучать свое воображеніе къ каторгѣ.

Но произошло нѣчто такое, на что онъ никакъ не расчитывалъ. Прошелъ новый годъ. Въ тюрьму проникло извѣстіе о перемѣнѣ, происшедшей въ высшихъ сферахъ. Недавній вершитель судебъ Россіи, своимъ рѣзкимъ безпощаднымъ образомъ дѣйствіи озлобившій всѣхъ и неугодившій даже тѣмъ, для кого работалъ, былъ удаленъ въ отставку и судьбы Россіи были вручены новому свѣтилу—Льву Александровичу Балтову.

Максимъ Павловичъ сказалъ себѣ: «ну, теперь я окончательно погибъ»! и рѣшилъ, что на судѣ постараются приписать ему еще большія вины, чѣмъ тѣ, въ какихъ онъ сейчасъ уличался.

И всѣ въ тюрьмѣ ждали дня, когда начнется процессъ. Нѣсколько главныхъ дѣятелей знали навѣрное, что черезъ недѣлю будутъ повѣшены. Ни у кого не было ни малѣйшей иллюзіи, въ особенности послѣ того, какъ явившійся съ свободы и при томъ изъ Петербурга Зигзаговъ разъяснилъ, что такое Балтовъ и чего отъ него ожидать можно.

И вдругъ наканунѣ перваго судебнаго засѣданія въ тюрьму пришло предписаніе освободить Зигзагова отъ обвиненія и привлечь его въ качествѣ свидѣтеля. Это извѣстіе всѣхъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, огорошило.

Когда объ этомъ сообщили Максиму Павловичу, онъ устроилъ бурную, неожиданную для него самого, сцену. Онъ протестовалъ, кричалъ, топалъ ногами.

— Я не хочу, не хочу этой свободы, я желаю быть съ другими! пусть судятъ, пусть вѣшаютъ...

Но свобода ему была суждена. Она была предписана высшимъ начальствомъ.

Какое-то особенное нервное состояніе овладѣло имъ и тюрьма была свидѣтельницей небывалаго зрѣлища: человѣка насильно освобождали. Онъ упирался, хватался за столъ, за нары, за дверь,

чтобы остаться въ тюрьмѣ и подвергнуться безпощадному, заранѣе опредѣленному рѣшенію, а его тащили вонъ изъ тюрьмы и вытащили. Онъ былъ освобожденъ.

Въ гостинницу онъ пріѣхалъ часовъ въ девять вечера и туда сейчасъ явился Курчавинъ.

Но издатель велъ себя совсѣмъ иначе, чѣмъ въ день его пріѣзда изъ Петербурга. Онъ какъ будто былъ смущенъ чѣмъ-то.

— Что вы на меня смотрите такими стеклянными глазами?— раздражительно спрашивалъ его Зигзаговъ.

Но Курчавинъ не рѣшался объяснить.

А дѣло было въ томъ, что освобожденіе Максима Павловича сопровождалось предварительнымъ распространеніемъ извѣстія о немъ по городу. Среди людей, интересовавшихся завтрашнимъ процессомъ, неизвѣстно, какимъ образомъ распространился слухъ о полученномъ изъ Петербурга телеграфномъ приказаніи.

Такъ какъ это было уже вторичное освобожденіе Зигзагова, то, естественно, на этомъ остановились и стали обсуждать на всѣ лады.

Можетъ быть, крылатое слово, которое родилось въ этотъ вечеръ, было и подсказано кѣмъ-нибудь, и въ то время какъ Максимъ Павловичъ въ тюрьмѣ боролся изъ за своего права остаться въ ней, оно уже переходило изъ устъ въ уста.

Курчавинъ слышалъ его и сильно колебался, ѣхать-ли ему къ Зигзагову? Онъ рѣшился ѣхать, но былъ остороженъ и, идя къ нему въ номеръ, оглядывался.

— Скажите, что такое случилось? Почему вы такъ странно ведете себя?—спрашивалъ его Зигзаговъ.

— Что вы, помилуйте, Максимъ Павловичъ, это вамъ кажется, вы разстроены, такъ это отъ того,—отвѣчалъ Курчавинъ и видимо вилялъ и въ тоже время не умѣлъ скрыть этого.

Но больше всего поразило Максима Павловича, что никто изъ друзей не явился къ нему. Если о его освобожденіи зналъ Курчавинъ, то значитъ, знали и другіе.

Ночь спалъ онъ отвратительно. Какія-то неопредѣленныя, но скверныя предчувствія тревожили его.

А утромъ ему предстояло итти въ судъ. Онъ не зналъ, что будетъ тамъ дѣлать и у него даже была мысль вовсе не итти. Но затѣмъ пришло въ голову, что, можетъ быть, онъ дастъ полезное для кого-нибудь свидѣтельство.

И онъ отправился въ судъ.

Въ свидѣтельской комнатѣ онъ встрѣтилъ нѣсколько знакомыхъ, которые недавно еще на торжественномъ завтракѣ привѣтствовали его рѣчами, какъ героя.

При его появленіи они повернулись къ нему спинами. Онъ стоялъ какъ вкопанный, и смотрѣлъ на это, не понимая. Въ головѣ

*

его носились какія-то мысли, но онъ никакъ не могъ привести ихъ въ порядокъ.

Начался судъ. Сперва позвали другихъ, потомъ его.

Уже при его появленіи въ залѣ среди присутствовавшей публики пронесся какой то странный шопотъ.

Голова его была въ туманѣ. Онъ чувствовалъ, какъ будто надъ нею виситъ тяжелая туча, изъ которой вотъ вотъ долженъ разразиться убійственный громъ.

Его допрашивали, онъ ничего не могъ сказать. Онъ смотрѣлъ на скамью подсудимыхъ. Тамъ сидѣли его вчерашніе товарищи. Но онъ явственно видѣлъ, что на лицахъ у нихъ выражается презрѣніе.

Онъ слышалъ обращенные къ нему вопросы защитника. Упоминается фамилія Балтова. Министръ Балтовъ...

«Свидѣтель Зигзаговъ, вы были въ близкихъ отношеніяхъ съ господиномъ министромъ Балтовымъ, вы пользовались его довѣріемъ»...

— Что это такое? Зачѣмъ объ этомъ говорятъ? Развѣ это относится къ дѣлу?

Онъ весь дрожалъ, онъ смутно чувствовалъ, что туча уже разразилась, и громъ грянулъ, но только онъ не слышалъ. Онъ какъ будто оглохъ и ослѣпъ.

Онъ, кажется, что-то отвѣчалъ на вопросы, но едва-ли впопадъ.

— Свидѣтель, вы свободны»...

Ему предоставили уйти изъ зала и онъ вышелъ. Невѣрными шагами онъ шелъ по коридору суда. Шаги его по каменному полу гулко раздавались подъ высокими сводами.

Онъ явственно ощущалъ жажду встрѣтить какое-нибудь знакомое лицо и попросить, чтобы ему объяснили. Его умъ какъ будто ослабѣлъ. Онъ самъ не могъ осилить того, что происходило.

И вотъ вдали онъ видитъ знакомое лицо. Одинъ изъ бывшихъ у него на вечерахъ. Человѣкъ, только случайно не попавшій вмѣстѣ съ другими въ тюрьму. Онъ торопливо идетъ къ нему и останавливаетъ его.

— Слушайте, слушайте... Объясните мнѣ...—Нервнымъ надломленнымъ голосомъ говоритъ Максимъ Павловичъ.

Но тотъ отступаетъ отъ него на нѣсколько шаговъ.

— Отойдите, пожалуйста... Я не разговариваю со шпіонами...

И онъ быстро уходитъ, а Зигзаговъ остается на мѣстѣ, какъ будто приросшій къ полу.

Онъ старается сообразить: что это? почему? откуда? Какъ это могло случиться?

У него является внутреннее движеніе пойти обратно, вбѣжать въ залъ суда и громко на весь міръ крикнуть:

«Это неправда, это клевета, ложь»!..

Но онъ не двигается съ мѣста.

Но вдругъ, точно молнія освѣтила его голову, и онъ разомъ понялъ все.

Балтовъ, Балтовъ... Такъ вотъ она месть этого холоднаго человѣка съ ледянымъ взоромъ. Вотъ почему онъ освободилъ его наканунѣ суда. Ну, да, конечно, это все должно было навести на подозрѣнія. Онъ, значитъ, былъ подосланъ въ тюрьму, чтобы вывѣдывать...

Да нѣтъ, тутъ надо идти дальше: онъ предоставлялъ свою квартиру для вечеровъ, въ ней жили, строили планы, рѣшали... А Балтовъ въ это время уже былъ въ Петербургѣ и онъ, Зигзаговъ, былъ дружески связанъ съ его домомъ. Вотъ откуда эти странные вопросы защитника, вотъ чѣмъ объяснятся презрительныя лица сидѣвшихъ на скамьѣ подсудимыхъ.

Мысли эти, какъ потокъ лавы, ворвались въ его голову. Онъ схватился за виски и выбѣжалъ изъ корридора на лѣстницу, а потомъ, накинувъ на плечи пальто, на улицу.

Поднявъ воротникъ пальто и надвинувъ на лобъ шляпу, онъ быстрыми шагами пошелъ къ своей гостинницѣ. Онъ точно боялся, что кто нибудь изъ знакомыхъ встрѣтится съ нимъ и, узнавши его, броситъ ему въ лицо презрительное слово.

Онъ пришелъ домой, сѣлъ за столъ, схватилъ листъ бумаги и перо и началъ быстро и нервно писать.

Много часовъ онъ просидѣлъ надъ этимъ письмомъ, постоянно отрывался, задумывался, вскакивалъ и бросался ходить по комнатѣ и опять садился за столъ. Письмо было не длинно, но каждое слово въ немъ было выковано изъ стали.

Онъ писалъ:

«Это письмо сегодня будетъ опущено въ ящикъ. Оно будетъ въ дорогѣ два дня и на третій день утромъ за вашимъ кофе вы будете читать его. Я буду жить эти два дня и еще одну ночь. И въ тотъ моментъ, когда вы будете читать это письмо, здѣсь, въ этой комнатѣ, гдѣ я пишу его, раздастся выстрѣлъ, но на этотъ разъ рука моя не дрогнетъ и пуля дойдетъ до того мѣста, куда я ее пошлю. На этотъ разъ я умру.

Вы должны знать, почему я умру, или даже умеръ уже въ ту минуту, когда вы читаете это письмо.

Господинъ Балтовъ отомстилъ мнѣ такъ, какъ умѣютъ мстить только министры. Да, министерская месть!

Я объявилъ его шарлатаномъ — на весь міръ объявилъ его шарлатаномъ, и теперь всѣ уже знаютъ, что онъ шарлатанъ, фо-

кусникъ, престидижитаторъ высшей школы, и за это я отдаю мою жизнь. Плата хорошая, да и товаръ не дурной. Они стоятъ другъ друга.

Знайте же, какъ это было. Меня послали въ родной городъ, чтобы здѣсь разыграть на моей жизни тонко и подло задуманный планъ.

Меня арестовали, посадили въ тюрьму. Но наканунѣ суда мнѣ дали свободу, и привлекли къ процессу въ качествѣ свидѣтеля.

Вы понимаете? Нѣтъ? Я тоже не понималъ, а теперь понялъ, послѣ того, какъ мнѣ бросили въ лицо слово: шпіонъ! Шпіонъ господина Балтова.

Я свидѣтель на судѣ. По смыслу дѣла я долженъ быть судимъ и наказанъ, но я—только свидѣтель, свидѣтель господина Балтова.

Я слышу презрительный шопотъ, ко мнѣ поворачиваются спинами, отъ меня отскакиваютъ, мнѣ не подаютъ руки.

Да вѣдь это же ясно: я, никто другой, какъ я былъ главной пружиной въ этомъ дѣлѣ. Я предоставлялъ свою квартиру для того, чтобы слѣдить, доносить, я выдалъ всѣхъ и, ради правдоподобія, просидѣлъ нѣсколько недѣль въ тюрьмѣ.

Вы понимаете, въ чьей головѣ могъ родиться такой геніально предательскій планъ? Въ одной головѣ во всей Россіи: въ головѣ господина министра, Балтова. Да, безъ сомнѣнія, мои прежніе друзья показали всю свою ограниченность, узкость и тупость, но господа Балтовы на эти качества и расчитываютъ, вся ихъ карьера на нихъ основана. Расчетъ вполнѣ оправдался.

Но, клянусь вамъ, я умираю не потому, что мнѣ стыдно встрѣчаться съ этими людьми,—мнѣ легко было бы доказать ихъ ошибку; но мнѣ противно жить среди людей, настолько ничтожныхъ, что на ихъ тупыхъ головахъ господа Болтовы могутъ играть, какую имъ угодно мелодію, и всякій смѣлый политическій пройдоха можетъ пользоваться ими и передвигать ихъ, какъ пѣшекъ. Скучно жить среди такихъ «братьевъ»...

Но всякій умирающій имѣетъ право высказать свое желаніе. Его могутъ исполнить, могутъ и презрѣть, ему уже будетъ это все равно, онъ ничего не почувствуетъ.

И вотъ мое завѣтное желаніе: не соединяйте вашей чистой, кристальной, прекрасной и горячей души съ душой господина Балтова, съ душой, которая подобна холодной грязной лужѣ, гдѣ медленно шевелятся змѣи.

Два дня и одну ночь я буду сидѣть въ стѣнахъ моей комнаты—одинъ. Никто ко мнѣ не придетъ—одни изъ презрѣнія, другіе изъ трусости. Два дня и одну ночь я буду томиться жизнью, которую уже глубоко ненавижу. Буду дѣлать это ради

васъ, чтобы вы первая узнали о моей смерти. Прощайте, другъ. Максимъ Зигзаговъ».

Много разъ онъ перечитывалъ это письмо, зачеркивалъ въ немъ слова и фразы и замѣнялъ ихъ другими. Онъ работалъ надъ нимъ, какъ надъ любимымъ литературнымъ произведеніемъ.

Наконецъ, онъ переписалъ его въ послѣдній разъ, запечаталъ въ конвертъ, собственноручно наклеилъ марки и велѣлъ отнести на почту.

Послѣ этого уже никто не видѣлъ его въ городѣ. Всѣ думали, что онъ исчезъ, и въ этомъ находили лучшее доказательство того что слухи о его роли въ процессѣ справедливы.

Но прошли два дня и одна ночь и городъ былъ пораженъ неожиданнымъ извѣстіемъ.

XXVI.

Между тѣмъ въ Петербургѣ разыгрывались событія, среди которыхъ были и такія, какихъ никто не могъ бы предположить

Балтовъ дѣйствительно сдѣлался всемогущимъ, и съ перваго же дня его назначенія на новый постъ общество увидѣло, что въ его лицѣ Россія пріобрѣла злѣйшаго врага и мучителя.

По всей странѣ раздался громъ новаго Юпитера, тысячи новыхъ арестовъ были его новогоднимъ подаркомъ. Забрало, поднятое надъ его лицомъ Зигзаговымъ, теперь валялось у его ногъ, онъ уже не считалъ нужнымъ прикрываться имъ.

Произошли новыя назначенія. Среди нихъ были и неожиданныя. Всѣ, конечно, ждали, что въ числѣ сотрудниковъ новаго министра будетъ Корещенскій, который работалъ съ нимъ съ начала его карьеры. Но вмѣсто этого, узнали новое имя, которое до сихъ поръ не разу не было произнесено громко. Имя это было Вергесовъ.

Корещенскій же остался въ тѣни. Затѣмъ въ служебныхъ сферахъ произошло то естественное движеніе, которымъ сопровождается всякая перемѣна лицъ. На мѣсто, которое занималъ прежде Балтовъ, было назначено другое лицо. Это лицо явилось, окруженное своими помощниками и клевретами и оказалось, что Алексѣю Алексѣевичу на его прежней службѣ нечего дѣлать.

Положеніе его сдѣлалось невозможнымъ. Онъ обратился къ своему новому начальнику и встрѣтилъ съ его стороны любезный холодъ. У него были другія идеи и потому онъ принужденъ отказаться отъ услугъ Корещенскаго.

Тогда Алексѣю Алексѣевичу оставалось одно: поѣхать къ самому Балтову и поговорить съ нимъ. Онъ явился къ Льву Сергѣевичу утромъ, когда тотъ былъ еще обыкновенно дома. На

этотъ разъ онъ не воспользовался своимъ правомъ входить въ его кабинетъ безъ доклада, а послалъ свою карточку.

Льву Александровичу подали ее, когда онъ былъ въ столовой.

— Просите въ кабинетъ,—сказалъ Левъ Александровичъ.

Корещенскаго проводили въ кабинетъ. Здѣсь онъ прождалъ минутъ десять. Явился Балтовъ въ мундирѣ новаго вѣдомства. Какъ то безъ всякаго выраженія онъ подалъ ему руку и пригласилъ сѣсть.

— Чѣмъ могу служить вамъ, Алексѣй Алексѣевичъ?—спросилъ онъ съ такимъ видомъ, какъ будто не имѣлъ никакого представленія о положеніи дѣлъ Корещенскаго.

— Я явился къ вамъ, чтобы выяснить свое положеніе,—сказалъ Корещенскій.

— А что? развѣ оно не достаточно ясно?—съ тонкой, едва замѣтной усмѣшкой спросилъ Балтовъ.

— Боюсь, что въ немъ все слишкомъ ясно. На прежней моей службѣ я уже не нуженъ. Тамъ новые люди и новые идеи. Вамъ не угодно было пригласить меня къ себѣ. Повидимому, я нахожусь въ томъ положеніи, когда подаютъ въ отставку.

Левъ Александровичъ чуть замѣтно утвердительно кивнулъ головой.

— Это зависитъ уже не отъ меня, Алексѣй Алексѣевичъ, а отъ вашего новаго начальника.

— Я знаю. Но, такъ какъ я вами былъ приглашенъ на службу, то я считаю необходимымъ именно васъ спросить: вполнѣ ли правильный выводъ я сдѣлалъ.

— Повидимому, это такъ.

— Теперь мнѣ остается спросить васъ еще объ одномъ: чему я обязанъ такимъ исходомъ?

— Мнѣ кажется, Алексѣй Алексѣевичъ, что, если вы внимательно обсудите всѣ обстоятельства, то сами отвѣтите на этотъ вопросъ.

— Я не знаю, Левъ Александровичъ, какія именно обстоятельства моей частной жизни вамъ извѣстны.

— Мнѣ извѣстны всѣ, рѣшительно всѣ обстоятельства.

— Такъ что, я жилъ, окруженный наблюдателями?

— Мы всѣ живемъ, окруженные наблюдателями. Я удивляюсь, какъ вы, состоя на службѣ и занимая видный постъ, этого не узнали! Повѣрьте, что и я, не смотря на то, что обладаю могущественными полномочіями, нисколько не избавленъ отъ этого рода наблюденія.

— Насколько я понялъ, вы находите мое дальнѣйшее пребываніе на службѣ невозможнымъ?

— Въ моемъ вѣдомствѣ я не нашелъ бы для васъ работы, Алексѣй Алексѣевичъ.

— Почему?

— Видите ли, во всякомъ вѣдомствѣ есть дѣла, которыя составляютъ его тайну, а въ томъ, во главѣ котораго я стою въ настоящее время, тѣмъ болѣе. Ваши же принципы позволяютъ вамъ дѣлиться вашими свѣдѣніями съ людьми, не имѣющими никакого отношенія къ служебному вѣдомству.

Корещенскій понялъ все. Онъ прервалъ Балтова на полусловѣ и быстро поднялся.

— Я подаю въ отставку!—сказалъ онъ, поклонился и вышелъ. Левъ Александровичъ не остановилъ его ни однимъ словомъ и не пошелъ вслѣдъ за нимъ.

Въ тотъ же день Корещенскій подалъ въ отставку и получилъ ее чрезвычайно быстро. Очевидно, она уже была заготовлена, и состоялась бы даже безъ его просьбы.

Все это происходило въ первую недѣлю послѣ новаго года. А на югѣ въ это время начался процессъ, извѣстія о которомъ съ жадностью ловились въ Петербургѣ. Были въ обществѣ легковѣрные люди, воображавшіе, что именно на этомъ процессѣ Балтовъ покажетъ свой «новый курсъ».

Самъ Левъ Александровичъ былъ теперь весь поглощенъ новой дѣятельностью, у него не было свободной минуты. Организація заново вѣдомства, пріемы новыхъ людей, сортировка прежнихъ дѣятелей, все это отнимало у него всѣ часы.

Наталья Валентиновна видѣла его только мелькомъ, когда онъ забѣгалъ къ ней, чтобы поцѣловать ея руку. Володя приходилъ къ ней съ блѣднымъ лицомъ и докладывалъ о новыхъ мѣрахъ, которыя всѣ были ясны и не оставляли никакихъ сомнѣній. Наталья Валентиновна выслушивала его и они въ угрюмомъ молчаніи проводили время.

Однажды онъ сообщилъ ей о томъ, что Максимъ Павловичъ на югѣ арестованъ и очень былъ пораженъ тѣмъ, что она на это совсѣмъ не откликнулась, только въ глазахъ ея онъ замѣтилъ какое-то странное глубокое выраженіе.

Какъ-то разъ, здороваясь съ нею передъ обѣдомъ, Левъ Александровичъ сказалъ ей.

— Ну, я, кажется, угодилъ тебѣ, Наташа. Твой другъ Зигзаговъ былъ арестованъ тамъ, но это зависѣло не отъ меня. Сегодня послано распоряженіе о его окончательномъ освобожденіи. Завтра начнется процессъ, но онъ въ немъ явится только свидѣтелемъ, ему не грозитъ никакая опасность.

Наталья Валентиновна просвѣтлѣла и посмотрѣла на него съ благодарностью.

Прошло еще три дня. Володя принесъ извѣстіе объ окончаніи процесса.

— И что-же?—спросила Наталья Валентиновна.

— Четыре смертныхъ казни!—отвѣтилъ Володя.

Лицо Натальи Валентиновны потемнѣло. Она не слѣдила за процессомъ, она не знала лично никого изъ участвовавшихъ, она только видѣла ихъ на вечеринкахъ у Максима Павловича. Лично ничья судьба не была ей близка, но ей было мучительно сознавать, что эти казни будутъ совершены подъ покровительствомъ Льва Александровича.

— Неужели это совершится?—спросила она Балтова въ тотъ же день.

— Милая Наташа, это не я присудилъ ихъ... Мнѣ не принадлежитъ право присуждать и миловать. Но Зигзаговъ свободенъ, чего же тебѣ еще нужно? Это наибольше, что я могъ сдѣлать. Какъ ни дорога ты мнѣ, но мы не можемъ по своимъ личнымъ симпатіямъ передѣлать всю юстицію... Намъ, Наташа, надо сегодня же рѣшить нашъ вопросъ, который для меня важнѣе всѣхъ моихъ служебныхъ дѣлъ. Ничто уже не мѣшаетъ намъ обвѣнчаться и я все приготовилъ для этого. Мы сдѣлаемъ это безъ всякаго шума. Въ маленькой домовой церкви, въ присутствіи нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ. Это должно пройти совершенно незамѣтно, но, конечно, оно сейчасъ же будетъ замѣчено и сыграетъ свою роль. Ты готова?

— Я всегда къ этому готова, Левъ Александровичъ,—сказала Наталья Валентиновна, но въ голосѣ ея какъ будто не доставало энергіи и твердости.

Несомнѣнно, это было отраженіе тѣхъ томительныхъ состояній, которыя она пережила въ послѣднее время.

Но Левъ Александровичъ не замѣтилъ этого. Онъ считалъ этимъ разговоръ конченнымъ. Онъ только прибавилъ.

— Мы сдѣлаемъ это въ будущее воскресенье. Это отниметъ у насъ полтора часа времени, не больше. Я такъ дорожу временемъ,—прибавилъ онъ смѣясь,—что даже на такое событіе, какъ наше вѣнчаніе, не могу удѣлить больше, какъ полтора часа. Но зато, милая Наташа, лѣтомъ я возьму отпускъ и мы съ тобой отдохнемъ какъ слѣдуетъ за границей.

И вдругъ однажды ей подали письмо съ почеркомъ Зигзагова. Это тѣмъ больше удивило ее, что она уже не ждала отъ него письма. Послѣдняя его записка съ дороги была какъ бы прощаніемъ.

Она сидѣла въ своемъ будуарѣ, тотчасъ послѣ утренняго кофе. Прочитанное письмо лежало у нея на колѣняхъ. Лицо ея, казалось, вдругъ, въ одно мгновенье, похудѣло и на немъ легли глубокія темныя тѣни.

Такъ просидѣла она нѣсколько часовъ. Въ квартирѣ была ти-

шина. Ей казалось, что она уже не живетъ, а замуравлена подъ землею въ глубокомъ темномъ склепѣ. Въ головѣ ея мелькали мысли, какъ бы оторвавшіяся отъ событій ея Петербургской жизни, и всѣ, какъ одна, они говорили о томъ, что она давно уже не живетъ настоящей своей жизнью.

Что-то враждебное ея душѣ все время совершается вокругъ нея. Это ежеминутно давитъ и оскорбляетъ ее, а она старательно отталкиваетъ все это отъ себя. Она обманываетъ себя. Ради душевнаго спокойствія, она оплела себя сѣтью лжи. Но это письмо, точно острый ножъ, рѣзануло по тѣмъ сѣтямъ и они прорвались въ тысячѣ мѣстъ, и вотъ настоящая живая ложь вцѣпилась въ нее своими когтями. И какъ будто передъ ея глазами открылось что-то новое...

Послышались торопливые шаги, она прислушалась. Это—Володя, это его шаги.

Онъ какъ-то стремительно приближался и вотъ онъ вбѣжалъ въ комнату. Въ рукахъ у него бумага.

— Что это?

— Телеграмма. Сейчасъ получилъ отъ редактора Курчавина. Съ юга... Невѣроятно... ужасно..

— Что, Володя, что?

— Максимъ Павловичъ застрѣлился. Сегодня въ одиннадцать часовъ утра. Вотъ прочитайте.

Онъ поднесъ къ ея лицу телеграмму, она прочитала: «выстрѣломъ изъ револьвера въ високъ. Смерть была моментальна»...

И Володя смотрѣлъ на Наталью Валентиновну и изумлялся тому, что извѣстіе какъ будто не произвело на нее никакого впечатлѣнія.

Но что за лицо у нея! Онъ никогда еще не видалъ его такимъ.

Она медленно подняла руку, взяла письмо, лежавшее у нея на колѣняхъ, и сказала ему.

— Читайте это, Володя...

Володя взялъ письмо. Прошло минутъ пять. Руки его задрожали и онъ съ силой скомкалъ въ нихъ бумагу.

— Слушайте, Наталья Валентиновна,—глубокимъ надорваннымъ голосомъ сказалъ онъ:—послѣ этого... я не могу оставаться въ домѣ моего дяди...

— Вы не слышите?—спросилъ онъ, пристально взглянувъ на нее и видя, что глаза ея устремлены куда-то въ неуловимую точку.

Она вздрогнула и повернула лицо къ нему.

— Что вы сказали, Володя?

— Я говорю, что больше ни одной минуты не могу оставаться въ домѣ моего дяди. Я сейчасъ переѣзжаю...

И онъ сдѣлалъ уже шагъ по направленію къ двери.

— Постойте... Я тоже должна что-то сдѣлать...—промолвила она и приложила ладонь ко лбу, какъ бы помогая своимъ мыслямъ собраться въ одну точку.

— Что вы сдѣлаете?—съ удивленіемъ и даже съ легкимъ опасеніемъ спросилъ Володя, потому что у нея было такое необыкновенно странное лицо.

— Я сейчасъ скажу вамъ...

Володя стоялъ и ждалъ. Она усиленно думала, затѣмъ отняла руку отъ своего лба и быстро поднялась.

— Да. Я тоже.

— Что?

— Тоже, что и вы... Я тоже сейчасъ уйду изъ этого дома.

— Куда?

— Куда-нибудь... Въ гостинницу, конечно... Скажите, теперь въ банкѣ еще можно... Я полгода не брала своей ренты... Это составитъ... достаточно. Впрочемъ, завтра, все равно... Но оставаться не могу. Вы понимаете, Володя, понимаете? Не могу ни минуты, понимаете?..

Володя еще не понималъ. Ему трудно было сразу представить себѣ, что Наталья Валентиновна способна на такой рѣшительный шагъ. Оставить Льва Александровича послѣ того, какъ она жила съ нимъ въ одной квартирѣ, развелась съ мужемъ и была наканунѣ вѣнчанія...

Но ему стоило только стать для нея на свою собственную точку зрѣнія, чтобы понять. Эти четыре казни въ самомъ началѣ дѣятельности дяди, а въ особенности этотъ ужасный конецъ Максима Павловича. Это—пятая казнь... И вѣдь для него было несомнѣнно, что Максимъ Павловичъ совершенно правильно растолковалъ дѣйствія его дяди.

Да, именно такъ это и было. Дядя хотѣлъ сдѣлать ему репутацію шпіона. Онъ воспользовался для этого дружескими отношеніями Зигзагова къ его дому, къ нему самому. Это отвратительно. Это самое худшее изъ всего, что произошло.

И Наталья Валентиновна совершенно также поняла все это. Иначе, не зачѣмъ было бы несчастнаго Максима Павловича сажать вторично въ тюрьму. Это и было сдѣлано для того, чтобы новымъ освобожденіемъ наканунѣ процесса обратить на него вниманіе, потому что прежнее уже было забыто.

Разомъ освѣтился типъ: человѣкъ, не отступающій ни передъ чѣмъ ради своей цѣли и въ данномъ случаѣ, даже не великой, а мелочной и ничтожной.

И вдругъ ее охватила брезгливость къ этому человѣку, къ его близости, къ его дому, даже къ его имени, и она разомъ безвозвратно рѣшила: сейчасъ уйти.

— Володя, помогите мнѣ; сперва я уйду, потомъ вы... Я ничего не возьму съ собой, это можно послѣ. Пока я одѣнусь, вы сходите въ дѣтскую; пусть Васю одѣнутъ и нянька съ нимъ... Скажите—гулять.

Володя уже понялъ и больше для него не требовалось никакихъ объясненій. Онъ отправился въ дѣтскую, гдѣ Вася проводилъ время съ своей нянькой.

— Няня, одѣньте Васю и сами одѣньтесь. Наталья Валентиновна хочетъ вмѣстѣ прогуляться,—сказалъ онъ.

Та была нѣсколько удивлена. Обыкновенно гуляла съ мальчикомъ она одна. Наталья Валентиновна иногда каталась съ нимъ въ экипажѣ.

Въ то время, какъ въ дѣтской одѣвали Васю, Наталья Валентиновна у себя въ спальнѣ переодѣвалась. Въ послѣднее время она почти не выходила изъ капота, теперь она переодѣвалась въ платье. Она дѣлала это быстро.

Затѣмъ она вынула изъ комода необходимое бѣлье, капотъ, кой что для Васи и завернула все это въ бумагу.

Володя былъ растерянъ. Хотя онъ и понималъ уже ея настроеніе, но не могъ себѣ представить, какъ все это произойдетъ и что изъ всего этого получится. Наталья Валентиновна не обнаружила ни малѣйшаго колебанія.

Когда она уже была одѣта, ей пришла мысль написать два слова Льву Александровичу, но она сейчасъ-же отмѣнила это. Лучше она сдѣлаетъ это въ гостинницѣ и оттуда пришлетъ. Тамъ можно написать болѣе обдуманно и это будетъ лучше. Къ тому же у нея было такое состояніе, что хотѣлось какъ можно скорѣе уйти, а письмо задержало бы.

Вася тоже былъ готовъ и явился къ ней съ нянькой, которая была уже одѣта.

— Возьмите это, няня,—сказала Наталья Валентиновна, передавая ей свертокъ съ бѣльемъ. Нянька съ недоумѣніемъ посмотрѣла на нее.

— Это нужно... занести въ магазинъ!—пояснила Наталья Валентиновна.—Пойдемте.

Они вышли въ переднюю и стали надѣвать калоши. Вдругъ появилась Лизавета Александровна.

— Вы кататься?—спросила она.

— Нѣтъ, мы пѣшкомъ,—отвѣтила Наталья Валентиновна и прибавила:—няня, идите впередъ съ мальчикомъ. И няня съ мальчикомъ вышли на лѣстницу.

— Я васъ догоню,—сказалъ Володя, провожая Наталья Валентиновну.

Какъ только она вышла, онъ сейчасъ же отправился въ свою комнату. Онъ хотѣлъ уложить вещи въ чемоданъ, но сообразилъ,

что это потребуетъ времени. Онъ рѣшилъ вернуться для этого. Теперь же онъ схватилъ пальто и быстро побѣжалъ внизъ. Онъ нагналъ ихъ на улицѣ.

— Какія здѣсь есть гостинницы?—спросила Наталья Валентиновна.

— Есть Англія... Впрочемъ, нѣтъ, туда не надо. Тамъ останавливался Мигурскій; поѣзжайте въ Грандъ-Отель. Я вслѣдъ за вами, чтобы устроить васъ. Вотъ извозчикъ.

Онъ подошелъ къ извозчику и сказалъ, ему: — Отвези этихъ дамъ на Морскую, въ Грандъ-Отель.

Потомъ онъ усадилъ ихъ и они уѣхали, а самъ взялъ другого извозчика и велѣлъ ѣхать быстро, чтобы обогнать ихъ и встрѣтить въ гостинницѣ.

Черезъ полчаса, устроивъ Наталью Валентиновну съ Васей и нянькой въ двухъ небольшихъ комнатахъ, онъ вернулся домой, уложилъ свой чемоданъ и, улучивъ минуту, когда въ передней никого не было, вынесъ его на лѣстницу.

— Уѣзжаете?—спросилъ его швейцаръ.

— Нѣтъ, переѣзжаю на свою квартиру,—отвѣтилъ онъ.

— А какой же адресъ?

— Я потомъ зайду и скажу.

И онъ поѣхалъ въ ту же гостинницу, гдѣ устроилась Наталья Валентиновна. Здѣсь онъ занялъ номерокъ въ другомъ этажѣ и рѣшилъ завтра-же подыскать комнату.

Разспросы со стороны няньки—почтенной разсудительной старухи—Наталья Валентиновна отстранила. Еще когда они садились въ экипажъ, она тихонько сказала ей.

— Пожалуйста, няня, ничему не удивляйтесь и не распрашивайте. Я потомъ все объясню вамъ; такъ надо.

И няня подчинилась, конечно, сообразивъ, что между Натальей Валентиновной и Балтовымъ произошелъ разрывъ.

Но Васю трудно было удовлетворить неопредѣленными отвѣтами, а опредѣленнаго Наталья Валентиновна пока дать не могла и мальчикъ все время приставалъ къ ней. Наконецъ, она ему сказала:

— Вася, если ты меня любишь, повѣрь мнѣ, что такъ надо... Я сама еще не знаю, что будетъ дальше. А теперь не спрашивай меня, потому что отъ этого мнѣ больно.

И Вася смирился и замолкъ. Вообще, настроеніе въ двухъ комнатахъ занятаго ими номера было унылое. Кой-какъ разложившись, Наталья Валентиновна сѣла за письмо. Она написала его сразу, безъ поправокъ. Оно какъ то вылилось у нея.

Вотъ что она написала: «Левъ Александровичъ, я уѣхала изъ вашего дома, потому что больше не могу жить въ немъ. Сдѣлать это наканунѣ нашего предположеннаго вѣнчанія лучше, чѣмъ

на другой день послѣ него. И—если только можно сегодня употребить это слово—я рада, что рѣшила сдѣлать это теперь.

Вотъ письмо, полученное мною отъ Зигзагова. Если бы даже не было ничего другого, то этой исторіи было бы достаточно, чтобы я не сдѣлалась вашей женой. Но эта исторія была, была, и вы, какъ человѣкъ независимый и гордый, не должны отрицать того, что было. Получена телеграмма, извѣщающая о томъ, что Зигзаговъ дѣйствительно застрѣлился сегодня въ одиннадцать часовъ утра и такимъ образомъ выполнилъ свое обѣщаніе.

Эта смерть ужасна и она вполнѣ достаточна, чтобы мы съ вами не могли никогда быть счастливы вмѣстѣ.

Вы не сочтете вмѣшательствомъ въ ваши личныя дѣла, если я скажу, что четыре казни, къ которымъ приговорены бывшіе товарищи несчастнаго Максима Павловича, не могли бы способствовать моему спокойному существованію бокъ о-бокъ съ вами.

Да, теперь я увидѣла, что и статья Зигзагова была справедлива, и что вообще вы—жестокій и безпощадный человѣкъ. Вотъ объясненіе моего поступка, другихъ нѣтъ.

Не знаю, какъ вы къ нему отнесетесь. Можетъ быть, примете равнодушно и спокойно. Тѣмъ лучше. Но если бы случилось иначе, то на этотъ случай я твердо заявляю вамъ, что мое рѣшеніе не поверхностно и не мимолетно. Оно созрѣвало уже давно, но я сама не знала объ этомъ. Я только испытывало безотчетное недовольство и безпокойство. Сегодня же я узнала, что оно у меня совершенно созрѣло и готово.

Я еще не знаю, что сдѣлаю съ собой. Но по всей вѣроятности поѣду на югъ, на старое мѣсто.

Лично вамъ желаю наибольшаго счастья, а для Россіи, которая теперь въ вашихъ рукахъ, желаю побольше мягкости и человѣчности. Н.».

Письмо это вмѣстѣ съ письмомъ Зигзагова Наталья Валентиновна отправила съ посыльнымъ Балтову.

XXVII.

Левъ Александровичъ пріѣхалъ домой часовъ въ семь, чрезвычайно пріятно настроенный. На службѣ у него были какія-то удачи: онъ, подымаясь наверхъ, даже шутилъ съ швейцаромъ, что было для него ужъ совершенно исключительно.

Но когда онъ вошелъ въ квартиру, то сейчасъ же почувствовалъ какую-то неладность.

— Барыня у себя?—спросилъ онъ лакея, разумѣя, какъ всегда, подъ барыней Наталью Валентиновну.

Лакей отвѣтилъ:

— Лизавета Александровна въ гостинной-съ.

— А Наталья Валентиновна?

— Ихъ еще нѣтъ-съ.

— Что значитъ *еще*?

— Они съ Васей и няней ушли рано и не возвращались.

Онъ вошелъ въ гостиную и нашелъ тамъ Лизавету Александровну.

У нея было странно многозначительное, но въ то же время необыкновенно замкнутое лицо, которому она хотѣла придать выраженіе непроницаемости. Но она этого не съумѣла сдѣлать, и онъ, глядя на нее, сейчасъ же почувствовалъ, что есть что-то необычное.

— Гдѣ же Наталья Валентиновна?—спросилъ Левъ Александровичъ мимоходомъ.

— Она гулять пошла...—отвѣтила Лизавета Александровна и выразительно поджала нижнюю губу.

Онъ прошелъ дальше и вошелъ въ кабинетъ, и она слѣдила за нимъ глазами и осталась въ гостиной и даже подошла къ двери кабинета, какъ только можно было, ближе.

Она, конечно, не знала еще ничего опредѣленнаго, но чувствовала, что произошло нѣчто роковое. Первое—слишкомъ продолжительное отсутствіе Натальи Валентиновны. Она даже не завтракала дома, это было въ первый разъ. И гдѣ она могла завтракать—съ Васей и нянькой? У нея въ Петербургѣ не было никакихъ связей.

Развѣ у Корещенскаго? Но тотъ теперь въ такомъ положеніи что ему не до завтраковъ.

А главное—посыльный и письмо. Правда, посыльный ничего не объяснилъ. Она, разумѣется, допрашивала его, но ничего не добилась. Посыльный былъ умный и очевидно получилъ инструкціи. «Праказано доставить и больше ничего», вотъ былъ его отвѣтъ.

Она долго разсматривала конвертъ, вертѣла его и такъ, и этакъ. Почеркъ ей казался знакомымъ, но она почти не знала почерка Натальи Вглентиновны и ничего не могла рѣшить навѣрно. Но все вмѣстѣ обѣщало какую-то исторію, которую она предчувствовала.

Вѣдь, все утро она прислушивалась къ тому, что дѣлалось въ будуарѣ; она вообще всю жизнь къ чему-нибудь прислушивалась. Какіе-то странные разговоры съ Володей. Долгое молчаніе, потомъ восклицанія.

О Володѣ она не подумала. Онъ часто по цѣлымъ днямъ не бывалъ дома. Ей даже и въ голову не пришло, что онъ можетъ уѣхать изъ дома съ чемоданомъ. Подобная мысль просто не могла зародиться въ ея головѣ. Молодой человѣкъ живетъ въ домѣ своего могущественнаго дяди—да кто же откажется отъ такого счастья?

И теперь она съ замирающимъ сердцемъ прислушивалась къ кабинету. Тамъ, на письменномъ столѣ, на очень видномъ мѣстѣ, такъ что нельзя не замѣтить, она сама положила письмо.

Но очевидно Левъ Александровичъ въ первую минуту не замѣтилъ его. Онъ прошелъ прямо въ сосѣднюю комнату, примыкавшую къ кабинету, гдѣ онъ обыкновенно переодѣвался, она поняла это по его мягкимъ шагамъ.

Минуты черезъ три онъ вышелъ и вдругъ неожиданность. Онъ быстро подошелъ къ двери и плотно притворилъ ее Этого она никакъ не могла предусмотрѣть и ей оставалось просто ждать результатовъ.

Левъ Александровичъ, переодѣвшись и вернувшись въ кабинетъ, дѣйствительно сейчасъ замѣтилъ письмо. Онъ взялъ его, распечаталъ, читалъ и не вѣрилъ.

Что это? Это можетъ быть только мистификаціей. Никакихъ предшествовавшихъ признаковъ. Никогда ни слова недовольства, всегда самое нѣжное отношеніе. Нѣтъ, нѣтъ, это шутка.

Но эти мысли промелькнули въ его головѣ лишь въ первую минуту, а затѣмъ вдругъ почему-то стало казаться, что это не только возможно, но и неизбѣжно должно было случиться.

Не въ его характерѣ было бѣжать съ письмомъ вонъ изъ кабинета и производить допросъ о томъ, какъ и когда и при какихъ обстоятельствахъ это случилось Онъ долженъ былъ самъ единолично воспринять и пережить, и это онъ дѣлалъ.

Онъ переживалъ. Для этого онъ и притворилъ дверь. Никто не долженъ былъ присутствовать при его душевной работѣ; хотя онъ зналъ, что ни Лиза, никто другой не рѣшится войти къ нему въ кабинетъ безъ зова, все же онъ не могъ вынести присутствія другого человѣка вблизи. Щель въ двери уже была покушеніемъ на его самостоятельность, на его одиночество.

Онъ долго стоялъ передъ окномъ и нѣсколько разъ перечитывалъ письмо Натальи Валентиновны. Письмо Зигзагова онъ прочиталъ только одинъ разъ и положилъ его на столъ.

Скоро первоначальное настроеніе улеглось и онъ началъ разсуждать спокойно и логически. Тогда онъ сталъ размѣренными шагами ходить по кабинету.

Потеря Натальи Валентиновны для него была очень тяжела. Онъ любилъ ее, въ этомъ онъ не фальшивилъ ни передъ нею, ни передъ собой. Присутствіе въ домѣ этой женщины радовало его и давало душѣ его отдыхъ

Но онъ долженъ былъ признать, что дальше предѣловъ этой квартиры, шире круга домашней жизни, ея вліяніе на него не распространялось. Никогда у него не было даже мысли въ своей государственной дѣятельности принимать въ расчетъ ея симпатіи

и антипатіи. Отдѣльные случаи—его снисходительность къ ея другу Зигзагову—это было личное одолженіе, подобныя льготы онъ дѣлалъ и другимъ по частной просьбѣ.

И не потому это было такъ, чтобы онъ не уважалъ ея мнѣній, ставилъ ее въ грошъ, а потому, что воля его органически не могла подчиниться волѣ другого, хотя бы и близкаго и дорогого человѣка. Таковъ онъ весь отъ головы до ногъ.

Наталья Валентиновна душа не сложная, но опредѣленная. Она сдѣлана изъ одного цѣльнаго металла, но металлъ этотъ крѣпокъ, его нельзя согнуть, а сломать слишкомъ трудно.

И когда онъ думалъ о томъ, какъ она жила всѣ эти мѣсяцы въ Петербургѣ, то понималъ, что это было насиліе надъ ней, которое она какъ бы допускала временно въ ожиданіи перемѣны.

Его она представляла себѣ другимъ. Въ южномъ городѣ кругъ ихъ интересовъ былъ безконечно уже, чѣмъ здѣсь, и тамъ его личность въ своемъ настоящемъ свѣтѣ не проявлялась. Но здѣсь, въ особенности въ послѣднее время, она начала проявляться, а теперь это пойдетъ все шире и шире. И каждый день, каждый часъ будетъ приносить ей факты, которые будутъ становить ее на дыбы. И будетъ расти между ними стѣна...

Его положеніе обязываетъ къ тому, чтобы у него въ домѣ была жена, чтобы этотъ домъ былъ полонъ общества, разнообразнаго, блестящаго, съ которымъ надо ладить. Нужна извилистая эластическая душа. Нужно свѣтское искусство, фальшь, лицемѣріе ложь, качества, которыя всегда найдутся у любой свѣтской женщины, которыя прививаются ей воспитаніемъ, и которыхъ нѣтъ и не можетъ быть у Натальи Валентиновны.

Онъ говорилъ ей, что расчитываетъ на ея умъ,—и умъ у нея есть,—хорошій, доброкачественный, тонкій. Но правда ли, нуженъ ли умъ, а не хитрость и ловкость, на которыя она вовсе не способна? Свѣтскія женщины такъ ловко умѣютъ ладить съ людьми,—такъ неужели же среди нихъ такъ много ума?

Потеря страшно тяжела, но, можетъ быть, въ концѣ концовъ окажется, что это одна изъ удачъ, предупредительно посылаемыхъ ему судьбой.

Такъ онъ думалъ. Зная его отношеніе къ Натальѣ Валентиновны, никто не могъ бы предсказать такого исхода его мыслей.

Если бы онъ способенъ былъ подчиняться первымъ сердечнымъ побужденіямъ, то, конечно, прочитавъ письмо, онъ помчался бы къ ней, просилъ бы вернуться, умолялъ бы. И такое движеніе у него было, но оно оставалось въ его душѣ развѣ нѣсколько секундъ, а затѣмъ уступило мѣсто разуму.

И вотъ выводъ: это надо пережить, съ этимъ надо примириться.

Затѣмъ онъ, какъ бы совершенно покончивъ съ этимъ главнымъ

вопросомъ, перешелъ къ вопросу о средствахъ. Естественно, чтобы онъ предложилъ Натальѣ Валентиновнѣ хорошее обезпеченіе, его это не затруднило бы нисколько, а онъ зналъ, что ея личныя средства не велики.

Но онъ не любилъ пустыхъ словъ и безцѣльныхъ дѣйствій. Подобное предложеніе какъ бы требовалось положеніемъ дѣла, и не сдѣлать его даже кажется неловкимъ. Но онъ зналъ характеръ и взгляды Натальи Валентиновны и былъ совершенно увѣренъ, что она не приметъ никакой денежной помощи.

Нѣтъ, это дѣйствительно все кончено. Она, съ свойственнымъ ей чутьемъ, почувствовала это и за себя, и за него. Ему было некогда. Можетъ быть, если бы у него было время, онъ самъ пришелъ бы къ тому же выводу...

И вотъ каковъ былъ практическій результатъ его размышленій. Онъ сѣлъ къ столу и написалъ:

«Глубокоуважаемая Наталья Валентиновна! Потеря для меня страшно тяжела. Зная меня, вы въ этомъ не усомнитесь, но она логически необходима и неизбѣжна. Я размышлялъ долго и добросовѣстно. Молить васъ—не принесетъ пользы. Я знаю васъ и ни на что не могу надѣяться.

Прошу васъ только никогда не забывать, что въ моей душѣ, какъ бы ни была она холодна и черства—а это такъ и есть—всегда будетъ горѣть теплый огонекъ—лампада передъ вашимъ образомъ—единственной женщины, которую я любилъ во всю мою жизнь и единственнаго человѣка. А значитъ—когда бы и при какихъ бы обстоятельствахъ я ни понадобился вамъ—я всегда къ вашимъ услугамъ, со всѣмъ моимъ положеніемъ и достояніемъ.

Возвращаю вамъ письмо Зигзагова. Л. Балтовъ».

Онъ запечаталъ письмо и позвонилъ. Вошелъ лакей.

— Это письмо отправьте по адресу. Пусть его снесетъ посыльный съ улицы. Попросите ко мнѣ Лизавету Александровну.

Лакей ушелъ и черезъ минуту явилась Лизавета Александровна.

— Лиза,—сказалъ Левъ Александровичъ безъ всякаго волненія въ голосѣ, дѣловито и холодно:—Наталья Валентиновна больше не будетъ жить съ нами; она ушла не только изъ дома, но и изъ моей жизни.

— Неужели?—воскликнула Лизавета Александровна и въ глазахъ ея блеснула безумная радость.

Онъ сдѣлалъ рукой останавливающій жестъ.

— Обсуждать этого мы съ тобою не будемъ, Лиза. Прошу тебя, отбери все, рѣшительно все, что принадлежитъ Натальѣ Валентиновнѣ, Васѣ и его нянькѣ и хорошенько, тщательно, бережно уложи, отошли въ Грандъ-Отель. Если можно, сдѣлай это сегодня послѣ обѣда. А теперь пообѣдаемъ.

*

И они пошли обѣдать. И Лизавета Александровна—даже она—изумлялась, съ какимъ спокойнымъ видомъ онъ ѣлъ супъ и другія блюда. Никакого волненія, никакой печати страданія не было у него на лицѣ, хотя она и знала, что онъ искренно любилъ Наталью Валентиновну.

«Вотъ человѣкъ, который съумѣлъ подчинить всѣ свои чувства своему разсудку», думала она и изумленіе передъ братомъ у нея превращалось въ какой-то трепетъ передъ его величіемъ.

— А почему нѣтъ Володи?—спросилъ Левъ Александровичъ.

— Они,—осмѣлился доложить лакей,—уѣхали съ чемоданомъ. Швейцару сказали, что на свою квартиру...

— Возможно ли?—воскликнула Лизавета Александровна.

— Это въ порядкѣ вещей,—сказалъ Левъ Александровичъ и больше объ этомъ въ теченіе обѣда не поднималось вопроса.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ можно было видѣть господина средняго роста, плечистаго, съ густо обросшимъ лицомъ, въ широкомъ длинномъ пальто англійскаго покроя, въ цилиндрѣ, ѣздящаго ежедневно около двѣнадцати часовъ дня въ красивомъ экипажѣ, запряженномъ парой доброкачественныхъ коней, изъ своей квартиры на Кирочной улицѣ въ одинъ изъ крупныхъ частныхъ банковъ и возвращавшагося оттуда часамъ къ пяти.

По вечерамъ въ дѣловое время его можно было встрѣтить въ засѣданіяхъ не одного правленія крупнаго комерческаго предпріятія. Если на улицѣ онъ кому нибудь раскланивался, то это было непремѣнно солидное лицо, извѣстное въ комерческомъ или административномъ мірѣ.

Въ другое время, особенно весной и лѣтомъ, его можно было встрѣтить въ томъ же экипажѣ на стрѣлкѣ, а ночью въ загородномъ саду, большею частью въ отдѣльномъ кабинетѣ, ужинающимъ съ веселымъ обществомъ, гдѣ изъ хорошенькихъ дамскихъ устъ слышались хотя и грубоватыя слова, но на настоящемъ французскомъ языкѣ.

Но постоянно онъ былъ въ движеніи, въ дѣловомъ или увеселительномъ. Казалось, у этого человѣка былъ избытокъ энергіи и онъ просто не зналъ, куда ее дѣвать.

Въ квартирѣ его на Кирочной улицѣ, просторной, богато и со вкусомъ убранной, гдѣ онъ жилъ одинъ, изрѣдка бывали вечера, собиравшіе не мало гостей и обходившіеся ему не дешево. И среди гостей попадались между прочимъ и сановники, носившіе на своей груди важные ордена и разноцвѣтныя ленты.

И всѣ дѣловые люди въ Петербурга знали, что этотъ человѣкъ, носящій фамилію—Корещенскій, благодаря своимъ связямъ,

составленнымъ во время государственной службы, какъ-то стремительно быстро пошелъ на вверхъ по лѣсницѣ дѣловой карьеры.

Послѣ своей отставки онъ растерялся, но не на долго. Вѣдь онъ стоялъ въ центрѣ, изъ которыхъ исходило направленіе всѣхъ дѣлъ Россіи. У него, конечно, было много враговъ, но вражда эта была основана исключительно на боязни его хорошихъ способностей и энергіи и на зависти. Каждому казалось, что онъ именно ему-то и перебьетъ дорогу.

Но какъ только онъ ушелъ въ отставку, враги потеряли весь свой ядовитый ароматъ и почувствовали къ нему расположеніе. И тогда къ нему явились съ предложеніями изъ комерческаго міра и ему ровно ничего не стоило занять богатую позицію. Затѣмъ явились дополнительные статьи въ другихъ учрежденіяхъ, и въ скоромъ времени Корещенскій безъ особаго труда уже зарабатывалъ колоссальныя деньги.

Правда, и здѣсь онъ остался превосходнымъ работникомъ и его хорошо одаренная голова всегда выдѣляла его на первый планъ. Онъ умѣлъ и отстоять интересы учрежденія, и оказать услуги нужнымъ сановнымъ лицамъ, отъ которыхъ «многое» зависѣло, и получить заказъ, и ловко, чистенько отблагодарить.

Словомъ, вдругъ открылись въ немъ практическія способности, и онъ уже нисколько не жалѣлъ ни о профессорской карьерѣ, ни о потерянномъ служебномъ положеніи.

И такъ какъ онъ оставилъ службу, вслѣдствіе того, что разошелся во взглядахъ съ главнымъ вершителемъ внутренней политики Балтовымъ, который къ этому времени уже успѣлъ заслужить всеобщую ненависть, то въ видѣ придатка ко всѣмъ этимъ благамъ, онъ былъ еще носителемъ репутаціи передового человѣка.

Но это—да и ничто другое—не помѣшало ему возобновить пріятныя отношенія къ своему прежнему патрону. И онъ, правда, изрѣдка, главнымъ образомъ для поддержанія связей, бывалъ у Балтова на пріемахъ и вечерахъ, которые теперь часто устраивались въ министерской квартирѣ.

Тамъ была уже новая хозяйка,—красивая, породистая женщина, недавно носившая княжескій титулъ, который она предпочла фактическому могуществу.

Левъ Александровичъ женился безъ любви, но и безъ какого либо значительнаго расчета. Ему нужна была свѣтская женщина и онъ такую нашелъ.

Наталья Валентиновна не больше недѣли оставалась въ гостинницѣ. Изъ министерской квартиры ей прислали цѣлый возъ принадлежащихъ ей вещей. Тутъ были между прочимъ и драгоцѣнности, которыя были ей подарены Балтовымъ. Но она отобрала только то, что считала дѣйствительно ей принадлежащимъ,

остальное отправила обратно. На это не послѣдовало никакого возраженія.

Затѣмъ она собралась и уѣхала въ южный городъ. Здѣсь она завела сношенія съ остатками того кружка, къ которому принадлежалъ когда то Зигзаговъ. Это были немногіе, случайно уцѣлѣвшіе отъ погрома, кончившагося четырьмя, дѣйствительно совершенными, казнями и многими ссылками.

Ей это далось нелегко. Къ ней относились недовѣрчиво. Ея недавняя близость съ Балтовымъ служила ей преградой.

Но пріѣхалъ Володя. Въ Петербургѣ ему какъ-то ничто не удавалось. Точно какой то злой рокъ висѣлъ надъ нимъ. Онъ вернулся въ родной городъ, чтобы здѣсь заняться своей адвокатской профессіей.

Несмотря на родство съ Балтовымъ, его личность не была подвержена сомнѣнію. Ему довѣряли. И вотъ ему то и удалось растопить ледъ, мѣшавшій сближенію Натальи Валентиновны съ людьми, которые ей были нужны.

А нужны они были ей для дѣла, которое она считала своимъ священнымъ долгомъ. Она поставила задачей своей жизни возстановить доброе имя Максима Павловича.

Послѣ того, какъ онъ застрѣлился, правда, явилось колебаніе, и многіе стали думать, не впали ли они въ ошибку? Но не кому было воспользоваться этимъ настроеніемъ. Курчавинъ и его обычные сотрудники очень скоро забыли о своемъ «украшеніи». Люди эти были большею частью равнодушные, а для многихъ изъ нихъ добровольное устраненіе себя Зигзаговымъ было чистымъ выигрышемъ. Онъ своимъ талантомъ, своей необходимостью, устранялъ ихъ отъ первыхъ ролей въ журналистикѣ. Теперь они выплыли на поверхность.

Наталья Валентиновна энергично принялась за осуществленіе своей задачи. Она собирала у себя людей, говорила имъ о прошломъ, приводила доказательства. Предсмертное письмо Зигзагова къ ней было яркой иллюстраціей его ужасной душевной драмы. И оно сыграло важную роль. Его отослали за границу и напечатали въ одномъ изъ русскихъ органовъ, съ трудомъ тогда проникавшихъ въ Россію.

И она видѣла, что мало-по-малу ледъ растаялъ, имя Зигзагова совершенно очистилось отъ прилипшей къ нему грязи и онъ былъ признанъ честнымъ борцомъ за всѣмъ дорогое дѣло освобожденія родины.

Съ Балтовымъ она никогда не встрѣчалась.

И. Потапенко.

Конецъ.

ЭНЦИКЛОПЕДИСТЫ.

П. Дюкро.

Переводъ съ французскаго. **А. Т.**

Но *разумъ*, если не первобытныхъ людей, то, по крайней мѣрѣ, людей восемнадцатаго вѣка, имѣлъ, можетъ быть, право,—что, собственно, и было для нихъ важно,—судить современныя общество и правительство, сравнивать ихъ съ своимъ идеаломъ справедливости и свободы и, находя ихъ безконечно далекими отъ этого идеала, требовать, чтобы въ управленіи царила большая свобода, а въ обществѣ большая справедливость. Итакъ, ошибка, допущенная въ данномъ случаѣ энциклопедистами, есть ошибка во времени: не въ самыя отдаленныя времена, когда первобытный умъ былъ, такъ сказать, зататуированъ грубыми образами и дикими суевѣріями и разумъ еще дремалъ, а въ цивилизованныхъ обществахъ, по мѣрѣ ихъ развитія, этотъ, уже созрѣвшій, разумъ пріобрѣтаетъ все большее и большее право судить людей и ихъ взаимныя отношенія. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, кто-нибудь станетъ увѣрять, что граждане должны вѣчно безмолвно подчиняться законамъ, которыми они управляются, только въ силу древности этихъ законовъ, каковы бы они ни были? На основаніи какой, ничѣмъ необъяснимой, привилегіи общественныя учрежденія одни должны ускользать изъ подъ контроля разума? «Долгое злоупотребленіе, говорилъ Мирабо, есть злоупотребленіе какъ бы недавнее, и трудно заставить замолчать справедливость и истину». Провозглашенный, въ XVII вѣкѣ, владыкой въ философіи, разумъ предъявлялъ теперь свои права въ политикѣ; а нѣсколько лѣтъ спустя послѣ *Энциклопедіи*, привѣтствуя появленіе разума въ области соціальныхъ явленій, которая была ему до сихъ поръ строго запрещена, нѣмецкій философъ Гегель писалъ въ своей *Философіи исторіи*: «Анаксагоръ первый сказалъ, что умъ управляетъ міромъ; но теперь люди уже признаютъ, что мысль должна также управлять человѣческимъ обществомъ. Это признаніе было какъ бы великолѣпнымъ восходомъ солнца».

Какъ будто ослѣпленные новыми перспективами, открытыми разумомъ въ политикѣ, философы не разглядѣли всего, что было законнаго и неискоренимаго въ нѣкоторыхъ изъ традицій, которыя они думали искоренить и которыя должны были вскорѣ снова появиться подъ другими именами. Ихъ сурово упрекали въ этомъ ослѣпленіи, возлагая отвѣтственность за него на классическій разумъ XVII вѣка, вторгавшійся, въ область, ему не принадлежащую. Въ дѣйствительности,

то, что называютъ классическимъ разумомъ, есть лишь *литературное* наслѣдіе древности: мы имѣемъ здѣсь дѣло скорѣе съ разумомъ Картезіанцевъ, который, въ рукахъ энциклопедистовъ, уничтожаетъ учрежденія и прошлое общество, точно также, какъ въ «Бесѣдахъ о методѣ» Декарта онъ уничтожилъ, или думалъ уничтожить, все философское прошлое человѣчества.

Представленіе объ идеальномъ городѣ, которое вызываетъ Декартъ въ своей «Бесѣдѣ о методѣ», послужило до нѣкоторой степени прототипомъ того общества, о которомъ мечтали энциклопедисты; поэтому то ихъ ученики приступили прежде всего къ разрушенію стараго общественнаго зданія. Мы знаемъ все, что можно возразить и что возражали противъ подобныхъ идей и противъ подобнаго способа дѣйствія. Но для того, чтобы судъ нашъ былъ справедливъ къ обѣимъ сторонамъ, мы должны ясно представить себѣ ту историческую обстановку, при которой дѣйствовали обѣ стороны: раньше, чѣмъ обвинять только безумныхъ разрушителей, мы должны знать, соглашались ли хозяева общественнаго зданія, признаннаго всѣми никуда не годнымъ, приспособить его къ новымъ потребностямъ и къ законнымъ требованіямъ людей своего времени. Но мы видѣли, что случилось какъ разъ обратное. Можно-ли удивляться послѣ этого тому свирѣпому рѣшенію, къ которому пришли и философы, и революціонеры? «Намъ совсѣмъ не важно знать, воскликнулъ однажды Мирабо, согласно ли или несогласно съ нашимъ публичнымъ правомъ употребленіе lettres de cachet. Это право рушится со всѣхъ сторонъ, у насъ нѣтъ конституціи: обратимся къ принципамъ».

Разумъ одинаковъ у всѣхъ людей, сказалъ Декартъ, а энциклопедисты сдѣлали вполнѣ логическое добавленіе: всѣ граждане имѣютъ одинаковыя права. Передъ лицомъ очень древняго и почти священнаго догматизма, царившаго въ его время, Декартъ провозгласилъ полную независимость индивидуальной мысли,—ибо что можетъ быть индивидуальнѣе разума? Энциклопедисты, тѣмъ же Декартовскимъ методомъ, выводили отсюда, что каждый гражданинъ долженъ пользоваться неотъемлемой свободой внутри общества, какъ бы это общество ни было древне, и передъ лицомъ власти, каковы бы ни были ея притязанія на божественное происхожденіе. Это двойное освобожденіе мысли и воли прямо вело къ индивидуализму и его неизбѣжному слѣдствію—къ современному либерализму.

Кромѣ того, если мы станемъ разсматривать не происхожденіе обществъ въ доисторическія времена, которое всегда будетъ для насъ загадкой, а гораздо ближе знакомое намъ развитіе обществъ въ историческій періодъ, мы увидимъ, что общества прогрессировали по мѣрѣ того, какъ общественныя отношенія опредѣлялись свободными и точными договорами. Если необходимо признать, что первой соціальной единицей была семья, то со временемъ общественный прогрессъ мало-по-малу оторвалъ и освободилъ отъ узъ семьи личность и создалъ изъ нея даже новую соціальную единицу, вытѣснившую свою предшественницу. Съ этихъ поръ коллективныя права и обязанности семьи замѣняются свободнымъ договоромъ отдѣльныхъ лицъ между собой, и исторія цивилизаціи, въ особенности въ Западной Европѣ, втеченіе вѣковъ, заноситъ на свои страницы побѣды законныхъ договоровъ надъ несправедливыми или варварскими обычаями. Такъ, «исчезло рабство, уступая мѣсто договорнымъ отношеніямъ между слугой и хозяиномъ; отношенія такого же характера замѣнили опеку надъ жен-

щиной и надъ взрослыми дѣтьми» [1]). Но кто же, какъ не *разумъ*, руководимый идеаломъ справедливости, ввелъ свободные договоры вмѣсто обычаевъ, допускавшихъ произволъ, т.-е. фактъ замѣнилъ правомъ [2])? Поэтому, если энциклопедисты отводили разуму роль, которой онъ не могъ играть въ прошломъ человѣчества, они не ошиблись, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что въ XVIII вѣкѣ разумъ призванъ преобразовать общество и постепенно при помощи переходныхъ формъ приблизить его къ такой договорной ассоціаціи, которая относилась бы съ уваженіемъ ко всѣмъ видамъ свободы. Итакъ, если *политическій разумъ* и не древняго происхожденія, скажемъ мы, перефразируя извѣстное выраженіе M-me де-Сталь, то мы все-таки должны принять этого новаго пришельца, и праздновать его появленіе. Мы должны быть благодарны тѣмъ, кто своимъ чрезмѣрнымъ благоговѣніемъ передъ разумомъ помогъ ему выдвинуться и стать регуляторомъ современныхъ отношеній.

Нравственность, какъ и политика, также подчинена контролю разума, этого верховнаго владыки, всюду простирающаго свою власть. Поэтому изложимъ вкратцѣ, какъ разумъ философовъ отнесся къ католической морали и какъ, не удовлетворившись ею, старался замѣнить ее другими системами.

Много разъ указывали на заблужденія энциклопедистовъ относительно происхожденія и сущности религій, много разъ ихъ опровергали. Чтобы указать, насколько мы теперь далеки отъ ихъ ошибокъ, достаточно напомнить, что Кондорсе всѣ религіи объяснялъ «довѣрчивостью первыхъ простаковъ и ловкостью первыхъ обманщиковъ». Подобныя заблужденія, теперь уже опровергнутыя, объясняются двумя основными причинами, но изъ нихъ только одна, какъ увидимъ, должна быть поставлена на счетъ философамъ. Съ одной стороны, большая часть ложныхъ идей, высказанныхъ энциклопедистами по этому предмету, вытекала изъ ихъ незнанія исторіи религій, которую настоящимъ образомъ изучили только въ наше время. Зато ихъ вина состояла въ томъ, что они вообразили, будто разумъ объясняетъ все, даже религію, въ которой воображеніе играетъ главную роль [3]). Крайніе логики, доводя свою логику до крайности, они, не задумываясь, отвергали библейскіе разсказы только потому, что послѣдніе не выдерживали критики съ точки зрѣнія логическаго принципа противорѣчія. Напр., въ библіи встрѣчаются разсказы о чудесахъ, переданные достовѣрными свидѣтелями. Философы разсуждаютъ такъ: фактъ или вѣренъ, или не вѣренъ; но онъ навѣрное ложенъ, такъ какъ a priori немыслимъ; итакъ — достовѣрные свидѣтели, подтверждавшіе истинность факта, солгали, и вотъ вамъ тѣ «обманщики», которыхъ Кондорсе считаетъ основателями религій. Было еще однако третье рѣшеніе: если достовѣрные свидѣтели *думали*, что передъ ихъ глазами совершилось чудо, то фактъ самъ по себѣ могъ быть ложный, даже

---

[1]) Summer Maine: *L'ancien droit*, p. 160.

[2]) „Осужденіе рабства, сказалъ Боссюе, есть хула на Духа Св., который повелѣваетъ рабамъ, устами Св. Павла, оставаться въ своемъ первобытномъ состояніи и не обязываетъ господъ освобождать ихъ". (*Avertissement V, aux Protest*). На это Монтескьё отвѣтилъ въ своихъ знаменитыхъ главахъ, которыя дышатъ такой высокомѣрной ироніей надъ идеей рабства.

[3]) Съ точки зрѣнія ихъ разума, въ основѣ суевѣрія людей лежитъ аллегорія; напр., „коршунъ, пожирающій Прометея, есть только эмблема глубокихъ размышленій". (*Encyclopédie*: art. *Grecs*).

невозможный, хотя бы свидѣтели и не лгали. Но энциклопедисты какъ будто были лишены способности додуматься до этой третьей гипотезы и именно потому, что они приписывали этимъ свидѣтелямъ такой же разумъ, какимъ обладали сами.

Мы не считаемъ нужнымъ опровергать теорію XVIII вѣка о вѣроятномъ происхожденіи религій. Но интересно замѣтить, что въ вопросѣ, въ которомъ философы обращались исключительно къ разуму, ихъ объясненія даже не были особенно разумны. Въ самомъ дѣлѣ какая нелѣпость утверждать, что религію выдумали священники, когда не можетъ быть священниковъ до появленія вѣрованій и существованія многочисленныхъ вѣрующихъ. Точно также невозможно допустить, чтобы обманъ былъ единственнымъ средствомъ привлеченія первыхъ вѣрующихъ, такъ какъ, въ такомъ случаѣ, всѣ древніе народы должны быть круглыми дураками; вѣдь они всѣ безъ исключенія были религіозны; и какъ быть тогда съ *естественнымъ разумомъ*, которымъ сами же философы слишкомъ ужъ щедро надѣляли человѣчество во всѣ вѣка и во всѣхъ странахъ?

Въ самомъ дѣлѣ, если бы философовъ не ослѣпляло предубѣжденіе и своего рода фанатизмъ на выворотъ, они легко отыскали бы во всякой религіи два самыхъ дорогихъ для нихъ принципа: природу и разумъ. Что лучше всего отражаетъ *природный* геній каждаго народа, какъ не его религія? У грековъ она блещетъ изяществомъ и весельемъ, у Римлянъ—она обставлена формализмомъ и мелочностью, отъ нея пахнетъ кровью у Мексиканцевъ и т. д. Если, всѣ народы древности были религіозны, не слѣдуетъ ли отсюда тотъ выводъ, что религія свойственна первобытному человѣку, т.-е. тому, кого философы называли человѣкомъ природы. И только въ этомъ смыслѣ, и можно говорить о «естественной религіи»,—о томъ, что Кальвинъ называлъ *theologia naturalis innata*.

Затѣмъ, развѣ первыя вѣрованія не были какъ бы первымъ пробужденіемъ *разума*, который по скольку могъ, самъ себѣ объяснялъ явленія вселенной? Наконецъ, будь философы повнимательнѣе, они могли бы усмотрѣть въ религіяхъ, на самой зарѣ ихъ исторіи, элементы той же *выгоды*, которой философы придавали такое центральное значеніе. Если вѣрно, что первыя религіозныя чувства были вызваны не столько величественными явленіями природы, которыя волнуютъ или очаровываютъ насъ, но скорѣе тѣми силами, которыя, по мнѣнію первобытныхъ людей, могли дать имъ пищу или безопасность: напр., рѣки съ кишащими въ нихъ рыбами, съ плодороднымъ иломъ, благодѣтельный солнечный свѣтъ, разгонявшій ужасные кошмары ночи—энциклопедисты безъ труда могли бы додуматься до такого происхожденія религій, если бы только они болѣе здраво и безъ предвзятой мысли примѣняли къ изслѣдованію ихъ тѣ же принципы, которыми они объясняли все на свѣтѣ. Но они не могли допустить, чтобы «суевѣріе», подъ какимъ бы то ни было видомъ, преобладало надъ разумомъ, и коренилось бы своими ядовитыми корнями въ той самой природѣ всѣ произведенія которой совершенны. Оттого то они и не могли быть не только безпристрастны, но даже просто проницательны.

Правда, что защитники католицизма старательно выдѣляли его изъ первобытныхъ религій, которыя, можетъ быть, и были естественными, но по существу были «ложны». А философы отрицали это разграниченіе.

Мы постараемся уяснить себѣ не только то, что отрицали философы,

но и самое ихъ отрицаніе. Вѣдь, въ исторіи человѣческой мысли, отрицательный раціонализмъ не менѣе естественъ и не болѣе неожиданъ, чѣмъ примитивныя суевѣрія, отмѣчающія зарожденіе всякой религіи.

При зарожденіи всякаго культа, человѣкъ воображаетъ, что, путемъ установленныхъ церемоній, онъ входитъ въ непосредственныя сношенія съ божествомъ и отчасти воздѣйствуетъ на его божественную волю. Онъ увѣренъ, что вступаетъ въ непосредственное общеніе съ божествомъ и передаетъ другимъ то, что ему открыло всемогущее божество, а эти другіе, не сомнѣваясь, что въ довѣренной имъ тайнѣ заключается безусловная истина, благоговѣйно передаютъ ее своимъ потомкамъ и записываютъ ее на вѣчныя времена въ книги. Но во всемъ этомъ нѣтъ ни плутовства, ни обмана.

Наступаетъ, однако, моментъ, когда *разумъ* находитъ въ этихъ преданіяхъ недостатки и противорѣчія, слишкомъ явно изобличающіе человѣческую природу авторовъ. Тогда тотъ же разумъ, продолжая свое дерзкое, но неизбѣжное изслѣдованіе, начинаетъ объяснять по своему, т.-е. заранѣе обдуманными ухищреніями и сознательной ложью, то, что складывалось само собою, подъ вліяніемъ самаго искренняго энтузіазма. Эту ошибку въ древности дѣлали греческіе софисты, увѣряя, что культы—выдумка жрецовъ и королей. Такъ думали и въ концѣ среднихъ вѣковъ, когда сравненіе различныхъ религій привело къ тому неопредѣленному раціонализму, который облекся въ популярную форму въ извѣстной баснѣ о «трехъ обманщикахъ». Наконецъ, въ эпоху, о которой мы говоримъ, философы—энциклопедисты также толкуютъ и не вѣрно толкуютъ, непонятныя для нихъ тайны культовъ. Несомнѣнно, что каждый вѣрующій человѣкъ имѣлъ право бросить въ лицо этимъ раціоналистамъ, отлично объясняющимъ для нихъ самихъ непонятныя вещи, извѣстное восклицаніе Паскаля: «смирись, безсильный *разумъ*, и знай, что человѣкъ безконечно превосходитъ пониманіе человѣка» [1]). (Humiliez vous, raison impuissante, et apprenez, que l'homme passe infiniment l'homme).

Въ задачу философовъ входила борьба съ понятіемъ вообще о сверхъестественномъ. Мнѣ кажется, что существуютъ четыре различныхъ отношенія къ сверхъестественному. Во-первыхъ, его безъ всякой критики принимаютъ за то, за что его выдаютъ, за фактъ. Такъ нѣкогда Геродотъ допускалъ и наивно передавалъ миѳологическія басни самыхъ удивительныхъ культовъ. Также поступала и католическая церковь, считавшая, что важно не толкованье, а вѣра. Во-вторыхъ существуетъ извѣстное объясненіе Эвемера (Evhémère), по которому боги, это — древніе короли или жрецы, обоготворенные послѣ смерти. Это называется свести сверхъ-естественное миѳологическое начало культа къ естественнымъ явленіямъ; теорія эта, которую наши философы нашли остроумной, обращала всѣ чудесные миѳологическіе разсказы въ интересныя загадки, которыя оставалось только разгадывать.

Въ третьихъ, согласно излюбленному объясненію философовъ, дѣлавшему меньше всего чести человѣчеству, все сверхъ-естественное низводилось на степень наглаго обмана, при помощи котораго основатели религій завоевали себѣ власть и обаяніе надъ толпой глупцовъ. Эта теорія уступила, наконецъ, въ XIX вѣкѣ, мѣсто толкованію менѣе

---

[1]) Эти соображенія можно найти въ прекрасныхъ трудахъ Пфейдфера о Религіи и Исторіи Религіи (по-нѣмецки).

унизительному для человѣческой природы: основатели религій далеко не всегда по доброй волѣ совершаютъ чудеса; но очень часто ихъ навязываетъ имъ настойчивая вѣра учениковъ, часто чудо совершается совмѣстно тѣми, въ кого вѣрятъ и тѣми, кто вѣритъ—и кто требуетъ чуда, чтобы укрѣпить свою вѣру.

Не надо только забывать слѣдующаго: если новѣйшая критика осмѣлилась коснуться самыхъ текстовъ, тѣхъ текстовъ, къ которымъ нѣкогда было примѣнимо извѣстное выраженіе Вольтера, въ его серьезномъ значеніи: «Они священны, такъ какъ никто не смѣетъ къ нимъ прикоснуться», то и здѣсь сказалось вліяніе философовъ, пріучившихъ насъ смѣлѣе обращаться съ миѳологическими разсказами. Если философы не сумѣли объяснить сущности вѣры, то они, по крайней мѣрѣ, добились своей научной пропагандой и—почему не сказать правды?—взрывами смѣха, исчезновенія многихъ легендарныхъ происшествій. Освободившись, благодаря имъ, отъ суевѣрныхъ розсказней, мы получили возможность дать этимъ разсказамъ болѣе безпристрастное и болѣе серьезное, но все таки раціоналистическое, толкованіе. Хотя современная экзегетика и требуетъ знанія и тонкаго анализа, которыхъ недоставало энциклопедистамъ, но во что бы она обратилась безъ *критическаго разума?* А критическій разумъ, даже съ его спеціальными пріемами изслѣдованія, не былъ уже настолько чуждъ энциклопедистамъ, какъ это принято думать: говорятъ, напр., что Вольтеръ имѣлъ очень ясное понятіе и о вліяніи александрійской философіи на христіанство, и о происхожденіи четвертаго Евангелія.

Прибавимъ, наконецъ, что, когда Вольтеръ и его друзья, ожесточенно, даже, если хотите. съ недостойнымъ ослѣпленіемъ, обвиняли основателей католицизма въ обманѣ, то вѣдь они только примѣняли къ католической религіи тотъ же приговоръ, которымъ она клеймила всякую не католическую религію. Философы, сражаясь противъ привилегій въ государствѣ, изгнали ихъ и изъ области церкви. Они одинаково относились и къ суевѣріямъ древнихъ, и къ новѣйшимъ ересямъ, и къ религіи, которая называла себя единственно истинной. Въ ущербъ послѣдней возвышая другія вѣрованья, они поставили всѣхъ ихъ на одинъ уровень и дали такимъ образомъ возможность будущимъ историкамъ примѣнять къ нимъ болѣе выработанные, и въ то же время, болѣе безпристрастные критическіе пріемы.

Не рисковали-ли философы, въ этой безпощадной войнѣ противъ католичества убить и самую нравственность, которой религія до тѣхъ поръ служила, а, по словамъ ихъ противниковъ, и должна была всегда служить самымъ прочнымъ и единственнымъ основаніемъ? Мы подходимъ къ послѣднему вопросу, одному изъ самыхъ щекотливыхъ, но съ практической точки зрѣнія самому важному изъ всѣхъ, которые были подняты философіей XVIII вѣка.

Должны-ли мы исключить изъ числа борцовъ всѣхъ тѣхъ, кто, какъ Вольтеръ, хотѣли только, по ихъ же словамъ, «очистить», а не уничтожить католичество, потому что видѣли въ немъ «спасительную узду», необходимую для общественнаго порядка и, въ частности, для ихъ собственнаго покоя? Исповѣдуя сами религію, свободную отъ всякихъ суевѣрій, которую они называли «естественной религіей», они ограничили свой скромный и туманный *credo* нѣсколькими очень простыми догматами, которые, по ихъ мнѣнію, могли удовлетворить истиннаго философа: воздающій по заслугамъ и карающій Богъ, безсмертная душа и «нравственные принципы, общіе всему человѣческому

роду». Не будемъ придавать этой естественной религіи болѣе серьезнаго значенія, чѣмъ это дѣлали сами ея послѣдователи, она была естественной только для тѣхъ, кто зналъ наизусть ея катехизмъ, а не была даже религіей, такъ какъ она не отводила мѣста потребностямъ сердца. Итакъ, отвѣсимъ глубокій поклонъ «божественному часовщику»—этимъ и ограничивались деисты—и перейдемъ прямо къ атеистамъ, которые одни были послѣдовательны въ партіи энциклопедистовъ. Посмотримъ сперва, каковы ихъ взгляды на этотъ постоянный союзъ нравственности и религіи, а затѣмъ постараемся узнать, надѣялись-ли они основать нравственность помимо религіи и какова была эта нравственность.

Прежде всего, они прекрасно видѣли, какъ опасно ставить нравственность въ зависимость отъ религіи, и, какъ и слѣдовало ожидать, настойчиво на это указывали. Если бы еще Богъ самъ диктовалъ намъ свои повелѣнія, но «повинуясь Богу—повинуются въ сущности священникамъ. За Бога говоритъ католическая церковь» [1]). А кто же эти священники?—люди, способные ошибаться: и тутъ цитировались промахи Кавейрака или Помпиньяна; въ ихъ умахъ царитъ разладъ: приводятся мелочные споры іезуитовъ и янсенистовъ. Хуже того—это развратники, а среди тогдашняго духовенства ихъ было черезъ чуръ много и среди людей слишкомъ извѣстныхъ; и, наконецъ, эти люди хотя и слабые и недостойные, но фанатики и палачи. Вольтеръ былъ правъ, преувеличивая, конечно, умышленно, но въ то же время съ законнымъ и искреннимъ негодованіемъ: «Догматъ заставилъ умереть мучительной смертью десять милліоновъ христіанъ; мораль не произвела бы и царапины».

Такъ какъ нравственность была отождествлена съ католичествомъ, а католичество воплощалось въ духовенствѣ, то всѣ ошибки, совершенныя духовенствомъ, отражались и на религіи. А расшатанная религія угрожала въ свою очередь увлечь въ своемъ паденіи и нравственность. Уже въ XVI вѣкѣ общественная совѣсть начала съ того, что *протестовала* противъ дурныхъ нравовъ духовенства; затѣмъ, такъ какъ духовенство составляло съ церковью одно цѣлое, она обратила свое оружіе противъ самой церкви, и тогда изъ нравственнаго протеста выросла религіозная «Реформа». Въ XVIII вѣкѣ прежде всего начинаютъ сомнѣваться въ католичествѣ; но, такъ какъ въ то время, не понимали какой бы то ни было нравственности внѣ религіи, то отказаться отъ послѣдней значило остаться безъ нравственныхъ принциповъ. Вотъ почему вольность нравовъ была такъ тѣсно связана съ вольнодумствомъ: «Всякій человѣкъ, отбросившій религію, на которой, какъ ему говорятъ, построена нравственность, подумаетъ, что эта нравственность такъ же, какъ и ея основа,—химера. Отъ того-то слова *невѣрующій* и *вольнодумецъ* стали къ несчастью синонимами» [2]). Въ XVIII вѣкѣ стали, наконецъ, одинаково презирать католичество и нравственность, такъ какъ эти понятія были неотдѣлимы другъ отъ друга. Такимъ образомъ, такъ какъ и религіозное, и нравственное убѣжденіе было неразрывно связано съ религіозной обрядностью, т.-е. съ церковью, то вмѣстѣ съ частичнымъ, въ теченіе вѣковъ совершав-

---

[1]) Гольбахъ: *Le Christianisme dévoilé*. „Нравственность можетъ быть безъ религіи и религія безъ нравственности“. *Encyclop.*, *art. Irréligieux.*

[2]) Гольбахъ, ibid.

шимся, разрушеніемъ всего зданія, происходило аналогичное распаденіе и общественной совѣсти. Пока, наконецъ, крушеніе всего зданія, дѣйствительное или только мнимое, не привело философовъ къ самому радикальному скептицизму. Слѣдовательно, этотъ атеизмъ не былъ цѣликомъ созданъ философами, какъ религія не была изобрѣтена священниками; но для философовъ онъ явился какъ бы послѣднимъ убѣжищемъ, куда ихъ загнала несговорчивость духовенства. Энциклопедистовъ заставило еще больше погрузиться въ атеизмъ то обстоятельство, что церковь, какъ мы указали, противилась не только успѣхамъ науки и разума, но даже соціальнымъ реформамъ, которыхъ, однако, все болѣе и болѣе настойчиво требовало общественное мнѣніе. Церковь отвергала эти законныя реформы, и казалось, что, работая надъ ихъ выполненіемъ, надо было прежде всего порвать съ церковью; такимъ образомъ философы дѣлались скептиками не только по требованію разума, но еще изъ патріотизма и человѣколюбія.

Теперь намъ стало понятнѣе, почему энциклопедисты видѣли, или хотѣли видѣть, только зло, причиненное католической религіей. Въ ихъ глазахъ все хорошее, что она сдѣлала и могла еще сдѣлать, уничтожалось тѣмъ существеннымъ вредомъ, который современное имъ духовенство причиняло наукѣ и обществу. Философы забывали, что наивныя средневѣковыя вѣрованія, которыя они безпощадно осмѣивали въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, давали душевный миръ тысячамъ людей; кромѣ того они не знали, что религія была не только великой утѣшительницей обездоленныхъ, но въ теченіе всей исторіи, и самой могущественной союзницей нравственности и цивилизаціи. Если, дѣйствительно, для человѣка, какъ животнаго, руководящагося привычкой, нравственность была сначала только сводомъ обычаевъ, установленныхъ въ каждомъ племени, то именно религія, возведя эти обычаи на степень божественныхъ предписаній, мало по малу насаждала ихъ въ сердцахъ людей. Она упрочила власть этихъ предписаній, заставляя самихъ боговъ мстить за малѣйшее нарушеніе обычаевъ, ставшихъ съ этихъ поръ священными. Сама цивилизація, прогрессирующая вмѣстѣ съ повышеніемъ нравственнаго идеала человѣчества,—данница смѣняющихъ одна другую религій, такъ какъ каждая изъ нихъ, вытѣсняя свою соперницу, выдвигаетъ болѣе высокіе, болѣе утонченные принципы нравственности. Кромѣ того, всѣ религіи по существу отличаются склонностью къ пропагандѣ и завоеваніямъ, и поэтому каждая изъ нихъ въ свою очередь, перенося за предѣлы родной ей страны новый и лучшій идеалъ и освѣщая имъ міръ, была настоящимъ проводникомъ нравственности и цивилизаціи. Такимъ образомъ, всѣ культы въ различной степени, способствовали всеобщей культурѣ [1]).

Несомнѣнно, что христіанство больше, чѣмъ всякая другая рели-

---

[1]) Тюрго въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ выяснилъ, въ самый моментъ выхода въ свѣтъ *Энциклопедіи*, блестящія заслуги, оказанныя церковью цивилизаціи въ теченіе среднихъ вѣковъ, такъ обезславленныхъ философами: „Когда почти вся литература рушилась, ты одна, о святая религія! создавала еще писателей, которыхъ одушевляло желаніе научить вѣрныхъ; и когда Европа стала добычей варваровъ, ты одна сдерживала ихъ жестокость; ты одна увѣковѣчила знаніе уничтоженнаго латинскаго языка; одна ты передавала, на протяженіе стольких вѣковъ, духъ стольких великихъ людей, ввѣренный этому языку; и сохраненіе сокровищницы человѣческихъ знаній, готовой разсыпаться, есть одно изъ благодѣяній". (Рѣчь въ Сорбоннѣ, сказанная 11-го декабря 1750 г.). Срав. по этому же вопросу прекрасное подробное изложеніе Тэна въ началѣ его книги: *Старый порядокъ*.

гія, служило,—больше того,—создавало по своему подобію, кроило по своему образцу современную культуру. Мы не станемъ поэтому перечислять, опровергая философовъ, всѣхъ великихъ идей и всѣхъ благородныхъ чувствъ, которыми и мы, и сами философы, не подозрѣвая этого, обязаны этой христіанской и въ частности католической церкви. Замѣтимъ только, что даже тѣ крайности католическаго ригоризма, на которыя больше всего нападали энциклопедисты, не остались безъ вліянія на подъемъ идеала и, слѣдовательно, на усиленіе внутренняго достоинства человѣчества. Средневѣковые святые и аскеты, такъ осмѣянные Вольтеромъ, побѣждая въ самихъ себѣ и своимъ заразительнымъ примѣромъ сдерживая въ другихъ эгоизмъ и грубые аппетиты, вносили въ міръ добродѣтельную восторженность и безуміе христіанскаго героизма. Несомнѣнно, что совѣсть послѣдующихъ поколѣній наслѣдовала ихъ муки и закалялась въ ихъ слезахъ.—Слѣдуетъ-ли, однако, изъ этого, что мы должны вѣчно приносить наши мысли и нашу жизнь въ жертву католическимъ догматамъ и аскетизму? Нельзя-ли придумать такую этику, которая, не унижая нравственнаго прошлаго человѣчества, нашла бы себѣ другую основу и предложила бы людямъ какой-нибудь другой идеалъ, не сходный съ католическимъ? Такую именно мораль и разсчитывали предложить философы. Разсмотримъ безпристрастно, каково было внутреннее достоинство этой системы, не покоющейся на метафизическомъ началѣ.

Первый писатель, осмѣлившійся въ XVIII вѣкѣ утверждать, что разумъ можетъ, безъ посторонней поддержки, безъ всякихъ метафизическихъ принциповъ. создать нравственность порядочныхъ людей,—былъ авторъ «Разоблаченнаго христіанства», «Системы природы» и многихъ другихъ анонимныхъ произведеній,—баронъ Гольбахъ. Безконечныя нападки Гольбаха на идоловъ и на «идолопоклонниковъ», кажутся намъ теперь, конечно, смѣшными, и мы согласны съ Гримомъ, что все, что было испечено фирмой Михаила Ре (издателя Гольбаха), не стоитъ Фернейской манны. Зато, если Гольбахъ уступаетъ Вольтеру въ способности развлекать читателя своими разсказами, онъ послѣдовательнѣе его и больше подходитъ къ типу истиннаго философа. Одинъ изъ самыхъ ожесточенныхъ противниковъ энциклопедіи, Бержье, предавъ анаѳемѣ доктрину Гольбаха, воздалъ должное его честности и силѣ его мысли: «На деизмѣ долго не продержишься и авторъ «Разоблаченнаго христіанства», болѣе искренній и болѣе послѣдовательный, чѣмъ другіе, громко исповѣдуетъ отрицаніе религіи. Дальше этого философія итти не можетъ». Дѣйствительно, если признать, что достаточно двухъ излюбленныхъ принциповъ философовъ—природы и разума,—другъ друга взаимно регулирующихъ, чтобы все объяснить, если признать, что все естественное разумно, то развѣ мы тогда не имѣемъ права думать, что Богъ есть безполезная гипотеза, а, думая такъ, развѣ мы не обязаны это высказать? Таково было мнѣніе Гольбаха: «Если истина полезна людямъ, несправедливо лишать ихъ ея, а если допустить извѣстную истину, надо признать и вытекающіе изъ нея выводы, которые также истинны».

Одинъ изъ наиболѣе вѣрныхъ выводовъ философіи XVIII вѣка—это, что можно быть очень честнымъ человѣкомъ и не вѣрить въ Бога,—и заслуга этого вывода, сдѣланнаго со всей ясностью и провозглашеннаго безъ всякихъ обиняковъ, принадлежитъ Гольбаху.

Подобная истина теперь кажется намъ совсѣмъ простой; однако, Гольбаху первому принадлежитъ не формулировка (это было сдѣлано

Бейлемъ), а ея догматическая защита и распространеніе—это одинъ изъ тѣхъ фактовъ, которые лучше всего доказываютъ, какъ медленно развивалась свободная мысль. Ея движеніе замедлялось не только нетерпимостью вѣрующихъ, но еще и противорѣчіями и недомолвками скептиковъ, изъ которыхъ одни не умѣли, а другіе не смѣли довести свой скептицизмъ до конца. Для большинства людей XVIII вѣка скептикъ былъ чуть не синонимъ негодяя: «На него смотрятъ,—говоритъ Гольбахъ,—какъ на существо вредное, какъ на заразу», и цитируетъ Аббади, который выставляетъ сына—скептика готоваго «убить своего отца, чтобы воспользоваться наслѣдствомъ, какъ только представится къ тому удобный случай [1])». Гольбахъ долженъ былъ скрывать свое имя не только, чтобы избѣжать Бастиліи, но и чтобы не потерять друзей, большинство которыхъ не подозрѣвало о его литературныхъ преступленіяхъ. Тринадцать лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ его главнаго труда, Мерсье, скорѣе благосклонный къ энциклопедистамъ, пишетъ въ своихъ *Картинкахъ Парижа*: «У меня вездѣ спрашиваютъ имя автора *Системы природы*, какъ будто я его знаю. Этотъ ужасный авторъ таится въ густомъ мракѣ: пусть-же его имя на вѣки погибнетъ во мракѣ, въ неизвѣстности!» Его проклинаютъ, не зная его, и вѣрующіе, которыхъ онъ задѣваетъ,—и философы, которыхъ онъ компрометировалъ; его бранилъ Вольтеръ, видѣвшій въ его системѣ только «глубокую нелѣпость»; на него косился Гриммъ, предлагавшій аристократически-высокомѣрному вниманію своихъ корреспондентовъ «пошлыя рѣчи о добродѣтели» этого атеиста, не почитавшаго ни сильныхъ міра сего, ни самого Бога. Но Гольбахъ спокойно продолжалъ, подъ разными псевдонимами, а иногда пользуясь перомъ своего интимнаго повѣреннаго, Дидро, яростно нападать на поповъ и королей и излагать свои непоколебимые доводы въ пользу нечестивой, но «человѣческой» морали.

Онъ поднимаетъ и направляетъ противъ католичества то вѣковое обвиненіе, которымъ они давили скептиковъ. Перечисливъ всѣ пагубныя послѣдствія, для общественной жизни, аскетизма и безбрачія, выставивъ католическую церковь врагомъ науки, даже прогресса торговли и промышленности, такъ какъ, по ея ученію, здѣсь, на землѣ, нужно заботиться исключительно о своемъ спасеніи, Гольбахъ дѣлаетъ смѣлое заключеніе, принимая на свой личный страхъ общія разсужденія Бейля, что не общество скептиковъ не мыслимо,какъ говорили до и послѣ Бейля, а не мыслимо общество, состоящее изъ послѣдовательныхъ католиковъ: «Если слѣдовать *во всей строгости* принципамъ католицизма, то никакое политическое общество не могло бы существовать». Безъ сомнѣнія, можно не соглашаться съ этимъ и другими подобными же положеніями Гольбаха, но нельзя отрицать, что многіе его доводы, направленные противъ католицизма, не лишены значенія; къ нимъ возвращались, въ другихъ выраженіяхъ, современные писатели, которымъ невозможно отказать ни въ душевной высотѣ, ни въ независимости мысли. Затѣмъ надо замѣтить, что послѣ появленія *Системы природы*, скептицизмъ пересталъ быть чѣмъ то предосудительнымъ: съ этихъ поръ онъ дѣлается просто извѣстнымъ мнѣніемъ, которое открыто могутъ высказывать честные люди. «Если исключить его отношеніе къ религіи, говорили иногда, то онъ порядочный человѣкъ.— Каково исключеніе!—восклицалъ Бурдалу,—за исключеніемъ религіи!

---

[1]) Abbadie: *De la verité de la religion chrétienne*, t. I, ch. 18.

Т.-е., это очень порядочный человѣкъ, только онъ держится принциповъ, которые разрушатъ всякія сношенія, всякое довѣріе между людьми. Однимъ словомъ, это очень честный человѣкъ, только у него нѣтъ ни чести, ни совѣсти. Испытайте ка его и довѣрьтесь ему: вы увидите, что это за порядочный человѣкъ!»[1]) И это увидали: честность Гольбаха доказывала, что можно жить съ отъявленнымъ скептикомъ; не ставя его ни выше, ни ниже большинства его современниковъ, мы имѣемъ право сказать, что онъ жилъ такъ, какъ совѣтовалъ жить послѣдователямъ своей философіи. «Онъ тѣмъ добросовѣстнѣе исполнялъ свои обязанности, что другіе подозрительно относились къ его чувствамъ; его наклонности и привычки не набросили ни малѣйшей тѣни на его систему, а скорѣе послужили въ ея защиту«[2]).

Каковы же могутъ быть нравственные принципы человѣка, скептиковъ вродѣ Гольбаха или Дидро, или такихъ, которые, какъ нѣкоторые другіе энциклопедисты, будучи послѣдовательными отрицателями, искали внѣ метафизики правилъ для своего поведенія? Уже Монтескье сказалъ въ своихъ *Персидскихъ письмахъ*: «Если бы не было Бога, свободные отъ ярма, налагаемаго на насъ религіей, мы не должны бы были быть свободными отъ ярма, налагаемаго справедливостью». Но откуда берется справедливость, и кто наложитъ на насъ ея ярмо? Задача очень серьезная; философы разрѣшили ее двумя весьма различными способами, смотря по тому, приступали ли они къ ней, вооружась тѣмъ или инымъ изъ двухъ методовъ, между которыми они, какъ мы видѣли, такъ часто колебались: методомъ чисто раціоналистическимъ или экспериментальнымъ. Посмотримъ сперва, что имъ подсказалъ первый.

Философы были убѣждены, что разумъ у людей всѣхъ временъ и народовъ одинъ и тотъ же, по крайней мѣрѣ, въ основныхъ идеяхъ, и, изслѣдуя содержаніе собственнаго разума, они нашли, что нѣкоторыя изъ этихъ идей были идеями справедливости и свободы. Отсюда они заключили, что эти идеи вѣчны и что нѣтъ въ мірѣ ничего естественнѣе принциповъ права и связанныхъ съ ними понятій объ обязанности. Если бы они наблюдали, то очень быстро убѣдились бы въ противномъ: если бы они знали чужеземные или дикіе народы, на которыхъ они такъ часто ссылались, то увидали бы, что ихъ нравы не согласовались съ ихъ доктриной о всеобщихъ врожденныхъ обязанностяхъ.

Впрочемъ, не философы выдумали эти пресловутые неписанные законы, потому что, если они и не вѣчны, то во всякомъ случаѣ также древни, какъ исторія и поэзія. Извѣстно, что въ *Царѣ Эдипѣ* хоръ помѣщаетъ эти законы у подножія трона Юпитера, который самъ повинуется имъ наравнѣ съ простыми смертными. Но эта плодотворная, хотя и ложная идея естественнаго и одинаковаго для всѣхъ права, была особенно распространена въ императорскомъ Римѣ и перешла въ жизнь. Она упростила и улучшила римское право, такъ какъ естественные законы, въ томъ видѣ, какъ ихъ формулировали стоики, должны были быть проще и шире древняго писаннаго права. Такъ, Сенека сказалъ, что «боги были прародителями всѣхъ людей»; въ томъ же духѣ написалъ Ульпіанъ: «По естественному праву, всѣ люди

---

[1]) Pensées diverses sur la foi.

[2]) Наиболѣе безпристрастный анализъ *Системы природы* Гольбаха находится въ *Histoire du matérialisme* (Исторія матеріализма), Ланге, I, 377.

рождаются свободными и равными». Трудно согласиться съ тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ существуетъ естественное право, т.-е., индивидуальное, предшествующее всякому законодательству и всякому обществу. Вѣдь, всякое право ничто, если оно не установлено противъ когонибудь и не признано какимъ-нибудь договоромъ. Паскаль, еще раньше, однимъ словомъ поколебалъ эту упрощенную теорію энциклопедистовъ о происхожденіи права: «Что такое наши естественные принципы, какъ не принципы, созданные привычкой? Я очень боюсь, что эта природа сама ничто иное, какъ первая привычка».

Но энциклопедисты, у которыхъ полемика и практическая философія стояли на первомъ планѣ, не столько интересовались истинностью своей юридической теоріи, сколько тѣми выгодами, которыя они могли изъ нея извлечь. Они не могли придумать лучшаго оружія противъ привилегій и освящающихъ ихъ законовъ, какъ эта либеральная доктрина правъ, предшествующихъ всякому закону и всякому обществу. Въ ихъ глазахъ она была еще новой формой и какъ бы лишнимъ доказательствомъ того естественнаго состоянія, которое они, правильно или неправильно, но очень ловко противопоставляли современному состоянію общества. Во имя тѣхъ же естественныхъ правъ, они протестовали противъ несправедливости господствующихъ законовъ: «Съ 1740 г., пишетъ Мирабо,—болѣе 400,000 браковъ заключено въ пустынѣ, что послужило обильнымъ источникомъ скандальныхъ процессовъ и позорныхъ несправедливостей. Суды очутились между двухъ огней: съ одной стороны *законъ естественный*, а съ другой законы положительные и несправедливые». Надо прочесть горделивое обращеніе Мирабо къ деспотизму, гдѣ онъ говоритъ, что даже ихъ право на реформы останавливается передъ непреодолимой преградой неписанныхъ правъ, и изъ которыхъ даже съ точки зрѣнія государственной пользы, одно изъ самыхъ священныхъ это право гражданина на личную свободу. «Конечно, государство должно вводить реформы, которыя бы уничтожили злоупотребленія. Но надо, чтобы эти реформы согласовались съ нашими естественными правами, чтобы не было посягательствъ на законы вѣчные, ради исправленія положительныхъ законовъ; чтобы власть не преступала тѣхъ границъ, которыя назначены ей природой. Даже подъ предлогомъ общественнаго блага нельзя требовать отъ кого бы то ни было, чтобы онъ жертвовалъ своей естественной свободой, такъ какъ общество обязалось ее охранять» [1]).

Этого мало: общество не только *поддерживаетъ*, оно создаетъ всѣ эти такъ называемыя естественныя права, такъ какъ безъ нихъ оно само не могло бы удержаться. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, люди могли бы жить въ обществѣ, если бы не существовало извѣстныхъ правилъ поведенія, мало-по-малу принятыхъ всѣми. За нарушеніе ихъ общество или налагаетъ опредѣленныя наказанія, и отсюда зарождаются общественные законы, на которыхъ исключительно и основано право, или же они караются всеобщимъ неодобреніемъ и отсюда зарождается нравственность. Слѣдовательно, общественная совѣсть является раньше совѣсти индивидуальной, такъ какъ сначала зло то, что противно обычаямъ, а, слѣдовательно, и интересамъ племени, и виновный наказывается ко всеобщему удовлетворенію. Поэтому можно сказать, что эту, такъ называемую естественную и врожденную, нравственность порождаетъ разсчетъ, привычка укрѣпляетъ ее, а наслѣдственность

---

[1]) *Lettres de cachet*, 137, 290

передаетъ послѣдующимъ поколѣніямъ и своей передачей освѣщаетъ ее. Нравственность, установленная такимъ образомъ, сперва грубая, какъ и ея творцы, не только становится съ вѣками идеальнѣе и совершенствуется, но, подобно культамъ, забываетъ свое чисто человѣческое происхожденіе по мѣрѣ того, какъ отъ него удаляется. Наступаетъ, наконецъ, день, когда она господствуетъ своимъ ли собственнымъ именемъ, или именемъ боговъ, надъ потомками тѣхъ, кто ее изобрѣлъ и силой убѣжденія, а, можетъ быть, и просто силой, ввелъ среди своихъ современниковъ. Эти странныя и величественныя превращенія, которымъ подвергалась нравственность, ускользнули отъ вниманія энциклопепистовъ. Они отнесли къ первобытнымъ временамъ и назвали естественнымъ правомъ то идеальное право, которое медленно вырабатываютъ цѣлые ряды поколѣній, вносящихъ въ него болѣе гуманныя и болѣе широкія начала. Зато они хорошо понимали, что очень важно въ вопросахъ нравственности—объяснить, почему должно, или—практически это одно и то же—почему люди *думаютъ*, что *должно* дѣлать добро.

На этотъ разъ энциклопедисты попытались разрѣшить трудную задачу опытнымъ методомъ и при помощи его основать пресловутую «естественную нравственность», съ которой мы должны познакомить читателя, оцѣнивъ ее въ нѣсколькихъ словахъ.

Нравственность философовъ была *естественна* и въ самыхъ своихъ основаніяхъ: «Нужно повиноваться требованіямъ своей дѣйствительной выгоды», и въ заключеніи: «чтобы быть счастливымъ здѣсь, на землѣ». Итакъ, философы низвели нравственность съ неба на землю; но, развѣнчивая эту башню, не лишили-ли они ее, вмѣстѣ съ прежнимъ престижемъ, и той дѣйствительной власти, которую она имѣла надъ душою людей, и можетъ-ли ихъ чисто человѣческая нравственность внушить людямъ понятіе о долгѣ?

Не вдаваясь въ новое подробное изслѣдованіе утилитаризма, который разбирался многими профессіональными философами, замѣтимъ только, что эти проповѣдники утилитарной нравственности, въ общемъ, больше, чѣмъ сами того желали, сходились съ католичествомъ. Вѣдь, для людей набожныхъ, какъ и для скептиковъ, главнымъ или, скорѣе, единственнымъ жизненнымъ двигателемъ было общее же стремленіе къ счастью? Разница только въ томъ, что философы хотѣли удовлетворить стремленіе здѣсь, на землѣ, а люди набожные откладывали его удовлетвореніе, для большей полноты, до будущей жизни. Даже Паскаль,—одинъ изъ самыхъ доблестныхъ, самыхъ возвышенныхъ душъ среди христіанъ и мыслитель, вызывавшій столько споровъ, котораго философы не напрасно боялись,—даже онъ раздавалъ милостыню бѣднымъ изъ страха передъ адомъ? «Онъ считалъ неисполненіе этого добраго дѣла достаточнымъ поводомъ къ возмездію» [1]). Религіозному человѣку незачѣмъ заботиться «о мірѣ, въ которомъ, по ученію церкви, мы только временные гости». Если вѣрить аскетамъ, «мужчины и женщины существуютъ на землѣ только для того, чтобы влачить свое существованіе въ разныхъ темницахъ» [1]). Философы же полагаютъ, что презрѣніе къ міру и аскетизмъ не согласуются ни съ «цѣлями *природы*», ни съ требованіями *общества*. Нѣтъ,—восклицаетъ Гольбахъ,—«природа вовсе не была злой мачихой для своихъ дѣтей»,

---

[1]) Гольбахъ: *Le christianisme dévoilé*.
[1]) Вольтеръ: *Diner du comte de Boulainvilliers*.

а что касается «дѣятельности страстей, честолюбія, то въ этомъ и состоитъ жизнь общества». Поэтому не надо и уничтожать страсти, отказаться отъ удовольствій, сдѣлаться собственными врагами, словомъ, искажать свою природу». Надо только руководить страстями и направлять нашу природу на путь добродѣтели, *то-есть* къ интересамъ общества. Вѣдь, добродѣтель несомнѣнно общественнаго характера, такъ какъ обязанность «человѣка, живущаго въ обществѣ», состоитъ въ томъ, чтобы находить личный интересъ въ интересѣ общемъ, дѣйствительно обнимающемъ первый. Быть добродѣтельнымъ значитъ давать счастье другимъ.

Работать для счастья другихъ значитъ намѣтить себѣ цѣль достаточно нравственную и возвышенную. Но развѣ это дѣйствительно *естественная* нравственность. Да и какъ заставить людей, которыхъ *природа* создала такими глубокими эгоистами, исполнять ея требованія. Надо доказать имъ, что ихъ эгоистическіе интересы, вѣрно понятые, сливаются съ общественнымъ благомъ и въ немъ же удовлетворяются. Это очень вѣрно, говоря вообще, но во многихъ частныхъ случаяхъ далеко не очевидно, а между тѣмъ въ жизни мы имѣемъ дѣло только съ частными фактами. Философы хорошо понимали, что утверждать легче, чѣмъ доказать, и что въ данномъ случаѣ важно убѣдить въ полномъ совпаденіи личной выгоды съ общественнымъ интересомъ. Они признавали, что, въ особенности въ ихъ время, между этими двумя интересами существуетъ слишкомъ явное разногласіе, и потому возлагали отвѣтственность за эти разногласія на общество, а, слѣдовательно (вспомните политическія идеи энциклопедистовъ), на самого законодателя, который господствовалъ надъ обществомъ. Итакъ, по выраженію Гельвеція, законодатель обязанъ «искусно связать путемъ улучшенія общественнаго строя частный интересъ съ общественнымъ», придумать законы, которые бы требовали добродѣтели, однимъ словомъ, поставить въ зависимость отъ общественнаго блага счастье каждаго индивидуума.

Гельвецій, несмотря на всѣ его крайности, прекрасно понялъ, что нравственность, въ особенности въ обществѣ, утратившемъ вѣру, это прежде всего дисциплина, чисто соціальная. Вѣдь съ одной стороны, нужно мало-по-малу, при помощи лучшей общественной организаціи, добиться того, чтобы человѣкъ работалъ на пользу всѣхъ, думая въ то же время, что онъ работаетъ для себя одного. Съ другой стороны, даже когда общественный интересъ не сливается въ его глазахъ съ интересомъ индивидуальнымъ, нужно научить человѣка приносить послѣдній въ жертву первому, потому что это выгоднѣе даже для него, хотя онъ и не отдаетъ себѣ въ этомъ отчета. Наконецъ, нужно воспитать его такъ, чтобы онъ не могъ, безъ угрызеній совѣсти, отказаться отъ этой жертвы, онъ долженъ совершать ее безъ малѣйшихъ колебаній, такъ сказать, по довѣрію, если толковое воспитаніе и хорошіе, благородные примѣры насадили въ его душѣ то нѣчто, что, въ концѣ концовъ, составляетъ основу всякой нравственности, какова бы она ни была, великодушный *предразсудокъ* самопожертвованія, т.-е., добродѣтель.

III. Человѣчность.

Мы подошли, наконецъ, къ третьей великой идеѣ XVIII вѣка: къ человѣчности. Къ этой идеѣ должны были придти философы, исходя

изъ первыхъ двухъ: изъ природы и разума. По ихъ мнѣнію, существуетъ въ сущности только одна наука, наука о природѣ; и, въ самомъ человѣкѣ, та же природа служитъ основой нравственности. Но и науку о природѣ, и естественную нравственность создалъ разумъ. Наконецъ, *природа* имѣетъ свое высшее выраженіе, а *разумъ* осуществленье *въ человѣчности*. Эти три плодотворныя идеи XVIII вѣка, въ ихъ тѣсной взаимной связи, представлены въ слѣдующей фразѣ Вольтера: «Разумъ, говорилъ Андре, понемногу переходитъ съ сѣвера на югъ въ сопровожденіи своихъ двухъ близкихъ друзей: опыта (или науки о природѣ) и терпимости (или человѣчности)» [1]).

Напомнимъ въ немногихъ словахъ, что внушила философамъ эта высшая идея человѣчности, которая завершала и какъ бы увѣнчивала собою ихъ *раціоналистическій натурализмъ*.

Прежде всего эта идея была прямо противоположна нетерпимости, нераздѣльной съ большинствомъ религій, которыя блекнутъ и умираютъ съ того дня, какъ вѣрующіе перестаютъ смотрѣть на свою вѣру, какъ на лучшую, и не стараются дать ей перевѣсъ надъ другими. Если мы ограничимся только католицизмомъ съ которымъ боролись философы, то можно сказать, что нетерпимость существовала уже на зарѣ ея жизни. «На первыхъ соборахъ велись такіе же споры, какіе бываютъ и въ наше время. Въ I вѣкѣ проявлялась такая же нетерпимость, какую позже, въ XVI вѣкѣ проявлялъ Лютеръ, Цвингли и Кальвинъ [2]).

Надо прибавить, что нетерпимость католической церкви была особенно ужасна: «Это католицизмъ,—говорилъ Гольбахъ,—изобрѣлъ искусство тиранить мысль и мучить совѣсть людей, искусство, незнакомое языческимъ религіямъ». Въ самомъ дѣлѣ, римская имперія если и преслѣдовала философовъ и христіанъ, то только, какъ враговъ государства, за политическія послѣдствія, которыя могли вытекать изъ ихъ ученій, такъ какъ «ей было мало дѣла до души человѣка. Средневѣковое католичество,—говоритъ Ренанъ,—ополчилось огнемъ и мечомъ на самыя души, на совѣсть людей, такъ что мы имѣемъ право сказать, что католическіе средніе вѣка въ ужасныхъ пыткахъ душили свободу мысли».

Выше мы видѣли, до какой степени церковь оставалась нетерпимой еще въ XVIII вѣкѣ, такъ какъ, по словамъ Гольбаха, «еретикъ и невѣрующій, не люди въ глазахъ суевѣрныхъ». Послѣ всего, что было нами сказано о той продолжительной борьбѣ, которую философія, во имя человѣчности, вела противъ религіознаго фанатизма, трудно не признать, что этой великодушной философіи принадлежитъ, по прекрасному выраженію Вольтера, честь «притупить мечи».

Прошли уже времена, когда выдающійся католическій прелатъ міра, показавъ, что церковь «заставляетъ склоняться надменныя головы и не даетъ никому возвыситься выше намѣстника Петра», съ восхищеніемъ, раздѣляемымъ въ то время всѣми, приводилъ слова англійскаго короля, произнесенныя имъ на одномъ соборѣ: «Я держу въ рукахъ мечъ Константина, а вы—мечъ Св. Петра: дадимъ другъ другу руки и присоединимъ мечъ къ мечу». Это,—прибавилъ Боссюетъ, въ своей «Проповѣди о единствѣ церкви», «традиція, которую завѣщали намъ апостолы». Борьба съ традиціей, въ этомъ ея пунктѣ, ве-

---

[1]) *L'homme aux quarante écus.*
[2]) Sabatier: *Esquisse d'une philosophie de la religion*, p. 220.

лась счастливо, и философы имѣли право поздравлять другъ друга съ успѣхомъ.

Одинъ протестантскій богословъ, разсказывая объ юридическомъ убійствѣ Каласа, писалъ недавно: «Взрывъ негодованія, вызванный этимъ послѣднимъ преступленіемъ и поддержанный краснорѣчіемъ Вольтера, подвинулъ дѣло протестантизма больше, чѣмъ полъ вѣка безвѣстныхъ мученій». Затѣмъ, говоря объ эдиктѣ 1787 г. о вѣротерпимости. на который такъ яростно напали духовенство и парламентъ, тотъ же авторъ прибавляетъ: «Ничто такъ не отвѣчало общественному чувству, какъ эти уступки, которыя дѣлались протестантамъ съ тѣхъ поръ, какъ ихъ дѣло стали защищать философы» [1]).

За послѣднее время такъ часто порицалось поведеніе Вольтера и его друзей въ дѣлѣ Каласа и другихъ несчастныхъ, что, можетъ быть, не безполезно напомнить, что теперешніе протестанты,—а они могутъ судить объ этомъ,—не думаютъ отрицать, насколько они обязаны своимъ благодѣтелямъ прошлаго вѣка.

Человѣчность враждебна фанатизму, увлекающему во взаимную вражду послѣдователей различныхъ религій, и также осуждаетъ и національную ненависть, которая вооружаетъ другъ противъ друга народы. Она стоитъ выше всякихъ религіозныхъ и политическихъ различій и призываетъ отдѣльныхъ людей и цѣлые народы къ общему дѣлу цивилизаціи и мира. Слѣдуетъ ли изъ этого, что философы были плохими патріотами? Въ ихъ время, а еще больше въ наше, ихъ обвиняли въ недостаткѣ патріотизма: «У *Какуаковъ*, говоритъ авторъ памфлета, озаглавленнаго этимъ именемъ, нѣтъ отечества». Разберемъ добросовѣстно. насколько это обвиненіе заслужено.

Правда, что философы не были горячими патріотами;—но кто же въ ихъ время имѣлъ право ставить имъ это въ вину? Ужъ не генералы ли M-me де Помпадуръ, которые въ семилѣтнюю войну, такъ весело позволяли войскамъ прусскаго короля побѣждать себя? И если, какъ утверждаетъ Вовенаргъ, служба родинѣ, даже военная, «считалась устарѣвшей модой и предразсудкомъ», то не слѣдуетъ ли смотрѣть снисходительно на писателей того времени, которые, конечно, не предали, какъ ихъ обвиняли, Францію, но смотрѣли дальше границъ и хотѣли чтобы ихъ отечество было всюду, куда проникала, гдѣ сіяла французская мысль. Извѣстно, впрочемъ, какова была настоящая цѣна дореволюціонному патріотизму. Въ XVI вѣкѣ,—чтобы не идти дальше,— писатели считали, что Франція это—страна на сѣверъ отъ Луары, и Маро, напр., говоритъ, что онъ покинулъ Кагоръ въ Керси (Cahors en Quercy), чтобы отправиться во Францію [2]). Одинъ историкъ половины XVII вѣка сообщаетъ намъ, что Францискъ I, пробывъ два дня въ Марселѣ, «уѣхалъ во Францію» [3]). Если въ этихъ словахъ увидятъ только географическія погрѣшности, то исторія можетъ указать на другія погрѣшности поважнѣе: она можетъ напомнить современнымъ писателямъ, которымъ такъ хочется найти у философовъ недостатокъ патріотизма, что предки послѣднихъ давали имъ въ этомъ отношеніи плохой примѣръ. Извѣстно, чѣмъ была Фронда, и съ какимъ легкимъ сердцемъ Конде и его друзья переходили къ испанцамъ; а измѣна одного изъ Тюренновъ не говоритъ ли намъ, что

---

[1]) De Pressensé: *L'Église et la Révolution française.*
[2]) *L'Enfer*, I, 60.
[3]) Ruffi: *Histoire de Marseille*, 1642, p. 224.

достаточно было прекрасныхъ глазъ какой-нибудь герцогини, чтобы поколебать патріотизмъ честнаго солдата? Если къ религіозной розни и къ раздорамъ политическихъ партій прибавить различіе въ обычаяхъ, воздвигавшее нравственныя преграды между провинціями, раздѣленными внутренними таможнями, то станетъ понятно, почему до 1889 г. національная связь была такой непрочной и слабой и почему самые благородные люди не гнушались такими союзами, которые мы бы назвали теперь измѣной и подлостью. Увѣряютъ, что тогда король воплощалъ въ себѣ отечество, и поэтому преданность королю была равносильна нашему патріотизму. Но на это не трудно возразить, что, хотя король былъ прежде всего хранителемъ привилегій и благодѣтелемъ дворянства, но оно все-таки не задумывалось ставить свои интересы, если имъ угрожала опасность, впереди интересовъ короля и страны. Если же интересы короля и дворянства совпадали, но шли въ разрѣзъ съ интересами страны, то дворянство нисколько не сомнѣвалось въ выборѣ: такъ эмигранты нашли вполнѣ естественнымъ по выраженію М-me де Сталь, «призывать европейскую жандармерію для вразумленія Парижа».

Дѣло въ томъ, что, въ концѣ концовъ, истинный патріотизмъ родился во Франціи вмѣстѣ со свободой. Общественныя дѣла стали близки сердцу народа только съ того дня, какъ ему позволили принимать въ нихъ участіе. До этого времени они считались дѣлами короля и его министровъ. «Отдѣльныя лица,—говорилъ съ грустью Тюрго въ своемъ проектѣ муниципальнаго устройства,—плохо знакомы съ обязанностями, которые связываютъ ихъ съ государствомъ. Семьи едва сознаютъ, что составляютъ часть государства. Не существуетъ общественнаго настроенія, такъ какъ нѣтъ видимаго общаго интереса». Энциклопедисты, какъ всегда беря на себя роль выразителей растущихъ народныхъ стремленій, писали: «Мы хотимъ, чтобы народы были добродѣтельны?—Тогда внушимъ имъ прежде всего любовь къ отечеству; но отечества нѣтъ безъ свободы» [1]). Въ самомъ дѣлѣ, кто станетъ интересоваться дѣломъ государства, которое требуетъ отъ васъ только податей и повинностей? «Въ деспотическомъ государствѣ добродѣтель гражданъ—добродѣтель глупцовъ» [2]).

Философы были патріотами столько же, сколько и всѣ, и, прибавимъ мы теперь, сколько можно было быть въ ихъ время. Они, по крайней мѣрѣ, своими произведеніями съумѣли прославить и заставить полюбить свою родину. Въ то время, какъ генералы короля обнаруживали свою неспособность или легкомысліе на полѣ сраженія, философы одни сохранили Франціи ея обаяніе и славу, которыми она пользовалась до конца столѣтія въ цѣлой Европѣ. *Энциклопедія* была одной изъ тѣхъ работъ, которыя принесли намъ больше всего славы въ глазахъ иностранцевъ, такъ что Ривароль, въ своемъ. сочиненіи «Распространенность французскаго языка», имѣлъ право сказать: «Блескъ этого предпріятія озарилъ всю націю и скрылъ неудачи нашей арміи».

Только принявъ во вниманіе всѣ эти факты, можно по нашему мнѣнію приступать къ оцѣнкѣ идеи *человѣчности* и того широкаго примѣненія, которое надѣялись сообщить ей философы. Побѣды надъ циви-

---

[1]) *Encyclopédie*: art. *Economie politique*.

[2]) Даламберъ: *Essai sur les gens de lettres*: „Основу характера Римлянина, сказалъ Боссюетъ, составляла любовь къ свободѣ и къ отечеству; эти два чувства взаимно вызывали другъ друга“.

лизованнымъ міромъ, которую нѣкогда одержалъ Римъ при помощи войны и грабежа (grande latrocinium), которую позднѣе средніе вѣка осуществляли при помощи вѣры и гоненій, философы въ свою очередь мечтали создать мирнымъ путемъ при помощи науки и человѣчности. Гордые тѣмъ, что благодаря имъ въ Европѣ основывалась по выраженію Вольтера «громадная Республика образованныхъ людей», они хотѣли, чтобы люди стали говорить *французскій міръ*, какъ раньше говорили *римскій міръ*, а затѣмъ *христіанскій міръ*. Въ этомъ отношеніи они оставались вѣрны тому духу гуманной пропаганды, который составлялъ славу Франціи въ теченіе исторической жизни. Подобно тому, какъ франки были воинами Бога, а потомки Франковъ были проповѣдниками рыцарства, они хотѣли быть и были воинами философіи въ Европѣ и предприняли въ свою очередь, во имя разума, настоящій крестовый походъ. Онъ былъ удачнѣе многихъ другихъ и долженъ былъ привести къ самой прочной и самой благородной изъ побѣдъ: къ деклараціи правъ человѣка и къ постепенному торжеству, въ цѣломъ мірѣ, того, что получило имя принциповъ 89 года. Сравнивая свое время съ средними вѣками, Дибро воскликнулъ: «Говорятъ: вѣкъ рыцарства! Ахъ! если бы можно было сказать: вѣкъ добра и человѣчности!» То же самое скажетъ, думаемъ мы, и безпристрастная исторія и навѣрное она прибавитъ, что XVIII вѣкъ расширилъ понятіе о милосердіи, которое и тогда и до сихъ поръ еще исповѣдуютъ нѣкоторые фанатики, такъ какъ XVIII вѣкъ училъ, что нужно «творить добро» и быть кроткимъ по отношенію не только къ членамъ религіознаго общества, но и ко всему *человѣчеству*.

Пусть же не подвергаютъ больше анаѳемѣ, какъ сдѣлалъ Боссюэ, этихъ отверженныхъ, этихъ проклятыхъ евреевъ, «которые всегда и всюду были рабами, лишенными чести и свободы, потому что рука Божія давитъ ихъ» [1]); Эти евреи—наши «братья»,—такъ называетъ ихъ самъ Фернейскій патріархъ; эти евреи, которыхъ преслѣдуютъ, потому что они «не вѣрятъ всему тому, чему вѣрятъ христіане», осмѣливаются, наконецъ, сказать имъ, устами Монтескьё: «Ваше старинное предубѣжденіе противъ насъ вытекаетъ изъ вашихъ страстей. Вы смотрите на насъ скорѣе, какъ на своихъ личныхъ враговъ, чѣмъ какъ на враговъ вашей религіи. Мы должны заявить вамъ слѣдующее: если кто-нибудь въ будущемъ осмѣлится когда-нибудь сказать, что въ вѣкъ, въ который мы живемъ, народы Европы были просвѣщенными народами, то въ доказательство варварства укажутъ на васъ. И это дастъ о васъ такое представленіе, что оно заклеймитъ вашъ вѣкъ и перенесетъ ненависть на вашихъ современниковъ» [2]).

Вычеркните, въ самомъ дѣлѣ, изъ исторіи XVIII вѣка эту проникнутую великодушіемъ философію, которая вдохновляла людей, какъ Монтескьё и Вольтеръ, на такіе краснорѣчивые призывы къ человѣчности. Что останется тогда отъ исторіи литературы той эпохи? Только извѣстныя произведенія, которыя только подтвердятъ, что эти времена были варварскія, и что, какъ говоритъ тотъ же Монтескьê, «религію позволяли искажать грубымъ невѣжествомъ».

Мы знаемъ, что обнимало собою то понятіе о человѣчности, которой тогда дышали всѣ произведенія: «состраданіе, говоритъ Кондорсе, ко всѣмъ бѣдамъ, угнетающимъ родъ человѣческій, отвращеніе ко всему

---

[1]) Bossuet: *Disc. sur l'Hist. univers.*, p. II, ch. XX.
[2]) *Esprit des Lois*, I. XXV, ch. XIII.

тому, что въ общественныхъ учрежденіяхъ, въ правительственныхъ актахъ и въ поступкахъ частныхъ людей прибавляетъ новыя страданія къ неизбѣжнымъ страданіямъ, причиняемымъ природой». И мало по малу изъ произведеній философовъ разливалось, по всѣмъ классамъ общества, трогательное чувство, подсказывавшее имъ, что «жестокость есть настоящая болѣзнь», какъ выражается Мерсье, простой истолкователь общественнаго мнѣнія, и что «если что, нибудь составляетъ великое преступленіе, такъ это сердечная жестокость». Въ другомъ мѣстѣ онъ прибавилъ съ искреннимъ восторгомъ, что слово *человѣчность* «самое прекрасное во французскомъ языкѣ; не указало ли оно на равенство людей, не заставило ли оно обратить вниманіе на пахаря?» Не все ли равно, дворянинъ ли ты или мужикъ, протестантъ, католикъ или еврей? Съ этихъ поръ достаточно быть человѣкомъ, чтобы возбудить, если несчастіе несправедливо обрушится на тебя, негодованіе философа и всеобщее сожалѣніе: «Дѣло идетъ только о неизвѣстной и бѣдной семьѣ изъ Сентъ-Омера; но самый презрѣнный гражданинъ, несправедливо поражаемый мечомъ правосудія, дорогъ націи и королю, который ею управляетъ» [1]).

Идея того, что жизнь человѣка, кто бы онъ ни былъ, дорога для всѣхъ, родилась несомнѣнно во Франціи въ XVIII вѣкѣ. Наши философы провозглашали ее не только у насъ: они привили ее Европѣ, которую просвѣтили своими произведеніями. «Они боролись съ несправедливостью и тогда, когда, совершаемая за предѣлами ихъ родины, она не могла принести имъ вреда». Вездѣ они создавали учениковъ, и «похвалы французскимъ писателямъ—говоритъ Кондорсе,—были наградой за вѣротерпимость, на которую согласилась вся Европа».

Эта вѣротерпимость, или, вѣрнѣе, уваженіе къ личному достоинству, должна была логически привести къ достоинству національному: поэтому Франція, вся проникнутая философскимъ духомъ XVIII вѣка, провозгласивъ первая права человѣка, явилась на защиту народнаго права, т.-е., права народа свободно располагать своей судьбой. Здѣсь мы встрѣчаемся опять таки съ теоріей договора, или добровольнаго соглашенія, который былъ перенесенъ съ лицъ на цѣлые народы. Эта теорія находилась въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ политическими положеніями Боссюэ, неумолимыми, какъ и законъ Ветхаго Завѣта, откуда они были почерпнуты. Жюрье, который, какъ реформатъ, былъ сторонникомъ политическаго договора, дошелъ, говоритъ Боссюэ, «до утвержденія, что завоеваніе есть чистѣйшее насиліе». И Боссюэ думаетъ заставить его замолчать, напоминая ему о принципахъ, которые самъ считаетъ вѣчными, потому что для него они священны: «Институтъ рабства согласенъ съ правдой, такъ какъ имъ осуществляется право побѣдителя надъ побѣжденнымъ такъ же, какъ и цѣлый народъ можетъ быть побѣжденъ и поставленъ въ условія необходимости отдаться въ полное распоряженіе побѣдителя, цѣлый народъ можетъ быть рабомъ. Его господинъ можетъ располагать имъ, какъ своей собственностью и даже отдать его другому, не спрашивая его согласія, подобно тому, какъ Соломонъ отдалъ Гираму, королю Тирскому, двадцать Галилейскихъ городовъ» [2]).

Что могли бы мы возразить теперь на эти жесткія слова ученаго XVII столѣтія, на что могъ бы опереться нашъ облеченный въ трауръ

---

[1]) Вольтеръ: La méprsie d'Arras.
[2]) Avert. aux Protest., V № LI.

патріотизмъ, еслибы подобные принципы не были навсегда уничтожены, по крайней мѣрѣ для насъ, философіей людей XVIII вѣка, которыхъ обвиняли въ томъ, что они были плохіе «французы» [1])? За границей свободолюбивые умы относятся съ громаднымъ уваженіемъ къ нашимъ философамъ XVIII вѣка, изъ массы свидѣтельствъ, которыя я могъ привести въ пользу этого, ограничусь ссылкой на слова одного современнаго критика, который прекрасно знакомъ съ нашей литературой, что онъ доказалъ своими произведеніями. Лотеиссенъ (Lotheissen),— читатель пойметъ, почему я нарочно ссылаюсь на нѣмецкаго писателя,— говоритъ сперва, что, «чтобы славить заслуги, которыя оказали міру Вольтеръ и его друзья, всякій голосъ будетъ всегда слишкомъ слабъ». Затѣмъ стараясь опредѣлить *исключительно французскую* черту ихъ философіи и то, чѣмъ она отличается отъ нѣмецкой мысли, онъ говоритъ: «Они провозглашали идею человѣчества, а мы—идею неравенства племенъ; имѣемъ ли мы право смотрѣть на нихъ свысока [2])?».

Имя Боссюэ часто встрѣчается въ этомъ очеркѣ, и это потому, что никто, какъ извѣстно, не утверждалъ съ большимъ, чѣмъ онъ, авторитетомъ то, что отрицалъ или стремился разрушить XVIII вѣкъ. Считаютъ, что въ немъ воплощается XVII вѣкъ, какъ въ Вольтерѣ— XVIII-й; и проводя эту избитую параллель между епископомъ и философомъ, никогда не упускаютъ случая поставить на видъ, что философъ велъ менѣе примѣрную жизнь, чѣмъ епископъ. Въ этомъ спору нѣтъ, но это ничего не доказываетъ ни за, ни противъ тѣхъ идей, которыя защищаетъ каждый изъ нихъ: Боссюэ могъ бы быть и еще святѣе, но его взгляды не стали бы отъ этого вѣрнѣе для насъ, людей XIX вѣка. Какая религія не имѣла своихъ святыхъ и своихъ мучениковъ? Вольтеръ, котораго мы, во всякомъ случаѣ, не щадили въ этой книгѣ, могъ бы быть и еще хуже: его недостатки и даже пороки нисколько не могли бы вредно отразиться на философіи, которой онъ былъ несовершеннымъ, даже для своего времени, выразителемъ, и которой, впрочемъ, никто не будетъ въ состояніи назвать себя послѣднимъ и высшимъ истолкователемъ. Дѣйствительно, философія, какъ ее понималъ XVIII вѣкъ, должна будетъ идти рядомъ съ безпрерывно двигающейся впередъ наукой.

Для насъ не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы соглашаться со всѣми безъ исключенія взглядами XVIII вѣка, держаться и на будущее время того, что зналъ и думалъ XVIII-й вѣкъ. Если есть что-нибудь, чему учитъ энциклопедія во всѣхъ своихъ статьяхъ, такъ это, что никакая наука, нравственная ли или другая, никогда не говорила своего послѣдняго слова. И самъ Вольтеръ помогъ намъ идти дальше Вольтера и исправлять его. Изъ всей совокупности произведеній Боссюэ, ярко выступаетъ та мысль, что все уже сказано разъ навсегда. Напротивъ, современную науку, распространенную энциклопедіей, характеризуетъ и будетъ вѣчно спасать отъ «банкротства» та особенность, что у нея есть, такъ сказать, вѣрительное письмо къ будущему времени, письмо, по которому всегда будутъ производиться платежи,

---

[1]) Своимъ Discours sur l'inégalité Руссо осудилъ право завоеванія въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Не будучи правомъ, право завоеванія не могло лечь въ основу другого права, такъ какъ завоеватель и завоеванные народы продолжаютъ оставаться во враждебныхъ отношеніяхъ, если только народъ, получивъ снова полную свободу, не изберетъ добровольно побѣдителя въ свои вожди.

[2]) Zur Culturgesch., Frankreichs im XVII jund XVIII ahre Wien, 1889, p. 245.

такъ какъ наука всегда платежеспособна для тѣхъ, кто умѣетъ работать и умѣетъ мыслить.

Впрочемъ, XVIII вѣкъ самъ иногда сознавалъ, что, поглощенный главнымъ образомъ борьбой и ломкой, онъ долженъ былъ больше, чѣмъ другіе, довольствоваться временными рѣшеніями и недостаточно доказанными истинами. Мерсье, на котораго я люблю ссылаться, такъ какъ онъ вѣрно передаетъ общее мнѣніе, написалъ гдѣ то: «На нашъ вѣкъ, несмотря на его преимущества, слѣдуетъ смотрѣть не какъ на вѣкъ истинъ, а какъ на вѣкъ перехода къ самымъ важнымъ истинамъ». Это въ одно и то же время вѣкъ разрыва съ предшествующей эпохой и подготовки къ послѣдующимъ.

Напомнимъ, въ заключеніе, три основныя идеи, которыми я постарался выразить весь духъ энциклопедіи. Мы отказываемся теперь видѣть въ *природѣ* одни только постыдныя вожделѣнія плоти, которыя Боссюэ предавалъ анафемѣ. Мы находимъ въ ней просто хорошіе и дурные инстинкты, которые *разумъ* учитъ насъ не приносить безразлично въ жертву, а подчинять другъ другу. По нашему мнѣнію однимъ изъ лучшихъ нашихъ инстинктовъ является то «вожделѣніе глазъ», которое католическая церковь презрительно называла libido sciendi (вождѣленіе знанія). Это есть не что иное, какъ благородное желаніе знать какъ можно больше, чтобы сдѣлаться,—не больше человѣка, на что способны только святые,—но «больше человѣкомъ», какъ говорилъ Ривороль. Наконецъ, сама человѣчность есть, по выраженію Вольтера, не только первый характерный признакъ мыслящаго существа; это самая высокая идея, до которой можетъ подняться это существо, такъ какъ Богъ не можетъ быть никогда познанъ иначе, какъ по образу человѣка.

Мы знаемъ къ тому же, или, вѣрнѣе, не хотимъ больше не знать, какъ это дѣлалъ Вольтеръ, все, чѣмъ различныя религіи возвысили и облагородили *человѣческое* начало: но мы просто отбрасываемъ изъ этихъ религій то, что насилуетъ нашу *природу* и противорѣчитъ нашему *разуму*.

Что касается разума, то философы знали такъ же, какъ и мы, что не онъ управляетъ міромъ; но они старались, какъ постоянно повторяетъ Вольтеръ, водворить «немножко больше разума» среди людей, и мы должны быть имъ благодарны за ихъ усилія, если думаемъ, что польза и цѣль человѣчества состоятъ въ томъ, чтобы на землѣ все больше и больше воцарялся разумъ.

Безъ сомнѣнія, *ихъ* разумъ создалъ такія химеры, которыя время сумѣло оцѣнить по достоинству; однако, если мы станемъ на ту именно почву, на которой, какъ говорятъ, они оставили послѣ себя одни развалины, я хочу сказать—на почву политическую, то ихъ теоріи напрасно пытались замѣнить другими и лучшими Самый принципъ, вдохновлявшій ихъ, остался неприкосновененъ; ибо идея, провозглашенная ими, что разумъ долженъ узаконять всякое правительство и контролировать все, что въ немъ совершается, эта идея уже обошла весь свѣтъ. Она готова, какъ извѣстно, преобразовать классическую страну правительственныхъ традицій, Англію, и о подобной идеѣ можно было говорить, что она была душой политической исторіи XIX вѣка.

Но если будемъ говорить только о Франціи: то правительство, о которомъ мечтали философы, т.-е. основанное не на традиціяхъ или народныхъ предразсудкахъ, но только на разумѣ, развѣ это не наше современное правительство, не французская демократія, которая ни на

что не опирается, кромѣ раціональныхъ принциповъ, кромѣ нашихъ идей права и свободы? Именно эти свойства нашего правительства, на которыя обратилъ вниманіе еще Шереръ, именно его гибкій раціонализмъ даетъ ему возможность «приспособляться» и удерживаться въ нашъ вѣкъ непризнанія авторитета, когда люди желаютъ во всемъ отдавать себѣ отчетъ.

Что касается католицизма, то никто не думаетъ больше ни оскорблять его, какъ это дѣлалъ Вольтеръ въ пылу битвы, ни уничтожать. Если философы и дѣлали видъ, что стремятся «раздавить» его, то это стремленіе было несомнѣнно дутое, и сами они прекрасно знали всю его тщету: не даромъ самый смѣлый изъ нихъ, Гольбахъ, писалъ: «Совершенно невозможно заставить народъ забыть свою религію» [1]. И, однако, какъ ни малы переходы, которые, какъ говорилъ Вольтеръ, дѣлаетъ разумъ, какъ ни возвращается онъ назадъ, что мы можемъ видѣть на нашей собственной исторіи, все-таки, мало-по-малу, онъ расширяетъ свои завоеванія: «Маленькое стадо» значительно увеличилось, такъ какъ оно обнимаетъ въ данное время громадное большинство во Франціи; поэтому я полагаю, что, при всемъ искреннемъ уваженіи къ чужимъ взглядамъ, мы должны шествовать рѣшительными шагами, не оглядываясь больше назадъ, по пути, открытому философами.

При разрѣшеніи задачъ, которыя поставитъ на очередь XX вѣкъ, лучшимъ путеводителемъ для демократіи будетъ служить то, что я назвалъ бы съ удовольствіемъ «французскимъ разумомъ». Я разумѣю подъ этимъ разумъ, которому мало быть научнымъ, который заполняетъ и, въ случаѣ надобности, ставитъ выше науки человѣчность, ибо для него ничто не можетъ быть положительно научнымъ, что въ то же время не удовлетворяетъ чувству справедливости и гуманности. Во всякомъ случаѣ, этотъ именно разумъ внушилъ самыя благородныя страницы въ «Духѣ законовъ», въ Энциклопедіи и въ «Трактатѣ о вѣротерпимости». И подобныя страницы заставятъ человѣчество вѣчно указывать на французскихъ философовъ XVIII вѣка, какъ на борцовъ за право и человѣчность.

Конецъ.

---

[1] Syst. de la Nat., II, 419, 421.

